

Евразийский юридический журнал

№ 7 (98) 2016

Редакционный совет журнала

Председатель

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

Заместитель председателя

БЕКЯШЕВ Камилль Абдулович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

Члены редакционного совета

АБАШИДЗЕ Аслан Хусейнович, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов)

БАТХИЕВ Рашид Хусейнович, к.ю.н., судья верховного суда Российской Федерации в отставке

БИРЮКОВ Павел Николаевич, д.ю.н., профессор (Воронежский государственный университет)

БОНДАРЕНКО Виктор Николаевич, д.ф.н., профессор (Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа)

БУРЕНИНА Ирина Валерьевна, д.э.н., профессор (Уфимский государственный нефтяной технический университет)

БЫСТРОВ Григорий Ефимович, д.ю.н., профессор (Российский государственный аграрный университет – Московская сельскохозяйственная академия им. К.А. Тимирязева – РГАУ-МСХА)

ВАПЕЕВ Револь Миргалимович, д.ю.н., профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет – КФУ)

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет)

ГУСЕЙНОВ Абдусалам Абдулкеримович, д.ф.н., академик РАН (Институт философии РАН)

ЗОЛОТОВ Александр Владимирович, д.э.н., профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского – ННГУ)

ИСМАИЛОВ Шавкат Махмудович, д.ю.н., профессор, государственный советник юстиции Республики Таджикистан

КРИВЕНЬКИЙ Александр Иванович, д.и.н., профессор (Московский городской педагогический университет)

КОРБУТ Людмила Васильевна, ученый секретарь Российской ассоциации международного права

КОЧАРЯН Виген Владимирович, к.ю.н., доцент (Ереванский государственный университет)

ЛЕШКЕВИЧ Татьяна Геннадьевна, д.ф.н., профессор (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону)

ЛУКОВ Валерий Андреевич, д.ф.н., профессор (Московский гуманитарный университет – МосГУ)

МАПЕЕВ Юрий Николаевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России)

МАУЛЕНОВ Касым Сырбаевич, д.ю.н., профессор (Международный университет информационных технологий, г. Алматы, Республика Казахстан)

МИШАЛЬЧЕНКО Юрий Владимирович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)

МУХАМЕТШИН Фаим Баязитович, д.ю.н., профессор (Уфимский юридический институт МВД России)

НЕЧЕВИН Дмитрий Константинович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

НИГМАТУЛЛИН Ришат Вахидович, д.ю.н., профессор (Уфимский юридический институт МВД России)

РОМАНОВСКАЯ Вера Борисовна, д.ю.н., профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского – ННГУ)

САЛИХОВ Гафур Губаевич, д.ф.н., профессор (Башкирский государственный университет)

СИНЕЛЬНИКОВА Валентина Николаевна – д.ю.н., профессор (Высшая школа экономики)

СИНЮКОВ Владимир Николаевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

СМАГУЛОВ Асылбек Айжарыкович, д.ю.н., профессор (Институт законодательства Республики Казахстан)

СМИРНОВ Андрей Вадимович, д.ф.н., член-корреспондент РАН (Институт философии РАН)

СТЕПИН Вячеслав Семенович, д.ф.н., академик РАН (Институт философии РАН, Президент Российского философского общества)

ТИТОВ Вадим Александрович, д.ф.н., профессор (Российская экономическая академия им. Г.В. Плеханова – РЭА)

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н. (Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва),

Председатель редакционной коллегии (Главный редактор)

ФАТКУДИНОВ Зуфар Максумович, д.ю.н., профессор (Университет управления «ТИСБИ», г. Казань)

ФАХРУТДИНОВА Елена Валерьевна, д.э.н., профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет – КФУ)

ХАЙКИН Марк Михайлович, д.э.н., профессор (Национальный минерально-сырьевой университет «Горный», г. Санкт-Петербург)

ХАРЛАМОВ Андрей Викторович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный экономический университет)

ЧИБИНЕВ Анатолий Михайлович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет)

ЧУМАКОВ Александр Николаевич, д.ф.н., профессор (Финансовый университет при Правительстве РФ,

Первый вице-президент Российского философского общества)

ШУХАНОВ Станислав Александрович, Председатель МОД Российской службы мира, ветеран Дипломатической службы России

ЯСТРЕБОВ Олег Александрович, д.ю.н., д.э.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)

Издается при содействии Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Международный научный и научно-практический юридический журнал. Свободная трибуна по обмену мнениями по теории и практике права в Российской Федерации, странах Содружества Независимых Государств (СНГ) и дальнего зарубежья.

С 1 марта 2010 международный научно-практический журнал «Евразийский юридический журнал» был включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по юридическим наукам.

С 1 декабря 2015 года «Евразийский юридический журнал» включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по трем специальностям:
12.00.00 Юридические науки
08.00.00 Экономические науки
09.00.00 Философские науки
(список Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации).

Издается с октября 2007 г.
Выходит ежемесячно с января 2009 г.

Все права защищены и охраняются законодательством Российской Федерации об авторском праве.

Ни одна из частей настоящего издания и весь журнал в целом не могут быть воспроизведены, переведены на другой язык, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации без предварительного согласования и письменного разрешения редакции. Ссылки на настоящее издание обязательны.

За содержание опубликованной рекламы редакция ответственности не несет. Точка зрения авторов статей, иных материалов, опубликованных в «Евразийском юридическом журнале», может не совпадать с точкой зрения редакции.

Идея проекта и его осуществление принадлежит Фархутдинову И.З. с 2007 года.

© Евразийский юридический журнал, 2016

Подписано в печать 15.08.2016
Формат 62x84 1/8. Усл. печ. л. 21,11.
Тираж 1500 экз.

Руководитель интернет-проектов – Фархутдинов Д. И.,
Компьютерная верстка – Брылев С. О.
Адрес редакции: 119034, г. Москва, ул. Пречистенка, д. 10,
тел.: (499) 766-91-92,
+7 (917) 40-10-889
email: eurasiatlaw@mail.ru,
eurasioffice@yandex.ru
http://www.eurasiatlaw.ru,
www.eurasiatlegal.info
www.eurasia-allnews.ru

Eurasian Law Journal

№ 7 (98) 2016

Editorial council

Chairman

MATSKVEICH Igor Mikhailovich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

Vice-Chairman

BEKYASHEV Kamil Abdulovich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

Editorial council members

ABASHIDZE Aslan Huseynovich, Ph.D. in Law, Professor (People's Friendship University of Russia)

BATKHIEV Rashid Huseynovich, Ph.D. in Law, ex-judge of the Supreme Court of the Russian Federation

BIRYUKOV Pavel Nikolaevich, Ph.D. in Law, Professor (Voronezh State University)

BONDARENKO Victor Nikolaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Bashkir State Pedagogical University of M. Akmulla, Ufa)

BURENINA Irina Valerjevna, Ph.D. in Economics, Professor (Ufa State Petroleum Technological University)

BYSTROV Grigory Efimovich, Ph.D. in Law, Professor (Russian State Agrarian University – K.A. Timiryazev Moscow Agricultural Academy (RSAU-MAA))

CHIBINEV Anatoliy Mikhailovich, Ph.D. in Economics, Professor (Sankt-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering)

CHUMAKOV Alexandr Nikolaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation, First Vice-Chairman of the Russian Philosophical Society).

FAKHRTUDINOVA Elena Valerjevna, Ph.D. in Economics, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Ph.D. in Law (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow),
Chairman of the Editorial Board (Editor-in-Chief)

FATKUDINOV Zufar Maksimovich, Ph.D. in Law, Professor (University of Management «TISBI», Kazan)

GRACHEVA Elena Yurjevna, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

GUSEINOV Abdusalam Abdulkerimovich, Ph.D. in Philosophy, Academician of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS).

ISMAILOV Shaukat Makhmudovich, Ph.D. in Law, Professor, State Counselor of Justice of the Republic of Tajikistan

KHARLAMOV Andrey Victorovich, Ph.D. in Economics, Professor (Sankt-Petersburg State Economical University)

KHAYKIN Mark Mikhaylovich, Ph.D. in Economics (National Mineral Resources (University of Mines, Saint-Petersburg))

KOCHARYAN Vigen Vladimirovich, Ph.D. in Law, Associate professor (Yerevan State University)

KORBUT Leudmila Vasilievna, Scientific Secretary of the Russian Association of International Law

KRIVENKIY Alexander Ivanovich, Ph.D. in History, Professor (Moscow City Pedagogical University)

LESHKEVICH Tatjana Gennadjevna, Ph.D. in Philosophy, Professor (South Federal University, Rostov-on-Don)

LUKOV Valery Andreevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Moscow University for the Humanities)

MALEEY Yury Nikolaevich, Ph.D. in Law, Professor (Moscow State Institute of International Relations (University) of the MFA of the Russian Federation)

MAULENOV Kasim Syrbaevich, Ph.D. in Law, Professor (International University of Information Technologies, Almaty, Republic of Kazakhstan)

MISHALCHENKO Yuriy Vladimirovich, Ph.D. in Economics, Professor (Saint-Petersburg State University)

MUKHAMETSHIN Faim Bayazitovich, Ph.D. in Law, Professor (Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

NECHEVIN Dmitriy Constantinovich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

NIGMATULLIN Rishat Vakhidovich, Ph.D. in Law, Professor (Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

ROMANOVSKAYA Vera Borisovna, Ph.D. in Law, Professor (Nizhny Novgorod State University of N.I. Lobachevsky)

SALIKHOV Gafur Gubaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Bashkir State University, Ufa)

SHUVANOV Stanislav Aleksandrovich, Chairman of the Russian Peace Service, a veteran of the Diplomatic Service of Russia

SINELNIKOVA Valentina Nikolaevna – Ph.D. in Law, Professor (Higher School of Economics)

SINYUKOV Vladimir Nikolaevich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

SMAGULOV Asylbek Yarymowich, Ph.D. in Law, Professor (Institute of the legislation of the Republic of Kazakhstan)

SMIRNOV Andrey Vadimovich, Ph.D. in Philosophy, the Corresponding Member of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS)

STEPIN Vyacheslav Semenovich, Ph.D. in Philosophy, Academician of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS, President of the Russian Philosophical Society)

TITOV Vadim Aleksandrovich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Russian Economic Academy of G.V. Plekhanov (REA))

VALEEY Revol Mirgalimovich, Ph.D. in Law, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)

YASTREBOV Oleg Aleksandrovich, Ph.D. in Law, Ph.D. in Economics, Professor (People's Friendship University of Russia)

ZOLOTOV Alexandr Vladimirovich, Ph.D. in Economics, Professor (Nizhny Novgorod State University of N.I. Lobachevsky)

Journal is published with support of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). International scientific and practical law journal. A free forum for exchange of views on the theory and practice of law in Russia, the Commonwealth of Independent States (CIS) and other countries.

On December 1, 2015 international scientific and practical journal «Eurasian Law Journal» is included to the list of leading reviewed scientific journals and editions in which the basic scientific results of dissertations for scientific degrees of the Ph.D. have to be published, in the fields of:
12.00.00 Legal sciences
08.00.00 Economic sciences
09.00.00 Philosophical sciences
(a List of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation).

Published since October 2007.
Monthly Law Journal since January 2009.

All rights reserved and protected by copyright legislation of the Russian Federation. No part of this publication and the entire journal as a whole may be reproduced in any form, translated, stored in a retrieval system, or transmitted in any way or by any means of electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise without prior consent and written permission of the publisher. References to this edition are required.

Editorial Board is not responsible for the content of the advertisements. The opinions of the members of the Editorial Board may not coincide with the opinions of the authors of the articles and other materials published in the "Eurasian Law Journal".

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z. since 2007

© Eurasian law journal, 2016

Signed for printing 15.08.2016

Format 62x84 1/8.

Conv. print. sh. 21,11.

Issue 1500 copies.

Head of the Internet projects –

Farkhutdinov D. I.

Desktop publishing – Brylev S. O.

Address of the Editor's Office:

10, Prechistenka Str., Moscow, 119034

Phone: (499) 766-91-92,

+7 (917) 40-10-889

e-mail: eurasianlaw@mail.ru,

eurasianoffice@yandex.ru

<http://www.eurasialaw.ru>,

www.eurasialegal.info

www.eurasia-allnews.ru

Редакционная коллегия

Главный редактор

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н.
(Российская академия наук)

Члены редакционной коллегии

заместитель главного редактора:

СОЛНЦЕВ Александр Михайлович, к.ю.н., доцент
(Российский университет дружбы народов – РУДН)

заместитель главного редактора:

БОНДАРЕНКО Александр Викторович, к.ф.н., доцент
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

ответственный редактор:

ЛУКИЯНОВ Михаил Юрьевич, к.п.н.
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

помощник главного редактора:

АБАНИНА Елена Николаевна, к.ю.н., доцент
(Саратовская государственная юридическая академия)

научный редактор:

ЕРМОЛИНА Марина Анатольевна, к.ю.н., доцент
(Санкт-Петербургский государственный университет)

литературный редактор:

СОРОКИНА Юлия Викторовна, к.ю.н., доцент
(Саратовская государственная юридическая академия)

БЕКЯШЕВ Дамир Камильевич, к.ю.н., доцент

ГАБРАХМАНОВ Фарит Вадутovich, к.ю.н., доцент

ГУЛИЕВ Игбал Адиль оглы, к.э.н.

ЖУРАВЛЕНКО Николай Иванович, к.ю.н., доцент

ИВАНОВА Светлана Владимировна, к.п.н., доцент

КОПЫЛОВ Станислав Михайлович, к.ю.н.

ЛЫСЕНКО Владлена Владимировна, к.ю.н., доцент,

представитель ЕврАзЮж в г. Тирасполе

ОСТАПОВИЧ Игорь Юрьевич, к.ю.н., доцент

ПАНЧЕНКО Владислав Юрьевич, к.ю.н., доцент

САФРОНОВ Константин Юрьевич

ТАКМАКОВА Елена Валерьевна, к.э.н., доцент

ФАЙЗУЛЛИН Гаяз Габделисламович, к.ю.н., доцент

ХАРКЕВИЧ Максим Владимирович, к.п.н., доцент

руководитель интернет-проектов:

ФАРХУТДИНОВ Динар Инсурович

Идея проекта и его осуществление принадлежат Фархутдинову И.З.

Учредитель:

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович
(Свидетельство ПИ № ФС77-46472 от 2.10.2011 г.)

Editorial board

Editor-in-Chief

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Ph.D. in Law
(Russian Academy of Sciences)

Editorial board members

deputy Editor-in-Chief:

SOLNTSEV Alexander Mikhaylovich, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Peoples Friendship University of Russia – PFUR)

deputy Editor-in-Chief:

BONDARENKO Alexandr Viktorovich, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor
(Ufa State Petroleum Technological University)

executive editor:

LUKIYANOV Mikhail Yurevich, Ph.D. in Political Science
(Ufa State Petroleum Technological University)

assistant Editor-in-Chief:

ABANINA Elena Nikolaevna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saratov State Law Academy)

scientific editor:

ERMOLINA Marina Anatolievna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saint-Petersburg State University)

literary editor:

SOROKINA Yulia Viktorovna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saratov State Law Academy)

BEKYASHEV Damir Kamilevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

GABDRAHMANOV Farit Vadutovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

GULIYEV Igbal Adil ogly, Ph.D. in Economics

ZHURAVLENKO Nikolay Ivanovich, Ph.D. in Law

IVANOVA Svetlana Vladimirovna, Ph.D. in Psychological Sciences, Associate Professor

KOPYLOV Stanislav Mikhailovich, Ph.D. in Law

LYSENKO Vladlena Vladimirovna, Ph.D. in Law, Associate Professor,

representative of ELJ in Tiraspol

OSTAPOVICH Igor Yuryevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

PANCHENKO Vladislav Yuryevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

SAFRONOV Konstantin Yuryevich

TAKMAKOVA Elena Valerjevna, Ph.D. in Economics, Associate Professor

FAIZULLIN Gaiaz Gabelislamovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

KHARKEVICH Maxim Vladimirovich, Ph.D. in Political Science, Associate Professor

head of the internet-projects:

FARKHUTDINOV Dinar Insurovich

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z.

Founder:

FARKHUTDINOV INSUR ZABIROVICH
(Certificate PI № FS77-46472 of 2.10.2011)

PERSONA GRATA

В. В. Гаврилов:

Правовые проблемы определения границ континентального шельфа в Арктике

Интервью с доктором юридических наук, профессором, заведующим кафедрой международного публичного и частного права Юридической школы Дальневосточного федерального государственного университета Вячеславом Вячеславовичем Гавриловым 10

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Зеленева И. В., Агеева В. Д.

Идеология евразийской интеграции 20

Дунаева Ю. Г.

Азиатский транзит ЕАЭС в концепции «торговля плюс» 25

Кузьмина Е. М.

Казахстан в Евразийском экономическом союзе: проблемы и возможности 29

Лагутина М. Л., Батур А. Г.

«Новый шелковый путь»: американская стратегия в современной Евразии 36

Мармونتова Т. В.

Культурно-гуманитарное сотрудничество на пространстве ЕАЭС 41

Матвеевская А. С., Погодина В. Л.

Участие России в развитии академического туризма на евразийском пространстве 44

Погодин С. Н., Тараканова Т. С.

Эволюция концептуальных подходов Российской Федерации к оценке роли Шанхайской организации сотрудничества 47

Стецко Е. В.

Проблемы интеграции евразийского экспертного сообщества 50

Темнышев И. А.

«Месторазвитие» России и формирование российского подхода к определению понятия «Евразия» 54

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Фархутдинов И. З.

Международное право о применении государством военной силы против негосударственных участников 59

Бурьянов С. А.

Будущее международного права в условиях глобализации общественных отношений через призму творческого наследия Игоря Ивановича Лукашука 77

Аду Я. Н.

К вопросу о применении силы в современном международном праве 82

Амиров Д. Р.

Содержание правового статуса консульских учреждений и их работников 84

Кабанов В. Л.

Вопросы защиты прав детей из числа коренных народов по международному праву 91

Дидманидзе У. Т.

Российская наука международного права XVI – начала XX вв. о войне 95

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРАВО

Грачева А. М.

Анализ эффективности экономических санкций в условиях современного международного права 101

Аду Я. Н.

Международная правовая обоснованность «межгосударственных санкций» 104

Кицмаришвили Д. Э.

Принципы деятельности Парижского клуба кредиторов и основные механизмы реструктуризации суверенных долговых обязательств (к 60-летию парижского клуба кредиторов) 106

Шляхтин И. С.

Право на односторонний отказ от потребительского договора в государствах-членах ЕАЭС и ЕС: сравнительно-правовой анализ 111

Мураталиева Ж. К.

История международных выставок, их роль в развитии сотрудничества государств в международном праве 117

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Анисифорова М. В.

К вопросу о применении зарубежного опыта организации административной юстиции в России 120

ПРАВО СТРАН СНГ

Дворцов В. Е.

Преступления в сфере кадастровой деятельности по уголовному законодательству стран СНГ 122

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Григорьев А. С., Нифантьев С. Ю.

Преодоление дефектности юридических фактов в правоприменительной практике 125

Ермолина М. А., Капустина М. А.

Проект интегративной юриспруденции как модель правового регулирования отношений в ЕАЭС 128

Капустина М. А.

Нормативно-правовое регулирование: формальная определенность правоустановлений в условиях интеграции в евразийском пространстве 133

Касаткин С. Н.

Логика, рациональность и следование правилу в судебном решении: обзор доктрины Г. Л. А. Харта 137

Романовская В. Б., Тимофеев Е. А.

Правовой дискурс в постиндустриальном обществе: размышления о тенденциях и перспективах 139

Казарян Т. М.

Юридический позитивизм и независимость онтологии права от сознания 142

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Луковская Д. И., Шевелева Н. А., Ильин А. В.,

Волкова С. В., Васильев И. А.

Михаил Сперанский об основных принципах реорганизации высшего государственного управления 146

Мансуров Ш. М., Саидова М. З.

Франко-иранский союз в стратегических планах Наполеона 149

Саидова М. З.

Из истории деятельности постоянных Комиссий органов государственной власти Дагестана в 50-70 годы XX века 151

Халиков И. Х.

Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием при незаконном использовании электроэнергии в России: исторический аспект 153

Нагих С. И.

О различных вариантах происхождения государства и права в марксистской (классовой) теории происхождения государства 155

Горнев Р. В. Взаимодействие органов местного самоуправления и общественных объединений: опыт древнерусского государства.....	159	СПОРТИВНОЕ ПРАВО Васильев И. А., Субботина А. С. Правовая природа спонсорства в сфере спорта на примере Российской Федерации.....	222
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО Лисеенко В. И. Сервисный характер контрольно-надзорной деятельности в сфере транспорта как профилактика правонарушений.....	161	Оленников С. М., Васильев И. А. Ответственность болельщиков и клубов за экстремистские действия при проведении футбольных соревнований	225
Майоров В. И. Разработка и проведение оценки эффективности и результативности профессиональной деятельности государственных служащих (на примере Челябинской области)	164	Ломов А. Н. Профессиональные спортивные отношения в системе отношений в сфере физической культуры и спорта	229
ПРАВА ЧЕЛОВЕКА Абашидзе А. А., Гугунский Д. А., Конева А. Е., Солнцев А. М. Универсальные международно-правовые рамки борьбы с насилием в отношении детей.....	170	УГОЛОВНОЕ ПРАВО Хакимова Э. Р. К вопросу о социальной обусловленности уголовной ответственности за присвоение и растрату	232
Масалимов А. С. Вопросы организации борьбы полиции с преступностью и соблюдение прав человека в Великобритании и России во второй половине XIX в.	175	Халиков И. Х. Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием при незаконном использовании электроэнергии в уголовном законодательстве зарубежных стран.....	235
Хассон Д. Х. Защита прав журналистов в вооруженных конфликтах немеждународного характера (на примере Украины).....	178	Панферов Д. Н., Пугачев А. В. Некоторые спорные вопросы квалификации и конструирования состава убийства при отягчающих обстоятельствах	237
ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО Ахундова А. Перспективы совершенствования законодательства о судебной защите права собственности на недвижимое имущество.....	182	УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС Гилязов Р. Р. Особенности организации раскрытия и расследования мошенничеств с использованием средств сотовой телефонной связи	241
Троценко О. С. Проблемы применения законодательства о банкротстве физических лиц: вопросы судебной практики	185	Мантулина О. О. Правовые риски в алиментных обязательствах.....	244
Быстрова Ю. В. Государственный и муниципальный контроль за соблюдением оказания услуг в сфере жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ) и привлечением управляющих компаний к уголовной ответственности	190	ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Христенко А. А. Теоретико-правовой аспект информационной безопасности оперативно-розыскной деятельности подразделений уголовного розыска	246
Хакимов Р. И. Административно-правовое регулирование паспортно-регистрационного режима в России.....	193	УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС Глебова Н. А., Глебов В. Н. Некоторые аспекты исполнения наказания в виде лишения свободы на длительный срок	250
Хамитова Г. М. Понятие пациента по гражданскому законодательству Российской Федерации.....	196	ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ Романовская И. В. Причины, влияющие на психофизическую устойчивость сотрудников оперативных подразделений.....	254
Магеррамов Б. Ю. Проблемы совершенствования законодательства о банкротстве коммерческих организаций.....	199	КРИМИНОЛОГИЯ Имаева Ю. Б. Характеристика личности преступника, совершившего хищение с использованием банковских карт и их реквизитов.....	257
ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО Кодолова А. В. Стратегическая экологическая оценка (СЭО): опыт правового регулирования в странах СНГ	202	Майоров А. В. Правовые основы защиты жертв преступности в России	260
ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО Видясова Л. А., Болгов Р. В., Чугунов А. В. Электронное правительство в странах Евразийского экономического союза: опыт пилотного исследования и перспективные методы	207	СУДОПРОИЗВОДСТВО Гайнельзянова В. Р. Особенности назначения отдельных видов судебных экспертиз при расследовании преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.....	264
Карачай В. А., Болгов Р. В. Проекты электронного участия в институциональной структуре электронного управления стран ЕАЭС.....	215		

Дранцова К. В. Судебные расходы по делу о банкротстве.....	267	ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ Беглова Е. И., Мусин У. Р. Межрегиональная асимметрия территорий и миграционная мобильность населения в России: проблемы и взаимосвязи	329
АНТИКОРРУПЦИОННОЕ ПРАВО Зеленцов А. А. Конфискация имущества вне уголовного производства как мера предупреждения преступлений коррупционной направленности: анализ зарубежного законодательства	270	Сальникова И. Н., Сальников Е. В. Проблемы формирования инновационного феномена «экономика террора»	332
БЕЗОПАСНОСТЬ И ПРАВО Журавленко Н. И., Романовская И. В. Психолого-криминологическая характеристика личности современного террориста-смертника	272	Хамидуллина З. Ч. О бухгалтерском стандарте ААОИФИ «Мушарака» в исламской модели бухгалтерского учета.....	334
Сайдумов Д. Х. Чеченская республика: уникальный опыт борьбы с международным терроризмом и экстремизмом (от возрождения к развитию в начале XXI в.)	275	ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ Авдонин А. Н. Козволюционно-социальная философия: реальность, знание и деятельность	337
ПЕДАГОГИКА И ПРАВО Григорьева М. А. Преподавание юридических дисциплин в рамках системы CLIL (content and language integrated learning). На примере курса «правовые основы управления».....	296	Карамова Э. И., Фомин С. М. Современный терроризм в глобализирующемся Мире	341
Фатуллаев Д. Г. Современные тенденции развития высшего образования в Китае и России	298	Мухамедьярова Л. В. Патернализм как фактор, порождающий коррупцию в обществе	343
ГОСУДАРСТВО И ПРАВО Савченко С. А., Тордия И. В. Государственно-правовой аспект оказания бесплатной юридической помощи гражданам Российской Федерации.....	300	Мухаммади А. Некоторые истоки и факторы возникновения и распространения современного морального кризиса.....	345
СОЦИОЛОГИЯ И ПРАВО Сабитов М. Р., Галяутдинова С. И., Алгушаева В. Р. Социальные проблемы молодежи и протестный потенциал.....	305	Чудина-Шмидт Н. В. Факторы экстремального поведения личности	347
ПОЛИТИКА И ПРАВО Нестерова И. Е. Основные аспекты регионального управления водными ресурсами.....	311	Смакаев А. Ф. Культура потребностного отношения человека к миру и современная эпоха глобализационных отношений.....	350
Панченко В. Ю., Мирошниченко К. В. Правовая политика в сфере обеспечения прав инвалидов: к постановке проблемы	315	ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	352
Погодин С. Н., Тараканова Т. С. Проблемы сотрудничества Китайской Народной Республики, Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки в регионе Центральная Азия.....	317		
Снетков В. Н., Долгополова Т. А. Политико-правовые аспекты евразийской интеграции	320		
Чернов И. В., Шамгунов Р. Г. Лингвистические и юридические факторы интеграционных и миграционных процессов на евразийском пространстве	324		

PERSONA GRATA

V. V. Gavrilov:

Legal problems of the definition of the continental shelves in the arctic

Interview with Ph.D. in Law, professor, Head of International Public and Private Law sub-faculty of the Law school of the Far Eastern Federal University

Vyacheslav Vyacheslavovich Gavrilov..... 10

EURASIAN INTEGRATION

Zeleneva I. V., Ageeva V. D.

Ideology of Eurasian integration..... 20

Dunaeva Yu. G.

Asian EAEU transit in the concept of "Trade plus"..... 25

Kuzmina E. M.

Kazakhstan in the Eurasian Economic Union: challenges and opportunities..... 29

Lagutina M. L., Batur A. Gh.

"New silk road": American strategy in the modern Eurasia..... 36

Marmontova T. V.

Culture-humanitarian collaboration on the space of EEU..... 41

Matveevskaya A. S., Pogodina V. L.

Russia's participation in the development of academic tourism on the Eurasian space..... 44

Pogodin S. N., Tarakanova T. S.

Evolution of conceptional approaches of Russian Federation in assesment of role of the Shanghai Cooperation Organization..... 47

Stetsko E. V.

Integration problems of the Eurasian expert community..... 50

Temnyshev I. A.

"Topogenesis" of Russia and the formation of the Russian approaches to the definition "Eurasia"..... 54

INTERNATIONAL LAW

Farkhutdinov I. Z.

International law on the use of military force by the state against non-state actors..... 59

Buryanov S. A.

The future of international law under the circumstances of the globalization of public relations through the lens of I. I. Lukashuk's creative heritage..... 77

Adu Ya. N.

To the question of the use of force in the current international law..... 82

Amirov D. R.

The content of the legal status of consular posts and their employees..... 84

Kabanov V. L.

Protection of rights of indigenous children under international law..... 91

Didmanidze U. T.

Russian science of international law XVI–XX centuries about war..... 95

INTERNATIONAL ECONOMICAL LAW

Gracheva A. M.

Analysis of the efficiency of economic sanctions in modern international law..... 101

Adu Ya. N.

The international legal base of inter-states sanctions..... 104

Kitsmarishvili D. E.

The Paris Club principles and main debt restructuring mechanisms (to the 60th anniversary of the Paris Club of creditors)..... 106

Shlyakhtin I. S.

The right of withdrawal from a consumer contract within the EAEU member states and the EU comparative legal analysis..... 111

Muratliyeva Zh. K.

History of international exhibitions and their role in the development of cooperation of states in international law..... 117

COMPARATIVE LAW

Anisiforova M. V.

On the question of the application of foreign experience in the organization of administrative justice in Russia..... 120

LAW OF THE CIS COUNTRIES

Dvortsov V. E.

Crimes in the field of cadastral operations in the criminal legislation of the CIS countries..... 122

THEORY OF STATE AND LAW

Grigorjev A. S., Nifantjev S. Yu.

Overcoming legal facts's defects in law enforcement practice..... 125

Ermolina M. A., Kapustina M. A.

The project of integrative jurisprudence as a model of legal regulation of relations in EAEU..... 128

Kapustina M. A.

Normative legal regulation: the formal clarity of legal establishments in the conditions of integration in the Eurasian space..... 133

Kasatkin S. N.

Logic, rationality and rule-following in judicial decision: a review of H. L. A. Hart's doctrine..... 137

Romanovskaya V. B., Timofeev E. A.

Legal discourse in post-industrial society: reflections by tendencies and prospects..... 139

Kazaryan T. M.

Legal positivism ontology and independence of the rights of consciousness..... 142

HISTORY OF STATE AND LAW

Lukovskaia Dz. I., Sheveleva N. A., Ilyin A. V., Volkova S. V., Vasiljev I. A.

Mikhail Speranskiy on the fundamental principles of supreme state administration reorganization..... 146

Mansurov Sh. M., Saidova M. Z.

Franco-iranian alliance the strategic plans of Napoleon..... 149

Saidova M. Z.

From the history of the activities of the permanent commissions of the government Dagestan in 50-70 years of XX century..... 151

Khalikov I. Kh.

Causation of property damage by fraud or breach of trust in the illegal use of electric energy in Russia: historical perspective..... 153

Nagikh S. I.

On the different versions of origin of the state and law in Marxist (class) theory of the origin of the state..... 155

Gornev R. V.

Connection between local government and public associations: experience the ancient Russian state..... 159

ADMINISTRATIVE LAW

Liseenko V. I.

First, the nature of control and supervision in sphere of transport as a prevention of crime 161

Mayorov V. I.

Development and implementation of the evaluation of efficiency and effectiveness of civil servants professional activity (on the example of the Chelyabinsk region) 164

HUMAN LAW

Abashidze A. H., Gugunskiy D. A., Koneva A. E., Solntzev A. M.
Universal international legal framework for combating violence against children 170

Masalimov A. S.

The organization of the police to combat crime, and respect for human rights in the UK and Russia in the second half of the XIX century 175

Hasson Dh. H.

Protection of the rights of journalists in armed conflicts not of an international character based on the example of Ukraine) 178

CIVIL LAW

Akhundova G.

Prospects for improvement of the law on judicial protection of title to real estate 182

Trotsenko O. S.

Problems of application of the legislation on bankruptcy of individuals: issues of judicial practice 185

Bystrova Yu. V.

State and municipal control of observance of the provision of services in the sphere of housing and communal services (HCS) and the attraction of management companies to criminal liability 190

Khakimov R. I.

Administrative and legal regulation of the passport and the registration regime in Russia 193

Khamitova G. M.

The concept of the patient according to the civil legislation of the Russian Federation 196

Magerramov B. Yu.

Problems of improving legislation on bankruptcy of commercial organizations 199

ECOLOGICAL LAW

Kodolova A. V.

Strategic environmental assessment: experience of legal regulation in the CIS countries 202

INFORMATION LAW

Vidyasova L. A., Bolgov R. V., Chugunov A. V.
E-government in the Eurasian Economic Union countries: experience of pilot study and future methods 207

Bolgov R. V., Karachay V. A.

E-participation projects within e-governance institutional structure of Eurasian Economic Union countries 215

SPORTS LAW

Vasiljev I. A., Subbotina A. S.

Sponsorship contract legal nature: the Russian experience 222

Olennikov S. M., Vasiljev I. A.

Club`s supporters liability and clubs liability for supporters extremism behaviour in football matches 225

Lomov A. N.

Professional sport relationships in system of relation and in physical education field 229

CRIMINAL LAW

Khakimova E. R.

On the question of the social determination of criminal liability for misappropriation and embezzlement 232

Khalikov I. Kh.

Causation of property damage by fraud or breach of trust in the illegal use of electric energy in the criminal legislation of foreign countries 235

Panferov D. N., Pugachev A. V.

Some controversial issues qualification and design of composition of murder with aggravating circumstances 237

CRIMINAL PROCESS

Gilyazov R. R.

Features of the organization of detection and investigation of fraud with the use of cellular communication 241

Mantulina O. O.

Legal risks in maintenance obligations 244

OPERATIVELY-SEARCH ACTIVITY

Khristenko A. A.

Theoretical and legal aspects of information security operatively-search activity units criminal investigation department 246

CRIMINAL EXECUTIVE PROCESS

Glebova N. A., Glebov V. N.

Some aspects of an execution of the punishment in the form of imprisonment for long term 250

LAW ENFORCEMENT AGENCIES

Romanovskaya I. V.

Factors affecting physical stability of the employees of operational units 254

CRIMINOLOGY

Imaeva Yu. B.

Characteristics of the individual offender, committed the theft with bank cards and their details 257

Mayorov A. V.

Legal framework for the protection victims of crime in Russia 260

JUDICIARY

Gaynelzyanova V. R.

Features of appointment separate kinds of forensic examinations in the investigation of crimes related to violation of traffic rules and operation of vehicles 264

Drantsova K. V.

Court costs on the case of bankruptcy 267

ANTI-CORRUPTION RIGHT

Zelentsov A. A.

Confiscation of property of criminal proceedings out as a measure of warnings corruption crimes: analysis of foreign law 270

SECURITY AND LAW	
Zhuravlenko N. I., Romanovskaya I. V. <i>Psychological and personality of modern criminological characteristics of suicide bombers.....</i>	272
Saydumov Dz. Kh. <i>Chechen Republic: a unique experience in combating international terrorism and extremism (From the renaissance to the development at the beginning of the twenty-first century.).....</i>	275
PEDAGOGY AND LAW	
Grigoreva M. A. <i>Teaching of legal subjects using the CLIL system (content and language integrated learning). On the example of a course "legal basis of management".....</i>	296
Fatullaev Dz. G. ogly <i>Modern tendencies of higher education development in China and Russia.....</i>	298
STATE AND LAW	
Savchenko S. A., Tordiya I. V. <i>Public-legal aspect provide free legal assistance to citizens of Russian Federation.....</i>	300
SOCIOLOGY AND LAW	
Sabitov M. R., Galyautdinova S. I., Algushaeva V. R. <i>Social problems of youth and protest potential.....</i>	305
POLICY AND LAW	
Nesterova I. E. <i>The main aspects of the regional management of water resources.....</i>	311
Panchenko V. Yu., Miroshnichenko K. V. <i>Legal policy in the sphere of guaranteeing the rights of persons with disabilities: a problem statement.....</i>	315
Pogodin S. N., Tarakanova T. S. <i>The problems of cooperation between people`s Republic of China, Russian Federation and United States of America in a region of Central Asia.....</i>	317
Snetkov V. N., Dolgoplova T. A. <i>The political and legal cooperation of the SCO and the EAEU in the field of energy and economy.....</i>	320
Chernov I. V., Shamgunov R. G. <i>Linguistic and juridical factors of process of migration and integration at the Eurasian space.....</i>	324
ECONOMICAL SCIENCES	
Beglova E. I., Musin U. R. <i>Interregional asymmetry of the territories and migration mobility of population in Russia: problems and relationships.....</i>	329
Salnikova I. N., Salnikov E. V. <i>Problems of formation of innovation phenomenon "Economics of terror".....</i>	332
Khamidullina Z. Ch. <i>Accounting standard of AAOIFI "Musharakah" in Islamic accounting.....</i>	334
PHILOSOPHICAL SCIENCES	
Avdonin A. N. <i>Co-evolution-the social philosophy: reality, knowledge and activities. Part1.....</i>	337
Karamova E. I., Fomin S. M. <i>Modern terrorism in a globalized world.....</i>	341
Mukhamedyarova L. V. <i>Paternalism as a factor that fosters corruption in the society.....</i>	343
Muhammadi A. <i>Some of the origins and factors of emergence and spread of modern moral crisis.....</i>	345
Chudina-Shmidt N. V. <i>Factors of the person's extreme behavior.....</i>	347
Smakaev A. F. <i>The culture of consumerism relations of man to the world and the modern era of globalization relations.....</i>	350
INFORMATON FOR AUTHORS.....	352

В. В. Гаврилов:

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГРАНИЦ КОНТИНЕНТАЛЬНОГО ШЕЛЬФА В АРКТИКЕ

Интервью с доктором юридических наук, профессором, заведующим кафедрой международного публичного и частного права Юридической школы Дальневосточного федерального государственного университета **Вячеславом Вячеславовичем Гавриловым**.

V. V. Gavrilov:

LEGAL PROBLEMS OF THE DEFINITION OF THE CONTINENTAL SHELS IN THE ARCTIC

Interview with Ph.D. in Law, professor, Head of International Public and Private Law sub-faculty of the Law school of the Far Eastern Federal University **Vyacheslav Vyacheslavovich Gavrilov**.

Гаврилов В. В.

Визитная карточка:

Гаврилов Вячеслав Вячеславович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного публичного и частного права Юридической школы Дальневосточного федерального государственного университета (г. Владивосток).

Вячеслав Вячеславович родился в г. Находка Приморского края 16 сентября 1963 г. В 1985 г. окончил с отличием юридический факультет Дальневосточного государственного университета (г. Владивосток), в 1994 г. аспирантуру Казанского государственного университета, где под руководством д.ю.н., профессора Д. И. Фельдмана защитил диссертацию по теме «Акты ООН о правах человека и международный механизм их имплементации». В мае 2006 г. в КГУ В. В. Гавриловым была успешно защищена диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук по теме «Международная и национальные правовые системы: понятие и основные направления взаимодействия».

В 1995 г. В. В. Гаврилов был избран заведующим кафедрой международного права и деканом международно-правового факультета, а с 1 сентября 2009 г. назначен деканом факультета правоведения II Юридического института ДВГУ. С 1 сентября 2011 г. после реорганизации ДВГУ в Дальневосточный федеральный университет занимает посты заведующего кафедрой международного публичного и частного права и руководителя образовательных программ магистратуры Юридической школы ДВФУ.

В. В. Гаврилов является одним из разработчиков Устава Приморского края. Имеет 113 научных и учебно-методических публикаций по актуальным проблемам международного публичного и международного частного права. В 1997 г. опубликовал учебное пособие «Международное частное право. Общая часть». В 1998 г. в издательстве ДВГУ вышла его книга «ООН и права человека: механизмы создания и осуществления нормативных актов», а в 2005 г. монография «Понятие и взаимодействие международной и национальных правовых систем». В 2000 г. московское издательство «Норма» выпустило в свет работу В. В. Гаврилова «Международное частное право. Краткий учебный курс». В конце 2002 г. в том же издательстве вышло второе, переработанное и дополненное издание этой книги, а в 2006 и 2009 годах – третье и четвертое издания. Является соавтором фундаментальных учебников для вузов «Международное право: общая часть», «Международное право: особенная часть», а также «Международная и внутригосударственная защита прав человека», изданных в 2010 и 2011 гг. московским издательством Статут, и первого в отечественной политико-правовой науке энциклопедического издания «Права человека: энциклопедический словарь», г. Москва, 2009 г.

Статьи В. В. Гаврилова печатались в таких авторитетных центральных российских юридических журналах, как: «Государство и право», «Евразийский юридический журнал», «Журнал российского права», «Московский журнал международного права», «Международное публичное и частное право», «Право и политика», «Правоведение», «Российский ежегодник международного права», «ИС. Авторское право и смежные права», «Lex Russica (Русский закон)», а также иностранных: «Soochow Law Journal», «Asia Law Review», «Cuadernos Constitucionales», «Nagoya University Journal of Law and Politics», «US-China Law Review», «Ocean Development and International Law», «The International Journal of Marine and Coastal Law».

Вячеслав Вячеславович принимал участие в работе научных, научно-практических и учебных семинаров, симпозиумов и конференций в США (Сакраменто, 1992; Сан-Диего, 1994; Мадисон, 1996 и 2002; Прово, 1999; Сиэтл, 2005; Вашингтон, 2007; Нью-Йорк, 2009 и 2011); Венгрии (Будапешт, 1997); Испании (Валенсия, 2008); Франции (Страсбург, 1997); Тайване (Тайпей, 2006); Швейцарии (Женева, 2008); Индонезии (Джакарта, 2010); Малайзии (Куала-Лумпур, 2010); Филиппинах (Манила, 2010); Камбодже (Пномпень, 2011); Японии (Нагоя, 2011 и 2012; Кобе, 2016); Южной Кореи (Сеул, 2012; Пусан, 2016); Китае (Пекин, 2013; Шанхай, 2015); Индии (Нью-Дели, 2013); Таиланде (Бангкок, 2015); Канаде (Квебек, 2016).

В мае - августе 2011 г. В. В. Гаврилов по приглашению Центра Азиатских Юридических Обменов в качестве профессора-исследователя работал над проектом «Институциональные и нормотворческие механизмы группы АСЕАН Плюс Три, функционирующие в сфере экономического сотрудничества» в Школе права, Нагойского университета, Япония, в январе 2013 г. читал там лекции по международному праву на английском языке.

В 2003 г. был награжден почетной грамотой Губернатора, а в 2008 г. Законодательного Собрания Приморского края за активное участие в законотворческой и правоприменительной деятельности органов государственной власти края и большой вклад в подготовку кадров с высшим юридическим образованием на Дальнем Востоке. В 2009 г. награжден нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

Соучредитель и адвокат коллегии адвокатов «Эталон», Владивосток, член Азиатского общества международного права и Исполнительного комитета Российской Ассоциации международного права.

К числу основных научных достижений В. В. Гаврилова относится разработка фундаментальных теоретических основ понятия и содержания категории «международная правовая система», выявление ее ключевых компонентов, а также комплексное изучение предпо-

сылки и основных направлений их взаимодействия с соответствующими компонентами национальных правовых систем. Значительная часть его научной деятельности посвящена анализу достоинств и недостатков ведущих теоретических концепций соотношения международного и внутригосударственного права и содержания юридического механизма действия международных правовых норм в правовых системах различных государств. В. В. Гавриловым также была развита концепция международного частного права как полисистемного комплекса, представляющего собой совокупность правовых норм международного и национального происхождения, находящихся в тесном взаимодействии и регулирующих особую группу относительно обособленных отношений международного немеждо государственного невластного характера.

В последние годы сферой основных научных интересов Вячеслава Вячеславовича Гаврилова являются вопросы правового обеспечения интеграционных процессов, экономического сотрудничества и безопасности в АТР, актуальные проблемы международного морского права, включая механизмы разрешения международных морских споров, а также правового статуса Арктики.

– Уважаемый Вячеслав Вячеславович, в настоящее время активно обсуждается проблема «раздела» Арктики. Чем вызван, с Вашей точки зрения, возросший интерес к данной теме?

– Северный Ледовитый океан (СЛО) – самый северный и наименьший по площади океан Земли, занимающий акваторию около 14 миллионов квадратных километров или 2,8% общей площади Мирового океана. К особенностям СЛО традиционно относят его относительную мелководность (средняя глубина здесь составляет 1225 метров), труднодоступность использования для круглогодичного мореплавания и добычи живых и неживых природных ресурсов в связи с низким температурным режимом арктического региона и покрытием значительной части СЛО многолетними дрейфующими льдами и ледяным припаем в прибрежной зоне¹.

Между тем, в последние десятилетия ситуация в Арктике кардинальным образом изменилась и глобальное потепление, сопровождающееся освобождением от ледяного покрова значительных пространств Северного Ледовитого океана, «породило ожидания расширения экономической деятельности в регионе. С изменениями погодных условий здесь связывают перспективы разведки и добычи углеводородных и других минеральных ресурсов шельфа, расширения судоходства – прежде всего морского вывоза добываемых в Арктике ресурсов – и районов рыболовства»².

Энергетическая составляющая вопроса в данном случае играет особую роль, так как на фоне постепенного истощения запасов традиционных мировых нефтегазоносных провинций, значение ресурсов пока еще не распечатанных энергетических кладовых Арктики в целом и дна Северного Ледовитого океана, в частности, с каждым годом становится все более определяющим для мировой политики и экономики. Как результат, «перспектива освоения ресурсов арктического шельфа породила дискуссию о предстоящей борьбе государств за доступ к ним. А обсуждение вопроса об установлении и делимитации внешних границ континентального шельфа прибрежных стран в Северном Ледовитом океане еще больше подогревает опасения возможного конфликта в связи с предстоящим «разделом» Арктики»³.

– На Ваш взгляд, при решении вопросов делимитации дна Северного Ледовитого океана, на какую нормативно-правовую базу необходимо опираться?

– Очевидно, что снижение опасности возникновения конфликта и усиление защиты интересов России в Арктике во многом зависит от четкого уяснения международно-правового режима Арктического морского региона и его реализации в практической деятельности государств и организаций в этом районе земного шара.

Одним из основных препятствий этому в современной доктрине и практике международного права является противостояние сторонников «глобальной интернационализации» правового статуса Северного Ледовитого океана путем завь-

шения в нем роли Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (Конвенция 1982 г.) и защитников точки зрения об особом правовом режиме СЛО, основанном, прежде всего, на региональных, двусторонних и национально-правовых регуляторах самих прибрежных арктических государств при определяющем значении норм обычного международного права⁴.

Последний подход получил достаточное широкое распространение и в Российской Федерации. Так, известные отечественные исследователи утверждают, например, что «в правовом положении Арктики главенствующую роль играет договорно-правовая и законодательная практика самих арктических государств; при этом универсальные международные договоры применяются ими прежде всего с учетом содержащихся в них отсылок на региональные договоренности и в контексте международного обычного права»⁵. В российской правовой доктрине даже существует мнение, что «Арктика не была предметом рассмотрения III Конференции ООН по морскому праву, а ее правовой режим, основу которого составляет национальное законодательство приарктических государств, сложился тогда, когда о Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. даже речи не было»⁶.

Следует подчеркнуть, что в данном случае вряд ли можно считать продуктивным противопоставление одних международно-правовых источников, затрагивающих вопросы правового статуса Арктики, другим или обоснование возможности их выборочного применения в определенных ситуациях. Ошибочность такой точки зрения определяется, среди прочего, тем обстоятельством, что «к сегодняшнему дню значительное количество правовых и других вопросов уже было решено или решается в этом регионе именно на основе Конвенции 1982 г. (определение границ внутренних вод, территориального моря, исключительной экономической зоны, континентального шельфа и др.). Поступить иначе – значит перечеркнуть все политические компромиссы и нормативные соглашения, достигнутые государствами на этом пути»⁷.

Именно поэтому при практическом решении вопросов делимитации дна Северного Ледовитого океана необходимо опираться на всю сложившуюся к настоящему времени широкую международную нормативную базу отношений государств в этой области и принимать во внимание как международно-правовые соглашения универсального уровня, так и акты регионального и двустороннего характера, а также соответствующие решения международных органов и организаций. При этом должное внимание должно уделяться истори-

1 См.: Лукин Ю. Ф. Великий передел Арктики. Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет, 2010. С. 9-12.

2 Загорский А. В. Международное сотрудничество и безопасность в Арктике // Международное сотрудничество в Арктике: проблемы безопасности и развития / под ред. А.В. Загорского, А.И. Никитина. М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. С. 29.

3 Там же.

4 Подробнее об этом смотри, в частности: Вылегжанин А. Н. Международный обычай: значение для уточнения современного статуса Арктики // Актуальные проблемы современного международного права: материалы XI ежегодной международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора И. П. Блищенко: в 2 ч. / отв. ред. А. Х. Абашидзе. Москва, 12-13 апреля 2013 г., М.: РУДН, 2014. С. 14-40.

5 Вылегжанин А.Н. Правовое положение Арктического региона в документах // Арктический регион: Проблемы международного сотрудничества: Хрестоматия в 3 томах / под общ. ред. И. С. Иванова. М.: Аспект Пресс, 2013. С. 15-16.

6 Копылов М. Н., Копылов С. М. Перспективы эколого-правового статуса Арктики // Евразийский юридический журнал. 2015. № 11 (90). С. 18.

7 Гаврилов В. В. Правовой статус Северного морского пути Российской Федерации // Журнал российского права. 2015. № 2. С. 156.

ческой ретроспективе вопроса определения правового статуса дна СЛО, который неразрывно связан с динамикой международно-правового регулирования правового положения подводных районов Мирового океана в целом.

– Не могли бы Вы подробнее остановиться на эволюции понятия и содержания правовой категории «континентальный шельф»? Каковы истоки становления международно-правовой нормы о прибрежных подводных районах?

– Как отмечает А. Л. Колодкин: «До начала XX века морское дно рассматривалось исключительно в рамках *res nullius*, или Международного района. Не делалось четких различий между континентальным шельфом и подводным дном морей и океанов. Прибрежное государство распространяло свой суверенитет на морское дно лишь в пределах трехмильной зоны территориального моря»⁸. Однако уже к середине XX века стремительное развитие науки и техники усилило интерес государств к ресурсам дна за пределами их территориальных морей.

Одним из первых нормативных актов, четко обозначивших притязания государств на прибрежные подводные районы, стала Прокламация Президента США Г. Трумэна № 2667 от 28 сентября 1945 года, провозгласившая юрисдикцию и контроль Правительства Соединенных Штатов над естественными ресурсами недр и морского дна континентального шельфа, расположенного под водами открытого моря, прилегающего к побережью США. Среди прочего, в ней также подчеркивалось, что «в тех случаях, когда континентальный шельф простирается к берегам другого государства или является общим со смежным государством, его граница должна определяться США и соответствующим заинтересованным государством в соответствии с принципами справедливости»⁹.

Прокламация Трумэна не только не вызвала протеста международного сообщества, но и стала отправным пунктом для развития новой обычной нормы морского права. Большинство внутренних нормативных актов, принятых другими государствами в 1945-1957 годах в этой области, в той или иной форме основывались на доводах, провозглашенных в указанном акте Президента США¹⁰. Однако на основе только этих односторонних документов международно-правовая норма о континентальном шельфе не могла быть создана, поскольку в них не был установлен единообразный объем прав государств в соответствующих подводных морских районах и отсутствовало юридическое понятие континентального шельфа как таковое.

Подобное определение впервые появилось в Женевской конвенции о континентальном шельфе 1958 г., ст. 1 которой установила, что термин «континентальный шельф» употребляется применительно к поверхности и недрам морского дна подводных районов, примыкающих к побережью материка или берегам островов, «но находящихся вне зоны территориального моря, до глубины 200 метров или, за этим пределом, до того места, до которого глубина покрывающих вод позволяет разработку естественных богатств этих районов»¹¹.

Таким образом, первоначально в основу международно-правового определения континентального шельфа были положены критерии его примыкаемости к матерiku или островам, его протяженность до глубины 200 метров, а также принцип

эксплуатации, на основании которого прибрежное государство могло вести разработку естественных богатств за этими пределами.

При этом несколько лет спустя 20 февраля 1969 г. Международный Суд ООН в решении по делам о континентальном шельфе Северного моря подчеркнул, что наиболее фундаментальным принципом, относящимся к континентальному шельфу и определяющим юридические основания для установления контроля над ним со стороны прибрежного государства, является принцип естественного продолжения сухопутной территории и дна территориального моря, находящихся под его полным суверенитетом¹².

Тем не менее, было очевидно, что сформулированное в 50-е годы XX века юридическое определение континентального шельфа имело переходный характер, так как использованный в нем критерий эксплуатационности был достаточно неопределенным, и устанавливаемые на его основе пространственные границы континентального шельфа должны были изменяться вместе с развитием морских технологий, в результате чего «все дно Мирового океана было бы постепенно разделено между прибрежными государствами»¹³.

Поэтому к началу работы Третьей Конференции ООН по морскому праву, проходившей в 1973-1982 годах, международное сообщество подошло с твердым намерением учесть новейшие технические достижения и изменения в практике регулирования деятельности государств на шельфе. Необходимо было юридически четко установить дистанционный предел его границ, а также определить правовой статус морского дна и его недр за пределами национальной юрисдикции прибрежных государств.

Одним из наиболее значительных достижений этой Конференции стало использование ею при разработке норм о статусе континентального шельфа положений решения Международного Суда ООН от 20 февраля 1969 г. о том, что шельф является естественным продолжением материка, и прибрежное государство распространяет на него свои суверенные права *ipso facto*, то есть независимо от эффективной или фиктивной эксплуатации им шельфа, а также от наличия или отсутствия его прямого заявления об этом¹⁴.

– Вячеслав Вячеславович, каковы ключевые характеристики понятия «континентальный шельф», используемые в современном международном морском праве? И как Вы оцениваете Конвенцию 1982 г. в вопросе делимитации дна Северного Ледовитого океана?

– Современное определение континентального шельфа содержится в ст. 76 Конвенции ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 г.¹⁵ и представляет собой достаточно сложную с юридико-технической точки зрения нормативную конструкцию. В соответствии с ней в состав континентального шельфа прибрежного государства включаются «морское дно и недра подводных районов, простирающихся за пределы его территориального моря на всем протяжении естественного продолжения его сухопутной территории до внешней границы подводной окраины материка или на расстояние 200 морских миль от исходных линий, от которых отмеряется ширина территориального моря, когда внешняя граница подводной окраины материка не простирается на такое расстояние» (п. 1).

При этом пункты 4-7 ст. 76 Конвенции 1982 г. предусматривают, что если естественное продолжение сухопутной территории простирается более чем на указанные 200 морских миль, то прибрежное государство устанавливает внешние границы своего континентального шельфа (ВГКШ) при помощи прямых линий (не превышающих в длину 60 морских миль), соединяющих фиксированные точки, которые, которые долж-

8 Колодкин А.Л. Континентальный шельф России в Арктике: перспективы расширения // Центр морского права [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sea-law.ru/55-arkhiv-zhurnala/internet-zhurnal-morskoe-pravo-2007g/internet-zhurnal-morskoe-pravo-4-oktyabr-noyabr-dekabr-2007g/588-a-l-kolodkin-kontinentalnyj-shelf-rossii-v-arktike-perspektivy-rasshireniya.html> (дата обращения: 03.01.2016 г.).

9 Proclamation 2667 - Policy of the United States With Respect to the Natural Resources of the Subsoil and Sea Bed of the Continental Shelf. September 28, 1945 // The American Presidency Project, available online at <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=12332>, accessed 8 June 2016.

10 Колодкин А. Л. Указ. соч.

11 Конвенция о континентальном шельфе [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/conts.pdf (дата обращения: 08.06.2016 г.).

12 См.: North Sea Continental Shelf Cases (Federal Republic of Germany / Denmark; Federal Republic of Germany / Netherlands). I.C.J. Reports 1969. P. 31.

13 Tanaka Y. The International Law of the Sea. Cambridge University Press, 2012. P. 134.

14 См.: Колодкин А. Л. Указ. соч.

15 См.: Конвенция ООН по морскому праву [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 21.06.2016 г.).

ны находиться не далее 350 морских миль от исходных линий, от которых отмеряется ширина территориального моря, или не далее 100 морских миль от 2500 метровой изобаты – линии, соединяющей глубины в 2500 метров. Указанный принцип изобаты, однако, не применяется к подводным хребтам¹⁶.

Кроме того, п. 8 указанной статьи устанавливает, что «данные о границах континентального шельфа за пределами 200 морских миль от исходных линий, от которых отмеряется ширина территориального моря, представляются соответствующим прибрежным государством в Комиссию по границам континентального шельфа, создаваемую в соответствии с Приложением II к Конвенции 1982 г. на основе справедливого географического представительства. Комиссия дает прибрежным государствам рекомендации по вопросам, касающимся установления внешних границ континентального шельфа. Границы шельфа, установленные прибрежным государством на основе указанных рекомендаций, являются окончательными и для всех обязательными».

Здесь также важно отметить, что в соответствии с п. 10 ст. 76 Конвенции 1982 г. положения этой статьи «не затрагивают вопроса о делимитации континентального шельфа между государствами с противоположными или смежными побережьями». Данным вопросам посвящена ст. 83 этого международно-правового соглашения, пункт первый которой предусматривает, что соответствующая делимитация «осуществляется путем соглашения на основе международного права, как это указывается в ст. 38 Статута Международного Суда, в целях достижения справедливого решения». При этом если между заинтересованными государствами уже имеется действующее соглашение по этому предмету, то вопросы, относящиеся к делимитации континентального шельфа, должны решаться в соответствии с положениями такого соглашения (п. 4 ст. 83).

Таким образом, анализируя ключевые характеристики понятия «континентальный шельф», используемые в современном международном морском праве, нетрудно заметить, что, сохранив принципиальный подход к его пониманию как естественного продолжения сухопутной территории прибрежного государства в пределах 200 морских миль от исходных линий, от которых отмеряется ширина территориального моря, разработчики Конвенции 1982 г., в отличие от разработчиков Конвенции о континентальном шельфе 1958 г., установили гораздо более четкие критерии определения пространственной протяженности континентального шельфа в тех случаях, когда внешняя граница подводной окраины материка выходит за эти пределы. Кроме того, в последнем случае они связали правомерность действий прибрежных государств по установлению внешних границ своего шельфа с необходимостью получения соответствующих рекомендаций со стороны специального международного органа – Комиссии по границам континентального шельфа (КГКШ), – которые являются окончательными и обязательными для всех.

Вместе с тем, Конвенция 1982 г. исключила из под своего регулирующего воздействия случаи делимитации континентального шельфа между государствами с противоположными или смежными побережьями и предоставила им право самим решать этот вопрос путем заключения соответствующих международных соглашений в целях достижения справедливого решения. Причем, исходя из смысла п. 1 ст. 83 Конвенции 1982 г., в качестве основы таких соглашений могут выступать нормы не только договорного, но и обычного международного права.

Действующая сегодня процедура установления внешних границ континентального шельфа прибрежных государств определяется также тем обстоятельством, что в соответствии со ст. 4 Приложения II к Конвенции 1982 г., государства должны предоставить в КГКШ данные о таких границах в течение 10 лет со времени вступления для них в силу этого универсально-международно-правового документа.

Указанные положения Конвенции 1982 г. создали новую правовую и институциональную реальность делимитации дна

Северного Ледовитого океана, которая с юридической точки зрения требует как заключения приарктическими государствами двусторонних соглашений о разграничении границ своих континентальных шельфов в меридианной проекции, так и согласования ими с КГКШ внешних границ подводного продолжения своей сухопутной территории за пределами 200 морских миль от исходных линий, от которых отмеряется ширина территориального моря.

– Насколько далеко продвинулись в этом отношении Россия, США, Канада, Дания и Норвегия, – государства, территории которых образуют естественные границы СЛО, и каковы перспективы процесса делимитации его подводных районов в соответствии с положениями Конвенции 1982 г.?

– На сегодняшний день определение линии разграничения морских пространств и континентального шельфа приарктических государств со смежными территориями получило полноценное юридическое оформление только в отношении северной части Атлантического океана и Баренцева моря и нашло свое закрепление в датско-норвежском договоре 2006 г.¹⁷ и двух российско-норвежских двусторонних соглашениях 2007¹⁸ и 2010¹⁹ гг. При этом в первом случае такое разграничение было осуществлено по срединной линии между территориями Гренландии и Шпицбергена, проведенной между географическими точками с координатами 77° 11' 00.20" с.ш. и 2° 54' 56.32" з.д. и 83° 43' 05.93" с.ш. и 7° 59' 18.30" в.д. Разграничение морских пространств к северу от указанных координат договором не предусматривалось. Интересно отметить, что при заключении указанного договора Дания фактически поддержала позицию Норвегии о том, что Шпицберген имеет собственную исключительную экономическую зону (ИЭЗ) и континентальный шельф. Кроме того, датско-норвежское соглашение включало специальное положение о трансграничных залежах минеральных ресурсов, которые должны эксплуатироваться на основе специальных соглашений государств-участников.²⁰

Во втором случае линия разграничения морских пространств в Баренцевом море стала результатом длительных переговоров между Россией и Норвегией, первоначально настаивавших на ее проведении, соответственно, по западной границе российского арктического сектора и срединной линии между территориями этих стран. Итоговое решение стало результатом существенного компромисса, достигнутого сторонами, и определило прохождение российско-норвежской границы рыболовных зон и континентального шельфа от прибрежной точки с координатами 69° 47' 41.42" с.ш. и 30° 49' 03.55" в.д. до географической точки в СЛО с координатами 84° 41' 40.67" с.ш. и 32° 03' 51.36" в.д.

При этом процесс двусторонней делимитации континентальных шельфов указанных государств нельзя признать окончательно завершенным, так как согласно п. 1 ст. 1. Договора 2010 г. конечная северная точка линии разграничения российско-норвежских морских пространств должна быть определена

17 См.: Agreement between the Government of the Kingdom of Norway on the one hand, and the Government of the Kingdom of Denmark together with the Home Rule Government of Greenland on the other hand, concerning the delimitation of the continental shelf and the fisheries zones in the areas between Greenland and Svalbard. Copenhagen, 20 February 2006 // U.N.T.S. 2006. Vol. 2378. P. 21-36, available online at <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=12332>, accessed 21 July 2016.

18 См.: Agreement between the Russian Federation and the Kingdom of Norway on the Maritime Delimitation in the Varangerfjord area, 11 July 2007 // Law of the Sea Bulletin. 2008. N 67. P. 42-44, available online at http://www.un.org/Depts/los/doalos_publications/LOSBulletins/bulletinpdf/bulletin67e.pdf, accessed 21 July 2016.

19 См.: Договор между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане от 15 сентября 2010 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.un.org/Depts/los/LEGISLATIONANDTREATIES/PDFFILES/TREATIES/NOR-RUS2010.PDF> (дата обращения: 26.07.2016 г.)

20 См.: Byers M. International Law and the Arctic. New York: Cambridge University Press, 2013. P. 38-39.

16 См.: Гуреев С. А., Зенкин И. В., Иванов Г. Г. Международное морское право: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. С. 150.

на уже после установления внешних границ континентальных шельфов этих стран в соответствии со ст. 76 и Приложением II Конвенции 1982 г. Вместе с тем, несмотря на это обстоятельство, наличие российско-норвежских договоров 2007 и 2010 г. уже само по себе создает новые возможности для переговоров сторон в области рыболовства и делимитации морских пространств сторон в бассейне Северного Ледовитого океана, а также успешного решения связанных с этим конфликтных ситуаций.

Еще один международный договор о границах континентального шельфа в районе СЛО был заключен между правительствами Дании и Канады 17 декабря 1973 г.²¹ В данном случае в качестве линии разграничения сторонами была согласована срединная линия между восточными островами Канадского арктического архипелага и островом Гренландия. В итоге была определена датско-канадская морская граница длиной 1450 морских миль, которая в настоящее время используется этими государствами не только для установления пределов своих континентальных шельфов, но и границ рыболовных зон, а также других национальных морских районов²². Лишь на участке границы длиной 875 метров между точками с географическими координатами 80° 49.2' с.ш., 66° 29.0' з.д. и 80° 49.8' с.ш., 66° 26.3' з.д. стороны так и не договорились о делимитации. Именно между этими точками расположен остров Ханс, занимающий стратегическое положение в проливе Нэрса, национальную принадлежность которого Дания и Канада не смогли определить.

Однако это соглашение практически не затрагивает вопросов разграничения дна самого Северного Ледовитого океана, так как оно не определяет границы континентальных шельфов Дании и Канады к северу от точки с координатами 82°13' с.ш. и 60° з.д., в которой пролив Нэрса выходит в море Линкольна, являющееся частью бассейна СЛО. Тем не менее, в перспективном плане «в отношении моря Линкольна обе стороны согласны на делимитацию по методу линии равноотстояния. Однако существуют разногласия относительно исходных точек, которые берутся каждой из сторон для построения данной линии... Предполагается, что делимитация в этом районе будет зависеть от результатов рассматриваемого канадской и датской заявок в Комиссии ООН по границам континентального шельфа, поскольку в пределах 200 морских миль от берега под морем расположено сочленение хребта Ломоносова с североамериканским материком»²³.

В восточной части Северного Ледовитого океана национальное размежевание морских пространств и континентального шельфа приарктических государств не получило к настоящему времени должного юридического оформления.

– Вы имеете в виду расхождение позиций США и Канады?

– Да, речь здесь идет, во-первых, об американо-канадской границе в море Бофорта, расположенном между побережьем Аляски и Канадским арктическим архипелагом к северу от дельты реки Маккензи. Официальное расхождение позиций США и Канады по этому вопросу наметились еще в 1976 г., когда властями Соединенных Штатов была опротестована установленная Канадой линия границы ее нефтяных и газовых концессий в море Бофорта. В последующие годы наличие противоречий между указанными государствами в этом отношении получило дополнительное подтверждение после выдвижения ими противоречащих друг другу предложений о границе своих исключительных рыболовных зон в пределах 200 морских миль от берега²⁴.

– В чем же заключается правовая основа противоречий между США и Канадой в делимитации континентального шельфа? Насколько юридически обоснованными являются позиции сторон?

– Отправной точкой противоречий в данном случае стало различное толкование Канадой и США положений ст. 3 Конвенции между Россией и Великобританией о разграничении их владений в Северной-Западной Америке от 16 февраля (28 февраля) 1825 г. (предусмотренные ею права и обязанности перешли от России к США в 1867 г. после продажи Аляски, а от Британии к Канаде в 1880 г.). Среди прочего, указанная статья предусматривала, что линия меридиана 141 градуса западной долготы «составит в своем продолжении до Ледовитого моря границу между Российскими и Великобританскими владениями на твердой земле северо-западной Америки»²⁵.

Канада, тем не менее, утверждала, что положения Конвенции 1825 г. должны применяться для определения не только сухопутной, но и морской линии разграничения указанных владений, в силу чего морская граница между Канадой и Соединенными Штатами также должна проходить в море Бофорта в пределах 200 морских миль от берега по меридиану 141° з.д. США с этим не согласились и заявили, что действие Конвенции 1825 г. не распространяется на морские пространства и, кроме того, в отличие от суши, наиболее легальным и географически оправданным способом определения границы в данном случае стало бы ее проведение по равноудаленной линии, «каждая точка которой находится на равном расстоянии от ближайшей точки побережья каждой из сторон»²⁶. В результате на границе Канады и США в море Бофорта в пределах 200 морских миль от берега возник спорный морской район общей площадью 6 250 квадратных морских миль, национальная принадлежность которого окончательно не определена до сих пор²⁷.

Что касается разграничения арктического шельфа Канады и США за пределами 200 мильной прибрежной полосы, то ни одна из сторон до сих пор не высказала своей официальной позиции на этот счет. Причина этого состоит в том, что в высоких широтах линия равного удаления от побережий, на использовании которой США настаивают внутри исключительных экономических зон этих стран, за пределами ИЭЗ, благодаря расположению Канадского арктического архипелага, значительно отклоняется на запад и существенно сокращает площадь континентального шельфа, на который могли бы в этом случае претендовать Соединенные Штаты. Другими словами, за пределами 200 морских миль от берега линия равного удаления становится для США настолько же невыгодной, насколько привлекательной она является для них внутри ИЭЗ. В случае же с Канадой ситуация, соответственно, складывается прямо противоположным образом.

Несмотря на то, что Канада и США пытаются обойти сложившуюся юридическую неопределенность путем заключения специальных соглашений о совместной эксплуатации углеводородных ресурсов в спорных районах, эта практика не привела к успешному и взаимоприемлемому решению вопроса о делимитации их арктических морских пространств. Расхождения между ними в этом отношении продолжают оставаться существенными и труднопреодолимыми.

Однако, по мнению М. Байерса, в обозримой перспективе в целях получения более значительных выгод и преимуществ стороны могут полностью или частично отказаться от занимаемых ими сегодня юридических позиций по этому вопросу и сформулировать новые. «Канада, - считает он, - может признать приемлемой точку зрения о равноудаленной линии в случае, если... она будет использоваться и при делимитации

21 Agreement between the Government of the Kingdom of Denmark and the Government of Canada relating to the Delimitation of the Continental Shelf between Greenland and Canada (17 December 1973), available online at <http://www.un.org/Depts/los/LEGISLATION-ANDTREATIES/PDFFILES/TREATIES/DNK-CAN1973CS.PDF>, accessed 21 July 2016.

22 См.: Byers M. Op. cit. P. 30.

23 Губанов А. И. Разграничение континентального шельфа в Арктике: Международно-правовые проблемы и перспективы. Монография. М.: ИКД «Зерцало-М», 2015. С. 164.

24 Там же. С. 159.

25 Полное собрание законов Российской империи /ДО/ Собрание первое / 30233а [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.wikisource.org/wiki/Полное_собрание_законов_Российской_империи/ДО/Собрание_первое/30233а (дата обращения: 27.07.2016 г.).

26 Byers M. Op. cit. P. 59.

27 См.: McDorman T.L. Salt Water Neighbors: International Ocean Law Relations between the United States and Canada. New York: Oxford University Press, 2009. P. 181-183.

расширенного континентального шельфа. А США, со своей стороны, продолжая отстаивать концепцию линии равного удаления внутри ИЭЗ, могут заявить, что прохождение границы за ее пределами должно определяться соответствующими геологическими и геоморфологическими характеристиками данного морского района. ... Такие позиции вряд ли способны сократить предмет спора, но они могут создать пространство для согласованных решений, которое, в отличие от судебного разбирательства или арбитража, позволит сторонам сохранить контроль над процессом делимитации»²⁸.

– В настоящее время продолжает оставаться актуальным вопрос о российско-американской линии разграничения морских пространств и шельфов. Какие Вы видите перспективы в достижении консенсуса между Россией и США?

– С юридической точки зрения нельзя считать окончательно решенным вопрос о российско-американской линии разграничения морских пространств в Северном Ледовитом океане, несмотря на то, что она получила свое юридическое закрепление в Договоре между США и СССР о морской границе от 1 июня 1990 г.²⁹ Дело в том, что если Конгресс США ратифицировал это соглашение еще 16 сентября 1991 г., то СССР, а позднее и Россия не сделали этого до сих пор, прежде всего, в связи с неоднозначными оценками его экономических последствий для рыболовства в Беринговом море. Поэтому в настоящее время оно применяется только на временной основе в порядке ст. 25 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.

Тем не менее, даже в существующем виде Договор 1990 г. в значительной мере снижает остроту юридических споров относительно принадлежности отдельных территорий России и США в Чукотском, Беринговом морях и в СЛО и ограничивает возможность политического манипулирования этими проблемами в будущем. Кроме того, необходимо учитывать, что несмотря на все территориальные потери, которые СССР понес в Беринговом море согласно Договору 1990 г., в соответствии с этим же документом он приобрел значительный участок континентального шельфа в Чукотском море, который в противном случае отошел бы к Соединенным Штатам при проведении делимитации на основании метода равноотстояния.

Этот вывод вытекает из анализа положений п. 1. ст. 2 Договора, который предусматривает, что морская граница России и США распространяется от точки с координатами 65° 30' с.ш. и 168° 58' 37" з.д. вдоль соответствующего меридиана на север «через Берингов пролив и Чукотское море в Северный Ледовитый океан настолько далеко, насколько это допускается международным правом». При этом указанная линия является границей не только водных пространств, но и шельфов договаривающихся государств, так как исходя из п. 2 ст. 1 Договора, она ограничивает распространение юрисдикции прибрежных государств, «разрешённой международным правом для любых целей».

Формулировка Договора 1990 г. о простирании российско-американской морской границы на Север «насколько далеко, насколько это допускается международным правом», является достаточно интересным решением с точки зрения юридической техники. Она позволяет в зависимости от конкретного исторического этапа развития норм международного морского права и их содержания по-разному решать на практике вопрос о расположении конечной точки линии разграничения юрисдикций России и США в СЛО.

Это не трудно проследить на примере положений Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., которая на момент заключения Договора 1990 г. еще не вступила в законную силу. Ее нормы о правах прибрежных государств в рамках 200-мильных исключительных экономических зон и на континенталь-

ном шельфе за пределами 200 морских миль от берега начали действовать только четырьмя годами позже. Это позволило странам-участницам Конвенции 1982 г. на законных основаниях распространить свои суверенные права на морские пространства, находящиеся значительно дальше от берега по сравнению с акваториями, в которых они могли делать это ранее.

Такая же возможность существует сегодня и у России с США, которые могут решать вопрос о географических координатах конечной северной точки линии разграничения их морских пространств, опираясь, в частности, на положения ст. 76 и 83 Конвенции 1982 г. Причем такая возможность не может быть оспорена, по нашему мнению, даже в силу того, что США до сих пор не участвуют в этом договоре, поскольку практика Международного суда ООН «квалифицирует положения Женевской конвенции 1958 г. и Конвенции 1982 г. в вопросе делимитации континентального шельфа как воплощающие обычное международное право»³⁰. В то же время при проведении делимитации континентального шельфа в восточной Арктике нельзя не учитывать и точку зрения ряда исследователей о том, что «линия морской границы Соглашения 1990 г. не может идти севернее точки равноотстояния от побережий Канады, России и США, поскольку иначе были бы затронуты интересы третьих государств (Канады)»³¹.

– Исходя из вышесказанного, как, по Вашему мнению, можно охарактеризовать сложившуюся ситуацию в делимитации арктическими государствами смежных морских районов и континентального шельфа? О чем свидетельствует судебная практика в этом вопросе?

– Практически все приарктические государства (за исключением США и Канады) заключили к настоящему времени двусторонние соглашения о делимитации своих морских пространств и континентального шельфа в Арктике. Некоторые из них установили такое разграничение на основе срединных линий, состоящих из точек, равноудаленных от ближайших точек побережий договаривающихся государств, другие предусмотрели прохождение границы на основе прямых линий, в том числе линий меридианов. При этом в первом случае при определении географических координат соответствующих точек зачастую принимались во внимание геоморфологические особенности конкретных регионов, а во втором, - положения ранее заключенных двусторонних договоров о разграничении территорий стран-участниц, отражающих исторические особенности их взаимодействия.

Указанные договоры наглядно продемонстрировали стремление приарктических государств учитывать в процессе делимитации не только прохождение срединной линии их морских пространств, но и другие особые обстоятельства, которые в итоге позволили договаривающимся странам достичь взаимоприемлемого справедливого решения о прохождении границы, необходимость которого прямо предусматривается положениями ст. 83 Конвенции 1982 г.

Судебная практика также демонстрирует приверженность этим принципам. Международные судебные учреждения, отмечает А. И. Губанов, «при осуществлении делимитации последовательно придерживаются нормы, что делимитация должна осуществляться на основе принципов справедливости, принимая во внимание все обстоятельства, имеющие значение для дела с целью достижения справедливого результата (т.н. «правило принципов справедливости/актуальных обстоятельств»)»³². При этом в качестве подобных актуальных обстоятельств судом могут приниматься во внимание соотношение длин и конфигурация побережий спорящих государств, наличие вблизи них островов, поведение сторон и критерий пропорциональности³³.

В 2009 г. в решении по спору Румынии и Украины о делимитации их морских пространств в Черном море Международный суд ООН четко обозначил три основных стадии этого процесса. Первая из них предусматривает проведение Судом временной линии разграничения, равноотстоящей от побе-

28 Byers M. Op. cit. P. 91.

29 Agreement between the United States of America and the Union of Soviet Socialist Republics on the maritime boundary, 1 June 1990, available online at <http://www.un.org/Depts/los/LEGISLATION-ANDTREATIES/PDFFILES/TREATIES/USA-RUS1990MB.PDF>, accessed 21 July 2016.

30 Губанов А. И. Указ. соч. С. 82.

31 Там же. С. 196.

32 Там же. С. 197.

33 Там же. С. 198.

режий спорящих государств. На второй Суд исследует факты наличия или отсутствия обстоятельств, способных скорректировать или изменить направление такой линии в целях достижения справедливого результата. И, наконец, на третьей стадии Суд должен убедиться в том, что итоговое определение прохождения линии делимитации не приведет к несправедливому результату по причинам диспропорции соотношения длин побережий спорящих государств или их морских пространств, образовавшихся после такого разграничения³⁴.

В 2012 г. в решении по делу Никарагуа против Колумбии Международный суд ООН использовал аналогичную схему при осуществлении делимитации морских пространств, отметив при этом, однако, что она не должна применяться автоматически для каждого случая³⁵. Тем не менее, в этом же году Международный трибунал по морскому праву в решении по делу Бангладеш против Мьянмы констатировал наличие приоритета мировой судебной практики в пользу применения в подобных случаях метода равноотстояния/актуальных обстоятельств³⁶.

Таким образом, к настоящему времени в арктическом регионе сложилась солидная двусторонняя договорная практика делимитации морских пространств и континентального шельфа государств со смежными побережьями, которая в целом отвечает требованиям Конвенции 1982 г. о необходимости достижения справедливых решений в этой области. При этом есть значительные основания полагать, что даже если США и Канада не придут к согласию о разграничении своих морских пространств в море Бофорта, а Россия откажется от временного применения Договора 1990 г., и эти вопросы будут переданы на рассмотрение международных судебных органов, последние также будут их решать на основе положений и принципов Конвенции 1982 г.

Тем не менее, приведенный выше исторический обзор убедительно показывает, что договорная практика делимитации арктических морских пространств имеет значительно больший потенциал, чем судебное разбирательство, и что государства в рамках такой практики готовы идти на существенные компромиссы в целях достижения взаимовыгодных решений.

Тем не менее, при всех успехах нормативного и прецедентного регулирования в этой области, оно не способно сегодня дать точный ответ на вопрос о перспективах разграничения континентального шельфа в центральной части Северного Ледовитого океана. Окончательная делимитация этого района может быть юридически определена только после установления арктическими государствами внешних границ своих шельфов в СЛО в соответствии с правилами и процедурами ст. 76 Конвенции 1982 г. Причем, по нашему мнению, этот тезис является справедливым даже несмотря на заявления международных судебных инстанций о возможности использования для целей делимитации морских пространств за пределами 200 морских миль от берега тех же критериев, которые применяются при их разграничении внутри этих границ³⁷.

– Существуют ли принципиальные отличия процедуры делимитации шельфа в высокоширотных районах Северного Ледовитого океана от описанного выше подхода? Какую роль в этом вопросе играет Комиссия по границам континентального шельфа?

– Принципиальное отличие процедуры делимитации шельфа в высокоширотных районах СЛО от описанной выше практики состоит в том, что, помимо самих арктических государств, очень важную роль в этом процессе играет Комиссия по границам континентального шельфа, так как в соответствии п. 8 ст. 76 Конвенции 1982 г. следование прибрежным государством в процессе установления внешних границ своего континентального шельфа рекомендациям КГКШ является необходимым условием последующего признания таких границ окончательными и обязательными для всех.

Статус, компетенция и деятельность КГКШ нашли достаточно широкое и подробное освещение в доктрине³⁸. Поэтому в рамках данного интервью мы остановимся лишь на характеристике значения этой Комиссии в процессе будущей делимитации подводных районов центральной части СЛО. Оно представляется здесь весьма значительным, как с точки зрения того стимулирующего воздействия, которое КГКШ может оказать на процесс достижения согласия между арктическими государствами в этом вопросе самим фактом своего существования, так и с точки зрения той роли, которую Комиссия играет в деле единообразного толкования и применения формул и критериев, содержащихся в ст. 76 Конвенции 1982 г.

При этом в научной литературе справедливо подчеркивается, что КГКШ фактически возложила на себя функцию по правовому толкованию положений Конвенции 1982 г.³⁹ Несмотря на то, что ни статья 76 Конвенции, ни Приложение II к ней не закрепляют за Комиссией такие функции. Справедливость данного утверждения стала очевидна после принятия Комиссией собственных Научно-технического руководства⁴⁰ и Правил процедуры⁴¹. В п. 1.3. первого из этих документов указывалось, что «задачей Комиссии является также предоставление собственной интерпретации научных, технических и правовых терминов, содержащихся в Конвенции». А в п. 1 правила 11 Приложения III ко второму акту подчеркивается, что «рекомендации, разрабатываемые подкомиссией (подразделением КГКШ) должны соответствовать ст. 76 Конвенции..., настоящим Правилам и Руководству». При этом в качестве одного из наиболее ярких примеров толкования Конвенции 1982 г. Комиссией можно привести положение, зафиксированное в Приложении I к ее Правилам процедуры, о возможности несоблюдения 10 летнего срока подачи заявки в комиссию в отношении спорных (перекрывающихся) районов континентального шельфа до урегулирования спора.⁴²

Важная роль КГКШ в деле установления внешних границ континентального шельфа определяется также тем обстоятельством, что предписанная Конвенцией 1982 г. процедура подачи прибрежными государствами в Комиссию заявок на выдачу рекомендаций по установлению внешних границ континентального шельфа приводит к тому, что страны-заявители де-факто заблаговременно ставят в известность своих соседей

34 См.: *Maritime Delimitation in the Black Sea (Romania v. Ukraine)*. I.C.J. Reports 2009, paras. 118-122.

35 См.: *Territorial and Marine Dispute (Nicaragua v. Colombia)*. I.C.J. Reports 2012, paras. 190-194.

36 См.: *Dispute Concerning Delimitation of the Maritime Boundary between Bangladesh and Myanmar in the Bay of Bengal*, International Tribunal for the Law of the Sea, Case No. 16, March 14, 2012, para. 238, available online at https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/case_no_16/C16_Judgment_14_03_2012_rev.pdf, accessed 21 July 2016.

37 См.: *Case Concerning the Continental Shelf (Libyan Arab Jamahiriya/ Malta)*. I.C.J. Reports 1985, paras. 34, 39; *Dispute Concerning Delimitation of the Maritime Boundary between Bangladesh and Myanmar in the Bay of Bengal*, International Tribunal for the Law of the Sea, Case No. 16, March 14, 2012, paras. 461-462.

38 См., например, Губанов А. И. Указ. соч. С. 29-60; McDorman T. L. *The Role of the Commission on the Limits of the Continental Shelf: A Technical Body in a Political World* // *The International Journal of Marine and Coastal Law*. 2002. Vol. 17. № 3. P. 301-324; Serdy A. *The Commission on the Limits of the Continental Shelf and its Disturbing Propensity to Legislate* // *The International Journal of Marine and Coastal Law*. 2011. Vol. 26. № 3. P. 355-383; Øystein Jensen. *The Commission on the Limits of the Continental Shelf: An Administrative, Scientific, or Judicial Institution?* // *Ocean Development and International Law*. 2014. Vol. 45. № 2. P. 171-185.

39 См., например, Kunoy B., Heinesen M. V. & Mørk F. *Appraisal of Applicable Depth Constraint for the Purpose of Establishing the Outer Limits of the Continental Shelf* // *Ocean Development and International Law*. 2010. Vol. 41. № 4. P. 359-360; Kunoy B. *Disputed Areas and the 10-Year Time Frame: A Legal Lacuna?* // *Ocean Development and International Law*. 2010. Vol. 41. № 1. P. 119-123; Treves T. *Remarks and Submissions to the Commission on the Limits of the Continental Shelf in Response to Judge Marotta's Report* // *The International Journal of Marine and Coastal Law*. 2006. Vol. 21. № 3. P. 367.

40 *Scientific and Technical Guidelines of the Commission on the Limits of the Continental Shelf*. Doc. CLCS/11. 13 May 1999.

41 *Rules of Procedure of the Commission on the Limits of the Continental Shelf*. Doc. CLCS/40/Rev.1. 17 April 2008.

42 *Ibid.* Sec. 3. P. 22.

со смежными или противолежащими побережьями о своих намерениях в этом вопросе. В результате происходит выявление областей совпадений и конфликтов интересов заинтересованных сторон, а также ознакомление их с существом аргументов друг друга. Эта практика имеет особое значение для СЛО, так как содержание поданных к настоящему времени в Комиссию заявок арктических государств и реакция на них других стран ясно демонстрируют наличие серьезных расхождений между ними по вопросу делимитации дна центральной части Северного Ледовитого океана. Такое положение дел делает невозможным его разграничение исключительно на основе рекомендаций КГКШ, по крайней мере до тех пор, пока основные принципы этого процесса не будут согласованы в результате переговоров арктических государств⁴³.

– Россия первой из государств-участников Конвенции ООН по морскому праву подала 20 декабря 2001 г. в Комиссию заявку на установление внешних границ своего континентального шельфа в Арктике. В чем заключалось содержание российской заявки и каковы результаты ее рассмотрения?

– В соответствии с этим документом в состав юридического континентального шельфа России в СЛО должны были войти географический шельф, континентальный склон и подъем, примыкающие к материку и хребтам Ломоносова и Менделеева, а также сами эти хребты в пределах российского арктического сектора до Северного полюса. При этом в континентальный шельф России не включался хребет Гаккеля, являющийся северным окончанием Срединно-Атлантического океанического хребта.

В июне 2002 г. Комиссия по границам континентального шельфа вынесла свои рекомендации по российской заявке, которые позже нашли отражение в докладе Генерального секретаря ООН на 57 сессии Генеральной Ассамблеи этой организации⁴⁴. В нем, в частности, отмечалась рекомендация КГКШ о том, «чтобы по вступлении в силу соглашений о разграничении морских пространств с Норвегией в Баренцевом море и с Соединенными Штатами Америки в Беринговом море Российская Федерация препроводила Комиссии карты и координаты разграничительных линий, показывающих внешнюю границу российского континентального шельфа (...), простирающуюся за 200 морских миль». Одновременно в отношении «центральной части Северного ледовитого океана Комиссия рекомендовала Российской Федерации представить пересмотренную заявку в той части, в какой она касается ее расширенного континентального шельфа, опираясь на выводы, приведенные в рекомендациях Комиссии».

Таким образом, КГКШ фактически отложила вопрос об определении восточной и западной границ арктического шельфа России до момента заключения ею соглашений по этому вопросу с Норвегией и США. При этом Комиссия практически не рассматривала вопрос о прохождении внешней границы континентального шельфа России в высокоширотной Арктике, так как не смогла подтвердить правильность ее проведения в связи с отсутствием в заявке батиметрических и навигационных карт и базы данных по глубинам, которые в соответствии с российскими нормативами являлись секретными. К тому же предоставленные Россией геофизические данные не в полной мере соответствовали научно-техническим требованиям Комиссии⁴⁵.

В соответствии с рекомендациями Комиссии Россия после проведения в СЛО широкого комплекса дополнительных геологических и геофизических исследований подала 3 августа 2015 г. в КГКШ частично пересмотренную заявку в отношении

своего континентального шельфа в Северном Ледовитом океане, к рассмотрению которой Комиссия приступила только через год 9 августа 2016 г.⁴⁶

В соответствии с пересмотренной заявкой «район морского дна СЛО, ... значимый для определения ВГКШ Российской Федерации по статье 76 Конвенции, охватывает геоморфологический шельф российских арктических окраинных морей, часть Евразийского бассейна (котловины Нансена и Амундсена, хребет Гаккеля) и центральную часть Американо-Арктического бассейна в составе котловины Макарова и Комплекса Центрально-Арктических подводных поднятий, в который входят хребет Ломоносова, котловина Подводников, поднятие Менделеева-Альфы, Чукотская котловина и Чукотское поднятие»⁴⁷. В целом же пересмотренная заявка относилась к континентальному шельфу России за пределами 200 морских миль подводную территорию площадью около 1 200 000 квадратных километров, т.е. почти на 100 000 квадратных километров больше, чем было предусмотрено в российской заявке 2001 г.⁴⁸

При этом пересмотренная заявка содержала необходимое научное обоснование того, «что составные части Комплекса Центрально-Арктических подводных поднятий, а именно хребет Ломоносова, поднятие Менделеева-Альфы и Чукотское поднятие и разделяющие их котловина Подводников и Чукотская котловина, имеют континентальную природу своего образования и относятся по пункту 6 статьи 76 Конвенции к подводным возвышенностям, являющимся естественными компонентами материковой окраины, к которым не применяется дистанционный лимит 350 морских миль от исходных линий»⁴⁹.

Кроме того, в пересмотренной заявке констатируется факт урегулирования вопроса о делимитации морских пространств в Баренцевом море на основании российско-норвежского двустороннего договора от 15 декабря 2010 г. и разграничения континентального шельфа в Чукотском море и СЛО между Россией и США на основании российско-американского договора от 1 июня 1990 г., временно применяемого сторонами с момента его подписания до настоящего времени⁵⁰.

В заявке также содержится информация о достижении Россией принципиальных двусторонних договоренностей с Данией и Канадой о перспективах их отношений друг с другом и с КГКШ в отношении делимитации континентального шельфа в центральной части СЛО. Эти соглашения предусматривают, что: 1) ни одна из сторон не будет возражать против рассмотрения Комиссией заявки другого государства и вынесения КГКШ рекомендаций по ней; 2) рекомендации, сделанные Комиссией в отношении заявки другого государства, не наносят ущерба правам государства при рассмотрении его собственной заявки; 3) рекомендации КГКШ не наносят ущерба вопросам разграничения континентального шельфа между двумя государствами⁵¹. Нетрудно заметить, что указанные договоренности предоставляют Комиссии юридическое основание для выработки рекомендаций об установлении Россией, Данией и Канадой внешних границ своего континентального шельфа в центральной части СЛО даже в условиях наличия между ними неурегулированных разногласий и споров по этому вопросу. Это обстоятельство является особенно актуальным в свете подачи 15 декабря 2014 г. правительством Дании в

43 Правила процедуры Комиссии по границам континентального шельфа устанавливают, что в случае наличия морских и территориальных споров между государствами КГКШ не будет рассматривать заявку без предварительного согласия государств, затронутых спором (см.: Annex 1 to the Rules of the Commission on the Limits of the Continental Shelf. Doc. CLCS/40/Rev.1. 17 April 2008. Sec. 5 (a)).

44 См.: Doc. A/57/57/Add.1, 8 October 2002, para 39.

45 См.: Казьмин Ю. Б. К вопросу о внешней границе континентального шельфа России в Арктике // Международная жизнь. 2010. № 3. С. 30.

46 См.: Комиссия ООН начала рассмотрение заявки России на расширение континентального шельфа в Арктике [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://informatio.ru/news/glavnoe/world/komissiya_oon_nachala_rassmotrenie/ (дата обращения: 16.08.2016 г.)

47 См.: Partial Revised Submission of the Russian Federation to the Commission on the Limits of the Continental Shelf in Respect of the Continental Shelf of the Russian Federation in the Arctic Ocean: Executive Summary 2015. P. 6, available online at http://www.un.org/depts/los/clcs_new/submissions_files/rus01_rev15/2015_08_03_Exec_Summary_English.pdf, accessed 28 July 2016.

48 См.: Jensen Ø. Russia's Revised Arctic Seabed Submission // Ocean Development and International Law. 2016. Vol. 47. № 1. P. 75.

49 Partial Revised Submission of the Russian Federation to the Commission on the Limits of the Continental Shelf... P. 6.

50 Ibid. P. 10.

51 Ibid. P. 10-11.

КГКШ заявки об установлении внешних границ северного континентального шельфа Гренландии⁵².

– **Содержание заявки Дании входит в противоречие с российской заявкой по разграничению континентального шельфа СЛО. С какой целью Дания и другие арктические государства придерживаются данной стратегии?**

– Действительно, заявка, поданная Данией, территориально значительно перекрывает районы, включенные в российские заявки 2001 и 2015 годов, в приполюсной области СЛО и на большей части хребта Ломоносова. При этом в датской заявке указывалось, что подобное противоречие не является единственным и представления этой страны о внешних границах ее шельфа в Арктике также вступают в противоречие с позициями Норвегии, Канады и США по этому вопросу. Однако, как и в случае с Россией, эти страны не возражают против рассмотрения заявки Дании в КГКШ⁵³.

На первый взгляд может показаться, что подача Россией и Данией столь явно несовместимых друг с другом заявок и согласие других арктических государств на их рассмотрение Комиссией лишены всякого смысла, так как в соответствии с Конвенцией 1982 г. КГКШ уполномочена принимать рекомендации лишь об установлении внешних границ континентального шельфа, а не о его делимитации между странами со смежными или противолежащими побережьями. Однако, представляется, что арктические государства делают это умышленно, специально оговаривая право Комиссии рассматривать такие заявки даже при наличии существующих или потенциальных территориальных споров между ними.

Такой подход позволит им объективно оценить свои шансы на успех в зависимости от результатов рассмотрения Комиссией данных, предоставленных в заявках, и, в конечном итоге, сформировать более аргументированную позицию для последующих переговоров о делимитации шельфа центральной части СЛО со своими соседями. Скорее всего именно с этой целью в заявках России и Дании были сделаны специальные оговорки о том, что эти страны оставляют за собой право предоставить в КГКШ изменения и дополнения к ним, а также о том, что окончательная делимитация континентального шельфа в Северном Ледовитом океане будет осуществляться в соответствии с положениями ст. 83 Конвенции 1982 г. уже после принятия Комиссией соответствующих рекомендаций.

– **Вячеслав Вячеславович, известно, что Канада еще не сделала своей заявки по разграничению континентального шельфа в Арктике. Как, по Вашему мнению, объем претензий Канады может повлиять на расстановку сил и принятие итоговых решений в делимитации морских районов и шельфа Северного Ледовитого океана?**

– Официальное представление Канадой в Комиссию своего видения ВГКШ в СЛО будет иметь важное значение. Это объясняется тем, что «как только объем канадских претензий на континентальный шельф в Арктике станет известен, пределы зоны пересекающихся интересов в Северном Ледовитом океане примут окончательные очертания, что сформирует сам предмет переговоров»⁵⁴. А в том, что такие зоны пересекающихся интересов могут умножиться после подачи Канадой заявки в КГКШ сомнений нет, так как это государство последовательно формирует свою арктическую политику таким образом, чтобы не только не допустить пространственную потерю части шельфа в своем арктическом секторе, но и, напротив, с большой долей вероятности претендовать на часть континен-

тального шельфа в соответствующих секторах России и Соединенных Штатов⁵⁵.

Однако Канада до сих пор ограничилась лишь подачей 6 декабря 2013 г. в КГКШ частичной заявки в отношении своего континентального шельфа в Атлантическом океане. В ней указывалось, что информация относительно ВГКШ Канады в СЛО будет предоставлена в Комиссию позже в соответствии со ст. 4 Приложения II к Конвенции 1982 г. и решением восемнадцатого Совещания государств-участников Конвенции от 20 июня 2008 г.⁵⁶ Согласно этому решению для соблюдения 10 летнего срока предоставления заявок в Комиссию, прибрежному государству достаточно лишь передать Генеральному Секретарю ООН «предварительную информацию», обозначающую внешние границы его континентального шельфа за пределами 200 морских миль, а также в общих чертах описать состояние подготовки и планируемую дату направления заявки⁵⁷.

Такая предварительная информация была направлена Канадой в ООН одновременно с заявкой о ВГКШ в Атлантическом океане. В рамках этого документа Канада заявила о возможном включении в состав своего континентального шельфа в СЛО районов Канадского бассейна, бассейна Амундсена, а также хребтов Ломоносова и Альфа. При этом применительно к хребтам притязания Канады распространяются за пределы 350 морских миль от исходных линий⁵⁸. По подсчетам канадских ученых в случае одобрения этих предложений общая площадь расширенного за пределы 200 морских миль континентального шельфа Канады может составить 750 тыс. кв. км⁵⁹.

В «предварительной информации» также указывается, что Канада подаст в КГКШ частичную заявку по Арктике в «подходящую дату, которая может зависеть, среди прочего, от получения дополнительных научных данных». Однако, по нашему мнению, это вряд ли произойдет в ближайшее время в силу двух основных причин. Во-первых, при наличии заявки Дании, претендующей на часть континентального шельфа севернее канадского острова Элсмир, было бы разумнее дождаться решения Комиссии об обоснованности этой позиции, нежели лишний раз подчеркивать наличие расхождений между Канадой и Данией по данному вопросу путем подачи собственной заявки в КГКШ.

Во-вторых, односторонняя подача Канадой заявки в Комиссию в условиях проведения ею совместно с США многолетних научных исследований континентального шельфа в море Бофорта и сохраняющихся между ними расхождений в отношении принципов его делимитации способна привести к снижению доверия и возрастанию напряженности между этими странами в данном вопросе. Как результат, практикуемый сегодня Канадой и США поиск компромиссов в рамках двустороннего договорного процесса может быть переведен в нежелательную для обеих сторон плоскость формализации указанного спора и привлечения к его разрешению международных институций⁶⁰.

Кроме того, отсутствие ясности о принципах проведения западной границы арктического шельфа Канады делает вполне допустимой ситуацию, при которой его отграничение от континентального шельфа США за пределами 200 морских миль будет осуществлено на основе срединной линии, а не по меридиану 141° з.д. В этом случае общая граница континентального

52 См.: Partial Submission of the Government of the Kingdom of Denmark together with the Government of Greenland to the Commission on the Limits of the Continental Shelf “The Northern Continental Shelf of Greenland: Executive Summary”, available online at http://www.un.org/depts/los/clcs_new/submissions_files/dnk76_14/dnk2014_es.pdf, accessed 28 July 2016.

53 Ibid. P. 17-19.

54 Тулунов Д. Уроки анимательной делимитации: как правильно разделить арктический шельф? [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=5583#top-content (дата обращения: 06.08.2016 г.).

55 См.: Вылегжанин А. Н. Международный обычай: значение для уточнения современного статуса Арктики... С. 36.

56 См.: Partial Submission of Canada to the Commission on the Limits of the Continental Shelf Regarding Its Continental Shelf in the Atlantic Ocean: Executive Summary. P. 3, available online at http://www.un.org/depts/los/clcs_new/submissions_files/can70_13/es_can_en.pdf, accessed 06 August 2016.

57 См.: Doc. SPLOS/183. 20 June 2008, para 1(a).

58 См.: Preliminary Information concerning the outer limits of the continental shelf of Canada in the Arctic Ocean, available online at http://www.un.org/depts/los/clcs_new/submissions_files/preliminary/can_pi_en.pdf, accessed 06 August 2016.

59 Riddell-Dixon E. Meeting the Deadline: Canada's Arctic Submission to the Commission on the Limits of the Continental Shelf // Ocean Development and International Law. 2011. Vol. 42. № 4. P. 369.

60 См.: McDorman T.L. Canada, the United States and international law of the sea in the Arctic Ocean // Polar Oceans Governance in an Area of Environmental Change / T. Stephens and D.L. VanderZwaang eds. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing Limited, 2014. P. 257.

шельфа появится уже не только у Канады и США, но и у Канады и России. Как отмечает М. Байерс, «если США согласятся с прохождением их морской границы с Канадой на базе линии равного удаления от берега или ее модифицированной версии, то их морская граница с Россией может быть естественным образом прервана в точке, в которой она пересечется с американо-канадской границей»⁶¹. Такая ситуация создаст совершенно другую правовую реальность, поскольку Россия до сих пор не имеет с Канадой такого договора о разграничении морских пространств в Арктике, какой она заключила с США в 1990 г.

– Исходя из вышеизложенного Вами, можно ли сделать вывод, что процесс юридической делимитации континентального шельфа Северного Ледовитого океана находится только на начальном этапе своего развития? И как Вы оцениваете дальнейшие перспективы решения обсуждаемой проблемы, в том числе опираясь на деятельность КГКШ?

– Действительно, несмотря на наличие целого ряда двусторонних договоров, уже заключенных к настоящему времени в этой области арктическими государствами со смежными побережьями, данная проблема еще далека от своего окончательного разрешения. Это объясняется тем, что, во-первых, такие соглашения устанавливают соответствующие линии разграничения, как правило, только в пределах 200 мильной прибрежной полосы, а, во-вторых, ими не регулируются или регулируются лишь на временной основе вопросы делимитации арктического шельфа между Россией, США и Канадой в восточной части СЛО.

Еще сложнее, как с правовой, так и с организационной точек зрения, выглядит перспектива территориального размежевания центральной области Северного Ледовитого океана, поскольку в данном случае возникает необходимость решения вопроса о делимитации шельфа государств не только со смежными, но и с противолежащими побережьями. Она усугубляется проблемой отсутствия достаточного количества общепризнанных научных данных, способных пролить свет на происхождение и природу подводных хребтов и возвышенностей СЛО в целом и установить их соответствие требованиям ст. 76 Конвенции 1982 г.

В силу объективных политических, технологических и климатических причин и условий вряд ли стоит ожидать, что такие данные в полном объеме будут собраны в ближайшее время. А это означает, что попытки государств в одностороннем порядке решить вопрос о делимитации дна подводных районов СЛО на основе своих собственных представлений о его составе и геоморфологической структуре станут главным лейтмотивом этого процесса в обозримой перспективе.

Однако, по нашему мнению, подавая заявки на установление внешних границ своего континентального шельфа в КГКШ или соглашаясь с рассмотрением Комиссией заявок других государств, арктические страны не склонны рассматривать будущие рекомендации этого международного органа в качестве окончательных и обязательных для себя. При подаче таких заявок они ссылаются на ст. 83 Конвенции 1982 г., предусматривающую необходимость делимитации континентального шельфа государств с противолежащими или смежными побережьями на основе заключения специального международного соглашения в целях достижения справедливого решения. Другими словами, Комиссия, с точки зрения арктических стран, по всей видимости выполняет в данном случае лишь роль экспертного органа, способного авторитетно подтвердить или опровергнуть их представления о границах своего или чужого континентального шельфа в Арктике или указать на необходимость проведения дальнейших исследований в этой области.

Кроме того, нельзя забывать и о том обстоятельстве, что в соответствии со ст. 8 Приложения II к Конвенции 1982 г. «в случае несогласия прибрежного государства с рекомендациями Комиссии прибрежное государство в течение разумного периода времени делает пересмотренное или новое представление Комиссии». Теоретически процесс подачи таких пересмотренных или новых заявок может продолжаться бесконечно, так как установление внешних границ континентального шельфа – суверенное право государства, а КГКШ обладает здесь только

правом давать ему рекомендации по этому поводу. Следовательно, рекомендации Комиссии способны в полной мере обрести свой обязывающий характер только после их имплементации соответствующим прибрежным государством.⁶²

В силу указанных причин односторонние заявки и заявления арктических государств, содержащие явно завышенные требования в отношении ВГКШ или территориально перекрывающие друг друга, не должны восприниматься другими участниками процесса как повод для пессимизма или конфронтации. Такие действия призваны лишь обозначить их исходную позицию в этом вопросе и сформировать предмет для дальнейших переговоров со своими соседями, формат которых может быть самым различным: от параллельных двусторонних консультаций до полноценной международной конференции арктических государств. Несомненно здесь только одно: проблема делимитации континентального шельфа Северного Ледовитого океана может получить свое полноценное и окончательное решение лишь на основе переговоров арктических государств с учетом интересов всех сторон и при неукоснительном соблюдении норм современного международного права.

– Уважаемый Вячеслав Вячеславович, в заключение наш традиционный вопрос, что бы Вы хотели пожелать сотрудникам редакции, авторам и читателям Евразийского юридического журнала?

Дальше и с тем же энтузиазмом продолжать важное и нужное дело по анализу ключевых проблем правотворчества и правоприменения на евразийском пространстве и в глобальной перспективе, которым сейчас занимается сотрудники вашего журнала и его авторы. При этом хочется выразить надежду, что материалы Евразийского юридического журнала получат, наконец, достойную оценку профильных государственных органов и организаций России, которые станут постоянно обращаться к ним на этапе выработки и принятия своих решений. Ну а читателям журнала я хотел бы пожелать терпения и неуклонности в поиске ответов на сложные и противоречивые юридические вопросы, которые ставит сегодня перед всеми нами окружающий мир.

– Дорогой Вячеслав Вячеславович, благодарим Вас за Ваше профессиональное мнение, многоаспектный, глубокий анализ правовых проблем определения границ континентального шельфа в Арктике. Желаем Вам новых успехов в научно-исследовательской деятельности и надеемся на дальнейшее плодотворное сотрудничество!

Интервью брали:

Бондаренко Александр Викторович
заместитель главного редактора
Евразийского юридического журнала,
кандидат философских наук, доцент

Лукиянов Михаил Юрьевич
ответственный редактор
Евразийского юридического журнала,
кандидат политических наук

62 См.: Franckx E. The International Seabed Authority and the Common Heritage of Mankind: the Need for States to Establish the Outer Limits of Their Continental Shelf // The International Journal of Marine and Coastal Law. 2010. Vol. 25. № 4. P. 555-556.

61 См.: Byers M. Op. cit. P. 90.

ЗЕЛЕНЕВА Ирина Владимировна

доктор исторических наук, профессор кафедры мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета

АГЕЕВА Вера Дмитриевна

аспирант кафедры мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета

ИДЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Моделирование российским руководством политического диалога между партнерами по евразийской интеграции является частью российской внешнеполитической стратегии по укреплению своего влияния в регионе. В официальных внешнеполитических документах данная стратегия была обозначена в качестве политики «мягкой силы». Авторы представляют читателю ряд документов, принятых российским правительством, в которых закрепляется значение инструментов «мягкой силы» во внешнеполитической стратегии России в XXI веке и которые предусматривают ряд практических шагов по воплощению российской модели «мягкой силы» в жизнь. Авторы показывают, что в качестве нарратива российской внешней политики, который является ключевым для успеха стратегии «мягкой силы», Москвой была выбрана идеология консерватизма и защита ценностей традиционного общества. Как показывает живая политическая практика, именно консервативные ценности на сегодняшний день выступают в качестве объединяющей аксиологической парадигмы для евразийской интеграции.

Ключевые слова: «мягкая сила», дипломатия влияния, политическая интеграция, Евразийский экономический союз, евразийство.

ZELENEVA Irina Vladimirovna

Ph.D. in political sciences, professor of World Policy sub-faculty of the Saint Petersburg State University

AGEEVA Vera Dmitrievna

postgraduate student of World Policy sub-faculty of the Saint Petersburg State University

IDEOLOGY OF EURASIAN INTEGRATION

Russia has developed its own influence strategies in Eurasia and construction of political dialogue with Eurasian partners appears as an important part of it. This strategy is explained in Russian official documents in the framework of the soft power conception. Authors cite recent official documents, adopted by Russian government, confirming the importance of soft power instruments in current Russian foreign policy and setting out practical steps. Authors suggest that Moscow has filled its soft power strategy with a conservative narrative defending traditional values. Current political trends demonstrate that conservatism can become a consolidating value's platform for Eurasian partners.

Keywords: soft power, diplomacy of influence, political integration, Eurasian Economic Union, Eurasianism.

Сегодня в евразийских интеграционных процессах наблюдается положительная динамика. С 1 января 2015 года начал свою работу Евразийский экономический союз (ЕАЭС), в рамках которого между Россией, Белоруссией, Казахстаном, Арменией и Киргизией предполагается создание общего рынка товаров, услуг, капитала и труда, а также проведение согласованной макроэкономической, торговой и миграционной политики. В дальнейшем ЕАЭС предполагает последовательное углубление экономических связей между странами-участниками: общее регулирование фармацевтики (к 2016 году), создание общего электроэнергетического рынка (к 2019 году), установление общих финансовых мегарегуляторов (в 2022 году), и, наконец, формирование в 2024-2025 годах общего рынка нефти, газа и нефтепродуктов.

С 2002 года на постсоветском пространстве действует и военный союз – Организация договора о коллективной безопасности (ОДКБ). В него входят все страны-участницы ЕАЭС, а также Таджикистан. Сотрудничество в сфере безопасности одинаково важно для всех стран-участниц договора: напряжение вокруг Нагорно-Карабахского конфликта, соседство с нестабильным Афганистаном, распространение террористической идеологии ИГИЛ остаются серьезными вызовами для евразийского региона. Кроме того, нельзя не учитывать того, что гражданская

война в Сирии и ситуация на Большом Ближнем Востоке по-прежнему продолжит сотрясать Евразию и весь мир¹.

Как показывает опыт Европейского союза, стабильность интеграционного объединения надежнее всего обеспечивается общими политическими ценностями, которые разделяют участники объединения. Европейские страны прошли долгий путь от чисто экономических проектов – Европейского общества угля и стали (основано в 1951 году) и Европейского экономического сообщества – до политического проекта Европейского союза, который предусматривал ведение согласованной политики не только в сфере экономики, но в сферах безопасности, правосудия, внутренней политики и международных отношений. Члены Европейского союза также декларировали приверженность общим политическим ценностям, которые были закреплены в преамбуле Маастрихтского договора 1992 года: это ценности свободы, демократии, уважения основных прав и свобод человека, верховенства закона².

Зеленева И. В.

Агеева В. Д.

1 Фархутдинов И. Обеспечение мира и безопасности в Евразии (международно-правовая оценка событий в Сирии) // Евразийский юридический журнал. №10 (89). 2015. С. 12.

2 Treaty on European Union. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://europa.eu/eu-law/decision-making/treaties/pdf/treaty_on_

Таким образом, уже сегодня на повестку дня евразийской интеграции выносится вопрос о формировании собственной системы этико-цивилизационных ориентиров, которые объединяли бы евразийские страны и способствовали дальнейшему углублению интеграции³. Несомненно, Российская Федерация заинтересована в том, чтобы играть ведущую роль в данном процессе.

Последние годы российское руководство целенаправленно занимается разработкой стратегии усиления влияния России на мировой арене. С 2009 года на самом высоком политическом уровне в Кремле обсуждается необходимость формирования российской модели «мягкой силы». Концепция «мягкой силы» предусматривает не только организацию культурных и образовательных обменов, формирование позитивного имиджа страны за рубежом и активное присутствие в глобальном информационном пространстве. Автор концепции «мягкой силы», гарвардский ученый Дж. Най, подчеркивал, что ключевым для успеха «мягкой силы» государства является наличие привлекательной политической идеологии. Данный аспект концепции был учтен российскими политиками. О необходимости выработки глобальной идеи и политического меседжа, который Россия могла бы представить миру, говорил К. Косачев еще в 2013 году, будучи руководителем Россотрудничества⁴. Необходимо признать, что по данному направлению российским руководством была проделана работа, и сегодня уже можно подводить первые итоги.

В 2013 – 2015 гг. был принят ряд важных внешнеполитических документов, которые инкорпорировали концепцию «мягкой силы» в российскую дипломатическую практику. Речь идет в первую очередь о Концепции внешней политики Российской Федерации от 12.02.2013, в которой отдельная статья (ст.20) была посвящена «мягкой силе» как неотъемлемой составляющей современной международной политики⁵. Через полгода после выхода в свет Концепции внешней политики Российской Федерации, был утвержден План деятельности Министерства иностранных дел Российской Федерации на период до 2018 года (от 12.07.2013), в котором также постулировалась необходимость развития российского потенциала «мягкой силы», а также наращивания культурного и образовательного присутствия России в мире (пункт 6)⁶. Основным документом, принятым на сегодняшний день по вопросу российской концепции «мягкой силы», считается Концепция государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию, утвержденная указом Президента РФ от 20 апреля 2014 года N 259⁷. Данную концепцию К.Косачев называл «доктриной российской мягкой силы», которую Россотрудничество разрабатывало в течение 2013 года⁸. В новой концепции излагается российское виде-

ние современного мира с его проблемами и целями развития, в реализации которых Россия будет стремиться принимать участие. В целях более успешной реализации Концепции государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию в октябре 2014 года Правительством РФ был принят План мероприятий по активизации деятельности в сфере содействия международному развитию и гуманитарного сотрудничества на базе российских центров науки и культуры за рубежом на 2014 – 2016 годы⁹. Исполнителями Плана стали МИД России, Россотрудничество, Минэкономразвития РФ, Минобрнауки, Минкультуры а также региональные власти (в частности, правительства Санкт-Петербурга, республик Кавказа, Дальневосточного региона и Крыма) и даже Минобороны, Федеральная служба по военно-техническому сотрудничеству, МЧС России. План предусматривает реализацию на постоянной основе 35 мероприятий в течение 3 лет.

За последние годы российским руководством была проделана большая работа по институционализации российской «мягкой силы»: было создано государственное агентство, отвечающее за усиление гуманитарного влияния России в мире (Россотрудничество), учреждены НКО, призванные стать неофициальными проводниками российской «мягкой силы» (фонд «Русский мир», движение «Мир без нацизма», Фонд поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом, и Фонд сотрудничества с русскоязычной прессой, целый ряд локальных организаций).

Интересно, что при анализе деятельности российских институтов «мягкой силы» можно заметить распределение зон ответственности между ними. Так, в работе Россотрудничества особое место занимает евразийское направление: проводятся специальные конференции (например, Конференция «Общественная дипломатия за евразийскую интеграцию» (Москва, 2014 год), объединяющие молодежные и спортивные мероприятия (Фестиваль школьного спорта среди государственных участников СНГ (г. Казань); Фестиваль молодежи и студентов стран пояса добрососедства (евразийской молодежи) «Евразия – это мы!» (г. Рязань, 2014 год); Второй Казанский форум «Евразийская интеграция: достижения и проблемы» (г. Казань, 2014 год))¹⁰. В то время, как деятельность фонда «Русский мир» больше направлена на соотечественников, проживающих за рубежом, в основном в европейских странах. При изучении отчета о деятельности фонда за 2014 год, можно обнаружить, что термин «евразийская интеграция» в нем не встречается ни разу.

Сегодня начинают проступать очертания политической идеологии, которая закладывается российским руководством в основу отечественной концепции «мягкой силы». Эксперты сходятся во мнении, что внешнеполитический нарратив современной России строится на консервативных ценностях. Курс на консервативную модель общества был объявлен В. Путиным еще в 2013 году. Выступая перед Федеральным собранием РФ президент заявил, что Россия всегда являлась носителем традиционных ценностей – «ценностей традиционной семьи, подлинной человеческой жизни, в том числе и жизни религиозной, жизни не только материальной, но и духовной, ценностей гуманизма и разнообразия мира»¹¹.

Консервативная идеология становится частью не только внутренней, но и внешней политики Российской Федерации.

european_union/treaty_on_european_union_en.pdf (дата обращения: 08.05.2016 г.).

- 3 Алимов А. А., Ермолина М. А. Перспективы участия России в международном сотрудничестве в сфере охраны окружающей среды в рамках развития евразийской экономической интеграции // Евразийский юридический журнал. 2016. № 1 (92). С. 177-181.
- 4 Косачев К. Мягкая сила и жесткая сила: не сумма, но произведение // Индекс безопасности. №4 (107). Том 19. С. 7.
- 5 Концепция внешней политики Российской Федерации от 12 февраля 2013 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/64542 (дата обращения: 14.04.2016 г.).
- 6 План деятельности Министерства иностранных дел Российской Федерации на период до 2018 года от 12.07.2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://archive.mid.ru/bdomp/ns-osndoc.nsf/e2f289bea62097f9c325787a0034c255/a2fd6cef39f6706944257ba600461abb!OpenDocument> (дата обращения: 14.04.2016 г.).
- 7 Концепция государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию от 20.04.2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://archive.mid.ru/ns-osndoc.nsf/0e9272befa34209743256c6300421aa/00cc9154529e1c7fcs2575bco02c6bb5> (дата обращения: 14.04.2016 г.).
- 8 Косачев К. Мягкая сила и жесткая сила: не сумма, но произведение // Индекс безопасности. №4 (107). Том 19. С. 14.

9 План мероприятий по активизации деятельности в сфере содействия международному развитию и гуманитарного сотрудничества на базе российских центров науки и культуры за рубежом на 2014 – 2016 годы, утвержденный Распоряжением Правительства РФ от 09.10.2014 №2006-Р.

10 Доклад о результатах деятельности Россотрудничества по реализации возложенных на него полномочий в 2014 году. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rs.gov.ru/about/document/6694> (дата обращения: 14.04.2016 г.).

11 Владимир Путин огласил ежегодное Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. 12 декабря 2013 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/19825> (дата обращения: 08.05.2016 г.).

Современная Россия начинает позиционировать себя в качестве глобального защитника традиционных ценностей, последнего оплота истинных представлений о семье и обществе. Глава российского государства В. Путин неоднократно в своих официальных выступлениях заявлял, что Россия намерена противостоять негативным тенденциям, идущим из европейских стран, которые «пошли по пути отказа от своих корней, в том числе и от христианских ценностей, составляющих основу западной цивилизации»¹². В публицистических кругах уже встречаются ёмкие определения, согласно которым консерватизм является «мягкой силой» России¹³.

Под знаменем защиты традиционных ценностей российское руководство планирует собирать вокруг себя консервативно настроенные круги со всего мира. Продвигая консервативный нарратив в своей внешней политике, Россия намеревается оказывать значительное влияние на международную повестку дня.

На практике можно наблюдать - проецирование российской «мягкой силы» происходит на двух уровнях: глобальном и региональном. Диалог с глобальной аудиторией происходит через концепцию «Русского мира». Сегодня «Русский мир» это уже не просто сеть русскоговорящих сообществ, каким его видели П.Щедровицкий и Е.Островский в конце 1990-х годов. Отныне «Русский мир» представляет собой глобальный культурно-цивилизационный феномен, способный объединить людей вне зависимости от национальности, которые ощущают себя русскими, являются носителями русской культуры и русского языка, духовно связаны с Россией и неравнодушны к ее судьбе¹⁴. «Русский мир» является производной от христианской, православной, цивилизации, поэтому его ценностной основой выступает именно консерватизм. Концепцию «Русского мира» активно используют Русская православная церковь, Изборский клуб, Международный консервативный форум.

На региональном уровне усилия российского руководства сосредоточены на евразийской интеграции, для углубления которой разрабатывается общая ценностная парадигма. В своих официальных заявлениях В. Путин неустанно подчеркивает, что «Евразийский союз – это проект сохранения идентичности народов»¹⁵. Евразийские страны остались верными устоям традиционного общества, поэтому именно консервативная идеология могут стать объединяющей для будущего политического союза.

Консервативную идеологию евразийства ярче всего иллюстрирует интерпретация вопросов, больше всего волнующих современное мировое сообщество – отношение к однополым связям и легализация гомосексуальных браков, место государства и религии в современном обществе. На данные вопросы евразийская идеология дает противоположные западным нормам ответы. Начнем с вопроса отношения к однополым бракам. Вслед за Россией, евразийские страны не готовы мириться с западной политикой, «ставящей на один уровень многодетную семью и однополые партнёрство, веру в бога или веру в сатану»¹⁶. Отрицание нравственных начал и традиционной идентичности, в том числе половой, неприемлемо для обществ евразийского пространства. Общественное неприятие гомосексуализма, как формы отношений между

людьми, нашло свое отражение в законах, принятых в странах Евразийского пространства. В 2013 году в России Кодекс об административных правонарушениях (КоАП) был дополнен нормой, устанавливающей ответственность за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних; также были утверждены поправки в Федеральный закон 135-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», согласно которым было установлено, что к информации, запрещенной для распространения среди детей, относится также информация, пропагандирующая нетрадиционные сексуальные отношения. В 2015 году инициативы по схожим юридическим действиям для официального запрета пропаганды гомосексуализма среди несовершеннолетних предпринимались и в Казахстане, и в Киргизии. В Казахстане были разработаны соответствующие законопроекты, они прошли чтения в меджлисе, однако затем Конституционный совет Республики признал их «юридически некорректными» и вернул обратно на доработку. Эксперты связывают отзыв закона с международными амбициями Казахстана, который планирует подавать заявку на проведение Зимних олимпийских игр в 2022 году¹⁷. В Киргизии в 2014-2015 гг. необходимость запрета пропаганды нетрадиционных отношений среди детей также активно обсуждалась: соответствующий законопроект был разработан, он прошел чтение в Парламенте. Однако, в июне 2015 года он был отозван по инициативе самих авторов¹⁸. В большинстве постсоветских республик в конце 1990-х годов была исключена статья о «мужеложестве» из Уголовного кодекса. Исключением стали Узбекистан и Туркменистан. В этих странах до сих пор действует уголовная ответственность за гомосексуальные связи.

Защита традиционных семейных ценностей является важной для всех стран евразийского пространства. Здесь вопрос терпимого отношения к однополым отношениям не ставится. В диалоге с евроатлантическими партнерами этот вопрос всегда будет оставаться болезненным. В то же самое время, в условиях активного лоббирования западными странами прав сексуальных меньшинств, тема защиты модели традиционной семьи будет объединяющей для стран евразийского пространства.

Тема толерантного отношения к гомосексуализму является своеобразным водоразделом между странами, выбравшими западный путь развития, и евразийскими странами. Так, Грузия и Украина – активные участники программы ЕС «Восточное партнерство» - сделали шаги в отношении признания прав гомосексуальных пар. В 2014 году в Грузии был принят закон «Об искоренении всех форм дискриминации», согласно которому в стране запрещается дискриминация по любому признаку, в том числе сексуальной ориентации и гендерной идентичности. Этот закон был необходимым шагом по дальнейшему углублению отношений с ЕС и подписанию соглашения об Ассоциации¹⁹. Схожие юридические шаги были сделаны руководством Украины в ноябре 2015 года, когда были приняты антидискриминационная поправка к Трудовому кодексу, которая, в том числе, запрещает ущемление прав представителей сексуальных меньшинств при приеме на работу²⁰.

12 Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай». 19 сентября 2013 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/19243> (дата обращения: 08.05.2016 г.).

13 Стариков Н. Консерватизм – «мягкая сила» России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://nstarikov.ru/blog/39902> (дата обращения: 08.05.2016 г.).

14 Батанова О. Н. Русский мир и проблемы его формирования. автореф. дис. ... канд./д-ра полит. наук. Российская Академия государственной службы, Москва. 2009. С. 14.

15 Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай». 19 сентября 2013 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/19243> (дата обращения: 08.05.2016 г.).

16 Ibid.

17 Блокировку законопроекта о «гей-пропаганде» объяснили «неточностями». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rus.azattyq.org/content/gei-propaganda-zakonoproekt-blokirovka-kazakhstan/27039630.html> (дата обращения: 08.05.2016 г.).

18 Кыргызстан: Парламент отозвал законопроекты об иностранных агентах и запрете пропаганды гомосексуализма. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.fergananews.com/news/23566> (дата обращения: 08.05.2016 г.).

19 В Грузии вступил в силу закон, запрещающий дискриминацию секс-меньшинств. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pastinfo.am/ru/node/40430#sthash.pL5u7qL.dpuf> (дата обращения: 08.05.2016 г.).

20 Вступил в силу закон о запрете дискриминации секс-меньшинств на работе. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rian.com.ua/politics/20151126/1001004015.html> (дата обращения: 06.01.2016 г.).

Важной составляющей евразийской идеологии является этатизм и роль национального лидера. В евразийских странах слабо развито гражданское общество, зато сильна роль государства: здесь принято полностью полагаться на государственную машину в вопросах социально-экономического развития страны. Концепция «суверенной демократии», появившаяся в 2000-х годах в стенах Кремля, нашла свой отклик в странах, которые активно включены в евразийские интеграционные процессы сегодня (речь идет не только о ЕАЭС, но и об ОДКБ и ШОС). Так, нельзя сказать, что политические системы, функционирующие сегодня в Казахстане, Таджикистане, Узбекистане, Белоруссии, в полной мере отвечают западным стандартам демократии. Некоторые евразийские идеологи видят в этом не недостатки, а скорее преимущества, которые гарантируют обществу стабильность, утверждая, что «страны созерцательного Востока мыслят эпохами, страны рационального Запада – от выборов до выборов»²¹. В большинстве евразийских государств сильна роль национального лидера. Александр Лукашенко в Белоруссии (на посту президента с 1994 года), Нурсултан Назарбаев в Казахстане (руководит республикой с 1986 года), Аскар Акаев в Киргизии (был главой в течение 15 лет – с 1990 по 2005 год), Эмомали Рахмон в Таджикистане (президент с 1994 года, то есть 22 года), Ислам Каримов в Узбекистане (во главе страны с 1990 года – 26 лет). Самым ярким примером национального лидера на евразийском пространстве можно признать Сапармурата Ниязова, первого президента Туркменистана, который руководил страной с 1990 вплоть до своей смерти в 2006 году. В 1999 году он получил звание «пожизненного» президента Республики, постановлением меджлиса он был назван «Туркменбаши» – главой всех туркмен, позже он получил имя «Туркменбаши Великий». Вокруг С.Ниязова был создан настоящий культ личности – его именем называли города, новые вершины; ему возводили памятники, его день рождения стал национальным праздником флага и пр. С недавних пор, начали говорить также и о культе личности Н.Назарбаева, которому в 2010 году присвоили после соответствующего законопроекта в меджлисе статус «лидера нации». Исключением среди евразийских стран в этом вопросе является Армения, которой свойственна регулярная смена политических лидеров.

Как отмечает П. Салин, евразийская идеология с ее акцентом на роль национального лидера и этатизм является основой стабильности для правящих элит в Евразии²². Данные идеологемы не артикулированы в публичном политическом пространстве, но и они латентно присутствуют в политике, проводимой в евразийских странах.

Вопрос роли религии в жизни государства и общества также является краеугольным для евразийской идеологии. В современной секуляризированной Европе религия помещена в границы духовной жизни индивидуума и не оказывает влияния на работу правительства и жизнь всего общества. На евразийском пространстве дела обстоят несколько иначе. Общества в большинстве евразийских стран являются более религиозными. В странах Центральной Азии подавляющее большинство населения – мусульмане; в России, Армении и в Белоруссии православное христианство является самой распространенной религией. Практика тесного взаимодействия светских и религиозных властей в этих странах является устойчивой, а религиозные лидеры оказывают значительное влияние на общество.

Формирующаяся евразийская идеология, компоненты которой перечислены выше, отвечает стратегическим интересам правящих элит на евразийском пространстве. Она придает легитимность существующему правящему классу, гаран-

тирует его стабильность и в случае необходимости обеспечит защиту со стороны евразийских союзников от вмешательства во внутренние дела государства. С другой стороны, наличие своей идеологии, представляющей альтернативный западному дискурс, представляет возможность евразийским странам, объединившись, вырваться из международной периферии и стать самостоятельным центром глобального развития. Как пишет П. Б. Салин, элиты евразийских стран «ориентированы на то, чтобы стать, если использовать рыночную терминологию, акционерами (пусть и миноритарными) мирового порядка»²³.

Интересно, что современный евразийский проект является в большей мере азиатским, чем европейским: как по составу стран, принимающих участие в нем, так и по идеям, которые закладываются в основу евразийской идеологии. Неслучайно, эти идеи столь созвучны обновленным китайским ценностям, которые совсем недавно были сформулированы руководством КНР и представлены мировому сообществу. Речь идет о наборе из 12 ценностей, которые были официально озвучены в ноябре 2012 года в отчетном докладе ЦК на XVIII съезде КПК. 12 ценностей распределены по 3 группам: ценности государства (богатство, сила, демократия, цивилизация) гармония), ценности общества (свобода, равенство, справедливость, правовое правление), ценности индивида (патриотизм, преданность делу, честность, дружелюбность). В сравнении с западными ценностями, в Китае «ответственность предшествует свободе, долг предшествует правам, коллектив стоит выше индивида, гармония – выше конфликта»²⁴.

Вместе с тем, дальнейшее политическое сближение евразийских партнеров может встретить и ряд препятствий. В авангарде российской внешней политики сегодня выступают 2 нарратива: нарратив «Русского мира» и Евразийский нарратив. Их, безусловно, объединяет консервативная идеология, которая лежит в их основе. Однако, вместе с тем, они имеют разные религиозные основания: Русский мир неразрывно связан с православной культурой, а евразийская идеология переплетена с исламскими традициями. Различные религиозные истоки приводят к противоречивым толкованиям модели семьи (например, тема многоженства в странах Средней Азии не является табуированной); вопросы веры могут вызывать напряженность в диалоге между христианами и мусульманами.

К тому же в концепции «Русский мир» существует внешнеполитический пласт, который потенциально может вызывать опасения у российских партнеров по евразийской интеграции. Речь идет об императиве защиты русскоговорящих соотечественников во всем мире, в ситуациях, когда их жизни или же национально-культурной идентичности угрожает опасность. События в Крыму весной 2014 года продемонстрировали решительность российского руководства в этом вопросе. Руководство евразийских стран, в которых проживают диаспоры русскоязычных соотечественников, внимательно следило за ходом событий на Украине во время Крымского кризиса.

Кроме того, концепция «Русского мира» предполагает ведущую роль России как в культурном, так и в политическом плане. Однако, евразийские государства по-своему смотрят на собственные национальные интересы и стремятся реализовать их в своей внешней политике. Так, Казахстан работает над созданием своего внешнеполитического проекта, центром которого будет являться он сам. Начиная с 1990-х годов страна проводит открытую внешнеэкономическую политику, позиционируя себя в качестве геополитического перекрестка множественных идентичностей и влияния, а также Евразийского моста между Востоком и Западом. Сегодня Казахстан вынашивает поистине амбициозные планы: создать Международный финансовый центр и оказаться через 10 лет в десятке луч-

21 Гулевич В. Евразийские ценности. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://interaffairs.ru/news/show/10292> (дата обращения: 06.01.2016 г.).

22 Салин П. Б. «Духовные скрепы» для Евразийского союза. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Dukhovnye-skrepy-dlya-Evraziiskogo-soyuza-16110> (дата обращения 06.01.2016 г.).

23 Ibid.

24 Ломанов А. В. Общий знаменатель нации. Китайские ценности будут соперничать с западными [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Obschii-znamenatel-nacii-17750> (дата обращения: 06.01.2016 г.).

ших азиатских финансовых центров, превратившись в новый Сингапур по соседству с Россией²⁵.

И, наконец, в евразийском регионе остается высокой конкуренция со стороны крупнейших геополитических игроков – США, Китая и Европейского союза. Все они ведут активную работу с евразийскими партнерами не только в экономической, но и в военной и в политической сферах. Интересы европейских стран реализуются через программу «Восточное партнерство», запущенную в 2009 году, и программу «ЕС и Центральная Азия: стратегия нового партнерства», принятую в 2007 году. Успех программы «Восточного партнерства» является лишь частичным: из шести стран, принимавших в нем участие (Армения, Азербайджан, Белоруссия, Грузия, Молдова и Украина), только 3 дошли до финальной стадии – подписания Соглашения об ассоциации, из которых одна страна – с существенными экономическими и территориальными потерями. Отдельное внимание Европейским союзом уделяется странам Центральной Азии: в 2005 году в ЕС даже была учреждена должность Специального представителя по Центральной Азии. Специальная программа «ЕС и Центральная Азия» затрагивает все сферы сотрудничества, в том числе политический диалог между ЕС и Центральной Азией, а также предусматривает содействие со стороны Евросоюза реформам в сфере образования, верховенства права, энергетики, транспорта, охраны окружающей среды и водных ресурсов, ответ на общие вызовы и угрозы (включая управление границами, борьбу с незаконным оборотом наркотиков), а также развитие торгово-экономических отношений. Кроме того, ЕС активно сотрудничает со странами Евразии на двусторонней основе. На протяжении последних лет ЕС успешно реализует двусторонние индикативные программы, по которым выделяются финансовые средства на развитие правовой сферы, образовательных программ и проектов в сельском хозяйстве, в сфере энергетики, космоса, развития транспортных сетей.

США предпочитают работать с евразийскими странами на билатеральной основе: сегодня прочные социально-экономические связи налажены с Казахстаном и Киргизией. В Киргизии большую финансовую, организационную и техническую помощь Штаты оказывают медицинской системе. В Казахстане действует Казахстанско-Американский университет (КАУ), а также казахстанско-американская комиссия по энергетическому сотрудничеству и рабочие группы по взаимодействию в военной сфере.

Активность китайской дипломатии и бизнеса также весьма высока на евразийском пространстве, особенно в странах Центральной Азии. С недавнего времени в КНР даже учреждена должность министра по евразийской интеграции. Региональная экспансия Китая направлена на формирование вокруг себя буферной зоны из дружественно настроенных государств, в которых она возьмет на себя роль гегемона²⁶. Региональное лидерство Китая не окрашено ни в какие политические тона: оно в первую очередь строится на взаимовыгодных экономических проектах. Поднебесная декларирует политику экономической открытости и свободной торговли. Самый амбициозный китайский проектом в Евразии на данный момент является проект Экономического пояса «Шелковый путь», представляющий собой разветвленную транспортную и инфраструктурную сеть, которая обеспечит доставку китайской продукции на рынки Европы и Ближнего Востока. Вместе с тем, Китай ведет активную работу с евразийскими государствами и на двусторонней основе. Так, в 2005 году КНР создала китайско-казахстанский подкомитет по культурному и гуманитарному сотрудничеству, который ежегодно проводит регулярные встречи. Тесные торговые контакты Китай поддерживает с Киргизией, которая получает свой основной доход в бюджет за счет реэкспорта китайских товаров.

России уже сегодня необходимо направлять свои усилия на конструирование политического будущего Евразийского союза. В эпоху глобализации в Евразии начинается новая большая игра, в которую включены и сама Россия, и США, и Китай, и Европейский союз, и сами страны евразийского пространства. Успех России будет зависеть от искусной работы дипломатии по смягчению возможных религиозных противоречий и нейтрализации политических фобий евразийских партнеров, а также по формированию общей позитивной повестки дня работы Союза.

Пристатейный библиографический список

1. Алимов А. А., Ермолина М. А. Перспективы участия России в международном сотрудничестве в сфере охраны окружающей среды в рамках развития евразийской экономической интеграции // Евразийский юридический журнал. 2016. № 1 (92). С. 177 – 181.
2. Бондаренко В. Н. Особенности евразийской политики в современных условиях (философские размышления) // Евразийский юридический журнал. 2014. № 4. С. 24-25.
3. Егизарян А. Создание и развал Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/sngbaltia/20150602/228360924.html> (дата обращения 29.12.2015 г.).
4. Батанова О. Н. Русский мир и проблемы его формирования. автореф. дис. ... канд./д-ра полит. наук. Российская Академия государственной службы, Москва. 2009.
5. Владимир Путин огласил ежегодное Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. 12 декабря 2013 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/19825> (дата обращения: 08.05.2016 г.).
6. Гулевич В. Евразийские ценности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/news/show/10292> (дата обращения: 06.01.2016 г.).
7. Доклад о результатах деятельности Посольства в 2014 году. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rs.gov.ru/about/document/6694> (дата обращения 14.04.2016 г.).
8. Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай». 19 сентября 2013 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/19243> (дата обращения: 08.05.2016 г.).
9. Иноземцев В. Новый Сингапур по соседству [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6626#top-content (дата обращения: 06.01.2016 г.).
10. Косачев К. Мягкая сила и жесткая сила: не сумма, но произведение // Индекс безопасности. №4 (107). Том 19. С.11-18.
11. Ломанов А. В. Общий знаменатель нации. Китайские ценности будут соперничать с западными. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Obschii-znamenatel-nacii-17750> (дата обращения: 06.01.2016 г.).
12. Салин П. Б. «Духовные скрепы» для Евразийского союза. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Dukhovnye-skrepy-dlya-Evrazijskogo-soyuza-16110> (дата обращения: 06.01.2016 г.).
13. Стариков Н. Консерватизм – «мягкая сила» России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nstarikov.ru/blog/39902> (дата обращения: 08.05.2016 г.).
14. Фархутдинов И. З. Обеспечение мира и безопасности в Евразии (международно-правовая оценка событий в Сирии) // Евразийский юридический журнал. №10(89). 2015. С.8 – 15.

25 Иноземцев В. Новый Сингапур по соседству [Электронный ресурс] Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6626#top-content (дата обращения: 06.01.2016 г.).

26 Егизарян А. Создание и развал Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/sngbaltia/20150602/228360924.html> (дата обращения 29.12.2015 г.).

ДУНАЕВА Юлия Генриховна

кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета

Дунаева Ю. Г.

АЗИАТСКИЙ ТРАНЗИТ ЕАЭС В КОНЦЕПЦИИ «ТОРГОВЛЯ ПЛЮС»

Соглашение России и КНР о сопряжении Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) 2015 года является самым масштабным российско-китайским проектом, поскольку формирует инфраструктуру центральной Евразии. В статье анализируются проблемы и трудности интеграционного объединения, главными из которых являются маршруты, логистика и цивилизационные особенности России и Китая.

Ключевые слова: Высший Евразийский экономический совет, Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП), концепция «торговля плюс», сопряжение, стыковка, единая инфраструктура Евразии.

DUNAIEVA Yuliya Genrikhovna

Ph.D. in historical sciences, senior lecturer of World Policy sub-faculty of the Saint Petersburg State University

ASIAN EAEU TRANSIT IN THE CONCEPT OF "TRADE PLUS"

The agreement between Russia and China on the conjugation of the Eurasian Economic Union (EAEU) and the Economic Belt of the Silk Road (EBSR) 2015 is the most ambitious Russian-Chinese project, because it forms the infrastructure of central Eurasia. The article analyzes the problems and difficulties of integration associations, the most important of which are routes, logistics and civilizational identity of Russia and China.

Keywords: Supreme Eurasian Economic Council, the Economic Belt of the Silk Road (EBSR), the concept of "trade plus", the conjugation, common Eurasian infrastructure.

Евразийский союз приручает «азиатских тигров»

В период конфронтации с Западом геополитические планы России, сформулированные Президентом В. В. Путиным в Послании к Федеральному собранию в декабре 2015 года¹, воистину грандиозны: масштабный интеграционный проект на пространстве ЕАЭС, ШОС и АСЕАН. Соглашение о сопряжении Евразийского союза и Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) в мае 2015 года стало первым международным договором, заключенным между ЕАЭС и государством за пределами бывшего СССР. В марте 2016 года министры иностранных дел России и Китая С. Лавров и Ван И оценили данное событие как «стыковку национальных стратегий развития».

Геополитический проект сопряжения ЕАЭС и ЭПШП стал подготовкой к глобальной мировой конкуренции XXI века, начатой США созданием Транстихоокеанского и Трансатлантического партнерств². Пекин назвал проект «сообществом общей судьбы»³, который открывает «Прекрасные перспективы...»⁴.

Формирование единой структуры Евразии проходит поэтапно и последовательно: Высший Евразийский экономический совет в составе В.В.Путина и глав Белоруссии, Казахстана, Киргизии и Армении не только заключил договор о сопряжении ЕАЭС и Шелкового пути, но и разработал проекты с Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС) и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН)⁵, создал зону свободной торговли с Малайзией и Вьетнамом, ведет переговоры с Сингапуром, Таиландом, Индонезией и Камбоджей о формате сотрудничества по принципу «торговля плюс»⁶, подписал меморандумы с Чили, Монголией, Перу, разработал торговые договоры с Сербией, Южной Кореей, Эквадором⁷. Интерес к ЕАЭС проявляют Индия, Египет, Израиль и Иран, поскольку совместная принципиальная позиция России и Китая, по отношению к Ирану, например⁸, помогает государствам выходить из международной изоляции.

Российская стратегия «поворота на Восток» создает для регионов Сибири и Дальнего Востока потенциальную возможность стать частью азиатского рынка и глобального мегапроек-

1 Послание Президента Федеральному Собранию. Москва, Кремль. 3 декабря 2015 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50864> (дата посещения: 30.05.2016 г.).

2 Trans-Pacific Partnership, TPP // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ustr.gov/trade-agreements/free-trade-agreements/trans-pacific-partnership/TPP-Full-Text>; Transatlantic Trade and Investment Partnership, ТТИР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.atlanticcouncil.org/blogs/ttipaction/> (дата посещения: 30.05.2016 г.).

3 Национальная комиссия развития и реформ КНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://chinalogist.ru/organizacii/nacionalnaya-komissiya-razvitiya-i-reform-knr> (дата посещения: 30.05.2016 г.).

4 «Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI в.». Госкомитет по делам развития и реформ, Министерство иностранных дел и Министерство коммер-

ции (издано с санкции Госсовета КНР). Первое издание. Издательство литературы на иностранных языках, март 2015 г.

5 На пути к взаимовыгодному стратегическому партнерству. Сочинская декларация саммита Россия-АСЕАН. Сочи. 19-20 мая 2016 года. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russia-asean20.ru/load/194715/> (дата посещения: 30.05.2016 г.).

6 Комплексный план действий по развитию сотрудничества Российской Федерации и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (2016–2020 гг.) Саммит Россия-АСЕАН. Сочи. 19-20 мая 2016 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russia-asean20.ru/load/194249/> (дата посещения: 30.05.2016 г.).

7 Евразийский экономический совет. 31 мая 2016 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eec.eaeunion.org/> (дата посещения: 30.05.2016 г.).

8 Фархутдинов И. З. Евразийская общность: Иран и Россия (международно-правовые аспекты сотрудничества) // Евразийский юридический журнал. 2012. № 8 (51). С. 14 – 17.

та КНР «Один пояс, один путь». В проекте участвуют Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Иран, Пакистан, Вьетнам, Индия, Турция, Венгрия, Германия и даже Кения. Северный морской путь не входит в китайский мегапроект, но к 2020-2025 гг. через него пойдет до 15% китайского экспорта, значение российских портов Дудинка и Игарка резко возрастет и позволит «встроиться» Сибирь в евразийский рынок.

Сопряжение ЕАЭС и ЭПШП проходит по двум трекам: совместные проекты в инфраструктуре, в первую очередь, транспортные и торговые соглашения.

Проблемы и трудности евразийской стыковки

Китай возрождает Великий чайный путь и создает Степной шелковый путь через Монголию. Обладая избыточными мощностями по строительству дорог, Пекин планирует 300 новых транспортных проектов на 4,7 трлн. юаней (725 млрд. долл.)⁹. Российско-китайский деловой форум в 2016 году в Сочи обсуждал самый короткий путь из Китая в Европу через Манчжурию, Забайкальск, Транссиб и КВЖД – «Калуга-Далай» длиной 8000 км и сроком поездки десять дней. В 2002 году разработан маршрут Брест-Улан-Батор в 7340 км, названный «Монгольский вектор-1», а в 2005 году – Хух-Хото (Китай)-Брест-Дуйсбург в 9821 км – «Монгольский вектор-2». Теперь контейнерные поезда проследуют от Бреста до Алматы по пути, названному «Казахстанский вектор».

В апреле 2016 года министр торговли Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) В. Никишина сформулировала критерии будущих транзитных евразийских маршрутов ЕАЭС и ВШП: пролегать вблизи промышленных центров, иметь достаточно складов и терминалов, базироваться на передовых технологиях и проходить через депрессивные города и регионы России для их возрождения. В стыковке ЕАЭС-ЭПШП выгода для одной стороны иногда оборачивается проигрышем для другой. Китай предпочитает скорость пути и движение без остановок, для России предпочтительнее максимум остановок по маршруту, чтобы деньги частично оставались в евразийских регионах.

Сомнения в успехе евразийской стыковки присущи как российской, так и китайской стороне. Российский бизнес среди сложностей в работе с китайскими партнерами назвал нехватку навыков взаимодействия (43%) и языковой барьер (38%). Китайские партнеры выделяют непонимание российских законов (50%), российского рынка (42%) и языковой барьер (25%)¹⁰. При этом 70% респондентов из обеих стран готовы учиться, но университеты, к сожалению, к интеграции не привлечены.

Китайская сторона склонна возлагать вину за медлительность евразийской интеграции целиком на Россию: так, директор Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Академии общественных наук КНР Ли Юнцюань обвинил нас с сырье долгосрочной аренды китайцами земли на Дальнем Востоке. Российская нерешительность может привести к тому, что Великий шелковый путь обойдется, как и две тысячи лет назад, без России. Аргументы Москвы о необходимости серьезной экспертизы в расчет китайскими партнерами не принимаются, но Россия не собирается отдавать свои стратегические объекты иностранцам без предварительного экономического обоснования.

9 Прямые иностранные инвестиции в России: региональный аспект. Аналитический обзор «Национального рейтингового агентства». 2014. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ranational.ru/sites/default/files/other/14.pdf>

10 Национальная комиссия развития и реформ КНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://chinalogist.ru/organizacii/nacionalnaya-komissiya-razvitiya-i-reform-knr> (дата посещения: 30.05.2016 г.).

Нет единства в оценке стыковки ЕАЭС и китайской инициативы среди российских предпринимателей и экспертов. Глава РЖД назвал проект Шелкового пути китайским порабощением Центральной Азии, поэтому строительство с Китаем высокоскоростной магистрали Москва-Казань к 2021 году утвердили под сильным давлением. Клуб «Валдай» и руководитель Евразийской программы клуба Т. Бордачев, напротив, считают, что отношения Москвы и Пекина сейчас хороши как никогда в истории, а конфликт существует только в воображении американских политологов¹¹. Президент Беларуси А. Лукашенко скептически настроен в отношении ЕАЭС, он видит его очередным нежизнеспособным объединением в цепочке: Таможенный союз, затем Единое экономическое пространство, наконец, Евразийский экономический союз¹². США видят в ЕАЭС проект Москвы по закреплению Центральной Азии в орбите своего влияния, поэтому предпочитают сотрудничать с каждым государством Азии отдельно, но не с Евразийским союзом в целом.

Проектная деятельность ЕАЭС-ЭПШП: анализ и оценка

Оценивая деятельность в рамках ЕАЭС-ЭПШП, следует проанализировать три серьезных проекта: маршрут Западный Китай-Западная Европа стоимостью \$2,5-3 млрд. Транссибирскую магистраль через дальневосточные города Гродово и Забайкальск и Транскаспийский коридор без участия России, но с участием входящего в ЕАЭС Казахстана, а также Азербайджана, Грузии, Турции и Украины, стоимостью \$2-2,5 млрд¹³.

На экономическом форуме-2016 ЕАЭС в г. Астана конкурентная борьба между маршрутами резко обострилась. Пекин считает путь через Казахстан и Каспий в обход России самым перспективным. Маршрут «Беларусь-Россия-Китай» стоит дешевле, но требует модернизации петербургского порта в Усть-Луге. Китай пообещал Казахстану десятки тысяч рабочих мест в 52 проектах на сумму более \$24 млрд., но на практике это означает переброску самых грязных производств из Китая в казахстанские степи и серьезное ухудшение состояния окружающей среды¹⁴. В ответ Казахстан продемонстрировал претензии на статус «азиатского тигра» – инвесторами Республики являются 30 крупных мировых компаний, среди них General Electric, Toyota Motor, Hyundai Motor¹⁵. «Глобальный индекс конкурентоспособности-2016» называет Казахстан более конкурентоспособным, чем Россию (45 и 42 места)¹⁶. Казахская часть азиатского транзита Западная Европа – Западный

11 «Потенциал «сопряжения» и наполнение российско-китайских отношений практикой». Международный дискуссионный клуб «Валдай». 23 марта 2016 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/valdai-club-panel-discussion/> (дата посещения: 30.05.2016 г.).

12 Лукашенко раскритиковал Евразийский союз Путина. 2 июня 2016 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://economics.unian.net/other/1363610-lukashenko-raskritikoval-evraziyskiy-soyuz-putina-ravnyie-usloviya-i-bezbarernaya-sreda-tak-i-ne-sozdany.html> (дата посещения: 30.05.2016 г.) (дата посещения: 30.05.2016 г.).

13 «Потенциал «сопряжения» и наполнение российско-китайских отношений практикой». Международный дискуссионный клуб «Валдай». 23 марта 2016 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/valdai-club-panel-discussion/> (дата посещения: 30.05.2016 г.).

14 Ермолина М. А Международное сотрудничество России в сфере охраны окружающей среды и рационального природопользования в контексте развития евразийской экономической интеграции // Евразийский юридический журнал. 2015. № 5 (84). С. 305.

15 Болгов Р. В., Карачай В. А. Сравнительный анализ законодательства и институтов открытого бюджета в России и Казахстане. – Евразийский юридический журнал. 2016. № 1 (92). С. 241-245.

16 The Global Competitiveness Index 2015–2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/ratings/global-competitiveness-index/info> (дата посещения: 30.05.2016 г.).

Китай уже построена, а в России только началось ее создание, в 2016 году вступит в строй сухой порт «Хоргос» – крупнейший казахский транспортный центр на границе с Китаем.

Сложности казахского маршрута связаны с суровой природой края: Достык, «сухой порт» Казахстана, находится в Джунгарских Воротах, где в горах дуют ветры до 70 м/сек. и грузовые контейнеры летают, «как пакеты из супермаркета»¹⁷. Сделав ставку на транскаспийский маршрут, бизнес получит двукратную погрузку и выгрузку на паромы Каспийского и Черного морей, проводка одного контейнера обойдется в \$7950, что гораздо дороже, чем транспортировка такого же контейнера морским путем вокруг земного шара. Современное судно компании Maersk берет на борт около 19 тыс. контейнеров, идет из Шэньчжэня в Гамбург 24 дня, а по железной дороге состав тащит максимум 150 контейнеров и идет полторы недели¹⁸.

В Северном Китае у Транссиба проблемы иные, но не менее серьезные: город-миллионник Маньчжурия в КНР имеет ультрасовременный транспортный комплекс, а с российской стороны есть всего лишь 12 тыс. жителей, два маленьких терминала и 14 км однопутной железной дороги. Экономическая оценка сопряжения Евразийского Союза и Шелкового пути была дана в Екатеринбурге на международном круглом столе 25 марта 2016 года: цена строительства международных транспортных коридоров (МТК) «Приморье-1» и «Приморье-2» – 150 млрд руб. Внутренний торговый оборот ЕАЭС падает под влиянием кризиса: с 65 млрд. долл. в 2012-2013 годах до 45 млрд. долл. в 2015 году¹⁹. Дальний Восток продолжает терять людей и инвестиции. Запланированы девять и запущены первые три «территории опережающего развития» (ТОР) России²⁰, созданы Фонд и Корпорация развития Дальнего Востока, но по инвестиционной привлекательности ТОРы проигрывают Сингапуру, Южной Корее, Японии. В 2015 году глава Фонда Шелкового пути Цзинь Ци заявила, что фонд будет вкладываться только в прибыльные проекты, что ставит под сомнение подъем депрессивных российских территорий²¹.

Концептуальность России и прагматизм КНР

Теоретическая проработка единого пространства Евразийского Союза и Шелкового пути на сегодня намного опережает его практические результаты. Москва и Пекин видят в союзе масштабную задачу противодействия США и выстраивания параллельных институтов глобального управления. Китайцы не хотят более мириться с несоответствием масштабов своей страны и ее возможностями на мировой арене.

Если бы получение экономической выгоды было главной задачей стыковки ЕАЭС и ЭПШП, проект не имел бы никакой перспективы, – заявил премьер-министр России Д.Медведев

в мае 2016 года на заседании межправительственного совета ЕАЭС²². Россия видит цели евразийского сопряжения в создании общего рынка углеводородов к 2025 году, что даст 8 млрд. долл. прибыли в год по нефти и более чем 1 млрд. долл. по газу. К 2019 году создадут общий рынок электроэнергетики, который поднимет ВВП интеграционного блока на 7 млрд. долл. Стыковка Евразийского Союза и Шелкового пути приведет к либерализации транспортных услуг, формированию единой экспортной политики и технологических стандартов.

Опасения китайских компаний России в рамках ЕАЭС-ЭПШП связаны с высоким уровнем рисков, среди которых дорогой транспорт, суровый климат, плохая экология, высокая преступность²³. «Вы думаете больше о безопасности, мы – об экономической выгоде», – отмечает заместитель директора Института международных отношений при Пекинском университете Гуань Гуйхай. «Мы не видим у России четкой стратегии сотрудничества, которая есть у Казахстана и других стран Центральной Азии», – продолжает в «Фонде Горчакова» директор Института России при Китайской академии современных международных отношений Фэн Юйцзюнь²⁴. В результате Пекин предпочитает сотрудничать с национальными столицами, а не с ЕАЭС в целом. Способы интеграции в евразийский проект у стран региона различны: в Казахстане приоритетами считают строительство газопровода Бейнеу-Бозой-Шымкент по поставке 10 млрд куб. м газа в Китай, а также транзитную автодорогу Западная Европа – Западный Китай. В Таджикистане предлагают альтернативные маршруты: поставки газа в Китай из Туркмении и строительство дороги из Ирана в КНР.

Основная проблема евразийской инициативы заключается в отсутствии институтов, на постоянной основе занимающихся сопряжением ЕАЭС и Шелкового пути. Важно расширять полномочия Евразийской экономической комиссии, чтобы она вела переговоры с Китаем от имени пяти стран ЕАЭС.

Однако, несмотря на трудности, Евразийский Союз является полноценной международной организацией, подписавшей более 20 меморандумов с межрегиональными объединениями, в том числе входящими в систему ООН, интерес к сотрудничеству с ним проявили около 40 государств. Президент России В.В. Путин отметил, что для эффективного функционирования интеграционного объединения ЕАЭС-ЭПШП необходимо системное выстраивание отношений с внешними партнерами, для этого утверждён документ «Об основных ориентирах макроэкономической политики государств – членов Евразийского экономического союза на 2016-2017 годы»²⁵. Превратится ли в будущем сотрудничество двух сверхдержав в военно-политический блок? Какие отрасли экономики станут основой технологического прорыва? В чем практические шаги стратегии сопряжения китайской инициативы Экономического пояса Шелкового пути и евразийской интеграции?

17 Евразийская экономическая интеграция: цифры и факты. ЕЭК, 2015. С. 55 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://eec.eaeunion.org/ru/Documents/EEC_dig_facts1.pdf (дата посещения: 30.05.2016 г.).

18 Национальная комиссия развития и реформ КНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://chinalogist.ru/organizacii/nacionalnaya-komissiya-razvitiya-i-reform-knr> (дата посещения: 30.05.2016 г.).

19 Евразийская экономическая интеграция: цифры и факты. ЕЭК, 2015. С. 55 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://eec.eaeunion.org/ru/Documents/EEC_dig_facts1.pdf (дата посещения: 30.05.2016 г.).

20 К Великому Океану – 2, или российский рыбок к Азии. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vid-1.rian.ru/ig/valdai/Twd_Great_Ocean_2_Rus.pdf (дата посещения: 30.05.2016 г.).

21 Национальная комиссия развития и реформ КНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://chinalogist.ru/organizacii/nacionalnaya-komissiya-razvitiya-i-reform-knr> (дата посещения: 30.05.2016 г.).

22 Высший Евразийский экономический совет (ВЕЭС), Казахстан, г. Астана. 31 мая 2016 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eec.eaeunion.org/ru/nae/news/Pages/01-06-2016-1.aspx> (дата посещения: 30.05.2016 г.).

23 Прямые иностранные инвестиции в России: региональный аспект. Аналитический обзор «Национального рейтингового агентства». 2014. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ra-national.ru/sites/default/files/other/14.pdf> (дата посещения: 30.05.2016 г.).

24 Евразийская экономическая интеграция: цифры и факты. ЕЭК, 2015. С. 55 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://eec.eaeunion.org/ru/Documents/EEC_dig_facts1.pdf (дата посещения: 30.05.2016 г.).

25 Об основных ориентирах макроэкономической политики государств – членов Евразийского экономического союза на 2016 – 2017 годы. Высший Евразийский экономический совет. Решение от 31 мая 2016. N 5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tks.ru/news/law/2016/06/01/0009>

Выводы

1. Стыковка международной организации ЕАЭС и инициативы Пекина по Шелковому пути совпадает с геополитическими планами России и является масштабным российско-китайским проектом, который формирует инфраструктуру центральной Евразии. Россия уверенно демонстрирует российско-китайский антизападный фронт в условиях мировой конкуренции XXI века.

2. Несмотря на небольшой срок существования и экономические трудности, интерес к евроазиатскому экономическому объединению по всему миру возрастает, что подтверждается перспективным участием республик Центральной Азии в проекте ЭПШП и сопряжении интересов ЕАЭС и ЭПШП, экономической целесообразностью евразийских сухопутных и морских перевозок по Шелковому пути.

3. Морской путь из Азии в Европу был и остается более экономичным, чем сухопутный евразийский транзит, но для регионов России российско-китайская стыковка может стать импульсом к развитию.

4. Россия пытается диктовать правила игры в своих национальных интересах, не соглашаясь на роль транзитного коридора или места для сброса грязных производств КНР. Компромиссом могут стать совместные предприятия по модернизации инфраструктуры России и других стран ЕАЭС.

5. Сложностями на пути российско-китайского сотрудничества являются как экономические причины (логистика), так и цивилизационные (незнание правил, рынков, законов и различное понимание Россией и КНР целей объединения: россияне ориентированы на геополитику, китайские партнеры – на экономическую выгоду).

6. Поскольку ЕАЭС и сопряжение с Шелковым путем имеет стратегическое значение, трудности партнерства преодолимы.

Пристатейный библиографический список

1. Болгов Р. В., Карачай В. А. Сравнительный анализ законодательства и институтов открытого бюджета в России и Казахстане // Евразийский юридический журнал. 2016. № 1 (92). С. 241 – 245.
2. «Большие возможности малого и среднего бизнеса». Российско-китайский форум. КНР, Пекин. 21-22 апреля 2015 года. Отчет Института исследований развивающихся рынков бизнес-школы Сколково. Пекин: 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russia-china-forum.ru/novosti/itogi-rossiysko-kitayskogo-foruma-2015> (дата посещения: 30.05.2016 г.).
3. Высший Евразийский экономический совет (ВЕЭС), Казахстан, г. Астана. 31 мая 2016 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eec.eaeunion.org/ru/nae/news/Pages/01-06-2016-1.aspx> (дата посещения: 30.05.2016 г.).
4. Евразийская экономическая интеграция: цифры и факты. ЕЭК, 2015. С. 59 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://eec.eaeunion.org/ru/Documents/EEC_dig_facts1.pdf (дата посещения: 30.05.2016 г.).
5. Ермолина М. А. Международное сотрудничество России в сфере охраны окружающей среды и рационального природопользования в контексте развития евразийской экономической интеграции // Евразийский юридический журнал. 2015. № 5 (84). С. 304 – 305.
6. К Великому Океану – 2, или российский рыбок к Азии. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай» [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

- http://vid-1.rian.ru/ig/valdai/Twd_Great_Ocean_2_Rus.pdf (дата посещения: 30.05.2016 г.).
7. Комплексный план действий по развитию сотрудничества Российской Федерации и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (2016–2020 гг.). Саммит Россия-АСЕАН. Сочи. 19-20 мая 2016 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russia-asean20.ru/load/194249/> (дата посещения: 30.05.2016 г.).
 8. Лукашенко раскритиковал Евразийский союз Путина. 2 июня 2016 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://economics.unian.net/other/1363610-lukashenko-raskritikoval-evraziyskiy-soyuz-putina-ravnyie-usloviya-i-bezbaremnaya-sreda-tak-i-ne-sozdanyi.html> (дата посещения: 30.05.2016 г.).
 9. На пути к взаимовыгодному стратегическому партнерству. Сочинская декларация саммита Россия-АСЕАН. Сочи. 19-20 мая 2016 года. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russia-asean20.ru/load/194715/>
 10. Национальная комиссия развития и реформ КНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://chinalogist.ru/organizacii/nacionalnaya-komissiya-razvitiya-i-reform-knr> (дата посещения: 30.05.2016 г.).
 11. Об основных ориентирах макроэкономической политики государств - членов Евразийского экономического союза на 2016 – 2017 годы. Высший Евразийский экономический совет. Решение от 31 мая 2016. N 5. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tks.ru/news/law/2016/06/01/0009>
 12. Послание Президента Федеральному Собранию. Москва, Кремль. 3 декабря 2015 года // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50864> (дата посещения: 30.05.2016 г.).
 13. «Потенциал «сопряжения» и наполнение российско-китайских отношений практикой». Международный дискуссионный клуб «Валдай». 23 марта 2016 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/valdai-club-panel-discussion/> (дата посещения: 30.05.2016 г.).
 14. Прямые иностранные инвестиции в России: региональный аспект. Аналитический обзор «Национального рейтингового агентства». 2014. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ra-national.ru/sites/default/files/other/14.pdf> (дата посещения: 30.05.2016 г.).
 15. Фархутдинов И. З. Евразийская общность: Иран и Россия (международно-правовые аспекты сотрудничества) // Евразийский юридический журнал. 2012. № 8 (51). С. 14 – 17.
 16. The Global Competitiveness Index 2015–2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/ratings/global-competitiveness-index/info> (дата посещения: 30.05.2016 г.).
 17. Trans-Pacific Partnership, TPP [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://ustr.gov/trade-agreements/free-trade-agreements/trans-pacific-partnership/TPP-Full-Text; Transatlantic Trade and Investment Partnership, TTIP // \[Электронный ресурс\]. – Режим доступа: <http://www.atlanticcouncil.org/blogs/ttipaction/>](https://ustr.gov/trade-agreements/free-trade-agreements/trans-pacific-partnership/TPP-Full-Text; Transatlantic Trade and Investment Partnership, TTIP // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.atlanticcouncil.org/blogs/ttipaction/)

КУЗЬМИНА Елена Михайловна

кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая сектором экономического развития постсоветских стран Института экономики Российской академии наук

КАЗАХСТАН В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ: ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

В статье рассматривается участие Казахстана в Евразийском экономическом союзе, анализируются причины ухудшения взаимной торговли и проблемы сотрудничества, также исследована достоверность некоторых негативных оценок казахстанских аналитиков и журналистов участия страны в ЕАЭС и представлены выгоды от сотрудничества.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, взаимная торговля, основные торговые партнеры, падение цен на углеводороды, замедление экономического развития, транзитный потенциал, Экономический пояс Шелкового пути, курс тенге.

KUZMINA Elena Mikhaylovna

Ph.D. in political sciences, senior researcher, Head of the sector of economic development of post-Soviet countries of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

Кузьмина Е. М.

KAZAKHSTAN IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION: CHALLENGES AND OPPORTUNITIES

The article deals with the Kazakhstan's participation in the Eurasian Economic Union, analyzes the causes of the bilateral trade deterioration and cooperation issues, and are also investigated the accuracy of some negative assessments of Kazakh analysts and journalists of the country's participation in the EAEU and presents the benefits of cooperation.

Keywords: Eurasian Economic Union, mutual trade, major trading partners, the decline in hydrocarbon prices, slowing economic development, transit potential, the economic Belt of the Silk Road.

Казахстан, вторая по объему экономика Евразийского союза, всегда был сторонником евразийской интеграции в рамках постсоветского пространства. Это объясняется его экономическими интересами, а также геополитическим положением страны.

Большую роль в последовательном продвижении евразийской идеи в рамках Содружества играет Президент страны Н. Назарбаев. Еще в марте 1994 года он впервые предложил создать на пространстве СНГ качественно новое интеграционное объединение — Евразийский Союз Государств, межгосударственного объединения, которое бы действовало на четких принципах.

Однако, по мере формирования Таможенного союза и Единого экономического пространства интеграционные процессы встречаются в стране все большее противодействие. Казахское общество, несмотря на полномасштабное участие республики в интеграционных проектах, не имеет единого мнения в отношении этих процессов и, в первую очередь, передачи, части полномочий государства в наднациональные органы. Более того, нельзя однозначно сказать, что та или иная социальная группа единогласно в своей позиции по вопросам интеграции на постсоветском пространстве. В Сети можно встретить противоположные заявления социологов: от уровня поддержки до 80%¹, а то наоборот - чуть ли не полное отрицание какого-либо позитива в отношении ЕАЭС. Кроме того, ни один из аналитиков ни в Казахстане, ни в мире, не берется предсказать будущее Казахстана в Союзе после смены национального лидера.

Официальная Астана, проводя активную работу по созданию Евразийского экономического союза, не всегда совпадает во мнении с Россией по скорости и методам интегрирования и создания наднациональных структур. Так, идея создания Евразийского парламента, высказанная в сентябре 2012 года спикером Государственной Думы С. Нарышкиным вызвала негативную реакцию в Казахстане, была названа секретарём правящей партии «Нур Отан» Е. Кариным «только лишь желанием российской стороны»².

Казахстанское экспертное сообщество оценивает интеграцию по-разному, но оно единодушно поддерживает необходимость максимального отстаивания интересов Казахстана. По их мнению, в одиночку, то есть без интеграции, Казахстан не сможет ни создать необходимую промышленную инфраструктуру, ни обеспечить ее экономическую эффективность. Они выделяют несколько позитивных тенденций участия Казахстана в евразийских интеграционных структурах: юридически урегулировать движение трансграничных потоков людей, товаров, услуг и капиталов, разрушенную распадом Советского Союза; потребность в транспортных коридорах, так как страна является одной из самых удаленных от мирового океана. Большинство транспортных коридоров с выходом на мировые рынки, проходят через территорию России, что и определяет жизненную заинтересованность Казахстана в наличии единых транспортных тарифов на территории ТС; соблюдение принципа «разноскоростной» интеграции³.

1 Винокуров Е. Отношение к интеграции: экономисты ВС общественное мнение. // Евразийская экономическая интеграция 2012. № 3 С. 5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eabr.org/general/upload/reports/EEI_3_2012_Vinokurov.pdf

2 Россия, Киргизия, Казахстан: игра на поле интеграции. 2013. 7 марта. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://newsland.com/news/detail/id/1137885/>

3 Нурсейтова Т. Евразийская интеграция — механизм, с помощью которого Казахстан может выгодно влиять на свое окружение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.altyn-orda.kz/news/kazaxstanskije-novosti/evrazijskaya-integraciya-mexanizm>

При этом эксперты предлагают различные варианты интегрирования страны. Наиболее часто встречающаяся точка зрения – приоритетность кооперации стран Центральной Азии. Так, по мнению Д. Сатпаева, для Казахстана более приоритетной, с точки зрения региональной кооперации, должна быть не Россия или Белоруссия, а страны Центральной Азии, где большое количество нерешенных проблем может нанести удар по казахстанской национальной безопасности.

Аналитики выделяют несколько причин торможения интеграционных процессов казахстанской элитой. Во-первых, недостаточный учет интересов Казахстана в процессе формирования новых наднациональных органов. Ни один из интеграционных центров не расположен в Астане. Хотя предложение от президента Казахстана о расположении в казахстанской столице ряда интеграционных структур было озвучено еще в 2011 году. Во-вторых, казахская сторона полагает, что в российских СМИ и выступлениях некоторых политиков недостаточно отражается роль Н. Назарбаева в процессах создания евразийского проекта. В-третьих, ряд экономистов и политиков настаивают на том, что Казахстан экономически скорее потерял при вступлении в Таможенный союз. Приводятся различные доводы. Например, страдают бизнесмены, занимающиеся реэкспортом китайских товаров, в первую очередь автомобилей. Дискриминацию Казахстан остро ощущает на рынке алкогольной продукции, кондитерских изделий (законодательство России не позволяет ввозить всю номенклатуру), в вопросах НДС на импорт⁴.

Ряд экономистов обращает внимание на то, что с развитием интеграции казахстанский рынок открывается для российских производителей, а вот обратного процесса не происходит. По мнению некоторых казахстанских экспертов, страна теряет около 0,2% реальных доходов в год в результате членства в ТС. Это связано с поднятием его внешних тарифов для введения единого внешнего тарифа с исключениями до уровней. До вступления Казахстана в ВТО делался акцент на том, что введение единого внешнего тарифа ТС с исключениями привело к увеличению тарифов Казахстана в среднем с невзвешенных 6,7% до 11,1% и с 5,3% до 9,5% взвешенных по объемам торговли (Кстати, страна на этом хорошо заработала в первые годы членства). Также тарифные доходы в Казахстане примерно удвоились, но и затраты бизнеса и потребителей импорта увеличились, а под тарифным зонтиком ресурсы переместились в сферы неэффективного производства. Следовательно, в результате вступления в ТС реальная заработная плата снизилась на 0,5%, а реальная доходность капитала в Казахстане упала на 0,6%. Казахстан меньше торгует с остальным миром и больше с Россией, Белоруссией и остальной частью СНГ, что ведет к снижению импорта технологий из более технологически продвинутого Европейского союза и других стран, и в долгосрочной перспективе может привести к потере достигнутой производительности. Это не соответствует действительности: доля Европейского союза во внешней торговле Казахстана увеличилась с 33,8% в 2000 г. до 44,2% в 2015 г. А доля стран ЕАЭС наоборот сократилась с 21,6% до 20,8% соответственно⁵. Даже по их оценкам, в большинстве производственных секторов происходит рост объемов, при этом производство одежды, мебели, машин и оборудования, автомобилей и транспортного оборудования выросло больше всего ввиду повышения защиты. Сектор табачных изделий несколько замедляет темпы в связи с более низкой защитой. Изменения в секторах говорят о некотором перераспределении капиталов и рабочей силы между секторами. Около 0,2% работников придется искать

рабочие места в других секторах⁶, что совершенное естественно при расширении рынка.

Существует и другая точка зрения, согласно которой, это временные трудности, а в перспективе возобладает обратная тенденция⁷. В ней отрицается причинно-следственную связь между ростом цен в Казахстане и деятельностью ТС. Цены повысились не от этого, а от отсутствия собственного производства. «После», это еще не означает «вследствие». Более того, значительная вина на росте цен лежит на отсутствии в стране государственной политики регулирования цен и тарифов на товары и услуги стратегического характера. Так, к примеру, на электроэнергию цены поднимаются планомерно каждый год примерно на 10% согласно программе Форсированного индустриально-инновационного развития (при условии стабильности цен на первичные энергоресурсы).

2015 год принес значительные экономические испытания странам-членам Евразийского экономического союза и в первую очередь России и Казахстану. Во-первых, произошло падение мировых цен на их основные экспортные товары – на углеводороды и металлы. В 2015 г. средняя цена на марку Urals составляла 51,23 долл. за баррель, что на 47,5% меньше, чем в 2014 г. (цена в среднем составляла 97,60 долл. за баррель). Примерно такой же процент падения цен был и на марки WTI и Brent⁸. Ситуацию усугубило падение рынка металлов: цена на золото снизилась за 2015 год на 16%, на медь – 14,5%, на алюминий – 18%, никель – 17%⁹. Черные металлы тоже достаточно сильно просели в ценах.

Во-вторых, Китай несколько раз в 2015 году девальвировал свою национальную валюту, достигнув уровня июля 2011 г.¹⁰ Девальвация юаня, а точнее замедление роста китайской экономики, ставшее причиной этих процессов, повлияло на сопредельный Казахстан, который имеет 14,2% (2015 г.) торговли с Поднебесной.

В-третьих, девальвация российского рубля также оказала влияние на ослабление тенге. В среднем за год за рубль давали 75,84 тенге.

С учетом тесных экономических взаимосвязей валютные рынки стран-членов в течение 2015 г. были крайне волатильны. Но девальвация тенге по отношению к доллару была более высокой: тенге упал с 152,13 в 2013 г. до 179,19 – в 2014 г. и 221,73 за долл. – в 2015 г.¹¹ В среднем за 2015 г. на 123,7%¹².

Это отразилось на макроэкономических показателях Казахстана. Если в 2014 году ВВП страны составлял 217,9 млрд

4 Синяева Ю. Казахстан жалуется, что его выжимают из Таможенного союза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.apn.kz/opinions/article7848.htm>

5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.trademap.org/Bilateral.aspx>

6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.worldbank.org/ru/news/feature/2012/04/18/kazakhstan-in-the-customs-union-losses-or-gains>

7 Космический комплекс «Байтерек» планируется построить к 2021 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tengrinews.kz/sng/kosmicheskij-kompleks-bayterek-planiruetsya-postroit-2021-284873/>

8 Тосихиро Сугиура. Падение цен на нефть стало главным испытанием для президента Путина. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/economic/20160129/235208297.html> 29.01.2016; оригинал публикации - <http://jbpres.ismedia.jp/articles/-/45898>

9 Кузьмина Е. М. посчитано по: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx

10 Эксперты: девальвация юаня станет вызовом для США и не повлияет на Российскую Федерацию. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ria.ru/economy/20151214/1341989600.html#ixzz4A07ihcTZ> (дата обращения: 12.2015)..

11 Данные Государственного комитета по статистике Казахстана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/homeNumbersCrossTrade?_adf.ctrl-state=pzq3pfhsx_4&_afLoop=25432093132712577

12 Об основных социально-экономических показателях государств – членов Евразийского экономического союза. Январь-декабрь 2015 года. ЕЭК: Аналитический обзор. 8 февраля 2016г. С. 44. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Indicators201512.pdf

долл., то в 2015 г. – лишь 183,8 млрд долл. Сократился этот показатель и на душу населения: 12601,6 долл. т 10478,2 долл. соответственно¹³. [Однако, по паритету покупательной способности ВВП на душу населения в республике в 2015 г. сохранил свои позиции (25876,5 долл.) по отношению к 2014 году (25869,2 долл.)¹⁴. Фактически экономические показатели падали именно из-за того, что резко сократилась экспортная выручка в ценовом формате, резко сократились те огромные доходы, которые шли в государственные бюджеты и способствовали укреплению социальных расходов, и развитию промышленных отраслей. Это отразилось на макроэкономических показателях Казахстана. Если в 2014 году ВВП страны составлял 217,9 млрд долл., то в 2015 году – лишь 183,8 млрд долл. Сократился этот показатель и на душу населения: 12601,6 долл. т 10478,2 долл. соответственно¹⁵. Однако, по паритету покупательной способности ВВП на душу населения в республике в 2015 году сохранил свои позиции (25876,5 долл.) по отношению к 2014 г. (25869,2 долл.)¹⁶. Сократилась и внешняя торговля Казахстана. Ее объем в 2015 г. составил лишь 63% от уровня предыдущего года (75,9 млрд долл.), в том числе экспорт – 45,7 млрд долл. (- 42,5%), импорт – 30,1 млрд долл. (- 26,9%)¹⁷.

Фактически экономические показатели падали именно из-за того, что резко сократилась экспортная выручка в ценовом формате, резко сократились те огромные доходы, которые шли в государственные бюджеты и способствовали укреплению социальных расходов, и развитию промышленных отраслей.

Все эти проблемы порождали множество страхов, домыслов в стране. Попробуем разобраться, выгоден ли Казахстану Евразийский экономический союз.

Начнем с торговли. В 2015 году при сокращении взаимной торговли в ЕАЭС почти на 26%, доля Казахстана в ней увеличилась по сравнению 2014 годом с 18,3% до 20,8%¹⁸. При этом необходимо отметить, что учет торговли во всех странах идет в долларах, а за 2011-2015 гг. удельный вес платежей у рублях в ЕАЭС вырос на 20%. На конец 2015 года доля платежей в российских рублях во взаимных расчетах Беларуси, Казахстана и России составила 69,6%, в белорусских рублях – 0,4%, в тенге – 0,5%, в долларах – 23,8%, в евро – 5,3%, в других валютах – 0,3%¹⁹. Это уменьшает стоимостные объемы торговли Казахстана со странами ЕАЭС. Необходимо рассматривать также физические объемы торговли, которые хотя и сократились по некоторым товарным позициям, но не в таких значимых объемах. По словам президента России В. Путина, товарообо-

рот РФ и РК имеет серьезный спад в валютном измерении. А «в физических объёмах он не такой значительный – там всего 7%, и это то, что мы, безусловно, можем с вами преодолеть, имея в виду созданные механизмы сотрудничества»²⁰.

Нас интересует в первую очередь торговля Казахстана с Россией как основным торговым партнером в ЕАЭС: 33,45% от всей взаимной торговли Союза в 2015 г. Уже следующая по объему торговли пара Казахстан – Киргизия имеет лишь 1,9% во взаимной торговле ЕАЭС²¹. В казахских СМИ часто пишут, что не только сокращается торговля между двумя странами, но идет резкий спад торговли машиностроительной продукции. Как мы видам из таблицы, рассматривающей первые десять товарных позиций в торговле, двух стран, основным товаром и в импорте и в экспорте Казахстана является минеральное топливо. Объемы его закупок Казахстан у России сократились на 34,6%, что привело к общему снижению за 2011 – 2015 гг. на 30%. А вот объем продажи нефти России в 2015 году наоборот увеличился на 12,8%.

Три первых товарных позиции по закупке машиностроительной продукции Казахстаном у России в 2015 г. составляют: транспортные средства, кроме железнодорожных (2 место), ядерные реакторы и механические устройства (3 место), электрические машины и оборудование (5 место), самолеты и космические аппараты (9 место). Те же позиции эти товарные группы занимали и в 2014 г. Из них больше всего просели закупки транспортных средств – на 54,6%, но в 2011 – 2015 гг. в целом эта товарная позиция наоборот увеличила рост на 17%. А вот закупки самолетов и космических аппаратов увеличились в 2 раза. Это связано с разрешением хозяйственного спора между «Роскосмосом» и Казахстаном по созданию космического ракетного комплекса «Байтерек». Кроме того, Россия и Казахстан в 2015 году заключили пять межправительственных соглашений, регулирующих работу комплекса «Байконур», и подписали протокол о порядке деятельности предприятий, организаций и других юридических лиц на территории Байконура²². А за 5 лет объем закупок этой группы товаров увеличился на 19%.

Если смотреть группу первых десяти товарных групп в экспорте Казахстана в Россию, то только две из них относятся даже не к машиностроению, а к готовой продукции: изделия из железа и стали (сокращение на 20,5% в 2015 г., а за 2011-2015 гг. падение на лишь 4%) и обувь (рост в 3,5 раза в 2015 г., а за 2011 – 2015 гг. – рост на 6%).

Таким образом, торговля машиностроительной продукцией и другими готовыми товарами очень различается в зависимости от товарной группы и не всегда имела спад, особенно при рассмотрении более широких временных рамок – всего периода функционирования Таможенного союза. Конечно, у нас есть серьезные проблемы по торговле некоторыми товарными группами и необходимо решать эти вопросы. Причем речь идет даже не о торговле ими, а их минимальным объемом производства или вообще отсутствия их производства. Об это шла речь и на встрече президентов России и Казахстана в августе 2016 г.

Мы говорили только о крупнейших товарных группах во взаимном товарообороте. Но, несмотря на то, что они составляют 60,5% казахского импорта из России, и 87,3% в его

13 Там же.

14 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://data-bank.worldbank.org/data/reports.aspx?Code=NY.GNP.PCAP.CD&id=af3ce82b&report_name=Popular_indicators&populartype=series&ispopular=y

15 Данные Государственного комитета по статистике Казахстана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/homeNumbersCrossTrade?_adf.ctrl-state=pzq3pfnhsx_4&_afLoop=25432093132712577

16 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?Code=NY.GNP.PCAP.CD&id=af3ce82b&report_name=Popular_indicators&populartype=series&ispopular=y

17 Данные Государственного комитета по статистике Казахстана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/homeNumbersCrossTrade?_adf.ctrl-state=pzq3pfnhsx_4&_afLoop=25432093132712577

18 Об итогах взаимной торговли товарами Евразийского экономического союза. Январь – декабрь 2015 года. ЕЭК. Аналитическая записка. 25 февраля 2016 г. с. 1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/analytics/Documents/Analytics_I_201512.pdf

19 Вступление Казахстана в ЕАЭС уже повлияло на лекарственный рынок в положительном ключе. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.amity.kz/8-uncategorised/novosti-farmatsii/666-vstuplenie-kazahstana-v-eaes-uzhe-povliyalo-na-lekarstvennyj-rynok-v-polozhitelnom-klyuche>

20 Официальный сайт Президента России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/52717>

21 Об итогах взаимной торговли товарами Евразийского экономического союза. Январь – декабрь 2015 года. ЕЭК. Аналитическая записка. 25 февраля 2016 г. с. 1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/analytics/Documents/Analytics_I_201512.pdf

22 Космический комплекс «Байтерек» планируется построить к 2021 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tengrinenews.kz/sng/kosmicheskiy-kompleks-bayterek-planiruet-sya-postroit-2021-284873/>

Таблица 1. Торговля Казахстана с Россией в 2014-2015 гг.

№	Товар	2014	2015		% рост/падение за 2011-2015 гг.
		Объем, млн.долл.	Объем, млн.долл.	Доля в общем объеме продаж / покупок товара	
		Импорт			
	Все товары	13808	10232	33,9	-11
1	Минеральное топливо, минеральные масла и продукты их перегонки; битуминозные вещества.	1714	1121	67,7	-30
2	транспортные средства, и их части и принадлежности, кроме железнодорожного или трамвайного подвижного состава	1720	939	47,1	17
3	Ядерные реакторы, котлы, оборудование и механические устройства; их части	1226	923	16,5	-9
4	Железо и сталь	835	688	80	-6
5	Электрические машины и оборудование, их части звукозаписывающая аппаратура и репродукторы, телевизоры.	896	634	20,7	-8
6	Изделия из железа и стали	862	582	23,1	-6
7	Пластмассы и изделия из них	603	465	43	2
8	Руды, шлак и зола	288	343	65,3	13
9	Самолеты, космические аппараты, и их части	28	277	59,2	19
10	Древесина и изделия из древесины; древесный уголь	305	216	65,6	-9
		Экспорт			
	Все продукты	6389	4343	9,5	-11
1	Минеральное топливо, минеральные масла и продукты их перегонки; битуминозные вещества.	1000	1128	3,6	-8
2	Неорганические химические вещества; органические или неорганические соединения драгоценных металлов, редкоземельных металлов	741	804	26,6	4
3	Руды, шлак и зола	1398	735	67	-21
4	Железо и сталь	1039	468	18,8	-13
5	Жемчуг природный или культивированный, драгоценные или полудрагоценные камни, драгоценные металлы, металлы	187	168	23,2	387
6	Поваренная соль; серы; песок и камень; штукатурные материалы, известь и цемент	141	134	24,4	-5
7	Алюминий и изделия из него	199	114	27,3	-13
8	Изделия из железа и стали	117	93	68,8	-4
9	Обувь, гетры и тому подобное; части таких изделий	22	77	98,4	6
10	Хлопья	101	71	8,7	17

Источник: [http://www.trademap.org/\(X\(1\)S\(e5imq355ump3bs45dlqhp145\)\)/Bilateral_TS.aspx](http://www.trademap.org/(X(1)S(e5imq355ump3bs45dlqhp145))/Bilateral_TS.aspx)

экспорте в РФ, есть еще достаточное количество товаров, которыми торгуют друг с другом наши страны и которые способны расширить товарооборот. По данным ВТО за 2011 – 2015 гг., т.е. период действия Таможенного союза, Казахстан увеличил свои поставки в Россию: обуви - на 6%, пластмасс и товаров из них - на 11%, Молочная продукция; яйца птиц; натуральный мед; пищевые продукты животного происхождения - 107%, Мяса и мясных субпродуктов - 136%, Алкогольные и безалкогольные напитки и уксус - 48%, Масличных семян и плодов; разного зерна, семян и плодов - 17%, Изделия из кожи - 33%²³. По данным ректора университета «Туран» в г. Алматы экономиста Р. Алшанова, по сравнению с 2010 г. в 2015 г. объемы поставляемой в Россию казахстанской продовольственной

продукции возрос в несколько раз: поставки консервов — в 42 раза, сливочного масла — в 26 раз, свиного жира — в 17 раз, овса — в 10 раз, куриных яиц — в 6 раз. Если в 2010 г. Казахстан направил в Россию 236 тыс. т продовольственной продукции, то в 2015 г этот показатель достиг 750 тыс. т. Если говорить о показателях 2015 г., то казахстанские производители продовольствия 40 % продукции поставили в Россию. Объемы поставок в Россию 18 видов продукции возросли в 20-40 раз²⁴. Исходя из представленных данных, некорректно говорить о лишь негативных последствиях для товаропроизводителей из Казахстана, участия страны в евразийском интеграционном проекте. По прошествии 5 лет действия Таможенного союза

23 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.trademap.org/Bilateral.aspx>

24 Бекмаганбетов М. ЕАЭС: ощутил ли выгоду Казахстан? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rus.azattyq.org/a/eaes-kazakhstan-dva-goda/27767951.html> (дата обращения: 31.5.2016).

стали постепенно меняться и товарные потоки. Например, казахские макаронные изделия, высшего качества, будучи лучше российских аналогов в основном поставляются в Санкт-Петербург и Москву, а российские более дешевые макароны — в казахстанские регионы. Как нельзя говорить и об отсутствии проблем для Казахстана.

Еще одно событие 2015 г., которое будет влиять на торговлю Казахстана в рамках ЕАЭС. Казахстан вступил в ВТО на условиях более либеральных обязательств торговли, чем в ЕАЭС. Тарифная ставка для страны — 6,5 %, для остальных государств более 10%. На 3 000 товаров изменится таможенный тариф в Казахстане, из них 1500 критичные для стран Евразийского Союзактоп²⁵. В первую очередь, это касается продукции машиностроения: средневзвешенный тариф для промышленных товаров в Казахстане 5,6%, то для ЕАЭС 8,7%. Если для Казахстана такая ставка не критична, т.к. страна не имеет собственного развитого машиностроения собственного развитого машиностроения. Более низкие ставки позволяют казахским предприятиям не переплачивать за продукцию, имеющую производственное назначение, что стимулирует деловую и потребительскую активность. Другая ситуация складывается для России и Белоруссии, которые имеют собственную машиностроительную промышленность, но она не в состоянии конкурировать с большинством западных машиностроительных продуктов. Более высоким тарифом Россия вынуждена защищать свое машиностроение. По сельскохозяйственным продуктам средний тариф для Казахстана составит 10,2%, тогда как для прочих стран Евразийского союза — 17%, что тоже влияет на ситуацию в торговле российскими и белорусскими сельхозпродуктами.

Фактически с присоединением Казахстана к ВТО на едином таможенном пространстве ЕАЭС появлялись разные правила торговли, которые позволяли ввозить в Россию и другие страны объединения товары по более низким пошлинам. «Более того, США и ЕС стремились воспользоваться переговорами Казахстана с ВТО для того, чтобы получить льготный доступ на внутренние рынки Евразийского экономического союза»²⁶.

Кроме того, республика обязалась либерализовать условия работы на внутреннем рынке услуг. В результате через 2,5 года после присоединения Казахстана к ВТО иностранные компании смогут полностью приобретать местных операторов междугородной и международной связи, а зарубежные банки через 5 лет получат право напрямую открывать свои филиалы и вести в республике банковский бизнес.

В январе 2016 г. вступил в силу протокол Евразийской комиссии по этому вопросу. По этому документу есть 2 типа товаров, ввозимых в Казахстан. Одни которые ввозятся только в Казахстан, другие, которые ввозятся на территорию Евразийского Союза. И соответственно за первую категорию товаров платится тариф ВТО, за вторую — ЕАЭС²⁷.

Есть в связи с этим и еще одна проблема. Если товар ввезен и задекларирован для потребления в Казахстане, то уже нельзя по принятому документу, как в классическом Таможенном союзе, не использованные остатки товара, нельзя перепродать на территорию России и Беларуси или любой другой страны

Таможенного союза, просто доплатив пошлины. В любом случае такой товар остается на территории Казахстана. То есть, это не улучшает условия для ведения бизнеса, а ухудшает их.

Есть позитивные примеры не только во взаимной торговле. Так, с 1 января 2016 г. начал функционировать общий рынок лекарственных препаратов ЕАЭС. По оценкам специалистов, вступление Казахстана в ЕАЭС уже повлияло на лекарственный рынок в положительном ключе. По словам главы ассоциации производителей фармацевтической и медицинской продукции «ФармМедИндустрия Казахстана» С. Султанова: «из-за создания общего рынка в 170 млн человек к нам пришли инвесторы. С 2010 г. мы начали активно строить новые заводы по выпуску лекарственных средств, изделий медицинского назначения, хотя раньше инвесторов привлечь было нерентабельно»²⁸. Также, казахстанский рынок лекарств переориентировался: 30% производства занимает государственная закупка, 40% — розничный рынок и 30% — экспорт. В целом формирование единого рынка лекарств в рамках ЕАЭС окажет двойное влияние, как на рынок, так и на самих производителей. С одной стороны, менее крупные рынки сбыта, коим и является Казахстан, вряд ли смогут поставлять большие объемы лекарств в Россию, однако они смогут выйти на меньшие по объему рынки, например, Армению или Кыргызстан.

Однако, падение валют всех стран ЕАЭС по отношению к доллару и евро в 2015 году сделало вопрос защиты внутренних рынков с помощью ввозных пошлин не столь острым. Так, импорт значительно подорожавших в рублевом эквиваленте товаров из стран дальнего зарубежья в Россию за 2015 год упал на 36,4%, а в январе 2016 г. — еще на 17,9%²⁹. Однако завершение кризиса и возобновление роста экономики сделает вопрос ее тарифной защиты вновь актуальным.

Есть позитивные примеры не только во взаимной торговле. Так, с 1 января 2016 года начал функционировать общий рынок лекарственных препаратов ЕАЭС. По оценкам специалистов, вступление Казахстана в ЕАЭС уже повлияло на лекарственный рынок в положительном ключе. По словам главы ассоциации производителей фармацевтической и медицинской продукции «ФармМедИндустрия Казахстана» С. Султанова: «из-за создания общего рынка в 170 млн человек к нам пришли инвесторы. С 2010 г. мы начали активно строить новые заводы по выпуску лекарственных средств, изделий медицинского назначения, хотя раньше инвесторов привлечь было нерентабельно»³⁰. Также, казахстанский рынок лекарств переориентировался: 30% производства занимает государственная закупка, 40% — розничный рынок и 30% — экспорт. В целом формирование единого рынка лекарств в рамках ЕАЭС окажет двойное влияние, как на рынок, так и на самих производителей. С одной стороны, менее крупные рынки сбыта, коим и является Казахстан, вряд ли смогут поставлять большие объемы лекарств в Россию, однако они смогут выйти на меньшие по объему рынки, например, Армению или Кыргызстан.

Другой проблемой, на которой делают акцент казахстанские СМИ, говоря о негативных последствиях для Казахстана от членства в ЕАЭС и сотрудничества с Россией, это влияние девальвации российского рубля на девальвацию казахстан-

25 Базанова Е. Россия защищается от дешевого импорта из Казахстана. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2015/10/12/612497-rossiya-importa-kazahstana> (дата обращения: 2.10.2015).

26 Соков К. Как Казахстан совместит членство в ВТО и ЕАЭС. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ritmearasia.org/news--2016-02-16--kak-kazahstan-sovmestit-chlenstvo-v-vto-i-eaes-21928> (дата обращения: 16.2.2016).

27 Винокуров Е. Отношение к интеграции: экономисты ВС общественное мнение. // Евразийская экономическая интеграция 2012. № 3 С. 5. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.eabr.org/general/upload/reports/EEI_3_2012_Vinokurov.pdf

28 Вступил в силу Протокол о реализации обязательств Казахстана по участию в ВТО. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/11-01-2016-1.aspx> (дата обращения: 11.01.2016).

29 Соков К. Как Казахстан совместит членство в ВТО и ЕАЭС. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ritmearasia.org/news--2016-02-16--kak-kazahstan-sovmestit-chlenstvo-v-vto-i-eaes-21928> (дата обращения: 16.02.2016).

30 Вступление Казахстана в ЕАЭС уже повлияло на лекарственный рынок в положительном ключе. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.amity.kz/8-uncategorised/novosti-farmatsii/666-vstuplenie-kazahstana-v-eaes-uzhe-povliyalo-na-lekarstvennyj-rynok-v-polozhitelnom-klyuche>

ской валюты. Попытки делать выводы из краткосрочных ситуаций, позволяют популистам скидывать все сложности и проблемы казахской экономики на участие страны в Евразийском союзе. Так, девальвация российского рубля в 2014-2015 гг. и последовавшее за ней удешевление российских товаров нанесли кратковременный вред казахстанским производителям, но не гражданам Казахстана, получившим возможность вложить свои на тот момент необесцененные тенге, в товары и недвижимость в приграничных российских регионах. При этом не было попытки посчитать взаимосвязанность казахской и российских экономики в полном объеме и предвидеть обязательное обесценивание казахстанского тенге в ближайшей перспективе. Это и произошло в середине 2015г., причем из-за политики казахстанских властей по затягиванию решения валютного вопроса, произошел обвал тенге: курс доллара вырос с 180 до 330 тенге к концу года. Это сравняло цены на товары двух стран и открыло путь к конкуренции, а значит и развитию взаимодействия в ЕАЭС.

И все-таки самая большая экономическая выгода, которую Казахстан получит от членства в ЕАЭС – использование своего транзитного потенциала и единых транспортных тарифов на пространстве Союза. Развитая транспортная инфраструктура должна способствовать расширению производств, увеличению их мощности и повышению товарооборот как внутри страны, так и за ее пределами.

При использовании транзитного потенциала и обеспечение благоприятных условий для прохождения груза по территории страны, Казахстан будет более интегрирован в мирохозяйственные связи. А именно эта цель ставится во всех государственных документах развития.

Стране следует использовать свои географические особенности: центральное положение в евразийском регионе и близость к Китаю.

Казахстану необходимо расширение сотрудничества со всеми странами в рамках ЕАЭС и его основными торговыми партнерами – Китаем и ЕС для реализации своего транзитного потенциала. Одним из основных транспортных коридоров для страны и ЕАЭС, в целом, является железнодорожный коридор Китай – Казахстан – Россия Трансазиатской магистрали, который выходит на российские Транссиб и БАМ, а также создаваемая Китаем, Казахстаном и Россией автомагистраль «Западная Европа – Западный Китай», как северная часть Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП). Другой маршрут проходит в направлении Урумчи – Достык – Омск – Москва – страны ЕС. Строящийся Морской путь ЭПШП имеет направление и через территорию Казахстана с выходом на Каспийское и Черное моря: первый - из Урумчи через казахстанский порт Актау и далее в ЕС, при этом используя грузинские порты; второй – из Урумчи через Казахстан и ЦА в Иран и Турцию.

Становление республики как транзитного хаба, по мнению казахстанских специалистов, должно сопровождаться с развитием широкой сети транспортно-логистических центров (ТЛЦ) со стратегическим распределением в каждом из регионов страны (на западе – морской порт Актау, на юге – Алматы, на севере – Астана, на востоке – СЭЗ «Хоргос»). Наличие разветвленной системы ТЛЦ в Казахстане повысит эффективность использования подвижного состава и качество перевозок, снизит транспортно-логистические издержки³¹.

По данным Всемирного Банка Казахстан последние годы целенаправленно развивал не только свою транспортную инфраструктуру, но и улучшал состояние логистики на своей

территории. По индексу развития логистики (LPI)³², исчисляемого аналитиками ВБ, в 2012 году Казахстан занял 86 место. При этом в 2007 г. данный показатель был на уровне 133 места. А в 2016 г. в Индексе эффективности логистики он уже занял 77 место среди 160 стран мира, поднявшись на 11 позиций по сравнению с 2014 г., опередив страны СНГ, как Россия (99), Украина (80), Узбекистан (118), Беларусь (120), и Кыргызстан (146), а также Иран (96) и Грузию (130). За последние два года улучшились позиции Казахстана по качеству инфраструктуры (на 41 позицию), эффективности таможни (на 35 позиций), простоте организации международных перевозок (на 18 позиций) и возможности отслеживания грузов (на 10 позиций)³³. И это еще не предел, ведь известно, что перед страной уже поставлена задача до 2020 года улучшить показатель до 40 позиций. И сделать это Казахстану вполне по силам.

Транспортная инфраструктура Казахстана отстает в применении современных транспортных технологий и требует проведения технологической модернизации. В рамках ЕАЭС полному использованию транспортно-транзитного потенциала Казахстана будут способствовать следующие факторы: снижение транспортных издержек, объединение транзитных возможностей всех стран союза, деюрократизация транспортных процедур, развитие логистической базы, возможность равного доступа к российским трубопроводам и портам на Балтике³⁴.

Уже запущен процесс унификации транзитных тарифов железных дорог стран ЕЭП. По итогам рассмотрения данного вопроса ЕАЭК было принято решение об унификации транзитных тарифов. В случае перевозки грузов через морские порты унифицированный тариф составит 19,44 долл. за 1 т на 500 км, а транзитный – 33,76 долл.³⁵ И если ранее при транспортировке казахстанских грузов транзитом через Россию с выходом на российские порты ОАО «Российские железные дороги» («РЖД») применяло унифицированный тариф, то и в случае перевозки российских или белорусских грузов транзитом через Казахстан с выходом на порт Актау, АО «НК «КТЖ» будет применять унифицированный тариф. В связи с этим в среднем экономия казахстанских грузоотправителей составит 14,32 долл. за каждую перевезенную тонну. Поэтому сегодня решение данного вопроса проходит обработку среди участников ЕАЭС. И это один из вопросов, решение которых направлено на усиление роли транзитного потенциала Казахстана в Евразийском экономическом союзе.

И последний момент, на который хотелось бы обратить внимание в данной статье, очень частое негативное заключение казахстанских экспертов о том, что Россия использует Евразийский союз не столько в экономических, сколько в геополитических целях. Россия действительно получает меньше экономических выгод от этого союза, чем любая другая стран ЕАЭС. Это связано с объемом ее экономики по сравнению с остальными государствами-членами. Россия даже согласилась на несоответствующее объемам ее экономики распределение таможенных пошлин и равное количество голосов при принятии решений. Действительно функционирование Евразийско-

32 Индекс оценивает шесть факторов: эффективность таможни; качество инфраструктуры; простота организации международных перевозок; компетенция в логистике; возможность отслеживания грузов; соблюдение сроков поставки.

33 За последние два года Казахстан поднялся на 11 позиций по индексу эффективности логистики (LPI). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://invest.gov.kz/ru/news/za-poslednie-dva-goda-kazahstan-podnyalsya-na-11-pozitsiy-po-indeksu-effektivnosti-logistiki-lpi>

34 Полегаев Э. Транзитный потенциал ЕАЭС // Экспертный клуб «Мир Евразии», 2014.

35 Участие Казахстана в ЕАЭС является реальной подпиткой государственного бюджета. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://palata.kz/ru/news/4323-4323_05 (дата обращения: 5.05.2014).

31 Мырзахметова А.М. Транзитный потенциал Казахстана в рамках ЕАЭС. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bulletin-ir-law.kaznu.kz/index.php/1-mo/article/viewFile/349/343>

го союза несколько укрепляет политические позиции России. Но и Казахстан имеет свои геополитические плюсы от участия в ЕАЭС и главный из них уравнивание позиций Китая в экономике и политике страны. Я уже не говорю, о возможности выстраивания равномерной, а значит устойчивой транзитной политики Казахстана.

Таким образом, Республика Казахстан имеет свои экономические и геополитические плюсы от участия в ЕАЭС. Конечно, есть проблемы в экономическом развитии страны, но не все они зависят от ее участия в евразийском интеграционном проекте. Причиной становятся и проблемы мировой экономики. Зачастую эти проблемы проще решить совместно, что и делается Казахстаном и Россией. При решении некоторых вопросов развития, как например укрепления транзитного потенциала страны, вообще нельзя решить без общих единых транзитных тарифов и правил транзита внутри Евразийского союза. Казахское руководство понимает это и проводит целенаправленную интеграционную политику.

Пристатейный библиографический список

1. Базанова Е. Россия защищается от дешевого импорта из Казахстана – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2015/10/12/612497-rossiya-importa-kazahstana> (дата обращения: 12.10.2015).
2. Бекмаганбетов М. ЕАЭС: ощутил ли выгоду Казахстан? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rus.azattyq.org/a/eaes-kazakhstan-dva-goda/27767951.html> (дата обращения: 31.05.2016).
3. Винокуров Е. Отношение к интеграции: экономисты ВС общественное мнение. // Евразийская экономическая интеграция 2012. № 3 С. 5 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eabr.org/general/upload/reports/EEL_3_2012_Vinokurov.pdf
4. Вступил в силу Протокол о реализации обязательств Казахстана по участию в ВТО. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/11-01-2016-1.aspx> (дата обращения: 11.01.2016).
5. Вступление Казахстана в ЕАЭС уже повлияло на лекарственный рынок в положительном ключе – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.amity.kz/8-uncategorised/novosti-farmatsii/666-vstuplenie-kazakhstan-v-eaes-uzhe-povliyalo-na-lekarstvennyj-rynok-v-polozhitelnom-klyuche>
6. Данные Государственного комитета по статистике Казахстана – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/homeNumbersCrossTrade?_adf.ctrl-state=pzq3pfhsx_4&_afLoop=25432093132712577
7. Дмитрий Панкин: «Объем рублевых платежей в ЕАЭС достиг 70%» – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/604520#ixzz4An5Mp3hk> (дата обращения: 19.02.2016).
8. За последние два года Казахстан поднялся на 11 позиций по индексу эффективности логистики (LPI). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://invest.gov.kz/ru/news/za-poslednie-dva-goda-kazakhstan-podnyalsya-na-11-poziciy-po-indeksu-effektivnosti-logistiki-lpi>
9. Канат Берентаев: «Плюсов в Таможенном союзе гораздо больше, чем минусов». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://camonitor.com/archives/323>
10. Космический комплекс «Байтерек» планируется построить к 2021 году – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tengrinews.kz/sng/kosmicheskiy-kompleks-bayterek-planiruetsya-postroit-2021-284873/>
11. Кузьмина Е. М. посчитано по: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx
12. Мырзахметова А.М. Транзитный потенциал Казахстана в рамках ЕАЭС – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bulletin-ir-law.kaznu.kz/index.php/1-mo/article/viewFile/349/343>
13. Нурсейтова Т. Евразийская интеграция – механизм, с помощью которого Казахстан может выгодно влиять на свое окружение – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.altyn-orda.kz/news/kazaxstanskienovosti/evrazijskaya-integraciya-mexanizm>
14. Об итогах взаимной торговли товарами Евразийского экономического союза. Январь – декабрь 2015 года. ЕЭК. Аналитическая записка. 25 февраля 2016 г. с. 1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/analytics/Documents/Analytics_I_201512.pdf
15. Об основных социально-экономических показателях государств – членов Евразийского экономического союза. Январь–декабрь 2015 года. ЕЭК: Аналитический обзор. 8 февраля 2016г. С. 44 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Indicators201512.pdf
16. Официальный сайт Президента России – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/52717>.
17. Полетаев Э. Транзитный потенциал ЕАЭС // Экспертный клуб «Мир Евразии», 2014.
18. Россия, Киргизия, Казахстан: игра на поле интеграции. 2013. 7 марта. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://newsland.com/news/detail/id/1137885/>
19. Синяева Ю. Казахстан жалуется, что его выжимают из Таможенного союза. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.apn.kz/opinions/article7848.htm>
20. Соков К. Как Казахстан совместит членство в ВТО и ЕАЭС. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ritmeurasia.org/news--2016-02-16--kak-kazakhstan-sovместit-chlenstvo-v-vto-i-eaes-21928> (дата обращения: 16.02.2016).
21. Тосихиро Сутигура. Падение цен на нефть стало главным испытанием для президента Путина. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/economic/20160129/235208297.html> 29.01.2016; оригинал публикации - <http://jbpres.ismedia.jp/articles/-/45898>
22. Участие Казахстана в ЕАЭС является реальной подпиткой государственного бюджета. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://palata.kz/ru/news/4323-4323> (дата обращения: 5.05.2014).
23. Эксперты: девальвация юаня станет вызовом для США и не повлияет на РФ – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ria.ru/economy/20151214/1341989600.html#ixzz4Ao7ihcTZ> (дата обращения: 12.2015).
24. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.worldbank.org/ru/news/feature/2012/04/18/kazakhstan-in-the-customs-union-losses-or-ains>
25. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?Code=NY.GNP.PCAP.CD&id=af3ce82b&report_name=Popular_indicators&populartype=series&ispopular=y
26. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.trademap.org/Bilateral.aspx>

ЛАГУТИНА Мария Львовна

кандидат политических наук, доцент кафедры мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета

БАТУР Абдул Гафар

помощник зам. министра внутренних дел по вопросам защиты населения Исламской республики Афганистан

«НОВЫЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ»: АМЕРИКАНСКАЯ СТРАТЕГИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРАЗИИ

В статье раскрываются основы американской стратегии в современной Евразии в новых геополитических условиях. Особое внимание уделяется проекту «Новый Шелковый путь» и роли Афганистана в американском геополитическом проекте.

Ключевые слова: Евразия, США, Россия, Китай, американская стратегия, Афганистан, геополитика, «осевой регион».

LAGUTINA Maria Lvovna

Ph.D. in Law, assistant professor of World Politics sub-faculty of the Saint Petersburg State University

BATUR Abdul Ghafar

Legal Advisor to Deputy Minister of MOI in APPF (Afghan Public Protection Force) Ministry of interior Affairs of Government of Islamic Afghanistan

“NEW SILK ROAD”: AMERICAN STRATEGY IN THE MODERN EURASIA

The article reveals the basics of the American strategy in the modern Eurasia in the modern geopolitical conditions. Special attention is given to the project 'New Silk Road' and a role of Afghanistan in this American geopolitical project.

Keywords: Eurasia, USA, Russia, China, Afghanistan, American strategy, geopolitics, "Heartland".

В начале XXI века Евразия имеет важнейшее мировое значение: на этом «суперконтиненте» живет примерно две трети населения мира, здесь сосредоточены богатейшие ресурсы планеты, пересекаются стратегически важные торговые и транспортные пути, происходят важнейшие события, имеющие не только региональное, но и глобальное измерение и т.д. В этой связи в наши дни вновь актуализируются идеи классиков геополитики XX века (например, Х. Маккиндера, Ф. Ратцеля, К. Хаусхофера) в отношении Евразии, которые в своих трудах определяли евразийское пространство как «осевой регион» (“Heartland”) – ключевое пространство мировой и региональной политики. В то же время ряд зарубежных исследователей (например, А. Глисон)¹ отмечает, что сегодня евразийское пространство не представляет собой единой целостности: Россия потеряла свое влияние в регионе, постепенно уступая его Китаю, странам Европейского союза (ЕС), США и другим мировым игрокам. В результате бывшие «евразийские осколки» отошли частично к «Большой Европе» (например, страны Балтии, Молдова, Украина), а страны Кавказа и Центральной Азии вошли в сферу влияния евро-американской геополитической системы «Большой Ближний Восток» и стали объектом пристального влияния со стороны КНР. В результате на обширном геополитическом пространстве развернулась конкурентная борьба евразийских проектов ведущих мировых держав: китайский проект «Один пояс, один путь», американский проект «Новый Шелковый путь», свой проект предложила и

Россия – проект Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Очевидно, что данный тренд был обусловлен снижением российского влияния в регионе после распада СССР, когда Россия в большей степени была занята решением внутренних проблем и привлекательные в геополитическом и ресурсном плане территории бывшего СССР оказались открыты для внешнего влияния и, не в последнюю очередь, со стороны Соединенных Штатов Америки.

Основы евразийской стратегии США

Как уже отмечалось выше, американские геополитики еще в XX веке в своих трудах указывали на важнейшее стратегическое значение Евразии в мировой политике в целом. Однако, свои прямые интересы к региону сверхдержава США не проявляла вплоть до конца XX века, что было обусловлено доминированием в регионе второй крупнейшей сверхдержавы СССР. Ситуация кардинально изменилась после распада СССР, что моментально нашло свое отражение как в официальной стратегии США, так и американских экспертных кругах.

Политику США на евразийском направлении можно разделить на несколько этапов:²

1 Gleason A. Eurasia: What is it? Is it? // Journal of Eurasian Studies. – 2010. – № 1. – P. 26-32.

2 Вязгина Е. А. Идея «Большой Центральной Азии» во внешнеполитических дискуссиях в США (2004 – 2008) // Вестник МГУ. – 2010. – сер. 8. – №. 4. – С. 102-105.

Лагутина М. Л.

Батур А. Г.

– 1991-1996 гг. – начало формирования американской стратегии в регионе, обозначение ключевых интересов; на этом этапе США признают независимость бывших советских республик и постепенно начинают устанавливать двусторонние отношения с новыми независимыми государствами;

– 1996 – 2001 гг. – американское руководство объявляет регионы Центральной Азии (ЦА) и Каспийский зоной своих геостратегических интересов и закрепляет это на концептуальном и официальном уровнях;

– 2001 – 2014 гг. – увеличение внимания США к региону вследствие событий 11 сентября 2001 года; в качестве приоритета американской политики в Евразии обозначена борьба с терроризмом, экстремизмом и трансграничной преступностью в регионе; после событий 2001 года США усиливают свое глобальное присутствие³ и, в том числе, размещают свои военные базы в странах ЦА, разрабатывают долгосрочную политическую стратегию для стран ЦА, которая затронула практически все сферы: от экономической до военно-политической и идеологической; именно на этом этапе мировой общественности была представлена концепция «Нового Шелкового пути»;

– 2014 год – настоящее время – наблюдается снижение активности США в регионе, что было обусловлено свертыванием сил США в Афганистане и началом восстановления российского влияния в Евразии, связанного с запуском 1 января 2015 года Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

В основу официальной стратегии США в Евразии легли концептуальные разработки американских исследователей.

«Великая шахматная доска» З.Бжезинского. Так, например, в 1997 году вышла известная книга американского политолога З.Бжезинского «Великая шахматная доска. Главенство Америки и ее геостратегические императивы», в которой автор в качестве главной цели американской геостратегии назвал «превращение Америки во властелина Евразии»⁴. Называя евразийский регион «главным геополитическим призом», З. Бжезинский представляет Евразию как «великую шахматную доску, на которой продолжается борьба за глобальное господство»⁵. В следующей своей работе 2000 года «Геостратегическая триада» американский политолог призывает власти США к решению проблемы нестабильности в регионах Центральной Азии, Ближнего Востока, Персидского залива и Юго-Восточной Европе, что объясняет тем, что таким образом США получат абсолютное господство на евразийском континенте и создадут ситуацию, при которой никакая комбинация стран евразийского региона не сможет конкурировать с влиянием США⁶. Постепенно эти идеи стали находить свое воплощение и на практике. Тем более, что ослабление позиций России в регионе до определенного времени создавало для этого вполне благоприятные условия.

«Большая Центральная Азия» Ф. Старра. На рубеже XX – XXI вв. в американских экспертных и политических кругах востребованным стал концепт «Большой Центральной Азии» (БЦА). В 2005 году в одном из ведущих американских журналов была опубликована статья Ф.Старра «Партнерство для

Центральной Азии», в котором был представлен проект создания «регионального форума Партнерство по сотрудничеству и развитию Большой Центральной Азии», который бы объединял центрально-азиатские республики и Афганистан под американским контролем⁷. В результате в евразийской стратегии США ключевая роль была отведена странам ЦА, которые стали рассматриваться американским руководством как «ворота» в Евразию для США: «Из географически отдаленного, нестабильного и малоинтересного региона Центральная Азия превратилась для США в зону, где сфокусированы интересы национальной безопасности»⁸. В то же время видение региона ЦА американскими экспертами получило достаточно широкое географическое трактование. Согласно концепту БЦА цивилизационные границы Центральной Азии исторически простирались далеко за пределы нынешних рубежей пяти постсоветских республик, что позволило автору включить в него Афганистан, северо-западные области Индии, часть Пакистана, Ирана и китайский Синьцзян⁹.

Американские власти рассматривают регион БЦА как зону пересечения важнейших торговых путей и местонахождения своих военных баз. Начиная с внешнеполитической доктрины Дж.Буша-мл. 2001 года, американская стратегия в регионе ЦА последовательно реализовывалась с целью «завершения процесса формирования новой системы международных отношений, обеспечивающей глобальное доминирование Америки»¹⁰.

Особая роль в этом проекте была отведена Афганистану, который должен был стать центром региональной стабильности и безопасности, лояльным американским властям. В экономической сфере предполагалось повышение уровня жизни населения региона и в дальнейшем его интеграция в систему мировых финансово-экономических институтов, превращение региона ЦА в важнейший узел международных торгово-транспортных путей.

Следует отметить, что сама идея выделения региона ЦА как самостоятельного субъекта мировой политики была направлена на символическое геополитическое дистанцирование стран региона от России. Одним из наиболее эффективных инструментов такой политики американской администрации стала политика переориентации стран ЦА на строительство новых транспортных коммуникаций в регионе (строительство сети дороги, мостов, нефте- и газопроводов, железнодорожных путей и т.д.), независимых от России.

Практическую реализацию идеи З.Бжезинского и Ф. Старра нашли в официальной концепции Белого дома «Нового Шелкового пути».

3 The National Security Strategy of the United Nations of America. September 2002. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.state.gov/documents/organization/63562.pdf> (дата посещения: 20.08.2016 г.).

4 Бжезинский З. Великая Шахматная Доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. – М.: Международные отношения, 1998. – С.207.

5 Там же. С.173.

6 Brzeziński, Z. The Geostrategic Triad: Living with China, Europe, Russia. – Washington, 2000.

7 Starr F. Partnership for Central Asia // Foreign Affairs. 2005. July/August. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/2005-07-01/partnership-central-asia> (дата посещения: 20.08.2016 г.).

8 Братерский М. Политика США в Центральной Азии и интересы России // Центральная Азия и Кавказ. №4 (52), 2007. <http://cyberleninka.ru/article/n/politika-ssha-v-tsentralnoy-azii-i-interesy-rossii> (дата посещения: 20.08.2016 г.).

9 Starr F. Partnership for Central Asia // Foreign Affairs. 2005. July/August. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/2005-07-01/partnership-central-asia> (дата посещения: 20.08.2016 г.).

10 Шарко С. Центральная Азия как евразийский геополитический центр: новые возможности или иллюзии? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/952>

Проект «Новый Шелковый путь» («Большой центральноазиатский план»)

Официальная внешнеполитическая доктрина «Новый Шелковый путь» (далее НШП) была впервые озвучена госсекретарем США Хиллари Клинтон в 2011 году. Однако сама идея воссоздания Шелкового пути звучала еще в конце XX века, когда в 1999 году Конгрессом США был принят «Акт о стратегии Шелкового пути»,¹¹ который со временем был обновлен и дополнен под влиянием событий в Афганистане. Особое внимание было уделено обеспечению безопасности границ государств Шелкового пути¹². В 2009 году была создана группа экспертов Центрального командования ВС США Центра стратегических и международных исследований Вашингтона, которые и разработали концептуальные основы Нового Шелкового пути (НШП).

Обосновать главную цель этой стратегии можно так – интеграция Центральной и Южной Азии в единый экономический макрорегион с центром в Афганистане. НШП подразумевает создание инфраструктуры на территории бывших республик СССР Центральной Азии через Афганистан в страны Южной Азии – Индию и Пакистан. В планах НШП также торговая интеграция стран Центральной Азии, Афганистана и южноазиатских стран, конечной целью чего является открытие рынков региона ЦА и их интеграция в мировую экономическую систему. По мнению американских экспертов, эффективная торгово-экономическая политика будет способствовать стабилизации политической и социальной ситуации в регионе.

На данный момент на стадии реализации находятся следующие инфраструктурные проекты в рамках концепции НШП:

- строительство высоковольтной энергосети GASA-1000, обеспечивающей энергию от Узбекистана и Киргизии к Афганистану и Пакистану (более 526 миллионов долларов США);
- восстановлено и построено более 3 тысяч километров дорог в Афганистане;
- возведено несколько мостов через реку Пяндж, соединяющих автотранспортные системы Афганистана и Таджикистана;
- в 2011 году была завершена и сдана в эксплуатацию первая железнодорожная, открывающая Узбекистану регулярный железнодорожный выход в Центральную Азию.¹³

В целом проект является крайне выгодным для США с политической точки зрения:

- это обеспечит США долгосрочное присутствие в Афганистане и в регионе Центральной Азии;
- в случае успешной реализации НШП США получат под свой контроль один из самых важных регионов в Евразии и доступ к его богатейшим ресурсам;
- реализация проекта НШП значительно снизит роль России в регионе, так как реализация инфраструктурных проектов в Центральной Азии позволит потокам сырья из этих государств двигаться в обход России, снизив ее интеграционную значимость для региона, а приток новых покупателей энергоресурсов Туркменистана, Узбекистана и Казахстана понизит конкурентоспособность российских добывающих компаний.

Что касается реакции представителей республик ЦА, то в целом руководители центральноазиатских стран поддержали

эту инициативу, ожидая значительный приток западных инвестиций. В то же время на стадии реализации проект НШП столкнулся с рядом проблем:

- США не готовы вкладывать собственные значительные финансовые ресурсы в реализацию проекта, расчет был сделан на привлечение иностранных инвестиций, но он не оправдался, так как нестабильная политическая и экономическая ситуация в большинстве стран делает регион инвестиционно малопривлекательным; так, например, газовая магистраль ТАРП (Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия) – один из самых дорогостоящих и перспективных проектов в системе НШП так и не была построена по причине неуверенности инвесторов в безопасности маршрута, при этом его дороговизна (10 миллиардов долларов США), к тому же отношения между потенциальными покупателями и транзитерами сырья оставляли желать лучшего¹⁴;

- Афганистан был выделен в качестве ключевого звена НШП, однако до сих пор стабилизировать ситуацию в стране не удалось, что серьезно тормозит реализацию проекта НШП;

- сохраняющиеся напряженные отношения между Пакистаном и Афганистаном, а также Индией и Пакистаном тормозят развитие торговых отношений между участниками НШП¹⁵;

- повышение роли РФ и КНР в последние годы в регионе, конкуренция со стороны китайского проекта «Один пояс, один путь» и российского проекта Евразийского экономического союза, решение о сопряжении которых было принято главами КНР и РФ в 2015 году.

США, Китай и Россия в современной Евразии

Современная Евразия интересна не только Соединенным Штатам Америки, особые интересы в регионе традиционно имеет Россия. Кроме того, в последние годы активную евразийскую политику проводит Китай. Между этими тремя государствами сегодня фактически и ведется борьба за влияние в регионе.

Суть противоречий между тремя мировыми державами заключается в их разном видении евразийской стратегии:

- руководство США считает, что влияние России и Китая в регионе имеет имперские основы, что ведёт к распространению в регионе недемократической социально-политической модели Китая и России;

- в свою очередь, Россия и КНР не разделяют позицию американского руководства в отношении универсальности американской демократической модели.

В целом, по оценкам экспертов, евразийский вектор современной внешнеполитической стратегии США «нацелен, главным образом, на предотвращение сближения между Россией, Китаем и Индией, а также создания геополитических конфигураций с участием этих государств, способных бросить вызов «миру по-американски»¹⁶. Тем не менее, несмотря на свой очевидный потенциал США территориально расположены далеко от региона, что затрудняет США осуществление полноценного контроля региона. В то же время с 2014 года Россия активно начинает заявлять свои претензии на статус независимой великой евразийской державы, а КНР в послед-

11 Silk Road Strategy Act of 1999. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.eso.org/gen-fac/pubs/astclim/espas/maidanak/silkroad.html> (дата посещения: 20.08.2016 г.).

12 Silk Road Strategy Act of 2006. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/109th-congress/senate-bill/2749> (дата посещения: 20.08.2016 г.).

13 U.S. Support for the New Silk Road. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.state.gov/p/sca/ci/af/newsilkroad/> (дата посещения: 20.08.2016 г.).

14 Попов Д. С. Вашингтон ведёт «Новый Шёлковый путь» в обход России и Китая. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://riss.ru/analitics/22989/> (дата посещения: 20.08.2016 г.).

15 Умаров А. А. Стратегические инициативы США и Китая в Центральной Азии // Сравнительная политика. № 1(18). 2015. – С. 133.

16 Плащинский А. Смена вех в глобальном мире. 30.04.2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2015/04/30/smena_veh_v_globalnom_mire/ (дата посещения: 20.08.2016 г.).

ние годы эффективно осуществляет экономическую экспансию в регион ЦА.

Результатом повышения активности России в Евразии стал интеграционный проект Евразийского экономического союза (ЕАЭС), который изначально воспринимался США скептически, а когда стало ясно, что он будет реализован, то представители американских властей разразились жесткой критикой. Так, например, в своей статье в журнале "Foreign Affairs" в номере за январь-февраль 2012 года уже упомянутый З. Бжезинский в очередной раз отметил, что Евразия становится стратегически важным элементом внешней политики США в ближайшей перспективе и предлагает, усиливая демократические институты в России, продолжать вовлекать ее в западную систему. В связи с этим, по мнению З. Бжезинского, Россия должна оставить свои «странные идеи» по поводу Евразийского союза¹⁷. Не менее категорично звучат слова бывшего Госсекретаря США нынешнего кандидата в президенты Х.Клинтон: «Существует движение в сторону ресоветизации региона. Это не будет называться именно так. Это будет называться Таможенным союзом, это будет называться Евразийским союзом и все в таком роде. Не будем заблуждаться на этот счет. Мы знаем, в чем заключается цель, и мы стараемся разработать эффективные способы того, как замедлить это или предотвратить это»¹⁸. С этого времени интеграционные инициативы России на евразийском постсоветском пространстве стали сталкиваться с американским противодействием: «в ущерб Евразийскому экономическому союзу развязана информационная и дипломатическая кампании. Противостояние переносится на поля Всемирной торговой организации. Выдвигаются альтернативные геоэкономические концепты»¹⁹, речь идет о НШП.

Параллельно с РФ свои евразийские амбиции стал обозначать и Китай, который еще в 2013 году объявил о начале реализации проекта «Один пояс, один путь», включающего две составляющие:

– сухопутный «экономический пояс», объединяющий страны на евразийском континенте – «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП);

– «морской шелковый путь XXI века»²⁰.

В настоящее время проект «Один пояс, один путь» активно обсуждается аналитиками и политиками во всем мире и вызывает неоднозначную реакцию. Многие рассматривают действия КНР в современной Евразии исключительно как экономическую экспансию с целью расширения своих рынков сбыта. Тем не менее, в начале 2015 года китайское руководство представило план практической реализации данного проекта и официальное разъяснение своих намерений, в соответствии с которым на данном этапе Китай продолжает активно развивать систему двусторонних инфраструктурных, инвестиционных и торговых сделок с евразийскими странами и региональными организациями. Первая реакция Белого дома на китайскую инициати-

ву была сдержанно нейтральной, однако далее все более стала смещаться в позитивную сторону: «В течение 2014 года в США доминирующими стали представления о том, что Китай может сыграть позитивную роль в развитии Центральной Азии за счет масштабных инвестиций в инфраструктуру»²¹. Данная оценка китайской роли в развитии современного евразийского пространства формировалась не противопоставлением позитивной роли КНР негативной роли России в регионе: «роль России в регионе в силу исторических причин сохраняется, но она отрицательная, а роль Китая растет и она положительная»²². На экспертном уровне в США начались даже активные обсуждения возможных вариантов координации американского НШП и китайского ЭПШП. Однако, Китай предпочел другого партнера по реализации своей евразийской стратегии.

В 2015 году Россия и Китай официально договорились о состыковке ЕАЭС и проекта «Экономический пояс Шелкового пути»: 8 мая 2015 года президент РФ В. В. Путин и председатель КНР Си Цзиньпин подписали «Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути», что официально закрепило российско-китайские планы о расширении экономического сотрудничества в Евразии. Несомненно, это вызвало опасения со стороны США и в экспертных кругах даже стали появляться мнения о том, что «развертывание российского и китайского проектов привело к тому, что Вашингтон вынужден соблюдать хрупкий баланс. <...> Вашингтон начал признавать, что изначальный план «Нового шелкового пути» был слишком амбициозным, и что Россия и Китай, скорее всего, будут основной движущей силой евразийской интеграции в ближайшие несколько лет», отмечает американский эксперт по России Дж. Манкофф. Далее он заключает, что «Вашингтон может и не любить ЕАЭС и ЭПШП, но он начинает понимать, что это единственная игра на этом поле»²³. В этих условиях США остается развивать и поддерживать двусторонние связи с центральноазиатскими республиками.

Афганистан и «Новый Шелковый путь»

Как уже было отмечено, Афганистану в американском проекте НШП была отведена ключевая роль. Во многом это было обусловлено исторической ролью Афганистана на евразийском континенте, который еще в XX веке стал «центром притяжения военно-политических усилий Вашингтона в силу географической близости к Советскому Союзу, а затем к России и региону Центральной Азии»²⁴. Важнейшая роль Афганистану отводилась и в концепции З.Бжезинского, который писал о создании «дуги нестабильности» вокруг СССР/России, включавшей в том числе «зеленые (исламские) пояса напряженности»²⁵.

17 Brzezinski, Z. Balancing the East, Upgrading the West: U.S Grand Strategy in an age of upheaval // Foreign Affairs. Jan/Feb 2012 edition. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.foreignaffairs.com/articles/136754/zbigniew-brzezinski/balancing-the-east-upgrading-the-west> (дата посещения: 20.08.2016 г.).

18 Clover, Ch. Clinton vows to the thwart new Soviet Union // Financial Times. December 6, 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ft.com/cms/s/0/a5b15b14-3fcf-11e2-9f71-00144feabdco.html#axzz2ShFUAOnl> (дата посещения: 20.08.2016 г.).

19 Попов Д. С. Вашингтон ведёт «Новый Шёлковый путь» в обход России и Китая. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://riss.ru/analitics/22989/> (дата посещения: 20.08.2016 г.).

20 Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути 21-го века». 23.04.2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.china-embassy.org/rus/zgwx/t1257296.htm> (дата посещения: 20.08.2016 г.).

21 Сафранчук И. Эволюция позиции США в отношении роли Китая в Центральной Азии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1354> (дата посещения: 20.08.2016 г.).

22 Сафранчук И. Эволюция позиции США в отношении роли Китая в Центральной Азии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1354> (дата посещения: 20.08.2016 г.).

23 США готовы к евразийской интеграции? Два взгляда из Вашингтона. 22 июля 2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eur-asia.expert/ssha-smiryatsya-s-evraziyskoy-integratsiyey-dva-vzglyada-iz-vashingtona/> (дата посещения: 20.08.2016 г.).

24 Иваненко В. И. Афганский узел. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.moskvam.ru/publications/publication_1282.html (дата посещения: 20.08.2016 г.).

25 Там же.

Афганистану отводилась роль ядра в сети торговых и транспортных путей. Для Исламской Республики Афганистан (ИРА) участие в американском проекте сулило огромные перспективы: предполагалось превратить ИРА в безопасную и политически стабильную страну, с высоким уровнем жизни и развитой системой межнациональных отношений.

Что касается механизмов взаимодействия ИРА с центрально-азиатскими республиками и странами Южной Азии, то в основном речь идет о реализации ряда общих инфраструктурных проектов (CASA-1000, газопровод ТАРП, железнодорожные коридоры и т.д.). Однако, реализация данных проектов на данном этапе низкоэффективна в связи с тем, что Афганистан продолжает оставаться нестабильным государством и одним из центров мирового наркотрафика. Собственно, военные неудачи в Афганистане и поспособствовали тому, что реализация проекта НШП на данном этапе представляется маловероятной.

Подводя итог, можно отметить, что интересы США в евразийском регионе являются частью глобальной американской стратегии, разрабатываемой с конца XX века. Стратегическое значение региона в американской стратегии обусловлено следующими факторами:

во-первых, американская стратегия изначально была настроена на окончательное закрепление однополярного мирового порядка;

во-вторых, интересы США в Евразии были обусловлены не только геополитическими, но экономическим фактором (доступ к евразийским ресурсам и торговым путям) и фактором безопасности (борьба с терроризмом, экстремизмом и трансграничной преступностью);

в-третьих, США оказались не готовы инвестировать в развитие региона значительные материальные ресурсы, что снизило эффективность их евразийской политики;

в-четвертых, низкая эффективность евразийской стратегии США в последние годы связана также с восстановлением российского влияния в регионе и интенсификацией российско-китайского сотрудничества;

наконец, в-пятых, неоправданными оказались расчеты руководства США на роль Афганистана в реализации их евразийского проекта.

Таким образом, на данном этапе наиболее сильные позиции в Евразии за собой удерживают американские оппоненты и их интеграционные проекты – российский проект ЕАЭС и китайский проект «Экономический пояс Шелкового пути».

Пристатейный библиографический список

1. Бжезинский З. Великая Шахматная Доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. – М.: Международные отношения, 1998.
2. Братерский М. Политика США в Центральной Азии и интересы России. // Центральная Азия и Кавказ. №4 (52), 2007. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/politika-ssha-v-tsentralnoy-azii-i-interesy-rossii> (дата посещения: 20.08.2016 г.)
3. Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства “Экономического пояса Шелкового пути” и “Морского Шелкового пути 21-го века”. 23.04.2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.china-embassy.org/rus/zgwx/t1257296.htm> (дата посещения: 20.08.2016 г.)
4. Вязгина Е. А. Идея «Большой Центральной Азии» во внешнеполитических дискуссиях в США (2004 – 2008). // Вестник МГУ. – 2010. – сер. 8. – №. 4. – С. 102-105.

5. Иваненко В. И. Афганский узел. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.moskvam.ru/publications/publication_1282.html (дата посещения: 20.08.2016 г.)
6. Плащинский А. Смена вех в глобальном мире. 30.04.2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2015/04/30/smena_veh_v_globalnom_mire/ (дата посещения: 20.08.2016 г.)
7. Попов Д. С. Вашингтон ведёт «Новый Шёлковый путь» в обход России и Китая. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://riss.ru/analytcs/22989/> (дата посещения: 20.08.2016 г.)
8. Сафранчук И. Эволюция позиции США в отношении роли Китая в Центральной Азии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1354> (дата посещения: 20.08.2016 г.)
9. США готовы к евразийской интеграции? Два взгляда из Вашингтона. 22 июля 2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eurasia.expert/ssha-smiryatsya-s-evraziyskoy-integratsiy-dva-vzglyada-iz-vashingtona/> (дата посещения: 20.08.2016 г.)
10. Умаров А. А. Стратегические инициативы США и Китая в Центральной Азии // Сравнительная политика. – № 1(18). – 2015. – С.133.
11. Шарко С. Центральная Азия как евразийский геополитический центр: новые возможности или иллюзии [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/952>
12. Brzezinski, Z. Balancing the East, Upgrading the West: U.S Grand Strategy in an age of upheaval // Foreign Affairs. Jan/Feb 2012 edition. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.foreignaffairs.com/articles/136754/zbigniew-brzezinski/balancing-the-east-upgrading-the-west> (дата посещения: 20.08.2016 г.)
13. Brzeziński, Z. The Geostrategic Triad: Living with China, Europe, Russia. – Washington, 2000. – 237 p.
14. Clover, Ch. Clinton vows to the thwart new Soviet Union // Financial Times. December 6, 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ft.com/cms/s/0/a5b15b14-3fcf-11e2-9f71-00144feabdc0.html#axzz2ShFUAOnl> (дата посещения: 20.08.2016 г.)
15. Gleason A. Eurasia: What is it? Is it? // Journal of Eurasian Studies. 2010. #1. - P. 26-32.
16. The National Security Strategy of the United Nations of America. September 2002. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.state.gov/documents/organization/63562.pdf> (дата посещения: 20.08.2016 г.)
17. Silk Road Strategy Act of 1999. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.eso.org/gen-fac/pubs/astclim/espas/maidanak/silkroad.html> (дата посещения: 20.08.2016 г.)
18. Silk Road Strategy Act of 2006. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/109th-congress/senate-bill/2749> (дата посещения: 20.08.2016 г.)
19. Starr F. Partnership for Central Asia // Foreign Affairs. 2005. July/August. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/2005-07-01/partnership-central-asia> (дата посещения: 20.08.2016 г.)
20. U.S. Support for the New Silk Road. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.state.gov/p/sca/ci/af/newsilkroad/> (дата посещения: 20.08.2016 г.)

МАРМОНТОВА Таисия Викторовна

кандидат исторических наук, доцент кафедры регионоведения факультета международных отношений Евразийского национального университета им Л. Н. Гумилева

КУЛЬТУРНО-ГУМАНИТАРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО НА ПРОСТРАНСТВЕ ЕАЭС

В статье проанализированы особенности и специфика культурно-гуманитарного взаимодействия на пространстве ЕАЭС. Автор выделяет уровни развития сотрудничества, обращает внимание на успехи и неудачи политики на данном уровне.

Ключевые слова: ЕАЭС, культура, пространство, интеграция, сотрудничество.

MARMONTOVA Taissiya Viktorovna

Ph.D. in historical science, associate professor of Regional Studies sub-faculty of the Faculty of International Relations of the L. N. Gumilev Eurasian National University

CULTURE-HUMANITARIAN COLLABORATION ON THE SPACE OF EEU

This paper analyzes main features of interactions in the sphere of culture on the space of EEU. The author underlines all levels of the development of cooperation and pays an attention to the successes and falls on its level.

Keywords: EEU, culture cooperation, Eurasian space, integration, international cooperation.

Мармонтова Т. В.

Гуманитарное сотрудничество как тип взаимодействия способствует созданию атмосферы взаимопонимания между людьми. Именно взаимопонимание является прочным фундаментом для различных видов кооперации.

Можно уверенно говорить о том, что помимо материального интереса, который в начале XXI века объединил значительную часть постсоветского пространства в рамках ЕАЭС, наши народы связывает и культурно-гуманитарное сотрудничество.

Развитие и сохранение культурных связей на евразийском пространстве важно в современных условиях, хотя бы в силу того, что большая часть новой и новейшей истории наших государств существует в рамках единого культурного пространства. Опыт взаимного культурного обогащения помогает строить отношения и позволяет избежать межнациональных конфликтов, порой инспирированных искусственно¹.

Прочные духовные связи, развитые культурные взаимодействия всегда отличали народы евразийского континента. Евразийская цивилизация, объединяя в себе черты Запада и Востока, способствует формированию очень гибкого типа ментальности. Тысячелетиями на просторах Евразии рядом мирно соседствовали представители разных этносов и религий. Сегодня можно констатировать, что именно в результате подобного соседства евразийцы выработали такие качества, как толерантность и способность к диалогу, умение понять и принять «другого». Однако приходится говорить о том, что бывшие советские республики отдаляются друг от друга в культурном отношении, центробежные тенденции с каждым годом только нарастают. Поэтому именно культурно-гуманитарная составляющая сотрудничества в рамках ЕАЭС является необходимой компонентой, которая сможет противостоять автаркии и содействовать формированию прочных внутренних связей между странами-участниками.

Приступая к анализу особенностей культурно-гуманитарных взаимодействий приведем на пространстве ЕАЭС статистические данные по расходам на культуру. В представленной ниже таблице собраны данные за последние 2 года, выборка проведена на основе анализа государственных бюджетов про-

шлого, и текущего годов, а также официальных источников, публикующих данные о государственных доходах и расходах

Таблица 1. Расходы на культуру в странах ЕАЭС (в нац. валютах)

	2015	2016
Казахстан	56,5 млрд.тенге	91 млрд. тенге
Россия	94,5 млрд. руб.	99,4 млрд.руб.
Беларусь	774,4 млрд бел. руб	3 917,1 млрд. рублей.
Кыргызстан	2,6 млрд. сом	2,8 млрд. сом
Армения	28 119 417,4 млн. драм	

Данные, приведенные в таблице, являются относительными, и получить объективную картину можно только проведя корреляцию данных в сравнении с величинами ВВП, курсом доллара и пр. Так, как величина доллара, в условиях экономического кризиса менялась неоднократно, сравним размеры финансирования в соответствии с их долями в государственном бюджете.

В Беларуси текущий 2016-й год назван годом культуры, однако в республике фиксируется тенденция на понижение расходов на культуру. В консолидированном бюджете Республики Беларусь доля расходов на культуру в процентах от ВВП уменьшилась: с 0,51% в 2012 году до 0,44% в 2014 году и до 0,39% в 2015 году. Еще более скромно все в Кыргызстане. А вот в Армении расходы на культуру составляют 2,4 процента от ВВП².

В самых крупных странах ЕАЭС – Российской Федерации и Республике Казахстан ситуация кардинально не отличается. Наблюдается тенденция на последовательное снижение финансирования в области культуры.

И это, не может не тревожить. Недостаток финансирования культуры в настоящем – по факту может стать основой для недопонимания в будущем.

1 Глебова Л. Подавление никогда не лежало в основе сотрудничества стран ЕАЭС. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/1939096.html> (дата обращения: 9.08.2016).

2 2016 год в Беларуси – Год культуры. Материалы для информационно-пропагандистских групп (февраль 2016 г.). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://gomel-region.by/uploads/files/IPG-fevral-2016.doc> Дата доступа (дата обращения: 17.08.2016).

Анализируя уровни культурно-гуманитарного сотрудничества, заострим внимание на том, что вопросы культурно-гуманитарного сотрудничества на высшем уровне именно в контексте ЕАЭС рассматриваются мало. Ни одно государство-член объединения сегодня не озабочено задачей формирования общей культурной парадигмы. А, традиционные форматы сотрудничества в области культуры ограничиваются привычной, и неоднократно опробованной формой двусторонних контактов, которые, тем не менее, действенны, и эффективно решают свои задачи.

Только в текущем году страны ЕАЭС приняли участие в ряде крупных мероприятий международного характера.

Так в преддверии празднования 71 годовщины Победы в Беларуси, г. Минске состоялся Международный историко-культурный форум «Великая Победа, добытая единством».

24 мая 2016 года в Ереване прошли празднования Дней славянской письменности и культуры. Организатором мероприятия выступили Московский культурно-деловой центр «Дом Москвы» в Ереване, при финансовой поддержке правительства Москвы и департамента внешнеэкономических и международных связей города Москвы³.

Форум Молодого кино «Умут» («Надежда») состоится 28 – 31 октября 2016 года в Бишкеке. Форум поддержан Межгосударственным Фондом Гуманитарного Сотрудничества (МФГС). В рамках Форума пройдет четыре конкурса: 2 Международных – короткометражных игровых и короткометражных документальных фильмов и 2 Национальных – короткометражных игровых и короткометражных документальных фильмов⁴.

Интересным проектом стал «Клуб молодых интеллектуалов стран Содружества». Клуб молодых интеллектуалов стран Содружества является мероприятием по консолидации молодежи. Первое заседание Клуба молодых интеллектуалов стран содружества прошло в Ереване с 29 февраля по 1 марта 2016 г.⁵ 6 июня 2016 г, в Баку прошло второе заседание. В работе клуба приняли участие представители России, Азербайджана, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана. Основная тематика этого заседания – медиакоммуникации и их роль в интеграции и геополитике⁶.

С 13 по 18 июня текущего года прошла Международная школа молодых политологов «Историческая и культурная общность народов стран Содружества Независимых Государств». Местом проведения стала Москва. Площадкой для встречи молодых политологов из стран Содружества стал Российский институт стратегических исследований.

Работа школы была направлена на развитие сотрудничества с научными организациями и учебными заведениями государств – участников СНГ в области исследования актуальных международных, культурно-исторических и военно-политических проблем, формирование позитивного имиджа стран СНГ за рубежом.

Участниками школы стали представители научной среды и делового сообщества Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики,

Республики Молдова, Российской Федерации и Республики Таджикистан⁷.

Причем, важно заметить, что все названные мероприятия прошли именно в формате СНГ, специфических проектов, где в подобных рамках могут встретиться эксперты, интеллектуалы, деятели культуры стран ЕАЭС не существует.

И, стоит выделить, одну из самых серьезных проблем в области культурно-гуманитарного взаимодействия в рамках ЕАЭС – практически полностью отсутствует единая, консолидированная информационная политика, нет общей диалоговой площадки на телевидении, радио, в сети интернет. Отсутствие такой диалоговой площадки приводит к тому, что о жизни в ЕАЭС идет односторонняя, часто тенденциозная информация. Крайне редко и нерегулярно создается общеевропейская повестка, которая активно в реальном секторе экономики. СМИ каждого государства-участника ЕАЭС освещают деятельность интеграционного объединения, делая упор на местные проблемы, сложности, угрозы. Примеры успешной кооперации практически не освещаются, хотя они есть.

Напрямую с описанной выше проблемой, связана и проблема восприятия ЕАЭС извне. Несмотря на молодость интеграционного объединения спектр мифов, сложившихся около него потрясает своим разнообразием – от особенностей организации быта и национальной кухни, до восприятия ЕАЭС как реинкарнации СССР.

Причины неадекватного восприятия евразийского пространства нужно искать отчасти в истории периода холодной войны, отчасти в том, что не существует общей евразийской идентичности, а попытки сформировать ее в форсированном темпе носят популистский, и зачастую анекдотический характер.

Немаловажной причиной подобной ситуации являются очевидные промахи стран-участниц ЕАЭС в плане информационной политики. Задачи, которые стоят перед странами ЕАЭС располагаются как в плоскости формирования контента, так и в плоскости механизмов его продвижения. Очевидно, не каждому государству-участнику ЕАЭС под силу создать и содержать свой собственный телеканал, вещающий на всю территорию ЕАЭС⁸.

Таким образом, четко определяется проблема, связанная со слабым развитием общей, гуманитарной парадигмы интеграционных процессов на пространстве ЕАЭС. Государства-участники, на данном этапе в большей степени заинтересованы в форсировании экономических процессов. Гуманитарное сотрудничество часто остается фоном, для общего интеграционного процесса.

Хотя, в последние годы, негосударственные акторы международных отношений продемонстрировали способность объединять страны и народы. Уровень развития гражданского общества оказался столь высок, что ряд инициатив показали его силу и мощь.

Речь идет об акции «Бессмертный полк», кинофильме о 28 героях-панфиловцах, международной вахте памяти «Нас миллионы панфиловцев».

Акция «Бессмертный полк» началась по инициативе томских журналистов, в качестве главной задачи было заявлено сохранение в каждой семье личной памяти о поколении Великой Отечественной войны. Идея получила распространение не только в России, Казахстане, Беларуси, Армении и Кыргызстане, но и в десятках других стран, не входящих в ЕАЭС. В конечном итоге народную инициативу подхватило государство как вполне эффективный пропагандистский инструмент.

Интересно вышло со съемками фильма о 28 гвардейцев панфиловцев. Сначала появляется идея проекта, затем проводится информационная кампания. Затем последовал сбор народных

3 В Ереване отметят День славянской письменности и культуры. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://ria.ru/world/20150524/1066162916.html#ixzz4HNYi66GG>. (дата обращения: 18.08.2016).

4 Сайт Kyrgyz Cinema. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.kyrgyzcinema.com/index.php?option=com_content&view=article&id=2234%3Ateam-of-the-forum-for-young-cinema-hope-finished-accept-the-entries-from-directors-of-the-cis-countries&catid=36%3Afestivals-call-for-entries&Itemid=114&lang=ru (дата обращения: 20.08.2016).

5 Клуб молодых интеллектуалов стран Содружества консолидирует молодежь СНГ – РЦНК. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://newsarmenia.am/news/society/klub-molodykh-intellektualov-stran-sodruzhestva-konsolidiruet-molodezh-sng-rtshnk/>. (дата обращения: 20.08.2016).

6 Рекеда С. Клуб молодых интеллектуалов стран Содружества начал свою работу. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://psu.ru/club-molodykh-intellektualov-stran-so-2> (дата обращения: 20.08.2016).

7 Международная школа молодых политологов СНГ пройдет в Москве. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://iacis.ru/pressroom/news/partnery/mezhdunarodnaya_shkola_molodykh_politologov_sng_proydet_v_moskve/. Дата обращения: 20.08.2016.

8 Мидов В. Разрушение стереотипов поможет сблизить Восток и Запад. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.nomad.su/?a=3-201606030026> (дата обращения: 18.08.2016).

средств, после начался съемочный процесс. Фактически инициатива пошла снизу. И только потом, по результатам встречи министров культуры России и Казахстана было подготовлено совместное заявление о поддержке проекта, была оказана финансовая поддержка на уровне государства. Работа над фильмом идет с 2009 года. Бюджет ленты составил 150 миллионов рублей, из которых 34 миллиона продюсеры собрали с помощью краудфандинга. 30 миллионов рублей выделило российское Министерство культуры, а еще 19 миллионов - Министерство культуры Казахстана⁹.

Международная вахта памяти «Нас миллионы панфиловцев» стартовала в Российской Федерации, она проходит по городам, из которых в 1941 году призывались бойцы в 316-ю стрелковую дивизию. Старт вахты был дан 16 октября 2015 г. в Оренбурге. За прошедшее время такие города как Алматы, Астана, Павлодар, Саратов, Новосибирск, Уфа и др.

Приведенные примеры показывают, что помимо проблем есть и сильные и успешные проекты, в области культурно-гуманитарного сотрудничества. Фокус этих проектов направлен на сохранение исторической памяти и защиту базисных ценностей евразийского сознания¹⁰.

В ЕАЭС образовательный пул не сформирован. Понимание, что образование и культурно-гуманитарное сотрудничество должно быть за рамками политических противоречий и приносить пользу существует, однако по факту все остается на декларативном уровне. Важность и нужность взаимодействия в области образования не вызывает сомнений, но интересные начинания оказываются в плену сложных бюрократических процедур. Так, несмотря на существование единого экономического пространства, пространство образовательное фрагментировано и бюрократизировано. Это выражается в большой сложности в унификации образовательных программ, что делает довольно сложной процедуры академической мобильности в рамках ЕАЭС. До сих пор действует процедура нострификации, хотя с самых высоких трибун неоднократно говорили о взаимном признании дипломов.

Поэтому на первый план выходят задачи коррелирования образовательных стандартов и образовательных программ. Самое главное, надо создавать правовую основу, регламентирующую вопросы развития интеграционных процессов в сфере образования. Необходимо организационное и научно-методическое обеспечение образовательного пространства, согласование государственных образовательных стандартов всех уровней. Без создания совместных образовательных программ, ЕАЭС останется конъюнктурным проектом элит¹¹.

В заключении стоит отметить, что вопрос формирования общей политики в области культурно-гуманитарного сотрудничества на пространстве ЕАЭС это дело будущего. В данный момент идет процесс ее формирования. Очень серьезным аспектом развития культурно-гуманитарного сотрудничества является медийная политика. И здесь, крайне важно, работать надо формированием общего имиджа и положительного образа интеграционного объединения. И паритетное участие всех стран-участниц здесь крайне важно. Сегодня большие объемы информации о ЕАЭС проходят через российские медиаканалы, и этот факт дает основание зарубежным партнерам считать ЕАЭС реинкарнацией СССР.

Следует обратить внимание на успешные проекты и работать в направлении адаптации этого опыта на пространстве ЕАЭС.

Подобно институтам, существующим в рамках СНГ, необходимо работать надо формированием сходных структур в рамках ЕАЭС.

Пристатейный библиографический список

1. 2016 год в Беларуси – Год культуры. Материалы для информационно-пропагандистских групп (февраль 2016 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gomel-region.by/uploads/files/IPG-fevral-2016.doc> (дата обращения: 17.08.2016).
2. В Белоруссии принят бюджет на 2015 год. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://regnum.ru/news/1877989.html> (дата обращения: 17.08.2016).
3. В Ереване отметят День славянской письменности и культуры. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://ria.ru/world/20150524/1066162916.html#ixzz4HNYi66CG> (дата обращения: 18.08.2016).
4. Глебова Л. Подавление никогда не лежало в основе сотрудничества стран ЕАЭС. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/193909d.html> (дата обращения: 19.08.2016).
5. Гражданский бюджет. Краткое изложение на 2016 г. Министерство финансов Кыргызской республики. Сентябрь 2015. С. 11.
6. Демидов В. Разрушение стереотипов поможет сблизить Восток и Запад. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.nomad.su/?a=3-201606030026> (дата обращения: 18.08.2016).
7. Закон Республики Армения о государственном бюджете Республики Армения на 2015 год.
8. Клуб молодых интеллектуалов стран Содружества консолидирует молодежь СНГ – РЦНК. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://newsarmenia.am/news/society/klub-molodykh-intellektualov-stran-sodruzhestva-konsolidiruet-molodezh-sng-rtsnk/> (дата обращения: 20.08.2016).
9. Международная школа молодых политологов СНГ пройдет в Москве [Электронный ресурс] Режим доступа: http://iacis.ru/pressroom/news/partnery/mezhdunarodnaya_shkola_molodykh_politologov_sng_proydet_v_moskve/ (дата обращения: 20.08.2016).
10. Мовекбаева Г. Без создания совместных образовательных программ ЕАЭС останется проектом элит [Электронный ресурс] Режим доступа <http://ea-monitor.kz/novosti-evraziyskogo-soyuza/bez-sozdaniya-sovmestnyh-obrazovatelnyh-programm-eaes-ostanetsya-proektom-elit>.
11. На культуру в 2016 году могут выделить почти 100 млрд. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/594262#ixzz4H3fvMcR> (дата обращения: 18.08.2016).
12. Объявлена дата выхода фильма «28 панфиловцев». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://tengrinews.kz/cinema/obyavlena-data-vyihoda-filma-28-panfilovtsev-295485/> (дата обращения: 18.08.2016).
13. Рекеда С. Клуб молодых интеллектуалов стран Содружества начала свою работу [Электронный ресурс] Режим доступа <http://pcsu.ru/club-molodykh-intellektualov-stran-so-2> (дата обращения: 20.08.2016).
14. Сайт Kyrgyz Cinema. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.kyrgyzcinema.com/index.php?option=com_content&view=article&id=2234%3Ateam-of-the-forum-for-young-cinema-hope-finished-accept-the-entries-from-directors-of-the-cis-countries&catid=36%3Afestivals-call-for-entries&Itemid=114&lang=ru (дата обращения: 20.08.2016).
15. Смагулов А. Гуманитарное сотрудничество, как важный фактор евразийского развития. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://i-news.kz/news/2016/04/06/8275215-gumanitarnoe_sotrudnichestvo_kak_vazhnyi.html. (дата обращения: 19.08.2016).

9 Объявлена дата выхода фильма «28 панфиловцев» – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tengrinews.kz/cinema/obyavlena-data-vyihoda-filma-28-panfilovtsev-295485/> (дата обращения: 19.08.2016).

10 Смагулов А. Гуманитарное сотрудничество, как важный фактор евразийского развития – [Электронный ресурс] Режим доступа https://i-news.kz/news/2016/04/06/8275215-gumanitarnoe_sotrudnichestvo_kak_vazhnyi.html (дата обращения: 19.08.2016).

11 Мовекбаева Г. Без создания совместных образовательных программ ЕАЭС останется проектом элит. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://ea-monitor.kz/novosti-evraziyskogo-soyuza/bez-sozdaniya-sovmestnyh-obrazovatelnyh-programm-eaes-ostanetsya-proektom-elit> (дата обращения: 19.08.2016).

МАТВЕЕВСКАЯ Анна Сергеевна

кандидат географических наук, старший преподаватель кафедры мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета

ПОГОДИНА Виктория Леонидовна

доктор педагогических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна

УЧАСТИЕ РОССИИ В РАЗВИТИИ АКАДЕМИЧЕСКОГО ТУРИЗМА НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Международный образовательный туризм активно развивается со второй половины XX в. Россия стала участником этого процесса за последнее десятилетие. Образовательный туризм востребован в системе высшего профессионального образования стран Европы, Азии, Америки. Комплекс современных проблем развития международной системы высшего образования на Евразийском пространстве, может быть разрешен, в том числе, с использованием рассматриваемой технологии.

Ключевые слова: образовательный туризм, высшее профессиональное образование, академическая мобильность, евразийское пространство.

MATVEEVSKAYA Anna Sergeevna

Ph.D. in geography, senior lecturer of World Policy sub-faculty of the Saint-Petersburg State University

POGODINA Victoriya Leonidovna

Ph.D. in pedagogical sciences, professor of the Saint-Petersburg State University Industrial Technology and Design

RUSSIA'S PARTICIPATION IN THE DEVELOPMENT OF ACADEMIC TOURISM ON THE EURASIAN SPACE

The international educational tourism is actively developing in the second half of the twentieth century. Russia has become a participant in this process over the past decade. Educational tourism demand in the higher professional education system in Europe, Asia and America. The complex problems of modern international system of higher education in the Eurasian Space can be resolved, including with the use of the technology in question.

Keywords: educational tourism, higher education, academic mobility, Eurasian Space.

Матвеевская А. С.

Погодина В. Л.

Изменения политического, культурного, демографического характера в мировом сообществе находят свое отражение в сфере общего и высшего образования. Важными и перспективными направлениями международного культурного обмена настоящего времени являются международные связи в сфере образования, особенно его высшей ступени.

К наиболее значимым современным тенденциям развития системы высшего образования на Евразийском пространстве можно отнести: глобализацию, рост конкуренции между университетами и странами, распространение новых образовательных технологий (особенно в области информатики и телекоммуникаций), неуверенности людей в будущем, вызванных проблемами трудоустройства и сменой работы, высокую мобильность обучающихся и преподавателей, связанную с ней развитие услуг в сфере академического туризма. Эпоха глобализации фактически ликвидировала границы для свободного перемещения капитала, товаров и информации, а также создала возможности организации академического туризма в большинстве стран мира.

Становление единого образовательного поля на Евразийском пространстве ставит новые проблемы перед отечественным высшим образованием. Например, рост образовательных студенческих потоков предполагает наличие единых профессиональных квалификаций в различных сферах дея-

тельности. Необходимым условием является также знание языка, культуры, экономики, правовой и социальной систем стран-партнеров, соблюдение единых технологических и гуманитарных норм. Содержание высшего образования, нацеленное, прежде всего, на позитивное изменение жизни молодых людей, должно гарантировать им трудоустройство и эффективную карьеру. Формирование содержания высшего образования по различным направлениям нуждается в постоянном мониторинге общемировых концепций и тенденций его развития.

Процесс формирования единого образовательного поля на Евразийском пространстве будет эффективен при условии академической мобильности студентов и преподавателей университетов. Межправительственные соглашения интенсифицировали связи между университетами разных стран. В результате для студентов расширился спектр образовательного выбора, что привело к усилению стремлений обучающихся в России получать высшее образование в ведущих зарубежных университетах.

Желание путешествовать – есть отражение стремления человека к позитивному эмоциональному переживанию, связанному с получением новой информации. Туризм дает возможность людям удовлетворить их непосредственный интерес к новым фактам, занимательным явлениям. Мотивы

практически всех видов путешествий, так или иначе, связаны с познанием мира, приобретением нового жизненного опыта¹. Познавательные туры, совершаемые с целью выполнения задач, определенных учебными программами образовательных учреждений, относятся к категории академического (образовательного) туризма. Туризм служит действенным средством, которое мобилизует познавательную активность обучающихся, приобщает их к самостоятельной творческой деятельности, развивает инициативу, умения и навыки самообразования. На современном этапе академический образовательный туризм следует рассматривать как форму организации образовательного процесса, вид учебной деятельности, технологию обучения, а также как направление туристского бизнеса².

Международное образование занимает важнейшее место в системе международных отношений, современные тенденции в области образования убедительно демонстрируют основные проблемы и перспективы мирового сообщества. Проблемы глобализации, интеграции, свойственные всей системе международных отношений³, нашли свое отражение в системе международных образовательных контактов. Развитию академического туризма способствуют заключение действенных соглашений о сотрудничестве и обеспечение равноправного доступа к благам международного сотрудничества: обмен знаниями, создание интерактивных сетей, мобильность преподавателей и учащихся, международные научно-исследовательские проекты наряду с учетом национальных культурных ценностей и условий⁴.

В России отмечается положительная динамика роста интереса к международным образовательным программам. Межправительственные соглашения интенсифицировали связи между университетами разных стран. Расширился спектр образовательного выбора студентов, что привело к усилению стремлений учащихся получать высшее образование в ведущих мировых университетах. Успешность развития научных, учебных и личных контактов между учащимися и преподавателями отечественных и зарубежных учебных заведений определяют перспективы освоения образовательных ресурсов вне России.

Поиск зарубежных партнеров – актуальная задача, которую стараются решать отдельные вузы. Результативность поиска во многом обеспечивает конкурентоспособность университета. Межвузовский академический российско-азиатский обмен будет более эффективен при условии государственной поддержки, в том числе при заключении международных договоров по этой сфере взаимодействия.

Полагаем, что успешность установления деловых и личных контактов между университетскими коллективами должна возрасти благодаря координации и помощи в данном виде

деятельности Международного департамента Министерства образования и науки России. Департамент призван обеспечивать выполнение поручений Президента и Правительства Российской Федерации по развитию взаимодействия в установленной сфере деятельности на многосторонней и двусторонней основе со странами дальнего и ближнего зарубежья, международными и региональными организациями, государствами-участниками СНГ, государствами-членами ЕАЭС, а также Евразийской экономической комиссией, ШОС и Союзным государством России и Республики Беларусь.

Университеты России разрабатывают собственные стратегии развития студенческой мобильности. Так, например, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ) реализует несколько видов программ студенческой мобильности, реализуемыми в рамках международных соглашений факультетов, студенческий обмен по линии Министерства по образованию Российской Федерации (через стажировку в зарубежных вузах продолжительностью от 4 недель до 10 месяцев в рамках межгосударственных соглашений), международные программы студенческой мобильности, предоставляющие студентам широкий выбор университетов-партнеров, а также финансовую поддержку (Campus Europae, Erasmus Mundus External Cooperation Window, FIRST, Santander Universities)⁵.

В Санкт-Петербургском государственном университете промышленных технологий и дизайна (СПГУПТД) с 1949 г. накоплен богатый опыт организации образовательного процесса для иностранных студентов, разработаны специальные программы, в том числе по изучению русского языка для иностранцев. В настоящее время вуз насчитывает более 700 человек из более, чем 25 стран мира. Иностранные студенты обучаются в интернациональных учебных группах вместе со студентами из России. Программы международной академической мобильности для студентов СПГУПТД позволяют параллельно с обучением в университете пройти дополнительную языковую подготовку. Наиболее востребованными у студентов программы международной академической мобильности являются «Программа магистр делового администрирования», программа «Международный семестр в зарубежном вузе-партнере», «Программа студенческого обмена FIRST (Finnish-Russian Student Exchange Programme)», «Дуальное обучение», «Программа «Академическая мобильность – профессиональный подход»⁶.

Характеристика академического туризма как инновационной формы организации учебной деятельности и технологии должна основываться на фундаментальных изменениях в целевых установках, принципах и подходах современного образования. К наиболее значимым образовательным тенденциям, способным перевести образовательный туризм в инновационную область деятельности следует отнести: переход к постиндустриальному, информационному обществу и ускорение темпов его развития, определяющие необходимость подготовки людей к жизни в быстро меняющихся условиях; рост значения человеческого капитала, определяющий интенсивное развитие образования; динамичное развитие экономики и структурные изменения в сфере занятости, определяющие постоянную потребность в повышении профессиональной

1 Межова Л. А., Трещалина О. И. Путешествия и туризм как форма расширения жизненных и культурных горизонтов человека. 85–89 с. В сб. «Туризм и региональное развитие». Вып. 5. – Смоленск, 2008.
 2 Соломин В. П., Погодина В. Л. Современное состояние и перспективы развития образовательного туризма в России. Известия РГПУ им. А. И. Герцена. №8 (30): Психолого-педагогические науки: Научный журнал. – СПб., 2007.
 3 Фархутдинов И. З. ЕВРАЗЭС... Да здравствует ЕАЭС! Евразийский экономический союз начинает действовать в 2015 году // Евразийский юридический журнал. 2014. № 9 (76). – С. 8-9.
 4 Погодина А. С. Современные процессы интернационализации в формировании единого образовательного поля Европы // Высокие интеллектуальные технологии и инновации в образовании и науке. Материалы XVII Международной научно-методической конференции. – Том 1. – СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2010. – С. 34-35.

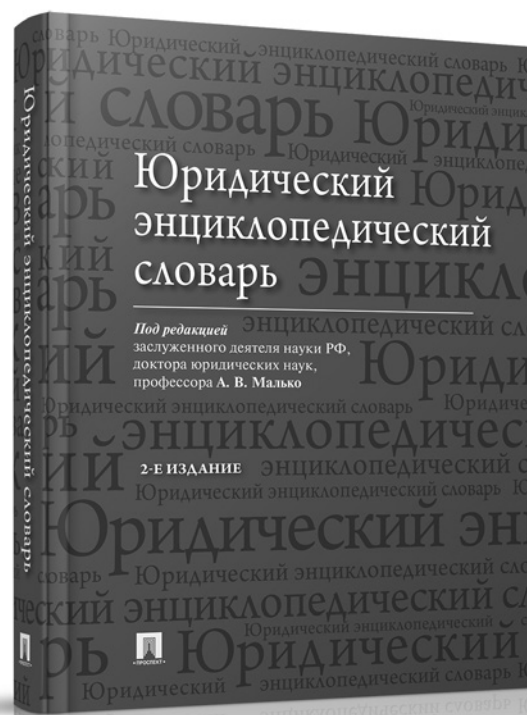
5 СПбГУ. Программы академической мобильности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://abiturient.spbu.ru/data/mag/Master_Book_2014_en_1.pdf (дата посещения: 30.04.2016 г.).
 6 СПбГУПТД Академическая мобильность студентов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sutd.ru/education/academ_mobil/ (дата посещения: 27.04.2016 г.).

квалификации работников; возникновение и рост глобальных экологических проблем, которые могут быть решены лишь в результате сотрудничества в рамках международного сообщества⁷, что требует формирования современного мышления у молодого поколения; демократизация общества, расширение возможностей политического и социального выбора; значительное расширение масштабов межкультурного взаимодействия, в связи с чем особую важность приобретают факторы коммуникабельности и толерантности.

Актуальной задачей современного периода является восстановление позиций России на международном рынке образования, создание современной, соответствующей мировым стандартам системы обучения. Это может содействовать интеграции российской системы образования в мировое образовательное сообщество. Успешность дальнейшего развития интеграции российского образования в международное образовательное сообщество, а как следствие развитие международного академического образовательного туризма, будут гарантированы при условии включения российских вузов в международные договоры, стимулирования инициативы по реализации международных программ и проектов с участием российских образовательных учреждений, расширении международных академических обменов, вхождении российских образовательных учреждений в международный рынок образовательных услуг, в том числе путем организации выставок-ярмарок достижений российского образования; распространении русского языка в зарубежных странах и усилении языковой подготовки студентов российских вузов; расширении форм сотрудничества со странами СНГ, в которых русский язык может стать основой для международного общения ученых, преподавателей и студентов; осуществлении образовательной поддержки соотечественников за рубежом.

Пристатейный библиографический список

1. Алимов А. А., Ермолина М. А. Перспективы участия России в международном сотрудничестве в сфере охраны окружающей среды в рамках развития евразийской экономической интеграции // Евразийский юридический журнал. 2016. № 1 (92). С. 177-181.
2. Межова Л. А., Трещалина О. И. Путешествия и туризм как форма расширения жизненных и культурных горизонтов человека. 85-89 с. В сб. «Туризм и региональное развитие». Вып. 5. – Смоленск, 2008.
3. Соломин В. П., Погодина В. Л. Современное состояние и перспективы развития образовательного туризма в России. Известия РГПУ им. А. И. Герцена. №8 (30): Психолого-педагогические науки: Научный журнал. – СПб., 2007
4. Погодина А. С. Современные процессы интернационализации в формировании единого образовательного поля Европы // Высокие интеллектуальные технологии и инновации в образовании и науке. Материалы XVII Международной научно-методической конференции. – Том 1. – СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2010. – С. 34-35
5. СПбГУ Программы академической мобильности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://abiturient.spbu.ru/data/mag/Master_Book_2014_en_1.pdf (дата посещения: 30.04.2016 г.)
6. СПбГПТД Академическая мобильность студентов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sutd.ru/education/academ_mobil/ (дата посещения: 27.04.2016 г.).
7. Фархутдинов И.З. ЕВРАЗЭС... Да здравствует ЕАЭС! Евразийский экономический союз начинает действовать в 2015 году // Евразийский юридический журнал. 2014. № 9 (76). – С. 8-9.

⁷ Алимов А. А., Ермолина М. А. Перспективы участия России в международном сотрудничестве в сфере охраны окружающей среды в рамках развития евразийской экономической интеграции // Евразийский юридический журнал. 2016. № 1 (92). С. 177.

ПОГОДИН Сергей Николаевич

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

ТАРАКАНОВА Тамара Сергеевна

аспирант кафедры международных отношений Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПОДХОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ К ОЦЕНКЕ РОЛИ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА

В статье раскрывается политика Российской Федерации в оценке Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), дается концептуальный подход по основным вопросам сотрудничества, анализируются пути развития сотрудничества.

Ключевые слова: Евразия, Российская Федерация, Шанхайская организация сотрудничества, политика сотрудничества, геополитика, национальные интересы.

POGODIN Sergey Nikolayevich

Ph.D. in historical sciences, professor, Head of International Relations sub-faculty of the Institute of the Humanities of Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University

TARAKANOVA Tamara Sergeevna

postgraduate student of International Relations sub-faculty of the Institute of the Humanities of Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University

EVOLUTION OF CONCEPTIONAL APPROACHES OF RUSSIAN FEDERATION IN ASSESMENT OF ROLE OF THE SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION

The article describes the policy of the Russian Federation in the rating of the Shanghai cooperation organization (SCO), given the conceptual approach on major issues of cooperation, analyzed the development of cooperation.

Keywords: Eurasia, Russian Federation, Shanghai cooperation organization, cooperation policies, geopolitics, national interests.

Погодин С. Н.

Тараканова Т. С.

В последние годы одним из главных трендов внешней политики Российской Федерации стал регионализм. Ярким примером евразийского регионализма Российской Федерации стало активное участие в работе региональных международных организаций, в частности, в Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС)¹. Как один из основателей этой организации, Россия всегда играла ведущую роль в ее развитии и совершенствовании, так как это определялось необходимостью стабилизации южных рубежей страны.

Российская Федерация после развала СССР стала государством-продолжателем в международных делах, что означало принятие на себя всех международных обязательств, которые ранее выполнял СССР. В то же время Россия столкнулась с многочисленными внутренними и внешними трудностями, обусловленными сложностью межгосударственных отношений как с новыми независимыми государствами на постсоветском пространстве, так и новыми внешними претендентами на влияние в регионе, входящем традиционно в зону геополитических интересов России.

В 1990-е гг. в российской политической элите фактически сложилась два основных политико-идеологических направления:

– евроатлантическое («западничество»), в рамках которого сформировались представления о том, что Россия для осуществления экономических реформ и развития демократии должна идти по пути либеральных западных преобразований; эта тенденция нашла свое проявление в период президентства Б.Н.Ельцина и министра иностранных дел А. Козырева;

– евразийство, что нашло свое выражение в многовекторной политике Е. М. Примакова, который возглавил в 1996 году МИД Российской Федерации, а затем стал премьер-министром. В результате его политики Москва отошла от прозападного курса, и в повестку дня российской внешней политики было включено восточное направление; в частности, при проведении этой политики был применен новый подход к Китайской Народной Республике, Индии, Японии, а также к территориям, отделившимся от Советского Союза². Укрепление Содружества Независимых Государств (СНГ) постсоветского пространства с общими интересами, заключение Договора о коллективной безопасности со странами Центральной Азии. Расширение политического и военного присутствия на Кавказе, а также образование «Шанхайской пятёрки» с участием Китая и стран Центральной Азии нужно считать важнейшим следствием начала разворота российской политики на Восток

¹ Фархутдинов И. З., Шуванов С. А., Кухтин Г. В. Посол Индии в Москве: Индия и Россия: новые тенденции развития БРИКС и ШОС. Интервью с послом Индии в Москве Пунди Шринивасан Рагхаваном // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 3 (82). – С. 8-11.

² Кулик Б. Т. Советско-китайский раскол: причины и последствия. Рос. акад. наук, Ин-т Дал. Востока. – М: Изд-во Ин-та Дал. Востока, 2000.

в период работы Е. М. Примаков на посту министра иностранных дел Российской Федерации³.

Однако в 1990-е гг. евразийское направление в политике Российской Федерации имело больше декларативный характер, а все интеграционные проекты потерпели неудачу (включая СНГ). Ситуация начала меняться с 2000-х гг. с приходом к власти В. В. Путина, который сделал евразийский тренд основой своей внешнеполитической платформы. В этом контексте интерес к «Шанхайской пятерке» стал возрастать, что нашло свое выражение в совместном решении с другими участниками этого формата преобразовать в 2001 году «Пятерку» в полноценную международную организацию – ШОС. Постепенно ШОС приобрела не только региональное измерение, но и глобальное, так как, как уже отмечалось, на Западе появление новой структуры с участием России и КНР было воспринято как некое противопоставление США и Европейского Союза в рамках НАТО.

В связи с этим представляется важным проанализировать цели и интересы Российской Федерации в контексте ее участия в работе Шанхайской Организацией Сотрудничества в двух аспектах – региональном и глобальном.

Так, на региональном уровне одна из главных целей России состоит в поддержании геополитического значения России на постсоветском пространстве и регионе Центральной Азии.

В целом под воздействием господствовавших в российском обществе условий в 90-е годы XX века российская политика по отношению к Центральной Азии как к ближнему зарубежью, прошла два этапа эволюции:

– первый этап (с декабря 1991 по 1996 год) – внешняя политика России, как уже отмечалось выше, отражала преимущественно евроатлантические, или прозападные тенденции. Все проекты по созданию некоего славянского союза Белоруссии, России и Украины, без участия республик Центральной Азии не увенчались успехом. Но при этом значительно снизило свое влияние России в государствах Центральной Азии и Кавказа (например, в большой степени потеря связей с Грузией). В результате такой политики в регионе свои интересы стали активно проявлять и реализовывать внешние глобальные игроки: США, Пакистан, Турцию и Исламскую Республику Иран, Европейский Союз и Китай;

– второй этап (с 1996 по 2001 гг.) – постепенно в политике России по отношению к странам Центральной Азии произошли отчетливые изменения на платформе евразийства, что нашло свое отражение в следующих факторах⁴:

1. Появление взаимозависимости России и правительств Центральной Азии в сфере безопасности;

2. Усиление внешнего влияния в политической и экономической жизни государств Центральной Азии и Кавказа;

3. Формирование новых политических сил в системе государственного управления России, что определялось как рост консервативных настроений, нашедших отражение в укреплении обороноспособности страны и отходе от прозападной линии;

4. Рост межэтнической напряженности на границах Российской Федерации (например, гражданская война в Таджикистане), создающие угрозу региональной безопасности на постсоветском пространстве;

5. Стремление ряда государств Центральной Азии привлечь Россию к созданию коллективной системы безопасности в регионе.

Результатом такого подхода и стали усилия России по сближению с Китаем в деле образования «Шанхайской пятерки» в 1996 году⁵. Участие наряду с Россией и КНР, а также трех стран Центральной Азии – Таджикистана, Казахстана и Киргизии – стало важным шагом на пути восстановления традиционного российского влияния в этом регионе. Трансформация «Шанхайской пятерки» в формат международной региональной организации ШОС в 2001 году и присоединение Узбекистана, привело к дальнейшему усилению роли России в расстановке геополитических сил в регионе.

Если продолжить хронологический ряд, то следует добавить третий этап эволюции российской политики по отношению к Центральной Азии как к ближнему зарубежью (2001 – по настоящее время). На сегодняшний день, отношения со странами СНГ являются главным приоритетом во внешней политике России: «Россия выстраивает дружественные отношения с каждым из государств-участников СНГ на основе равноправия, взаимной выгоды, уважения и учета интересов друг друга, стремясь к интенсификации интеграционных процессов на пространстве Содружества. С государствами, которые проявляют готовность к этому, развиваются отношения стратегического партнерства и союзничества»⁶. Однако, в целом оценивая современный этап российского присутствия в регионе Центральной Азии, эксперты РСМД отмечают следующее: «До настоящего времени Россия, несмотря на предпринимаемые усилия по налаживанию отношений с государствами Центральной Азии на двусторонней и на многосторонней основах, так и не сумела выработать цельную, долгосрочную политику в отношении этого региона»⁷. При этом эксперты указывают на главное противоречие в практической реализации геополитических планов России в Центральной Азии: «с одной стороны, в ставшем трузизмом признании особой значимости Центральной Азии на шкале внешнеполитических интересов Российской Федерации, (и как части СНГ, и как региона, имеющего собственную ценность), а с другой – в отсутствии разработанной концепции комплексных мер, позволяющих не конъюнктурно, в зависимости от интересов отдельных ведомств и корпораций, а на долгосрочную перспективу выстроить российскую стратегию в регионе»⁸.

В условиях новой геополитической ситуации и кризиса в отношениях России с Западом, для современной России регион Центральной Азии имеет принципиальное значение, так как здесь концентрируются российские интересы в сфере безопасности и экономики, отсюда исходят серьезные вызовы, включая нелегальную иммиграцию и организованную

3 Бордачев Т. В. Будущее Азии и политика России // Россия в глобальной политике. – 2006. – Т. 4. – № 2. – С. 118.

4 Дмитриева М. О. Российская политика в Центральной Азии и формирование региональных институтов. Специальность 23.00.04 Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. – Владивосток, 2014.

5 Бажанов Е. П. Российско-китайские отношения. – М: Аспект Пресс, 1999.

6 Концепция внешней политики Российской Федерации. 12 февраля 2013 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094/#review> (дата посещения: 23.06.2016 г.).

7 Интересы России в Центральной Азии: содержание, перспективы, ограничители. Аналитический доклад Российского совета по международным делам. № 10. – М., 2013. С.5.

8 Там же.

преступность⁹. Важно отметить, что до сих пор сохраняется тесная взаимозависимость стран Центральной Азии и России. Так, транспортная инфраструктура региона с советских времен способствует тому, что Российской Федерации – наиболее эффективный канал для экспорта товаров из центрально-азиатских стран в Европу. Экспорт энергоресурсов – наиболее важный актив стран Центральной Азии – в основном контролируется также Россией, так как для поставок за рубеж природного газа и нефти нужны российские трубопроводы¹⁰.

Вместе с тем, следует отметить, что в свое время Центральная Азия стала домом для большого числа этнических русских. Ныне это также является предметом особых интересов России. К моменту распада СССР русские составляли около 20% населения региона, а на данном этапе количество русскоязычного населения насчитывается здесь около 6 млн., то есть 12% населения Центральной Азии. Защита прав русских (и русскоязычных), живущих в Центральной Азии, все в большей степени рассматривается как важная часть национальных интересов и политики России в Центральной Азии. Большая часть элит нынешних стран Центральной Азии в свое время обучалась в Советском Союзе, в частности, в России, жители региона знают русский язык, слушают российские радиостанции, смотрят российское телевидение и хорошо знакомы с российской элитой, у многих есть родственники и друзья в России. У стран Центральной Азии существуют тесные связи с Россией и в общественной жизни, нет барьеров и в особенностях мышления. Таким образом, этнические русские должны рассматриваться для России важным рычагом политики «мягкой силы», с помощью которого она закрепит свое влияние в регионе.

На глобальном уровне целью российской внешней политики в контексте ее участия в ШОС является реализация идеи многополярного мира, поддержанной КНР, что закреплено официально во внешнеполитических стратегиях двух стран. После распада Советского Союза и конца двуполярного мира система международных отношений стала однополярной во главе с единственной сверхдержавой – США. Приход к власти в США неоконсерваторов во главе с Дж. Бушем в 2000 году и события 11 сентября 2001 года, война в Афганистане и Ираке привели к тому, что «атмосфера в мире была поставлена в зависимость от проблем безопасности и от проводимой Вашингтоном стратегии односторонних действий»¹¹. В этой обстановке великие державы, включая Россию и КНР, стали предпринимать активные усилия по укреплению двусторонних и многосторонних отношений в целях противодействия реализации целей США на международной арене по созданию однополярной системы¹² и провозгласили курс на формирование более справедливого многополярного мироустройства. В этом контексте создание нового многостороннего формата стратегического взаимодействия России и КНР – ШОС стало ярким проявлением политики

стран по формированию многополярного мира. Таким образом, на глобальном уровне Россия рассматривает укрепление региональных организаций, включая Шанхайскую Организацию Сотрудничества, важным инструментом формирования системы многополярного мира. Этот тезис был вновь подтвержден на последнем саммите ШОС в Уфе в 2015 году, когда было принято историческое решение о расширении состава участников ШОС за счет ядерных держав – Индии и Пакистана.

Таким образом, российская внешняя политика в отношении стран постсоветского пространства и региона Центральной Азии после развала СССР прошла серьезную эволюцию: от зачастую бессодержательных декларативных заявлений и низкой эффективности интеграции до осознания важности региона в сферах экономики и безопасности, а также необходимости выработки эффективной геополитической и геэкономической стратегии Российской Федерации в отношении данной группы стран.

Пристатейный библиографический список

1. Алимов А. А., Ермолина М. А. Перспективы участия России в международном сотрудничестве в сфере охраны окружающей среды в рамках развития евразийской экономической интеграции // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 1 (92). – С.177-181.
2. Бажанов Е. П. Российско-китайские отношения. – М: Аспект Пресс. 1999.
3. Богатуров А. Д. Лидерство и децентрализация в международной системе // Международные процессы. Журнал теории международных отношений и мировой политики. – 2006. – Т. 4. – № 12. – С. 5-15.
4. Бордачев Т. В. Будущее Азии и политика России // Россия в глобальной политике. – 2006. – Т. 4. – № 2. – С. 118-128.
5. Дмитриева М. О. Российская политика в Центральной Азии и формирование региональных институтов. Специальность 23.00.04 Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. – Владивосток, 2014.
6. Интересы России в Центральной Азии: содержание, перспективы, ограничители. Аналитический доклад Российского совета по международным делам. № 10. – М., 2013.
7. Концепция внешней политики Российской Федерации. 12 февраля 2013 г. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094/#review>
8. Кулик Б. Т. Советско-китайский раскол: причины и последствия / Б. Т. Кулик; Рос. акад. наук, Ин-т Дал. Востока. – М: Изд-во Ин-та Дал. Востока, 2000. – 639 с.
9. Обзор внешней политики Российской Федерации. 27 марта 2007. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/0/3647DA97748A106BC32572AB002AC4DD (дата обращения: 23.06.2016 г.).
10. Алимов А. А., Ермолина М. А. Перспективы участия России в международном сотрудничестве в сфере охраны окружающей среды в рамках развития евразийской экономической интеграции // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 1 (92). – С. 177.
11. Бордачев Т. В. Будущее Азии и политика России // Россия в глобальной политике. – 2006. Т. 4. № 2. С. 118.
12. Богатуров А. Д. Лидерство и децентрализация в международной системе // Международные процессы. Журнал теории международных отношений и мировой политики. – 2006. – Т. 4. – № 12. – С.13.
10. Фархутдинов И. З., Шуванов С. А., Кухтин Г. В. // Посол Индии в Москве: Индия и Россия: новые тенденции развития БРИКС и ШОС. Интервью с послом Индии в Москве Пунди Шринивасан Рагхаваном // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 3 (82). – С. 8-11.

СТЕЦКО Елена Владимировна

кандидат философских наук, доцент кафедры мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКСПЕРТНОГО СООБЩЕСТВА

В статье рассматриваются проблемы становления экспертного сообщества стран ЕАЭС в рамках анализа действующих и формирующихся исследовательских центров («мозговых центров», «фабрик мысли»). Анализируется методология оценки «мозговых центров» на примере исследований, проведённых в последнее время с привлечением представителей экспертного сообщества. Делаются выводы относительно возможности взаимодействия экспертного сообщества стран ЕАЭС в процессе развития евразийской интеграции.

Ключевые слова: «мозговые центры», «фабрики мысли», евразийская интеграция, экспертное сообщество.

STETSKO Elena Vladimirovna

Ph.D in Philosophy, associate professor of World Policy sub-faculty of the Saint Petersburg State University

Стецко Е. В.

INTEGRATION PROBLEMS OF THE EURASIAN EXPERT COMMUNITY

The article deals with problems of formation of the EAEC countries of the expert community in the analysis of existing and emerging research centers ("think tanks", "think tanks"). Analyzes the assessment methodology "think tanks" on the example of studies conducted in recent years with the involvement of representatives of the expert community. Conclusions on the possibility of interaction between the expert community EAEC countries in the development of the Eurasian integration.

Keywords: "think tanks", research centers, Eurasian integration, the expert community.

Экспертное сообщество представляет собой часть интеллектуальной элиты любой страны, наряду с представителями науки, литературы и искусства. Однако, в отличие от собственно «культурной элиты», экспертное сообщество занимает срединное положение между политической властью и различными слоями населения в частности, и обществом – в целом¹. Это срединное положение определяет одну из главных функций экспертного сообщества – быть коммуникатором, посредником между властями и народом. Однако, эта посредническая функция заключается не только в том, чтобы адаптировать дискурс между «верхами» и «низамы», но и чтобы формировать его, предлагать новые направления, предугадывать проблемы и определять тенденции. При реализации всех этих моментов экспертное сообщество, действительно, будет необходимой составляющей гражданского общества. Что, собственно, и можно наблюдать в странах, где подобные экспертные институты – «фабрики мысли», «мозговые центры» – создавались, начиная с конца XIX века.

На постсоветском пространстве, по понятным причинам, это сообщество стало формироваться только в 90-е годы с обретением независимости бывшими союзными республиками. Первые проблемы, с которыми столкнулись создаваемые «мозговые центры», заключались в отсутствии опыта у новой власти, в разноплановости проблем и отсутствии дифференциации самих экспертов, а также в отсутствии возможности внутреннего финансирования и необходимости, поэтому, использования внешних грантов. Во многом, эти проблемы сохраняются и сейчас. Хотя есть и области, где картина кар-

динальным образом поменялась. – Это, прежде всего, сфера самой политической власти, где пошёл процесс становления и упрочения властных элит; и также наметилась постепенная дифференциация экспертов. Выделились специалисты по глобальным и региональным проблемам, по этническим и религиозным конфликтам, по экономике и энергетике и т.д.

Проблемы финансирования ещё далеко не в полной мере решены. Эта тема представляется сложной и болезненной для всех неправительственных организаций, к коим, по юридическому статусу, относятся и «мозговые центры». В Российской Федерации, благодаря изменению имеющихся и принятию новых законов об НПО, резко сократилась возможность использования зарубежных грантовых средств, а те организации, которые не отказались от них, получили статус «иностранный агент» и должны доказывать то, что не занимаются подрывной деятельностью. С другой стороны, в законодательстве утвердилось понимание «социально-ориентированных неправительственных организаций», которые могут рассчитывать на правительственные гранты и поддержку государственных фондов. И хотя этих государственных средств ещё явно недостаточно, и система в целом работает безупречно, становится ясно, что политические исследования в своих институциональных рамках приобрели определённую очерченность. Старые «мозговые центры» либо уходят, либо остаются, подтверждая свою лояльность. (Пожалуй, на сегодняшний день, остался только Фонд Карнеги). Новые выбирают свою сферу исследований и начинают участвовать в борьбе за государственные гранты. Формируется отечественный рынок политического консалтинга. И здесь возникает вопрос, насколько эффективен этот консалтинг, насколько «мозговые центры» оказывают влияние на действующих политиков и формирование политической повестки дня?

1 Фархутдинов И. З. Обеспечение мира и безопасности в Евразии (международно-правовая оценка событий в Сирии). Интервью с доктором юридических наук, главным редактором евразийского юридического журнала Инсурум Фархутдиновым // Евразийский юридический журнал. 2015. № 10. С. 8.

ИНДЕКС

аналитических и политологических центров России
апрель-июнь 2016 года

Партнеры проекта:

В связи с этим необходимо рассмотреть то понимание сущности и деятельности «мозговых (исследовательских) центров», которое сложилось путём проведения исследований влияния тех или иных организаций на политиков и процессы принятия политических решений, а также с учётом мнения самих представителей экспертного сообщества.

Надо сказать, что в странах, где эти институты развивались уже многие десятилетия, все принципы оценки давно разработаны. Рейтинги «мозговых центров» складываются из целого ряда показателей: количества экспертов, годового бюджета, цитируемости в целом и цитируемости в ведущих СМИ, участие экспертов в мероприятиях, проводимых правительством (например, в слушаниях Конгресса), подготовка аналитических докладов и стратегий развития по поручению правительства и т.п.

Наше экспертное сообщество также постепенно вырабатывает критерии собственной эффективности. И по ним уже можно судить о наиболее влиятельных организациях подобного типа в России. Так, например, Институт современных медиа (MOMRI) совместно с порталом Politanalitika.ru представили выпуск Индекса российских аналитических и политологических центров по итогам второго квартала 2016 года². «Фонд ИСЭПИ (Институт социально-экономических и политических исследований), лидировавший по итогам предыдущего рейтинга, представленного в марте, сохранил за собой первое место и опережая ближайшего преследователя более чем на сто пунктов.

Второе место по итогам квартала занял **Центр стратегических разработок**, который в конце апреля 2016 года возглавил **Алексей Кудрин**. Дебютировавший в Индексе политцентров ЦСР потеснил Фонд развития гражданского общества, который опустился на третью строчку Индекса.

Четвертое место по-прежнему уверенно занимает **Фонд национальной энергетической безопасности**. Остался в первой пятёрки и **Центр политических технологий**, потеряв две позиции³.

Общий Индекс отражен в приведённой выше таблице.

Источник: Политаналитика.ru - <http://www.politanalitika.ru/indexes/tssr-alekseya-kudrina-izmenila-rasstanovku-sil-ne-smestiv-lidera/>.

По каким критериям отбирались наиболее эффективные центры? Экспертами были выделены основные причины попадания в ТОП-рейтинги. Прежде всего – это серьёзная аналитика по самым актуальным вопросам внутренней и внешней политики Российской Федерации. Далее – это участие представителей центров в знаковых мероприятиях. Например, участие А.Кудрина в заседании Экономического совета при Президенте Российской Федерации, выступление с предложениями реформ, а также: анализ избирательной кампании, энергетические прогнозы, права предпринимателей и международное сотрудничество в различных сферах⁴.

Безусловно, в данном рейтинге речь идет о российских центрах и фондах, преимущественно даже о столичных.

В связи с выстраиванием новой геополитической и геоэкономической парадигмы – Евразийского Экономического Союза – возникает необходимость в экспертной оценке данных процессов не только в России, но и в странах ЕАЭС, в которых также за годы независимости выросла плеяда собственных политологов. И возникли свои «мозговые центры». Именно поэтому анализ деятельности исследовательских центров стран ЕАЭС может дать наиболее объективную картину тех настроений в обществе и политических элитах, которые имеют место у партнёров по данному проекту.

Однако, чтобы доверять данным, нужно выяснить, насколько совпадают понимание принципов деятельности «мозговых центров» в наших странах, выявить общие критерии эффективности и ответить, наконец, на вопрос о том, возможна ли интеграция евразийского экспертного сообщества.

Такая интеграция стала бы интересным феноменом, выстраивающем коммуникацию между интеграцией «сверху», на уровне правительственных институтов и соглашений; и интеграцией «снизу» – на уровне неформального взаимодействия регионов, культурных и академических обменов, взаимодействия в социальных сетях.

Для лучшего понимания позиций друг друга и установления новых форматов для диалога проводятся исследования экспертного сообщества стран ЕАЭС. Приведём далее данные проекта, в котором мы принимали личное участие. Это проект Института политических исследований по оценке деятельности «мозговых центров», созданных за годы независимости в странах ЕАЭС.

Ключевые задачи проекта: 1. сбор и систематизация информации о мозговых центрах евразийского региона; 2. установление научно-практических партнерских взаимоотношений между центрами. Материалы исследования частично уже представлен в публичном доступе на созданном специальном сайте проекта www.gettanalys.ru⁵.

Изначально были заданы критерии идентификации мозговых центров. А именно:

Мозговой центр («think-tank») – это организация, представляющая собой актора-посредника публичной политики в форме исследовательского центра или неформального объединения экспертов, деятельность которой направлена на решение комплексных проблем общества и государства, создания прогнозов и рекомендаций путем анализа социально-политических процессов.

В целом, можно согласиться с этим определением. Хотя, на наш взгляд, для реальной оценки «think-tank», как независимого актора, должны быть уточнены и другие критерии: 1. По чьей инициативе создана «фабрика мысли»?; 2. Кем финансируется?; 3. Кто составляет основное ядро экспертного состава, (откуда рекрутируются эксперты)?; 4. Прозрачен ли бюджет?

Определение мозгового центра было дано для того, чтобы выбрать из предложенного перечня организаций то, что относится к мозговым центрам, а что нет. Методика первичной оценки была разработана Институтом и далее включала в себя критерии влиятельности (влияние на принятие решений органами государственной власти), медиа активности, степени глубины и точности анализа. Суть проекта заключалась в том, чтобы систематизировать информацию о «мозговых центрах» евразийского региона и провести анализ эффективности работы этих «центров» методом экспертных оценок. Итоги, по

2 ЦСР Алексея Кудрина изменила расстановку сил, не сместив лидера // Информационный портал Политаналитика.ru. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.politanalitika.ru/indexes/tssr-alekseya-kudrina-izmenila-rasstanovku-sil-ne-smestiv-lidera/> (дата обращения: 27.08.2016).

3 Там же.

4 Ермолина М. А. Международное сотрудничество России в сфере охраны окружающей среды и рационального природопользования в контексте развития Евразийской экономической интеграции // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 5 (84). – С. 304.

5 GLOBAL EURASIA THINK TANK NETWORKS // Информационный портал. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gettanalys.ru/> (дата обращения: 28.08.2016).

мере обработки данных и с учетом экспертных оценок, публикуются на сайте, но мы представим собственное видение этой проблемы.

Естественно, большинство мозговых центров исследовались нами по их медиа активности и аналитике, представленной на сайтах данных организаций. Исследование проводилось по предложенным 103 «мозговым центрам», из которых в Армении были выделены – 24, в Белоруссии – 45, в Казахстане – 19, в Киргизии – 15. Безусловно, это не все подобные организации были учтены. И не все они, в конечном итоге, соответствуют критериям «мозгового центра».

К тем, кто не является мозговым центром, мы отнесли:

- некоторые образовательные фонды,
- акционерные общества закрытого типа,
- ВУЗы, в которых подобные центры находятся на уровне студенческих инициатив;
- информационные и PR-сайты, которые освещают все, и где не указан состав экспертов;
- классические государственные научно-исследовательские институты (например, отделения Академий Наук);
- культурно-просветительские сайты.

Особую трудность вызвала оценка степени влияния данного «мозгового центра» на принятие решений органами государственной власти. Это связано, во-первых, с большим количеством фондов. Во-вторых, с тем, что отсутствуют пока реальные рейтинги влияния, цитируемости прогнозов в ведущих СМИ, в документах политических партий и правительств.

Степень медиа активности изучалась по количеству публикаций и встреч с прессой.

Степень глубины и точности анализа оценивалась только постфактум: при сравнении с уже случившимися событиями.

Некоторые выводы: 1. Казахстан и Белоруссия имеют большее количество «мозговых центров», финансируемых правительством. 2. Белоруссия, в отличие от Казахстана, имеет большее количество независимых «мозговых центров». Однако, по показателям влияния и активности, они уступают «правительственным». 3. В Киргизии велико влияние зарубежных мозговых центров (американских, турецких). Хотя есть и те, кто поддерживает евразийскую интеграционную стратегию страны. 4. В Армении ситуация (для автора) наименее изучена. Безусловно, даже по количеству данных организаций видно, что интерес к политической экспертизе весьма востребован гражданским обществом этой страны. Но и там силы разделились. Есть центры, существующие на западные средства, и есть относительно независимые и свободные в оценках.

В целом, независимых и даже оппозиционных центров у «новых» членов (Армении и Киргизии) ЕАЭС больше, чем у Белоруссии и Казахстана. Но простой количественный анализ здесь не достаточен. Нужны более глубокие исследования по качеству аналитики. Также остаётся открытым вопрос о единых критериях классификации. Следовало бы определить, какие организации при университетах можно считать «мозговыми центрами»?

Необходима разработка единых внутренних рейтингов данных организаций в странах ЕАЭС. Также было бы неплохо, если бы все сайты мозговых центров имели бы – кроме английской версии и версии на национальном языке – аналогичный русский вариант.

В политическом смысле, наличие зависимых и независимых «мозговых центров» со своими программами и их соотношение в разных государствах ЕАЭС говорит: во-первых, о степени устойчивости правящих элит, а также о выборе стратегии этой устойчивости внутри страны. Поскольку все центры

по своему юридическому статусу являются НПО, то властями либо допускается возможность зарубежного финансирования, либо отдаётся предпочтение государственному финансированию. Что из этого является наиболее эффективным методом – вопрос для отдельной дискуссии.

Во-вторых, если исследовать качество контента «мозговых центров» – можно сделать вывод о желательной или даже стратегической позиции для правящих элит в интеграционном пространстве. Чаще всего эта позиция сигнализирует о пределах интеграции или даже о пределах взаимопонимания, если ситуация в двусторонних отношениях обостряется.

И последнее. Экспертному сообществу наших стран необходимо больше сотрудничать в многостороннем формате и на разных уровнях, в зависимости от проблемы и специализации экспертов. Возможно в будущем – создание совместных аналитических докладов, участие в работе структурных органов ЕАЭС. Всё это необходимо для того, чтобы ЕАЭС не стала бы организацией ложных иллюзий или – выдачей политических и экономических «кредитов» одним союзникам за счёт других.

Пристатейный библиографический список

1. Бондаренко В. Н. Особенности евразийской политики в современных условиях (философские размышления) // Евразийский юридический журнал. 2014. № 4. С. 24-25.
2. Ермолина М. А. Международное сотрудничество России в сфере охраны окружающей среды и рационального природопользования в контексте развития Евразийской экономической интеграции // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 5 (84). – С. 304.
3. GLOBAL EURASIA THINK TANK NETWORKS // Информационный портал. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gettanalys.ru/>
4. Фархутдинов И. З. Обеспечение мира и безопасности в Евразии (международно-правовая оценка событий в Сирии). Интервью с доктором юридических наук, главным редактором евразийского юридического журнала Инсуром Фархутдиновым // Евразийский юридический журнал. 2015. № 10. С. 8.
5. ЦСР Алексея Кудрина изменила расстановку сил, не сместив лидера // Информационный портал Политаналитика.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.politanalitika.ru/indexes/tssr-alekseya-kudrina-izmenila-rasstanovku-sil-ne-smestiv-lidera/>

ТЕМНЫШЕВ Игорь Александрович

аспирант кафедры мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета

«МЕСТОРАЗВИТИЕ» РОССИИ И ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОГО ПОДХОДА К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «ЕВРАЗИЯ»

В статье раскрывается проблематика формирования российского подхода к определению «Евразия». Также автор рассматривает геополитический аспект понятия «месторазвитие».

Ключевые слова: месторазвитие, Евразия, евразийство, Россия, геополитика, Хартленд.

TEMNYSHEV Igor Aleksandrovich

postgraduate student of World Politics sub-faculty of the Saint Petersburg State University

"TOPOGENESIS" OF RUSSIA AND THE FORMATION OF THE RUSSIAN APPROACHES TO THE DEFINITION "EURASIA"

The article develop the problems of formation of the Russian approach to the definition of "Eurasia". The author also examines the geopolitical aspect of the concept of "developmental place".

Keywords: developmental place, Eurasia, Eurasian, Russian, geopolitics, Heartland.

Политической аксиомой признан тот факт, что географический фактор является одним из определяющих при формировании не только внешней, но и внутренней политики государства. Традиционно, он занимал первостепенное значение в межгосударственных отношениях, так как основная борьба всегда шла за территории, а, кроме того, по той причине, что большинство государств мира долгое время развивались экстенсивным путем¹. Не вызывает сомнения факт, что географическое положение тех или иных земель имеет колоссальное значение: или в силу расположения земель, например, в зоне благоприятного климата или на пересечении транспортных путей, или в силу богатства земель теми или иными полезными ископаемыми². Все это формирует геополитические интересы государства, то есть определяет курс внешней политики страны, исходя из географического фактора³.

Поэтому, говоря о Евразии, специфичном во многих планах регионе, нельзя не учитывать его географические особенности, а также геополитические интересы России. Сегодня, когда во многом само понятие «Евразия» подводят под политический заказ, важно увидеть истоки евразийских идей в России, чтобы понять, что формирует современную политику и лежит в основе проблем евразийской идентичности. В данном контексте, мы будем говорить о формировании геополитических взглядов на Россию как Евразию в контексте ее исторического развития и на особенности ее «месторазвития».

Учение о «месторазвитии» было разработано крупнейшим представителем евразийского течения П. Н. Савицким. Согласно исследователю А. Н. Полухину, в трудах ученого оно играло роль «своеобразной методологической «скрепы», в рамках которой можно создавать научную «картину-систему». Оно выступало в качестве объединительного научного

принципа, необходимого для понимания российского исторического процесса⁴. Идея создания «картины-системы» было широко принято последователями П. Н. Савицкого и его соратника историка Г. В. Вернадского. Поэтому мы можем говорить о достаточно широком использовании термина «месторазвитие». Так, О. В. Прокуденкова, обобщая идеи евразийцев, дает следующее определение: «В самом общем виде он означает качественное влияние географического фактора – ландшафта, окружающей среды – на исторические события, культуру, социальные и политические системы этносов.»⁵.

Так же, для более полного понимания происхождения или вернее наполнения понятия «месторазвитие» следует отметить, что некоторое сходство идеи можно найти у отца-основателя геополитики немецкого ученого Ф. Рацеля и его теории «Жизненного пространства» («Lebensraum»). Но в этом случае, метафорический взгляд Рацеля на общество как живой организм, - который растет и сжимается в логическом отношении его жизненного пространства (среды обитания) – оказал сильное влияние на шведского политолога и консервативного политика Р. Челлена, который интерпретировал эту биологическую метафору уже в качестве геополитического естественного права⁶. Реализацию этой интерпретации мы увидели в дальнейших разработках «Жизненного пространства», когда идея Рацеля полностью трансформировалась в политическую плоскость. Об этом свидетельствовали те масштабные завоевания, осуществляемые для германизации Третьего Рейха, и указывали на две идеологические цели Lebensraum, и их связь с геополитическими целями нацистов:

1. Программой глобального завоевания, начатой в Центральной Европе;

1 Васильева Н. А., Лагутина М. Л. К вопросу о предмете философии мировой политики. // Полис. Политические исследования. – 2012. – № 2. – С. 62-69.

2 Зеленева И. В., Маркушина Н. Ю., Церпицкая О. Л. Исследование роли региональной компоненты в формировании внешней политики российского государства. – СПб: СПбГУ, 2009. – 136 с.

3 Маркушина Н. Ю., Церпицкая О. Л. Концепция регионального институционализма // Научно-аналитический журнал Обозреватель - Observer. – 2010. – № 4. – С. 7-14.

4 Полухин А. Н. Концепция месторазвития П. Н. Савицкого в исторической науке // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 300-3. – С. 61.

5 Прокуденкова О. В. Категория «месторазвития» в концепции евразийцев // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – № 3. – С. 11.

6 Breych E. Friedrich Ratzel and the Origins of Lebensraum // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.academia.edu/8789771/Friedrich_Ratzel_and_the_Origins_of_Lebensraum (дата обращения: 25.07.2016)

2. Программой континентального европейского завоевания, ограничивающейся Восточной Европой.

Для нацистский Lebensraum эти программы не исключали друг друга и не противоречили целям внешней политики Гитлера для Третьего рейха⁷. Несомненно использование геополитики как официальной доктрины Третьего Рейха⁸ повлияло на развитие этой науки в России, поскольку по мнению советских идеологов геополитика была «коричневой» наукой, «извращенно»⁹ толковавшая данные физической, экономической и политической географии.

В то время, когда на Западе широкую известность получили работы представителей англо-американской школы (А. Т. Мэхан, Х. Д. Маккиндер, Н. Спайкмен), в самой России не было создано четкой линии, которая бы не прерывалась годами. Несмотря на существование отдельных ценных работ по геополитике (Л. Н. Гумилев, В. П. Семенов-Тянь-Шанский), все же не было какой-либо одной систематизированной геополитической концепции развивающей идеи «месторазвития». В данном контексте, мы конечно не имеем ввиду работу ученых в миграции, которые и предложили эту теорию.

Чтобы определить специфику «месторазвития» России-Евразии, следует отметить, что с течением времени определение Евразии пережило довольно много корректировок и нюансов. Если брать только географический смысл, то Евразия является самым большим материком, омываемым водами Атлантического, Северного Ледовитого, Тихого и Индийского океанов и объединившим пространство двух континентов – «Евразия – единый, сложно устроенный, долго и противоречиво собиравшийся континент, и что граница между Европой и Азией, как бы ее ни проводить – по глубинным разломам, или по границам других тектонических структур первого порядка, по неким историко-географическим, этнографическим, политическим признакам – геоморфологически весьма условна и неопределенна»¹⁰.

В конце XIX века начали использовать термин «Евразия», обозначая этим термином территорию Старого Света – Европу и Азию. До этого Азия и Европа считались отдельными материками. Однако, долгое время велись споры о границе Европы и Азии. Так географ А. Гумбольдт был убежден в том, что границы между Европой и Азией не существует, так как Европа считается частью Азии¹¹. Немецкий исследователь С. Видеркерх полагает, что А. Гумбольдт под названием «Азия» имел ввиду как раз современное евразийское пространство¹². В 1858 году К. Г. Рейшле в своей книге «Справочник по географии» ввел термин «Двойной континент Азия-Европа» («DoppelerdtheilAsien-Europa») ¹³. Его трактовки вызывают не-

которые сомнения. Хотя изучив его работу можно все-таки увидеть, что Рейшле описывает северные территории (очевидно современное евразийское пространство) и близость «двух основных континентов»¹⁴. Наконец, сам термин «Евразия» впервые употребил геолог Э. Зюсс в конце XIX века (имея ввиду, единый материк)¹⁵.

Тем не менее, попытки исследовать «месторазвитие» Евразии связано в основном с российской наукой. Так, выделить особый пространственный евразийский мир попробовал историк и славянофил В. И. Ламанский в своем труде «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892 г.). Согласно автору, это – «собственная Европа», «собственная Азия» и «Средний мир» который – «не настоящая Европа и не настоящая Азия... там, где Азия уже кончается, но Европа еще не начинается». Критерием разделения миров становятся «границы религий, наречий нравов, общественного и государственного строя»¹⁶. В своем труде русский ученый определил «средний мир» как центр развития мировой цивилизации: «все, что ныне создано человечеством замечательного и великого в религии и философии, в искусствах, науках, промышленности, в общежитии, в государственном и международном праве, принадлежит всецело племенам и народам Азийско-Европейского материка»¹⁷. Остальные материки, по мнению В. И. Ламанского, были заселены из этого мира. Ученый отмечает, что центральной роли этого «суперконтинента» способствовали объективные факторы:

– климатические условия и разнообразие природных богатств;

– выгодное геополитическое положение (выходы к морям, расположение рек и гор и т.д.).

Таким образом, «средний мир», представляющий собой новый цивилизационный феномен, по мнению русского ученого: «не настоящая Европа и не настоящая Азия... там где Азия уже кончается, но Европа еще не начинается»¹⁸.

Правда, идеи «срединного мира» мы встречаем и у западных геополитиков. Евразийский континент, одним из основополагающих определений которого является термин «срединное пространство», всегда привлекал пристальное внимание выдающихся геополитиков. Еще в 1904 году в «Географическом журнале» была опубликована статья английского ученого Х. Дж. Маккиндера «Географическая ось истории»¹⁹, в которой он обобщил все высказанные ранее идеи «политической географии» и сформулировал основной закон геополитики, который заключается в том, что самым выгодным географическим положением для государства является «срединное», центральное положение. Очевидно, что с планетарной точки зрения в центре мира находится Евразийский континент, а в

7 Kershaw, I. The Nazi Dictatorship: Problems & Perspectives of Interpretation, Oxford: Oxford University Press, 2000.

8 Пленков О. Ю. Третий Рейх - нацистское государство. – СПб.: Нева, 2004. – С. 239.

9 Занегин Б. Марксизм-геополитика-национализм// Газета «Завтра». – № 17(282). – 27.04.1999. – С. 12.

10 Бронгулеев В. В., Буланов С. А., Жидков М. П. Геоморфологические режимы Евразии. – М.: Медиа-ПРЕСС, 2006. – С. 5.

11 Humboldt A. Geology and Climatology of Asia. A review. An article extracted from the Foreign Quarterly Review, 1832.

12 Wiederkehr S. II. Zwischen den Beiden Weltkiesen: Die Eurasier in der Emigration // Die Eurasische Bewegung: Wissenschaft und Politik in der russischen Emigration der Zwischenkriegszeit und im postsowjetischen Russland. – Böhlau Verlag Köln Weimar, 2007. – Т. 39. – P. 36. – 398 p.

13 Reuschle C. G. Handbuch der Geographie oder Neueste Erdbeschreibung mit besonderer Rücksicht auf Statistik, Topographie & Geschichte – Stuttgart: Außereuropäische Länder. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://play.google.com/books/reader?id=ag>

RDAAAAcAAJ&printsec=frontcover&output=reader&hl=ru&pg=GBS.PP1 (дата обращения: 29.06.2016)

14 Ibid. P. 58

15 Wiederkehr S. II. Zwischen den Beiden Weltkiesen: Die Eurasier in der Emigration // Die Eurasische Bewegung: Wissenschaft und Politik in der russischen Emigration der Zwischenkriegszeit und im postsowjetischen Russland. – Böhlau Verlag Köln Weimar, 2007. – Т. 39. – P. 36. – 398 p.

16 Гудков А. Д., Ширинянц А. А. Геополитика В. И. Ламанского // <http://рустрана.рф/article.php?nid=19396> (дата обращения: 30.07.2016)

17 Ламанский В. И. Три мира Азийско-Европейского материка. – Пг., 1916. – С 1.

18 Прокудин Б. А. Историческое и геополитические идеи В. И. Ламанского. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.religion.in.ua/zmi/foreign_zmi/18763-istoriosofskie-i-geopoliticheskie-idei-vi-lamanskogo.html (дата обращения: 30.07.2016)

19 Mackinder H. J. The Geographical Pivot of History // The Geographical Journal. – 1904. – Vol. 23. – № 4. – pp. 421-437.

его центре – «Heartland» («сердце мира») – континентальные просторы Евразии, приблизительно совпадающие с границами Российской империи, территория, с точки зрения Макиндера являющаяся центром глобальных геополитических процессов. С течением времени Макиндер несколько раз корректировал границы «Хартленда».

Позднее свои идеи относительно Евразии как «срединно-го пространства» и ключевой с геостратегической точки зрения территории в мировой политике озвучивали американский геополитик Николас Спайкмен, немецкий географ Карл Хаусхофер²⁰ и Доналд Майнинг²¹. Среди современных трактовок понятия «срединное пространство» особого внимания, на наш взгляд, заслуживает определение, данное Дж. Паркером, который определяет его как «комплексное пространство, включающее в себя географическую, социальную и политическую характеристики и претендующую на создание собственного геополитического силового поля»²². Среди важных черт «срединного пространства», по его мнению – способность сохранять свою независимость и действовать самостоятельно.

Возвращаясь к определению «месторазвития» России, следует отметить, что целый ряд работ исследователей XIX века направлен на попытки определить особый цивилизационный срез развития страны, а также влияния географического фактора. Так, еще историк А.П. Шапов писал о необходимости изучать русскую историю на «законах... взаимодействия внешней и человеческой природы». Он проводил анализ исторических фактов «контексте экономических, политических и социальных причин и следствий, привязывая их к природной среде, демографическим процессам, народному психологическому складу»²³. Идеи об особой роли России мы находим и в работах М. П. Погодина и Ф. И. Тютчева, которые писали о том, «миссия России состоит в том, чтобы «призвать Восточную Европу к жизни» посредством объединения под своим верховенством»²⁴.

Идеи близкие к понятию «среднего мира» есть у химика Д. И. Менделеева, в частности в работе «К познанию России», где он пишет: «страна-то наша ведь особая, стоящая между молотом Европы и наковальней Азии, долженствующая так или иначе их помирить»²⁵.

Но по концептуально идеи Евразии, «месторазвития» и «срединного мира» несомненно были развиты школой евразийцев в российской геополитической мысли в 1920х-1930х гг. Ее яркими представителями являются П. Н. Савицкий, Н. С. Трубецкой, П. П. Сувчинский, Л. П. Карсавин, Н. Н. Алексеев, М. В. Шахматов, Г. В. Флоровской, А. А. Ливен²⁶. Они впервые выдвинули понятие «исторической Евразии» как целостного этнокультурного пространства, при этом вкладывая в понятие «евразийство» фундаментальный смысл и определяя Россию как Евразию. Причинами обращения евразийцев к геополити-

ке стало желание найти обоснование исторического единства огромной территории.

В своих трудах, изучив особенности географии, религии, истории, культуры и философии евразийцы дают обоснование уникальности, неповторимости и особое положение региона, который охватывала Российская империя на протяжении практически четырех веков своего существования. Этот особый «срединный мир» между Европой и Азией создал в представлении евразийцев особый социокультурный мир, «срединный материк». Они отказываются признавать универсальность европейской культуры, уповая на то, что «мы должны осознать себя евразийцами, чтобы осознать себя русскими», и на то, что корнями Россия уходит к Востоку, а не к Западу.

Географические и геополитические основы евразийства в российской мысли заложили ранние евразийцы-эмигранты – Н. С. Трубецкой и П. Н. Савицкий, согласно теории которого Россия занимает основное пространство земель Евразии, отождествляется с Евразией²⁷, представляет собой «обособленное и целостное месторазвитие»²⁸, и поэтому ей должна принадлежать «связывающая и объединяющая роль». П. Н. Савицкий писал, что Россия-Евразия расположена на срединной континентальной части Старого Света и имеет гораздо больше оснований, чем Китай, называться срединным государством, а Евразия – «срединным материком»²⁹.

Во главе с П. Н. Савицким ранние евразийцы пришли к выводу о необходимости нового подхода к национальной идее России. В этой связи они стали фактически первыми, кто положительно оценил многонациональную (имперскую) природу России.

Н. С. Трубецкой в статье «Общевразийский национализм»³⁰ предлагает свое видение будущего устройства Евразии на основе факторов, поддерживающих целостность Евразии в прошлом (идея русской государственности) и настоящем (стремление к определенному социальному идеалу). По мнению Н. С. Трубецкого, народы, населяющие Евразию, тесно связаны общностью исторических судеб, а Евразия «есть географическое, экономическое, историческое целое»³¹.

Второй этап развития евразийства характеризуется определенным застоєм в дальнейшем развитии идеи. К этому этапу условно можно отнести работы Г. В. Вернадского и Р. О. Якобсона.

На третьем этапе произошел новый виток развития теории евразийства в трудах Л.Н. Гумилева, В. В. Кожина, Н. И. Моисеева, А. С. Панарина и других.

О Л. Н. Гумилеве, который дополнил евразийство новыми идеями - теорией пассионарности и теории этногенеза, часто говорят как о «последнем евразийце и первом геополитике» в России. Не стоит забывать об отношении к геополитике в Советском Союзе и то, какому риску подвергал себя ученый развивая не удобные концепции. Отдельной стороной стоит вопрос был ли Л. Н. Гумилев учеником П. Н. Савицкого или

20 Хаусхофер К. О геополитике: мысли разных лет. – М.: Мысль, 2001. – 426 с.

21 Meining D. W. Heartland and Rimland in Eurasian History // The Western Political Quarterly. – 1956. – Vol. 9. – № 3. – pp. 553-569.

22 Parker G. Geopolitics. Past, Present and Future. – London; Washington, 1998

23 Ванина К. И. Социологические взгляды А. П. Шапова // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. – 2014. – № 11-12. – С. 174.

24 Мыркова А.В. Политические идеи Ф.И Тютчева. М., 2004. С. 71-89.

25 Менделеев Д. И. К познанию России СПб., 1906. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.telenir.net/nauchnaja_literatura_prochee/poznanie_rossii_zavetnye_mysli_sbornik/p3.php (дата обращения: 29.06.2016)

26 Бердяев Н. А. О евразийцах // Путь. – 1925. – № 1. – С. 134.

27 Савицкий П. Н. Европа и Евразия // Савицкий П. Н. Избранное. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – С. 108.

28 Савицкий П. Н. Географический обзор России-Евразии // Савицкий П. Н. Избранное. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – С. 266.

29 Савицкий П. Н. Географические и геополитические основы евразийства // Савицкий П.Н. Избранное. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – С. 537.

30 Трубецкой Н. С. Общевразийский национализм // Русская идея: Сборник произведений русских мыслителей / Сост. Е. А. Васильев. – М.: Айрис-Пресс, 2004. – С. 372-384.

31 Ibid.

его разработки близки к Евразийству, но представляют свое видение истории и географии России³². Хотя конечно для Л. Н. Гумелева авторитет старшего евразийца был неоспорим. В то же время тогда как основатели евразийства отводили главную роль в формировании Евразии как «срединного мира» с особым предназначением монголам и Чингисхану, Л. Н. Гумилев показал в своих трудах, как именно рождался многогранный евразийский мир. Главной идеей всех его работ является единение евразийских народов вокруг России, осознание того, что Евразия – это «полноценное месторазвитие». Гумилев писал о том, что срединность России отличается от срединности Германии, выделяемой в западноевропейской политике, тем, что срединность Германии ограничивается Европой, которая представляет собой лишь западный мыс старого света, а Россия является центром всего старого света. По Гумилеву, если устранить этот центр, то все части превращаются в рассыпанную храмину. Гумилев считал, что «Россия будет спасена только как евразийская держава»³³.

Кроме того, не стоит забывать о том, что центральной категорией в учении Гумилева является этнос, на основе которого и объединяются народы Евразии. Это учение представляет большой интерес, поскольку рассматривает этнос как устойчивую, сложившуюся в определенных природно-климатических условиях общность людей и предлагает рассматривать территориальный и этнический системообразующие факторы комплексно и во взаимосвязи.

Одним из самых важных для исследования положений в работах Л. Н. Гумилева является то, что одним из важнейших принципов евразийства он считал полицентризм³⁴, согласно которому признается множественность мировых цивилизационных, культурных и других центров. Именно это положение находит отражение в концепции идеологов неоевразийства, и именно на нем основано формирование Евразийской интеграции сегодня.

Проанализировав работы идеологов классического евразийства, можно сделать следующий вывод: в противовес идеям последователей западников, евразийцы предлагают свою геополитическую концепцию, основой которой является самобытный характер русской культуры, который обеспечивает русской нации жизнеспособность по сравнению с западным обществом. В их представлении, Евразия и Россия идентичны друг другу, представляя собой особый геополитический мир, не принадлежащий ни Востоку, на Западу, и России следует идти особым, «евразийским», путем, не оглядываясь на Европу, чтобы вернуть былое величие и занять достойное место на геополитической карте мира.

После развала СССР путь поиска национальной идентичности для России был непрост. Россия фактически оказалась перед выбором: стать другой Европой, неким адептом запада, либо вновь попытаться превратиться в «Третий Рим» и настойчиво продвигать свои теократические идеи, либо применить Евразийский подход.

Выбор в пользу евразийского подхода был продиктован не только экономическими интересами. Речь идет и об общем историческом наследии, и о геополитических интересах, и о

ценностных установках народов, проживающих на территории Белоруссии и Казахстана³⁵.

Итак, подводя черту под вышесказанным, необходимо, во-первых, отметить, что на всех этапах развития евразийской политической мысли появление и развитие евразийства невозможно рассматривать, не принимая во внимание российскую историю. Кроме того, важно, что евразийцы видят «особый путь» развития России, не связанный со следованием западной модели развития, а базирующийся на объединении народов Евразии на основе общих исторических истоков. Можно также утверждать, что рассуждения евразийцев вписываются в концепцию полицентризма, о которой мы говорили ранее. Так, новое образование на евразийском пространстве при определенных условиях сможет стать одним из центров современного мира, который будет оказывать влияние на глобальные политические и экономические процессы и будет находиться в тесном взаимодействии с уже существующими центрами.

Важным для нашего исследования является и тот факт, что современные границы евразийской интеграции не совпадают с историческими определениями «срединного пространства».

Мы рассмотрели лишь некоторые основные идеи классического евразийства. Проследив эволюцию евразийской мысли за более чем сто лет, можно сделать вывод, что на разных этапах на нее оказывали влияние многие исторические, политические, культурные и экономические факторы. Существенные трансформации произошли и в определении самого термина «Евразия». Однако, в целом, несмотря на все произошедшие изменения, главные идеи евразийцев остались неизменной и по сей день – а именно, геополитическое обоснование существования России как исторически сложившейся евразийской державы. Россия-Евразия должна идти особым путем, и новый интеграционный проект должен основываться на единении этносов Евразии.

Именно сегодня представляется как никогда важным вернуться к истокам евразийской политической мысли; вспомнить развитие национальной идеи, которая сегодня переживает кризисный этап развития, и потребность в которой как никогда велика; выяснить основные параметры национальной идентичности и на основе полученных выводов выстроить грамотную стратегию развития евразийской интеграции.

Мы уверены, что во многом успех сегодняшнего этапа интеграции обеспечил прочный цивилизационный базис, на котором основано само евразийство. Согласно основной мысли этого политического течения, Евразия представляет собой мир, совершенно отличный как от западных, так и от восточных государств. В некотором смысле воплощение евразийской идеи как мессианской реальности сегодня имеет смысл. Развитие интеграционных процессов на евразийском пространстве может стать той самой национальной идеей, о которой говорили евразийцы более века назад и в которой так нуждаются современные государства на постсоветском пространстве.

Сегодня, как и сто лет назад, в работах многих западных авторов классическое евразийство XX века получает негативные оценки и рассматривается как антизападническая изоляционистская доктрина. Идеи евразийцев представляют собой логичное, законченное и, несомненно, оригинальное учение, и множество идей классического евразийства актуальны до сих пор. Так, например, исследуя «месторазвитие» России,

32 Ермолаев В. Ю. Был ли Л. Н. Гумилев учеником П. Н. Савицкого? (по материалам писем Л. Н. Гумилева 1956-1961 гг.) // Вестник Пермского Университета. – 2013. – № 1 (21). – С. 206

33 Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. – М., 2008.

34 Гумилев Л. Н. Заметки последнего евразийца // Наше наследие. – 1991. – № 3.

35 Васильева Н. А., Лагутина М. Л. Концепт «Евразийский экономический союз» как новая интеграционная парадигма // Управленческое консультирование. – 2013. – № 10 (58). – С. 78-89.

следует отметить, что географические особенности нахождения России на стыке Востока и Запада, безусловно, не должно оставаться без внимания при выстраивании интеграционных проектов, как и тот факт, что Восток играет большую роль в развитии России.

Однако нельзя не обратить внимание на ряд очевидных недостатков классического евразийства, которые, на наш взгляд, не следует заимствовать сегодня при разработке нового интеграционного проекта. К таким идеям относится, например, категорическое противопоставление Востока и Запада, которое в современных условиях не следует эскалировать, подчеркивая такое противопоставление при формировании Евразийского экономического союза.

Несомненно, что идеи классического евразийства превратились в утопию и неприменимы в реалиях современного мира. Недостатки идей классического евразийства особенно ярко проявляются, в той части, где от анализа национальных особенностей России-Евразии евразийцы переходят к оценкам действительности. Хотя Распад Империи – Советского Союза, согласно идеям Л. Н. Гумилева должен был стать толчком для нового всплеска пассионарности России.

Пристатейный библиографический список

- Бердяев Н. А. О евразийцах // Путь. – 1925. – № 1. – С. 134.
- Бондаренко В. Н. Особенности евразийской политики в современных условиях (философские размышления) // Евразийский юридический журнал. 2014. № 4. С. 24-25.
- Бронгулеев В. В., Буланов С. А., Жидков М. П. Геоморфологические режимы Евразии. – М.: Медиа-ПРЕСС, 2006. – 400 с.
- Ванина К. И. Социологические взгляды А. П. Щапова // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. – 2014. – № 11-12.
- Васильева Н. А., Лагутина М. Л. К вопросу о предмете философии мировой политики // Полис. Политические исследования. – 2012. – №2. – С. 62-69.
- Васильева Н. А., Лагутина М. Л. Концепт «Евразийский экономический союз» как новая интеграционная парадигма // Управленческое консультирование. – 2013. – № 10 (58). – С. 78-89.
- Гумилев Л. Н. Заметки последнего евразийца // Наше наследие. – 1991. – №3.
- Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. – М.: Изд-во АСТ, 2008.
- Ермолаев В. Ю. Был ли Л. Н. Гумилев учеником П. Н. Савицкого? (по материалам писем Л. Н. Гумилева 1956-1961 гг.) // Вестник Пермского Университета. – 2013 – № 1 (21).
- Занегин Б. Марксизм-геополитика-национализм // Газета «Завтра». – № 17 (282). – 27.04.1999. – С. 12.
- Зеленева И. В., Маркушина Н. Ю., Церпицкая О. Л. Исследование роли региональной компоненты в формировании внешней политики российского государства. – СПб: СПбГУ, 2009. – 136 с.
- Ламанский В. И. Три мира Азийско-Европейского материка. – Пг., 1916. – С. 1.
- Маркушина Н. Ю., Церпицкая О. Л. Концепция регионального институционализма // Научно-аналитический журнал Обозреватель - Observer. – 2010. – №4. – С. 7-14.
- Мырикова А. В. Политические идеи Ф. И Тютчева. – М., 2004. – С. 71-89.
- Пленков О. Ю. Третий Рейх - нацистское государство. – СПб.: Нева, 2004. – 480 с.
- Полухин. А. Н. Концепция месторазвития П. Н. Савицкого в исторической науке // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 300-3. – С. 61-62.
- Прокуденкова О. В. Категория «месторазвития» в концепции евразийцев // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – № 3. – С. 11-15.
- Савицкий П. Н. Европа и Евразия // Савицкий П. Н. Избранное. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
- Савицкий П. Н. Географический обзор России-Евразии // Савицкий П. Н. Избранное. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
- Савицкий П. Н. Географические и геополитические основы евразийства // Савицкий П.Н. Избранное. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
- Трубецкой Н. С. Общевразийский национализм // Русская идея: Сборник произведений русских мыслителей / Сост. Е. А. Васильев. – М.: Айрис-Пресс, 2004. – 512 с.
- Хаусхофер К. О геополитике: мысли разных лет. – М.: Мысль, 2001. – 426 с.
- Humboldt A. Geology and Climatology of Asia. A review. An article extracted from the Foreign Quarterly Review, 1832.
- Kershaw, Ian, The Nazi Dictatorship: Problems & Perspectives of Interpretation, Bloomsbury Academic, 2000. – 297 p.
- Mackinder H.J. The Geographical Pivot of History // The Geographical Journal. – 1904. – Vol. 23. – № 4. – pp. 421-437.
- Meining D.W. Heartland and Rimland in Eurasian History // The Western Political Quarterly. – 1956. – Vol. 9. – №3. – Pp. 553-569.
- Parker G. Geopolitics. Past, Present and Future. – London; Washington, 1998.
- Wiederkehr S. II. Zwischen den Beiden Weltkriegen: Die Eurasier in der Emigration // Die Eurasische Bewegung: Wissenschaft und Politik in der russischen Emigration der Zwischenkriegszeit und im postsowjetischen Russland. — Böhlau Verlag Köln Weimar, 2007. – Т. 39. – P. 36. — 398 p.

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович

доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник Института государства и права (сектор международно-правовых исследований) Российской академии наук, главный редактор Евразийского юридического журнала

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО О ПРИМЕНЕНИИ ГОСУДАРСТВОМ ВОЕННОЙ СИЛЫ ПРОТИВ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧАСТНИКОВ

В статье, которая является пятым авторским материалом в данном цикле (Обеспечение мира и безопасности: международно-правовая оценка событий в Сирии. 10, 2015; Международное право о принципе неприменения силы или угрозы силой: история и современность. 11, 2015; Международное право о самообороне государств. 1, 2016; Международное право и доктрина США о превентивной самообороне. 2, 2016) раскрываются международно-правовые проблемы применения государством военной силы против негосударственных участников. Среди последних на первое место в качестве новых вызовов и угроз выдвинулись международно-террористические группировки.

Устав ООН не исключает возможности осуществления превентивной обороны против негосударственных субъектов, однако их осуществление возможно только на основании решений СБ ООН. Чтобы не допускать злоупотреблений при применении упреждающей самообороны, должно быть проведено добросовестное изучение данной проблемы на основе достоверных данных о сложившейся конфликтной ситуации. Превентивная самооборона против террористических группировок должна быть необходимой и соразмерной, происходить в пределах разумного в соответствии с принципами и нормами международного права.

Стратегия США в области национальной безопасности 2006 г. закрепляет принцип превентивного удара в отношении террористов и поддерживающих их стран, а также провозглашается возможность односторонних военных действий США по всему миру. Цель – «распространение свободы во всем мире» и сохранение «лидирующей роли США» вопреки своим международным договорным обязательствам.

Ключевые слова: международный терроризм, ст. 51 Устава ООН, угроза миру и безопасности, вооруженное нападение, агрессия, неотъемлемое право на оборону, превентивная самооборона, «Исламское государство», резолюции СБ ООН 1368 и 1373.

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich

Ph.D. in Law, leading researcher of the Institute of State and Law (sector of international legal researches) of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-chief of the Eurasian Law Journal

INTERNATIONAL LAW ON THE USE OF MILITARY FORCE BY THE STATE AGAINST NON-STATE ACTORS

The article, which is the fifth author's material in a given cycle (Ensuring of peace and security in Eurasia: the international legal assessment of the events in Syria, 10, 2015; International law on the principle of non-use of force or threat of force: History and Present. 11, 2015; The international law of self-defense of states number 1, 2016; International law and the US doctrine of preventive self-defense. 2, 2016) reveals the international legal problems of the use military force by the state against non-state actors. Among the latter, international terrorist groups have been moved in the first place as the new challenges and threats

The UN Charter does not preclude the implementation of preventive defense against non-state actors, but their implementation is possible only on the basis of UN Security Council decisions. In order to prevent abuse in the application of pre-emptive self-defense the study must be conducted in good faith on the basis of reliable data of current conflict. Preventive self-defense against terrorist groups must be necessary and proportionate, be within reason.

The US strategy in the field of national security in 2006 enshrines the principle of pre-emptive strike against terrorists and their supporting countries, and proclaim the possibility of unilateral US military action around the world. The goal – "expansion of freedom around the world" and the preservation of "the leading role of the United States."

Keywords: international terrorism, Art. 51 of the UN Charter, the threat to peace and security, armed attack, aggression, the inherent right of defense, preventive self-defense, "the Islamic state", the UN Security Council resolutions 1368 and 1373.

1. Глобальные угрозы международной безопасности: теория и практика международного права

Устав ООН обозначил главную цель международного права: поддерживать мир и безопасность. Его отличительная черта – выдвижение на первый план задачи обеспечения интересов международного сообщества в целом. Неизбежен рост роли международного права в поддержании мирового поряд-

ка, обеспечивающего нормальное функционирование мировой системы¹.

Президент В. В. Путин, выступая 26 сентября 2012 г. на церемонии вручения верительных грамот послам 21 страны,

¹ Лукашук И. И. Мировой порядок XXI века // Международное публичное и частное право. — 2002. — № 1. — С. 6.

Фархутдинов И. З.

заявил: «Верховенство права должно быть обеспечено на международной арене точно так же, как и внутри государства. Без опоры на международное право невозможно вести дела в современном мире». Данный принципиальный тезис не признает однополярного мира, доминирования какого-либо одного центра силы – XXI век должен опираться не на военную силу, а на силу права. Необходимо, чтобы базисные, общепризнанные принципы и нормы международного права, и прежде всего принципы, воплощенные в Уставе ООН, оставались основой миропорядка. Международное право необходимо рассматривать как право мира. И в этом контексте для выстраивания аналитических конструкций, важное значение имеет само понятие международной безопасности.

В самом общем виде современное понимание международной безопасности было сформулировано в **первой статье Устава ООН, определившей главную задачу этой первой универсальной международной организации:** «Поддерживать международный мир и безопасность и с этой целью принимать эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира и проводить мирными средствами, в согласии с принципами справедливости и международного права, улаживание или разрешение международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира». Создание ООН стало кардинальным прорывом в развитии сотрудничества государств в сфере обеспечения международной безопасности².

Сегодня на первый план выходит борьба с международным терроризмом. Терроризм становится неотъемлемым и, к сожалению, привычным фактором. В результате трагических событий последних лет в разных странах мира, особо повышается внимание к вооруженным террористическим акциям негосударственных формирований. Таким образом, проблемы международной безопасности приобрели принципиально новые черты в последние два десятилетия, когда появились неизвестные доселе возможности подрыва мира и безопасности во всем мире. XXI век характеризуется небывалым всплеском террористических актов³.

В декларации о глобальных усилиях по борьбе с терроризмом (Резолюция 1377, принятая Советом Безопасности 12 ноября 2001 года), заявляется, что акты международного терроризма представляют собой одну из самых серьезных угроз для международного мира и безопасности в XXI веке.

Речь уже можно вести о таком новом явлении как глобальный терроризм, который, по моему мнению, гораздо опаснее обычного международного терроризма, действовавшего прежде. Глобальный терроризм фактически начался в 2013 году, когда вооруженные до зубов некоторыми странами Запада и арабского Востока террористы, объявившие себя ни много ни мало «Исламским государством», захватили огромные территории двух суверенных государств – Сирии и Ирака. Опасность глобального терроризма, сегодня исходящая от ИГ и других террористических группировок⁴, обостряется еще и тем, что за последние годы насильственно, при грубом нару-

шении Устава ООН, основных принципов и норм международного права, свержены законные правительства в соседних странах (Египет, Ливия, Тунис, Йемен, Ирак)⁵.

В условиях начавшегося в 2014 году нового резкого противостояния между Западом и Востоком в результате государственного переворота в Киеве, совершенного официальным Вашингтоном, нескончаемых экономических санкций, военного противостояния в Сирии, происходит разлад устоявшейся десятилетиями после учреждения ООН международно-нормативной системы⁶.

Что такое международная безопасность? Это система международных отношений, основанная на соблюдении всеми государствами общепризнанных принципов и норм международного права, исключающая решение конфликтов и спорных вопросов между ними с применением силы или угрозы силой. Принципы международной безопасности предусматривают, в частности, утверждение мирного сосуществования в качестве универсального принципа межгосударственных отношений; безусловное уважение суверенных прав каждого народа; выработка эффективных методов предотвращения международного терроризма. Неотъемлемым фактором международной безопасности должно выступать действенное функционирование закрепленного Уставом ООН механизма коллективной безопасности против международного терроризма.

Современный терроризм выступает в форме международного терроризма, который мы называем глобальным терроризмом. Он отличается от внутривнутриполитического, то есть уголовного терроризма, преследующего корыстные цели. Терроризм рассматривается как метод достижения цели, который характеризуется односторонним применением насилия к лицам, не вовлеченным напрямую в конфликт между государством и террористической группой, и практически не имеющим возможности предотвратить, воспрепятствовать, либо ответить на террористический акт⁷.

Сегодня наша цивилизация вновь лицом к лицу столкнулась с разрушительной варварской идеологией. Международный терроризм посягает на жизненно важные интересы государств и наций, всего международного сообщества, подрывает принципы международного права, представляет угрозу международному миру и безопасности. Акты международного терроризма выходят за рамки уголовных преступлений международного характера и обладают, по крайней мере, рядом признаков международных преступлений в соответствии со Статьями 18–19 проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности 1996 г.

В целом, окончательно прошли времена, когда реальную угрозу миру и безопасности представляли только отдельные государства. Сегодня практически невозможно решить проблему обеспечения безопасности в границах лишь одной отдельно взятой страны. Государственные границы уже не являются непреодолимым препятствием для нарушения системы государственного управления. На Всемирном саммите ООН в 2005 г. справедливо отмечалось, что «современные угрозы не

2 Карташкин В. А. Организация Объединенных Наций и международная защита прав человека в XXI веке. Норма. Инфра – М., 2015. – С. 9-31.

3 Международное право. Учебник / Ответ. ред. К. А. Бекяшев. Изд. 5-е. – М., 2008. – С. 883-903.

4 Группировки «Исламское государство» (ИГ, ИГИЛ), «Джебхат ан-Нусра», «Аль-Каида» решениями Верховного суда РФ признаны террористическими организациями и их деятельность в России запрещена.

5 Фархутдинов И. З. Обеспечение мира и безопасности: международно-правовая оценка событий в Сирии. // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 10. – С. 8.

6 Нарышкин С. Е. Государственный переворот в Киеве в феврале 2014 г. и международное право. Интервью. // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 2(81). – С. 8-10; Фархутдинов И. З. Евразийская интеграция и испытание украинской государственности в системе международного права // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 12. – С. 15-20.

7 Устинов В. В. Международный опыт борьбы с терроризмом: стандарты и практика. – М.: Юрлитинформ, 2002. – С. 44.

признают национальных границ и взаимосвязаны... ими необходимо заниматься на глобальном, региональном и национальном уровнях»⁸.

Многие современные вызовы и угрозы имеют глобальный, трансграничный характер и ставят под угрозу действующую десятилетиями мировую и региональные системы обеспечения безопасности. В условиях глобальных и региональных интеграционных процессов наблюдается всё более возрастающая взаимозависимость государств. Достижения научно-технического прогресса стали, к сожалению, использоваться в недружественных или преступных целях не только отдельными государствами, но организованными военизованными группировками негосударственного характера.

Итак, в текущем веке на переднее место в качестве новых вызовов и угроз выдвинулись террористические группировки, действующие на территории другого государства, что потребовало применение силы одним государством против другого государства, откуда происходит угроза со стороны негосударственных участников. Поэтому в доктрине международного права особо повышается внимание к вооруженным террористическим акциям негосударственных образований. Это поставило перед международным правом вопрос о применении упреждающей самообороны против негосударственных участников. Особенно это актуально в связи с тем, что существует серьёзная опасность попадания в руки различных террористических организаций оружия массового поражения, биологического, химического оружия, радиологических бомб.

В последние годы для западных стран борьба с международными террористическими актами с большим количеством жертв и разрушений стала часто используемым основанием вооруженного нападения под предлогом реализации права на самооборону. Этот тезис, в частности, США применяли для оправдания вторжения в Ирак и Афганистан, кроме того, он тесно связан с весьма неоднозначной концепцией «превентивной самообороны», которая формально закреплена во всех стратегиях национальной безопасности США начиная с 2002 г., и которая вызывает весьма противоречивые оценки со стороны других субъектов международного права.

Ровно 15 лет назад, 11 сентября 2001 года на территории Соединенных Штатов развернулись трагические события. Пользуясь случаем разделяем горе американцев, чьи родные и близкие, люди не в чем неповинные, погибли в этот страшный сентябрьский день. Террористы повернули пассажирские самолеты и направили их для уничтожения Всемирного торгового центра и Пентагона. Президент Буш ясно дал понять, что Соединенные Штаты решительно привлекут к ответственности виновных в этом беспрецедентном террористическом акте. В первые дни после нападения на Нью-Йорк было установлено, что взрывы совершили члены террористической организации «Аль-Каида», которая окопалась в труднодоступных местах Афганистана. 4 октября Британское правительство выпустило исследование, указавшее тесные связи между Аль-Каидой и правительством Афганистана⁹.

7 октября 2001 г. против Афганистана была начата масштабная воздушная операция «Несокрушимая воля», в том

числе с использованием некоторых видов сухопутных войск. Соединенные Штаты и Великобритания уведомили Совет Безопасности Организации Объединенных Наций, что начавшаяся масштабная операция представляет индивидуальную и коллективную самооборону в соответствии со Статьей 51 Устава ООН¹⁰. Наиболее серьезный довод в пользу одностороннего вооруженного вмешательства со стороны США и Великобритании – это возможный доступ террористов к оружию массового уничтожения.

Ответный удар был неминуем. И он, бесспорно, последовал. Но по большому счету главных виновников «Несокрушимая воля» так и не наступила: перелопатив огромные территории, уничтожив либо непосредственно, либо косвенно тысячи людей, США всех организаторов теракта в Нью-Йорке так и не ликвидировали.

Таким образом, события 11 сентября 2001 года в США и другие примеры нападения террористических групп из-за рубежа на государства ставят вопрос о том, что право государств на самооборону может быть осуществлено в ответ на нападение каких-либо негосударственных организаций или образований (тем более, в ст. 51 Устава ООН прямо не говорится о нападении лишь государства). Также необходимой в этом направлении стала Резолюция Совета Безопасности ООН № 1535 от 12 сентября 2001 года, которая дала важный сигнал мировому сообществу о готовности ООН и ее Совета Безопасности продолжать линию на совершенствование механизмов безопасности, адекватно отвечающих масштабным требованиям борьбы с терроризмом и другими, связанными с ним глобальными угрозами. Считается, что международное сообщество как бы согласилось, что, даже под ограниченное чтение статьи 51 Устава ООН, самооборона со стороны Америки была оправдана. Таким образом, Совет Безопасности ООН, впервые в своей истории принял резолюцию, подтверждая неотъемлемое право на самооборону государства в ответ на террористические атаки.

Угрозы, которые представляют собой акты международного терроризма, во весь рост поставили вопрос о необходимости признания крупномасштабных террористических актов с большим количеством жертв и разрушений в качестве вооруженного нападения по смыслу ст. 51 Устава ООН.

Согласно классическому международному праву, существует разница между упреждающим ударом (с целью самообороны при наличии явной и неминуемой угрозы) и превентивным (предвосхищающим) ударом по источникам возможной угрозы. В первом случае военные действия международными нормами допускаются, а во втором — являются их нарушением. Если строго следовать статье 51 Устава ООН, то превентивные удары являются нарушением международного права.

В последние годы борьба с международными террористическими актами с большим количеством жертв и разрушений в качестве вооруженного нападения по смыслу ст. 51 Устава ООН для западных стран стала часто используемым основанием для реализации права на самооборону. Этот тезис, в частности, США применяли для оправдания вторжения в Ирак и Афганистан.

Террористический акт 11 сентября 2001 г. является совершенно новым в практике международного терроризма событием и представляет собой поворотный пункт в осознании угроз международному миру и безопасности, новой оценке

8 Итоговый документ Всемирного саммита ООН 2005 г. Принят резолюцией № 60/1 Генеральной Ассамблеи ООН от 16 сентября 2005 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/outcome2005_ch3.shtml

9 Nagan Winston. Hammer Craig. The New Bush National Security Doctrine and the Rule of Law // Berkeley Journal of International Law. Volume 22. Issue 3. Article 3. 2004. – P.390-400.

10 Mary Ellen O'Connell. The Myth of Preemptive Self-Defense. The American Society of International Law. 2002. С. 23.

международного терроризма. Террористические атаки 11 сентября изменили «ландшафт» международного права, сделав обоснованными заявления некоторых ученых и практиков о том, что многие правила и институты международной безопасности устарели. Стало быть, перед теорией и практикой международного права встали новые задачи¹¹.

Вышеизложенное вынуждает нас, отечественных ученых, кропотливо исследовать вопросы, возникающие в связи с новым толкованием вопроса применения силы (концепция упреждающего удара, вооруженное вмешательство, превентивное применение силы) и поиском возможных решений повышения эффективности работы Совета Безопасности ООН.

2. Статус негосударственных участников в международном праве

Итак исключительно актуальной стала проблема трактовки принципа самообороны от неизбежного или реально-го вооруженного нападения со стороны негосударственных факторов¹². Между тем, обязательство воздерживаться от использования силы или угрозы силой признано основным принципом международного права¹³. Борьба с международным терроризмом, что осуществляют террористы–негосударственные участники, также вызвала новое понимание права на самооборону. Раньше считалось, что применение силы в порядке самообороны возможно лишь при нападении одного государства на другое.

Существенный рост числа негосударственных участников в международных правоотношениях происходит в результате новых вызовов и угроз международной безопасности со стороны террористических группировок, активно изучаемых в современной доктрине международного права. В этих условиях необходимо определить статус негосударственных участников в контексте существующих правил общего международного права, заново взглянуть на основные теоретические аспекты и доктринальные подходы в науке международного права, связанные с определением правосубъектности негосударственных участников международных правоотношений¹⁴.

Новые вызовы международному праву как целостной системе связаны с возрастающим присутствием на международной арене и активным участием в международных отношениях негосударственных участников, деятельность которых непосредственно затрагивает отношения, регулируемые международным правом. В литературе международное публичное право (МПП), как правило, называется просто международное право, то есть под международным правом всегда подразумевается МПП.

Субъекты международного права сами создают нормы международных правоотношений и сами обеспечивают их выполнение. При этом суверенные государства были и остаются основными субъектами международного нормотворчества и гарантами выполнения международных правовых установок. Именно в результате совместных усилий суверенных государств устанавливается международный правопорядок, а так-

же правила и рамки поведения негосударственных участников международных правоотношений.

Международные отношения не в полной мере регулируются международным правом. То есть не все участники международных отношений могут быть субъектами международных правоотношений, регулируемых международным правом. По мнению некоторых авторов, вооруженное нападение является одной из форм нарушения обязательства не применять силу и угрозу силой в международных отношениях, стало быть запрет на применение силы (ст. 2.4 Устава ООН) распространяется лишь на межгосударственные отношения. Поэтому международные террористические группировки по определению не могут находиться в орбите международного права¹⁵.

В новых условиях необходимо: определить сферу деятельности негосударственных участников (факторов), которая оказывает доминирующее влияние на функционирование целостной международно-правовой системы; понять и показать, каким образом негосударственные участники международных отношений соответствуют существующим международным правовым теориям и практике; теоретически обосновать положения, сопряженные с международной правосубъектностью негосударственных участников (факторов) международных отношений.

В целом к негосударственным участникам в международно-нормативной системе право международной безопасности относит незаконные вооруженные формирования и террористические группы, участников вооруженных конфликтов, участников внутренних вооруженных конфликтов международного и немеждународного характера. То есть, речь идет о международных правоотношениях, участниками которых является ряд негосударственных участников вооруженных конфликтов, в части, регулируемой международным публичным правом.

Традиционные негосударственные участники вооруженных конфликтов, особенно внутренних вооруженных конфликтов, относящихся в прошлом веке к основным группам негосударственных участников, остаются в орбите международного гуманитарного права, являющегося отраслью международного права.

Международное гуманитарное право – это совокупность принципов, норм и правил, регулирующих поведения сторон вооруженного конфликта с целью облегчить страдания жертв таких конфликтов. Эти нормы изложены в многочисленных многосторонних международных договорах и признаются практически всеми членами мирового сообщества¹⁶.

Особое место среди негосударственных участников занимают частные иностранные военные и охранные предприятия и иностранные граждане, принимающих участие в международных вооруженных конфликтах, в том числе в военных террористических формированиях, допустим в так называемом Исламском государстве (ИГИЛ или ИГ). Речь идет главным образом о проблеме наемничества в международном гуманитарном праве.

Как противоправное деяние наемничество выражается в двуединой юридической формуле: 1) действия, совершенные лично наемником – его личное участие в вооруженном конфликте и связанное с этим положение, состояние; 2) действия,

11 Nagan Winston. Hammer Craig. The New Bush National Security Doctrine and the Rule of Law // Berkeley Journal of International Law. Volume 22. Issue 3. Article 3. 2004. – P. 390-400.

12 Бекашев К. А. Международное право и государства // Евразийский юридический журнал. – 2013. – № 5 (61). – С. 17.

13 См.: Фархутдинов И.З. Международное право о принципе неприменения силы или угрозы силой: история и современность // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 11.

14 Глухенький С. Х. Негосударственные субъекты в международном праве. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – М., – 2011. – С. 12.

15 Туманов Г. К. Правомерность обращения к праву на самооборону в отношении негосударственных акторов в рамках международного права // Право и безопасность. – № 2 (42). – 2012. – С. 53-58.

16 Баттырь В. А. Международное гуманитарное право. – М.: Юстицинформ, 2006. – С.23.

совершенные иными лицами (в связи с использованием ими своего служебного положения) – вербовка, обучение, финансирование, иное материальное обеспечение наемника, его использование в военных действиях. Такое построение позволяет выявить достаточно широкий круг лиц, причастных к наемничеству, установить соучастников противоправного деяния.

Отдельные военизированные лица или группы людей, которые не действуют от имени государства, являются негосударственными субъектами. Они, понятное дело, не действуют под контролем и от имени государства, не являются производными от него, то есть частью (де-факто или де-юре) любого государственного органа, тем самым сохраняя свою идентичность и совершают независимые от государства военные действия, в том числе и террористического характера.

Точное обозначение всех таких негосударственных вооруженных формирований единым понятием является весьма трудной задачей. В прошлом для обозначения таких негосударственных вооруженных формирований применяли термин «повстанцы или иные движения». Данный термин, в частности, закреплен в одном из разделов Проектов статей «Об ответственности государств за международно-противоправные деяния», подготовленных Комиссией международного права ООН» ст. 10 «Поведение повстанческого или иного движения»).

Исторически к негосударственным участникам относились, как отмечается в последующих актах к Женевским конвенциям 1949 г., «народы, которые ведут борьбу против колониального господства, иностранной оккупации или против расистских режимов» (п. 4 ст. 1 Дополнительного протокола I), «антиправительственные вооруженные силы или другие организованные вооруженные группы» (п. 3 ст. 1 Дополнительного протокола II). В других международно-правовых актах и документах, в научной литературе употребляются и другие термины: «мятежники», «вооруженная оппозиция» и т.д. Вооруженные формирования такого рода выступали под различными названиями — «народы, борющиеся против колониального господства», «национально-освободительные движения»; «антиправительственные вооруженные силы», «организованные вооруженные группы», «мятежники», «вооруженная оппозиция», — представляют собой негосударственные вооруженные формирования, чья борьба направлена против действующего правительства и государственных вооруженных сил, подконтрольных этому правительству.

Таким образом, в текущем веке на первое место выдвинулись террористические группировки, действующие на территории другого государства, что потребовало применение силы одним государством против другого государства, откуда происходит угроза со стороны незаконных вооруженных формирований негосударственного характера. Это поставило перед международным правом острый вопрос о применении упреждающей самообороны против негосударственных участников.

3. Международно-правовая интерпретация терактов 11 сентября 2001 года

Ровно 15 лет назад весь мир был поражен и опечален в связи с беспрецедентными взрывами на территории США. Вопрос об ответственности государств за события 11 сентября вызвал множество предположений и споров. Он пронизывает собой дискуссии о законных ответных шагах с точки зрения международного права на события 11 сентября и о том, против кого любые такие шаги должны быть направлены.

Сегодня, думается, нелишне еще раз вернуться к упомянутым выше терактам, которые вызвали волну дискуссий по трактовке такого основного принципа международного права как принцип неприменения силы или угрозы силой. Основные принципы современного международного права в совокупности объединяют всю систему международного права в единое целое, поэтому попытки их ревизии наталкиваются на серьезное доктринальное сопротивление.

По действующему международному праву Совет Безопасности ООН является главным гарантом системы международной безопасности, и все военно-силовые решения должны проводиться через этот главный орган в системе Организации Объединенных Наций.

Как известно, Устав ООН допускает применение силы в следующих случаях: 1) в порядке участия в мерах, принимаемых ООН по решению Совета Безопасности для предотвращения или устранения угрозы миру, нарушений мира или актов агрессии, и 2) в порядке осуществления права на индивидуальную или коллективную самооборону в случае вооруженного нападения (статья 51 Устава).

Но сегодня международное право неумолимо ставит вопрос: санкционировал ли СБ ООН в своих сентябрьских резолюциях 1368 и 1373 применение вооруженной силы на территории другого государства в ответ на теракты 11 сентября 2001 года?

Чтобы получить ответ, необходимо прочесть внимательно Резолюцию №1368 О предотвращении и пресечении террористических актов, которая 12 сентября 2001 года на 4370-м заседании была принята единогласно Советом Безопасности.

В преамбуле этого принципиально важного международно-правового акта, как это принято, подтверждаются цели и принципы Устава ООН, выражается решимость всеми средствами бороться с угрозами для международного мира и безопасности, вызываемыми террористическими актами, признается неотъемлемое право на индивидуальную или коллективную самооборону в соответствии с Уставом. Обратим особое внимание, что подтверждение права на самооборону содержалось здесь, в преамбуле, а не в постановляющей части резолюции.

В постановляющей части Резолюции № 1368 12 сентября 2001 года, принятой, заметим, уже на другой день после терактов, Совет Безопасности безоговорочно осуждает самым решительным образом ужасные террористические нападения, которые были совершены 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке, Вашингтоне (округ Колумбия) и Пенсильвании, и считает такие действия, как и любой акт международного терроризма, угрозой для международного мира и безопасности (п.1); выражает свое глубочайшее сочувствие и соболезнования жертвам и их семьям, а также народу и правительству Соединенных Штатов Америки (п.2); затем призывает все государства срочно предпринять совместные усилия для того, чтобы предать правосудию исполнителей, организаторов и спонсоров этих террористических нападений, и подчеркивает, что те, кто оказывал помощь исполнителям, организаторам и спонсорам этих актов, поддерживал или укрывал их, понесут ответственность за это (п.3).

В пункте 4 СБ ООН призывает также международное сообщество удвоить свои усилия по предотвращению и пресечению террористических актов, в том числе путем расширения сотрудничества и обеспечения полного осуществления соответствующих международных антитеррористических конвенций и резолюций Совета Безопасности.

В пункте 5 выражает свою готовность предпринять все необходимые шаги, с тем чтобы отреагировать на террористические нападения, совершенные 11 сентября 2001 года, и вести борьбу со всеми формами терроризма.

И завершающий п. 6 преамбулы постановляет продолжать заниматься этим вопросом. Может ли преамбула резолюции 1368(2001) толковаться как санкционирующая применение вооруженных сил Соединенными Штатами против Афганистана в ответ на теракты 11 сентября? Как видите, в тексте данного международно-правового акта не говорится прямо об этом.

Противники применения антитеррористических мер выставляют следующие контраргументы:

Во-первых, это должны быть самооборонные меры в ответ на вооруженное нападение, т. е. угроза должна быть непосредственной. Следовательно, о правомерности применения превентивных мер в обход СБ ООН речи быть не может.

Во-вторых, такие меры могут осуществляться до тех пор, пока СБ ООН не примет мер, необходимых для поддержания международного мира и безопасности.

В-третьих, меры, предпринятые государством - членом ООН, при осуществлении права на самооборону должны быть немедленно сообщены СБ ООН и никоим образом не должны затрагивать полномочий и ответственности СБ ООН.

В-четвертых, применяемые меры должны быть соразмерны угрозе.

Преамбула резолюции Совета Безопасности 1368 вызывает наибольшие разногласия в международно-правовой доктрине. Здесь утверждается «неотъемлемое право на индивидуальную или коллективную самооборону». По мнению авторитетного отечественного юриста-международника О. Н. Хлестова, в резолюции 1368 Совет Безопасности уполномочил США на применение вооруженных сил в порядке самообороны¹⁷. Резолюция 1368 имела своей целью только побудить США к сотрудничеству, отмечает американский исследователь М. Байерс¹⁸. Логична и научная позиция египетского исследователя Дж. Али-Сааба относительно того, что «после 11 сентября Совет Безопасности констатировал существование угрозы международному миру и безопасности в связи с нападением на США, а ввиду высокого уровня опасности и способности к разрушению, которую представляет собой международный терроризм»¹⁹.

Но положения резолюции 1368, судя по ее тексту, формально не могут быть интерпретированы как санкционирующие применение вооруженных мер на территории Афганистана в соответствии с главой VII Устава Организации Объединенных Наций. Тем более были использованы все методы мирного урегулирования проблемы в Афганистане до начала применения вооруженной силы. США прибегли к односторонним мерам в нарушение норм международного права. Санкция Совета Безопасности должна быть дана в форме решения или рекомендации, т. е. находиться в основной части

резолюции. Упоминание в преамбуле резолюции 1368(2001) права на индивидуальную и коллективную самооборону не может быть истолковано в качестве передачи полномочий.

Идем далее, что же мы читаем в полном тексте второго акта СБ ООН по событиям 11 сентября Резолюции 1373 28 сентября 2001 года?

Во-первых, данный международно-правовой акт подтверждает резолюцию 1368 от 12 сентября 2001 года. В преамбуле признается необходимость того, чтобы государства в дополнение к международному сотрудничеству принимали дополнительные меры с целью предотвращения и пресечения на своей территории, с использованием всех законных средств, финансирования и подготовки любых актов терроризма. В своей резолюции 1373 СБ ООН, инкорпорированной в национальную правовую систему путем принятия Указа Президента Российской Федерации от 10 января 2002 года № 6 «О мерах по выполнению резолюции Совета Безопасности ООН 1373 от 28 сентября 2001 года», вновь подтвердил провозглашенный ГА ООН в ее Декларации и поддержанный СБ ООН в его резолюции 1189 от 13 августа 1998 года принцип, заключающийся, в частности, в том, что каждое государство-член обязано воздерживаться от организации подстрекательства, оказания помощи или участия в террористических актах в другом государстве или от потворствования организационной деятельности в пределах своей территории, направленной на совершение таких актов.

Таким образом, СБ ООН в преамбуле указанных резолюций 1368 и 1373 определил наличие угрозы международному миру и безопасности. Безусловно, эти две резолюции СБ ООН приравнивали международный террористический акт к вооруженному нападению на государство. А можно ли смело утверждать, что это именно в смысле статьи 51 Устава ООН, подтвердив тем самым право на самооборону при нападении негосударственного субъекта? Если прислушаться к Д. Боуэту: «право на самооборону устанавливает главное, если не единственное исключение из общего запрещения применения индивидуальной силы», то это допустимо²⁰.

Но согласно доктрине международного права главный орган этой ведущей универсальной международной организации не мог санкционировать США на применение военных мер в порядке самообороны, в данном случае, на территории Афганистана. Является аксиомой, что СБ лишь дает оценку правомерности ответных действий, предпринимаемых государством-жертвой. Последнее несет перед ним полную ответственность за содеянное в ходе самообороны.

О глобальных усилиях по борьбе с терроризмом – так озаглавлена резолюция Советом Безопасности ООН 1377 от 12 ноября 2001 года. В своей преамбуле документ гласит «акты международного терроризма являются вызовом всем государствам и всему человечеству». Данное положение может быть истолковано, как считают некоторые, как подразумевающее не только общую заинтересованность, но и возможность односторонних действий любого государства. Хотя с точки зрения доктрины, такого рода методологический подход, считают многие, нарушает общие правила толкования международных договоров, закрепленные в статье 31 Венской конвенции по праву международных договоров, которая предусматривает необходимость учитывать контекст, объект и цели договора. Формулировки резолюций СБ в сфере борьбы с терроризмом

17 Хлестов О. Н. Международно-правовые аспекты борьбы с терроризмом // Российский ежегодник международного права. – СПб.: Россия-Нева, 2002. – С. 310; Хлестов О. Н., Мышляева М. Л. Вооруженная борьба против международного терроризма // Московский журнал международного права. – 2001. – № 4. – С. 41., С. 18.

18 Byers M. Terrorism, the Use of Force and International law after 11 September 2001 // International and Comparative Law Quarterly. V. 51 (April 2002), Part. 2. – P. 413.

19 Ali-Saab G. The Proper Role of International Law in Combating Terrorism // Chinese Journal of International Law. V. 1 (2002). N 1. P. 310; See also: Ratner S. R. Notes and Comments // American Journal of International Law. V. 96 (2003) – № 4. – P. 902.

20 Bowett D. Self-Defense in International Law. – London, 1958. Springer. – P. 294.

должны рассматриваться без отрыва от контекста соответствующей резолюции, а также иных документов в данной области.

Стало быть, добросовестное толкование указанных резолюций не подтверждает права США на нападение, конкретно на Афганистан применять самооборону против негосударственных участников, то есть террористов, окопавшихся на территории этой страны. Уважаемая Википедия ошибочно пишет: «Международные силы содействия безопасности в Афганистане действуют в соответствии с резолюцией № 1386 Совета Безопасности ООН от 20 декабря 2001 год».(?)

В свете вышеизложенного обоснованной представляется позиция некоторых исследователей относительно того, что «после 11 сентября Совет Безопасности констатировал существование угрозы международному миру и безопасности не в связи с нападением на США, а ввиду высокого уровня опасности и способности к разрушению, которую представляет собой международный терроризм»²¹.

В многочисленных резолюциях СБ ООН (резолюции 1368 (2001), 1373 (2001), 1438 (2002), 1440 (2002), 1456 (2003), 1611 (2005)) терроризм определен в качестве угрозы международному миру и безопасности. Но квалифицируют ли они акты международного терроризма в качестве вооруженного нападения? Могут ли крупные теракты быть приравнены к вооруженному нападению по смыслу ст. 51 Устава ООН? Может ли террористическое нападение негосударственных участников являться основанием для самообороны согласно ст. 51 Устава ООН?

В двух анализируемых выше международно-правовых актах, имеющих, кстати, общеобязательный характер, СБ ООН не расширил диапазон применения государствами принципа о применении силы и угрозы силой, поскольку он ограничен требованиями непосредственности, необходимости и пропорциональности²².

Анализируя борьбу с терроризмом после 11 сентября, в особенности военные действия США против Афганистана, необходимо ответить на следующие вопросы: 1. Имело ли место вооруженное нападение? 2. Кто несет ответственность за террористические акты 11 сентября? 3. Насколько правительство Афганистана было вовлечено в их совершение? 4. Правомерно ли было применение силы в форме самообороны и соответствуют ли действия, предпринятые США, требованиям самообороны? 5. Правомерно ли свержение правительства Афганистана?

Попробуем ответить на эти вопросы, причем не только в этом, но и в последующих разделах.

Что же понимается под определением вооруженное нападение, и имело ли оно место 11 сентября?

Наиболее серьезные и типичные акты агрессии, перечисленные в ст. 3 Определения агрессии 1974 г., составляют содержание вооруженного нападения. В частности, статья 3(п. 3) утверждает: а) вторжение или нападение вооруженных сил государства на территорию другого государства или любая военная оккупация, какой бы временный характер она ни носила, являющаяся результатом такого вторжения или нападения.

До анализируемых событий обычно под агрессией понималось покушение на территориальную целостность или политическую независимость государств. В доктрине междуна-

родного права сложилась такая точка зрения, подтвержденная также решением Международного Суда ООН по делу «Никарагуа против США», принятым 27 июня 1986 г.

Печально, но факт, государства и в прошлом не стеснялись от использования экстерриториальной силы против негосударственных субъектов и, возможно, даже с добавленной силой, продолжают делать это сегодня. Независимо от возражений может быть поднят, то маловероятно, что действия такого рода полностью прекратятся в ближайшее время.

После принятия Устава ООН государства многократно прибегали к самообороне в ответ на террористические нападения или нападения антиправительственных вооруженных групп с территории другого государства. Однако в большинстве случаев в качестве оправдания приводилось право на самооборону против тех государств, которые поддерживали террористов. Согласно Доклада Группы высокого уровня (п. 186), первые 44 года существования ООН государства-члены часто нарушали эти правила и применяли военную силу буквально сотни раз: Совет Безопасности принял очень мало резолюций, основанных на гл. VII, а ст. 51 редко выполняла роль убедительного прикрытия.

В США еще задолго до событий 11 сентября 2001 г. был принят ряд постановлений, допускающих вторжение в пределы территории иностранных государств в целях захвата террористов, для поиска и уничтожения там террористов, проведения расследования совершенных преступлений на территории иностранных государств, а также применения вооруженных сил США против государств, где находятся террористы. Верховный Суд США постановил, что американское правительство имеет право задерживать за пределами США лиц, разыскиваемых американским правосудием, и тайно вывозить на территорию США. Акты террора впервые стали рассматриваться как вооруженное нападение в США. Эта позиция преобладает среди американских авторов и в настоящее время. Они признают возможность квалификации актов международного терроризма как актов косвенной агрессии на основании наличия поддержки со стороны государств.

Послушаем критиков упреждающей самообороны по изучаемым событиям. Во-первых, террористы, ответственные за угон четырех американских самолетов, не являются гражданами Афганистана. Их поддержка со стороны Талибан, который контролировал тогда значительную часть Афганистана, не нарушает международно-правовые обязательства официального Кабула в соответствии с принципами ответственности государств. Во-вторых, отсутствуют доказательства поддержки террористов со стороны государства.

Показательным в плане высокомерного отношения к своим международным договорным обязательствам является тот факт, что США не сделали попытки провозгласить наличие санкции Совета Безопасности на проведение в Афганистане военной операции в соответствии с главой VII Устава ООН.

На момент принятия резолюций не был известен исполнитель террористических актов, а следовательно, СБ ООН не мог заочно санкционировать вооруженные действия против неизвестного субъекта, не оценив всех обстоятельств. То есть ответить на вопрос, кто несет ответственность за террористические акты 11 сентября, тогда было невозможно. Поэтому превентивные и предупредительные удары не могут однозначно оправдываться в рамках международного права²³.

21 Ratner S. R. Notes and Comments // American Journal of International Law. V. 96 (2003), № 4. P. 902; Ali-Saab G. The Proper Role of International Law in Combating Terrorism // Chinese Journal of International Law. V. 1 (2002). № 1. P. 310.

22 Cohan John Alan. The Bush Doctrine and the Emerging Norm of Anticipatory Self-Defense in Customary International Law P. 241.

23 See: Anthony Clark Arend & Robert J. Beck, International Law and the Use of Force: Beyond the U. N. Charter Paradigm 72-74 (1993).

Соединенные Штаты потерпели сокрушительное нападение 11 сентября 2001 г. Тем не менее, нападение на Афганистан, по мнению многих специалистов, не был правомерным ответом.

Итак, резолюции СБ ООН, принятые после террористических актов 11 сентября 2001 года, уже 15 лет продолжают вызывать споры. Напомним, в преамбуле резолюции 1368 (2001) СБ ООН признается неотъемлемое право на индивидуальную и коллективную самооборону в соответствии с Уставом, а в преамбуле резолюции 1373 (2001) указывается на необходимость бороться всеми средствами в соответствии с Уставом с угрозами для международного мира и безопасности, создаваемыми террористическими актами. В статье 2 (b) резолютивной части документа призывается принимать все необходимые меры в целях предотвращения террористических актов.

Как отмечается американским автором А. Бали, атаки 11 сентября продемонстрировали наличие серьезных пробелов в международном праве:

1) отсутствие всеобъемлющей международно-правовой базы, регулирующей сотрудничество по борьбе с международным терроризмом;

2) отсутствие адекватной системы международных уголовных органов, которые могли бы рассматривать серьезные нарушения норм международного уголовного права, совершенные негосударственными факторами международного права;

3) отсутствие достаточных международно-правовых механизмов для надзора за преследованием и наказанием этих негосударственных субъектов;

4) отсутствие международных полицейских сил и соответствующих многосторонних договоров о сотрудничестве, которые позволили бы осуществлять сбор, обмен информацией и способствовать предотвращению преступлений²⁴.

Понятное дело, что от организаторов, пособников и подстрекателей сразу после 11 сентября на территории США и след, как говорится, протык.

Нельзя подвергать сомнению одно: Совет Безопасности недвусмысленным образом охарактеризовал теракты 11 сентября как «вооруженное нападение» в соответствии со статьей 51 Устава ООН. Трудно, да и невозможно согласиться, что «международное право – не самоубийственный пакт», и оно должно допускать подобные односторонние меры, если они абсолютно необходимы для обеспечения выживания населения целевого государства²⁵.

4. Самооборона против негосударственных участников

После террористических нападений 11 сентября 2001 года различные международно-правовые аспекты применения вооруженной силы или угрозы силой получили новые акценты. На смену правового запрета войны приходит новая доктрина «превентивной» войны как способа устранения международных угроз. Помимо устоявшихся критериев крайней необходимости и соразмерности, при принятии решения об одностороннем упреждающем применении военной силы необходимо учитывать положение о минимальном вторжении в сферу применения принципа территориальной неприкос-

новенности, а также об ограниченности цели удара, которой может быть только источник угрозы, и о сопредельности территории, на которой этот источник находится.

Согласно классическому международному праву, существует разница между упреждающим ударом (с целью самообороны при наличии явной и неминуемой угрозы) и превентивным (предвосхищающим) ударом по источникам грозящей угрозы. В первом случае военные действия международными нормами допускаются, а во втором — являются их нарушением. Если строго формально следовать статье 51 Устава ООН, то превентивные удары являются нарушением международного права, хотя об этом прямо не говорится.

До недавнего времени существовали две точки зрения на содержание указанного права: буквальное толкование ст. 51 Устава ООН, в соответствии с которой исключается любая самооборона, если она осуществляется не в ответ на вооруженное нападение, и расширительная интерпретация, допускающая самооборону перед лицом нависшей над государством угрозы вооруженного нападения.

Какие террористические акты будут рассматриваться как вооруженное нападение на государство и, следовательно, давать право на самооборону?

По мнению многих, ответное применение силы может быть оправдано лишь нападением, направленным против территориальной целостности или политической независимости государства, однако некоторые полагают, что для этого достаточно нападения против его граждан.

Для того, чтобы избежать возможной путаницы, необходимо разобраться в терминологии. В английском языке термин «упреждающая» переводится как «preemptive», а «превентивная» — «preventive» и обозначает разное: упреждение считается как ликвидация непосредственной или близкой угрозы, а превенция трактуется как ликвидация угрозы, которая только формируется. Б.Р. Тузмухамедов разъясняет, в частности, что под упреждающим (preemptive) применением военной силы следует понимать противодействие неминуемой и очевидной угрозе, а под превентивным (preventive) — воздействие по потенциальному и прогнозируемому ее источникам²⁶.

Часто употребляемый в англоязычной литературе термин «anticipatory self-defense» используется для обозначения либо упреждающей самообороны, либо, реже, обоих указанных выше видов самообороны.

Существует понятие, близкое к понятию «превентивное нанесение удара», а именно «упреждение силы» или «упреждающее нанесение удара». Термины не стоит смешивать, так как они отражают разные понятия, хотя грань зачастую трудно различима. «Превентивные меры» против «превентивной самообороны» относятся к осуществлению самообороны в связи с угрозами нападения, которые несколько более отдалены во времени, но, тем не менее, проявляются или, по крайней мере, являются достаточно вероятными в сложившихся на данный момент обстоятельствах.

Понятия «упреждающая самооборона» или «упреждающие действия» применимы к обоим вариантам. Ни один из этих терминов не предназначен для обозначения действий, предпринятых в ответ на простую возможность нападения в какой-то неопределенный момент в будущем в ответ на угро-

24 See: Bali A. Stretching the Limits of International Law: The Challenge of Terrorism // 1LSA Journal of International and Comparative Law. V. 8 (Spring 2002), N 2. P. 405—406. P. 408.

25 См. Louis Rene Beres, On International Law and Nuclear Terrorism, 24 Ga. J. Int'l & Comp. L. 1, 31(1994).

26 Тузмухамедов Б. Р. Упреждающее применение силы: возможные критерии допустимости Российский ежегодник международного права. 2005. СПб.: «Россия-Нева», 2006; Он же. Упреждение силой: «Каролина» и современность Россия в глобальной политике. 2006. № 2.

зу, которая до сих пор не проявлялась в любом существенном смысле. Современный уровень вооружений свидетельствует не в пользу упреждающей самообороны, делает необходимым, по мнению И. Динштейна, «узкое» толкование права на самооборону во избежание возможных злоупотреблений²⁷.

Классическое международное право однозначно выступало за то, что совершить вооруженное нападение на одно государство может только другое государство (или группа государств). Стало быть, нести международно-правовую ответственность может также только государство. То есть самооборона может быть применена одним государством в случае вооруженного нападения другого государства. Согласно классическому международному праву, существует разница между упреждающим ударом (с целью самообороны при наличии явной и неминуемой угрозы) и превентивным (предвосхищающим) ударом по источникам грозящей угрозы. В первом случае военные действия международными нормами допускаются, а во втором — являются их нарушением. Если строго следовать статье 51 Устава ООН, то превентивные удары являются нарушением государственного суверенитета. М. В. Райсман полагает, что внимание, уделяемое государственному суверенитету, ограничивает способность мирового сообщества в сфере борьбы с терроризмом²⁸.

Международно-правовые меры об использовании защитной силы против негосударственных субъектов до сих пор остаются дискуссионными. Продолжающиеся военные операции в Сирии не решили, а скорее обострили неясности и противоречия в этой области. Для многих юристов-международников, на смену первоначальной инстинктивной реакции, заключает американский специалист Моника Хакими, пришло осмысленное толкование правовых норм. Поскольку государства не объединились для установления правового стандарта регулирования параметров самообороны, каждый из правовых позиций по-прежнему в игре, и может быть использовано как правомерное для применения в будущем²⁹.

Международные террористические акты совершаются отдельными лицами или террористическими организациями. Остается не ясным, кем в таком случае осуществляется вооруженное нападение, и против кого будут направлены действия в случае самозащиты? Кроме того, вопрос о санкциях против государств за совершение акта прямой или косвенной агрессии регулируется Уставом ООН, который закрепляет главную роль за Советом Безопасности при квалификации акта агрессии и определении мер против государства-нарушителя.

Критерий необходимости ответного военного удара является основополагающим принципом самообороны. В этом плане Генеральный секретарь ООН, в докладе, подготовленном для обсуждения на встрече на высшем уровне в сентябре 2005 г., имел все основания высказать следующее: «неминуемые угрозы полностью охватываются статьей 51, которая гарантирует неотъемлемое право суверенных государств на самооборону от вооруженного нападения».

Оборона выступает как некое исключение из общей для всех государств обязанности уважать территориальную целостность других государств, причем это — единственное исключение из запрета на несанкционированное ООН приме-

нение силы. Сущность обороны, как следует из смысла этого слова, связана с защитой в противоположность ответному или карательному действию. Этим допустимая оборона отличается от запрещенных репрессалий. «С точки зрения международного общения принуждение должно прекратиться, если нарушенное право восстановлено или дано требуемое удовлетворение. Борьба для борьбы немыслима и преступна»³⁰.

Правомерность применения силы определяется правилами ведения военных действий (*'jus ad bellum*) в соответствии с международным гуманитарным правом, являющимся важным разделом в международно-нормативной системе. Действующие нормы, определяющие правомерность применения военной силы в целях самозащиты, содержатся в Уставе ООН и нормах обычного международного права.

К моменту учреждения Устава ООН классическое международное право претерпело серьезную, добавим, зигзагообразную эволюцию. Традиционные правовые понятия, такие как «справедливая война» или «законные репрессалии», радикально трансформировались под воздействием учредительных документов ООН, которые резко ограничили обстоятельства, допускающие законное применение силы.

Нормы международного права всегда исходили из предположения, что споры и их разрешение происходят именно между государствами или между теми, кто действует от их имени. С одной стороны, ни положения Устава, ни обычное право не требуют доказательства участия государства в совершенном вооруженном нападении в качестве обязательного условия. Но после террористических нападений 11 сентября 2001 года на территории США различные международно-правовые аспекты применения вооруженной силы или угрозы силой против негосударственных участников получили новое звучание.

Могут ли экстерриториальные принудительные меры в отношении негосударственных субъектов считаться правомерной самообороной в соответствии с международным правом? В соответствии с принципом о применении силы или угрозы силой, выступающим одним из основных принципов международного права, государство, являющееся объектом угрозы, может предпринять военные действия, если угроза нападения является непосредственной, никакие другие средства не позволяют устранить ее, а действия соразмерны реальной угрозе. Проблема возникает в ситуации, когда угроза не носит непосредственного характера. В данном случае речь идет о критерии правомерности ответных вооруженных мер на теракт.

Сторонники же возможности применения самообороны против негосударственных участников обосновывают свою позицию, ссылаясь на практику США и ряд резолюций СБ ООН и ГА ООН, а также на толкование Устава ООН в свете новых реалий международной жизни (в частности, новых угроз и вызовов, особенно появления так называемых «несостоявшихся государств»).

Представляется, что необходимо избегать злоупотреблений при толковании права на самооборону, и четко определить:

1. Какие террористические акты будут рассматриваться как вооруженное нападение на государство и, следовательно, давать право на самооборону;
2. Временные рамки для нанесения ответного вооруженного удара;

27 Dinstein Y. War, aggression and self-defense. Cambridge: Grotius Publications, 1994. P. 175—17

28 Reisman W. M. International Legal Responses to Terrorism // Houston Journal of International Law. V. 22 (Fall 1999), № 1. P. 51, 60.

29 Hakimi Monica. Defensive Force against Non-State Actors: The State of Play//International Law Studies. U. S. Naval War College. Volume 91/2015.P.4-7.

30 Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов. — СПб., 1905. — С. 484.

3. При какой степени вовлеченности государства, где находится место дислокации террористической организации, возможно вторжение в это государство³¹.

Сразу оговоримся насчет временных рамок для нанесения ответного вооруженного удара. Вооруженные действия США против Афганистана были начаты почти через месяц после того, как нападение уже было совершено. И, главное, не существовало каких-либо убедительных доказательств вероятности повторения атак.

Классическое международное право признает единственным правомерным основанием самообороны свершившееся вооруженное нападение. Все остальные ситуации, в частности угрозы нападения, дают лишь основание отдельным государствам для обращения к невоенным средствам и повышения собственной обороноспособности, а также могут являться основанием для применения коллективных мер по решению Совета Безопасности.

Итак, какие террористические акты будут рассматриваться как вооруженное нападение на государство и, следовательно, давать право на самооборону?

Тут проблем не возникает. В многочисленных резолюциях СБ ООН (резолюции 1368 (2001), 1373 (2001), 1438 (2002), 1440 (2002), 1456 (2003), 1611 (2005)) международные теракты оценены как угроза международному миру и безопасности, а также квалифицированы как основа для признания актов международного терроризма в качестве вооруженного нападения.

Практика Международного Суда ООН указывает, что самооборона может быть применена только в случае нападения одного государства на другое³². Устав ООН разрешает государствам применять только самооборону в ответ на вооруженное нападение, а превентивные меры относит к исключительной компетенции СБ ООН. Неотъемлемое право государств на самозащиту утверждается в статье 51 Устава Организации Объединенных Наций», если произойдет вооруженное нападение» формирует исключение из общего запрета на применение силы в соответствии со статьей 2 (4). Может ли государство, не обращаясь в СБ ООН, ссылаться в этих обстоятельствах на право заранее предпринять действия в порядке самообороны, причем не только упреждающие действия (в отношении непосредственной или близкой угрозы), но и превентивные действия (в отношении угрозы, не являющейся непосредственной или близкой)?

Не все участники международных отношений могут быть субъектами международных правоотношений, регулируемых международным правом. А как же насчет террористических групп? Что говорит международное право о применении принципа самообороны против негосударственных участников?

В качестве третьего аргумента сторонники этой позиции указывают, что в Уставе ООН нигде не существует запрета на самооборону против негосударственных участников, а с учетом новых вызовов и угроз даже необходимо разрешить прибегнуть к такой самообороне.

Нынешние операции в Сирии акцентируют, утверждает Моника Хакими, три ранее существовавшие тенденции. Во-первых, утверждение о том, что международное право ка-

тегорически запрещает использование защитной силы против негосударственных субъектов, теряет юридическую силу. Это утверждение становится все труднее поддерживать. Во-вторых, государства не объединились вокруг правовой нормы, которая утверждала бы, что применение такой силы является законным. Большинство государств, по ее мнению, занимали противоречивую позицию или не определились по этому вопросу, и отказались заранее занять определенную правовую позицию. В-третьих, эта амбивалентность способствовала значительному разрыву между нормами, которые широко сформулированы в качестве закона и те, которые отражают оперативную практику.³³

В настоящее время в доктрине пока нет четких и общепринятых международно-правовых установок относительно деятельности негосударственных участников с точки зрения международного права. Не определен объем прав и обязательств негосударственных участников, наличие у негосударственных участников прав и обязательств на основе современного международного права, стало быть наличие у них определенной международной правосубъектности. Хотя в исторической доктрине международного права, чьи корни уходят к Гуго Гроцию, подчеркивается, что государство может реагировать как на ожидаемое, так и имеющее место причинение вреда в рамках международного права³⁴.

В соответствии со статьей 51 Устава, самооборона может быть вызвана только, если произойдет вооруженное нападение. То есть следует выяснить, идет ли речь о самообороне? Первый вопрос нуждается в рассмотрении, является ли действия негосударственного актера вооруженным нападением, которое бы, потенциально, привело бы к возникновению последующего права на самооборону. Существует точка зрения, что вооруженное нападение должно означать вмешательство государства, или, что самооборона может быть принята только в ответ на нападения со стороны государства или групп, действующих от его имени.

Позиция Международного Суда раскрыта в консультативном заключении относительно правовых последствий строительства стены на оккупированной палестинской территории.

«В связи с признанием Советом Безопасности ООН за США права на самооборону в связи с террористическими нападениями 11 сентября, необходимо, чтобы в свете толкования статьи 51 Устава ООН Совет Безопасности четко определил, совершение каких террористических актов дает право на самооборону, устанавливая строгие временные рамки и ставил осуществление этого права под строгий контроль со стороны Совета» – такое заявление было сделано Российской ассоциацией международного права в 2002 г.³⁵

По мнению некоторых специалистов, трудность в определение понятий «терроризм» и «войны с терроризмом», позволяет легко манипулировать этими категориями. Подход здесь основывается не на риторике терроризма, а о фактическом и видимом явлении экстерриториального применения силы в отношении негосударственных субъектов. Хотя это, вероятно, охватывают многие экстерриториальные операции, принятые под заголовком борьбы с терроризмом, вопрос о том, соглас-

31 Синицына Ю. В. Правомерность применения права на самооборону против террористической угрозы в контексте статьи 51 Устава ООН // *Право.ру*. – 2009. – № 4. – С. 183-188., С.5-6.

32 Консультативное заключение относительно правовых последствий строительства стены на оккупированной палестинской территории (2003 г.); дело о Военных действиях на территории Конго (ДРК против Уганды) (2005г.).

33 Hakimi Monica. *Defensive Force against Non-State Actors* Vol. 91. P. 8-9.

34 Cohan John Alan. *The Bush Doctrine and the Emerging Norm of Anticipatory Self-Defense in Customary International Law*. P. 241.

35 Заявление Российской ассоциации международного права о международном терроризме // *Московский журнал международного права*. – 2002. – № 2. – С. 226.

ны ли на его имя государства или комментаторов тогда не решающий вопрос. Вооруженное нападение по своей сути является нарушением принципа о применении силы или угрозы силой, являющегося одним из основных принципов международного права. Международный суд ООН по делу Никарагуа против США установил некоторые признаки вооруженного нападения, а также принципы пропорциональности и соразмерности, которыми необходимо руководствоваться при обращении к самообороне.

Как определить границы, пределы вмешательства при реализации принципа коллективной самообороны? Конечно, применение силы, по возможности, должно быть пропорциональным, «в ответ на локальный пограничный конфликт нельзя развертывать полномасштабные военные действия», однако, по мнению Игоря Ивановича, на практике практически невозможно реализовать право на самооборону, не нарушив при этом обязательств по Уставу ООН и не превысив пределы самообороны³⁶.

Ноам Любел (Noam Lubel) выделяет, по крайней мере, три возможности относительно законности односторонних и несанкционированных экстерриториальных принудительных мер в свете статьи 2 (4):

1. Меры не противоречат положениям статьи 2 (4);
2. Меры действительно противоречат общим положениям статьи 2 (4), но являются законными в целях самообороны;
3. Меры являются нарушением статьи 2 (4), но оправданы любым другим правилом³⁷.

Иными словами, речь идет о критерии правомерности ответных вооруженных мер на теракт. Особенно важно, чтобы все принимаемые меры самозащиты были абсолютно необходимыми для устранения или противодействия угрозе и ей соразмерными. Критерий правомерности применения самообороны также заключается в разграничении вооруженного нападения от смежных категорий, таких как пограничные и международные инциденты.

Общепринятого определения вооруженного нападения не существует, обычно под этим понимается покушение на территориальную целостность или политическую независимость государства. Употребляя этот термин, имеют в виду значительную серьезность ситуации и исключают понятие «изолированных или спорадических нападений». Однако в своих резолюциях, посвященных событиям 11 сентября, Совет Безопасности вновь подтвердил, что данные события, как и любой акт международного терроризма, представляет собой угрозу международному миру и безопасности и напомнил в этой связи о неотъемлемом праве на индивидуальную и коллективную оборону.

В текущем веке самооборона стала оправданием вооруженных столкновений между государствами. Войны локальные, как правило, между приграничными государствами начались под прикрытием данного положения. В Уставе ООН не проводится различий между ситуациями «угроза миру», «нарушение мира» и «акт агрессии» с точки зрения возможности дальнейшего применения коллективных мер.

Дело в том, что понятия «вооруженное нападение», «агрессия» и «применение силы» частично совпадают, что оставляет лазейку для злоупотреблений. Чтобы избежать риска злоупотребления с использованием доктрины упреждающей самообороны, необходимо применять ее добросовестно и

на основе достоверных данных. Простая замена терминов «косвенная агрессия» на «государственный терроризм» не будет иметь существенного значения для решения проблемы³⁸.

Чтобы не допускать злоупотреблений при применении упреждающей самообороны, должно быть проведено добросовестное изучение на основе достоверных данных сложившейся конфликтной ситуации. Неизбежность самообороны должна доказываться таким образом, чтобы принимать во внимание текущие виды угрозы, и она должна быть применена с учетом конкретных обстоятельств каждого дела.

Критерий неизбежности адекватен требованию необходимости. Применение силы, взятые в целом, не должно быть чрезмерным по отношению к необходимости предотвратить военное нападение или довести атаку до конца. Критерий «неотвратимости и соразмерности», фигурирующий в деле *Caroline*, применим к любым мерам обороны³⁹.

Таким образом, самооборона должна быть необходимой и соразмерной, обусловленной явной связью между целью ударов в ходе военных действий и угрозой, против которой осуществляется самозащита. Можно согласиться с тем, что «в идеальном мире Устава ООН право на самооборону возникает в ответ на вооруженное нападение, и хотя Устав не утверждает однозначно, что такое нападение совершает лишь государство, иного варианта авторы этого договора не предвидели»⁴⁰.

5. Международно-правовая ответственность государства места дислокации террористической организации

По мнению И. И. Лукашука, право международной ответственности представляет собой отрасль международного права, принципы и нормы которой являются как правовыми последствиями международно-противоправного деяния, так и последствиями причинения вреда, возникшего в результате действий, не запрещенных международным правом⁴¹.

Классическое международное право однозначно выступало за то, что государство несет ответственность за деятельность частных лиц только в том случае, если оно само было вовлечено в противоправную деятельность. При этом принципиален, как гласит доктрина, критерий определения связи государства с террористической организацией. Следовательно, если причастность не доказана, неправомерно говорить об акте агрессии со стороны государства, ответственность несут только физические лица. В этом случае ответные действия возможны только в рамках собственной территории пострадавшего государства. Для признания ответных вооруженных мер правомерными необходимо удовлетворение критерия законности.

Но сегодня возобладала новая концепция, которая проходит как бы обкатку. В случае совершения акта международного терроризма государство места нахождения предполагаемых организаторов и исполнителей, обвиняемое в непринятии активных мер по борьбе с терроризмом, теряет

38 Довгань Е. К вопросу о правомерности вооруженных антитеррористических мер в контексте принципа невмешательства во внутренние дела государств // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2003. – № 3. – С. 4.

39 *Caroline Case*. [Correspondence between Great Britain and the United States of America. The Destruction of the Steamboat *Caroline*] Correspondence of March–April 1841–July–August 1842 // *Landmark cases in Public International Law* / Ed. by Eric Heinze & Malgosia Fitzmaurice. London: Kluwer Law International, 1998. P. 1254.

40 Тузмухамедов Б. П. Пределы самообороны. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/2004-09-29/2_predel.html

41 Лукашук И. И. Право международной ответственности. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – С. 34.

36 Лукашук И. И. Международное право. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – С. 286.

37 Noam Lubel. *Extraterritorial Use of Force Against Non-State Actors*.

право осуществления юрисдикции в отношении таких лиц, так как теракты как международные преступления не подлежат национальной юрисдикции отдельных государств, а приобретают международный характер⁴².

Ничто не исключает противоправности любого деяния государства, если это деяние не соответствует обязательству, вытекающему из императивной нормы общего международного права, так утверждает ст. 26 Проекта «Ответственность государств за международно-противоправные деяния»⁴³. Часть 2 ст. 52 проекта гласит, что потерпевшее государство при соблюдении принципа пропорциональности может принимать такие неотложные контрмеры, которые необходимы для обеспечения его прав.

Наступило время определить объективные предпосылки правомерности применения силы против террористических группировок вне национальной территории с точки зрения современной теории и практики международного права. Право на самооборону распространяется только на государства или на — исполнителей и организаторов террористических нападений тоже?

Когда речь идет о самообороне против негосударственных участников, то подразумевается вооруженное нападение на место дислокации террористической организации на территории другого государства, а то двух или более государств. То есть возникает вопрос: может ли потерпевшее государство применять свое право на самооборону против государства места дислокации террористической организации, ответственное за теракты в потерпевшем государстве?

Международный суд ООН по делу Никарагуа против США в своем решении зафиксировал, что вооруженное нападение предполагает не только действия регулярной армии. То есть государство, действующее на территории другого государства, через засылаемые им вооруженные банды наемников, террористов, совершаемые террористические акты, влекущие значительные жертвы среди населения, по смыслу международного права совершают акт агрессии. Соответственно пострадавшее государство имеет право на самооборону согласно статье 51 Устава ООН.

Превентивную войну против государства места дислокации террористической организации начинают, чтобы не дать противнику опомниться после внезапного удара. Из-за угрозы спекуляций превентивными войнами классическое международное право считает эти войны актами агрессии. Порой сложно понять, является война агрессией или превентивными действиями. Превентивный удар предполагает удар по источникам грозящей опасности на территории другого государства. Нанесение упреждающего удара, в свою очередь, предполагает нанесение вооруженного удара при наличии явной, неминуемой угрозы.

При какой степени вовлеченности государства, где находится место дислокации террористической организации, возможно вторжение на территорию, находящуюся под его суверенитетом? То есть ставим вопрос о критерии определения связи государства с террористической организацией.

«Оперативность» является понятием немедленной или непосредственной угрозы нападения в контексте упреждающей самообороны, хотя вторичное внимание будет уделено

термину в качестве одного из условий для осуществления самообороны в более общем смысле⁴⁴.

Декларация ГА ООН «О мерах по ликвидации международного терроризма» от 9 декабря 1994 года констатирует, что государства обязаны воздерживаться от попустительства или поощрения на своей территории деятельности по организации террористических актов на территориях других государств. Декларация ГА ООН «О недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств от 9 декабря 1981 года также определяет обязанность государств обеспечить, чтобы его территория не использовалась каким-либо образом, который нарушал бы суверенитет, политическую независимость, территориальную неприкосновенность и национальное единство или нарушал политическую, экономическую и социальную стабильность другого государства; это обязательство относится также к государствам, на которые возложена ответственность за территории, которым еще предстоит достичь самоопределения и национальной независимости.

В резолюции 1373 (2001 г.) СБ ООН также постановил, что все государства должны не допускать, чтобы те, кто финансирует, планирует, оказывает содействие или совершает террористические акты, использовали свою территорию в этих целях против других государств или их граждан.

Резолюция Совета Безопасности 1377 от 12 ноября 2001 года о глобальных усилиях по борьбе с терроризмом подчеркивает обязанность государств отказывать террористам и тем, кто поддерживает терроризм, в финансовой и любой другой поддержке и предоставлении убежища.

Для надлежащего применения упреждающих мер самообороны принципиальное значение имеет соблюдение или несоблюдение государством, с территории которого исходит террористическая угроза, принципа о невмешательстве во внутренние дела, входящие во внутреннюю компетенцию любого другого государства⁴⁵.

Может ли это право быть осуществлено на территории государства, если оно не может нести ответственность за нападения со стороны негосударственного фактора на территорию другой страны? Что делать, если негосударственная военная группировка имеет свои базы в более чем одном государстве? И, наконец, могут ли быть другие варианты самообороны, которые могли бы позволить экстерриториальное применение силы в отношении негосударственных субъектов? Несмотря на то, будут предлагаться возможные варианты ответов или нет, будет очевидно, что принципы, нормы и правила международного права не всегда сформулированы таким образом, что может обеспечить идеальные ответы.

Пункт 2(b) резолюции 1373(2001): «Совет Безопасности решает также, что государства обязаны предпринимать все необходимые меры в целях предотвращения совершения террористических актов», равно как пункт 1 Декларации по борьбе с терроризмом (резолюция СБ 1456(2003)): «Все государства обязаны предпринимать все необходимые меры в целях предотвращения или подавления всех форм активной

42 Довгань Е. К вопросу о правомерности вооруженных антитеррористических мер в контексте принципа невмешательства во внутренние дела государств. // Белорусский журнал международного права и международных отношений. №3. С. 3.

43 Резолюция ГА ООН 56/83 от 12 декабря 2001 г.

44 Terry D. Gill. The Temporal Dimension of Self-Defense: Anticipation, Pre-emption, Prevention and Immediacy. Chapter 5. //International Law and Armed Conflict: Exploring the Fault lines Essays in Honour of Yoram Dinstein Edited by Michael Schmitt and Jelena Pejic. International Humanitarian Law Series Ninth off Publishers Leiden. Boston, 2007. P. 114.

45 См.: Абашидзе А. Х. Международно-правовые проблемы вмешательства // Московский журнал международного права. – 2006. – № 1. – С. 360-373.

или пассивной поддержки терроризма». Данная проблема неоднократно обсуждалась после принятия Устава ООН на различных уровнях. Однако единогласие относительно правомерности применения силы в случае атаки или угрозы атаки террористической организации в доктрине международного права так и не достигнуто.

Резолюция 1373 (п. 2(b) позволяет двоякую интерпретацию содержания ответных мер. Резолюция 1373 (Пункт 2(d) предусматривает обязанность государств не допускать использование своей территории против других государств и их граждан. Сильные государства могут использовать подобную формулировку для формального оправдания отдельных актов вмешательства. Например, американский исследователь М. В. Райсман особо подчеркивает обязанность государств перед другими странами не допускать деятельность террористических групп на своей территории.

Резолюция ES-10/15 ГА ООН от 20 июля 2004 г. идет несколько дальше. В ней указывается, что все государства имеют право и обязанность принимать согласно международному праву и международному гуманитарному праву меры по борьбе со смертоносными актами насилия, направленными против их гражданского населения, в целях защиты жизни их граждан.

Важным является критерий «непосредственного контроля» со стороны государства, который и определяет степень виновности государства за совершение актов международного терроризма, а, следовательно, правомерность обращения к самообороне. Допустимо, последующее одобрение, выражаемое в том числе молчаливым согласием или отказом предпринимать меры по привлечению к ответственности и ликвидации таких террористических организаций.

По мнению Международного суда (дело «Никарагуа против США» 1986 г.), критерий заключается в том, осуществляет ли данное государство или государства «реальный контроль» над правонарушителями. Международный трибунал для бывшей Югославии дополнил данный критерий требованием наличия «существенного, эффективного и полного контроля» государством над деятельностью таких формирований.

Кроме этого, Международный Суд ООН (Дело о тегеранских заложниках 1979 г.) признал, что доказательством ответственности государства служит последующее одобрение или санкционирование преступных действий. Следовательно, можно сделать вывод, что доказательством ответственности государства за действия террористической организации служит последующее одобрение или санкционирование террористических действий.

Существующая международно-правовая база в рассматриваемой области требует выработки и закрепления конкретных обязательств государств по недопущению использования национальной территории для подготовки к совершению террористических актов на территории другого государства, критериев их оценки и механизмов контроля за такими обязательствами.

6. Превентивная самооборона против террористических группировок: где пределы разумного?

Напомним, ровно год назад, 11 сентября 2001 года террористы «Аль-Каиды» захватили гражданские самолеты и направили их в здания Всемирного торгового центра в Нью-Йорке, а также на Пентагон в Вашингтоне. В результате теракта погибли около 3000 человек. Этот беспрецедентный теракт стал поворотным моментом для пересмотра устоявшихся норм и правил в праве международной безопасности.

Соответствует ли концепция превентивной самообороны против негосударственных факторов современному международному праву?

Чтобы ответить на этот вопрос следовало бы выявить наиболее спорные моменты в вопросе правомерности самообороны в ответ на теракты и определить объективные критерии законности применения силы в борьбе с террористическими группами вне национальной территории, что помогло бы исключить случаи злоупотребления правом на самооборону.

Классическое международное право считает упреждающие военные действия актами агрессии. Согласно недвусмысленной формулировке статьи 51, оборона допустима только «если произойдет вооруженное нападение на Члена Организации». Квалификация международного терроризма как международного преступления влечет ответственность физических лиц за совершение преступлений, но не подразумевает, считает Игорь Иванович, право предпринимать односторонние меры военного характера в отношении суверенных государств. Существование проблемы международного терроризма отнюдь не означает отмену основополагающих принципов международного права, как утверждает в политологической литературе⁴⁶.

Совершение террористического акта не равноценно вооруженному нападению одного государства на другое, дающему государству-жертве право прибегнуть к самообороне. По существу, как считает Международный суд, «государства не имеют права ... на вооруженный ответ на действия, которые не составляют вооруженного нападения со стороны другого государства».

Но международное право не стоит на месте, а наоборот вынуждено развиваться, чтобы давать ответы на острые вопросы в современных международных отношениях.

Как доказывалось выше, требование о наличии «вооруженного нападения» представляет собой самое противоречивое из условий осуществления обороны и высечивает ряд областей, неурегулированных в международном праве.

Действительно, «превентивные меры» относятся к осуществлению самообороны в связи с угрозами нападения, которые несколько более отдалены во времени, но, тем не менее, проявляются или, по крайней мере, являются достаточно вероятными в сложившихся на данный момент обстоятельствах. Фразы «упреждающая самооборона» или «упреждающие действия» применимы к обоим вариантам. Но ни один из этих терминов не предназначен для обозначения действий, предпринятых в ответ на простую возможность нападения в какой-то неопределенный момент в будущем в ответ на угрозу, которая до сих пор не проявлялась в любом существенном смысле.

Сегодня международную ситуацию драматизирует то, что «Стратегия национальной безопасности США» 2002 г. (ее обновлённый вариант в редакции 2006 г.) предусматривает проведение военных операций за пределами их границ, в том числе без санкции Совета Безопасности ООН. Концепция превентивной самообороны (получившая название «доктрина Буша») предусматривает односторонние действия в качестве превентивной самообороны против потенциальной опасности. Во время своего первого срока президент США Джордж Буш – младший (43-й президент США в 2001-2009 годах), представил новую категорию самообороны – упреждающей или превентивной самообороны, которая, как он заявлял, является

46 Лукашук И. И. Терроризм и международное право // Социальные и психологические проблемы борьбы с международным терроризмом. М.: Наука, 2002. С. 120.

ся юридически обоснованной в мире после 11 сентября. Президент Буш впервые упоминал о значимости упреждающей самообороны в обращении к Генеральной Ассамблее ООН 12 сентября 2002 года.

Более того Президент США в необходимых случаях без согласования с конгрессом может принимать решения об использовании вооруженных сил за пределами национальных границ. После событий 11 сентября 2001 г. конгресс США принял Резолюцию J. R.23 «О санкционировании применения вооруженных сил США», имеющую силу закона, в соответствии с которой президенту США предоставлено право использовать всю необходимую военную силу против государств, организаций или отдельных лиц, которые спланировали и осуществили теракты, а также предоставили убежище террористам. Это решение практически сняло все правовые ограничения на масштабы и формы применения американских вооруженных сил властью президента. Более того, согласно Своду законов США (Титул 10, разд. 1453, п. 167) вооруженным силам США предоставлено право осуществлять «рейды возмездия» против государств, поддерживающих международный терроризм, в целях их наказания или упреждения терактов.

СБ ООН в своих сентябрьских резолюциях 1368 и 1373 2001 года приравнял международный террористический акт к вооруженному нападению на государство в смысле ст. 51 Устава ООН, подтвердив тем самым, как считают многие, право на самооборону при нападении негосударственного субъекта.

Устав ООН не исключает, еще раз подчеркнем, возможность осуществления превентивных действий, однако их осуществление возможно только на основании решений СБ ООН, который и определяет существование угрозы, нарушения или агрессии и принимает решение о принимаемых мерах.

Государства - члены ООН, осуществляющие упреждающие и (или) превентивные меры, действуют, как они утверждают, в рамках неотъемлемого права на индивидуальную или коллективную самооборону, единственного случая, предусмотренного Уставом ООН, когда государство имеет право применить силу.

«Право на упреждающую самооборону в ответ на неминуемое вооруженное нападение, по мнению Джейна Стромсета обоснованно укладывается в рамках статьи 51 Устава ООН⁴⁷. Действительно, право на самооборону закреплено в ст. 51 Устава ООН, однако оно не затрагивает превентивные меры. Но вместе с тем в Уставе нет запрета на упреждающие меры самообороны. Учредители ООН не могли предвидеть нападение на государство не другим государством, а негосударственным участником, то есть террористической группировкой. Получается, что они предусмотрели, что Совет Безопасности может принимать квалифицированные решения по любым нарушениям мира и безопасности.

Государство, являющееся объектом угрозы, в соответствии с давно установившейся нормой международного права может предпринять военные действия, если угроза нападения является непосредственной, никакие другие средства не позволяют устранить ее, а действия соразмерны угрозе. Проблема возникает в ситуации, когда угроза не носит непосредственно характера.

Самооборона ни в коем случае не является, считает И. И. Лукашук, исключением из принципа неприменения силы и угрозы силой: «Применение вооруженной силы в порядке самообороны — не исключение из п. 4 ст. 2 Устава ООН, а,

напротив, необходимая мера, направленная на то, чтобы обеспечить соблюдение нормы, согласно которой запрещается использовать вооруженную силу в агрессивных целях»⁴⁸.

Может ли государство, не обращаясь в СБ ООН, ссылаться на право заранее предпринять действия в порядке самообороны, причем не только упреждающие действия (в отношении непосредственной или близкой угрозы), но и превентивные действия (в отношении угрозы, не являющейся непосредственной или близкой)? Да, если есть веские аргументы в пользу превентивных военных действий и веские доказательства в их подтверждение, они должны быть доведены до сведения Совета Безопасности, который может санкционировать такие действия, если сочтет это необходимым.

Основанием для разрешения упреждающих оборонительных мер в этих обстоятельствах является то, что в некоторых случаях государство-жертва не может полагаться по сдерживанию угрозы на государство, где дислоцированы террористы⁴⁹.

Но тем не менее следует еще раз отметить, что в соответствии с Уставом ООН единственным органом, ответственным за поддержание международного мира и безопасности, является Совет Безопасности ООН. Поэтому принятие односторонних мер в обход Совета Безопасности подрывает общепризнанную систему безопасности, нарушает сложившийся мировой порядок и ведет к анархии в международных отношениях. Заявленные же в качестве высшей цели понятия «мир и безопасность», «демократия», «справедливость» не имеют строго установленного правового значения и чересчур открыты для злоупотреблений.

Непосредственная немедленная угроза нападения позволяет государству предпринимать упреждающие меры против реальной опасности со стороны международных террористов. Если существует убедительное свидетельство о существовании вероятной или, в исключительных случаях, даже потенциальной угрозы нападения в обозримом будущем, превентивная угроза допустима. С другой стороны, столь же очевидно, что не следует применять упреждающие действия при отсутствии реальной угрозы нападения. Недопустимы превентивные меры против самой возможности нападения на какой-то неопределенной точке. Именно поэтому «доктрина Буша», оказалась настолько спорной; ее принятие должно полностью переписать правовую систему, регулирующую применение силы⁵⁰.

Нападение 11 сентября 2001 г. и последующая практика диктуют необходимость в прогрессивном развитии международного права. Практика государств после этого знаменует становление в международном праве принципа, в соответствии с которым террористические нападения считаются вооруженным нападением.

Чтобы выйти из этой щекотливой ситуации, Р. Мюллерсон в свое время применение некоего набора гибких руководящих принципов, центральное место в которых будет занимать «понятие оправданности, а не законности» (the concept of

48 Курс международного права. Т. 4 / отв. ред. И. И. Лукашук. – М., 1990. – С. 394.

49 Hakimi Monica. Defensive Force against Non-State Actors Vol. 91 P. 8-9.

50 Terry D. Gill. Chapter 5 The Temporal Dimension of Self-Defense: Anticipation, Pre-emption, Prevention and Immediacy // International Law and Armed Conflict: Exploring the Faultlines Essays in Honour of Yoram Dinstein Edited by Michael Schmitt and Jelena Pejic. International Humanitarian Law Series Ninth off Publishers Leiden. Boston, 2007.

47 Stromseth Jane E. Law and Force after Iraq: a Transitional Moment // American Journal of International Law. Vol. 97 (2003). P. 637.

legitimacy instead of legality). «Они лучше, чем четкие и определенные правила, которые не соблюдаются на практике»⁵¹.

В целом, на смену принципиального запрета войны приходит новая доктрина «превентивной» войны как способа устранения международных угроз. В доктрине международного права широко дискутируется новая форма института самообороны, а именно, превентивная самооборона. Такова логика развития современной глобальной политики. Но ответные вооруженные меры на крупномасштабные террористические акты (по существу речь идет о косвенной агрессии) должны применяться не по усмотрению отдельно взятого государства, а по решению СБ ООН, на основании сведений о контроле, помощи таким террористическим организациям и мер, которые предпринимает названное государство для ликвидации таких террористических группировок.

Сами сегодняшние реалии ставят во весь рост вопрос о том, что масштабные акты международного терроризма, влекущие значительные человеческие жертвы и разрушения, организованные при участии, поддержке или одобрении государства следует приравнять к вооруженному нападению со стороны этого государства, допускающего ответных вооруженных мер со стороны пострадавшей страны.

С другой стороны, в мире, где существует множество возможных угроз, риск, которому могут подвергнуться глобальный порядок, слишком велик, чтобы признать правомерность односторонних превентивных действий, отличных от коллективно одобренных действий. Позволить кому-либо одному предпринять такие действия, значит, позволить это делать всем. Такой подход представляется вполне оправданным с правовой точки зрения.

Российская доктрина также признает, что право на самооборону возникает у государства и в случае масштабного террористического нападения на него.

Таким образом, проблема применения силы в современном международном праве не решена окончательно, и, несмотря на формальное признание СБ ООН как единственного международного органа, имеющего право разрешить применение самозащиты, силовые методы все чаще применяются различными государствами для решения конфликтов и реализации собственных национальных интересов.

7. Превентивная самооборона как инструмент внешней политики США

Под прикрытием борьбы с международным терроризмом рассуждения о превентивной самообороне стали часто используемым в последнее десятилетие слоганом-пугалом в адрес так называемых несостоявшихся государств. Более того США и их прямые союзники по НАТО превратили терроризм в мощнейшее оружие, инструмент, используемый не только в борьбе против власти, но очень часто - и с самой властью для достижения своих далеко идущих геополитических целей для передела мировых энергетических ресурсов.

С точки зрения теории и практики международного права правомерность ответных мер США на террористические акты 11 сентября 2001 г., как рассказывалось выше, остается до сих пор дискуссионной. Можно выделить два крайних мнения на этот счет, которые диаметрально противоположны друг другу.

1. В резолюциях Совета Безопасности №№ 1368 и 7158, подтверждается право на «оборону». Это дает многим определенное основание предположить, что для целей статьи 51 теракты 11 сентября составляют «вооруженное нападение» с соответствующими контрмерами.

2. Другая половина юристов-международников, основываясь на классической доктрине международного права, высказывают уверенность в том, что Устав ООН не исключает возможности осуществления превентивных действий, однако их осуществление возможно только на основании решений СБ ООН, который и определяет существование угрозы, нарушения или агрессии и принимает решение о принимаемых мерах. Вместе с тем Устав ООН не оперирует понятием «упреждение».

В Стратегии национальной безопасности 2002 г. был закреплён принцип превентивного удара в отношении террористов и поддерживающих их стран, а также провозглашалась возможность односторонних военных действий США по всему миру. Кстати, еще в 1999 г. НАТО приняла стратегическую концепцию, присваивая ей «право» проводить военные операции против других стран по собственному усмотрению. В обновленной Стратегии США в области национальной безопасности 2006 г., сохранены все основные элементы предыдущей доктрины превентивных войн 2002 г. Но, в отличие от доктрины 2002 г., на этот раз основной целью США объявлено «распространение свободы во всем мире» и сохранение «лидирующей роли США». США видят свою историческую миссию, не много не мало, в преобразовании мира по собственной модели.

Между тем в международном праве четко установлено, что США равны со всеми другими государствами перед законом. П. 1 ст. 2 Устава ООН, а также ряд других международных договоров определяют, что «Организация основана на принципе суверенного равенства всех ее Членов».

Стратегия национальной безопасности США подверглись резкой критике мирового сообщества. Хотя в американской научной доктрине отмечается все более терпимое отношение к вмешательству во внутренние дела других стран под предлогом борьбы с терроризмом⁵².

По мнению С. А. Бурьянова, международное право не разрешает, но и (к сожалению) не запрещает превентивную самооборону, таким образом снижая эффективность его норм в сфере международной безопасности, вплоть до возможности развязывания новой мировой войны. «Превентивная самооборона» может спровоцировать, как считает Сергей Анатольевич, превенцию противсамоАмерики. Если США имеют право, то почему другим нельзя? А уже это и есть право войны, широко применяемое до 1945 года⁵³.

Конгресс США в 1996 г. принял Акт по борьбе против терроризма и смертной казни, в соответствии с которым лица, жизнь или имущество которых, равно как их близких, пострадали в результате актов терроризма, получили возможность обращаться в федеральные суды США с исками о возмещении ущерба, направленными против государств, оказывающих помощь террористам. По этому закону американцы, родственники жертв 11 сентября 2001 г., обратились в местные феде-

52 See: Murphy S. D. Terrorism and the concept of "Armed Attack" in Article 51 of the UN Charter // Harvard International Law Journal. Winter 2002. V. 43(1). – P. 49.

53 Бурьянов С. А. Будущее международного права в условиях глобализации общественных отношений через призму творческого наследия И. И. Лукашука // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 10. – С. 63-67.

51 Mullerson R. The law of use of force at the turn of the Millennia. In: Baltic Yearbook of International Law, vol. 3, 2003, Martinus Nijhoff Publishers. – Leiden/Boston. – P. 214-215.

ральные суды. Согласно данному акту иски могут подаваться только в отношении государств, определенных президентом Соединенных Штатов как государства, оказывающие помощь террористам. Подобная классификация сама по себе противоречит принципу суверенного равенства государств⁵⁴.

Цели применения самообороны, и системы коллективной безопасности различны. Самооборона направлена на прекращение вооруженного нападения на территорию отдельного государства. Совет Безопасности своими действиями стремится восстановить или обеспечить поддержание международного мира и безопасности. Некоторые члены администрации президента Буша-младшего нашли способ кооптировать международные институты коллективной безопасности и сделать их такими слабыми, чтобы их предписывающие и оперативные полномочия были неприменимы⁵⁵.

В 2003 году США начали так называемую превентивную войну против Ирака под надуманным, как потом доподлинно выяснилось, предлогом. Американская превентивная самооборона вышла далеко за пределы своего изначального предназначения и позволила ввести воинские контингенты (в составе международных коалиций) на территорию Афганистана и Ирака. А попутно провести пресловутую «арабскую весну» в Ливии, Ливане, Египте и Сирии, в последней из которых до сих пор идет гражданская война.

Американские официальные лица, принимавшие такие решения и желавшие решить проблему Афганистана, затем Ирака «раздули» принцип самообороны таким образом, чтобы она не была ограничена временными рамками в отношении неизбежности будущих нападений или необходимости срочных действий по отражению нападения⁵⁶. Между прочим, до нападения на Ирак, Соединенные Штаты направляли свои войска в другие суверенные государства более чем сто раз⁵⁷.

Несмотря на предпосылки для американского вторжения в Ирак и свержения режима Саддама Хусейна, в период правления президента-демократа Била Клинтона США не прибегли к силовому решению иракской проблемы. Все изменилось с приходом к власти республиканца Дж. Буша-мл. и после печально известных событий 11 сентября 2001 года. США и Великобритания планировали провести голосование в Совете Безопасности по разработанной ими соответствующей резолюции, но отказались от этого, так как Россия, Китай и Франция дали понять, что наложат вето на любую резолюцию, содержащую ультиматум, позволяющий использовать силу против Ирака. В ситуации с Ираком мнение Совета Безопасности просто игнорировалось. Проигнорировав это обстоятельство, Соединенные Штаты начали военную операцию рано утром 20 марта 2003.

Власти США начали вторжение под девизом борьбы с «Аль-Каидой», что использовалось за полтора года до этого для нападения на Афганистан. Позже выяснилось, что «Аль-Каиды» в Ираке нет. Страна развалена, массированные теракты в Ираке продолжают до сих пор. И за самые крупные из них по злой иронии берёт на себя ответственность именно «Аль-Каида».

Вторжение коалиционных сил в Ирак в 2003 году аргументировалось тем, что Ирак обладает оружием массового уничтожения и средствами его доставки, продолжает их активно развивать, а также поддерживает связи с международными террористическими организациями, прежде всего с «Аль-Каидой», укрывает, обучает и финансирует террористов. Однако данные утверждения, на момент вторжения являвшиеся предположениями, после оккупации Ирака не подтвердились. Западные исследователи еще тогда были едины в том, что аргумент Соединенных Штатов, касающийся самообороны от неминуемой угрозы, которую представлял собой Ирак, является неубедительным с точки зрения фактов⁵⁸.

Год назад, 26 октября 2015, в интервью каналу CNN бывший премьер-министр Великобритании Тони Блэр признал, что **одной из причин формирования группировки «Исламское государство» стало вторжение стран НАТО в Ирак в 2003 Году (!!!-И.З)**. Он же признал ошибочность разведанных, использованных в качестве предлога для начала вторжения в эту вполне благополучную страну. И самое парадоксальное Тони Блэр фактически извинился за хаос, который охватил страну после свержения Саддама Хусейна.

Несмотря на то, что США 13 лет назад начали «войну с терроризмом» в Ираке, на данный момент треть жителей страны считает, что Вашингтон в действительности поддерживает террористов ИГ. Превентивная война против Ирака с использованием доктрины Буша стала громадной ошибкой в истории американской внешней политики, это признают даже сами американцы. Такого же мнения придерживаются многие американские ученые, в том числе Томас Франк, говоря о том, что фактическая ситуация, сложившаяся в марте 2003 года в Ираке, едва ли впишется в сколько-нибудь удовлетворительную теорию неминуемости⁵⁹. **Она убедительно доказала, что террористическая угроза США используется как инструмент геополитики для установления однополярного мира.**

Свержение режима Хусейна в Ираке было только второй обрушенной опорой в плане ломки целого региона. Следующей жертвой доктрины Буша о превентивной обороне была намечены Ливия, Тунис, Египет, Йемен, Сирия...

«Если бы терактов 11 сентября не было, американцы бы их придумали, – считает директор Центра анализа стратегий технологий Руслан Пухов. – Это была отправная точка для эскалации конфликтов по всему миру. На тот момент у США не было явно обозначенного противника. Россия уже не воспринималась в образе врага большинством американцев, «китайский тигр» мирно дремал на фабриках, производивших ширпотреб для тех же американцев, Европа, увидев показательную порку бывшей Югославии, принимала все условия Вашингтона».

22 сентября 2014, коалиция во главе США начала авиаудары против так называемого Исламского государства в Сирии. Эти две операции очередной раз обострили вопрос о том, в каких же случаях государства могут использовать оборонительные силы против негосударственных субъектов, действующих на территории других государств⁶⁰. Кровавопролитная гражданская война в Сирии – это еще один наглядный пример корыст-

54 See: Damrosch L. F. Sanctions against the Perpetrators of Terrorism // Houston Journal of International Law. V. 22 (Fall 1999), № 1. – P. 69

55 Nagan Winston. Hammer Craig. The New Bush National Security Doctrine and the Rule of Law.

56 Cohan John Alan. The Bush Doctrine and the Emerging Norm of Anticipatory Self-Defense in Customary International Law Pace International Law Review Volume 15. Issue 2. Fall 2003. Article 1. P. 241.

57 John B. Mitchell. Preemptive War: Is It Constitutional? // Santa Clara Law Review Volume 44 | Number 2 Article 3 P. 5131-1-2004

58 Sapiro Miriam. Iraq: The Shifting Sands of Preemptive Self-Defense // American Journal of International Law. Vol. 97 (2003). P. 603. <2> Franck Thomas M. What Happens Now? The United Nations after Iraq // American Journal of International Law. Vol. 97 (2003). P. 611.

59 Franck Thomas M. What Happens Now? The United Nations after Iraq // American Journal of International Law. Vol. 97 (2003). P. 611.

60 Hakimi Monica Defensive Force against Non-State Actors Vol. 91 P. 1.

ной внешней политики официального Вашингтона, которая началась с насильственного свержения законных президентов Саддама Хусейна, Муамара Каддафи, Хосни Мубарака, Виктора Януковича...

Сегодня Пентагон периодически напоминает Дамаску о праве на самооборону в Сирии. «Мы самым серьезным образом рассматриваем случаи, когда служащие коалиции оказываются в рискованной ситуации, и у нас есть неотъемлемое право на самооборону», — заявил на днях представитель Пентагона Джефф Дэвис.

Ни одна страна не имеет право навязывать свое превосходство другим суверенным государствам и силой заставлять подчиниться своему политическому или экономическому диктату, суверенитет является неотъемлемым свойством государства — такова позиция России. К сожалению, Запад все чаще отходит от принципа суверенного равенства государств⁶¹.

Западу свойственно не подстраиваться под существующие нормы международного права, а использовать их для реализации собственной политики — отсюда практика так называемого «двойного стандарта». США стремятся формировать такой международный порядок, который сохранил бы в неприкосновенности лидерство США во всем мире⁶².

Таким образом неуклонное возрастание количества ситуаций нерегламентного применения вооруженной силы, а также произвольного толкования норм международного права, ведет к обесцениванию самой международно-нормативной системы. Вынуждены согласиться, что современная система коллективной безопасности недостаточно гибкая, не может эффективно отвечать на угрозы международного терроризма. Однако выход из сложившейся ситуации видится не в отказе от запрета на применение силы, который может только усугубить ситуацию, а в усилении влияния и эффективности Совета Безопасности ООН.

Сегодня Совет Безопасности ООН должен действовать на опережение, а государства, опасаящиеся отдаленных военных угроз, обязаны доводить имеющиеся сведения до Совета Безопасности, а в последующем строго следовать его предписаниям. В противном случае мы можем вернуться к праву войны, которое главенствовало до принятия Устава ООН. Наиболее правильным в сложившейся ситуации являлось бы создание постоянного международного трибунала для рассмотрения дел, связанных с совершением актов международного терроризма, или трибунала ad hoc по слушанию дел лиц, причастных к терактам 11 сентября.

Квалификация международного терроризма как международного преступления влечет ответственность физических лиц за совершение преступлений, но не подразумевает право предпринимать односторонние меры военного характера в отношении суверенных государств. Существование проблемы международного терроризма отнюдь не означает отмену основополагающих принципов международного права⁶³.

На смену балансу сил должен прийти баланс интересов. Без обеспечения общих интересов не могут быть обеспечены и интересы отдельного государства. США не являются исключением.

В Декларации тысячелетия содержится положение принципиального значения для понимания природы нового мирового порядка. Лидеры стран мира подчеркнули, что наряду с ответственностью перед своими странами они несут коллективную ответственность за мир и безопасность. Это положение имеет особое значение для США.

Пристатейный библиографический список

1. Абашидзе А. Х. Международно-правовые проблемы вмешательства // Московский журнал международного права. — 2006. — № 1.
2. Батырь В. А. Международное гуманитарное право. М.: Юстицинформ, 2011.
3. Бекашев К. А. Международное право и государства // Евразийский юридический журнал. — 2013. — № 5 (61).
4. Вельяминов Г. М. Международное право: опыты. — М.: Статут, 2015.
5. Верещетин В. С. О некоторых концепциях в современной доктрине международного публичного права // Материалы конференции в честь профессора кафедры международного права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета Л. Н. Галенской / Под ред. С. В. Бахина. — СПбГУ, 2009.
6. Глухенький С. Х. Негосударственные субъекты в международном праве. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. — М., 2011.
7. Довгань Е. К вопросу о правомерности вооруженных антитеррористических мер в контексте принципа невмешательства во внутренние дела государств // Белорусский журнал международного права и международных отношений. — 2003. — № 3.
8. Заявление Российской ассоциации международного права о международном терроризме // Московский журнал международного права. — 2002. — № 2
9. Карташкин В. А. Организация Объединенных Наций и международная защита прав человека в XXI веке. Норма. Инфра — М., 2015.
10. Курс международного права. Т. 4 / отв. ред. И. И. Лукашук. — М., 1990.
11. Лукашук И. И. Международное право. — М.: Волтерс Клувер, 2005.
12. Лукашук И. И. Мировой порядок XXI века // Международное публичное и частное право. — 2002. — № 1.
13. Лукашук И. И. Право международной ответственности. — М.: Волтерс Клувер, 2004.
14. Лукашук И. И. Терроризм и международное право // Социальные и психологические проблемы борьбы с международным терроризмом. — М.: Наука, 2002.
15. Марченко М. Н. Государство и право в условиях глобализации. — М.: Проспект, 2009.
16. Международное право. Учебник / Ответ. ред. К. А. Бекашев. Изд. 5-е. М., 2008.
17. Нарышкин С. Е. Государственный переворот в Киеве в феврале 2014 г. и международное право. Интервью. // Евразийский юридический журнал. — 2015. — № 2(81).
18. Сеницына Ю. В. Правомерность применения права на самооборону против террористической угрозы в контексте статьи 51 Устава ООН // Право.by. — 2009. — № 4.

61 Вельяминов Г. М. Международное право: опыты. — М.: Статут, 2015. — С. 31.

62 Марченко М. Н. Государство и право в условиях глобализации. — М.: Проспект, 2009. — С. 17-25.

63 Лукашук И. И. Терроризм и международное право // Социальные и психологические проблемы борьбы с международным терроризмом. — М.: Наука, 2002. — С. 120

19. Тузмухамедов Б. Р. Пределы самообороны. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/2004-09-29/2_predel.html
20. Тузмухамедов Б. Р. Упреждающее применение силы: возможные критерии допустимости // Российский ежегодник международного права. 2005. – СПб.: «Россия-Нева», 2006.
21. Тузмухамедов Б. Р. Упреждение силой: «Каролина» и современность Россия в глобальной политике. – 2006. – № 2.
22. Туманов Г. К. Правомерность обращения к праву на самооборону в отношении негосударственных факторов в рамках международного права // Право и безопасность. – 2012. – № 2.
23. Устинов В. В. Международное право борьбы с терроризмом: стандарты и практика. – М.: Юрлитинформ, 2002.
24. Фархутдинов И. З. Евразийская интеграция и испытание украинской государственности в системе международного права // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 12.
25. Фархутдинов И. З. Международное право и доктрина США о превентивной самообороне // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 2 (93).
26. Фархутдинов И. З. Международное право о неприменении силы или угрозы силой: история и современность // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 11 (90).
27. Фархутдинов И. З. Международное право о самообороне государств // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 1 (92).
28. Фархутдинов И. З. Обеспечение мира и безопасности в Евразии (Международно-правовая оценка событий в Сирии). Интервью П. Н. Бирюкова, С. А. Бурьянова // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 10(78).
29. Хлестов О. Н., Мышляева М. Л. Вооруженная борьба против международного терроризма // Московский журнал международного права. – 2001. – № 4.
30. Хлестов О. Н. Международно-правовые аспекты борьбы с терроризмом // Российский ежегодник международного права. – СПб.: Россия-Нева, 2002.
31. Черниченко С. В. Контуры международного права. – М.: Научная книга, 2014.
32. Черниченко С. В. Общеизвестные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 8(87).
33. Ali-Saab G. The Proper Role of International Law in Combating Terrorism // Chinese Journal of International Law. V. 1 (2002). – № 1.
34. Anthony Clark Arend & Robert J. Beck, International Law and the Use of Force: Beyond the U. N. Charter Paradigm 72-74 (1993).
35. Bali A. Stretching the Limits of International Law: The Challenge of Terrorism // ILSA Journal of International and Comparative Law. V. 8 (Spring 2002). – № 2.
36. Bowett D. Self-Defense in International Law. London, 1958. Springer.
37. Caroline Case. [Correspondence between Great Britain and the United States of America. The Destruction of the Steamboat Caroline] Correspondence of March–April 1841–July–August 1842 // Landmark cases in Public International Law / Ed. by Eric Heinze & Malgosia Fitzmaurice. – London: Kluwer Law International, 1998.
38. Cohan John Alan. The Bush Doctrine and the Emerging Norm of Anticipatory Self-Defense in Customary International Law.
39. Dinstein Y. War, aggression and self-defense. Cambridge: Grotius Publications, 1994.
40. Franck Thomas M. What Happens Now? The United Nations after Iraq // American Journal of International Law. Vol. 97 (2003).
41. Hakimi Monica. Defensive Force against Non-State Actors: The State of Play. International Law Studies 1 (2015).
42. John B. Mitchell. Preemptive War: Is It Constitutional? Santa Clara Law Review Volume 44. Number 2. Article 3 P.5131-1-2004
43. Louis Rene Beres, On International Law and Nuclear Terrorism, 24 Ga. J. Int'l & Comp. L. 1, 31 (1994).
44. Mary Ellen O'Connell. The Myth of Preemptive Self-Defense. The American Society of International Law. 2002
45. Military and Paramilitary Activities in and Against Nicaragua (Nicar. v.U. S.). 1986 I. C.J. 4, 100).
46. Murphy S. D. Terrorism and the concept of "Armed Attack" in Article 51 of the UN Charter // Harvard International Law Journal. Winter 2002. V. 43(1).
47. Nagan Winston. Hammer Craig. The New Bush National Security Doctrine and the Rule of Law // Berkeley Journal of International Law. Volume 22. Issue 3. Article 3. – 2004
48. Ratner S. R. Notes and Comments // American Journal of International Law. V. 96 (2003). № 4.
49. Sapiro Miriam. Iraq: The Shifting Sands of Preemptive Self-Defense // American Journal of International Law. Vol. 97 (2003).
50. Stromseth Jane E. Law and Force after Iraq: a Transitional Moment // American Journal of International Law. Vol. 97 (2003).
51. Terry D. Gill. The Temporal Dimension of Self-Defense: Anticipation, Pre-emption, Prevention and Immediacy. Chapter 5. // International Law and Armed Conflict: Exploring the Fault lines Essays in Honour of Yoram Dinstein Edited by Michael Schmitt and Jelena Pejic. International Humanitarian Law Series Ninth off Publishers Leiden. Boston, 2007

БУРЬЯНОВ Сергей Анатольевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права и прав человека Юридического института Московского городского педагогического университета

БУДУЩЕЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ИГОРЯ ИВАНОВИЧА ЛУКАШУКА

Статья посвящена изучению перспектив понимания и развития международного права в условиях современных общественных отношений. На основе изучения творческого наследия И. И. Лукашука, рассматриваются теоретико-правовые проблемы формирования глобальной системы управления, а также их влияние на развитие международного права, включая реализацию прав человека.

Делается вывод, что международно признанные права человека, включая свободу мысли, совести и религии, должны рассматриваться в качестве основы современного понимания и развития международного права.

Ключевые слова: творческое наследие И. И. Лукашука, глобализация общественных отношений, глобальные проблемы, глобальное управление, международное право, права человека, свобода совести.

Бурьянов С. А.

BURYANOV Sergey Anatoljevich

Ph.D. in Law, associate professor of International Law and Human Rights sub-faculty of the Law Institute of the Moscow City Pedagogical University

THE FUTURE OF INTERNATIONAL LAW UNDER THE CIRCUMSTANCES OF THE GLOBALIZATION OF PUBLIC RELATIONS THROUGH THE LENS OF I. I. LUKASHUK'S CREATIVE HERITAGE

The article is devoted to studying the prospects for understanding and development of international law under modern public relations conditions. Based on the study of the creative heritage of I. I. Lukashuk it examines the theoretical and legal problems of the formation of the system of global governance, as well as their influence on the development of international law, including the implementation of human rights.

It is concluded that the internationally recognized human rights, including freedom of thought, conscience and religion, should be considered as a basis for the modern understanding and development of international law.

Keywords: Creative Heritage of I. I. Lukashuk, globalization of public relations, global issues, global governance, international law, human rights, freedom of conscience.

*Nominum causa omne jus gentium constitutum est
Все международное право создано для блага человека¹*

В 2016 году всемирно известному ученому-международнику Игорю Ивановичу Лукашуку исполнилось бы 90 лет. Игорь Иванович искренне верил, что «все международное право создано для блага человека» и посвятил свою жизнь практической реализации этого тезиса, фактически ставшего девизом исследователя.

Среди весомого творческого наследия И. И. Лукашука наиболее новаторскими являются труды, посвященные международно-правовым аспектам глобализации. Целая серия научных статей²,

монография³ и учебник⁴ без преувеличения являются настоящим прорывом в правовом сознании и мышлении⁵.

Принято считать, что право неразрывно взаимосвязано с общественными отношениями. Это значит, что понимание международного права и перспектив его развития следует рассматривать с учетом развития общественных отношений.

В последние десятилетия для описания современного состояния и стремительного развития социальных взаимодействий нередко используют термин «глобализация».

Из представленных в научной литературе многочисленных подходов, считаю наиболее научно обоснованными те, которые рассматривают глобализацию общественной системы как процесс, подразумевающий не только смену состояний, но и направленный на достижение качественно нового интеграционного состояния в планетарном масштабе.

1 Международное право: особенная часть: учебник для студентов юридических факультетов и вузов. Лукашук И. И. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – С. 1.

2 Лукашук И. И. Глобализация и государство // Журнал российского права. – М.: Норма, – 2001, – № 4. – С. 64-75; Лукашук И. И. Мировой порядок XXI века. (Глобализация) // Международное публичное и частное право. № 1. – 2002. – С. 4-10; Лукашук И. И. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в условиях глобализации // Журнал российского права. – М.: Норма, – 2002. – № 3. – С. 115-128; Лукашук И. И. Глобалистика: новый уровень мышления // Российская юстиция. – 2003. – № 5. – С. 71; Лукашук И. И. Глобализация и право // Государство и право. – 2005. – № 12. – С. 112-115.

3 Лукашук И. И. Глобализация, государство, право, XXI век / Лукашук И. И. – М.: Спарк, 2000. – 279 с.

4 Лукашук И. И. Международное право. Общая часть: учебник для студентов юридических факультетов и вузов. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 415 с.; Международное право: особенная часть: учебник для студентов юридических факультетов и вузов. Лукашук И. И. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 517 с.

5 Кочетов Э. Г. Глобализация: прорыв в правовом сознании и мышлении. (Лукашук И. И. Глобализация, государство, право. XXI век. – М.: Спарк, 2000. – 279 с.) // Право и политика. – М.: Nota Bene, – 2001. – № 5. – С. 148-151.

В частности, характеризуя глобализацию, как интеграционный мировой процесс, охватывающий все сферы общественной жизни, многие современные исследователи говорят о его направленности на формирование единой планетарной социальной системы.

В качестве важного ответа на вызовы современности с 60-70 гг. 20 века развивается глобалистика, как мультимеждисциплинарное научное направление исследований глобальных процессов и глобальных проблем.

И. И. Лукашук «буквально «ворвался» в российскую школу глобалистики и занял в ней пустующую обоснованно и надолго «правовую нишу»»⁶.

Говоря о нарастающем процессе глобализации, где каждый человек связан с другими людьми многообразными отношениями, ученый отмечает, что «образуется единое мировое сообщество». При этом в новых условиях «не только благополучие, но и выживание человечества может быть обеспечено лишь совместными усилиями государств и народов». Так как «от состояния международной системы взаимоотношений государств зависит безопасность и благополучие каждой страны, то все это придает особое значение международному праву, без которого международная система не в состоянии нормально функционировать»⁷.

Нельзя не согласиться с мнением И. И. Лукашука, что глобализация «определяет новые черты не только мировой системы, но и внутренней жизни государств. Глобализация обусловила единство судеб человечества, так как обеспечить выживание можно лишь совместными усилиями. Она прочно связала людей и народы в единое целое в результате углубления прежних и появления новых связей — политических, экономических, социальных, культурных и др.»⁸.

В указанном контексте, следует отметить, что в различных общественных сферах процессы протекали и протекают не равномерно, что характеризуется различными стадиями, состояниями и, в конечном итоге, уровнями развития общественных подсистем. Например, можно говорить о динамичном развитии экономической, почти о завершении формирования информационной, но о значительном отставании политической подсистем.

Говоря об отставании политической сферы, И. И. Лукашук отмечает, что правительства государств «в значительной мере продолжают традиционно руководствоваться узкопопнятыми национальными интересами, противопоставляя их общим. А без обеспечения последних невозможно гарантировать первые. Политическое мышление существенно отстает от реалий нашего времени, не говоря уже о будущем»⁹. Известный ученый научно обоснованно говорит о необходимости формирования нового мирового порядка, основанного на общих интересах государств и народов и который был бы способен обеспечить выживание и дальнейший прогресс человечества¹⁰.

Существенным моментом является то, что процессы интернационализации и интеграции могут протекать не только в масштабе планеты, но и в рамках отдельных ее частей (регионов, субрегионов). Но это вовсе не значит, что они обязательно будут направлены на формирование планетарной целостности в интересах всего человечества.

Как правило, они направлены на укрепление сотрудничества (и гораздо реже на слияние) государств в региональном масштабе, и реализуемые в основном в интересах соответствующих «элит». Более того, эти процессы нередко сопровождаются усилением этноконфессиональных противоречий и иных барьеров между людьми, глубоко противоречащими процессам формирования планетарной общественной системы.

Таким образом, в настоящее время можно говорить не о завершении формирования единой планетарной общественной системы, а лишь о формировании составляющих ее подсистем, с различными уровнями развития.

Предполагаю, что именно различный уровень развития социальных подсистем является одной из основных глубинных причин нестабильности и глобальных проблем человеческой цивилизации. Здесь под глобальными проблемами следует понимать «особый вид социальных проблем, характеризующихся планетарным масштабом»¹¹.

Следует отметить, что в научной литературе описывается более двух тысяч глобальных проблем, но большинство ученых сходятся во мнении, что их нерешенность угрожает самому существованию человеческой цивилизации. В указанном контексте, несомненно прав И. И. Лукашук, первый среди российских юристов отмечающий, что «впервые в истории встал вопрос о выживании человечества» «Над человечеством навис дамоклов меч глобальной ядерной катастрофы. Хранимые государствами тысячи ядерных зарядов с большой степенью вероятности могут выйти из под контроля. Достаточно одного случая. Все более грозную опасность представляют деградация окружающей среды...»¹².

В частности, среди глобальных проблем, угрожающих самому существованию цивилизации, можно выделить следующие их условные виды: мира и безопасности, экологические и ресурсные, социально-экономические и др.

Таким образом, проблема формирования системы управления глобальными процессами объективно вытекает из необходимости решения глобальных проблем, угрожающих существованию цивилизации.

Среди наиболее известных подходов к решению проблемы формирования глобального управления — мировое государство (правительство), глобальная управленческая система на основе ООН и межправительственных организаций, а также ее варианты с участием транснациональных корпораций и неправительственных организаций. Меньшую известность получили концепции с условным названием «управление без правительства», в т.ч. на основе сетевых структур гражданского общества.

В указанном контексте, в очередной раз нельзя не согласиться с мнением И. И. Лукашука, который говорит о обоснованности идеи мирового государства, так как «управление социальными процессами становится все более сложным делом по мере усложнения самого объекта управления». В качестве решения предлагается, с одной стороны «расширение полномочий в международной области территориальных подразделений государства, что дает возможность полнее учитывать их особые интересы и тем самым не только повысить уровень управляемости, но и ослабить центробежные тенденции», а с другой — «углубление международного взаимодей-

6 Там же. — С. 148.

7 Лукашук И. И. Международное право. Общая часть: учебник для студентов юридических факультетов и вузов. — Изд. 3-е, перераб. и доп. — М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 3.

8 Там же. — С. 11.

9 Там же. — С. 11.

10 Там же. — С. 11.

11 Лукашук И. И. Глобализация, государство, XXI век. — М., 2000. — С. 7.

12 Лукашук И. И. Международное право. Общая часть: учебник для студентов юридических факультетов и вузов. — Изд. 3-е, перераб. и доп. — М.: Волтерс Клувер, 2005. — С. 11.

ствия государств, ведущее к росту роли и расширению полномочий международных организаций»¹³.

Так как «для решения глобальных проблем необходимо обеспечить достаточно высокий уровень управления мировой системой в целом», то отсюда вытекает «неизбежность роста роли всеобщих международных организаций, расширения их полномочий и повышения эффективности деятельности»¹⁴.

Полагаю, что подходы, подразумевающие колоссальную концентрацию власти в планетарном масштабе, не соответствуют объективным тенденциям развития общественных отношений и изначально не имеют перспектив в условиях их дальнейшего усложнения.

Глобальная управленческая система на основе ООН и межправительственных организаций (а в будущем и повышение роли неправительственных организаций), представляется более перспективной, но при условии эволюции их нормативной и институциональной основ. В частности, о необходимости повышения эффективности ООН и ее специализированных учреждений говорится в трудах современных ученых и документах международных организаций.

В указанном контексте именно международное право во взаимодействии с внутригосударственными правовыми системами должно стать не только ключевым элементом, но первоосновой формирования глобальной системы управления и решения глобальных проблем.

Говоря о функциях современного международного права, как об основных направлениях воздействия на социальную среду и определяемых его общественным назначением, И. И. Лукашук абсолютно обоснованно отмечает их усложнение. В новых условиях в качестве главной социальной функции международного права называется упрочение и обеспечение функционирования существующей международной системы. Соответственно, главная юридическая функция международного права состоит в правовом регулировании межгосударственных отношений, что является отражением метода реализации главной социальной функции. В качестве важных функций также называются: функции содействия социальному прогрессу, гармонизации национальных интересов государств и их интересов с интересами общечеловеческими, предупреждения нежелательного развития событий, предотвращения и урегулирования конфликтов, интернационализации и интеграции между государствами, а также информационно-воспитательная функция, призванная содействовать развитию интернационального сознания и культуры мира¹⁵.

Нельзя не согласиться с мнением И. И. Лукашука и по остро дискутируемой проблеме взаимодействия международного и внутригосударственного права. По данному вопросу ученый отмечает, что в XXI в. «единство мирового сообщества, упрочение взаимозависимости государств диктуют необходимость того, чтобы социально-экономические и политико-правовые системы государств были совместимы и способны взаимодействовать друг с другом и с глобальной системой государств в целом в качестве ее составных частей». Именно в процессе взаимодействия международного и внутригосударственного права «во имя обеспечения единства международного сообщества государства должны подчиняться установленному ими порядку, который является социально, политически необходимым»¹⁶.

Так как в новых условиях усложнение общественных отношений объективно требует больше свободы, которая воплощается в правах человека¹⁷, то именно они должны рассматриваться в качестве важной основы современного понимания перспектив международного права.

Фактически права человека проходят «красной нитью» через труды Игоря Ивановича. В частности, исследователь, говоря о необходимости формирования адекватной современным реалиям правовой системы, направленной на решение глобальных проблем, в качестве ее основы называет «принципы демократии, общепризнанные права человека и верховенство права»¹⁸.

По абсолютно верному мнению И. И. Лукашука, права человека больше не являются внутренним делом государств, а международный контроль не является вмешательством во внутренние дела. «Сложившееся в этой области положение характеризуется международными актами таким образом, что вопросы, касающиеся прав человека, основных свобод, демократии и верховенства закона, носят международный характер, поскольку соблюдение этих прав и свобод составляет одну из основ международного порядка»¹⁹.

Более того, «как международное право, так и конституции многих государств дают основания считать, что право на демократическую систему в стране является одним из основных прав человека. В противном случае права человека превращаются в пустой звук, так как они могут быть обеспечены лишь в условиях демократии»²⁰.

В конечном итоге, именно отрасль международного права прав человека, принципы и нормы которой регулируют сотрудничество государств в обеспечении прав человека, занимает «центральное положение в системе международного права». «Не отступая от своего межгосударственного характера, международное право все более ориентируется на человека. И в этом нет противоречия, скорее можно говорить о закономерной связи. Уважение прав человека, демократия — важная гарантия мира. В международных актах подчеркивается, что уважение этих прав является основой всеобщего мира. Международное право призвано стать гомоцентричным, т.е. ориентированным на человека. Оно придало статус императивных норм принципам и нормам о правах человека. И исходит из того, что эти принципы и нормы должны обладать соответствующим статусом и в правовой системе государства»²¹.

Таким образом, соблюдение международно признанных прав человека является одним из важнейших требований современного международного права. «Только отвечающее этому требованию государство может считаться полноценным членом международного сообщества»²².

В качестве предварительного вывода следует отметить, что с недостаточно развитой политической подсистемой со-

13 Там же. — С. 23.

14 Там же.

15 Там же. — С. 29-30.

16 Там же. — С. 137.

17 Бурьянов С. А. Значение и перспективы международно признанных прав человека, включая свободу мысли, совести и религии, в условиях глобализации общественных отношений // Евразийский юридический журнал. — 2015. — № 12 (91). — С. 25-28; Саидов А. Х. Общепризнанные права человека: Учебное пособие / А. Х. Саидов; Под ред. И. И. Лукашука; Академический правовой университет. — М.: МЗ Пресс, 2004. — С. 8.

18 Лукашук И. И. Международное право. Общая часть: учебник для студентов юридических факультетов и вузов. — Изд. 3-е, перераб. и доп. — М.: Волтерс Клувер, 2005. — С. 152.

19 Там же. — С. 159.

20 Там же.

21 Международное право: особенная часть: учебник для студентов юридических факультетов и вузов. Лукашук И. И. — М.: Волтерс Клувер, 2005. — С. 12.

22 Там же. — С. 247.

временных общественных отношений тесно взаимосвязана правовая подсистема, состоящая из международного права и внутригосударственных правовых систем.

Полагаю, что недостаточный уровень развития международного права, а также недостаточный уровень его взаимодействия с внутригосударственными правовыми системами²³ предопределяет отставание политической сферы, со всеми вытекающими последствиями, препятствующими устойчивому развитию цивилизации²⁴.

Соответственно, чтобы упомянутые выше проблемы решить, их необходимо осознать, а затем преодолеть отставание в сфере политики, а это, в свою очередь невозможно без развития международного права.

В указанном контексте крайне важно дать современное определение понятия международное право, которое соответствует современным общественным отношениям. Так как современное правопонимание неразрывно взаимосвязано с правами человека, а современные общественные отношения взаимосвязаны с глобальными процессами и проблемами, то это должно найти свое отражение в определении понятия международного права. Международно признанные права человека, включая свободу мысли, совести и религии²⁵, наряду с направленностью на решение глобальных проблем, должны рассматриваться в качестве основы современного понимания международного права, а также при определении перспектив его развития.

Не менее важным является вопрос взаимодействия международного права и религиозных систем. И здесь, по мнению И. И. Лукашук, «интеграция государств в международном сообществе — необратимый процесс, и любая религия не может с этим не считаться». Соответственно, «интернационализация общественной жизни, включая религию, влечет за собой сближение взглядов на основные цели и принципы международной нормативной системы, постепенно формируется единая система общечеловеческих ценностей и соответствующих норм»²⁶.

Полагаю, что для преодоления этноконфессиональных барьеров, нередко лежащих в основе международных конфликтов, необходимо нормативное закрепление принципа мировоззренческого нейтралитета государств и других субъектов международного права. Представляется целесообразным обсуждение данного вопроса в рамках экспертных структур универсальных международных организаций и формирование соответствующей международной программы.

С учетом проблемы согласования различных подходов к пониманию светскости, применительно к международному праву предлагаю применять понятие «междуна-

родно-правовой мировоззренческий нейтралитет субъектов международного права», под которым следует понимать индивидуальность государств и иных уполномоченных субъектов международного права по отношению мировоззренческой сфере во всех ее правомерных проявлениях²⁷.

Глобальные проблемы требуют адекватных ответов на основе качественно нового развития международного права с целью выживания человечества²⁸. Однако, И. И. Лукашук не без оснований опасается, что «развитие международного права в XXI в. будет далеко не безоблачным, а также то, что препятствия находятся не только вовне, но и внутри государств». Действительно, в условиях невероятно стремительных и беспрецедентных изменений общественных отношений крайне трудно осознать тот факт, что «в результате глобализации ни одно государство не в состоянии существовать без активного взаимодействия с международной системой»²⁹.

Ученый выделяет два основных аспекта отставания политического мышления. «Первый состоит в том, что политическое мышление как политических деятелей, так и многих теоретиков не избавилось от стереотипов холодной войны.... Второй аспект феномена отставания политического мышления состоит в отсутствии четкого представления о новом мировом порядке и путях его формирования». Более того, несмотря на признание необходимости реформирования системы международных отношений, исследователи весьма далеки от единого понимания, какой она должна быть. Вероятно, проблема в том, что «новизна складывающихся условий настолько существенна, что опыт прошлого может быть использован в ограниченной мере»³⁰.

Нельзя не согласиться с выводом исследователей, полагающих, что глобальное управление без правового обеспечения невозможно³¹, но при этом развитие международного права должно носить опережающий характер, и особенно его научной составляющей.

И здесь опять прав И. И. Лукашук, подчеркивающий, что новый мировой порядок должен быть правовым, обеспечивающим верховенство международного права. «Международное право проделало значительный путь в направлении прогрессивного развития. Но предстоит еще немало сделать с тем, чтобы оно отвечало коренным изменениям, произошедшим в мировой системе. Достаточно назвать такие характерные черты этой системы, как переход от военно-политической к политико-экономической основе мирового порядка; рост роли финансовой и экономической областей; транснациональная интеграция и региональные объединения; подъем национализма и этнокультурного партикуляризма; усиление демократических тенденций внутри государств и в международных отношениях»³².

23 См.: Лукашук И. И. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в условиях глобализации // Журнал российского права. — М.: Норма. — 2002. — № 3. — С. 115-128; Карташкин В. А. Права человека: соотношение международного и внутригосударственного права // Права человека — индикатор современного развития России: материалы Международной научно-практической конференции / отв. ред. Т. А. Сошникова. — М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2015. — С. 36-41.

24 Урсул А. Д. Право устойчивого развития: концептуально-методологические проблемы становления // NB: Вопросы права и политики. — 2013. — № 6. — С. 63-134.

25 Бурьянов С. А. Международно-правовые документы в области свободы совести и практика их реализации в Российской Федерации: Теоретико-прикладное исследование за 2011 год. — М.: Моск. Хельсинк. группа, 2012. — С. 90-97.

26 Лукашук И. И. Международное право. Общая часть: учебник для студентов юридических факультетов и вузов. — Изд. 3-е, перераб. и доп. — М.: Волтерс Клувер, 2005. — С. 105.

27 Бурьянов С. А. Светскость государства и международно признанная свобода совести. Теоретико-прикладное исследование за 2015 — начало 2016 г. — М.: Полиграф Сервис, 2016. — С. 211.

28 Бурьянов С. А. IV Международный научный конгресс «Глобалистика-2015»: перспективы развития международного права в условиях глобализации общественных отношений // Евразийский юридический журнал. — № 10 (89). 2015. — С. 348-353.

29 Международное право: особенная часть: учебник для студентов юридических факультетов и вузов. Лукашук И.И. — М.: Волтерс Клувер, 2005. — С. 243.

30 Там же.

31 Чумаков А. Н. Глобальный мир: проблема управления // Век глобализации. — 2010. — № 1. — С. 3-15.

32 Международное право: особенная часть: учебник для студентов юридических факультетов и вузов. Лукашук И. И. — М.: Волтерс Клувер, 2005. — С. 245.

Также можно согласиться и с мнением И. З. Фархутдинова, что мы «являемся свидетелями формирования глобальной системы международно-правового регулирования, основы нормального функционирования и развития международного сообщества». Однако, «этот процесс не следует понимать упрощенно как некую стандартизацию национальных правовых систем, он гораздо сложнее и многообразнее, а также и противоречивее»³³, что действительно подтвердило время.

Констатируя огромное влияние и неопределенность последствий воздействия глобализации на все стороны жизни общества и государства, И. И. Лукашук призывает мобилизовать значительные исследовательские усилия для их определения. «К сожалению, затраты современного общества на социальные и политические науки не идут ни в какое сравнение с расходами на другие исследования, особенно связанные с военным делом. Требуются дополнительные средства для развития общественных наук. Они окупятся гораздо в большей степени, чем затраты на другие отрасли знания. В таком положении общественных наук проявляется отставание политического мышления, не отражающего их растущей роли. С другой стороны, недостаточное развитие общественных наук — одна из причин отставания политического мышления»³⁴.

Надеюсь, что сегодня, через девять лет после ухода из жизни великого ученого Игоря Ивановича Лукашука этот призыв будет услышан и международное право постепенно начнет превращаться в эффективный инструмент решения глобальных проблем, перехода к устойчивому развитию цивилизации, и в конечном итоге, в «благо человека».

Пристатейный библиографический список

1. Бурьянов С. А. Значение и перспективы международно признанных прав человека, включая свободу мысли, совести и религии, в условиях глобализации общественных отношений // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 12 (91). – С. 25-28.
 2. Бурьянов С. А. Международно-правовые документы в области свободы совести и практика их реализации в Российской Федерации: Теоретико-прикладное исследование за 2011 год. – М.: Моск. Хельсинк. группа, 2012. – 244 с.
 3. Бурьянов С. А. Светскость государства и международно признанная свобода совести. Теоретико-прикладное исследование за 2015 – начало 2016 г. – М.: Полиграф Сервис, 2016. – 258 с.
 4. Бурьянов С. А. IV Международный научный конгресс «Глобалистика-2015»: перспективы развития международного права в условиях глобализации общественных отношений // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 10 (89). – С. 348-353.
 5. Карташкин В. А. Права человека: соотношение международного и внутригосударственного права // Права человека – индикатор современного развития России: материалы Международной научно-практической конференции / отв. ред. Т. А. Сошникова. – М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2015. – С. 36-41.
 6. Кочетов Э. Г. Глобализация: прорыв в правовом сознании и мышлении. (Лукашук И. И. Глобализация, государство, право. XXI век. – М.: Спарк, 2000. – 279 с.) // Право и политика. – М.: Nota Bene, – 2001. – № 5. – С. 148-151.
 7. Лукашук И. И. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в условиях глобализации // Журнал российского права. – М.: Норма, 2002, – № 3. – С. 115-128.
 8. Лукашук И. И. Глобализация, государство, право, XXI век / Лукашук И. И. – М.: Спарк, 2000. – 279 с.
 9. Лукашук И. И. Глобализация и государство // Журнал российского права. – М.: Норма, 2001, – № 4. – С. 64-75.
 10. Лукашук И. И. Глобализация и право // Государство и право. – 2005. – № 12. – С. 112-115.
 11. Лукашук И. И. Глобалистика: новый уровень мышления // Российская юстиция. – № 5. – 2003.
 12. Лукашук И. И. Международное право. Общая часть: учебник для студентов юридических факультетов и вузов. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 415 с.
 13. Лукашук И. И. Международное право: особенная часть: учебник для студентов юридических факультетов и вузов. Лукашук И.И. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 517 с.
 14. Лукашук И. И. Мировой порядок XXI века. (Глобализация) // Международное публичное и частное право. – 2002. – № 1. – С. 4-10.
 15. Саидов А. Х. Общепризнанные права человека: Учебное пособие /А. Х. Саидов; Под ред. И. И. Лукашука; Академический правовой университет. – М.: МЗ Пресс, 2004.
 16. Урсул А. Д. Право устойчивого развития: концептуально-методологические проблемы становления // ВВ: Вопросы права и политики. – 2013. – № 6. – С. 63-134.
 17. Фархутдинов И. З. Международное или глобальное право // Юрист-международник. Всероссийский журнал международного права. – 2004. – № 4. – С. 15-23.
 18. Фархутдинов И. З. Международное право в условиях глобализации // Право и политика. – 2003. – № 8. – С. 141-149.
 19. Чумаков А. Н. Глобальный мир: проблема управления // Век глобализации. – 2010. – № 1. – С. 3-15.
- 33 Фархутдинов И. З. Международное или глобальное право // Юрист-международник. Всероссийский журнал международного права. – 2004. – № 4. – С. 15-23; Фархутдинов И. З. Международное право в условиях глобализации // Право и политика. – 2003. – № 8. – С. 141-149.
- 34 Международное право: особенная часть: учебник для студентов юридических факультетов и вузов. Лукашук И. И. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – С. 245.

АДУ Яо Никэз

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Российского университета дружбы народов

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ СИЛЫ В СОВРЕМЕННОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

По мнению военных специалистов, за последние десятилетия количество войн в мире увеличилось как никогда в истории человечества. Все это несмотря на то, что Устав ООН призывает государства решать свои разногласия мирным путем. В этой связи остро стоит вопрос о правомерности применения силы в современном международном праве. В данной статье анализируется вопрос о правомерности применения государствами силы в их взаимоотношениях.

Ключевые слова: Устав ООН, международное право, международные отношения, применение силы, государство, правомерность.

ADU Yao Nicaise

Ph.D. in Law, associate professor of International Law sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia

Аду Я. Н.

TO THE QUESTION OF THE USE OF FORCE IN THE CURRENT INTERNATIONAL LAW

The number of armed conflicts around the world has been grown than it has never been in the human history during these last decades according to the military experts, in spite of that the UN Charter call on the states to set their international different peacefully. For these reasons the question about the legality of the use of force by the states in their relationships continues to be discussed. Thus, this article analyzes the legality of the use of force by the states according to the current International Law.

Keywords: UN Charter, International Law, International relations, use of force, state, legality.

Вопрос о применении силы в международных отношениях как никогда на сегодняшний день вызывает много дискуссий как среди ученых, так и политиков. Дело в том, что после окончания Второй мировой войны в мире, как никогда, вспыхивают войны как внутри стран, так и между государствами. По разным источникам, количество войн в мире только растет. По данным военных историков, на земле было более 15 тысяч войн. Известна статистика войн за последние столетия. В XVI веке было 106 войн, в XVII - 231, в XVIII - 703 войны, в XIX - 730 войн. В XX веке, до Второй мировой войны, было 882 войны, а после Второй мировой - более 300. К ним надо прибавить две мировые войны. Итого за XX век набирается около 1200 войн¹.

Все это несмотря на то, что устав ООН закрепляет, что «все члены Организации объединенных наций воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или её применения...». Толкование данного принципа в международном праве среди ученых и политиков неоднозначное.

Цель данной научной работы заключается в разъяснении сути выше указанного принципа и его значения, а также в попытке сформулировать ответ на вопрос, запрещает ли вообще войну современное международное право с учётом других положений Устава ООН и практики международных отношений.

Война как орудие внешней политики всегда применялась в международных отношениях. За исключением пактов о ненападении, заключенных между отдельными государствами²; только в 1928 г. более 15 государств заключили договор об отказе применения силы друг против друга по так назы-

ваемому Пакту Б. Келлога³. Однако этот Пакт был ограничен в силу того, что он включал в себя определенное количество государств. Таким образом, применение силы в международных отношениях, с точки зрения тогдашнего международного права, до Второй мировой войны было допустимо.

Если до Второй мировой войны международное право не запрещало применение силы в межгосударственных отношениях и государства могли использовать силу как орудия внешней политики⁴, то в современном международном праве вопрос о правомерности применения силы в международных отношениях всегда представляется актуальным и является предметом для дискуссии в разных школах. Одни ученые считают, что современное международное право запрещает применять силу государствам в их международных отношениях, тогда как другие отвергают данную позицию.

Следует отметить, что современное международное право основывается на Уставе ООН, который устанавливает новый мировой порядок после окончания Второй мировой войны. Таким образом, если тщательно проанализировать Устав, вопрос о применении силы и порядке его осуществления регулируется также главами V и VII данного Устава, которые возлагают ответственность за поддержание международного мира и безопасность на Совет безопасности как один из главных органов Организации (ст. 24). Статья 43 гласит, что Совет уполномочивается предпринимать такие действия воздушными, морскими или сухопутными силами, какие окажутся необходимыми для поддержания или восстановления международного мира и безопасности. Такие действия могут включать демонстрации, блокаду и другие операции воздушных,

1 Сулов М. Г. О характере войн на разных этапах исторического развития. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.permarchive.ru/index.php?page=lokalnye-vojny-doklad1> (дата обращения: 16 августа 2016).

2 Например: Аман Р. Пакты о ненападении; развитие и оперативное использование в Европе (1922–1939). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://militera.lib.ru/research/coalitions/01.html>; Пакт о Нейтралитете меду СССР и Японией 13 апреля 1941 г.: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_japan/611/%D0%9F%D0%Bo%D0%BA%D1%82, и др.

3 См. об этом: Adu Yao Nikez: International Criminal Law and Victor's justice: The Case of Cote d'Ivoire: ASERJET, - Vol 20, No 1 (2016), - PP. 128-136. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://aserjetsjournal.org/index.php/American_Scientific_Journal/article/view/1722/784 (Accessed 6 of August 2016).

4 См. об этом: Гуго Гроции. О праве войны и мира [перевод на русский язык]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.civisbook.ru/files/File/Groziy_Kn1.pdf, [дата обращения: 16 апреля 2016].

морских или сухопутных сил Членов Организации. Эти меры ни в коей мере не затрагивают неотъемлемого права на индивидуальную или коллективную самооборону (ст. 51). Такие меры уже имели место в международных отношениях. Яркими примерами являются Решения Совета безопасности ООН во время войны Ирака против Кувейта, когда он принял ряд Решений и Резолюций против Ирака⁵, и др. Это что касается вопроса международной безопасности.

Однако Устав этим не ограничивается. Он рассматривает вопросы индивидуальной и коллективной самообороны. По этому поводу Устав гласит, что ни в коей мере он не затрагивает неотъемлемого права на индивидуальную или коллективную самооборону (ст. 51). Об этом свидетельствует война Израиля против коалиции арабских стран (Египет, Ирак, Иордания и Сирия). В 1973 году внезапно вооруженные силы этой коалиции вторгались на территорию Израиля во время Кипур (Kippour), на что последовал ответ Израиля⁶.

Также Устав ни в коей мере не препятствует существованию региональных соглашений или органов для разрешения вопросов, относящихся к поддержанию международного мира и безопасности, которые являются подходящими для региональных действий, при условии, что такие соглашения или органы и их деятельность совместимы с Целями и Принципами Организации (ст. 52). Такими примерами являются интервенции сил Африканского союза в Сомали, ЭКОВАС (ЭКОМОГ) в Либерии, Гвинеи-Бисау и в Сьерра-Леоне, а также в настоящее время действия арабской коалиции в Йемене.

При всех указанных обстоятельствах применения силы вне системы ООН не запрещается. Страны лишь обязуются уведомлять об этом Совет безопасности (ст. 53-54).

Из вышесказанного можно делать следующие выводы:

1. Устав ООН не использует в своих формулировках слова и выражения, которые бы обязывали государства по отношению к Уставу, такие, как «государства обязаны, должны или исключительно», которые носят императивный характер. Например: «Все Члены Организации Объединенных Наций обязаны, должны или исключительно (курсив мой - А. Я.) разрешать/решают свои международные споры мирными средствами таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир и безопасность и справедливость»; и/или «Все Члены Организации Объединенных Наций обязаны, должны или исключительно (курсив мой - А. Я.) воздерживаться/воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения...»⁷. Отсутствие таких формулировок придает Уставу рекомендательный характер.

2. Возможность применения силы государствами-членами ООН по решению Совета безопасности означает, что применение силы в международных отношениях не запрещено. Оно осуществляется в установленном порядке.

3. Коллективная или индивидуальная самооборона и возможность применения силы региональными организациями лишь способствует росту количества войн, даже если государства должны сообщить об этом Совету безопасности. Например, действие государства, вызывавшего коллективную самооборону может не соответствовать международному праву. Однако другие союзники обязуются в рамках коллективной безопасности (договора) прибегать к войне ради союзника. Например, сбивая российский истребитель в сирийском небе,

Турция смогла бы спровоцировать войну между Россией и странами НАТО, если российская страна ответила бы на данное действие⁸. В качестве примера можно привести также действия Турции и западной коалиции в Сирии без решения Совета безопасности ООН и призыв сирийского правительства о помощи в настоящее время. Действия арабской коалиции в Йемене является ещё одним примером допущения военных действий страны. Следовательно, в настоящее время военные интервенции наблюдаются в различных точках мира, они проводятся в целях борьбы с терроризмом. Толкование термина «самооборона» государствами неоднозначно, особенно учитывая понятие превентивной самообороны, практикуемой государствами, такими, как США, Израиль, Турция⁹ т.д., что только увеличивает применение силы в международных отношениях.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что если Устав ООН не разрешает применение силы в международных отношениях, то он открыто не запрещает войны. Он призывает государства к определенным действиям по воздержанию от применения войны как орудия внешней политики. Устав, также можно отметить, регулирует, при каких обстоятельствах государства могут применять силу в их взаимоотношениях, т.е. не запрещает её. Следовательно, можно без преувеличения сказать, что вопрос о применении силы в современном международном праве является открытым и дискуссионным.

Пристатейный библиографический список

1. Аман Р. Пакты о ненападении; развитие и оперативное использование в Европе 1922–1939. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://militera.lib.ru/research/coalitions/01.html>.
2. Гуго Гроции. О праве войны и мира [перевод на русский язык]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.civisbook.ru/files/File/Grozyi_Kn1.pdf, (дата обращения: 16 апреля 2016 г.).
3. Суслов М. Г. О характере войн на разных этапах исторического развития. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.permarchive.ru/index.php?page=lokalnye-voyny-doklad1> (дата обращения: 16 августа 2016 г.).
4. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией от 13 апреля 1941 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_japan/611/%D0%9F%D0%B0%D0%BA%D1%82, (дата обращения: 16 августа 2016 г.).
5. Резолюция 678 (1990) от 29 ноября 1990 года, в которой Совет безопасности призывает государства-члены предпринять необходимые меры в отношении Ирака для поддержания международного мира и безопасности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/576/02/IMG/NR057602.pdf?OpenElement> (дата обращения: 17 августа 2016 г.).
6. Устав ООН 1945 года.
7. Adu Yao Nikez: International Criminal Law and Victor's justice: The Case of Cote d'Ivoire: ASERJET, - Vol 20, No 1 (2016),- PP. 128-136. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://asrjetsjournal.org/index.php/American_Scientific_Journal/article/view/1722/784 (Accessed 6 of August 2016).
8. Christine Gray: International Law and the Use of Force. - Third Edition,- Foundations of Public International Law. - Oxford 2008. - 480 c.
9. La Guerre de Kippour jour après jour. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tsahal.fr/tsahal-au-passe/guerre-kippour-jour-apres-jours/> (дата обращения: 17 августа 2016 г.).
- 5 Например: Резолюция 678 (1990) от 29 ноября 1990 года, в которой Совет безопасности призывает государства-члены предпринять необходимые меры в отношении Ирака для поддержания международного мира и безопасности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/576/02/IMG/NR057602.pdf?OpenElement> [дата обращения: 17 августа 2016 г.].
- 6 La Guerre de Kippour jour après jour. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tsahal.fr/tsahal-au-passe/guerre-kippour-jour-apres-jours/> [дата обращения: 17 августа 2016 г.].
- 7 Например, внутреннее законодательство государства всегда четко и ясно предписывает: «каждый ... обязан...в противном случае...», то есть присутствует гипотеза, тезис и санкции. В данном случае решения Совета безопасности и региональных организаций должны быть в виде санкции в отношении нарушения международного предписания.
- 8 Необходимо отметить, что турецкая сторона признала свою ошибку, за что она принесла свое извинение.
- 9 Например: превентивные войны США в Афганистане, Ираке или Израиле в соседних странах.

АМИРОВ Динар Рустемович

юрист

СОДЕРЖАНИЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА КОНСУЛЬСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ И ИХ РАБОТНИКОВ

В статье на основе исследования содержания и соотношения понятий «правовой статус» и «правовое положение» предлагается структура правового статуса (положения) консульских учреждений, правового статуса (положения) работников консульских учреждений, а также дается краткая характеристика входящих в них элементов.

Ключевые слова: правовой статус, правовое положение, консульское право, консульские учреждения, консульские должностные лица, консульские служащие, работники обслуживающего персонала, работники консульских учреждений.

AMIROV Dinar Rustemovich

lawyer

THE CONTENT OF THE LEGAL STATUS OF CONSULAR POSTS AND THEIR EMPLOYEES

In the article on the basis of studying content and correlation of concepts «legal status» and «legal position» the author suggests the structure of the legal status (position) of consular posts, legal status (position) of members of consular posts and also gives a brief description of their elements.

Keywords: legal status, legal position, consular law, consular posts, consular officers, consular employees, members of the service staff, members of the consular posts.

Амиров Д. Р.

Правовой статус консульских учреждений и их работников¹ представляет собой сложное, многоаспектное явление, которое, по нашему мнению, можно рассматривать в узком и широком смысле. В первом случае речь идет о статусе, устанавливаемом нормами консульского права, а также положениями законодательства государств, регламентирующими консульскую деятельность.

Международно-правовое регулирование статуса осуществляется, в первую очередь, международным обычаем и Венской конвенцией о консульских сношениях 1963 г. (далее – ВККС), являющейся основополагающим документом в области консульского права. Она установила минимальный объем правового статуса консульских учреждений и их работников, необходимый им для эффективного выполнения возложенных на них функций, который не может быть ограничен ни в двусторонних консульских договорах (конвенциях), ни в нормативных правовых актах законодательства стран-участниц ВККС.

Одной из отличительных особенностей консульского права от родственного дипломатического является то, что помимо универсального многостороннего договора имеется множество двусторонних консульских соглашений, которые, согласно ч.2 ст.73 ВККС, подтверждают, дополняют, распространяют или расширяют ее положения². Следовательно, объем общего правового статуса консульских учреждений и их работников,

установленного положениями ВККС, может отличаться от того, который предусмотрен консульским договором. В этом случае, в соответствии с правилом специальной нормы (lex specialis)³, подлежат применению положения двустороннего консульского соглашения.

Как уже было обозначено выше, деятельность консульских учреждений и их работников также регламентируется нормами внутреннего права⁴. Они, как правило, устанавливают правовой статус консульских учреждений и их работников, находящихся за рубежом⁵, а также соответствующих иностранных учреждений и лиц на территории данного государства⁶. В рамках государственно-правового регулирования

1 Используя понятие «правовой статус консульских учреждений и их работников», мы подразумеваем наличие двух самостоятельных правовых статусов, во многом связанных, но различных по своему содержанию: статуса консульских учреждений и статуса работников консульских учреждений.

2 Венская конвенция о консульских сношениях (заключена в г. Вене 24.04.1963) // Сборник международных договоров СССР, вып. XLV. – М., 1991. С. 124-147.

3 Лукашук И. И. Современное право международных договоров. В 2 т. Том I. Заключение международных договоров/ Рос. Акад. Наук, Ин-т государства и права. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – С. 624.

4 Лукашук И. И. Международное право. Особенная часть: учеб. для студентов юрид. фак. и вузов. Рос. акад. наук, Ин-т государства и права, Академ. правовой ун-т. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – С. 92.

5 Федеральный закон от 05.07.2010 № 154-ФЗ «Консульский устав Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 28. Ст. 3554; Указ Президента Республики Беларусь от 19 февраля 1996 года №82 «Об утверждении Консульского устава Республики Беларусь» // ЭТАЛОН-ONLINE. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.etalonline.by/Default.aspx?type=text®num=P39600082#load_text_none_1_151. (дата обращения: 10 апреля 2016); Consular Services Act, 1999 (Финляндия) // Finlex. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.finlex.fi/fi/laki/kaannokset/1999/en19990498.pdf>. (дата обращения: 10 апреля 2016); и др.

6 Указ Президиума ВС СССР от 23 мая 1966 г. № 4961-VI «Об утверждении Положения о дипломатических и консульских представительствах иностранных государств на территории Союза Советских Социалистических Республик» (с изм. продолжает действовать на территории РФ до принятия нового нормативного правового акта по этому вопросу) // Ведомости ВС СССР. 1966. № 22. Ст. 387; Consular relations act, 1968 (Великобритания) // Leg-

осуществляется детализация положений ВККС и упорядочивание отношений, не получивших в ней отражения, в пределах, допускаемых международными соглашениями.

В этой связи ряд авторов рассматривает законодательство государств как источник консульского права⁷, что, на наш взгляд, не совсем оправданно. Независимо от того, признается ли консульское право отраслью или подотраслью международного права, оно остается неотъемлемым элементом его системы. Как известно, нормы национального права не являются его источником⁸ и, соответственно, к источникам консульского права относиться не могут. Как справедливо отмечает И. И. Лукашук, имеет место углубление взаимодействия международного и внутреннего права, а не стирание границ между ними⁹, которое охватывает, в том числе и консульские отношения¹⁰.

Рассматривая правовой статус консульских учреждений и их работников в широком смысле, мы подразумеваем, что в нем переплетается целый ряд взаимосвязанных правовых статусов и помимо обозначенного выше в него входят: в отношении учреждений – статус органов исполнительной власти, а в отношении работников – статус государственных служащих, иностранных граждан, находящихся на территории государства, и др. Исследование правового статуса в указанном значении лежит за рамками нашей научной статьи.

Правовой статус консульских учреждений и их работников в разной степени рассматривался в работах А. Х. Абашидзе¹¹, Б. В. Ганюшкина¹², К. П. Пэдурару¹³, О. Ф. Сакун¹⁴, И. А. Чистоходовой¹⁵, Julius I. Puente¹⁶ и некоторых других авторов, однако ни в одной из них не исследовалось его содержание путем выделения элементов, входящих в структуру данного правового явления и их последующего изучения. Необходимо отметить, что такой подход зачастую применяется в науке международного права и при рассмотрении статуса других

участников международного общения¹⁷, что, по нашему мнению, не совсем корректно, поскольку не позволяет в полной мере раскрыть содержание рассматриваемого правового явления.

Несмотря на достаточно широкое применение категории «правовой статус» в нормативных правовых актах и в юридической науке, на сегодняшний день отсутствует единообразное понимание ее сущности и содержания. Так, рассматриваемое понятие находит свое отражение как в названии, так и в тексте целого ряда международных договоров¹⁸, но ни один из них не содержит его определения. Аналогичная ситуация складывается в законодательстве иностранных государств. В частности, в Австрии¹⁹, Венгрии²⁰, США²¹, ФРГ²² оно используется для описания правового состояния различных субъектов и объектов правоотношений, при этом ни в одном из нормативных правовых актов дефиниции указанной категории нам встретить не удалось.

В российском законодательстве содержание правового статуса раскрывается лишь в нескольких нормативных правовых актах. Среди элементов, входящих в его структуру, выделяются: права, свободы, обязанности и ответственность²³, а также ограничения, гарантии и компенсации²⁴. Кроме того, правовой статус определяется как правовое положение²⁵. Это-

islation.gov.uk. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1968/18/section/13?view=plain>. (дата обращения: 10 апреля 2016); Foreign Missions Act, 1982 (США) // U.S. Department of State. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.state.gov/documents/organization/17842.pdf>. (дата обращения: 10 апреля 2016); Foreign Missions and International Organizations Act, 1991 (Канада) // Justice Laws Website. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://laws.justice.gc.ca/PDF/F-29.4.pdf>. (дата обращения: 10 апреля 2016); и др.

7 Блищенко И. П., Дурденевский В.Н. Дипломатическое и консульское право. – М., 1962. С. 27; Бобылев Г.В. и Зубков Н. Г. Основы консульской службы. – М.: Междунар. отношения, 1986. – С. 35; и др.

8 Лукашук И. И. Международное право. Общая часть : учеб. для студентов юрид. фак. и вузов / И.И. Лукашук; Рос. акад. наук, Ин-т государства и права, Академ. правовой ун-т. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 23.

9 Лукашук И. И. Глобализация, государство, право, XXI век. – М.: Спарк, 2000. С. 208.

10 Лукашук И. И. Международно-правовое регулирование международных отношений. – М.: Междунар. отношения, 1975. – С. 97.

11 Абашидзе А. Х., Федоров М. В. Право внешних сношений: Учебное пособие. – М.: Междунар. отношения, 2009. – 384 с.

12 Ганюшкин Б. В. Правовое положение консульств и их персонала // Московский журнал международного права. –1999. –№ 3. – С. 166-174.

13 Пэдурару К.П. Международно-правовые основы консульской службы: дисс. ... к.ю.н. М., 2005.

14 Сакун О.Ф. Правовой статус консульских органов // Советский ежегодник международного права 1964-1965 гг. М., Издательство «Наука», 1966. С. 163-175.

15 Чистоходова И. А. Международно-правовой статус и функции зарубежных представительств государств и международных межправительственных организаций: дисс. ... к.ю.н. М., 2005.

16 Julius I. Puente. The Legal Status of Foreign Consuls in Latin America // Columbia Law Review, Vol. 30, No. 3 (Mar., 1930), pp. 281-307.

17 Моджорян Л. А. Правовое положение дипломатических представительств и их персонала // Советский ежегодник международного права, 1974. – М.: Наука, 1976. – С. 156-169; Моисеев Е. Г. Правовой статус Содружества Независимых Государств. Учебное пособие / отв. ред. Проф. К.А. Бекяшев – М., ЮристЪ, 1995; Стовбун В. Д. Международно-правовой статус международной организации космической связи «Интерспутник»: дисс. ... к.ю.н. – М., 2010 и др.

18 «Конвенция о статусе беженцев» (Заключена в г. Женеве 28.07.1951) // Бюллетень международных договоров. 1993. № 9. С. 6 – 28; «Конвенция о статусе апатридов» (Заключена в г. Нью-Йорке 28.09.1954) // Действующее международное право. Т. 1. – М.: Московский независимый институт международного права. 1996. С. 230 – 243; «Соглашение о правовом статусе должностных лиц и сотрудников органов Содружества Независимых Государств» (Заключено в г. Москве 25.04.2003) // СПС Консультант-Плюс; и др.

19 Federal Act dated 7th July 1976 on the legal status of ethnic groups in Austria (Ethnic Groups Act) (with amendments) // Federal Chancellery RIS Law Information System. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ris.bka.gv.at/Dokumente/ErV/ERV_1976_396/ERV_1976_396.pdf. (дата обращения: 10 апреля 2016).

20 The Fundamental Law of Hungary of 25 April 2011 // Website of the Hungarian Government. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kormany.hu/Download/e/02/0000/The%20New%20Fundamental%20Law%20of%20Hungary.pdf> (дата обращения: 10 апреля 2016).

21 SC Code § 63-5 // US Law, Case Law, Codes, Statutes & Regulations: Justia Law. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://law.justia.com/codes/south-carolina/2014/title-63/chapter-5> (дата обращения: 10 апреля 2016); AL Code § 31-13-18 // US Law, Case Law, Codes, Statutes & Regulations: Justia Law. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://law.justia.com/codes/alabama/2013/title-31/chapter-13/section-31-13-18> (дата обращения: 10 апреля 2016); и др.

22 Act on the Legal Status of Members of the German Bundestag of 18 February 1977 (with amendments) // German Bundestag. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bundestag.de/blob/189732/6e3095be7d1968201ca34bbca5c285d9/memlaw-data.pdf> (дата обращения: 10 апреля 2016).

23 Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 22. Ст. 2331.

24 Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53. Ст. 7598.

25 Закон РФ от 15.04.1993 № 4802-1 «О статусе столицы Российской Федерации» // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 13.05.1993. № 19. Ст. 683.

ждествование этих двух понятий осуществляется и в других нормативных правовых актах²⁶.

В отличие от позиции законодателя, как правило, не различающего правовой статус и правовое положение, в научных трудах отечественных ученых отсутствует консенсус в вопросе соотношения указанных категорий. Одни авторы полагают, что они не равнозначны²⁷ и различны по своему объему²⁸, в то время как, по мнению других, тождественны²⁹. Рассматривая их как взаимозаменяемые, Н. И. Матузов и А. В. Малько приходят к следующему выводу: «исходя из контекста, стилистической предпочтительности, используется то или иное выражение»³⁰.

Исследование правового статуса консульских учреждений и их работников следует начать с рассмотрения статуса учреждений, поскольку он первичен по отношению к статусу работников. Ввиду того, что данные учреждения представляют собой органы внешних сношений государства, наибольший интерес вызывают существующие подходы, раскрывающие содержание правового статуса, положения государственных органов, а также коллективных субъектов правоотношений.

Одни авторы используют категорию «правовое положение» для юридической характеристики органов исполнительной власти и выделяют в качестве его основы правосубъектность, представляющую совокупность правоспособности, дееспособности и компетенции. Под правоспособностью они понимают возможность иметь права и обязанности, под дееспособностью – способность самостоятельно осуществлять правоспособность, компетенцию, приобретать и осуществлять права, принимать на себя и исполнять обязанности, а также нести ответственность. Компетенция, по их мнению, представляет собой систему полномочий органа, включающих конкретные права и обязанности, предоставленные ему для осуществления возложенных на него задач и функций³¹.

С точки зрения других авторов, в содержание правового статуса следует включать такие элементы как: место организации (в том числе подведомственность (подчиненность) конкретному органу власти или иной вид их юридической связи); сфера, предмет и виды ее деятельности; цели создания и деятельности; решаемые организацией задачи; выполняемые функции; права (полномочия) и обязанности; ограничения прав; юридическая ответственность³².

Обладает определенной оригинальностью подход, предложенный Д. Н. Бахрахом, объединившим элементы административно-правового статуса исполнительных органов государственной власти в три блока:

1) целевой (юридически закрепленные цели, задачи и функции);

2) структурно-организационный (нормативное регулирование порядка образования, реорганизации, ликвидации субъектов, их подчиненности и передачи из ведения одних организаций в подчинение других и др.);

3) компетенционный (компетенция: обязанности и права, подведомственность, правовое закрепление круга объектов, предметов, дел, на которые распространяются властные полномочия) – основной в правовом статусе³³.

Зарубежный исследователь П. Беккер, не отождествляя правовое положение и правовой статус международной организации, считает, что первое понятие охватывает правовой статус организации, ее привилегии и иммунитеты, ответственность, в то время как собственно правовой статус ограничен правосубъектностью, право- и дееспособностью и полномочиями международной организации³⁴.

Несмотря на многообразие точек зрения по данному вопросу, обозначенные нами подходы охватывают все те элементы, которые, как правило, выделяются в структуре правового статуса (положения). При этом следует учитывать, что она во многом определяется особенностями самого субъекта.

Также необходимо отметить, что все штатные консульские учреждения обладают одинаковым правовым статусом, вне зависимости от их класса (генеральные консульства, консульства, вице-консульства или консульские агентства). В то же время объем статуса почетных консульских учреждений значительно меньше.

Исходя из вышеизложенного, полагаем, что правовой статус (положение) консульских учреждений включает в себя следующие элементы: 1) цель создания и деятельности консульских учреждений; 2) порядок начала и прекращения деятельности консульских учреждений; 3) консульские функции; 4) права и обязанности консульских учреждений; 5) привилегии и иммунитеты консульских учреждений.

Цель создания и деятельности консульских учреждений. Государства, устанавливая консульские отношения друг с другом и открывая соответствующие учреждения за рубежом, преследуют двуединую цель: защита интересов представляемого государства, его граждан и организаций, а также содействие развитию торговых, экономических, культурных и научных связей, дружественных отношений между странами. Именно она во многом предопределяет структуру правового статуса консульских учреждений, поскольку все остальные его элементы необходимы для практической реализации предназначения консульских учреждений. В связи с этим цель создания и деятельности данных учреждений можно рассматривать как основополагающую составляющую их статуса.

Начало и прекращение деятельности консульского учреждения. Установление консульских отношений не влечет ав-

26 Федеральный закон от 27.07.2010 № 205-ФЗ «Об особенностях прохождения федеральной государственной гражданской службы в системе Министерства иностранных дел Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4174.; Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3215; и др.

27 Общая теория права и государства: Учебник / Под ред. В. В. Лазарева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2001. С. 127, 245.

28 Права человека: учебник / отв. ред. Е.А. Лукашева. – 2-е изд., перераб. – М.: Норма: ИНРА-М, 2011. – С. 99-100.

29 Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России: учебник. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2015. С. 167; Оксамытний, В. В. Общая теория государства и права: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция». М.: «ЮНИТИ-ДАНА», 2012. – С. 115; и др.

30 Матузов, Н. И., Малько, А. В. Теория государства и права: учебник – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2013. – С. 182.

31 Административное право России: Учебник. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2013. – С. 116-117.

32 Административное право России: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. В. Я. Кикотя, П. И. Кононова, Н. В. Румянцева. – 6-е изд., перераб.

и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. (Серия «Dura lex, sed lex»). – С. 105-106.

33 Бахрах Д. Н. Административное право России. Учебник для вузов. – М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М), 2000. – С. 17.

34 Bekker, Peter Henri Fredericus. The legal position of intergovernmental organizations : A functional necessity analysis of their legal status a. immunities : Proefschr... / Door Peter Henri Fredericus Bekker ; T.M.C. Asser inst. – Dordrecht etc. : Nijhoff, [1994]. – P. 51.

томатического открытия консульских учреждений, поскольку для этого необходимо соблюдение специальной процедуры, требующей дополнительного соглашения между государствами. Это касается как самого факта открытия учреждения, так и его класса, местоположения, территории консульского округа. О необходимости получения одобрения государства пребывания говорится в ст.4 ВККС, двусторонних консульских соглашениях. Положения его внутреннего законодательства могут детализировать указанную процедуру, устанавливая дополнительные требования. В конечном счете существует временной разрыв между возникновением консульских отношений и фактическим учреждением консульств.

Прекращение деятельности консульского учреждения может быть временным или окончательным. В первом случае это может быть связано с существующей угрозой жизни и здоровью работников консульского учреждения. Другой причиной временного прекращения работы может быть наличие причин и условий, препятствующих его функционированию.

Окончательное прекращение выполнения консульским учреждением своих функций возможно в результате разрыва консульских отношений, вооруженного конфликта между сторонами. При этом, согласно п.а) ч.1 ст.27 ВККС, на государстве пребывания лежит обязанность по обеспечению сохранности консульства, его имущества и архива. Также оно может быть закрыто по политическим мотивам или в случае отсутствия целесообразности его существования.

Консульские функции. Цель создания и деятельности консульских учреждений воплощается в консульских функциях, перечень которых закреплен в ст.5 ВККС. Представляемое государство вправе возложить на консульство выполнение других функций, предусмотренных двусторонними консульскими договорами, либо не противоречащих законодательству государства пребывания или против выполнения которых оно не имеет возражений. Согласно ст.70 ВККС и ст.3 Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961г., консульские функции могут также выполняться дипломатическим представительством.

Нормативные правовые акты государств, посвященные консульской деятельности, также могут содержать список функций, выполняемых консульским учреждением. В частности Консульский устав РФ содержит их открытый перечень, состоящий из 13 функций. При этом, по нашему мнению, не совсем корректно данное в нем определение консульских функций как полномочий соответствующих учреждений. Полагаем, что их следует рассматривать как основные направления деятельности консульств, в рамках которых последние реализуют предоставленные права и исполняют возложенные обязанности.

Права и обязанности консульских учреждений. Несмотря на то, что очень сложно провести грань между правами и обязанностями консульского учреждения и консульского должностного лица ввиду их тесной взаимосвязи, это необходимо для формирования теоретической конструкции правового статуса данных учреждений. По нашему мнению, можно выделить две основные группы прав и обязанностей консульского учреждения: 1) связанные с выполнением консульских функций; 2) иные права и обязанности. В рамках обозначенной нами первой группы в качестве примера можно привести обязанность оказывать содействие гражданину в реализации избирательных прав при проведении выборов и права на участие в референдуме. Для этого консульство имеет право образовывать в своем помещении избирательный участок.

Вторая группа прав и обязанностей по большей своей части связана с предоставляемыми консульским учреждениям привилегиями и иммунитетами. Так, например, они вправе вывесить государственный флаг и установить герб на своем здании, на его входных дверях, а также на резиденции главы консульского учреждения и, когда это связано с исполнением служебных обязанностей, на его средствах передвижения. При этом ст.29 ВККС предусматривает, что при осуществлении указанного права на консульстве лежит обязанность по соблюдению законов, правил и обычаев государства пребывания.

Привилегии и иммунитеты консульских учреждений. Преамбула ВККС установила, что для обеспечения эффективного осуществления консульскими учреждениями функций от имени их государств, они и их работники наделяются привилегиями и иммунитетами. К ним относятся: неприкосновенность консульских помещений; неприкосновенность официальной корреспонденции, консульского архива и документов; свобода сношений; фискальный иммунитет; таможенные привилегии; право пользования консульским учреждением государственным флагом и гербом. Двусторонними консульскими конвенциями могут быть предусмотрены дополнительные привилегии и иммунитеты, например, неприкосновенность средств передвижения консульского учреждения.

Таким образом, можно констатировать, что правовой статус (положение) консульских учреждений представляет собой установленную нормами международного и внутреннего права их юридическую характеристику, предопределяемую целью создания данных учреждений, включающую в себя установленный порядок начала и прекращения деятельности консульств, консульские функции, права и обязанности консульских учреждений, а также предоставляемые им привилегии и иммунитеты.

В виду того, что практическое выполнение консульских функций и обеспечение деятельности консульств лежит на работниках консульского учреждения, они также наделяются необходимым для этого правовым статусом. Его исследование невозможно без рассмотрения существующих общетеоретических подходов к содержанию правового статуса, положения индивидуального субъекта правоотношений. Несмотря на то, что отечественные ученые на протяжении долгого времени ведут дискуссию по данному вопросу, у большинства авторов в структуре рассматриваемого нами правового явления присутствуют одни и те же элементы, составляющие его основу.

С. С. Алексеев полагает, что правовой статус личности включает в себя субъективные права и обязанности, существующие в виде общего состояния. Именно они, по его мнению, «...определяют основу правового положения личности – то стабильное, основополагающее в правовом положении субъекта, что в полной мере соответствует смыслу понятия «статус»³⁵. Некоторые исследователи в содержание правового статуса (положения) индивидуального субъекта правоотношений помимо прав и обязанностей включают ответственность³⁶, систему его свобод³⁷, гарантии прав и свобод, правосубъект-

35 Алексеев С. С. Общая теория права: учеб. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – С. 382.

36 Административное право Российской Федерации: учебник / Ю. И. Мигачев, Л. Л. Попов, С. В. Тихомиров; под ред. Л. Л. Попова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2011. – Серия: Основы наук. С. 56, 125; Худынцева А. С. Правовой статус судей Международного Суда ООН: дисс. ... к.ю.н. Екатеринбург, 2009; и др.

37 Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России: учебник. – С. 167.

ность, установленные законодательством ограничения и запреты³⁸.

Л. А. Морозова придерживается позиции, согласно которой правовой статус физического лица складывается из его прав, свобод обязанностей и гражданства (подданства). Совокупность правовых статусов (общего, специального и индивидуального) формирует его правовое положение³⁹.

Необходимо отметить, что значительное число ученых выделяют основополагающие и все остальные элементы рассматриваемого нами правового явления. В частности Н. И. Матузов и А. В. Малько считают, что «сердцевину» правового статуса (положения) личности составляют ее права, свободы, обязанности и их гарантии. Его структуру также, по их мнению, образуют законные интересы, правосубъектность, гражданство, юридическая ответственность, правовые принципы, правовые нормы, устанавливающие данный статус, и правоотношения общего (статусного) типа⁴⁰.

Ряд авторов не согласен со столь широким толкованием содержания правового статуса (положения). В. К. Бабаев, взяв за основу правового статуса (положения) личности права, свободы и обязанности, относит правосубъектность, нормы права, гражданство и законные интересы к его предпосылкам, а юридические гарантии, как полагает ученый, остаются за пределами рассматриваемой категории⁴¹. В целом схожа, но не тождественна позиция Т. Н. Радько, отводящего роль центральных элементов правового положения (статуса) юридическим правам и свободам, юридическим обязанностям и юридической ответственности субъекта, а гражданству, правосубъектности, правовым гарантиям и условиям – предпосылок⁴².

Не разделяя правовой статус и положение, Т. А. Занко рассматривает правовое положение дипломатического работника как часть общего правового статуса личности, включающего в себя совокупность прав, обязанностей, запретов, ограничений, гарантий, поощрений и мер ответственности, связанных с исполнением функций дипломатического характера, а также обеспечением исполнения полномочий Российской Федерации в сфере международных отношений⁴³.

Важным элементом правовой характеристики отдельных категорий лиц, в том числе и работников консульских учреждений, являются их привилегии и иммунитеты⁴⁴. Значительное расширение объема правового статуса того или иного гражданина (группы граждан) путем наделения их иммунитетами, а в ряде случаев и привилегиями, производится в целях обеспечения более эффективного выполнения возложенных

на них функций и в силу особого характера осуществляемой ими деятельности.

Проанализировав существующие подходы к содержанию правового статуса, положения индивидуального субъекта правового общения, мы считаем, что данные категории характеризуют одно и то же правовое явление и предлагаемое рядом ученых их разграничение скорее осложняет, чем облегчает понимание его сущности. В то же время, полагаем, что в структуру правового статуса работников консульских учреждений не следует включать абсолютно все элементы, выделяемые в рамках общего правового статуса.

Так, существенное влияние на правовой статус работников консульских учреждений оказывает гражданство. Согласно ст.71 ВККС, тем из них, кто является гражданами государства пребывания или постоянно проживающим в нем, предоставляется меньший объем привилегий и иммунитетов, чем иностранным гражданам, если иное не предусмотрено соглашением. Однако считаем, что гражданство является внешним фактором, воздействующим на элементы правового статуса, и в его структуру оно не входит.

Необходимо отметить, что правовой статус работников консульских учреждений сам по себе неоднороден и объединяет несколько самостоятельных статусов: главы консульского учреждения, консульских должностных лиц, консульских служащих и работников обслуживающего персонала⁴⁵. Особое положение занимают почетные (нештатные) консульские должностные лица, возглавляющие соответствующие консульские учреждения. Их правовой статус значительно отличается от статуса штатных консульских должностных лиц, что проявляется в первую очередь в характере выполняемых функций и объеме предоставляемых иммунитетов и привилегий.

Несмотря на существенные различия в содержании правового положения указанных категорий работников консульских учреждений⁴⁶, набор входящих в него элементов будет одинаковым. В связи с этим, принимая во внимание все вышеизложенное, полагаем, что структура правового статуса (положения) работников консульских учреждений выглядит следующим образом: 1) порядок назначения на должность и прекращения деятельности работников консульских учреждений; 2) права и обязанности работников консульских учреждений; 3) привилегии и иммунитеты работников консульских учреждений; 4) ответственность работников консульских учреждений.

Порядок назначения на должность и прекращения деятельности работников консульских учреждений. Особый порядок назначения на должность представляемым государством и допуска к выполнению своих функций государством пребывания предусмотрен только для главы консульского учреждения и связан с необходимостью получения экзекватуры. В отношении других категорий работников консульских учреждений действует упрощенная процедура, которая, тем не менее, требует соблюдения определенных формальностей.

Прекращение деятельности работниками консульских учреждений может быть временным или окончательным. В первом случае это может быть связано с невозможностью ис-

38 Административное право России: Учебник. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2013. (Классический университетский учебник). – С. 54, 184-185, 194-195.

39 Морозова Л. А. Теория государства и права: учебник. – 5-е изд., перераб. и доп. – М, Норма : ИНФРА-М, 2014. – С. 301-302.

40 Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. – С. 182-186.

41 Теория государства и права: учебник для бакалавров / под ред. В. К. Бабаева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2014. – Серия: Бакалавр. Базовый курс. – С. 204-207.

42 Радько Т. Н. Теория государства и права: учебник. – 2-е изд. – М.: Проспект, 2012. – С. 687.

43 Занко Т. А. Правовое положение дипломатических работников: права, государственные гарантии, поощрения // Вестник МГИМО-Университета. – 2013. – № 3 (30). – С. 121.

44 Афанасьев В.В. Иммунитеты и привилегии международных организаций социалистических государств: дисс. ... к.ю.н. М., 1984. С. 10; Митрофанов М.В. Служащие международных организаций: Персонал организации системы ООН. – М.: Междунар. отношения, 1981. – С. 109.

45 Несмотря на то, что в соответствии с ВККС глава консульского учреждения относится к консульским должностным лицам, существенные особенности его правового положения не позволяют рассматривать их статус в единстве.

46 Подробнее о классификации работников консульских учреждений и ее влиянии на их правовой статус см.: Амиров Д. Р. Классификация работников консульских учреждений и ее содержание // Евразийский юридический журнал. – 2016. – №91 (92). – С. 106-110.

полнения своих обязанностей по тем или иным причинам, например, состоянию здоровья. В ст.15 ВККС предусматривается временное выполнение функций главы консульского учреждения сотрудником, исполняющим его обязанности. Окончательное прекращение деятельности зачастую происходит по причине истечения срока нахождения на должности в консульстве, но также возможно в связи с закрытием учреждения, досрочным отзывом работника представляемым государством, аннулированием экзекватуры, объявлением лица «*persona non grata*» либо его смертью.

Права и обязанности работников консульских учреждений. В зависимости от того, к какой категории работников консульского учреждения принадлежит лицо, оно выполняет те или иные функции. Реализация консульских функций возложена на консульских должностных лиц, в то время как остальные работники прямо или косвенно осуществляют деятельность, направленную на обеспечение их эффективного выполнения. Так, консульские служащие исполняют административные или технические обязанности, а члены обслуживающего персонала, соответственно, обязанности по обслуживанию консульств.

Для выполнения возложенных на работников консульского учреждения обязанностей они наделяются необходимыми правами. В конечном счете права и обязанности указанных лиц могут быть подразделены на две основные группы: 1) непосредственно связанные с осуществлением своих функций; 2) иные права и обязанности. В частности, для исполнения обязанностей нотариуса в рамках установленной консульской функции консульские должностные лица наделяются правами по совершению нотариальных действий. А в рамках второй группы, связанной, как правило, с предоставляемыми привилегиями и иммунитетами, консульские должностные лица обязаны явиться в компетентные органы в случае возбуждения в отношении них уголовного дела. При этом при производстве дела они вправе требовать особого уважительного к себе отношения ввиду их официального положения.

Функции консульских служащих и работников обслуживающего персонала и вытекающие из них права и обязанности в консульском праве не закреплены. Вместе с тем, на практике возможны случаи, когда требуется установление их конкретного перечня. Так, например, ст.19 Консульской конвенции между СССР и США предусматривает наличие у сотрудников консульского учреждения (членов административно-технического и обслуживающего персонала) иммунитета от юрисдикции государства пребывания в том, что касается их служебной деятельности⁴⁷. Соответственно для того, чтобы выяснить, обладало ли лицо иммунитетом при совершении противоправного деяния, необходимо будет определить содержание его прав и обязанностей в рамках осуществления указанной деятельности.

Привилегии и иммунитеты работников консульских учреждений. Объем привилегий и иммунитетов, предоставляемый работникам консульских учреждений, зависит в первую очередь от категории, к которой принадлежит работник консульства. В наиболее выгодном положении, согласно ВККС, находятся консульские должностные лица. Консульские слу-

жащие наделяются меньшими привилегиями и иммунитетами, а работники обслуживающего персонала в соответствии с нормами ВККС практически не обладают ими.

Вторым существенным фактором, оказывающим влияние на объем привилегий и иммунитетов, является наличие двустороннего консульского договора между государствами, в котором работникам консульских учреждений предоставляются большие привилегии и иммунитеты, чем это предусмотрено ВККС. В качестве примера вновь приведем советско-американскую консульскую конвенцию, практически полностью уравнивающую консульских должностных лиц и сотрудников консульских учреждений в рассматриваемом элементе их правового статуса.

К основным привилегиям и иммунитетам консульских должностных лиц относятся: личная неприкосновенность, иммунитет от юрисдикции, свобода передвижения, свобода сношений, фискальный иммунитет, таможенные привилегии. Также консульские должностные лица освобождаются от личных повинностей, обязанностей по регистрации как иностранцев и получению разрешения на жительство и работу. Ряд двусторонних консульских соглашений устанавливает неприкосновенность их жилища, принадлежащих им транспортных средств. Некоторые из данных привилегий и иммунитетов распространяются на другие категории работников консульских учреждений.

Ответственность работников консульских учреждений. Согласно ст.55 ВККС, все лица, пользующиеся привилегиями и иммунитетами, обязаны уважать законы и правила государства пребывания, следовательно, нормы права этой страны являются для них обязательными⁴⁸. Наличие у отдельных категорий работников консульских учреждений иммунитета от юрисдикции не является основанием для освобождения их от ответственности за совершение противоправных деяний. Иммунитет в данном случае носит процессуальный⁴⁹, а не материальный характер и его следует рассматривать как правовой барьер, препятствующий осуществлению юрисдикции судебными или административными органами. Освобождения от предписательной юрисдикции он не предоставляет⁵⁰.

Более того, положения ВККС и двусторонних консульских соглашений предусматривают возможность привлечения лиц, пользующегося иммунитетом от юрисдикции, к гражданско-правовой ответственности. В частности, это касается случаев нарушения обязательств по договору, по которому они прямо или косвенно не выступали в качестве агента представляемого государства, причинения вреда в результате ДТП.

Таким образом, можно констатировать, что правовой статус (положение) работников консульских учреждений – установленная нормами международного и внутреннего права их юридическая характеристика, во многом определяемая статусом (положением) консульского учреждения, включающая в себя порядок назначения на должность и прекращения деятельности работников консульских учреждений, их права и обязанности, предоставляемые привилегии и иммунитеты, а также предусмотренную ответственность.

47 Консульская конвенция между СССР и Соединенными Штатами Америки (Вместе с «Протоколом к Консульской конвенции между Правительством СССР и Правительством Соединенных Штатов Америки») (Заклучена в г. Москве 01.06.1964) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXV. – М., 1972. – С. 81-91.

48 Лукашук И. И., Наумов А. В. Международное уголовное право: Учеб. – М.: Спарк, 1999. – С. 53.

49 International Court of Justice Judgment of 14 February 2002. Case concerning the Arrest Warrant of 11 April 2000 (Democratic Republic of the Congo v. Belgium). – P. 25.

50 Yearbook of the international law commission. 2008, vol. II (Part Two). – P. 137.

Пристатейный библиографический список

1. Венская конвенция о консульских сношениях (заключена в г. Вене 24.04.1963) // Сборник международных договоров СССР, вып. XLV. – М., 1991. – С. 124-147.
2. Консульская конвенция между СССР и Соединенными Штатами Америки (Вместе с «Протоколом к Консульской конвенции между Правительством СССР и Правительством Соединенных Штатов Америки») (Заключена в г. Москве 01.06.1964) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXV. – М., 1972. – С. 81-91.
3. Административное право России: Учебник. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2013. (Классический университетский учебник).
4. Административное право России: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. В. Я. Кикотя, П. И. Кононова, Н. В. Румянцева. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. (Серия «Dura lex, sed lex»).
5. Административное право Российской Федерации: учебник / Ю. И. Мигачев, Л. Л. Попов, С. В. Тихомиров; под ред. Л. Л. Попова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2011. – Серия: Основы наук.
6. Алексеев С. С. Общая теория права: учеб. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008.
7. Афанасьев В. В. Иммуниеты и привилегии международных организаций социалистических государств: дисс. ... к.ю.н. – М., 1984.
8. Бахрах Д. Н. Административное право России. Учебник для вузов. – М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА. М), 2000.
9. Блищенко И. П., Дурденевский В. Н. Дипломатическое и консульское право. – М., 1962.
10. Бобылев Г. В. и Зубков Н. Г. Основы консульской службы. – М.: Междунар. отношения, 1986.
11. Занко Т. А. Правовое положение дипломатических работников: права, государственные гарантии, поощрения // Вестник МГИМО-Университета. – 2013. – № 3 (30). – С. 121-126.
12. Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России: учебник. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2015.
13. Лукашук И. И. Глобализация, государство, право, XXI век. – М.: Спарк, 2000.
14. Лукашук И. И. Международное право. Общая часть: учеб. для студентов юрид. фак. и вузов / И. И. Лукашук; Рос. акад. наук, Ин-т государства и права, Академ. правовой ун-т. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2005.
15. Лукашук И. И. Международное право. Особенная часть: учеб. для студентов юрид. фак. и вузов. Рос. акад. наук, Ин-т государства и права, Академ. правовой ун-т. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2005.
16. Лукашук И. И. Международно-правовое регулирование международных отношений. – М.: Междунар. отношения, 1975.
17. Лукашук И. И. Современное право международных договоров. В 2 т. Том I. Заключение международных договоров. Рос. Акад. Наук, Ин-т государства и права. – М.: Волтерс Клувер, 2004.
18. Лукашук И. И., Наумов А. В. Международное уголовное право: Учеб. – М.: Спарк, 1999.
19. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2013.
20. Митрофанов М. В. Служащие международных организаций: Персонал организации системы ООН. – М.: Междунар. отношения, 1981. – 120 с.
21. Морозова Л. А. Теория государства и права: учебник. – 5-е изд., перераб. и доп. – М, Норма : ИНФРА-М, 2014.
22. Общая теория права и государства: Учебник / Под ред. В. В. Лазарева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2001.
23. Оксамытный В. В. Общая теория государства и права: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция». М.: «ЮНИТИ-ДАНА», 2012.
24. Права человека: учебник / отв. ред. Е. А. Лукашева. – 2-е изд., перераб. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2011.
25. Радько Т. Н. Теория государства и права: учебник. – 2-е изд. – М.: Проспект, 2012.
26. Теория государства и права : учебник для бакалавров / под ред. В. К. Бабаева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2014. – Серия: Бакалавр. Базовый курс.
27. Худынцева А. С. Правовой статус судей Международного Суда ООН: дисс. ... к.ю.н. Екатеринбург, 2009.
28. Bekker, Peter Henri Fredericus. The legal position of intergovernmental organizations: A functional necessity analysis of their legal status a. immunities : Proefschr... / Door Peter Henri Fredericus Bekker ; T.M.C. Asser inst. – Dordrecht etc.: Nijhoff, 1994.
29. International Court of Justice Judgment of 14 February 2002. Case concerning the Arrest Warrant of 11 April 2000 (Democratic Republic of the Congo v. Belgium).
30. Julius I. Puente. The Legal Status of Foreign Consuls in Latin America // Columbia Law Review, Vol. 30, No. 3 (Mar., 1930), pp. 281-307.
31. Yearbook of the international law commission. 2008, vol. II (Part Two).

КАБАНОВ Владимир Львович

кандидат педагогических наук, Руководитель центра экспертиз в образовании Российской Академии образования

ВОПРОСЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ДЕТЕЙ ИЗ ЧИСЛА КОРЕННЫХ НАРОДОВ ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ ПРАВУ

В статье рассматривается проблематика защиты прав детей из числа коренных народов по международному праву. Указывается, какие проблемы существуют у детей коренных народов в различных странах мира, раскрывается содержание единой международно-правовой базы, которая выступает основой защиты их прав. Также анализируется применение принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка в отношении детей из числа коренных народов.

KABANOV Vladimir Lvovich

Ph.D. in pedagogical sciences, Head of center of expertise in education Russian Academy of education

PROTECTION OF RIGHTS OF INDIGENOUS CHILDREN UNDER INTERNATIONAL LAW

The article deals with the problems of indigenous children's rights protection under international law. Specifies, what problems exist for indigenous children in the various countries of the world, reveals the content of the international legal framework, which is the basis of protection of their rights. It also analyzes the application of the principle of the best interests of the child in relation to children belonging to indigenous peoples.

Кабанов В. Л.

Коренные народы обладают особым статусом в международном праве в виду их уязвимости. Об этом вопросе много писали в России и за рубежом¹. Вместе с тем, определенные проблемы возникают и у детей из числа коренных народов, которые обладают так называемой «двойной уязвимостью»², и объективно необходимо на законодательном уровне принимать соответствующие действия для защиты их прав.

Дети из числа коренных народов особенно страдают от нарушений прав человека, так как зачастую их родной язык, обычаи и ценности не совпадают с аналогичными атрибутами других людей. Эта категория детей подвержена воздействию различных социально-экономических факторов, затрагивающих их права. Дети нередко вынуждены покидать свои исконные общины и переселяться в города в поисках возможностей для обучения. В незнакомой им городской среде они часто подвергаются дискриминации со стороны остальной части населения и лишены равных возможностей в отношении занятости и образования. Они могут сталкиваться с крайними трудностями, оказавшись вне своих родных общин и проживая в иных социальных условиях, не способствующих их участию в экономической и социальной жизни. Это может оказывать разрушительное воздействие на их самосознание и культурную самобытность и приводить к различным серьезным последствиям для их здоровья и социального поведения, таким, как депрессия и наркомания. Так, например, в странах Латинской Америки вынуждены трудиться гораздо больше коренных, чем некоренных детей, несмотря на то, что в целом уровень их охвата образованием повысился. В Гватемале доля

работающих некоренных детей уменьшилась, тогда как среди коренных детей она остается стабильной. В Боливии доля работающих коренных детей в четыре раза превышает такой же показатель среди некоренного населения. В других странах, в частности в Кении и на Филиппинах, коренные дети работают в горнодобывающей промышленности, в сфере проституции, в коммерческом сельском хозяйстве и в качестве домашней прислуги, тогда как в других странах они вовлекаются в вооруженные конфликты³.

Международные правозащитные контрольные органы также обращают пристальное внимание на нарушение прав детей из числа коренных народов. Так, в 2004 г. Комитет по ликвидации расовой дискриминации сообщил, что в Суринаме возрастают масштабы сексуальной эксплуатации детей и количество случаев изнасилования девушек - представительниц коренных и племенных народов в районах, в которых ведутся горнодобывающие и лесохозяйственные операции⁴. Комитет по правам ребенка выразил свою обеспокоенность тяжелым положением детей народности батва в Бурунди и тем, что почти все их права не соблюдаются на всех уровнях⁵. Он также выразил свою тревогу в связи с положением коренных детей в Республике Конго, хотя и признал успехи этой страны в деле принятия закона о коренных народах⁶.

Как привило, социальная политика не предусматривает какие-либо конкретные меры в отношении детского труда среди коренных народов, и эта проблема по-прежнему не находит надлежащего понимания и внимания.

Кроме того, во многих случаях дети из числа коренных народов оказываются фактически лишены доступа к недорогому и учитывающему их культурные особенности медицинскому уходу и здравоохранению, что ведет к ухудшению

1 См., например: Anaya S. James. Indigenous Peoples in International Law. Second Edition. Oxford University Press, 2004; Абашидзе А.Х., Ананидзе Ф.Р., Солнцев А.М. Международно-правовые основы защиты меньшинств и коренных народов : учебник. - М: РУДН, 2015.
2 Алисиевич Е.С. К вопросу об определении понятия «уязвимые группы» в международном праве прав человека // Евразийский юридический журнал. 2013. № 1. С. 29-33.

3 Док. ООН А/НRC/4/32, пун. 26

4 Док. ООН А/59/18, пун. 195.

5 Док. ООН CRC/C/100, пун. 162.

6 Док. ООН CRC/C/COG/CO/1, пун. 88.

состояния здоровья и повышает риск заболеваемости поддающимися профилактике заболеваниями.

Более того, к детям коренных народов по наследству переходит ответственность за сохранение земель их предков, ресурсов и святынь, составляющих основу их культуры, истории и самобытности. Однако многие молодые люди из числа коренных народов на деле физически и психологически оказываются оторванными от своей культурной среды и традиционной жизни. Они нуждаются в особой поддержке, с тем чтобы вернуться к своему культурному наследию и сберечь его и вновь обрести свободный доступ к своей исторической земле и священным местам. Дальнейшее разрушение окружающей среды угрожает отнять будущее у многих коренных народов. Так как их культурное своеобразие и наследие неотделимы от исконных земель, защита и сохранение окружающей среды⁷ являются приоритетным направлением деятельности для детей из числа коренных народов во всем мире.

Прямо или косвенно права детей из числа коренных народов признаются во Всеобщей декларации прав человека 1948 года, Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 года, Конвенции о правах ребенка 1989 года, во Всемирной декларации об обеспечении выживания, защиты и развития детей 2000 года и в Плане действий по ее осуществлению, в Декларации Всемирной встречи на высшем уровне в интересах детей 1990 года и в Декларации Организации Объединенных Наций о правах коренных народов 2007 года. В этих документах зафиксированы право на образование, труд, здравоохранение и жилье, свобода слова, а также защита таких социальных и культурных прав, как изучение традиционных языков и использование их для общения. Так, в статье 30 Конвенции о правах ребенка прямо признается право детей, принадлежащих к коренному населению, пользоваться своей культурой, исповедовать свою религию, а также пользоваться родным языком.

Помимо Конвенции о правах ребенка важную роль в решении вопроса о положении детей из числа коренных народов и их праве не подвергаться дискриминации играют также различные договоры по правам человека, а именно Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 года, Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 года. Конвенция Международной организации труда № 169 о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах, 1989 года содержит положения, которые способствуют повышению эффективности осуществления прав коренных народов, и особо подчеркивает права детей из числа коренных народов в области образования.

В 2003 году Постоянный форум ООН по вопросам коренных народов провел свою вторую сессию по теме «Дети и молодежь из числа коренных народов», и в том же году Комитет по правам ребенка посвятил свой ежегодный День общей дискуссии правам детей из числа коренных народов и принял конкретные рекомендации, адресованные в первую очередь государствам-участникам, а также структурам ООН, правоза-

щитным механизмам, гражданскому обществу, донорам, Всемирному банку и региональным банкам развития.

В 2007 году Генеральная Ассамблея ООН приняла Декларацию о правах коренных народов, которая служит важным ориентиром в вопросах, касающихся прав коренных народов, и содержит конкретные упоминания о правах детей из числа коренных народов в ряде областей.

Большое внимание проблематике защиты детей из числа коренных народов уделяется в работе Совета ООН по правам человека, договорных органов по правам человека, Детского фонда Организации Объединенных Наций (ЮНИСЕФ). Так, например, в 1991 г. Исполнительный совет ЮНИСЕФ принял резолюцию, обязующую ЮНИСЕФ укреплять в рамках своих проектов деятельность по оказанию содействия детям коренных народов в пользовании этим правом. В странах Азии, Латинской Америки и Африки проекты ЮНИСЕФ сконцентрированы в областях образования, здравоохранения, питания и развития сельских районов и направлены на улучшение условий жизни женщин и детей коренных народов при одновременном поощрении их права на религиозную и культурную жизнь. Расположенный во Флоренции исследовательский центр ЮНИСЕФ («Инноченти») занимается изучением потребностей детей коренных народов, а в штаб-квартире ЮНИСЕФ готовятся учебные материалы по Конвенции о правах ребенка, специально ориентированные на детей коренных народов.

Право на образование и дети из числа коренных народов

В преамбуле Конвенции о правах ребенка государства-участники отмечают, что они учитывают «должным образом важность традиций и культурных ценностей каждого народа для защиты и гармоничного развития ребенка». Хотя все права, закрепленные в Конвенции, и применяются ко всем детям вне зависимости от того, являются они представителями коренных народов или нет, Конвенция о правах ребенка была первым основным договором по правам человека, содержащим конкретные упоминания о детях из числа коренных народов в ряде положений. Так, ст. 30 Конвенции гласит: «В тех государствах, где существуют этнические, религиозные или языковые меньшинства или лица из числа коренного населения, ребенку, принадлежащему к таким меньшинствам или коренному населению, не может быть отказано в праве совместно с другими членами своей группы пользоваться своей культурой, исповедовать свою религию и исполнять ее обряды, а также пользоваться родным языком». Далее, ст. 29 Конвенции предусматривает, что «образование ребенка должно быть направлено на (...) подготовку ребенка к сознательной жизни в свободном обществе в духе понимания, мира, терпимости, равноправия мужчин и женщин и дружбы между всеми народами, этническими, национальными и религиозными группами, а также лицами из числа коренного населения». Статья 17 Конвенции также содержит конкретное упоминание, предусматривая, что государства-участники «поощряют средства массовой информации к уделению особого внимания языковым потребностям ребенка, принадлежащего к какой-либо группе меньшинств или к коренному населению».

Таким образом, конкретные упоминания о детях из числа коренных народов в Конвенции свидетельствуют о признании того, что для них требуются особые меры, с тем чтобы они могли в полной мере пользоваться своими правами. Комитет по правам ребенка неизменно учитывает положение детей из числа коренных народов в ходе рассмотрения периодических докладов государств - участников Конвенции. Комитет

⁷ Солнцев А.М. Международное право и экологические права коренных народов // Международно-правовые основы по содействию, поощрению и защите прав коренных народов: Материалы лекций по Программе стажировок для русскоязычных коренных народов Управления Верховного Комиссара ООН по правам человека (УВКПЧ ООН) / Под общ. ред. А.Х. Абашидзе. М.: РУДН, 2009. с. 390-438.

отмечал, что дети из числа коренных народов сталкиваются с серьезными проблемами при осуществлении своих прав, и выдвигал конкретные рекомендации на этот счет в своих заключительных замечаниях. Вопреки статье 2 Конвенции дети из числа коренных народов продолжают подвергаться серьезной дискриминации в ряде областей, в том числе в плане доступа к здравоохранению и образованию.

Вместе с тем, стоит отметить, что проблема эта не так давно нашла понимание в международном сообществе в целом. Так, по итогам рассмотрения докладов государств-участников Комитет по правам ребенка констатирует, что в контексте выполнения своих обязательств по Конвенции многие государства-участники уделяют недостаточно внимания правам детей из числа коренных народов и поощрению их развития. Комитет считает, что следует принять специальные меры в рамках законодательства и политики для защиты детей из числа коренных народов на основе консультаций с заинтересованными общинами и при участии детей в этом процессе консультаций, как это предусмотрено статьей 12 Конвенции. Комитет считает, что властям или другим структурам государств-участников следует активно проводить консультации с надлежащим учетом культурных особенностей, установлением гарантий информирования всех сторон и обеспечением интерактивной связи и диалога⁸. Комитет настоятельно призывает государства-участники обеспечить, чтобы в контексте осуществления Конвенции должное внимание уделялось статье 30. Государствам-участникам следует представлять в своих периодических докладах по Конвенции подробную информацию о специальных мерах, принятых для обеспечения того, чтобы дети из числа коренных народов могли пользоваться правами, предусмотренными в статье 30. Так, например, по итогам рассмотрения доклада России Комитет рекомендовал государству-участнику «принять все необходимые меры для сохранения культурной и языковой самобытности и наследия детей из числа коренных народов посредством предоставления им по мере возможности базового образования на родном языке». Также Комитет призывает государство-участник «улучшить состояние медицинских учреждений и услуг в отдаленных деревнях, в которых проживают группы коренного населения, и способствовать традиционному образу жизни этих групп, в том числе за счет обеспечения доступа к традиционному рациону питания»⁹.

Правосудие и дети из числа коренных народов

Несмотря на ограниченность имеющихся данных, ряд исследований показывает, что дети и молодежь из числа коренных народов в непропорционально высокой степени представлены в системе уголовного правосудия. Как отметил Комитет по правам ребенка, чрезмерно распространенная практика помещения под стражу детей из числа коренных народов «может быть обусловлена системной дискриминацией в рамках судебной системы и/или общества»¹⁰. В Австралии, например, вероятность того, что молодые люди из числа коренных народов в возрасте 10–17 лет будут находиться под надзором на базе общины, в 15 раз превышает такую вероятность для

других подростков, а вероятность того, что они могут оказаться под стражей, превышает такую вероятность для остальных почти в 25 раз¹¹. В Новой Зеландии молодые люди из числа маори более чем в два раза чаще предстают перед судом по сравнению с остальными молодыми людьми.

Другой областью, в которой по-прежнему сохраняются препятствия, является доступ к правосудию принадлежащих к коренным народам детей, ставших жертвами насилия в семье и сексуальных надругательств.

Комитет по правам ребенка в своем замечании общего порядка № 11 (2009 года) установил ряд препятствий и средств правовой защиты в отношении доступа к правосудию для детей из числа коренных народов. В пункте 23 особо отмечается, что государства-участники обязаны обеспечить, чтобы «судебные и административные органы могли должным образом контролировать и обеспечивать» надлежащее соблюдение принципа недискриминации. Государству также следует помнить о том, что эффективные средства правовой защиты в связи с соблюдением принципа недискриминации должны быть «своевременными и доступными»¹².

Существует острая нехватка данных о детях и молодежи из числа коренных народов в системе правосудия, которая не только затрудняет оценку масштабов имеющихся проблем, но и препятствует разработке и осуществлению надлежащей политики по преодолению их чрезмерной представленности в системе правосудия. Комитет по правам ребенка подчеркнул необходимость сбора дезагрегированных данных по детям из числа коренных народов, с тем чтобы обеспечить выявление случаев дискриминации, указав, что государствам следует приложить усилия по улучшению дезагрегации данных в системах отправления правосудия в отношении несовершеннолетних. Кроме того, Комитет подчеркнул, что для устранения условий, вызывающих дискриминацию, необходимо принять позитивные меры, такие как предоставление доступа к учитывающим культурные особенности услугам в области правосудия по делам несовершеннолетних¹³.

Пункт 3 статьи 40 Конвенции о правах ребенка требует от государств принять меры к тому, чтобы обращение с детьми, которые, как считается, нарушили уголовное законодательство, обвиняются или признаются виновными в его нарушении, по возможности строилось без использования судебного разбирательства. Кроме того, Комитет последовательно отмечал, что арест, задержание или тюремное заключение ребенка может использоваться лишь в качестве крайней меры¹⁴. В отношении детей из числа коренных народов могут быть использованы традиционные системы восстановительного правосудия, отвечающие нормам международного права, с целью урегулирования дел с участием детей и молодежи. Комитет также рекомендует разработать программы и услуги на уровне общин, которые учитывают потребности и культурные особенности детей из числа коренных народов, их семей и общин¹⁵. В Австралии, например, Программа правосудия коренных народов финансирует программы, касающиеся на организации рассмотрения дел и мероприятий в области исправительного воспитания, предназначенных для детей и молодежи.

8 Замечание общего порядка № 11 (2009) «Дети из числа коренных народов и их права согласно Конвенции», пун. 20.

9 Док. ООН CRC/C/RUS/CO/4-5, п.64 от 25.02.2014 г. «Комитет по правам ребенка. Заключительные замечания по объединенным четвертому и пятому периодическим докладам Российской Федерации».

10 Комитет по правам ребенка, замечание общего порядка № 11 (CRC/C/GC/11), пун. 74.

11 Australian Institute of Health and Welfare, «Youth justice in Australia 2011–12: an overview», Bulletin 115 (April 2013), p. 10. Available from <http://www.aihw.gov.au/WorkArea/DownloadAsset.aspx?id=60129543208>.

12 Комитет по правам ребенка, замечание общего порядка № 11 // Док. ООН CRC/C/GC/11), пун. 24.

13 Там же, пункт 25.

14 Там же, пункт 74.

15 Там же, пункт 75.

Государствам следует разработать и осуществить программы по подготовке сотрудников правоохранительных и судебных органов, а также других соответствующих гражданских служащих по правам детей из числа коренных народов, по специальным мерам защиты для детей и молодежи из числа коренных народов и по использованию подходов, учитывающих культурные особенности. Также крайне необходимо, чтобы сотрудники правоохранительных и судебных органов имели подготовку по обнаружению травм и могли заниматься такими проблемами, как насилие и сексуальные надругательства.

Еще одним принципом, который должен соблюдаться всегда, является принцип уважения взглядов ребенка. Статья 12 Конвенции о правах ребенка закрепляет право детей быть заслушанными в ходе любого затрагивающего их судебного или административного разбирательства. В случае детей из числа коренных народов в число мер по осуществлению права быть заслушанным в ходе судебного или уголовного разбирательства входит предоставление бесплатных услуг переводчика и гарантированная юридическая помощь с учетом их культурных особенностей¹⁶. В Гватемале в рамках судебной системы учрежден Центр письменных и устных переводов для коренных народов с целью облегчения им доступа к правосудию, и в частности женщинам и детям из числа коренных народов. Центр располагает письменными и устными судебными переводчиками, предоставляющими услуги по всей территории страны и профессионально владеющими 22 языками майя, на которых говорят в стране.

Как уже отмечалось выше, при рассмотрении вопроса о доступе детей из числа коренных народов к правосудию крайне важно применять целостный подход. Одной из областей, заслуживающих особого внимания, является образование. Качественное образование может сыграть стимулирующую роль для осуществления прав человека, принося при этом пользу отдельным детям и их общинам. Более конкретно, предоставление детям и молодежи из числа коренных народов образования в области прав человека должно осуществляться как средство расширения их прав и возможностей как отдельных лиц, так и с целью обеспечения самоопределения их общин.

Выводы

Сегодня каждое государство обязано обеспечить, чтобы осуществление прав детей из числа коренных народов было полностью защищено от любых актов государства-участника, совершаемых его законодательными, судебными или административными властями или любой иной структурой или лицом в пределах государства-участника.

Более того, применение принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка в отношении детей из числа коренных народов требует особого внимания. Наилучшее обеспечение интересов ребенка установлено в качестве коллективного и в то же время индивидуального права и что применение этого права в отношении детей из числа коренных народов как группы требует рассмотрения вопроса о том, как это право соотносится с коллективными культурными правами. Дети из числа коренных народов не всегда получают отдельное внимание, которого они заслуживают. В некоторых случаях их особое положение отходит на второй план под влиянием важности других проблем, представляющих более широкий интерес для коренных народов (включая земельные права и политиче-

скую представленность)¹⁷. Когда речь идет о детях, принцип наилучшего удовлетворения интересов ребенка не может игнорироваться или нарушаться ради наилучшего удовлетворения интересов соответствующей группы.

Когда государственные власти, включая законодательные органы, стараются решить вопрос о наилучшем обеспечении интересов ребенка, являющегося представителем коренных народов, им следует учитывать культурные права этого ребенка и его или ее потребность в осуществлении таких прав совместно с членами своей группы. Что касается законодательства, политики и программ, которые затрагивают детей из числа коренных народов в целом, то в процессе работы над вопросом о том, каким образом можно добиться наилучшего обеспечения интересов детей из числа коренных народов в целом с учетом соответствующих культурных аспектов, следует консультироваться с коренной общиной и предоставить ей возможность участвовать в этом процессе. Такие консультации, насколько это возможно, должны предполагать значимое участие детей из числа коренных народов.

В принципе может существовать различие между наилучшим обеспечением интересов отдельного ребенка и наилучшим обеспечением интересов детей как группы. В решениях, касающихся отдельного ребенка, - обычно в решении суда или в административном решении - главную роль играет наилучшее обеспечение интересов конкретного ребенка. Вместе с тем учет коллективных культурных прав ребенка является частью определения пути наилучшего обеспечения его интересов.

Принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка требует от государств принятия активных мер в рамках своих законодательных, административных и судебных систем, которые должны систематически применять этот принцип посредством учета последствий своих решений и действий для прав и интересов детей¹⁸. Для того чтобы эффективно гарантировать права детей из числа коренных народов, такие меры должны включать подготовку и повышение осведомленности о важности учета коллективных культурных прав в сочетании с определением путей наилучшего обеспечения интересов ребенка среди соответствующих профессиональных категорий.

В целях обеспечения эффективного осуществления прав детей из числа коренных народов государствам нужно принять надлежащее законодательство, следует выделить надлежащие ресурсы и принять специальные меры в ряде областей, с тем чтобы эффективно обеспечить осуществление прав детей из числа коренных народов наравне с детьми, не являющимися представителями коренных народов. Следует предпринять дальнейшие усилия в целях сбора и дезагрегирования данных, а также разработки показателей для оценки степени осуществления прав детей из числа коренных народов. В целях разработки политики и планирования усилий с учетом культурных особенностей государствам-участникам следует консультироваться с общинами коренных народов и непосредственно с детьми из числа коренных народов. Специалисты, работающие с детьми из числа коренных народов, должны получать подготовку в вопросах о том, каким образом следует учитывать культурные аспекты прав детей.

17 UNICEF Innocenti Digest No. 11, Ensuring the Rights of Indigenous Children, 2004, p. 1.

18 Комитет по правам ребенка, замечание общего порядка № 5 по вопросу об общих мерах по осуществлению, 2003 год, пункт 12.

16 Комитет по правам ребенка, замечание общего порядка № 11, пункт 76.

ДИДМАНИДЗЕ Улан Темурович

аспирант кафедры международного права Российского университета дружбы народов

РОССИЙСКАЯ НАУКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА XVI – НАЧАЛА XX ВВ. О ВОЙНЕ

В статье предпринимается попытка в систематизированном виде изложить подходы известных российских учёных-правоведов XIX века к вопросам войны. Война рассматривается в условиях, когда она ещё не была запрещена международным правом.

Ключевые слова: война, российская наука международного права, В. Э. Грабарь, Ф. Ф. Мартенс, Л. А. Камаровский, М. Н. Капустин, Д. И. Каченовский, Н. М. Коркунов, В. А. Уляницкий.

DIDMANIDZE Ulan Temurovich

postgraduate student of International Law sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia

RUSSIAN SCIENCE OF INTERNATIONAL LAW XVI – XX CENTURIES ABOUT WAR

The article attempts to systematically outline approaches of known Russian scientists-jurists of the XIX century to the war issues. War is seen in conditions when it is not yet been prohibited under the international law.

Keywords: War, Russian Science of International Law, V. E. Grabar, F. F. Martens, L. A. Kamarovskiy, M. N. Kapustin, D. I. Kachenovskiy, N. M. Korkunov, V. A. Ulyanitskiy.

Дидманидзе У. Т.

Принимаясь за научный анализ конкретной сферы регулирования международного права, выступающей ныне в качестве его категории, института или принципа, а особенно при попытке представить начальное её состояние и процесс развития, следует прежде всего обратиться к науке международного права, прошлое которой, по мнению отечественных авторитетных учёных-международников, исследовано значительно лучше, чем фактическая история международного права¹.

Говоря о прошлом науки международного права, необходимо учесть факт, на который обращал внимание профессор Дмитрий Иванович Каченовский – на отсталость российской науки и её вторичный характер по сравнению с западной. Понятно, что речь идёт о состоянии российской науки международного права в XIX веке, в период деятельности учёного (1827–1872). Он, мягко говоря, не был удовлетворён состоянием как науки международного права в целом, так и российской науки международного права, в связи с чем предлагал: «Стоит стряхнуть с науки международного права покрывающую её архаическую пыль, и она станет способной выдержать какую угодно критику. Очистите её от балласта устарелых принципов, приёмов, учений»². Он же констатировал: «Наука международного права пришла к нам с Запада, сначала в виде иноземной теории». Учёный был убеждён в том, что наука международного права может развиваться только там, где юрико-политическое образование стоит высоко. В связи с этим он признавал, что «с этой стороны мы не сделали больших успехов»³.

Проф. Д. И. Каченовский отмечал: «История показывает, что способные дипломаты везде явились гораздо раньше, чем просвещённые публицисты. Государственная служба долго остаётся единственной школой для изучения международных вопросов»⁴. Международное право, по его утверждению, к концу XVIII столетия сделалось доступным и понятным для государственных людей России. Здесь имеется в виду тот факт, что при Екатерине II русская дипломатия приобрела самостоятельность, т.е. на дипломатическом поприще стали служить российские подданные.

Чем следует руководствоваться при анализе истоков отечественной науки международного права относительно вопроса о войне в межгосударственных отношениях? По утверждению известного зарубежного специалиста по русскому праву проф. У. Э. Батлера, «для русских юристов-международников книга Грабаря является единственным доступным ключом к прошлому их науки»⁵.

В этом контексте следует напомнить, что подобное исследование, опираясь на анализ преимущественно работ западных авторов, проделал профессор Леонид Алексеевич Камаровский (1846–1912)⁶.

История подтверждает, что российская наука международного права возникла позже по сравнению с западной наукой международного права. Это также подтверждается профессором Владимиром Эммануиловичем Грабарём (1865–1956), по мнению которого наука международного права в России берет своё начало на исходе XV века, когда создалось неза-

1 См.: Грабарь В. Э. Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917) / Научный редактор, автор биографического очерка и составитель библиографии: У. Э. Батлер. Отв. редактор и автор предисловия: В. А. Томсинов. – М.: Зерцало, 2005. – С. 492.

2 Каченовский Д. И. Курс международного права. Харьков, 1863 / Золотой фонд российской науки международного права. Т. I. – М.: Международные отношения, 2007. – С. 258.

3 Там же. – С. 48, 49.

4 Там же. – С. 46.

5 Батлер У. Э. Владимир Эммануилович Грабарь (1865–1956). Биографический очерк // Грабарь В. Э. Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917) / Научный редактор, автор биографического очерка и составитель библиографии: У. Э. Батлер. Отв. редактор и автор предисловия: В. А. Томсинов. – М.: Зерцало, 2005. – С. XXXIX.

6 См.: Камаровский Л. А. О международном суде / отв. ред. Л. Н. Шестаков; автор биографического очерка: В. А. Томсинов; автор вступительной статьи: У. Э. Батлер. – М.: Зерцало, 2007. – 488 с.

висимое русское национальное государство. Он отмечал, что в феодальных княжествах XII–XV веков «трудно найти опорные пункты, которые дали бы возможность утверждать, что в то время уже существовало развёрнутое учение о нормах международного права»⁷.

Очевидно, что состояние российской науки международного права являлось отражением состояния внешних сношений российского государства: с момента образования Киевской Руси международные отношения поддерживались главным образом с Византией. Международные отношения российского государства фактически прекратились в период феодальной раздробленности и монгольского ига; вновь они активизировались при Петре I. Проф. Д.И. Каченовский в этом отношении писал следующее: «Россия, несмотря на тысячелетнее своё существование, вступила в международный союз только со времени Петра Великого. До конца XVII века мы избегали постоянных сношений с Европой и вели жизнь одинокою»⁸. В конце XVII – начале XVIII веков Россия стала играть значительную роль в европейской дипломатии⁹.

Основным вопросом изучения науки международного права в целом являлся и продолжает оставаться актуальным поныне вопрос о войне и мире. Испокон веков являясь одним из способов осуществления государством своих целей в межгосударственных отношениях, война, как явление международной жизни, должна была неизбежно стать одним из объектов регламентации международного права и, следовательно, предметом изучения науки международного права. Процесс регламентации войны международным правом складывался в основном в двух направлениях: 1) формирование международного гуманитарного права (МГП); 2) ограничение применения силы в международных отношениях путём введения различных средств мирного разрешения международных разногласий.

Основываясь на так называемых «статейных списках» (документы дипломатических сношений Московского государства с государствами Запада и Востока, отчёты послов об исполнении данных им поручений), проф. В. Э. Грабарь сообщает о представлениях дипломатов Московского государства о войне: война рассматривалась крайним средством; она должна была быть справедливой; предпринимая войну, государь должен был иметь справедливую причину; она не должна была начинаться без объявления; война не должна была отражаться на взаимной торговле воюющих государств¹⁰ и др. Эти подходы ничем не отличались от подходов западноевропейских государств.

Отдельные элементы международного права (так выразился проф. В. Э. Грабарь) первоначально получили освещение в литературной деятельности по трём основным направлениям: разработка воинских уставов; поучения Максима

Грека и политический трактат Юрия Крижанича; работа Посольского приказа.

Например, в «Уставе» Михайлова (состоящем из 663 статей-указов) содержались советы Леонгарда Фроншпергера государям не начинать войны без «крайней необходимости». В сочинении Максима Грека (родом из Албании, монах Афонского монастыря, который приехал в Россию по приглашению правительства (1515–1525 гг.)) давался государю совет действовать по справедливости и сохранять мирные отношения со всеми христианскими государствами. В политическом трактате Юрия Крижанича (был хорватом по происхождению), написанном им во время ссылки в Сибирь, война допускалась также в случае «крайней необходимости», она должна была иметь лишь справедливое основание. Он был противником политики завоевания, особенно когда не было законных причин для войн.

Посольский приказ в XVI–XVII веках в основном вёл работу по собиранию сведений о зарубежном мире, включая политику и практику западных государств¹¹.

Научные работы отечественных учёных-правоведов о войне стали появляться со второй половины XIX века и были в основном посвящены вопросам, подпадающим под международное гуманитарное право, таким как: начало войны; объявление войны; театр войны; воюющие стороны; способы ведения войны; военная оккупация; последствия нарушения обычаев войны. Большие научные дискуссии велись относительно юридического положения партизан¹².

Не умаляя значение труда проф. В. Э. Грабаря для изучения истории российской науки международного права, о чём говорил проф. У. Э. Батлер, следует признать и вклад других отечественных учёных-правоведов. В этом отношении обращает на себя внимание мнение известного российского учёного-международника, профессора Фёдора Фёдоровича Мартенса (1845–1909). Затрагивая в качестве третьего направления развития науки международного права, основанного на научном методе исследования, сочетающем международно-правовой опыт и философское умозрение, проф. Ф. Ф. Мартенс называет родоначальника этого нового направления – профессора Геттингенского университета Георга Фридриха фон Мартенса. Далее перечисляя вклад в науку международного права других иностранных учёных, таких как Гефтер, Блюнчли, Манчини,

11 См.: Там же. – С. 13–33.

12 См.: Камаровский Л. А. О возражениях против права войны // Юв. – 1878. – № 8. – С. 15–37; Мартенс Ф. Ф. О необходимости определения международных законов войны // РИИВ. – № 91. – 28 апреля 1881; Коркунов Н.М. Право войны. – СПб.: Лит. Корневская, 1884; Незабитовский В. А. Международные обычаи во время войны / в собрании сочинений. – Киев: Тип. Е.Я. Федоров, 1884. – С. 147–161; Камаровский Л. А. Война или мир? // Русская мысль. – 1892. – № 2. – Часть 2. – С. 80–86; Грабарь В. Э. Война и международное право // Учёные записки Юрьевского университета. – 1893. – № 4; Камаровский Л. А. О значении войны для современного общества // С. вест. – 1895. – № 2. – Часть 1. – С. 127–141; Уляницкий В. А. Война и международное право. – ЭсГранат. XI. – Столб. 45–53; Камаровский Л. А. Война и право // Право. – 1899. – № 12. – Столб. 643–645; Горюнов А. М. Война и право. – СПб., 1902; Камаровский Л. А. Основные начала права войны // ВВС. – 1904. II. – № 10. – Столб. 371–375; Кузьмин С. Война в мнениях передовых людей. – СПб., 1904; Числов П. И. Современное право войны (Пособие к лекциям в военных училищах). – М., Тип. К. Л. Меншов, 1910; Гессен В. М. Война и право // М. И. Туган-Барановский (ред.). Вопросы мировой войны: Сборник статей. – Пг.: Изд. «Право», 1915. – С. 484–506; Малиновский И. А. Война и суд (по поводу юбилея Судебной реформы 1864 года). – Варшава, Тип. Варшавского учебного округа, 1915; Циммерман М. А. Война и право // Изв. МИД. 1916. Кн. 1. – С. 75–83.

7 Грабарь В. Э. Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917) / Научный редактор, автор биографического очерка и составитель библиографии: У. Э. Батлер. Отв. редактор и автор предисловия: В. А. Томсинов. – М.: Зерцало, 2005. – С. 1.

8 Каченовский Д.И. Курс международного права. Харьков, 1863 / Золотой фонд российской науки международного права. Т. I. – М.: Международные отношения, 2007. – С. 43.

9 См.: Капустин М. Н. Дипломатические сношения России с Западной Европой во второй половине XVIII в. – М., 1852.

10 См.: Грабарь В. Э. Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917) / Научный редактор, автор биографического очерка и составитель библиографии: У. Э. Батлер. Отв. редактор и автор предисловия: В. А. Томсинов. – М.: Зерцало, 2005. – С. 9–12.

он останавливается на отечественных учёных. В частности, Ф. Ф. Мартенс писал: «Русская литература очень бедна самостоятельными трудами, обнимающими всю систему международного права». Далее перечислял учёных и их работы: Д. И. Каченовский (Курс международного права, 2-й выпуск, 1863–1866; сочинение не было закончено, автор остановился на истории международных отношений в Средние века), А. Н. Стоянов (Очерки истории и догматики международного права, 1875), М. Н. Капустин (Обозрение предметов международного права, 1856; Международное право, конспект лекций, 1873), А. В. Бялецкий (О значении международного права и его материалов, 1872), П. Е. Казанский (Учебник международного права публичного и гражданского, 1902)¹³. В настоящей работе мы остановимся на трудах профессоров Д. И. Каченовского, М. Н. Капустина, Н. М. Коркунова, В. А. Уляницкого, Ф. Ф. Мартенса и Л. А. Камаровского, благодаря научным трудам (прежде всего курсам лекций по международному праву) которых сегодня можно получить полезную информацию о состоянии науки международного права в России в соответствующие периоды их научного творчества и преподавательской деятельности.

В учебнике Владимира Антоновича Уляницкого (1854–1920), который, по оценке проф. В. Л. Толстых, можно без преувеличения отнести к третьему поколению, к которому вполне может быть отнесено большинство современных отечественных учебников по международному праву¹⁴, автор приводит различную практику вмешательства одного государства в дела других государств как исключение из принципа независимости государств, в том числе: договоры, предусматривающие привилегированные религиозные права христиан; вмешательство в виде установления финансового контроля со стороны европейских держав, которое оправдывалось правом государства на охрану правомерных интересов своих подданных. При этом учёный считал интервенцию противоречащей основному принципу международного права – автономии государств как самостоятельных и независимых политических организмов. Под интервенцией в области международных отношений автор понимал «самовольное властное, принудительное, не основанное на юридическом титуле вмешательство какого-либо государства в международные отношения двух других государств без согласия обоих или одного из них, или же во внутренние дела другого государства без согласия последнего с целью осуществления своей индивидуальной воли и своего интереса»¹⁵. Учёный считал, что под понятие интервенции не подходит вмешательство в дела другого государства в силу существующего между данными государствами соглашения (например, положения в Берлинском трактате 1878 г. об Армении). Более того, он утверждал: «Вмешательство дружественное (интерцессия) может быть даже полезно для предотвращения международных осложнений». Он выделял необходимый признак интервенции – «властное принуждение, властное требование, т.е. такое, в случае неисполнения которого государство, к которому оно обращено, подвергается опасности насильственного принуждения со стороны интервента,

хотя бы обращённое к нему требование не сопровождалось прямой формальной угрозой физического принуждения»¹⁶. От интервенции он отличал кооперацию, выражающуюся в дружественной помощи по просьбе или с согласия нуждающегося в такой помощи государства. Учёный не относил к интервенции и случаи, когда вмешательство «вызвано правонарушающим деянием другого государства», например, несоблюдением договорного обязательства. По мнению автора, потерпевшее государство вправе отразить такое нарушение, и в этом случае принуждение с его стороны являлось правомерным способом защиты.

Проф. В. А. Уляницкий считал, что самовольное вмешательство одного государства во внутреннюю или внешнюю жизнь другого формально допустимо только в случаях, когда оно опиралось на юридический титул, например, в отношениях протектора к подохранному государству, или же когда государство опиралось на договорные отношения, или когда одно государство специальным договором гарантировало сохранение государственного устройства в другом государстве. Автор допускал и контринтервенцию, т.е. «вмешательство против вмешательства другого государства», например, путём коллективного вмешательства. Он отмечал широкую поддержку учёных коллективного вмешательства со стороны международного союза, хотя он замечал за такой формой вмешательства корыстные цели. При всестороннем рассуждении об интервенции учёный все же подчёркивал, что вопрос об интервенциях далеко ещё не выяснен окончательно наукой международного права, а практика государств – непоследовательна¹⁷.

В учебнике проф. В. А. Уляницкого содержится раздел под названием «Насильственные способы разрешения международных несогласий». Право международного принуждения автором понимается в объективном и субъективном смысле. В первом случае понимается совокупность юридических норм, соблюдение которых обязательно для каждого государства как члена международного союза при охране своих законных интересов и прав. В объективном смысле право международного принуждения есть «право каждого государства охранять принадлежащие ему права и защищать свои интересы, интересы своих подданных в области международных отношений всеми законными средствами, которые имеются в его распоряжении»¹⁸. Учёный считал, что субъектом права принуждения в области международных отношений является только государство. Перечислены объекты международного правонарушения: права государства – основные и договорные, а также интересы государства в том случае, когда они покоятся на юридических основаниях; права и интересы частных лиц; интересы всего международного союза (например, принцип свободы открытого моря). По мнению автора, право принуждения прекращается восстановлением нарушенного права.

Проф. В. А. Уляницкий отмечал, что способы восстановления нарушенного права, имеющие в основании «принципы принуждения и силы», существуют издавна, однако в новейшее время эти способы «обставлены ограничивающими применением насилия правилами»¹⁹. Он выделил два вида: репрессалии и война. Под репрессалией понималось всякое действие, совершаемое одним или несколькими государствами относительно другого с целью принудить его к восстанов-

13 См.: Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Т. I. Издание пятое, дополненное и исправленное. – С.-Петербург: Типография А. Бенке, 1904. – С. 179.

14 См.: Толстых В. Л. В. А. Уляницкий и его работа «Международное право» (Томск, 1911 г.) (вступительная статья) // Золотой фонд российской науки международного права. Т. III. – М.: Международные отношения, 2010. – С. 7–18.

15 Уляницкий В. А. Международное право / Золотой фонд российской науки международного права. Т. III. – М.: Международные отношения, 2010. – С. 100.

16 Там же. – С. 101.

17 Там же. – С. 104.

18 Там же. – С. 395.

19 Там же. – С. 396.

лению нарушенных им прав или интересов, но без вступления в войну. Репрессалии проявляются как в виде непосредственного насилия, так и косвенного принуждения. Выделялись виды репрессалий: реторсия, эмбарго, морская блокада и военная оккупация. Реторсия применяется в случае нарушения одним государством интересов другого государства, причём государство, нарушившее эти интересы, не выходило из пределов своего права: оно совершает не правонарушение, а несправедливость относительно другого государства (например, государство вводит высокие пошлины на товары другого государства).

Подчеркнём, что все вышеизложенное учёный относит к мирным способам разрешения международных разногласий. При неурегулировании разногласий при помощи этих средств государства прибегают к войне, которая, по мнению автора, «всегда и на всех ступенях развития человечества была главным способом решения наиболее серьёзных международных несогласий и крайним средством для осуществления государствами действительного или предполагаемого, но оспариваемого другим государством права или интереса»²⁰.

Имеется ряд положений о войне, которые отражают общий взгляд отечественных учёных рассматриваемого нами периода. В частности, проф. В. А. Уляницкий обобщил взгляд на войну отечественных учёных-юристов, согласно которому война не есть неизбежное следствие несовершенств человеческой природы, не роковой неизбежный закон²¹, подобный явлениям физической природы, а результат несовершенств общих условий культурной, экономической, социальной и государственной жизни. История подтверждает, что с изменением культурной и государственной организации изменяется и характер войн. Следовательно, делается вывод о том, что с устранением в государственном строе и культурной жизни человечества причин, которые содействуют возникновению войн, случаи международных вооружённых столкновений могут быть ограничены и, может быть, даже совершенно устранены.

Проф. В. А. Уляницкий, основываясь на том, что положение культуры, политического строя, социального порядка, международных отношений остаётся несовершенным со множеством недостатков, делает вывод о бесполезности с точки зрения международного права отрицания или признания войны как законной или незаконной, справедливой или несправедливой, правильным или неправильным способом разрешения международных разногласий²². В этом контексте заметим, что западные философы, теологи и правоведы, включая юристов-международников, в целом придерживались подхода о разграничении справедливых и несправедливых войн. В связи с этим чрезвычайно интересным является подход проф. В. Э. Грабаря к разграничению войны и борьбы. Последняя, по его мнению, представляет собой элемент мирового порядка и служит источником движения и развития. Таким образом, борьба рассматривается как родовое понятие в отличие от войны, которая представлена как видовое понятие с признаком физического насилия. По убеждению учёного, борьба всегда

будет существовать в жизни человечества. У «цивилизованных народов» борьбу заменяет соревнование духовных сил²³.

Среди отечественных учёных-правоведов также были те, которые аналогично западным мыслителям отрицали за вопросом о праве на войну качества объекта регулирования международного права. Примером тому являются взгляды проф. Николая Михайловича Коркунова (1853–1904), который считал лучшим пособием для изучения истории науки международного права книгу Карла Кальтенборна (Carl Baron Kaltenborn von Stachau, 1817–1866), который преподавал в Кёнигсберге. Проф. Н. М. Коркунов, рассуждая относительно юридического характера международного права, приводит один из доводов в пользу наличия нормативности у международного права, основываясь на способностях субъекта международного права: «Государство, уклоняющееся от добровольного исполнения падающих на него обязанностей, может быть к этому принуждено предпринятыми против него военными действиями»²⁴. Иначе говоря, он признавал правомерность войны в целях принуждения другого государства к выполнению на него возложенных обязательств по договору или на основе международных обычаев.

Раскрывая учение о праве мира (учение об основных правах государства), согласно которому к основным правам государства относятся право на существование (самосохранение), право на равенство и право на независимость, из права на независимость проф. Н. М. Коркунов выводит обязанность невмешательства в дела государств. Однако проблема заключается в том, что учёный ставит под сомнение обязанность невмешательства с точки зрения права. По его убеждению, «воздерживаться от вмешательства в дела других государств значило бы оставаться безучастным свидетелем самых ужасных насилий, значило бы приносить в жертву отвлечённому принципу самые святые интересы человечества»²⁵. Он называл обязанность невмешательства «отвлечённым принципом». Учёный подкреплял свою позицию другим аргументом; он считал, что «соблюдение права на самосохранение привело бы к полному застою истории». Он исходил из следующего тезиса: «То или другое государство существует, конечно, не потому, что за ним признаётся право на существование, а потому, что существует»²⁶.

В отношении вопроса о праве на войну проф. Н. М. Коркунов более категоричен. Приведём целиком его позицию: «Но только отъявленный доктринёр может требовать, чтобы вопрос о войне и мире решался на основании юридических соображений. Государство воюет, когда может, и раз есть достаточная сила, повод к войне всегда отыщется. Ведь международная жизнь не знает давности. Существование интересов, из которых ведутся войны, измеряется не десятилетиями, а веками. Не удалось отомстить за правонарушение тотчас же, отомстят через 10, 20, 60 лет. А раз вопрос ставится таким образом, за кем не отыщется в настоящее или прошлом правонарушение? Словом, вопрос о праве на войну такой же праздный, как и вопрос о праве на существование. Подобные вопросы, мне кажется, действительно должны быть оставлены. Недостойно

20 Там же. – С. 404.

21 Богословы Западной Европы усматривали в войне кару, ниспосланную на людей Создателем за грехи их. В войне они видели закон нравственного мирового правления.

22 См.: Уляницкий В. А. Международное право / Золотой фонд российской науки международного права. Т. III. – М.: Международные отношения, 2010. – С. 406.

23 См.: Грабарь В. Э. Война и международное право // Учёные записки Юрьевского университета. – 1895. – № 4.

24 Лекции по международному праву профессора Н. М. Коркунова, читаемые в Военно-Юридической Академии в 1883–1884 гг. / Золотой фонд российской науки международного права. – М.: Международные отношения, 2007. – С. 255.

25 Там же. – С. 256–257.

26 Там же. – С. 256.

серьёзной науки заниматься ими»²⁷. Как говорится, сказанное не нуждается в комментариях.

Проф. Михаил Николаевич Капустин (1828–1899) отмечал одну из причин войн: «Реформация и независимость территориальных владельцев повела к церковной и политической самостоятельности государства. Эта самостоятельность с первого раза высказалась в крайнем эгоизме и в исключительном господстве силы, в отрицании всех нравственных основ международной жизни. Вестфальский мир 1648 года установил в известной мере равновесие между государствами и религиозными вероисповеданиями и определил в общих чертах систему европейских государств»²⁸.

Рассматривая вмешательство в контексте деятельности международных союзов государств, он называет те основания, по которым могло иметь место вмешательство: «Только по началу самообороны и для защиты своих прав государство может вмешиваться, равно как вследствие особых обязательств гарантии». Перечисляются формы вмешательства: представление, ходатайство, посредничество, вооружённая сила. По поводу военной силы учёный отмечал: «Эта последняя форма в особенности вызывала протесты и опасения»²⁹.

В конспекте лекций проф. М. Н. Капустина третья глава посвящена праву войны и нейтралитета. Базовым элементом автора по вопросам войны является связь права с принуждением. По утверждению учёного, «без силы право представлялось бы только логическим понятием, а не живым господством. Отсюда необходимость для народа бороться своего права и поддерживать это требование силой»³⁰.

Проф. М. Н. Капустин указывает основную форму принуждения: реторсии и репрессалии. Реторсии (*retorsio juris*) вызываются нежеланием государства предоставить права; они состоят в таком же отказе, выраженном в форме закона. Реторсии состоят в фактическом принуждении и могут прилагаться лишь вследствие нарушения права, которое принадлежит государству или его подданным. Наиболее общими репрессалиями служат эмбарго, блокада и экзекуция. Последняя состоит в военном занятии территории с целью получить удовлетворение³¹.

В разделе «Война и её юридическое определение» речь идёт о правилах ведения войны. Начальные положения этого раздела заслуживают нашего внимания: «Самозащитные и принужденные, составляющие несомненное право самостоятельного государства, могут выразиться в войне, то есть в употреблении силы и в лишении противника возможности сопротивляться. Такое приложение силы имеет нравственный и юридический характер, подчиняется определённым правилам, которые установлены и охраняются цивилизацией и нравами. Международная война, в отличие от междоусобной, есть та, которая ведётся самостоятельными членами ассоциации: только за целым народом, в политическом его значении, признаётся право войны»³².

Из всех названных российских правоведов проф. Д. И. Каченовский больше относится к кругу так называемых «западников», считавших, что общественная мысль в России должна ориентироваться на европейские образцы³³. В своём курсе лекций по между-

народному праву он затрагивал войну в контексте утверждения мирных средств разрешения международных конфликтов и разногласий. Он обращал внимание на исторический факт: путём постоянных попыток государств и их международных союзов не допускать опасного преобладания одного государства над другими создавались преграды, перед которыми пали все завоеватели Нового времени – от Карла V до Наполеона I. На основе подобных фактов учёный сделал вывод: «Высшая санкция международного права не есть война или произвол». По его мнению, «международное право есть произведение всемирной гражданственности. В нём высказываются практические идеи, добытые общественной жизнью человечества»³⁴. Ему же принадлежит другое определение: «Международное право есть закон мира и гармонии»³⁵.

Рассеяв опасения идеалистов относительно войны, проф. Д. И. Каченовский утверждал: «Эпоха завоеваний прошла в Европе невозвратно, как выразился Наполеон III, развитие общественных интересов и постоянных сношений между народами в высшей степени благоприятствует миру; война делается с каждым годом затруднительнее и обходится дороже; государства не только не стыдятся, но считают для себя обязательным делать взаимные уступки и берутся за оружие в самых редких случаях, истощив все способы соглашения»³⁶.

Проф. Д. И. Каченовский подчёркивал: «Пока в составе государств сохраняются следы завоеваний и существуют элементы международного раздора, конгрессы и суды не уничтожат войну»³⁷. Отношение учёного к изучению вопроса о войне и мире выражалось в следующем: «Когда народ достиг самосознания, когда он начал давать себе отчёт во всем, что делать ему, нельзя уклоняться от решения вопросов о войне и мире. Они будут тяготеть над его жизнью постоянно. Он обязан поэтому приготовить свою мысль, чтобы судить о них беспристрастно, спокойно, просвещённо»³⁸.

В книге «О международном суде» проф. Л. А. Камаровский выделил специальный раздел о войне после рассмотрения таких принудительных мер, как реторсия, репрессалия, эмбарго, мирная блокада. Учёный отмечал, что корни войны следует искать не столько в природе человека, сколько в условиях и организации государственной жизни. Он высказал сожаление о том, что основной вопрос о причинах войны в науке почти не был проработан. По его мнению, война стала преобразовываться в юридическое понятие благодаря международному праву, которое возникло из практических стремлений Гуго Гроция и его предшественников положить какие-либо границы её разрушительной силы³⁹.

Проф. Л. А. Камаровский констатирует, что в древности война была нормальным состоянием между государствами. Война в те эпохи не знала иного закона, кроме силы⁴⁰. С XVI века начинает прокладывать себе дорогу мысль, что война есть «спор о праве между государствами»⁴¹. Учёный видел сходство между войной и репрессалиями, рассматривая их в качестве различных форм самообороны государств, однако отмечал и различие: во-

27 Там же. – С. 257.

28 Капустин М. Н. Международное право. Конспект лекций. – Ярославль, 1873 / Золотой фонд российской науки международного права. Т. I. – М.: Международные отношения, 2007. – С. 178.

29 Там же. – С. 196.

30 Там же. – С. 219.

31 Там же. – С. 220–221.

32 Там же. – С. 221.

33 См.: Толстых В. Л. Об авторах / Золотой фонд российской науки международного права. Т. I. – М.: Международные отношения, 2007. – С. 24.

34 Каченовский Д. И. Курс международного права. Харьков, 1863 / Золотой фонд российской науки международного права. Т. I. М.: Международные отношения, 2007. – С. 52.

35 Там же. – С. 54.

36 Там же. – С. 135.

37 Там же. – С. 145.

38 Там же. – С. 51.

39 Камаровский Л. А. О международном суде. – М.: 1881 / отв. ред. Л. Н. Шестаков; автор биографического очерка: В. А. Томсинов; автор вступительной статьи: У. Э. Батлер. – М.: Зерцало, 2007. – С. 42–43.

40 Абашидзе А. Х., Солнцев А. М. Мирное разрешение международных споров: современные проблемы. М., 2012. С. 88.

41 Там же. – С. 43.

йна предпринимается ради защиты не только оспариваемого права, но и существенного и основного для каждого государства⁴².

Разделяя мнение западных учёных, проф. Л. А. Камаровский также обосновывал правомерность войны по двум категориям: по причинам, её вызывающим, и по способам её ведения⁴³.

Проф. Ф. Ф. Мартенс, ссылаясь на Женевский третейский трибунал, учреждённый в 1871 г. на основании Соглашения между Англией и Северо-Американскими Соединёнными Штатами и рассматривавший «дело Алабамы», на третейское разбирательство спора между Англией и Соединёнными Штатами относительно Берингова моря в 1893 г. и на международный третейский трибунал, учреждённый в 1897 г. и рассматривавший пограничный спор между Великобританией и Соединёнными Штатами Венесуэлы, в котором председательствовал сам проф. Ф. Ф. Мартенс, попытался показать активную роль мирных средств разрешения международных споров в лице международного третейского трибунала в международной жизни. Вместе с тем он вынужден был признать, что «не третейское разбирательство, но война остаётся до настоящего времени обыкновенным способом для решения международных споров»⁴⁴.

В труде проф. Ф. Ф. Мартенса приводится разделение истории международных отношений на три периода. Первый период характеризуется «господством физической силы». Среди вопросов, обсуждаемых в этом разделе книги, значится положение, гласящее: «Война есть закон феодализма».

В жизни древних народов и государств война рассматривается профессором Ф. Ф. Мартенсом как средство сближения народов – разрушителем замкнутости, которая была преобладающим состоянием всех народов древности. Он писал: «Война, которая по сознанию философов и de facto представляла нормальный порядок международных отношений древних государств, в то же время служила могущественным средством для сближения народов... Кроме того, война являлась орудием, при помощи которого народы ознакомились друг с другом и, по заключении мира, завязывали мирные сношения и распространяли плоды своей образованности в чужих землях... Походы Александра Македонского и походы римлян внесли зачатки европейской культуры в отдалённые части Азии и Африки»⁴⁵. В другом контексте учёный подтверждает этот тезис: «Война и завоевания римлян служили орудием не только порабления других народов, но и сближения с ними, ознакомления с их культурой и цивилизацией, продуктами их умственной и промышленной деятельности, которые переходили в Рим и становились здесь предметами потребностей и жизненного обихода граждан»⁴⁶.

Характеризуя Средние века, проф. Ф. Ф. Мартенс писал: «Вся история государственной жизни в средние века есть непрерывный ряд частных войн, которые предпринимали феодалы друг против друга не только для разрешения взаимных недоразумений и споров, но и для удовлетворения страсти к войне... Право частной войны, которое принадлежало в средние века каждому физическому и юридическому лицу, вносило анархию во внутреннюю жизнь западно-европейских народов и должно было привести к огрубению нравов, к царству кулачного права (*faustrecht, droit du poing*), которое явилось высшим выражением господствовавшего в феодальное время

принципа личности, индивидуальной силы, возведённой в право и закон»⁴⁷.

Проф. Ф. Ф. Мартенс внёс огромный вклад в становление международного гуманитарного права. Клаузула (оговорка) Мартенса служит неиссякаемым источником прогрессивного развития МГП. Поэтому неудивительно, что в его учебнике вопросы права войны занимают заметное место среди других вопросов, регулируемых международным правом.

В целом следует констатировать, что, хотя российская наука международного права стала глубоко рассматривать ключевые проблемы, регулируемые международным правом, со второй половины XIX века, она всё же смогла полностью воспринять подходы западных учёных по основным аспектам международного права и даже внесла свою лепту в дальнейшую разработку некоторых из этих аспектов. По вопросам войны нельзя было ожидать каких-либо «прорывных» взглядов от российских учёных того периода в условиях незапрещения применения силы в межгосударственных отношениях, однако нет сомнений в том, что разработки российских учёных-правоведов также сыграли значительную роль в деле ограничения применения силы в международных отношениях.

Пристатейный библиографический список

1. Абашидзе А. Х., Солнцев А. М. Мирное разрешение международных споров: современные проблемы. М., 2012.
2. Грабарь В. Э. Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917) / Научный редактор, автор биографического очерка и составитель библиографии: У. Э. Батлер. Отв. редактор и автор предисловия: В. А. Томсинов. – М.: Зерцало, 2005.
3. Камаровский Л. А. О международном суде / отв. ред. Л. Н. Шестаков; автор биографического очерка: В. А. Томсинов; автор вступительной статьи: У. Э. Батлер. – М.: Зерцало, 2007.
4. Капустин М. Н. Международное право. Конспект лекций. – Ярославль, 1873 / Золотой фонд российской науки международного права. Т. I. – М.: Международные отношения, 2007.
5. Каченовский Д. И. Курс международного права. Харьков, 1863 / Золотой фонд российской науки международного права. Т. I. – М.: Международные отношения, 2007.
6. Коркунов Н. М. Право войны. – СПб.: Лит. Корневская, 1884.
7. Незабитовский В. А. Международные обычаи во время войны / в собрании сочинений. – Киев: Тип. Е. Я. Федоров, 1884.
8. Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Т. I. Издание пятое, дополненное и исправленное. – С.-Петербург: Типография А. Бенке, 1904.
9. Толстых В. Л. В. А. Уляницкий и его работа «Международное право» (Томск, 1911 г.) (вступительная статья) // Золотой фонд российской науки международного права. Т. III. – М.: Международные отношения, 2010.
10. Уляницкий В. А. Международное право / Золотой фонд российской науки международного права. Т. III. – М.: Международные отношения, 2010.

42 Там же. – С. 43.

43 Там же. – С. 58.

44 Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Т. I. Издание пятое, дополненное и исправленное. – С.-Петербург: Типография А. Бенке, 1904. – С. 13.

45 Там же. – С. 34.

46 Там же. – С. 61.

47 Там же. – С. 75.

ГРАЧЕВА Анна Михайловна

стажер сектора международно-правовых исследований (специальность 12.00.10), соискатель Института государства и права Российской академии наук

АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Настоящая статья посвящена проблематике в определении и измерении эффективности экономических санкций. Особое внимание уделяется разработке рекомендаций по повышению результативности санкционного принуждения.

Ключевые слова: экономические санкции, принуждение, эффективность санкций, контрмеры.

GRACHEVA Anna Mikhailovna

intern of the International Legal Studies Sector (Major 12.00.10), competitor of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

ANALYSIS OF THE EFFICIENCY OF ECONOMIC SANCTIONS IN MODERN INTERNATIONAL LAW

The article reveals the implications in defining and measuring the effectiveness of economic sanctions. Particular attention is paid to the development of recommendations for the improvement of efficiency of the enforcement of sanctions.

Keywords: economic sanctions, enforcement, efficiency of sanctions, countermeasures.

Грачева А. М.

Экономические санкции являются широко известным, военным механизмом регулирования и принуждения в международных спорах. Однако институт экономических санкций содержит ряд существенных теоретических и процессуальных проблем. Необходимость принуждения в международном праве установлена в Уставе Организации Объединенных Наций (ООН). Совет Безопасности ООН (СБ ООН) осуществляет такое принуждение в рамках устранения любой угрозы миру, нарушения мира или акта агрессии и разрабатывает рекомендации или принимает решения о том, какие меры следует предпринять в каждой конкретной ситуации (связанные с использованием вооруженных сил или нет) для поддержания или восстановления международного мира и безопасности¹. В числе мер, не связанных с использованием вооруженных сил, является «полный или частичный перерыв экономических отношений», что подразумевает применение экономических санкций.

Данный институт обладает существенными несовершенствами, подвергающими сомнению результативность применения санкций. В Докладе Генерального секретаря ООН о работе Организации в 2000 году отмечается, «что санкции не всегда приносят одинаковые результаты в плане побуждения к выполнению резолюций СБ ООН, и в последние годы их эффективность все чаще ставится под сомнение»². Неэффективность экономических санкций связана с рядом проблем, возникающих в процессе их применения. Наиболее актуальной проблемой является отсутствие стратегической направлен-

ности и способности прогнозирования конечных результатов. Результаты применения санкций часто непредсказуемы, в частности в связи с отсутствием четких показателей и неэффективного прогнозирования. В связи с этим, гражданское население санкционируемой страны подвергается «сопутствующему урону» и материальному ущербу. Значимость данной проблемы отражается в Декларации тысячелетия ООН.

Декларация тысячелетия ООН уделяет внимание вопросам мира, безопасности и разоружения и указывает на необходимость «свести к минимуму неблагоприятные последствия вводимых ООН экономических санкций для ни в чем не повинных групп населения, осуществлять непрерывный контроль над санкционными режимами и исключить неблагоприятные последствия санкций для третьих сторон»³.

Гуманитарные последствия, экономический ущерб и иные факторы часто некорректно прогнозируются, что в свою очередь приводит к тяжелым последствиям. Например, действующие контрмеры и санкции могут оказаться успешными в дестабилизации Сирийского режима⁴, однако, смена политического режима на новое диктаторское правительство может нанести непредвиденный политический и экономический ущерб для населения Сирии и других стран. В связи с тем, что эффективность каждого санкционного режима зависит исключительно от достижения целей, необходимо изучить процесс определения таких целей. Общая цель экономических санкций в соответствии с уставом ООН является устранение любой угрозы миру, нарушения мира или акта агрессии, а

1 Ст. 39. Гл. VII «Устав Организации Объединенных Наций» (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945).

2 Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам «Более безопасный мир: наша общая ответственность». A/59/565, 2 december 2004. Часть 2. «Коллективная безопасность и задача предотвращения». Глава VIII. «Роль санкций». П. 178. С текстом доклада можно ознакомиться на официальном веб-сайте ООН по адресу: <http://www.un.org/russian/secureworld.htm>.

3 Интернет ресурс: Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций, Утверждена резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи от 8 сентября 2000 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml.

4 Sami Moubayed. Syria and the USA: Washington's Relations With Damascus From Wilson to Eisenhower (I. B. Tauris, distributed by Palgrave Macmillan; 2012), pg. 207.

также выполнение конкретных предписаний в соответствии с конкретной резолюцией СБ ООН. Однако, теория успеха осложняется иными факторами и переменными обстоятельствами, возникающими в процессе применения санкций.

Достижение поставленных целей подразумевает, что каждый эпизод или временной интервал санкционного процесса будет иметь свой собственный конкретизированный момент успеха. По-мимо временных факторов, парадокс успешности или эффективности экономических санкций заключается в определении относительно разумного ущерба по отношению к цели. Однако, найти такой баланс не всегда представляется возможным. Весьма очевидно, что наиболее успешные операции проходят с минимальным количеством затрат. В своих работах, иллюстрирующих важность определения успеха с учетом последствий, Дэвид Болдуин дает неординарные примеры: «Операция прошла успешно, но пациент умер; это как ампутировать ногу, чтобы удалить бородавку с пальца ноги; победить ядерную войну ценой глобального коллапса и ввести экономических санкции для подчинения государства цели разорения санкционирующих государств-членов⁵».

Различия в понимании целей экономических санкций весьма многообразны. Например, СБ ООН может применить экономические или даже военные санкции в связи с неодобрением определенного поведения. Санкции против Южной Африки являются примером санкций, которые ввели в связи с «моральным неодобрением» политики, в данном случае на фоне сегрегации по расовому признаку – апартеида. Следует также отметить, что на стадии переговоров данных санкций против Южной Африки и Национальной партии, не рассматривались такие последствия как угроза миру всего населения⁶. По словам Булла Хедли, профессора международных отношений в Оксфорде, «Санкции часто применяются без какого-либо представления о результатах их введения; Часто, когда одна страна вводит торговое эмбарго или другую форму экономических санкций на другую, это происходит не в качестве альтернативы войне или потому, что существуют экономические рычаги для мирного разрешения споров, а потому что что-то должно быть сделано, чтобы принудить государство и поставить его на колени⁷».

Не смотря на то, что ряд ученых пытаются измерить воздействие санкций и контрмер, все еще сохраняется значительная неопределенность при попытке выработать систему измерения успеха санкционных режимов. Сотрудник Института международной экономики имени Питерсона и специалист по санкциям Гэри Хафбауэр разделяет успех на две отдельные части: 1) совершение необходимых политических действий страной-правонарушителем и 2) последствия применяемых экономических санкций. Этот анализ включает в себя показатели всех субъектов санкционного режима – включая страну-правонарушителя, Совета Безопасности и государств-членов. Данное разделение успеха применимо и для контрмер. Хотя контрмеры и санкции ООН различны по своему характеру, заинтересованность в успехе и достижении цели схожи.

Хафбауэр проанализировал 204 случая экономических санкций и контрмер в период между 1914 и 1990 гг. В исследовании были учтены заявленные цели санкций, указанные санкционирующими субъектами, а затем оценивался факт достижения этих целей. Исследование Хафбауэра по экономическим санкциям со времен Второй мировой войны подтвердило, что лишь одному из трех санкционных режимов удалось в той или иной мере изменить поведение страны-правонарушителя. Также исследование выявило, что с 1975 по 1980 гг. контрмеры США работали в одном из пяти случаев, успех которых упал на двадцать четыре процента с 1973 г.

Среди санкций ООН, Хафбауэр определил, что санкции были полностью успешными в достижении их поставленной цели с минимальным ущербом только в трех случаях, «Три успешных санкционных режима являются: Лига Наций против Югославии, Лига Наций против Греции, Соединенные Штаты против Египта. В первом случае, Югославия вывела свои войска из Албании чтобы избежать санкционных последствий. Во втором случае, Греция принимает рекомендации Лиги Наций вывести войска из Болгарии и возместить ущерб. В третьем случае, Египет прекратил финансирование конголезских повстанцев, остановил антиамериканские атаки в египетской прессе и отозвал поддержку со стороны арабских государств в операции на Иорданском фронте⁸».

Яркий пример неуспешных санкций можно рассмотреть в американо-ливийских взаимоотношениях. В 1969 году ливийские военные свергли короля и лидер восставших Муаммар Каддафи возглавил государство. При попытке жестоко подавить восстание против своей диктатуре в 2011 году, Муаммар Каддафи был убит в ходе гражданской войны. Под эгидой резолюции Совета Безопасности ООН Соединенные Штаты, Великобритания и Франция начали вводить военные действия против ливийского правительства для защиты гражданских лиц, и стали участниками гражданской войны в Ливии 2011 года. Сразу после того как ливийский лидер был убит, страна погрузилась в хаос и бедствие. Различные регионы оказались под контролем разных группировок. Более того, в Ливии были созданы два разных парламента. Террористическая организация «Исламское государство» захватило ливийский город Сирт. В прошлом президент Обама уже выражал свое сожаление по поводу последствий интервенции в Ливии. В марте в интервью журналу Atlantic он сказал, что операция прошла так, как он надеялся, но что в Ливии сейчас царит полный беспорядок.

В этом интервью он также подверг критике решения правительств Великобритании и Франции, отметив, что после завершения военных действий премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон не интересовался политической ситуации в Ливии⁹. Президент США Барак Обама сказал, что самой серьезной ошибкой его президентства было отсутствие подготовки к последствиям свержения лидера Ливии полковника Муаммара Каддафи¹⁰. В связи с этим остается неразрешенный вопрос о том, как корректно определить цели для минимизации подобных последствий.

5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.princeton.edu/~dbaldwin/selected%20articles/Baldwin%20\(1999-2000\)%20The%20Sanctions%20Debate%20and%20the%20Logic%20of%20Choice.pdf](http://www.princeton.edu/~dbaldwin/selected%20articles/Baldwin%20(1999-2000)%20The%20Sanctions%20Debate%20and%20the%20Logic%20of%20Choice.pdf)

6 Резолюция 418 (1977) от 4 ноября 1977 года: Вопрос о Южной Африке. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://daccess-ods.un.org/TMP/460382.81172514.html>.

7 Robert J. O'Neill & David N. Schwartz (eds), Hedley Bull on Arms Control, Macmillan, 1987, pg.113.

8 Sanctions by Kimberly Ann Elliott, Gary Clyde Hufbauer, and Barbara Oegg, Liberty Fund, 2008, pg. 66. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.econlib.org/library/Enc/Sanctions.html>.

9 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.state.gov/r/pa/ei/bgn/5425.htm>.

10 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.theatlantic.com/international/archive/2016/04/obamas-worst-mistake-libya/478461/>

Капитуляция также может быть результатом военных действий начатых в результате санкций ООН или контрмер. Таким образом, санкции могут рассматриваться в качестве возбудителя войны. Британские правоведы отмечают тесную связь между санкциями и вооруженными конфликтами. Эксперты в санкционных спорах утверждали что, если государства-члены не готовы к возможным военным последствиям, то санкции и вовсе не следует применять. Как заявил лорд Болдуин, и цитирует Э. Х. Карр¹¹, «один из многих выводов, к которым я пришел, состоит в том, что не существует такого понятия, как санкции, которая будет работать и не повлечет за собой войну». После применения «невоенных» санкций начались вооруженные конфликты в Афганистане, Ираке, Гаити, Судане, Сомали и Сербии. В Афганистане, основные санкции (резолюции 1988 и 1989) были наложены в связи с актами терроризма Аль-Каиды и режима талибов 1998 года. Эти санкции изначально касались всего населения и уже после бедствий в результате вторжения США в Афганистан в 2001 году, были скорректированы и уменьшены в отношении конкретных лиц. Таким образом, изменение применяемых санкционных режимов явилось результатом военного нападения. Кроме того, военные действия применились и в Сомали в 1992 году. «Операция Восстановления Надежды США» была проведена в 1992-1993 годах и продолжилась сражением в Могадишо. Военные действия продолжаются по сей день, однако в августе 2014 запущена Операция «Индийский Океан», организованная правительством Сомали. 1 сентября американские войска выпустили снаряд, который убил лидера аш-Шабаба Годане, что в свою очередь было воспринято как проведение успешной операции.

Профессор Валленстин, ведущий ученый международных отношений, при обсуждении успеха писал, что «определение успеха, безусловно, важно и может быть частью более глобальной дискуссии. В военной стратегии часто бывает два результата, которые имеют значение: победа или поражение. Таким образом, успех и неудача санкций также очевидны: либо санкционирующий орган добивается изменения поведения страны-правонарушителя (успех) или нет (неудача)». Такое мнение встречается и в работах Дэвида Болдуина, который утверждает, что эффективность сама по себе может быть разделена на три категории:

1. Предмет санкций, имея в виду круг вопросов, касающихся санкций;
2. Влияние санкций, определяющее как санкции влияют на поведения страны-правонарушителя;
3. Сфера деятельности, измеряемая в количественных показателях, ссылаясь на количество людей, стран и международные организации.

Эти три категории тесно связаны с измерением эффективности санкций. В то время как Болдуин исключает побочные эффекты, настоящее исследование подтверждает их необходимость и то, что они являются ключевым фактором в определении успеха и результативности экономических санкций.

В ответ на признанные недостатки санкционных режимов, пять постоянных членов Совета Безопасности опубликовали краткое изложение гуманитарного воздействия санкций. В документе говорится, что «дальнейшие коллективные действия в Совете Безопасности в контексте любого будущего режима санкций должны быть направлены на определение непред-

виденных отрицательных побочных последствий санкций на наиболее уязвимые слои населения стран» и что «структуры и осуществления будущих режимов санкций могут варьироваться в зависимости от ресурсной базы целевой страны». Совет указал, что наиболее важными факторами к разработке режима санкций, являются: «оценки объективно краткосрочных и долгосрочных гуманитарных последствий в контексте общего режима экономических санкций» и «должное внимание к гуманитарной ситуации»¹².

Исходя из вышесказанного, институт экономических санкций нуждается в регламентированном этапе прогнозирования и анализа потенциального экономического и гуманитарного ущерба заблаговременно до введения санкций. В него необходимо включить основополагающие разделы экономической эффективности и политической эффективности, указать сроки санкционного режима и планируемых действий, осуществляемых в процессе режима санкций, учитывать непредвиденные обстоятельства и все возможные последствия в количественных показателях, а также разработать план компенсации вреда за причинения ущерба третьим лицам.

Пристатейный библиографический список

1. «Устав Организации Объединенных Наций». Ст. 39. Гл. VII (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945).
2. Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций, Утверждена резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи от 8 сентября 2000 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml.
3. Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам «Более безопасный мир: наша общая ответственность». A/59/565, 2 december 2004. Часть 2. «Коллективная безопасность и задача предотвращения». Глава VIII. «Роль санкций». П. 178. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/russian/secureworld.htm>.
4. Нейман А. М. Э. Х. Карр: от «политического реализма» к «новому обществу» // История и историки: Историогр. ежегодник, 1978. М., 1981. С. 96-112.
5. Резолюция 418 (1977) от 4 ноября 1977 года: Вопрос о Южной Африке. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://daccess-ods.un.org/TMP/460382.81172514.html>.
6. Letter dated 13 April 1995 from the Permanent Representatives of China, France, the Russian Federation, the United Kingdom of Great Britain and President of the Security Council UN Doc. S/1995/ 300 (1995) ('Humanitarian Impact of sanctions').
7. Robert J. O'Neill & David N. Schwartz (eds), Hedley Bull on Arms Control, Macmillan, 1987, pg. 113.
8. Sami Moubayed. Syria and the USA: Washington's Relations With Damascus From Wilson to Eisenhower (I. B. Tauris, distributed by Palgrave Macmillan; 2012), pg. 207.
9. Sanctions by Kimberly Ann Elliott, Gary Clyde Hufbauer, and Barbara Oegg, Liberty Fund, 2008, pg. 66.

11 Нейман А. М. Э. Х. Карр: от «политического реализма» к «новому обществу» // История и историки: Историогр. ежегодник, 1978. М., 1981. С. 96–112.

12 Letter dated 13 April 1995 from the Permanent Representatives of China, France, the Russian Federation, the United Kingdom of Great Britain and President of the Security Council UN Doc. S/1995/ 300 (1995) ('Humanitarian Impact of sanctions').

АДУ Яо Никэз

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Российского университета дружбы народов

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРАВОВАЯ ОБОСНОВАННОСТЬ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ САНКЦИЙ

Статья рассматривает международно-правовые вопросы, связанные с применением как односторонних, так и коллективных санкций государствами друг против друга. В статье приводятся несколько актуальных примеров правомерных односторонних действий государства в целях защиты суверенитета государства, его национальной безопасности и интересов.

Ключевые слова: санкции, односторонние санкции государств, коллективные санкции государств, меры принуждения, контрмеры, правомерность санкций, суверенитет государства, ответственность государства.

ADU Yao Nicaise

Ph.D. in Law, associate professor of International Law sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia

Аду Я. Н.

THE INTERNATIONAL LEGAL BASE OF INTER-STATES SANCTIONS

The article analyzes the legal meaning of individual as well as collective sanctions by the states. Some cases are provided as legally individual banding acts in accordance to the state sovereignty on the basis of the national security and interests.

Keywords: sanctions, individual sanctions by the state, collective sanctions of the states, sanction acts, counter-sanctions, legality of sanctions, state sovereignty, state accountability.

В настоящее время санкции, введенные против других государств как отдельными странами, так и совместно с другими вне Организации Объединённых Наций (далее – ООН), вызывают много дискуссий среди ученых об их правомерности или соответствии современному международному праву¹.

Данная дискуссия возникает потому, что противники односторонних санкций вне системы ООН обосновывают свою позицию тем, что современное международное право обязывает государства сотрудничать в их взаимоотношениях на основании цели, ставшей одним из принципов ООН, закрепленных в её Уставе: «Осуществлять международное сотрудничество в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера...»².

Актуальными примерами санкций являются санкции США и их союзников, введенные против Ирана, России, Северной Кореи, Белоруссии, а также санкции России против Турции, против США и их союзников (контрмеры, или ответные меры) и др.

Цель настоящей работы – проанализировать юридическую обоснованность односторонних санкций, введенных одними государствами против других вне системы ООН, и определить их правомерность.

В международных отношениях санкции всегда были одним из инструментов принуждения государств в их взаимоотношениях. Санкции представляют собой меры принуждения, принятые одним или несколькими государствами в отношении других за недружественные действия или за нарушение норм международного права.

Одно или несколько государств могут ввести санкции против другого государства за вышеуказанные причины, то есть за недружественные действия другого государства/групп

государств или за нарушение существующего международного правопорядка. Это исходит из принципа суверенитета государства, основанного на защите национальных интересов и безопасности государства. В данном случае речь идет о так называемых односторонних или коллективных санкциях.

С другой стороны, можно говорить о коллективных санкциях, когда два или более государств принимают так называемые меры принуждения или контрмеры в отношении другого государств или групп государств.

Однако коллективные санкции осуществляются по разным причинам. Во-первых, они могут быть введены в целях поддержки государства-союзника либо для поддержания общего интереса с экономической точки зрения³. И, во-вторых, коллективные санкции могут применяться в интересах государства в рамках коллективной безопасности⁴. Санкции могут

3 Например, санкции, введенные ЕС и иными экономическими объединениями.

4 Например: статьи 3 и 5 Договор НАТО 1949 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_17120.htm.

Статья 3: В интересах более эффективного осуществления целей настоящего Договора Договаривающиеся стороны порознь и совместно посредством постоянных и действенных самостоятельных усилий и взаимопомощи будут поддерживать и наращивать свой индивидуальный и коллективный потенциал борьбы с вооруженным нападением.

Статья 5: Договаривающиеся стороны соглашаются с тем, что вооруженное нападение на одну или несколько из них в Европе или Северной Америке будет рассматриваться как нападение на них в целом и, следовательно, соглашаются с тем, что в случае если подобное вооруженное нападение будет иметь место, каждая из них, в порядке осуществления права на индивидуальную или коллективную самооборону, признаваемого Статьей 51-ой Устава Организации Объединенных Наций, окажет помощь Договаривающейся стороне, подвергшейся или Договаривающимся сторонам, подвергшимся подобному нападению, путем немедленного осуществления такого индивидуального или совместного действия, которое сочтет необходимым, включая применение вооруженной

1 «Односторонние санкции» и международное право. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/720>.

2 Устав ООН 1945 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-i/index.html>.

также применяться для защиты общих интересов. Это особенно те санкции, которые обычно вводятся международными, региональными и иными организациями, такими, как ООН, Африканский союз, Европейский союз, Организация Американских государств, Союз независимых государств и др.

Санкции, как можно констатировать, носят разный характер: экономически, политический, военный и др.

В настоящее время в международном праве не существует определенных обязывающих документов или критериев, которые регламентировали бы цели и способы применения санкций в международном праве. Проект Резолюции II, представленный Комиссией международного права ООН, «Ответственность государства за международно-противоправные деяния»⁵, который содержит существенные положения по регулированию проблем односторонних или коллективных санкций государств, до сих пор остается без ответа со стороны государств.

Статья 41 Устава ООН перечисляет меры, которые могут быть предприняты Советом Безопасности: «Совет Безопасности уполномочивается решать, какие меры, не связанные с использованием вооруженных сил, должны применяться для осуществления его решений, и он может потребовать от Членов Организации применения этих мер. Эти меры могут включать полный или частичный перерыв экономических отношений, железнодорожных, морских, воздушных, почтовых, телеграфных, радио или других средств сообщения, а также разрыв дипломатических отношений».

Однако, как можно констатировать, и другие региональные организации и экономические и военные союзы могут применять санкции в отношении одного или групп государств. Это решение о введении санкций в отношении одного государства или конкретных стран не является противоправным деянием. Они лишь обязаны сообщить об этом ООН, как закреплено в Уставе ООН: «Совет Безопасности должен быть всегда полностью информирован о действиях, предпринятых или намечаемых в силу региональных соглашений или региональными органами...»⁶.

Санкции могут быть прекращены по разным основаниям: после исправления ситуации, приведшей к их введению. Это может быть удовлетворение выдвинутых требований или полное возмещение ущерба за противоправные деяния государства: реституция, компенсация, сатисфакция⁷ и т.п.

Конкретным примером суверенного права государства ввести санкции друг против друга в настоящее время является ситуация между Россией и Турцией в 2015 г.

24 ноября 2015 г. турецкие военные воздушные силы сбили российский истребитель в Сирии. Турецкие власти вместо извинений поддержали данный недружественный акт, как было квалифицировано Москвой, что вызывало гнев российской стороны, в результате которого по Указу Президента РФ № 583 от 28 ноября 2015 г.⁸ были введены экономические санкции против Турции. Данное решение о введении санкций, как уже было отмечено, исходит из суверенитета Российского государства принимать подобные решения.

силы с целью восстановления и последующего сохранения безопасности Североатлантического региона

5 Документ ООН: A/RES/56/83, принята без голосования: Ответственность государств за международно-противоправные деяния. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/No1/658/83/PDF/No165883.pdf?OpenElement>.

6 Статья 54 Устава ООН.

7 Об этом см. право международной ответственности: Международное право: учебник / под. общ. ред. А. Я. Капустина. – М.: Гардарики, 2008. – Гл. 13.

8 Указ Президента РФ № 583 от 28 ноября 2015 г. «О мерах по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации и защите граждан Российской Федерации от преступных и иных противоправных действий и о применении специальных экономических мер в отношении Турецкой Республики».

В истории международных отношений имели место подобные санкции, которые были введены в одностороннем порядке другими странами мира в целях защиты своих национальных интересов. Это, например, США и ЕС в отношении России по украинскому кризису и, наоборот, контрмеры России против США и стран ЕС, США против Ирана, Сирии, Белоруссии, Кубы и других⁹, что и не противоречит современному международному праву, поскольку этот вопрос не регламентирован современным международным правом.

Однако нельзя не отметить чрезмерное применение санкций как принудительных мер ряда государств в отношении других вне системы ООН, призванной скоординировать отношения между государствами на международной арене. Чаще всего государства прибегают к санкциям не только для реализации своих экономических амбиций, но и как к орудию политического давления на другие страны, как правило, развитых государств на менее экономически развитые, что, безусловно, негативно может сказаться на независимости многих стран, в частности развивающихся стран, на принципе равноправия государств.

С другой стороны, нельзя также не обратить внимание на последствия применения санкций государствами друг против друга, так, как правило, санкции, какими бы они ни были, всегда негативно отражаются на жизни простых граждан, которые могут быть не причастны к ситуации, вызывавшей данную проблему.

Из вышесказанного можно сделать выводы о том, что односторонние или коллективные санкции вне системы ООН не запрещены современным международным правом. В международных отношениях санкции также, как было отмечено, всегда приводят к гуманитарному кризису с множественными жертвами. Таким образом, государствам следовало бы регламентировать цели, формы и способы введения санкций путем принятия уже разработанной Комиссией международного права ООН проекта конвенции «Ответственность государства за международные противоправные деяния». Это помогло бы защитить многочисленных жертв результатов «злоупотребления» государствами права применять санкции в одностороннем или коллективном порядке вне системы ООН.

Пристатейный библиографический список

1. Договор НАТО 1949 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_17120.htm.
2. Документ ООН: A/RES/56/83, принята без голосования: Ответственность государств за международно-противоправные деяния. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/No1/658/83/PDF/No165883.pdf?OpenElement>.
3. «Односторонние санкции» и международное право. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/720>.
4. Кешнер М. В. Экономические санкции в современном международном праве: М.: Проспект, 2015. – 192 с.
5. Международное право: учебник / под. общ. ред. А. Я. Капустина. – М.: Гардарики, 2008 г. – 617 с.
6. Указ Президента РФ № 583 от 28 ноября 2015 г. «О мерах по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации и защите граждан Российской Федерации от преступных и иных противоправных действий и о применении специальных экономических мер в отношении Турецкой Республики».
7. Устав ООН 1945 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-i/index.html>.

9 Подробно см. об этом: Кешнер М. В. Экономические санкции в современном международном праве. – М.: Проспект, 2014.

КИЦМАРИШВИЛИ Давид Элгуджаевич

аспирант кафедры международного права Всероссийской академии внешней торговли

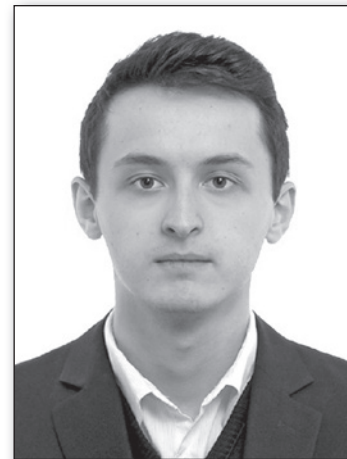
ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАРИЖСКОГО КЛУБА КРЕДИТОРОВ И ОСНОВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ СУВЕРЕННЫХ ДОЛГОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ (К 60-ЛЕТИЮ ПАРИЖСКОГО КЛУБА КРЕДИТОРОВ)

В статье раскрывается проблематика недостаточности и неэффективности существующих механизмов и принципов реструктуризации суверенных долговых обязательств государств в контексте современной тенденции глобализации международного права. Особое внимание уделяется принципам деятельности и механизмам реструктуризации суверенных долгов в рамках Парижского клуба кредиторов.

Ключевые слова: суверенный долг, механизмы реструктуризации суверенных долгов, Парижский клуб кредиторов, принципы деятельности Парижского клуба кредиторов.

KITSMARISHVILI David Elgudzhaevich

postgraduate student of International Law sub-faculty of the Russian Foreign Trade Academy

Кицмаришвили Д. Э.

THE PARIS CLUB PRINCIPLES AND MAIN DEBT RESTRUCTURING MECHANISMS (TO THE 60TH ANNIVERSARY OF THE PARIS CLUB OF CREDITORS)

The article reveals the problems of insufficiency and inefficiency of existing mechanisms and principles of sovereign debt restructuring in the context of modern trend of globalization of international law. Special attention is given to the Paris Club principles and its debt restructuring mechanisms.

Keywords: sovereign debt, sovereign debt restructuring mechanisms, the Paris Club, the Paris Club principles.

Современная тенденция глобализации международного права, торговли и инвестиций, связанная с конкуренцией между богатыми и бедными странами, а также с фундаментальными финансово-экономическими трудностями в большинстве регионов мира – делает проблему сотрудничества в области международного долгового права (далее – МДП) особенно острой. МДП сегодня активно развивается, тем не менее, существуют еще проблемы, свидетельствующие о его некой «незрелости»¹. В первую очередь, говоря о незрелости МДП, следует понимать проблемы внешней задолженности государств, очевидного недостатка, как отмечает В.М. Шумилов – «структуроосодержащих» международно-правовых принципов, недостаточности и неэффективности механизмов регулирования вопросов, связанных с реструктуризацией суверенных долговых обязательств². Следует отметить и тот факт, что МДП представляет собой крайне сложное правовое явление, так как механизм контроля за соблюдением норм МДП имеет скорее политический, нежели правовой характер. Даже термин МДП употребляется в правовой литературе очень редко в силу того, что МДП сегодня только формируется. Предмет МДП расширяется и все больше охватывает те проблемы, которые ранее рассматривались лишь в довольно узком аспекте межгосударственных отношений либо не рассматривались вовсе. Многие ученые пытаются избегать термина МДП, заменяя его более сложными конструкциями³. Российские ученые в целом опре-

деляют МДП как – «совокупность международно-правовых норм, регулирующих отношения, касающиеся образовавшегося долга, его реструктуризации и погашения»⁴.

В последние десятилетия в решении вопросов реструктуризации суверенных долгов возросла роль параорганизаций, в частности, Парижского клуба кредиторов (далее - ПКК). Основное направление деятельности ПКК – это реструктуризация долговых обязательств стран в соответствии с выработанными и согласованными условиями⁵. Возросшее влияние ПКК, а также других параорганизаций (G7, G20, BRICS и прочих), вызывает множество дискуссий как в отечественной, так и в зарубежной литературе⁶. Ученые полагают, что решение международно-правовых проблем суверенного долга того или иного государства должно происходить в рамках существующих международных организаций, а не при посредничестве неких клубов. Эти параорганизации (в том числе ПКК) активно заключают соглашения, принимают резолюции, декларации, коммюнике, иные акты, статус которых еще до конца не определен ни в отечественной, ни в зарубежной правовой доктрине. Контроль за этими актами связан, с одной стороны, с добровольным принятием государствами на себя обязательств, а с другой стороны – экономическим воздействием на них (точнее на правительства этих государств).

1 Шумилов В. М. Международное финансовое право. М.: Междунар. отношения, 2011. С.99.

2 Там же. С. 99.

3 Подробнее см.: Lindley D. and Lefever A. Governing Law in Sovereign Debt – Lessons from the Greek Crisis and Argentina Dispute of 2012 (Committee on Foreign and Comparative Law Working Paper, 2013). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nycbar.org/pdf/report/uploads/20072390-GoverningLawinSovereignDebt.pdf> (дата посещения: 10.01.2016); Panizza U., Sturzenegger F., and Zettelmeyer J. The Economics and Law of Sovereign Debt and Default.

Journal of Economic Literature 2009, 47:3, 651–698. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://people.ucsc.edu/~hutch/Econ241a/Articles/Panizza_Econ&Law_SovereignDebt_JEL2009.pdf (дата посещения: 10.01.2016) и другие.

4 См.: Шумилов В. М. Международное экономическое право. М.: Издательство Юрайт, 2011. С. 492.

5 Официальный сайт ПКК. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.clubdeparis.org/en> (дата посещения: 11.01.2016).

6 См.: Г. М. Вельяминов. Международное экономическое право и процесс (Академический курс): Учебник. М.: Волтерс Клувер, 2004; Stiglitz J. Globalization and Its Discontents. New York, 2003; Cho S. and C. R. Kelly, Promises and Perils of New Global Governance: A Case of the G20, 2012 и другие работы.

Российская Федерация является государством-членом ПКК, а также участником множества соглашений в рамках МВФ. Таким образом, выработка контрольных механизмов и общих для всех принципов реструктуризации суверенных долгов – это довольно важный процесс и для России, который в будущем позволит избежать многих проблем подобных тем, что возникли сейчас между Россией и Украиной по вопросу выплаты долга последней.

1. Парижский клуб кредиторов: историческая справка

В 1955 году - после военного переворота в Аргентине был установлен новый режим, который всеми силами стремился получить не только признание со стороны международного сообщества и межправительственных организаций, но и хотел иметь возможность, с одной стороны, предотвратить дефолт и реструктурировать свою внешнюю задолженность, а с другой – при необходимости брать новые кредиты. С этой целью аргентинское правительство обратилось к своим основным кредиторам с просьбой о проведении встречи, где и должны были обговариваться все эти вопросы. 16 мая 1956 года такая встреча состоялась в Париже. На этой встрече и было положено начало деятельности ПКК⁷. Довольно долгий период времени с момента своего основания, ПКК не воспринимался в качестве весомого участника международных долговых отношений. Однако с течением времени все изменилось.

Сегодня ПКК, наряду с МВФ и ВБ – является ключевым игроком международных финансовых (долговых) отношений⁸. Как уже было отмечено ранее в статье, основной целью ПКК, заседания которого до сих пор проводятся в здании Министерства финансов Франции⁹ - является реструктуризация долговых обязательств государств в соответствии с уже выработанными и согласованными условиями¹⁰. На сегодняшний день членами ПКК является двадцатка довольно сильных и развитых экономик мира¹¹. Следует отметить, что такие экономики, как Китай, Индия и Бразилия, например - не являются членами ПКК. Этому есть свое объяснение. Прежде всего, отметим, что вступление в ПКК не гарантирует более глубокой интеграции в международную финансовую систему или обеспечения политических и экономических интересов того или иного государства. Более того, факт вступления в ПКК не дает оснований полагать, что государство-кредитор сможет увеличить свои шансы и возратить, выданные ранее в качестве кредитов, средства. Так, например, произошло в случае вступления России в ПКК. Присоединение к ПКК рассматривалось правительством в качестве важнейшего условия дальнейшей интеграции России в международную финансовую систему. Вступая в клуб, правительство России надеялось, что платежи в пользу России от стран-должников, имеющих соглашения с ПКК, вырастут со 150-170 млн. долл. США в год до 500-600 млн. долл. США в год¹². Этого не произошло. Поэтому, возможно, такие экономики как Китай, Индия и Бразилия, учитывая российский опыт – не спешат становиться членами клуба.

История развития международного права неоднократно доказывала, что бурному росту практически всегда предшествуют международные конфликты и кризисы¹³. Бурному развитию деятельности ПКК также предшествовал кризис задолженности государств, произошедший в 1980-х годах. Ощутимого влияния на решение долговых проблем государств ПКК не имел вплоть до этого периода. Можно предположить, что такое положение вещей было обусловлено несколькими факторами. Во-первых, только к середине 1950-х годов XX в. мировая экономика начала оправляться от последствий Второй мировой войны, а затем началась Холодная война. Во-вторых, институты Бреттон-Вудской системы только зарождались, а движение капитала между странами было довольно сильно ограничено. В-третьих, большая часть мира все еще боролась с колониализмом и его последствиями. И только с наступлением кризиса задолженности государств в 1980-х годах, поставившего под угрозу всю международную систему кредитования, и были придуманы все основные механизмы реструктуризации суверенных долгов в рамках ПКК. В.А. Дмитриев отмечает, что к 1982-1984 годам, то есть к разгару кризиса задолженности, общая сумма просроченных платежей государств по своим кредитам составила более 30 млрд. долл. США¹⁴. Общий же объем долгов, реструктурированных или вовсе списанных в период с 1980-х по 2015 год – составляет 583 млрд. долл. США¹⁵.

Государство, желающее реструктурировать свои долги, предварительно должно подать заявку в ПКК с просьбой рассмотреть данный вопрос на пленарном заседании. Пленарные заседания членов ПКК проводятся ежемесячно¹⁶. В переговорах участвуют как представители стран-кредиторов, гарантов и стран-заемщиков, так и представители МВФ, МБРР, ЮНКТАД¹⁷. Как правило, пленарное заседание начинается с того, что представитель страны-заемщика (обычно – министр финансов или глава центрального банка) просит собравшихся кредиторов рассмотреть вопрос о реструктуризации долга, которому обычно предшествует долгий процесс переговоров правительства страны-должника с каждым из кредиторов. В процессе таких переговоров решается два основных вопроса. Первый – о назначении встречи с кредиторами в рамках ПКК в связи с невозможностью дальнейшего выполнения обязательств по погашению задолженности, а второй – по поводу подписания соглашения с МВФ о стабилизации экономики¹⁸, которое часто предусматривает введение режима «жесткой экономики», что означает сокращение финансирования социальных программ, а также увеличение различных платежей и налогов. Более того, еще до встречи со своими кредиторами государство-заемщик должно согласовать условия реструктуризации со всеми кредиторами по отдельности. Тем самым соблюдается один из основных принципов деятельности ПКК – принцип консенсуса при принятии решений. После - МВФ оглашает для заемщика план реформ, а ВБ и ЮНКТАД дают

7 В 1956 году по инициативе одиннадцати государств был образован ПКК.

8 См.: Toussaint E., Millet D. Debt, The IMF, and the World Bank: Sixty Questions, Sixty Answers // Monthly Review Press. New York, 2008. P. 112-113.

9 Там же. С. 112.

10 См.: Vilanova J.C. and Martin M., The Paris Club // Debt Relief International Ltd. London, 2001.

11 Официальный сайт ПКК. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.clubdeparis.org/en/communications/page/permanent-members> (дата посещения: 12.01.2016).

12 Подробнее см.: Хейфец Б.А. Парижский клуб: пять лет спустя // Эксперт Online. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://expert.ru/expert/2002/34/34ex-dolgi_36358/ (дата посещения: 12.01.2016).

13 См.: Лифшиц И. М. Правовое оформление антикризисных мер на международном и региональном уровнях // Право и экономика. 2014. №9. С.17.

14 См.: Дмитриев В. А. О механизмах урегулирования суверенных внешних долговых обязательств // Внешнеэкономический вестник, Москва. 2007. С.11.

15 Официальный сайт ПКК. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.clubdeparis.org/en> (дата посещения: 13.01.2016).

16 Там же. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.clubdeparis.org/en/communications/page/paris-club-meetings> (дата посещения: 13.01.2016).

17 Подробнее см.: Шумилов В. М. Международное экономическое право. М.: Издательство Юрайт, 2011. С. 492.

18 См.: Toussaint E., Millet D. Debt, The IMF, and the World Bank: Sixty Questions, Sixty Answers // Monthly Review Press. New York, 2008. P.115-118.

свои заключения. Далее начинаются переговоры в режиме «вопрос-ответ»¹⁹. После того, как кредиторы получили ответы на свои вопросы, делегация страны-заемщика должна покинуть зал заседания, чтобы кредиторы имели возможность принять окончательное решение. Приняв такое решение, представитель ПКК (Президент ПКК) - сообщает об этом решении делегации страны-заемщика. Страна-заемщик может как принять и согласиться с решением ПКК, так и отказаться от него, что на практике бывает очень редко. При отказе от предложенных условий реструктуризации, процедура назначения переговоров и разработки новых условий реструктуризации может быть повторена²⁰. Если же государство-должник соглашается на условия клуба, заключается соответствующее соглашение, что открывает государству доступ к новым кредитам на межгосударственном и частном кредитных рынках²¹.

Нельзя забывать и о том, что Парижский клуб – в первую очередь клуб кредиторов, нацеленный на то, чтобы максимальным образом способствовать возвращению выданных кредитов и получению процентов по ним. Многие специалисты утверждают, что механизмы реструктуризации долгов, разработанные в соответствии с условиями МВФ и ВБ, в краткосрочной перспективе решают долговой вопрос государства-заемщика, а в долгосрочной - еще более усугубляют его, вынуждая заемщика соглашаться на заведомо невыгодные для себя условия реструктуризации, что приводит к увеличению уровня бедности и необходимости брать новые кредиты²².

II. Соотношение принципов деятельности ПКК с принципами МФП

Прежде, чем перейти к рассмотрению вопроса о принципах, действующих в рамках ПКК, необходимо разобраться в терминологии. Термины «реструктуризация» (англ. Restructuring) и «списание» (англ. Cancellation) должны быть четко разделены. Официальный сайт ПКК также разделяет эти понятия²³. Издание Cambridge Dictionaries Online определяет термин «реструктуризация» следующим образом: изменение достигнутых договоренностей с целью погашения кредитов, вызванное тем, что заемщик более не в состоянии выплачивать кредитору деньги в соответствии с ранее достигнутыми соглашениями²⁴. Заметим, что в российском законодательстве (Статья 105 Бюджетного кодекса Российской Федерации) установлено довольно сложное для восприятия понятие реструктуризации, которое, тем не менее, не противоречит понятию реструктуризации, данному ранее в статье: под реструктуризацией понимается «основанное на соглашении прекращение долговых обязательств, составляющих государственный или муниципальный долг, с заменой указанных долговых обязательств иными долговыми обязательствами, предусма-

тривающими другие условия обслуживания и погашения обязательств»²⁵.

В общем же, можно сказать, что реструктуризация долга – это мера, позволяющая при наличии на то воли кредитора, определенным (по договоренности кредитора и должника) образом изменить достигнутые ранее условия выплаты долга. Таким образом, с одной стороны, реструктуризация долгов дает заемщику возможность решить свою проблему, а с другой - позволяет кредитору получить свои деньги или их часть, но в более долгосрочной перспективе. Что же понимается под изменением условий выплаты долга? Во-первых, кредитор может предложить заемщику изменить сроки выплаты долга (англ. Rescheduling), а также сумму платежей. Во-вторых, списать долг или его часть.

Наконец, вернемся к вопросу о принципах, регулирующих деятельность ПКК. Под принципами международного права (далее-МП) принято понимать наиболее общие нормы, обладающие широким признанием и высокой юридической силой. Это основополагающие, императивные, универсальные нормы, отвечающие основным закономерностям развития сообщества государств и в силу этого защищаемые наиболее жесткими мерами принуждения²⁶. Деятельность ПКК базируется на шести принципах. Первый принцип, который мы рассмотрим – это принцип (1) case-by-case²⁷, основывающийся на том, что в зависимости от конкретной ситуации (экономической, политической или социальной) условия реструктуризации для конкретного должника могут быть изменены в той или иной степени (по усмотрению кредиторов и при наличии консенсуса). Нельзя не отметить, что любое решение ПКК может быть принято только в том случае, когда между государствами-членами ПКК достигнуто единогласие по тому или иному вопросу. В этом и заключается второй принцип деятельности ПКК – (2) принцип достижения консенсуса при принятии решений²⁸. Еще одним принципом, на котором основывается деятельность ПКК – является (3) принцип солидарности, подразумевающий, что все страны-кредиторы должны действовать единой группой по отношению к странам-должникам. Этот принцип подразумевает, что страны-кредиторы, разработав и приняв программу реструктуризации долгов того или иного государства, должны и в дальнейшем действовать сообща в рамках общего «плана действий», понимая, что отдельные действия каждого конкретного кредитора, направленные на изменение условий реструктуризации – могут оказать довольно большое влияние на любого кредитора по отдельности. Речь идет о равномерном распределении среди кредиторов бремени проблем, связанных с пересмотром условий погашения долговых обязательств. Кредиторы Парижского клуба, как правило, договариваются о том, что для всех кредитов, предоставленных той или иной стране до определенного срока, будет установлен один и тот же льготный период и срок погашения. Указанный принцип распространяется и на кредиторов, не участвующих в переговорах в рамках ПКК. Государства-кредиторы, действующие в рамках ПКК - не хотят, чтобы уступки, предоставляемые клубом, использовались должниками для покрытия долговых обязательств перед другими категориями кредиторов. Поэтому в протоколе о пересмотре условий погашения задолженностей, как правило, содержится требование

19 Там же. С. 116.

20 Там же. С. 116.

21 Шумилов В. М. Международное экономическое право. М.: Издательство Юрайт, 2011. С. 493.

22 См.: Buckley, Ross P. and Arner, Douglas W., From Crisis to Crisis: The Global Financial System and Regulatory Failure (September 1, 2011). Kluwer Law International, 2011; University of Hong Kong Faculty of Law Research Paper No. 2012/002. SSRN. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ssrn.com/abstract=1980010> (дата посещения: 15.01.2016); Goldstein, Morris, Debt Sustainability, Brazil, and the IMF (February 2003). Institute for International Economics Working Paper No. 03-1. SSRN. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ssrn.com/abstract=384022> (дата посещения: 15.01.2016) и другие.

23 Официальный сайт ПКК. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.clubdeparis.org/en/communications/page/rescheduling-and-cancellation> (дата посещения: 18.01.2016).

24 Cambridge Dictionaries: <http://dictionary.cambridge.org/ru/rescheduling> (дата посещения 18.01.2016 г.).

25 Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 N 145-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.07.2016). Ст. 105.

26 Подробнее см.: Международное публичное право: учеб. / отв. ред. К. А. Бекяшев. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. – 784 с. Гл. 3.

27 Официальный сайт ПКК. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.clubdeparis.org/en/communications/page/the-six-principles> (дата посещения: 20.01.2016).

28 Там же.

в адрес страны-должника о необходимости добиваться аналогичных уступок по условиям погашения внешних задолженностей и от других кредиторов²⁹.

Членство в ПКК также предполагает (4) постоянный обмен информацией между государствами-кредиторами о задолженности и ходе ее погашения. Особого же внимания заслуживают (5) принцип обусловленности и (6) принцип сопоставимости условий, так как данные принципы деятельности ПКК – довольно специфичны с международно-правовой точки зрения.

Принцип обусловленности

ПКК вступает в переговоры с должником о реструктуризации долга только в том случае, если государство-должник: (1) нуждается в реструктуризации собственных суверенных долгов; (2) уже начало осуществление реформ (или намеревается начать реформы) с целью стабилизации экономической ситуации в стране; (3) продемонстрировало кредиторам готовность принять и осуществить реформы, предложенные МВФ. На практике – это означает, что заемщик, чтобы ему одобрили реструктуризацию, сначала должен заключить соглашение с МВФ (например, соглашение о резервных кредитах (англ. Stand-By Arrangements), или о расширенных кредитах (англ. Extended Arrangements)³⁰. В этом и заключается специфика принципа обусловленности, который действует в рамках ПКК. Более того, следует отметить, что данный принцип существует лишь в качестве обычно-правовой нормы. Определения этого принципа нет даже в Договорах о Международном валютном фонде и о Всемирном банке. По мнению Т. Ламберта – многие представители стран-должников утверждают, что обусловленность кредитов МВФ обязательством проводить определенную экономическую политику лишь усугубляет экономические трудности этих государств³¹. Что очень важно с точки зрения международного права, сами государства-заемщики в течение многолетней и повторяющейся практики «молчаливого соглашения» не возражали против того, что условия заключения соглашений с МВФ – это обязательное условие со стороны ПКК для одобрения реструктуризации. Конечно, говорить о том, что наличие в данном вопросе *opinio juris* со стороны государств – преждевременное заявление. Но, с другой стороны, некоторые ученые утверждают, что концепция *opinio juris* в современном мире тоже активно меняется и дополняется. В связи с чем высказывается мнение о достаточности для возникновения обычая лишь проявления *opinion juris*³².

Принцип сопоставимости условий

Под принципом сопоставимости условий понимается следующее: государство-заемщик, подписавшее соглашение о реструктуризации с ПКК, не должно соглашаться на условия иных кредиторов о реструктуризации (не являющихся членами ПКК), которые являются менее благоприятными для заемщика, чем те, которые были предложены в рамках ПКК. Таким образом, Парижский клуб устанавливает негласное правило о том, что все иные государства-кредиторы (не являющиеся членами ПКК), а также и частные кредиторы (банки, держатели бондов и т.д.) должны заключать с заемщиком соглашения о реструктуризации на таких условиях, которые «сопоставимы» с условиями соглашений ПКК³³.

Примечательно, что ПКК не требует, чтобы соглашения заемщика с другими кредиторами в полной мере совпадали с теми соглашениями, что были заключены в рамках ПКК. Под сопоставимостью понимается соблюдение ключевых положений, касающихся: (1) срока реструктуризации долга; (2) чистой приведенной стоимости³⁴; (3) изменений стоимости обслуживания долга. Необходимо отметить, что данный принцип имеет односторонний характер. Он не действует «в обратную сторону»³⁵. Это значит, что он не действует по отношению к странам-кредиторам ПКК. Когда частные кредиторы соглашаются реструктурировать суверенные долги заемщика, государства-кредиторы клуба не обязаны следовать условиям, предложенным частными кредиторами странам-должникам. Как утверждает Т. Ламберт – «это можно объяснить тем, что государства-кредиторы дают в долг по безрисковым ставкам, в отличие от частных кредиторов»³⁶.

На протяжении шестидесяти лет своего существования (в 2016 году ПКК празднует свою 60-ю годовщину), ПКК в сотрудничестве с МВФ, ВБ (чьи критерии он использует при определении уровня экономического развития страны-заемщика) – разработал условия реструктуризации, которые фактически являются механизмами (основанными на тех принципах, о которых было сказано ранее в данной статье), позволяющими регулировать проблемы задолженности государств.

Основным механизмом являются стандартные условия, которые предлагаются заемщикам для реструктуризации. Под стандартными условиями заключения соглашений – понимаются:

«Классические условия» – условия, которые могут применяться ко всем странам-заемщикам, заключившим соглашение с МВФ. Применение данных условий не исключает реструктуризации всей величины (вплоть до 100%) долга³⁷.

«Хьюстонские условия» – были разработаны для стран с высоким уровнем задолженности (выше 50% ВВП) и уровнем дохода на душу населения ниже среднего (менее 2995 долл. США). На сегодняшний день, 20 государств мира уже воспользовались «Хьюстонскими условиями» при урегулировании своих долговых проблем (Джибути, Молдова, Кения, Эквадор и другие)³⁸.

«Кельнские условия» – разработаны для стран, которые могут рассчитывать на применение по отношению к ним инициативы НРС (англ. – Heavily Indebted Poor Countries). Государства, попадающие под программу НРС, это такие государства как: Кот-д'Ивуар, Гаити, Гондурас, Гамбия, Замбия, Эфиопия, Руанда и другие. Т.е. те государства, которые можно назвать очень бедными и, которые с большой долей вероятности уже никогда не смогут вернуть долги³⁹.

«Неапольские условия» – были разработаны также для бедных стран (ВВП на душу населения менее 755 долл. США в

34 Под чистой приведенной стоимостью (от англ. Net Present Value) – понимается сумма дисконтированных значений потока платежей, приведенных к сегодняшнему дню. Показатель NPV представляет собой разницу между всеми денежными притоками и оттоками, приведенными к текущему моменту времени. NPV – это расчетная величина, которая применяется для сравнения различных вариантов вложения капитала.

35 Lambert T. Debt Restructuring Experience: the Paris Club (Lazard Sovereign Advisory Group), 2011. P.4-5.

36 Там же. С. 4.

37 Официальный сайт ПКК. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.clubdeparis.org/en/communications/page/classic-terms> (дата посещения: 26.01.2016).

38 Там же. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.clubdeparis.org/en/communications/page/houston-terms> (дата посещения: 26.01.2016).

39 Там же. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.clubdeparis.org/en/communications/page/cologne-terms> (дата посещения: 26.01.2016).

29 Официальный сайт онлайн издания EREPORT.RU. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ereport.ru/articles/organiz/parisclb.htm> (дата посещения: 22.01.2016).

30 Lambert T. Debt Restructuring Experience: the Paris Club (Lazard Sovereign Advisory Group), 2011. P. 2-5.

31 Там же. С. 2.

32 Трояновский А. В. Методологические проблемы установления *opinio juris* // Научный вестник Международного гуманитарного университета. Юриспруденция.. 2013. № 5. С. 303.

33 Lambert T. Debt Restructuring Experience: the Paris Club (материалы Lazard Sovereign Advisory Group), 2011. P.3.

год) с высоким уровнем внешней задолженности, но в отличие от «Кельнских условий», государства, претендующие на применение неапольских условий, должны соответствовать критериям финансирования Международной ассоциации развития (МАР)⁴⁰. Относительно же принципов МФП и их действия в рамках международных долговых отношений - следует сказать следующее.

Во-первых, российская правовая доктрина до сих пор не выработала единого подхода к определению состава и содержания принципов МФП. В.М. Шумилов предполагает, что – «можно говорить о существовании в МФП двух основных категорий принципов⁴¹: (1) принципов, имеющих некоторое материальное содержание (наполнение); (2) принципов, выполняющих роль метода сопоставления и уравнивания режимов/условий, предоставляемых одним субъектом МП другому субъекту МП, его лицам и вещам.

Принципы, относящиеся к первой категории, имеют конвенционную или обычно-правовую природу. К таким принципам, по мнению В.М. Шумилова, относятся: (1) принцип недискриминации при предоставлении кредитов; (2) принцип возврата (погашения) государственных внешних долгов; (3) принцип льготного кредитования развивающихся стран; (4) принцип совместных действий по недопущению финансовых кризисов (в том числе путем взаимодействия с МВФ); (5) принцип оказания финансовой помощи; (6) принцип гарантирования в отношении финансовых рисков и другие⁴².

Ко второй категории относятся принципы-методы, позволяющие обеспечивать некое равноправие в отношениях. Как полагает В.М. Шумилов, ко второй категории принципов относятся: (1) принцип взаимности; (2) принцип предоставления режима наиболее благоприятствуемой нации и другие⁴³.

Во-вторых, набор указанных принципов является достаточно произвольным, так как они не закреплены в каком-либо нормативном акте, позволяющем исчерпывающе определить весь перечень.

III. Заключение

Подводя итог, следует отметить, что практика ПКК по заключению соглашений о реструктуризации долгов показывает, что в рамках деятельности ПКК происходит формирование и в некотором смысле закрепление таких принципов МП и МФП, как:

1) Принцип недискриминации при предоставлении кредитов странам-должникам, который в некотором смысле совпадает с таким принципом деятельности ПКК, как сопоставимость условий, который фактически обеспечивает применение режима недискриминации по отношению к странам должникам;

2) Принцип возврата (погашения) государственных внешних долгов. Очевидно, что данный принцип практически воспроизводит положения основного принципа МП – добросовестного исполнения международных обязательств, закрепленного в статье 2 Устава ООН, но со своей спецификой в рамках МДП;

3) Принцип льготного кредитования развивающихся стран, аналогично принципу совместных действий по недопущению финансовых кризисов подразумевает, что государства

обязаны сотрудничать во всех сферах, включая МДП, с целью предотвращения глобальных проблем, к которым уверенно можно отнести и долговые проблемы государств.

Пристатейный библиографический список

1. Вельяминов Г. М. Международное экономическое право и процесс (Академический курс): Учебник. М.: Волтерс Клувер, 2004.
2. Дмитриев В. А. О механизмах урегулирования суверенных внешних долговых обязательств // Внешнеэкономический вестник, Москва. 2007.
3. Лифшиц И. М. Правовое оформление антикризисных мер на международном и региональном уровнях // Право и экономика. 2014. №9.
4. Международное публичное право: учеб. / отв. ред. К. А. Бекашев. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. 784 с.
5. Трояновский А. В. Методологические проблемы установления *opinio juris* // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Юриспруденція. 2013. № 5.
6. Шумилов В. М. Международное финансовое право. М.: Междунар. отношения, 2011.
7. Шумилов В. М. Международное экономическое право. М.: Издательство Юрайт, 2011.
8. Buckley, Ross P. and Arner, Douglas W., From Crisis to Crisis: The Global Financial System and Regulatory Failure (September 1, 2011). Kluwer Law International, 2011.
9. Cho S. and C.R. Kelly, Promises and Perils of New Global Governance: A Case of the G20, 2012.
10. Goldstein, Morris, Debt Sustainability, Brazil, and the IMF (February 2003). Institute for International Economics Working Paper No. 03-1.
11. Lambert T. Debt Restructuring Experience: the Paris Club (Lazard Sovereign Advisory Group), 2011.
12. Lindley D. and Lefever A. Governing Law in Sovereign Debt – Lessons from the Greek Crisis and Argentina Dispute of 2012 (Committee on Foreign and Comparative Law Working Paper, 2013).
13. Panizza U., Sturzenegger F., and Zettelmeyer J. The Economics and Law of Sovereign Debt and Default. Journal of Economic Literature 2009.
14. Stiglitz J. Globalization and Its Discontents. New York, 2003.
15. Toussaint E., Millet D. Debt, The IMF, and the World Bank: Sixty Questions, Sixty Answers // Monthly Review Press. New York, 2008.
16. Vilanova J.C. and Martin M., The Paris Club // Debt Relief International ltd. London, 2001.

40 Официальный сайт ПКК. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.clubdeparis.org/en/communications/page/concoursAID>, а также официальный сайт ВБ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.worldbank.org/eca/russian/ida/what-is-ida.html> (дата посещения: 28.01.2016).

41 Шумилов В.М. Международное финансовое право. М.: Междунар. отношения, 2011. С.101-103.

42 Там же. С.102.

43 Там же. С.102.

ШЛЯХТИН Игорь Сергеевич

аспирант кафедры гражданского права и процесса Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, юрист общества с ограниченной ответственностью «Ритейл Хотлайн»

ПРАВО НА ОДНОСТОРОННИЙ ОТКАЗ ОТ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ДОГОВОРА В ГОСУДАРСТВАХ-ЧЛЕНАХ ЕАЭС И ЕС: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

В статье рассматривается юридическая возможность немотивированного отказа от договора, заключенного между предпринимателем (профессионалом) и потребителем, представляющая собой исключение из принципа недопустимости одностороннего отказа от исполнения обязательства. Исследование проводится на основе сравнительно-правового анализа национальных законодательств государств-членов ЕАЭС о защите прав потребителей и потребительских директив ЕС вклете с проектом кодификации европейского частного права (DCFR). По результатам анализа выделены сходства и различия подходов рассмотренных систем права, а также суммированы проблемные вопросы, которые в свете статьи 61 Договора о ЕАЭС требуют гармонизации национальных законодательств о защите прав потребителей.

Ключевые слова: защита прав потребителей, Евразийский экономический союз, Европейский союз, Проект Общей системы координат, дистанционный договор, кредитный договор, расторжение, изменение.

Шляхтин И. С.

SHLYAKHTIN Igor Sergeevich

postgraduate student of Civil Law and Process sub-faculty of the G. V. Plekhanov Russian University of Economics, a lawyer of limited liability company "Retail Hotline"

THE RIGHT OF WITHDRAWAL FROM A CONSUMER CONTRACT WITHIN THE EAEU MEMBER STATES AND THE EU: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

The article discusses a legal opportunity of unmotivated withdrawal from a contract concluded between a business (professional) and a consumer, which is an exception to the principle of the prohibition of unilateral withdrawal from the performance of the contract. The research is based on comparative legal analysis of the national consumer law of the Member States of the EAEU and the consumer directives of the EU along with the draft codification of European private law, namely the DCFR. The author highlights the similarities and differences in the approaches of the considered systems of law and summarizes the problematic issues that in the lights of article 61 of the Treaty on the EAEU require harmonization of the national consumer law.

Keywords: consumer rights protection, Eurasian Economic Union, European Union, Draft Common Frame of Reference, distance contract, credit agreement, termination, modification.

Свобода заключения договора определена в гражданском законодательстве с точки зрения частных лиц, договором еще не связанных, и, тем самым, очерчивает нижнюю, или минимальную, границу свободы договора. Но свобода договора не простирается бесконечно в сторону, противоположную своей нижней границе, – ее верхней, или максимальной, границей выступает свобода заключения соглашений об изменении или расторжении существующих (заключенных) договоров. В этом аспекте свобода договора, как отмечает В. А. Белов, также «имеет предел: законом или добровольно принятым обязательством могут быть предусмотрены случаи изменения и прекращения договоров, невзирая на намерение (или даже вопреки намерению) кого-либо из участников»¹.

Принцип недопустимости одностороннего отказа от исполнения обязательства, в том числе договорного обязательства, и одностороннего изменения его условий² известен всем национальным правовым порядкам ЕАЭС. Устанавливая данный

принцип, национальные гражданские кодексы вместе с тем допускают из него исключения.

Общим для всех национальных правовых порядков ЕАЭС является то, что, как исключение из названного принципа, право той или иной стороны на односторонний отказ от исполнения обязательства (одностороннее изменение его условий) может быть предусмотрено, прежде всего, законом или иным правовым актом³. В вопросе же допустимости предоставления такого права договором, подходы национальных гражданских кодексов различаются.

В России и Армении национальные гражданские кодексы допускают предоставление такого права договором, только если обязательство связано с осуществлением предпринимательской деятельности всеми его сторонами. При этом в России гражданский кодекс дополнительно оговаривает, что, если исполнение обязательства связано с осуществлением предпринимательской деятельности не всеми его сторонами, такое право может быть предоставлено договором лишь сто-

1 Белов В. А. Свобода договора и ее пределы // Гражданское право. В 4 т. Т. II. Общая часть. В 2 кн. Книга 2. Факты. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2016. – С. 198.
2 М. И. Брагинский называет его «принципом неизменности обязательства». См.: Гражданское право России. Общая часть: Курс лекций / Отв. ред. О. Н. Садиков. – М.: Юрист, 2001. – С. 589.

3 Ср.: ст. 310 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), ст. 348 Гражданского кодекса Республики Армения (далее – ГК РА), ст. 291 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК РБ), ст. 273 Гражданского кодекса Республики Казахстан (далее – ГК РК), ст. 300 Гражданского кодекса Кыргызской Республики (далее – ГК КР).

роне, не осуществляющей предпринимательской деятельности. Согласно разъяснениям Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ, цель данной нормы состоит в защите слабой стороны договора⁴.

В Беларуси, Казахстане и Киргизии, напротив, национальные гражданские кодексы позволяют сторонам согласовать в договоре между собой право той или иной из них на односторонний отказ от его исполнения (одностороннее изменение его условий) вне зависимости от субъектного состава и иных особенностей договора.

Тем самым, такое ограничение свободы договора, как недопустимость согласования в договоре с участием потребителя права контрагента, осуществляющего предпринимательскую деятельность, на односторонний отказ от исполнения договора (одностороннее изменение его условий), прямо следует из закона не во всех государствах-членах ЕАЭС, а только в России и Армении.

Между тем необходимо учитывать, что, как в России, так и в других государствах-членах ЕАЭС, договоры с участием потребителя в своем большинстве являются публичными. В свою очередь, согласно правовой позиции, сформулированной Конституционным Судом РФ, обязательность заключения публичного договора при наличии возможности предоставить соответствующие услуги означает и недопустимость одностороннего отказа продавца (исполнителя) от исполнения обязательств по договору, если у него имеется возможность их исполнить (предоставить соответствующие товары, работы, услуги), поскольку в противном случае требование закона об обязательном заключении договора лишалось бы какого бы то ни было смысла и правового значения. Законными причинами прекращения публичного договора не могут признаваться такие, которые обусловлены исключительно волей лица, предоставляющего товары (работы, услуги)⁵. Иное означало бы чрезмерное ограничение (умаление) конституционной свободы договора для гражданина, заключающего публичный договор, и создавало бы неравенство, недопустимое с точки зрения справедливости⁶. Учитывая, что в других государствах-членах ЕАЭС действует такой же, как и в России, запрет отказывать потребителю в заключении публичного договора при наличии возможности предоставить ему соответствующие товары (работы, услуги), данная правовая позиция справедлива и для правопорядков других государств-членов ЕАЭС.

Тем самым, такое ограничение свободы договора, как недопустимость согласования в публичном договоре права лица, обязанного предоставить потребителю товар (работу, услугу), на односторонний отказ от исполнения договора (одностороннее изменение его условий), следует из закона во всех государствах-членах ЕАЭС. Отличия здесь касаются только субъектного состава публичного договора: в России профессиональной

стороной, обязанной заключить публичный договор, признается лицо, осуществляющее приносящую доход деятельность, в других государствах-членах ЕАЭС – только коммерческая организация и индивидуальный предприниматель⁷.

Возвращаясь к вопросу об исключениях из принципа недопустимости одностороннего отказа от исполнения обязательства (одностороннего изменения его условий), предусмотренных законом, следует отметить, что в целях защиты интересов потребителя, как слабой стороны договора, национальные законодательства государств-членов ЕАЭС содержат довольно обширный перечень таких исключений. Право потребителя на немотивированный, не связанный с нарушением контрагентом договорных обязательств (равно как и с существенным изменением обстоятельств и пр.), односторонний отказ от исполнения договора (одностороннее изменение его условий) предусмотрено национальными законами в той или иной степени для всех типов (видов, подвидов) договоров с участием потребителя, в том числе договоров по передаче имущества в собственность, в пользование, по выполнению работ, по оказанию услуг, в том числе финансовых услуг.

В случаях, когда право на односторонний отказ от исполнения договора (одностороннее изменение его условий) предоставлено потребителю императивной нормой закона (иного правового акта), ограничением свободы договора является то, что сторонами не может быть согласован отказ потребителя от осуществления данного права. Такое соглашение будет недействительным, как нарушающее требования закона (иного правового акта) и посягающее на особо значимые охраняемые законом интересы.

По общему правилу, для осуществления права на отказ от договора достаточно уведомить об этом контрагента⁸, с момента получения им такого уведомления договор считается прекращенным (п. 1 ст. 450.1 ГК РФ). Предоставляя потребителю такую серьезную льготу, как право на немотивированный односторонний отказ от исполнения договора (одностороннее изменение его условий), национальные законы одновременно с этим в целях защиты интересов контрагента (обеспечения баланса интересов сторон) устанавливают ограничения данного права в виде определенного срока, в течение которого такое право может быть осуществлено (пресекательного срока), обязанности возместить расходы контрагента и др. Помимо прочего, в России гражданский кодекс дополнительно оговаривает, что сторона, которой законом или договором предоставлено право на односторонний отказ от исполнения договора (одностороннее изменение его условий), при осуществлении этого права должна действовать добросовестно и разумно (п. 4 ст. 450 и п. 4 ст. 450.1 ГК РФ).

Ниже обобщенно показаны основные случаи, когда национальные законы государств-членов ЕАЭС предоставляют потребителю право на (немотивированный) односторонний отказ от исполнения договора (одностороннее изменение его условий).

1. Обязательства по передаче имущества в собственность;
- 1.1. Договор розничной купли-продажи⁹.

4 См.: п. 2 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» // СПС «КонсультантПлюс».

5 См.: Определение Конституционного Суда РФ от 06.06.2002 № 115-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Мартыновой Евгении Захаровны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 статьи 779 и пунктом 2 статьи 782 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». Аналогичная позиция была выражена и в Постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 24.11.2009 № 9548/09 // СПС «КонсультантПлюс».

6 См.: Определение Конституционного Суда РФ от 14.10.2004 № 391-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дудника Александра Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 451 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

7 Ср.: ст. 426 ГК РФ, ст. 442 ГК РА, ст. 396 ГК РБ, ст. 387 ГК РК, ст. 386 ГК КР.

8 Применительно к некоторым договорам (договор проката, кредитный договор) закон устанавливает определенный срок для уведомления.

9 Ср.: ст. 502 ГК РФ и ст. 25 и п. 4 ст. 26.1 Закона РФ «О защите прав потребителей»; ст. 517 ГК РА и ст. 23 Закона РА «О защите прав потребителей»; ст. 472 ГК РБ и ст. 28 Закона РБ «О защите прав потребителей»; ст. 454 ГК РК и ст. 14 и 30 Закона РК «О защите

Во всех государствах-членах ЕАЭС покупатель вправе обменять товар на аналогичный (других размера, формы, габарита, фасона, расцветки или комплектации), произведя в случае разницы в цене необходимый перерасчет с продавцом, а при отсутствии необходимого для обмена товара – вернуть приобретенный товар и получить уплаченную за него денежную сумму. Тем самым, применительно к договору розничной купли-продажи национальные законы наделяют потребителя правом как на одностороннее изменение условия о предмете договора (характеристиках товара), так и на односторонний отказ от исполнения договора.

В целях недопущения грубого нарушения баланса интересов сторон, данное право потребителя ограничено. Во-первых, не подлежат возврату (обмену) непродовольственные и иные товары из перечня, утвержденного правительством (Россия, Беларусь, Киргизия) или приведенного непосредственно в законе (Армения, Казахстан). Во-вторых, товар может быть возвращен (обменян), только если он не был в употреблении, сохранил потребительские свойства и есть доказательства его приобретения у данного продавца. В-третьих, данное право может быть осуществлено не позднее четырнадцати дней с момента передачи товара (не считая дня покупки), если продавцом не объявлен более длительный срок.

Между тем, для договора розничной купли-продажи, заключенному дистанционным способом, в России и Киргизии, в отличие от других государств-членов ЕАЭС (где такой договор вовсе не поименован), законом предусмотрен (без объективных тому оснований) сокращенный пресекательный срок (пять и семь дней соответственно), который, однако, может быть увеличен (до трех месяцев), если в момент доставки товара не была предоставлена информация о порядке и сроках его возврата.

1.2. Договор энергоснабжения¹⁰.

Во всех государствах-членах ЕАЭС абонент-гражданин, использующий энергию для бытового потребления, вправе использовать ее в необходимом ему количестве и в любое время расторгнуть договор энергоснабжения при условии полной оплаты использованной энергии. Тем самым, применительно к договору энергоснабжения национальные законы наделяют потребителя-гражданина правом как на одностороннее изменение (своими фактическими действиями) условия о предмете договора (количестве товара), так и на односторонний отказ от исполнения договора.

2. Обязательства по передаче имущества в пользование: договор проката¹¹.

Во всех государствах-членах ЕАЭС арендатор вправе в любое время отказаться от договора проката при условии внесения соответствующей части арендной платы, исчисляемой включительно до дня фактического возврата имущества. В России, в отличие от других государств-членов ЕАЭС, закон дополнительно оговаривает, что уведомление должно быть направлено в письменной форме не менее чем за десять дней.

3. Обязательства по выполнению работ: договор бытового подряда¹².

Во всех государствах-членах ЕАЭС заказчик вправе в любое время до сдачи ему работы отказаться от исполнения договора бытового подряда при условии уплаты подрядчику части установленной цены пропорционально части работы, выполненной до уведомления об отказе, и возмещения подрядчику расходов, произведенных до этого момента в целях исполнения договора, если расходы не входят в указанную часть цены работы.

4. Обязательства по оказанию услуг: договор возмездного оказания услуг¹³.

Во всех государствах-членах ЕАЭС заказчик вправе в любое время отказаться от исполнения договора возмездного оказания услуг при условии оплаты исполнителю фактически понесенных им расходов, связанных с исполнением обязательств по договору. Исходя из практики применения данной правовой нормы, отказ заказчика возможен в любое время – как до начала исполнения услуги, так и в процессе ее оказания¹⁴. При этом заказчик должен оплатить исполнителю необходимые расходы, понесенные им в счет услуг как оказанных, так еще не оказанных до момента отказа¹⁵. Такие расходы доказываются исполнителем и могут быть оплачены заказчиком как до отказа от исполнения договора, так и после него, в том числе взысканы в судебном порядке¹⁶.

5. Обязательства по оказанию финансовых услуг:

5.1. Кредитный договор¹⁷.

Во всех государствах-членах ЕАЭС заемщик вправе отказаться от получения кредита полностью или частично, уведомив об этом до истечения срока его предоставления. В России и Армении заемщик-потребитель также вправе отказаться от кредитного договора, вернув всю сумму кредита в течение определенного законом срока (четырнадцати и семи дней соответственно) со дня его получения, причем без предварительного уведомления, но с уплатой процентов за фактический срок кредитования. В Армении в том же порядке заемщик-потребитель вправе расторгнуть кредитный договор и в случае расторжения договора о предоставлении товара (работы, услуги), финансируемого посредством кредита.

Кроме того, в России, Армении и Киргизии заемщик-потребитель вправе вернуть сумму кредита (полностью или частично) досрочно, уведомив об этом за тридцать дней, если договором не установлен более короткий срок, с уплатой про-

12 Ср.: п. 2 ст. 731 ГК РФ, п. 2 ст. 729 ГК РА, п. 2 ст. 684 ГК РБ, п. 2 ст. 641 ГК РК, п. 2 ст. 653 ГК КР.

13 Ср.: п. 1 ст. 782 ГК РФ и ст. 32 Закона РФ «О защите прав потребителей», п. 1 ст. 780 ГК РА и ст. 30 Закона РА «О защите прав потребителей», п. 1 ст. 736 ГК РБ, п. 1 ст. 686 ГК РК, п. 1 ст. 699 ГК КР и ст. 41 Закона КР «О защите прав потребителей».

14 См.: Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 07.09.2010 № 2715/10 // СПС «КонсультантПлюс».

15 См.: п. 2 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 21.12.2005 № 104 «Обзор практики применения арбитражными судами норм Гражданского кодекса РФ о некоторых основаниях прекращения обязательств» // СПС «КонсультантПлюс».

16 См.: «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2015)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04.03.2015), Разъяснения по вопросам, возникающим в судебной практике, Вопрос 5 // СПС «КонсультантПлюс».

17 Ср.: п. 4 ст. 809, п. 2 ст. 810 и п. 2 ст. 821 ГК РФ и ст. 11 Федерального закона «О потребительском кредите (займе)», п. 2 ст. 880 и п. 3 ст. 889 ГК РА и ст. 9 и 10 Закона РА «О потребительском кредитовании», п. 2 ст. 763 ГК РБ и ст. ст. 142 и 143 Банковского кодекса РБ, п. 2 ст. 719 и п. 1 ст. 722 ГК РК, п. 5 ст. 726, п. 2 ст. 727 и п. 2 ст. 736 ГК КР.

прав потребителей»; ст. 465 ГК КР и ст. 24 и п. 3 ст. 24.1 Закона КР «О защите прав потребителей».

10 Ср.: п. 3 ст. 541 и п. 1 ст. 546 ГК РФ, п. 3 ст. 553 и п. 1 ст. 558 ГК РА, п. 3 ст. 512 и п. 1 ст. 517 ГК РБ, п. 3 ст. 484 и п. 4 ст. 490 ГК РК, п. 3 ст. 489 и п. 1 ст. 494 ГК КР.

11 Ср.: п. 3 ст. 627 и п. 2 ст. 630 ГК РФ, п. 3 ст. 630 ГК РА, п. 3 ст. 598 и п. 2 ст. 601 ГК РБ, п. 3 ст. 596 и п. 2 ст. 599 ГК РК, п. 3 ст. 566 и п. 2 ст. 569 ГК КР.

центов, начисленных до дня возврата соответствующей суммы. Тем самым, в этих государствах закон наделяет заемщика-потребителя правом как на односторонний отказ от кредитного договора, так и на одностороннее изменение его условия о сроке возврата суммы займа.

В отличие от них, в Беларуси и Казахстане сумма займа, предоставленного под проценты, может быть возвращена досрочно лишь только с согласия займодавца. Следует отметить, что в России до внесения Федеральным законом от 19.10.2011 № 284-ФЗ изменений в статьи 809 и 810 ГК РФ и, соответственно, до принятия Федерального закона от 21.12.2013 № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» действовала такая же норма. Тем не менее, судебная практика все же выводила право заемщика-потребителя на досрочный возврат кредита, применяя к кредитным правоотношениям – по аналогии (ст. 6 ГК РФ) – положения ст. 32 Закона РФ «О защите прав потребителей», которые специально (применительно к правоотношениям с участием потребителя) предусматривают право гражданина-потребителя на односторонний отказ от исполнения договора об оказании услуг¹⁸. В Беларуси и Казахстане применение такой аналогии невозможно, поскольку их национальные законы о защите прав потребителей такого специального положения не содержат.

5.2. Договор банковского вклада¹⁹.

Во всех государствах-членах ЕАЭС вкладчик-гражданин вправе по первому требованию получить вклад любого вида, в том числе срочный и на иных условиях, но при этом ему выплачиваются проценты как по вкладу до востребования, если договором не предусмотрен иной размер процентов. В Киргизии, в отличие от других государств-членов ЕАЭС, закон прямо оговаривает, что на случай досрочного возврата вклада договором может быть предусмотрен только более высокий размер процентов.

5.3. Договор банковского счета²⁰.

Во всех государствах-членах ЕАЭС клиент вправе в любое время расторгнуть договор банковского счета и получить остаток денежных средств на закрываемом счете.

5.4. Договор страхования²¹.

Во всех государствах-членах ЕАЭС страхователь (выгодоприобретатель) вправе в любое время, если к этому моменту возможность страхового случая не отпала, отказаться от договора страхования, но при этом, если иное не предусмотрено договором, ему не возвращается уплаченная страховщику страховая премия.

Таким образом, сравнительно-правовой анализ показывает, что в государствах-членах ЕАЭС нормативное правовое регулирование в вопросе предоставления потребителю права на (немотивированный) односторонний отказ от исполнения договора (одностороннее изменение его условий) в основном сходно. Различия касаются главным образом договора розничной купли-продажи, заключенного дистанционным способом,

и кредитного договора. Как показывает опыт ЕС, эти договоры являются одними из тех, которые имеют особое значение для формирования единого рынка межгосударственного интеграционного объединения.

В Европейском союзе право на односторонний отказ от договора относится к одним из наиболее востребованных инструментов частноправовой защиты потребителя²². Такое право позволяет потребителю еще раз, уже после заключения договора, обдумать сделку (взвесить все pro et contra) и принять окончательное решение «на холодную голову» – отсюда термин «cooling-off period», используемый институтами ЕС наряду с термином «right of withdrawal»²³. При этом национальным законодательствам, имплементировавшим положения соответствующих директив, известны едва ли не все мыслимые догматические конфигурации отказа от договора²⁴.

Законодательство ЕС предусматривает право потребителя на односторонний отказ от договора, как правило, в тех случаях, когда договор по своему способу заключения или типу (виду) создает для потребителя дополнительные опасности. К таким договорам на общеевропейском уровне относятся договор, заключенный дистанционным способом или вне торгового помещения, кредитное соглашение, договор таймшера и долгосрочного туристического продукта, право на отказ от которых предусмотрено соответственно Директивой «О правах потребителя...»²⁵, Директивой «О кредитных соглашениях с потребителями...»²⁶, Директивой «О защите потребителей в отношении некоторых аспектов таймшера, долгосрочного туристического продукта, их перепродажи и мены»²⁷.

1. Договор, заключенный дистанционным способом или вне торгового помещения (ст. ст. 9-16 Директивы «О правах потребителя...»).

В ЕС потребитель вправе отказаться от договора, заключенного дистанционным способом или вне торгового помещения, в течение 14 дней, которые в случае розничной купли-продажи исчисляются со дня поступления товара в физическое владение потребителя или указанного им лица, кроме перевозчика; а в случае оказания услуг или энергоснабжения – со дня заключения договора. Если перед заключением договора торговец не предоставил потребителю информацию о праве на односторонний отказ от договора, пресекающий срок

18 См.: п. 12 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13.09.2011 № 146 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с применением к банкам административной ответственности за нарушение законодательства о защите прав потребителей при заключении кредитных договоров» // СПС «КонсультантПлюс».

19 Ср.: п. п. 2 и 3 ст. 837 ГК РФ, п. п. 2 и 3 ст. 905 ГК РА, ст. 186 Банковского кодекса РБ, п. 3 ст. 757 и п. п. 2 и 3 ст. 765 ГК РК, п. п. 2 и 3 ст. 752 ГК КР.

20 Ср.: п. п. 1 и 3 ст. 859 ГК РФ, п. п. 1 и 3 ст. 927 ГК РА, ст. 206 Банковского кодекса РБ, п. п. 1 и 3 ст. 752 ГК РК, п. п. 1 и 4 ст. 775 ГК КР.

21 Ср.: п. п. 2 и 3 ст. 958 ГК РФ, п. п. 2 и 3 ст. 1014 ГК РА, п. п. 2 и 3 ст. 848 ГК РБ, п. 2 ст. 841 и п. 2 ст. 842 ГК РК, п. п. 3 и 4 ст. 965 ГК КР.

22 См.: Ширвиндт А. М. Ограничение свободы договора в целях защиты прав потребителей в российском и европейском частном праве // Вестник гражданского права. 2013. № 1. С. 9.

23 См., напр.: Loos M. Rights of Withdrawal // Modernising and Harmonising Consumer Contract Law / Edit. by G. Howells, R. Schulze. Munich: Sellier, 2009. P. 237-277.

24 См.: Mankowski P. Right of Withdrawal // The Max Planck Encyclopedia of European Private Law. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 1477.

25 Directive 2011/83/EU of the European Parliament and of the Council of 25 October 2011 on consumer rights, amending Council Directive 93/13/EEC and Directive 1999/44/EC of the European Parliament and of the Council and repealing Council Directive 85/577/EEC and Directive 97/7/EC of the European Parliament and of the Council // Official Journal of the European Union. L 304.Vol. 54. 22 November 2011. P. 64-88.

26 Directive 2008/48/EC of the European Parliament and of the Council of 23 April 2008 on credit agreements for consumers and repealing Council Directive 87/102/EEC // Official Journal of the European Union. L 133.Vol. 51. 22 May 2008. P. 66-92.

27 Directive 2008/122/EC of the European Parliament and of the Council of 14 January 2009 on the protection of consumers in respect of certain aspects of timeshare, long-term holiday product, resale and exchange contracts // Official Journal of the European Union. L 33.Vol. 52. 3 February 2009. P. 10-30.

увеличится еще на 1 год, но истечет через 14 дней после того, как торговец предоставит соответствующую информацию.

В случае розничной купли-продажи потребитель при одностороннем отказе от договора несет бремя расходов на возвращение товара и отвечает за уменьшение его ценности, возникшее вследствие обращения с ним таким способом, который не является необходимым для установления природы, характеристик и функционирования товара; а в случае оказания услуг или энергоснабжения – уплачивает торговцу сумму, пропорциональную тому, что было предоставлено до уведомления об отказе, в сравнении с общей ценой всего предоставления по договору.

В целях защиты интересов торговца (обеспечения баланса интересов сторон) в Директиве «О правах потребителя...» приведен также перечень случаев, когда право потребителя на отказ от договора не действует. В частности, когда договор заключен на торгах; договор оказания услуг полностью исполнен торговцем (финансовых услуг – обеими сторонами) при условии, что перед этим потребитель согласился на то, чтобы исполнение договора началось, и признал то, что он лишается права на отказ, как только договор будет исполнен; товар изготовлен по спецификациям потребителя или имеет индивидуально определенные свойства, быстро изнашивается или портится либо по медицинским или гигиеническим причинам не может быть возвращен после вскрытия упаковки; цена товара (услуги) зависит от изменений на финансовом рынке, находящимся вне контроля торговца, и в некоторых иных случаях.

Наряду с Директивой «О правах потребителя...», но применительно только к оказанию финансовых услуг, право потребителя на односторонний отказ от дистанционного договора (при условии оплаты фактически оказанных услуг) дополнительно предусмотрено положениями ст. ст. 6 и 7 Директивы «О дистанционной торговле финансовыми услугами с потребителями...»²⁸, которые в целом устанавливают такой же порядок, что и соответствующие положения Директивы «О правах потребителя...».

2. Кредитное соглашение (ст. ст. 14-16 Директивы «О кредитных соглашениях с потребителями...»).

В ЕС потребитель вправе отказаться от кредитного соглашения в течение 14 дней, которые исчисляются со дня заключения соглашения или со дня получения информации о его содержании (в зависимости от того, что произошло позднее), при условии возвращения кредитору полученной суммы кредита и уплаты процентов за фактический срок кредитования. Потребитель также вправе в любое время досрочно полностью или частично исполнить свои обязательства по кредитному соглашению при условии уплаты возмещения в справедливом и обоснованном размере, не превышающем предусмотренных директивой пределов.

Потребитель перестает быть связан кредитным соглашением и в случае отказа от договора о предоставлении товара (услуги), финансируемого посредством кредита и образующего с кредитным соглашением экономическое единство. В свою очередь, при отказе от кредитного соглашения потребитель перестает быть связан договорами на предоставление дополнительных услуг, заключенных с кредитором или третьим лицом, действующим по соглашению с кредитором.

3. Договоры таймшера и долгосрочного туристического продукта²⁹ (ст. ст. 6-11 Директивы «О защите потребителей в отношении некоторых аспектов договоров таймшера, долгосрочного туристического продукта, их перепродажи и мены»).

В ЕС потребитель вправе отказаться от договора таймшера или долгосрочного туристического продукта в течение 14 дней, которые исчисляются со дня заключения договора или со дня получения экземпляра договора (в зависимости от того, что произошло позднее). Если перед заключением договора торговец не предоставил потребителю предусмотренные директивой информационный или отказной формуляры, пресекательный срок увеличится соответственно еще на 1 год или на 3 месяца, но истечет через 14 дней после того, как торговец предоставит соответствующий формуляр.

При отказе от договора таймшера или долгосрочного туристического продукта потребитель перестает быть связан договорами на предоставление дополнительных услуг, заключенных с торговцем или третьим лицом, действующим по соглашению с торговцем.

В отличие от иных договоров, при отказе от договора таймшера или долгосрочного туристического продукта потребитель освобождается от возмещения торговцу каких бы то ни было расходов, в том числе от возмещения стоимости того, что было предоставлено до отказа от договора. Более того, до истечения пресекательного срока торговцу запрещено получать от потребителя предварительную оплату или иное встречное предоставление.

Наряду с названными директивами, право потребителя на отказ от договора, согласованного вне торгового помещения, в том числе дистанционным способом, и от договора таймшера предусматривает Проект Общей системы координат (Draft Common Frame of Reference; далее – DCFR)³⁰.

Как общее правило, право на отказ от договора осуществляется путем уведомления другой стороны и не требует объяснения каких-либо причин, причем, если из обстоятельств не следует иное, возвращение предмета договора также считается уведомлением (ст. II. – 5:102). Право на отказ может быть осуществлено в любое время после заключения договора и до истечения пресекательного срока, который составляет 14 дней с момента заключения договора или предоставления информации о праве на отказ либо, если предметом договора является товар, с момента передачи товара (в зависимости от того, что произошло позднее), но в любом случае не позднее 1 года с момента заключения договора (ст. II. – 5:103). Отказ от договора прекращает договорные обязательства обеих сторон, и каждая из них должна вернуть другой то, что было исполнено ей по договору, а при невозможности возвращения в натуре – возместить стоимость исполненного (ст. II. – 5:105). При этом DCFR особо оговаривает, что отказ потребителя от договора о предоставлении товара (иного имущества, услуг) одновременно влечет прекращение обязательств из всех связанных договоров. Причем договор о предоставлении товара (иного имущества, услуг) и финансирующий его кредитный договор считаются связанными, если кредитором является торговец, предоставляющий этот товар (иное имущество, услугу), или третье лицо, пользующееся услугами торговца по подготовке

28 Directive 2002/65/EC of the European Parliament and of the Council of 23 September 2002 concerning the distance marketing of consumer financial services and amending Council Directive 90/619/EEC and Directives 97/7/EC and 98/27/EC // Official Journal of the European Communities. L 271. Vol. 45. 09 October 2002. P. 16-24.

29 В государствах-членах ЕАЭС специального правового регулирования договора таймшера нет, хотя после принятия в рамках СНГ Модельного закона «О клубном отдыхе» попытки его введения в национальные законодательства предпринимались.

30 Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law: Draft Common Frame of Reference (DCFR). Full Edition: In 6 vols. / C. von Bar, E. Clive (eds.). Munich: Sellier, 2009.

и заключению кредитного договора, либо если кредитный договор называет определенный товар (иное имущество, услугу), финансируемый этим кредитом, и такая связь между договорами была предложена торговцем или кредитором, либо если есть аналогичная экономическая связь (ст. II. – 5:106).

Подобно Директиве «О правах потребителя...», DCFR содержит перечень случаев, когда право потребителя на односторонний отказ от договора, согласованного вне торгового помещения, в том числе дистанционным способом, не действует. Этот перечень несколько шире, чем в директиве, за счет включения в него договоров, заключенных с использованием автоматов, договоров купли-продажи еды, напитков или иных товаров ежедневного потребления, предоставляемых на дом или на работу потребителя постоянным разносчиком, и некоторых иных договоров (ст. II. – 5:201).

Подобно Директиве «О защите потребителей в отношении некоторых аспектов договоров таймшера, долгосрочного туристического продукта, их перепродажи и мены», DCFR запрещает торговцу требовать или принимать от потребителя какие-либо предварительные платежи в течение срока осуществления права на отказ. Вместе с тем, в отличие от директивы, DCFR все же допускает согласование в договоре таймшера обязанности потребителя возместить торговцу определенные расходы, а именно – прямо названные в договоре разумные и необходимые расходы, понесенные в результате заключения договора и отказа от него, связанные с юридическими формальностями, подлежащими завершению до истечения пресекательного срока (ст. II. – 5:202).

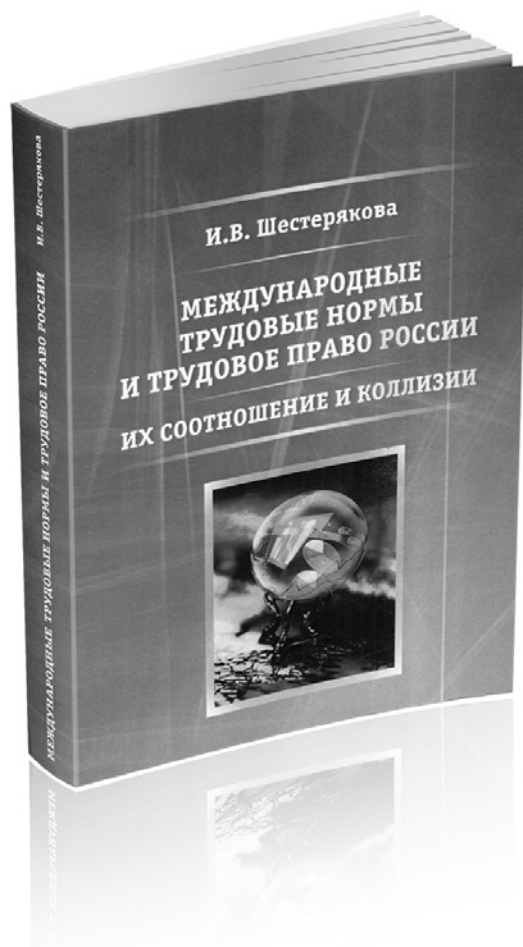
Таким образом, сравнительно-правовой анализ показывает, что в вопросе предоставления потребителю права на отказ от договора основные различия, существующие между, с одной стороны, национальными законодательствами государств-членов ЕАЭС о защите прав потребителей и, с другой стороны, потребительскими директивами ЕС вкуче с проектом кодификации европейского частного права (DCFR), сосредоточены в таких аспектах, как:

- перечень типов (видов, подвидов) договоров, в отношении которых потребитель имеет право на отказ;
- срок осуществления права на отказ от договора, включая его продолжительность и возможность продления;
- последствия осуществления права на отказ от договора, в том числе влияние отказа на связанные договоры.

Подводя итог, необходимо заключить, что в целях формирования для потребителей равных условий по защите их прав и законных интересов для государств-членов ЕАЭС актуальна гармонизация национальных законодательств по следующим проблемным вопросам: (1) недопустимость согласования в договоре с участием потребителя права контрагента (профессиональной стороны) на немотивированный односторонний отказ от исполнения договора (одностороннее изменение его условий); (2) предоставление потребителю права на отказ от договора, заключенного дистанционным способом, и права на отказ от кредитного договора вместе с правом на досрочный возврат кредита, в том числе установление одинаковых сроков и последствий осуществления этих прав; (3) влияние осуществления потребителем права на отказ от договора на существование связанных с ним договоров.

Пристатейный библиографический список

1. Белов В. А. Свобода договора и ее пределы // Гражданское право. В 4 т. Т. II. Общая часть. В 2 кн. Книга 2. Факты. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2016.
2. Гражданское право России. Общая часть: Курс лекций / Отв. ред. О. Н. Садиков. – М.: Юрист, 2001.
3. Ширвиндт А. М. Ограничение свободы договора в целях защиты прав потребителей в российском и европейском частном праве // Вестник гражданского права. 2013. № 1.
4. Loos M. Rights of Withdrawal // Modernising and Harmonising Consumer Contract Law / Edit. by G. Howells, R. Schulze. Munich: Sellier, 2009.
5. Mankowski P. Right of Withdrawal // The Max Planck Encyclopedia of European Private Law. Oxford: Oxford University Press, 2012.
6. Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law: Draft Common Frame of Reference (DCFR). Full Edition: In 6 vols. / C. von Bar, E. Clive (eds.). Munich: Sellier, 2009.

МУРАТАЛИЕВА Жибек Калысбековна

аспирант кафедры международного права Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ВЫСТАВОК, ИХ РОЛЬ В РАЗВИТИИ СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

В статье проведено исследование истории международных выставок, начиная с середины XIX в. и заканчивая последними выставками XXI века. В статье проведена периодизация истории проведения международных выставок на три основных периода. Во главу направления современных международных выставок ставится развитие фундаментальной науки, промышленности, сельского хозяйства, образования и внедрение современных технологий, всё это, несомненно, даст ощутимый толчок любой стране в конкуренции с другими странами.

Ключевые слова: история международных выставок, выставки ЭКСПО, тематика выставок, правовое регулирование, периодизация истории международных выставок.

MURATALIYEVA Zhibek Kalysbekovna

postgraduate student of International Law sub-faculty of the Diplomatic Academy of the Ministry of foreign Affairs of the Russian Federation

Мураталиева Ж. К.

HISTORY OF INTERNATIONAL EXHIBITIONS AND THEIR ROLE IN THE DEVELOPMENT OF COOPERATION OF STATES IN INTERNATIONAL LAW

The article studied the history of international exhibitions since the mid XIX century and ending with the last exhibition of the XXI century. In the article the periodization of the history of international exhibitions at the three main periods. The focus areas of contemporary international exhibitions put the development of fundamental science, industry, agriculture, education and the introduction of modern technologies, all of this is sure to provide significant impetus to any country in the competition with other countries.

Keywords: history of international exhibitions, Expo, exhibitions subject matter, legal regulation, the periodization of the history of international exhibitions.

Появление Всемирных или Великих всемирных выставок, как они назывались ранее, было исторически определено бурным развитием в середине XIX в. промышленности в Англии, Франции и Германии.

В целом всю историю проведения международных выставок можно условно разделить на три основных этапа. Первый период (с 1851 по 1938 г.) известен как период индустриализации. Второй период (с 1939 вплоть до 1987г.) ознаменовался гуманистическими лозунгами оптимистического взгляда в будущее человечества: «Заря нового дня», «Строим мир завтра», «К миру через взаимопонимание», «Человек и его история». «Человек и мир» – под таким девизом СССР провел Выставку в 1967 году в Монреале (Канада). Третий период (с 1988 года), проходил в постиндустриальном обществе под лозунгами: «Вода и устойчивое развитие», «Мудрость природы», закрепляющий однополярный мир и его проблемы.

Каждый период оставил наглядное наследие в архитектуре, в технологии, в праве и политике.

Первая всемирная выставка ЭКСПО была открыта в Гайд-Парке в Лондоне 1 мая 1851 г. по инициативе принца Альберта и работала в специально построенном Хрустальном дворце, первом в истории строительной техники здании из стекла и металла. Выставка проходила под девизом «Пусть все народы работают совместно над великим делом – совершенствованием человечества» и состояла из 4 больших разделов, разделенных на более мелкие классы (всего 31 класс):¹

I. Сырье и исходные материалы производства.

II. Приборы, инструменты и машины.

III. Фабричные изделия, сделанные руками или машинами.

IV. Произведения, относящиеся к изящным искусствам.

После закрытия выставки было принято решение превратить ее в постоянно действующее учреждение – Южно-Кенсингтонский музей науки и искусства (ныне Музей Виктории и Альберта).

Следует отметить, что в ходе работы первой всемирной выставки сформировались некоторые принципы, которые стали использоваться при организации последующих Всемирных выставок. Это – деление экспозиционной площади на национальные секции, направление приглашений странам для участия в выставке дипломатическим путем, классификация выставляемых изделий по товарным группам и классам, вручение наград лучшим экспонатам и экспонентам.

После проведения первой всемирной выставки, традицию проведения глобальных «осмотров достижений» подхватили другие страны, кроме объединения наций это способствовало поднятию престижа страны-хозяйки. С этого времени всемирные промышленные выставки стали постоянным явлением без четко выраженной периодичности. В течение XIX – начала XX в. расширился регион их проведения, увеличилось число стран-участниц, среди которых, помимо наиболее промышленно развитых европейских стран, США и России, были представлены Австралия, Бразилия, Мексика, Перу, Эквадор, Китай, Корея, Япония, Турция, Либерия, Марокко, Трансвааль и др.²

Организация каждой выставки осуществлялась Главным советом, состоявшим из представителей страны, где прохо-

1 Зарубин И. С. Историко-правовые аспекты международной выставочно-ярмарочной деятельности // Проблемы правового регулирования международных экономических отношений на современном этапе: Материалы научно-практической конференции Международно-правового факультета ВАВТ (Москва, апрель 2010 г.). - М.: ВАВТ, 2011, Вып. 45. - С. 35-43

2 Волкодавова Е. В., Комякова Е. А. Международные выставки как фактор формирования и реализации экспортного потенциала промышленных предприятий: [монография]; Самар. гос. экон. акад. – Самара : Самар. гос. экон. акад., 2004. – С. 43

дила выставка. Страны-участницы создавали комитеты для организации всех национальных отделов, избирался генеральный комиссар отдела, который работал с администрацией выставки. Главный совет выставки выделял комиссию экспертов, определявших принцип и систему награждения, и комитет по присуждению наград. Присуждались золотые, серебряные, бронзовые медали; почетные отзывы.

Первые выставки носили исключительно промышленно-коммерческий характер. Однако уже на выставке 1855 г. (Париж) появляется отдел изящных искусств. В Лондоне в 1862 г. впервые было представлено искусство за последние сто лет, а на выставке 1867 г. (Париж) – земледелие, история труда, наука, методы воспитания и обучения.

Декрет о проведении в Париже с 3 мая по 6 ноября 1889 г. очередной Всемирной выставки, приуроченной к 100-летию Французской революции, был подписан президентом Республики Жюлем Граве 8 ноября 1884 г. в соответствии с решением палаты депутатов. Через свои дипломатические представительства Франция оповестила об этом все страны мира, пригласив их к участию. Для большинства монархических стран даже воспоминание о революции было оскорбительно, поэтому Австрия, Англия, Германия, Италия и Россия объявили о своем отказе участвовать в новом ЭКСПО. В то же время различные республиканские государства выразили удивление этим решением, как и отдельные предприниматели и художники из стран, отказавшихся участвовать, понимавшие, что нельзя упускать такую благоприятную возможность для контактов. Чтобы содействовать их участию в выставке и представлять в оргкомитете их интересы, был создан специальный союз. Специально для выставки ЭКСПО в Париже в 1889 г. была построена знаменитая Эйфелева башня.³

Проведение промышленных выставок, прерванное Первой мировой войной, возобновилось в 20-е годы XX в. В 1922 г. состоялась Международная выставка в Лейпциге, в 1925 г. – в Париже. В 1928 г. на международной конференции в Париже была выработана «Конвенция о международных выставках», в ней участвовала 31 страна, в том числе СССР. На основании положения этой Конвенции (некоторые уточнения были внесены в 1948 г.) было создано Бюро Международных выставок, всемирные выставки стали проводиться один раз в 6–7 лет, Международные – каждые два года, а повторно в одной стране – через 15 лет.⁴

Первой крупной промышленной выставкой в XX в. с участием большинства стран стала Парижская выставка 1937 г. (40 млн посетителей), ее девизом было «Искусство и техника в современной жизни». Наиболее крупными по масштабности, проблематике, числу участников, экспозиции, посетителей были выставки в Нью-Йорке (1939 г., девиз: «Строительство мира завтрашнего дня»), Брюсселе (1958 г., девиз: «Человек и прогресс»), Монреале (1967 г., девиз: «Земля людей»), Осаке (1970 г., девиз: «Прогресс и гармония для человечества»)⁵.

По итогам каждой выставки ЭКСПО международное жюри награждает павильоны стран за лучшее раскрытие темы, а также за лучшие экспозиции по разным критериям.

В современную эпоху увеличивается количество международных выставок, усиливается их специализация, проводятся международные выставки по наиболее актуальным проблемам науки, применения ее в жизни общества (окружающая среда, экология и т. д.), а также приуроченных к важнейшим датам в мировой истории⁶.

30 апреля 1939 года в Нью-Йорке открылась последняя предвоенная Всемирная выставка, которая ознаменовала начало второго периода развития выставочной деятельности с новым взглядом в будущее человечества. Ее лозунгом была

фраза «Мир завтрашнего дня». Она продлилась до 27 октября 1940 года. Выставочный ареал занимал 492 га (соразмерный небольшому городку).

Экспозиция представляла собой лучевую структуру, где главная набережная проходила от монумента «Trylon and Perisphere» к федеральному зданию США и мировому суду. Два этих здания представляли собой законодательную и судебную власти (архитектор Л. Чейни). Во внутреннем дворе позади федеральных зданий располагался бюст президента Франклина Делано Рузвельта. Центральная композиция состояла из двух белых монументальных сооружений, названных «Trylon» и «Perisphere». Внутри постамента была представлена модель города будущего, которую посетители могли увидеть, находясь на эскалаторах, которые поднимали их на самую верхнюю точку. Вся композиционная идея была осуществлена архитектором Уоллесом Харрисоном. Выставка закончилась 27 октября 1940 года. После Второй мировой войны многие павильоны были демонтированы. После закрытия выставки, её место занял городской парк.

В Монреале Всемирная выставка 1967 года прошла под девизом «Планета людей» на площади вновь созданных островов. Город приумножил свою территорию, обустроил берега реки, обзавёлся новыми транспортными маршрутами, а также внедрил новые технологии в инженерное обслуживание города.

Надо отметить, что второй период Выставочного движения характеризуется ещё большим использованием Всемирных выставок в реконструкции городской структуры принимающего города. Архитекторы и строители использовали Всемирную выставку, проведенную в Осаке в 1970 году, в качестве экспериментального города для решения актуальных проблем урбанизации. Найденный благодаря этому вариант позволил успешно реконструировать восточную часть города – Сэнри, где под выставку отвели территорию в 330 га. Главный архитектор экспозиции Кендзо Танге заложил в генеральный план Выставки метаболическую схему как скелет города будущего – разветвляющуюся систему «живого дерева».

Самым интересным на сегодняшний день для нас является третий период в истории проведения Всемирных выставок. В послевоенный период организаторы выставок начинают уделять внимание не только достижениям в сфере технологий. Участники переходят к обсуждению глобальных вопросов, стоящих перед человечеством, например: человек и его место в мире, экология, урбанизация и многих других. В соответствии с этими вопросами каждый раз формулируется отдельная тема, в связи с которой каждая страна формирует свою экспозицию (Табл. 1).

Начало XXI века характеризует создание глобального рынка, глобальной экономики. Глубокий кризис, произошедший в 2008 году и повлекший распад мировой финансовой системы, способствует формированию нового способа конструирования счастливого и безопасного будущего человечества, который рассматривается как концепция неоиндустриального общества, в противовес концепции постиндустриального развития⁷.

В этой концепции просматривается база для развития и преобразования своего, пути усовершенствования. Во главу направления ставится развитие фундаментальной науки, промышленности, сельского хозяйства, образования, ну и, конечно же, внедрение современных технологий, всё это, несомненно, даст ощутимый толчок любой стране в конкуренции с другими странами.

Данная концепция предполагает создание наукоемких технологий, и методологических аспектов, которые могут преобразовать существующее положение граждан в более качественное и комфортное. Разумно полагать, что такое усовершенствование возможно лишь при развитии серьезной научной базы и интеллектуального потенциала, использования новейших технологий и опоры на профессиональный опыт и труд.

3 Шпаков В. Н. История всемирных выставок. – М.: АСТ: Зебра Е, 2008. – С. 45

4 Выставка : какой ей быть? Многообразие тем, разнообразие форм: науч.-практ. пособие / сост. Т. Е. Наместникова. – М.: Либерей-Бибинформ, 2011. – С. 74

5 Шпаков В. Н. История всемирных выставок. М., 2008. – С. 78

6 Алексеев С. П. Выставочная деятельность: лидерство и marketingmix в цифровую эпоху // Инициативы XXI века. – 2012. – № 4. – С. 5-10

7 Свиридова Е. А. Правовое регулирование рекламы: учебное пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – С. 45

Таблица 1. Основные девизы выставок ЭКСПО XXI века

Год	Страна	Девиз	Участок	Кол-во стран-уч.
2005	Япония	«Мудрость природы»	В пригороде г. Нагоя (200Г а)	120
2008	Испания	«Вода и устойчивое развитие»	Вдоль р. Эбро (25Га)	104
2010	Китай	«Лучше город-лучше жизнь»	По обе стороны р. Хуанпу (520Г а)	192
2012	Южная Корея	«Живой океан и побережье»	Прибрежный район г. Йосу (25Га)	104
2014	Италия	«Накормить планету - энергия для жизни»	Окружен искусственным озером, с-з от г. Милана (110Га)	144
2017	Казахстан	«Энергия будущего»	Юго-восточная часть г. Астаны (25Га)	100
2020	ОАЭ	«Объединяя умы, создавая будущее»	Пустынная земля между г. Дубай и аэропортом Аль-Мактун (438Га)	168

Чтобы обозначить девиз будущей Всемирной выставки, необходимо обратить внимание на то, что выставки стали решать городские проблемы. Устроители страны активно включают выставки в городскую среду с возможным их использованием после закрытия с минимальной адаптацией.

Всемирная выставка в Шанхае, собрав самые современные идеи развития города, дала возможность реконструировать огромный район города, снабдив его самыми современными коммуникациями. Экспо 2010 Шанхай Китай прошла – с 1 мая по 31 октября 2010. Тема выставки – «Лучший город – лучшая жизнь», то есть предлагается концептуальное решение проблем, связанных с сокращением ресурсов, снижением уровня преступности, загрязнения окружающей среды путем моделирования городов будущего⁸.

Всемирная выставка «ЭКСПО-2015» в Милане - событие значимое и масштабное, для участия в ней зарегистрировано 144 страны. В списке основных участников три международных организации и 11 неправительственных организаций, а также три корпоративных павильона. Дата проведения: с 1 мая по 31 октября 2015 года, главный лозунг: «Накормить планету. Энергия для жизни» (Nutrire il Pianeta. Energia per la Vita).

Для выставочных павильонов отведена огромная территория площадью более 1 млн кв. м на северо-западе Милана. В центре внимания участников оказываются вопросы, которые ранее уже освещались, но здесь представлены по-новому в свете последних тенденций и возможностей. Многочисленные экспозиции, тысячи интересных событий, культурных мероприятий и встреч, спектаклей и концертов «ЭКСПО-2015» посвящены традициям и нововведений в производстве продуктов питания.

Главный посыл мероприятия - человечеству должны быть доступны продукты питания, безопасные и в необходимом количестве. Эта задача в первую очередь решается массовым производством качественной и экологически чистой сельскохозяйственной продукции, развитием фермерских хозяйств. Другим фактором является свободный экономический рынок и рост сельскохозяйственного оборота: здесь делается упор на логистику, товарообмен, распределение и конкурентоспособность. Наконец, рассматриваются сегменты готовой продукции и обслуживания клиентов, это касается продуктовых компаний, пищевой промышленности, ресторанной отрасли. Во всех сферах производства питания актуален поиск технологических инноваций и внедрения научных изобретений. От решения этих сугубо практических и технических задач зависит обеспечение жизненных потребностей, качественное развитие и здоровье каждого человека, а также благополучия общества.

Проведение всемирных выставок – достаточно престижное, но в тоже время и затратное мероприятие. Только на создание и подготовку инфраструктуры итальянское правительство выделило 3,2 млрд. евро, еще 900 млн. евро составили организационные расходы. Семинары и дискуссии

«ЭКСПО-2015» посвящены различным темам, так или иначе связанных с улучшение качества продуктов и гарантии их высокого качества, предотвращению эпидемий, борьбе с неизлечимыми заболеваниями, распространению эффективных методов лечения, информированию людей о пользе и необходимости здорового образа жизни, популяризации его среди детей и молодежи, сохранению культурных традиций в кулинарии и сельском хозяйстве, борьбе с голодом, детской смертностью и засухами⁹.

Таким образом, динамика развития мировой экономики, оживление связей между государствами, всё это продиктовало создание специализированной структуры, новой отрасли экономики и новой формы информационно-культурного обмена между странами – выставочной. Являясь объектом созидания, выставки становились мощным инструментом политического влияния, масштабной ареной для соревнования и соперничества, а также и сотрудничества, связанного с прогрессом человечества и его успешного будущего.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев С.П. Выставочная деятельность: лидерство и marketingmix в цифровую эпоху // Инициативы XXI века. – 2012. – № 4. – С. 5-10
2. Бортневская Ю. С. Значение всемирных выставок в формировании градостроительного облика городов // Журнал «Architecture And Modern Information Technologies». – 2015. - №1(30). – С. 18-19
3. Волкова Е. В., Комякова Е. А. Международные выставки как фактор формирования и реализации экспортного потенциала промышленных предприятий: [монография]; Самар. гос. экон. акад. – Самара: Самар. гос. экон. акад., 2004. – 159 с.
4. Всемирная выставка «Экспо-2015» в Милане [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://expo2015-volunteer.org/?p=99> (дата обращения 22.02.2016)
5. Выставка: какой ей быть? Многообразие тем, разнообразие форм: науч.-практ. пособие / сост. Т. Е. Наместникова. – М.: Либерея-Библинформ, 2011. – 160 с.
6. Зарубин И. С. Историко-правовые аспекты международной выставочно-ярмарочной деятельности // Проблемы правового регулирования международных экономических отношений на современном этапе: Материалы научно-практической конференции Международно-правового факультета ВАВТ (Москва, апрель 2010 г.). - М.: ВАВТ, 2011, Вып. 45. - С. 35-43
7. Свиридова Е. А. Правовое регулирование рекламы: учебное пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 192 с.
8. Шпаков В. Н. История всемирных выставок. – М.: АСТ: Зебра Е, 2008. – 86с.

8 Бортневская Ю. С. Значение всемирных выставок в формировании градостроительного облика городов // Журнал «Architecture And Modern Information Technologies». – 2015. - №1(30). – С. 18-19

9 Всемирная выставка «Экспо-2015» в Милане [Электронный ресурс]. – URL: <http://expo2015-volunteer.org/?p=99> (дата обращения 22.02.2016)

АНИСИФОРОВА Марьям Владимировна

аспирант кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), старший следователь 5-го отдела СЧ по РОПД СУ УВД по ЮВАО ГУ МВД России по гор. Москве

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА ОРГАНИЗАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЮСТИЦИИ В РОССИИ

Статья посвящена актуальной проблеме формирования административных судов в России. Рассматриваются зарубежные концепции организации административной юстиции.

Ключевые слова: административная юстиция, административные суды, модель административного судопроизводства.

ANISIFOROVA Maryam Vladimirovna

postgraduate student of the Administrative Law and Process sub-faculty of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), senior investigator of the 5th division of the IP on IOCA of the ID at the DIA of the SEAD of the MD of the MIA of Russia in Moscow

ON THE QUESTION OF THE APPLICATION OF FOREIGN EXPERIENCE IN THE ORGANIZATION OF ADMINISTRATIVE JUSTICE IN RUSSIA

The article is devoted to an actual problem of formation of administrative courts in Russia. We consider the foreign concept of organization of administrative justice.

Keywords: administrative justice, administrative courts, the model of Administrative Procedure.

Анисифорова М. В.

Стремление осмыслить сущность института административной юстиции имеет более чем вековую историю. Данному вопросу посвящено большое количество научно-исследовательских работ. Теоретические основы административной юстиции были заложены в научных трудах отечественных ученых-государствоведов XIX – XX веков (Николая Михайловича Коркунова, Николая Ивановича Лазаревского, Сергея Александровича Корфа, Аркадия Ивановича Елистратова), а также таких зарубежных административистов, как: Барбара Адамик, Янус Борковски, Ги Брэбан, Луи Фаворе, Пьера Дельволье и другие. В России имеется определенный базис для создания самостоятельного института административной юстиции. В соответствии со статьей 118 Конституции РФ судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. Выделение административного судопроизводства в основном законе Российской Федерации в качестве самостоятельного вида является достаточным основанием для создания соответствующих правовых основ его деятельности. Идея создания административного судопроизводства как «принципиальная правовая позиция» была высказана Вячеславом Михайловичем Лебедевым. По мнению Председателя Верховного Суда РФ, негативные последствия отсутствия административного судопроизводства имеют серьезные отложенные риски, в том числе в виде несовершенства работы государственного аппарата. Еще в 2000 году озвучивалась необходимость перехода «от идеи судебного нормоконтроля к административному судопроизводству»¹.

Стоит заметить, что в 2012 году завершился срок реализации федеральной целевой программы «Развитие судебной

системы России» на 2007-2012 года² и уже в предлагаемой будущей концепции обращалось внимание на идею создания административных судов. О перспективах развития административного судопроизводства свидетельствует и судебная статистика. Так, значительное число от общего количества дел, рассматриваемых судами города Москвы, продолжают составлять дела об административных правонарушениях. Количество рассмотренных мировыми судьями дел увеличилось за первые шесть месяцев 2011 года на 3 % и составило 59932 дела. Судьями районных судов по первой инстанции в первом полугодии настоящего года было рассмотрено 12821 административное дело, что на 2,2 % меньше по сравнению с первым полугодием прошлого года.³ Вывод по итогам статистики, сделанный председателем Московского городского суда Ольгой Александровной Егоровой, говорит сам за себя. С одной стороны, подчеркивается рост нагрузки судов, что имеет прямую связь с качеством судебской работы. С другой стороны, обозначается оставшаяся неизменной большая нагрузка по делам об административных правонарушениях.

Нельзя оставить без внимания и попытки создания правовых основ деятельности института административной юстиции. Определенным достижением здесь можно считать разработку проекта ФКЗ «О федеральных административных судах в Российской Федерации»⁴ и проекта ФЗ «Об админи-

1 Лебедев В. М. От идеи судебного нормоконтроля к административному судопроизводству // Российская юстиция, 2000. № 9. С. 2-4.

2 Постановление Президиума Совета судей РФ от 23 мая 2011 года № 262 «О разработке концепции федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России» на 2013-2017 годы». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

3 Данные с официального сайта Российского Агентства Правовой и Судебной Информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rapsinews.ru>.

4 Проект ФКЗ «О федеральных административных судах в РФ» (внесен Верховным Судом РФ в порядке законодательной инициативы в ГД 22.11.2000). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru>.

стративных процедурах»⁵, решения о принятии которых были одобрены многими учеными, судьями, представителями юридической и политической общественности. В. В. Путин подчеркивал важность института административной юстиции как «для защиты прав граждан, так и для улучшения работы всех органов власти».⁶ Однако к концу его второго президентского срока реализация проектов резко застопорилась. Следующим шагом можно считать проект Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации⁷, целью которого являлось обеспечение возможности гражданам оспаривать в судах решения, действия (бездействия) органов муниципального управления, органов власти субъектов и федеральных органов власти. Было высказано мнение Председателем ВАС РФ А. А. Ивановым о том, что данные проекта подлежат отклонению как не соответствующие общей идеологии системы разрешения административных споров, и утратившие свою актуальность. В то же время, Государственная Дума РФ могла бы изменить, дополнить законопроект, но никак не отклонять его, ведь позитивные перспективы создания административного судопроизводства, были очевидны уже тогда. Важным шагом к созданию административной юстиции в России явилось принятие спустя восемь лет КАС, однако формирование специальной законодательной основы процессуального порядка разрешения административных споров можно считать лишь одним из шагов в развитии института административной юстиции. Помимо того, необходимо создать органы административной юстиции, четко определить их статус, структуру, порядок формирования и функционирования. Обозначенное выше представляется невозможным сделать без обращения, в том числе и к концепциям организации административной юстиции в зарубежных государствах. Выделим три варианта организации: англосаксонский, французский и немецкий. Англосаксонская система используется в Великобритании, Иордании, Ливии и других странах. Ей присуще то, что специализированные суды в принципе не создаются, все административные споры рассматриваются в общих судах наряду с гражданскими. Французская система отличается наличием органов, предназначенных для разрешения административных споров, при их полном отделении от судебных органов общей юрисдикции, но находящихся в определенной связи с органами активной администрации. Немецкий же принцип организации судов административной юстиции основан на полной их юридической независимости от административных и судебных органов. Следует заметить, что «чистые» варианты организации административной юстиции нигде не встречаются.

Наиболее приемлемой для заимствования моделью построения административного судопроизводства представляется французская. Опыт названного государства, несомненно, положительный. Отличительной особенностью французской системы административной юстиции является то, что она сформировалась и функционирует внутри исполнительной власти. Проблема независимости административных судов ре-

шается с помощью значительного обособления их от органов управления. Так, структура органов административной юстиции во Франции включает в себя следующие звенья: Государственный Совет, возглавляющий систему органов административной юстиции, территориальные административные суды, апелляционные суды (созданные для облегчения работы Госсовета) и специализированные административные суды (например, Счетная палата и дисциплинарные суды). Огромную роль играет существование Государственного Совета. Он обладает широкими полномочиями, а возглавляемая им система административной юстиции предоставляет реальные возможности для защиты прав граждан и контроля за деятельностью органов исполнительной власти. Французская административная юстиция на протяжении многих лет характеризуется своей стабильностью, ведь она опирается, прежде всего, на основные принципы административного судопроизводства, а к деятельности её органов применяются правила административного процесса. Однако французская идея организации административной юстиции не может быть просто скопирована в российское право. Так как, во-первых, необходимо учитывать исторические причины возникновения и развития института административной юстиции во Франции. Во-вторых, стоит отметить, что работа административных судов во Франции не лишена определенных недостатков, в том числе и затяжной характер процесса. В-третьих, нельзя забывать и об особенностях современной российской правовой системы.

Пристатейный библиографический список

1. Данные с официального сайта Российского Агентства Правовой и Судебной Информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rapsinews.ru>.
2. Лебедев В. М. От идеи судебного нормоконтроля к административному судопроизводству // Российская юстиция, 2000. № 9. С. 2-4.
3. Постановление Президиума Совета судей РФ от 23 мая 2011 года № 262 «О разработке концепции федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России» на 2013-2017 годы». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
4. Проект ФЗ «Кодекс административного судопроизводства РФ» от 21.03.2007 (доработан рабочей группой, образованной по распоряжению руководителя Администрации Президента РФ от 08.07.2003). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru>.
5. Проект ФЗ № 64090-3 «Об административных процедурах» (внесен депутатом ГД РФ В. В. Похмелкиным, утратил силу). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru>.
6. Проект ФКЗ «О федеральных административных судах в РФ» (внесен Верховным Судом РФ в порядке законодательной инициативы в ГД 22.11.2000). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru>.
7. Путин В. В. Компетенция суда распространяется на все дела государства // Российская юстиция. 2001. № 1. С. 4.

5 Проект ФЗ № 64090-3 «Об административных процедурах» (внесен депутатом ГД РФ В. В. Похмелкиным, утратил силу). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru>.

6 Путин В.В. Компетенция суда распространяется на все дела государства // Российская юстиция. 2001. № 1. С. 4.

7 Проект ФЗ «Кодекс административного судопроизводства РФ» от 21.03.2007 (доработан рабочей группой, образованной по распоряжению руководителя Администрации Президента РФ от 08.07.2003). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru>.

ДВОРЦОВ Вадим Евгеньевич

соискатель научной степени кандидата юридических наук Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского; помощник судьи Минераловодского городского суда Ставропольского края

ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ КАДАСТРОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ СТРАН СНГ

В статье проведен сравнительный анализ преступлений в сфере кадастровой деятельности по уголовному законодательству стран СНГ. Рассматриваются вопросы квалификации данных преступлений и возможные проблемы правоприменения. Приводятся некоторые особенности преступлений в кадастровой сфере и их место в структуре уголовных кодексов рассматриваемых стран.

Ключевые слова: государственный кадастр, кадастровый инженер, искажение сведений, межевой план, технический план, проект межевания земельного участка, карта-план территории, подлог.

DVORTSOV Vadim Evgenjevich

competitor of scientific degree Ph.D. in Law of the F. M. Dostoevskiy Omsk State University; assistant judge of the City Court of Mineralnye Vody, Stavropol region

CRIMES IN THE FIELD OF CADASTRAL OPERATIONS IN THE CRIMINAL LEGISLATION OF THE CIS COUNTRIES

Article contains comparative analysis of responsibility for crimes in the field of cadastral operations in the criminal legislation of the CIS countries. Paid attention to the issues of qualification of these crimes and possible enforcement problems. Investigated features of crimes in the field of cadastral operations and their place in the structure of the criminal codes of the countries in question.

Keywords: state cadaster, cadastral engineer, misrepresentation, boundary plan, technical plan, land surveying project, a map-plan of the territory, forgery.

Исследование преступлений в сфере кадастровой деятельности на примере уголовного законодательства стран, в разное время входивших и в настоящее время состоящих в составе участников СНГ, а также принимавших участие в качестве наблюдателей, либо ассоциированных членов содружества, обусловлено тем, что оно наиболее приближено к уголовному законодательству Российской Федерации по избираемым принципам регулирования общественных отношений, юридической конструкции уголовно-правовых норм и институтов и функционального сравнения.

При самом общем сравнении можно констатировать, что с точки зрения уголовно-правовой охраны кадастровой деятельности и государственного кадастрового учета недвижимого имущества, законодательства указанных выше стран можно условно разделить на три группы.

Первую группу образует уголовное законодательство, в котором специальный состав преступления в виде регистрации незаконных сделок с землей находится в неразделимой взаимосвязи с внесением недостоверных сведений в государственный кадастр недвижимого имущества.

В настоящее время данный подход присущ Уголовным кодексам Республик Абхазии (ст. 167),¹ Грузии (ст. 191),² Тад-

жикистана (ст. 261),³ Азербайджанской (ст. 191)⁴ и Кыргызской (ст. 179)⁵ Республик.

Конструкция состава преступного деяния в указанных выше кодексах практически идентична (если не считать отдельные терминологические расхождения) – искажение учетных данных Государственного земельного кадастра, а равно умышленное занижение (либо завышение, как это указано в УК Кыргызской Республики) размеров платежей за землю, из корыстных побуждений или по иным личным мотивам.

Общими чертами указанных также является тот факт, что преступление в форме искажения учетных данных государственного земельного кадастра рассматривается в качестве преступления в сфере экономической деятельности, совершаемого должностным лицом с использованием своего служебного положения из корыстных побуждений или иной личной заинтересованности, а также и то, что с точки зрения характера и степени общественной опасности это преступление оценивается как преступление небольшой тяжести.

Аналогичная ситуация и в санкциях статей (за исключением УК Республики Абхазия, предусматривающей лишение свободы) – штраф, или обязательные (общественные) работы,

1 Уголовный кодекс Республики Абхазия (с изм. и доп. по состоянию на 29.11.2012 г.) / Официальный сайт Республики Абхазия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: abkhazia.rf/gosudarstvo/zakonodatelstvo/ugolovnyy-koдекс (дата обращения: 19.06.2016 г.).

2 Уголовный кодекс Республики Грузия (с изм. и доп. по состоянию на 03.03.2016 г.) / Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.legislationline.org/ru/documents/section/criminal-legis> (дата обращения: 01.06.2016 г.).

3 Уголовный кодекс Республики Таджикистан (с изм. и доп. по состоянию на 14.05.2016 г.) / Национальный центр законодательства при Президента Республики Таджикистан. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mmk.tj/ru/legislation/legislation-base/codes/> (дата обращения: 01.06.2016 г.).

4 Уголовный кодекс Азербайджанской Республики (с изм. и доп. по состоянию на 05.04.2016 г.) / Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.legislationline.org/ru/documents/section/criminal-codes> (дата обращения: 13.06.2016 г.).

5 Уголовный кодекс Кыргызской Республики (с изм. и доп. по состоянию на 06.05.2016 г.) / Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.legislationline.org/ru/documents/section/criminal-codes> (дата обращения: 13.06.2016 г.).

либо лишение права занимать должности или заниматься деятельностью на определенный срок.

Объяснением указанных обстоятельств является тот факт, что исследованные Уголовные кодексы основаны на положениях Модельного Уголовного кодекса для государств-участников СНГ; также многие нормы заимствованы из УК РФ 1996 г.

Подобный подход к конструированию уголовно-правового механизма охраны оборота земельных участков был и остается закреплен в ст. 170 УК РФ,⁶ однако, с в связи с внесенными изменениями, появилась статья 170.2 УК РФ, предусматривающая самостоятельную ответственность специального субъекта – кадастрового инженера – за внесение недостоверных сведений в межевой и технический планы, акт обследования, проект межевания земельного (-ых) участка (-ов), либо карту-план территории.

Ко второй группе можно отнести уголовное законодательство, в котором предусмотрена ответственность за общественно опасные посяательства непосредственно в сфере кадастровой деятельности, например – уничтожение или повреждение межевых знаков, внесение ложных сведений в межевой план, акт обследования и т.д. Указанные обстоятельства объясняются тем, что кадастровая деятельность в таких странах осуществляется юридическими лицами (или индивидуальными предпринимателями), получившими от исполнительного органа власти разрешение на проведение кадастровых работ, тем самым, неся полную уголовную ответственность за проводимые кадастровые работы и сведения, вносимые в Государственный кадастр недвижимого имущества. Примером подобного подхода к регламентации ответственности являются Уголовные кодексы Российской Федерации (ст. 170.2)⁷ и Республики Молдова (ст. 193).⁸

Так, статьей 193 УК Республики Молдова, предусмотрено, что незаконное полное или частичное завладение чужой недвижимостью, совершенное с применением насилия или с угрозой его применения либо путем уничтожения или перемещения межевых знаков, наказывается штрафом в размере до 1000 условных единиц, или неоплачиваемым трудом в пользу общества на срок от 150 до 240 часов, или лишением свободы на срок от 1 года до 2 лет.⁹

Стоит отметить, что санкция рассмотренной статьи Уголовного кодекса Республики Молдова не предусматривает лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, что отличает ее от ст. 170.2 УК РФ. Между тем, за совершение преступлений в сфере кадастровой деятельности уголовное законодательство Республики Молдова предполагает лишение свободы, что было упущено российским законодателем при конструировании ст. 170.2 УК РФ.

Уголовный кодекс Украины до 15.11.2011 г. содержал статью 226, предусматривающую ответственность за изготов-

ление или переделку с целью использования или сбыта измерительных приборов либо инструментов, в виде штрафа до ста не облагаемых налогом минимумов доходов граждан или общественными работами на срок до двухсот часов, или исправительными работами на срок до двух лет, или арестом на срок до трех месяцев. За те же действия, совершенные лицом, ранее осужденным по этой статье, санкция предусматривала ограничение свободы до трех лет.¹⁰

Наконец, в уголовном законодательстве третьей группы стран, к примеру, в Уголовных кодексах Республик Белоруссии,¹¹ Казахстана,¹² Туркменистана,¹³ Узбекистана,¹⁴ Украины,¹⁵ вообще отсутствуют специальные нормы, определяющие признаки преступлений в сфере кадастровой деятельности. Это обусловлено двумя причинами: первая – исторические, геополитические и экономические особенности управления земельными ресурсами этих государств; вторая – особенности их национальных правовых систем.

Согласно Кодексу Туркменистана «О земле»,¹⁶ все земли, кроме земель, предоставленных в частную собственность гражданам Туркменистана, находятся в собственности государства (ч. 1 ст. 22).

Не удивительно, что за совершение преступления, предусмотренного ст. 181.1 УК Республики Туркменистан, в виде незаконной передачи в частную собственность, аренду или пользование земельных участков, находящихся в собственности государства, должностным лицом из корыстной или иной личной заинтересованности, следует наказание в виде штрафа в размере от пятидесяти до ста среднемесячных размеров оплаты труда или лишением свободы на срок до одного года.¹⁷

Определенная схожесть по администрированию государственных земельных кадастров прослеживается в правовой политике Белоруссии и Украины. Так, ведение государственного земельного кадастра в Белоруссии возложено на Госкомзем,

10 Уголовный кодекс Украины (с изм. и доп. по состоянию на 05.04.2011 г.) / Официальный сайт Верховной Рады Украины. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/> (дата обращения: 16.06.2016 г.).

11 Уголовный кодекс Республики Беларусь (с изм. и доп. по состоянию на 22.04.2016 г.) / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://etalonline.by/?type=text®num=НК9900275> (дата обращения: 18.06.2016 г.).

12 Уголовный кодекс Республики Казахстан (с изм. и доп. по состоянию на 09.04.2016 г.) / Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.legislationline.org/ru/documents/section/criminal-codes> (дата обращения: 01.06.2016 г.).

13 Уголовный кодекс Туркменистана (с изм. и доп. по состоянию на 09.11.2013 г.) / Информационно – правовая система Законодательство стран СНГ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.spinform.ru/> (дата обращения: 13.06.2016 г.).

14 Уголовный кодекс Республики Узбекистан (с изм. и доп. по состоянию на 25.04.2016 г.) / Официальный сайт Министерства юстиции Республики Узбекистан. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.minjust.uz/ru/publications/elektron/> (дата обращения: 18.06.2016 г.).

15 Уголовный кодекс Украины (с изм. и доп. по состоянию на 15.03.2016 г.) / Официальный сайт Верховной Рады Украины. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/> (дата обращения: 19.06.2016 г.).

16 Кодекс Туркменистана «О земле» (с изм. и доп. по состоянию на 26.03.2016 г.) / Информационно-правовая система Законодательство стран СНГ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.spinform.ru/> (дата обращения: 13.06.2016 г.).

17 Уголовный кодекс Туркменистана (с изм. и доп. по состоянию на 09.11.2013 г.) / Информационно-правовая система Законодательство стран СНГ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.spinform.ru/> (дата обращения: 13.06.2016 г.).

6 Уголовный кодекс Российской Федерации (с изм. и доп. по состоянию на 23.06.2016 г.) / Консультант плюс. [Электронный ресурс]. (дата обращения: 07.07.2016 г.).

7 Уголовный кодекс Российской Федерации (с изм. и доп. по состоянию на 02.06.2016 г.) / Консультант плюс. [Электронный ресурс]. (дата обращения: 18.06.2016 г.).

8 Уголовный кодекс Республики Молдова (с изм. и доп. по состоянию на 17.06.2016 г.) / Официальный сайт Парламента Республики Молдова. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lex.justice.md/ru/331268/> (дата обращения: 10.08.2016 г.).

9 Уголовный кодекс Республики Молдова (с изм. и доп. по состоянию на 17.06.2016 г.) / Официальный сайт Парламента Республики Молдова. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lex.justice.md/ru/331268/> (дата обращения: 10.08.2016 г.).

а в Украине на Госземагентство, как центральные органы исполнительной власти, обеспечивающие реализацию государственной политики и управления в сфере регулирования земельных отношений, использования, охраны и проведения мониторинга земель, ведения государственного земельного кадастра и т.п.

В связи с чем, уголовная ответственность за совершение преступлений в сфере кадастровой деятельности может наступить по статьям, содержащимся в Разделе 17 Уголовного кодекса Украины «Преступления в сфере служебной деятельности» и статьям, содержащимся в Главе 35 Уголовного кодекса Республики Беларусь «Преступления против интересов службы».

Сравнительный анализ уголовного законодательства стран СНГ об ответственности за преступления в сфере кадастровой деятельности показывает, что в качестве самостоятельных общественно опасных деяний, в основном, криминализованы такие поведенческие акты, как искажение данных Государственного кадастра недвижимости и уничтожение или повреждение межевых знаков.

Вместе с тем, преступное деяние в виде внесения недостоверных сведений в межевой и технической планы, акт обследования, проект межевания земельного (-ых) участка (-ов), либо карту-план территории или подлог документов, на основании которых были подготовлены указанные документы, как самостоятельное преступление, практически неизвестно уголовному праву Армении, Белоруссии, Туркменистана, Узбекистана, Украины. Однако отсутствие в уголовных кодексах указанных

стран специальных норм, регламентирующих уголовную ответственность в сфере кадастровой деятельности, не означает, что она фактически не может наступать в отношении должностных лиц, злоупотребляющих своими должностными полномочиями.

В ряде рассмотренных случаев преступления в сфере кадастровой деятельности отнесены к преступлениям против порядка управления, хотя по смыслу соответствующих уголовно-правовых запретов можно сделать вывод о том, что в качестве одного из непосредственных объектов данных уголовно-наказуемых деяний выступает именно порядок оборота земельных участков, т.е. данные преступления более подпадают под сферу экономической деятельности.

Указанные особенности обусловлены общей правовой школой из которой вышли разработчики новых уголовных кодексов суверенных государств, единство правовых традиций, сформировавшихся за несколько десятилетий существования в одном государстве.

Многие положения уголовной ответственности в сфере кадастровой деятельности в рассмотренных странах не могут быть автоматически перенесены в систему, существующую в нашей стране. Основными причинами этого являются различия в характере земельных отношений, размере территории и административно-территориальном устройстве, нормативно-правовом обеспечении, уровне материально-технической базы, современном состоянии и технологиях выполнения работ.

Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики

МОНОГРАФИЯ

Монография «Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики»

Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики: монография / под общей редакцией С.А. Буткевича. – Симферополь: Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, 2015. – 328 с.

Монография посвящена анализу современных проявлений экстремизма и терроризма. Приведены законодательные и доктринальные определения экстремизма и терроризма, охарактеризованы основные формы и методы экстремистской и террористической деятельности. Определены характерные черты международного экстремизма и терроризма, разработаны предложения и рекомендации по усовершенствованию приемов и способов противодействия данным явлениям, оптимизации форм и методов деятельности субъектов борьбы с терроризмом и экстремизмом.

Предназначена для профессорско-преподавательского состава и научных сотрудников образовательных и научно-исследовательских организаций системы МВД России, сотрудников правоохранительных органов и работников правозащитных организаций.

ГРИГОРЬЕВ Александр Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права и международного права Института государства и права Тюменского государственного университета

НИФАНТЬЕВ Сергей Юрьевич

студент 3 курса направления «Юриспруденция» Института государства и права Тюменского государственного университета

ПРЕОДОЛЕНИЕ ДЕФЕКТНОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКТОВ В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

В статье рассматривается проблема преодоления дефектности юридических фактов в рамках правоприменительной практики. Авторы анализируют имеющиеся на сегодняшний день средства правового реагирования для преодоления вызываемых дефектными юридическими фактами негативных правовых последствий. Сделан вывод о том, что предупреждение дефектности юридических фактов является одной из важнейших задач современной юридической техники и практики. Дальнейшее исследование данной проблематики в рамках общей теории права представляется перспективным направлением ввиду широкого распространения явления дефектности юридического факта в отраслях права и непосредственно в юридической практике.

Ключевые слова: юридические факты, правовое регулирование, дефектный юридический факт, средства правового реагирования, правоприменительная практика.

GRIGORJEV Alexandr Sergeevich

Ph.D. in Law, associate professor of Theory of State and Law and International Law sub-faculty of the Institute of State and Law of the Tyumen State University

NIFANTJEV Sergey Yurjevich

3rd year student of the direction "Jurisprudence" of the Institute of State and Law of the Tyumen State University

OVERCOMING LEGAL FACTS'S DEFECTS IN LAW ENFORCEMENT PRACTICE

The article deals with the problem of overcoming legal facts's defects in law enforcement practice. Available legal responses for overcoming negative consequences caused by such defective legal facts are analyzed. Authors came to the conclusion that the prevention of the defectiveness of the legal facts is one of the most important tasks of contemporary juridical technique and practice. Further exploration of this issue appears to be promising for focus on the general theory of law giving the phenomenon, consideration that is widely distributed in branches of law and directly in legal practice.

Keywords: legal facts, legal regulation, defective legal fact, legal responses, law enforcement practice.

Григорьев А. С.

Нифантьев С. Ю.

Фактическая точность и корректное понимание юридически значимых обстоятельств на практике во многом предопределяют эффективность правового регулирования. Для функционирования общественных отношений, урегулированных правом, необходимы те конкретные жизненные обстоятельства, благодаря которым правоотношения будут возникать, изменяться или прекращаться. Такие обстоятельства в юридической науке получили название «юридические факты».

Юридические факты принято определять как конкретные жизненные обстоятельства, с наличием или отсутствием которых нормы права связывают возникновение, изменение или прекращение правоотношений, то есть наступление правовых последствий¹. Причем, юридический факт – это своего рода механизм, который позволяет норме права прийти в «движение», а, следовательно, влечет за собой юридические последствия (ее реализацию в виде складывающихся правоотношений). По верному замечанию В. С. Нерсесянца, «без норм права при нормальных условиях не могут возникать

соответствующие правовые отношения. Такова общая закономерность»². Этим, мы полагаем, и детерминирована связь правоотношения и нормы права.

В юридической науке существуют полярные мнения относительно того, корректно ли включать в механизм правового регулирования юридические факты в качестве его элемента. Мы полагаем, что юридический факт с присущим ему характерным свойством порождать правоотношения – становится своего рода «точкой отсчета» и для механизма правового регулирования, без которой он не будет приведен в действие. Так, Ю. К. Краснов справедливо замечает, что «роль такого спускового крючка как раз и играют юридические факты, обеспечивающие включение права в процесс регулирования»³. В связи с чем юридический факт можно рассматривать в качестве одного из самостоятельных элементов правового регулирования.

1 Алексеев С. С. Общая теория права. В двух томах. Т. II. М.: Юридическая литература, 1982. С. 163; Енгибарян Р. В. Теория государства и права: учеб. пособие / Р. В. Енгибарян, Ю. К. Краснов. 2-е изд., пересмотр. и доп. М.: Норма, 2010. С. 492.

2 Проблемы общей теории права и государства: учебник для вузов / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. М.: Норма, 2004. С. 368.

3 Краснов Ю. К. Юридические факты в механизме правового регулирования от генезиса до «спускового крючка» // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 1 (68). С. 51.

Особенно ценным в рамках рассматриваемой проблематики представляется нам предмет теории юридических фактов, в сущности заключающийся в фактической обоснованности правового регулирования. Так, четко структурированную и конкретизированную систему юридических фактов следует рассматривать как одну из результирующих гарантий законности в правовом государстве, поскольку даже «самая продуманная и оптимальная модель правовых последствий не принесет желаемого эффекта, если она не связана с точно очерченным кругом фактических обстоятельств»⁴. Но нередко юридические факты могут иметь своего рода дефекты, связанные с их содержательной характеристикой и/или с внешним выражением и закреплением, влекущие за собой искажение действия нормы права.

Проблема возникновения недостатков и ошибок при формулировке законодателем нормы права не нова, однако в теории права, мы полагаем, этому аспекту уделено недостаточно внимания.

Институт дефектности юридического факта впервые получил свое развитие в римском частном праве. Так, И. Пухан и М. Поленак-Акимовская утверждают, что недействительные договоры уже в то время подразделялись на три категории: несуществующие (*negotium nullum*) – договоры, в которых игнорировались правила, касающиеся формы; абсолютно недействительные (*negotia irrita*) – в сущности, договоры в силу своей недействительности, не влекущие за собой юридических последствий; относительно недействительные (*negotia rescindibilia*) – договоры, обладающие недостатками, однако которые судья не обязан был аннулировать по требованию заинтересованного лица⁵. Несмотря на то, что любая классификация условна, даже исходя из приведенной выше следует, что некорректное изложение юридического факта по римскому частному праву становилось причиной нивелирования договора.

Концептуальная разработка понятия «дефектный юридический факт» была произведена в диссертационном исследовании В. В. Муругиной, которая рассматривает их как «особого вида юридические факты, имеющие в своем юридическом составе дефект и (или) несоответствие реальному отображаемому действию (или событию) и, как следствие, вызывающие правовые последствия в виде собственной недействительности и восстановления нарушенного права»⁶.

Дефектные юридические факты становятся причиной своего рода «сбоев» в процессе правового регулирования, что обуславливает нарушение субъективных прав субъектов правоотношений. Следовательно, корректное изложение юридических фактов при формулировании правовых норм следует рассматривать как одну из фундаментальных задач современной юридической техники, поскольку дефектность юридических фактов становится причиной снижения уровня эффективности правового регулирования и влечет нарушения реального действия права, выраженного в неукоснительном соблюдении действующего законодательства всеми субъектами права.

К числу средств преодоления дефектности юридических фактов (составов) можно отнести исправление, реституция (возврат сторон в первоначальное состояние до возникновения дефекта юридического факта при заключении сделки), признание дефектного юридического факта ничтожным или недействительным, отмена действия незаконных актов.

Следует отметить, что наибольшее распространение в юридической практике получило использование «недействи-

тельности» как юридической санкции, способствующей преодолению негативных последствий, вызываемых дефектом юридического факта (состава). По верному замечанию В. В. Муругиной, «санкция недействительности применяется как на стадии формирования правовой связи в отношении правообозначающих фактов, так и после ее осуществления»⁷, что делает ее своего рода универсальным инструментом правового реагирования в рамках многих отраслей права. При этом меры для преодоления последствий дефектности юридических фактов имеют существенное отличие от мер юридической ответственности, что проявляется в праввосстанавливающем характере санкций, применяемых в качестве средств правового реагирования.

Рассмотрим случай из судебной практики. Еманжелинский городской суд Челябинской области рассмотрел в открытом судебном заседании гражданское дело по иску А. А. Евдокимова к О. В. Теплых о признании договора купли-продажи недействительным. А. А. Евдокимов обратился в суд с требованием о признании договора купли-продажи 1/3 доли квартиры, заключенного между А. А. Евдокимовым и О. В. Теплых недействительным. Требования мотивировал тем, что А. А. Евдокимов вместе со своей женой Т. Я. Евдокимовой и дочерью Н. А. Лавиной приватизировали квартиру в равных долях. Истец из квартиры не выезжал, в силу возраста и состояния здоровья не может оформлять документы. О. В. Теплых обманным путем заставила подписать документ, пояснив, что это необходимо, чтоб муж дочери не отобрал квартиру. В дальнейшем выяснилось, что был подписан договор купли-продажи. Фактически истец не имел намерений продавать свое жилье, так как оно единственное, денег от ответчика он не получал. А. А. Евдокимов узнал о сделке купли-продажи, когда решил вселить в квартиру своего внука. Падчерица О. В. Теплых заявила, что он не собственник квартиры, все документы по сделке находятся у ответчика.

Разрешая иски о признании договора купли-продажи недействительным, оценив представленные доказательства в совокупности, суд пришел к выводу, что А. А. Евдокимов в момент заключения договора с О. В. Теплых был обманут. Основываясь на положениях ч.1 ст. 166, ч. 1 ст. 179, ч.1 ст. 421 Гражданского кодекса Российской Федерации⁸ суд признал договор купли-продажи 1/3 доли квартиры, заключенного между А. А. Евдокимовым и О. В. Теплых недействительным, прекратил право собственности Т. на 1/3 доли в этой квартире и признал за А. А. Евдокимовым это право собственности⁹.

В рассматриваемом примере имело место заведомо искаженное формирование воли лица вследствие обмана, что можно рассматривать как дефектный юридический факт, влекущий за собой последствие в виде возможности оспаривания действительности такой сделки. Соответственно, установление дефектности юридического факта имеет существенную практическую роль, поскольку это влечет реальные правовые последствия для субъектов конкретных правовых отношений.

Следует отметить, что в рамках гражданского права справедливо отмечается, что «... постоянно растущее многообразие общественных связей и отношений способствует появлению все новых и новых разновидностей юридических фактов, а, следовательно, на практике множится число новых, пока

4 Исаков В. Б. Правовое регулирование и юридические факты // Правоведение. 1980. № 5. С. 34.

5 Пухан И., Поленак-Акимовская М. Римское право (базовый учебник) / пер. с македонского В. А. Томсинова и Ю. В. Филиппова. М.: ЗЕРЦАЛО, 1999. С. 235-236.

6 Муругина В. В. Дефективность юридических фактов как негативная черта правовой системы: автореферат дисс. ... кандидата юридических наук. Саратов, 2010. С. 8.

7 Муругина В. В. Дефективность юридических фактов как негативная черта правовой системы: автореферат дисс. ... кандидата юридических наук. Саратов, 2010. С. 20.

8 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (ред. от 23.05.2016) //Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

9 Решение Еманжелинского городского суда Челябинской области от 29 июня 2016г. (дело № 2- 939/16) // Еманжелинский городской суд Челябинской области. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://emang-chel.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=213545355&dello_id=1540005&text_number=1 (дата обращения: 03.07.2016).

еще неизвестных науке гражданского права дефектов в составах фактических обстоятельств»¹⁰, в связи с чем комплексное изучение данного явления представляется нам неоспоримой необходимостью в рамках общей теории права, а потому на сегодняшний день данная проблематика не утратила своей актуальности как в теории, так и на практике.

Считаем также важным обратить внимание и на существенную роль правоприменительной практики Конституционного Суда Российской Федерации в вопросе преодоления дефектности юридических фактов. Достаточно ярким примером преодоления дефектности юридического (фактического) состава была ситуация, возникшая на фоне принятия Федерального закона от 2 июля 2013 года № 170-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части реализации мер по повышению престижа и привлекательности военной службы по призыву»¹¹. Пункт 1 статьи 3 данного закона по сути официально закрепил пожизненный (бессрочный) запрет на поступление на государственную (гражданскую) службу лицам, признанным призывной комиссией в случае не прошедшим военную службу по призыву, не имея на то законных оснований, в соответствии с заключением призывной комиссии (за исключением граждан, прошедших военную службу по контракту). Причем данное ограничение касалось как лиц, поступающих на государственную гражданскую службу, так и тех, которые были приняты на государственную гражданскую службу до вступления названного Федерального закона в силу, что необоснованно ухудшало их правовое положение.

В данном случае дефектность указанной нормы была порождена попыткой повышения престижа военной службы, однако вызывает сомнения, что законодателем в действительности были учтены существенные аспекты норм Конституции Российской Федерации, в частности, касающиеся принципа равенства в отношении реализации гражданами права на свободное распоряжение своими способностями к труду, выбора рода деятельности и профессии. В том числе не представляется обоснованным и юридико-технический аспект устанавливаемого ограничения.

Позиция Конституционного Суда РФ в связи с обращением парламентариев Чеченской республики, в которой продолжительное время существуют проблемы с призывом на срочную службу в армию, по данному вопросу была вполне конкретной: признать пункт 1 статьи 3 Федерального закона от 2 июля 2013 года № 170-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части реализации мер по повышению престижа и привлекательности военной службы по призыву» не соответствующим Конституции Российской Федерации, ее статьям 32 (часть 4), 37 (часть 1) и 55 (часть 2 и 3), в той мере, в какой содержащееся в нем положение предполагает установление бессрочного запрета на замещение должностей государственной гражданской службы для граждан, признанных не прошедшими военную службу по призыву, не имея на то законных оснований, в соответствии с заключением призывной комиссии¹².

Таким образом, следует отметить, что качественная юридическая техника нормативно-правовых актов в отношении

преодоления дефектности юридических фактов имеет существенную превентивную роль, а деятельность законодателя в этом ключе должна исходить из соображений обоснованности и целесообразности вносимых изменений в правовое регулирование. В связи с чем установление тех или иных ограничений федеральным законодателем к государственным служащим должно иметь мотивированный, ценностно-ориентированный, законный характер и не влечь за собой дисквалифицирующее воздействие на те или иные категории граждан.

Рассмотрев правовую природу категории «дефектный юридический факт», а также актуальные средства правового реагирования, связанные с устранением вызываемых ими негативных последствий, мы считаем, что предупреждение и преодоление дефектности юридических фактов на сегодняшний день – это одна из важнейших задач современной юридической техники и правоприменительной практики. Дальнейшее исследование дефектности юридических фактов может стать важным предметом более углубленного и методологически корректного осмысления правовых отношений в целом.

Пристатейный библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (ред. от 23.05.2016) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 170-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части реализации мер по повышению престижа и привлекательности военной службы по призыву» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 27. Ст. 3462.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 30 октября 2014 № 26-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части реализации мер по повышению престижа и привлекательности военной службы по призыву» в связи с запросом Парламента Чеченской Республики» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 46. Ст. 6424.
4. Решение Еманжелинского городского суда Челябинской области от 29 июня 2016г. (дело № 2-939/16) // Еманжелинский городской суд Челябинской области. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://emang--chel.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=213545355&delo_id=1540005&text_number=1 (дата обращения: 03.07.2016).
5. Алексеев С. С. Общая теория права. В двух томах. Т. II. М.: Юридическая литература, 1982. 360 с.
6. Енгибарян Р. В. Теория государства и права: учеб. пособие / Р. В. Енгибарян, Ю. К. Краснов. 2-е изд., пересмотр. и доп. М.: Норма, 2010. 576 с.
7. Исаков В. Б. Правовое регулирование и юридические факты // Правоведение. 1980. № 5. С. 34-37.
8. Кожокар И. П. Дефектные фактические составы в механизме гражданско-правового регулирования // Юрист-Правовед. 2015. № 3 (70). С. 64-66.
9. Краснов Ю. К. Юридические факты в механизме правового регулирования от генезиса до «спускового крючка» // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 1 (68). С. 48-53.
10. Мурутина В. В. Дефективность юридических фактов как негативная черта правовой системы: автореферат дисс. ... кандидата юридических наук. Саратов, 2010. 22 с.
11. Проблемы общей теории права и государства: учебник для вузов / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. М.: Норма, 2004. 832 с.
12. Пухан И., Поленак-Акимовская М. Римское право (базовый учебник) / пер. с македонского В. А. Томсинова и Ю. В. Филиппова. М.: ЗЕРЦАЛО, 1999. 448 с.

10 Кожокар И. П. Дефектные фактические составы в механизме гражданско-правового регулирования // Юрист-Правовед. 2015. № 3 (70). С. 66.

11 Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 170-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части реализации мер по повышению престижа и привлекательности военной службы по призыву» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 27. Ст. 3462.

12 Постановление Конституционного Суда РФ от 30 октября 2014 № 26-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части реализации мер по повышению престижа и привлекательности военной службы по призыву» в связи с запросом Парламента Чеченской Республики» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 46. Ст. 6424.

ЕРМОЛИНА Марина Анатольевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета

КАПУСТИНА Мария Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета

ПРОЕКТ ИНТЕГРАТИВНОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ КАК МОДЕЛЬ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ В ЕАЭС

В статье раскрывается проблематика правового регулирования отношений в рамках Евразийского экономического союза с точки зрения интегративной юриспруденции. Исследуется роль и значение различных правовых актов в механизме регулирования сотрудничества в Евразийском пространстве. Особое внимание уделяется вопросу соотношения законодательства ЕАЭС и практике его применения, в частности, Судом Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: теория права и государства, интегративная юриспруденция, правовое регулирование, законодательство, международные договоры, Евразийский экономический союз.

ERMOLINA Marina Anatolyevna

Ph.D. in Law, associate professor of World Politics sub-faculty of the Saint-Petersburg State University

KAPUSTINA Mariya Alexandrovna

Ph.D. in Law, associate professor of Theory and History of Law and State sub-faculty of the Saint-Petersburg State University

THE PROJECT OF INTEGRATIVE JURISPRUDENCE AS A MODEL OF LEGAL REGULATION OF RELATIONS IN EAEU

The article reveals the problems of legal regulation within the framework of Eurasian Economic Union in terms of integrative jurisprudence. The role and importance of the various legal acts in the mechanism of regulation of cooperation in Eurasian space are researched in the article. Special attention is given to the issue of correlation of legislation of EAEU and practice of its application, in particular, by Court of Eurasian Economic Union.

Keywords: Theory of Law and State, the integrative jurisprudence, legal regulation, legislation, international treaties, Eurasian Economic Union.

Ермолина М. А.

Капустина М. А.

В настоящее время регулирование отношений экономического сотрудничества в рамках Евразийского сообщества осуществляется в условиях интеграционных процессов, которые связаны с формированием целостной (и в этом смысле, интегративной) системы правового регулирования. Правовая интеграция предполагает, прежде всего, унификацию юридических норм – моделей упорядочивания и согласования взаимодействия субъектов. Безусловно, основу такой юридической интеграции в Евразийском пространстве составляют международно-правовые нормы, образующие, можно сказать, наднациональное законодательство. Системообразующую (интегративную) функцию, при этом, выполняет Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года¹ (далее – Договор о ЕАЭС). Согласно статье 1 Договора о ЕАЭС, являясь международной организацией региональной экономической интеграции, Евразийский экономический союз обладает международной правосубъектностью и призван обеспечить

реализацию принципа свободы экономической деятельности (свободы движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы), а также проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики, определенных Договором о ЕАЭС и международными договорами, принятыми в рамках ЕАЭС².

Интегративный подход к правовому регулированию отношений в Евразийском пространстве заложен уже в самих понятиях, которые используются в Договоре о ЕАЭС. Наиболее важными для понимания целей и содержания евразийской интеграции являются такие понятия, как единая, скоординированная и согласованная политика, единое экономическое пространство, общий (единый) рынок, единая таможенная территория³. Надо сказать, применительно к реализации

1 Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depSNG/agreement-urasian-economic-union>

2 Ст. 1 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depSNG/agreement-urasian-economic-union>

3 Ст. 2 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depSNG/agreement-urasian-economic-union>

принципа единства экономического пространства Евразийского экономического союза понятие «пространство» рассматривается в территориальном аспекте, в значении совокупности территорий государств-членов ЕАЭС. Так, на территории государств-участниц Евразийского экономического союза в рамках единого экономического пространства существует единая инфраструктура, должны функционировать основанные на рыночных принципах сходные (сопоставимые) и однотипные механизмы регулирования экономики, обеспечиваться экономические отношения, образующие общий (единый) рынок со свободным перемещением товаров, услуг, капитала и рабочей силы в территориальных пределах ЕАЭС. Формой торгово-экономической интеграции в территориальных пределах единого Евразийского экономического пространства выступает таможенный союз. Это означает, что в пределах единой таможенной территории действуют Единый таможенный тариф ЕАЭС, единые меры регулирования внешней торговли товарами с государствами, не являющимися членами Евразийского экономического союза, а также международными организациями или международными интеграционными объединениями (третьей стороной). Страны-участницы Евразийского экономического союза «во взаимной торговле не применяют таможенные пошлины (иные пошлины, налоги и сборы, имеющие эквивалентное действие), меры нетарифного регулирования, специальные защитные, антидемпинговые и компенсационные меры»⁴.

При этом единое евразийское экономическое пространство и единая осуществляемая государствами-членами ЕАЭС политика обеспечиваются функционированием единого (унифицированного) механизма правового регулирования, включающего в себя систему гармонизированных или унифицированных правовых норм. В пространстве евразийской интеграции единство (унифицированность) механизма правового регулирования основано на гармонизации (сближении) законодательства государств-членов ЕАЭС, сходном (сопоставимом) национальном нормативно-правовом регулировании отдельных сфер отношений. Скоординированность и согласованность осуществляемой государствами-членами Евразийского экономического союза политики⁵ предполагает, что их сотрудничество основано на общих подходах, одобренных правовыми актами органов ЕАЭС, например, Решение Высшего Евразийского экономического совета № 5 «Об основных ориентирах макроэкономической политики государств - членов Евразийского экономического союза на 2016-2017 годы»⁶.

Систему органов Евразийского экономического союза образуют Высший Евразийский экономический совет, Евразийский межправительственный совет, Евразийская экономическая комиссия, Коллегия Евразийской экономической комиссии, Совет Евразийской экономической комиссии. Особую роль в системе органов ЕАЭС призван играть Суд Евразийского экономического союза. Но, если попытаться оценить деятельность органов ЕАЭС, обратившись к сведениям о

количестве принятых органами ЕАЭС правовых актов, то, на сегодняшний день, Судом Евразийского экономического союза принято семь актов. В то же время, Высшим Евразийским экономическим советом принято триста тридцать шесть актов, Евразийским межправительственным советом – пятьдесят восемь актов. Наиболее активной, с точки зрения количества принятых актов, выглядит деятельность Евразийской экономической комиссии, которой принято уже более двух тысяч актов⁷. Согласно статье 2 Договора о ЕАЭС, акты, которые принимают регулирующие органы ЕАЭС, могут быть двух видов: в форме решений или в форме распоряжений. Нормативно-правовые акты принимаются органами ЕАЭС в форме решений. Например, вступившее в силу 01.07.2016 г. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 31.05.2016 г. № 11 «О назначении члена Коллегии Евразийской экономической комиссии»⁸. Распоряжения органов Евразийского экономического союза имеют организационно-распорядительный характер. Например, Распоряжение Евразийского межправительственного совета от 12.08.2016 г. № 13 «О проекте Договора о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза»⁹.

Для Российской Федерации развитие евразийской интеграции выступает в известном смысле стимулом к экономическому росту, обеспечивает определенную компенсацию издержек от санкций, введенных Западом¹⁰. Однако сотрудничество в Евразийском социокультурном пространстве охватывает сегодня весьма широкую сеть отношений по взаимодействию в разных сферах жизнедеятельности. Следует отметить, в настоящее время насчитывается около ста заключенных участниками Евразийского сотрудничества договоров в гуманитарной (сфере прав человека)¹¹, культурно-региональной (межрегиональной сфере)¹², отраслевых (различных сферах деловой активности)¹³ сферах евразийского взаимодействия. Эти международные договоры, а так же межгосударственные целевые программы в ряде случаев охватывают сферы, выходящие за пределы регулирования органами Евразийского экономического союза.

Таким образом интегративная (единая) модель правового регулирования в ЕАЭС обеспечивается в процессе гармонизации и унификации национального законодательства, формирования международно-правовых правил и подходов, а также

4 Ст. 2 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://economy.gov.ru/minrec/about/structure/depSNG/agreement-eurasian-economic-union>

5 Ст. 2 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://economy.gov.ru/minrec/about/structure/depSNG/agreement-eurasian-economic-union>

6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru/Pages/AllDocuments>

7 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru/Pages/AllDocuments>

8 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru/Pages/AllDocuments>

9 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru/Pages/AllDocuments>

10 См.: Фархутдинов И. З. ЕвразЭС... да здравствует ЕАЭС! Евразийский экономический союз начинает действовать в 2015 году // Евразийский юридический журнал. 2014. № 9 (76). С. 8.

11 Например, вступившее в силу 03.06.2011 г. Соглашение о порядке перемещения физическими лицами товаров для личного пользования через таможенную границу Таможенного союза и совершения таможенных операций, связанных с их выпуском (от 18 июня 2010 года). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru/Pages/AllDocuments>

12 Например, вступивший в силу 19.07.2016 г. Договор о координации действий по защите прав на объекты интеллектуальной собственности (от 08 сентября 2015 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru/Pages/AllDocuments>

13 Например, принятое 08.09.2015 г. Соглашение о реализации в 2015-2016 годах пилотного проекта по введению маркировки товаров контрольными (идентификационными) знаками по товарной позиции «Предметы одежды, принадлежности к одежде и прочие изделия, из натурального меха» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru/Pages/AllDocuments>

единой практики применения юридических норм в пространстве Евразийского экономического союза. По мнению исследователей, ведущим юридическим процессом евразийской правовой интеграции является гармонизация права, которая «выражается в стандартизации элементов механизма правового регулирования в государствах для обеспечения правового равновесия и синхронизации поведения, а также упорядоченности, эффективности и компромисса интересов во взаимодействии государств и их правовых систем»¹⁴. Интегративные свойства нормативно-правового регулирования в Евразийском пространстве определяются системообразующими (интегративными) связями между всеми элементами механизма правового воздействия, осуществляемого государствами-участниками ЕАЭС, органами Евразийского экономического союза, формирующими нормативно-распорядительную основу регулирования отношений между участниками евразийского взаимодействия, а также Судом Евразийского экономического союза¹⁵. Интегративная модель правового регулирования должна отражать фактические процессы, происходящие в Евразийском пространстве, и отношения между участниками евразийского взаимодействия. Надо признать, в XX веке вообще обнаруживается тенденция к интегративному рассмотрению сложных социально-гуманитарных явлений, включая правовое регулирование, в культурологическом аспекте¹⁶. Безусловно, для России в этом смысле актуализируется проблема евразийского культурно-правового пространства.

Целостный (интегративный) механизм правового регулирования включает в себя правовые принципы, законодательство и правоприменительную практику, обеспечивая сочетание нормативного (статичного) и процессуального (динамичного) аспектов правового воздействия¹⁷, согласованность действий субъектов евразийского взаимодействия. Следует согласиться с И. З. Фархутдиновым в том, что международно-правовые отношения «имеют преимущественно координационный характер»¹⁸, поэтому централизованно определить, какие нормы являются в настоящее время правовыми стандартами регулирования отношений в Евразийском пространстве, затруднительно. Представляется, что решить проблему определения критериев правового содержания законодательства ЕАЭС возможно в контексте интегративной юриспруденции, позволяющей сформировать системную (интегративную) концепцию правового регулирования отношений в Евразийском экономическом союзе.

В свое время Дж.Холл указал на то, что в системе формально-определенных правовых норм обнаруживается статичная фаза правового опыта, константа, обеспечивающая стабильность правового регулирования. Но система норм утрачивает свою стабильность в условиях правореализационной сферы. Поэтому, необходимо сочетание (интеграция) в едином механизме правового регулирования нормативной структуры (законодательства) и динамического право-процесса, т.е. системы реализующихся норм¹⁹, системы правоприменения. В результате, правовое регулирование представит процессом, «в котором нормы, ценности и факты – и то, и другое, и третье – срastaются и актуализируются»²⁰. Процессуальный аспект права в конце XX века вслед за Дж. Холлом подчеркивал Г. Дж. Берман. Дело в том, что, интегративное, т.е. целостное понятие правового регулирования должно охватывать процесс и законотворчества (правоустановительной деятельности), и правоприменения (судебный процесс).²¹ Деятельностный аспект права неразрывно связан с его ценностной составляющей - системой согласованных друг с другом идей и ценностей (правовых и иных неправовых идей и ценностей) общества.²² При этом правовой процесс (деятельностный аспект права) имеет приоритет перед нормативной структурой правового регулирования. «Право в действии, - пишет Г. Дж. Берман, - включает правовые учреждения и процедуры, правовые ценности и правовые понятия и образ мыслей, равно как и правовые правила... Право в действии состоит из людей, занимающихся законотворчеством, отправлением правосудия, вынесением судебных решений, переговорами и другими правовыми действиями.»²³.

Приобретая характер процесса, право в своей динамической структуре постоянно меняется и совершенствуется. Причем фактические изменения правопорядка, правовых институтов происходят в момент решения дела судьей. Не зависимо от того, открывает или творит норму судья, он, считал Дж.Холл, «не может применить прошлогоднюю норму права к сегодняшнему делу, потому что прошлогодняя норма права больше не существует; даже в простейших видах судебных решений что-то добавляется, и это обеспечивает ощутимо новое значение.»²⁴ Интегративной юриспруденции позволяет рассмотреть правовое регулирование в Евразийском пространстве в качестве целостной системы, объединяющей национальное и международное законодательство, правосознание, которым воспринимается правовой опыт, правовую культуру, охватывающую собой представления о правовых ценностях и фактическое действие (применение, функционирование) норм права.

Процессуальная составляющая механизма (системы) правового регулирования в ЕАЭС обеспечивается деятельностью Суда Евразийского экономического союза. Его компетенция определена главой IV Статута Суда Евразийского

14 Аюпова З. К., Кусаинов Д. У. Некоторые современные юридические процессы в рамках евразийской правовой интеграции // Евразийский юридический журнал. 2016. № 1 (92). С. 45.

15 Например: Решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 07 апреля 2016 г. По заявлению ООО «Севлад» (Республика Беларусь) о признании в части решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 6 ноября 2014 года № 197 «О классификации кормовой добавки для животных по единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Таможенного союза» не соответствующим международным договорам. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru/Pages/AllDocuments>

16 See: Rättslig integration och pluralism. Nordisk Rättskultur I Omvandling. Stockholm: Institutet för Rättshistorisk Forskning, 2001; Baker J. H. An Introduction to English legal history. 3rd ed., Butterworths, 1990; Холл Дж. Интегративная юриспруденция // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т.3. М., 1999. С.739-741.

17 См. подробнее: Холл Дж. Интегративная юриспруденция // Антология мировой правовой мысли. Т.3. С.740-741.

18 Фархутдинов И. З. Международное право о самообороне государств // Евразийский юридический журнал. 2016. № 1 (92). С.94.

19 См.: Холл Дж. Интегративная юриспруденция // Антология мировой правовой мысли. Т. 3. С. 740-741.

20 Берман Г.Дж. Вера и закон: примирение права и религии. М., 1999. С. 343.

21 См.: Берман Г.Дж. Вера и закон: примирение права и религии. С. 342-343.

22 Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. С. 532.

23 Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. С. 22.

24 Холл Дж. Интегративная юриспруденция // Антология мировой правовой мысли. Т. 3. С. 741-742.

экономического союза (приложение № 2 к Договору о ЕАЭС). Суд Евразийского экономического союза рассматривает споры, возникающие по вопросам реализации Договора о ЕАЭС, международных договоров в рамках ЕАЭС и (или) решений органов ЕАЭС по заявлению государства-члена ЕАЭС или хозяйствующего субъекта. Государство может обратиться в Суд Евразийского экономического союза с заявлением в следующих четырех случаях: во-первых, в целях решения вопроса о соответствии международного договора в рамках ЕАЭС или его отдельных положений Договору о ЕАЭС; во-вторых, с заявлением о соблюдении другим государством-членом (другими государствами-членами) Договора о ЕАЭС, международных договоров в рамках ЕАЭС и (или) решений органов ЕАЭС, а также отдельных положений указанных международных договоров и (или) решений; в третьих, в целях решения вопроса о соответствии решения Евразийской экономической комиссии или его отдельных положений Договору о ЕАЭС, международным договорам в рамках ЕАЭС и (или) решениям органов ЕАЭС; в четвертых, с заявлением об оспаривании действия (бездействия) Евразийской экономической комиссии. Но, важно отметить, что при этом государства-члены ЕАЭС могут отнести к компетенции Суда Евразийского экономического союза и иные споры, разрешение которых Судом ЕАЭС прямо предусмотрено Договором о ЕАЭС, международными договорами в рамках ЕАЭС, международными договорами ЕАЭС с третьей стороной или иными международными договорами между государствами-членами ЕАЭС.

Помимо названных ситуаций Суд Евразийского экономического союза по заявлению государства-члена ЕАЭС или органа ЕАЭС осуществляет разъяснение положений Договора о ЕАЭС, международных договоров в рамках ЕАЭС и решений органов ЕАЭС. Суд Евразийского экономического союза по заявлению сотрудников и должностных лиц органов ЕАЭС и Суда ЕАЭС разъясняет положения Договора о ЕАЭС, международных договоров в рамках ЕАЭС и решений органов ЕАЭС, связанных с трудовыми правоотношениями. Вопрос о наличии компетенции Суда Евразийского экономического союза по разрешению спора разрешается самим Судом ЕАЭС в соответствии с Договором о ЕАЭС, международными договорами в рамках ЕАЭС и (или) международными договорами ЕАЭС с государством, не являющимся членом ЕАЭС, международной организацией или международным интеграционным объединением. Положения международного договора ЕАЭС с третьей стороной Суд Евразийского экономического союза разъясняет в том случае, если это предусмотрено таким международным договором.

Что касается обращений в Суд Евразийского экономического союза хозяйствующих субъектов, то, надо сказать, в рассматриваемом процессуальном аспекте для целей Статута Суда Евразийского экономического союза под хозяйствующим субъектом понимается юридическое лицо, зарегистрированное в соответствии с законодательством государства-члена ЕАЭС или третьего государства, либо физическое лицо, зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя в соответствии с законодательством государства-члена ЕАЭС или третьего государства. Хозяйствующий субъект вправе обратиться в Суд Евразийского экономического союза с заявлением в двух случаях: во-первых, если, по его мнению, решение Евразийской экономической комиссии или его отдельные положения, непосредственно затрагивающие права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере

предпринимательской и иной экономической деятельности, не соответствуют Договору о ЕАЭС и (или) международным договорам в рамках ЕАЭС, и повлекли нарушение предоставленных Договором о ЕАЭС и (или) международными договорами в рамках ЕАЭС прав и законных интересов хозяйствующего субъекта; во-вторых, в целях оспаривания действия (бездействия) Евразийской экономической комиссии, непосредственно затрагивающего права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, если такое действие (бездействие) повлекло нарушение предоставленных Договором о ЕАЭС и (или) международными договорами в рамках ЕАЭС прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

В философско-правовом смысле проект интегративной юриспруденции на основе диалектического метода анализа и синтеза в конце XX века обсуждал Г. Дж. Берман. Вообще, диалектический метод как диалоговый способ рассуждений (познания мира) исторически восходит еще к древнегреческой философии, получил дальнейшее свое развитие среди юристов Древнего Рима. В XI-XII веках диалектический метод анализа и синтеза использовался для примирения на основе правовых принципов и понятий («на все возрастающем уровне обобщения»²⁵) противоречий, существовавших в средневековом праве между разными (соперничающими) элементами единой социальной структуры: церковное – светское, королевское – феодальное, городское – цеховое. Диалектический метод обоснования интегративной концепции права, считал Г. Дж. Берман, связан с осознанием целостности (единства) структуры общества и включает в себя не только рациональную составляющую (интеллектуальную), но и моральные принципы, что особенно актуально в условиях мультикультурализма евразийского сообщества.²⁶ Проект интегративной юриспруденции позволяет рассмотреть процесс нормативно-правового регулирования во взаимодействии с экономическими, политическим и другими социальными процессами. Право одновременно и отражает экономические и политические отношения конкретного общества и определяет (детерминирует) их. Так, развитие экономики и политики в Западной Европе XVII-XIX веков было непосредственно связано с формированием в XII-XV веках конституционного права, а также промышленного, договорного права, права собственности и других отраслей²⁷. Механизм правового регулирования в Евразийском пространстве также необходимо рассматривать в контексте не только экономических отношений между государствами-участниками ЕАЭС, но и интеграции и взаимовлияния ценностей правовых культур в целом.

С позиции реализации заложенного Договором о ЕАЭС потенциала Евразийского экономического союза правовая интеграция играет особую роль, которая включает в себя ряд задач, в том числе задачу унификации механизма правового регулирования в Евразийском пространстве. С точки зрения интегративной юриспруденции гармонизация законодательства имеет важное значение при формировании новых региональных образований, что наглядно видно, в частности, на примере Евразийского экономического союза, в котором

25 Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998. С. 158.

26 См.: Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. С. 124-164.

27 См.: Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. С. 56-57.

она осуществляется «на основе сближения законодательства государств-членов, направленное на установление сходного (сопоставимого) нормативного правового регулирования в отдельных сферах»²⁸. Евразийская интеграция имеет первостепенное значение и для обеспечения экономической безопасности и стабильности международной правовой системы, так как предполагает скоординированную внутреннюю политику. Единая политика в контексте евразийской интеграции – это политика, осуществляемая государствами-членами в определенных ими сферах, предусмотренных Договором о ЕАЭС и «предполагающая применение государствами-членами унифицированного правового регулирования», в том числе на основе решений органов Евразийского экономического союза в рамках их полномочий. В данном контексте «унификация законодательства», как подчеркивается в Договоре о ЕАЭС, означает «сближение законодательства государств-членов, направленное на установление схожих механизмов правового регулирования в отдельных сферах», определенных Договором о ЕАЭС. Наконец, с точки зрения правового регулирования в рамках Евразийского экономического союза, значимость придается уважению общепризнанных принципов международного права, включая принципы суверенного равенства государств-членов и их территориальной целостности.

Пристатейный библиографический список

1. Аюпова З. К., Кусаинов Д. У. Некоторые современные юридические процессы в рамках евразийской правовой интеграции // Евразийский юридический журнал. 2016. № 1 (92). С.45.
2. Берман Г. Дж. Вера и закон: примирение права и религии. М., 1999. С.340-363.
3. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998. С.16-18, 22, 56-57, 124-158, 531-532.
4. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (ред. от 08.05.2015). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depSNG/agreement-eurasian-economic-union>
5. Договор о координации действий по защите прав на объекты интеллектуальной собственности (от 08 сентября 2015 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru/Pages/AllDocuments>
6. Распоряжение Евразийского межправительственного совета от 12.08.2016 г. № 13 «О проекте Договора о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru/Pages/AllDocuments>
7. Решение Высшего Евразийского экономического совета № 5 «Об основных ориентирах макроэкономической политики государств - членов Евразийского экономического союза на 2016-2017 годы»// <https://docs.eaeunion.org/ru-ru/Pages/AllDocuments>
8. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 31.05.2016 г. № 11 «О назначении члена Коллегии Евразийской экономической комиссии». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru/Pages/AllDocuments>
9. Решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 07 апреля 2016 г. По заявлению ООО «Севлад» (Республика Беларусь) о признании в части решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 6 ноября 2014 года № 197 «О классификации кормовой добавки для животных по единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Таможенного союза» не соответствующим международным договорам. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru/Pages/AllDocuments>
10. Соглашение о порядке перемещения физическими лицами товаров для личного пользования через таможенную границу Таможенного союза и совершения таможенных операций, связанных с их выпуском (от 18 июня 2010 года). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru/Pages/AllDocuments>
11. Соглашение от 08.09.2015 г. о реализации в 2015-2016 годах пилотного проекта по введению маркировки товаров контрольными (идентификационными) знаками по товарной позиции «Предметы одежды, принадлежности к одежде и прочие изделия, из натурального меха». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru/Pages/AllDocuments>
12. Фархутдинов И. З. ЕврАзЭС... да здравствует ЕАЭС! Евразийский экономический союз начинает действовать в 2015 году // Евразийский юридический журнал. 2014. № 9 (76). С. 8-9.
13. Фархутдинов И. З. Международное право о самообороне государств// Евразийский юридический журнал. 2016. № 1 (92). С. 94.
14. Холл Дж. Интегративная юриспруденция // Антология мировой правовой мысли. Т.3. С.739-742.
15. Baker J.H. An Introduction to English legal history. 3rd ed., Butterworths, 1990.
16. Rättslig integration och pluralism. Nordisk Rättshistorisk I Omvandling. Stockholm: Institutet för Rättshistorisk Forskning, 2001.

²⁸ Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (ред. от 08.05.2015). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depSNG/agreement-eurasian-economic-union>

КАПУСТИНА Мария Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ: ФОРМАЛЬНАЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ПРАВООУСТАНОВЛЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В статье раскрывается проблематика нормативно-правового регулирования в условиях евразийской интеграции, исследуется роль и нормативное значение актов, издаваемых регулирующими органами Евразийского экономического союза. Особое внимание уделяется взаимосвязи между национальными и международными правоустановлениями в условиях регулирования общественных отношений в евразийском правовом пространстве.

Ключевые слова: теория права и государства, правовое регулирование, правовая интеграция, законодательство, Евразийский экономический союз.

KAPUSTINA Mariya Alexandrovna

Ph.D. in Law, associate professor of Theory and History of Law and State sub-faculty of the Saint-Petersburg State University

Капустина М. А.

NORMATIVE LEGAL REGULATION: THE FORMAL CLARITY OF LEGAL ESTABLISHMENTS IN THE CONDITIONS OF INTEGRATION IN THE EURASIAN SPACE

The article reveals the problems of normative legal regulation in the conditions of the Eurasian integration, the role and normative importance of acts issued by the regulatory authorities of the Eurasian Economic Union. Special attention is given to interrelation between national and international legal establishments in the conditions of regulation of social relations in the Eurasian legal space.

Keywords: Theory of Law and State, legal regulation, legal integration, legislation, Eurasian Economic Union.

В современных условиях экономической, политической, юридической интеграции между государствами, в частности, в евразийском пространстве, нормативно-правовое регулирование общественных отношений в самых разных сферах жизнедеятельности общества связано с действием норм писаного и неписаного права, национальных и международных правил (норм). При этом нормотворчество осуществляется в процессе, во-первых, взаимодействия самих участников отношений в национальном и международном правовом пространстве, а, во-вторых, деятельности разных государственных (национальных) и наднациональных органов, созданных для обеспечения деятельности межгосударственных интеграционных образований, одним из которых является Евразийский экономический союз¹.

Юридические нормы, регулирующие фактические отношения между субъектами, могут быть как устными обычными (правовыми обычаями), так и правилами, получившими внешнее выражение в актах-документах национального или международного характера. Содержание национальных (государственных) правовых предписаний (правоустановлений) формируется в результате не только правоустановительной деятельности национального законодателя, но и в процессе правотворчества судебных² и иных государственных органов

с учетом международно-правовых принципов и норм, принятых национальным государством на себя обязательств в связи с присоединением к каким-либо международным организациям (интеграционным образованиям), а также правил, установленных регулирующими органами международных образований, межгосударственных интеграционных образований, например, Евразийской экономической комиссией, которая является постоянно действующим регулирующим органом Евразийского экономического союза.

Так, в связи с присоединением Республики Казахстан к Всемирной торговой организации ею были приняты на себя обязательства, касающиеся ставок ввозных таможенных пошлин, что повлияло на нормативно-правовое регулирование вопроса перемещения отдельных товаров с территории Республики Казахстан на территории других государств – членов Евразийского экономического союза. В частности, в соответствии с Решением от 12.08.2016 г. Евразийского межправительственного совета № 5 «О некоторых вопросах ввоза и обращения товаров на таможенной территории Евразийского экономического союза в связи с присоединением Республики Казахстан к Всемирной торговой организации»³, при перемещении товаров по ставкам ввозных таможенных пошлин более низким по сравнению со ставками пошлин Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза товаросопроводительным документом признается бумажная копия электронного счета-фактуры, зарегистрированного в национальной системе учета Республики Казахстан и отвечающая требованиям пункта 10 статьи 3 Протокола о некоторых вопросах ввоза и обращения товаров на таможенной территории Евразийского экономического союза от 16.10.2015 г. (далее – Протокол

1 См.: Фархутдинов И. З. ЕврАзЭС... да здравствует ЕАЭС! Евразийский экономический союз начинает действовать в 2015 году // Евразийский юридический журнал. 2014. № 9 (76). С. 9.

2 М. А. Ермолина и Т. С. Немчинова указывают, что разъяснения высших судебных органов часто «ложатся в основу будущих нормативных актов. Но они подлежат применению и до облечения в законодательную форму, и в тех случаях, когда остаются вне поля зрения законодателя». (Ермолина М. А., Немчинова Т. С. Судебная практика как источник права (о степени теоретической разработанности проблемы в гражданском процессуальном праве) // Евразийский юридический журнал. 2016, № 3 (94). С.175.)

3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01411008/icd_15082016_5

от 16.10.2015 г.) При этом, в соответствии с абзацем 2 пункта 1 Решения Евразийского межправительственного совета от 12.08.2016 г. № 5, правительства всех государств – членов Евразийского экономического союза при установлении требований в отношении обязательных товаросопроводительных документов (пункт 11 статьи 3 Протокола от 16.10.2015 г.) должны предусматривать в их составе в том числе указанную выше бумажную копию электронного счета-фактуры.

В условиях современной интеграции в правовом пространстве Евразийского союза⁴ необходимо обратить внимание на проблемы системного характера правового регулирования в ситуациях правовой неопределенности, коллизий и противоречий между разными видами правоустановлений (законоустановлений), а также пробелов в нормативно-правовом регулировании (законодательстве Евразийского экономического союза). Целый ряд теоретико-практических аспектов указанных вопросов, в частности, методы преодоления неопределенности нормативно регулирования, способы и субъекты восполнения пробелов в нормативных (законодательных) актах-документах требуют сегодня переосмысления, актуальных решений в условиях изменений, происходящих в евразийском пространстве.

Интересно, что и в русском, и в английском юридическом языке понятие «регулирование» используется, как правило, для обозначения властной формы юридического упорядочения общественных отношений, реализуемого посредством издания органом власти или управления обязательных для исполнения предписаний, имеющих своей целью внести известный порядок в ту или иную сферу социального взаимодействия, тот или иной вид деятельности. Например, в англоязычном документообороте regulation может обозначать нормативно-правовой акт (регламент) или государственное регулирование как таковое. Regulation может быть названием нормативного акта в межгосударственном интеграционном образовании, например, Регламент Еврокомиссии, обязательный для всех членов Евросоюза, Регламент работы Евразийской экономической комиссии⁵. В исследованиях, опубликованных на английском языке, термином «regulation» обычно обозначается государственное регулирование на основе нормативного акта (закона), применение которого обеспечено мерами юридической ответственности. В таком значении regulation противопоставляется liberalization – либерализации – процессу автономного регулирования (саморегулирования), связанному с сокращением (смягчением) государственного влияния в той или иной сфере общественных отношений, в частности, экономической (economic liberalization, price liberalization, trade liberalization, liberalization of imports etc.).

В российской юридической литературе, особенно в учебной, проблема неопределенности, противоречивости правового регулирования сводится к обсуждению пробелов в законе и коллизий между нормативными актами. Более того, исследование пробелов в праве, как правило, ограничивается рассмотрением вопроса о методах восполнения пробелов в действующем законодательстве. При этом, во-первых, внимание уделяется исключительно правоприменительному методу преодоления пробелов, точнее деятельности судей по восполнению пробелов в законе в процессе рассмотрения конкрет-

ных дел, а, во-вторых, анализируется только аналогия в праве, т.е. правила применения аналогии закона и аналогии права. Иные методы, обсуждаемые в современной научной литературе, используемые на практике, в частности в деятельности Конституционного суда Российской Федерации, не рассматриваются. Представляется, что, с теоретико-практической точки зрения, решение проблем преодоления пробелов в законодательстве, исследование правил применения аналогии в праве не могут проводиться в отрыве от рассмотрения понятий пробелов в праве, неопределенности правового регулирования, изучения вопросов, связанных с установлением пробела в законе, критериев (признаков) правовой неопределенности.

Правопорядок предполагает правовое упорядочение общественных отношений. Регулятивной моделью⁶ правового упорядочения общественных отношений в целом выступает право как система норм, в которой нормы права, получившие свое выражение в юридических источниках права, являются логическими моделями правового регулирования деятельности субъектов, отдельных видов общественных отношений. Традиционно, одним из важных признаков права называют его формальную определенность. В аспекте вопроса нормативно-правового регулирования формальная определенность означает требование достаточной ясности и четкости правоустановлений, конкретизации сферы действия нормативных актов. В частности, в правовых нормах должны быть строго определены обстоятельства, факты, которые имеют юридический характер, влекут за собой юридические последствия. Без этого в процессе правоприменения трудно установить, какие именно обстоятельства, деятельность, виды общественных отношений подлежат регулированию в соответствии с данным нормативным актом. Содержание норм права должно быть формально выражено и, в этом смысле, формально-юридически определено в правовых предписаниях (правоустановлениях) статей и пунктов нормативных актов, договоров с нормативным содержанием (нормативно-правовых договорах), в правовых прецедентах и обычаях.

Внешние формы выражения правовых норм традиционно принято называть юридическими или формальными источниками права. Хотя, в силу своей многозначности, термин «источник» не очень подходит для научного анализа. Под источниками права в дореволюционной российской литературе понимали то, что творит право⁷, например, государственную власть или общество. Источниками права обозначают и исторические памятники, содержащие действовавшие когда-то нормы права⁸, например, Русскую Правду, и т.п. Наконец, под источником как формой нормативно-правового регулирования как раньше, так и сейчас понимают различные виды юридических норм в зависимости от способа выработки их содержания и внешней формы выражения⁹.

4 И. З. Фархутдинов считает Евразийский экономический союз более высоким уровнем евразийской интеграции стран Содружества независимых государств. (См.: Фархутдинов И. З. ЕврАзЭС... да здравствует ЕАЭС! Евразийский экономический союз начинает действовать в 2015 году // Евразийский юридический журнал. 2014. № 9 (76). С. 8.)

5 Регламент работы Евразийской экономической комиссии утвержден Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23.12.2014 г. № 98. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.eaeunion.org/ru>

6 См.: Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства. М., 1999. С. 388.

7 Источнику права, как «правопроизводящему началу», была посвящена, в частности, работа Н. Чижова. См.: Чижов Н. Источник и формы права. Варшава, 1878.

8 Более двух тысяч лет назад Тит Ливий в своей Римской истории назвал законы XII таблиц «источником всего публичного и частного права» в том смысле, что эти законы представляют собой ту основу, на базе которой развилось и сложилось современное ему римское право. Как научная проблема вопрос об источниках права возникает в XIX в. При этом термину «источники права» был придан смысл иной, чем тот, в котором употребил его Тит Ливий. См.: Шебанов А. Ф. О понятиях источника права и формы права // Правоведение. 1965. № 4.

9 См., напр.: Хвостов В. М. Общая теория права. Элементарный очерк. М., 1914. С. 85; Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. С. 283; Алексеев Н. Н. Основы философии права. Прага, 1924. С. 204.

С точки зрения внешней формы выражения и, соответственно, степени формальной определенности юридические нормы можно разделить прежде всего на писанные и неписанные. При этом исторически первыми были именно неписанные нормы права: правовой обычай и судебный прецедент. К писанным нормам права относят нормативный акт, договор нормативного содержания. Долгосрочные договоры о поставках товаров, о перевозках, об отношениях с профсоюзами и т.д. могут, помимо прав и обязанностей сторон, устанавливать юридические нормы. Из всех так называемых договоров нормативного содержания¹⁰ особое правовое значение придается международным договорам и договорам в конституционной отрасли права. При этом договор рассматривался источником права не всеми и не всегда. Надо сказать, что Н. А. Гредескул и Г. Ф. Шершеневич вообще не упоминали договор как форму выражения права. Так, Г. Ф. Шершеневич формы (виды источников) права различал только по способу выработки содержания норм, считая, что сам выбор формы «зависит всецело от государственной власти».

Способы выработки содержания нормы договора и обычной нормы схожи, так связаны с согласованием в самом процессе взаимодействия субъектов правил их поведения, деятельности. Разница, собственно говоря, заключается в вербальной фиксации¹¹, в степени формальной определенности текста обычного правила (нормы обычая) и договорного правила (статьи договора). Безусловно, формальная определенность обычно-правовой неписаной нормы гораздо меньше, чем нормы, сформулированной в ратифицированном международном договоре, подготовка которого занимает, порой, месяцы и даже годы. Так, например, государствами – участниками Евразийского экономического союза при участии представителей бизнес-сообществ евразийской «пятерки» был разработан проект Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, который 12 августа 2016 г. по распоряжению Евразийского межправительственного совета был направлен на внутригосударственное согласование¹².

По тому, каким образом вырабатывается содержание юридической нормы, можно выделить нормы внутреннего (национального) права и международного права. Международные правовые нормы складываются в процессе международного общения и документально закрепляются в договорах государств, актах международных конференций, международных организаций, актах регулирующих органов международных интеграционных образований, например, в евразийском правовом пространстве, актах Высшего Евразийского экономического совета, Евразийской экономической комиссии, Евразийского межпарламентского совета и др. Обычные международно-правовые нормы отличаются тем, что, по общему правилу, документально не закреплены в каком-то определенном акте так же, как и национальные правовые обычаи. Правовой обычай рассматривается в качестве сложившегося в результате фактического применения в течение длительного времени и среди достаточного круга лиц правила поведения, признаваемого правовой нормой государством применительно к национальной правовой системе или государствами – в международных отношениях. По сути государственное при-

знание и отличает обычную норму права от обычая¹³. При этом в современном мире возрастает роль норм международного права, которые занимают особое место среди юридических норм. Исследуя формы выражения норм права, необходимо учитывать то, что сегодня усиливаются интеграционные процессы, и в регулировании вопросов о правах человека и гражданина, вопросов сотрудничества государств в различных сферах все большую роль играют нормы международных договоров, обычные международно-правовые нормы, а международных интеграционных образованиях, в частности, в Евразийском экономическом союзе, правила, получившее свое внешнее выражение в актах регулирующих органов.

Важно подчеркнуть, что национальные и международные (интеграционные) правоустановления регулируют общественные отношения и деятельность субъектов во взаимодействии друг с другом. Согласно части 4 статьи 15 Конституции РФ, общепризнанные принципы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью правовой системы России. Нормы-принципы международного права называют *jus cogens*. Они являются наиболее общими императивными нормами и обладают высшей юридической силой по отношению к остальным нормам международного характера. В общем виде принципы международного права закреплены в Уставе ООН. Детализируются же они в таких договорах, как Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций 1970 г., Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г., Парижская хартия для новой Европы 1990 г., Международные пакты о правах человека и др.

Основное значение среди всех международно-правовых норм придается нормам, которые предусмотрены в различных международных договорах и соглашениях, потому что, заключая международные соглашения, государства предполагают урегулировать свои взаимоотношения в будущем. Так, основополагающее значение, с точки зрения нормативно-правового регулирования в евразийском пространстве, имеет Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. Договор, закрепляя права и обязанности сторон, выполняет и правоустановительную функцию, фиксируя правила, которым стороны обязуются следовать. Международные договоры и соглашения могут содержать и нормы *jus cogens*. Следует признать, что договор – это правоустанавливающий акт-документ, который в современных условиях международной интеграции играет роль международного нормативного акта, обеспечивающего формальную определенность нормативно-правового регулирования отношений, в частности, в евразийском интеграционном образовании. Например, в соответствии со статьей 32 Договора о Евразийском экономическом союзе, в его правовом пространстве должно быть обеспечено единое таможенное регулирование. Основным нормативно-правовым актом, регулирующим сферу таможенных отношений на территории Евразийского экономического союза, должен стать Таможенный кодекс, проект которого подготовлен на площадке Евразийской экономической комиссии.

Специфика международных договоров, образующих, по сути, международное законодательство, заключается в том, что ни в одном международном договоре не участвуют все государства мира, но государства, которые не являются участниками договора, могут ссылаться на его положения в своей международной правовой практике¹⁴. Несмотря на принцип *раста*

10 Вопрос о месте нормативного договора как института в правовой системе ставил Ю. А. Тихомиров в статье «Юридическая коллизия, власть и правопорядок». См.: Тихомиров Ю. А. Юридическая коллизия, власть и правопорядок // Государство и право. 1994, № 1. С.7-8.

11 Гредескул Н.А. Лекции по общей теории права. СПб., 1909. С.205 – 234; Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. С. 368-380.

12 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eec.eaunion.org/ru/nae/news/Pages/2016-08-12.aspx>

13 См., например: Хвостов В. М. Общая теория права. Элементарный очерк. М., 1914. С.86.

14 «Государство, - писал Б. Н. Чичерин, - есть союз верховный, и вынуждать исполнение обязательств может только оно само». (См.:

tertiis nec nocent nec prosunt, формулирующий невозможность распространения действия договора на неучастующие государства, международно-правовые договорные нормы оказывают юридическое воздействие и на неучастников договора, например, вступающих в правоотношения с участниками договора по поводу такого договора¹⁵. Нормы международного договора, например, Устава международной организации, могут представлять общий интерес и для не участвующих в нем государств. Кроме того, сам факт существования международного договора, устанавливающего те или иные нормы, обязывает неучастующие государства относиться к этим нормам с уважением. Такая обязанность неучастующих государств является одним из аспектов принципа *pacta sunt servanda*.

Порядок присоединения к международному договору может быть особым и лишать в принципе отдельных субъектов международных отношений возможности стать его участником. В этой ситуации международный договор может ускорить процесс обычного международного нормообразования. Участники договора создают новую норму, формулируют ее содержание, которое в дальнейшем может воплотиться в обычную норму. Такая обычная международная норма в большей или меньшей степени совпадает по содержанию с договорной, она как бы основана на договорной норме. В отличие от образования других обычных норм международного права, здесь нет необходимости в многократности повторения совпадающей практики участников международных отношений. Другое дело, когда международный договор закрепляет уже существующую обычную норму на основе современной практики государств. Тогда участники международного договора, выявив содержание существующей обычной нормы, придают юридическому правилу более конкретную форму выражения, т.е. обеспечивают формальную определенность нормативно-правового регулирования. На основе обычной создается новая договорная норма, содержание которой в той или иной степени тождественно обычной международной норме. При этом для государств, не участвующих в договоре, обычная норма продолжает свое действие во времени¹⁶.

Требование формальной определенности нормативно-правового регулирования предполагает, что акты, содержащие правоустановления, должны быть изложены (написаны) в соответствии с правилами государственного языка, а также технико-юридическими правилами правоустановительной (законодательной в широком смысле) деятельности. Иллюзия тождества отдельной статьи закона и нормы как логической модели правового регулирования исчезает при первой же попытке урегулировать взаимоотношение между субъектами на основе одной (отдельно взятой) статьи (нормы) законодательства. Это невозможно из-за отсутствия в одной статье или пункте нормативного акта всех необходимых элементов правовой нормы как модели правового поведения субъектов права. Отдельные статьи, пункты нормативного акта (договора) могут быть посвящены определенным, как писал С. С. Алексеев, «юридическим операциям, деталям и частностям, а в тексте наличествуют только какие-то укороченные фразы, чуть ли не их обрывки»¹⁷. Таким образом, вопрос о формальной определенности или неопределенности правового регулирования, о пробеле в законодательстве должен решаться не с точки зрения

отдельного пункта, статьи конкретного нормативного акта, а в контексте системы норм права, правовых принципов, юридической практики. Участники евразийской интеграции, ссылаясь в своих актах реализации прав и обязанностей на пункты и статьи евразийского законодательства, например, на Договор о Евразийском экономическом союзе, а Суд Евразийского экономического союза в своих правоприменительных актах на решения, например, Евразийской экономической комиссии, в действительности, реализуют целую систему правовых норм, приводят в действие весь механизм нормативно-правового регулирования в евразийском интеграционном пространстве.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев Н. Н. Основы философии права. Прага, 1924.
2. Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2002.
3. Гредескул Н. А. Лекции по общей теории права. СПб., 1909.
4. Ермолина М. А., Немчинова Т. С. Судебная практика как источник права (о степени теоретической разработанности проблемы в гражданском процессуальном праве) // Евразийский юридический журнал. 2016, № 3 (94). С.171 – 177.
5. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб., 1897.
6. Коробова М. А. Расширение сферы действия норм общего многостороннего договора. М., 1983.
7. Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства. М., 1999.
8. Регламент работы Евразийской экономической комиссии утвержден Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23.12.2014 г. № 98. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.eaeunion.org/ru>
9. Решение от 12.08.2016 Евразийского межправительственного совета № 5 «О некоторых вопросах ввоза и обращения товаров на таможенной территории Евразийского экономического союза в связи с присоединением Республики Казахстан к Всемирной торговой организации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01411008/icd_15082016_5
10. Тихомиров Ю.А. Юридическая коллизия, власть и правопорядок // Государство и право. 1994. № 1. С. 7-8.
11. Фархутдинов И. З. ЕврАзЭС... да здравствует ЕАЭС! Евразийский экономический союз начинает действовать в 2015 году // Евразийский юридический журнал. 2014. № 9 (76). С. 8-9.
12. Хвостов В. М. Общая теория права. Элементарный очерк. М., 1914.
13. Чижов Н. Источник и формы права. Варшава, 1878.
14. Чичерин Б. Н. Философия Права. СПб., 1900.
15. Шебанов А. Ф. О понятиях источника права и формы права // Правоведение. 1965, № 4.
16. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. Рига, 1924.

Чичерин Б.Н. Философия Права. СПб., 1900. С. 329).

15 В доктрине международного права ставится вопрос о «действии» договора по отношению к третьим государствам. См., например: Коробова М.А. Расширение сферы действия норм общего многостороннего договора. М., 1983.

16 О такой роли международного обычая пишет и М.А.Коробова. См. Там же. С. 72-97.

17 Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2002. С. 97-98.

KASATKIN Sergey Nikolaevich

Ph.D. in Law, professor of Theory and History of State and Law sub-faculty of the Samara Law Institute of the Federal service of execution of punishments of the Russian Federation

LOGIC, RATIONALITY AND RULE-FOLLOWING IN JUDICIAL DECISION: A REVIEW OF H. L. A. HART'S DOCTRINE*

The paper discusses a doctrine of judicial decision, proposed by a British philosopher of law, Herbert Hart, taken in light of ideas of analytical philosophers, J. L. Austin and L. Wittgenstein. The key thesis of the paper is Hart's decentration of logical instruments in judicial decision (as a specie of a rule-following), understood as being subjected to an art of interpretation and qualification of particulars as well as to a reaching social goals and consequences. So in Hart's view a rationality of judicial decision is irreducible to logical correctness and has various social and practical grounds.

Keywords: H.L.A. Hart, judicial decision, logic, rationality, rule-following, legal indeterminacy.

КАСАТКИН Сергей Николаевич

кандидат юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Самарского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации

Касаткин С. Н.

ЛОГИКА, РАЦИОНАЛЬНОСТЬ И СЛЕДОВАНИЕ ПРАВИЛУ В СУДЕБНОМ РЕШЕНИИ: ОБЗОР ДОКТРИНЫ Г. Л. А. ХАРТА

Статья посвящена доктрине судебного решения британского философа права, Герберта Харта, рассмотренной в свете идей философов-аналитиков, Дж. Л. Остина и Л. Витгенштейна. Основной тезис статьи — децентрация Хартом логических инструментов в судебном решении (как вида следования правилу): последнее подчинено искусству толкования и квалификации частных, а также достижению социальных целей и последствий. Таким образом, по Харту, рациональность судебного решения не сводится к логической правильности и имеет различные социальные и практические основания.

Ключевые слова: Г. Л. А. Харт, судебное решение, логика, рациональность, следование правилу, правовая неопределенность.

In post-soviet jurisprudence and legal philosophy rationality traditionally associated with logic, understood as a universal way of explanation. This view, however, does not take into account important developments in the XXth century (Western) philosophy, including analytic linguistic philosophy of «later» Ludwig Wittgenstein, John Langshaw Austin et al., that show limitations of logical instruments. The same applies to a doctrine of a famous Oxford philosopher and jurist, Herbert Hart (1907–1992) — one of key theories for Western (Anglo-American) jurisprudence of the second half of the XXth century. Applying ideas of analytic philosophy to law, Hart contributes to redefining boundaries and relationships of logic and rationality in explaining judicial decision which seems meaningful to a relevant enrichment of contemporary post-soviet philosophical-legal thought. Thus a discussion of Hart's doctrine composes a subject of this paper.

I. Coming from Austin's and Wittgenstein's ideas, Hart refers to a debate between formalism and American legal realism as conceptions of judicial decision. For formalists a judicial decision seems to be a logical inference from a «closed» system of law, containing answers to all legal questions. In realists' view such a theory and practice are «mechanical jurisprudence» and «abuse of logic» and are inadequate to a real state of affairs: the decisions are based not on rules and logic, but on experience and judicial choice.

Hart here offers a middle position. For him (like for Wittgenstein and Austin) a meaning of a word is a way of its use. The stability of meanings is established by a typicality of such use, creating uncertainty in nonstandard, borderline cases, when language

«breaks down» and «we don't know what to say» (as in situations of a goldfinch, quoting Virginia Woolf, by Austin or a vanishing chair by Wittgenstein¹). Hence Hart distinguishes clear and borderline cases of applying a term and so a relevant rule. Language and law predetermine a legal outcome in clear cases and fail to do that in borderline ones, making necessary a judicial discretion as a choice between alternatives. Thus, in Hart's classic example, a prohibition of a vehicle in the park is clear in relation to a car, but is vague in respect to a bike, etc. The answer here is not absolutely settled or completely open, it is underdetermined².

Accordingly Hart conceives a judicial decision largely along a Wittgenstein's model of rule-following³. First, an application of a rule is established not by its wording and abstract calculus, but by a socio-normative context of its use: a rule is a socially accepted and practiced standard of conduct. Second, even in borderline cases a judicial decision composes a rule-following, though requiring additional efforts or operations: interpretation, reasoning and so on. (Hart also seeks to explicate criteria for rule-following or, more precisely, grounds for a proper ascription of following legal norms to a judge: a presence of an «internal» normative attitude, justification or criticism of someone's actions through an appeal to rules, etc.⁴ However, these are seemed to be insufficient both as

1 Austin J. L. Other Minds // Austin J. L. Philosophical Papers. Oxford, 1970. P. 84; Wittgenstein L. Philosophical Investigations. Oxford, 1953. § 80.

2 Hart H. L. A. 1) The Concept of Law. Oxford, 1994. Ch. 7 § 1; 2) Positivism and the Separation of Law and Morals // Hart H. L. A. Essays on Jurisprudence and Philosophy. Oxford, 1983. S. III.

3 Wittgenstein L. Op. cit. § 198–199, 201–202 etc.

4 Hart H. L. A. The Concept of Law. Ch. 7 § 2.

* Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-03-00804.

counterarguments against realism and as a general explanation of judicial conduct along the model of following (legal) rules).

II. What is the role of logic and logical explanation in this model? Hart rejects a characterization of «mechanical» decisions in borderline cases as «an abuse of logic», while decentering importance of logical tools. According to Hart, logic is only a hypothetical formal connection of antecedents and conclusions, whereas the crux of judicial decisions is an art of interpretation and qualification of particulars, i.e. the question of establishing meanings of terms and rules as well as their proper application in light of social objectives and values. The so-called «mechanical» decisions are either judge's denial of an openness of rules and a need for a choice (causing a «blind» decision) or, more often, a conscious choice, based on grounds, not recognized by critics⁵. Hence Hart generally rejects a logical-deductive model of a decision: even if it is possible to state judicial reasoning through logical means, such a statement is not able to grasp its essence. (Here Hart doesn't discuss Wittgenstein's thesis about logic as a specie of language-games, leaving open a question of whether it is possible to establish law totally without logic. It seems that for him such a conclusion is too radical).

III. Accordingly, in Hart's view a rationality of judicial decision is not confined to its logical rationality or correctness. It is rather a social acceptability or legitimacy, coupled with a conscious character of a decision, rule-following in borderline situations, and an account of social objectives and consequences. Also this rationality is multiple, irreducible to a (concrete) morality and allow-

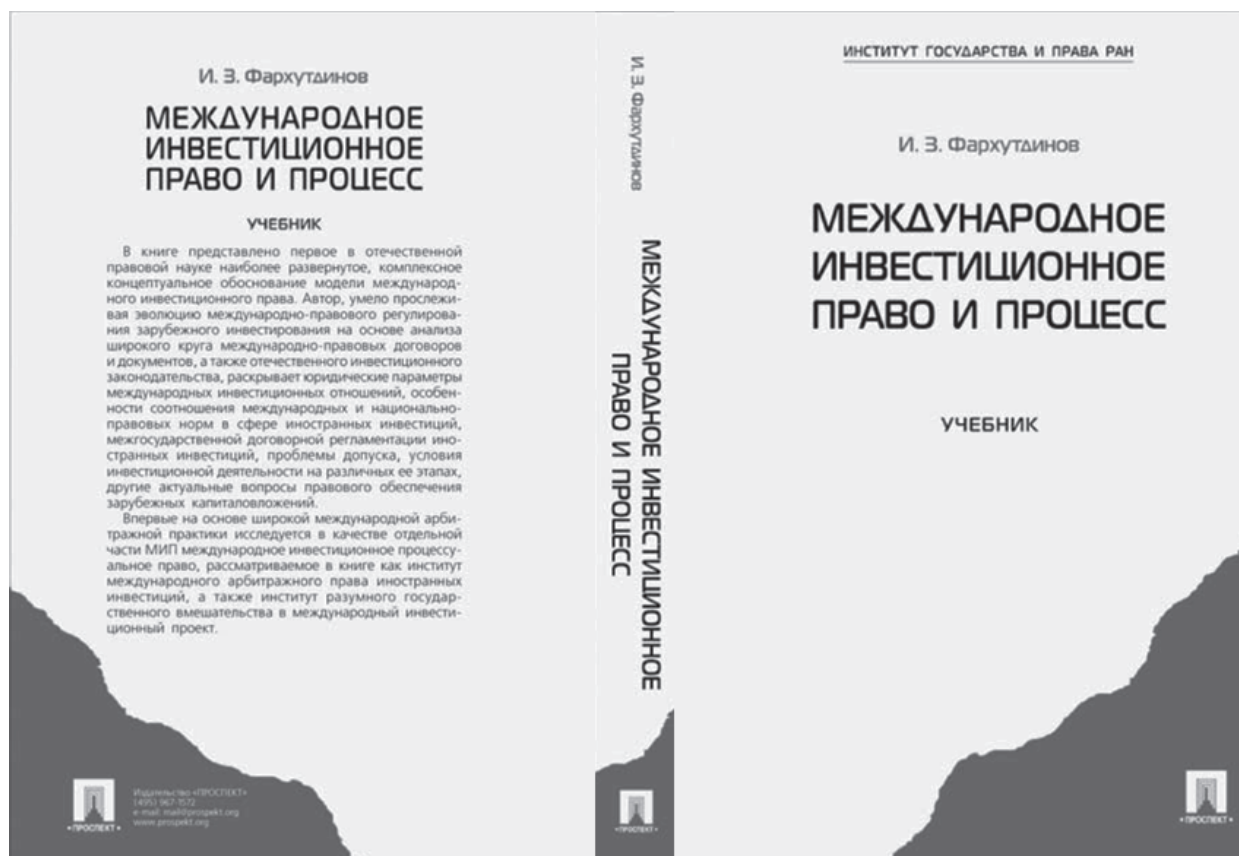
ing various ideological patterns⁶. At the same time Hart's doctrine contains a tension between the ideas of judicial decision as following a rule (in Wittgenstein's spirit, describing a language practice) and as an implementation of ethical standards or social goals even against existing regulations (like in jurisprudential theories of natural law or legal realism). Here Hart, apparently, also offers a moderate position. Within his project of analytical jurisprudence he describes a decision primarily as a rule-following, bringing other issues beyond his discussion. So a «core» of a linguistic meaning (as, too, laws of logic) rather constitute a limitation for a judge's choice, though not being an insurmountable obstacle for a possible deviation from a rule (or rather for following one rule contrary to another) — the main thing here is that such deviation should be a deliberate and rational choice. Hart also concedes various understanding of what constitutes following a rule in different social contexts as well as different versions of decisions and justifications in an uncertainty situation.

References

1. Wittgenstein L. Philosophical Investigations. Oxford, 1953.
2. Austin J. L. Philosophical Papers. Oxford, 1961. P. 76–116.
3. Hart H. L. A. The Concept of Law. 2nd ed. Oxford, 1994.
4. Hart H. L. A. Essays on Jurisprudence and Philosophy. Oxford, 1983.

5 Hart H. L. A. Positivism and the Separation of Law and Morals. S. III.

6 Ibid.

РОМАНОВСКАЯ Вера Борисовна

доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского

ТИМОФЕЕВ Евгений Александрович

кандидат юридических наук, ассистент кафедры теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского

ПРАВОВОЙ ДИСКУРС В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ: РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТЕНДЕНЦИЯХ И ПЕРСПЕКТИВАХ

Философско-правовой дискурс обогатился новой и перспективной тематикой, связанной с интеграцией научных поисков в сфере экономики и права. Это новое для отечественной науки направление исследований имеет большие перспективы в постиндустриальном обществе, предлагая новые траектории юридических исследований, обогащенных междисциплинарными взаимодействиями. Авторская позиция заключается в принятии различных подходов к исследованию правовой реальности, в том числе и традиционных для отечественного философско-правового подхода – с позиций ценностных оснований права. Многогранность правовой проблематики порождает потребность в разнообразии научно-теоретической рефлексии, различных методологических подходах и творческого осмысления с учетом динамично развивающихся общественных отношений.

Ключевые слова: кризис правосознания, ценности права, правовая рефлексия, экономика и право, экономический анализ права.

ROMANOVSKAYA Vera Borisovna

Ph.D. in Law, professor, Head of Theory of the State and Right sub-faculty of the N.A. Lobachevskiy Nizhny Novgorod State University

TIMOFEEV Evgeniy Alexandrovich

Ph.D. in Law, assistant of Theory of the State and Right sub-faculty of the N.A. Lobachevskiy Nizhny Novgorod State University

LEGAL DISCOURSE IN POST-INDUSTRIAL SOCIETY: REFLECTIONS BY TENDENCIES AND PROSPECTS

The philosophical and legal discourse was enriched with the new and perspective subject connected with integration of scientific searches in the sphere of economy and the right. This direction of researches, new to domestic science, has big prospects in post-industrial society, offering new trajectories of the legal science enriched with interdisciplinary interactions. The author's line item consists in acceptance of various approaches to research of legal reality including traditional for domestic philosophical and legal approach – from line items of the valuable bases of the right. Versatility of a legal perspective generates need for a variety of a scientific-theoretical reflection, various methodological approaches and creative judgment taking into account dynamically developing public relations.

Keywords: crisis of sense of justice, right value, legal reflection, economy and right, economic analysis of the right.

Романовская В. Б.

Тимофеев Е. А.

Состояние современной юридической теории, как в России, так и за рубежом, сегодня часто описывают в категориях кризиса¹. Да и само право переживает серьезные изменения в условиях глобального постиндустриального общества. Однако, на наш взгляд, проблема кризиса заключается не в изменениях классических юридических институтов и регулируемых ими правовых отношений. Говоря о кризисе в правовопонимании, мы не имеем в виду также пересмотр устоявшихся точек зрения или отказ от тех или иных ранее созданных и утвердившихся столетиями систем взглядов на право. Проблема заключается, скорее, в кризисе мировоззренческих оснований правовой рефлексии, т.е. той культурной системы, в рамках

которой сформировалась «западная традиция права», которая получила к середине XX века глобальное значение. В кризисном состоянии находится сама система мышления, горизонт которой был задан этическими и познавательными ценностями, имевшими ключевой характер для новоевропейской культуры в период ее становления при переходе от Средневековья к Новому времени². Это касается и ключевых мировоззренческих ориентиров западной цивилизации Нового времени. Парадоксальность современной ситуации заключается в том, что при сохранении базового набора основных ценностных понятий в качестве привычной знаковой системы, упадку под-

1 См. Берман Гарольд Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М.: Издательство Московского университета, 1998 (Berman Harold J. Law and Revolution. The Formation of the Western Legal Tradition. Cambridge, Massachusetts and London, England: Harvard University Press, 1983).

2 См.: Сорокин П. А. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М., 2009. С. 206 (Sorokin P. A. The Crisis of Our Age. The Social and Cultural Outlook. New-York, E. P. Dutton and Co., Inc. 1957).

верглись сами обозначаемые этими понятиями ценности³. Поэтому главной чертой, характеризующей современный кризис в области правовой рефлексии, повторяем, является не вытеснение одних точек зрения другими, а разрыв между языком этико-правового дискурса и реальным содержанием тех процессов и отношений, о которых в нем идет речь. Примечательно, что еще в начале прошлого века русский юрист П. И. Новгородцев, оценивая состояние современного ему правосознания как кризисное, сводил суть этого кризиса только лишь к упадку западноевропейского идеала правового государства⁴. Однако уже в середине XX века П. А. Сорокин однозначно связал кризис этики и права в Европе и Америке с деградацией самих основ «чувственной культуры» Запада⁵.

Российская философско-правовая мысль прошлых двух столетий отличалась постоянным интересом к ценностным основаниям права и определенным антропологизмом. Сам вопрос о праве выступал в виде частного аспекта вопроса о человеке. Право получало осмысление с точки зрения его отношения к личности, свободе человека, его духовной природе, понималось как необходимая форма бытия человека в обществе. При рассмотрении права в его отношении к человеку обсуждалась проблема его духовного значения, его воздействия на поведение и внутренний мир человека. Важнейшее значение приобретала проблема правосознания духовно самостоятельной личности, внутреннего свободного принятия права. Можно сказать, что в русской религиозной философии преобладал этический подход, который отразился, прежде всего, на представлениях о глубокой сущностной связи права и нравственности, об обусловленности существования права нравственными задачами и ценностями, лежащими в основании общества. В выяснении нравственного смысла права и его отношения с системой нравственных ценностей состояло ядро правых воззрений русских философов права.

В конце XX – начале XXI века, в период, называемый сегодня постмодерном, стало очевидным, что подобный подход перестает отвечать запросам нового информационного урбанистического общества, для которого на передовую научных исследований в области права выходят задачи иного порядка. Российская теория и философия права не могут уклониться от признания актуальности этих новых задач, а, следовательно, просто обязаны отразить новую социально-правовую реальность.

Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В. Д. Зорькин отмечает, что «для современной эпохи постмодерна характерно размывание и ослабление эффективности правовых регуляторов индивидуального, социального и международного поведения»⁶. В таких условиях отечественная правовая наука вынуждена оперативно отыскивать ответы на вызовы новой эпохи либо за счет собственных резервов, либо путем взаимодействия с другими научными дисциплинами. Непрерывно усложняющиеся общественные отношения, нарастающая отраслевая дифференциация научного знания обуславливают, на наш взгляд, перспективность следования

отечественной правовой науки по пути междисциплинарных взаимодействий. Наиболее методологически развитой общественной наукой во всем мире обоснованно считается экономика, на стыке с которой в западной юриспруденции образовалось целое самостоятельное научное течение, получившее название экономического анализа права (Law and Economics).

О росте интереса к экономическому анализу права в отечественной науке свидетельствует подготовка рядом университетов, среди которых: Московский государственный университет, Уральский государственный экономический университет, Московский государственный институт международных отношений, учебных программ по дисциплине «Экономический анализ права».

В отечественной научной литературе юридические аспекты «Law and Economics» долгое время раскрывались преимущественно в рамках отраслевых исследований, конституционной экономики (Г. А. Гаджиев⁷, Т. Сырунина⁸ и др.), институционального проектирования правовых актов (В. Л. Тамбовцев⁹) или ограничивались обсуждением вопросов значимости экономического анализа права. Несколько особняком в этом ряду стояли подробная статья Т. Я. Хабриевой¹⁰ по методологическим аспектам «Law and Economics» и блестящая работа С. В. Третьякова¹¹, посвященная научно-исследовательской программе экономической теории права.

В 2016 году произошло сразу несколько значимых событий в этой области. Вышло в свет учебное издание для магистрантов «Право и экономика (методология)»¹², подготовленное Г. А. Гаджиевым, где раскрываются методологические аспекты экономического анализа права, а также анализируется проблематика применения философии права для разрешения вопросов на стыке права и экономики. Кроме того, в работе А. Г. Карапетова «Экономический анализ права»¹³ представлен интересный авторский взгляд на проблематику Law and Economics через призму острой необходимости применения строго научной методологии, которая должна использоваться для осуществления политико-правового выбора при поиске оптимального варианта правового регулирования. Без такой методологии неизбежно преобладание субъективных мотивов законодателя (правоприменителя) над объективными факторами и закономерностями. Экономический анализ права позволяет использовать в политике права научный подход, не претендуя вместе с тем на монополизацию всей правовой

3 Жданов П. С., Романовская В. Б. «Правовая рефлексия в условиях кризиса новоевропейской мировоззренческой парадигмы: постановка проблемы» // Genesis: исторические исследования. 2015. № 3. С. 472–489.

4 См.: Новгородцев П. И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. М.: Наука, 1996. С. 13).

5 См.: Сорокин П. А. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М., 2009. С. 188 – 213.

6 Экономика и право: новый контекст // Российская газета. 2014. 21 мая.

7 Гаджиев Г. А. Экономическая эффективность, правовая этика и доверие к государству // Журнал российского права. 2012. № 1. С. 10–21; Гаджиев Г. А. Предмет конституционной экономики // Очерки конституционной экономики. 23 октября 2009 г. / под ред. Г. А. Гаджиева. М., 2009. С. 37–92.

8 Сырунина Т. Перспективы и сложности применения судами экономического анализа права при разрешении споров // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 4. С. 79–90.

9 Тамбовцев В. Л. Методы экономического анализа права в проектировании нормативно-правовых актов // Russian Journal of Legal Studies. 2014. № 4 (1). С. 101–107; Тамбовцев В. Л. Теоретические основы институционального проектирования // Вопросы экономики. 1997. № 3. С. 82–94.

10 Хабриева Т. Я. Экономико-правовой анализ: методологический подход // Журнал российского права. 2010. № 12. С. 5–26.

11 Третьяков С. В. Формирование исследовательской программы экономической теории права // Liber amicorum в честь 50-летия А. Н. Жильцова. Трансграничный торговый оборот и право / сост. и науч. редакторы: А. И. Муранов, В. В. Плеханов. М.: Инфотропик Медиа, 2013. С. 222–252.

12 Право и экономика (методология): учебник для магистрантов / Г. А. Гаджиев. М.: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2016. 256 с.

13 Экономический анализ права / А. Г. Карапетов. М.: Статут, 2016. 528 с.

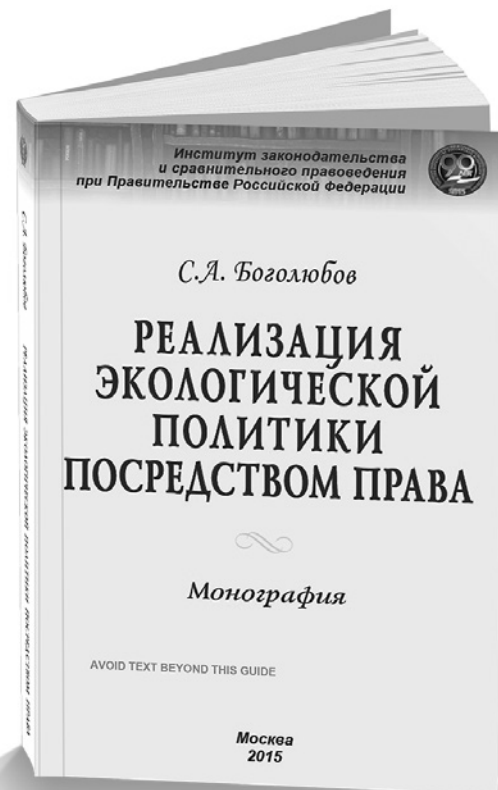
методологии, но лишь позволяя улучшить ее качество за счет обращения в качестве вспомогательного метода к передовым научным теориям, оперирующим количественными показателями на совершенно ином уровне.

Таким образом, философско-правовой дискурс обогатился новой и перспективной тематикой, связанной с интеграцией научных поисков в сфере экономики и права. Плодотворность этого направления не вызывает сомнений. У философов права могут возникнуть некоторые опасения, что в экономической рациональности правовых построений потеряются ценностные основания права, веками являющиеся его сутью и главным ориентиром. Однако, современная социальная жизнь настолько разнообразна и потребность правового осмысления и регулирования происходящих процессов растет так стремительно, что в рамках какого либо одного дискурса невозможно охватить всю ее целостность и ответить на все ее вызовы. Экономический анализ права, как наиболее актуальное сегодня направление, безусловно, займет свою нишу в российской теоретико-правовой и прикладной юриспруденции.

Пристатейный библиографический список

1. Берман Гарольд Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М.: Издательство Московского университета, 1998 (Berman Harold J. Law and Revolution. The Formation of the Western Legal Tradition. Cambridge, Massachusetts and London, England: Harvard University Press, 1983).
2. Бондаренко Г. В. Правовые ценности в системе ценностных ориентаций личности // Евразийский юридический журнал. 2014. № 7. С. 209-210.
3. Гаджиев Г. А. Экономическая эффективность, правовая этика и доверие к государству // Журнал российского права. 2012. № 1. С. 10-21; Гаджиев Г. А. Предмет конституционной экономики // Очерки конституционной экономики. 23 октября 2009 г. / под ред. Г. А. Гаджиева. М., 2009. С. 37-92.
4. Жданов П. С., Романовская В. Б. «Правовая рефлексия в условиях кризиса новоевропейской мировоззренческой парадигмы: постановка проблемы» // Genesis: исторические исследования. 2015. № 3. С. 472-489.
5. Новгородцев П. И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. М.: Наука, 1996. С. 13.
6. Право и экономика (методология): учебник для магистрантов / Г. А. Гаджиев. М.: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2016. 256 с.
7. Сорокин П. А. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор. М., 2009. С. 188 – 213. (Sorokin P. A. The Crisis of Our Age. The Social and Cultural Outlook. New-York, E. P. Dutton and Co., Inc. 1957).

8. Сырунина Т. Перспективы и сложности применения судами экономического анализа права при разрешении споров // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 4. С. 79-90.
9. Тамбовцев В. Л. Методы экономического анализа права в проектировании нормативно-правовых актов // Russian Journal of Legal Studies. 2014. № 4 (1). С. 101-107; Тамбовцев В. Л. Теоретические основы институционального проектирования // Вопросы экономики. 1997. № 3. С. 82-94.
10. Третьяков С. В. Формирование исследовательской программы экономической теории права // Liber amicorum в честь 50-летия А. Н. Жильцова. Трансграничный торговый оборот и право / сост. и науч. редакторы: А. И. Муранов, В. В. Плеханов. М.: Инфотропик Медиа, 2013. С. 222-252.
11. Хабриева Т. Я. Экономико-правовой анализ: методологический подход // Журнал российского права. 2010. № 12. С. 5-26.
12. Экономика и право: новый контекст // Российская газета. 2014. 21 мая.
13. Экономический анализ права / А. Г. Карапетов. М.: Статут, 2016. 528 с.

КАЗАРЯН Тигран Мехакович

преподаватель кафедры теории и истории государства и права Ереванского государственного университета

ЮРИДИЧЕСКИЙ ПОЗИТИВИЗМ И НЕЗАВИСИМОСТЬ ОНТОЛОГИИ ПРАВА ОТ СОЗНАНИЯ

Статья рассматривает проблему независимости права от сознания в современной философии права. Обсуждаются два основных аспекта независимости права от сознания: синтаксический и семантический. Критикуя взгляды современных правоведов на эту проблематику; сделана попытка дать новую перспективу на независимость права от сознания.

Ключевые слова: независимость права от сознания, нормы-формулировки, концептуальные правила и критерии.

KAZARYAN Tigran Mehakovich

lecturer of Theory and History of State and Law sub-faculty of the Yerevan State University

LEGAL POSITIVISM ONTOLOGY AND INDEPENDENCE OF THE RIGHTS OF CONSCIOUSNESS

This article contemplates the mind-independence problem in contemporary philosophy of law. Two main aspects of mind-independence of law are discussed: the syntactic and semantic. Criticizing views of contemporary scholars on this issue, here is made an attempt to give a new perspective on mind-independence problem of law.

Key words: mind-independence of law, norm-formulations, norms, conceptual rules and criteria.

Казарян Т. М.

Современная аналитическая философия и юридический позитивизм об онтологии

В современной аналитической философии есть разные дискурсы про независимость онтологии от нашего сознания. Существуют две основные позиции по этому вопросу. Первая позиция называется реализмом¹. Сторонники реализма утверждают, что существует пробел между познанием и самим миром. Они утверждают, что объекты и сущности существуют независимо от убеждений, языка и концептуальных схем, которым придерживается субъект.

Реалисты в основном придерживаются корреспондентской теории истины для пропозиций (Б. Рассел) и семантической теории истины для предложений (А. Тарский)².

1. КТ. Пропозиция *p* является истинной, если и только если соответствует факту, что *p*.

2. СТ. Предложение *p* является истинным, если и только если *p*.

Представители не-реализма отклоняют все тезисы реализма³. Самый известный и основательный аргумент против реализма предложил аналитический философ Х. Путнам со своим мысленным экспериментом «мозг в колбе». Х. Путнам

в своей книге «Разум, истина и история» представляет следующий вариант этого аргумента⁴. Представим, что «злой» ученый положил мозг субъекта *A* в колбу и подключил мозг к компьютеру. Компьютер генерирует реальность и *A* продолжает жить своей повседневной жизнью. Но, он (*A*) не может знать является ли он мозгом в колбе или нет. Так как любое высказывание о реальности будет ложным. В реальности он всего лишь мозг в колбе и ощущение реальности генерируется компьютером, т.е. все эти ощущения ложны.

Следовательно:

1. Если *A* знает, что *p*, то знает, что он не мозг в колбе;
2. Но *A* не знает, что он не является мозгом в колбе;
3. Так, он не знает, что *p*.

Этот аргумент показывает, что *A* не может знать является ли мозгом в колбе или нет. В этом случае об этом знает только наблюдатель («злой» ученый или даже ассистенты «злого ученого»).

Более радикальный вариант этого аргумента имеет следующий вид:

1. Предположим, что все люди являются мозгами в колбе.
2. Если мы все мозги в колбе, то «мозг» не означает - мозг, «колба» не означает колбу.
3. Если «мозг в колбе» не означает мозг в колбе, то оно - ложно.
4. Таким образом, если мы мозги в колбе, то предложение, что «мы мозги в колбе» является ложным.

Последний аргумент показывает, что реализм имплицитно глобальный скептицизм по поводу наших знаний. Т.е. каждое высказывание может быть ложным. А это приводит нас, к абсурдному утверждению, что мы не можем знать являемся ли метафорично выражаясь мозгами в колбе или нет.

Анти-реалисты также придерживаются разным концепциям истины. Известные философы анти-реалисты как М.

1 Devitt M. Realism And Truth. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1984. Pp. 13-83, Devitt M., Kim S. Language And Reality. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1999. Pp. 233-245, Wright C. Realism, Meaning, And Truth. Oxford, UK: Blackwell, 1987. Pp. 1-45.

2 Russell B. The Problems Of Philosophy. New York: Oxford University Press (1st ed. 1912), 1959. Pp. 119-130, Tarski A. The Semantic Conception Of Truth: And The Foundations Of Semantics. Philosophy and Phenomenological Research 4.3. 1944. Pp. 341-355.

3 Carnap R. Empiricism, semantics, and ontology. Revue Internationale de Philosophie. Vol. 4. 1950. pp. 20-40, Dummett M. Realism// in Dummett, Michael. Truth And Other Enigmas. Cambridge: Harvard University Press, 1978. pp. 145-165, Putnam H. The Many Faces Of Realism. La Salle, Ill.: Open Court, 1987. Pp. 1-41, Chalmers D. Ontological Anti-Realism //in D. Manley, D. Chalmers, R. Wasserman (ed.), Metametaphysics: new essays on the foundations of ontology, Oxford University Press, Oxford, 2009, pp. 77-129.

4 Putnam H. Reason, Truth, And History. Cambridge [Cambridgeshire]: Cambridge University Press, 1981. Pp. 1-22.

Дамит, Х. Путнам, К. Райт предложили свои собственные концепции истины:

1. Утверждение p является истинным, если и только если p является верифицируемым или отстаиваемым. (М. Дамит)⁵.

2. Утверждение p является истинным, если и только если p может быть отстаиваемым под идеальными эпистемическими обстоятельствами $\leftrightarrow p$ является истинным, если и только если оно рационально приемлемо под идеальными эпистемическими условиями (Х. Путнам)⁶.

3. Утверждение p является истинным, если и только если оно может быть сверхотстаиваемым (*superassertible*) (утверждение сверхотстаиваемо (*superassertible*), если и только если оно или его часть может быть отстаиваемо (или останется отстаиваемым) даже при произвольном и подробном разборе его происхождения и произвольном приросте информации о нем) (К. Райт)⁷.

Реализм в современной правовой науке не имеет больших перспектив. В частности, для современного позитивистского подхода, не являются полем дискуссии вопрос существования социальных источников права. Т.е. вопрос о том, что права как регулятор общественных отношений является социальной техникой. Так, в силу этого, онтология права (существование правовых норм) не может иметь абсолютную независимость от нашего сознания. Таким образом, для позитивистского подхода к праву нет известной абсолютной дихотомии реалистов между познанием и действительностью. Но, вместе с этим, вопрос о степени независимости онтологии права от сознания является дискуссионным.

Для экспликации этого вопроса, нам следует различать независимость норм-формулировок права от сознания и независимость норм права от наших представлений и убеждений о нем.

Независимость права от сознания.

Формулировка нормы права – это лингвистический знак с помощью чего формулируется право⁸. Норма-формулировка является лингвистической единицей. Она может использоваться как в дескриптивном, так и в прескриптивном языке⁹. Если она используется в дескриптивном языке, она либо жидется на нормативном высказывании, либо на нормативном утверждении. Нормативное высказывание дает информацию о существовании норм или о запретах, разрешениях, обязательствах, содержащихся в нормах. Оно является либо истинным, либо ложным. Нормативное утверждение используется для того, чтобы убедить кого-то, что существует какая-то норма. Это утверждение как и нормативное высказывание может быть истинным или ложным.

А если норма-формулировка используется в прескриптивном языке – она выражает норму. Выражая норму, норма-формулировка не может быть истинным или ложным.

Так, норма-формулировка N_f является независимой от сознания, если и только если существования N_f не предполагает существования индивидуального или (и) коллективного сознания.

Норма-формулировка N_f является слабо независимой от сознания субъектов, если и только если существование нормы-формулировки N не предполагает существования индивидуального сознания. Норма-формулировка N_f является сильно независимой от сознания субъектов, если и только если существование нормы-формулировки N_f не предполагает существование индивидуального и коллективного сознания.

Философ права М. Крамер исследуя вопрос независимости права от сознания приходит к выводу, что право почти всегда слабо независимо от сознания¹⁰. М. Крамер считает, что исключением из этого может быть некая правовая система, где есть правовая норма, согласно которой общие законы промульгированные монархом являются недействительными, если монарх находится в бессознательном состоянии. В этом случае, М. Крамер считает, что право является зависимым от сознания монарха.

Крамер разграничивает вышеизложенный вид независимости права от независимости представлений и убеждений о праве.

Становится ясным, что скорее всего под названием независимость права от сознания Крамер имеет в виду то, что мы называем независимость нормы-формулировки от сознания.

Но более тщательный взгляд показывает, что Крамер под независимостью права от сознания имеет в виду независимость действительности права от сознания. Это путаница становится возможной за счет того, что Крамер не разграничивает три разных понятия: норма-формулировка, норма и действительность нормы права.

Поскольку мы выше обсудили разницу норм-формулировок от норм, обратимся здесь к разнице между нормой-формулировкой, нормой и действительностью нормы права.

Действительность правовой нормы связано с содержанием норм, в которых присутствуют критерий действительности норм в этом правопорядке¹¹. Так, норма-формулировка может существовать, но норма этой формулировки не быть действительной в конкретном правопорядке. Предложение «недействительная норма является нормой» не является лингвистически дефектным. Поскольку нормативность связано с иллюкативной силой формулировки, а не семантикой нормы¹². Таким образом, как видно – действительность правовой нормы является семантическим вопросом, а не синтаксическим.

Выясняя разницу между вышеперечисленными понятиями вернемся к вопросу независимости нормы-формулировки от сознания.

Поскольку невозможно, чтобы норма-формулировка существовало бы без когнитивных функций участников правовой системы, то норма-формулировка права слабо независимо от сознания участников правовой системы.

Но здесь следует разграничить две разные когнитивные функции:

5 Dummett M. What is a theory of meaning? (II), in *Truth and Meaning*, G. Evans and J. McDowell. 1976 (eds.), Oxford: Clarendon Press. Pp. 67-138 (Reprinted in Dummett. *The Seas of Language*, Oxford: Oxford University Press. 1993), Dummett M. "Truth", *Proceedings of the Aristotelian Society*. Vol. 59, 1959. P. 149, (Reprinted in Dummett M. *Truth And Other Enigmas*. Cambridge: Harvard University Press, 1978. pp. 1-25).

6 Putnam H. *Reason, Truth, And History*. Cambridge [Cambridgeshire]: Cambridge University Press, 1981. P. 5.

7 Wright C. *Truth And Objectivity*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1992. P. 48.

8 Wright G. *Norm and action*. 1st ed. London: Routledge and Kegan Paul. 1963. P. 93, 105.

9 Bulygin E. *True or False Statements in Normative Discourse*// in Egidio, R. *In search of a new humanism*. 1st ed. Dordrecht: Kluwer Academic. 1999. P. 184

10 Kramer M. H. *Objectivity And The Rule Of Law*. New York: Cambridge University Press, 2007. P. 5.

11 Moreso, J. J., Navarro, E. P. *The reception of norms, and open legal systems*// in Paulson, S. and Paulson, B. *Normativity and norms*. 1st ed. Oxford: Clarendon Press. 1998. P. 280, Bobbio N. *Considérations introductives sur le raisonnement des juristes*. *Revue internationale de philosophie*, vol.8, 1954. Pp. 72-73.

12 Austin, J. L. *How To Do Things With Words*. Cambridge: Harvard University Press, 1962. P.116, 139, Bulygin E. *Norms And Logic: Kelsen And Weinberger On The Ontology Of Norms*. *Law and Philosophy*. Vol. 4.2, 1985. pp. 145-163

а) представления и убеждения о существовании нормы-формулировки

б) знание о существовании нормы-формулировки.

Представим следующий мысленный эксперимент. Есть китайская книга, заголовок которой написано и на китайском языке, и на русском: «китайские правовые нормы о земле».

Достаточно грамотный человек Ч. поймет, что в этой книге присутствуют нормы-формулировки. Но что за нормы-формулировки присутствуют в этой книге, поймет только тот, кто владеет китайским языком. Так, человек Ч. может почти достоверно знать, что там находятся нормы-формулировки права. Но он не может знать какие нормы-формулировки существуют там.

Представим, что у Ч. есть 5 летний ребенок, который уже научился читать по русский. Ребенок прочтя заголовок книги говорит отцу: «эта книга сборник о китайских правовых норм о земле».

Этот ребенок, как его отец может почти достоверно знать, что там находятся нормы-формулировки. Кажется, что в двух примерах нет фундаментальных различий. Но дела обстоят иначе.

В первом случае, Ч. имеет на уме некую эмпирическую критерию или правило, что дает ему возможность различать нормы-формулировки права от других норм. Т.е. понять, что в этой книге существуют нормы права.

А во втором случае, маловероятно, что ребенок под нормами права имеет в виду то, что имеет в виду его отец под этим понятием. Ребенок даже может вообще не знать, что представляет из собой норма права.

Т.е. имеются два вида представлений и убеждений о существовании нормы-формулировки:

1. Представления и убеждения зиждущиеся на понимании того, что из собой представляют нормы-формулировки права;

2. Представления и убеждения не зиждущиеся на понимании того, что из собой представляют нормы-формулировки права;

От представлений и убеждений о существовании нормы надо различать знание о существовании нормы. Знание о существовании нормы уже предполагает понимание синтаксиса нормы права (нормы-формулировки права). Т.е. это не только некоторая информация о критериях и правилах идентификации нормы права и информация о существовании нормы права, а системное знание что из собой представляет норма-формулировка права и существует ли норма-формулировка права в конкретном случае или нет. Иначе говоря, в этом случае существуют методы и способы верификации информации.

Т.е. в этом случае, на уме участника правовой системы существует концептуальная правила правовой нормы, например, хартовская «правило признания» (rule of recognition)¹³. С помощью этого эмпирического научного критерия участник правовой системы может пытаться идентифицировать нормы-формулировки права. Т.е. понять что является нормой-формулировкой права и что не является таковым в конкретном правовом порядке.

Иначе говоря, понимание синтаксиса правовой нормы обуславливается научными критериями и концептуальными правилами правоведения.

Конечно, возможен скептицизм по поводу всех критериев и концептуальных правил правовой науки,

Против таких скептиков, как аргумент, можно привести известное метафорическое описание общей эпистемологической ситуации данными философами О. Нейратом и О. Ку-

айном¹⁴. О. Нейрат и О. Куайн идентифицируют нашу эпистемологическую ситуацию с лодкой находящейся в середине океана и требующего ремонта. Согласно им, мы не можем сразу менять все части этой лодки находясь на этой лодке в середине океана. Также мы не можем выходить за пределы лодки, чтобы сделать это. Хотим этого или нет, нам следует всегда основываться на неких прочных фундаментах меняя различные части и детали лодки. Согласно О. Нейрату и О. Куайну – ситуация такова и в эпистемологии. Нам следует всегда опираться на неких эпистемологических предпосылках, нормах и критериях, которые являются более обоснованными и релевантными для наших прагматических целей¹⁵. Но это не должно приводить нас к мысли, что не имеет смысла сомневаться в фундаментах (предпосылках, критериях и концептуальных правилах). А только на то, что здравый смысл требует от нас, чтобы в этих случаях мы нашли бы обоснованные эпистемологические критерия и нормы на чем можно постоять. Только после этого, мы сможем сомневаться в других менее обоснованных эпистемологических критериях и нормах. Такой вид скептицизма по поводу отдельных критериев и концептуальных правил, в отличии от вышеизложенного является конструктивным и способствует развитию науки.

В этой части работы нам также следует обратиться к вопросу независимости семантики права (т.е. смысла нормы-формулировки) от сознания. Так, можно знать о существовании знака нормы или нормы-формулировки не поняв ее смысла. Предложение «знаю, что существует прескриптива права, но не понимаю ее смысла» является логически непротиворечивым и лингвистически не дефектным. Так как синтаксис не является достаточным условием для понимания семантики¹⁶.

Философы права К. Гринавалт и А. Мармор считают, что содержание нормы является слабо независимым от представлений и убеждений о нем¹⁷. К. Гринавалт и А. Мармор аргументирует это тем, что невероятно для всего правового сообщества (будь они наблюдателями или участниками правовой системы) ошибаться по поводу содержания нормы N в правовой системе.

Критикуя позицию К. Гринавалта и А. Мармора, М. Крамер утверждает, что содержание нормы и представления и убеждения второго порядка об этом содержании – весьма разные понятия. Так, правовое сообщество может иметь консенсус о содержании нормы N. Вместе с этим, сообщество может ошибаться в содержании консенсуса. Согласно М. Крамеру,

14 Neurath O. *Protokollsätze. Erkenntnis. Vol. 3, 1932/33. pp. 204–214, Identity, Ostension, and Hypostasis // in Quine W. V. From A Logical Point Of View. Cambridge: Harvard University Press, 1961. P. 79, Quine W. V. Word And Object. [Cambridge]: Technology Press of the Massachusetts Institute of Technology, 1960. P. 3.*

15 Leiter B. *Objectivity, Morality and Adjudication // in B. Leiter, Objectivity in Law and Morals. Cambridge. 2001. P. 70-71.*

Как отмечает по этому поводу философ права Б. Лайтер, для О. Куайна нет внешнего наблюдателя (как у Архимеда), который смог бы эксплицировать все о нашем мире с помощью истинной теории.

16 Это вполне соответствует аргументу «китайской комнаты» Дж. Серля. Согласно этому аргументу, человек по имени А. может иметь коммуникацию с Б., на том же языке, что Б, но не зная языка на котором говорит Б. Дж. Серл предлагает следующий мысленный эксперимент. А находится в комнате и не знает китайского языка. Б находится за этой комнатой и владеет китайским языком. В задает вопросы в устном или в письменном виде А, а А отвечает на эти вопросы в письменном виде. Но только с ответами А помогает Y (который знает китайский), рисовая символы на бумаге, что А передает Б. Таким образом, А отвечает на вопросы Б и их коммуникация получается. - Searle, John R. *Minds, Brains, And Science. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1984. Pp. 28-42.*

17 Greenawalt K. *Law And Objectivity. New York: Oxford University Press, 1992. P. 48, Marmor A. Positive Law And Objective Values. Oxford [England]: Clarendon Press, 2001. P. 136.*

13 Hart H. *The concept of law. 2nd ed. Oxford: Clarendon Press. 1994. P. 94.*

такая ситуация вполне возможна. М. Крамер представляет следующий мысленный эксперимент.

Следствием представления и убеждения законодателя или судьи (англо-американское право), является норма N_i . Через год, судья C_1 применяя норму N_i дает интерпретацию I_1 содержания нормы N_i . Потом, через два года судья C_2 признает, что прошлая интерпретация I_1 нормы N_i была ошибочной и дает другую интерпретацию I_2 нормы N_i . Согласно Крамеру, если прошлая интерпретация тем не менее является правильной, то новая интерпретация является ошибочной и наоборот. Ссылаясь на эту гипотетическую ситуацию, М. Крамер показывает, что правовое сообщество, иногда ошибается. Исходя из этого, М. Крамер делает вывод о том, что правовая норма является сильно независимой от ПИУ о нем.

Теория М. Крамера сильной независимости нормы от представлений и убеждений участников правовой системы кажется нам неубедительной.

1. Содержание нормы не может быть интерпретировано. Интерпретируется норма-формулировка, из которого выводится сама норма¹⁸. Например, есть норма-формулировка N_{f_1} , в котором термин t является неоднозначным. Суд C_1 , согласно норме N_j , может интерпретировать неоднозначные термины по своему усмотрению: например, как t_1 или t_2 ... (или) t_3 и т.д. Суд интерпретирует эту норму-формулировку как t_1 и выводит норму из нормы-формулировки. В таких, случаях, если даже другой суд C_2 скажет, что в прошлом суд C_1 «ошибочно» интерпретировал норму-формулировку – это будет не чем иным, как риторическим трюком.

2. А, если суд C_2 будет иметь в виду то, что норму-формулировку суд C_1 интерпретировал нарушением нормы N_j и аргументирует это, то- данная интерпретация нормы судом C_1 не будет считаться легальной. Иначе говоря, это интерпретация не имел (имеет) правовых следствий.

3. Правовая система, по определению, не является агрегатом не связанных и случайно существующих норм. Когда М. Крамер говорит о существовании, так называемых ошибок у судьи в распознавании содержания норм, то мы имеем дело с ничем иным, как нарушением норм правовой системы. Любая «нормативная ошибка» участника правовой системы равняется нарушению нормы, что делает недействительными последствия его ошибочных представлений и убеждений.

Пристатейный библиографический список

1. Austin J. L. *How To Do Things With Words*. Cambridge: Harvard University Press, 1962.
2. Leiter B. *Objectivity, Morality and Adjudication* // in B. Leiter, *Objectivity in Law and Morals*. Cambridge, 2001. pp. 66-98.
3. Bobbio N. *Considérations introductives sur le raisonnement des juristes*. *Revue internationale de philosophie*, vol. 8. No. 27/28 (1/2), 1954. pp. 67-83.
4. Bulygin E. *Objectivity of Law in the View of Legal Positivism*// *Analisi e diritto*. Vol. 2, 2004. pp. 219-227.
5. Bulygin E. *Norms And Logic: Kelsen And Weinberger On The Ontology Of Norms*. *Law and Philosophy*. Vol. 4.2, 1985: pp. 145-163.
6. Carnap R. *Empiricism, semantics, and ontology*. *Revue Internationale de Philosophie* Vol. 4, 1950. pp. 20-40.

18 Bulygin E. *True or False Statements in Normative Discourse*// Egidi, R. *In search of a new humanism*. 1st ed. Dordrecht: Kluwer Academic. 1999. P. 186-187, Bulygin E. *Objectivity of Law in the View of Legal Positivism*// *Analisi e diritto*. Vol. 2. 2004. P. 225, Guastini R. *Eugenio Bulygin e Tecla Mazzaresse su interpretazione e proposizioni normative*// *Diritto e questioni pubbliche*. Vol. 6, 2006. pp. 97-100, Wright G. H. von. *Is There A Logic Of Norms?*. *Ratio Juris*. Vol. 4.3. 1991. P. 273.

7. Chalmers D. *Ontological Anti-Realism* // in D. Manley, D. Chalmers, R. Wasserman (ed.), *Metametaphysics: new essays on the foundations of ontology*, Oxford University Press, Oxford, 2009, pp. 77-129.
8. Devitt M. *Kim Sterelny. Language And Reality*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1999.
9. Devitt M. *Realism And Truth*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1984.
10. Dummett M. *Truth*. *Proceedings of the Aristotelian Society*. Vol. 59, 1959. (Reprinted in Dummett in Dummett, Michael. *Truth And Other Enigmas*. Cambridge: Harvard University Press, 1978. pp. 1-25).
11. Dummett M. *What is a theory of meaning? (II)*// in *Truth and Meaning*, G. Evans and J. McDowell. 1976 (eds.), Oxford: Clarendon Press. pp. 67-138 (Reprinted in Dummett. *The Seas of Language*, Oxford: Oxford University Press, 1993).
12. Dummett M. *Realism*// in Dummett, Michael. *Truth And Other Enigmas*. Cambridge: Harvard University Press, 1978. pp. 145-165.
13. Egidi R. *In search of a new humanism*. 1st ed. Dordrecht: Kluwer Academic, 1999.
14. Greenawalt K. *Law And Objectivity*. New York: Oxford University Press, 1992. Marmor, Andrei. *Positive Law And Objective Values*. Oxford [England]: Clarendon Press, 2001.
15. Guastini R. *Eugenio Bulygin e Tecla Mazzaresse su interpretazione e proposizioni normative*// *Diritto e questioni pubbliche*. Vol. 6, 2006. pp. 97-100.
16. Hart H. *The concept of law*. 2nd ed. Oxford: Clarendon Press. 1994.
17. Kramer M. H. *Objectivity And The Rule Of Law*. New York: Cambridge University Press, 2007.
18. Moreso J., Navarro J. E. *Pablo*. *The reception of norms, and open legal systems*// in Paulson S., Paulson B. *Normativity and norms*. 1st ed. Oxford: Clarendon Press, 1998. pp. 273- 291.
19. Neurath O. *Protokollsätze*. *Erkenntnis*. Vol. 3, 1932/33. pp. 204–214.
20. Putnam H. *Reason, Truth, And History*. Cambridge [Cambridgeshire]: Cambridge University Press, 1981.
21. Putnam H. *The Many Faces Of Realism*. La Salle, Ill.: Open Court, 1987.
22. Quine W. V. *Identity, Ostension, and Hypostasis*// in Quine, W. V. *From A Logical Point Of View*. Cambridge: Harvard University Press, 1961. pp. 65-79.
23. Quine W. V. *Word And Object*. [Cambridge]: Technology Press of the Massachusetts Institute of Technology, 1960.
24. Russell B. *The Problems Of Philosophy*. New York: Oxford University Press (1st ed. 1912), 1959.
25. Tarski A. *The Semantic Conception Of Truth And The Foundations Of Semantics*. *Philosophy and Phenomenological Research*. Vol. 4.3, 1944.
26. Searle, John R. *Minds, Brains, And Science*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1984.
27. Wright C. *Realism, Meaning, And Truth*. Oxford, UK: B. Blackwell, 1987.
28. Wright C. *Truth And Objectivity*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1992.
29. Wright G. H. von. *Is There A Logic Of Norms?*. *Ratio Juris*. Vol. 4.3. 1991, pp. 265-283.
30. Wright G. H. von. *Norm and action*. 1st ed. London: Routledge and Kegan Paul, 1963.

ЛУКОВСКАЯ Дженевра Игоревна

доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета

ШЕВЕЛЕВА Наталья Александровна

доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой государственного и административного права Санкт-Петербургского государственного университета

ИЛЬИН Андрей Витальевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета

ВОЛКОВА Светлана Васильевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета

ВАСИЛЬЕВ Илья Александрович

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета

МИХАИЛ СПЕРАНСКИЙ ОБ ОСНОВНЫХ ПРИНЦИПАХ РЕОРГАНИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Статья посвящена проекту государственной реформы, разработанному в 1809 г. премьер-министром Михаилом Сперанским. Замысел реформы базировался на своеобразном разделении властей, подконтрольных императору. Проект государственной реформы 1809 г. адаптировал и развивал идеи бонапартистского конституционализма, но он значительно опередил свое время. Отдельные элементы проекта используются в реформах государственного строя государств Евразии.

Ключевые слова: реформы М. М. Сперанского, разделение властей, реорганизация государственного управления.

LUKOVSKAIA Dzhenevra Igorevna

Ph.D. in Law, professor, Head of Theory and History of Law sub-faculty of the Saint Petersburg State University

SHEVELEVA Natalya Alexandrovna

Ph.D. in Law, professor, Head of State and Administrative Law sub-faculty of the Saint Petersburg State University

ILYIN Andrey Vitaljevich

Ph.D. in Law, associate professor of Theory and History of Law sub-faculty of the Saint Petersburg State University

VOLKOVA Svetlana Vasiljevna

Ph.D. in Law, associate professor of Theory and History of Law sub-faculty of the Saint Petersburg State University

VASILJEV Ilya Alexandrovich

Ph.D. in Law, associate professor of Theory and History of Law sub-faculty of the Saint Petersburg State University

MIKHAIL SPERANSKIY ON THE FUNDAMENTAL PRINCIPLES OF SUPREME STATE ADMINISTRATION REORGANIZATION

The paper addresses Prime Minister Mikhail Speranskiy's 1809 constitutional reform project. The reform concept was based on distinctive separation of state powers controlled by the emperor. The 1809 constitutional reform project adapted and developed ideas of Bonapartist constitutionalism, but significantly preceded its time. Constitutional reforms in Eurasia up to nowadays utilized various project components.

Keywords: Mikhail Speranskiy's reforms, separation of state powers, constitutional reforms.

Луковская Д. И.

Шевелева Н. А.

Ильин А. В.

Волкова С. В.

Васильев И. А.

Наследие Михаила Михайловича Сперанского (1772–1839), одного из крупнейших государственных деятелей и политических реформаторов России, включает подготовленный им в 1809 г. всеобъемлющий план преобразования государственного строя Российской империи. Идейной основой задуманных реформ было прежде всего убеждение в необходимости эволюционного пути модернизации российской экономики, финансов, государственных учреждений.

М. М. Сперанский предостерегал против «жестоких политических превращений», сопровождавших в разные времена принятие конституций европейских государств. Российская конституция, утверждал он, обязана будет своим существованием «не воспалению страстей и крайности обстоятельств, но благодетельному вдохновению верховной власти, которая, устроив политическое бытие своего народа, может и имеет все способы дать ему самые правильные формы»¹.

В своей философии и методологии реформ М. М. Сперанский ориентировался на европейские конституционные принципы (прежде всего французские и английские конституционные модели), созвучные «новому духу времени». Однако он учитывал при этом и условия народной жизни, состояние российского общественного сознания, практические нужды и реальные возможности проведения реформ в России. Свои надежды он связывал с реформированием «сверху», придавая особое значение преобразовательной роли законодательства, принципу верховенства законов, жалованных «разумом власти». Разделяя общепросветительскую идею всемогущества законодателя, Сперанский вместе с тем отдавал себе отчет в том, что законы останутся «мертвыми» без их надлежащего исполнения².

Как государственный деятель, которому изнутри были известны архаичность и неэффективность российского государственного устройства, многочисленные факты бюрократического произвола в стране, Сперанский понимал, что предстоит основательная перестройка «бесформенного здания государственного управления». А для успеха этого начинания нужны люди, способные воспринять новые идеи. В их числе и чиновники, без непосредственного участия которых реформы не могут быть осуществлены. И Сперанский выступал за кардинальное обновление системы чиновничества, предполагающее получение чинов только лицами, получившими университетское образование. Не остаются без его внимания и «народное мнение», уважение народа к власти, заметно пошатнувшееся, как отмечает он, в настоящее время³. Важнейшие условия успешного проведения реформ он усматривал в публичности актов государственного управления, общественной самодеятельности в делах государства (недаром в бытность генерал-губернатором Сибири он первым из российских государственных деятелей провозгласил политику «гласности»).

Отвергая революционно-насильственные перемены в стране, М. М. Сперанский в то же время считал, что эволюционные изменения «через правильные законы» не должны сводиться к частичным исправлениям⁴. Для вхождения в клуб европейских держав России предстояло пройти путь серьезных реформ. Только представляя обновленную форму государства, Российская империя могла бы рассчитывать на полноценное сотрудничество с государствами Европы. Ис-

пользование политических и правовых рычагов для обеспечения взаимной выгоды участвующих в интеграции стран представляется правильным путём и сегодня⁵. Сперанский осознавал, что предстояли не поверхностные, не отдельные, а коренные преобразования, охватывающие все части управления, законодательства и суда. Требовалось преобразовать весь государственный аппарат, весь государственный строй Российской империи во всей его целостности. Осуществить это Сперанский предлагал в такой последовательности: начать с создания Государственного Совета, затем реорганизовать министерства и Сенат, а затем создать систему представительных органов во главе с Государственной Думой.

Идея разделения властей была воспринята Александром I и Михаилом Сперанским от французского мыслителя Шарля-Луи де Монтескье. Однако «План государственного преобразования» предлагает оригинальный, российский вариант разделения властей через разделение функций высших органов власти — Государственной Думы, Сената, Кабинета министров. Нельзя основать правление на законе, писал Сперанский, если одна державная власть будет и составлять закон, и исполнять его. Поэтому следовало, по его мнению, прежде всего отделить друг от друга законодательную, исполнительную и судебную части, сосредоточив их в разных независимых друг от друга государственных органах. Во «Введении к Уложению государственных законов» говорилось: «1) Законодательное сословие должно быть устроено, чтоб оно не могло совершать своих положений без державной власти, но чтоб мнения его были свободны и выражали бы собой мнение народное. 2) Сословие судебное должно быть так образовано, чтоб в бытии своем оно зависело от свободного выбора и один только надзор форм судебных и охранение общей безопасности принадлежало правительству. 3) Власть исполнительная должна быть вся исключительно вручена правительству; но поелику власть сия распоряжениями своими под видом исполнения законов не только могла бы обезобразить их, но и совсем уничтожить, то и должно ее поставить в соответственность власти законодательной»⁶.

М. М. Сперанский, размышляя о различной природе законодательной и «державной» власти, предлагал организовать законодательную власть таким образом, чтобы она, используя представительный принцип, могла выражать волю народа; исполнительная власть должна быть вручена правительству и поставлена под контроль законодательной, а судебная — выборному суду присяжных. Державная (исполнительная) власть вручается монарху и включает ряд прерогатив. Так, законодательная власть при всей дозволенной ей свободе «не может совершать своих положений без державной», т. е. каждый законопроект должен быть утвержден монархом. Монарх возглавляет исполнительную власть и является к тому же «верховным охранителем правосудия». Власть монарха имеет наследственный характер и «принадлежит единственно детям законным»⁷.

Непременным условием Сперанский считал разграничение компетенции законодательной и исполнительной власти; он жестко разграничивает законы и «учреждения» (регламенты), сфера действия которых должна распростра-

1 Сперанский М. М. План государственного преобразования графа М.М. Сперанского (Введение к Уложению государственных законов 1809 г.). — М., 1905. — С. 15.
2 Катетов, И. В. Граф М.М. Сперанский как религиозный мыслитель. — Казань, 1889. — С. 237.
3 Томсинов В. А. Сперанский. — М., 2006. — С. 155-156.
4 Ильин А. В. Юридическая техника реформаторского законопроекта в России XIX в.: основные подходы к исследованию // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14. Право. 2015. № 2. — С. 8-10.

5 Фархутдинов И. З. Г. М. Вельяминов: о времени и о себе интервью с доктором юридических наук, профессором, главным научным сотрудником Института государства и права РАН Вельяминовым Георгием Михайловичем // Евразийский юридический журнал. — 2015. — № 4 (83). — С. 10.
6 Сперанский, М.М. План государственного преобразования графа М.М. Сперанского (Введение к Уложению государственных законов 1809 г.). — М., 1905. — С. 33.
7 Чибиряев С. А. Великий русский реформатор: Жизнь, деятельность, политические взгляды М. М. Сперанского. — М., 1989. — С. 50.

няться на «действия и происшествия, непрестанной перемене подлежащие»⁸.

Реформирование должно было коснуться не только высшего управления, но и местной власти. Верховная власть Российской империи создавала законы, но их применение зависело от толкования губернаторами и иными должностными лицами на местах, создавая многочисленные региональные разночтения и отсутствие единообразной государственной политики⁹. «План государственного преобразования» предполагал создание выборных органов в губерниях, округах и волостях Российской империи, что стало бы залогом надежного укоренения и упрочения новых порядков и кроме всего прочего рационализировало бы управление с экономической точки зрения¹⁰.

Таким образом, в руках императора сосредоточены полномочия верховного законодателя, верховного администратора и верховного охранителя правосудия. Следовательно, монарх оставался интегрирующим началом устройства Российского государства и общества, держащим в своих руках все нити управления.

Проект государственной реформы 1809 г. адаптировал и развивал идеи бонапартистского конституционализма, но он значительно опередил свое время и не был реализован в полном объеме. Парадокс заключался в том, что для либерализации государственного управления, расширения его социальной базы и повышения эффективности экономики требовалась твердость и непреклонность абсолютного властителя — самодержавного императора России. В значительной и даже определяющей части это было связано с тем, что российское общество было в целом еще не готово к восприятию такого коренного преобразования.

На судьбах преобразования фатально сказалось и изменение в настроениях самодержавного монарха. В результате от грандиозного замысла сохранился в искаженном виде только коренным образом реорганизованный законосовещательный и распорядительный орган при монархе — Государственный Совет, а также оживилась связанная с его функционированием деятельность министерств и подчиненных им ведомств. Де-юре Государственный Совет создавался как орган мониторинга применения законов и пределов их толкования. Однако фактическая реализация комплекса Манифестов о реформировании высшего государственного управления имело совершенно иные последствия. По меткому замечанию дореволюционного историка Н.Ф. Дубровина: «...Совет был ничто иное как сам Сперанский...»¹¹. Это емко характеризуют непропорционально завышенное влияние и поэтому обречённость первоначальной концепции Государственного Совета: с падением М.М. Сперанского роль и значение этого краеугольного камня реформы 1809–1812 гг. незамедлительно превратили его в бюрократический аналог французского Conseil d'État. Ни заметного финансово-экономического выигрыша, ни продвижения к конституционному строю частичная реализация «Плана государственного преобразования» 1809 г. не повлекла. Тем не менее, проработанный и оригинальный подход к формулированию идеи правового государства М.М. Сперанского воплотился в практические результаты уже в Российской империи периода

конституционной монархии¹². Различные элементы проекта, использованные в реформах государственного строя Российской империи, а также при формулировании статуса правового государства¹³ Российской Федерации и других государств Евразии — это отголосок великого замысла Сперанского.

Пристатейный библиографический список

1. Васильев И. А. Православное духовенство во II Государственной Думе Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14. Право. — 2012. — № 4. — С. 3-8.
2. Васильев И. А., Арчegov С. Б. Корпоративное начало в структуре законодательного органа (на примере парламента Дореволюционной России) // Евразийский юридический журнал. — 2016. — № 2 (93). — С. 165-166.
3. Ильин А. В. Юридическая техника реформаторского законопроекта в России XIX в.: основные подходы к исследованию // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14. Право. — 2015. — № 2. — С. 5-12.
4. Ильин А. В. Евразийская полуфедерация: к вопросу о территориально-политическом устройстве России // Евразийский юридический журнал. — 2016. — № 2 (93). — С. 16-19.
5. Катетов И. В. Граф М. М. Сперанский как религиозный мыслитель. — Казань, 1889.
6. Манифест об образовании Государственного Совета от 1 января 1810 г. // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. XXXI. 1810–1811. № 24 064. — СПб., 1830.
7. Русская Старина. Ежемесячное историческое издание. Т. 108. — 1901.
8. Сперанский М. М. План государственного преобразования графа М.М. Сперанского (Введение к Уложению государственных законов 1809 г.). — М., 1905.
9. Томсинов В. А. Сперанский. — М., 2006.
10. Чибиряев С. А. Великий русский реформатор: Жизнь, деятельность, политические взгляды М. М. Сперанского. — М.: Наука, 1989.
11. Фархутдинов И. З., Галеев Ф. Х. Об идее правового государства для России и не только для нее. Рецензия на книгу Раянова Ф. М.: правовое государство в современном мире. Германия, 2012 // Евразийский юридический журнал. — 2013. — № 1 (56). — С. 148-149.
12. Фархутдинов И. З. Г. М. Вельяминов: о времени и о себе интервью с доктором юридических наук, профессором, главным научным сотрудником Института государства и права РАН Вельяминовым Георгием Михайловичем // Евразийский юридический журнал. — 2015. — № 4 (83). — С. 8-11.
- 8 Сперанский М. М. План государственного преобразования графа М. М. Сперанского (Введение к Уложению государственных законов 1809 г.). — М., 1905. — С. 45–47.
- 9 Манифест об образовании Государственного Совета от 1 января 1810 г. // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. XXXI. 1810–1811. № 24 064. — СПб., 1830.
- 10 См.: Ильин А. В. Евразийская полуфедерация: к вопросу о территориально-политическом устройстве России // Евразийский юридический журнал. — 2016. — № 2 (93). — С. 18.
- 11 Русская Старина. Ежемесячное историческое издание. Т. 108. — 1901. — С. 31.
- 12 Васильев И. А. Православное духовенство во II Государственной Думе Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14. Право. — 2012. — № 4. — С. 3-8; Васильев И. А., Арчegov С. Б. Корпоративное начало в структуре законодательного органа (на примере парламента Дореволюционной России) // Евразийский юридический журнал. — 2016. — № 2 (93). — С. 165-166.
- 13 Фархутдинов И. З., Галеев Ф. Х. Об идее правового государства для России и не только для нее. Рецензия на книгу Раянова Ф. М.: правовое государство в современном мире. Германия, 2012 // Евразийский юридический журнал. — 2013. — № 1 (56). — С. 148-149.

МАНСУРОВ Шамсутдин Мансурович

кандидат исторических наук, доцент кафедры Всеобщей истории Дагестанского государственного педагогического университета

САИДОВА Марина Загидовна

кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой Всеобщей истории Дагестанского государственного педагогического университета

ФРАНКО-ИРАНСКИЙ СОЮЗ В СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПЛАНАХ НАПОЛЕОНА

В данной статье предпринята попытка проследить вектор восточной политики Франции на рубеже XVIII - XIX веков, направленный против России. В борьбе за мировое господство Франции было необходимо или привлечь Россию на свою сторону, или, и лучше всего, было бы добиться полного ее разгрома. Однако одной Франции справиться с Россией было не по силам. Поэтому наполеоновская дипломатия стремилась сколотить антироссийскую коалицию государств на южных границах Российской империи. Попытки создания коалиции в составе Ирана, Турции, Франции были вполне реальны и представляли серьезную угрозу для России, о чем свидетельствуют многочисленные документы.

Ключевые слова: Наполеон, Франция, Иран, Россия, дипломатия, переговоры, антироссийская политика.

MANSUROV Shamsutdin Mansurovich

Ph.D. in historical sciences, associate professor of General History sub-faculty of the Dagestan State Pedagogical University

SAIDOVA Marina Zagidovna

Ph.D. in historical sciences, associate professor of General History sub-faculty of the Dagestan State Pedagogical University

FRANCO-IRANIAN ALLIANCE THE STRATEGIC PLANS OF NAPOLEON

This article attempts to trace vector eastern policy of France at the turn of XVIII- XIX centuries, directed against Russia. In the struggle for world domination of France it was necessary to involve Russia or on its side, or, and best of all, it would achieve its complete defeat. However, a deal with Russia in France was not able to do. Therefore Napoleonic diplomacy sought to put together a coalition of anti-Russian states on the southern borders of the Russian Empire. Attempts to create a coalition of Iran, Turkey, France, were very real and a serious threat to Russia, as evidenced by numerous documents.

Keywords: Napoleon, France, Iran, Russia, diplomacy, negotiations, anti-Russian policy.

Программа создания южного театра военных действий против России была сформулирована Наполеоном в секретной инструкции французскому послу в Турции. В этом документе, определившем восточную политику Франции, говорилось: «Внушать Порте, что Франция хочет ее усиления. Тройной союз, Я, Порта и Персия против России. Пусть союз с Портой станет известным России, Англии, всей Европе. Подчеркивать неприязнь к России; никаких личных контактов с ее посольством. Я не хочу раздела Турецкой империи, хочу укрепить и усилить эту важную империю и использовать ее такой, какой она есть как противовес России»¹.

Одновременно, согласно сведениям английской разведки, Франция в 1802 г. предложила Ирану совместные действия французской и иранской армий против русских на Кавказе, с тем чтобы все территориальные приобретения были поделены между договаривающимися сторонами: в предложениях этих предусматривалось также усиление позиции Франции на Кавказе. Между тем о достоверности этих сведений свидетельствуют сопутствующие события. Во-первых, активные действия Ирана по отношению к Северо-Восточному Кавказу. Во-вторых, после убийства Павла I русско-французским отношениям пришел конец. Александр I отказался от сближения с Францией. В 1802 г. по сведениям, полученным дипломатической почтой, Наполеон проявил большой интерес к положению в Иране и на Кавказе.

Кроме того, русскому послу Наполеон пригрозил вмешаться в дела Кавказа в случае дальнейших попыток России связать ему руки на Западе².

Однако, как свидетельствуют официальные материалы, Наполеон не только пригрозил вмешаться в дела Кавказа, но и активно вмешивался. В тамошнюю крепость Кизляр пришло уведомление из Санкт-Петербурга, во что бы то ни стало задержать и арестовать «французского шпиона Гильома де Раберека, агента Бонапарта. Онный, по сведениям чинов тайной канцелярии, направляется на Кавказ и в Дагестан, чтобы вести переговоры с бунтовщиками из числа шейхов и местных владельцев»³.

После англо-иранского договора 1801 года Иран получил предложение Франции о совместных действиях против России. Лавируя между Англией и Францией, Иран подстрекал их активизировать антироссийские происки. С этой целью иранское правительство сделало все, чтобы об этих предложениях Франции стало известно англичанам. Этим они хотели показать англичанам, что их соперники готовы в случае надобности оказать им активную помощь против русских, вплоть до присылки французских войск. Таким образом, Англия и Франция спровоцировали Иран начать военные действия против России. После чего в Стамбул была послана специальная делегация для переговоров о турецко-иранском союзе против России⁴.

Между тем, разочаровавшийся пассивностью английской политики, которая не оправдывала надежды Ирана, и, получив сведения об успехах Наполеона в европейских делах, иранский шах в письме Наполеону сам предложил заключить военно-политический союз с Ираном. В ответном письме от 16 февраля 1805 г. император выражал радость по поводу

1 Сироткин В. Г. Дуэль двух дипломатий. М., 1966. С. 56.

2 Иоаннисян А. Р. Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия. Ереван, 1958. С. 64.

3 Джафаров И. Европейцы в Дагестане, или Как рождались легенды // Ахульго, 2013. № 2. С. 42.

4 АКАК (Акты, собранные Кавказской археографической комиссией). Т. II. Тифлис, 1868. С. 803-805.

того, что шах получил о нем сведения и узнал, как он возвысил Францию над всеми народами... далее он рекомендовал шаху не следовать советам англичан и бороться против России⁵.

В апреле 1805 г., в очередном письме шаху Наполеон писал об общих интересах Персии и Франции и рекомендовал опасаться русских и англичан. В заключительной части Наполеон указал основные направления антироссийской деятельности. В частности, он писал «когда твои границы будут защищены многочисленными крепостями, а на Каспийском море будут развеваться флаги персидской флотилии, ты будешь иметь «неприступную империю и непобедимых подданных»⁶.

Кроме того, Наполеон в своих письмах также провоцировал Турцию и Иран к совместному выступлению против России. В очередном личном письме для Селима Наполеон призывал его оказать помощь Ирану перед угрозой со стороны России. Кроме письменных призывов и рекомендаций у Наполеона на Кавказе работали многочисленные тайные агенты, которые практически на всем Кавказе проводили активную антироссийскую провокационную работу.

В мае 1807 Иран заключил с Францией Финкенштейнский договор и как свидетельствуют многочисленные документы, главным образом он был направлен против России, о чем наглядно свидетельствует письмо Наполеона Талейрану, в котором предлагалось сообщить иранскому послу, что кроме оружия он сможет отправить в Иран военный отряд в 1500 человек и организовать «громкую диверсию против России», эти французские войска станут ядром корпуса, который нанесет поражение русским⁷.

В письменной инструкции, данной посольству Гардона, указывалось не только изучить возможность экспедиции в Индию, но и стремиться разжечь войну Ирана против России. Он должен был «поддерживать неприязнь персов против России», побуждать их «к новым усилиям» и всячески содействовать их военным операциям. Необходимо добиться, чтобы персы отгнали русских за Кавказский хребет. «Судя по свите французского генерала Гардона, – писал главнокомандующий на Кавказе Гудович, – состоящей большей частью из инженерных офицеров, можно полагать, что они будут обучать персов военному искусству»⁸.

В июле 1807 г. был заключен Тильзитский мирный договор между Россией и Францией. Однако после этого Наполеон не требовал даже прекращения военных действий Ирана против России. По этому поводу Наполеон писал, что вынужден был пожертвовать турецко-персидской дружбой, выгодной ему в Азии, русским союзом, который был необходим ему в Европе⁹.

Французская дипломатия убедила шаха, что император Франции непобедим. Захват России Францией дело времени. Шах должен продолжить войну.

В результате чего в стратегических планах иранской внешней политики происходят коренные изменения. Шах по мере изучения стратегических планов Наполеона, вплоть до мирового господства, явно пересматривает свои задачи по отношению к России. Раньше Иран требовал от России очистить Кавказ от своих войск. Шах решил, используя военные успехи Наполеона, расширить свои стратегические планы по отношению к России. Впервые идеи были отражены в инструкции иранского посла Мирза-Ризы, где он, отвечая на вопросы Наполеона о военных успехах против России, должен был информировать о намерении шаха послать армию в Астрахань и Кизляр, дабы завершить уничтожение России. Поскольку Россия является в одинаковой мере врагом Персии и Франции, разрушить эту страну является долгом этих двух государств: если Франция и Иран бу-

дут действовать совместно, то русские силы будут уничтожены, власть и господство будут принадлежать Франции и Ирану.

В этих словах заложена основная задача антироссийской коалиции. Шах окончательно сформулировал свои идеи во время личных бесед с секретарем стамбульского посольства племянником Талейрана Ла-Бланш и высказал в осторожной форме, что лучше поделить Россию между Францией, Турцией и Персией¹⁰.

В 1807 г. между Россией и Ираном начались переговоры о перемирии. Однако французское руководство уверяло шаха в том, что французы вынудят русских отказаться от всех приобретенных ими до этого территорий до Кизляра. По этому поводу военное командование на Кавказе сообщает, что французы срывали российско-иранские переговоры. Шах отказался подписать перемирие и предложил мирный договор на условиях присоединения к Ирану всех земель до Кизляра¹¹.

Воодушевленный поддержкой французов Иран начал требовать от России установления старых границ, включая Кизляр, весь Дагестан и другие области Северного Кавказа до Моздока¹².

Осенью 1808 г. возобновились военные действия, успехи российских войск вызвали панику в правящих кругах Ирана. Французы всячески толкали шаха на продолжение войны. Заверяя шаха, что Франция выручит Иран, что Наполеон, как только узнает о поведении России, обрушится на врагов и уничтожит их. Чтобы спасти положение, Гардон написал резкое письмо Гудовичу, где официально заявлял, что поскольку Иран является союзником французского императора, то военные действия русских войск будут рассматриваться как провокация против Франции. Далее он требовал, чтобы русские войска прекратили военные действия и удалились. Гудович отверг эти требования и добавил, что он ожидал от французского посольства, как посольства дружественной державы, содействия в пользу России¹³.

Анализ исследуемого материала позволяет сделать вывод о том, что попытки создания антироссийской коалиции достаточно долго были в центре большой политики начала XIX века. Очередная попытка Наполеона восстановить франко-иранский союз была предпринята после его вступления в Москву. Наполеон прислал в Иран предложение, что он покориет Россию. Иранское правительство должно было выслать английское посольство, а на его место принять французское. Наполеон со своей стороны вновь обещал передать Ирану Кавказ¹⁴.

Однако, проанализировав ситуацию, иранское руководство не пошло по этому рискованному пути, считая, что Наполеон не в состоянии сделать больше, чем англичане. Он преследует свои личные интересы. И здесь интересам Ирана нет места.

Пристатейный библиографический список

1. Джафаров И. Европейцы в Дагестане, или Как рождались легенды // Ахульго, 2013. № 2.
2. Джахияев Г. А. Россия и Дагестан в начале XIX века. Махачкала, 1985. 127 с.
3. Иоаннисян А. Р. Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия. Ереван, 1958. 446 с.
4. Сироткин В. Г. Дуэль двух дипломатий. М., 1966. 208 с.
5. АКАК (Акты, собранные Кавказской археографической комиссией). Т. II. Тифлис, 1868. 1238 с.
6. АКАК (Акты, собранные Кавказской археографической комиссией). Т. III. Тифлис, 1869. 767 с.
7. АКАК (Акты, собранные Кавказской археографической комиссией). Т. V. Тифлис, 1873. 1187 с.

5 Иоаннисян А. Р. Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия. С. 90.

6 Там же. С. 93.

7 Там же. С. 149.

8 АКАК (Акты, собранные Кавказской археографической комиссией). Т. III. Тифлис, 1869. С. 414.

9 Джахияев Г. А. Россия и Дагестан в начале XIX века. Махачкала, 1985. С. 41.

10 АКАК (Акты, собранные Кавказской археографической комиссией). Т. III. С. 424-425.

11 Там же. С. 442, 478.

12 Там же. С. 462, 482, 483.

13 Там же. С. 499-500.

14 АКАК (Акты, собранные Кавказской археографической комиссией). Т. V. Тифлис, 1870. С. 798.

САИДОВА Марина Загидовна

кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой Всеобщей истории Дагестанского государственного педагогического университета

ИЗ ИСТОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОСТОЯННЫХ КОМИССИЙ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ ДАГЕСТАНА В 50-70 ГОДЫ XX ВЕКА

В статье предпринята попытка обратиться к опыту создания и работы постоянных комиссий местных органов власти Дагестана в период II половины (50-70-е годы) XX века, когда наблюдалась не просто активизация их деятельности, но был выработан свой стиль и направления работы. В данный хронологический период, известный как «хрущевская оттепель», местным органам государственной власти принадлежала большая роль в обеспечении в соответствии с государственным планом развития народного хозяйства ДАССР роста местной промышленности, сельского хозяйства, торговли, коммунального хозяйства, жилищного строительства, народного образования, культурно-просветительной работы, здравоохранения, социального обеспечения. Постоянные комиссии, как массовые органы, одновременно выступали и как органы власти, и как органы управления, решая огромный комплекс вопросов, и, накопив большой положительный опыт, который мог бы быть взят на вооружение современными политиками.

Ключевые слова: постоянные комиссии, местные органы власти, Советы, депутаты, активисты.

SAIDOVA Marina Zagidovna

Ph.D. in historical sciences, associate professor of General History sub-faculty of the Dagestan State Pedagogical University

FROM THE HISTORY OF THE ACTIVITIES OF THE PERMANENT COMMISSIONS OF THE GOVERNMENT DAGESTAN IN 50-70 YEARS OF XX CENTURY

The article attempts to draw on the experience of creation and the work of the standing committees of local authorities of Dagestan during the II half (50-70-ies) of XX century, when there was not just enhance them, but it was developed his own style and direction. In the chronological period, known as the "Khrushchev thaw", the local government authorities owned a large role in ensuring, in accordance with the state plan of economic development DASSR growth of the local industry, agriculture, commerce, utilities, housing, education, cultural prosvetitelnoy work, health, social security. The standing committees, as the mass organs, at the same time acted as a government, and as a government, solving large complex problems, and accumulated a lot of positive experiences that could be replicated by modern politicians.

Keywords: standing committees, local authorities, Councils, MPs, activists.

Саидова М. З.

Необходимость создания постоянных комиссий была обоснована на 1-й сессии Верховного Совета ДАССР 1-го созыва 27 июля 1938 года, когда было образовано 3 постоянные комиссии (мандатная, бюджетная и законодательных предположений) в составе 15 депутатов из 113 депутатов Верховного Совета ДАССР. В 1947 году Верховный Совет ДАССР 2-го созыва также образовал 3 постоянные комиссии в составе 21 депутата из 128 депутатов Верховного Совета¹.

До 1956 г. вся деятельность постоянных комиссий Верховного Совета ДАССР сводилась лишь к предварительному рассмотрению отчетов об исполнении государственного бюджета и подготовке соответствующих содокладов к сессиям, после 1956 г. круг их обязанностей значительно расширился. Они стали участвовать в разработке законопроектов и других предложений для рассмотрения Верховным Советом республики, осуществляли контроль за деятельностью министерств и ведомств, предприятий, учреждений по выполнению постановлений Верховного Совета и Президиума, готовили материалы к сессиям.

После XX съезда КПСС, в декабре 1956 года на 4-й сессии Верховного Совета ДАССР 4-го созыва, были дополнительно образованы 4 отраслевые постоянные комиссии: по промышленности, народному образованию и культуре, здравоохранению и социальному обеспечению, сельскому хозяйству. В 7 постоянных комиссиях работало 68 из 137 депутатов Верховного Совета ДАССР².

Образование новых постоянных комиссий и расширение их состава свидетельствовало о повышении их роли в деятельности высшего органа государственной власти республики и способствовало активности депутатов в рассмотрении важнейших вопросов.

На 1-й сессии Верховного Совета 6-го созыва в 1963 году было образовано уже 9 постоянных комиссий (в том числе по торговле и общественному питанию, а также по вопросам коммунального хозяйства и бытового обслуживания населения), в составе 111 депутатов из 173 депутатов Верховного Совета³.

В декабре 1968 года 5 сессия Верховного Совета ДАССР образовала еще одну постоянную комиссию — по делам молодежи, в составе 14 депутатов⁴.

Аналогичные постоянные комиссии также были созданы при городских, районных, сельских органах государственной власти. Так, в 1957 г. число постоянных комиссий на местах составляло 2365, в которых работало — 8524 депутата, к 1969 году число постоянных комиссий возросло до 3997, а количество депутатов, работающих в них до 15140 человек⁵.

За этими цифрами стояла живая работа по решению насущных проблем горной республики. Следует подчеркнуть одну важ-

на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Специальность 07.00.02. — Отечественная история. С. 44.

3 ЦГА РД. Ф-р 352. Оп.29. Д.18. Л.12.

4 Там же.

5 Саидова М. З. Организационно-массовая и хозяйственно-культурная деятельность Советов Дагестана (1956-1970 гг.). \\\ Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Специальность 07.00.02. — Отечественная история. С. 45.

1 Шамхалов Ш. М. Самые представительные, постоянно работающие. Махачкала, 1971. С. 25.

2 Саидова М. З. Организационно-массовая и хозяйственно-культурная деятельность Советов Дагестана (1956-1970 гг.). \\\ Диссертация

ную черту в работе комиссий того периода — последовательность, настойчивое стремление довести начатое дело до конца.

Например, постоянная комиссия по народному образованию и культуре Верховного Совета ДАССР, учитывая наличие больших недостатков в организации строительства школьных зданий, взяла под свой контроль этот вопрос. На первом же заседании 29 мая 1967 года комиссия рассмотрела ход выполнения социалистических обязательств по школьному строительству в республике и, признав его неудовлетворительным, рекомендовала Министерству просвещения ДАССР и строительным организациям ускорить темпы строительства школьных зданий.

В марте 1968 года постоянная комиссия при обсуждении вопроса «О ходе выполнения Закона о всеобуче в республике» отметила, что слабая материально-техническая база школ затрудняет успешное выполнение Закона о всеобуче. Учитывая тот факт, что многим исполкомам районных и городских Советов в их работе по выполнению Закона о всеобуче характерны отмеченные выше недостатки, комиссия сочла необходимым внести данный вопрос на рассмотрение Совета Министров ДАССР.

Комиссия не ограничилась передачей этого вопроса на обсуждение Совета Министров ДАССР. Она решила конкретно, в одном районе и городе, изучить ход строительства школьных зданий и оказать в этом деле практическую помощь. Так, подготовительная группа (ее возглавила член постоянной комиссии Ш. С. Камилова) в составе представителя Министерства просвещения и актива комиссии изучила состояние капитального и инициативного строительства школьных зданий в городе Буйнакске и Буйнакском районе. Получив материал подготовительной группы, комиссия решила выехать на место и там после детального ознакомления с положением дел обсудить этот вопрос.

По обсужденному вопросу постоянная комиссия приняла постановление, в котором были указаны конкретные предложения и рекомендации, направленные на ликвидацию имеющихся недостатков⁶.

Выполнение этого постановления комиссия держала под контролем на всем протяжении своей деятельности. Этот контроль осуществлялся путем получения информации о выполнении постановления, обсуждения на последующих заседаниях в той или иной форме тех же вопросов, а также дополнительной проверки положения дел на местах. Такая постановка работы позволила комиссии постоянно быть в курсе дел, своевременно реагировать на недостатки и упущения в работе, принимать соответствующие меры по их устранению.

Подобный стиль работы был характерен многим постоянным комиссиям республики. В начале 1970 г. постоянная комиссия по промышленности, строительству, транспорту и связи, в процессе проверки хода выполнения постановления Президиума Верховного Совета ДАССР «О состоянии обслуживания населения пассажирским транспортом», привлекла к проверке работников ГАИ всех городов республики, ряд специалистов автотранспортных предприятий и широкий местный актив, в результате чего, комиссия смогла ознакомиться с состоянием работы пассажирского автотранспорта в 8 городах и ряде районов и разработать конкретные предложения, направленные на ликвидацию выявленных недостатков.

Большой интерес представляла практика проведения постоянными комиссиями по коммунальному хозяйству и бытовому обслуживанию и по народному образованию и культуре Верховного Совета ДАССР выездных заседаний в отдельных городах и районах республики.

Выездные заседания позволяли комиссиям на месте проведенной проверки, по горячим следам, не только обсудить с представителями общественности, местными работниками, специалистами результаты проверки, но и разработать с их помощью и при их непосредственном участии практические рекомендации и предложения, что способствовало быстрейшему устранению отмеченных комиссиями недостатков.

Расширилось участие постоянных комиссий в обсуждении вопросов на сессиях Советов. Деятельность комиссий помогала представительным органам лучше разобраться в положении дел, глубже проанализировать результаты и методы работы исполнительных органов, а это в свою очередь

позволяло местным органам власти правильно определить пути дальнейшего развития хозяйства и культуры, основные направления деятельности административного аппарата.

Инициатива комиссий в подготовке и разработке вопросов, обсуждаемых на сессиях, повышала их ответственность за положение дел в различных отраслях государственного управления.

Огромный опыт работы накопили и постоянные комиссии местных органов власти. Так, по инициативе постоянной комиссии по сельскому хозяйству Кулинского сельсовета Лакского района для полива садов был построен в 1960 году канал протяженностью 2 км, в местности Вицхи уравниена площадь в 17 га, и посажен фруктовый сад⁷.

Постоянная комиссия Каспийского городского совета по благоустройству на протяжении 60-х годов XX века, постоянно организовывала городские воскресники, в которых участвовало все население города. Были посажены сотни тысяч декоративных и фруктовых деревьев, благодаря чему, на одного жителя Каспия приходилось 9 кв.м. зеленых насаждений. Только в 1967-68 гг. было построено и отремонтировано 83 тыс. кв. м. городских дорог с асфальтовым покрытием, построено 31 тыс. и отремонтировано 78 тыс. кв.м. дорог с гравийным покрытием⁸.

Благодаря усилиям дорожно-строительной комиссии Гергебильского сельского Совета (председатель Г. Вахидов) в 1969 г. была построена новая дорога от Гергебиля до селения Аймаки и от Гергебиля до ветлечебницы, отремонтирован каменноарочный мост⁹.

Огромное количество примеров положительной работы свидетельствуют, что постоянные комиссии являлись не только основной формой депутатской деятельности, но и центром привлечения к работе органов власти широкого актива. Постоянные комиссии выгодно отличались в этом отношении от некоторых других форм привлечения граждан к управлению делами общества тем, что они были построены по отраслевому принципу.

Участвуя в работе постоянных комиссий, депутаты и активисты привлекались к обсуждению и практическому решению важнейших вопросов, к проверке исполнения принятых решений, к претворению в жизнь наказов и предложений избирателей.

Однако плодотворной работе постоянных комиссий мешало отсутствие у них властных полномочий. «Постоянные комиссии не имеют директивных и распорядительных прав, не имеют прав юридического лица» — так было сказано в Положении о постоянных комиссиях. Рекомендации постоянных комиссий не являлись юридически обязательными для тех, кому они адресовались. Это был большой, ограничивающий возможности комиссий фактор.

Тем не менее, анализ положительного опыта, методов и стилей работы постоянных комиссий 50-70 годов XX века заслуживает внимания не только исследователей, но и практиков. Постоянные комиссии стали настоящей школой жизни для многих депутатов и активистов. Огромный объем работы, который приходилось выполнять местным органам власти, конечно, было не осилить одним депутатам. И тут на помощь приходил актив, объединенный в общественные самостоятельные организации, которые работали в тесном контакте с соответствующими комиссиями.

Тесное сочетание представительной и непосредственной демократии, четкая последовательность в работе, это те моменты, которые при реформировании системы государственного управления следовало взять на вооружение, а не отбрасывать вместе с недостатками все то положительное, что было накоплено десятилетиями.

Пристатейный библиографический список

1. Саидова М. З. Организационно-массовая и хозяйственно-культурная деятельность Советов Дагестана (1956-1970 гг.). \ \ Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Специальность 07.00.02. – Отечественная история. Махачкала, 1992.
2. Шамхалов Ш. М. Самые представительные, постоянно работающие. Махачкала, 1971.
3. ЦГА РД. Ф-р 168. Оп.50. Д.81. Л.17.
4. ЦГА РД. Ф-р 168. Оп.62. Д.44. Л.9.
5. ЦГА РД. Ф-р 352. Оп.25. Д.38. Л.128.
6. ЦГА РД. Ф-р 352. Оп.29. Д.18. Л.12.

7 ЦГА РД. Ф-р 352. Оп.25. Д.38. Л.128.

8 ЦГА РД. Ф-р 168. Оп.62. Д.44. Л.9.

9 ЦГА РД. Ф-р 168. Оп.50. Д.81. Л.17.

6 Шамхалов Ш. М. Самые представительные, постоянно работающие. С. 28.

ХАЛИКОВ Ирек Ханифович

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации

ПРИЧИНЕНИЕ ИМУЩЕСТВЕННОГО УЩЕРБА ПУТЕМ ОБМАНА ИЛИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОВЕРИЕМ ПРИ НЕЗАКОННОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена анализу уголовно-правовых норм причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием при незаконном использовании электроэнергии в России.

Ключевые слова: незаконное использование электроэнергии, специальная правовая норма, состав преступления, уголовный кодекс, квалификация преступных деяний, исторический аспект.

KHALIKOV Irek Khanifovich

Ph.D. in Law, lecturer of Professional Training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Халиков И. Х.

CAUSATION OF PROPERTY DAMAGE BY FRAUD OR BREACH OF TRUST IN THE ILLEGAL USE OF ELECTRIC ENERGY IN RUSSIA: HISTORICAL PERSPECTIVE

The article is devoted to analysis of criminal law standards of causing property damage by fraud or breach of trust in the illegal use of electric energy in Russia.

Keywords: illegal use of electric energy, special legal norm, components of crime, criminal code, classification of criminal actions, historical perspective.

Современное общество для удовлетворения своих потребностей (материальных, духовных) в первую очередь нуждается в энергообеспечении. Самым распространенным видом энергии, используемым обществом для производства материальных благ, является электроэнергия. Невозможно представить современное производство без использования электричества, то же самое можно сказать и о повседневной жизни людей, то есть об использовании данного вида энергии в бытовых целях.

Поэтому одной из основных задач современного общества является производство электроэнергии и предоставление возможности гражданам, организациям и предприятиям пользоваться ею. Производство электроэнергии – это только одна сторона проблемы, существует и другая – это проблема энергосбережения.

Для решения задачи обеспечения электроэнергией промышленного производства и граждан государство предпринимает определенные действия. Энергосбережение – реализация правовых, организационных, научных, производственных, технических и экономических мер, направленных на эффективное использование энергетических ресурсов и на вовлечение в хозяйственный оборот возобновляемых источников энергии¹.

В законе «Об энергосбережении» речь идет о сбережении всех видов энергии, в том числе электроэнергии. Из вышеперечисленных мер в первую очередь нас интересуют правовые меры защиты производства и распределения электроэнергии. Для эффективного распределения электроэнергии в Российской Федерации существует Федеральный оптовый рынок электрической энергии – это сфера купли-продажи электрической энергии (мощности), осуществляемой его субъектами в пределах энергетической системы России².

Потери электроэнергии в энергосистеме включают в себя две составляющие: это технические потери, которые к правовому регулированию не имеют отношения, и коммерческие потери, основную часть которых составляют несанкционированные использования электроэнергии и искажения величин расходов электроэнергии³.

Осуществленный в октябре 1917 года распад государственного механизма Российской империи повлек за собой упразднение дореволюционных общих судебных установлений.

В одном из первых декретов СНК – Декрете «О суде» от 24 ноября 1917 года – говорилось: «...местные суды решают дела именем Российской Республики и руководствуются в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию»⁴.

В это время началась работа по созданию нового социалистического законодательства. Источниками уголовного права становятся декреты, постановления СНК РСФСР.

Анализ нормативно-правовых актов первых лет революции показывает, что устанавливаемые ими уголовно-правовые декреты имели ярко выраженную политическую направленность. Например, уже упомянутым декретом «О суде» предусматривалось учреждение рабочих и крестьянских трибуналов для «борьбы против контрреволюционных сил в виде принятия мер ограждения от них революции и ее завоеваний, а равно для решения дел о борьбе с мародерством и хищничеством, саботажем и прочими злоупотреблениями торговцев, промышленников, чиновников и прочих лиц ...»⁵.

Уголовное законодательство первых лет советской власти, конечно, не содержало норм, предусматривающих ответственность за правонарушения, связанные с нарушением порядка пользования электроэнергией.

В первые годы советской власти объем производства электроэнергии не позволял охватить ею все сферы промышленного производства, не говоря уже о повсеместном использовании ее в быту.

Уголовный кодекс РСФСР 1922 года состоял из восьми глав. В главе 6 «Имущественные преступления» были предусмотрены такие посяательства на собственность, как: кража, грабёж (открытый и насильственный), разбой, присвоение вверенного имущества, мошенничество, вымогательство (в том числе его разновидность – шантаж), повреждение имущества.

1 См.: Федеральный закон РФ «Об энергосбережении» от 13 марта 1996 г. – Ст. 1.

2 Приложение к Временным правилам работы федерального рынка оптового рынка электроэнергии.

3 См.: Мешчан Ю. Г. О потерях электроэнергии АО «Мосэнерго» // Энергосбережение. – 2003. – № 3. – С. 36.

4 Есипов В. В. Уголовное уложение 1903 г., его характер и содержание. – Варшава, 1903. – С. 175.

5 СУ. – 1017. – № 4; СУ. – 1919. – № 27; СУ. – 1919. – № 58.

Как мы видим, специального состава, защищающего порядок использования электроэнергии, нет.

Такой состав преступления впервые был введен Уголовным кодексом 1926 года, принятым 22 ноября на 2-й сессии ВЦИК XII созыва и введенным в действие с 1 января 1927 года. Преступления против собственности в этом Кодексе рассматривались в основном главой 7 Особенной части. Эта глава, имевшая, как и в УК 1922 года, наименование «Имущественные преступления», состояла из 20 статей. На первом месте в ней по-прежнему стояла кража. Ответственность за кражу была предусмотрена ст. 162 УК РСФСР. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года называл большое число отдельных видов кражи, статья 162 определила 14 видов. Это было связано как с перегруппировкой норм об ответственности за кражу, так и с уголовно-политической переоценкой ряда ситуаций ее совершения.

Вне общей классификации видов кражи Уголовный кодекс 1926 года поставил кражу электрической энергии (ст. 163). «Кража электрической энергии наказывается лишением свободы на срок до одного месяца с обязательным возмещением причиненного ущерба»⁶.

К концу 20-х годов в советском законодательстве сформировалась упорядоченная система юридических норм, обеспечивающих в основном равную уголовно-правовую охрану государственного, общественного, частного имущества. Впервые была введена отдельная статья (ст. 163 УК РСФСР), предусматривающая уголовную ответственность за преступление против электроэнергии как кражу, то есть электроэнергия признавалась объектом хищения государственного имущества.

Следующей вехой в развитии советского уголовного законодательства, защищающего отношения собственности, явился указ Президиума Верховного совета СССР от 4 июня 1947 года «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», а также указ «Об усилении охраны личной собственности граждан». Эти указы отменяли действие постановления от 7 августа 1932 года и Указа ПВС СССР от 10 августа 1940 года «Об уголовной ответственности за мелкие кражи на производстве и хулиганство», а также статьи 59 со значком 38, 116, 162, 165, 16, 166-а, 167 и ч. 2 ст. 169 со значком 1 УК РСФСР. Преступления, предусмотренные ими, подлежали квалификации по соответствующим статьям названных указов⁷.

Указ от 4 июля 1947 года «Об уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества» установил единые общественные нормы об ответственности за хищение социалистической собственности.

С принятием УК РСФСР 1960 года утратила свое действие ст. 163 Уголовного кодекса 1926 года, которая квалифицировала преступление, посягающее на электроэнергию, как хищение, совершенное путем кражи.

В литературе в тот период высказывалось мнение о том, что незаконное пользование электроэнергией и другими видами энергии, за использование которых взимается плата, нельзя рассматривать как хищение, так как энергия не может рассматриваться в качестве его предмета⁸.

Уклонение от уплаты за пользование электроэнергией или газом, причинившее существенный ущерб, предлагалось квалифицировать по ст. 94 УК РСФСР (причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием)⁹.

Существовала и противоположная точка зрения, в частности, М. Гельфер обосновал то, что электроэнергия и другие виды энергии, за пользование которыми взимается плата, обладают всеми признаками предмета хищения. Однако он не настаивал на квалификации самовольного использования электроэнергии или тепловой энергии в качестве обычной кражи. М. Гельфер предлагал с учетом специфики предметов преступления, а также способов завладения ими, выделить это деяние в самостоятельный состав, как это было сделано в УК Кубы, ст. 383 которого предусматривала, что «лицо, которое занимается хищением электроэнергии, воды, газа или других источников энергии из личного или общественного устройства, наказывается лишением свободы на срок от трех до девяти месяцев или денежным штрафом в размере 270 квот, либо обоими видами наказания»¹⁰.

Предложения М. Гельфера получили поддержку ряда специалистов, например Н. Найдено¹¹.

Однако законодатель принял компромиссное решение. С одной стороны, был сконструирован отдельный состав преступления, заключающийся в самостоятельном использовании в корыстных целях электрической либо тепловой энергии или газа, пополнивший УК РСФСР 1960 года статьей 94² «Нарушение правил пользования энергией или газом в быту»¹².

С другой стороны, местоположение этой статьи в структуре УК и ее текст указывали на то, что данная норма является специальной по отношению к основной норме, предусматривающей ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения (ст. 94 УК РСФСР). Законодатель не решился в то время на признание электрической энергии предметом хищения.

Следует отметить, что законодатель разграничил по степени общественной опасности такие противоправные деяния, как: самовольное использование электроэнергии (подключение к электросетям без соответствующего разрешения) и нарушение правил пользования электроэнергией (это изменение показаний счетчика с целью уклонения от оплаты использованной электроэнергии, изменение схемы электропроводки и т.п.). Нынедействующая ст. 165 УК РФ, предусматривающая ответственность за незаконное использование электроэнергии, такой детальной определенностью не обладает.

В 1994 году УК РСФСР 1960 года претерпел существенные изменения. Федеральным законом от 1 июля 1994 года «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» из УК РСФСР была исключена глава вторая Особенной части, а глава пятая, получившая наименование «Преступления против собственности», объединила в себе нормы о преступлениях против различных форм собственности. Это позволило сократить общее число составов преступлений, устранить плюрализм норм, устанавливающих ответственность за одни и те же действия против социалистической и несоциалистической собственности. Из УК 1960 года была исключена ст. 94², предусматривающая ответственность за самовольное использование электроэнергии, а равно за нарушение правил пользования электроэнергией в быту.

Законодатель, преследуя цель сокращения общего числа составов преступления в Уголовном кодексе и избавляясь от советского наследия в уголовном законе, по нашему мнению, допустил просчет, отменив нормы, защищающие порядок пользования электроэнергией и другими видами энергии (например, тепловой). Квалификация преступных деяний против электрической энергии утратила свою четкость и определенность. Не изменился подход законодателя к этому вопросу и при разработке и принятии УК РФ 1996 года.

По Уголовному кодексу 1996 года ответственность за нарушение правил пользования электроэнергией наступает по ст. 165 УК РФ «Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения».

6 Уголовный кодекс РСФСР в редакции 1926 года (с изм. и доп., внесенными Постановлениями ЦИК СССР от 19.02.1926 – СЗ, 1026, № 9, ст. 71; от 05.03.1926 – СЗ, 1926, № 15, ст. 106); Вробелевский А. Б., Утевский Б. С. Уголовный кодекс 1926 г.: Комментарий / Под общ. ред. Е. Г. Ширвинда. – 2-е изд. – М., 1928; Галин А. А. Уголовный кодекс РСФСР. Практика применения. – М., 1927.

7 Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 22 августа 1947 г. № 12/б «О порядке применения судами Указов ПВС СССР от июня 1947 г.».

8 См.: Кригер Г. А. Квалификация хищений социалистической собственности. – М., 1971. – С. 38; Кригер Г. А. Квалификация хищений государственного имущества. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрид. лит., 1974; Кадников Н. Г. Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования. Теория и практика: Учебное пособие. – М.: Норма, 2003.

9 См.: Андреева Л., Волженкин Б. Квалификация хищений по объекту посягательства // Советская юстиция. – 1975. – № 12. – С. 4; Андреева Л. А., Волженкин Б. В. Хищение социалистического имущества как корыстное преступление // Известия высш. учеб. заведений. Правоведение. – 1982. – № 6.

10 См.: Гельфер М. О квалификации незаконного пользования электрической и другой энергией // Социалистическая законность. – 1983. – № 8. – С. 48–49.

11 См.: Найдено Н. Активнее защищать социалистическую собственность от посягательств // Социалистическая законность. – 1984. – № 1. – С. 13; № 9. – С. 55; Кригер Г. А. Квалификация хищения социалистической собственности. – М., 1971.

12 См.: Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 28 мая 1986 г. // Ведомости ВС РСФСР. – 1986. – № 23. – Ст. 638.

НАГИХ Сергей Иванович

кандидат юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права и философии Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

О РАЗЛИЧНЫХ ВАРИАНТАХ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА В МАРКСИСТСКОЙ (КЛАССОВОЙ) ТЕОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ГОСУДАРСТВА

В отечественной юриспруденции существует проблема вариативности точек зрения в теориях происхождения государства и права у различных представителей, концептуально включаемых в одну и ту же классификационную группу теорий. В статье исследуется вопрос о причинах вариативности и различных авторских интерпретаций в марксистской теории происхождения государства и (права). Автором статьи выделяется несколько ключевых признаков, на основе которых формируются различные варианты теории происхождения государства и права у исследователей, использующих марксистскую методологию. Среди причин такой вариативности приводятся несколько факторов: классовый подход, базисно-надстроечный детерминизм, а также противоречивый характер изложения основных принципов марксистской доктрины в работах классиков марксизма, посвященных исследованию вопросов политогенеза и происхождения права. Особое внимание в статье уделяется фактору исторической обусловленности приводимых в программной работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Ключевые слова: марксистская теория происхождения государства и права, причины происхождения государства и права, варианты происхождения государства и права.

NAGIKH Sergey Ivanovich

Ph.D. in Law, professor of Theory and History of State and Law and Philosophy sub-faculty of the Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

ON THE DIFFERENT VERSIONS OF ORIGIN OF THE STATE AND LAW IN MARXIST (CLASS) THEORY OF THE ORIGIN OF THE STATE

In domestic law there is a problem of variability of the points of view in theories of an origin of the state and the law at various representatives which are conceptually included in the same classification group. In article is investigated the question of the reasons of variability and various author's interpretations in the Marxist theory of an origin of the state and law. The author of article allocates some key signs, on the basis of which various versions of the theory of an origin of the state and the right at the researchers using Marxist methodology are formed. Among the reasons of such variability some factors are given: class approach, a basic-superstructure determinism, and also contradictory character of a statement of the basic principles by the Marxist doctrine in works of the classics of Marxism devoted to research of questions of an origin of the state and law. The special attention in article is paid to a factor of historical conditionality given in program work of F. Engels "An origin of a family, the private property and the state".

Keywords: marxist theory origin of the state and law, reasons of an origin of the state and law, options of an origin of the state and law.

Nazuk S. I.

В своих последних работах¹ один из ведущих специалистов отечественной юриспруденции в вопросе изучения политогенеза и правогенеза профессор А. Н. Тимонин сделал ряд обобщений относительно эволюции марксистского учения о происхождении государства. В частности, он отмечает сложносоставной характер марксистской теории, который в отечественной науке, по его мнению, нельзя свести только лишь к узкоклассовому подходу с использованием в юридической литературе термина «классовой теории происхождения государства».² Такой сложный состав и неизбежная вариативность точек зрения авторов марксистского направления в интерпретации различных аспектов марксистско-ленинского учения о происхождении государства (и права) безусловно

связан с противоречивостью суждений и неопределенностью базисных положений марксистской доктрины. Вместе с этим разноречивость точек зрения на этот вопрос связана с накоплением новых исторических, этнографических, археологических фактов, которые не были еще известны во времена основоположников учения К. Маркса, возникшего более полутора сотни лет тому назад. Все это стимулировало как отечественных, так и зарубежных исследователей, придерживающихся этого направления, к развитию политической и правовой мысли марксизма. Соответственно, не только сам марксизм имеет «три источника и три составных части», но и, собственно, марксистская теория происхождения государства (и права), основанная на историческом материализме, имеет сложный состав. Впрочем, явление сложносоставности присуще как любому политико-правовому учению, так и той или иной теории происхождения государства. Например, постулаты договорной теории происхождения государства, основанной на естественно-правовой доктрине догосударственного «естественного состояния», смыкаются с доктриной божественного происхождения государственности, а классовый подход не

1 Тимонин А. Н. Марксизм и происхождение государства: современная трактовка // Вестник ВЭГУ, 2012. – № 4 (60). – С. 75-80; Он же. Об основных направлениях историко-материалистической теории происхождения государства // Евразийский юридический журнал, 2013. – № 1 (56). – С. 73-77; Он же. О «новой» классовой теории происхождения государства // Евразийский юридический журнал, 2014. – № 1 (68). – С. 88-93.

2 Тимонин А. Н. Об основных направлениях... – С. 73.

чужд и так называемой теории насилия.³ Прочие теории происхождения государства также носят подобный характер.⁴

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что если свойство «сложносоставности» связано с комплексом элементов основных идей того или иного политико-правового учения, то вариативность, в том числе и вариативность марксистской теории происхождения государства, основывается на разных трактовках того или иного элемента этой концепции у различных авторов, взявших на вооружение эту методологию научного познания. В формате одного идейного направления это явление также не является редкостью.

Вместе с тем, по сравнению с другими теориями происхождения государства, марксистская классовая теория достаточно структурирована и логична в русле идейных принципов марксизма, о которых говорит и сам А. Н. Тимонин, поскольку она опирается на ядро единых принципов марксистского учения. Среди марксистских принципов можно отметить прежде всего – базисно-надстроечный детерминизм и идею классовой борьбы, где под (антагонистическими) имущественными классами, подразумеваются социально-экономические группы людей, занимающие разное положение по отношению к средствам производства.

Исходя из рассуждений А. Н. Тимонина, с учетом идеи классовой борьбы, можно выделить три различных варианта марксистской теории происхождения государства:

1. Узкоклассовая теория, объясняющая государство как производное от борьбы между собой социальных групп общества, разделенными противоположными экономическими интересами, впрочем, на базе расширенного понимания имущественного класса (так называемые «общественные классы»);

2. Доклассовая теория происхождения государства. Эта группа вариантов марксистско-ленинской интерпретации политогенеза утверждает бесклассовое появление государства, а классы образуются в государственном обществе. Эта версия представлена, в первую очередь, в работах отечественных сиолологов, в частности, наиболее разработанной считается теория власти-собственности Л. С. Васильева;

3. Раннеклассовая теория происхождения государства, разработке которой посвятили свои работы А. И. Першиц с идеей синхронного появления и развития классов и государства («параллельная» теория)⁵ и А. Б. Венгеров, с идеей независимости процессов политогенеза и классогенеза. Теорию А. Б. Венгерова иногда называют «кризисной»⁶ теорией происхождения государства. Сюда же можно отнести и различные концепции отечественных медиевистов с такими понятиями как «дофеодальный период», «варварское государство», «раннеклассовое общество» и пр. Кстати, в своей последней работе А. Н. Тимонин вообще отказывает теории А. Б. Венгерова в марксистской принадлежности, называя эту концепцию техно-экологической теорией⁷.

Основанием многообразия вариантов, объясняющих происхождения государства у ученых-марксистов изначально предопределялось переосмыслением работ Ф. Энгельса. Как ранее уже отмечалось, у самого Ф. Энгельса в разных его работах содержатся и различные трактовки причин политогенеза.⁸ Считается, что доклассовый вариант марксистской теории происхождения государства основывается на положениях работы Ф. Энгельса «Анти-Дюринг», где образование государства у неевропейских народов описывается как процесс узурпации общественными лидерами административных функций. В другой своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельс, опираясь на конкретный исторический материал становления римской и древнегреческой государственности, так же показал якобы классовые варианты (в случае с Римом и Афинами) возникновения государства. Причем, как в первом случае причиной появления государства стала борьба двух сословий римского общества патрициев и плебеев, так и в афинской «форме государствообразования» борьба общественных группировок афинского демоса с родовой аристократией, которые также скорее нужно рассматривать как сословия. В свое время, академик М. А. Дьяконов указывал, что в основе деления общества на классы лежит либо имущественное положение, либо род занятий (имущественные или функциональные классы) с фактическим разделением этих групп населения, в то время как в основе деления общества на сословия лежит правовой признак и юридическое разделение.⁹ Указанные Ф. Энгельсом социальные группы трудно назвать имущественными классами в строгом смысле этого термина, который вкладывался марксистами, где эти группы должны были занимать различное положение по отношению к средствам производства. Поэтому у марксистов, как верно подметил А. Н. Тимонин¹⁰ такое распространение и получил расширительный термин «общественный класс». Однако, речь в приведенных Ф. Энгельсом исторических примерах, должна идти о различных сословиях древнеримского и древнегреческого общества, поскольку стержень «революционной борьбы» между социальными группировками патрициев и плебеев (в римском варианте) и демоса и аристократии (в афинском варианте) заключался не в доступе к обладанию средствами производства. А противоречия между этими сословными группами лежали в плоскости политических прав сословий плебеев и демоса и в доступе к публичным должностям, который был ограничен ввиду их происхождения. Так что речь шла в обоих случаях о борьбе за равноправие в публично-правовой сфере. Эти неточности исторических примеров образования государства в изложении и интерпретации Ф. Энгельса, на современном ему уровне исторического знания, дали толчок для так называемого творческого развития марксистского учения о происхождении государства в советском фундаментальном правоведении. Не последнюю роль здесь сыграли и несколько дискуссий об азиатском способе производства.¹¹ Все это действительно сформировало три вышеуказанных варианта

3 Мальцев Г. В. Понимание права. Подходы и проблемы. – М.: «Прометей» 1999. – С. 35, 38-39; Нагих С. И. Франц Опенгеймер о происхождении государства и его критика договорной теории происхождения государства и естественного права // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2013 – № 6. – С. 58.

4 Нагих С. И. Патриархальная теория происхождения государства Р. Филмера // Эволюция научной мысли / Сб. ст. Международной научно-практической конференции. – Уфа: Научный центр «АЭТЕРНА». 2014. – С. 37-41.

5 Тимонин А. Н. О «новой» классовой теории... – С. 75.

6 Самигуллин В. К. Государство (общетеоретические очерки). – Уфа: Диалог, 2012. – С. 26.

7 Тимонин А. Н. Дуалистическая теория происхождения государства: от детерминизма экономического к технологическому и эко-

логическому? // Евразийский юридический журнал. 2015. – № 3 (82). – С. 93-96.

8 Нагих С. И. О методологической ограниченности классических теорий происхождения государства и права // Юрист вуза, 2014. – № 2. – С. 48.

9 Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. – СПб.: Наука, 2005. – С. 69-70.

10 Тимонин А. Н. Об основных направлениях... – С. 73.

11 Крадин Н. Н. Введение. От однолинейного взгляда на происхождение государства к многолинейному // Альтернативные пути к ранней государственности / Под ред. Н. Н. Крадина и В. А. Лыньша. – Владивосток: Дальнаука, 1995. – С. 8-11.

марксистской теории происхождения государства у советских и западных марксистов.

Но в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» рассмотрен и еще один вариант государствообразования с использованием материала древних германцев. У древних германцев, по интерпретации Ф. Энгельса, государство появилось в результате завоевания Римской империи и необходимости организации управления завоеванных территорий, которое оказалось несовместимо с родовым строем германцев.¹² Трудно признать этот пример Ф. Энгельса, лежащим в русле последующей советской марксистской традиции причинно-следственной связи между образованием государства и классов. Скорее речь здесь идет об изложении своеобразной версии теории насилия, популярной в конце XIX – начале XX веков, благодаря научным изысканиям Л. Гумпловича, Ф. Опенгеймера, Г. Ратценхофера, возродившейся в XX веке в «ограничительной теории» происхождения государства Р. Карнейро. В среде западных марксистов именно этот вариант стал основой теории К. Каутского, который хотя и отмечал, что «с понятием класса тесно связано понятие государства» и «что вся писаная история является историей классовой борьбы, но она в то же время в равной мере является также и историей государства, по крайней мере в том смысле, в каком Маркс и Энгельс понимали это слово».¹³ Но вместе с этим он отмечал, что «эксплуатация появляется не только лишь благодаря государству», поскольку еще до государства существовал рабский труд и грабеж чужих племен, «однако внутри общины (к которой рабы не принадлежали) появление эксплуатируемых и эксплуатирующих классов произошло лишь в результате возникновения государств, в результате насильственного объединения побежденных племен в одно большое общество под господством победителей. С этого времени существуют эксплуататоры: и эксплуатируемые внутри одного и того же общества».¹⁴

Как видно, предложенная классификация вариантов марксистской теории происхождения государства основывается на различных интерпретациях одного из ключевых марксистских постулатов – классовой борьбе, которая рассматривается стержневым двигателем исторического процесса.

Кроме идеи классовой борьбы, для марксистской концепции истории существенное значение имеет и базисно-надстроечный детерминизм. Но в марксистском понимании исторического процесса этот базовый элемент марксистской методологии более разработан применительно к классовому государственному обществу и роль закона взаимодействия надстройки и базиса в генезисе государства практически не разъясняется, по крайней мере у К. Маркса, при его трехформационном подходе к смене исторических эпох (а классическая «пятичленка» из пяти формаций является идейным достижением творческого развития марксизма советского периода). К. Маркс говорит, об архаической (первичной) формации, основанной на общественной собственности; об экономической общественной (вторичной) формации, основанной на частном присвоении, охватывающей азиатский, античный, фе-

одальный и буржуазный способы производства,¹⁵ а также о постэкономической (третичной) формации коммунистического будущего. И только во вторичной формации экономические отношения играют решающую роль, в которой и развиваются связи между базисом и надстройкой. Поскольку в первичной и третичной формациях нет экономических отношений в товарно-денежной форме, то, соответственно, экономическая интерпретация истории как всеобщая парадигма, приложимая ко всей человеческой истории, у Маркса отсутствует.¹⁶ Складывается впечатление, что классики марксизма считали, если можно так выразиться, безбазисным и безнадстроечным догосударственное (первобытное) общество. И остается теоретически необъяснимым в классическом марксизме сам процесс складывания общественной экономической формации с государством и прочими надстроечными институтами, а также не понятна роль социальной революции и отсутствует четко выявленная закономерность перехода от догосударственного общества к государственному. Кстати, на это обстоятельство обратил внимание тот же К. Каутский, который писал, что все способы производства, включая «азиатский», основаны на классовых различиях и противоречиях, но среди различных способов производства, которые затрагивал Маркс нет способов производства предшествующих возникновению классов.¹⁷ Последующие работы Ф. Энгельса также не разъясняют этих механизмов. Как уже отмечалось, речь у него идет о сословной борьбе в процессе развития государства и его учреждений и, собственно, не понятно, где в его примерах проходит граница между первобытным (догосударственным) обществом и обществом государственным.

Вообще если рассматривать римский и германский примеры приводимых Ф. Энгельсом вариантов политогенеза, то можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что в обоих этих примерах речь идет об образованиях так называемого вторичного государства. Образование вторичного государства обычно связывают с влиянием государственности соседей, с теми или иными формами заимствования элементов уже существовавшей государственности. И этот вариант политогенеза коренным образом отличается от возникновения государства самостоятельным спонтанным путем непосредственно вследствие так называемого «разложения первобытного строя» догосударственного общества. А именно этот вариант политогенеза пытается обосновать в своих изысканиях Ф. Энгельс.

Так, рассматривая вариант образования древнеримского государства, необходимо учитывать мощное влияние этрусского политического влияния, чья государственность переживала расцвет во время становления Рима, а также, в меньшей степени, греческой колонизации. Кроме того, собственно латинские формы политической организации имели длительный период предшествующего развития публичных институтов, а само основание Рима явилось следствием колонизации со стороны Альба Лонги – главного политического государственного центра латинского союза городов.¹⁸ Говоря

15 Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – Т. 13. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. – С. 5-9.

16 Любутин К. Н., Кондратов П. Н. Три модели исторического процесса в философии истории К. Маркса // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. - № 1. – С. 33.

17 Каутский К. Указ. Соч. – С. 2.

18 Дождев Д. В. Рим (VIII - II вв. до н. э.) // Цивилизационные модели политогенеза / Отв. ред. Д. М. Бондаренко, А. В. Коротаев. – М.: Центр цивилизационных и региональных исследований РАН, 2002. – С. 276.

12 Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. – Т. 21. – М.: Политиздат, 1961. – С. 169, 104.

13 Каутский К. Материалистическое понимание истории. Т. II. Государство и развитие человечества. – М.-Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1931. – С. 39.

14 Каутский К. Указ. соч. – С. 146.

о германском варианте полигенеза, в частности, становления франкской государственности, то источники свидетельствуют о влиянии римских публичных и правовых институтов на так называемое «варварское государство» раннего Средневековья, впрочем, с разной степенью для различных политических образований и обществ, о чем в свое время велась дискуссия историков-медиевистов в рамках теории романо-германского синтеза.

Даже в наиболее разработанном Ф. Энгельсом варианте афинского политогенеза трудно определить временную границу, когда же в Афинах это государство, собственно, состоялось. Во всяком случае, ни сами греки, ни современные ученые не могут в настоящее время «определить конкретную дату рождения афинской демократии»¹⁹ и государственности. Исходя из текста работы Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» можно предположить, что государственность афинский полис обрел в момент синойкизма и искусственного разделения Тесеем афинского общества на три группы: эвпатридов, геоморов и демиургов. Причем только первые получили право на занятие государственных должностей, которые «благодаря своему богатству, начали складываться вне своих родов в особый привилегированный класс и что эти их притязания были освящены только еще зарождавшимся государством».²⁰ То есть, если буквально понимать это высказывание Ф. Энгельса, дальнейшие перипетии политической истории Афин, связанные с борьбой классов, происходят уже внутри государственного общества. Впрочем, до сих пор, в общем-то, мало исследован вопрос о влиянии институтов ахейской монархии в Аттике микенского периода на формирование классической полисной государственности и демократического устройства Афин классического периода, в частности, не ясны исторические корни и преемственность таких властных институтов как царская власть (институт басилеев), публично-правовых функций тех же эвпатридов, стойкость раннегреческих судебных учреждений и пр.

Таким образом, марксистская версия политогенеза во всяком случае в классическом варианте носит достаточно умозрительный характер и опирается, скорее, на концептуально заданную теоретическую схему, чем на реальные исторические факты, что порождает наряду с размытостью определений ключевых теоретических постулатов истмата известную вариативность марксистской концепции происхождения государственности.

Пристатейный библиографический список

1. Дождев Д. В. Рим (VIII - II вв. до н. э.) // Цивилизационные модели политогенеза / Отв. ред. Д. М. Бондаренко, А. В. Коротаев. – М.: Центр цивилизационных и региональных исследований РАН, 2002. – 340 с.
2. Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. – СПб.: Наука, 2005. – 384 с.
3. Каутский К. Материалистическое понимание истории. Т. II. Государство и развитие человечества. – М.-Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1931. – 851 с.

4. Крадин Н. Н. Введение. От однолинейного взгляда на происхождение государства к многолинейному // Альтернативные пути к ранней государственности / Под ред. Н. Н. Крадина и В. А. Лынша. – Владивосток: Дальнаука, 1995. – 217 с.
5. Любутин К. Н., Кондратов П. Н. Три модели исторического процесса в философии истории К. Маркса // Гуманитарные науки в Сибири. – 2009. – № 1. – С. 31-37.
6. Мальцев Г. В. Понимание права. Подходы и проблемы. – М.: «Прометей» 1999. – 419 с.
7. Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – Т. 13. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. – 700 с.
8. Нагих С. И. О методологической ограниченности классических теорий происхождения государства и права // Юрист вуза. – 2014. – №2. – С. 46-50.
9. Нагих С. И. Патриархальная теория происхождения государства Р. Филмера // Эволюция научной мысли / Сб. ст. Международной научно-практической конференции. – Уфа: Научный центр «АЭТЕРНА». 2014. – С. 37-41.
10. Нагих С. И. Франц Оппенгеймер о происхождении государства и его критика договорной теории происхождения государства и естественного права // Проблемы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2013 – № 6. – С. 57-59.
11. Тимонин А. Н. Дуалистическая теория происхождения государства: от детерминизма экономического к технологическому и экологическому? // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 3 (82). – С. 93-96.
12. Тимонин А. Н. Марксизм и происхождение государства: современная трактовка // Вестник ВЭГУ. – 2012. – № 4 (60). – С. 75-80.
13. Тимонин А. Н. Об основных направлениях историко-материалистической теории происхождения государства // Евразийский юридический журнал. – 2013. – № 1 (56). – С. 73-77.
14. Тимонин А. Н. О «новой» классовой теории происхождения государства // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 1 (68). – С. 88-93.
15. Туманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII—V вв. до н.э.). – СПб.: Гуманитарная Академия, 2002 – 544 с.
16. Самигуллин В. К. Государство (общетеоретические очерки). – Уфа: Диалог. 2012. – 109 с.
17. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 21. – М.: Политиздат. 1961. – 746 с.

19 Туманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII—V вв. до н.э.). – СПб.: Гуманитарная Академия, 2002. – С. 21.

20 Энгельс Ф. Указ. Соч. – С. 111.

ГОРНЕВ Роман Вадимович

аспирант кафедры конституционного и административного права Марийского государственного университета, начальник юридического отдела ООО «Марийская Теплосетевая Компания», член Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ: ОПЫТ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА*

Статья посвящена исследованию практики функционирования вечевых органов в Древнерусском государстве, а также взаимодействия населения и его объединений с местными органами власти. Основной целью работы является рассмотрение обозначенного историко-правового опыта с позиций применимости к регулированию аналогичных современных конституционно-правовых отношений. По результатам работы автор делает определенные теоретические выводы.

Ключевые слова: вече, Древнерусское государство, местное самоуправление, общественные объединения, частные общественные союзы.

Горнев Р. В.

GORNEV Roman Vadimovich

postgraduate student of Constitutional and Administrative Law sub-faculty of the Mari State University, Head of Legal Department of «Mari Heating Network Company», member of the All-Russian public organization «Association of Lawyers of Russia»

CONNECTION BETWEEN LOCAL GOVERNMENT AND PUBLIC ASSOCIATIONS: EXPERIENCE THE ANCIENT RUSSIAN STATE

In the article investigates the veche authorities in ancient Russian state, as well as the connection between the population and its public associations with the local government. The main purpose of this article is to examine the historical and legal experience from the standpoint of the applicability of the regulation of similar modern constitutional-legal relations. As a result, the author makes some theoretical conclusions.

Ключевые слова: veche; ancient Russian state; local government; public associations; private public associations.

Важнейшими векторами развития современного отечественного государства является построение эффективного государственного механизма, а также развитие гражданского общества. Причем решение данных проблем взаимосвязано, поскольку власть может быть эффективной только во взаимодействии со своим источником – народом в лице различных общественных институтов. Данные взаимоотношения приобретают особую значимость на уровне местного самоуправления, как базовом уровне публичной власти. Нельзя не согласиться с мнением Т. Н. Михеевой, что эффективность деятельности органов местного самоуправления напрямую зависит от взаимодействия с жителями муниципального образования¹.

Изучение обозначенной проблемы невозможно без обращения к историческим аспектам становления и развития данных взаимоотношений, поскольку она появилась одновременно с возникновением государства и разделением общества на государственную и негосударственную сферы человеческой жизнедеятельности². В одной из наших ранних работ уже отмечалось, что зарождение и развитие механизма взаимодействия органов местной власти и общественных объединений имеет длительную историю, а ее изучение позволит глубже

понять текущее состояние и перспективы реформирования конституционно-правового регулирования³.

В правовой литературе отмечается, что элементы самоуправления можно выявить на очень ранних этапах развития российской государственности⁴. Под самоуправлением на данном историческом этапе отдельные исследователи предлагают понимать выборные начала в управлении, а также возможность населения непосредственно принимать участие в решении жизненно важных вопросов местной жизни⁵. В этой связи особый научный интерес представляет изучение отдельных элементов функционирования местных органов власти и объединений граждан, а также их взаимодействия в Древнерусском государстве в 10-14 веках.

Традиционно считается, что первые органы местной власти появились в Древней Руси в 9-10 веках. При этом самые развитые формы организации местного самоуправления сформировались в Новгородской и Псковской феодальных республиках. Управление осуществлялось посредством системы вечевых органов – общегородского вече в столицах и вечевых собраний на местах. Известный дореволюционный правовед А. А. Кизеветтер отмечал, что на вече могли приходить все свободные граждане; оно было не представительным собранием, а поголовным сходом всех граждан; вечевые решения имели полновластную законодательную силу; вечевые постановления

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научно-го проекта № 16-33-01138.

1 Михеева Т. Н. К вопросу о взаимодействии органов местного самоуправления с населением: зарубежный опыт // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 8. С. 93.
2 Belousov E. I., Gornev R. V., Mikheeva T. N. About Participation of Institutes of Civil Society in Public Control over the Activities of Local Authorities // Review of European Studies. 2015. № 7 (8). P. 59.

3 Горнев Р. В. Взаимодействие органов местного самоуправления с общественными объединениями в истории права Российского государства // Закон и право. 2014. № 7. С. 50.

4 Михеев Д. С. Принцип гласности местного самоуправления: конституционно-правовые аспекты и проблемы реализации: монография / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2013. С. 63.

5 Ячникова Ю. С. Проблемы контроля за деятельностью органов местного самоуправления: монография / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола. 2011. С. 35.

ния принимались единогласно, а не по большинству голосов⁶. Современные исследователи замечают, что в Древнерусском государстве 10-14 веков вече было повсеместно распространенным институтом власти, оно решало вопросы войны и мира, призывало и изгоняло князей, принимало законы, заключало договоры с другими землями и сохранялось до 16 века⁷. Отмечается также, что новгородское вече представляло собой народное собрание, в котором участвовали высшие должностные лица – посадники и тысяцкие, представители всех пяти концов Новгорода и представители всех социальных групп, в том числе городских низов (черные люди и простая челядь)⁸. Проанализировав порядок формирования, состав и компетенцию вечевых органов, можно сделать вывод об их уникальной двойственной природе, объединяющей самоуправленческие начала и отношения по управлению.

Помимо вече во главе управления княжеством стоял князь. При этом князь и вече не находились в положении иерархического подчинения, между ними не было четкого разграничения компетенции. Для заведывания управлением отдельными административными округами княжества уже тогда существовали свои особые органы – посадники. В своем исследовании А. А. Кизеветтер называет посадников «местными агентами власти»⁹.

Другой дореволюционный ученый В.И. Сергеевич в своем фундаментальном исследовании «Древности русского права» отмечал, что так как народ собирается на вече в силу принадлежащему ему права решать общественные дела, которые еще не обособились от его частных и которые он рассматривает как непосредственно до него относящиеся, то понятно, что народ может привлечь к своему рассмотрению всевозможные вопросы общественной жизни¹⁰.

Население играло важную роль в общественной жизни того времени во всех тех случаях, когда скудный состав правительственных средств оказывался недостаточным для удовлетворения неотложных потребностей общежития. А. А. Кизеветтер отмечает, что многие вопросы местного управления того времени проходили мимо местных правительственных органов, и при их разрешении деятельность публичной власти заменялась деятельностью частных общественных союзов¹¹. Продолжая свою мысль, авторитетный дореволюционный ученый подчеркивает, что это не общественное самоуправление, которое также являлось одним из элементов публичной власти, а исключительное господство частной самопомощи в совершении не частных дел¹².

Тем самым можно уверенно утверждать, что отдельные элементы взаимодействия населения, а также частных общественных союзов (на наш взгляд, являющихся прообразами современных общественных объединений) с вечевыми органами, а также участия местного населения и его объединений в решении публичных вопросов существовали в Древней Руси уже на протяжении исследуемого исторического периода.

В историко-правовой литературе также отмечается о существовании в 13 веке на Руси Иванской корпорации купцов, объединенной вокруг новгородской церкви Иоанна Предтечи¹³. Данная организация имела свой устав, органы управления, активно участвовала в общественной и государственной жизни. Избираемые членами организации старосты само-

стоятельно разбирали внутренние споры корпорации, а также споры иванских купцов с новгородскими и иностранными купцами.

Подводя итог настоящему исследованию, заметим, что вечевая демократия объединяла в себе управление с элементами самоуправления. Вече, как орган местной власти, взаимодействовал с гражданами и их объединениями непосредственно в рамках его функционирования, а также в процессе решения вопросов публичного значения. Историко-правовая литература свидетельствует о существовании в Древнерусском государстве частных общественных союзов, которые взаимодействовали с правительственными органами и участвовали в решении публичных вопросов местного значения. Это позволяет нам сделать вывод о существовании в тот период отдельных элементов механизма взаимодействия органов местной власти и общественных объединений.

Нельзя также не отметить высокий уровень демократичности и гласности в процессе принятия решений вечевыми органами власти Древнерусского государства. В работе вечевых органов могли принимать участие представители всех слоев населения, они могли влиять на выработку решений, избирать иные органы власти и впоследствии контролировать их работу. И здесь мы находим определенные элементы современного института общественного контроля за деятельностью органов власти.

Полагаем, что опыт правового регулирования местного самоуправления, а также взаимодействия граждан и их объединений с местными органами власти в Древней Руси будет полезен в том числе при реформировании аналогичных современных конституционно-правовых институтов и отношений.

Пристатейный библиографический список

1. Горнев Р. В. Взаимодействие органов местного самоуправления с общественными объединениями в истории права Российского государства // Закон и право. 2014. № 7. С. 50.
2. Емельянов Н. А. Местное самоуправление в России: генезис и тенденции развития. Москва – Тула. 1997. С. 8.
3. Емешов В. И., Михеева Т. Н. Проблемы формирования и деятельности представительных органов местного самоуправления: монография / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола. 2008. С. 9.
4. История отечественного государства и права: учебник. М.: Юристъ, 2004.
5. Кизеветтер А. А. Местное самоуправление в России: IX-XIX вв. М. 1910. С. 10.
6. Михеева Т. Н. К вопросу о взаимодействии органов местного самоуправления с населением: зарубежный опыт // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 8. С. 93.
7. Михеев Д. С. Принцип гласности местного самоуправления: конституционно-правовые аспекты и проблемы реализации: монография / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола. 2013. С. 63.
8. Сергеевич В.И. Древности русского права. Том II. Вече и князь. Советники князя (издание 3-е, исправленное и дополненное), С.-Петербург, типография М. М. Стасюлевича, 1908. С. 72.
9. Яичникова Ю. С. Проблемы контроля за деятельностью органов местного самоуправления: монография / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2011. С. 35.
10. Belousov E. I., Gornev R. V., Mikheeva T. N. About Participation of Institutes of Civil Society in Public Control over the Activities of Local Authorities // Review of European Studies. 2015. № 7 (8). P. 59.

6 Кизеветтер А. А. Местное самоуправление в России: IX-XIX вв. М. 1910. С. 10.

7 Емешов В. И., Михеева Т. Н. Проблемы формирования и деятельности представительных органов местного самоуправления: монография / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола. 2008. С. 9.

8 Емельянов Н. А. Местное самоуправление в России: генезис и тенденции развития. Москва – Тула. 1997. С. 8.

9 Кизеветтер А. А. Местное самоуправление в России: IX-XIX вв. М. 1910. С. 13.

10 Сергеевич В. И. Древности русского права. Том II. Вече и князь. Советники князя (издание 3-е, исправленное и дополненное), С.-Петербург, типография М. М. Стасюлевича, 1908. С. 72.

11 Кизеветтер А. А. Местное самоуправление в России: IX-XIX вв. М. 1910. С. 20.

12 Там же. С. 20.

13 История отечественного государства и права: учебник. М.: Юристъ, 2004.

ЛИСЕЕНКО Виктор Иванович

аспирант кафедры административного и финансового права Тюменского государственного университета, помощник начальника Межрегионального управления государственного автомобильного надзора по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу-Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу

СЕРВИСНЫЙ ХАРАКТЕР КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ТРАНСПОРТА КАК ПРОФИЛАКТИКА ПРАВОНАРУШЕНИЙ

В статье рассматривается деятельность органов государственного контроля и надзора в разрезе разъяснительной и планово-предупредительной направленности. Автор излагает концепцию сервисного обслуживания подконтрольных субъектов целью, которой является оказание помощи малому бизнесу в понимании и усвоении положений транспортного законодательства, что в свою очередь позволит надзорным органам перейти на новый более качественный уровень государственного управления.

Ключевые слова: государственный контроль и надзор, профилактика, предупредительная работа, транспортное законодательство, бизнес.

LISEENKO Viktor Ivanovich

postgraduate student of Administrative and Financial Law sub-faculty of the Tyumen State University, assistant of Head of Regional management of state road supervision in the Tyumen region, Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra and Yamalo-Nenets Autonomous district

FIRST, THE NATURE OF CONTROL AND SUPERVISION IN SPHERE OF TRANSPORT AS A PREVENTION OF CRIME

The article discusses the activities of bodies of state control and supervision in the context of awareness-raising and preventive orientation. The author presents the concept of service regulated entities the purpose of which is to assist small businesses in understanding and assimilating the provisions of the transport legislation that howl will enable the regulatory authorities to move to a new more qualitative level of government.

Keywords: state control and supervision, prevention, preventive work, transport law, company.

Лисеенко В. И.

На сегодняшний день проблемы государственного контроля и надзора приобретают важную теоретическую и практическую значимость. Профессор В. И. Майоров отмечает: «как управленческая категория контрольно-надзорная деятельность исторически связана с государственным управлением, является его необходимым элементом»¹. Государство, осуществляя регулирование той либо иной деятельности, в том числе предпринимательской, устанавливает общеобязательные правила поведения субъектов этой деятельности и осуществляет контроль соблюдения установленных правил. Система государственного контроля и надзора напрямую зависит от состояния регуляторной политики государства и должна быть организована таким образом, чтобы не только констатировать факты нарушений и применять меры ответственности, но и стимулировать законопослушное поведение.

В каждом государстве имеются свои, присущие только ему специфические правила государственного контроля и надзора. В то же время основные задачи контрольной деятельности схожи и направлены на обеспечение безопасности граждан и окружающей среды, предупреждение чрезвычайных ситуаций, предотвращение нарушений транспортного, санитарно-эпидемиологического, трудового законодательства и т. д., а также нарушений в сфере финансово-хозяйственной деятельности. При осуществлении государственной контрольной и надзорной деятельности особое значение имеет предот-

ращение и профилактика угроз, которые могут исходить от деятельности субъектов хозяйствования для людей и окружающей среды. С этой целью контрольные органы должны концентрироваться на работе с объектами, представляющими наибольший риск с точки зрения обеспечения безопасности людей и окружающей среды. Мировые тенденции свидетельствуют также о том, что правительства большинства стран стремятся уменьшить административную нагрузку на субъекты хозяйствования, в том числе от контрольной и надзорной деятельности государства. Это делается для улучшения деловой среды и способствует дальнейшему развитию бизнеса, решению проблем занятости и развитию экономик этих стран в целом².

На прошедшем 22 июля 2016 г. совещании Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина с членами правительства, были затронуты ряд ключевых вопросов совершенствования контрольно-надзорной деятельности, одним из которых является профилактическая составляющая работы органов государственного контроля. Ключевой идеей в направлении профилактики правонарушений нам представляется так называемый сервисный характер государственного контроля, направленный на обслуживание малого бизнеса, помогающего ему избежать нарушений, в нашем случае транспортного законодательства, влекущих в свою очередь соответствующие наказания. Сервис – в данном случае это не «улыбки», а информационно-разъяснительная система работы

1 Майоров В. И. Контроль и надзор в сфере дорожного движения // Вестник Уральского института экономики управления и права. – 2015. – № 2 (31). – С. 99-109.

2 «Контрольная и надзорная деятельность в республике Беларусь» / Аналитический отчет. – 2008. – С. 8.

контрольно-надзорных органов призванная в первую очередь к побуждению должностных лиц и индивидуальных предпринимателей изучать и соблюдать положения транспортного законодательства. Государственный контроль в данном случае несколько утрачивает карающие функции, предполагая работу с бизнесом не только на стадии, когда нарушение выявлено, но и работа по разъяснению требований представителя контрольного органа и законодательства в целом. Мы с Вами понимаем, что зачастую нарушения законодательства носят не злостный характер, а следствие факта не преднамеренных ошибок результатом которых является банальное незнание положений законодательства представителями малого бизнеса и индивидуальными предпринимателями.

Предупредительная работа в сфере транспортного законодательства в данный момент является особенно актуальной, учитывая то, что автомобильный транспорт – самый опасный вид транспорта. Именно на его долю приходится львиная доля транспортных потерь. Система автобусного сообщения – самая развитая транспортная связь в нашей стране. Ни в одном населенном пункте не обходятся без этого вида транспорта. Автобусами постоянно пользуются как внутри населенных пунктов, так и между ними, а доля предприятий малого бизнеса и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих пассажирские перевозки, как по регулярным маршрутам, так и перевозки по заказам существенно высока. Причины возникновения аварийных ситуаций могут быть различными: интенсивность транспортных потоков в городе, не всегда достаточно высокая квалификация водителей, недисциплинированность участников дорожного движения и ряд других обстоятельств, в том числе незнание. На сегодняшний день правовая грамотность малого и среднего бизнеса, осуществляющего свою деятельность в транспортной сфере, не достаточно высока. Наиболее часто предприниматели допускают ошибки в оформлении договорных отношений. Взаимодействие с государственными органами является для предпринимателей огромной проблемой. Во-первых, это связано с наличием разветвленной базы подзаконных актов, регулирующих статус органов государственной власти, некоторые из которых даже невозможно найти в открытом доступе. Во-вторых, предприниматели зачастую сталкиваются с халатностью сотрудников и их нежеланием работать. Обжалование действий чиновников требует времени и денег, зачастую предприниматели выбирают заплатить штраф или потерпеть нерасторопность сотрудников, вместо того чтобы идти в суд и доказывать свою правоту³.

Можно констатировать тот факт, что контрольно-надзорные органы в этой связи получили новый импульс развития и совершенствования, связанный с модернизацией системы транспортного надзора в Российской Федерации. Идет формирование правового поля, позволяющего эффективно осуществлять контрольные функции, вести предупредительную работу с целью пресечения правонарушений в области транспортного законодательства.

Эффективным средством обеспечения публичности и открытости в деятельности государственных транспортных инспекторов являются совместные совещания с представителями объединений предпринимателей, компаний перевозчиков и руководством автотранспортных предприятий. Необходимо создание постоянно действующих советов, консультационных групп и объединений, позволяющих гражданам, занимаю-

щимся малым и средним бизнесом в сфере транспорта, получать необходимые разъяснения по вопросам транспортного законодательства. Работа в этом направлении приобретает важность в связи с тем, что требования органов государственного автодорожного надзора к нарушителям транспортного законодательства неуклонно повышаются, наиболее полно реализуются полномочия, представленные законодательством по пресечению правонарушений в области пассажирских перевозок.

Пример тому вступление в силу Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 220-ФЗ «Об организации регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁴, ужесточающего требования к автотранспортным предприятиям, осуществляющим пассажирские перевозки.

Можно сказать, что в Российской Федерации началось федеральное регулирование городских пассажирских перевозок и это просто прекрасно. По сути, вышеуказанный документ позволяет городским властям в полной мере навести порядок на рынке пассажирских перевозок, в результате чего транспортные пассажирские предприятия будут действовать по единым общероссийским правилам.

Законом также внесены изменения в кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации, устанавливающие административные санкции за нарушение закона в сфере пассажирских регулярных перевозок. В частности, использование автобуса, трамвая или троллейбуса при отсутствии карты маршрута регулярных перевозок, если наличие карты является обязательным, влечет наложение штрафов:

– на водителя в размере – 5 тыс. руб.; на должностных лиц – 30 тыс. руб.;

– на юридических лиц – 300 тыс. руб.

Важный нюанс в том, что в законе отдельно прописано, что индивидуальные предприниматели несут административную ответственность как юридические лица. То есть штраф в данном случае для них также составит – 300 тыс. руб.

Несомненно то, что следствием вышеуказанных законодательных поправок будет проявление некоторого правового нигилизма со стороны представителей бизнеса сообщества. Положения закона потребуют апробацию в условиях его практического применения, которое в обязательном порядке займет определенный период времени. Это в свою очередь потребует со стороны контролирующих органов именно сервисного (обслуживающего), а не карающего подхода в своей деятельности, нацеленного на разъяснительную работу с бизнесменами и предпринимателями.

«Контроль – одна из важнейших функций государственного управления», – указывает В. И. Майоров⁵. Но во многих случаях ради обеспечения свободы граждан, предприятий, организаций, ограждения их от чрезмерной опеки со стороны государства правовыми актами контрольные полномочия

4 ФЗ от 13.07.2015 г. № 220-ФЗ «Об организации регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2015 г. – № 29 (часть I) – Ст. 4346.

5 Майоров В. И. Петров А. Ю. Государственный контроль и надзор в сфере обеспечения безопасности дорожного движения // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2015. – № 5-6. – С. 249-255.

3 Березина Е. Бизнес мало знает // Российская бизнес – газета: новое законодательство. – 15.07.2014. – № 956 (27).

субъектов власти ограничивают и предоставляют им возможность осуществлять только надзор.

Полагаем, что в условиях сокращения государственного вмешательства в деятельность предприятий, организаций, жизнь граждан, перехода к правовому государству роль надзора будет увеличиваться за счет сужения объема контроля. В чем же заключаются цели и задачи надзорной деятельности в государственном управлении? Они оказывают решающее влияние на основные направления деятельности, наконец, на санкции, которые обеспечивают принуждение к должному поведению в отношении охраняемого законом объекта. Чтобы обеспечить безопасность граждан, общества и государства, необходимо охранять соответствующие общественные отношения и материальные ценности не только от правонарушений, но и от противоправных действий и стихийных явлений. Поэтому субъекты надзорной деятельности, прежде всего, обязаны заботиться о недопущении вредных последствий, выявлении обстоятельств, которые могут быть их причиной, и принимать меры для устранения обнаруженных отклонений. И лишь потом выявлять виновных и решать вопрос об их ответственности⁶.

Стоит согласиться с мнением профессора В. И. Майорова о том, что «Контроль и надзор за соблюдением норм, правил и стандартов в сфере дорожного движения должны осуществляться не только в отношении непосредственных участников транспортного процесса, но и к юридическим и физическим лицам, допускающим противоправные действия на стадии подготовки и обеспечения (обслуживания) этого процесса. Представляется, что это является одной из главных проблем

6 Головкин В. В. Основы безопасности дорожного движения: Учебное пособие / В. В. Головкин, В. И. Майоров. – М., 2008. – С. 135 – 136.

контрольно-надзорной деятельности в сфере дорожного движения»⁷.

Пристатейный библиографический список

1. ФЗ от 13.07.2015 г. № 220-ФЗ «Об организации регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2015 г. – № 29 (часть I). – Ст. 4346.
2. Березина Е. Бизнес мало знает // Российская бизнес – газета: новое законодательство – 15.07.2014. – № 956 (27).
3. Головкин В. В. Основы безопасности дорожного движения: Учебное пособие / В. В. Головкин, В. И. Майоров. – М., 2008. – С. 135 – 136.
4. «Контрольная и надзорная деятельность в республике Беларусь» / Аналитический отчет. – 2008. – с. 8.
5. Майоров В. И. Контроль и надзор в сфере дорожного движения // Вестник Уральского института экономики управления и права. – 2015. – № 2 (31). – С. 99-109.
6. Майоров В. И. Петров А. Ю. Государственный контроль и надзор в сфере обеспечения безопасности дорожного движения // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2015. – № 5-6. – С. 249-255.

7 Майоров В. И. Контроль и надзор в сфере дорожного движения // Вестник Уральского института экономики управления и права. – 2015. – № 2 (31). – С. 99-109.

Монография «Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики»

Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики: монография / под общей редакцией С.А. Буткевича. – Симферополь: Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, 2015. – 328 с.

Монография посвящена анализу современных проявлений экстремизма и терроризма. Приведены законодательные и доктринальные определения экстремизма и терроризма, охарактеризованы основные формы и методы экстремистской и террористической деятельности. Определены характерные черты международного экстремизма и терроризма, разработаны предложения и рекомендации по совершенствованию приемов и способов противодействия данным явлениям, оптимизации форм и методов деятельности субъектов борьбы с терроризмом и экстремизмом.

Предназначена для профессорско-преподавательского состава и научных сотрудников образовательных и научно-исследовательских организаций системы МВД России, сотрудников правоохранительных органов и работников правозащитных организаций.

МАЙОРОВ Владимир Иванович

доктор юридических наук, профессор кафедры административного и финансового права Тюменского государственного университета

РАЗРАБОТКА И ПРОВЕДЕНИЕ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ И РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ (НА ПРИМЕРЕ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ)

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты разработки и проведения оценки эффективности и результативности профессиональной деятельности государственных гражданских служащих в Российской Федерации. Анализируются ключевые нормативные правовые акты, позиции известных ученых по данному вопросу. Проводится разграничение понятий эффективности и результативности. Автором раскрыта сущность процесса проведения оценки эффективности деятельности государственных служащих из числа руководителей на примере Челябинской области. Сделан вывод о необходимости дальнейшего развития системы оценки эффективности профессиональной деятельности государственных служащих.

Ключевые слова: государственные служащие, результативность и эффективность деятельности, оценка деятельности государственных служащих, Челябинская область.

Майоров В. И.

MAYOROV Vladimir Ivanovich

Ph.D. in Law, professor of Administrative and Financial Law sub-faculty of the Tyumen State University

DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION OF THE EVALUATION OF EFFICIENCY AND EFFECTIVENESS OF CIVIL SERVANTS PROFESSIONAL ACTIVITY (ON THE EXAMPLE OF THE CHELABINSK REGION)

The article deals with the theoretical and practical aspects of the development and implementation of the evaluation of effectiveness and efficiency of the civil servants professional activity in the Russian Federation. The key legal acts and the position of well-known scholars on the subject are analyzed. The concepts of efficiency and effectiveness are distinguished. The author reveals the essence of the process of evaluating the performance efficiency of civil servants from the leaders on the example of the Chelyabinsk region. The conclusion is drawn about the necessity further development of the evaluation system of efficiency of civil servants professional activity.

Keywords: civil servants, efficiency and effectiveness of performance, evaluation of civil servants performance, Chelyabinsk region.

Реформа государственной службы, проводимая в настоящее время в Российской Федерации, предполагает разработку и внедрение показателей оценки эффективности и результативности профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих, позволяющих в виде конкретных целевых значений качественных и количественных параметров оценить степень и качество выполнения государственными служащими возложенных на них должностных обязанностей. Внедрение таких показателей способствует повышению качественных результатов работы госслужащих и установлению связи между оценкой их деятельности и системой стимулирования труда.

В то же время среди отечественных ученых отсутствует единое мнение о содержании понятия оценки эффективности и результативности деятельности управленческого персонала как в коммерческом секторе, так и в публичной сфере. В современной научной литературе, как правило, используется термин «оценка персонала», под которым понимается «процесс определения эффективности деятельности сотрудников в ходе реализации задач организации»¹. Но данный термин чаще всего применяется для оценки труда работников коммерческих организаций.

Для оценки эффективности их труда необходимо сначала оценить результаты (в частном секторе экономики – это при-

быль), далее – затраченные на получение прибыли ресурсы, а затем соотнести их между собой. Как отмечает Ю. В. Гаврилова, в этом аспекте оценка эффективности становится ключевым элементом триады «оценка персонала – повышение производительности труда – увеличение прибыли»². Однако подобная схема, идеальная для оценки эффективности в частном секторе, вряд ли может быть в полной мере применена к оценке деятельности государственного служащего в публичной сфере.

Оценка деятельности государственных гражданских служащих, как это следует из Указа Президента РФ от 21.08.2012 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации», включает в себя «процесс определения эффективности их деятельности в ходе реализации целей и задач органа государственной власти в соответствии с их компетенцией, позволяющий получить существенную, значимую информацию для принятия дальнейших управленческих решений»³. Сложность понятия оценки эффективности деятельности государственных служащих во многом объясняется специфическим характером госслужбы,

1 Суханова И. М. Аттестация персонала. Когда организации нужна комплексная оценка / Кадровые решения. – 2007. – № 4. – С. 129.

2 Гаврилова Ю. В. Понятие и назначение оценки персонала на государственной гражданской службе РФ // Власть. – 2014. – № 6. – С. 100.

3 Указ Президента РФ от 21.08.2012 № 1199 (ред. от 28.12.2012) «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

«трудовые отношения в которой принципиально отличаются от таковых в других сферах деятельности»⁴.

В настоящее время в России пока не сложилась единая теоретико-методологическая и нормативно-правовая база, определяющая понятие эффективности и результативности деятельности чиновника. Многие исследователи обращают внимание на отличия в содержании понятий результативности и эффективности деятельности государственных гражданских служащих. Так, проректор Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации И. Н. Барциц подчеркивает, что хотя в законодательстве используется соединение эффективности и результативности, «необходимо четко разделять два этих термина: что относится к эффективной, а что – к результативной деятельности»⁵.

Эффективность государственного управления определяется степенью полноты и качества выполнения органами власти своих функций, в первую очередь – удовлетворения запросов и потребностей населения. Об эффективности деятельности органов власти и их служащих свидетельствует достижение заданного результата (в том числе предоставление объема государственных функций и услуг) при минимуме затраченных ресурсов (бюджетных средств, времени и т. д.) или достижение наилучшего результата при заданном объеме ресурсов, средств. При этом результативность управления, в отличие от эффективности, характеризуется степенью достижения заданного результата функционирования управляемой системы⁶.

С позиции системного подхода результативность можно оценить как «степень достижения поставленных целей (ожидаемых результатов) властно-управленческой деятельности». Затраты на достижение цели или содержательная ее оценка не имеют значения; важна лишь степень достижения поставленной цели. Эффективность же в отличие от результативности определяется именно на основе «количественного соотношения целевым образом израсходованных ресурсов (финансовых, трудовых, информационных и др.) и результатов государственного и муниципального управления»⁷.

В этой связи необходимо отметить наличие такой важной методологической проблемы, как выбор конкретных, измеримых показателей и критериев, которые бы наиболее адекватно оценивали эффективность профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих. Как считает Я.Ю. Маслова, нужен переход «от субъективных оценок руководителей и кадровых служб, скрытых от граждан и институтов гражданского общества, к системе объективной оценки эффективности, которая опиралась бы на определенные критерии и показатели»⁸. Немаловажным является такой показатель, как удовлетворение общественных потребностей и интересов, ведь оценка деятельности госслужащих зависит, прежде всего, «от качественного оказания гражданам и организациям государственных услуг, от того, насколько высок

процент культуры общения с гражданами, отсутствия проявления бюрократизма и коррупции»⁹.

Характеризуя систему показателей оценки результативности и эффективности деятельности государственных служащих, можно обратиться к зарубежному опыту. Сегодня во многих странах мира проводится разработка и внедрение комплексной системы индикаторов, которые отражают успешность выполнения должностных обязанностей, а также степень достижения поставленных целей. В этом процессе задействованы всевозможные показатели результативности (Performance Measures)¹⁰. При всем разнообразии методов декомпозиции и способов построения систем показателей чаще всего разработка механизма оценки результативности строится на основе двух основных систем: построения «сбалансированной системы показателей» (Balanced Scorecard – BSC) и определения «ключевых показателей результативности» (Key Performance Indicators – KPI). В системе BSC основное внимание направлено на установление взаимосвязи отдельных показателей результативности между собой с целью максимизации оценки их совокупного влияния на конечный эффект, а система KPI в свою очередь строится на выборе наиболее важных показателей результативности, которые в максимальной степени характеризуют конечный эффект¹¹. В процессе разработки системы ключевых показателей результативности одна из главных проблем заключается в том, что ориентация на конечные результаты, проявляемые в социальном и экономическом эффекте, обуславливает сложность определения вклада отдельно взятого госслужащего в полученный результат; однако для объективной оценки его деятельности требуются как можно более четкие показатели.

В Российской Федерации до начала 2000-х гг. отсутствовала система оценочных показателей служебной деятельности гражданских служащих, что вызывало ряд проблем, «в частности, не был разработан механизм внедрения показателей в служебную деятельность гражданских служащих»¹². Не были определены критерии, показатели, методы и процедуры оценки эффективности, а сама оценка проводилась в большинстве случаев в форме аттестации¹³. Аттестации зачастую носили формальный характер и не позволяли в должной мере определить качество исполнения должностных обязанностей.

С начала 2000-х гг. в России начинается активный процесс реформирования системы государственной службы. 15 августа 2001 года Президентом РФ была утверждена Концепция реформирования системы государственной службы, в которой одной из основных проблем современного состояния государственной службы была названа недостаточная эффективность деятельности органов государственной власти. Это определи-

4 Стариков Ю. Н. Служебное право. – М.: БЕК, 1996. – С. 398.

5 Барциц И. Н. Показатели эффективности деятельности государственного служащего // Система государственного и муниципального управления: Уч. курс. Т. 2. М., 2011.

6 Ворошилов Н. В. Эффективность муниципального управления: сущность и подходы к оценке // Проблемы развития территории. – 2015. – №3 (77). – С.143.

7 Лексин В. Н. Результативность и эффективность действий региональной и муниципальной власти: назначение и возможности корректной оценки // Регион: экономика и социология. – 2012. – №1 (73). – С. 5.

8 Маслова Я. Ю. Видо – типологическая классификация подходов к оценке персонала // Вестник ПАГС. – 2013. – № 2 (35). – С. 102-103.

9 Майоров В. И. О повышении качества государственной службы в Российской Федерации // Проблемы права. – 2014. – № 3 (46). – С. 67.

10 Котелевская И. Административная реформа в Российской Федерации. Оценка эффективности деятельности государственных служащих. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pandia.ru/text/78/522/17575.php> (дата обращения: 13.07.2016).

11 Котелевская И. Административная реформа в Российской Федерации. Оценка эффективности деятельности государственных служащих // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pandia.ru/text/78/522/17575.php> (дата обращения: 13.07.2016).

12 Волкова В.В. Показатели эффективности и результативности служебной деятельности государственных гражданских служащих // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://отрасли – права.рф/article/14500> (дата обращения: 29.06.2016).

13 Федеральный закон «Об основах государственной службы в РФ» от 31.07.1995 №119 – ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 31. – Ст. 2990.

ло постановку вопроса о разработке и внедрении механизмов оценки результативности и эффективности деятельности государственных служащих. Как отмечал И. Н. Барциц, новые показатели результативности профессиональной служебной деятельности должны с помощью конкретных целевых значений фиксировать «особенности и степень достижения целей, возложенных на государственные органы, их структурные подразделения и государственных служащих»¹⁴.

Для реализации принципа объективной оценки эффективности деятельности государственных служащих, установленного как в Концепции, так и в Федеральной программе реформирования государственной службы в 2003 – 2005 годах, предусматривалось:

– более четкое определение объектов, методов и процедур оценки эффективности деятельности госслужащих на основе анализа имеющейся отечественной практики, опыта зарубежных стран, деятельности частного сектора (с учетом специфики публичного сектора и госслужбы); определение четких критериев и показателей такой оценки;

– создание институциональной и нормативной базы для оценки эффективности и построение на этой основе комплексной системы оценки эффективности деятельности госслужащих в Российской Федерации.

В соответствии с данной концепцией были приняты Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации»¹⁵ и Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе»¹⁶, в которых создание системы показателей эффективности и результативности деятельности гражданских служащих получило юридическое обоснование.

Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» закрепил два вида показателей результативности и эффективности профессиональной служебной деятельности: обобщенные и специфические. Под обобщенными показателями понимались типовые показатели, общие для различных категорий гражданских служащих (касающиеся сроков приема и выдачи документов, подготовки нормативных правовых актов и т.д.)¹⁷. К специфическим относились показатели, которые установлены индивидуально для отдельных гражданских служащих и отражают специфику деятельности конкретного органа государственной власти и/или гражданского служащего (например, предоставление государственных услуг или принятие значимых административных решений).

Считаем, в целом, возможным выделить три основные группы показателей эффективности и результативности. К первой относятся показатели, характеризующие эффективность и результативность деятельности государственного органа (показатели конечного эффекта). Они определяют степень достижения государственным органом стоящей перед ним определенной цели (задачи) и представляют собой количественное измерение состояния достижения целей.

Вторую группу составляют показатели, характеризующие качество принятия и исполнения управленческих и иных решений (показатели непосредственного результата). Они определяют эффективность исполнения определенных задач, работ и видов деятельности гражданского служащего.

И, наконец, в третью группу входят показатели, характеризующие правовое, организационное и документационное обеспечение исполнения указанных решений, или показатели процессов. Они в свою очередь характеризуют выполнение гражданским служащим служебных обязанностей и должностного регламента и должны быть включены в должностные регламенты государственных гражданских служащих¹⁸.

Таким образом, в 2000-е гг. в России была проведена большая работа по созданию нормативно-правовой базы и внедрению механизмов оценки результативности и эффективности деятельности государственных гражданских служащих. Однако многие методы регламентации деятельности государственных служащих так и не получили широкого применения, а новые законодательные механизмы стимулирования госслужащих к исполнению их обязанностей на высоком профессиональном уровне оказались в полной мере не реализованы. Помимо этого требовалось нормативное реформирование вопросов установления обобщенных показателей эффективности и результативности деятельности государственных органов и гражданских служащих.

Еще одна проблема была связана с выбором критериев оценки результативности деятельности государственных гражданских служащих и их оптимальным количеством. Большое количество критериев оценки ведет к тому, что сложность проведения оценки и высокие издержки на мониторинг большого числа показателей могут нивелировать весь положительный эффект от их практического применения. В противном случае, если показателей недостаточно, существует вероятность появления «эффекта искажающего поведения» со стороны служащих, при котором они основное внимание уделяют тем видам деятельности, которые измеряются показателями, и игнорируют прочие должностные обязанности.

На решение имеющихся проблем была нацелена Федеральная программа «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации» (2009 – 2013)», в рамках которой предполагалось планирование, оценку и финансирование деятельности государственных органов поставить в зависимость от количества и качества оказываемых ими государственных услуг (выполняемых функций)¹⁹. В концепции реформы было заложено внедрение механизмов управления по результатам. Исходя из этого, предусматривалась разработка ключевых измерителей показателей эффективности и результативности деятельности государственных органов.

В настоящее время важнейшей задачей дальнейшего развития гражданской службы стал переход к разработке и внедрению системы комплексной оценки государственных гражданских служащих. Комплексная оценка служащих входит в число современных кадровых технологий, а ее внедрение является одним из основных направлений развития государственной службы Российской Федерации. Это особо выделено в проекте Федеральной программы «Развитие государственной

14 Барциц И. Н. Показатели эффективности деятельности государственного служащего // Система государственного и муниципального управления: Уч. курс. Т. 2. – М., 2011. – С. 71.

15 Федеральный закон от 27.05.2003 № 58 – ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 22. – Ст. 2063.

16 Федеральный закон от 27.07.2004 № 79 – ФЗ «О государственной гражданской службе в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 31. – Ст. 3215.

17 См. там же.

18 Федеральный закон от 27.07.2004 № 79 – ФЗ «О государственной гражданской службе в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 31. – Ст. 3215.

19 Указ Президента Российской Федерации от 10 марта 2009 г. № 261 «О федеральной программе «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009–2013 годы)» (в ред. от 10 августа 2012 г.) // СПС Консультант Плюс.

службы Российской Федерации (2015– 2018 годы)», поскольку применение системы комплексной оценки обеспечивает продвижение государственных служащих по должностям в зависимости от образования, знаний и навыков по направлениям деятельности, опыта работы, профессиональных достижений и результатов общественной оценки. Таким образом, комплексная оценка обобщает и выводит на качественно новый уровень проделанную ранее работу по созданию и внедрению механизмов оценки результативности и эффективности профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих.

Методы оценки деятельности государственных служащих могут быть весьма многообразны. Особо необходимо отметить метод управления по целям (MbO) – широко распространенный за рубежом метод комплексной оценки эффективности деятельности государственных служащих, который в наибольшей степени соответствует современным тенденциям оценки эффективности и характеризуется высокой объективностью. Данный метод основывается на оценке достижения целей, намеченных на конкретный период времени, конкретным служащим, поэтому требует четкого количественного определения целей и сроков их достижения²⁰.

В связи с тем, что органам государственной власти субъектов РФ было рекомендовано принять участие в реализации Федеральной программы «Развитие государственной службы Российской Федерации (2015 – 2018 гг.)», в последние годы на региональном уровне начался процесс внедрения механизмов комплексной оценки деятельности государственных гражданских служащих.

Так, в Челябинской области в 2015 году были разработаны и утверждены Положение об оценке эффективности деятельности руководителей органов исполнительной власти Челябинской области (далее – Положение), а также Методика проведения данной оценки. В Положении были установлены основные принципы, критерии, порядок проведения оценки эффективности, органы, ответственные за ее проведение, определены органы исполнительной власти Челябинской области и структурные подразделения Аппарата Губернатора и Правительства Челябинской области, участвующие в проведении оценки²¹.

В целом, авторы Положения постарались учесть все современные тенденции проведения комплексной оценки эффективности и существующие в данной сфере проблемные вопросы. Теоретической и методической основой данного документа стали положения, содержащиеся в методическом инструментарии по внедрению комплексной оценки (разработанном Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации в 2013 году) и нормы законодательства о государственной гражданской службе.

Были сформулированы следующие основные принципы проведения оценки эффективности:

– принцип законности – проведение оценки эффективности деятельности руководителей строго в соответствии с

законодательством Российской Федерации и Челябинской области;

– принцип объективности – всестороннее и полное проведение независимой оценки, исключение конфликта интересов;

– принцип достоверности – подтверждение результатов оценки эффективности деятельности руководителей соответствующими документами;

– принцип прозрачности – возможность проверить происхождение источников информации, используемых для проведения оценки;

– принцип гласности – публикация результатов проведенной оценки эффективности деятельности руководителей на сайте Правительства Челябинской области²².

Источниками информации для проведения оценки эффективности деятельности руководителей стали отчеты органов исполнительных власти Челябинской области, статистические данные, результаты анкетирования и социологических опросов, заключения независимых экспертов.

Механизм проведения оценки был закреплен в Методике проведения оценки эффективности деятельности руководителей (далее – Методика), целью которой является обеспечение оптимальной организации и проведения процедур оценки эффективности, их прозрачности и открытости, а также четкого распределения обязанностей и ответственности участников оценки²³. Методика содержит подробное описание набора оценочных процедур, технологий и методов, позволяющих получить оценку профессиональной служебной деятельности руководителей органов исполнительной власти Челябинской области, порядок организации и проведения комплексной оценки и отдельных ее элементов, методический инструментарий и способы учета результатов в деятельности органов исполнительной власти.

При этом оценивались одновременно и результативность, и эффективность деятельности руководителей, несмотря на некоторую, уже отмеченную нами противоречивость данных понятий. Под эффективностью и результативностью в Методике подразумевалась «способность руководителя к достижению поставленных целей, выполнению задач и реализации планов в полном объеме с требуемым качеством в установленный срок при оптимальном использовании организационных, кадровых, финансовых, информационных и других типов ресурсов, имеющихся в распоряжении органа власти»²⁴.

Было решено выделить 6 критериев оценки эффективности деятельности руководителей:

1) выполнение индикативных показателей и эффективность использования бюджетных средств органом исполнительной власти Челябинской области;

20 Котелевская И. Административная реформа в Российской Федерации. Оценка эффективности деятельности государственных служащих. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pandia.ru/text/78/522/17575.php> (дата обращения: 13.07.2016).

21 Положение об оценке эффективности деятельности руководителей органов исполнительной власти Челябинской области // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gosslujba.pravmin74.ru/sites/default/files/rasporyazhenie_gubernatora_chelyabinskoy_oblasti_ot_09.04.2015_no_343_r.pdf (дата обращения: 19.07.2016).

22 Положение об оценке эффективности деятельности руководителей органов исполнительной власти Челябинской области // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gosslujba.pravmin74.ru/sites/default/files/rasporyazhenie_gubernatora_chelyabinskoy_oblasti_ot_09.04.2015_no_343_r.pdf (дата обращения: 19.07.2016).

23 Методика проведения оценки эффективности деятельности руководителей органов исполнительной власти Челябинской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gosslujba.pravmin74.ru/sites/default/files/metodika_provedeniya_ocenki.rar (дата обращения: 19.07.2016).

24 Методика проведения оценки эффективности деятельности руководителей органов исполнительной власти Челябинской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gosslujba.pravmin74.ru/sites/default/files/metodika_provedeniya_ocenki.rar (дата обращения: 19.07.2016).

2) качество работы по планированию и исполнению областного бюджета (качество финансового менеджмента, осуществляемого главными распорядителями средств областного бюджета и главными администраторами доходов областного бюджета);

3) качество предоставления государственных услуг органом исполнительной власти Челябинской области;

4) эффективность исполнения органом исполнительной власти Челябинской области государственных функций по государственному контролю (надзору);

5) качество исполнения поручений и указаний Президента Российской Федерации, контрольных поручений Губернатора Челябинской области;

6) эффективность реализации кадровой политики²⁵.

Такое количество критериев представляется оптимальным, исходя из существования упомянутой выше проблемы достаточности/недостаточности количества оцениваемых критериев. Охвачены основные направления работы руководителей, нет перекоса в ту или иную сторону деятельности. Конечно, все 6 критериев получилось возможным применить к оценке не всех руководителей исполнительных органов власти, как это будет видно из итогового рейтинга, однако введение меньшего количества критериев было бы нерациональным из-за риска упустить значимые стороны работы руководителей, требующие оценки.

Согласно Методике по каждому критерию оценки эффективности деятельности руководителей формируется набор показателей эффективности и результативности, их значения определяются экспертным путем и устанавливаются с учетом и на основе:

- значений за прошлые периоды;
- метода прямого счета, когда целевое значение устанавливается на уровне, означающем, что проблема, порождающая какую-либо задачу, полностью решена;
- методов кратко- и среднесрочного планирования;
- показателей, установленных в отраслевых законодательных и подзаконных актах;
- значений аналогичных показателей в других субъектах РФ²⁶.

К показателям предъявляется ряд требований:

1) показатели должны быть основаны на официальных данных либо иной подлежащей проверке информации;

2) способ сбора и обработки исходной информации должен допускать возможность проверки корректности полученных данных;

3) определение показателя должно обеспечивать однозначность его интерпретации;

4) получение необходимых данных должно производиться с минимально возможными затратами времени и ресурсов;

5) показатели следует определять исходя из необходимости непрерывного накопления данных и обеспечения их сопоставимости за отдельные периоды;

25 Положение об оценке эффективности деятельности руководителей органов исполнительной власти Челябинской области // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gosslujba.pravmin74.ru/sites/default/files/rasporjazyazhenie_gubernatora_chelyabinskoy_oblasti_ot_09.04.2015_no_343_r.pdf (дата обращения: 19.07.2016).

26 Методика проведения оценки эффективности деятельности руководителей органов исполнительной власти Челябинской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gosslujba.pravmin74.ru/sites/default/files/metodika_provedeniya_ocenki.rar (дата обращения: 19.07.2016).

6) показатели должны отражать непосредственно деятельность руководителя органа исполнительной власти Челябинской области.

Как мы видим, определение показателей эффективности носит системный характер, учтены различные стороны проблемы, принимаются во внимание как текущее положение дел, так и ретроспективный и перспективный аспекты, достижение нормативных показателей. Немаловажное значение имеет включение в оценку сравнительного компонента, заключающегося в сравнении с другими субъектами РФ. Требования, предъявляемые к показателям, являются четкими и обоснованными, учтено практически все, что необходимо для проведения на их основе адекватной оценки.

Механизм оценки эффективности, разработанный в Челябинской области, можно отнести к системе определения «ключевых показателей результативности» (KPI), ориентированной на выбор наиболее важных показателей, характеризующих конечный эффект. Выбранные показатели эффективности относятся к группе показателей непосредственного результата. В целом, предложенная система оценки эффективности деятельности руководителей соответствует закрепленному в методическом инструментарии по внедрению комплексной оценки перечню оцениваемых областей деятельности и соответствующих им показателей эффективности государственных гражданских служащих, относящихся к категории руководителей территориальных органов федеральных органов исполнительной власти. В качестве основного метода оценки руководителей использован метод управления по целям, обычно применяемый для оценки достижения целей с использованием показателей эффективности.

Результаты проведения первой оценки эффективности деятельности руководителей по новой методике были подведены в итоговом документе «Сводный рейтинг руководителей органов исполнительной власти региона по итогам работы в 2015 году», опубликованном на сайте Правительства Челябинской области²⁷. В документе был определен рейтинг областных министров, начальников главных управлений и председателей территориальных органов исполнительной власти. По всем руководителям значение итогового индекса эффективности носило положительный характер, то есть соответствовало требованиям, предъявляемым к эффективности профессиональной служебной деятельности гражданского служащего. Первое место в рейтинге руководителей занял С. Ю. Сушков (Министр сельского хозяйства Челябинской области) с итоговым показателем эффективности 1,0223, за ним следовали И. о. начальника Главного контрольного управления Д. В. Агеев (1,300) и начальник Главного управления «Государственная жилищная инспекция Челябинской области» А. Г. Дмитриев (0,9470). Соответственно, наиболее низкие показатели эффективности были отмечены у руководителя Постоянного Представительства Челябинской области при Правительстве Российской Федерации А. О. Шепилова – 0,7165 (за счет отсутствия в его деятельности оценки по 4 из 6 установленных критериев). Перед ним в рейтинге расположился начальник Главного управления по труду и занятости населения В. В. Смирнов (0,8292)²⁸.

27 Сводный рейтинг и рейтинг по критериям оценки эффективности деятельности руководителей органов исполнительной власти Челябинской области в 2015 году. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gosslujba.pravmin74.ru/sites/default/files/slyady_dlya_komissii_poslednie.ppt (дата обращения: 19.07.2016).

28 Сводный рейтинг и рейтинг по критериям оценки эффективности деятельности руководителей органов исполнительной власти

Его деятельность была оценена по всем установленным критериям, поэтому по сути именно В. В. Смирнова можно считать руководителем, показавшим наименьшую эффективность по результатам проведенной оценки.

Одним из достоинств оценки эффективности руководителей в Челябинской области мы считаем доступность и полноту информации о процессе ее проведения. Принцип гласности оценки был реализован путем размещения на сайте Правительства Челябинской области всех нормативных документов, Сводного рейтинга и рейтинга по критериям оценки эффективности деятельности руководителей, Протокола рассмотрения результатов оценки, а также весьма полных и подробных сведений о расчете показателей и индикаторов по каждому оцениваемому критерию. Сводный рейтинг был представлен в виде презентации, что позволило наглядно и емко изложить данные наиболее легким для восприятия способом. Все это существенно повышает легитимность оценки, показывает реальный механизм ее проведения, позволяет совершенствовать механизм оценки за счет внимания к нему со стороны институтов гражданского общества.

Кроме того, подробное освещение процесса проведения оценки способствует реализации принципов объективности и достоверности информации, что позволяет воспринимать ее итоги рационально, как фактические данные, а не с позиции доверия/недоверия, как многие официально публикуемые рейтинги.

К числу слабых сторон проведенной оценки можно отнести отсутствие четкого представления о дальнейших действиях со стороны органов власти, которые должны предприниматься по итогам оценки. До конца неясно – получают ли руководители, занявшие первые места в рейтинге, какие-либо преференции или вознаграждения. И что более важно – были ли бы в отношении тех, кто продемонстрировал малоэффективность своей работы, применены санкции. Одной из целей проведения оценки обозначено внедрение системы оплаты труда руководителей органов исполнительной власти Челябинской области с учетом показателей эффективности и результативности их профессиональной служебной деятельности, но непонятно изменится ли текущий размер оплаты труда руководителей после представления Сводного рейтинга. Хотя все руководители исполнительных органов Челябинской области показали положительные результаты, однако введение механизма оценки направлено на повышение эффективности и результативности их работы, поэтому необходимо разработать систему мер, которые будут предприниматься по итогам оценки, иначе ее можно будет считать лишь формальностью.

В целом, наиболее важным на данный момент мы считаем то, что, несмотря на все теоретико-методологические и практические трудности в разработке системы оценки эффективности госслужащих и ее проведении, в Челябинской области эта оценка была впервые осуществлена. Значение этого трудно переоценить. «Сводный рейтинг руководителей органов исполнительной власти региона по итогам работы в 2015 году» стал зримым воплощением разработки и внедрения на региональном уровне системы комплексной оценки государственных гражданских служащих, являющейся в настоящее время одним из основных направлений развития государственной службы Российской Федерации.

В заключение отметим, что профессионально разработанная система оценки государственных гражданских служащих может в значительной мере повысить эффективность реализации государством управленческих функций и тем самым способствовать росту легитимности государственной власти. Формирующаяся в России система оценки деятельности государственных гражданских служащих должна носить комплексный характер, включающий в себя определенную совокупность элементов: процесс, принципы, критерии и методы оценки. При этом нужно учитывать специфический характер деятельности государственных служащих, одной из основных целей которой является удовлетворение общественных интересов.

Пристатейный библиографический список

1. Барциц И. Н. Показатели эффективности деятельности государственного служащего // Система государственного и муниципального управления: Уч. курс. Т. 2. – М., 2011.
2. Волкова В. В. Показатели эффективности и результативности служебной деятельности государственных гражданских служащих // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://отрасли-права.рф/article/14500> (дата обращения: 29.06.2016).
3. Ворошилов Н.В. Эффективность муниципального управления: сущность и подходы к оценке // Проблемы развития территории. – 2015. – №3 (77). – С.143-147.
4. Гаврилова Ю. В. Понятие и назначение оценки персонала на государственной гражданской службе РФ // Власть. – 2014. – №6. – С. 100-104.
5. Котелевская И. Административная реформа в Российской Федерации. Оценка эффективности деятельности государственных служащих. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pandia.ru/text/78/522/17575.php> (дата обращения: 13.07.2016).
6. Лексин В. Н. Результативность и эффективность действий региональной и муниципальной власти: назначение и возможности корректной оценки // Регион: экономика и социология. – 2012. – № 1 (73). – С. 3-30.
7. Майоров В. И. О повышении качества государственной службы в Российской Федерации // Проблемы права. – 2014. – № 3 (46). – С. 66-69.
8. Маслова Я. Ю. Видо-типологическая классификация подходов к оценке персонала // Вестник ПАГС. – 2013. – № 2 (35). – С. 98-104.
9. Стариков Ю. Н. Служебное право. – М.: БЕК, 1996. – 698 с.
10. Суханова И. М. Аттестация персонала. Когда организации нужна комплексная оценка // Кадровые решения. – 2007. – № 4. – С. 129-135.

АБАШИДЗЕ Аслан Хусейнович

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Российского университета дружбы народов

ГУГУНСКИЙ Денис Андреевич

старший преподаватель кафедры международного права Российского университета дружбы народов

КОНЕВА Александра Евгеньевна

кандидат юридических наук, ассистент кафедры международного права Российского университета дружбы народов

СОЛНЦЕВ Александр Михайлович

кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой международного права Российского университета дружбы народов.

Абашидзе А. Х.

Гугунский Д. А.

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ РАМКИ БОРЬБЫ С НАСИЛИЕМ В ОТНОШЕНИИ ДЕТЕЙ

В статье раскрывается содержание понятия «насилие в отношении детей» в международном праве, рассматриваются формы такого насилия, анализируются международные обязательства государств по борьбе с насилием в отношении детей. Авторы обозначают сферы общественной жизни, в которых насилие наиболее распространено. В статье также указываются трудности, встречающиеся на пути противодействия насилию на национальном уровне, в том числе в Российской Федерации, определяются аспекты, требующие пристального внимания в контексте продолжающихся усилий в данной сфере на национальном и глобальном уровнях.

Ключевые слова: права человека, права детей, ООН, насилие в отношении детей, Конвенция о правах ребенка, Комитет ООН по правам ребенка.

Конева А. Е.

Солнцев А. М.

ABASHIDZE Aslan Huseynovich

Ph.D. in Law, professor, Head of International Law sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia

GUGUNSKIY Denis Andreevich

senior lecturer of International Law sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia

KONEVA Alexandra Evgenjevna

Ph.D. in Law, assistant of International Law sub-faculty of the People's Friendship University

SOLNTZEV Alexander Mikhaylovich

Ph.D. in Law, associate professor, Deputy Head of International Law sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia.

UNIVERSAL INTERNATIONAL LEGAL FRAMEWORK FOR COMBATING VIOLENCE AGAINST CHILDREN

The article reveals content of notion of "violence against children" in international law, considers forms of violence, analyses international obligations of States to combat violence against children. The authors determine spheres of social life, where violence is most widespread. The article also indicates difficulties facing the attempts to fight against violence at national level, including in the Russian Federation, as well as aspects demanding close attention in the context of the ongoing efforts in this sphere at national and global level.

Key words: human rights, children's rights, UN, violence against children, Convention on the Rights of the Child, UN Committee on the Rights of the Child.

В последние годы защита детей от насилия превратилась из во многом малознакомой темы в растущую глобальную проблему. На основе международных стандартов в области прав человека и проведенного ООН исследования о насилии в

отношении детей¹ сформировалось растущее понимание того,

1 The United Nations Study on Violence against Children. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/CRC/Study/Pages/StudyViolenceChildren.aspx> (дата обращения 26 августа 2016 г.).

как дети подвергаются насилию, укрепилась готовность обеспечить их безопасность и защиту, а также были предприняты серьезные усилия по мобилизации в странах поддержки работы по предотвращению и пресечению насилия в отношении детей, а также по содействию изменению установок и поведения, оправдывающих насилие².

Под термином «насилие» понимаются все формы физического или психологического насилия, оскорбления или злоупотребления, отсутствия заботы или небрежного обращения, грубого обращения или эксплуатации, включая сексуальное злоупотребление в соответствии с пунктом 1 статьи 19 Конвенции ООН о правах ребенка 1989 г. Вместе с тем, обычно термин «насилие» понимается только как физический вред и/или намеренный вред. Однако, выбор термина «насилие» ни в коей мере не должен трактоваться для сведения к минимуму значения и необходимости рассмотрения нефизических и/или ненамеренных форм вреда.

В соответствии с международным правом государства должны прилагать усилия и предупреждать насилие или нарушения прав человека, защищать детей-жертв и свидетелей от нарушений прав человека, проводить расследование и наказывать виновных и обязанность обеспечивать доступ к возмещению в случае нарушения прав человека. Независимо от того, применяется ли насилие, на государствах лежит позитивное и активное обязательство по оказанию поддержки и помощи родителям и другим опекунам в обеспечении в пределах своих способностей и финансовых возможностей, а также с учетом развивающегося потенциала ребенка, условий жизни, необходимых для его оптимального развития.

Случаи жестокого наказания, половых злоупотреблений, убийств и других форм насилия в отношении детей, к сожалению, происходили давно. Вместе с тем, лишь в последнее время международным сообществом было указано на острый и требующий безотлагательного решения характер этой глобальной проблемы.

Насилие в отношении детей приобретает различные формы и определяется целым рядом факторов: от личных особенностей потерпевших и исполнителей до их культурного и физического окружения. Вместе с тем значительная часть информации о насилии в отношении детей остается неизвестной, скрытой по целому ряду причин. Одна из них заключается, безусловно, в страхе — дети боятся сообщать о случаях насилия в отношении них. Во многих случаях родители, которые на самом деле должны защищать своих детей, к сожалению, хранят молчание, если насилие совершается: супругом или другим членом семьи, работодателем, сотрудником полиции и т.п. Страх тесно связан со стигматизацией, что часто проявляется, особенно в тех местах, где семейная «честь» ставится выше безопасности и благосостояния детей. В частности, сообщения о случаях изнасилования могут повлечь за собой остракизм, дальнейшее насилие или даже смерть³.

Социальная приемлемость насилия также является важным фактором — как дети, так и исполнители могут считать физическое, половое и психологическое насилие неизбежным и нормальным явлением. Дисциплина через посредство применения физических и унижающих достоинство наказаний, притеснения или сексуальные домогательства часто считается обычным явлением. Это находит свое отражение в отсутствии прямо предусмотренного законом запрета телесных наказаний. Сегодня по крайней мере в 106 странах не запрещается применение телесных наказаний в школах, в 147 странах это не запрещается в альтернативных учреждениях по уходу за детьми и лишь в 16 странах такие наказания запрещаются в семьях⁴.

Насилие также остается незамеченным, поскольку для детей или взрослых не предусмотрено безопасных или надежных путей информирования о случаях насилия. В некоторых районах мира население не доверяет полиции, сотрудникам социальных служб или другим облеченным властью лицам, в других районах, особенно в сельских, не существует каких-либо органов власти, к которым можно было бы обратиться.

Приведем некоторые примеры, свидетельствующие о масштабах насилия в отношении детей:

- На основании ограниченных данных по странам ВОЗ подготовила оценку, согласно которой в 2002 году в мире погибло почти 53 000 детей в результате убийств⁵;

- Исследования, проведенные во многих странах во всех регионах мира, свидетельствуют о том, что от 80 до 98 % детей страдают от физического насилия в семьях и более одной трети становятся жертвами жестоких физических наказаний с применением тех или иных предметов;

- Недавно в рамках глобального обследования состояния здоровья в школах, которое было проведено в целом ряде развивающихся стран, было установлено, что от 20 до 65 % детей школьного возраста сообщили, что за последние 30 дней они подвергались устному или физическому насилию. Такое насилие также часто встречается в развитых странах⁶;

- По оценкам ВОЗ, в 2002 г. 150 миллионов девочек и 73 миллиона мальчиков в возрасте до 18 лет вступали в принудительную половую связь или подвергались иным формам полового насилия⁷;

- По оценкам ВОЗ, от 100 до 140 миллионов девочек и женщин в мире подвергались в той или иной форме калечащим операциям на женских половых органах/обрезанию⁸. По оценкам ЮНИСЕФ в странах Африки, расположенных к югу от Сахары, Египте и Судане, ежегодно 3 миллиона девочек и женщин подвергаются таким операциям/обрезанию;

2 Насилие в отношении детей стало отдельным приоритетом Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. (задача 16.2). См.: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 70/1 от 25 сентября 2015 года «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» // Док. ООН A/RES/70/1; Абашидзе А. Х., Солнцев А. М., Киселева Е. В., Конева А. Е., Крутлов Д. А. Достижение целей устойчивого развития (2016–2030): международно-правовое измерение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: юридические науки. 2016. № 1. С. 65–78.

3 Reza A., Mercy J. A., Krug E. Epidemiology of violent deaths in the world // Injury Prevention, vol. 7 (2002). P. 104–111.

4 Multi-Country Study on Women's Health and Domestic Violence. Geneva, World Health Organization, 2005. P. 33.

5 Global Estimates of Health Consequences due to Violence against Children. Background paper for the United Nations Study on Violence against Children. Geneva, World Health Organization, 2015. P.11.

6 Currie C. Health Behaviour in School-Aged Children (HBSC) Study: international report from the 2001/2002 survey. Health Policy for Children and Adolescents, No. 4. Geneva, World Health Organization, 2004. P.44.

7 Andrews G. Comparative Quantification of Health Risks: Global and regional burden of disease attributable to selected major risk factors. Geneva, World Health Organization, 2004. P. 1851.

8 Changing a Harmful Social Convention: Female Genital Mutilation/Cutting, Innocenti Digest No. 12 (Florence, UNICEF Innocenti Research Centre, 2005). P.13.

• Оценки МОТ свидетельствуют о том, что в 2004 г. 218 миллионов детей занимались детским трудом, из которых 126 миллионов находились на опасной работе⁹.

Проведенные исследования свидетельствуют о том, что дети младшего возраста в большей степени подвергаются опасности физического насилия, тогда как половое насилие касается прежде всего тех, кто достиг половой зрелости или подросткового возраста. Мальчики в большей степени подвергаются опасности физического насилия, чем девочки, тогда как девочки сталкиваются с более высокой опасностью стать жертвами полового насилия. Важную роль играют также социальные и культурные модели поведения и стереотипные роли, а также социально-экономические факторы, такие, как уровень доходов и образование.

Некоторые группы детей особенно уязвимы по отношению к насилию. К их числу относятся дети-инвалиды, дети — представители коренных народов, беспризорные дети, дети-беженцы.

К числу факторов, которые вероятнее всего будут играть позитивную роль в семьях и других окружениях, относятся добросовестный подход к выполнению родительских обязанностей, а также позитивная дисциплина, не связанная с насилием. К числу факторов, способствующих защите от насилия в школах, относятся соответствующая проводимая на уровне школ политика и эффективная учебная программа, способствующие формированию подходов и моделей поведения, не связанных с насилием и дискриминацией.

Исследования позволили определить ряд факторов, которые, как представляется, способствуют укреплению сопротивляемости среди детей, ставших жертвами насилия¹⁰. К числу таких факторов повышения сопротивляемости относятся привязанность ребенка к взрослому члену семьи, наличие неусыпного родительского ухода в детском возрасте, а также доверительных отношений со сверстниками, которые не злоупотребляют наркотическими средствами и сторонятся преступной среды.

Хотя последствия насилия для детей могут меняться в зависимости от его характера и степени тяжести, краткосрочные или долгосрочные последствия весьма часто имеют пагубный характер. Насилие может повлечь за собой повышение уязвимости к возникновению длительных социальных, эмоциональных и познавательных дефектов, а также склонность к поведению, связанному с опасностью для жизни, например злоупотреблению наркотиками и преждевременному вступлению в половую жизнь¹¹. К числу связанных с этим проблем медицинского и социального характера относятся моральные и депрессивные расстройства, галлюцинации, снижение производительности, расстройства памяти, а также агрессивное поведение. Насилие в раннем возрасте может стать причиной последующих заболеваний легких, сердца и печени, заболеваний, передаваемых половым путем, и гибелью зародышей во время беременности, а также насилия в отношении половых партнеров и попыток самоубийства¹².

9 The End of Child Labour: Within Reach. Global Report. Geneva, International Labour Office, 2006. P.134.

10 Preventing child maltreatment: a guide to taking action and generating evidence (Geneva, World Health Organization and International Society for Prevention of Child Abuse and Neglect, 2002. P.44.

11 Felitti V. J. Relationship of childhood abuse and household dysfunction to many of the leading causes of death in adults. The Adverse Childhood Experiences (ACE) Study // American Journal of Preventive Medicine, vol. 14 (1998). PP. 245–258.

12 Panel on Research on Child Abuse and Neglect, Commission on Behavioral and Social Sciences and Education, National Research Council,

Семья является естественной и основной ячейкой общества, как это провозглашено в статье 16 Всеобщей декларации прав человека и статьях 10 и 23 Международных пактов об экономических, социальных и культурных правах и о гражданских и политических правах, соответственно¹³. Основная идея Конвенции о правах ребенка, изложенная в преамбуле к ней, заключается в том, что семья является естественной средой для роста и благополучия всех ее членов и особенно детей, в связи с чем признается, что семья обладает самыми широкими возможностями для защиты детей и обеспечения их физической и эмоциональной безопасности. Неприкосновенность семей ценят во всех обществах, а право на невмешательство в частную и семейную жизнь, неприкосновенность домашнего очага и переписки гарантируется в международных документах по правам человека (например, ст.8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и ст. 17 Международного пакта о гражданских и политических правах). Искоренение насилия в отношении детей и принятие соответствующих ответных мер, вероятнее всего, является самой сложной задачей в контексте семьи.

В последние десятилетия получили признание и были документально зафиксированы случаи насилия в отношении детей, совершаемого родителями и другими близкими членами семьи, — физического, сексуального и психологического насилия, а также преднамеренного оставления без внимания. С самого младенческого возраста до 18 лет дети уязвимы по отношению к различным формам насилия в их семьях. В зависимости от возраста и уровня развития потерпевшего исполнители могут быть различными (родители, мачеха или отчим, приемные родители, братья или сестры и т.д.).

В большинстве случаев физическое насилие в отношении детей в семьях не носит смертельного характера и не влечет за собой нанесения постоянных или серьезных видимых телесных повреждений. Вместе с тем в некоторых случаях насилие в отношении самых маленьких детей в семье становится причиной необратимых дефектов и даже гибели, хотя исполнители могли и не ставить себе целью нанесение такого ущерба. Проведенные в различных странах исследования показали, что синдром «травматической тряски младенца», т.е. тряски маленьких детей, часто становится причиной травмы головы и серьезных черепно-мозговых травм¹⁴.

Физическое насилие часто сопровождается психологическим насилием. Оскорбления, брань, изоляция, отторжение, угрозы, эмоциональное безразличие и унижение являются формами насилия, которые могут нанести ущерб психическому развитию и благосостоянию ребенка, особенно если они идут от уважаемого взрослого человека, каким является родитель. Крайне важно, чтобы родители стремились применять лишь ненасильственные методы дисциплины.

Насилие в школах и учебных заведениях. В большинстве стран дети проводят больше времени на попечении взрослых в учебных заведениях, чем где бы то ни было еще за пределами своих семей. Школы играют важную роль в деле защиты детей от насилия. Взрослые, осуществляющие контроль за учебными заведениями и работающие в них, обязаны обе-

Understanding Child Abuse and Neglect. Washington, D.C., National Academy Press, 1999. P. 70.

13 Кабанов В. Л. Защита семьи на повестке дня международного сообщества // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2015. № 1. С. 150-157.

14 Flodmark O. Imaging in battered children // Rivista di Neuroradiologia, vol. 17 (2004). P. 434–436.

спечивать безопасные условия, способствующие сохранению достоинства детей и их развитию.

Для многих детей столкновение с насилием происходит в учебных заведениях, и это может заставить их стать на путь насилия. Общественное восприятие насилия в школах окрашено тем, какое внимание уделяют средства массовой информации экстремальным случаям, сопряженным с перестрелками и похищением школьников. Вместе с тем гибель и серьезные ранения детей в результате насилия гораздо реже происходят в школах, чем в их домах или более широкой общине.

Насилие, совершаемое учителями или другими работниками школ при явном или неявном одобрении со стороны министерств образования и других органов, осуществляющих контроль за работами школ, включает телесные наказания, жестокие и унижающие достоинство формы психологического наказания, половое и гендерное насилие и хулиганские действия. Телесные наказания, такие, как избивание и битье указкой, являются стандартной практикой в школах во многих странах. В Конвенции о правах ребенка 1989 г. предусматривается, что государства-участники должны принять все надлежащие меры для обеспечения того, чтобы школьная дисциплина осуществлялась в форме, совместимой с Конвенцией. По данным Глобальной инициативы за прекращение всех форм телесного наказания в отношении детей, в 102 странах телесные наказания в школах запрещены, однако обеспечение соблюдения этого запрета носит непоследовательный характер¹⁵. Кроме того, на школах отражаются события в общине в целом, например, широкое распространение бандитской культуры или преступной деятельности бандитских группировок, особенно связанной с наркотиками.

Насилие на рабочем месте. Существует мало данных о насилии в отношении работающих детей, особенно занятых в неформальном секторе¹⁶. Международными стандартами, такими, как Конвенция МОТ № 138 (1973) о минимальном возрасте для приема на работу, предусматривается, что дети, не достигшие минимального возраста для поступления на работу, не могут быть приняты на работу. В различных регионах насилие, физическое, половое и психологическое, затрагивает многие миллионы детей, работающих на законной и незаконной основе. Насилие может использоваться для того, чтобы принуждать детей работать, наказывать их или осуществлять контроль на местах работы. Некоторые категории незаконного труда считаются «наихудшими формам детского рабства» и таким образом представляют собой насилие в отношении детей.

Согласно информации об актах насилия в отношении детей на работе, в большинстве случаев насилие совершается «работодателями», однако может также совершаться и коллегами, клиентами, бригадирами, покупателями, полицейскими, преступными группировками, а в случае сексуальной эксплуатации — сутенерами.

Самой широко распространенной категорией занятости для девочек в возрасте до 16 лет является работа в качестве домашней прислуги, которая часто принимает форму нерегулируемого труда и эксплуатации, а в некоторых случаях — подневольного труда и рабства. Некоторые страны считают такую работу наихудшей формой детского труда в соответствии с Конвенцией МОТ № 182 (1999) о запрещении и немедленных

мерах по искоренению наихудших форм детского труда. Работающие дети сообщают о таких случаях жестокого обращения, как физические наказания, унижение и половые посяательства, а дети, работающие в качестве домашней прислуги, сообщают, что они постоянно подвергаются унижениям.

Вовлечение детей в возрасте до 18 лет в занятие проституцией, детскую порнографию и аналогичные сферы представляет собой насилие. По оценкам, ежегодно в эти сферы попадает 1 миллион детей. Многие из них подвергаются принуждению, являются жертвами похищений, торговли или обмана с целью вовлечения их в эту деятельность, или же являются жертвами торговли людьми. Помимо полового насилия, которое неотъемлемо от детской проституции, девочки и мальчики, вовлеченные в проституцию и смежные области, часто страдают от физического и психологического насилия, а также от отсутствия ухода. Они часто не имеют возможности обратиться за помощью, а при попытке сделать это с ними обращаются как с преступниками, лишены свободы и не имеющими достаточных возможностей оспорить принятые в отношении них меры.

Насилие в общине. Община является источником защиты и поддержки для детей, но она также может стать и местом насилия, в том числе насилия со стороны сверстников, насилия, связанного с огнестрельным или иным оружием, насилия со стороны бандитских группировок, насилия со стороны полиции, физического и сексуального насилия, похищений и торговли людьми. Насилие может также ассоциироваться со средствами массовой информации и новыми информационно-коммуникационными технологиями. Дети более старшего возраста в большей степени подвергаются насилию в общине, а девочки — большей опасности полового и гендерного насилия. Большие вопросы возникают в связи с насилием в среде коренных народов.

Иногда печатные и визуальные средства массовой информации, включая телевизионные программы, фильмы, а также видеоигры¹⁷, представляют насилие в качестве обычного явления или даже прославляют его, в том числе насилие в отношении детей. Интернет также стимулировал производство, распространение и использование материалов с изображением полового насилия в отношении детей. Интернет используется для онлайн-овых домогательств или «обработки» (т.е. попыток заручиться доверием ребенка и втянуть его в ситуацию, где ему может быть нанесен ущерб). Он также подвергает детей воздействию насильственных или порнографических материалов, преследованию или запугиванию, в том числе хулиганским выходкам со стороны взрослых и других детей.

В целом на настоящем этапе государства реализуют многочисленные инициативы по предупреждению насилия в отношении детей и реакции на такое насилие. Однако, по мнению Комитета ООН по правам ребенка¹⁸, несмотря на эти усилия, нынешние инициативы являются неэффективными. Правовые структуры в большинстве государств по-прежнему

17 United Nations Secretary-General's Study on Violence against Children Regional Desk Review: North America (2005).

18 Договорный орган по правам человека, контролирующий выполнение государствами их обязательств по Конвенции о правах ребенка 1989 г. и двум факультативным протоколам к ней - Факультативному протоколу к Конвенции о правах ребенка, касающемуся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии 2000 г. и Факультативному протоколу к Конвенции о правах ребенка, касающемуся участия детей в вооруженных конфликтах 2000 г. См.: Абашидзе А. Х., Конева А. Е. Договорные органы по правам человека : учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. - М: РУДН, 2015. С. 266-271.

15 Olweus D. *Bullying at School: What We Know and What We Can Do*. Oxford, Blackwell, 1993. P. 134.

16 United Nations Secretary-General's Study on Violence against Children Regional Desk Review: East Asia and the Pacific (2005).

не могут обеспечить запрещение всех форм дискриминации в отношении детей, и там, где есть соответствующие законы, их исполнение зачастую является недостаточным. Широко распространенные взгляды и практика в обществе и культуре способствуют сохранению насилия. Результаты принятых мер являются ограниченными в связи с недостатком знаний, информации и понимания насилия в отношении детей и его коренных причин, усилиями, сосредоточенными скорее на симптомах и последствиях, чем на причинах, и в связи с применяемыми стратегиями, которые скорее являются раздробленными, чем объединенными. Средства, выделяемые для решения этих проблем, являются недостаточными¹⁹.

Российская Федерация уделяет значительное внимание проблематике защиты детей от насилия, регулярно отчитываясь перед Комитетом ООН по правам ребенка о выполнении обязательств по Конвенции о правах ребенка, включая ст. 19. Среди принятых государством мер в рассматриваемой области стоит отметить: ратификацию Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося торговли детьми, детской проституции и детской порнографии в 2013 г., Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося участия детей в вооруженных конфликтах в 2008 г., Конвенции Совета Европы о защите детей от эксплуатации и надругательств сексуального характера в 2013 г.; принятие Закона о внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации в целях предупреждения торговли детьми, их эксплуатации, детской проституции, а также деятельности, связанной с изготовлением и оборотом материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних 2013 г.; принятие Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг.; создание Следственного комитета для выявления, расследования, преследования и наказания актов пыток, насилия и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения в отношении детей и пр.

Вместе с тем, прилагаемые усилия недостаточны для эффективной борьбы с насилием, в связи с чем Комитет ООН по правам ребенка рекомендовал России принять меры по проведению независимого мониторинга и посещения мест лишения свободы без предварительного уведомления и осуществления программ всеобъемлющей подготовки для сотрудников органов безопасности и полиции в целях предупреждения случаев жестокого обращения; проведению расследований по всем утверждениям о жестоком обращении и по всем заявлениям о насилии и нападениях по отношению к группам меньшинств, а также осуществления преследования и наказания совершающих подобные деяния. Комитет также рекомендовал России запретить в законодательном порядке применение всех форм телесного наказания во всех местах, в частности в семьях и учреждениях альтернативного ухода за детьми, и предусмотреть в соответствии с его законодательством механизмы соблюдения закона, включая соответствующие санкции в случаях нарушений. Также Комитет призвал разработать комплексную национальную стратегию предотвращения и искоренения всех форм насилия в отношении детей, а также принять безотлагательные меры по расследованию любой информации о сексуальных надругательствах над детьми, включая детей из групп ЛГБТИ. Комитет выразил обеспокоенность засилием вредных практик в отношении девочек в регионе Северного Кавказа, в связи с чем рекомендовал государству-участнику принять все

необходимые меры, чтобы: а) обеспечить оперативное, беспристрастное и эффективное расследование всех актов насилия в отношении женщин и девушек, включая «убийства на почве оскорбленной чести» и «похищения невест» на Северном Кавказе, привлечение к ответственности, преследование и наказание всех виновных в совершении подобных преступлений и возмещение вреда жертвам; б) не допускать вступления в брак несовершеннолетних девочек в регионе посредством разработки и осуществления комплексных программ повышения осведомленности о негативных последствиях ранних браков для осуществления прав девочек на здоровье, образование и развитие, привлекая к этой деятельности, в частности, традиционных и религиозных лидеров, родителей и депутатов местных органов управления, а также запрещения в законодательном порядке отчисления детей из школы по причине вступления в брак²⁰.

Таким образом, на современном этапе, несмотря на значимый прогресс на пути борьбы с насилием в отношении детей, на фоне вышеобозначенных проблем в данной области видится необходимым укрепление национальных усилий по осуществлению²¹ для освобождения детей от насилия, прежде всего на основе принятия и осуществления комплексных многосекторальных национальных повесток дня, которые в настоящее время приняты более чем в 90 странах²², принятие в национального законодательства, запрещающего все формы насилия в отношении детей²³, а также укрепление систем сбора данных, в том числе на основе проведения обследований домохозяйств.

19 См.: Замечание общего порядка № 13 (2011). Право ребенка на свободу от всех форм насилия. 18 апреля 2011 г. // Док. ООН CRC/C/GC/13.

20 См.: Комитет по правам ребенка. Заключительные замечания по объединенным четвертому и пятому периодическим докладам Российской Федерации. 31 января 2014 г. // Док. ООН CRC/C/RUS/CO/4-5. С. 9-11.

21 Ежегодный доклад Специального представителя Генерального секретаря по вопросу о насилии в отношении детей. 5 августа 2015 г. // Док. ООН A/70/289, п. 6-17.

22 Последними стали Гана, Доминиканская Республика, Индонезия, Нигерия, Норвегия и Эквадор.

23 Последними из которых стали Ирландия, Лаосская Народно-Демократическая Республика и Перу.

МАСАЛИМОВ Артур Сагитович

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры теории и истории государства и права Уфимского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации

ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ БОРЬБЫ ПОЛИЦИИ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ И СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ВЕЛИКОБРИТАНИИ И РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

В статье рассматриваются различные аспекты деятельности полиции двух стран в борьбе с преступностью. Обращается особое внимание на значительное опережение полицейских России от своих британских коллег в работе, как по формам, так и по содержанию и результативности деятельности. С другой стороны, британские полисмены в своей работе более четко придерживались принципов соблюдения правовых норм и уважительно-сдержанного отношения к населению.

Ключевые слова: Преступность, полиция, притоны, специализация в работе, поиск преступников.

MASALIMOV Artur Sagitovich

Ph.D. in Law, lecturer of Theory and History of State and Law sub-faculty of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

THE ORGANIZATION OF THE POLICE TO COMBAT CRIME, AND RESPECT FOR HUMAN RIGHTS IN THE UK AND RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

This article discusses the various aspects of police activities in the two countries in the fight against crime. Special attention is paid to the big lead Russian police from their British counterparts in the work, both in form and in content and effectiveness. On the other hand, the British policemen in their work more strongly adhere to the principles of respect for the rule of law and respect-cautious attitude to the public.

Keywords: Delinquency, police, dens, specialization in the police, search for criminals.

Масалимов А. С.

Говоря о развитии полицейских структур в Великобритании, следует отметить, что они прошли длительный путь исторического развития. Еще в XVIII в. сами приходы обеспечивали порядок на своих территориях. Приходские надзиратели (бидли) выполняли административные функции, констебли, в свою очередь, задерживали преступников, а в экстренных случаях помогали военным подавлять мятежи. Констеблей выбирали из прихожан, и они должны были на общественных началах нести службу в течение года. Для того, чтобы стимулировать труд констеблей, предусматривалось «тайнбернские билеты», своеобразные наградные листы за поимку особо опасных преступников. Подобные листы освобождали от выплаты приходских повинностей. К 1800 году появился ночной патруль, который сторожил центральные улицы Лондона. Этот отряд, состоявший из 68 человек, подразделялся на старших (капитанов) и простых патрульных. Первые были вооружены карабинами, пистолетами, саблей. Патрульные же были счастливыми обладателями сабель.

В 1805 г. появляется конный патруль, который обеспечил порядок в близлежащих к Лондону окрестностях. Свидетельством этому явилось прекращение грабежей. На конных патрульных был синий мундир и красный жилет. Так в Англии появилась первая полицейская форма. В 1829 г. в Лондоне появилась столичная полиция. За полицейскими молва сразу же закрепила милое прозвище «бобби», по имени инициатора создания нового органа министра внутренних дел, а затем и премьер-министра Роберта Пиля¹.

Полицейские органы в стране появились во многом из-за недовольства обществом тем обстоятельством, значительная часть преступлений оставались безнаказанными. Во вводной части законопроекта Роберта Пиля об организации полиции подчеркивался тот факт, что «ночная стража и ночная полиция неспособны предупреждать и раскрывать преступления нередко по причине непригодности привлекаемых для этого лиц, их недостаточного количества, их ограниченных полномочий и недостаточности связи и сотрудничества между ними»².

Штаб новой организации находился на улице Большой Скотленд-Ярд, в районе Уайтхолла. Констеблям и сержантам выдавались дубинки, в экстренных случаях им выдавались сабли. Инспектора носили карманный пистолет. У полицейских был особый сигнал, издаваемый с помощью трещотки, впоследствии замененный на свисток. Особую гордость у «бобби» представлял масляный фонарь «бычий глаз» с линзой, с помощью которой можно было попеременно устанавливать ближний или дальний свет, а также затемнять его с помощью особой штorkи.

Система организации поиска преступников была весьма усложненной в Великобритании XIX в. Непосредственно полицейские были серьезным образом связаны в своих действиях возможным противодействием со стороны судьи (на территории своего участка), а также шерифом и коронером. Последние имели право в поисках преступника на основании улик арестовать его в пределах графства.

1 Коути Е. Недобрая старая Англия. СПб.: БХВ-Петербург, 2013. С. 179-180.

2 Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права. Очерк по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб. 1995. С. 410.

Констебль же мог самостоятельно (без приказа) подвергнуть аресту подозреваемое лицо только в следующих случаях: «а) при нарушении мира в его присутствии – во время совершения преступления или сейчас же после него; б) по основательному обвинению со стороны частного лица в совершении тяжкого преступления; в) если тяжкое преступление было совершено и имеется основательное подозрение, что данное лицо совершило его; г) в ночное время на улице, если имеется основательное подозрение, что данное лицо совершило тяжкое преступление. Наконец, каждый гражданин имеет право арестовать лицо, совершающее или только что совершившее преступление»³.

В России полицейские были более самостоятельны в своих действиях по сравнению со своими английскими коллегами. Соответствующие изменения в законодательстве 1862–1864 гг. четко определили юрисдикцию и реальные возможности работы полиции. Чины полиции отныне получали возможность производить дознание, предполагаемое как расследование уголовного преступления по «горячим следам» в розыском порядке. Вся подобная деятельность была направлена для поиска подозреваемого лица и сводилась к поиску доказательств его виновности. Задачи полиции заключались в четком выяснении следующих обстоятельств: 1) действительно ли, какое, когда и при каких обстоятельствах совершилось преступление; 2) кто и на каком основании подозревается в его совершении; 3) не допустить, чтобы подозреваемый скрылся, а следы преступления изгладились.

При этом дознание должно было, как правило, производиться чинами полиции негласно, посредством розысков, словесных опросов и наружного наблюдения, за исключением случаев, предусмотренных ст.258 Устава уголовного судопроизводства.

О любом событии, заключавшем в себе признаки преступления, полиция должна была в кратчайшие сроки (не позднее суток по получении сведений об этом), сообщить судебному следователю и прокурору (его товарищу). Подобный порядок был определен Статьей 250 Устава уголовного судопроизводства.

Это документ четко устанавливал строгий принцип, когда по прибытии судебного следователя полиция уступала представителю юстиции «пальму первенства», передавая ему все производство и прекращая свои действия до получения особых указаний.

Однако, как и в далекой от Российской Империи Великобритании, закон определял целый ряд обстоятельств, когда сотрудники полиции вынуждены были предпринимать неотложные действия. Статья 258 Устава уголовного судопроизводства определяла следующий порядок действий: «когда полицией застигнуто совершающееся или только что совершившееся преступное деяние, а также когда до прибытия на место происшествия судебного следователя следы могли бы изгладиться, полиция заменяет судебного следователя во всех следственных действиях, не терпящих отлагательства, как: в осмотрах, в освидетельствованиях, в обысках и выемках; но формальных допросов ни обвиняемым, ни свидетелям полиция не делает, разве что кто-либо из них оказался тяжело больным, и представлялось бы опасение, что он умрет до прибытия следователя».

Законодательство устанавливало, что только в таких случаях, когда чины полиции могли заменить следователя, про-

токолы, составленные полицейскими, могли быть зачитаны в ходе судебного заседания.

Полиция должна была принимать меры с целью, чтобы не допустить возможности, когда подозреваемый мог скрыться от следствия в определенных законодательством обстоятельствах: а) когда он был застигнут при совершении преступного деяния или сразу после его совершения; б) когда потерпевшие от преступления или очевидцы укажут прямо на подозреваемое лицо; в) когда на подозреваемом или в его жилище были найдены явные следы преступления; г) когда вещи, служащие доказательством преступления, принадлежат подозреваемому или оказались при нем; д) когда он сделал покушение на побег или пойман во время или после побега; е) когда подозреваемый не имел постоянного жительства или оседлости.

С целью не допустить, чтобы подозреваемый уклонился от следственных действий, полиция применяла следующие меры пресечения: 1) отобрание вида на жительство или обязательной подпиской о явке к следствию и неотлучке с места жительства; 2) особый надзор полиции; 3) отдача на поруки благонадежному лицу с денежной ответственностью поручителя; 4) взятие залога; 5) домашний арест; 6) взятие под стражу.

В ходе непосредственной деятельности полицейских по раскрытию преступных проявлений, за ними постоянно осуществлялся прокурорский надзор. Представители прокуратуры обладали правом давать полицейским поручения, которые носили обязательный характер. В случае выявления правонарушений со стороны сотрудников полиции прокурор или его товарищ могли обратиться с соответствующим запросом к суду с целью определения степени их виновности.

Однако успех в работе полицейских приходил в результате умелого применения оперативно-розыскных мероприятий, когда благодаря решительным действиям удавалось найти преступников по «горячим следам». Примеры подобной успешной работы можно найти в опубликованных мемуарах двух Мэтров уголовного розыска дореволюционной России – Ивана Дмитриевича Путилина и Анатолия Францевича Кошко.

Из воспоминаний И. Д. Путилина просматриваются основы непосредственной работы сотрудников сыска полиция по оперативно-розыскному поиску преступников. При этом для руководителя столичного сыска особое значение приобретало четкое инструктирование агентов. Так, после одного из громких преступлений, взволновавших Петербург в 1870 г., он вызвал одного из своих сотрудников: «Вы переоденьтесь в соответствующий костюм, то есть как можно более рваный, и отправьтесь в самые темные и грязные притоны, где ютятся столичная рвань и мазурики. Особенно не забывайте домов терпимости и ночлежек. И в тех и других местах мазурики любят «распоясываться» и под влиянием алкоголя и разврата хвалятся своими подвигами, выбалтывая свои похождения. Внимательно всматривайтесь, а главное, вслушивайтесь. Я твердо верю, что только этим путем мы найдем ключ к разгадке таинственного преступления...»

Такие же инструкции я дал и другим агентам сыска полиция. Всюду, где собирались подонки столичного пролетариата, находились представители сыска полиция»⁴. Результаты не замедлили сказаться. Завершая свои рассуждения о подобных, «приличных местах», Иван Дмитриевич Путилин писал: «Добрая половина преступников, убийц и воров, из крестьян и мещан, конечно, по – преимуществу была разыскана и арестова-

³ Там же. С. 434.

⁴ Путилин И. Д., Кошко А. Ф. На страже Отечества. Уголовный розыск Российской Империи. М.: Эксмо, 2013. С. 134.

на сыскной полицией именно в этих отвратительных притонах» При этом руководитель столичных сыщиков писал о многочисленности в столице Российской Империи тайных притонов.

Исследуя природу взаимоотношений между хозяевами злачных мест и уголовными элементами, И. Д. Путилин пришел к негативным выводам. Он, в частности, отмечает: «целый ряд уголовно-криминальных происшествий последних лет показал нам, что очень часто содержатели грязных притонов-трактиров умышленно укрывали своих преступников-клиентов, за счет награбленного имущества которых они жирели и богатели. Между ними была своеобразная сделка. Вор или убийца сбывать содержателю притона если не все, то часть краденного по ценам, разумеется, грошовым».

На другой стороне подобной взаимовыручки было пособничество хозяев притонов преступникам. «За это «поильцы, кормильцы и увеселители», – отмечал в своих мемуарах И. Д. Путилин, – со своей стороны, обязывались охранять их всячески от бдительного ока сыскной полиции. Они, чуя полицейское выслеживание в своем «заведении» кого-либо из своих тайных посетителей, предупреждали тех особым «телеграфом» о грозящей им опасности попасться им в руки агентов. Частенько благодаря этому преступник ускользал на горе и вящую досаду служителей правосудия. Уличить таких содержателей трактиров и притонов в прямом соучастии с злодеями и мазуриками было не так легко, благодаря чему поиманные преступники на допросах почти никогда не выдавали этих негодяев.»⁵.

5 Там же.

Анатолий Францевич Кошко писал о своих коллегах: «При московской сыскной полиции имелся так называемый летучий отряд из 40 примерно человек. В него входили специалисты по разным отраслям розыска. В нем имелись: лошади, коровники, собачники и кошатники, магазинщики и театралы, – названия, происходящие от сферы их деятельности»⁶.

Подобные разнообразные формы и методы работы позволяли полиции оперативно раскрывать преступления по «горячим следам». Таким образом, полицейские подразделения в дореволюционной России могли более оперативно и результативно по сравнению со своими английскими коллегами бороться с преступностью.

Пристатейный библиографический список

1. Коути Е. Недобрая старая Англия. СПб.: БХВ-Петербург, 2013.
2. Путилин Д. И., Кошко А. Ф. На страже Отечества. Уголовный розыск Российской Империи. М.: Эксмо, 2013.
3. Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права. Очерк по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб., 1995.

6 Там же С.351

Воронцова О.В.

**Общественный
Экологический
Контроль**

**ВОРОНЦОВА
Оксана Викторовна,**
кандидат юридических наук,
доцент кафедры государственно-
правовых дисциплин,
декан юридического факультета
ГОУ ВО «Коми республиканская
академия государственной
службы и управления».
Монография представляет собой
первое комплексное исследование
правовых проблем, возникающих в
сфере общественного
экологического контроля.
Автор будет признателен
за любые отзывы:
mar1.73@list.ru

ХАССОН Дия Хассон

аспирант кафедры международного права Российского университета дружбы народов

ЗАЩИТА ПРАВ ЖУРНАЛИСТОВ В ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ НЕМЕЖДУНАРОДНОГО ХАРАКТЕРА (НА ПРИМЕРЕ УКРАИНЫ)

В настоящей статье проведен анализ статистики и резонансных нарушений прав журналистов, освещающих события вооруженного конфликта немеждународного характера в Украине; рассматриваются международно-правовые гарантии права на свободу выражения мнения во внутреннем вооруженном конфликте; предложены меры по совершенствованию механизмов защиты прав журналистов и решению проблемы безнаказанности в вооруженных конфликтах немеждународного характера.

Ключевые слова: свобода слова, защита прав журналистов, международное гуманитарное право, внутренний вооруженный конфликт, немеждународный вооруженный конфликт.

HASSON Dhiyaa Hasson

postgraduate student of International Law sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia

Хассон Д. Х.

PROTECTION OF THE RIGHTS OF JOURNALISTS IN ARMED CONFLICTS NOT OF AN INTERNATIONAL CHARACTER BASED ON THE EXAMPLE OF UKRAINE)

In the paper we analyze statistical data and high-profile violations of the journalists' rights in Ukrainian non-international armed conflict; discuss the international legal guarantee of the right to freedom of expression in the internal armed conflict; measure proposed to improve the mechanisms of journalists' rights protection and issue of impunity in non-international armed conflicts.

Keywords: freedom of speech, protection of journalists' rights, international humanitarian law, non-international armed conflict.

Мировая история насыщена фактами конфликтов немеждународного характера, которые протекали с применением оружия, сопровождалась стремлением официальной власти к жестокому беспощадному подавлению противников. Защита участников внутрисударственных конфликтов не регламентировалась нормами международного гуманитарного права до момента принятия Женевских конвенций 1949 года. Третья общая статья к Конвенциям предусматривала меры по ограничению насилия, право на гуманное обращение для лиц, не принимающих непосредственного участия в конфликте или добровольно сложивших оружие¹. Правовая защита гражданского населения в немеждународных вооруженных конфликтах была усилена положениями Второго Протокола от 1977 года, распространившего гарантии защиты гражданского населения на ситуацию конфликтов немеждународного характера, когда оно наиболее подвержено опасности необоснованного преследования ввиду затруднительного различия в таких ситуациях гражданских лиц и комбатантов².

Вооруженный конфликт немеждународного характера представляет конфликт, характеризующийся вооруженным столкновением противоборствующих сил внутри одного государства с участием, с одной стороны, правительственных войск, с другой, нелояльных правительству вооруженных отрядов. К данному типу конфликтов относятся конфликты, возникающие в процессе или в результате государственного переворота, гражданские войны, некоторые конфликты, связанные с правом нации на самоопределение и т.п. Если защи-

та прав журналистов в период международных вооруженных конфликтов обеспечена гарантиями и механизмами в рамках международного гуманитарного права, то во внутренних вооруженных конфликтах приоритет отдан национальному законодательству, которое зачастую содержит в себе, несмотря на международные декларации и обязательства многих государств, нормы, ограничивающие как право журналистов на свободное выражение мнения, так и гарантии защиты их прочих основных прав и свобод.

Наглядной иллюстрацией в данном контексте является конфликт на Украине. По данным Европейского суда по правам человека, по состоянию на 30 сентября 2015 года, в 21,5 % жалоб (14 250 жалоб в абсолютном выражении), ожидающих рассмотрения, ответчиком является Украина³. Данные статистики подтверждают вывод о том, что даже в случае вооруженного конфликта внутреннего характера число нарушений прав человека значительно увеличивается. Такая ситуация требует более пристального внимания международного сообщества к проблемам и механизмам соблюдения прав человека в ситуации внутренних вооруженных конфликтов.

По итогам 2014 года Украина вошла в тройку стран, лидирующих по числу убитых на их территории журналистов, уступив лишь Сирии и Ираку⁴. С 2013 по 2015 год Индекс свободы прессы, определяемый международной организацией «Репортеры без границ», Украины снизился с 55,00 оценочных

1 Дополнительный протокол (Протокол II) к Женевским конвенциям от 12.08.1949 г., касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера // Международное гуманитарное право в документах. - М.: Изд-во МНИ МП, 1996. - С. 408-417.

2 Там же.

3 Основные статистические данные о деятельности Европейского Суда по правам человека в 2015 году. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://europeancourt.ru/uploads/Statistika_Evropeyskogo_Suda_2015_9 (дата обращения: 14.07.2016 г.).

4 Статистические данные об убийствах журналистов, связанных с их профессиональной деятельностью. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://crj.org/killed/2015/> (дата обращения: 11.11.2015 г.).

баллов до 39,10, что говорит о значительном ухудшении условий для беспрепятственной работы журналистов в стране с началом внутреннего вооруженного конфликта.

В Докладе ООН за 2015 год о соблюдении прав человека в Украине отмечаются многочисленные факты нарушения права на свободу слова и выражения мнения как на территориях, контролируемых правительством Украины, так и на территориях, контролируемых вооруженными группами.

Так, в марте 2016 года Генеральной прокуратурой Украины было возбуждено дело против «Центра противодействия коррупции», осуществлена выемка документов из офиса Центра и санкционировано изъятие финансовой документации. По мнению сотрудников организации, преследование со стороны официальной власти обусловлено проводимыми Центром резонансными антикоррупционными расследованиями и размещаемыми в СМИ материалами⁵.

Управление Верховного комиссара ООН по правам человека по итогам расследования фактов нападения на офисы украинских телеканалов «17 канал», «Интер» и ТРК «Украина» выявило причастность представителей гражданского корпуса полка «Азов» к данным инцидентам. По всем трем случаям правоохранительные органы Украины возбудили уголовное производство против лиц, которые подозреваются в препятствовании осуществлению журналистской деятельности, при этом по состоянию на конец мая 2016 года виновные не установлены и не осуждены.

Одним из примеров осуждения журналистов за высказывание мнения, отличного от официальной позиции правительства Украины, является дело о государственной измене, заведенное в отношении журналиста Р. Коцабы в г. Ивано-Франковск. По решению суда журналист был освобожден от обвинений в государственной измене, при этом обвинен в воспрепятствовании деятельности Вооруженных Сил Украины и осужден почти на 4 года лишения свободы. В основу обвинительного заключения был положен ролик журналиста, пропагандирующий среди украинцев сопротивление мобилизации. В Докладе отмечается многочисленность заведенных в отношении журналистов дел об экстремизме и терроризме, что говорит о злоупотреблении государственных органов и чиновников в правоприменительной практике как способе борьбы с оппозиционными журналистами и средстве подавления свободы выражения мнения в Украине⁶.

В докладе также отмечается негативное влияние законодательных инициатив депутатов Украинской Рады на возможности реализации журналистами и средствами массовой информации права на свободное выражение мнения как фундаментального демократического права. В числе примеров приводится внесенный в Верховную Раду законопроект об установлении уголовной ответственности за трансляцию в СМИ позиции журналистов в отношении признания факта временной оккупации Россией части территории Украины, отличающейся от официальной. Риск злоупотреблений при применении предлагаемых правовых норм возрастает вследствие их недостаточно четкой формулировки, возможности субъективной трактовки состава и содержания правонарушений в правоприменительной практике⁷.

Нарушения прав журналистов фиксируются специалистами ООН и на подконтрольной вооруженным группам части восточной территории Украины. Журналистам для осуществления профессиональной деятельности на территории ополченцев необходимо получить у представителей власти Донецкой и Луганской народных республик особое разрешение, что аналогично процессу «аккредитации». По замечанию экспертов ООН, предваряет выдачу такого разрешения тщательный анализ публикаций и материалов, ранее подготовленных конкретным средством массовой информации или журналистом, в которых раскрывается его точка зрения на конфликт. Такой подход в самой своей сути формирует определенные препятствия для реализации права на свободу слова и свободное выражение мнения и осуществление независимой деятельности СМИ⁸. Факты задержания на территориях восточной части Украины, контролируемых вооруженными группами, отмечаются в отношении независимых журналистов, лояльных политике официальных властей Украины и поддерживающих евроинтеграцию⁹. Захваченные журналисты активно используются сторонами при обмене пленными.

На протяжении конфликта журналисты и представители СМИ регулярно подвергаются обстрелам, не только на линии соприкосновения, но и в процессе передвижения даже в случаях, когда их одежда и оборудование промаркированы специальными знаками различия, а путь следования был заранее указан военным, находившимся в этом районе.

Таким образом, многочисленные факты нарушения прав журналистов сторонами конфликта в Украине говорят о том, что его участники уделяют большое внимание информационной политике, ограничивая различными способами права журналистов и средств массовой информации, позиция которых отличается от позиции каждой из конфликтующих сторон. Рассмотренные факты наглядно подтверждают очевидный вывод: в условиях вооруженных конфликтов немеждународного характера нейтральное демократическое пространство для свободы выражения мнения журналистов стабильно сокращается по мере развития конфликта.

Следует отметить, что более 90% убитых журналистов – это местные репортеры, которые занимались расследованием коррупционных преступлений или фактов злоупотребления властью в государствах, где они проживали и родились¹⁰. В преимущественном большинстве случаев убийствам журналистов предшествовали угрозы, связанные с осуществлением ими профессиональной деятельности. При этом даже в случаях обращения в правоохранительные органы по факту таких угроз адекватной реакции не наблюдалось, а дела об угрозах игнорировались.

Несмотря на многочисленные факты нарушения прав журналистов и СМИ на свободу выражения мнения, активное участие международного профессионального журналистского сообщества можно отметить лишь в одном инциденте – случае, связанном с аннулированием разрешения Савику Шустеру на работу в Украине. Международная федерация журналистов направила официальное письмо властям Украины с осуждением данного факта, названного Президентом Международной федерации «грубым нарушением основополагающих

5 Доклад о ситуации с правами человека в Украине (16.11.2015-15.02.2016 гг.). – Управление Верховного комиссара ООН по правам человека, 2016. – 64 с. – С. 40.

6 Там же. – С. 41-42.

7 Доклад о ситуации с правами человека в Украине (16.11.2015-15.02.2016 гг.). – Управление Верховного комиссара ООН по правам человека, 2016. – 64 с. – С. 43.

8 Там же. – С. 44.

9 Там же.

10 Современное состояние проблемы безнаказанности. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cpj.org/killed/2015/> (дата обращения: 11.11.2015 г.).

принципов свободы слова и независимой журналистики»¹¹. По решению суда в июне 2016 года разрешение на работу С. Шустеру было восстановлено¹². Показательно, что он не является гражданином Украины или России, а имеет гражданство Канады и Италии. Аннулирование разрешения на работу в Украине и инициированное в отношении его компании уголовное дело по факту уклонения от уплаты налогов журналист считает политическим заказом.

На фоне фиксируемых международными организациями многочисленных нарушений прав журналистов в Украине, в заявлении посла миссии США при ОБСЕ Д. Бэера по случаю Дня печати от 5 мая 2016 года Украина рассматривается как пример государства, наиболее эффективно реализующего в сфере защиты прав журналистов рекомендации Представителя по свободе слова и средств массовой информации госпожи Д. Миятович¹³.

В практике заведения уголовных дел против журналистов в Украине часто применяются дефиниции террористической и экстремистской деятельности. В данном контексте важно, что современные государства обязаны обеспечить соответствие мер его применения с гарантиями реализации права на свободное выражение мнения. Правовые дефиниции понятий «терроризм» и «экстремизм» должны быть четко определены в национальном законодательстве для недопущения вольной трактовки содержания и состава соответствующих преступлений в уголовном праве.

Следует отметить, что распространению норм международного гуманитарного права и соответствующих гарантий прав журналистов и средств массовой информации в период немеждународных вооруженных конфликтов препятствует отсутствие единства в идентификации данного типа конфликта. Возникает очевидный вопрос: какой внутренний конфликт может быть отнесен к категории вооруженных конфликтов немеждународного характера? Какова должна быть его продолжительность и интенсивность, достаточная для установления приоритета и механизмов правовой защиты норм международного гуманитарного права?

В соответствии с нормами Дополнительного протокола I к Женевским Конвенциям 1949 г. о защите жертв войны, сфера применения правил ведения войны была расширена путем включения в нее войн, связанных с борьбой народов с колониальным господством, иностранной оккупацией, расистскими режимами, а также реализацией права народа на самоопределение. Дополнительный протокол II предполагает для немеждународных конфликтов наличие у противоборствующих сторон контролируемой территории как одного из элементов государственности. Однако, на многочисленных примерах информационных войн в Украине, странах Ближнего Востока и прочих современных конфликтах можно отметить использование информации как ресурса, играющего далеко не послед-

нюю роль в разжигании и течении вооруженного конфликта, стороной, непосредственно в конфликте не участвующей¹⁴. Следовательно, Дополнительный протокол II не может быть применен непосредственно в условиях ведения информационных войн¹⁵.

В определении Апелляционной камеры Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии установлено, что вооруженный конфликт связан с продолжительным вооруженным насилием, с участием органов государственной власти и организованных вооруженных групп, а также между такими группами внутри государства¹⁶. Интенсивность конфликта преобладает при его идентификации над временной продолжительностью, а уровень организации противостоящей официальным властям вооруженной группировки должен быть высоким¹⁷.

Схожие критерии определения немеждународного вооруженного конфликта предлагаются Международным Комитетом Красного Креста (Полумесяца), определяющим нижний пороговый уровень применения норм международного гуманитарного права во внутренних вооруженных конфликтах следующим образом:

– интенсивность вооруженного противостояния (в частности, применение для подавления повстанцев войск, а не полицейских);

– официальное признание государственным органом вооруженных неправительственных группировок как «сторон конфликта» на основании наличия у последних высокоорганизованных вооруженных сил¹⁸.

В академической литературе распространено мнение о том, что общая статья 3 определяет самый низкий пороговый уровень вооруженного конфликта, ниже которого нормы международного гуманитарного права не подлежат применению. При этом на практике отсутствие четко установленных в международных договоренностях критериев идентификации немеждународного вооруженного конфликта значительно сужает сферу применения норм международного гуманитарного права в сфере защиты журналистов в условиях внутренних вооруженных конфликтов.

Для защиты журналистов в немеждународных вооруженных конфликтах имеет значение вопрос о территориальных границах применимости положений международного гуманитарного права в данных конфликтах, который напрямую не урегулирован положениями Конвенций. В соответствии с указаниями Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии, некоторые положения международного гуманитарного права, в частности, в сфере защиты военнопленных и гражданских лиц, применяются во внутреннем вооруженном конфликте не только в районе ведения реальных военных действий, но и на всей территории вплоть до официального урегулирования конфликта¹⁹. Таким образом, правовой ста-

11 Ukraine: Calls to stop media threats. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ifj.org/nc/news-single-view/backpid/1/article/ukraine-calls-to-stop-media-threats/> (дата обращения: 14.07.2016 г.).

12 Суд признал незаконным аннулирование Савику Шустеру разрешения на работу в Украине. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ukranews.com/news/434420-sud-pryznal-nezakonnym-annulyrovanye-savyku-shusteru-razreshenyua-na-rabotu-v-ukraune> (дата обращения: 14.07.2016 г.).

13 Заявление Миссии США при ОБСЕ по случаю Всемирного дня свободы печати 2016 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.osce.org/ru/pc/242056?download=true> (дата обращения: 13.07.2016 г.).

14 Лукоянов Н. В. Международное право вооруженных конфликтов и его применимость к действиям в вооруженной сфере // V Международная электронная научная конференция «Студенческий научный форум» 15.02-31.03.2013 г.

15 Козик А. Л. Действие норм международного гуманитарного права вне вооруженного конфликта // Проблемы управления. – 2006. – № 3. – С. 76-87.

16 Prosecutor v. Duško Tadić, para. 70.

17 Prosecutor v. Ramush Haradinaj et. al., case No. IT-04-84-T, Judgement of 3 April 2008, paras. 49 and 60.

18 ICRC, «How is the term «armed conflict» defined in international humanitarian law?», Opinion Paper, March 2008.

19 Prosecutor v. Zejnib Delalić et al., case No. IT-96-21-T, Judgement of 16 November 1998, para. 209. См. также Prosecutor v. Tihomir Blaškić

тус журналистов как гражданских лиц и их право на защиту, гарантируемое нормами международного гуманитарного права, действуют не только непосредственно на территории реальных военных действий, но и на всей территории государства, в котором возник вооруженный конфликт немеждународного характера²⁰.

В заключение отметим, что нормы международного гуманитарного права в контексте защиты государственного суверенитета предполагают меньший объем реальных гарантий прав журналистов в немеждународных вооруженных конфликтах. На практике данная проблема усугубляется отсутствием у международного сообщества и международных организаций действенных механизмов по противодействию безнаказанности лиц, виновных в нарушениях прав журналистов и средств массовой информации в ходе таких конфликтов. Размытость установленных критериев, позволяющих придать конфликту соответствующий статус для применения норм международного гуманитарного права, позволяет государственным властям манипулировать определением ситуации, определять конфликт как «антитеррористическую операцию», ужесточая правовое регулирование профессиональной журналистской деятельности в рамках норм национального права.

При всей обоснованности концепции разделения вооруженных конфликтов на международные и немеждународные, практика ее применения в международном гуманитарном праве не отвечает современным реалиям. Многочисленные примеры внутригосударственных вооруженных противостояний последних десятилетий говорят о росте числа немеждународных конфликтов, значительное влияние на формирование и развитие которых оказывают внешние акторы. Не исключением является и вооруженный конфликт в Украине. В современных условиях целесообразно расширить сферу правового регулирования и действия норм международного гуманитарного права о механизмах защиты и особенностях правового статуса журналиста, конкретизировав случаи применения норм международного гуманитарного права во внутренних вооруженных противостояниях.

Пристатейный библиографический список

1. Дополнительный протокол (Протокол II) к Женевским конвенциям от 12.08.1949 г., касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера // Международное гуманитарное право в документах. – М.: Изд-во МНИ МП, 1996. – С. 408-417.
2. Доклад о ситуации с правами человека в Украине (16.11.2015-15.02.2016 г.). – Управление Верховного комиссара ООН по правам человека, 2016. – 64 с.
3. Заявление Миссии США при ОБСЕ по случаю Всемирного дня свободы печати 2016 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.osce.org/ru/pc/242056?download=true> (дата обращения: 13.07.2016 г.)

4. Козик А. Л. Действие норм международного гуманитарного права вне вооруженного конфликта // Проблемы управления. – 2006. – № 3. – С. 76-87.
5. Котляров И. И. Международно-правовое регулирование вооруженных конфликтов: автореферат дисс. докт. юрид. наук. – М., 2008. – 55 с.
6. Основные статистические данные о деятельности Европейского Суда по правам человека в 2015 году. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://europeancourt.ru/uploads/Statistika_Evropeyskogo_Suda_2015_9 (дата обращения: 14.07.2016 г.).
7. Современное состояние проблемы безнаказанности. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://срj.org/killed/2015/> (дата обращения: 11.11.2015 г.).
8. Статистические данные об убийствах журналистов, связанных с их профессиональной деятельностью. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://срj.org/killed/2015/> (дата обращения: 11.11.2015 г.).
9. Суд признал незаконным аннулирование Савику Шустеру разрешения на работу в Украине. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ukranews.com/news/434420-sud-pryznal-nezakonnym-annulyrovanye-savyku-shusteru-razreshenyua-na-rabotu-v-ukrayne> (дата обращения: 14.07.2016 г.).
10. ICRC, «How is the term «armed conflict» defined in international humanitarian law?», Opinion Paper, March 2008.
11. Prosecutor v. Zejnil Delalić et al., case No. IT-96-21-T, Judgement of 16 November 1998, para. 209; Prosecutor v. Tihomir Blaškić case, case No. IT-95-14-T, Judgement of 3 March 2000, para. 64.
12. Ukraine: Calls to stop media threats. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ifj.org/nc/news-single-view/backpid/1/article/ukraine-calls-to-stop-media-threats/> (дата обращения: 14.07.2016 г.).

case, case No. IT-95-14-T, Judgement of 3 March 2000, para. 64.

20 Котляров И. И. Международно-правовое регулирование вооруженных конфликтов: автореферат дисс. докт. юрид. наук. – М., 2008. – 55 с. – С. 24.

АХУНДОВА Гюнай

докторант кафедры Гражданского процесса и коммерческого права Бакинского Государственного Университета

ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО

В этой статье рассмотрены перспективы совершенствования законодательства о судебной защите права собственности на недвижимое имущество. Автор, ссылаясь на недостатки в ходе регулирования правоотношений в области судебной защиты права собственности на недвижимое имущество, выдвигает ряд важных предложений по совершенствованию законодательства в области судебной защиты права собственности на недвижимое имущество.

Ключевые слова: недвижимое имущество, суд, защита, совершенствование, право собственности, признание права, самовольная постройка.

AKHUNDOVA Gunay

doctoral student of Civil Process and Commercial Law sub-faculty of the Baku State University

PROSPECTS FOR IMPROVEMENT OF THE LAW ON JUDICIAL PROTECTION OF TITLE TO REAL ESTATE

This article discusses the prospects for improving the judicial protection of property rights to real estate law. The author, referring to the disadvantages of real property in the regulation of legal relations in the field of judicial protection of property rights, raises a number of important proposals for the enhancement of judicial protection of property rights to real estate law.

Keywords: immovable property, the court, the protection, improvement, ownership, recognition of the right, unauthorized construction.

Эффективность осуществления задач гражданского судопроизводства в значительной степени зависит от правильного выбора и применения материальных и процессуальных норм права при рассмотрении судами дел. Для этого большое значение имеет понимание их содержания, надлежащее толкование и точное определение взаимосвязи с иными материальными и процессуальными нормами.

Гражданско-процессуальные отношения развиваются по специальному закону, где диспозитивные и императивные начала согласовываются в диалектическом и гармоническом виде. Конечно же, когда суд выступает в гражданско-процессуальных отношениях в качестве неизменного субъекта, это придает ей элементы определенного авторитаризма. Но не следует забывать о том, что независимый характер гражданского процессуального права «служит» определенному комплексу материально-правовых отношений. Этим отношениям значительным образом присущи диспозитивные начала. Естественно, эти начала играют важную роль в разрешении споров, вытекающих из гражданско-правовых отношений в широком смысле этого слова.¹

Недвижимость является одной из основ деятельности любой экономической системы. Поэтому, оптимальное формирование оборота недвижимости является одной из важнейших задач правовой политики государства. Правовое регулирование отношений в связи с недвижимым имуществом играет решающую роль в организации этого оборота. Развитие производства, среда инвестиций и благосостояние населения во многом зависит от правильного выбора правовой модели отношений в сфере недвижимости. В то же время, правовое регулирование в данной области, существующие в законодательстве пробелы и ошибочные решения, не могут не оказать

негативное влияние на многие факторы экономического и социально-политического развития.²

На наш взгляд, под способами защиты права собственности на недвижимое имущество понимаются такие правовые возможности и механизмы, предусмотренные законом, посредством которых восстанавливаются и признаются нарушенные или оспариваемые права на недвижимое имущество.

В ходе анализа основных задач судебных реформ, проводимых в Азербайджанской Республике в годы независимости, в юридической литературе показано, что в качестве основной задачи следует отметить доступность правосудия по гражданским делам. В советский период и ввиду активности суда на первом этапе реформ, невысоких судебных расходов, отсутствия современных ограничений в компетенции суда, такой проблемы не существовало. Подорожание всех составных элементов правовой инфраструктуры, осложнение порядка определения полномочий суда и других юрисдикционных органов, повышение необходимости защиты «слабой» стороны и общих интересов в гражданском процессе изменило акценты в разрешении этой проблемы. Во-вторых, полная реализация принципа независимости судов. Это проявляется в защите судей от внешних воздействий, в осуществлении деятельности судов в условиях достойного материально-технического и финансового обеспечения, в обеспечении прозрачности гражданского судопроизводства. В-третьих, разрешение в суде проблем с коррупцией и устранение случаев использования судов в незаконных целях. Отсюда ясно усматривается степень значимости контроля над выбором кадров и над объективностью судебных актов, разрешения проблем в связи с деятельностью судей. В-четвертых, совершенствование процессуальных форм осуществления правосудия. Для учета особенностей различных категорий споров и используемых доказательств, совер-

1 Проблемы и перспективы принципов гражданского процессуального права. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://studopedia.info/9-44687.html>.

2 Алексеев В. А. Недвижимое имущество: правовой режим и государственная регистрация прав: Автореф. дисс... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 3.

шенствования гражданского судопроизводства, коммуникаций в судебной системе, а также между судом и участниками процесса и иными лицами необходимо предусмотреть применение новых технических средств. В-пятых, совершенствование исполнительного производства и принудительного исполнения судебных актов. В-шестых, развитие альтернативных методов разрешения гражданско-правовых споров. В-седьмых, совершенствование нотариата и нотариальной деятельности.³

На наш взгляд, к этим задачам можно также отнести своевременное (в разумный срок) рассмотрение и разрешение гражданских дел, в том числе, исков в связи с недвижимым имуществом. Н. Ф. Гулиева считает, что для определения задач судопроизводства в связи с институтом процессуальных сроков необходимо уточнить терминологию, используемой в процессуальном законодательстве. В статье 2 ГПК, закрепляющая задачи гражданского судопроизводства, не предусмотрена обязанность своевременного рассмотрения и разрешения гражданских дел. В обосновании своего мнения автор обращается к Европейской Конвенции и комментарию ГПК. В статье 6 Европейской Конвенции «О защите прав и основных свобод человека» от 1950 года показано, что «каждый имеет право при определении его гражданских прав и обязанностей или при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявленного ему, на справедливое публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона».⁴ В комментарии к ГПК же выдвигается такое мнение, что обязанностью суда является своевременно рассмотреть и правильно разрешить гражданские дела.⁵ С этой точки зрения, «своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел» целесообразно было бы предусмотреть в статье 2 ГПК в качестве одного из задач гражданского судопроизводства.⁶

В современном периоде в правоприменительной практике обострилась проблема физического передвижения (изменения места) недвижимых вещей без нанесения вреда их назначению. При рассмотрении судами споров по отнесению того или иного объекта к недвижимым вещам, в первую очередь, следует разрешить вопрос о тесной связи этих объектов с землей, на которой они расположены. Заключение и оценка суда в этом вопросе является достаточно субъективной.

По мнению Э. А. Дорожинской, если следовать букве закона, то здание, перемещенное не только на соседний участок, но и в соседний район, сохраняет особенность недвижимого объекта, если не причинен несоразмерный ущерб его назначению.⁷ Однако фактически этот объект был подвижен. Действительно, в современном периоде возможно перемещение, изменение места зданий без причинения ущерба их назначению. Даже в практике Азербайджана был такой случай. Например, в 2013 году историческое здание, расположенное по

адресу Физули 39 города Баку было перемещено назад на 10,5 метров. Процесс перемещения был осуществлен посредством 210 гидравлических сооружений, расположенных под зданием. Здание было перемещено на 8 см в течение часа.⁸

Критерий, как правило, неприемлемо по отношению к лесам и многолетним насаждениям. Все деревья из леса можно вытащить и посадить в ином месте, и в то же время назначению этого леса не будет причинен какой-либо серьезный вред (например, подача кислорода).

С этой точки зрения, целесообразно исключить из легального определения недвижимого имущества в ГК АР выражения (признака) «перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно» и заменить его выражением «на которых расходы, понесенные на перемещение места, несоразмерны». То есть в качестве критерия, относящего объекты, в частности здания и сооружения, прочно связанные с землей, к недвижимым вещам принимается не «невозможность перемещения без несоразмерного ущерба их назначению», а несоразмерность расходов, понесенных на их перемещение. Так как современные технологии можно сказать, что позволяют перемещать любой объект без причинения ущерба их назначению.

Понятие «недвижимого имущества» больше чем физический объект определяет правоотношения. Поэтому, для выражения физической сущности недвижимого имущества в законодательстве правильнее было бы использовать термин «объект недвижимого имущества».

К недвижимому имуществу можно отнести физические объекты с определенными границами в пространстве, предметы, неразрывно связанные с землей, как над его поверхностью, так и под поверхностью, а также права, требования, интересы и доходы, обусловленные недвижимой вещью.

Иск о признании права собственности против любого лица, не признающего право собственника, является средством вещно-правовой защиты прав на недвижимое имущество. Так как этим иском право собственности защищается как обязательное вещное право, и право собственности может быть признано только над индивидуально-определенной вещью истца.

В гражданском законодательстве АР не предусмотрена норма, исключающая виндикацию недвижимого имущества. Поэтому недвижимое имущество может защищаться посредством, как виндикационного, так и негаторного иска. Предметом спора по негаторному иску может выступать только недвижимая вещь. Так как создание препятствий в использовании движимого имущества и его разрешение в судебном порядке логически и практически бесполезно.

В Законе «О государственном реестре недвижимого имущества» жилые помещения были отнесены к недвижимому имуществу.

Квартира (жилая площадь) не была включена в перечень самостоятельных видов недвижимого имущества, перечисленных в статье 135.4 Гражданского Кодекса. Однако в других нормах этого Кодекса были закреплены положения, определяющие квартиру именно в качестве объекта недвижимого имущества. Например, в статье 646.1 показано, что «по договору купли-продажи недвижимых вещей продавец обязуется передать в собственность покупателя земельный участок,

3 Мовсумов М. А., Алиев М. О. Гарантии судебной защиты в гражданско-процессуальном праве Азербайджанской Республики / Актуальные проблемы государственного и правового устройства в Азербайджанской Республике. 2009. № 3. С. 82-90.

4 Сборник международных документов, 1 том. Баку: GISO Enterprise KRINB, 2005. С. 131.

5 Гражданско-Процессуальный Кодекс Азербайджанской Республики. Баку: Закон, 2015.

6 Гулиева Н. Ф. Значение института процессуальных сроков / Актуальные проблемы государственного и правового устройства в Азербайджанской Республике. Сборник научных статей. Баку, 2009. № 4. С. 91-96.

7 Дорожинская Е. А. Правовое регулирование сделок с недвижимостью. Новосибирск: СибАГС, 1999. С. 15-16.

8 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.anspress.com/index.php?a=2&lng=az&nid=199108>.

дом, здание, сооружение, квартиру или другую недвижимую вещь».

С этой точки зрения считаем целесообразным, дополнить статью 135.4 Гражданского Кодекса АР словами «жилые и нежилые помещения» после слова здания.

На наш взгляд, целесообразно дать статью 30.4 Жилищного Кодекса АР в следующей редакции: «В случае прекращения семейных отношений с собственником жилого помещения право пользования данным жилым помещением за бывшим членом семьи собственника этого жилого помещения не сохраняется, если иное не установлено соглашением между собственником и бывшим членом его семьи. Однако в данном случае сохраняется право пользования указанным жилым помещением бывших несовершеннолетних (до достижения 18 лет) членов семьи и нетрудоспособных (до восстановления трудоспособности) членов семьи. Если у бывшего члена семьи собственника жилого помещения отсутствуют основания приобретения жилого помещения или осуществления права пользования жилым помещением, а также если материальное положение бывшего члена семьи собственника жилого помещения и другие заслуживающие внимания обстоятельства не позволяют ему обеспечить себя жилым помещением, на основании решения суда право пользования жилым помещением, принадлежащим указанному собственнику, может быть сохранено за бывшим членом его семьи на определенный срок».

Считаем, что с точки зрения комплексности, целостности и полноты правового регулирования в статье 262 Гражданского Кодекса Азербайджанской Республики в качестве одного из оснований прекращения сервитута целесообразно было бы предусмотреть «выкуп обремененного сервитутом земельного участка для государственных и общественных нужд».

В Жилищном Кодексе Азербайджанской Республики не был закреплен термин жилищный сервитут. С этой точки зрения в данном кодексе важно закрепление следующего положения: «Жилое помещение может быть обременено жилищным сервитутом».

В соответствии со статьей 204 Гражданского Кодекса Азербайджанской Республики, «для отказа от права собственности или иного права на недвижимое имущество обязательны наличие заявления правомочного лица об отказе от этого права и регистрация этого заявления в государственном реестре недвижимого имущества. Заявление об отказе от права собственности или иного права на недвижимое имущество получает обязательную силу после внесения об этом записи в государственный реестр недвижимого имущества. Для отказа от права собственности или иного права на движимое имущество собственник должен письменно объявить об этом либо совершить другие действия, определенно свидетельствующие о его устранении от владения, пользования и распоряжения имуществом без намерения сохранить какие-либо права на это имущество. Однако в данной статье не показано как решается судьба прав и обязанностей собственника в случае отказа от права собственности по отношению к соответствующему имуществу вплоть до приобретения этого права иными лицами. Поэтому, считаем, что целесообразно дополнить статью 204 Гражданского Кодекса Азербайджанской Республики в следующей редакции: «204.3. Отказ от права собственности не приводит к прекращению прав и обязанностей по отношению к соответствующему имуществу собственника до приобретения этого права иными лицами».

Таким образом, как видно из вышеуказанного в современном периоде в регулировании правоотношений в связи с судебной защитой права собственности на недвижимое имущество имеются определенные недостатки. Потому совершенствование законодательства в данной области согласно нынешним требованиям имеет важное и актуальное значение.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев В. А. Недвижимое имущество: правовой режим и государственная регистрация прав: Автореф. дисс... д-ра юрид. наук. М., 2008. 49 с.
2. Гражданский Кодекс Азербайджанской Республики. Баку: Юридическая литература, 2015. 774 с.
3. Гражданско-Процессуальный Кодекс Азербайджанской Республики. Баку: Закон, 2015. 304 с.
4. Гулиева Н. Ф. Значение института процессуальных сроков/Актуальные проблемы государственного и правового устройства в Азербайджанской Республике. Сборник научных статей. Баку, 2009. № 4. С. 91-96.
5. Дорожинская Е. А. Правовое регулирование сделок с недвижимостью. Новосибирск: СибАГС, 1999, 135 с.
6. Мовсумов М. А., Алиев М. О. Гарантии судебной защиты в гражданско-процессуальном праве Азербайджанской Республики / Актуальные проблемы государственного и правового устройства в Азербайджанской Республике. 2009. № 3. С. 82-90.
7. Проблемы и перспективы принципов гражданского процессуального права. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://studopedia.info/9-44687.html>.
8. Сборник международных документов, 1 том. Баку: GISO Enterprise KRINB, 2005. 868 с.
9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.anspress.com/index.php?a=2&lng=az&nid=199108>.

ТРОЦЕНКО Оксана Сергеевна

кандидат юридических наук, заведующая кафедрой предпринимательского права Уральского государственного экономического университета

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О БАНКРОТСТВЕ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ: ВОПРОСЫ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

В России довольно долго велись разговоры о необходимости распространения института несостоятельности (банкротства) на физических лиц и введения так называемого «потребительского банкротства». Несмотря на то что «законодательство большинства стран предусматривает нормы о банкротстве физических лиц – потребителей»*, решение этого вопроса в Российской Федерации вновь и вновь откладывалось.

По данным корпорации «Fitch Ratings», известной в основном как рейтинговое агентство, в 2015 году граждане, проживающие в Российской Федерации, задолжали банкам около 11 трлн. рублей. Количество должников составляет – 40 млн. человек, а это более половины экономически активного населения страны. Из 40 млн. лишь 8 млн. в состоянии обслуживать свои долги**. До настоящего времени не удавалось контролировать рост просрочки заемщиков в банковском секторе. Указанное выше, а также непроясненная экономическая ситуация в стране привели к тому, что законодатель наконец-то решил вопрос о введении института несостоятельности (банкротства) физических лиц.

Ключевые слова: банкротство, банкротство гражданина (физического лица), потребительское банкротство, несостоятельность.

Троценко О. С.

TROTSENKO Oksana Sergeevna

Ph.D. in Law, Head of Business Law sub-faculty of the Ural State University of Economics

PROBLEMS OF APPLICATION OF THE LEGISLATION ON BANKRUPTCY OF INDIVIDUALS: ISSUES OF JUDICIAL PRACTICE

In Russia for quite a long time there was talk about the necessity of expanding the Institute of bankruptcy of individuals and introduction of the so-called pre-heating "consumer bankruptcy". Despite the fact that "the legislation of most countries provides for the rules on bankruptcy of physical persons – customers", the solution of this problem in the Russian Federation was postponed again and again.

According to the Corporation "Fitch Ratings", known mainly as a rating Agency, in 2015 the citizens of Russian Federation owed about 11 trillion rubles. The number of debtors is 40 million people, more than half of the economically active population of the country. Only 8 million able to service their debts. Up to the present time it was impossible to reflect the growing arrears of borrowers in the banking sector. The above, as well as the difficult economic situation in the country led to the fact that the legislator has finally decided the question of introduction the Institute of bankruptcy of individuals.

Keywords: bankruptcy, bankruptcy of the citizen (physical person), consumer bankruptcy.

С 1 октября 2015 г. согласно Федеральному закону от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о несостоятельности), арбитражные суды наконец-то могут признавать банкротом гражданина, не имеющего статуса индивидуального предпринимателя¹. Однако внесенные изменения в Закон о несостоятельности (банкротстве) касающиеся граждан, как и любые изменения законодательства, имеют свои плюсы и минусы. Исходя из этого, прежде чем признавать себя банкротом необходимо обдумать иные методы для выхода из «долговой ямы». Ведь действительно, банкротство подразумева-

ет не только избавление гражданина от всех имеющихся долгов, но и возникновение для банкрота определенных последствий, как имущественных, так и личных.

Представляется необходимым прежде всего выделить положительные стороны банкротства физических лиц.

Прежде всего, это избавление должника от возможности общения с коллекторскими агентствами, которые зачастую совершают правонарушения. Иными словами, воспользовавшись процедурой банкротства, должник получает право цивилизованно решить проблему возникшей задолженности перед кредитором, на основе действующего законодательства.

Необходимо отметить, что после вступления в силу изменений в Закон о несостоятельности коллекторские агентства при взыскании задолженности с гражданина так же стали обращаться в Арбитражные суды с заявлениями о признании граждан банкротами. Так, «...ООО «Коллекторское Агентство «Дебеториум» (ИНН 7733657618, ОГРН 1087746681307) обратилось в Арбитражный суд Московской области с заявлением о признании Казначеевой Валентины Васильевны несостоятельным (банкротом)...»².

* Новокрещенов Д. Н., Пахаруков А. А. О концепции правового положения финансового управляющего в деле о банкротстве граждан / Д. Н. Новокрещенов, А. А. Пахаруков // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права) (Baikal Research Journal). Электронный научный журнал. – 2014. – № 5. – С. 403. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://izvestia.isea.ru>.

** Фаляхов Р. Россия в долгах. / Р. Фаляхов – 2016. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.gazeta.ru>.

1 О несостоятельности (банкротстве). Федеральный закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 29.12.2015, с изм. и доп., вступ. в силу с 29.03.2016). – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

2 Определение Арбитражного суда Московской области от 25.12.2015 г. по делу № А41-79880/15. – Доступ из справочно-правовой систе-

Одним из плюсов банкротства физических лиц является то, что даты вынесения определения арбитражного суда о признании заявления о признании гражданина банкротом и введения процедуры реструктуризации долгов в отношении гражданина наступают следующие последствия:

– вводится мораторий (отсрочка) на удовлетворение требований кредиторов по денежным обязательствам и об уплате обязательных платежей;

– прекращается начисление всех видов неустоек, в т.ч. штрафов, пеней, процентов и иных финансовых санкций. Исключения составляют текущие платежи;

– подлежат приостановлению исполнение исполнительных документов по всем имущественным взысканиям гражданина. К исключениям относятся: исполнительные документы по требованиям о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью, по делам об истребовании имущества из чужого незаконного владения, об устранении препятствий к владению указанным имуществом, о признании права собственности на указанное имущество, о взыскании алиментов, а также, в некоторых случаях, по требованиям об обращении взыскания на заложенное жилое помещение;

Вся имеющаяся задолженность перед банками признается безнадежной задолженностью, то есть задолженность, взыскание которой оказалось невозможным в силу причин экономического, социального или юридического характера.

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что после введения судом процедуры реструктуризации долгов задолженность гражданина замораживается. Примером тому является следующее определение Арбитражного суда Республики Хакасия «... арбитражный суд определил: Признать обоснованным заявление публичного акционерного общества «Сбербанк России» о признании несостоятельным (банкротом) Бороздиной Натальи Анатольевны. Ввести в отношении Бороздиной Натальи Анатольевны процедуру реструктуризации долгов гражданина ... Приостановить исполнение исполнительных документов по имущественным взысканиям с Бороздиной Натальи Анатольевны, за исключением исполнительных документов по требованиям о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью, по делам об истребовании имущества из чужого незаконного владения, об устранении препятствий к владению указанным имуществом, о признании права собственности на указанное имущество, о взыскании алиментов, а также по требованиям об обращении взыскания на заложенное жилое помещение, если на дату введения этой процедуры кредитор, являющийся залогодержателем, выразил согласие на оставление заложенного жилого помещения за собой в рамках исполнительного производства в соответствии с пунктом 5 статьи 61 Федерального закона от 16.07.1998 №102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)»...»³. Зачастую добросовестные должники вынуждены обращаться в арбитражный суд с заявлением о признании себя банкротом вследствие отказа кредитной организации предоставить реструктуризацию долга. Однако с введением в России института банкротства физических лиц реструктуризация долгов стала отдельной неотъемлемой процедурой банкротства физических лиц. Так в случае если должник имеет определенный доход, предвидит увеличение в ближайшем будущем денежной

массы и не желает реализовывать свое имущество в целях погашения задолженности перед кредиторами, то процедура реструктуризации долгов гражданина допускает возможность погасить все имеющиеся долги перед кредиторами за определенный промежуток времени, устанавливаемый судом (но не более трех лет). Так, арбитражный суд Иркутской области определил: «...заявление закрытого акционерного общества «СтройАльянс» признать обоснованным. Ввести в отношении Меграбяна Армена Гургеновича процедуру банкротства – реструктуризация долгов гражданина сроком до 19 апреля 2016 года...». Определение было вынесено «22» января 2016 г., т.е. процедура реструктуризации долгов гражданина по данному делу была введена сроком всего лишь на три месяца. В другой ситуации процедура реструктуризации долгов была введена сроком на четыре месяца: «...суд определил признать заявление Маркуносова Сергея Николаевича о признании несостоятельным (банкротом) обоснованным. Ввести процедуру реструктуризации долгов в отношении Маркуносова Сергея Николаевича сроком на четыре месяца...»⁴.

Анализируя судебную практику, можно сделать вывод, что срок реструктуризации долгов гражданина устанавливается в каждом конкретном случае по-разному.

Безусловно, институт банкротства был введен в целях избавления должника от денежных обязательств, в том числе в случае отсутствия у гражданина имущества и иных материальных ценностей, стоимость которых была бы равна стоимости возникшей задолженности по денежным обязательствам. Следовательно, банкротство предусматривает избавление должника от возникших денежных обязательств перед кредитором даже в случае отсутствия у него имущества. Как указывалось ранее, в таком случае задолженность должника перед кредиторами признается безнадежной. Так, в указанном далее решении о признании должника-гражданина банкротом Арбитражный суд Новосибирской области признал должника банкротом и ввел в отношении него процедуру реализации имущества, хотя у должника и отсутствуют материальные ценности: «...Рассмотрев материалы дела, суд установил следующие фактические обстоятельства. По состоянию на 30.09.2015 размер денежных обязательств перед кредиторами, которые гражданин Попов К. А. не оспаривает, составляет 2 623 270 рублей 54 копейки ... Гражданин Попов Константин Алексеевич не имеет в собственности какого-либо имущества. Открытых счетов (помимо счетов, открытых на основании кредитных договоров) гражданин Попов К. А. также не имеет. С июля 2014 года гражданин Попов К. А. уволился с последнего места работы по собственному желанию. В настоящее время нигде не работает, предпринимательской деятельностью не занимается. Страховые взносы работодателями не производятся в пенсионный фонд с июля 2014 года. Каких-либо источников дохода гражданин Попов К. А. не имеет ... Суд решил признать должника – Попова Константина Алексеевича несостоятельным (банкротом) и ввести в отношении указанного гражданина процедуру реализации имущества гражданина сроком на пять месяцев...»⁵. Анализируя данное судебное решение можно сделать вывод, что суд может признать гражда-

мы «РосПравосудие». – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rospravosudie.com>.

3 Определение Арбитражного суда Республики Хакасия от 10.11.2015 г. по делу № А74-8431/2015. – Доступ из справочно-правовой системы «РосПравосудие». – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rospravosudie.com>.

4 Определение Арбитражного суда Иркутской области от 22.01.2016 г. по делу № А19-15795/2016. – Доступ из справочно-правовой системы «РосПравосудие». – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rospravosudie.com>.

5 Определение Арбитражного суда Новосибирской области от 02.11.2015 г. по делу № А45-20597/2015. – Доступ из справочно-правовой системы «РосПравосудие». – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rospravosudie.com>.

нина банкротом не только при отсутствии у него какого-либо имущества, но и при отсутствии у него заработка и иных источников дохода, что несомненно является одной из положительных сторон банкротства физических лиц.

Несмотря на наличие положительных обстоятельств при банкротстве гражданина, не многие задумываются о том, что есть и неблагоприятные последствия. Так, процедура банкротства влечет за собой неминуемые расходы, связанные с рассмотрением дела в арбитражном суде.

Первыми возникающими расходами в деле о банкротстве гражданина являются:

- государственная пошлина при подаче заявления о признании гражданина банкротом в размере 6 тысяч рублей;
- расходы, связанные с услугами профессиональных юристов.

В случае обращения должника в юридическую компанию, стоимость оказанных услуг может составить от 30 до 80 тысяч рублей, в зависимости от суммы задолженности и имущественного положения должника.

Следующими расходами являются расходы на оплату услуг финансового управляющего. Участие финансового управляющего в деле о банкротстве физического лица является обязательным. Кандидатура финансового управляющего вводится при назначении одной из процедур банкротства. На финансового управляющего возложены следующие обязанности – выявление и обеспечение сохранности имущества должника, проведение анализа финансового состояния гражданина, выявление признаков фиктивного банкротства и иные обязанности.

Стоимость услуг финансового управляющего закреплено в Законе о несостоятельности (банкротстве) и состоит из следующих сумм:

- единовременная фиксированная сумма;
- суммы процентов.

Размер единовременной фиксированной суммы составляет 10 тысяч рублей. Арбитражный суд Орловской области в своем определении указал: «...Признать должника – Фетисову Валентину Александровну несостоятельным (банкротом) и ввести процедуру реализации имущества гражданина на 5 месяцев. Утвердить финансовым управляющим Фетисовой Валентины Александровны Димушу Дмитрия Николаевича, являющегося членом Ассоциации СРО ОАУ «Лидер». Утвердить финансовому управляющему Димуше Дмитрию Николаевичу единовременное вознаграждение в размере 10 000 руб...»⁶.

Кроме единовременной выплаты финансовому управляющему так же выплачиваются суммы процентов за каждую процедуру:

- на стадии реструктуризации долгов – 2% размера удовлетворенных требований кредиторов;
- на стадии реализации имущества – 2% размера от выручки с реализации имущества должника.

Указанные проценты уплачиваются финансовому управляющему за счет денежных средств, полученных в ходе исполнения плана реструктуризации долгов, либо в ходе реализации имущества гражданина, после расчетов со всеми кредиторами.

Например, при реализации имущества гражданина на сумму 3 миллиона рублей финансовому управляющему под-

лежит выплата из вырученных денежных средств в размере 60 тысяч рублей.

Кроме того необходимо указать на то, что финансовому управляющему так же подлежат выплаты, связанные с понесенным им фактическим расходам, таким как сбор за опубликование сведений о банкротстве, суммы подлежащие выплате экспертам, свидетелям, переводчикам, специалистам и иным лицам. На практике данные расходы оцениваются до 50 тысяч рублей.

В итоге, при отсутствии у должника дохода, имущества, а так же в случае самостоятельного ведения дела о банкротстве стоимость банкротства составит не менее чем 20 тысяч рублей. В случае наличия у должника имущества, дохода, а так же при обращении должника за помощью к профессиональным юристам стоимость банкротства может составить 200 тысяч рублей и более.

Отрицательной стороной банкротства являются не только понесенные расходы должника в процессе признания себя банкротом, но и возникающие последствия, в том числе финансовые и юридические.

Как указывалось ранее, в случае наличия у гражданина какого-либо имущества, данное имущество подлежит реализации на соответствующей стадии. Все имущество, нажитое должником до принятия решения о признании гражданина банкротом, и приобретенное после подлежит включению в конкурсную массу. Исключения составляют: единственное жилье, предметы домашней обстановки и обихода, вещи индивидуального пользования и личной гигиены, продукты питания.

Кроме того, одним из последствий является ограничение выезда гражданина за границу.

Считаю также необходимым указать на некоторые проблемы реализации положений о несостоятельности физических лиц Закона о несостоятельности и предложить пути их решения.

Основная проблема заключается в подсудности дел о банкротстве физических лиц. Дела о банкротстве физических лиц рассматриваются арбитражными судами субъектов РФ. Однако такая подсудность дел о признании физических лиц банкротами в сором времени создаст существенную нагрузку арбитражных судов.

Кроме того, рассмотрение ежегодно нескольких сотен тысяч таких дел в арбитражных судах создает существенные неудобства для граждан, проживающих в отдаленных местностях. Представляется, что дела о банкротстве являются гражданскими делами, подлежащими рассмотрению по правилам процессуального законодательства в порядке искового производства, с особенностями, предусмотренными Законом о банкротстве в судах общей юрисдикции. При этом возникнет необходимость в периодическом издании Верховным судом Российской Федерации разъяснений по судебной практике и практике применения судами общей юрисдикции законодательства о банкротстве физических лиц, что позволит судам общей юрисдикции придерживаться одной методики рассмотрения дел о банкротстве физических лиц для формирования единой практики.

Одной из проблем реализации поправок, внесенных в закон о банкротстве, является проблема оценки стоимости имущества, принадлежащего физическому лицу. В конкурсную массу включается все имущество, на которое взыскание может быть обращено, в том числе и валютные ценности. Так же взыскание может быть обращено на имущество, право собственности на которое принадлежит нескольким лицам в зависимости от доли, принадлежащей такому лицу – долевая

6 Определение Арбитражного суда Орловской области от 19.01.2016 г. по делу № А48-7258/2016. – Доступ из справочно-правовой системы «РосПравосудие». – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rospravosudie.com>.

собственность. Соответственно кредитор может предъявить требование об обращении взыскания на долю должника в общем имуществе. То же касается и общей долевой собственности супругов. В таком случае в конкурсную массу включается часть средств от реализации общего имущества супругов, принадлежащая должнику. Оставшаяся часть вырученных денежных средств непосредственно возвращается супругу должника.

Однако, по нашему мнению, основной проблемой реализации имущества должника является проблема обращения взыскания на имущество, на которое в соответствии со ст. 446 ГПК РФ обращение взыскания не допускается.

В соответствии с ч. 1 ст. 446 ГПК РФ не может быть обращено взыскание на жилое помещение (его части), если для гражданина-должника и членов его семьи, совместно проживающих в принадлежащем помещении, оно является единственным пригодным для постоянного проживания помещением⁷. Однако рыночная стоимость такого помещения может оказаться достаточно высокой, следствием чего является то, что при законодательно закрепленной возможности реализации такого имущества возникает реальная возможность погашения должником всей возникшей задолженности перед кредиторами, при том на оставшиеся денежные средства должник сможет приобрести более дешевое жилое помещение, которое бы отвечало минимальным требованиям, необходимым для проживания в нем самого должника и членов его семьи.

Так, Конституционный суд РФ в постановлении от «14» мая 2012 г. N 11-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации указал на возникшую конституционно-правовую дефектность указанной выше нормы в части существования неприкосновенности единственного жилого помещения должника, в независимости от стоимости указанного имущества.

Однако Конституционный суд РФ не признал ч. 1 ст. 446 ГПК РФ несоответствующей Конституции РФ, руководствуясь тем, что «...признание абзаца второго части первой статьи 446 ГПК Российской Федерации не соответствующим Конституции Российской Федерации повлекло бы риск неоднозначного и, следовательно, произвольного выбора соответствующих критериев правоприменителем»⁸.

По мнению автора, было бы целесообразно закрепить норму следующего содержания: «При взыскании по исполнительным документам допускается обращение взыскания на жилое помещение (его части), если для гражданина-должника и членов его семьи, совместно проживающих в принадлежащем помещении, оно является единственным пригодным для постоянного проживания помещением в случае соблюдения следующих условий:

1. При реализации такого имущества погашается часть задолженности или задолженность перед кредиторами в целом;
2. На оставшиеся вырученные денежные средства от продажи имущества должник сможет приобрести жилое поме-

щение, которое будет отвечать минимальным требованиям, необходимым для проживания в нем самого должника и членов его семьи».

Еще одной проблемой является проблема выявления сокрытия должником имущества.

Сделки должника гражданина могут быть оспорены в соответствии со ст. 213.32. На основании ст. 10 ГК РФ по требованию финансового управляющего, либо кредиторов сделки, совершенные до «01» октября 2015 г. могут быть признаны недействительными. Заявление о признании сделки гражданина недействительной может быть подано в арбитражный суд финансовым управляющим, собранием кредиторов, уполномоченным органом, либо одним из кредиторов, если размер его кредиторской задолженности составляет не менее десяти процентов от всей суммы кредиторской задолженности гражданина. При оспаривании сделок должника гражданина применяется общий срок исковой давности. Срок исковой давности начинает течь с того момента, когда финансовый управляющий узнал о наличии указанных в ст. 61.2 или 61.3 закона о несостоятельности (банкротстве) оснований. В случае признания сделки гражданина недействительной суд выносит определение о признании сделки должника недействительной и (или) применении последствий недействительности ничтожной сделки.

Кроме гражданско-правовой ответственности за сокрытие имущества или совершения должником подобных сделок лицо может понести уголовную ответственность. Данная уголовная ответственность предусмотрена в ст. 195 УК РФ.

Ст. 195 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за неправомерные действия при банкротстве, выражающиеся в сокрытии имущества, имущественных прав или имущественных обязанностей, сведений об имуществе, о его размере, местонахождении либо иной информации об имуществе, имущественных правах или имущественных обязанностях, передаче имущества во владение иным лицам, отчуждении или уничтожении имущества должника – гражданина, если эти действия совершены при наличии признаков банкротства и причинили крупный ущерб⁹.

Для избавления финансового управляющего от обязанности по выявлению описанных выше сделок и действий должника – гражданина представляется необходимым на законодательном уровне закрепить положение, в соответствии с которым совершение гражданами сделок на сумму свыше ста тысяч рублей должно быть удостоверено у нотариуса, при этом такие сделки должны быть закреплены в едином реестре уведомлений. В настоящее время уже существует аналогичный реестр – реестр уведомлений о залоге недвижимого имущества.

Несомненно, принятые изменения в законе о несостоятельности (банкротстве) имеют многие проблемы в их реализации. Нормы о несостоятельности (банкротстве) физических лиц нуждаются в доработке и совершенствовании. Вместе с тем, следует отметить, что определенная категория граждан нуждалась в принятых изменениях, которые действительно востребованы на практике.

7 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая). Федеральный закон от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 23.05.2016). – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

8 Постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2012 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф. Х. Гумеровой и Ю. А. Шикунова». – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

9 Уголовный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 01.05.2016). – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

Пристатейный библиографический список

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 01.05.2016, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2016). – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая). Федеральный закон от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 23.05.2016). – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 01.05.2016). – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
4. О несостоятельности (банкротстве). Федеральный закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 29.12.2015, с изм. и доп., вступ. в силу с 29.03.2016). – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2012 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф. Х. Гумеровой и Ю. А. Шикунова». – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
6. Определение Арбитражного суда Московской области от 25.12.2015 г. по делу № А41-79880/15. – Доступ из справочно-правовой системы «РосПравосудие». – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rospravosudie.com>.
7. Определение Арбитражного суда Республики Хакасия от 10.11.2015 г. по делу № А74-8431/2015. – Доступ из справочно-правовой системы «РосПравосудие». – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rospravosudie.com>.
8. Определение Арбитражного суда Иркутской области от 22.01.2016 г. по делу № А19-15795/2016. – Доступ из справочно-правовой системы «РосПравосудие». – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rospravosudie.com>.
9. Определение Арбитражного суда Новосибирской области от 02.11.2015 г. по делу № А45-20597/2015. – Доступ из справочно-правовой системы «РосПравосудие». – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rospravosudie.com>.
10. Определение Арбитражного суда Орловской области от 19.01.2016 г. по делу № А48-7258/2016. – Доступ из справочно-правовой системы «РосПравосудие». – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rospravosudie.com>.
11. Новокрепцов Д. Н., Пахаруков А. А. О концепции правового положения финансового управляющего в деле о банкротстве граждан / Д. Н. Новокрепцов, А. А. Пахаруков // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права) (Baikal Research Journal). Электронный научный журнал. – 2014. – № 5. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://izvestia.isea.ru>.
12. Попондопуло В. Ф., Слепченко Е. В. Банкротство граждан: материально-правовые и процессуальные аспекты // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2015. – № 9. – С. 3.
13. Сазонов В. Е. Правовая утопия: где забуксует закон о банкротстве физлиц / В. Е. Сазонов // РосБизнесКонсалтинг. – 2015. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.rbc.ru>.
14. Фаляхов Р. Россия в долгах. / Р. Фаляхов – 2016. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.gazeta.ru>.

БЫСТРОВА Юлия Викторовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ И МУНИЦИПАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ОКАЗАНИЯ УСЛУГ В СФЕРЕ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА (ЖКХ) И ПРИВЛЕЧЕНИЕМ УПРАВЛЯЮЩИХ КОМПАНИЙ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В статье рассматриваются методы осуществления контроля на различных уровнях власти, порядок привлечения управляющих компаний к уголовной ответственности за ненадлежащее оказание услуг.

Ключевые слова: государственный контроль в сфере ЖКХ, муниципальный контроль в сфере ЖКХ, управляющая компания.

BYSTROVA Yuliya Viktorovna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal Law and Criminal Procedure sub-faculty of the I. S. Turgenev Orel State University

Быстрова Ю. В.

STATE AND MUNICIPAL CONTROL OF OBSERVANCE OF THE PROVISION OF SERVICES IN THE SPHERE OF HOUSING AND COMMUNAL SERVICES (HCS) AND THE ATTRACTION OF MANAGEMENT COMPANIES TO CRIMINAL LIABILITY

The article discusses methods of control at different levels of government, the order of attraction of management companies to criminal liability for inadequate provision of services.

Keywords: state control in the sphere of housing and communal services, municipal control in the sphere of housing and communal services, the management company.

В ноябре 2015 г. Президент РФ подписал закон № 306-ФЗ «Об изменениях, внесенных в Федеральный закон №294-ФЗ от 26.12.2008г. О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», на три года запрещающий плановые проверки малого бизнеса¹.

В соответствии с данным нормативно-правовым актом, надзорные «каникулы» как временная мера на три года распространяются на проведение выездных плановых проверок субъектов малого предпринимательства.

Предметом плановой проверки является соблюдение предпринимателем в процессе осуществления деятельности обязательных требований, а также соответствие сведений, содержащихся в уведомлении о начале осуществления отдельных видов предпринимательской деятельности, обязательным требованиям. Плановая проверка проводится в форме документарной проверки и (или) выездной проверки.

В реализации данного закона велик диапазон экспертных оценок по поводу правового положения индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, которые смогут воспользоваться «каникулами». На практике получится, что к кому-то проверяющий не пришел, а к кому-то пришел. Т. е. кто-то не сможет воспользоваться правом на «каникулы». А так как у нас сформирован у контрольно-надзорных органов обвинительный менталитет, то после проведения проверки

обязательно выявляется нарушение, за которое впоследствии наступают санкции.

Кроме того, принятие данного закона ориентировано на отмену у них проведения плановых проверок. Малые предприятия, где риск убытков небольшой, индивидуальные предприниматели осуществляются явочным путем, т. е. сами направляют соответствующие документы в контрольно-надзорные органы.

В ноябре прошлого года Правительство РФ определило правила подачи и рассмотрения заявлений об исключении проверки из ежегодного плана, который верстался заранее. Если юридическое лицо или индивидуальный предприниматель полагают, что подпадают под мораторий, но их включили в план, они вправе потребовать исключения из него.

Под данные изменения в законодательстве попадает деятельность управляющих компаний в сфере ЖКХ. Данной нормой и воспользовались многие управляющие компании РФ. Большинство из них работают в соответствии с данными изменениями в законодательстве. Строится работа по такому алгоритму и в Орле, в прошлом году в областном центре прошло 15 плановых проверок, в текущем – ни одной. Более того, до 2018 года комплексных проверок управляющих компаний в городе не будет.

В соответствии со ст. 162 Жилищного кодекса Российской Федерации по договору управления многоквартирным домом одна сторона (управляющая организация) по заданию другой стороны (собственников помещений в многоквартирном доме, органов управления товарищества собственников жилья либо органов управления жилищного кооператива или органов управления иного специализированного потребительско-го кооператива) в течение согласованного срока за плату обя-

1 № 306-ФЗ «Об изменениях, внесенных в Федеральный закон №294-ФЗ от 26.12.2008г. О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», на три года запрещающий плановые проверки малого бизнеса (вступает в действие с 01.07.2016) // РГ № 6822(251) от 06.11.2015.

зуются оказывать услуги и выполнять работы по надлежащему содержанию и ремонту общего имущества в доме, предоставлять коммунальные услуги собственникам помещений в таком доме и пользующимся помещениями в этом доме лицам, осуществлять иную направленную на достижение целей управления многоквартирным домом деятельность.

В договоре управления многоквартирным домом должны быть указаны:

1) состав общего имущества многоквартирного дома, в отношении которого будет осуществляться управление, и адрес такого дома;

2) перечень услуг и работ по содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме, порядок изменения такого перечня, а также перечень коммунальных услуг, которые предоставляет управляющая организация;

3) порядок определения цены договора, размера платы за содержание и ремонт жилого помещения и размера платы за коммунальные услуги, а также порядок внесения такой платы;

4) порядок осуществления контроля за выполнением управляющей организацией ее обязательств по договору управления.

Именно за соблюдением данных характеристик должен осуществляться контроль путем проведения различных видов проверок. В соответствии со ст. 165 Жилищного кодекса Российской Федерации управляющие организации обязаны предоставлять гражданам по их запросам информацию об установленных ценах и тарифах на услуги и работы по содержанию и ремонту многоквартирных домов и жилых помещений в них, о размерах оплаты в соответствии с этими ценами и тарифами, об объеме, о перечне и качестве оказываемых услуг и выполняемых работ, а также о ценах и тарифах на предоставляемые коммунальные услуги и размерах оплаты этих услуг.

Жилищный кодекс Российской Федерации также обязывает управляющие организации ежегодно в течение первого квартала текущего года представлять собственникам помещений в многоквартирном доме в устной или письменной форме отчет о выполнении договора управления многоквартирным домом за предыдущий год.

Таким образом, вопросы осуществления контроля за деятельностью управляющих организаций в указанных случаях регулируются в рамках заключаемых договоров на управление многоквартирными домами.

В соответствии с ч. 8.2 ст. 162 Жилищного кодекса Российской Федерации в случае, если управляющая организация не выполняет условия договора управления многоквартирным домом, собственники помещений в многоквартирном доме на основании решения общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме в одностороннем порядке вправе отказаться от исполнения договора управления многоквартирным домом.

В случае, если проверка проведена и выявлены существенные нарушения, интересным является ответ на вопрос кто несет обязанности по их устранению: управляющие компании или собственники жилых помещений.

Судебная практика единодушно считает, что признание жилого дома непригодным для проживания не освобождает того у кого оно стоит на балансе от обязанности проведения работ по текущему ремонту.

На практике при рассмотрении дел управляющие компании обычно привлекают к участию в деле в качестве соответчиков собственников жилого дома, указывая на то, что собственник несет ответственность за содержание и ремонт жилого дома.

В свою очередь, жилищная инспекция обязана провести проверку по вашему заявлению и в случае установления ненадлежащего исполнения управляющей компанией своих обязательств – привлечь ее к ответственности. Кроме того, жилищная инспекция, установив факт ненадлежащего исполнения управляющей компанией обязательств по содержанию и эксплуатации жилого дома, должна обязать балансодержателя жилого дома устранить выявленные нарушения и привлечь данную управляющую компанию к юридической ответственности. Уголовная ответственность в сфере ЖКХ чаще всего наступает за такие виды преступлений как хищение денежных средств, выделенных из федерального или местного бюджета для проведения различных коммуникаций, котельных и т.д., в том числе путем завышения объемов выполненных работ. Также нередко встречаются преступления, связанные с завышением сотрудниками ТСЖ сумм, требуемых с собственников жилья в счет оплаты коммунальных услуг, и присвоения поступивших денежных средств.

По закону, инспекторы жилищного контроля вправе проводить только внеплановые мероприятия по заявлениям жителей и юридических лиц.

Проведение внеплановых проверок в отношении субъектов предпринимательской деятельности является одним из мероприятий по контролю **для оценки соответствия**, осуществляемой ими деятельности или действий (бездействия), производимых и реализуемых ими товаров (выполняемых работ, предоставляемых услуг) обязательным требованиям и требованиям, установленным муниципальными правовыми актами².

Предметом внеплановой проверки является соблюдение организацией в процессе осуществления деятельности **обязательных требований** и требований, установленных муниципальными правовыми актами, а также проведение мероприятий по предотвращению причинения вреда жизни, здоровью граждан, вреда животным, растениям, окружающей среде, по обеспечению безопасности государства, по предупреждению возникновения чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, по ликвидации последствий причинения такого вреда³.

Но и тут круг их полномочий ограничен. При плановой проверке анализируется вся деятельность управляющих компаний, начиная от качества ремонта и заканчивая отчетами перед жителями. А внеплановая позволяет проверить только конкретный факт, указанный в заявлении. Например, есть жалоба на протекающую крышу, только ее и проверят. Так, Суд Советского района Орла обязал одну из местных управляющих компаний оказывать горожанам коммунальную услугу надлежащего качества. Процесс был инициирован жителями одного из многоквартирных домов, которых в суде поддержали сотрудники регионального управления Роспотребнадзора. Как сообщили в ведомстве, граждане пожаловались на управляющую компанию, в связи с тем, что в квартирах из кранов течет «ржавая» горячая вода. В судебном заседании было изучено заключение эксперта. Он указал, что в горячей воде в

2 П. 6 ст. 2 ФЗ РФ № 294 (в редакции от 28.11.2015) «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // РГ №4823 от 30.12.2008.

3 П. 1 ст. 10 ФЗ РФ № 294 П. ФЗ РФ № 294 (в редакции от 28.11.2015) «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // РГ №4823 от 30.12.2008.

данном доме зафиксировано превышение допустимого уровня содержания железа.

К ссылкам представителей УК на невысокое качество воды в целом в городе и плохое техническое состояние водопроводных труб суд отнесся скептически.

Суд решил, что управляющая компания не исполнила своей обязанности по обеспечению жильцов коммунальной услугой надлежащего качества и обязал ее прекратить противоправные действия. Иными словами, управляющая компания должна подавать в дом только чистую горячую воду, поскольку «ржавая» не отвечает требованиям закона⁴.

Из данного примера видно, что управляющим компаниям бояться нечего. Комплексная ревизия отныне им грозит разве что при проведении следственных действий.

Все потому, что управляющие компании до минимума урезали штат сотрудников, став «малым бизнесом». Стандартный «набор» - восемь сотрудников административного аппарата и один инженер. Дворников, сантехников, электриков и прочих в штате не содержит практически ни одна компания. Для выполнения работ она заключает договора с фирмами по одному и тому же юридическому адресу. Юридические лица разные, но деньги, вероятно, утекают в один карман.

Члены общественного совета по ЖКХ при Правительстве Орловской области подсчитали, что при минимальных штатах управляющие компании региона тратят на свое содержание по 45-55 процентов средств, собранных с жильцов. Еще около 30 процентов берут за проведение технических осмотров, к которым жильцов не допускают. Прошел инженер по лестнице, вот и весь осмотр. И только от 5 до 10 процентов средств реально расходуется на текущий ремонт дома. Даже плановые проверки не помогли побороть эту практику. Теперь же и во все жители, по сути, остались с управляющей компанией один на один⁵.

Таким образом, принятие данного закона отрицательно влияет на отношения, складывающиеся в сфере ЖКХ. Охраняет интересы управляющей компании, ущемляя в свою очередь, интересы собственников, жильцов многоквартирных домов, которые имеют право на плановые и комплексные проверки своей компании.

Пристатейный библиографический список

1. № 306-ФЗ «Об изменениях внесённых в Федеральный закон №294-ФЗ от 26.12.2008г. О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», на три года запрещающий плановые проверки малого бизнеса (вступает в действие с 01.07.2016) // РГ №6822(251) от 06.11.2015.
2. ФЗ РФ № 294 (в редакции от 28.11.2015) «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // РГ №4823 от 30.12.2008.
3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sovetsky-orkl.sudrf.ru>.
4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://obl1.ru/newsline/segodnya-sostoitsya-pervoe-zasedanie-soveta-po-voprosam-zhkh-pri-gubernatore>.

4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sovetsky-orkl.sudrf.ru>.

5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://obl1.ru/newsline/segodnya-sostoitsya-pervoe-zasedanie-soveta-po-voprosam-zhkh-pri-gubernatore>.

ХАКИМОВ Руслан Ильдарович

аспирант кафедры государственного права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПАСПОРТНО-РЕГИСТРАЦИОННОГО РЕЖИМА В РОССИИ

В статье проводится анализ института паспортно-регистрационного режима, исследуется административно-правовое регулирование регистрационного режима в России, рассматриваются актуальные проблемы и пути совершенствования паспортно-регистрационного режима в России.

Ключевые слова: регистрация, место жительства, административно-правовое регулирование, паспортно-регистрационный режим, регистрация граждан, учет граждан, место пребывания, место жительства.

KNAKIMOV Ruslan Ildarovich

postgraduate student of Public Law sub-faculty of the Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

Хакимов Р. И.

ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF THE PASSPORT AND THE REGISTRATION REGIME IN RUSSIA

The article presents an analysis of the Institute of passport and registration procedures, studied administrative and legal regulation of the registration regime in Russia, deals with topical issues and ways to improve the passport and the registration regime in Russia.

Keywords: registration, location, administrative and legal regulation, Passport and registration mode, registration of citizens, registration of citizens, place of residence, place of residence.

Институт паспортно-регистрационного режима в Российской Федерации прошел достаточно длительный путь своего развития, адаптируясь на каждом историческом этапе под направления проводимой в стране государственной политики.

В советское время, паспортно-регистрационный режим был нацелен на ущемление свободы передвижения граждан по территории страны, а также свободы выбора места жительства. С принятием Конституции Российской Федерации и провозглашением прежде несвойственных государству принципов, закрепляющих свободу перемещения и выбора места жительства, у государства возникла необходимость разработки и принятия принципиально новых правовых норм, на федеральном уровне закрепляющих вышеуказанные принципы, а также новые правила в отношении паспортно-регистрационного режима.

В настоящий период паспортно-регистрационная система разрешает не менее четырех основных задач: обеспечение граждан России документами удостоверяющими личность, которые им позволяют осуществлять свои основные права (на свободу передвижения, слова, участие в избирательном процессе и т. д.) и получать необходимые услуги (получение лицензий, открытие счетов в банках, поступление на государственную службу, использование железнодорожного и авиационного транспорта и т. п.), поскольку согласно российскому законодательству множество прав и обязанностей может быть реализовано гражданами лишь при наличии паспорта или другого основного документа, идентифицирующего личность; обеспечение учета граждан Российской Федерации, а также миграционный учет граждан иных государств: воинский, статистический учет процесса миграции, учет состава и численности проживающего на конкретной территории населения (в целях формирования избирательных округов и т. д.). способствование борьбе с преступностью, а в частности: розыску лиц, которые скрываются от правосудия, уплаты алиментов; учету прибывших из мест лишения свободы лиц, и т. д.; способство-

вание регуляции миграционных процессов, т. е. рациональному размещению на территории страны населения: предотвращению перенаселенности крупных городов, курортных зон, нарушения санитарных норм при заселении в жилые помещения; обеспечению безопасности в случае заселения местности с особым административным режимом.

Решением вышеуказанных задач обеспечивается выполнение двуединой цели паспортно-регистрационного режима: создание таких условий, которые бы благоприятствовали осуществлению гражданами прав и свобод; обеспечение безопасности граждан, государства, общества и надзора за соблюдением действующего законодательства по правовому режиму проживания и пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства.

Вместе с тем, процессы, происходящие во всех сферах общественных отношений на современном этапе развития общества, ставят перед государством важнейшую задачу, заключающуюся в постоянном своевременном и действенном принятии всех необходимых мер, направленных на совершенствование законодательства, в рассматриваемой нами сфере.

Действующее законодательство Российской Федерации закрепляет и регулирует несколько различных систем, связанных с учетом населения и формированием баз данных о нем, а именно – паспортного и регистрационного учета.

Однако, в настоящее время, регулирование передвижения граждан осуществляется посредством регистрационного учета. Институт прописки, существовавший с советских времен, утратил свое юридическое значение с принятием Закона Российской Федерации от 25 июня 1993 г. «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации».¹

¹ Закон РФ от 25.06.1993 N 5242-1 (ред. от 02.06.2016) «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения,

Легальное определение такой категории как «паспортно-регистрационный режим» не содержится в нормах современного законодательства, ровно также как и не содержалось определение вышеуказанной категории в нормах законодательства СССР. Вышеуказанные обстоятельства ставят перед правоведами вопрос о причинах отсутствия законодательно закрепленного определения рассматриваемого нами понятия «паспортно-регистрационный режим», в качестве таких причины рассматриваются правовая коллизия или отсутствие необходимых предпосылок для существования исследуемой нами категории. Все вышеперечисленное осложняет исследование системы административно-правовых норм, регулирующих регистрацию граждан по месту жительства и пребывания.

Необходимо отметить, что исследуемое понятие используется в научной юридической литературе, однако авторы не прибегают к формулированию точной дефиниции, что во многом связано с отсутствием его законодательного регулирования.

По мнению большинства авторов, паспортно-регистрационная система представляет собой совокупность общественных отношений (которые регулируются нормами права), возникающих, как правило, между органами внутренних дел и гражданами и определяющих порядок выдачи, обмена, сдачи и изъятия паспортов граждан Российской Федерации и иных документов, удостоверяющих личность, порядок регистрационного учета граждан по месту пребывания и жительства в целях реализации конституционных прав и свобод, исполнения ими всей совокупности обязанностей, а также охраны общественного порядка, обеспечения государственной и общественной безопасности. Такую точку зрения можно встретить в работах А. П. Коренева², И. В. Черепановой³, Л. В. Ивановой⁴, Д. Н. Бахраха⁵.

Посредством паспортно-регистрационной системы государство осуществляет контроль и регулирование передвижения населения, которое производится также путем установления специальных правил проживания в различных местностях, установления так называемых «паспортных режимов».

Под правовым режимом понимается порядок регулирования, сочетающий комплекс правовых средств, создающих требуемое социально-правовое состояние субъектов права либо объектов права.⁶

В научной литературе используются различные подходы к определению категории «паспортно-регистрационный режим». Так, под паспортным режимом понимается «совокупность норм и правил паспортной системы, устанавливаемых государством и действующих на территории той или иной местности в зависимости от их социально-экономических и иных особенностей»⁷ или «совокупность устанавливаемых компетентными государственными органами применительно к социально-экономическим и иным особенностям отдельных местностей и населенных пунктов, специальных правил, а так-

же условий, форм и методов их реализации».⁸ Кроме того, паспортно-регистрационный режим является частью такой категории как паспортно-регистрационная система, поскольку вышеуказанная система осуществляет общее регулирование отношений, возникающих по поводу получения паспортов, учета и регистрации граждан, определяются субъекты этих отношений и их правовое положение, а также ответственность за нарушение установленных правил.

Паспортно-регистрационный режим можно определить как совокупность установленных государством правил (в том числе требований, условий, запретов), закреплённых в нормативных правовых актах, и направленных на регулирование общественных отношений, возникающих при регистрации и снятии граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации, а также при выдаче, замене, учете и хранении паспортов граждан Российской Федерации⁹.

Сравнительно-правовой анализ института регистрации и института прописки, показывает, что это не два принципиально отличающихся друг от друга института.

Одним их элементов отличия двух вышеуказанных институтов выступает отсутствие необходимости регистрации в жилом помещении, на которое лицо приобрело ли какое-либо права. Следующим элементом отличия является то, что регистрации по месту жительства (пребывания) осуществляется в заявительном (уведомительном) порядке, а прописка производилась в разрешительном порядке. Говоря обычным языком, регистрация на современном этапе это всего лишь возможность предоставляемая гражданином государству отыскать его в случае необходимости по тому адресу, по которому он зарегистрирован. Именно по этому, такая категория как «регистрация» - это в первую очередь правовой институт административного, а не жилищного права.

Стоит отдельно отметить сходства между рассматриваемыми институтами. Некоторые меры ответственности за нарушение порядка регистрации граждан, например, применение уголовной ответственности за фиктивную регистрацию. Вышеуказанная ответственность, на наш взгляд несоразмерна тяжести нарушения, что приводит к нежелательному сближению между институтом прописки и институтом регистрации.

В настоящее время, несмотря на уведомительный порядок регистрации, гражданин под страхом административного штрафа обязан зарегистрироваться по месту жительства или пребывания, данная обязанность была свойственна и институту прописки.

Такой же вывод следует исходя из анализа реализации законодательства о регистрационном учете. В настоящее время законодательство о регистрационном учете граждан по месту жительства и месту пребывания во многом продолжает сохранять в себе отдельные черты прежней прописки. На бытовом уровне регистрация по месту жительства продолжает именоваться пропиской, регистрацию по месту пребывания зачастую называют «временной регистрацией» по аналогии с прежней временной пропиской. К пониманию регистрационного учета именно как «обновленной» прописки тяготеет правоприменительная практика.

Значительную работу по приведению законодательства и правоприменительной практики в соответствие основополагающим конституционным принципам, гарантирующим право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства проделал Конституционный Суд Российской Федерации. Именно им неоднократно указывалось на недо-

выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации». // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. N 32. Ст. 1227.

2 Административная деятельность органов внутренних дел. Часть особенная / Под ред. А. П. Коренева. М., 1997. С. 163.

3 Черепанова И. В. Регистрация граждан по документам, удостоверяющим личность (теоретический анализ и практика применения). Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 10.

4 Иванова Л. В. Паспортно-визовая служба МВД России: регистрация граждан по месту пребывания и по месту жительства. Домодедово, 2001. С. 31.

5 Бахрах Д. Н. Административное право России. М., 2000. С. 108.

6 Петухова Е. П. Отраслевой правовой режим. М., 2013. С. 10.

7 Кардашова И. Б. Правовые и организационные основы деятельности паспортно-визовой службы органов внутренних дел Российской Федерации. Дис... канд. юрид. наук. М., 1996. С. 69.

8 Парфенов С. В. Деятельность органов внутренних дел по обеспечению паспортной системы // Материалы Всесоюзной научно-практической конференции 1987 г. М., 1988. № 2. С. 203.

9 Хакимов Р. И. «Понятие паспортно-регистрационного режима» // Управление Мегполисом. 2015. № 4 (46). С. 156-160.

пустимость ограничения этого права подзаконными актами федеральных органов исполнительной власти, а также всевозможными законами субъектов Российской Федерации и муниципальными правовыми актами. Также большое значение акты вышеуказанного суда имеют при решении вопросов о недопустимости введения дополнительных административных и финансовых обременений либо ограничения срока нахождения гражданина по месту временного пребывания.

Институт регистрационного учета граждан на сегодняшний момент имеет существенные недостатки правового регулирования. На наш взгляд, законодателю стоит пересмотреть свою позицию относительно существования регистрационного учета граждан в том виде, в котором он существует на данный момент. Обязанность гражданина регистрироваться по месту пребывания и месту жительства не выполняет возложенных на нее целей, т.к. не обеспечивает в должной мере даже уведомительной функции, о чем свидетельствуют многочисленные факты фиктивной регистрации, а также случаи привлечения к административной ответственности граждан фактически проживающих в жилом помещении на протяжении долгого времени, но не ставших на учет в регистрационных органах по данному месту жительства. Также законодательство имеет существенные пробелы в части наделяния правом пользования жилым помещением граждан, ставших на учет по месту пребывания, а также в части существования административной ответственности за нарушение срока регистрационного учета по месту пребывания. Законодателю стоит идти по пути признания только уведомительной функции регистрационного учета граждан, без наделяния его иными функциями, которые, как показывает практика, реализуются не в полной мере или создают трудности у граждан в реализации своих конституционных прав.

Совершенствование современного паспортно-регистрационного режима в Российской Федерации должно вестись по нескольким основным направлениям, главное место среди которых, по мнению автора, занимают:

– Перереформирование существующей паспортной системы. В рамках данного направления совершенствования необходима существенная модернизация существующей паспортно-регистрационной системы в Российской Федерации, заключающаяся в отказе от внутренних паспортов. Вместо внутренних паспортов граждан Российской Федерации необходимо внедрение специальных удостоверений личности, которые будут содержать в себе всю необходимую информацию о гражданине, а также его биометрические данные.

– Модернизация системы регистрационного учета граждан по месту пребывания и по месту жительства с целью создания возможности регистрационного учета граждан, не имеющих места жительства и места пребывания. В рамках данного направления совершенствования необходимо разработать удостоверение личности позволяющее идентифицировать личность лица без гражданства, а также дополнить систему удостоверений личности документом, который позволил бы идентифицировать личность человека, гражданская принадлежность которого не установлена.

– Разработка принципиально новых норм в положения современного российского законодательства в рассматриваемой нами сфере с целью соблюдения принципа правовой определенности, закреплённого Конституцией Российской Федерации. Внести в статью 3 Закона Российской Федерации от 25 июня 1993 г. № 5242-I «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации», следующее положение: «при регистрации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации гражданине Российской Федерации извещают федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный на осуществление

функций по контролю и надзору в сфере миграции о своем намерении зарегистрироваться по месту жительства или месту пребывания. При этом необходимо представить документ удостоверяющий личность, с целью идентификации обратившегося с уведомлением о регистрации гражданина. Необходимость предоставления каких-либо иных документов, в том числе документов, подтверждающих право проживания в конкретном жилом помещении, отсутствует.

– Модернизация паспортно-регистрационной системы с технической точки зрения. В рамках данного направления совершенствования необходимо создание единой информационной системы для учета сведений о населении, которая обеспечит возможность точной идентификации лиц, пребывающих и проживающих на территории страны, а до создания вышеуказанной системы необходимо нормативное закрепление общего порядка проведения сверок не связанных друг с другом реестров, а также порядка и сроков аттестаций существующих разрозненных информационных систем.

Таким образом, административно-правовое регулирование в области регистрационного учета, безусловно, требует совершенствования, направленного на эффективное сочетание как интересов государства, так и интересов отдельного гражданина, иностранного гражданина или лица без гражданства, где приоритетным началом такого сочетания должны выступать права и свободы гражданина. При этом совершенствование нормативного регулирования в указанной области должно осуществляться преимущественно не путем устранения противоречий в действующих нормативных актах, а путем создания новой, более эффективной системы регистрационного учета граждан.

Скорейшее разрешение существующих проблем, реформирование паспортно-регистрационной системы и формирование современных административно-правовых механизмов регулирования миграционных процессов, связано с дальнейшим политическим, экономическим, социальным и культурным развитием населения страны.

Пристатейный библиографический список

1. Закон РФ от 25.06.1993 N 5242-1 (ред. от 02.06.2016) «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации». // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. N 32. Ст. 1227
2. Административная деятельность органов внутренних дел. Часть особенная / Под ред. А. П. Коренева. М., 1997.
3. Бахрах Д. Н. Административное право России. М., 2000.
4. Иванова Л. В. Паспортно-визовая служба МВД России: регистрация граждан по месту пребывания и по месту жительства. Домодедово, 2001.
5. Кардашова И. Б. Правовые и организационные основы деятельности паспортно-визовой службы органов внутренних дел Российской Федерации. Дис... канд. юрид. наук. М., 1996.
6. Парфенов С. В. Деятельность органов внутренних дел по обеспечению паспортной системы // Материалы Всесоюзной научно-практической конференции 1987 г. М., 1988. № 2.
7. Петухова Е. П. Отраслевой правовой режим. М., 2013.
8. Черепанова И. В. Регистрация граждан по документам, удостоверяющим личность (теоретический анализ и практика применения). Автореф. дисс... канд. юрид. наук. М., 1999.
9. Хакимов Р. И. «Понятие паспортно-регистрационного режима» // Управление Мегалополисом. 2015. № 4 (46). С. 156-160.

ХАМИТОВА Гульнара Муллануровна

ассистент кафедры биомедицинской этики, медицинского права и истории медицины Казанского государственного медицинского университета

ПОНЯТИЕ ПАЦИЕНТА ПО ГРАЖДАНСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье приводится понятие пациента в различных нормативно-правовых актах Российской Федерации, перечисляются и анализируются законодательные признаки пациента. Особое внимание уделяется выявлению коллизий и недостатков приведенных определений. В заключении сформулировано авторское определение понятия пациента.

Ключевые слова: пациент, охрана здоровья, медицинская помощь, здоровье, медико-правовые отношения.

KHAMITOVA Gulnara Mullanurovna

assistant of Biomedical Ethics, Medical Law and the History of Medicine sub-faculty of the Kazan State Medical University

Хамитова Г. М.

THE CONCEPT OF THE PATIENT ACCORDING TO THE CIVIL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article presents the concept of a patient in a variety of legal acts of the Russian Federation, are listed and analyzed the legislative symptoms of the patient. Particular attention is paid to the identification of conflicts and flaws these definitions. In conclusion, the author formulated the definition of the concept of the patient.

Keywords: patient, health protection, medical care, health, medical and legal relations.

Понятие «пациент» трактуется в гражданском законодательстве Российской Федерации достаточно широко.

Под пациентом Федеральный закон № 323-ФЗ понимает физическое лицо, которому оказывается медицинская помощь или которое обратилось за оказанием медицинской помощи независимо от наличия у него заболевания и от его состояния.

Из данного определения мы можем выделить такие законодательные признаки пациента, как:

- пациентом может быть только физическое лицо;
- наличие российского гражданства для пациента необязательно;
- физическому лицу должна оказываться медицинская помощь как в случае обращения за ней, так и в случае, когда он не может сам обратиться за ней, но нуждается в медицинской помощи;
- наличие или отсутствие заболевания у физического лица;
- любое состояние здоровья физического лица.

Анализ данных признаков, позволяющих определить само понятие «пациент», приводит нас к пониманию того, что пациентом является любое физическое лицо, которому оказывается медицинская помощь или которое обратилось за оказанием медицинской помощи, то есть вступило в правовые отношения с уполномоченной оказывать медицинскую помощь организацией. Тем самым, очевидно, потенциально все граждане – пациенты.

С латинского языка «*patiens*» переводится – терпящий, страдающий¹. А как мы можем видеть, современное действующее законодательство Российской Федерации рассматривает пациента не только как страдающего человека, но и как человека, обращающегося за медицинской помощью, без относительного наличия или отсутствия у него гражданства РФ, заболевания, болезненного состояния. Так, на наш взгляд, законодатель подчеркивает социальную направленность российского государства. С другой стороны, в вышеприведенном понятии

можно без особого труда различить один из главных признаков отнесения лица к категории пациентов – его обращение за медицинской помощью или потребность в медицинской помощи, оставляющий значительный простор для толкования данного термина.

Нельзя не отметить, что в действующем законодательстве Российской Федерации на уровне подзаконных актов имеются и иные определения термина «пациент», анализ которых свидетельствует о необходимости законодательной корректировки понятия «пациент», содержащегося в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

Например, в:

– Типовых правилах обязательного страхования жизни и здоровья пациента, участвующего в клинических исследованиях лекарственного препарата, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 13 сентября 2010 г. № 714², под пациентом понимается физическое лицо, давшее добровольное информированное согласие на участие в проводимых медицинской организацией клинических исследованиях, подтвержденное его подписью или подписью его законного представителя на информационном листке пациента;

– Технических требованиях и методах испытаний автомобилей скорой медицинской помощи, утвержденных Приказом Ростехрегулирования России от 18 сентября 2006 г. № 201-ст³, дается определение экстренного больного, как пациен-

1 Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. М., 2000. С. 867.

2 Постановление Правительства РФ от 13 сентября 2010 г. № 714 «Об утверждении Типовых правил обязательного страхования жизни и здоровья пациента, участвующего в клинических исследованиях лекарственного препарата» [в ред. Постановления Правительства РФ от 15 октября 2014 г. № 1054] // Собрание законодательства РФ. 2010. № 38. Ст. 4832; Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>, 20.10.2014.

3 Автомобили скорой медицинской помощи. Технические требования и методы испытаний. ГОСТ Р 52567-2006 [утв. Приказом Ростехрегулирования от 18 сентября 2006 г. № 201-ст] // ИУС «Национальные стандарты». 2009. № 6.

та, находящегося вследствие заболевания, травмы или по другим причинам в состоянии непосредственной или ожидаемой опасности для жизни, требующего экстренной медицинской помощи и/или мониторинга и транспортировки в медицинское учреждение...»;

– Методических рекомендациях «Алгоритм взаимодействия участников системы фармаконадзора по выявлению и работе со спонтанными сообщениями», утвержденных Росздравнадзором России 22 октября 2009 г.⁴, раскрывается понятие идентифицируемого пациента, как пациента, в отношении которого имеются сведения о его инициалах, идентификационном номере (например, у участников клинических исследований, номере истории болезни и т.д.), дате рождения, возрасте, возрастной группе или поле...».

Очевидно, что данные определения пациента имеют целевое предназначение: для обязательного медицинского страхования, оказания скорой медицинской помощи, фармацевтического надзора и др. При этом обращение физического лица за медицинской помощью как существенный признак для определения понятия пациента в них нивелирован.

В специальной литературе, периода действия Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении 1969 г.⁵, также можно встретить различные определения термина «пациент», показывающие попытки специалистов в медицинской области предусмотреть максимально возможные варианты возникновения медико-правовых отношений с участием обратившегося за медицинской помощью лица. Так, в Энциклопедическом словаре медицинских терминов содержится такое определение термина «пациент»: «Пациент – лицо, которому оказывают медицинскую помощь»⁶.

Декларация о политике в области обеспечения прав пациента в Европе, характеризующая физическое и психическое состояние пациента, определяет понятие «пациент» так: здоровый или больной потребитель медицинских услуг⁷.

Ученые предлагают свои определения понятия «пациент». Например, Г. Р. Колоколов и Н. И. Махонько дают такую дефиницию пациента: «Пациент – лицо, обратившееся в лечебное учреждение любой организационно-правовой формы, к врачу частной практики за получением диагностической, лечебной, профилактической помощи независимо от того, болен он или здоров»⁸. А. Н. Пищита под пациентом считает правильным понимать «лицо, вступившее в правовые отношения с медицинскими работниками и (или) другими представителями медицинского учреждения по поводу получения медицинской помощи... Ни место оказания медицинской помощи, ни состояние здоровья человека не имеют определяющего значения»⁹. А. В. Тихомиров пациентом называет человека, обращающегося к «врачу с нуждой в его профессионализме

для консультативной помощи и коррекции самочувствия»¹⁰. О. А. Цыганова и И. В. Ившина, кандидаты медицинских наук, полагают, что пациент – это тот человек, который обратился в лечебно-профилактическое учреждение, иную медицинскую организацию либо к частнопрактикующему врачу за диагностической, лечебной или профилактической медицинской помощью (медицинскими услугами) либо участвующий в качестве испытуемого при клинических испытаниях лекарственных средств¹¹.

Проанализировав национальное законодательство, правовую и специальную литературу на предмет определения понятия «пациент», мы приходим к выводу, что пациент – многоаспектная правовая категория, которую сложно раскрыть в силу существования разнообразных медико-правовых отношений с участием физических лиц. Физические лица могут выступать пациентами, как обращаясь за медицинской помощью, так и принимая участие в клинических исследованиях лекарственного препарата, экстренно получая медицинскую помощь, непосредственно самостоятельно за ней не обращаясь, проходя идентификацию в медицинской организации, вакцинацию, и т.д. Физическое лицо может находиться в динамическом (например, в состоянии непосредственного получения медицинской помощи) или статическом состоянии пациента (например, при наличии у него хронического заболевания и состояния на учете в медицинской организации). Соответственно, не имеет значения обратился ли он за медицинской помощью сам или его лечат (оказывают медицинскую помощь) помимо его воли и желания, обратился он за медицинской помощью или стал принимать участие в клинических исследованиях с целью получить лекарство для своего излечения, к кому он обратился за медицинской помощью из уполномоченных субъектов: медицинской организации какой-либо организационно-правовой формы или к медицинскому работнику, занимающемуся частной медицинской практикой как индивидуальный предприниматель.

Для реализации правового статуса пациента физическое лицо должно вступить в любой из видов медико-правовых отношений, в том числе и в такой их специфический подвид, как клинические исследования, испытания. Человек, давший согласие на биомедицинские исследования своего тела, сохраняет весь комплекс прав и свобод в области охраны здоровья. А. С. Концевенко, исследовавший особенности правового регулирования биомедицинских исследований и применения новых биотехнологий в Европейском Союзе и Российской Федерации, пишет о проблемах защиты прав пациентов при извлечении незаконной финансовой прибыли из манипуляций с человеческим геномом, органами, тканями, из опытов с эмбрионами и необходимости включения в российское гражданское и уголовное законодательство норм о правах лиц, выступающих объектами клинических исследований, и об ответственности за их нарушение¹². Именно поэтому включение в определение понятия «пациент» формулировки об участии физического лица в клинических испытаниях лекарственных средств независимо от наличия либо отсутствия у него какого-либо заболевания и фактически не получающего медицинскую помощь в ходе таких испытаний, предложение в специальной литературе¹³, считаем обоснованным.

Однако, пациентом может быть совершенно здоровый субъект, но который вступает в медико-правовые отношения, например, за получением, как ему кажется, медицинской помощи, способной улучшить его состояние здоровья. Тем самым мы приходим к выводу, что юридический факт вступле-

4 Методические рекомендации «Алгоритм взаимодействия участников системы фармаконадзора по выявлению и работе со спонтанными сообщениями» [утв. Росздравнадзором 22 октября 2009 г., документ не опубликован] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» по состоянию на 29 ноября 2014 г.

5 Закон СССР от 19 декабря 1969 г. № 4589-VII «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении» [призн. ут. силу в связи с прин. Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ] // Ведомости Верховного Совета СССР. 1969. № 52. Ст. 466; 2011. № 48. Ст. 6724.

6 Энциклопедический словарь медицинских терминов / Под ред. акад. Б. В. Петровского. М., 1982–1984 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lex.biblioclub.ru/index.php?dict_id=65&page=dict.

7 Декларация о политике в области обеспечения прав пациента в Европе [г. Амстердам, Нидерланды, март 1994г.] // Сборник официальных документов Ассоциации врачей России: Врачебные ассоциации, медицинская этика и общемедицинские проблемы. М., 1995. С. 82–91.

8 Колоколов Г. Р., Махонько Н. И. Медицинское право: учебное пособие. М., 2009. С. 59.

9 Пищита А. Н. Правовой статус российского пациента // Журнал российского права. 2005. № 11. С. 47.

10 Тихомиров А. В. Медицинское право: практическое пособие. М., 1998. С. 76.

11 Цыганова О. А., Ившин И. В. Права граждан в области охраны здоровья // Главная медицинская сестра. 2010. № 7. С. 26.

12 Концевенко А. С. Правовое регулирование биомедицинских исследований и применения новых биотехнологий в Европейском союзе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. М., 2011. С. 13.

13 Цыганова О. А., Ившин И. В. Права граждан в области охраны здоровья // Главная медицинская сестра. 2010. № 7. С. 27.

ния физического лица в любые медико-правовые отношения с медицинской организацией, а не только его обращение за медицинской помощью, либо наличие у него заболевания, порождает возникновение правового статуса пациента. Это означает, что законодательное определение понятия «пациент», содержащееся в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», требует совершенствования в целях предотвращения коллизий и возникновения споров в медицинской и судебной практике по вопросу является ли конкретное физическое лицо пациентом.

Еще более описательное по своему содержанию определение понятия «пациент» дается в проекте Федерального закона «О правах пациентов»¹⁴, который в 2000 г. вносился на рассмотрение в Государственную Думу Федерального Собрания РФ, но так и не был принят. Несовершенство закрепленных в нем правовых механизмов защиты прав физических лиц, участвующих в качестве испытуемых в биомедицинских исследованиях, не позволили принять данный законопроект. В ст. 1 данного законопроекта понятие «пациент» раскрывается с учетом сложного юридического состава медицинских правоотношений, субъектом которых может выступать физическое лицо: «Пациент – лицо, нуждающееся в медицинской помощи и/или обратившееся за ней, получающее медицинскую помощь, либо участвующее в качестве испытуемого в биомедицинских исследованиях, находящееся под медицинским наблюдением, а также выступающее как потребитель медицинских и связанных с ними услуг независимо от того здоров он или болен»¹⁵.

Определения понятия «пациент» содержится и в законодательстве субъектов Российской Федерации. Так, Закон Саратовской области от 14 апреля 1997 г. № 21-ЗСО «О правах пациента»¹⁶ дает такую его трактовку: «Пациент – лицо, обратившееся, получающее или имеющее намерение обратиться за получением медицинских и связанных с ними услуг независимо от того, здоров он или болен» (ст. 1).

Для сравнения скажем, что законодательство зарубежных стран также разнообразно в своем понимании термина «пациент». Например, Билль о правах пациентов в США 1999 г.¹⁷ содержит достаточно широкое определение понятия «пациент», раскрывая его следующим образом: «Пациент – это любой индивидум, получающий долго- или кратковременную стационарную или амбулаторную медицинскую помощь, скорую или неотложную медицинскую помощь, а также клиент заведений для долгосрочной помощи или ухода». То есть, в соответствии с данным определением, физическое лицо, обратившееся в медицинское учреждение за справкой о состоянии своего здоровья, не может считаться пациентом, а лицо, получающее уход, а не только лечение, – может.

Это еще раз подчеркивает всю сложность и неоднозначность понятия «пациент». Считаю, что данное понятие можно сформулировать следующим образом: «Пациент – это физическое лицо, обладающее личным неимущественным правом на охрану жизни, здоровья и являющееся субъектом медико-правовых отношений, в связи с обращением за оказанием ме-

дицинской помощи, получением медицинской помощи, независимо от наличия у него заболевания, состояния его здоровья, участием в качестве испытуемого в биомедицинских исследованиях, нахождением под медицинским наблюдением».

Пристатейный библиографический список

1. Автомобили скорой медицинской помощи. Технические требования и методы испытаний. ГОСТ Р 52567-2006 [утв. Приказом Ростехрегулирования от 18 сентября 2006 г. № 201-ст] // ИУС «Национальные стандарты». 2009. № 6.
2. Декларация о политике в области обеспечения прав пациента в Европе [г. Амстердам, Нидерланды, март 1994г.] // Сборник официальных документов Ассоциации врачей России: Врачебные ассоциации, медицинская этика и общемедицинские проблемы. М., 1995. С. 82–91.
3. Закон Саратовской области от 14 апреля 1997 г. № 21-ЗСО «О правах пациента» [в ред. Закона Саратовской области от 28 мая 2008 г. № 110-ЗСО] // Саратовские вести по понедельникам. 1997. № 1533; Саратовская областная газета, официальное приложение. 2008. № 14 (89).
4. Закон СССР от 19 декабря 1969 г. № 4589-VII «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении» [призн. утв. силу в связи с прин. Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ] // Ведомости Верховного Совета СССР. 1969. № 52. Ст. 466; 2011. № 48. Ст. 6724.
5. Колоколов Г. Р., Махонько Н. И. Медицинское право: учебное пособие. М., 2009. С. 59.
6. Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. М., 2000. С. 867.
7. Концевенко А. С. Правовое регулирование биомедицинских исследований и применения новых биотехнологий в Европейском союзе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. М., 2011. С. 13.
8. Методические рекомендации «Алгоритм взаимодействия участников системы фармаконадзора по выявлению и работе со спонтанными сообщениями» [утв. Росздравнадзором 22 октября 2009 г., документ не опубликован] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» по состоянию на 29 ноября 2014 г.
9. Пациент имеет право: о Билле о правах пациентов в США [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vmpr.ru/index.php?option=com_content&view=article.
10. Пищита А. Н. Правовой статус российского пациента // Журнал российского права. 2005. № 11. С. 47.
11. Постановление Правительства РФ от 13 сентября 2010 г. № 714 «Об утверждении Типовых правил обязательного страхования жизни и здоровья пациента, участвующего в клинических исследованиях лекарственного препарата» [в ред. Постановления Правительства РФ от 15 октября 2014 г. № 1054] // Собрание законодательства РФ. 2010. № 38. Ст. 4832; Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>, 20.10.2014.
12. Тихомиров А. В. Медицинское право: практическое пособие. М., 1998. С. 76.
13. Федеральный закон о правах пациентов. Проект (внес. депутатом Государственной Думы Саркисяном А. Г., июнь 2001 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nesvetai.donland.ru/Data/Sites/51/media/1>.
14. Цыганова О. А., Ившин И. В. Права граждан в области охраны здоровья // Главная медицинская сестра. 2010. № 7. С. 27.
15. Энциклопедический словарь медицинских терминов / Под ред. акад. Б. В. Петровского. М., 1982–1984 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lex.biblioclub.ru/index.php?dict_id=65&page=dict.
14. Федеральный закон о правах пациентов. Проект (внес. депутатом Государственной Думы Саркисяном А. Г., июнь 2001 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nesvetai.donland.ru/Data/Sites/51/media/1>.
16. Закон Саратовской области от 14 апреля 1997 г. № 21-ЗСО «О правах пациента» [в ред. Закона Саратовской области от 28 мая 2008 г. № 110-ЗСО] // Саратовские вести по понедельникам. 1997. № 1533; Саратовская областная газета, официальное приложение. 2008. № 14 (89).
17. Пациент имеет право: о Билле о правах пациентов в США. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vmpr.ru/index.php?option=com_content&view=article.

МАГЕРРАМОВ Байрам Юсиф оглы

докторант Института Философии и Права Национальной Академии Наук Азербайджана

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О БАНКРОТСТВЕ КОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

В современном периоде на фоне изменений в экономической системе, в том числе, перспектив совершенствования деятельности и правового регулирования института банкротства коммерческих юридических лиц, возросла актуальность научного анализа правовых механизмов и институтов, характерных для рыночных отношений. В этой статье рассмотрены проблемы совершенствования законодательства о банкротстве коммерческих организаций.

Ключевые слова: банкротство, несостоятельность, предприятие, реабилитационные процедуры.

MAGERRAMOV Bayram Yusif ogly

doctoral student of the Institute of Philosophy and Law of the National Academy of Sciences of Azerbaijan

PROBLEMS OF IMPROVING LEGISLATION ON BANKRUPTCY OF COMMERCIAL ORGANIZATIONS

In the modern period, against the background of changes in the economic system, including the prospects for improving the activity and regulation of the Institute of bankruptcy of commercial entities has increased the relevance of the scientific analysis of legal mechanisms and institutions specific to the market relations. This article deals with the problems of improvement of legislation on bankruptcy of commercial organizations.

Keywords: bankruptcy, insolvency, company rehabilitation procedures.

В юридической литературе говорится, что несостоятельность и банкротство с точки зрения современной лексикологии выражают различные аспекты проявления признака неплатежеспособности. Слово «несостоятельность» свидетельствует лишь об отсутствии определенного позитивного качества, то есть о том, что несостоятельный должник не имеет достаточных материальных возможностей. Элемент отрицания в данной конструкции характеризует определенное состояние, придавая значению слова статический оттенок. Слово «банкротство», напротив, имеет динамический оттенок, передающий характер действия, указывает на наличие процесса¹.

В США лицо, в отношении которого возбуждена процедура банкротства, во время производства считается несостоятельным, а после вынесения судебного решения может быть признано банкротом. В связи с этим, можно сказать, что в статье 1 предыдущей редакции Закона Азербайджанской Республики «О банкротстве и несостоятельности» – от 22 июля 1994 года, понятия банкротства и несостоятельности различались. Здесь легальное понятие несостоятельности дано как неспособность должника платить по своим обязательствам, а банкротство как обязательное признание судом неспособности должника платить по своим обязательствам. В новой редакции закона, то есть, в редакции от 13 июня 1997 года, понятие банкротства не определено. Понятие же несостоятельности сохраняется. Однако банкротство в основном связывается с судебным процессом, термин банкротства широко используется. Например, в статье 2 показано, что «основанием возбуждения дела о банкротстве является представление в суд заявления кредитора (кредиторов) или должника. Дата подачи заявления в суд считается моментом возбуждения дела о банкротстве посредством суда». Как известно из логической науки, между понятиями существуют различные отношения. Сходство, идентичность между содержаниями понятий приводит к совпадению их логического объема. Если даже логи-

ческий объем и содержание понятий схожи друг с другом, тем не менее, каждое понятие имеет отличающие признаки и свои особенности. Анализ соответствующих норм закона показывает, что в качестве основного отличающего признака законодатель предусмотрел наличие судебного подтверждения (несмотря на то, что в статье 3 имеется исключение из этого подхода – по содержанию этой статьи неплатежеспособность может быть также установлена самим должником или кредиторами). В статье 63.1 Гражданского Кодекса Азербайджанской Республики же показано, что «если юридическое лицо не в состоянии удовлетворить требования кредиторов, оно по решению суда может быть признано банкротом». Однако признание судебным решением должно быть лишь признаком банкротства. В статье 38 Гражданско-Процессуального Кодекса Азербайджанской Республики же, термины несостоятельность и банкротство были даны как синонимы: после слова «несостоятельность» в скобках указано слово «банкротство». Как видно, в законодательстве Азербайджанской Республики с терминологической точки зрения, между этими двумя категориями (категории «несостоятельность» и «банкротство») имеются достаточные абстракции и противоречия. С точки зрения законодательной техники и эффективного правоприменения это не может считаться правильным. В связи с этим, считаем, что для устранения этих противоречий, после каждого слова «несостоятельность» в скобках надо указать «банкротство», или же там, где упоминается о судебном процессе, должны использоваться такие выражения как «дела о банкротстве», «дело о банкротстве», «банкротство по решению суда ...» и так далее.

Хотя статья 3 Закона Азербайджанской Республики «О банкротстве и несостоятельности» и называется, как «Содержание понятия неплатежеспособности», однако фактически тут речь идет о признаках несостоятельности. Это, конечно же, создает абстракцию и для того, чтобы всем было понятнее, целесообразнее было бы назвать статью как «признаки несостоятельности».

Следует отметить, что закон не предусмотрел в качестве признака банкротства размер невыполненного обязательства.

Кроме того, мы считаем, что период отсрочки, установленный для выполнения требования оплаты, является коротким. В условиях нынешнего экономического кризиса, такой срок не соответствует даже для развитых стран с экономикой на высо-

1 Пахаруков А. А. Правовое регулирование конкурсного производства юридических лиц (вопросы теории и практики): Дисс. ... канд. юрид. наук. Иркутск. 2003. С. 42; Семейсов В. А., Пахаруков А. А. Банкротство предприятий. Внешнее управление. Учебное пособие. Иркутск: ИГЭА, 1999. С. 21; Мухачев И. Ю., Пахаруков А. А. Понятия несостоятельности и банкротства // Вестник Иркутской государственной экономической академии. 1999. № 3. С. 93-95.

ком уровне. Например, в таких передовых, с точки зрения экономического развития странах, как Италия, Россия, Франция этот период составляет 3 месяца². В связи с этим, мы считаем, с учетом текущего экономического положения в Азербайджане, этот период следует определить по меньшей мере в три месяца и соответственно пункт «а» статьи 3 Закона Азербайджанской Республики «О банкротстве и несостоятельности» следует дать в следующей редакции: «а) должник не выполнил законное требование кредитора о погашении задолженности в течение *трех* месяцев после выдвигения такого требования или».

В ходе деятельности предприятий в условиях конкуренции, рыночной экономики существуют риски. Есть также проигравшие в этой конкуренции. Таким образом, неизбежно банкротство компаний, которые не в состоянии выполнить свои обязательства. Разрешение порядка осуществления этих процедур на правовой арене, выполнение возникших обязательств очень важно. Так, для регулирования всех отношений в правовых рамках в процессе несостоятельности вплоть до нормализации предприятия до банкротства необходимо наличие действующего механизма Закона Азербайджанской Республики «О банкротстве и несостоятельности». В настоящее время, несмотря на наличие этого закона, во всех судах возникают проблемы, препятствующие исполнению. Поэтому, для рынка и экономики страны необходимо совершенствование, введение в действие Закона Азербайджанской Республики «О банкротстве и несостоятельности». Это должно быть применено не только к юридическим лицам, в то же время, в законодательстве необходимо закрепить вопросы несостоятельности физических лиц³.

В законодательстве большинства развитых стран были закреплены вопросы несостоятельности физических лиц. Суть института несостоятельности физических лиц заключается в том, что лицо, оказавшийся в сложном финансовом положении и не способный погасить свои долги, может обратиться в соответствующий орган для признания его несостоятельным, а в ряде случаев часть его долгов могут быть уступлены. Зарубежный опыт института несостоятельности физических лиц характеризуется следующими понятиями: институт «потребительского банкротства» рассматривается как благо для добросовестного гражданина, оказавшегося в трудном финансовом положении, в связи с возможностью реабилитации должника; применение правовой доктрины «fresh start» – освобождение гражданина от долгов в ходе одного процесса при условии предоставления должником своего имущества для расчета с кредиторами; наличие в законодательстве ряда стран возможности введения «реабилитационных процедур», в ходе которых осуществляется погашение долгов гражданина в соответствии с утвержденным планом⁴.

В действующем Гражданском Кодексе и Законе Азербайджанской Республики «О банкротстве и несостоятельности» подробно не регулируется процедура и порядок признания банкротом физического лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность. Хотя Закон Азербайджанской Республики «О банкротстве и несостоятельности» предусматривает физическое лицо – предпринимателя, которое является должником, осуществляющего свою деятельность без образования юридического лица, то есть индивидуального должника в качестве одного из основных участников правоотношений банкротства.

Считаем, что в соответствии с передовым мировым опытом, в законодательстве необходимо предусмотреть возможность также объявления банкротом на основании судебного решения физических лиц, не являющихся индивидуальными

предпринимателями, оказавшиеся не способными удовлетворить денежные требования кредиторов.

В ряде зарубежных стран (Литва, Российская Федерация, Япония и т.д.) были приняты отдельные законы о несостоятельности физических лиц.

По мнению специалистов, такой закон имеет большое значение. Так, предотвращает увеличение долга, нарушение прав граждан, также преимущество этого закона в том, что предоставляет физическому лицу начать все сначала. То есть, суд объявляет лицо несостоятельным, в то же время пересматриваются условия его кредита и принимается решение в соответствии с возможностями гражданина. Например, если лицо обязуется ежемесячно платить кредит в 1000 манат, суд вправе объявить его несостоятельным и уменьшить ежемесячные выплаты. При этом, как гражданин выполняет свои обязательства перед банком, так и банк может вернуть свой кредит. Конечно же, могут быть случаи злоупотребления этим законом. Однако законодательство применяет механизм для предотвращения такого злоупотребления. Например, в Японии лицо, объявляющее себя банкротом, не может быть руководителем предприятия, не может работать бухгалтером или адвокатом. В России лицу, объявляющего себя банкротом, запрещается замещать руководящие должности в течение 3-х лет. Если и в Азербайджане будет принят такой закон, в нем могут быть предусмотрены какие-либо ограничивающие обстоятельства, например, предоставление ложных сведений для объявления себя банкротом влечет административную или уголовную ответственность. На самом деле, гражданин не объявит себя несостоятельным без весомых причин.

Так как, во многих статьях закона «О банкротстве и несостоятельности» использован термин «предприятие», считаем целесообразным даже поверхностно рассмотреть данное понятие.

Мировой опыт показывает, что в законодательстве большинства стран предприятие не рассматривается в качестве самостоятельного субъекта права. Оно не считается хозяйствующим субъектом, имеющего отдельное имущество, баланс и, использующего имущественные права юридического лица. Предприятие всего лишь рассматривается как имущественный комплекс, являющийся объектом права, отражающий материальные и нематериальные элементы. В составе коммерческой организации могут быть одно или несколько предприятий (имущественный комплекс) для осуществления предпринимательской деятельности.

Принимая во внимание коренные изменения в понятии «предприятие» в законодательстве Азербайджанской Республики о гражданской и предпринимательской деятельности, следует отказаться от двойственности его понимания. Как показывал В. В. Витрянский, термин предприятие определяется в гражданском законодательстве как имущественный комплекс, используемый для осуществления предпринимательской деятельности – специального объекта гражданских прав⁵. С этой точки зрения, «предприятие» наиболее всего связано с объектом права. Для выражения субъекта права следует использовать существующее понимание организационно-правовых форм «юридических лиц». Несостоятельность является особенностью, характеризующий не объект права (в данном случае имущественный комплекс), а его субъект. С точки зрения всего сказанного, считаем, что в законодательстве о несостоятельности, в частности, в законе Азербайджанской Республики «О банкротстве и несостоятельности» вместо термина «предприятие-должник» целесообразнее было бы использовать термин «организация-должник».

В контексте современных экономических проблем возрастает актуальность вопросов страхования предприятий от рисков банкротства. Возможность страховых компаний страховать риски своей деятельности является специальным видом деятельности. В настоящее время, в Азербайджане применяются услуги по страхованию имущества предприятия. Тем не менее, вопросы страхования иных операций, осуществляемых предприятиями, до сих пор не разрешены. Отметим, что процесс страхования рисков только начал реализовываться, и предусматривает страхование рисков жизни и имущества

2 Ростовский Я. В. Макроэкономическая нестабильность в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы. М.: Ад Маргинем, 1997. С. 230.

3 "Müflisləşmə və iflas haqqında" qanun təkmilləşdirilməlidir. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://olaylar.az/news/social/142602>.

4 Шибанова Ренка Е. А., Фарахшин Р. Современный институт несостоятельности физического лица. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.rae.ru/forum2011/98/418.

5 Витрянский В. В. Постатейный комментарий Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». М.: Статут, 2003. С. 776

людей за текущий период. Но еще слишком рано утверждать о страховом риске несостоятельности в Азербайджане. Ввиду того, что страховой рынок развит на ненадлежащем уровне, невозможно предлагать страхование рисков предприятия. Кроме того, недостаточное формирование института банкротства ограничивает совершенствование именно этого вида страхования. Хотя в Азербайджане и существует закон «О банкротстве и несостоятельности», но этот закон не применяется и предприятия по различным причинам приостанавливают деятельность. До сегодняшнего дня всего несколько раз предприятия поднимали вопрос о банкротстве, в порядке предусмотренного законом. Поэтому, пока в нашей стране институт несостоятельности не будет совершенствоваться, применение услуг по страхованию рисков от банкротства, предусмотренные для предприятий, также будет невозможным.

Считаем, что на основе опыта развитых стран, с точки зрения также обеспечения стабильности банковской и финансовой системы нашей страны, укрепления доверия к ним, защиты интересов мелких вкладчиков, минимизации страховых задержек, в случаях, когда применение процедуры несостоятельности обходится дешевле, важнее было бы активное внедрение системы депозитного страхования, созданного самими банками.

В законе не дано легальное определение конкурсному производству. На наш взгляд, в статье 1 Закона Азербайджанской Республики «О банкротстве и несостоятельности» целесообразно закрепить его понятие следующим образом: «**конкурсное производство** – процедура банкротства, применяемая к должнику, признанному банкротом, в целях соразмерного удовлетворения требований кредиторов и освобождения должника от долгов, а также в целях защиты сторон от неправомерных действий друг друга».

В Законе Азербайджанской Республики «О банкротстве и несостоятельности» конкурсное производство не предусмотрена как отдельная процедура. Однако анализ юридической литературы и законодательства о несостоятельности показывает, что основные цели конкурсного производства реализуются посредством осуществления деятельности администратором имущества. Администратор имущества является лицом, осуществляющим все полномочия по управлению делами должника в процессе конкурсного производства, а также полномочия, связанные с ликвидацией должника, признанного банкротом.

Применение процедур несостоятельности порождает множество негативных социальных проблем (массовая безработица, увеличение социально-политической напряженности, падения доверия к политическим институтам, снижение уровня жизни населения). К сожалению, закон не содержит положений о защите безработных работников предприятий-банкротов. В юридической литературе справедливо говорится, что закон о банкротстве должен быть комплексным нормативно-правовым актом, отражающий в себе не только нормы гражданского права и процесса, но и нормы труда и социального обеспечения. Социальная защита работников предприятия-должника должна быть неотъемлемой частью института несостоятельности. Отсутствие в законодательстве о банкротстве таких вопросов как сохранение юридической силы норм коллективного договора, дифференциация в регулировании трудовых отношений в зависимости от стадии процедур банкротства, характеризуются как негативные обстоятельства⁶. Этот подход, выраженный в зарубежной юридической литературе, можно применить и к Закону Азербайджанской Республики «О банкротстве и несостоятельности». Так, «коллективный договор», «трудовой коллектив» не были предусмотрены в какой-либо статье указанного закона.

К сожалению, в Законе Азербайджанской Республики «О банкротстве и несостоятельности» не определены его цели и основные принципы.

Считаем, что закрепление в Законе Азербайджанской Республики «О банкротстве и несостоятельности» норм, направленных на правовое регулирование вопросов в связи с транснациональным банкротством или процедурой банкротства с иностранными элементами (например, правовой статус иностранных участников процедуры несостоятельности, порядок судебного сотрудничества и т.д.) на фоне дальнейшего ускорения и углубления процессов интеграции и глобализации во всех областях, в том числе экономической области, может внести позитивный вклад в разрешении проблем, которые могут возникнуть в будущем в данной области.

Таким образом, как видно из вышеуказанного, в современном мире имеются определенные недостатки в регулировании правоотношений в сфере несостоятельности и банкротства. Кроме того, в условиях ослабления финансовой стабильности организаций, а также увеличения рисков и вероятностей банкротства, необходимое значение имеет дальнейшее совершенствование законодательства о несостоятельности и банкротстве в соответствии с нынешними требованиями.

Пристатейный библиографический список

1. Витрянский В. В. Как реформировать законодательство о банкротстве // Законодательство, 1999. № 5. С. 53-58.
2. Витрянский В. В. Новое законодательство о несостоятельности (банкротстве) // Хозяйство и право, 1998. № 3. С. 38-48.
3. Витрянский В. В. Постатейный комментарий Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». М.: Статут, 2003. 1037 с.
4. Волков Л. В. Предложения по совершенствованию действующего механизма банкротства // Журнал «Дайджест финансы», 2001. № 6. С. 1-20
5. Дегтярев С. Л. Реализация судебной власти в гражданском судопроизводстве: теоретико-прикладные проблемы. М.: Волтерс Клувер, 2007. 376 с.
6. Закон «О несостоятельности и банкротстве» необходимо совершенствовать. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://olaylar.az/news/social/142602>.
7. Как предотвращать случаи суициды из-за кредита? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.azadliq.org/content/ozuneqesd-borj/27283836.html>.
8. Какова ситуация в Азербайджане в связи с системой страхования от банкротства? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://banco.az/az/news/>.
9. Карелина С. А. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства). Учебно-практическое пособие. М.: Волтерс Клувер, 2006. 360 с.
10. Мухачев И. Ю., Пахаруков А. А. Понятия несостоятельности и банкротства // Вестник Иркутской государственной экономической академии. 1999. № 3. С. 93-95.
11. Павлова И. В. Влияние зарубежного опыта на усиление социальной защиты граждан РФ // Предпринимательство. 2008. № 11. С. 154-156.
12. Пахаруков А. А. Правовое регулирование конкурсного производства юридических лиц (вопросы теории и практики): Дисс. ... канд. юрид. наук. Иркутск. 2003. 206 с.
13. Ростовский Я. В. Макроэкономическая нестабильность в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы. М.: Ад Маргинем, 1997. 464 с.
14. Свириденко О. М. Концепция несостоятельности (банкротства) в России. М.: Юстицинформ, 2008. 224 с.
15. Семеусов В. А., Пахаруков А. А. Банкротство предприятий. Внешнее управление. Учебное пособие. Иркутск: ИГЭА, 1999. 79 с.
16. Степанов В. В. Несостоятельность (банкротство) в России, Франции, Англии, Германии. М.: Статут, 1999. 59 с.
17. Шибанова Роевка Е. А., Фарахшин Р. Современный институт несостоятельности физического лица. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [/www.rae.ru/forum201198/418](http://www.rae.ru/forum201198/418).

6 Волков Л. В. Предложения по совершенствованию действующего механизма банкротства // Журнал «Дайджест финансы». 2001. № 6. С. 18-19.

КОДОЛОВА Алена Владимировна

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского научно-исследовательского центра экологической безопасности Российской академии наук

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА (СЭО): ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СТРАНАХ СНГ

Статья посвящена вопросам правового регулирования стратегической экологической оценки в государствах-участниках СНГ. В странах СНГ СЭО рассматривается как новый инструмент оценки стратегических документов, поэтому в настоящее время проводятся проекты по построению потенциала внедрения СЭО, реализуются пилотные проекты с целью приобретения опыта проведения СЭО. Законодательство о стратегической экологической оценке в странах СНГ находится на разных ступенях развития. Степень развития законодательства о СЭО во многом зависит от взятых на себя государствами СНГ международных обязательств по международным договорам.

Ключевые слова: стратегическая экологическая оценка (СЭО), оценка воздействия на окружающую среду (ОВОС), Конвенция об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте, Протокол по стратегической экологической оценке.

Кодолова А. В.

KODOLOVA Alena Vladimirovna

Ph.D. in Law, senior researcher of the Saint-Petersburg Scientific Research Centre for Environmental Safety of the Russian Academy of Sciences

STRATEGIC ENVIRONMENTAL ASSESSMENT: EXPERIENCE OF LEGAL REGULATION IN THE CIS COUNTRIES

Article is devoted to questions of strategic environmental assessment in the CIS countries. In the CIS countries SEA considered as the new tool of an assessment of strategic documents therefore now projects on creation of potential of implementation of SEA are carried out, pilot projects for the purpose of acquisition of experience of carrying out SEA are realized. The legislation on a strategic ecological assessment is in the CIS countries at different steps of development. Extent of development of the legislation about SEA in many respects depends on the international liabilities undertaken by the state of the CIS according to international treaties.

Keywords: the strategic environmental assessment (SEA), an environmental impact assessment (EIA), the Convention on environmental impact assessment, the Protocol on strategic environmental assessment.

Стратегической целью экологической политики любого государства является сохранение и восстановление естественных экосистем, стабилизация и улучшение качества окружающей среды, снижение объема сбросов и выбросов вредных веществ в водные объекты и атмосферу, сокращение образуемой массы отходов, особенно токсичных, организация их переработки и утилизации.¹ Данная цель может быть достигнута с помощью процедур по предотвращению причинения вреда окружающей среде, к которым относится стратегическая экологическая оценка (СЭО).

Необходимо отметить особую роль МПА СНГ в разработке модельного законодательства для государств содружества.² Основными целями принятия таких модельных законов - рекомендательных документов является определение основных направлений политики, в том числе, в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности, а также помощь государствам-участникам СНГ в формировании законодательства на основе модельных нормативных актов, подготовленных экспертами с учетом действующих международных договоров и прогрессивного опыта решения тех или иных проблем.

1 Подгорнов С. Ю., Ермолина М. А. Возмещение экологического ущерба по российскому законодательству // Труды экономического и социально-гуманитарного факультета РГГМУ Сборник статей. Санкт-Петербург, 2013. С. 137-140.

2 Фархутдинов И. З. Правовые основы и тенденции развития евразийской экономической интеграции: сравнительно-правовой анализ междисциплинарного взаимодействия специалистов и ученых в области права государств-членов евразийского экономического союза и СНГ // Евразийская экономическая перспектива: сборник докладов. 2016. С. 156-166

На 36 пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ был принят Модельный закон «О стратегической экологической оценке» (далее – Модельный закон о СЭО), и утвержден постановлением МПА СНГ № 36-7 от 16.05.2011 г.

Данный нормативный акт носит рекомендательный характер, но тем не менее, он оказал значительное влияние на экологическое законодательство стран СНГ.

В соответствии с Модельным законом о СЭО стратегическая экологическая оценка – это высокоуровневая процедура, применяемая на стадиях разработки, корректировки или пересмотра проектов стратегических планов территориального развития и комплексных территориальных программ социально-экономического развития на муниципальном, региональном и национальном уровнях, включающих инвестиционные проекты хозяйственной и иной деятельности в различных секторах экономики, в рамках которой, с использованием принципов и методов оценки воздействия на окружающую среду (ОВОС), оцениваются и представляются в докладе по стратегической экологической оценке прогнозируемое состояние окружающей среды, а также возможные экологические и другие последствия их этапной реализации для окружающей среды и здоровья населения.

Модельный закон о СЭО был основан на положениях Конвенции об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте, 1991 г. (далее – Конвенция Эспо) и Протокола по стратегической экологической оценке к Конвенции об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте, 2003 г. (далее – Протокол по СЭО).

Принимая во внимание актуальность СЭО, на втором Сессии сторон Конвенции Эспо 26-27 февраля 2001 года

была создана Специальная рабочая группа по подготовке Протокола по СЭО, Протокол по СЭО как самостоятельное международное соглашение был принят и подписан на Внеочередном совещании сторон конвенции ОВОС во время работы Конференции министров «Окружающая среда для Европы» 21-23 мая 2003 г., в г. Киеве, он вступил в силу 11 июля 2010 г.

Стратегическая экологическая оценка (СЭО) представляет собой целый ряд методов, которые применяются на ранних этапах принятия решений – прежде всего в центральных и отраслевых министерствах – для поощрения более осознанного природопользования и охраны окружающей среды. Кроме того, СЭО способствует вовлечению более широкого круга заинтересованных сторон, расширению трансграничного сотрудничества по совместно используемым природным ресурсам и предотвращению конфликтов.

СЭО не заменяет оценку воздействия на окружающую среду (ОВОС). СЭО состоит из следующих ключевых этапов: определение контекста, проведение анализа с участием заинтересованных сторон, обоснование процесса принятия решений и оказание влияния на него и мониторинг и оценка.

Содержание и проведение СЭО будут в целом определяться правовыми, процедурными, институциональными и политическими факторами, присущими разным ситуациям и странам.

В странах СНГ СЭО рассматривается как новый инструмент оценки стратегических документов, поэтому в настоящее время проводятся проекты по построению потенциала по эффективному внедрению СЭО, реализуются пилотные проекты с целью приобретения опыта проведения СЭО.

Несмотря на то, что Модельный закон о СЭО содержит положения о приведении национальных законодательств в соответствие с данным законом, во многих странах СНГ стратегическая экологическая оценка понимается в узком смысле и охватывает процедуру проведения оценки воздействия на окружающую среду.

До настоящего момента практика внедрения стратегической экологической оценки в странах СНГ не была предметом подробного изучения.

В результате исследования был сделан вывод о том, что законодательство о стратегической экологической оценке в странах СНГ находится на разных ступенях развития. Степень развития законодательства о СЭО во многом зависит от взятых на себя тем или иным государством СНГ международных обязательств.

Рассмотрим подробнее особенности нормативно-правового регулирования проведения стратегической экологической оценки в различных государствах СНГ.

В странах Центральной Азии законодательство о СЭО находится в стадии становления. Это обусловлено тем, что ни одна из стран Центральной Азии не подписала Протокол по СЭО, и только Казахстан и Кыргызстан являются сторонами Конвенции ЕЭК ООН об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте (Конвенция Эспо).

В Кыргызской Республике разработка и реализация стратегий и программ развития становятся важным инструментом политики объединения усилий общества и органов власти по решению актуальных социально-экономических задач и проблем улучшения жизни населения.

В 2014 году принята Национальная стратегия устойчивого развития Кыргызской Республики на период 2013-2017 гг. (утв. УП КР от 21 января 2013 г. № 11). Национальная стратегия устойчивого развития является основным документом Кыргызской Республики, определяющим направления развития и деятельности страны на период с 2013-2017 гг.

В целях реализации положений данной Стратегии во всех областях, городах Бишкек и Ош разработаны собственные стратегии и программы развития. Кроме того, в последние годы и рядом министерств и ведомств разрабатывались отраслевые стратегии.

В соответствии с Законом Кыргызской Республики от 16 июня 1999 года № 54 «Об экологической экспертизе» проведение ОВОС требуется не только для проектов конкретных объектов, но и для:

- концепций, программ и планов отраслевого и территориального социально-экономического развития;
- схем комплексного использования и охраны природных ресурсов;
- генеральных планов городов, населенных мест и другой градостроительной документации.

ОВОС выше перечисленных стратегических документов и представляет собой стратегическую экологическую оценку. СЭО в полной мере в республике не проводится.

В соответствии со статьями 3 Закона Кыргызской Республики «Об экологической экспертизе» проекты вышеуказанных документов (объектов СЭО) до их утверждения должны пройти государственную экологическую экспертизу и получить положительные заключения.

Таким образом, несмотря на наличие законодательных требований о проведении ОВОС при разработке стратегических документов, в Кыргызской Республике отсутствуют инструкции и методические указания по их проведению. Несмотря на то, что элементы СЭО уже присутствуют в практике разработки планов, программ, СЭО остается новым процессом для данного государства.

Основу законодательства о СЭО в Республике Казахстан в настоящее время составляют нормативные правовые акты о проведении оценки воздействия на окружающую среду, к которым относятся:

- Экологический кодекс РК (2007 г.);
- Инструкция по проведению оценки воздействия намечаемой хозяйственной деятельности на окружающую среду при разработке предплановой, плановой, предпроектной и проектной документации (приказ Министра ООС РК от 28.06.2007 г.);
- Правила проведения общественных слушаний (приказ Министра ООС РК от 07.05.2007 г.);
- Правила доступа к экологической информации, относящейся к процедуре ОВОС и процессу принятия решений по намечаемой хозяйственной и иной деятельности (приказ Министра ООС РК от 25.05.2007 г.).

Предпосылки для развития СЭО в Республике Казахстан заложены в статье 47 Экологического кодекса РК «Объекты экологической экспертизы», к которым относятся проекты государственных, отраслевых и региональных программ с сопровождением их материалами ОВОС; проекты нормативно-правовых актов РК, нормативно-технических и инструктивно-методических документов, реализация которых может привести к негативным воздействиям на окружающую среду; проекты генеральных планов застройки (развития) городов и территорий.

Законом Республики Казахстан «О присоединении Республики Казахстан Конвенции об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте» от 21.10.2000 № 86-III Казахстан присоединился к данной Конвенции, которая имеет большое значение для государства. Признание обязательности Конвенции Эспо повышает ответственность Республики Казахстан за последствия осуществляемой на её территории деятельности.

Республика Таджикистан указом Президента от 17.02.04 г., № 1287 присоединилась к Конвенции об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте, но до настоящего времени не ратифицировала Протокол по СЭО.

В законодательстве Республики Таджикистан заложены основы СЭО в форме нормативно-правового регулирования проведения ОВОС и экологической экспертизы.

Основными нормативно-правовыми актами, регулирующими порядок проведения ОВОС и государственной экологической экспертизы, являются Закон РТ «Об охране природы» (1993), Закон РТ «Об экологической экспертизе» (2003), По-

рядок оценки воздействия на окружающую среду (утвержден постановлением Правительства Республики Таджикистан от 03.10.2006 года №464). С целью реализации положений указанных нормативно-правовых актов принят ряд подзаконных актов, регулирующих вопросы компетенции и полномочий уполномоченных органов, оплату проведения государственно экологической экспертизы, требования к проектной документации.

Республика Узбекистан не ратифицировала Конвенцию Эспо и Протокол по СЭО.

В 2000 г. был принят Закон Республики Узбекистан «Об экологической экспертизе». В соответствии со статьей 15 данного закона для проведения государственной экологической экспертизы заказчиком предоставляются:

1). По проектируемым объектам – материалы ОВОС, заявление об экологических последствиях, а в случаях, предусмотренных законодательством – заявление о воздействии на окружающую среду.

2). По действующим объектам – проекты экологических нормативов, заявление о воздействии на окружающую среду, разработанное при установлении факта воздействия объекта на окружающую среду и здоровье граждан. Заказчик вправе дополнительно представить материалы экологического аудита.

В декабре 2001 г. Кабинет Министров Республики Узбекистан утвердил положение «О государственной экологической экспертизе в Республике Узбекистан», в котором определил объекты государственной экологической экспертизы и порядок проведения ОВОС и экспертизы.

В Узбекистане ОВОС является обязательной процедурой для планируемой деятельности и предшествует государственной экологической экспертизе.

Однако, список объектов, подлежащих ОВОС и разделению их по категориям в Республике Узбекистан не совместимы с аналогичными списками объектов, подлежащих ОВОС в соответствии с положениями Конвенции Эспо.

Такой инструмент как СЭО до настоящего времени не получил развития в Республике Узбекистан. Однако экологическая экспертиза является обязательной при разработке государственных программ и концепций, а также градостроительной документации для населенных пунктов с численностью более 50 тыс. человек.

Республика Молдова подписала Протокол по СЭО к Конвенции Эспо ЕЭК ООН в 2003 году, на 5-й Общевропейской конференции министров охраны окружающей среды «Окружающая среда для Европы» (г. Киев), однако на сегодняшний момент не ратифицировала его.

Тем не менее, Республика Молдова (далее – РМ) проявляет намерения к ратификации Протокола по СЭО и имплементации его положений в национальное законодательство. Так, в Национальной программе обеспечения экологической безопасности Республики Молдова на 2007-2015 годы (разработана по решению Высшего Совета по Безопасности РМ и утверждена Постановлением Правительства № 304, 17 марта 2007 г.) в качестве одной из мер обеспечения экологической безопасности названа разработка Стратегии по внедрению стратегической экологической оценки (далее – СЭО). Стратегия по внедрению Протокола по СЭО в Республике Молдова разработана группой экспертов под руководством Минэкологии в 2006-2007 гг., однако она не была утверждена Правительством и ее цели и задачи не были реализованы. Таким образом, проблема ратификации Протокола по СЭО для Республики Молдова является актуальной.

Содержание Протокола по СЭО, Директивы ЕС 2001/42/ЕС об оценке последствий некоторых планов и программ для окружающей среды (далее – СЭО Директива) и Модельного закона о СЭО в принципиальных положениях совпадает. Принимая во внимание данный факт, можно утверждать, что процесс гармонизации законодательства СНГ в части внедрения СЭО позволяет одновременно совершенствовать националь-

ное законодательство с учетом принципов Протокола по СЭО, что в свою очередь является залогом ратификации Протокола по СЭО.

Республика Армения ратифицировала Протокол по СЭО 24 января 2011г. Кроме того, Армения является Стороной ряда международных соглашений, соблюдение которых связано с выполнением положений Протокола по СЭО, особенно касающихся процедуры оценки воздействия на окружающую среду, в том числе, в трансграничном контексте, участия общественности и учета экологических последствий планов и программ, которые могут оказать существенное неблагоприятное воздействие на окружающую среду:

– Конвенции Эспо (ратифицирована 21 февраля 1997 г.),
– Орхусской конвенции (ратифицирована 1 августа 2001 г.),

– Конвенции о биологическом разнообразии (ратифицирована 14 мая 1993 г.).

Сфера законодательства Армении применительно к СЭО достаточно широка и охватывает следующие сферы:

– законодательство в области охраны окружающей среды, в том числе, обеспечивающее проведение оценок воздействия на окружающую среду,

– законодательство о градостроительной деятельности,

– законодательство в области регулирования процедур разработки и принятия планов и программ, компетенции различных государственных органов в этом процессе, включая природоохранные органы и органы здравоохранения,

– законодательство, обеспечивающее доступ к информации о принятии государственных решений различного уровня,

– законодательство об участии общественности в принятии государственных решений.

Законодательной основой для проведения оценок воздействия на окружающую среду, в том числе, СЭО выступает Закон «Об оценке воздействия на окружающую среду и экспертизе», вступивший в силу 11 августа 2014 г. (далее – Закон об ОВОС и экспертизе).

В законе реализована концепция проведения оценки воздействия на окружающую среду и государственной экспертизы экологического воздействия двух категорий объектов:

– основополагающего документа планирования (*baseline (planning), document*);

– конкретных видов планируемой деятельности (*intended activity*).

Основополагающий документ планирования определен в законе как политика, стратегия, концепция, чертеж, схема использования природных ресурсов, программа, генеральный план, градостроительный программный документ), которые могут оказать воздействие на окружающую среду» (ст. 4, п.1 (6) Закона об ОВОС и экспертизе), и относятся к секторам: социально – экономический сектор, энергетика, градостроительство, транспорт, связь, сельское хозяйство, землепользование, отрасли промышленности, здравоохранения, окружающей среды, рекреации, оказания услуг (сервиса), лесного хозяйства, использования отходов, водного хозяйства (п.1 ст.14 Закона об ОВОС и экспертизе).

Оценка воздействия и экспертиза должны проводиться до утверждения основополагающего документа планирования и (или) осуществления конкретного вида деятельности (ст. 15 Закона об ОВОС и экспертизе).

Закон об ОВОС и экспертизе устанавливает правила проведения оценки воздействия на окружающую среду и государственной экспертизы стратегических документов – основополагающих документов планирования.

В Законе об ОВОС и экспертизе используется более широкий в сравнении с Протоколом по СЭО подход в идентификации стратегических документов, подлежащих оценке воздействия на окружающую среду, поскольку:

– не указывается, что эти документы должны разрабатываться/приниматься государственным органом, требоваться в

силу законодательных, регламентирующих или административных актов (п.5 ст.2 Протокола). Таким образом, оценке воздействия на окружающую среду и экспертизе по закону должны подвергаться любые документы, принимаемые не только государственными органами, но и частными лицами, если только эти документы по названию подпадают под определение основополагающих документов планирования и разрабатываются в указанных в законе секторах;

- не закрепляется связь документов, подлежащих СЭО, как основы для выдачи в будущем разрешений на реализацию проектов, перечисленных в Приложениях Протокола по СЭО – Приложении I и любых других проектов, перечисленных в Приложении II, которые требуют оценки воздействия на окружающую среду в соответствии с национальным законодательством (п.2. ст.4 Протокола). Соответственно по закону оценке воздействия на окружающую среду и экспертизе должны подвергаться любые документы, которые по названию подпадают под определение основополагающих документов планирования и разрабатываются в указанных в законе секторах вне зависимости от реализации на их основе каких-либо проектов по конкретным видам деятельности;

- не предполагается возможность предварительной оценки стратегического документа (скрининга) с учетом п.1 ст.5 Протокола по СЭО, если эти документы затрагивают небольшие территории на местном уровне, касаются незначительных изменений (п.4 ст.4 Протокола);

- не содержится исключений в проведении оценки воздействия на окружающую среду и экспертизы в отношении стратегических документов, не входящих в сферу действия Протокола по СЭО (п.5 ст.4 Протокола).

Анализ законодательства позволяет выделить ряд правовых предпосылок внедрения СЭО в Республике Беларусь. Прежде всего, следует отметить международно-правовые предпосылки. Беларусь является Стороной Конвенции об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте (далее – конвенция ОВОС), которая вступила в силу для республики 8 февраля 2006 г.

Республика Беларусь демонстрирует активные действия в направлении присоединения к Протоколу по СЭО. Так, в августе 2007г. решением коллегии Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды была одобрена Стратегия развития потенциала в области СЭО в Республике Беларусь на период до 2012г. Ряд иных международных соглашений, стороной которых является Республика Беларусь, также содержат положения относительно необходимости внедрения подходов СЭО в практику планирования планов/программ, которые могут оказать воздействие на окружающую среду: Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды (далее – Орхусская конвенция), Конвенция о биологическом разнообразии, Рамочная конвенция ООН об изменении климата и др.

Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 года в качестве перспектив первого этапа реализации стратегии определила необходимость развития институционального потенциала в области СЭО.

Анализ законодательства Республики Беларусь позволяет выделить в нем наличие отдельных элементов, имеющие отношение к процедуре экологической оценки планов/программ, однако в целом правовой механизм для эффективной СЭО не сформирован.

Так, ст. 5 Закона Республики Беларусь «О государственной экологической экспертизе» в числе объектов государственной экологической экспертизы называет «проекты концепций, прогнозов, программ и схем отраслевого развития, реализация которых связана с использованием природных ресурсов и (или) может оказать воздействие на окружающую среду; проекты ведения охотничьего хозяйства, рыбоводно-биологические обоснования, биологические обоснования за-

рыбления рыболовных угодий, биологические обоснования на заготовку и (или) закупку диких животных, не относящихся к объектам охоты и рыболовства, а также изменения и дополнения к указанным проектам и обоснованиям». Совершенно очевидно, что данный перечень планов/программ весьма узкий по сравнению с ранее указанным определением объектов СЭО в соответствии с Протоколом по СЭО. Кроме того, следует подчеркнуть, что в указанных нормах белорусского законодательства речь идет о проведении государственной экологической экспертизы на соответствие проектной документации «требованиям законодательства об охране окружающей среды и рациональном использовании природных ресурсов», а не об оценке будущего воздействия плана/программы на окружающую среду и здоровье граждан. Это совершенно разные виды оценок плана/программы. Кроме прочего, проведение СЭО планов/программ требует применения совершенно иных, нежели при проведении экологических оценок проектов по конкретным видам деятельности, методик прогнозирования экологических последствий, как это делается в европейских странах.

Азербайджанская Республика является стороной Конвенции Эспо, но до настоящего времени не ратифицировала Протокол по СЭО.

Законодательство Азербайджанской Республики содержит необходимые предпосылки для последующего внедрения СЭО, к которым можно отнести процедуру ОВОС и государственную экологическую экспертизу.

Экологическая экспертиза проектов в Азербайджанской Республике осуществляется с 1976 года. До 2001 г. ее осуществляло соответствующее подразделение Государственного Комитета по охране окружающей среды. С 2001 г. и по настоящее время эти функции возложены на Государственное Управление Экспертизы Министерства Экологии и Природных Ресурсов АР.

В 1996 г. при финансовой поддержке UNDP было разработано «Положение о проведении оценки воздействия на окружающую среду в Азербайджане», которое в том же году было утверждено Коллегией Госкомитета экологии Азербайджана и внедрено в повседневную практику. Поскольку в Азербайджане отсутствует специальный закон об ОВОС, этот документ явился главным нормативным актом, на основании которого эта процедура осуществляется до настоящего времени.

Начиная с 1996 года все наиболее значимые проекты экономического развития в Азербайджане проходят процедуру ОВОС. В ходе экологической оценки экспертами рассматриваются и оцениваются с экологической, технологической и санитарной точек зрения предусмотренные производственные процессы, применяемое оборудование, химические реагенты, объемы и качественный состав выбросов и сбросов, образование и утилизация отходов.

Неотъемлемой составляющей документа ОВОС являются мероприятия по минимизации воздействия, а также по оценке альтернативных технологических, пространственных и временных вариантов к конкретному проекту. Рассмотрение возможных аварийных, неплановых ситуаций и мер по их ликвидации, также является одним из обязательных требований документа ОВОС.

Российская Федерация в 1991 г. подписала Конвенцию об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте (далее – Конвенция Эспо, Конвенция), но не ратифицировала ее. До настоящего времени Россия не присоединилась и к Протоколу по СЭО.

Ситуация несколько изменилась в лучшую сторону в 2011 г., когда по итогам заседания президиума Государственного совета по вопросам экологической безопасности от 09.06.2011 г. был подписан Перечень поручений Президента РФ. Согласно указанному Перечню Правительству РФ к 01.03.2012 г. было поручено ратифицировать Конвенцию Эспо и Протокол СЭО (пп. «б» п.2). По-видимому, имелись в виду подготовка и внесение соответствующих законопроектов в Государственную

Думу РФ. Далее тема СЭО получила нормативное отражение в Основах государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденных Президентом РФ 30 апреля 2012 г. (далее – Основы государственной политики). В Основах государственной политики о необходимости разработки нормативно-правовой базы внедрения и применения СЭО говорится в трех подпунктах (пп. «в» п.11, пп. «д» п.13, пп. «б» п. 21). Распоряжением Правительства РФ от 18.12.2012 № 2423-р утвержден План действий по реализации указанных Основ государственной политики, согласно которому в 2013 г. Минприроды России должно подготовить проект федерального закона о ратификации Конвенции Эспо и Протокола СЭО. Минприроды России уже несколько раз в 2011 - 2012 гг. размещало на своем официальном сайте проекты федеральных законов о ратификации указанных документов, однако до настоящего времени соответствующий законопроект в Государственную Думу РФ не внесен.

Ратификация Конвенции Эспо и Протокола СЭО повлечет за собой необходимость изменения существующей нормативно-правовой базы в части оценки воздействия на окружающую среду (далее – ОВОС). Среди основных направлений могут быть названы:

1. Приведение понятий из Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» в соответствие с Протоколом СЭО, добавление новых понятий в национальное законодательство, и таким образом создание единого понятийного аппарата для процедур проведения ОВОС и СЭО.

2. Разработка Процедуры проведения СЭО, включая правила проведения отдельных этапов СЭО.

В настоящее время в российском законодательстве понятия «СЭО» отсутствует.

Термин «СЭО» используется в Основах государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года; в Планах действий по реализации Основ государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года.

В Экологической доктрине Российской Федерации, утв. Распоряжением Правительства РФ от 31.08.2002 № 1225-р, используется понятие «стратегическая оценка воздействия на окружающую среду и анализ ее состояния в масштабах страны и регионов».

Интересно отметить, что в Положении об ОВОС под «национальной процедурой оценки возможного воздействия планируемой деятельности на окружающую среду» понимается проведение ОВОС и экологической экспертизы обосновывающей документации. Однако такое понимание не нашло отражения в Федеральном законе «Об охране окружающей среды». ОВОС - вид деятельности по выявлению, анализу и учету прямых, косвенных и иных последствий воздействия на окружающую среду планируемой хозяйственной и иной деятельности в целях принятия решения о возможности или невозможности ее осуществления (абз.28 ст.1 Федерального закона «Об охране окружающей среды»).

В Положении об ОВОС содержится еще одно определение ОВОС. ОВОС - это процесс, способствующий принятию экологически ориентированного управленческого решения о реализации намечаемой деятельности посредством определения возможных неблагоприятных воздействий, оценки экологических последствий, учета общественного мнения, разработки мер по уменьшению и предотвращению воздействий (абз.3 п.1.1 Положения об ОВОС).

В Основах государственной политики указано, что объектами СЭО должны быть планы и программы, реализация которых может оказать воздействие на окружающую среду (в пп. «в» п. 11) и проекты и программы, реализация которых может оказать воздействие на окружающую среду и здоровье населения (в пп. «б» п. 21). Положение пп.«б» п.21 в части такого объекта оценки как «проект» относится как к ОВОС, так и к СЭО.

Объекты ОВОС – документы и (или) документация, обосновывающие намечаемую хозяйственную и иную деятельность, которая может оказать прямое или косвенное воздействие на окружающую среду (п.1 ст.32 Федерального закона «Об охране окружающей среды»).

Таким образом СЭО имеет более широкий спектр охвата, нежели традиционная для российского законодательства ОВОС, так как СЭО ориентирована на другие объекты. В этой связи нельзя признать удачным термин, примененный в Экологической доктрине Российской Федерации «стратегическая ОВОС», которая через применение термина «ОВОС» сужает понятие «СЭО», закрепленное в Протоколе СЭО. Более того, возникает терминологическое несоответствие с положениями Протокола СЭО. Соответственно, в случае ратификации Протокола СЭО необходимо внесение корреспондирующих изменений в Экологическую доктрину РФ в части замены термина «стратегическая ОВОС» на «СЭО», и внесение новых понятий в ст. 2 Федерального закона «Об охране окружающей среды». К новым понятиям следует отнести: «СЭО», «планы и программы», «общественность».

В результате проведенного исследования о стратегической экологической оценке можно сделать следующие выводы относительно правового регулирования данного вопроса в странах СНГ:

1). В странах СНГ СЭО рассматривается как новый инструмент оценки стратегических документов, поэтому в настоящее время проводятся проекты по построению потенциала внедрения СЭО, реализуются пилотные проекты с целью приобретения опыта проведения СЭО.

2). СЭО не заменяет оценку воздействия на окружающую среду (ОВОС), но во многих странах СНГ стратегическая экологическая оценка понимается в узком смысле и охватывает только процедуру ОВОС.

3). Законодательство о стратегической экологической оценке в странах СНГ находится на разных ступенях развития. Степень развития законодательства о СЭО во многом зависит от взятых на себя тем или иным государством СНГ международных обязательств по международным договорам:

– Конвенции об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте, 1991 г. (Конвенция Эспо);

– Протокола по стратегической экологической оценке к Конвенции об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте, 2003 г.

4). В законодательствах государств-участников СНГ отсутствуют ясные и применимые на практике рекомендации или руководящие указания по проведению трансграничной ОВОС и СЭО.

5). В странах СНГ отсутствуют различия между инициативами стратегического и проектного уровня: установлена единая процедура экологической оценки. В национальных законодательствах стратегические документы декларативно отнесены к объектам экологической экспертизы.

6). У большинства государств-участников СНГ отсутствуют нормы, четко регулирующие сам порядок (процедуру) ОВОС, его отдельных этапов, сроков выполнения.

Пристатейный библиографический список

1. Подгорнов С. Ю., Ермолина М. А. Возмещение экологического ущерба по российскому законодательству // Труды экономического и социально-гуманитарного факультета РГГМУ Сборник статей. Санкт-Петербург, 2013. С. 137-140.
2. Фархутдинов И. З. Правовые основы и тенденции развития евразийской экономической интеграции: сравнительно-правовой анализ междисциплинарного взаимодействия специалистов и ученых в области права государств-членов евразийского экономического союза и СНГ // Евразийская экономическая перспектива: сборник докладов. 2016. С. 156-166

ВИДЯСОВА Людмила Александровна

кандидат социологических наук, начальник отдела мониторинговых исследований Центра технологий электронного правительства Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики

БОЛГОВ Радомир Викторович

кандидат политических наук, доцент кафедры мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета

ЧУГУНОВ Андрей Владимирович

кандидат политических наук, директор Центра технологий электронного правительства Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО В СТРАНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА: ОПЫТ ПИЛОТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВНЫЕ МЕТОДЫ

В статье приведен обзор развития электронного правительства в рамках Евразийского экономического Союза (ЕАЭС). Учитывая историю и специфику регионального сотрудничества в условиях постсоветского пространства, а также передовой международный опыт инноваций в сфере развития информационно-коммуникационных технологий в региональных блоках, авторы провели исследование, касающееся проблем, целей и задач, а также перспектив развития электронного правительства в странах-членах ЕАЭС.

Методология исследования основывается на трех этапах регионализма, предложенных Ван Лангенховом и Косте (2005). Методология исследования сочетает качественные и количественные методы. Такой подход позволил быстро изучить ход развития электронного правительства в странах ЕАЭС с использованием международных источников и выявить проблемы и перспективы посредством экспертного опроса.

Ключевые слова: Электронное правительство, экспертный опрос, международный рейтинг, страны постсоветского пространства, Евразийский Экономический Союз, национальные приоритеты

VIDYASOVA Lyudmila Alexandrovna

Ph.D. in sociological sciences, Head of Monitoring Research Department, e-Governance Center of the Saint Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics

BOLGOV Radomir Viktorovich

Ph.D. in political sciences, associate professor of World Policy sub-faculty of the Saint-Petersburg State University

CHUGUNOV Andrei Vladimirovich

Ph.D. in political sciences, Director of e-Governance Center of the Saint Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics

E-GOVERNMENT IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION COUNTRIES: EXPERIENCE OF PILOT STUDY AND FUTURE METHODS

The article provides an overview of e-government development in the framework of the Eurasian Economic Union (EAEU). Given the history and specifics of regional cooperation in the framework of post-Soviet space, as well as international best practices of innovation in the field of information and communication technologies in regional blocks, the authors conducted a study on the problems, goals and objectives, as well as the prospects of e-government development in the member countries of EAEU.

The research methodology is based on three stages of regionalism, proposed by Van Langenhove and Costea (2005). The research methodology combines qualitative and quantitative methods. This approach allowed us to quickly learn the progress of e-government development in the EAEU countries with international sources and to identify the problems and perspectives through expert survey.

Keywords: e-Government, expert survey, international ranking, post-Soviet countries, Eurasian Economic Union, national priorities.

Введение

Развитие электронного правительства способствует увеличению продуктивности и эффективности государственного и регионального управления по оказанию услуг населению с

помощью передовых технологий, но также, что немаловажно, является стимулом к улучшению качества жизни. Совместная работа глав постсоветских стран в условиях развития электронного правительства и электронного участия может значитель-

Видясова Л. А.

Болгов Р. В.

Чугунов А. В.

но помочь трансграничному сотрудничеству, экономической интеграции и торговле, что подтверждено международным (прежде всего, европейским) опытом.

Однако отсутствие взаимосвязи между системами электронного правительства разных стран является актуальной проблемой в условиях растущей интеграции.

Данная проблема требует пристального внимания, так как на данный момент не является до конца исследованной. На современном этапе изучения проблемы трудно найти работы, где в контексте электронного правительства такие интегрированные процессы получали бы поддержку от трансграничных союзов.

Таким образом, данная проблематика не была в достаточной степени изучена в разрезе постсоветских стран и, следовательно, лежит в основе отечественного и международного научного дискурса.

Проведенные исследования в различных областях общественных наук (экономика, международные отношения, политология, регионоведение, правоведение), существенно отличаются друг от друга в своих задачах и методологических подходах. С учетом ведущих мировых тенденций, связанных со всеобщей компьютеризацией и развитием концепции электронного правительства, можно констатировать, что эта область требует дальнейшего изучения.

Данные обстоятельства явились предпосылкой для текущего научно-исследовательского проекта, который ставит целью изучить сильные и слабые стороны развития электронного правительства в регионе и определить возможные пути расширения сотрудничества и экономической интеграции между странами постсоветского пространства.

Авторы данной работы ориентируются на уже достигнутый положительный опыт, проблемы, задачи и цели, а также перспективы развития электронного правительства и электронного участия в странах-участницах недавно созданного Евразийского Экономического Союза (ЕАЭС).

1. Основные этапы и результаты евразийской интеграции

Мировая практика в области региональной интеграции и сотрудничества имеет множество примеров успешных в большей («Азиатские Тигры», страны БРИКС) или меньшей (СНГ) степени региональных союзов.

ЕАЭС – международная организация региональной экономической интеграции, обладающая международной правосубъектностью и учрежденная договором о Евразийском Экономическом Союзе в 2014 году. В ЕАЭС обеспечивается свободное движение товаров и услуг, капитала и рабочей силы, и проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики. В настоящее время в организацию входят пять участников: Россия, Казахстан, Армения, Беларусь и Кыргызстан.

ЕАЭС имеет долгую историю, которая началась в 1991 г. с организации Содружества Независимых Государств (табл.1). Со временем лидеры государств-участников СНГ признали неспособность существующего союза эффективно функционировать. Это привело к созданию единого экономического пространства.

ЕАЭС стала воплощением идеи единого экономического пространства. В настоящее время идет обсуждение многих экономических и правовых¹ вопросов, связанных с этой темой.

1 Фархутдинов И.З. Евразийское правовое пространство: проблемы и пути их преодоления // Евразийский юридический журнал.

Некоторые сравнивают российский опыт с зарубежным и исследуют вопросы евразийской интеграции в контексте развития информационного общества в этом регионе².

Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) играют существенную роль в улучшении эффективности работы государственного правления и предоставления он-лайн услуг для граждан и бизнеса. Несмотря на то, что организация экономики лежит в основе создания союза, в последние годы были и другие совместные инициативы. Развитие электронного правительства имеет большие перспективы в этом отношении.

Несмотря на признание евразийской интеграции приоритетным направлением российской внешней политики, в настоящее время отсутствуют комплексные исследования по развитию электронного правительства на территории всего Евразийского Экономического Союза. Изучение национальной специфики развития информационных технологий и разработка рекомендаций по соразвитию электронного правительства – это направления, которые позволят достичь эффективного сотрудничества национальных правительств.

2. Измерение эффективности электронного правительства: положительный опыт, проблемы и перспективы развития

Большинство исследований, посвященных изучению электронного правительства, ориентированы на анализ положительного опыта, достигнутых результатов, возникающих проблем и перспектив развития.

Для оценки уровня развития электронного правительства были использованы различные методы. Самые популярные и узнаваемые из них: исследование ООН по уровню развития электронного правительства³, инструмента измерения и оценки электронного участия (МЕТЕР)⁴, рейтинг электронного правительства Университета Васеда⁵ и несколько специализированных ИКТ индексов.

Показатели индексов и сравнительный анализ используются при разработке информационной и коммуникационной политики, а так же при выделении ресурсов для реализации такой политики. Однако многие исследователи признают ограниченность такого подхода. Поэтому, сопоставительный анализ электронного правительства больше ориентирован на приоритетные стороны, а не вспомогательные элементы⁶.

2009. № 5 (12). С. 4-6.

- 2 Bershadszkaya, L., Chugunov, A., Dzhusupova, Z. Understanding E-Government Development Barriers in CIS Countries and Exploring Mechanisms for Regional Cooperation // *Technology-Enabled Innovation for Democracy, Government and Governance*. Springer Edition. 2013. Pp. 87-101; Болгов Р.В., Зиновьева Е.С., Карачай В.А. Развитие информационного общества в странах Таможенного союза: правовые аспекты // *Управленческое консультирование*. 2015. № 1 (73). С. 41-50.
- 3 UN E-Government Survey. 2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://unpan3.un.org/egovkb/en-us/Reports/UN-E-Government-Survey-2014> (дата посещения: 19.04.2016 г.).
- 4 Misnikov Y. E-Participation as a process and practice: What METER can measure, why and how? // *UNDESA High-level Meeting*, 24-26 July, 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://work-space.unpan.org/sites/Internet/Documents/UNPAN90456.pdf> (дата посещения: 19.04.2016 г.).
- 5 Waseda - IAC 10th International E-Government Ranking. 2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.e-gov.waseda.ac.jp/pdf/2014_E-Gov_Press_Release.pdf (дата: 19.04.2016 г.).
- 6 Janssen D., Rotthier S. and Snijkers K. If you measure it they will score: An assessment of international e-Government benchmarking // *Information Polity*. Vol. 9. 2004. Pp. 121-130.

Таблица 1.
Этапы региональной интеграции на постсоветском пространстве, 1991-2015

1991-1994 Создание СНГ	1996 Соглашение об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях	2000 Соглашение о создании Евразийского экономического сообщества	2007 Соглашение о создании Таможенного Союза	2007-2011 Декларация о евразийской экономической интеграции	2014 Соглашение о Евразийском экономическом союзе
				Общее экономическое пространство	Евразийский экономический союз (ЕАЭС)
			Таможенный союз		
Евразийское экономическое сообщество					
Соглашение об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях					
Содружество независимых государств (СНГ)					

В случае с ЕС, электронное правительство является относительно простой, недорогой, довольно прозрачной, хорошо распространенной и используемой системой.

С целью нахождения оптимальных решений для измерения, Рорисса и Демисси собрали данные с 582 сайтов электронных правительств, спонсируемых 54 африканскими странами⁷.

Результаты прикладного исследования показали необходимость постоянной оценки и пересмотра общепринятых и регулярно используемых критериев. Авторы признали, что почти все африканские правительства присутствуют в сети Интернет и имеют полноценные порталы электронного правительства. Однако, текущее состояние сервисов электронного правительства в африканских странах плохо документировано.

Исследователи составили рейтинг полученных данных и сравнили их с предыдущим периодом. Анализ показал, что несмотря на достигнутые успехи, необходимо работать над созданием прочных связей как между Севером и Югом, так среди различных субрегионов⁸.

Хуанг и его соавторы доказали в своей статье, что существует тесная связь между простотой использования веб-сайта электронного правительства и доверием к нему⁹.

Чжао и соавторы¹⁰ изучали угрозы безопасности сайтов электронных правительств, а также возможные методы по защите сайтов. Они проанализировали три аспекта – анализ веб-контента, защита информации и преобразование информации, имеющейся в сети, в карты и схемы – для сбора и анализа данных. Полученные данные показали, что большинство сайтов электронного правительства являются конфиденциальными и безопасными, однако только менее половины четко заявили о принятых мерах безопасности.

Модель электронного правительства, реализации и диффузии была создана в Китае¹¹. Авторы современных исследований Ву и Гуо провели анализ работы 31 сайта электронного правительства провинций Китая с применением методов DEA¹². Данный метод предполагает оценку эффективности электронного правительства в отдельных провинциях и в разных регионах, а также сравнение полученных результатов. Авторы пришли к выводу, что в менее развитых западных провинциях Китая система работает более эффективно, чем в восточных и центральных провинциях.

Модель реализации государства 3.0 была разработана и применена в Корее¹³. Кроме того, концепция интернет-услуг на основе межведомственного взаимодействия была описана российскими исследователями.¹⁴

Р. Хиль-Гарсия и Т. Пардо систематизировали основные задачи электронного правительства и разделили их на 5 групп:

- информация и данные (качество информации, динамичность информационных потребностей);
- информационные технологии (простота использования, безопасность, несовместимость, сложность, технические навыки, технологии, новизна);
- организация и управление (размер проекта, управленческое отношение и поведение, разнообразие пользователей, устойчивость к переменам и конфликтам и т.п.);
- регулирование (принятие законов, годовые бюджеты, межбюджетные отношения);
- ведомственные и внешние задачи (проблемы конфиденциальности, автономии, политические факторы, социальные, экономические и демографические условия)¹⁵.

11 Chen, A., Pan, S., Zhang, J., Huang, W., and Zhu, S. Managing e-government implementation in China: A process perspective // Information and Management, Vol.46, Is.4, 2009. Pp.203-212.

12 Wu, J., and Guo D. Measuring E-government performance of provincial government website in China with slacks-based efficiency measurement // Technological Forecasting and Social Change. 2015.

13 Nam, T. Government 3.0 in Korea: Fad or Fashion? // Proceedings of the 7th International Conference on Theory and Practice of Electronic Governance, ACM Press, 2013. Pp. 46-55

14 Styrin, E., and Zhulin, A. Interagency collaboration in providing public services in Russia: a legal perspective // Proceedings of the 6th International Conference on Theory and Practice of Electronic Governance, ICEGOV 2012. ACM Press, 2012. Pp. 487-488.

15 Gil-Garcia, R., and Pardo, T. E-government success factors: Mapping practical tools to theoretical foundations // Government Information

7 Rorissa, A., and Demissie, D. An Analysis of African E-Government services websites // Government Information Quarterly, Vol. 27 (2), 2010. Pp. 161-169

8 Ibid.

9 Huang Z., and Benyoncef M. Usability and credibility of e-government websites // Government Information Quarterly, V.31 (4), 2014. Pp.584-595.

10 Zhao J. J., and Zhao S. Y. Opportunities and threats: A security assessment of state e-government websites // Government Information Quarterly, Vol.27 (1), 2010. Pp. 49-56.

При анализе перспектив будущего развития, авторы говорят о возможности соединения науки и практики¹⁶, радикальной адаптации на цифровой мир¹⁷, систематизации и объединении электронного правительства, политической воли и ориентиров центральных и местных планов¹⁸, создании руководящих принципов для работы на местном уровне, проектов, ориентированных на пользователей, появлении сильного руководства и общего понимания преимуществ электронного правительства¹⁹, а также возможности использования социальных сетей для развития электронного участия граждан²⁰.

К сожалению, пространство Евразийского Экономического союза не подвергалась изучению в качестве комплексной области регионального сотрудничества в рамках электронного правительства. Страны, для которых свойственен единый менталитет, политические тенденции, страны, имеющие общую историю, а также социальный и экономический контексты, могут обеспечить успешное развитие системы электронного правительства, используя совместные ресурсы и стратегии. В то же время, существует недостаток комплексных исследований, что связано с современным уровнем развития электронного правительства в Евразийском Экономическом Союзе, с его результатами, положительным опытом, проблемами и перспективами. В соответствии с новой концепцией регионализма, в данной статье предпринята попытка оценить эти три аспекта с целью устранить существенный пробел в научной литературе.

3. Методология исследования

Методология исследования основана на трех этапах регионализма Ван Лангенхова и Косте²¹. Так как в изучаемой области нет полноценных исследований других ученых, авторы работы использовали данные рейтингов международных организаций и данные, которые удалось получить с помощью экспертных опросов. Рейтинги Организации Объединенных Наций по уровню развития электронного правительства (EGDI) за период 2003-2014 являются количественным источником данных в нашем исследовании. Проанализированная информация помогла выявить приоритеты развития электронного правительства в странах ЕАЭС на основе трех составляющих – инфраструктура ИКТ, интернет-услуги, человеческий капитал и индекс электронного участия.

В данном исследовании был использован инструментарий, разработанный в 2011 году для изучения проблем развития «электронного правительства» в России. Затем, в 2013 году, эта методика была использована для определения ключевых проблем развития «электронного правительства» в странах СНГ. Методология сочетает в себе качественные и количе-

ственные методы, что позволяет сравнить условия развития электронного правительства в странах ЕАЭС с помощью международных источников и выявить проблемы и перспективы развития с помощью экспертного опроса.

Экспертный опрос в данном исследовании использован как источник сбора качественных данных, где особое внимание было уделено проблемам и перспективам развития. Данный проблемно-ориентированный подход также был использован при разработке анкет. Экспертам было предложено выявить проблемы, препятствующие успешному внедрению проектов электронного правительства. Всего в опросе приняло участие восемнадцать экспертов. 60% из них являются представителями стран ЕАЭС и 40% – международные эксперты. Список экспертов был тщательно разработан: в него вошли ученые, которые являются авторами научных публикации по данной тематике, а также членами организаций в сферах ИТ и электронного правительства (например, региональное Содружество в области связи).

Анализ документов является важным методом при оценке перспектив развития электронного правительства в странах ЕАЭС. Анализ состоял из трех частей: 1. Выявление планов ЕАЭС по развитию электронного правительства. 2. Выявление приоритетов развития стран-участниц. 3. Предоставление рекомендаций по развитию электронного правительства.

Исходя из методологии исследования, были сформулированы три исследовательских вопроса:

Вопрос 1. Насколько широко идея электронного правительства разрабатывается в ЕАЭС?

Вопрос 2. С какими проблемами сталкивается развитие электронного правительства в ЕАЭС?

Вопрос 3. Каковы дальнейшие перспективы развития электронного правительства в контексте третьего поколения регионализма?

4. Результаты исследования

Результаты исследования можно разделить на три части. Первая часть ориентирована на сбор количественных данных и анализ позиции стран-участниц ЕАЭС в рейтинге развития электронного правительства EGDI. Во второй части проанализированы результаты экспертного опроса, выделены проблемы развития электронного правительства. Третья часть нацелена на анализ перспектив развития электронного правительства.

4.1 Развитие «электронного правительства»: положительный опыт в странах ЕАЭС

В деле государственного управления и развития государственных услуг с помощью эффективного использования ИКТ страны-участницы ЕАЭС не похожи друг на друга. По данным ООН за 2014 год²², по уровню развития электронного правительства, почти все страны ЕЭС (за исключением Кыргызстана) показали результаты выше, чем в среднем в мире и в Азии, в то время как Российская Федерация и Казахстан достигли средневропейского уровня (рис.1).

Более глубокий анализ суб-индексов рейтинга развития электронного развития EGDI (онлайн сервисы, ИКТ-инфраструктура и человеческий капитал) показал важные результаты и продемонстрировал общие тенденции среди исследуемых стран.

Quarterly, Vol.22, Is. 2, 2005. Pp. 187-216.

16 Ibid.

17 Allen, B., Juillet, L., Paquet, G., and Roy, J. E-Governance & government on-line in Canada: Partnerships, people & prospects // Government Information Quarterly, Vol.18, Is. 2, 2001. Pp. 93-104.

18 Nagi, E., and Hamdan, M. Computerization and e-Government implementation in Jordan: Challenges, obstacles and successes // Government Information Quarterly, Vol.26, Is.4, 2009. Pp. 577-583.

19 Weerakkody, V., El-Haddadeh, R., Sabol, T., Ghoneim, A., and Dzupka, P. E-government implementation strategies in developed and transition economies: A comparative study // Information Journal of Information Management, Vol.32, Is.1, 2012. Pp. 66-74.

20 Zheng, L. Social media in Chinese government: Drivers, challenges and capabilities // Government Information Quarterly, Vol.30, Is. 4, 2013. Pp.369-376.

21 Van Langenhove, L., and Costea, A.-N. The EU as a Global Actor and the Emergence of Third Generation' Regionalism // UNU-CRIS Occasional Papers, 0-2005/ 14, 2005.

22 UN E-Government Survey. 2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://unpan3.un.org/egovkb/en-us/Reports/UN-E-Government-Survey-2014> (дата посещения: 19.04.2016 г.)

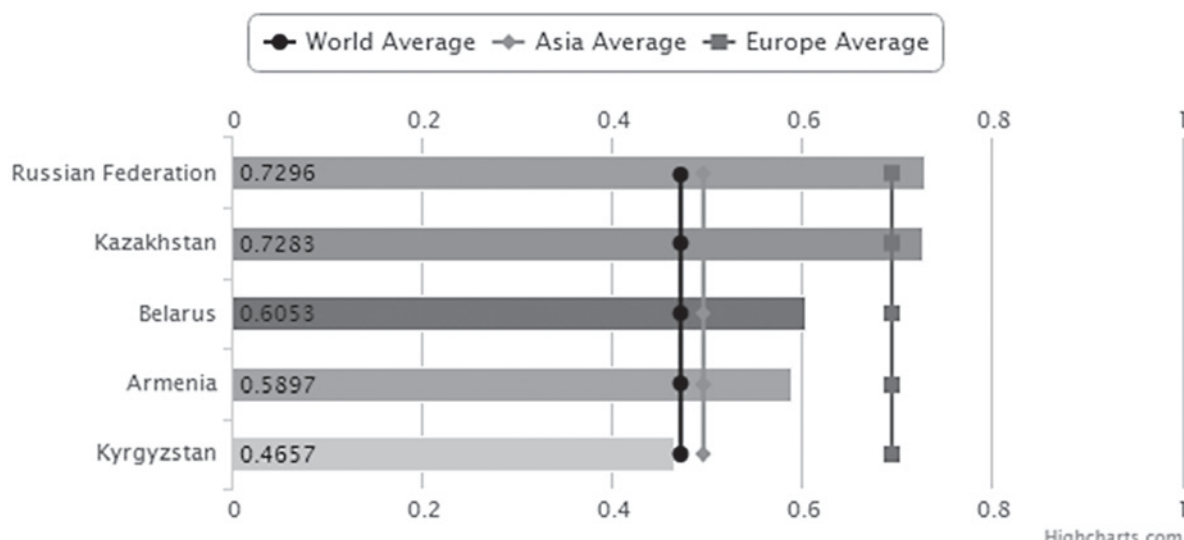

Рисунок 1. Индекс развития электронного правительства в странах ЕАЭС, 2014

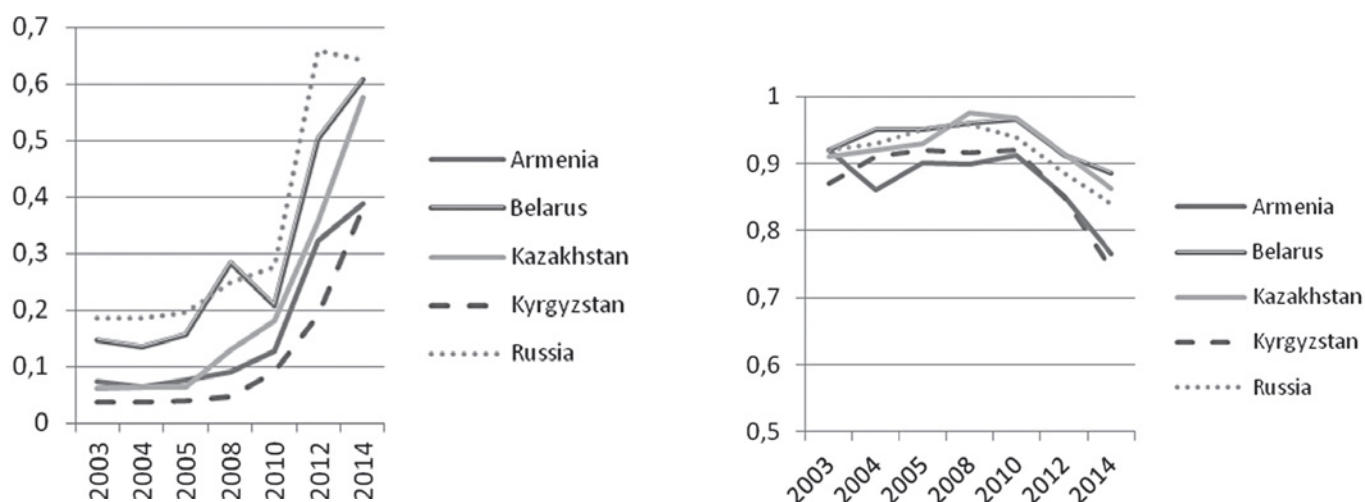

Рисунок 2. Динамика Индекса ИКТ-инфраструктуры (левый график) и Индекса человеческого капитала (правый график) в странах ЕАЭС, 2003-2014

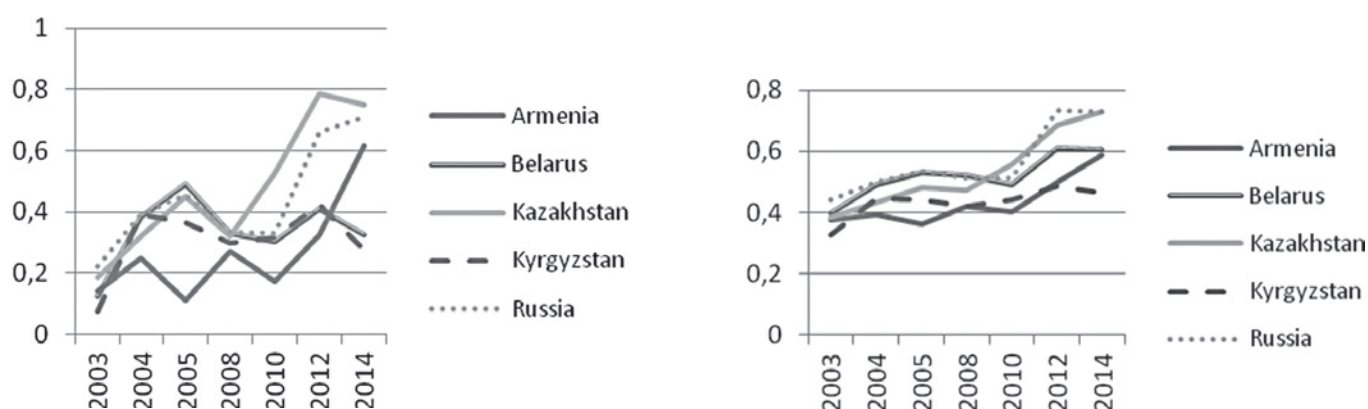

Рисунок 3. Динамика Индекса онлайн-услуг (левый график) и Индекса развития электронного правительства (правый график) в странах ЕАЭС, 2003-2014

В течение последних 11 лет все страны продемонстрировали рост ИКТ-инфраструктуры и снижение показателей индекса развития человеческого капитала (рис.2).

По мнению экспертов ООН, социальное неравенство, экологические проблемы и низкая продолжительность жизни, которые присущие неблагополучным странам, оказывают негативное влияние на развитие человеческого капитала. Например, Россия по-прежнему отстает от развитых стран в сфе-

ре расходов на здравоохранение. Низкая продолжительность жизни является одним из ключевых показателей, который негативно влияет на рейтинг страны. В то же время, за последние четыре года Россия, Казахстан и Армения показали значительный рост в сфере развития онлайн-услуг. Однако, показатели по развитию онлайн-услуг в Беларуси и Кыргызстане наоборот снизились (рис.3). Таким образом, именно суб-индекс развития сервисов онлайн-услуг повлиял на распределение по-

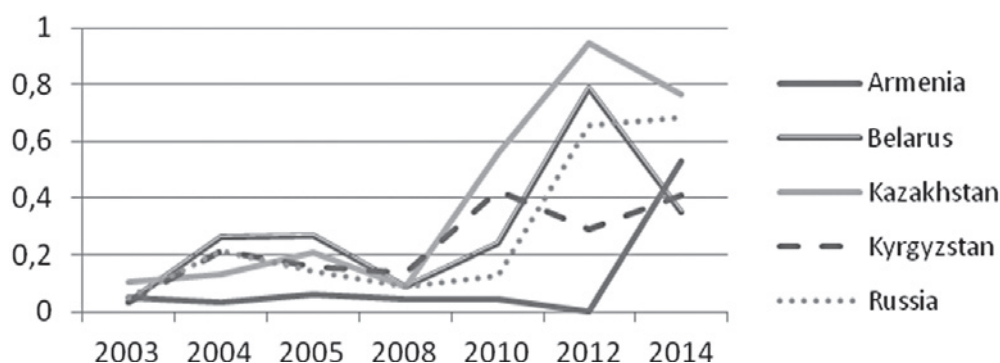

Рисунок 4. Индекс электронного участия в странах ЕАЭС, 2003-2014

казателей индекса электронного правительства в исследуемых странах.

Также следует отметить, что страны ЕАЭС расположены в рейтинге развития электронного правительства EGDI в том порядке, в котором они присоединились к союзу.

Индекс электронного участия не показал таких же положительных результатов. Россия и Казахстан являются лидерами в группе и в данных странах индекс электронного участия выше среднемирового и среднеевропейского уровня. Кыргызстан достиг среднемирового уровня, в то время как Белоруссия сильно снизила свои показатели за последние два года. Армения занимает позицию выше, чем среднемировой уровень развития электронного участия, но оказалась ниже среднеевропейских показателей. Следует отметить, что Казахстан и Белоруссия (которые участвовали в первом интеграционном процессе) показали снижение показателей индекса в течение последних двух лет (что совпадает с началом периода активной евразийской интеграции).

4.2 Ключевые показатели развития «электронного правительства»: проблемы развития в ЕАЭС

Экспертный опрос проводился с целью выявления причины положительных результатов и негативного опыта в области развития электронного правительства стран ЕАЭС.

Экспертам было предложено оценить список проблем развития электронного правительства с целью выявления наиболее актуальных и важных. Эксперты имели возможность отметить каждую проблему по степени важности по шкале от 1 до 5 (где 5 – это максимальная оценка). График ранжирования данных проблем на основе экспертных мнений можно увидеть на рис.5. Также был проведен сравнительный анализ ответов экспертов с данными опроса, проведенного в 2012 году в странах СНГ, который был основан на аналогичной методике.

Проблема отсутствия мотивации среди государственных служащих является наиболее важной при развитии электронного правительства. Эксперты отметили проблему параллельного существования электронного и бумажного документооборота, которая снижает эффективность проектов электронного правительства. Проблемы низкой компьютерной грамотности и неспособность ведения проектов заняли второе место у экспертов. Третье место заняли проблемы недостатка квалификации среди государственных служащих и отсутствие мотивации у граждан.

Следует отметить, что вышеперечисленным проблемам эксперты ставили низкие оценки, что косвенно свидетельствует о постепенном преодолении этих барьеров. В то же время, проблемы связанные с человеческим капиталом и готовностью к использованию новых технологий до сих пор остаются наиболее актуальными. Помимо предлагаемых в

списке проблем, эксперты также выделили другие проблемы, которые имеют важное значение с их точки зрения. К ним относятся: политическая коррупция, отсутствие согласованных действий в рамках страны и отсутствие должного образования.

Открытие правительственных данных стало одной из ключевых тем в развитии электронного правительства, и эксперты ООН включили данный показатель в рейтинг развития электронного правительства EGDI 2014. По этой причине в наше исследование также были включены вопросы на тему открытых правительственных данных (ОД). Экспертам было предложено проанализировать процесс открытия данных, через который прошли их страны.

Эксперты отметили отсутствие прогресса в данном процессе и связали это с господством формального подхода в области отбора и публикации данных (67%). Эксперты также отметили неготовность государственных служащих к открытию правительственных данных, так как они не заинтересованы в этом процессе. Предполагается, что все требуемые данные можно извлекать из внутренних информационных систем.

Таким образом, с помощью экспертного опроса были выявлены наиболее важные факторы, влияющие на развитие электронного правительства в ЕАЭС. К таким факторам относятся: человеческий капитал, социально-экономические факторы, организационный потенциал, инвестиционная политика, а так же законодательство стран.

4.3. Перспективы развития электронного правительства в ЕАЭС

Анализ перспектив развития электронного правительства был выполнен с ориентиром на планы и приоритеты развития стран-участниц ЕАЭС. Авторами была проанализирована нормативная база ЕАЭС (<https://docs.eaeunion.org>), где было найдено 908 документов, принятых за 2014 год. Из данных документов 9 имеют отношение к теме электронного правительства. Следует отметить, что в процессе поиска не было найдено документов, которые были непосредственно ориентированы на проекты электронного правительства. Однако, принцип «одного окна», форматы таможенной документации и развитие евразийских технологических платформ были кратко затронуты в некоторых из них.

Согласно соглашению о создании ЕАЭС (2014), были выделены следующие направления, связанные с исследуемой темой:

- информационное взаимодействие;
- государственные и муниципальные закупки;
- интегрированная информационная система внешней торговли;

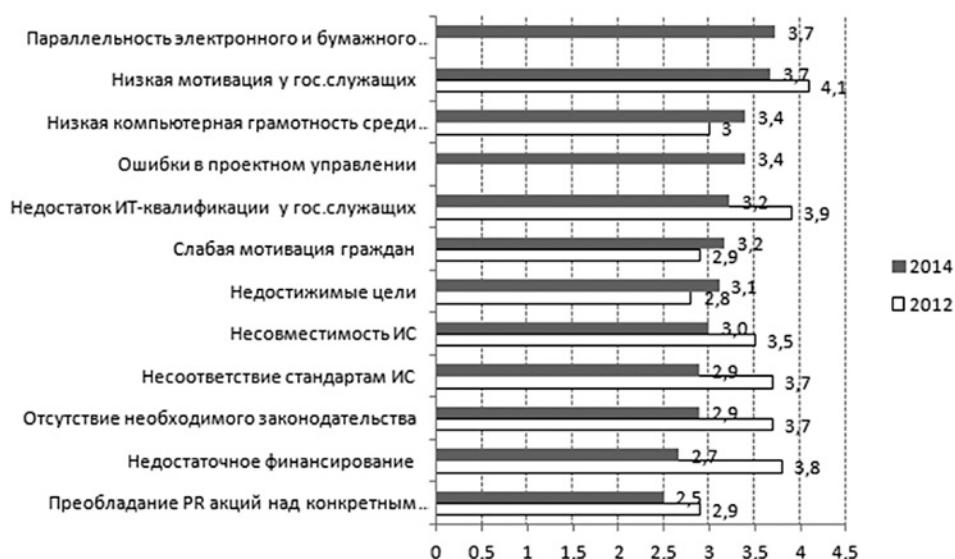

Рисунок 5. Вызовы развитию электронного правительства в странах ЕАЭС, 2012, 2014 гг.

– естественные монополии на телекоммуникационные услуги²³.

Наиболее подробным документом по исследуемой проблематике является «План мероприятий по реализации основных направлений развития механизма «единого окна» в системе регулирования внешнеэкономической деятельности»²⁴. Из анализа документов ЕАЭС можно сделать вывод, что вопрос развития электронного правительства пока еще не является ключевым аспектом во взаимоотношениях стран ЕАЭС. Это заключение доказывает преобладание тенденций экономического регионализма.

Данные, полученные при анализе порталов и официальных документов, позволяют увидеть среди приоритетов развития ИКТ и телекоммуникаций²⁵, что является положительным фактором для дальнейших совместных действий и последующих результатов развития электронного правительства. Это также указывает на возможность перехода процесса регионализма на второй этап.

Перспективы развития электронного правительства в странах ЕАЭС зависят от совместных усилий и успеха стратегий, существующих в разных сферах.

Исследование не выявило существующих на данный момент примеров сотрудничества в области развития электронного правительства. Однако, были найдены доказательства наличия планов развития системы «одного окна» в рамках ЕАЭС. Успешный опыт международного сотрудничества указывает на внедрение данных проектов и необходимость единого плана действий. Данный план может быть разработан и принят аналогично разработанному механизму системы «одного окна».

Совместные и согласованные усилия стран-участниц ЕАЭС в сфере изменения институциональных и внешних факторов дадут повод для создания общих ценностей. Все эти факторы способствуют развитию третьего этапа регионализма.

5. Выводы и перспективы дальнейших исследований

Исследование показало высокую заинтересованность стран ЕАЭС в развитии проектов электронного правительства, а также некоторый прогресс в развитие данной сферы. Проблемы развития связаны в первую очередь с тем, что государственные программы в последние годы были ориентированы на разработку онлайн-сервисов внутри конкретной страны. В то же время, индексы человеческого капитала и человеческого потенциала нуждаются в дальнейшем развитии.

Сочетание количественных и качественных методов, использованных в исследовании, позволили получить данные, которые продемонстрировали общий характер развития электронного правительства среди стран-участниц ЕАЭС. Основной акцент сделан на ИКТ и онлайн-сервисы. Недостаточное внимание уделено человеческому капиталу и электронному участию.

Экспертами были предложены следующие решения:

- создание платформы для обмена знаниями и опытом;
- проведение совместных образовательных программ для граждан и государственных служащих с привлечением международных экспертов и использованием лучших международных практик;
- определение стратегии совместного регулирования в области развития проектов электронного правительства и электронного участия;
- необходимость взаимовыгодного обмена научно-технической информацией;
- проведение ежегодных международных мероприятий по развитию «электронного правительства» в Евразийском регионе.

Пилотное исследование, представленное в настоящей статье, помимо основных результатов, позволило вычлнить и недостатки традиционных методов получения данных о таком сложном социотехническом явлении как электронное правительство. Высокие трудозатраты социологических методов не позволяют получать картину этого явления в режиме реального времени. На основе промежуточных результатов серии

23 Agreement on EEU Establishment (2014) (https://docs.eaeunion.org/sites/storageo/Lists/Documents/a089f4c6-02da-4461-b033-3f5d122e0020/e57db9f2-9589-4b26-be1e-b1a43862c6ed_635375701449140007.pdf) (дата посещения: 19.04.2016 г.)

24 План мероприятий по реализации основных направлений развития механизма «единого окна» в системе регулирования внешнеэкономической деятельности. 2015. (https://www.eurasiancommission.org/ru/act/tam_sotr/Documents/ПланЕО-2015-2020.docx) (дата посещения: 19.04.2016 г.)

25 Key Priorities of EEU Members National Economies. 2015. (<http://www.eaeunion.org/?lang=en#about-countries>) (дата посещения: 19.04.2016 г.)

научных проектов, в рамках которых осуществляется проработка и опробование автоматизированного инструментария мониторинга и оценки различных компонентов электронного правительства и электронного участия, можно вычленил перспективные направления и методы исследований применительно к рассматриваемой теме:

- автоматизированный контент-анализ публикаций в средствах массовой информации стран ЕАЭС (выявление динамики и текущего состояния дискурса относительно тематики, связанной с развитием электронных услуг и электронным участием);

- исследования дискуссий в социальных сетях относительно реализации одной из важных функций госорганов – оказания государственных услуг в электронной форме;

- применение методов компьютерной лингвистики и онтологического подхода при изучении дискурса в социальных сетях и сетевых СМИ, относительно качества государственного управления и оказания услуг населению.

Авторы полагают, что предлагаемые мероприятия и исследования должны быть организованы с помощью совместно разработанной программы действий. Эта программа должна иметь в основе международные стандарты и опираться на опыт международных практик в области планирования организационной деятельности.

Работа подготовлена при частичной финансовой поддержке гранта РГНФ (проект «Электронное управление в процессах евразийской экономической интеграции: структура и основные модели», № 15-03-00715) и НИР №415825, Университет ИТМО.

Пристатейный библиографический список

- Болгов Р. В., Зиновьева Е. С., Карачай В. А. Развитие информационного общества в странах Таможенного союза: правовые аспекты // *Управленческое консультирование*. 2015. № 1 (73). С. 41–50.
- План мероприятий по реализации основных направлений развития механизма «единого окна» в системе регулирования внешнеэкономической деятельности. 2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: (https://www.eurasiancommission.org/ru/act/tam_sotr/Documents/ПланЕО-2015-2020.docx)
- Фархутдинов И. З. Евразийское правовое пространство: проблемы и пути их преодоления // *Евразийский юридический журнал*. 2009. № 5 (12). С. 4-6.
- Agreement on EEU Establishment (2014) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/sites/storage0/Lists/Documents/a089f4c6-02da-4461-b033-3f5d122e0020/e57db9f2-9589-4b26-be1e-b1a43862c6ed_635375701449140007.pdf
- Allen, B., Juillet, L., Paquet, G., and Roy, J. E-Governance & government on-line in Canada: Partnerships, people & prospects // *Government Information Quarterly*, Vol.18, Is. 2, 2001. Pp.93-104.
- Bershadskaya, L., Chugunov, A., Dzhushupova, Z. Understanding E-Government Development Barriers in CIS Countries and Exploring Mechanisms for Regional Cooperation // *Technology-Enabled Innovation for Democracy, Government and Governance*. Springer Edition. 2013. Pp. 87-101.
- Chen, A., Pan, S., Zhang, J., Huang, W., and Zhu, S. Managing e-government implementation in China: A process perspective // *Information and Management*, Vol.46, Is.4, 2009. Pp.203-212.
- Gil-Garcia, R., and Pardo, T. E-government success factors: Mapping practical tools to theoretical foundations // *Government Information Quarterly*, Vol.22, Is. 2, 2005. Pp.187--216.
- Huang, Z., and Benyoncef, M. Usability and credibility of e-government websites // *Government Information Quarterly*, V.31 (4), 2014. Pp. 584-595.
- Janssen, D., Rotthier, S., and Snijkers, K. If you measure it they will score: An assessment of international e-Government benchmarking // *Information Polity*, Vol. 9, 2004. Pp. 121-130.
- Key Priorities of EEU Members National Economies (2015). (<http://www.eaeunion.org/?lang=en#about-countries>).
- Misnikov, Y. E. Participation as a process and practice: What METEP can measure, why and how? // *UNDESA High-level Meeting*, 24-26 July, 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://workspace.unpan.org/sites/Internet/Documents/UNPAN90456.pdf>
- Nagi, E., and Hamdan, M. Computerization and e-Government implementation in Jordan: Challenges, obstacles and successes // *Government Information Quarterly*, Vol.26, Is.4, 2009. Pp.577-583.
- Nam, T. Government 3.0 in Korea: Fad or Fashion? // *Proceedings of the 7th International Conference on Theory and Practice of Electronic Governance*, ACM Press, 2013. Pp. 46-55.
- Rorissa, A., and Demissie, D. An Analysis of African E-Government services websites // *Government Information Quarterly*, Vol. 27 (2), 2010. Pp. 161-169
- Styrin, E., and Zhulin, A. Interagency collaboration in providing public services in Russia: a legal perspective // *Proceedings of the 6th International Conference on Theory and Practice of Electronic Governance, ICEGOV 2012*. ACM Press, 2012. Pp. 487-488.
- UN E-Government Survey. 2014. (<http://unpan3.un.org/egovkb/en-us/Reports/UN-E-Government-Survey-2014>)
- Van Langenhove, L., and Costea, A.-N. The EU as a Global Actor and the Emergence of Third Generation' Regionalism // *UNU-CRIS Occasional Papers*, 0–2005/ 14, 2005.
- Waseda – IAC 10th International E-Government Ranking. 2014. (http://www.e-gov.waseda.ac.jp/pdf/2014_E-Gov_Press_Release.pdf)
- Weerakkody, V., El-Haddadeh, R., Sabol, T., Ghoneim, A., and Dzapka, P. E-government implementation strategies in developed and transition economies: A comparative study // *Information Journal of Information Management*, Vol.32, Is.1, 2012. Pp. 66-74.
- Wu, J., and Guo D. Measuring E-government performance of provincial government website in China with slacks-based efficiency measurement // *Technological Forecasting and Social Change*. 2015.
- Zheng, L. Social media in Chinese government: Drivers, challenges and capabilities // *Government Information Quarterly*, Vol.30, Is. 4, 2013. Pp. 369-376.
- Zhao, J.J., and Zhao, S.Y. Opportunities and threats: A security assessment of state e-government websites // *Government Information Quarterly*, Vol.27 (1), 2010. Pp. 49-56.

БОЛГОВ Радомир Викторович

кандидат политических наук, доцент кафедры мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета

КАРАЧАЙ Виталина Анатольевна

кандидат политических наук, научный сотрудник Центра технологий электронного правительства Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики

ПРОЕКТЫ ЭЛЕКТРОННОГО УЧАСТИЯ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ЭЛЕКТРОННОГО УПРАВЛЕНИЯ СТРАН ЕАЭС

В статье приведены предварительные результаты сравнительного исследования развития проектов электронного участия в контексте институциональной структуры электронного управления государств-членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Было проведено обследование 1) правовой базы электронного управления и электронного участия; 2) институтов электронного управления и кадрового потенциала; 3) инструментов общественного участия. В дальнейших исследованиях планируется разработать методологию мониторинга электронного участия в странах Евразийского экономического союза, а также изучить вопрос об эффективности институтов электронного управления в данном регионе.

Ключевые слова: электронное управление, электронное участие, информационные и коммуникационные технологии (ИКТ), институциональная структура, вовлечение граждан, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), евразийская интеграция.

BOLGOV Radomir Viktorovich

Ph.D. in political sciences, associate professor of World Policy sub-faculty of the Saint-Petersburg State University

KARACHAY Vitalina Anatoljevna

Ph.D. in political sciences, scientific researcher of the e-Governance Center of the Saint Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics

E-PARTICIPATION PROJECTS WITHIN E-GOVERNANCE INSTITUTIONAL STRUCTURE OF EURASIAN ECONOMIC UNION COUNTRIES

The paper focuses on the preliminary results of the comparative research of e-participation projects within the e-governance institutional structure in the Eurasian Economic Union (EAEU) states. The authors explore 1) legal basis of e-governance and e-participation; 2) e-governance institutions and stuff; 3) public participation instruments. In future the methodology of e-participation monitoring in the countries of the Eurasian Economic Union is planned to be elaborated, and the issue of e-governance institutions effectiveness in EAEU region is expected to be examined.

Keywords: Electronic governance, electronic participation, information and communication technologies (ICT), institutional structure, citizen engagement, Eurasian Economic Union (EAEU), Eurasian integration.

Введение

21 декабря 2015 г. на заседании Высшего Евразийского экономического совета было одобрено решение о формировании нового направления в рамках деятельности Коллегии Евразийской экономической комиссии - внутренних рынков, информатизации, информационных и коммуникационных технологий (ИКТ). Решение вступило в силу с февраля 2016 года.

Карине Минасян (Армения) была назначена ответственной за вопросы информатизации, ИКТ, информационного взаимодействия, а также функционирование внутренних рынков. Таким образом, членами ЕАЭС была подчеркнута важность формирования общей цифровой повестки дня.¹

¹ Главы ЕАЭС утвердили новый состав коллегии ЕЭК. Официальный сайт ЕЭК, 22.12.2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/22-12-2015-5.aspx> (дата посещения: 28.07.2016 г.)

Болгов Р. В.

Карачай В. А.

Внедрение и развитие инструментов электронного участия позволяет привлечь различные группы граждан в государственной политике и содействовать созданию новых эффективных форм взаимодействия между гражданами и государством посредством двустороннего обмена информацией.

Таким образом, представляется перспективным анализ возможностей и перспектив электронных услуг, обеспечивающих электронное взаимодействие между гражданами и государственными органами, оценка новых механизмов обратной связи, определение наиболее востребованных услуг с помощью анализа соответствующих петиций.

Стоит отметить, что технологии электронного управления могут быть использованы не только для создания инвестиционной привлекательности регионов и страны, а также улучшение качества жизни, но и для достижения целей в области успешной интеграции и опережающего развития. Таким образом, важно исследовать национальную специфику внедрения информационных технологий и разработать реко-

мендации для общего развития электронного управления в евразийском регионе.

Целью данной работы является определение специфики текущего развития электронного участия в странах ЕАЭС в контексте формирования институциональной структуры электронного управления.

1. Обзор литературы

ЕАЭС стал воплощением идеи единого экономического пространства. В настоящее время обсуждается ряд экономических и правовых² вопросов, связанных с этой темой. Проблема развития электронного управления в странах постсоветского пространства, в том числе в странах ЕАЭС, рассматривается в качестве ключевого компонента информационного общества. Согласно исследованиям, основным препятствием для развития информационного общества в переходных странах является низкий уровень демократии³, низкий уровень экономического развития⁴. Развитие электронного управления в странах ЕАЭС анализируют Д. Марушка и М. Абламейко⁵, Г. Юнусбекова⁶, Т. Пардо и Е. Стырин.⁷

Правовые аспекты развития информационного общества и сравнительный анализ внедрения электронного управления в странах-членах ЕАЭС приведен в работах В. Карачай и Р. Болгова⁸. Вопрос измерения и оценки социально-экономических и политических последствий электронного управления, включая влияние электронного участия и открытых данных, изучается в работе Ю. Мисникова⁹. А. Сидеридис и др. изучают вопрос об интеллектуальных системах для электронного управления в рамках приграничного сотрудничества¹¹. Кол-

лектив авторов анализирует перспективы и подходы к электронной идентификации граждан.¹²

Однако, несмотря на развитие отдельных аспектов электронного управления в евразийском регионе, отсутствуют комплексные сравнительные исследования, касающиеся вопросов электронного участия в рамках электронного управления в странах ЕАЭС. Данное предварительное исследование направлено на восполнение пробела в этой области.

2. Методология исследования

В данной статье представлены предварительные результаты сравнения проектов электронного участия в контексте институциональной структуры электронного управления стран-членов ЕАЭС. Для проведения исследования мы используем метод структурного анализа политики¹³, что позволяет анализировать различные уровни электронного управления системы принятия решений в определенной политической структуре, состоящей из элементов и связей между ними.

Для изучения развития проектов электронного участия в государствах ЕАЭС было проведено обследование 1) правовой базы электронного управления и электронного участия; 2) институтов электронного управления и кадрового потенциала; 3) инструментов общественного участия. Кроме того, руководствуясь методологией измерения и оценки электронного участия (МЕТЕР), разработанной Отделом государственного управления и управления развитием (DPADM) ЮНДЕСА, для изучения продвижения успешных технологий электронного участия в странах ЕАЭС, мы стремились определить барьеры для участия граждан в публичном процессе; изучить эффективные инструменты общественного участия; проанализировать потенциал для оценки прогресса электронного участия¹⁴.

3. Оценка ООН электронного участия в странах ЕАЭС

Инструменты электронного участия могут влиять на характер управления, сделать его более прозрачным. Кроме того, развитие механизмов электронного управления может способствовать расширению возможностей для участия граждан в государственной политике.

Уровень зрелости электронного управления может частично характеризоваться положением государства в соответствующих международных рейтингах. Индекс развития электронного правительства ООН высчитывается для каждой страны путем усреднения результатов трех показателей: уровень развития электронных услуг, инфраструктуры и человеческого капитала. Индекс электронного участия оценивается отдельно, и его показатели влияют на индекс развития электронного правительства. Индекс электронного участия направлен на оценку уровня сотрудничества между государством и гражданами с использованием инструментов Web 2.0: блоги, социальные сети, мобильная связь и т.д.

Рисунок 1. демонстрирует динамику позиций стран ЕАЭС (Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана и России) в электронном участии¹⁵. Таким образом, стоит отметить

2 Фархутдинов И. З. Евразийское правовое пространство: проблемы и пути их преодоления // Евразийский юридический журнал. 2009. № 5(12). С. 4-6.

3 Astrom, J., Karlsson, M., Linde, J., Pirannejad, A. Understanding the rise of e-participation in nondemocracies: Domestic and international factors // *Government Information Quarterly*, Vol. 29 (2), 2012. Pp. 142-150.

4 Bershadskaaya, L., Chugunov, A., Dzhusupova, Z. Understanding E-Government Development Barriers in CIS Countries and Exploring Mechanisms for Regional Cooperation // 2nd Joint International Conference on Electronic Government and the Information Systems Perspective, and International Conference on Electronic Democracy. 2013. Pp. 87-101.

5 Marushka, D., Ablameyko, M. Belarus and the Baltic states: Comparison study on e-Government development results // 7th International Conference on Theory and Practice of Electronic Governance, ICEGOV 2013. Pp. 382-383.

6 Junusbekova, G. A. Electronic Government in Republic of Kazakhstan as a Way to Improve State Government System // *Life Science Journal*, vol. 10(4), 2013. Pp. 1353-1360.

7 Pardo, T., Styryn, E. Digital government implementation: A comparative study in USA and Russia // 16th Americas Conference on Information Systems, AMCIS, 2010, Vol. 5. Pp. 3815-3824.

8 Bolgov R., Karachay V., Zinovieva E. Information Society Development in Eurasian Economic Union Countries: Legal Aspects // *ACM International Conference Proceeding Series*, 8th International Conference on Theory and Practice of Electronic Governance (ICEGOV 2014). N.Y.: ACM Press, 2014. Pp. 387-390.

9 Karachay V., Bolgov R. An Overview of the e-Governance Development in the Eurasian Economic Union (EAEU) Countries: the Case of Russia // *ACM International Conference Proceeding Series*, Electronic Governance and Open Society: Challenges in Eurasia. Proceedings of the International Conference, EGOSE 2015, November, 24-25, 2015, St. Petersburg, Russia. Pp. 59-65.

10 Misnikov, Y. E-Participation as a process and practice: What METEP can measure, why and how? UNDESA, 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://workspace.unpan.org/sites/Internet/Documents/UNPAN90456.pdf> (дата посещения: 28.07.2016 г.)

11 Sideridis, A. B., Protopappas, L., Tsiafoulis, S., Pimenidis, E. Smart cross-border e-gov systems and applications // *Communications in Computer and Information Science*, Vol. 570, 2015. Pp. 151-165.

12 Болгов Р. В., Мисников Ю. Г., Филатова О. Г., Чугунов А. В. Системы электронной идентификации граждан в сравнительной перспективе // *Межотраслевая информационная служба*. 2015. № 2 (171). С. 71-76.

13 *The Challenges of Theories on Democracy. Elaboration over new Trends in Transitivity*. Boulder, NY, 2000.

14 *Measuring and Evaluating e-Participation (METEP): Assessment of Readiness at the Country Level*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://workspace.unpan.org/sites/Internet/Documents/METEP%20framework_18%20Jul_MOST%20LATEST%20Version.pdf (дата посещения: 28.07.2016 г.)

15 UN E-Government Survey 2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Reports/UN-E-Government-Survey-2016> (дата посещения: 08.08.2016 г.)

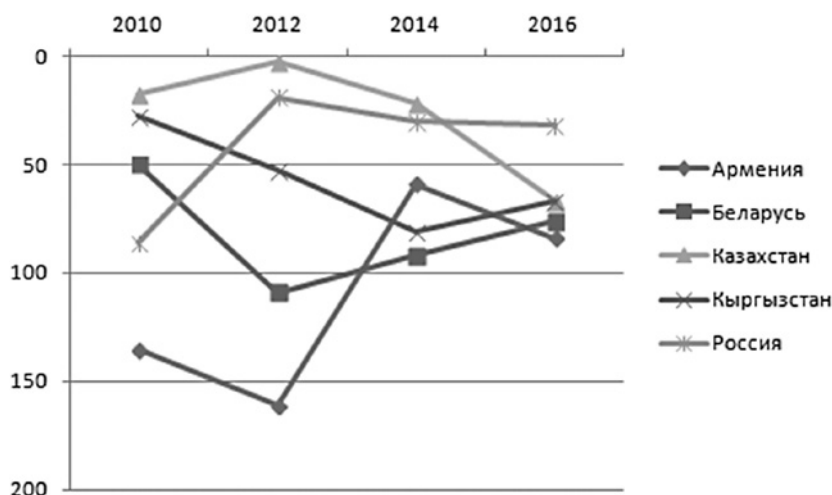

Рисунок 1. Динамика позиций стран ЕАЭС в Индексе электронного участия ООН

значительный прогресс России (с 86-й позиции в 2010 году до 32 в 2016 году), падение показателей Казахстана (с 3-го места в 2012 г. до 67-го в 2016 г.) и сильные колебания показателей Армении (с 135-й позиции в 2010 году до 59-й в 2014 году и падение до 84-й в 2016 г.)

В частности, рост показателей России в 2010-2012 гг. стал возможным благодаря развитию сектора ИКТ и развития электронного управления инфраструктурой, включая разработку веб-сайта правительства и активной презентации в интересах Российской Федерации в рамках сотрудничества с международными организациями. Главным преимуществом стало создание Единого портала государственных услуг.¹⁶

Вообще, стоит отметить, что электронное правительство активно развивается в России в течение последних нескольких лет. 35 % госуслуг в 2014 году было оказано в электронном виде. С начала 2015 года насчитывалось 28,8 млн. посещений общего портала государственных услуг; с момента его запуска было зафиксировано 205 миллионов посещений. Среднесуточное количество посещений за указанный период составляет около 200 тысяч¹⁷.

Таким образом, несмотря на положительную динамику некоторых государств-участников (Беларусь, Кыргызстан) за последние два года в Индексе электронного участия, стоит отметить, что граждане стран-членов Евразийского экономического союза являются скорее пассивными получателями государственных услуг, чем соавторами общественных ценностей. Таким образом, для повышения показателей Индекса государственная политика должна быть направлена на включение граждан в процесс принятия решений.

4. Результаты исследования.

В рамках институциональной структуры электронного управления в Евразийском экономическом союзе

С целью исследования электронного участия в странах ЕАЭС в рамках институциональной инфраструктуры электронного управления были проанализированы нормативно-правовая база электронного управления, ответственные учреждения (институты), а также технологии общественного участия.

4.1. Нормативно-правовая база электронного управления

Нормативная формализация электронного управления и развития электронного участия позволит создать эффективные инструменты вовлечения граждан в государственную политику и процессе принятия решений.

Нормативно-правовая база электронного управления в Армении.

Основными законодательными актами по вопросам электронного управления в Армении являются: Концепция развития сферы информационных технологий (2008 года); Закон об электронной связи; Закон об электронных документах и электронной подписи (2004); Концепция внедрения системы электронного управления в Республике Армения.

Стоит отметить, что законодательство по вопросам развития электронного управления в Армении нуждается в развитии. Так, некоторые законодательные акты утратили свою силу, например, Концепция развития электронного сообщества (25 февраля 2010). Только таким образом можно было бы рассмотреть вопрос о реальном участии граждан в государственной политике с использованием ИКТ-инструментов.

Нормативно-правовая база электронного управления в Беларуси.

Основными законодательными актами по вопросам электронного управления в Беларуси являются: Стратегия развития информационного общества до 2015 года (2010); Национальная программа по развитию в сфере ИКТ (28 марта 2011 г.); Постановление Совета Министров Республики Беларусь об основных электронных услугах (10 февраля 2012 г.); Указ Президента о некоторых вопросах развития информационного общества в Республике Беларусь (8 ноября 2012 года); Закон об электронном документе и электронной подписи (28 декабря 2009 г.); Закон об информации, информатизации и защите информации (10 ноября 2008 г.); «Электронная Беларусь» (2002).

Тем не менее, несмотря на солидную законодательную базу по вопросам электронного управления в Беларуси, главная проблема в реализации электронного управления заключается в формировании срочного концептуальной и законодательной базы для развития электронного взаимодействия между гражданами и государством. Кроме того, стоит оформить законодательно термины «электронное правительство», «электронные услуги», разработать проект закона о доступе граждан к публичной информации.

16 Аксенов А. Международные рейтинги уровня развития ИКТ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://d-russia.ru/mezhdunarodnye-rejtingi-urovnya-razvitiya-ikt.html> (дата посещения: 28.07.2016 г.)

17 Россия и Кыргызстан активизируют сотрудничество в области электронного правительства. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://minsvyaz.ru/ru/events/33432/> (дата посещения: 28.07.2016 г.)

Таблица 1.
Приоритеты развития информационного общества (в стратегиях и программах стран ЕАЭС)

Приоритеты	Страны				
	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
Электронное правительство	С	С, П	П	С	С, П
Электронное образование		С, П			
Электронное здравоохранение		С, П			С
ИКТ-инфраструктура	С	С	П	С	С
Информационная безопасность	С	П		С	С

Нормативно-правовая база электронного управления в Казахстане.

Основными законодательными актами по вопросам электронного управления в Казахстане являются: Закон об информатизации (11 января 2007 г.); Закон о внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты, касающиеся электронного правительства и вопросов мобильного правительства (июль, 2014); Закон об электронных документах и электронной подписи; Государственная программа «Информационный Казахстан - 2020».

Таким образом, развитие электронного управления в Казахстане поддерживается существенной нормативной базой. Тем не менее, основная проблема в реализации электронного управления заключается в отсутствии критической массы граждан, которые готовы пользоваться услугами электронного управления. Граждане недостаточно заинтересованы в участии в проектах электронного управления.

Нормативно-правовая база электронного управления в Кыргызстане.

Основными нормативными документами по развитию электронного управления в Кыргызстане являются: Программа развития ИКТ (8 ноября 2001 г.); «ИКТ для развития Кыргызской Республики» Национальная стратегия (2002); Закон об информатизации (1999); Программа по развитию электронного правительства (2013-2017 годы).

Стоит отметить, что Кыргызстан находится на начальном этапе развития электронного управления. Реализация будущих проектов электронного управления будет регулироваться национальной программой «Электронный Кыргызстан 2020-2025». В рамках этой программы будет создана необходимая ИКТ-инфраструктура.

Нормативно-правовая база электронного управления в России.

Основные законодательные акты по вопросам электронного управления в России следующие: Стратегия развития информационного общества (2008); Государственная программа «Информационное общество» (2011-2020); Федеральный закон «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (27 июля 2010); Указ Президента № 601 (7 мая 2012) «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления».

Важно отметить, что в рамках законодательства Российской Федерации определяются основные ключевые термины, приоритеты и цели информационного общества, ответственные лица, «зоны компетенции». Тем не менее, часто проекты развития электронного управления в России осуществляются вне рамок соответствующих стратегий и программ.

На основании результатов анализа законодательства информационного общества в Армении, Беларуси, Казахстане, Кыргызстане и России, можно увидеть, что в Казахстане и Армении нет стратегии развития информационного общества

(как самостоятельный документ, как те, которые существуют в России, Киргизии и Беларуси). Принимая во внимание централизацию власти в Казахстане и Армении, разумно предположить, что при наличии стратегий уровень развития информационного общества мог бы быть гораздо выше, чем сейчас.

С целью анализа приоритетов развития информационного общества в странах ЕАЕУ, были рассмотрены соответствующие программы и стратегии. В случае, если элемент присутствует в стратегии, мы отмечали его как «С», в случае наличия элемента в Национальной программе мы маркировали его как «П».

Таблица 1 показывает, что электронное правительство и развитие ИКТ-инфраструктуры определены в качестве приоритетных практически во всех программах и стратегиях. В то же время, такие важные компоненты информационного общества как электронная идентификация и регистрации граждан, а также ИКТ в гражданском обществе не упоминаются в программах и стратегиях этих стран, за исключением Кыргызстана.

Таким образом, на основе анализа законодательства по вопросам электронного управления в странах ЕАЭС, стоит отметить общие черты. В частности, все страны имеют общие приоритеты в области развития - связи, ИКТ, цифровой подписи, электронного правительства, информационной безопасности. Эти приоритеты оформлены в соответствующих национальных программах и стратегиях. Тем не менее, вопросы электронной коммерции, развития инструментов электронного участия, электронного обучения и т.д. находятся вне законодательной базы.¹⁸

4.2. Институты электронного управления.

Ситуация в Армении.

Основные государственные органы, ответственные за развитие электронного управления в Армении, следующие:

– Министерство транспорта и коммуникаций (ответственное за разработку и реализацию государственной политики в области связи и информатизации в Армении);

– Министерство экономики (ответственное за реализацию экономической государственной политики в Армении, привлекает инвестиции для инновационных предприятий; поддерживает IT-производителей, способствует региональному сотрудничеству);

– Комиссия по регулированию государственных услуг (ответственная за лицензирование в Республике Армения).

Внедрение ИКТ и создание современной информационно-коммуникационной инфраструктуры являются приоритетными направлениями деятельности правительства Армении.

18 Bolgov R., Karachay V., Zinovieva E. Information Society Development in Eurasian Economic Union Countries: Legal Aspects // ACM International Conference Proceeding Series, 8th International Conference on Theory and Practice of Electronic Governance (ICEGOV 2014). N.Y.: ACM Press, 2014. Pp. 387-390.

Ситуация в Беларуси.

Основными ответственными органами по вопросам развития электронного управления в Республике Беларусь являются Министерство связи и информатизации (Департамент информатизации); Департамент по эксплуатации информационных систем «Национальный центр электронных услуг»; Институт прикладных программных систем; Ассоциация «Инфопарк».

Стоит отметить, что на текущий момент электронное управление в Беларуси до сих пор не стало инструментом для сотрудничества между государством и гражданами. Необходимо развитие «зрелости» институтов электронного управления, а также разработка соответствующей нормативно-правовой базы.

Ситуация в Казахстане.

Основные органы, ответственные за вопросы развития электронного управления в Республике Казахстан, следующие: Министерство инвестиций и развития (Комитет по связи, информатизации и информации); Национальный оператор в области информационных технологий Республики Казахстан «Национальные информационные технологии»; Центр компетенций электронного правительства; Национальный информационно-коммуникационный холдинг «Зерде»; Национальная компания «Казконтент» (ответственный исполнитель для единой транспортной среды государственных органов Республики Казахстан); «Центр электронной коммерции» (единственный оператор электронных государственных закупок); Международный университет информационных технологий, «Lincompany» (проводит исследования торговли); Департамент по информатизации и защите информационных ресурсов Администрации Президента.

Несмотря на солидную институциональную базу и создание существенной технологической основы для развития проектов электронного управления, специфика развития электронного управления в Казахстане заключается в том, что самые масштабные проекты по внедрению электронного управления были реализованы международными ИТ-компаниями.

Ситуация в Кыргызстане.

Основными ответственными органами по вопросам развития электронного управления в Кыргызской Республике являются: Министерство транспорта и связи (Центр развития ИКТ); Центр электронного управления Правительства Кыргызской Республики (до 2015 года); Совет по ИКТ при Президенте Кыргызстана (несет ответственность за координацию деятельности по определению и разработке стратегических направлений информатизации, телекоммуникации и применения современных ИКТ); Центр общественной информации при Администрации Президента (способствует укреплению прозрачности и подотчетности органов государственной власти к деятельности гражданского общества, подает официальную информацию общественности к гражданам); Фонд «Сорос-Кыргызстан» (отвечает за разработку и реализацию документов по деятельности местных органов власти); Фонд развития ИКТ; Общественный фонд «Информация Прогресс»; Гражданская инициатива «Интернет-политика»; «Кыргызтелеком» (национальный оператор электронного правительства); Ассоциация операторов связи; Ассоциация специалистов ИКТ-сферы. Особенностью здесь является большое число негосударственных и частных инициатив и структур.

В соответствии с повесткой дня правительства, планируется объединить 68 органов государственной власти в общую электронную сеть до 2016 года. Также планируется завершить

формирование необходимой ИКТ-инфраструктуры и осуществить перевод государственных услуг в электронном виде до 2025 года.

Ситуация в России.

Основным органом, ответственным за развитие электронного управления и внедрения в России является Министерство связи и массовых коммуникаций (Департамента развития электронного правительства). Департамент отвечает за региональную информатизацию; предоставление электронных услуг для граждан и бизнеса; развитие инфраструктуры электронного правительства и т.д.

Департамент по координации информатизации Министерства связи и массовых коммуникаций отвечает за методическое обеспечение органов государственной власти по вопросам ИКТ и региональной информатизации. Кроме того, Министерство связи и массовых коммуникаций имеет много консультативных органов, таких как правительственная комиссия по федеральной связи и технологическим вопросам информатизации; Экспертный совет по вопросам использования облачных вычислений; Правительственная комиссия по коммуникациям; Совет по региональной информатизации; Экспертный совет по вопросам развития информационных технологий; Консультативный совет по вопросам развития электронного управления и т.д.

Кроме того, Департамент государственного регулирования в экономике Министерства экономического развития несет ответственность, в частности, по вопросам повышения качества государственных электронных услуг и информационных систем государственного управления; обеспечивает функционирование портала открытых данных data.gov.ru и т.д.

Функции контроля и надзора за СМИ (в том числе в электронном виде), информационные технологии и обработка персональных данных осуществляется Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и средств массовой информации (Роскомнадзор).

Комитет по информационной политике, информационным технологиям и связи Государственной Думы несет ответственность за законодательное регулирование в области информационных технологий и массовых коммуникаций. Департамент информационных технологий и связи Правительства Российской Федерации несет ответственность за разработку и реализацию проектов электронного управления. Кроме того, Временная комиссия по вопросам развития информационного общества Совета Федерации функционирует для обеспечения законодательного регулирования в области развития информационного общества в России.

Для реализации «Открытого правительства» в России существуют специальные органы, ответственные за его реализацию: правительственный Департамент по формированию системы открытого правительства и правительственная Комиссия по координации деятельности открытого правительства (главой Комиссии является Премьер-министр РФ).

Таким образом, общей чертой в институциональной структуре электронного управления во всех странах Евразийского экономического союза является существование специальных учреждений, отвечающих за развитие электронного управления. Трудность большого числа этих учреждений вызывает дублирование функций и рассеивание ответственности в реализации проектов электронного управления.

4.3. Инструменты общественного участия

Развитие электронного управления обеспечивает не только повышение эффективности функционирования органов государственной власти, но и формирование эффективного взаимодействия между гражданами и правительством; улуч-

Таблица 2.
Анализ порталов электронного правительства стран ЕАЭС

Рассмотренные вопросы	Порталы электронного правительства стран ЕАЭС				
	Армения e-gov.am	Беларусь http://portal.gov.by	Казахстан http://egov.kz/wps/portal/index?lang=ru	Кыргызстан http://www.kattar.kg/	Россия https://www.gosuslugi.ru
Архивная информации и базы данных	+	+	+	-	+
Количество языков портала	2	3	3	2	4
Интеграция с социальными медиа	-	-	+	-	-
Механизмы электронных консультаций	+	+	+	+	+
Инструменты получения общественного мнения	-	-	+	+	-
Электронные инструменты принятия решений	-	-	-	-	-

шение доступа граждан к публичной информации; вовлечение граждан в разработку политики, таким образом, эффективное электронное управление является приоритетом развития государства, что облегчает обеспечение прозрачности и подотчетности органов государственной власти.¹⁹

На основе методологии ООН, применяемой при формировании Индекса электронного участия, были рассмотрены порталы электронного правительства каждого государства ЕАЭС: «Электронное правительство Республики Армения» (e-gov.am); «Единый портал электронных услуг» (http://portal.gov.by - Беларусь); «Государственные услуги и информация Онлайн» (http://egov.kz/wps/portal/index?lang=ru - Казахстан); «Портал подачи электронных петиций в органы государственной власти Кыргызстана для граждан» (http://www.kattar.kg/), Единый портал государственных услуг Российской Федерации (https://www.gosuslugi.ru/). Стоит отметить, что портал электронного правительства Кыргызстана находится на сайте электронных петиций.

Были отобраны такие компоненты для анализа и сравнения, как наличие архивной информации (бюджет, законодательство и т.д.) и баз данных в области образования, здравоохранения, труда, окружающей среды, финансов, социального обеспечения; Количество языков портала; Функции социальных сетей; механизмы электронных консультаций; инструменты общественного мнения (интернет-форумы, инструменты для электронных петиций, электронных опросов, электронного голосования); электронные инструменты принятия решений.

На основе анализа электронного правительства порталов стран-членов ЕАЭС, можно сделать вывод, что почти все веб-сайты (кроме портала Кыргызстана) содержат архивную информацию и базы данных по вопросам образования, здравоохранения, труда, окружающей среды, финансы, социального обеспечения. Кроме того, информация на всех порталах представлена, по крайней мере на двух языках (все порталы, кроме портала Кыргызстана, имеют англоязычную версию). Кроме того, можно получить электронные консультации на всех порталах.

Тем не менее, электронные инструменты для принятия решений отсутствуют на всех порталах. Кроме того, большинство порталов не содержат механизмов получения общественного мнения.

Таким образом, к сожалению, порталы электронного правительства в странах-членах ЕАЭС не действуют как инструменты общественного участия.

Стоит отметить, что во всех странах ЕАЭС постепенно развиваются услуги электронного участия. Граждане могут отправить запрос, высказать свое мнение или получить консультацию с помощью соответствующих порталов (например, «Мой город» Беларусь; РосЯма, РосЖКХ, Сердитый гражданин, Общественные платформы для электронных петиций и электронного голосования «Российская общественная инициатива» (РОИ), Petitions247.com, Change.org, OnlinePetition, Democrotor.ru и т.д. (Россия), платформа петиций KzNet (Казахстан); портал «Avaaz.org, GoPetition и т.д.)

Тем не менее, согласно исследованиям проекта «Развитие транзакционного электронного управления» в Армении число пользователей электронными услугами едва достигает 5%. Более того, 95% респондентов заявляют об отсутствии необходимости взаимодействия с государственными органами через ИКТ²⁰. Таким образом, интерес граждан к получению государственных электронных услуг не повышается²¹.

5. Выводы и направления дальнейших исследований

Внедрение электронного управления в странах Евразийского экономического союза предполагает не только повышение эффективности государственного управления, но и развитие эффективного взаимодействия между государством и гражданами; улучшение доступа гражданина к информации и государственных услуг; поощрение участия граждан в процессе принятия государственных решений. Таким образом, вопрос электронного участия является важной и актуальной составляющей информационного общества.

На основе сравнительного анализа развития проектов электронного участия в контексте институциональной структуры электронного управления стран ЕАЭС, стоит отметить, что современные инструменты электронного участия в странах ЕАЭС развиты слабо. Несмотря на то, что целью является обеспечение электронного взаимодействия между гражданами и государством, тем не менее, в настоящее время заявленные цели и задачи некоторых электронных инициатив не поддерживаются их функциональными свойствами.

19 Karachay V., Bolgov R. An Overview of the e-Governance Development in the Eurasian Economic Union (EAEU) Countries: the Case of Russia // ACM International Conference Proceeding Series, Electronic Governance and Open Society: Challenges in Eurasia. Proceedings of the International Conference, EGOSE 2015, November, 24–25, 2015, St. Petersburg, Russia. P. 64.

20 E-Governance Development in Armenia. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ega.ee/project/e-governance-development-in-armenia/> (дата посещения: 28.07.2016 г.)

21 Сединкин М.А. Электронное участие как диалог власти и общества. Дискуссия, №1 (31), 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.journal-discussion.ru/publication.php?id=204> (дата посещения: 28.07.2016 г.)

Анализ законодательства по вопросам электронного управления Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, России показал близость подходов этих стран к развитию информационного общества. В стратегиях, программах и законах отмечены те же цели, они имеют схожие названия. Они были приняты примерно в то же время. Тем не менее, для развития соответствующая законодательная база необходима (в частности, рекомендуется разработать и нормативно формализовать некоторые вопросы электронной коммерции, электронного обучения и т.д.). Это может способствовать сотрудничеству и интеграции в данной сфере.

Можно утверждать, что опыт развития электронного управления в странах-членах ЕАЭС противоречив, не универсален, проекты не всегда скоординированы с основными стратегиями и программами. Следовательно, барьеры в эффективном развитии электронного управления и его институциональная незрелость влияют на общее развитие электронного управления в ЕАЭС. Таким образом, на текущий момент трудно эффективно развивать сотрудничество и интеграцию в регионе в данной сфере.

В результате проведенных исследований, можно сделать вывод о том, что в странах ЕАЭС есть довольно много институтов, ответственных за развитие электронного управления. Трудности вызывает дублирование функций и рассеивание ответственности этих учреждений в проектах электронного управления (в том числе в проектах электронного участия).

Вопросом для будущего исследования может быть вопрос измерения институциональной зрелости электронного управления в странах ЕАЭС. Насколько специфика региона влияет на возможность адаптации для стран ЕАЭС уже существующих методик измерения институциональной зрелости электронного управления? Этот вопрос является весьма противоречивым. В то же время, не существует универсального определения институциональной зрелости и принципов его оценки, что делает этот вопрос дискуссионным и нуждается в большем количестве исследований.

Кроме того, планируется изучить в будущем влияние электронного участия на интеграционные процессы в евразийском регионе.

Работа подготовлена при поддержке гранта РГНФ (проект «Электронное управление в процессах евразийской экономической интеграции: структура и основные модели», № 15-03-00715).

Пристатейный библиографический список

- Аксенов А. Международные рейтинги уровня развития ИКТ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://d-russia.ru/mezhdunarodnye-rejtingi-urovnya-razvitiya-ikt.html>
- Болгов Р. В., Мисников Ю. Г., Филатова О. Г., Чугунов А. В. Системы электронной идентификации граждан в сравнительной перспективе // Межотраслевая информационная служба. 2015. № 2 (171). С. 71-76.
- Главы ЕАЭС утвердили новый состав коллегии ЕЭК. Официальный сайт ЕЭК, 22.12.2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/22-12-2015-5.aspx>
- Россия и Кыргызстан активизируют сотрудничество в области электронного правительства. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://minsvyaz.ru/ru/events/33432/>
- Сединкин М. А. Электронное участие как диалог власти и общества. Дискуссия, №1 (31), 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.journal-dissession.ru/publication.php?id=204>
- Фархутдинов И. З. Евразийское правовое пространство: проблемы и пути их преодоления // Евразийский юридический журнал. 2009. № 5(12). С. 4-6.
- Astrom, J., Karlsson, M., Linde, J., Pirannejad, A. Understanding the rise of e-participation in nondemocracies: Domestic and international factors // Government Information Quarterly, Vol. 29 (2), 2012. Pp. 142-150.
- Bershadszkaya, L., Chugunov, A., Dzhusupova, Z. Understanding E-Government Development Barriers in CIS Countries and Exploring Mechanisms for Regional Cooperation // 2nd Joint International Conference on Electronic Government and the Information Systems Perspective, and International Conference on Electronic Democracy. 2013. Pp. 87–101.
- Bolgov R., Karachay V., Zinovieva E. Information Society Development in Eurasian Economic Union Countries: Legal Aspects // ACM International Conference Proceeding Series, 8th International Conference on Theory and Practice of Electronic Governance (ICEGOV 2014). N.Y.: ACM Press, 2014. Pp. 387-390.
- E-Governance Development in Armenia. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: (<http://ega.ee/project/e-governance-development-in-armenia/>)
- Junusbekova, G. A. Electronic Government in Republic of Kazakhstan as a Way to Improve State Government System // Life Science Journal, vol. 10(4), 2013. Pp. 1353–1360.
- Karachay V., Bolgov R. An Overview of the e-Governance Development in the Eurasian Economic Union (EAEU) Countries: the Case of Russia // ACM International Conference Proceeding Series, Electronic Governance and Open Society: Challenges in Eurasia. Proceedings of the International Conference, EGOSE 2015, November, 24–25, 2015, St. Petersburg, Russia. Pp. 59-65.
- Marushka, D., Ablameyko, M. Belarus and the Baltic states: Comparison study on e- Government development results // 7th International Conference on Theory and Practice of Electronic Governance, ICEGOV 2013. Pp. 382–383.
- Measuring and Evaluating e-Participation (METEP): Assessment of Readiness at the Country Level. (http://workspace.unpan.org/sites/Internet/Documents/METEP%20framework_18%20Jul_MOST%20LATEST%20Version.pdf)
- Misnikov, Y. E-Participation as a process and practice: What METEP can measure, why and how? UNDESA, 2013. (<http://workspace.unpan.org/sites/Internet/Documents/UNPAN90456.pdf>)
- Pardo, T., Styryn, E. Digital government implementation: A comparative study in USA and Russia // 16th Americas Conference on Information Systems, AMCIS, 2010, Vol. 5. Pp. 3815–3824.
- Sideridis, A.B., Protopappas, L., Tsiafoulis, S., Pimenidis, E. Smart cross-border e-gov systems and applications // Communications in Computer and Information Science, Vol. 570, 2015. Pp. 151-165.
- The Challenges of Theories on Democracy. Elaboration over new Trends in Transitology. Boulder, NY, 2000.
- UN E-Government Survey 2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Reports/UN-E-Government-Survey-2016>

ВАСИЛЬЕВ Илья Александрович

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета

СУББОТИНА Анастасия Сергеевна

студент бакалавриата по специальности «Юриспруденция» Санкт-Петербургского государственного университета

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА СПОНСОРСТВА В СФЕРЕ СПОРТА НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются сформулированные в Российской Федерации на законодательном и правоприменительном уровнях подходы к определению правовой природы спонсорства в сфере спорта.

Ключевые слова: спонсорство, спонсорский договор, спонсорский контракт в спорте, благотворительность в спорте.

VASILJEV Ilya Alexandrovich

Ph.D. in Law, associate professor of Theory and History of Law sub-faculty of the Saint Petersburg State University

SUBBOTINA Anastasiya Sergeevna

student of bachelor of the specialty «Jurisprudence» of the Saint-Petersburg State University

SPONSORSHIP CONTRACT LEGAL NATURE: THE RUSSIAN EXPERIENCE

In the article authors define some based on Russian Legal Statutes and Russian Judge Law approaches to clarify a legal basis of the sport sponsorship.

Keywords: sponsorship, sponsorship contract, sponsorship sport contract, charity in the sport.

За рубежом спонсорство в сфере физической культуры и спорта является крупным бизнесом, и получило значительно большее развитие, чем в Российской Федерации. Спонсорские договоры всегда являются основными для конкретной спортивной команды, помимо которых есть дополнительные соглашения на месте проведения спортивного мероприятия, например, размещение рекламных щитов вокруг поля, содержащих название компании, имеющей спонсорский договор с конкретной командой. Помимо этого за рубежом получило популярность так называемое личное спонсорство, разновидность наименее всего развитая в Российской Федерации. В таком виде спонсорства сторонами договора выступают компания-спонсор и конкретный спортсмен, как связанный обязательствами с каким-либо спортивным клубом (командой), так и нет. Проблема регулирования взаимоотношения клубов со спонсорами может возникать и на уровне принятия властных решений спортивными федерациями¹.

В Федеральном законе «О рекламе» от 01.07.2006 № 38-ФЗ используются два определения, связанных со спонсорством: (1) спонсор – лицо, предоставившее средства либо обеспечившее предоставление средств для организации и (или) проведения спортивного, культурного или любого иного мероприятия, создания и (или) трансляции теле- или радиопередачи либо создания и (или) использования иного результата творческой деятельности; (2) спонсорская реклама – реклама, рас-

пространяемая на условия обязательного упоминания в ней об определенном лице как о спонсоре (статья 9). Из данных определений можно сделать вывод о том, что под спонсорством не понимается исключительно реклама в традиционном смысле и понятие спонсорства балансирует между рекламой и благотворительностью. Если спонсор нуждается в рекламных услугах, то это характерный пример спонсорской рекламы, а если нет – спонсорство переходит в категорию благотворительности. Однако в том случае, когда спонсор не желает упоминания о себе как о спонсоре (как того требует спонсорская реклама), но при этом хочет, чтобы информация о его товарах, работах или услугах появилась иным образом (например, в виде логотипа на элементе спортивной одежды), то такое спонсорство все-таки является рекламой и к благотворительности отношения не имеет. В отличие от благотворительности, спонсорская деятельность опирается на категорию возмездности отношений, что предопределяет правила налогообложения. В качестве примера можно привести исчисление налога на добавленную стоимость² или налога на прибыль (Письмо Министерства финансов РФ от 17.01.2013 № 03-03-06/4/5). В контексте балансирования между рекламой и благотворительностью, спонсорство в российском праве совпадает со смыслом аналогичного института в Республике Узбекистан. Так, спонсорство в

Васильев И. А.

Субботина А. С.

1 Васильев И. А. Рассуждения о состоявшихся докладах студенческой межвузовской конференции по спортивному праву «Механизмы обжалования правоприменительных решений национальных спортивных федераций» // Молодой ученый. 2015. № 11-2 (91). – С. 1.

2 Подробнее о проблеме см.: Шеменев С. С. Спонсорство и благотворительность: в чем разница для НДС? // НДС: проблемы и решения. 2015. № 7.

законодательной системе Узбекистана рассматривается как в связи с продвижением рекламы, так и без условия о наличии рекламы (статья 12 Закона Республики Узбекистан «О рекламе» 25.12.1998 № 723-1). В первом случае информация о спонсорах указывается в начале и конце передачи, а рядом с именем (наименованием) спонсора или вместо него может указываться его товарный знак (знак обслуживания).

Действительно, спонсорский платёж, осуществляемый в пользу некоммерческой организации, может напоминать благотворительную помощь, а в качестве встречного предоставления могут не выступать рекламные услуги или иные ярко выраженные действия возмездного характера. Тем не менее, такой платёж будет являться спонсорским, а не благотворительным, если сторона по договору предоставляет что-либо спонсору. Благотворительностью спонсорская помощь может быть признана только в случаях, когда она строго направлена на цели, определенные в статье 2 Федерального закона «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» № 135-ФЗ. Под благотворительной деятельностью в Федеральном законе № 135-ФЗ понимается добровольная деятельность граждан и юридических лиц по бескорыстной (безвозмездной или на льготных условиях) передаче гражданам или юридическим лицам имущества, в том числе денежных средств, бескорыстному выполнению работ, предоставлению услуг, оказанию иной поддержки (статья 1). Как можно заметить, ключевым признаком является бескорытность, в то время как спонсорство напротив не подразумевает бескорыстного вклада в деятельность юридических или физических лиц: спонсируемый должен распространить рекламу о спонсоре или его товарах, а в самой рекламе, осуществляемой на условиях такого спонсорского вклада, должны быть указаны наименование либо спонсора, либо его товаров. На этом признаке выстраивается основное различие между благотворительностью и спонсорством. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в рассматриваемом аспекте благотворительность выражается в форме социальной рекламы, а спонсорство – рекламы в ее традиционном понимании. Однако, такое, характерное для российского права разграничение не является единственно возможным. Например, в Республике Беларусь спонсорством признается оказание организациями, индивидуальным предпринимателям, иным физическим лицам республики безвозмездной (спонсорской) помощи в виде денежных средств, в том числе в иностранной валюте, товаров (имущества), работ, услуг, имущественных прав, включая исключительные права на объекты интеллектуальной собственности (пункт 1 Указа Президента Республики Беларусь от 01.07.2005 № 300 «О предоставлении и использовании безвозмездной (спонсорской) помощи»). При этом такая цель спонсорства, как реклама продукции и ее производителя либо повышение интереса потенциальных потребителей данными законами просто не предусмотрена. Противоположный законодательный подход к регулированию смысла спонсорства представлен в Республике Казахстан и Республике Таджикистан. Спонсорской деятельностью в Казахстане признаётся благотворительная помощь на условиях популяризации имени спонсора в соответствии с законами Республики Казахстан и международными договорами Республики Казахстан (пункт 1 статьи 1 Закон Республики Казахстан от 16.11.2005 № 402-V «О благотворительности»). В Республике Таджикистан спонсорство представляет собой осуществление физическим или юридическим лицом (спонсором) вклада (в виде предоставления имущества, результатов интеллектуальной деятельности, оказания услуг, проведения работ) в деятельность другого фи-

зического или юридического лица (спонсируемого) на условиях распространения спонсируемой рекламы о спонсоре, его товарах; спонсорский вклад признается платой за рекламу, а спонсор и спонсируемый – соответственно рекламодателем и рекламораспространителем (статья 2 Закона Республики Таджикистан «О рекламе» от 01.08.2003 № 34). Как можно заметить, спонсорство в Республике Казахстан и Республике Таджикистан содержание спонсорства рассматривается в неразрывной связи с распространением рекламы о спонсоре в целях его популяризации.

В связи с определением правовой природы спонсорства в российской правовой системе также следует сослаться Письмо Министерства финансов РФ от 1 сентября 2009 года № 03-03-06/4/72, в котором отдельно подчеркнуто то, что спонсорский взнос – это не благотворительное пожертвование. Такой взнос имеет целевой характер и предполагает встречные обязательства сторон по предоставлению услуг рекламного характера. Формально такие разъяснения можно считать как препятствующие оказанию безвозмездной спонсорской помощи. Необходимо иметь в виду, что Федеральный закон «О рекламе» № 38-ФЗ содержит четкое указание на то, что в качестве спонсора может выступать исключительно лицо, а не товар, а также на то, что данное лицо должно быть определено в рекламе именно в качестве спонсора. Указать на себя как на спонсора рекламодатель может в любой форме, позволяющей обозначить свое участие в спонсируемом мероприятии. Особенно необходимо учитывать, что при размещении в рекламе указания на то, что спонсором является товар или товарный знак, данная реклама не будет подпадать под понятие спонсорской рекламы (пункт 4 Письма Федеральной антимонопольной службы РФ от 09.08.2006 «О распространении рекламы пива» N АК/13075). Таким образом, в российской практике спонсором признается как лицо, оказывающее помощь в обмен на распространение информации о себе, так и лицо, не нуждающееся в рекламных услугах. Критерием для признания той или иной материальной помощи спонсорской, независимо от наличия рекламы как цели, является сам факт предоставления средств.

Взаимоотношения между спонсором и спонсируемым оформляются спонсорским договором. Стоит заметить, что Гражданский кодекс Российской Федерации не содержит специальных норм, регламентирующих такой договор, как спонсорский. Однако так же следует учитывать, что часть 1 статьи 8 Гражданского кодекса устанавливает возможность возникновения гражданских прав и обязанностей из договоров и иных сделок, предусмотренных законом, а также из договоров и иных сделок, хотя и не предусмотренных законом, но не противоречащих ему, а часть 2 статьи 421 предоставляет сторонам право заключать договор, как предусмотренный, так и не предусмотренный законом или иными правовыми актами. В том случае, если спонсором оказывается помощь на безвозмездной основе, договор оказания спонсорской помощи по своей природе будет равен договору дарения и к нему будут применяться правила части 2 статьи 423 и главы 32 Гражданского кодекса. Более интересен вопрос классификации спонсорского договора в случае, когда помощь оказывается на возмездной основе. В этом случае договор спонсорства будет заключаться в соответствии с Федеральным законом «О рекламе», так как именно этот закон дает определения понятиям «спонсор» и «спонсорская реклама». Так как реклама в соответствии с гражданским законодательством является услугой, то и спонсорский договор с целью распространения рекламы о спонсоре по своей природе близок договору возмездного

оказания услуг, который регулируется главой 39 Гражданского кодекса. Данная позиция подтверждается судебной практикой. Например, в Постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда города Москвы № 09АП-8442/2009-ГК от 10.06.2009 изложена позиция, что договор спонсорства спортивного мероприятия имеет правовую природу договора возмездного оказания услуг, согласно которому исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги. Вместе с тем, существуют и другая позиция. Так, в Решении Арбитражного суда города Москвы по делу № А40-103096/11-64-592 от 10.07.2012 спонсорский вклад в спорте рассматривается как плата за рекламу, а спонсор и спонсируемый понимаются в качестве рекламодателя и рекламораспространителя, соответственно. Необходимо заметить, что в рассматриваемом решении суд не использует формулировки «договор оказания услуг», а оперирует понятием договора об установлении спонсорских правоотношений, предусмотренных Федеральным законом «О рекламе» № 38-ФЗ.

Институт спонсорского договора за рубежом развит достаточно хорошо, в связи с чем в отдельные договоры часто включаются даже такие разделы как ответственность в случае «спонсорского конфликта». Таким разделом регламентируются ситуации, когда, например, компания спортивных товаров заключает спонсорский договор с конкретной командой в то время как конкурент данной компании имеет действующее спонсорское соглашение с одним из игроков, играющих в этой конкретной команде. Интересна сложившаяся практика, согласно которой отдельные игроки имеют право заключать личные спонсорские договоры, по которым обязаны, например, носить футбольные бутсы определенной фирмы, однако, существует, так называемая «серая зона»³, свободная от размещения каких-либо спонсорских логотипов, к которой относятся перчатки вратаря и шлем регбиста.

Говоря о проблемах развития спортивного спонсорства, в первую очередь, исходя лишь из анализа законодательной базы института спонсорского договора, видно, что правовое регулирование вопроса в Российской Федерации, Республике Беларусь, Республике Казахстан, Республике Таджикистан, Республике Узбекистан далеко неоднородно. По-разному законодатели подходят к понятию спонсорства в спорте в зависимости от признания целей продвижения рекламы как встречного предоставления вследствие передачи спонсорского взноса. Некоторые правовые системы признают такую взаимосвязь (Республика Казахстан, Республика Таджикистан), другие отказываются от легализации (Республика Беларусь), третьи – оставляют право выбора самим сторонам спонсорского договора (Республика Узбекистан, Российская Федерация). Закрепление в Федеральном законе «О рекламе» № 38-ФЗ легальной дефиниции двух понятий, имеющих отношение к спонсорству, сложно назвать регулятором всего института в целом. Учитывая отсутствие законодательного определения спонсорства, затруднительно и разграничение в спорте института спонсорства со смежным институтом благотворительности. В то же самое время, можно согласиться с квалифицированным мнением, что, в конечном счете, попытка отрегулировать при помощи закона «все и вся приведет к зарегулированности и стеснению развития общественных

отношений»⁴. По этой причине необходимо детально разработать правовые основы для осуществления спонсорства в сфере спорта, не строящиеся исключительно на законодательном подходе, но и предполагающие диспозитивность усмотрения сторон. Как не трудно заметить, предпосылок для обращения к институту спонсорства в сфере спортом становится все больше каждым годом интеграции России в такие наднациональные объединения как ЕАЭС⁵, расширяющие возможности для инвестирования хозяйствующим субъектам стран-участников.

Пристатейный библиографический список

1. Васильев И. А. Рассуждения о состоявшихся докладах студенческой межвузовской конференции по спортивному праву «Механизмы обжалования правоприменительных решений национальных спортивных федераций» // Молодой ученый. – 2015. – № 11 – 2 (91). – С. 1-5.
2. Фархутдинов И. З., Галиев Ф. Х. Модернизировать – значит, совершенствовать... // Вестник ВЭГУ. – 2010. – № 5. – С. 149-153.
3. Фархутдинов И. З. ЕВРАЗЭС... Да здравствует ЕАЭС! Евразийский экономический союз начинает действовать в 2015 году // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 9 (76). – С. 8-9.
4. Шеменев С. С. Спонсорство и благотворительность: в чем разница для НДС? // НДС: проблемы и решения. – 2015. – № 7.
5. Sponsorship Agreements in Sport. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.inbrief.co.uk/sports-law/sponsorship-agreements-in-sport.htm> (дата посещения: 01.05.2016 г.).

3 Sponsorship Agreements in Sport. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.inbrief.co.uk/sports-law/sponsorship-agreements-in-sport.htm> (дата посещения: 01.05.2016 г.).

4 Фархутдинов И. З., Галиев Ф. Х. Модернизировать – значит, совершенствовать... // Вестник ВЭГУ. – 2010. – № 5. – С. 152.
5 Фархутдинов И.З. ЕВРАЗЭС... Да здравствует ЕАЭС! Евразийский экономический союз начинает действовать в 2015 году // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 9 (76). – С. 8.

ОЛЕННИКОВ Сергей Михайлович

доцент кафедры уголовного права, Санкт-Петербургский государственный университет

ВАСИЛЬЕВ Илья Александрович

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ БОЛЕЛЬЩИКОВ И КЛУБОВ ЗА ЭКСТРЕМИСТСКИЕ ДЕЙСТВИЯ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ФУТБОЛЬНЫХ СОРЕВНОВАНИЙ

В статье рассматриваются сформулированные в Российской Федерации на законодательном и правоприменительном уровнях подходы к определению правовой природы спонсорства в сфере спорта.

Ключевые слова: спонсорство, спонсорский договор, спонсорский контракт в спорте, благотворительность в спорте.

OLENNIKOV Sergej Mikhailovich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal Law sub-faculty of the Saint-Petersburg State University

VASILJEV Ilya Alexandrovich

Ph.D. in Law, associate professor of Theory and History of Law sub-faculty of the Saint Petersburg State University

CLUB`S SUPPORTERS LIABILITY AND CLUBS LIABILITY FOR SUPPORTERS EXTREMISM BEHAVIOUR IN FOOTBALL MATCHES

In the present paper authors define some based on Russian Legal Statutes and Russian Judge Law approaches to clarify a legal basis of the sport sponsorship.

Keywords: sponsorship, sponsorship contract, sponsorship sport contract, charity in the sport.

Оленников С. М.

Васильев И. А.

Вопросы противодействия различным формам противоправной деятельности в сфере спорта в последнее время активно поднимаются на всех уровнях. Совершенствуется законодательство об ответственности за подкуп и иную деятельность, осуществляемую в целях оказания противоправного влияния на результат официальных спортивных соревнований, принимаются меры организационного и правового характера, направленные на борьбу с допинговыми нарушениями в спорте. Наряду с неправомерными действиями участников спортивных состязаний, актуальной проблемой остается деятельность спортивных болельщиков, в ряде случаев выходящая за рамки закона. Одним из наиболее серьезных видов правонарушений, совершаемых болельщиками при проведении спортивных соревнований, является экстремистская деятельность. В Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации отмечается, что лидеры экстремистских организаций в своей деятельности ориентируются преимущественно на молодежь. При этом повышенное внимание они проявляют к отличающимся высокой степенью организованности неформальным объединениям футбольных болельщиков, активно вовлекая их членов в свои ряды, провоцируя на совершение преступлений экстремистской направленности, в том числе в ходе проведения спортивных мероприятий¹.

Действующее российское законодательство не содержит общего определения понятия «экстремизм». В статье 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» приводится исчерпывающий перечень противоправных действий, относя-

щихся к экстремизму. В этот перечень включены действия, за которые законом установлена уголовная ответственность (насильственное изменение основ конституционного строя, террористическая деятельность, преступления, совершаемые по мотивам ненависти и вражды). Кроме того, к экстремистской деятельности отнесены некоторые виды административных правонарушений (пропаганда и публичное демонстрация запрещенной атрибутики и символики, массовое распространение заведомо экстремистских материалов).

Нормативные акты, регламентирующие порядок привлечения к ответственности за нарушения, допускаемые при проведении тех или иных видов спортивных соревнований, устанавливают спортивные санкции за схожие нарушения. К примеру, статья 121 Дисциплинарного регламента РФС² («Дискриминация и расизм, публичная демонстрация нацистской атрибутики и символики») предусматривает ответственность футбольных клубов за публичную демонстрацию зрителями нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных до степени смешения с нацистской атрибутикой или символикой, а равно в случае публичной демонстрации зрителями баннеров, плакатов, транспарантов и иных средств наглядной агитации расистского или дискриминационного содержания.

1 Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом РФ 28.11.2014 № Пр-2753).

2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rfs.ru/res/docs/regulations/disreg2016%20%D0%BE%D1%82%2022.06.2016.doc> (дата посещения: 15.08.2016 г.).

Сравнительный анализ показывает, что объективная сторона и административного, и спортивного правонарушения заключается в публичном демонстрировании определённых видов атрибутики и символики. Таким образом, при применении норм КоАП РФ и Дисциплинарного регламента РФС в каждом случае следует выяснять, является ли та или иная атрибутика или символика запрещенной. При привлечении к административной ответственности в подавляющем большинстве случаев вопрос о том, относится ли символика или атрибутика к нацистской или сходной с ней, решается посредством назначения и производства экспертизы (исследования). Сложнее обстоит дело с символикой экстремистских организаций. Под экстремистской организацией, согласно закону, понимается общественное или религиозное объединение либо иная организация, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности. Поэтому символикой экстремистской организации является символика, описание которой содержится в учредительных документах такой организации. Перечень организаций, признанных экстремистскими, размещен на сайте Министерства юстиции России. В этом перечне приводится название каждой организации и указывается, решением какого суда эта организация ликвидирована. Поскольку сведения о символике организаций, признанных экстремистскими, в соответствующем перечне не приводятся, установленный в КоАПе запрет является по существу недействующим. Что касается «иной атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами», то Правила определения атрибутики и символики этих организаций были установлены Постановлением Правительства РФ от 11.06.2015 N 574 «Об утверждении Правил определения перечня организаций, указанных в частях третьей и четвертой статьи 6 Федерального закона «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов», а также атрибутики и символики этих организаций»³. В настоящее время такой перечень на сайте Министерства юстиции РФ не опубликован.

Отсутствие нормативно утвержденных перечней, определяющих, какие именно символы официально запрещены к демонстрированию, затрудняет применение норм закона, а то и вовсе делает его невозможным. Отчасти поэтому для целей реализации запретов, содержащихся, например, в Дисциплинарном регламенте РФС, Приложением №2 закреплен Перечень запрещенных и дискриминационных знаков, символов и цифр (свастика, кельтский крест, руны и т.п.). При этом, как следует из текста Регламента, данный перечень не является исчерпывающим, поскольку также существует специальный реестр символики⁴, который ведёт организация FARE, являющаяся партнёром УЕФА и обеспечивающая мониторинг на всех организованных в Европе футбольных матчах. Наблюдатели FARE имеют право по итогам матча составлять отчёт, используя размещённый в открытом доступе реестр для информирования УЕФА о расистской, неонацистской, гомофобной

символике, публично демонстрируемой на баннерах во время футбольных матчей. Дополнительно с аналогичной целью наблюдает за баннерами, а также за поведением болельщиков делегат от УЕФА. При этом реестр не является исчерпывающим перечнем запрещённых знаков, символов и цифр. Каждый конкретный случай оценивает Контрольно-дисциплинарная и этическая инстанция УЕФА, руководствующаяся принципом «определяющего контекста» (context in law is everything)⁵. Использование каждого баннера исследуется с позиции внешнего и объективного наблюдателя в контексте, то есть применительно к изображённому на нём послании публике. Принцип «context in law is everything» широко используется и в практике Спортивного арбитражного суда⁶, гармонизируя правоприменительную практику в футболе. Такая позиция, заметим, соответствует содержанию системы общего права, действующей в правовой плоскости футбольных соревнований, и основывающейся «на представлении о разумном праве»⁷. На основании отчёта наблюдателя FARE и делегата УЕФА Контрольно-дисциплинарная и этическая инстанция УЕФА открывает производство против соответствующего клуба. Необходимо отметить, что гармонизация российского и наднационального подходов к регулированию порядка привлечения к ответственности клуба вследствие действий болельщиков, направленных на публичную дискриминацию и расизм, публичную демонстрацию нацистской атрибутики и символики. В российских футбольных матчах под эгидой РФС, как следует из Примечания 1 к статье 121 Дисциплинарного регламента РФС, виновным клуб признаётся в случае, если в результате производства Контрольно-дисциплинарного комитета РФС установлена принадлежность к данному клубу лиц, совершивших упомянутые действия. В ситуации, когда невозможно установить принадлежность таких лиц, ответственность возлагается на клуб, являющийся принимающей стороной. В матчах под эгидой УЕФА, данная организация подходит к вопросу ответственности футбольного клуба за поведение болельщиков с позиции принципа «строгой ответственности», закреплённой в статьях 8, 14, 16 Дисциплинарного регламента⁸. Клуб признаётся ответственным за любые инциденты, связанные с публичной демонстрацией расизма или дискриминации по иному признаку, совершённой его болельщиками. Более того, ответственность клуба наступает за действия любого лица, поддерживающего команду, до, во время или после матча. Ответственность наступает вне зависимости от наличия вины клуба в подобных инцидентах и клуб не может быть освобождён от ответственности даже если докажет отсутствие вины. Даже если публичная демонстрация расизма или дискриминации по иному признаку, совершённая

3 См. Постановление Правительства РФ от 11.06.2015 № 574 «Об утверждении Правил определения перечня организаций, указанных в частях третьей и четвертой статьи 6 Федерального закона «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов», а также атрибутики и символики этих организаций».

4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.farenet.org/wp-content/uploads/2016/06/Fare-Signs-and-Symbols-Guide.pdf> (дата посещения: 15.08.2016 г.).

5 Напр., UEFA Control, Ethics and Disciplinary Body's decision of 17 September 2015. Case Law. CEDB & Appeals Body. 2015/2016 (July–December). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.uefa.org/MultimediaFiles/Download/OfficialDocument/uefaorg/UEFACompDisCases/02/35/33/01/2353301_DOWNLOAD.pdf (дата посещения: 15.08.2016 г.).

6 CAS 2013/A/3324&3369.

7 Галиев Ф. Х., Фархутдинов И. З. Роль правового государства в евразийском пространстве. Интервью с Ф.М. Райновым, доктором юридических наук, профессором, директором Уфимского научно-исследовательского института проблем правового государства, главным редактором журнала «Правовое государство: теория и практика» // Евразийский юридический журнал. – 2012. – № 7 (50). – С. 6.

8 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.uefa.org/MultimediaFiles/Download/Regulations/uefaorg/UEFACompDisCases/02/37/00/86/2370086_DOWNLOAD.pdf (дата посещения: 15.08.2016 г.).

болельщиками, является результатом ненадлежащего обеспечения безопасности принимающей стороной, то это означает привлечение к «строгой ответственности» обоих клубов.

Одним из наиболее распространенных видов уголовно-наказуемых деяний, совершаемых болельщиками, является «хулиганство» (статья 213 УК), то есть грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу. Законом это преступление сегодня также может быть отнесено к числу преступлений экстремистской направленности. В частности, уголовная ответственность за хулиганство наступает в тех случаях, когда такие действия совершаются по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Соответствующим признаком («экстремистским мотивом») статья о хулиганстве была дополнена в 2007 году и с момента своего появления норма об ответственности за «экстремистское» хулиганство вызвала большое количество справедливой критики⁹. Замечания специалистов сводились главным образом к тому, что субъективная сторона состава преступления хулиганства характеризуется наличием специального хулиганского мотива. Мотивация этого преступления продиктована желанием виновного противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное отношение к ним. Преступные действия в подобных случаях совершаются без какого-либо повода или с использованием незначительного повода, так как, являясь открытым вызовом общественному порядку, предназначены для демонстрации силы. В то же время мотивы ненависти или вражды характеризуются иным содержанием. В отличие от хулиганства, нельзя сказать, что экстремистские преступления совершаются без какого-либо повода или с использованием незначительного повода. Напротив, в основе экстремистской мотивации лежат межгрупповые конфликты, эти преступления совершаются на почве неприязненного, ненавистного, враждебного отношения между представителями указанных в законе групп (национальных, расовых, религиозных и проч.). Именно поэтому, как представляется, в пункте 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» разъясняется, что квалификация преступлений против жизни и здоровья, совершенных по мотивам ненависти или вражды, исключает возможность одновременной квалификации содеянного по другим пунктам, предусматривающим иной мотив или цель преступления (например, из хулиганских побуждений).

Между тем востребованная норма об ответственности за хулиганство стала востребованной, поскольку в ряде случаев экстремистские по своей мотивации преступления совершаются в обстановке, характерной для хулиганства. Сочетание признаков экстремистской и хулиганской деятельности можно увидеть в некоторых случаях в противоправной деятельности болельщиков. Особенно это может быть характерно для членов молодежных группировок, выбирающих объектами своего агрессивного поведения представителей каких-либо этнических меньшинств. Для характеристики таких группировок применяются термины «хулиганско-фашистская» или «правохулиганская организация». В одном из приговоров суда

приводятся показания осужденного, в соответствии с которыми группировка, в которой он состоял, представляла собой «правохулиганскую» организацию, т.е. её члены считали, что выходцев с Кавказа, представителей негроидной, монголоидной рас нужно избивать, чтобы они понимали, что в России им не место. Поскольку группировка была «правохулиганской», то её члены, как и хулиганы ходили на футбольные матчи и там устраивали беспорядки, а также проводили акции, т.е. групповые избиения лиц неевропейского внешнего вида, как это делают «скинхеды». Также при этом проводились «зарницы», т.е. групповые драки с известными в Санкт-Петербурге группировками¹⁰.

В случаях создания и функционирования организаций болельщиков, деятельность которых содержит признаки экстремизма, законом предусмотрена возможность их запрета и ликвидации, а также привлечения к уголовной ответственности руководителей и участников. В соответствии положениями ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» в Российской Федерации запрещаются создание и деятельность общественных объединений, иных организаций, цели или действия которых направлены на осуществление экстремистской деятельности. Осуществление общественным объединением либо иной организацией, либо их региональным или другим структурным подразделением экстремистской деятельности, повлекшей за собой нарушение прав и свобод человека и гражданина, причинение вреда личности, здоровью граждан, окружающей среде, общественному порядку, общественной безопасности, собственности, законным экономическим интересам физических и (или) юридических лиц, обществу и государству или создающей реальную угрозу причинения такого вреда, является основанием для их ликвидации, а деятельность общественного объединения, не являющегося юридическим лицом, может быть запрещена по решению суда на основании заявления Генерального прокурора Российской Федерации или подчиненного ему соответствующего прокурора. В случае, если руководитель или член руководящего органа общественного объединения либо иной организации делает публичное заявление, призывающее к осуществлению экстремистской деятельности, без указания на то, что это его личное мнение, а равно в случае вступления в законную силу в отношении такого лица приговора суда за преступление экстремистской направленности соответствующие общественное объединение либо иная организация обязаны в течение пяти дней со дня, когда указанное заявление было сделано, публично заявить о своем несогласии с высказываниями или действиями такого лица. Если соответствующие общественное или религиозное объединение либо иная организация такого публичного заявления не сделает, это может рассматриваться как факт, свидетельствующий о наличии в их деятельности признаков экстремизма. Так, например, решением Кировского областного суда было удовлетворено заявление прокурора о ликвидации региональной общественной организации «Клуб Болельщиков Футбольного Клуба «Динамо» Киров». Основанием для решения послужили факты привлечения руководства и членов указанной организации к ответственности за возбуждение ненависти и вражды, публичное демонстрирование нацистской атрибутики во время футбольных матчей, размещение на интернет-сайте организации информационных материалов, включенных в Федеральный список экстремистских материалов, использование руководителем организации печати, содержащей нацистскую символику. При этом, вопреки

9 См. напр.: Волженкин Б. В. Хулиганство // Уголовное право. – 2007. – № 5; Кибальник А., Соломоненко И. «Экстремистское хулиганство» – нонсенс уголовного закона // Законность. – 2008. – №4.

10 Санкт-Петербургский городской суд. Дело № 2-92/2005.

требованию закона, общественная организация в установленный срок не заявила о своем несогласии с указанными неправомерными действиями¹¹.

Успех евразийской интеграции зависит, в том числе, и от степени её адаптации в условиях глобальной нормативной системы. Такая система включает себя, как отмечается в литературе¹², различных субъектов, включая спортивные национальные и наднациональные организации. Вопрос ответственности болельщиков за экстремистские действия раскрывается не только в особенностях привлечения конкретных лиц, но также и в основаниях для ответственности футбольных клубов. Как мы отмечали, согласно принципу «строгой ответственности», вина клуба не устанавливается ни на уровне соревнования под эгидой РФС, ни на уровне соревнования под эгидой УЕФА. Доказательства, привлечённые клубом в свою защиту, могут повлиять только на применение мер, смягчающих ответственность (mitigating circumstance). Такой подход к определению ответственности футбольного клуба обоснован высоким стандартом спорта, ставящим преграду использованию соревнования для расистской и иной дискриминационной пропаганды. Опыт пресечения на уровнях российского законодательства и актов РФС пропаганды может быть оценён положительно и представлять интерес для таких членов УЕФА как Белоруссия и Казахстан.

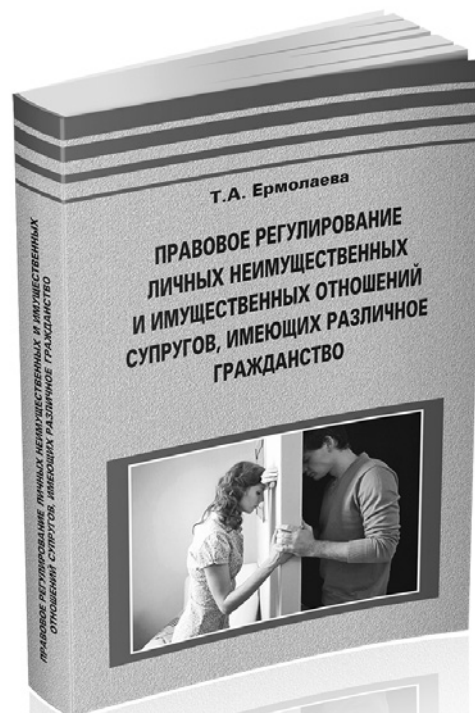
Пристатейный библиографический список

1. Постановление Правительства РФ от 11.06.2015 № 574 «Об утверждении Правил определения перечня организаций, указанных в частях третьей и четвертой статьи 6 Федерального закона «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов», а также атрибутики и символики этих организаций».
2. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом РФ 28.11.2014 № Пр-2753).
3. Практика Контрольно-дисциплинарной и этической инстанции, апелляционной инстанции УЕФА 2015/2016 (July– December). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.uefa.org/MultimediaFiles/Download/OfficialDocument/uefaorg/UEFACompDisCases/02/35/33/01/2353301_DOWNLOAD.pdf (дата посещения: 15.08.2016 г.).
4. Реестр символики, обобщённой организацией «Fare Network». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.farenet.org/wp-content/uploads/2016/06/Fare-Signs-and-Symbols-Guide.pdf> (дата посещения: 15.08.2016 г.).
5. Дисциплинарный регламент Российского футбольного союза. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rfs.ru/res/docs/regulations/disreg2016%20%D0%BE%D1%82%2022.06.2016.doc> (дата посещения: 15.08.2016 г.).

11 Решение Кировского областного суда по делу № 3-22/2013 от 03.07.2013.

12 Фархутдинов И. З. Л. П. Ануфриева: право евразийской интеграции в действии. Интервью с доктором юридических наук, профессором кафедры международного права московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина, почетным работником высшего профессионального образования Российской Федерации Людмилой Петровной Ануфриевой // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 5 (96). – С. 14.

6. Дисциплинарный регламент УЕФА. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.uefa.org/MultimediaFiles/Download/Regulations/uefaorg/UEFACompDisCases/02/37/00/86/2370086_DOWNLOAD.pdf (дата посещения: 15.08.2016 г.).
7. Волженкин Б. В. Хулиганство // Уголовное право. – 2007. – № 5.
8. Галиев Ф. Х., Фархутдинов И. З. Роль правового государства в евразийском пространстве. Интервью с Ф. М. Раяновым, доктором юридических наук, профессором, директором Уфимского научно-исследовательского института проблем правового государства, главным редактором журнала «Правовое государство: теория и практика» // Евразийский юридический журнал. – 2012. – № 7 (50). – С. 5 – 10.
9. Кибальник А., Соломонович И. «Экстремистское хулиганство» – нонсенс уголовного закона // Законность. – 2008. – № 4.
10. Фархутдинов И. З. Л. П. Ануфриева: право евразийской интеграции в действии. Интервью с доктором юридических наук, профессором кафедры международного права московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина, почетным работником высшего профессионального образования Российской Федерации Людмилой Петровной Ануфриевой // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 5 (96). – С. 10-15.

ЛОМОВ Артур Николаевич

аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права Казанского (Приволжского) федерального университета

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СПОРТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СИСТЕМЕ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА

Существенные изменения и постепенное развитие сферы физической культуры и спорта в России в течение последних десятилетий послужили основой для закономерного процесса расширения и дифференциации отношений в сфере спорта. В данной статье в самом общем виде рассматриваются различные спортивные отношения и на основе их характеристики дается определение системы отношений в сфере спорта. Также в работе проводится общий анализ профессиональных спортивных отношений и определяется их место в системе отношений в сфере спорта.

Ключевые слова: отношения в сфере спорта, массовый спорт, детско-юношеский спорт, школьный спорт, студенческий спорт, спорт высших достижений, профессиональный спорт.

LOMOV Artur Nikolaevich

postgraduate student of Civil and Entrepreneur Law sub-faculty of the Kazan (Privolzhie) Federal University

Ломов А. Н.

PROFESSIONAL SPORT RELATIONSHIPS IN SYSTEM OF RELATION AND IN PHYSICAL EDUCATION FIELD

The latest significant changes with development of physical education field and sport in Russia serves the basis for the natural process of expansion and differentiation of sport relations. In this article in brief form are considered a variety of sports relations. The system of relations in sport field is based on these characteristics. There is also the general analysis of professional sports relations and their place in the system of relations in sport field.

Keywords: relations in physical education field; mass sports, children's and youth sports, school sport, student sport, elite sport, professional sports.

В литературе встречаются различные подходы к определению состава деятельности, входящей в круг рассматриваемых отношений¹. Исходя из анализа научной литературы, можно говорить об основных видах общественных отношений в сфере спорта, которые выделяются большинством авторов, - это общественные отношения в детско-юношеском спорте, школьном спорте, студенческом спорте, массовом спорте, спорте высших достижений, профессиональном спорте.

С учетом множественности видов отношений в сфере спорта считаем необходимым говорить об их системе² и далее попытаемся это доказать. Для начала охарактеризуем в самом общем виде каждый из названных элементов системы отношений в сфере спорта.

Массовый спорт представляет собой совокупность общественных отношений, возникающих по поводу физического воспитания и физического развития граждан посредством проведения организованных и (или) самостоятельных заня-

тий, а также участия в физкультурных мероприятиях и массовых спортивных мероприятиях.

В соответствии с утвержденной Правительством Российской Федерации Стратегией развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 г.³ развитие массового спорта посредством активизации физкультурно-спортивного движения в стране является одним из самых приоритетных направлений спортивной политики государства. Следует отметить, что законом о спорте развитие массового спорта относится непосредственно к ведению органов местного самоуправления.

Самый общий анализ норм и положений позволяет нам выделить некоторые особенности, характеризующие массовый спорт: (1) главной целью является физическое развитие и физическое воспитание граждан; (2) развитие отношений в сфере массового спорта находится в ведении органов местного самоуправления; (3) воплощается путем организации и проведения физкультурных мероприятий и массовых спортивных мероприятий; (4) субъектами массового спорта являются любые граждане независимо от возраста и социального статуса.

Стратегия развития в качестве одного из своих направлений закрепляет развитие и детско-юношеского спорта, а также системы отбора и подготовки спортивного резерва для

1 Алексеев С. В. Спортивное право России: учебник. - М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013. - С. 192; Леднев В. А. Развитие индустрии спорта в России: тенденции и перспективы // Менеджмент в индустрии спорта: сб. ст. Вып. 1. - М.: Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2012. - С. 7-19; Аленуров Э. А. Спортивная команда как малая группа. Часть 1 // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. - 2014. - № 2. - С. 55-59.

2 Система - нечто целое, представляющее собой единство закономерно расположенных и находящихся во взаимной связи частей. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов; под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. - 24-е изд., испр. - М.: ООО «Издательский дом «ОНИКС 21 век»: ООО «Издательство «Мир и образование», 2004. - С. 940.

3 Об утверждении стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 г.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 7.08.2009 г. № 1101-р // Собрание законодательства Российской Федерации. - № 33. - 2009. - Ст. 4110.

повышения конкурентоспособности российского спорта на международной спортивной арене⁴.

Организационную структуру детско-юношеского спорта составляют учреждения дополнительного образования спортивной направленности - детско-юношеские спортивные школы, действующие на основании закона «Об образовании». В. А. Голов пишет, что «детско-юношеские спортивные школы и клубы являются звеном системы организации внешкольной физкультурной деятельности учащихся, позволяющие реализовать молодому человеку свои потребности в сфере спорта»⁵.

Таким образом, детско-юношеский спорт – система отношений, заключающихся во внешкольной физкультурной деятельности учащихся в учреждениях дополнительного образования и направленная на развитие массового детского спорта, а также системы отбора и подготовки спортивного резерва.

Студенческий спорт, согласно закону о спорте, представляет собой часть спорта, направленную на физическое воспитание и физическую подготовку обучающихся в профессиональных образовательных организациях и образовательных организациях высшего образования, их подготовку к участию и участие в физкультурных мероприятиях и спортивных мероприятиях, в том числе в официальных физкультурных мероприятиях и спортивных мероприятиях. Исследователи дополняют данное определение, так, А. Б. Муллер пишет, что «студенческий спорт – составная часть спорта, культивируемая в высших учебных заведениях, интегрирующая массовый спорт и спорт высших достижений»⁶.

Следует полагать, что студенческий спорт представляет возможным выделять в особую категорию спортивных отношений в соответствии с присущими только ему существенными чертами. Среди таких особенностей в литературе также выделяют: (1) возрастные пределы студенческой молодежи; (2) специфика учебного труда и быта студентов; (3) особенности их возможностей и условий занятий физической культурой и спортом⁷.

Если отношения в сфере студенческого спорта неразрывно связаны с образовательным процессом в высших учебных заведениях, то школьный спорт как одно из направлений современного спорта в России, культивируется в общеобразовательных организациях.

Необходимо особо отметить, в чем состоит отличие школьного спорта от сферы детско-юношеского спорта. Ответ на поставленный вопрос, на наш взгляд, заключается в двух главных аспектах. Во-первых, сфера действия: школьный спорт распространяется на обучающихся в рамках образовательных учреждений, тогда как детско-юношеский спорт – прерогатива учреждений дополнительного образования. Во-вторых, цели и направления: главной задачей детско-юношеского спорта является развитие системы отбора и подготовки спортивного резерва, в то время как школьный спорт направлен, в первую очередь, на физическое воспитание и физическую подготовку обучающихся.

Спорт высших достижений - часть спорта, направленная на достижение спортсменами высоких спортивных результатов на официальных всероссийских спортивных соревнованиях⁸.

Важнейшими особенностями спорта высших достижений следует считать: (1) цель: достижение максимально высоких спортивных результатов на соревнованиях; (2) спорт высших достижений связан с участие спортсменов на официальных всероссийских и международных спортивных соревнованиях; (3) предполагает систематическую плановую многолетнюю подготовку; (4) связан с большими физиологическими и психологическими нагрузками организма человека; (5) субъектами спорта высших достижений могут быть не только профессионалы, но и спортсмены-любители.

Анализируя особенности всех элементов, можно прийти к выводу, что важным признаком, объединяющим их в систему, является цель, достижению которой и служит вся система общественных отношений в сфере спорта. Данной целью является физическое развитие и физическое воспитание нации. Кроме того, все вышеописанные сферы отношений находятся в тесной взаимосвязи друг с другом, образуя единую целостную систему общественных отношений в сфере спорта.

Установив многие элементы системы и учитывая все вышесказанное, можно вывести определение системы отношений в сфере спорта – это совокупность связанных между собой общественных отношений, которые складываются по поводу физкультурно-спортивной деятельности, осуществляемой субъектами физической культуры и спорта, и которые направлены на физическое развитие и физическое воспитание граждан, их участие в физкультурных и спортивных мероприятиях, а также достижение спортсменами высоких спортивных результатов на официальных соревнованиях различного масштаба.

В современных условиях развития физической культуры и спорта особое значение имеет специфическая сфера отношений – профессиональный спорт. Закон о спорте 2007 г. закрепляет, что профессиональный спорт – часть спорта, направленная на организацию и проведение спортивных соревнований, за участие в которых и подготовку к которым в качестве своей основной деятельности спортсмены получают вознаграждение от организаторов таких соревнований и (или) заработную плату⁹.

Таким образом, специфика профессионального спорта как особой сферы отношений заключается, на наш взгляд, в следующем. Во-первых, профессиональной спортивной деятельностью занимается особая категория спортсменов – спортсмены-профессионалы, для которых занятия спортом являются основным видом деятельности и которые получают вознаграждение или заработную плату за подготовку к спортивным соревнованиям и участие в них. Во-вторых, основным направлением деятельности в сфере профессионального спорта является организация и проведение спортивных соревнований. В-третьих, профессиональный спорт связан с получением коммерческой выгоды многими сторонами за счет организации и проведения спортивных соревнований. Как отмечают исследователи, «неоспоримым является тот факт, что продукт профессионального спорта – это спортивное зрелище (услуга), имеющее форму товара. От качества этого товара и спроса на него зависят его реализация и, соответственно, размер получаемой прибыли субъектами, продвигающими этот товар на

4 Собрание законодательства Российской Федерации. – № 33. – 2009. – Ст. 4110.

5 Голов В. А. Детско-юношеский спорт в системе развития физической культуры учащейся молодежи // Успехи современного естествознания. – 2008. – № 1 – С. 65-68.

6 Муллер, А. Б. Физическая культура студента: учеб. пособие. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2011. – С. 135.

7 Там же. – С. 136.

8 О физической культуре и спорте в Российской Федерации: ФЗ от 04.12.2007 № 329-ФЗ // Российская газета. - № 276. – 2007 (далее – Закон о спорте 2007 г.).

9 Российская газета. - № 276. – 2007.

рынок»¹⁰. Кроме того, профессиональные спортивные клубы получают систематические доходы от продажи билетов, продажи прав на трансляцию, продажи сувениров, аренды спортивных сооружений и т.д.

Исходя из вышеизложенного, следует заключить, что важная роль профессиональных спортивных отношений в системе отношений в сфере спорта обусловлена, во-первых, профессиональным уровнем подготовки и проведения спортивных соревнований; во-вторых, возмездным характером подготовки и участия спортсменов в спортивных соревнованиях; в-третьих, предпринимательским характером многих профессиональных спортивных отношений.

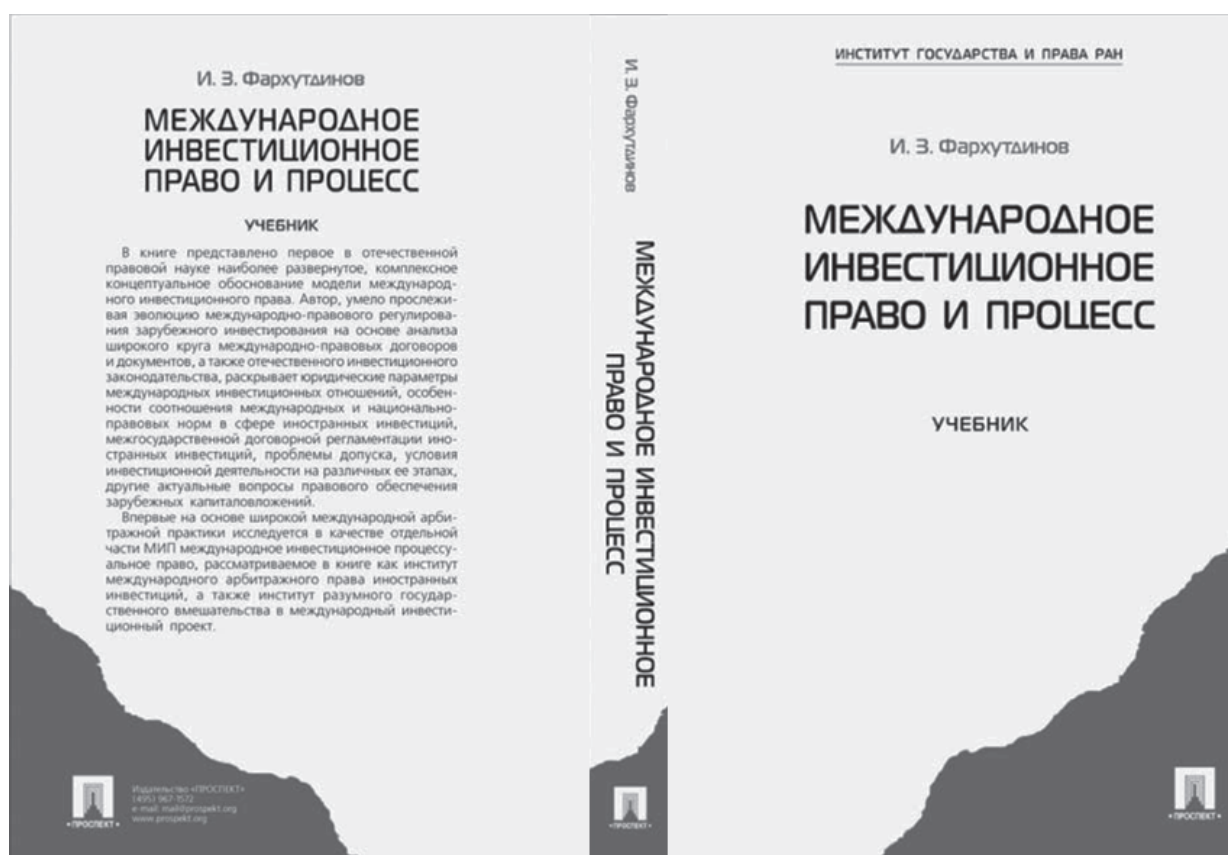
Подводя итог, в очередной раз отметим, что в России на сегодняшний день сложилась система отношений в сфере спорта, представляющая совокупность связанных между собой общественных отношений, которые складываются по поводу физкультурно-спортивной деятельности, осуществляемой субъектами физической культуры и спорта, и которые направлены на физическое развитие и физическое воспитание граждан, их участие в физкультурных и спортивных мероприятиях, а также достижение спортсменами высоких спортивных результатов на официальных соревнованиях различного масштаба. Данная система включает в себя общественные отношения в детско-юношеском спорте, школьном спорте, студенческом спорте, массовом спорте, спорте высших достижений, профессиональном спорте и т.д. Каждое из направлений физкультурно-спортивной деятельности имеет свои особенности, что и подтвердил краткий анализ, проведенный в на-

стоящей работе. Особое место в системе отношений в сфере спорта занимают профессиональные спортивные отношения, что обусловлено спецификой данных отношений, прежде всего, их экономическим характером.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев С. В. Спортивное право России учебник / С. В. Алексеев; под ред. П. В. Крашенинникова. - 4-е изд., перераб. и доп. - М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013. - 647 с.
2. Аленуров Э. А. Спортивная команда как малая группа. Часть 1 / Э. А. Аленуров // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. - 2014. - № 2. - С. 55-59.
3. Васильевич В. П., Мигунова Е. С. Система договоров в сфере профессионального спорта. - Казань: Казан. гос. ун-т, 2009. - 132 с.
4. Голов В. А. Детско-юношеский спорт в системе развития физической культуры учащейся молодежи // Успехи современного естествознания. - 2008. - № 1. - С. 65-68.
5. Леднев В. А. Развитие индустрии спорта в России: тенденции и перспективы // Менеджмент в индустрии спорта: сб. ст. Вып. 1. - М.: Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2012. - 200 с.
6. Муллер, А. Б. Физическая культура студента: учеб. пособие, Н. С. Дядичкина, Ю. А. Богащенко, А. Ю. Блиневский. - Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2011. - 172 с.

10 Васильевич В. П., Мигунова Е. С. Система договоров в сфере профессионального спорта. - Казань: Казан. гос. ун-т, 2009. - С. 15.

ХАКИМОВА Эльмира Робертовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Уфимского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИСВОЕНИЕ И РАСТРАТУ

Научная статья содержит дискуссионные вопросы и адресована всем, кого интересуют актуальные проблемы борьбы с преступлениями против собственности. Более подробно рассматриваются вопросы социальной необходимости установления уголовной ответственности и вопросы квалификации преступления, предусмотренного ст. 160 УК РФ.

Ключевые слова: присвоение, растрата, хищение, формы хищений, социальная обусловленность, уголовная ответственность.

KNAKIMOVA Elmira Robertovna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal Law and Criminology sub-faculty of the Ufa Law Institute The Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Хакимова Э. Р.

ON THE QUESTION OF THE SOCIAL DETERMINATION OF CRIMINAL LIABILITY FOR MISAPPROPRIATION AND EMBEZZLEMENT

The scientific article contains discussion questions and addressed to all those interested in actual problems of struggle against crimes against property. In more detail the questions of social need to establish criminal liability and questions of qualification of crime under Art. 160 of the Criminal Code.

Keywords: appropriation, embezzlement, theft, embezzlement forms, social conditioning, criminal liability.

Желание присваивать, пользоваться и распоряжаться чужим имуществом всегда было присуще человеку по своей природе. Посягательства на собственность с древнейших времен составляли немалую часть всех преступных посягательств, совершаемых людьми.

Согласно официальным статистическим данным Российской Федерации в 2015 году зарегистрировано 2 388 476 тыс. преступлений, что на 8,6 % выше аналогичного показателя 2014 года. Большая часть совершенных преступлений в России имеет корыстную направленность. Таким образом, около половины всех зарегистрированных преступлений (46 %) составляют хищения чужого имущества.

Например, в 2006 году в Российской Федерации было зарегистрировано 65980 фактов присвоений и растрат, в 2008 году – 72142, в 2010 – 44 894, в 2011 – 37707, в 2012 – 30651, в 2013 – 28049, в 2015 - 19494 фактов¹.

Важность социальной обусловленности уголовной ответственности за присвоение и растрату обусловлена рядом обстоятельств, среди которых, необходимо выделить следующие.

Во-первых, органы дознания, следствия, суды ежедневно сталкиваются со сложными вопросами квалификации присвоений и растрат, требующих однозначного решения. Особо остро стоят проблемы определения понятия «вверенное имущество», отграничения присвоения от растраты чужого имущества, разграничения присвоения и растраты от таких смежных составов преступлений, как: кража, мошенничество, нарушение авторских и смежных прав, хищение предметов, имеющих особую ценность, злоупотребление полномочиями, злоупотребление должностными полномочиями и других, а

также от гражданско-правовых деликтов и административных правонарушений.

Во-вторых, несмотря на распространенность хищений в формах присвоения и растраты чужого имущества, показательным является и тот факт, что данное преступление относится к категории высоколатентных. На практике распространены хищения, когда степень латентности достигает максимальной величины.

В-третьих, важно отметить, что состояние, структура и динамика присвоений и растрат не всегда зависят от предпринимаемых усилий правоохранительных органов, направленных на борьбу с ними. В связи с этим представляется необходимым совершенствование нормы об ответственности за данные преступные посягательства.

В-четвертых, присвоение и растрата чужого имущества часто совершаются лицами, обладающими служебными полномочиями, руководителями организаций, что не может не оказывать негативное воздействие на других сотрудников, вселяя представление о том, что материальные блага можно приобрести не только честным трудовым путём, но и с помощью преступлений. Кроме того, отмеченная ранее повышенная латентность данного преступления лишь усиливает этот эффект.

Различные аспекты проблем ответственности за хищения чужого имущества подвергались широкому анализу на протяжении двадцатого века во многих трудах по теории уголовного права и криминологии, в частности, в трудах Н. С. Белогриц-Котляревского, О. В. Белокурова, А. И. Бойцова, В. П. Верина, В. А. Владимирова, Б. В. Волженкина, Л. Д. Гаухмана, М. А. Гельфера, В. Н. Дерендяева, А. Э. Жалинского, В. А. Змиева, Н. Г. Иванова, А. В. Кладкова, С. М. Кочои, Г. А. Кригера, Н. Ф. Кузнецовой, В. И. Литвинова, Ю. И. Ляпунова, С. В. Максимова, Н. С. Матышевского, В. С. Минской, Б. С. Никифорова, В. И.

1 Состояние преступности в России // ГИАЦ МВД России. 22 января 2016 г.

Плоховой, А. А. Пионтовского, А. И. Рарога, В. П. Ревина, А. Ю. Филаненко, И. Я. Фойницкого, П. С. Яни и других ученых.

Следует отметить, что с 1996 года по данной проблеме написан ряд диссертационных исследований, в частности, О. И. Годуновым, А. В. Даниловым, Н. Д. Эриашвили, Н. С. Шульгой и др. авторами. Однако, несмотря на глубокий и обстоятельный анализ, проведенный этими и другими исследователями, нельзя не отметить, что не все проблемы ответственности за хищения в формах присвоения и растраты, достаточно полно и разносторонне разрешены. Так, к началу двадцать первого века, остался не разрешенным целый ряд проблемных вопросов, касающихся содержания уголовно-правовой нормы об ответственности за присвоение и растрату, её конструкции, правовой природы с учетом реальной социально-экономической обстановки в стране².

Уголовное законодательство России на разных этапах своей истории содержало различные по содержанию уголовно-правовые нормы об ответственности за присвоение и растрату чужого имущества. Так, например, Артикул Воинский Петра I 1715 г. впервые установил ответственность за утаивание вещей, взятых на сохранение (арт. 193), и присвоение находки (арт. 195). Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года в ст. 383 предусматривало ответственность за пользование казенным имуществом и похищение казенных денег и вещей в формах присвоения или растраты. Ст. 387 Уложения устанавливала ответственность за незаконное и тайное похищение должностным лицом ценностей, которые могли поступить в число вверенных ему для хранения предметов.

Три Уголовных кодекса РСФСР, существовавших в истории России, также предусматривали уголовную ответственность за присвоение и растрату чужого имущества. В частности, в главе «Имущественные преступления» в ст. 185 Уголовного кодекса РСФСР 1922 года понятие «присвоение» определялось как «самовольное удержание с корыстной целью, а также растрата имущества, вверенного для определенной цели, учиненное частным лицом». Очевидно, что данное определение являлось неточным и необоснованно смешивало понятия присвоения и растраты.

В статье 168 УК РСФСР 1926 года, предусматривавшей ответственность за присвоение и растрату имущества, было раскрыто только понятие «присвоение» как «удержание с корыстной целью чужого имущества, вверенного для определенной цели».

По мнению А. Жижиленко, присвоение, определяемое в законе «как «удержание», являлось по своей сущности бездействием, оно не могло быть отнесено к похищению, так как при присвоении, в отличие от похищения, не было изъятия, а есть только обращение чужого имущества в сферу своего имущественного обладания»³.

Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. к охране отношений собственности подходил дифференцированно, предусмотрев ответственность сразу в двух главах Особенной части, – в главе второй «Преступления против социалистической собственности» (ст.ст. 89-101) и главе 5 «Преступления против личной собственности» (ст.ст. 144-151).

Поскольку в УК РСФСР 1960 г. было продолжено приоритетное направление на охрану прежде всего социалистической

собственности (государственной и общественной), то понятно, почему составами присвоения и растраты охранялась только социалистическая собственность. Таким образом, в ст. 92 УК РСФСР предусматривалась уголовная ответственность за хищение государственного и общественного имущества путем присвоения, растраты или злоупотребления должностным лицом своим служебным положением. Часть 1 указанной статьи гласила: «Присвоение, либо растрата государственного или общественного имущества, вверенного виновному, а равно завладение с корыстной целью государственным или общественным имуществом путем злоупотребления должностного лица своим служебным положением».

«Одно обстоятельство сближает рассматриваемые формы хищения и позволяет объединить их в одну статью», – писал Г.А. Кригер – «похищаемое имущество находится в правомочном владении или ведении самого виновного, который, используя это обстоятельство, обращает имущество в свою пользу или передает его с корыстной целью третьим лицам»⁴.

После принятия Федерального закона от 1 июля 1994 г. в абзаце первом примечания к ст. 144 УК РСФСР впервые было сформулировано законодательное определение хищения. Под «хищением» понималось «совершенное с корыстной целью противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившее ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества»⁵.

Этим же Федеральным законом УК РСФСР 1960 г. был дополнен ст. 147¹ «Присвоение вверенного имущества», которая предусматривала уголовную ответственность за присвоение или растрату чужого имущества, вверенного виновному.

В настоящее время уголовно-правовая норма об ответственности за присвоение и растрату содержится в главе 21 «Преступления против собственности» раздела VII «Преступления в сфере экономики» Особенной части Уголовного кодекса РФ 1996 года. Присвоение и растрата представляют собой самостоятельные формы хищения чужого имущества⁶, хотя и объединены одной статьей УК РФ (ст. 160), одной группой составов преступлений против собственности и одной законодательной дефиницией – «хищение имущества, вверенного виновному».

Вопрос о понятии хищения и его признаках продолжает оставаться дискуссионным и на сегодняшний день. Профессор Ю. И. Ляпунов справедливо указывал, что общее понятие хищения – это своеобразный законодательный, а потому и общеобязательный ориентир, позволяющий правильно разрешать частные вопросы, возникающие при квалификации деяний, дающий возможность познать индивидуально-определенные признаки совершенного преступления и сверить их соответствие требованиям уголовного закона. Общее понятие хищения можно в силу этого с полным основанием расценить как полезный и необходимый инструмент познания подлинной антисоциальной и правовой природы корыстных посягательств

2 Хакимова Э. Р. Присвоение и растрата: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Московский университет МВД Российской Федерации. Москва, 2009. С. 4.

3 См.: Жижиленко А. Преступления против имущества и исключительных прав. Л., 1928. С. 48-49.

4 См.: Кригер Г. А. Борьба с хищениями социалистического имущества. М., 1965. С. 176.

5 Уголовный кодекс РСФСР. М.: Изд-во «Спарк», 1996. С. 72.

6 См., например: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под общ. ред. Н. Г. Кадникова. М.: Книжный мир, 2004. С. 400; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. 4-е изд., доп. и испр. / Отв. ред. В. М. Лебедев. М.: Юрайт-Издат, 2005. С. 426; Учебно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. А. Э. Жалинского. М.: Издательство Эксмо, 2005. С. 475; Лопашенко Н. А. Преступления против собственности. Теоретико-прикладное исследование. М.: ЛексЭст, 2005. С. 290.

на собственность, как надежный помощник работнику органа дознания, следователю, прокурору, судье в их деятельности, связанной с применением уголовного закона⁷. Тем не менее, некоторые авторы высказываются за исключение определения хищения из Уголовного кодекса РФ⁸.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации. М.: Юрист, 2016.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации. М.: Юрист, 2016.
3. Уголовный кодекс РСФСР. М.: Изд-во «Спарк», 1996.
4. Конституция Российской Федерации. М.: Юрист, 2015.
5. Гражданский кодекс РФ. М.: Юрист, 2015.
6. Уголовный кодекс РФ. М.: Юрист, 2015.
7. Федеральный Закон РФ «О Центральном банке РФ (Банке России) от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ //Собрание законодательства РФ, 2002. № 28. Ст. 2890.
8. Федеральный Закон РФ «О банках и банковской деятельности в РФ» от 2 декабря 1990г. № 395-1 // Собрание законодательства РФ, 1996. № 6. Ст. 492.
9. Федеральный Закон «О банках и банковской деятельности». Текст. Комментарии. М.: «Банк. дело». 1998.
10. Абросимов Р. Ю., Акопян О. А. и др. За нарушение финансового законодательства: научно-практическое пособие / отв. ред. И. И. Кучеров. М.: «ИЗиСП», «ИНФРА-М», 2014.
11. Аминов Д.И., Ревин В.П. Преступность в кредитно-банковской сфере в вопросах и ответах.-М.: «Брандес». 1997.
12. Жижиленко А. Преступления против имущества и исключительных прав. Л., 1928.
13. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под общ. ред. Н. Г. Кадникова. М.: Книжный мир, 2004.
14. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. 4-е изд., доп. и испр. / Отв. ред. В. М. Лебедев. М.: Юрайт-Издат, 2005.
15. Комментарий к УК РФ / отв. ред. А.В. Наумов. М.: Юрист, 2013.
16. Комментарий к УК РФ / под общ. ред. Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева. М.: ИНФРА-М-НОРМА, 2007.
17. Кондрат Е. Н. Правонарушения в финансовой сфере России. Угрозы финансовой безопасности и пути противодействия. М.: «Юстицинформ», 2014.
18. Кригер Г. А. Борьба с хищениями социалистического имущества. М., 1965.
19. Настольная книга руководителя организации: правовые основы / отв. ред. И. С. Шиткина. М.: «Юстицинформ», 2015.
20. Плохова В. И. Ненасильственные преступления против собственности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.
21. Раздобудько Е.А. Проблемные вопросы ответственности за хищения по УК РФ // Развитие публичных и частноправовых институтов в современной России. V Международная научно-практическая конференция. М.: МЭСИ, 2005.
22. Состояние преступности в России // ГИАЦ МВД России. 22 января 2016 г.
23. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / отв. ред. Б. В. Здравомыслов. М.: Юрист, 2009.
24. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / отв. ред. Б.В. Здравомыслов. М.: Юрист, 2009.
25. Учебно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. А. Э. Жалинского. М.: Издательство Эксмо, 2005.
26. Хакимова Э. Р. Присвоение и растрата: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Московский университет МВД Российской Федерации. Москва, 2009.
27. Шмонин А. В. Преступления экономической направленности: понятие и генезис уголовного законодательства: монография / А. В. Шмонин, О. И. Семькина. М.: Юрлитинформ, 2013.

⁷ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. Н. Г. Кадникова. М.: Книжный мир, 2004. С. 367.

⁸ См., например: Плохова В. И. Ненасильственные преступления против собственности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 284; Раздобудько Е. А. Проблемные вопросы ответственности за хищения по УК РФ // Развитие публичных и частноправовых институтов в современной России. V Международная научно-практическая конференция. М.: МЭСИ, 2005. С. 378.

ХАЛИКОВ Ирек Ханифович

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации

ПРИЧИНЕНИЕ ИМУЩЕСТВЕННОГО УЩЕРБА ПУТЕМ ОБМАНА ИЛИ ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОВЕРИЕМ ПРИ НЕЗАКОННОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Статья посвящена анализу уголовно-правовых норм причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием при незаконном использовании электроэнергии в уголовном законодательстве зарубежных стран.

Ключевые слова: незаконное использование электроэнергии, специальная правовая норма, состав преступления, уголовный кодекс, квалификация преступных деяний, законы государств СНГ, Верховный Суд Нидерландов, уголовный кодекс Испании, уголовный кодекс США, закон о краже.

KHALIKOV Irek Khanifovich

Ph.D. in Law, lecturer of Professional Training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Халиков И. Х.

CAUSATION OF PROPERTY DAMAGE BY FRAUD OR BREACH OF TRUST IN THE ILLEGAL USE OF ELECTRIC ENERGY IN THE CRIMINAL LEGISLATION OF FOREIGN COUNTRIES

The article is devoted to analysis of criminal law standards of causing property damage by fraud or breach of trust in the illegal use of electric energy in the criminal legislation of foreign countries.

Keywords: illegal use of electric energy, special legal norm, components of crime, criminal code, classification of criminal actions, laws of CIS, the Netherlands Supreme Court, the criminal code of Spain, the criminal code of USA, theft act.

Анализ зарубежного уголовного законодательства позволяет сделать вывод, что зарубежные законодатели по-разному подходят к вопросу защиты электроэнергии от незаконных действий по ее использованию.

Законы государств СНГ (бывших республик СССР) подходят к решению этой проблемы аналогично ныне действующему российскому уголовному закону. Уголовные кодексы Казахстана, Узбекистана, Украины рассматривают противоправные действия по отношению к электроэнергии как причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием¹.

Уголовный кодекс Украины, например, в ст. 192 определяет незаконные действия с электроэнергией как «причинение значительного имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков мошенничества». Видно, что в отличие от ст. 165 УК РФ в ст. 192 УК Украины закреплено наличие значительного ущерба от совершения преступного деяния. Также уголовный закон Украины в ст. 188 «Похищение путем демонтажа и иным способом электрических сетей, кабельных линий связи и их оборудова-

ния» предусматривает ответственность за посяательства на объекты энергоснабжающих организаций².

В Германии развернулась дискуссия относительно того, можно ли за отвод «чужой» электроэнергии при помощи электропровода назначать такие же наказания, что и за воровство. В итоге Имперский верховный суд принял решение о неудовлетворении такого рода действий условиям, выдвигаемым § 242 УК ФРГ, так как электричество, не будучи вещью, не может быть «изъято»³.

Однако законодатель решил эту проблему введением нового состава преступления § 242 УК ФРГ, который гласит: «Кто отводит электроэнергию чужой электрической установки или сооружения посредством проводника, который для отвода энергии от установки или сооружения надлежащим образом не разрешен, если он совершает деяние с целью незаконного присвоения электрической энергии для себя или третьего лица, наказывается лишением свободы на срок до пяти лет или денежным штрафом»⁴.

Верховный Суд Нидерландов в 1921 году в одном из решений постановил, что «электричество можно было бы рассмотреть как «собственность» в значении ст. 310, так что обви-

1 Уголовный кодекс Республики Казахстан / Закон Республики Казахстан от 16 июля 1997 года № 167 // Ведомости Парламента РК. – 1977. – № 15–16. – Ст. 211) / Предисловие министра юстиции Республики Казахстан, д-ра юрид. наук, проф. И. И. Рогова – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001; Волженкин Б. В. Новый уголовный кодекс Республики Казахстан // Правоведение. – 1999. – № 1; Уголовный кодекс Республики Узбекистан (с изм. и доп. на 15 июля 2001). – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001; Уголовный кодекс Украины / Науч. ред. и предисл. д-ра юрид. наук, проф. В. Я. Тация и д-ра. юрид. наук, проф. В. В. Сташиса. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001.

2 Уголовный кодекс Украины / Науч. ред. и предисл. д-ра юрид. наук, проф. В. Я. Тация и д-ра юрид. наук, проф. В. В. Сташиса. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – С. 169.

3 См.: Бойцов А. И. Преступления против собственности. – СПб., 2002. – С. 128.

4 Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии / Науч. ред. и вступит. ст. д-ра юрид. наук и д-ра юрид. наук, проф. Д. А. Шестакова; предисл. д-ра права Г. Г. Йешека; пер. с нем. Н. С. Рычковой. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – С. 399.

няемый, подсоединившийся к электрической сети, не платя за это, может быть осужден за кражу»⁵.

В рамках реформы французского уголовного законодательства также была введена уголовная ответственность за хищение электрических ресурсов. Статья 311-2 УК Франции гласит: «Обманное изъятие энергии в ущерб другому лицу приравнивается к хищению»⁶.

Уголовный кодекс Испании относит незаконное пользование электроэнергией к преступлениям, совершенным путем обмана. Отдел 3 УК Испании «О незаконном обмане, связанном с электричеством и другими элементами» содержит статью 255, которая гласит: «...кто совершит незаконный захват стоимостью свыше пятидесяти песет, используя электроэнергию, газ, воду, телекоммуникации и другие чужие элементы, энергию или газ следующими способами:

- 1) используя механизм, установленный для осуществления обмана;
 - 2) злоумышленно искажая показатели или счетные приборы;
 - 3) используя другие нелегальные способы»⁷;
- наказывается штрафом на сумму от трех до двенадцати месячных оплат.

В примерном УК США под имуществом понимается все, что имеет ценность, сюда относятся недвижимое имущество, материальное и нематериальное личное имущество, права, вытекающие из договоров, имущество в требованиях и иные интересы или притязания по имуществу, входные или перевозочные билеты, пойманные или домашние животные, и в частности электрическая и иная энергия⁸.

Отсюда вытекает, что электроэнергия в данном кодексе признается предметом хищения.

В ст. 4 Закона о краже 1968 года Великобритании также сказано, что понятие «имущество» включает в себя деньги, и всякое иное имущество, движимое и недвижимое, в том числе право требования и другое нематериальное имущество⁹.

Подобное определение позволяет привлекать к уголовной ответственности за хищение и лиц, присвоивших имущество представляющее ценность, но не предполагающего определенного материального выражения.

Таким образом, видим, что одинакового подхода к правовой защите электроэнергии от незаконных действий нет в уголовном законодательстве зарубежных стран. В то же время в уголовных кодексах ряда стран Романо-германской правовой системы присутствует самостоятельный состав преступления, выражающийся в посягательстве на объект электроэнергии и неправомерности пользования электроэнергией.

В последние годы и у нас в России появилось ряд научных работ, в которых авторы предлагают расширить понятие предмета преступных посягательств на собственность.

Например, Н. В. Вишнякова в своем исследовании делает вывод, что предметом преступления против собственности является чужое, обладающее экономической стоимостью, не изъятые из гражданского оборота имущество, составляющее объект пра-

ва собственности. В качестве имущества как предмета указанных преступлений, она предлагает рассматривать вещи, в том числе деньги и ценные бумаги, энергию, газ, овеществленные в документах права требования, а также имущественные права в случаях, когда они входят в неделимый объект права собственности¹⁰.

Расширить понимание предмета преступности предлагает и Е. А. Мазуренко, в частности предмета преступных посягательств на собственность. Он отмечает, что предметом преступлений против собственности следует признавать как материальные блага (имущество в виде вещей, денег), так и нематериальные блага (в частности различные виды энергий), имеющих определенную стоимость, находящихся фактически в чьей-либо собственности¹¹.

По мнению А.Г. Безверхова предметом имущественных преступлений являются, с одной стороны, имущество, с другой – имущественная выгода. Предметом имущественных преступлений в условиях рыночной экономики выступают не только вещи, но и иные объекты имущественных отношений в той части, в какой они составляют экономическую ценность, имеют стоимостное выражение и подлежат денежной оценке¹².

Действительно, следует отметить, что спектр предметов имущественных преступлений постоянно расширяется, так как изменяется само понятие имущества, подвергающееся постоянной трансформации.

Однако существует и противоположная точка зрения на данную проблему.

Например, А. И. Бойцов считает, что «дематериализация» предмета хищения, а так же его вывод за рамки нарушения вещных прав в абсолютных правоотношениях и, как следствие, включение в его содержание любой материальной выгоды, извлекаемой при нарушении обязательственных прав в относительных правоотношениях, законодательно не оправданы¹³.

В свое время Г. Ф. Шершеневич писал: «Порядок возникновения, перехода, прекращения вещных прав рассчитан именно на материальное их содержание и поэтому распространение этих правил на совершенно иную область может создать нежелательное смешение понятий в теории и практике. Распространять понятие о вещных правах на права, не имеющие своим объектом вещи, представляется теоретически неудобным»¹⁴.

Из вышеизложенного вытекает следующий вывод: признание различных видов энергии, в том числе и электрической энергии, предметом хищения при сегодняшней правовой и экономической действительности нецелесообразно. Правовая система России до сих пор находится в стадии формирования, то же можно сказать и о правовых нормах таких отраслей права как уголовное право, административное право, гражданское право. Изменилась и оценка, и понимание ранее существовавших правовых категорий в этих отраслях, принято большое количество принципиально новых норм права.

10 См.: Вишнякова Н. В. Объект и предмет преступления против собственности: Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2003. – С. 7.

11 См.: Мазуренко Е. А. Объект и предмет уголовно-правовой охраны преступлений против собственности: современные проблемы квалификации: Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2003. – С. 7.

12 См.: Безверхов А. Г. Имущественные преступления: Автореферат дисс. ... докт. юрид. наук. Ижевск, 2002. С. 11.

13 См.: Бойцов А. И. Преступления против собственности. – СПб.: Юридический центр Гресс, 2002. С. 110.

14 См.: Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. – М., 1995. – С. 254.

5 Ленсинг Х. Голландский Уголовный кодекс в сравнительном аспекте // Уголовный кодекс Голландии. – СПб., 2000. – С. 15.

6 Новый Уголовный кодекс Франции. – М., 1993. – С. 25.

7 Уголовный кодекс Испании / Под ред. и с предисл. д-ра юрид. наук, проф. Н. Ф. Кузнецовой и д-ра юрид. наук, проф. Ф. М. Решетникова. – М.: ЗЕРЦАЛО, 1998. – С. 82.

8 Примерный уголовный кодекс (США). Оригинальный проект Института американского права / Под ред. Б. Е. Никифорова. – М., 1969. – С. 147-148.

9 См.: Решетников Ф. М. Буржуазное уголовное право – орудие защиты частной собственности – М., 1982. – С. 63.

ПАНФЁРОВ Дмитрий Николаевич

старший преподаватель кафедры специальной подготовки Уфимского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации, подполковник полиции

ПУГАЧЁВ Алексей Викторович

старший преподаватель кафедры специальной подготовки Уфимского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации, полковник полиции

НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ И КОНСТРУИРОВАНИЯ СОСТАВА УБИЙСТВА ПРИ ОТЯГЧАЮЩИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

Задача: Причиной написания статьи стало отсутствие единой точки зрения, как в теоретическом, так и в практическом плане относительно вопросов квалификации и конструирования некоторых видов убийства при отягчающих обстоятельствах.

Методы: Методологической основой работы выступают диалектический метод научного познания, а также такие следующие специальные методы: историко-правовой, логический, систематический, догматический и сравнительно-правовой.

Выводы: высказанные в данной статье рекомендации по осуществлению квалификации и конструирования убийства при отягчающих обстоятельствах направлены на преодоление существующих сложностей в уголовно-правовой оценке ряда обстоятельств, дифференцирующих уголовную ответственность за убийство.

Практическое значение: заключается в том, что в работе высказаны рекомендации по правильной квалификации и конструированию ряда квалифицирующих признаков убийства в целях единообразного их толкования и использования в процессе правоприменения.

Оригинальность работы: определяется системным подходом к рассмотрению и решению некоторых проблем квалификации и конструирования убийства при отягчающих обстоятельствах.

Ценность работы: данная статья ориентирована на профессорско-преподавательский состав юридических вузов, аспирантов, адъюнктов, соискателей и студентов, интересующихся вопросами уголовного права и квалификации преступлений, а также сотрудников ОВД, прокуратуры и судов.

Ключевые слова: убийство, квалификация, квалифицирующие признаки, убийство двух и более лиц, убийство малолетнего, убийство, сопряженное с другим преступлением.

PANFEROV Dmitriy Nikolaevich

senior lecturer of Special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the Ministry Internal Affairs of the Russian Federation, police Lieutenant Colonel

PUGACHEV Alexey Viktorovich

senior lecturer of Special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the Ministry Internal Affairs of the Russian Federation, police Colonel

SOME CONTROVERSIAL ISSUES QUALIFICATION AND DESIGN OF COMPOSITION OF MURDER WITH AGGRAVATING CIRCUMSTANCES

Task: the Reason for writing the article was the lack of a single point of view, both in theoretical and in practical terms regarding the qualification and design of certain types of murder with aggravating circumstances..

Methods: the methodological basis of the work are dialectical method of scientific knowledge, as well as the following special methods: historical, legal, logical, systematic, dogmatic and comparative law.

Conclusions: expressed in this article recommendations for the implementation of the development and design of murder with aggravating circumstances is aimed at overcoming the existing difficulties in criminal law evaluation of a number of circumstances differentiating criminal responsibility for the murder.

Practical significance: is that in the work made recommendations on proper qualifications and the design of a number of qualifying signs of murder in order to assure uniform interpretation and use in the enforcement process.

The originality of the work: determined by a systematic approach to the consideration and solution of some problems of qualification and design murder under aggravating circumstances.

Value: this article is focused on the teaching staff of law schools, graduate students, adjuncts, job seekers and students interested in criminal law and the qualification of the offence, as well as police officers, prosecutors and judges.

Keywords: murder, qualification, qualifying features, the murder of two and more persons, murder juvenile, murder, paired with another crime.

Панфёров Д. Н.

Пугачёв А. В.

Современная уголовная политика в отношении убийства при отягчающих обстоятельствах складывалась под воздействием целого ряда факторов. Во-первых, в последние годы убийство, совершенное при отягчающих обстоятельствах, становится высоколатентным – насильственных посягательств

данного вида совершается как минимум в 2-3 раза больше, чем регистрируется.¹ Во-вторых, сложности в квалификации ука-

1 Игнатов А. Н. Дискуссионные вопросы квалификации убийств // Общество и право. 2009. № 2. С. 20

занных деяний при наличии противоречивой судебной практики² и неоднозначности в теоретических подходах по вопросу уголовной правовой оценки действий виновного лица.

С целью решения этих и ряда других проблем законодатель неоднократно вносил изменения в текст уголовного закона с целью уточнения и систематизации соответствующих норм³, а Верховный Суд Российской Федерации давал соответствующие разъяснения по рассматриваемым вопросам.

Вместе с тем представляется, что существующее положение вещей относительно вопросов квалификации и конструирования некоторых квалифицирующих признаков убийства не является бесспорным и требует определенного пересмотра.

1. Убийство двух и более лиц. Данное деяние предусмотрено п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Уголовно-правовая доктрина длительное время исходила из того, что данный вид квалифицированного убийства существовал как альтернатива неоднократным случаям лишения жизни, и предусматривал наличие единства умысла виновного на лишение жизни нескольких лиц. Действия виновного рассматривались как единое продолжаемое преступление.

С учетом изменений уголовного законодательства, связанных с пересмотром положений института множественности преступлений, неоднократность была исключена из текста уголовного закона⁴, а совокупность преступлений – расширена.

В связи с изложенным, правоприменитель отреагировал на данную проблему применительно к убийству двух и более лиц, но не сразу.

Лишь Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 3 апреля 2008 г. № 4⁵ было внесено изменение в предыдущую редакцию п. 5 постановления от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)».

В настоящее время п. 5 указанного Постановления выглядит следующим образом: «В соответствии с положениями ч. 1 ст. 17 УК РФ убийство двух или более лиц, совершенное одновременно или в разное время, не образует совокупности преступлений и подлежит квалификации по пункту «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а при наличии к тому оснований также и по другим пунктам части 2 данной статьи, при условии, что ни за одно из этих убийств виновный ранее не был осужден».

С одной стороны, с данной позицией трудно не согласиться, поскольку, как отмечает В.Н. Титова, ключевым при оценке поведения серийного убийцы должен выступать не умысел, а жизнь конкретного человека⁶.

Исходя из положения, предусмотренного ч. 1 ст. 17 УК РФ о том, что совокупность преступлений отсутствует, если совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями

Особенной части УК РФ в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание, действия виновного, лишившего жизни несколько человек должны рассматриваться как квалифицированный вид убийства – убийство двух и более лиц, предусмотренный п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

С другой стороны, Верховный Суд РФ справедливо считал, что положения ч. 1 ст. 17 УК РФ применительно к преступлению (в данном случае убийству) нескольких лиц необходимо однозначно расценить как квалифицированный убийство признак, однако возникает вопрос, а не приведет ли это к «обезличиванию» всех тех случаев лишения жизни, которые имели место быть в поведении виновного лица?

Каждое преступление, в том числе и убийство, должно иметь свою самостоятельную правовую оценку. По сути правоприменитель формулировкой «убийство двух или более лиц, совершенное одновременно или в разное время, не образует совокупности преступлений» указывает на то, что речь идет, как ранее было сказано, о так называемом продолжаемом преступлении. Теоретические положения на этот счет сводят на нет желание Пленума Верховного Суда РФ усилить уголовную ответственность за подобное поведение виновного лица, поскольку каждое из совершенных виновным убийств должно по логике правоприменителя в обязательном порядке являться частью «цепочки убийств».

На наличие существующей проблемы указывает и сам Верховный Суд РФ, который внес изменения в абз. 2 п. 5 Постановления № 1 от 27 января 1999 г., предусмотрел следующее: «Убийство одного человека и покушение на убийство другого не может рассматриваться как оконченное преступление – убийство двух лиц. В таких случаях независимо от последовательности преступных действий содеянное следует квалифицировать по ч. 1 или ч. 2 ст. 105 и по ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ».

Таким образом, в тексте Постановления заложено явное противоречие. С одной стороны, указывается, что убийство двух и более лиц единое продолжаемое преступление, с другой – если оно связано хотя бы с одним случаем неоконченного убийства, то речь идет одновременно и о совокупности и о неоконченном едином преступлении.

Думается, что данная теоретико-прикладная проблема должна найти свое однозначное разрешение. Либо правоприменитель должен признавать убийство одного человека и покушение на убийство другого как неоконченное продолжаемое преступление – покушение на убийство двух лиц; либо отказаться от того, что убийство двух и более лиц исключает совокупность преступлений и признать необходимость вменения виновному во всех подобных случаях (оконченных убийств) – самостоятельно каждого отдельного эпизода в совокупности, а также п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Представляется, что первая позиция выглядит как более справедливая, поскольку позволяет систематически толковать и положения ч. 1 ст. 17 и ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Во втором же случае имеет место так называемое двойное вменение, которому, как известно, не место в уголовном законе, исходя из принципа справедливости (ч. 2 ст. 6 УК РФ).

Вместе с тем, это не решает в целом проблему существующей трактовки Пленумом Верховного Суда РФ положений ч. 1 ст. 17 УК РФ, поскольку в таком виде нарушается правило самостоятельной оценки каждого преступного деяния, что не допустимо, как с правовой, так и с процессуальной точки зрения. Следовательно, законодателю следовало бы пересмотреть исключения, заложенные в тексте ч. 1 ст. 17 УК РФ применительно к совокупности преступлений.

2 Фахрисламов Т. Р., Хахимов Э. Р. Убийство мнимой беременной женщины: спорные вопросы квалификации // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2015. № 1 С. 53

3 Нуркаева Т. Н., Диваева И. Р. Спорные вопросы толкования некоторых квалифицированных видов убийства в теории уголовного права и судебной практике // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 2. С. 127

4 Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 52. Ст. 4848.

5 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 3 апреля 2008 г. № 4 «О внесении изменения в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 6.

6 Титова В. Н. Квалификация убийства двух и более лиц: расхождение закона и позиции Верховного Суда РФ // Уголовный процесс. 2010. № 3.

2. Убийство малолетнего (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

Длительное время сам по себе малолетний возраст потерпевшего не рассматривался как самостоятельный квалифицирующий признак убийства. До недавнего времени он фактически являлся составной частью признака «беспомощное состояние».

В п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда № 1 от 27 января 1999 г. «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» указано, что «по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии) надлежит квалифицировать умышленное причинение смерти потерпевшему, неспособному в силу физического или психического состояния защитить себя, оказать активное сопротивление виновному, когда последний, совершая убийство, сознает это обстоятельство. К лицам, находящимся в беспомощном состоянии, могут быть отнесены, в частности, тяжелобольные и престарелые, малолетние дети, лица, страдающие психическими расстройствами, лишаящими их способности правильно воспринимать происходящее»⁷.

Изменения, внесенные 27 июля 2009 г. Федеральным законом № 215-ФЗ, выделили убийство малолетнего в самостоятельный квалифицирующий признак, предусмотренный п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, наряду с беспомощным состоянием. Причем законодатель, применительно к малолетнему, не включил в текст закона указание на признак «заведомость». Данный подход указывает на то, что для вменения указанного признака необходимо, чтобы жертва убийства не достигла 14-летнего возраста. При этом не важно осознавал данный факт виновный или нет.

Указанное положение свидетельствует о желании законодателя с одной стороны осуществить дополнительную защиту интересов малолетних; с другой стороны – усилить уголовную ответственность за посягательство на жизнь указанных лиц.

С правовой позиции речь идет о так называемом объективном вменении по отношению к убийце, поскольку вне зависимости от осознания им признаков потерпевшего, характеризующих его возраст, ему вменяется в вину квалифицирующее обстоятельство убийства. Несмотря на то, что объективное вменение недопустимо (ч. 2 ст. 5 УК РФ), следует согласиться с А.И. Марцевым в том, что оно как исключение из правил имеет право на существование, при этом, законодатель должен стремиться к тому, чтобы ограничить возможность его применения⁸.

Внося такие изменения, законодатель «стимулирует» объективное вменение признаков преступлений, характеризующихся повышенной степенью общественной опасности.

Вместе с тем, изменения, связанные с исключением указания на признак «заведомости» применительно к возрасту потерпевшего, были внесены указанным выше Федеральным законом от 27 июля 2009 г. № 215-ФЗ и в ст.ст. 131 и 132 УК РФ.

Давая соответствующие разъяснения на этот счет, Пленум Верховного Суда РФ в постановлении № 16 от 4 декабря 2014 г. «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» отметил, что применяя закон об уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных ст.ст. 131 и 132 УК РФ, в отношении несовершеннолетних (малолетних), судам следует исходить из того, что квалификация преступлений по соответствующим признакам «возможна лишь в случаях, когда виновный знал или допускал, что потерпевшим является лицо, не достигшее восемнадцати лет или иного возраста,

специально указанного в диспозиции статьи Особенной части УК РФ»⁹.

Как отмечают В.Б. Поезжалов и А.Е. Линкевич, Пленум Верховного Суда РФ в указанном постановлении фактически говорит, что изменения, внесенные относительно исключения из текста уголовного закона признака «заведомости», не следует учитывать, а руководствоваться содержанием умысла виновного¹⁰.

Следовательно, следует сделать вывод о том, что желание законодателя «усилить ответственность» за убийство малолетнего, используя «объективное вменение», в реальности не реализуется (не может быть реализовано), поскольку Пленум, используя ограничительное толкование закона, сужает сферу действия правовой нормы. При этом думается, целесообразно, чтобы соответствующие разъяснения были даны и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 27 января 1999 г. «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», чтобы единообразить судебную практику и не допустить расхождений в принятии решений по аналогичным делам.

3. Убийство, сопряженное с совершением того или иного преступления.

Данных видов квалифицированного убийства достаточно много. Законодатель не выделяет их в одном пункте ч. 2 ст. 105 УК РФ. Убийство, сопряженное с похищением человека предусмотрено в п. «в», на убийство, сопряженное с разбоем, вымогательство или бандитизмом указано в п. «з», а убийство, сопряженное с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера предусмотрено п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Как отмечает Г. Н. Борзенков, вопрос о конструировании и квалификации убийств, сопряженных с совершением вышеуказанных преступлений, всегда носил спорный характер¹¹. Вместе с тем, наличие подобного рода конструкций, несмотря на всю их сложность, было оправдано временем. Судами различных уровней наработан достаточно большой объем судебной практики, которая систематизирована Верховным Судом РФ. Преступные деяния виновного во всех рассматриваемых случаях в соответствии с пп. 7, 11, 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве» следует квалифицировать по совокупности соответствующего пункта ч. 2 ст. 105 УК РФ («в», «з» или «к») и статьи УК РФ, предусматривающей ответственность за похищение человека (ст. 125 УК РФ), разбой (ст. 162 УК РФ), вымогательство (ст. 163 УК РФ), бандитизм (ст. 131 УК РФ), изнасилование (ст. 131 УК РФ) или насильственные действиями сексуального характера (ст. 132 УК РФ)¹².

Особенность подобного рода квалификации строится на приоритете человеческой жизни над другими благами и на том, что с одной стороны, ни одно деяние не может охватывать собой убийство другого человека, с другой – убийство не может охватывать посягательства на иные объекты уголовно-правовой охраны. При этом признак «сопряженность» следу-

7 Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3.

8 Марцев А. И. Избранные труды. Омск, 2005. С. 205

9 Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 2.

10 Поезжалов В. Б., Линкевич А. Е. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»: решение вопросов или новая редакция имеющихся правоприменительных проблем // Бизнес в законе. 2015. № 2. С. 168.

11 Борзенков Г. Н. Квалификация преступлений против жизни и здоровья. М., 2006. С. 56.

12 Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3.

ет оценивать как «существующий наряду», «существующий самостоятельно».

Федеральным законом № 321-ФЗ от 30 декабря 2008 г. в ч. 3 ст. 205 «Террористический акт», ч. 4 ст. 206 УК РФ «Захват заложника» и ч. 3 ст. 281 «Диверсия» были закреплены особо отягчающие обстоятельства, усиливающие наказание за соответствующие деяния, если они «повлекли умышленное причинение смерти человеку».

Данные положения изменили тот подход к конструированию и квалификации убийства и сопряженных с ним преступлений, который существовал многие годы. Фактически законодатель пересмотрел место нормы об убийстве в системе уголовно-правовых предписаний. В связи с этим Пленум Верховного Суда РФ в п. 9 Постановления № 1 от 9 февраля 2012 г. «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» указал, что «в случае, если террористический акт повлек умышленное причинение смерти человеку (либо двум и более лицам), содеянное охватывается пунктом «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ и дополнительной квалификации по ст. 105 УК РФ не требуется»¹³.

Конструкция «сопряженности», применительно к убийству, как представляется, выглядит более предпочтительной по сравнению с формулировкой «повлекли умышленное причинение смерти человеку».

Во-первых, одно деяние не может повлечь за собой другое деяние. Таких законодательных конструкций нет ни в одной другой уголовно-правовой норме (кроме ч. 3 ст. 205, ч. 4 ст. 206 и ч. 3 ст. 281 УК РФ). Деяние может быть причиной наступления последствий, а по логике законодателя террористический акт, захват заложника или диверсия может повлечь за собой убийство, т. е. другое деяние¹⁴. В связи с этим достаточно спорной выглядит законодательная конструкция при которой, скажем, захват заложника повлечет за собой «умышленное причинение смерти человеку». Справедливее говорить о том, что захват заложника был сопряжен с убийством.

Во-вторых, если законодатель избрал «иной» в сравнении с уже сложившимся подход к формулированию правил оценки убийства в ходе совершения иных преступных деяний, то почему это коснулось только захвата заложника, террористического акта и диверсии? Представляется, что следовало бы предусмотреть указание на данные деяния, как сопряженные с убийством в ч. 2 ст. 105 УК РФ.

В-третьих, исключение дополнительной квалификации по ст. 105 УК РФ в случае совершения террористического акта, захвата заложника или диверсии при не назначении судом наказания в виде пожизненного лишения свободы исключает совокупность преступлений, а, значит, назначаемое наказание может быть ниже, чем в случае совершения виновным деяний «сопряженных с убийством», что не вполне справедливо с точки зрения индивидуализации наказания.

В связи с изложенным, представляется целесообразным унифицировать и систематизировать уголовно-правовые предписания относительно случаев, когда в процессе совершения преступных деяний виновным совершается убийство. В этих целях необходимо предусмотреть указание на сопряженность убийства и составов террористического акта, захвата заложника

и диверсии, предусмотрев указание в одном из пунктов ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 52. Ст. 4848.
2. Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3.
3. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4.
4. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 2.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 3 апреля 2008 г. № 4 «О внесении изменения в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 6.
6. Бавсун М. В., Николаев К. Д. Проблемы юридической оценки преступлений против общественной безопасности, сопряженных с убийством // Российская юстиция. 2010. №1.
7. Борзенков Г. Н. Квалификация преступлений против жизни и здоровья. М., 2006.
8. Игнатов А. Н. Дискуссионные вопросы квалификации убийств // Общество и право. 2009. № 2.
9. Марцев А. И. Избранные труды. Омск, 2005.
10. Нуркаева Т. Н., Диваева И. Р. Спорные вопросы толкования некоторых квалифицированных видов убийства в теории уголовного права и судебной практике // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 2.
11. Поезжалов В. Б., Линкевич А. Е. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»: решение вопросов или новая редакция имеющихся правоприменительных проблем // Бизнес в законе. 2015. № 2.
12. Титова В. Н. Квалификация убийства двух и более лиц: расхождение закона и позиции Верховного Суда РФ // Уголовный процесс. 2010. № 3.
13. Фахрисламов Т. Р., Хакимов Э.Р. Убийство мнимой беременной женщины: спорные вопросы квалификации // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2015. № 1.

¹³ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4.

¹⁴ Бавсун М. В., Николаев К. Д. Проблемы юридической оценки преступлений против общественной безопасности, сопряженных с убийством // Российская юстиция. 2010. №1. С. 32.

ГИЛЯЗОВ Руслан Рэлифович

преподаватель кафедры криминалистики Уфимского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СРЕДСТВ СОТОВОЙ ТЕЛЕФОННОЙ СВЯЗИ

В статье рассматриваются особенности организации раскрытия и расследования мошенничеств с использованием средств сотовой телефонной связи. Большое внимание уделено этапу сбора материалов предварительной проверки и алгоритму действий сотрудников ОВД на первоначальном этапе расследования. Научной новизной исследования является разработка действий сотрудника ОВД при поступлении информации о совершении мошенничеств с использованием средств сотовой телефонной связи.

Ключевые слова: сотовый телефон, мошенничество, потерпевший, способ совершения преступления, информация, материалы предварительной проверки.

GILYAZOV Ruslan Refilovich

lecturer of Criminalistics sub-faculty of the Ufa Law Institute of the Ministry Internal Affairs of the Russian Federation

FEATURES OF THE ORGANIZATION OF DETECTION AND INVESTIGATION OF FRAUD WITH THE USE OF CELLULAR COMMUNICATION

The article discusses the features of the organization of detection and investigation of fraud with the use of cellular communication. Much attention is paid to the preliminary stage of collecting materials testing and algorithm of actions of law enforcement officials in the initial stage of the investigation. Scientific novelty of the research is to develop actions of ATS personnel when entering information on committing fraud with the use of a cellular telephone.

Keywords: cell phone, fraud, victim, modus operandi, information materials preliminary check.

Гилязов Р. Р.

Раскрытие преступлений – это деятельность оперативных подразделений ОВД по обнаружению признаков преступлений, установлению лиц, их совершивших, и принятию к ним мер, предусмотренных законом.

Изучение уголовных дел, расследованных органами предварительного следствия, показало, что поводами для возбуждения уголовных дел по фактам совершения мошенничеств с использованием средств сотовой телефонной связи (более 60 %) являются заявления граждан.

Особенностью совершения данного вида мошенничеств является отсутствие визуального контакта преступника с потерпевшим, что усложняет процесс его установления и поимки, поэтому сотрудникам правоохранительных органов необходимо грамотно тщательно осуществлять сбор материалов предварительной проверки.

Так при поступлении сообщения о совершенном мошенничестве с использованием средств сотовой телефонной связи, оперативный дежурный по органу внутренних дел (далее – ОВД) фиксирует данные заявителя, выясняет место и обстоятельства совершенного преступления, абонентские номера, с которых заявителю поступили звонки, либо SMS-сообщения, а также абонентские номера или счета на которые были перечислены денежные средства.

После принятия устного заявления от гражданина и его оформления, сотрудники ОВД, находящиеся в составе следственно-оперативной группы, в течение дежурных суток должны провести ряд неотложных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ).

Так, оперуполномоченный уголовного розыска (далее – ОУР) подробно опрашивает заявителя, выясняя у него:

– обстоятельства совершенного преступления (дата и точное время поступления звонка от неустановленного злоумышленника, номер телефона, если он определен, по возможности дословно содержание разговора с преступником, местонахождение потерпевшего в момент разговора, номер с которого поступило SMS-сообщение, каким образом переданы деньги мошеннику («банковский перевод», «мобильный кошелек», личный контакт);

– способность заявителя узнать голос собеседника, в том числе по частным признакам речи (жаргон, сленг и т.д.);

– каким оператором сотовой связи и ГТС пользуется заявитель, изъять у него распечатку его телефонных переговоров;

– приметы лица, которому заявитель передал деньги (например, таксисту), номер транспортного средства, на котором он передвигался, установить возможность опознания;

– выяснить имеется ли расписка подозреваемого в получении денег;

– где расположен платежный терминал, через который переведены денежные средства, наличие чеков терминала;

– через какое отделение банка осуществлен перевод денежных средств, на имя кого переведены деньги, сохранились ли какие-либо платежные документы у потерпевшего.

В случае если мошенник лично получил денежные средства от потерпевшего, либо денежные средства получило другое лицо (например, таксист) необходимо незамедлительно составить субъективный портрет преступника, а также предъявить имеющиеся фото- и видеокартотеки с целью идентификации преступника с имеющимися данными о лицах, ранее совершавших преступления, содержащихся в криминалистических учетах.

В дальнейшем оперуполномоченный проводит ОРМ по установлению принадлежности номера телефона, с которого звонили преступники, местонахождения лица звонившего заявителю с привязкой к базовым станциям (бининг), а также IMEI-номера телефонов, в которые вставлялась SIM-карта с абонентским номером звонившего и абонентского номера, на которые перечислялись денежные средства.

На основании полученной информации устанавливает, куда в какой регион Российской Федерации перечислены денежные средства, месторасположение банка, кто и где снял денежные средства, на кого зарегистрирован счет.

В ходе изучения уголовных дела данной категории нами было установлено, что мошенники согласно разработанной схеме проводят (транзакций) переводы денежных средств с разбивкой по разным заранее подготовленным счетам с целью запутывания и сокрытия следов.

Поэтому для установление всей цепочки необходимо получить информацию о движении денежных средств с абонентского номера, на который были перечислены денежные средства, и установить лицо, которое получило денежные средства, путем направления запроса например в ООО НКО «Яндекс. Деньги» и др.

В силу развитости современных информационных и банковских технологий выхода в эфир посредством мобильной связи, а также распоряжение поступившими на счет денежными средствами, в том числе и их обналчивание, возможно в любой точке мира, где подобные услуги могут быть предоставлены¹. Исходя из этого, с момента зачисления денег на банковский счет лица, оно получает реальную возможность распоряжаться поступившими денежными средствами по своему усмотрению², например, осуществлять расчеты от своего имени или от имени третьих лиц, не обналчивая денежные средства, полученные в результате мошенничества.

В дальнейшем следователь после получения материалов предварительной проверки при наличии оснований для возбуждения уголовного дела, а также достаточных данных, указывающих на признаки преступления, выносит постановление о возбуждении уголовного дела.

Процесс раскрытия и расследования преступления зависит от умения правильно оценить и разрешить сложившуюся по делу ситуацию, исходя из имеющейся в распоряжении информации³.

Ключевым элементом следственной ситуации является информация, имеющаяся в распоряжении лица, ведущего расследование. Поэтому в зависимости от типичных ситуаций, складывающихся в процессе расследования, перед следователем стоит задача выбрать наиболее рациональную и эффективную систему действий и выстроить их в определенной последовательности, то есть разработать программу расследования преступления.

Важным значением здесь обладает определение типичных следственных ситуаций. Такие ситуации имеют общий характер и повторяющиеся черты. Они являются результатом

научного обобщения следственной практики. Поэтому «типичная следственная ситуация как высокая степень научной абстракции имеет большое теоретическое и методическое значение для разработки многих вопросов криминалистики»⁴.

В ходе изучения уголовных дел о мошенничествах с использованием средств сотовой телефонной связи нами были выделены три наиболее типичные следственные ситуации, возникающие на первоначальном этапе расследования:

1. Мошенник лично вступает в контакт с потерпевшим и получает деньги.

2. Мошенник требует от потерпевшего осуществить перевод денег через отделения банков РФ в указанный им город и на имя конкретного получателя через платежные терминалы «QIWI», на названный номер мобильного телефона, либо через платежные системы в глобальной компьютерной сети Интернет.

3. Мошенник использует курьера (соучастника) для получения от потерпевшего денежных средств.

Анализ организации и тактики раскрытия и расследования мошенничеств с использованием средств сотовой телефонной связи дает основание признать, что многообразие выявленных способов совершения рассматриваемых противоправных деяний не позволяет выработать универсальных рекомендаций по их раскрытию.

Однако в ходе исследования нами был разработан определенный алгоритм действий оперативных сотрудников и следователя при раскрытии и расследовании мошенничеств с использованием средств сотовой телефонной связи⁵.

В рамках названных выше ситуаций рассмотрим общий алгоритм проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

– в случае если осмотр места происшествия не проведен, организовать выезд следственно-оперативной группы на место происшествия для его осмотра с участием потерпевшего, специалиста-криминалиста, с целью обнаружения возможных следов рук, обуви, микрообъектов (в случаях, если передача денег происходила в квартире);

– провести осмотр прилегающей к месту происшествия территории с целью установления наличия внешних камер видеонаблюдения (в случае, если передача денег состоялась на улице) и произвести изъятие интересующей информации;

– составить субъективный портрет лица, которому передавались деньги;

– предъявить фото-, видеотеку лиц, ранее судимых за аналогичные преступления (оперативное отождествление);

– допросить потерпевшего и выяснить где, когда, через какой платежный терминал, банк он осуществил перевод, сохранил ли чеки;

– установить и допросить владельца платежного терминала (данные собственника можно получить при проведении контрольной платежной операции, при этом на чеке будут отражены данные юридического лица: ИНН, номер, адрес и др.);

– произвести в банке, где было произведено снятие денежных средств выемку записей видеонаблюдения с изображением подозреваемых лиц, а также выемку документов, подтверждающих денежные переводы, а именно: заявлений о

1 Фрост С. М., Федосов А. Е. Проблемы определения места расследования мошенничества с использованием электронных форм платежей Консультант Плюс / ЗАО «Консультант Плюс». – Версия 4015.00.04 – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: клиент-сервер. – Загл. с экрана.

2 П. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате».

3 Куринов Б. А. Криминалистические и процессуальные аспекты расследования мошенничества: Дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – С. 103.

4 Бембева Г. В. Тактические и психологические особенности расследования мошенничества: Дисс. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2001. – С. 62.

5 Методика организации раскрытия и расследования преступлений, связанных с телефонным мошенничеством: методические рекомендации / Р. Р. Гилязов, И. Х. Еркеев, С. Л. Куприянов. – Уфа: УЮИ МВД России, 2013. – 38 с.

выплате блиц-перевода, расходных кассовых ордеров, отчетов по блиц-переводам;

– допросить сотрудников банков, чьими услугами пользовались мошенники;

– установить и допросить лицо, которое явилось получателем денежных средств;

– направить в отделение ОУР отдельное поручение с целью проведения ОРМ и установления очевидцев преступления;

– в соответствии со ст. 186.1 УПК РФ получить информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами;

– провести осмотр полученных документов (информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами);

– допросить лиц, на имя которых зарегистрирован абонентский номер;

– провести задержание и личный обыск подозреваемого с изъятием сотовых телефонов, SIM-карт, чеков, квитанций о переводах денежных средств;

– потерпевшим и свидетелям предъявить для опознания подозреваемого;

– произвести с привлечением специалиста осмотр предметов – изъятых сотовых телефонов, SIM-карт с целью установления входящих и исходящих звонков на абонентские номера потерпевших и соучастников преступления за определенные интересующие следствие периоды с указанием периодичности и продолжительности звонков, а при необходимости назначить компьютерно-техническую экспертизу;

– допросить подозреваемого;

– провести обыск по месту жительства подозреваемого с целью обнаружения сотовых телефонов, SIM-карт, чеков, квитанций о переводах денежных средств.

Успех организации раскрытия и расследования мошенничеств с использованием средств телефонной связи, во многом обеспечивают быстрота и решительность действий оперативных сотрудников и следователя в самые первые часы проверки сообщений и организованное взаимодействие с различными подразделениями правоохранительных органов.

Пристатейный библиографический список

1. Фрост С. М., Федосов А. Е. Проблемы определения места расследования мошенничества с использованием электронных форм платежей Консультант Плюс / ЗАО «Консультант Плюс». – Версия 4015.00.04 – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: клиент-сервер. – Загл. с экрана.
2. Куринов Б. А. Криминалистические и процессуальные аспекты расследования мошенничества: Дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – С. 103.
3. Бембеева Г. В. Тактические и психологические особенности расследования мошенничества: Дисс. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2001. – 188 с.
4. Методика организации раскрытия и расследования преступлений, связанных с телефонным мошенничеством [Текст]: методические рекомендации / Р. Р. Гилязов, И. Х. Еркеев, С. Л. Куприянов. – Уфа: УЮИ МВД России, 2013. – 38 с.
5. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате».

МАНТУЛИНА Оксана Олеговна

аспирант кафедры гражданского права и процесса Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова

ПРАВОВЫЕ РИСКИ В АЛИМЕНТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ

Автор проводит правовой анализ рисков явлений в алиментных обязательствах, опираясь не только на действующее законодательство, но и на позиции ученых-юристов, работающих в данной сфере. При этом автор выделяет не только понятие рисков в алиментных обязательствах, что является новым в данной сфере, но и предлагает их классификацию, в завершение выделяя некоторые проблемы, являющиеся основанием для появления рисков в данной сфере.

Ключевые слова: алименты, алиментные обязательства, риск, правовые риски, риски в алиментных обязательствах, алиментный фонд, правоотношения.

MANTULINA Oksana Olegovna

postgraduate student of Civil Law and Process sub-faculty of G. V. Plekhanov Russian Economics University

LEGAL RISKS IN MAINTENANCE OBLIGATIONS

The Author conducts a legal analysis of risk phenomena to maintenance obligations, based not only on the existing legislation, but also on the position of legal scholars working in this field. The author highlights not only the concept of risks to maintenance obligations, what is new in this field, but also offers their classification, at the end highlighting some of the problems that are the basis for the emergence of risks in this area.

Keywords: alimony, alimony obligations, risk, legal risks, risks to maintenance obligations, alimony Fund, relationship.

Мантулина О. О.

Алименты являются следствием невыполнения обязательств одного лица перед другим. Невыполнение таких обязательств создает не только правовые, но и экономические, и социальные риски для получателя алиментов. Сами алименты и направлены на предотвращение различных рисков у их получателя, с помощью предоставления компенсаций.

Как отмечают многие авторы, риск-это вероятность появления неблагоприятных событий, которые связаны с убытками. При этом, Данов А. А., утверждает, что зачастую на практике, внимание уделяется стоимостной оценке подверженности риска, а не возможности неблагоприятного исхода.¹ Поэтому стоит сказать, что по отношению к алиментным обязательствам, риск имеет сложный характер. Ведь в данном случае характеристики, применяемые для определения рисков ситуации, такие как случайный характер события или наличие альтернативных решений, сложно применимы, если применимы вообще. Ведь при назначении алиментов судом, или же по соглашению между сторонами уже нет никаких альтернативных вариантов разрешения ситуации. Однако же, можно допустить случайный характер наступления событий в случае отказа стороны от получения алиментов. Можно сказать и о такой характеристике наступления рисков алиментов, как вероятность возникновения убытков. При этом мы не можем говорить о случайном характере события в отношении установления алиментов в рамках конкретного лица. Закон четко дает понимание, кто имеет право на получение алиментов. В отношении такой характеристики, как вероятность возникновения убытков, нужно иметь в виду, что мы говорим именно об алиментополучателях. У них существует огромная вероятность неполучения алиментных платежей по разным причинам. Говоря о вероятности получения убытков в отношении алиментодателей, можно сделать вывод, что это нельзя отно-

ситель к рисковому явлению, так как это является исполнением своих обязательств.

Так что же такое риск в алиментных обязательствах? Явление, вероятность которого мало предопределена, или же это целенаправленная деятельность субъектов? Полагаю, что в данном случае риск в алиментных обязательствах - это деятельность субъектов, направленная на устранение неблагоприятных явлений, которые могут возникнуть в отношении получателей таких алиментов.

Автор предлагает выделить классификацию рисков в алиментных обязательствах.

Классификация:

1) По участвующим элементам:

- алиментодатели
- алиментополучатели
- органы опеки и попечительства
- судебные органы, назначающие алименты

2) По субъекту, по чьей вине наступил риск:

- алиментодатель
- алиментополучатель
- государственный орган, как выносящий решение о назначении алиментов, так и сопутствующий вынесению решений.

3) По факторам, влияющим на получение алиментов:

- внешние (независящие от субъектов)
- внутренние (зависящие от субъектов)

4) По степени риска:

- не влияющий на жизненный уровень получателя алиментов
- не сильно влияющий на жизненный уровень получателя алиментов
- сильно влияющий на жизненный уровень получателя алиментов (может ставить получателя алиментов в состояние

1 Данов А. А. «Классификация рисков» // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 10.

зависимости от плательщика алиментов, а иногда и в состоянии крайней нужды).

Говоря про риски в алиментных обязательствах, нельзя не сказать и о проблемах в отрасли, вызывающих эти самые риски, а также о некоторых способах минимизации.

В ряде случаев между плательщиком и получателем алиментов существует устная договоренность материальной выплаты и, естественно, в подобных ситуациях нет никакой письменной гарантии, что денежные средства были переданы непосредственно получателю. В данном случае необходимо получать расписки, либо перечислять сумму алиментов на расчетный счет ребенка или родителя в банке, таким образом, обезопасив его. Нередки примеры, когда отношения между бывшими супругами портятся, несмотря на то, что обязанное лицо исправно производит выплату алиментов на регулярной основе в течение нескольких лет в добровольном порядке, а получатель алиментов (в данном случае, мать несовершеннолетнего) обращается в суд за взысканием, в том числе и за тот период, в который вы уже выплатили алименты. Если не существует доказательств уплаты, то доказать в суде, что добросовестная выплата за определенный период была воспроизведена, вряд ли удастся.

Стоит отметить, что не существует внесудебного расторжения соглашения об уплате алиментов. Для того, чтобы расторгнуть соглашение, необходимо обращаться в суд. Возможно, разрешив внесудебный порядок расторжения об уплате алиментов, законодатель, упростив расторжение, мог снять такую проблему, когда алименты не доходят до своих получателей или не тратятся на них по разным причинам. Например, передав контроль над исполнением судебного решения об уплате алиментов различным социальным органам.

Другой вопрос в соглашении об уплате алиментов - это установление их размера. Сейчас размер алиментов устанавливается в зависимости от заработной платы. Однако, автор считает, что необходимо законодательно закрепить необходимость учитывать состояние здоровья получателя алиментов, его материальное положение, материальное положение родителя или опекуна, с кем проживает получатель алиментов, уровень потребностей, состояние здоровья и материальное положение плательщика алиментов.

Возникают ситуации, когда на короткий срок плательщику алиментов необходим перерыв в уплате денежных средств на содержание. Например, чтобы отвезти ребенка на отдых, купить дорогую вещь, потратить крупную сумму на образование и т.д. В этих случаях видится целесообразным предоставлять плательщикам алиментов так называемые «алиментные каникулы». Срок таких алиментных каникул может устанавливаться, как по соглашению сторон, так и судом.

Также, нельзя не отметить, что законодательно закреплена уголовная ответственность за злостное уклонение от уплаты алиментов. Это несет риски уже для самого плательщика алиментов. В случаях, когда плательщик алиментов попал в ситуацию, когда он остался без работы, и не имеет той необходимой суммы денежных средств на выплату, ему необходимо выплатить хотя бы минимальную сумму, так как уплата этой части будет свидетельствовать о том, что он не уклоняется от уплаты алиментов и признаков преступления в его действиях нет.

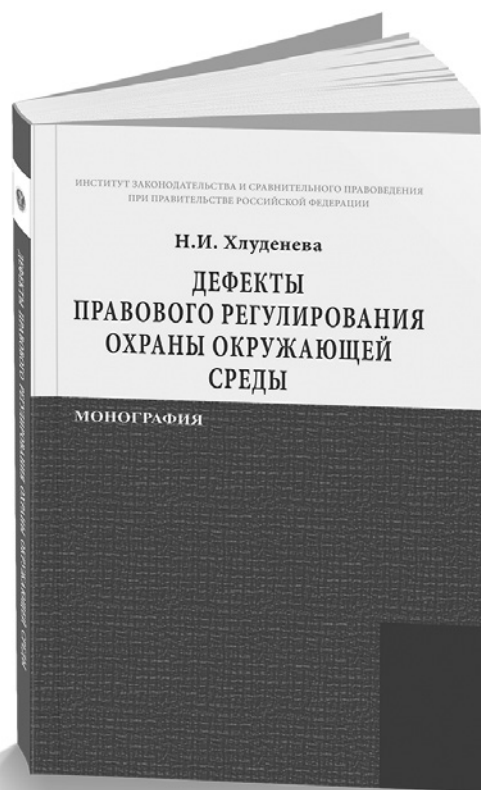
Но основной риск существует для получателя алиментов в виде неполучения самих платежей. Обычно, это происходит из-за нежелания плательщика расставаться с денежными средствами. При этом порядок взыскания средств довольно сложный и долгий, чем и пользуются неплательщики. Устранения данного вида рисков полностью, для получателей алиментов,

лежит в законодательной сфере и уже достаточно давно обсуждается, как необходимое средство защиты получателей алиментов. Речь идет о создании алиментного фонда, который бы выплачивал денежные средства алиментополучателям, которые не получают такие средства от алиментодателя. При этом фонд должен быть наделен правом регрессного требования к должнику о возврате выплаченных сумм алиментов.

Подводя итог, можно сказать, что алиментные обязательства, эта та сфера, где устранение рисков обусловлено важностью данной сферы, ее социальной направленности. При этом рисков в данной сфере остается предостаточно, но многие из них можно и необходимо решать на законодательном уровне.

Пристатейный библиографический список

1. Данов А. А. «Классификация рисков» // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 10.

ХРИСТЕНКО Анна Александровна

адъюнкт кафедры оперативно-розыскной деятельности Академии управления Министерства внутренних дел Российской Федерации

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА

В статье рассматриваются правовой и теоретический аспекты правоотношений в области информационной безопасности оперативно-розыскной деятельности подразделений уголовного розыска как комплексное решение повышения ее безопасности в борьбе с преступностью; защитное и наступательное средство в арсенале инструментов получения собственной информации.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, информация, информационная безопасность, угрозы безопасности, противодействие, защита, уголовный розыск.

KHRISTENKO Anna Alexandrovna

adjunct of Operational-Investigative Activity sub-faculty of the Academy of Management of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation

Христенко А. А.

THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS OF INFORMATION SECURITY OPERATIVELY-SEARCH ACTIVITY UNITS CRIMINAL INVESTIGATION DEPARTMENT

The article deals with theoretical and practical aspects of information and psychological attacks against the criminal investigation department using the methods of social engineering as a means of unauthorized access to the protected data of operatively-search information process.

Keywords: operatively-search activity, information security, security threats, information and psychological impact, social engineering, opposite reaction, Criminal Investigation Department.

Исследование проблем правового обеспечения информационной безопасности сопряжено с существенными методологическими и практическими трудностями. По целому ряду концептуальных проблем сохраняется многообразие точек зрения. Отсутствие общепринятой терминологии и единообразного нормативного толкования базовых категорий приводит к негативным практическим последствиям, рассогласованности действий субъектов, уполномоченных обеспечивать информационную безопасность.

По мнению М. Ю. Величко, формирование режима информационной безопасности органов внутренних дел – «проблема комплексная, в которой можно выделить четыре уровня: законодательный (законы, нормативные акты, стандарты и т.п.); административный (действия общего характера, принимаемые руководством); процедурный (меры безопасности, направленные на контроль за соблюдением сотрудниками мер, направленных на обеспечение информационной безопасности); программно-технический (технические меры)»¹.

Органы внутренних дел МВД России и, в первую очередь, их оперативные подразделения должны своевременно реагировать на появление новых информационных угроз и вызовов, связанных с процессами информатизации российского общества. Необходимо так же учитывать, что характерными чертами современной преступности является ее организованность и способность быстро адаптироваться к изменяющимся внешним социальным условиям, в том числе, к политике государства, проводимой в области уголовного правосудия по выработке защитных механизмов противодействия криминалу.

Оперативно-розыскная деятельность подразделений уголовного розыска² сегодня нуждается в эффективной организации, предусматривающей обеспечение информационной безопасности на организационно-управленческом и организационно-тактическом уровнях.

Исходя из этого, возникает необходимость развития теоретических положений и методологических принципов обеспечения информационной безопасности организации оперативно-розыскной деятельности подразделений уголовного розыска, базирующейся на современном законодательстве, научных подходах и потребностях ведомственной практики.

Следует констатировать, что действующее российское законодательство не содержит пока четкого определения информационной безопасности Российской Федерации.

Так, Федеральный закон РФ от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности»³ определяет перечень угроз, направленных против безопасности России в целом, а также средства реагирования на них. Однако данный Закон не только не дает представления о сущности информационной безопасности, но в отличие от ранее действовавшего закона с аналогичным названием⁴ – не содержит и определения самой национальной безопасности Российской Федерации. О приблизительном ее содержании можно судить лишь на основании положений ст. 1, где отмечается, что безопасность РФ складывается из таких элементов, как: безопасность государства, общественная безопасность, экологическая

2 Далее – УР.

3 О безопасности: Федеральный закон РФ от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ // Российская газета. 2010. 29 декабря.

4 О безопасности: Закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 15. Ст. 769 (утратил силу 29 декабря 2010).

1 Величко М. Ю. Информационная безопасность органов внутренних дел: теоретико-правовой аспект: дисс. ... канд. юрид. наук // Казань. 2007. С. 5.

безопасность, безопасность личности, иные виды безопасности, предусмотренные законодательством Российской Федерации.

Добывание информации с помощью оперативно-разыскных мер базируется на содержательном аспекте деятельности по обеспечению безопасности, которая определена ст. 3 Федерального закона «О безопасности»⁵. Содержание деятельности по обеспечению безопасности включает в себя:

- прогнозирование, выявление, анализ и оценку угроз безопасности;
- определение основных направлений государственной политики и стратегического планирования в области обеспечения безопасности;
- правовое регулирование в области обеспечения безопасности;
- разработку и применение комплекса оперативных и долговременных мер по выявлению, предупреждению и устранению угроз безопасности, локализации и нейтрализации последствий их проявления;
- применение специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности;
- разработку, производство и внедрение современных видов вооружения, военной и специальной техники, а также техники двойного и гражданского назначения в целях обеспечения безопасности;
- организацию научной деятельности в области обеспечения безопасности;
- координацию деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления в области обеспечения безопасности;
- финансирование расходов на обеспечение безопасности, контроль за целевым расходованием выделенных средств;
- международное сотрудничество в целях обеспечения безопасности;
- осуществление других мероприятий в области обеспечения безопасности в соответствии с законодательством Российской Федерации.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683⁶, определение информационной безопасности также отсутствует. В п. 6 этого документа говорится лишь о содержании национальной безопасности страны в целом. Она рассматривается как «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации. Национальная безопасность включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и законодательством Российской Федерации, прежде всего государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности».

Причем, понятия национальной обороны, государственной и общественной безопасности формулируются в Стратегии не через дефиниции, а путем перечисления основных целей последних, задач и угроз, направленных на их дестабилизацию, а также направленной государственной политики в сфере обеспечения и поддержания национальной безопасности страны. В этих положениях, среди прочих, декларируются угрозы дальнейшему развитию личности, общества и государства, имеющие информационную природу.

В соответствии с положением п. 31 Стратегии, обеспечение национальных интересов осуществляется посредством реализации стратегических национальных приоритетов, одним из которых является государственная и общественная безопасность. Главными направлениями обеспечения данных видов безопасности выступают «усиление роли государства в качестве гаранта безопасности личности и прав собственности, совершенствование правового регулирования предупреждения преступности (в том числе в информационной сфере), коррупции, терроризма и экстремизма, распространения наркотиков и борьбы с такими явлениями, развитие взаимодействия органов обеспечения государственной безопасности и правопорядка с гражданским обществом, повышение доверия граждан к правоохранительной и судебной системам Российской Федерации, эффективности защиты прав и законных интересов российских граждан за рубежом, расширение международного сотрудничества в области государственной и общественной безопасности».

В этой связи, показательным является высказывание профессора С. С. Алексеева о том, что «право – такой нормативно-ценностный регулятор, который нуждается в известной поддержке «со стороны», в силовых методах гарантирования. Наряду с природной необходимостью, ...требуется и просто сила, способная воздействовать на волю людей, при необходимости — преодолевать ее сопротивление и добиться фактической реализации права»⁷. Одним из механизмов обеспечения прав и свобод личности является оперативно-разыскная деятельность, осуществляемая, в том числе, сотрудниками уголовного розыска. Оперативные подразделения УР обладают значительными силами и средствами, позволяющими им эффективно проводить мероприятия правового и социального характера, направленные на реализацию конституционных прав и свобод граждан.

Как следует из положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», ограничение отдельных прав граждан в процессе ОРД преследует публичные интересы — защиту жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечение безопасности общества и государства от преступных посягательств (статья 1) и обусловлено состоянием преступности, характером и опасностью криминальных деяний, негласным противодействием правоохранительным органам — осуществляющим борьбу с преступностью, что, в конечном счете, делает неэффективным, а то и невозможным решение задач предупреждения и раскрытия преступлений иными средствами⁸.

В ходе реализации своих многочисленных функций сотрудники подразделений уголовного розыска имеют достаточно возможностей для выявления и оперативного устранения негативных моментов, ограничивающих личную сферу граждан и препятствующих осуществлению ими личных прав и свобод. Вместе с тем, являясь субъектами оперативно-разыскной деятельности, подразделения уголовного розыска, располагают возможностями по обеспечению реализации конституционных прав, наделены также и правами, позволяющим

5 Горяинов К. К., Овчинский В. С., Сенилов Г. К. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник // М.: Инфра-М, 2012. С.26. О безопасности: Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ (ред. от 05.10.2015) // Собрание законодательства РФ. 03.01.2011. № 1. Ст. 2.

6 О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31.12.2015 №683 // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102385609&intelsearch=%CE+%D1%F2%F0%EO%F2%E5%E3%E8%E8+%ED%EO%F6%E8%EE%ED%EO%EB%FC%ED%EE%EO%9+%E1%E5%E7%EE%EF%EO%F1%ED%EE%F1%F2%E8+%D0%EE%F1%F1%E8%9%F1%EA%EE%EO%9+%D4%E5%E4%E5%F0%EO%F6%E8%E8> (дата обращения: 21.08.2016).

7 Алексеев С. С. Философия права: Собрание сочинений. В 10 т. [+ Справоч. том]. Том 7 // М.: Статут, 1999. С. 71-72.

8 Вагин О. А. Конституционные проблемы оперативно-розыскной деятельности: Научный доклад // Конституционно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности. СПб., 2012. С. 7.

им в строго определенных законом случаях и порядке ограничивать личные права граждан. Это налагает на подразделения УР в целом и каждого сотрудника в отдельности, особую ответственность за строгое и неукоснительное соблюдение режима законности ввиду, того что законодателем установлен приоритет личности в конституционной системе ценностей. Так, в главе 2 Конституции РФ⁹ содержится ряд норм, определяющих гарантии прав и свобод человека как личности, как члена общества и как гражданина, а также положения, направленные на защиту нарушенных прав, указывающие на ответственность за их нарушение, в том числе в информационной сфере.

Можно в полной мере согласиться с мнением судьи Конституционного Суда РФ Т. Г. Морщаковой о том, что «скрытая от общественности оперативно-разыскная деятельность представляет собой сферу повышенного риска ущемления и нарушения прав и свобод граждан, так как возможности социального контроля над ней ограничены»¹⁰. В связи с этим четкая правовая регламентация действий оперативных служб представляет собой одну из важнейших задач любого государства, причисляющего себя к числу демократических, с тем, чтобы допустимые пределы ограничения прав граждан не превышались, а нарушения прав и свобод граждан со стороны, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, органов, могли быть своевременно выявлены и устранены. В полной мере это относится и к информационной безопасности личности, которая ставится на первое место среди объектов этой деятельности.

В п. 47 Стратегии отмечается что, в целях обеспечения государственной и общественной безопасности необходимо реализовать следующие меры:

- совершенствование структур и деятельности федеральных органов исполнительной власти;
- совершенствование системы выявления и анализа угроз в информационной сфере, противодействия им;
- принятие мер по повышению защищенности граждан и общества от деструктивного информационного воздействия со стороны экстремистских и террористических организаций, иностранных специальных служб и пропагандистских структур;
- осуществление комплексного развития правоохранительных органов и специальных служб, укрепление социальных гарантий их сотрудникам, совершенствуется научно-техническая поддержка правоохранительной деятельности, принимаются на вооружение перспективные специальные средства и техника, развивается система профессиональной подготовки специалистов в области обеспечения государственной и общественной безопасности»

В структуре Стратегии подчеркивается (п. 113), что в ходе ее реализации особое внимание должно уделяться «обеспечению информационной безопасности с учетом стратегических национальных приоритетов».

С учетом сказанного, национальную безопасность Российской Федерации следует рассматривать как состояние защищенности интересов всех ее объектов в основополагающих областях, включая и информационную сферу. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (9 сентября 2000 г. Пр-1895)¹¹, представляющая собой совокупность

официальных взглядов на обеспечение информационной безопасности также не содержит четкой и однозначной дефиниции рассматриваемого понятия. В положениях данного документа информационная безопасность Российской Федерации фигурирует как «состояние защищенности ее национальных интересов в информационной сфере, определяющихся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства»¹².

Обеспечение информационной безопасности страны и оперативно-разыскная работа самым тесным образом связаны между собой. Эта связь обуславливает активное влияние друг на друга, как объектов, так и субъектов этих видов деятельности.

В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации в этой связи отмечается, что к наиболее важным аспектам обеспечения информационной безопасности сведений, находящихся в распоряжении правоохранительных органов, безусловно включая и оперативные подразделения относятся:

- информационные ресурсы федеральных органов исполнительной власти;
- информационно-вычислительные центры, их информационное, техническое, программное и нормативное обеспечение;
- информационная инфраструктура (информационно-вычислительные сети, пункты управления, узлы и линии связи).

В качестве внешних угроз, представляющих наибольшую опасность для информационных ресурсов в правоохранительной сфере, согласно положениям той же Доктрины, рассматриваются разведывательная деятельность специальных служб и преступных сообществ.

Внутренними угрозами, представляющими наибольшую опасность для указанных объектов, в свою очередь, являются:

- нарушение установленного регламента сбора, обработки, хранения и передачи информации, содержащейся в карточках и автоматизированных банках данных и использующейся для раскрытия и расследования преступлений;
- отсутствие единой методологии сбора, обработки и хранения информации оперативно-разыскного, справочного, криминалистического и статистического характера;
- отказ технических средств и сбои программного обеспечения в информационных и телекоммуникационных системах;
- преднамеренные действия, а также ошибки персонала, непосредственно занятого формированием и ведением картотек и автоматизированных банков данных.

Изучение нормативных правовых источников в области информационной безопасности позволяет сделать предварительный вывод о том, что государственно-правовое регулирование обязывает федеральные органы исполнительной власти, в том числе, и Министерство внутренних дел, а следовательно, и входящих в него структурные оперативные подразделения, обеспечивать информационную безопасность. Однако, ввиду сложности, многоаспектности и междисциплинарности законодатель не формулирует понятие информационная безопасность.

Особую значимость приобретает научно-практическая проблема комплексного рассмотрения вопросов государственно-правового, ведомственного регулирования, а также организационного управления в сфере обеспечения информационной безопасности организации оперативно-разыскной деятельности подразделений уголовного розыска.

Сформулированное профессором В. Н. Лопатиным определение информационной безопасности как «состояния защищенности национальных интересов страны (жизненно важных интересов личности, общества и государства на сбалансированной основе) в информационной сфере от вну-

9 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993): Текст с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 04.08.2014. № 31. Ст. 4398.

10 Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Т. Г. Морщаковой по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» в связи с жалобой гражданки И. Г. Черновой // Собрание законодательства РФ. 1998. № 34. Ст. 43-68.

11 Доктрина информационной безопасности Российской Федерации: Текст утв. приказом Президента РФ 09.09.2000 № Пр-1895 // Рос-

сийская газета. № 187. 28.09.2000. Далее – Доктрина информационной безопасности РФ.

12 Доктрина информационной безопасности РФ ... Разд. I, п. 1.

тренних и внешних угроз»¹³ по логике корреспондируются с Федеральным законом «О безопасности» и Доктриной информационной безопасности Российской Федерации, которые рассматривались выше.

Профессор И. Л. Бачило предметными областями обеспечения безопасности в информационной сфере выделяет, три области:

– обеспечение безопасности информации, представляемой отдельными информационными объектами, информационными ресурсами, сформированными как информационные базы, информационные банки или информационные системы;

– обеспечение безопасности субъектов от информации, которая может быть квалифицирована как социально опасная или вредная, запрещенная законом для распространения, вредная технически для функционирования компьютерных систем (типа спама, вируса и т.д.);

– обеспечение безопасности прав и интересов субъектов – пользователей и распространителей информации в Интернете и внутренних сетях – при несанкционированном доступе к информации, программному обеспечению и коммуникациям.¹⁴

По мнению автора, наиболее полно понятие информационной безопасности дано профессором А. И. Алексенцевым, которое включает в себя три основных элемента, первый из которых – состояние информационной среды, обеспечивающее удовлетворение информационных потребностей субъектов информационных отношений; второй – безопасность информации; третий – защищенность субъектов от негативного информационного воздействия¹⁵.

Если принять за основу указанное научное определение информационной безопасности, то под информационной безопасностью подразделений уголовного розыска необходимо понимать совокупность следующих трех основных составляющих: 1) состояния информационной среды, обеспечивающего удовлетворение информационных потребностей подразделений уголовного розыска в необходимой информации; 2) безопасности информации и телекоммуникаций, находящихся в распоряжении подразделений уголовного розыска; 3) защищенности штатных сотрудников уголовного розыска и конфиденентов от негативных информационно-психологических воздействий.

Авторское понятие информационной безопасности подразделений уголовного розыска, согласуется с концепцией информационной безопасности правоохранительной сферы, предложенной профессором А. С. Овчинским, в парадигме открытых систем. «Методологическую основу информационной безопасности в деятельности правоохранительных органов составляют представления о триединстве информации в открытых системах социальных связей и психологических отношений».¹⁶ Ее реализация обеспечит в деятельности оперативных подразделений уголовного розыска комплексное «использование как защитных, так и наступательных средств, а также совершенствование инструментов получения собственной информации...»¹⁷ в борьбе с преступностью.

Пристатейный библиографический список

- 13 Лопатин В. Н. Информационная безопасность России: дисс. ... докт. юрид. наук // Санкт-Петербургский университет МВД России. СПб., 2000. С. 13.
- 14 Бачило И. Л. Информационное право: учебник для магистров. М.: Издательство Юрайт, 2012, С. 487.
- 15 Алексенцев А. И. Информационная безопасность // Безопасность информационных технологий. № 1. 1999. С. 16–20.
- 16 Овчинский А. С. Концепция информационной безопасности правоохранительной сферы в парадигме открытых систем // Информационные технологии, связь и защита информации МВД России. М., 2011. С. 50–51.
- 17 Там же.

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993): Текст с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 04.08.2014. № 31. Ст. 4398.
2. О безопасности: Федеральный закон РФ от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ // Российская газета. 2010. 29 декабря.
3. О безопасности: Закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-I // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 15. Ст. 769 (утратил силу 29 декабря 2010).
4. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Текст утв. указом Президента РФ от 31.12.2015 №683 // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102385609&intelsearch=%CE+%D1%F2%F0%E0%F2%E5%E3%E8%E8+%ED%E0%F6%E8%EE%ED%E0%EB%FC%ED%EE%E9+%E1%E5%E7%EE%EF%E0%F1%ED%EE%F1%F2%E8+%D0%EE%F1%F1%E8%E9%F1%EA%EE%E9+%D4%E5%E4%E5%F0%E0%F6%E8%E8> (дата обращения: 21.08.2016).
5. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации: Текст утв. приказом Президента РФ 09.09.2000 № Пр-1895 // Российская газета. № 187. 28.09.2000.
6. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 14.08.1995. № 33. Ст. 3349.
7. Алексеев С. С. Философия права: Собрание сочинений. В 10 т. [+ Справоч. том]. Том 7 // М.: Статут, 1999. 520 с.
8. Алексенцев А. И. Информационная безопасность // Безопасность информационных технологий. № 1. 1999. С. 16–20.
9. Бачило И. Л. Информационное право: учебник для магистров. М.: Издательство Юрайт, 2012.
10. Вагин О. А. Конституционные проблемы оперативно-розыскной деятельности: Научный доклад // Конституционно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности. СПб., 2012.
11. Величко М. Ю. Информационная безопасность органов внутренних дел: теоретико-правовой аспект: дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007.
12. Горяинов К. К., Овчинский В. С., Синилов Г. К. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник. М.: Инфра-М, 2012.
13. Лопатин В. Н. Информационная безопасность России: дисс. ... докт. юрид. наук // Санкт-Петербургский университет МВД России. СПб., 2000.
14. Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Т. Г. Морщаковой по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» в связи с жалобой гражданки И. Г.Черновой //Собрание законодательства РФ. 1998. № 34. Ст. 43–68.
15. Овчинский А. С. Концепция информационной безопасности правоохранительной сферы в парадигме открытых систем // Информационные технологии, связь и защита информации МВД России. М., 2011.

ГЛЕБОВА Наталья Александровна

кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации (г. Рязань)

ГЛЕБОВ Виталий Николаевич

старший преподаватель-методист факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации (г. Рязань).

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ НА ДЛИТЕЛЬНЫЙ СРОК

Несмотря на увеличивающуюся тенденцию широкого применения наказаний, не связанных с изоляцией от общества, основу системы исполнения уголовных наказаний в РФ составляет лишение свободы на определенный срок. Неоспорим тот факт, что чем длиннее срок изоляции, тем большее влияние (негативное) на личность преступника оказывает наказание, тем явнее выявляются несовершенства деятельности пенитенциарной системы. Сравнительное исследование российской и зарубежной правоприменительной практики дает возможность анализа и учета ошибок и достижений в пенитенциарной сфере разных стран. Рассматривая особенности процесса исполнения наказания в виде лишения свободы на длительный срок в ряде зарубежных стран (Германии, Франции, Англии, США), в статье оценивается положительная динамика внедрения зарубежного опыта в процесс исполнения уголовных наказаний в РФ. Также исследуются стратегии, направленные на снижение рецидивной преступности лиц, как фактора, способствующего широкому применению длительных сроков заключения.

Ключевые слова: уголовное наказание, лишение свободы, длительный срок, зарубежный опыт, тюрьма, прогрессивная система, рецидив.

GLEBOVA Natalia Aleksandrovna

Ph. D. of Law, Deputy Head of Sub-Department of the Theory of the State and Right, International and European law of the Academy of the Federal service of execution of punishments of the Russian Federation

GLEBOV Vitaliy Nikolaevich

Senior Lecturer-Methodologist of the Research and Educational Personnel Training Department of the Academy of the Federal service of execution of punishments of the Russian Federation

SOME ASPECTS OF AN EXECUTION OF THE PUNISHMENT IN THE FORM OF IMPRISONMENT FOR LONG TERM

Despite the increasing tendency of broad application of the punishments which aren't connected with isolation from society, a basis of system of execution of criminal penalties in the Russian Federation makes imprisonment for a certain term. It is a fact that the longer the period of isolation, the greater influence (negative) on the identity of the criminal has punishment, the more clearly imperfections of activity of penal system come to light. Comparative research of the Russian and foreign law-enforcement practice gives the chance of the analysis and error check and achievements in the penitentiary sphere of the different countries. Considering the peculiarities of the process of execution of punishment of deprivation of freedom for a long time in several foreign countries (Germany, France, England, USA), the paper assesses the positive dynamics of implementation of foreign experience in the process of execution of criminal punishments in Russian Federation. Also explores strategies to reduce recidivism of persons, in promoting the wide application of long periods of detention.

Keywords: criminal penalty, imprisonment, long term, foreign experience, prison, progressive system, recurrence.

Сохраняющийся в России высокий уровень рецидивной преступности¹ выдвигает на первый план поиск решений проблемы исправления человека, виновного в совершении преступления, безальтернативности назначения уголовных наказаний, связанных с длительными сроками заключения. Концепция развития уголовно-исполнительной системы до

1 По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, доля лиц, ранее осуждавшихся за совершение преступлений, в общем количестве лиц, осужденных на основании обвинительных приговоров, вступивших в законную силу, в 2015 г. составила 32,7%. (в 2014 г. данный показатель составлял 34,3%, в 2013 г. – 34,7%). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sdep.ru> (дата посещения: 01.08.2016 г.).

2020 года (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации 14 октября 2010 г.) в этой связи определяет в числе основных своих задач развитие международного сотрудничества с пенитенциарными системами иностранных государств, международными органами и неправительственными организациями, расширение контактов с научно-исследовательскими, образовательными и научными центрами зарубежных стран.

Международное сотрудничество по проблемам назначения и исполнения длительных сроков заключения предполагает участие в работе международных научных и практических конференций, других форумов по проблемам пенитенциарной практики. Так, делегация ФСИН России во главе с ди-

Глебова Н. А.

Глебов В. Н.

ректором пенитенциарного ведомства ежегодно принимает участие в конференциях директоров тюремных ведомств и служб пробации государств – членов Совета Европы. Работа в рамках таких встреч направлена на использование в качестве механизма внедрения инноваций в сфере обращения с правонарушителями. С 2011 г. ФСИН России принимает участие в работе Конференции Международной Ассоциации исправительных учреждений и тюрем (МАИУТ). В ходе работы конференций рассматриваются вопросы по улучшению и поддержке сотрудничества между общественными учреждениями, а также между обществом и тюремной службой. Результатом совместной деятельности стало внедрение в деятельность уголовно-исполнительной системы международных стандартов обращения с осужденными и лицами, содержащимися под стражей. С 2013 года в рамках ФСИН России организуется Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» с участием представителей в том числе и ряда зарубежных стран, где обсуждаются вопросы развития уголовно-исполнительной системы России, работы пенитенциарных учреждений иностранных государств, передового зарубежного опыта в сфере исполнения уголовных наказаний, совершенствования организационно-правовых, материально-технических, психолого-педагогических условий, межгосударственного сотрудничества в сфере применения уголовных наказаний.

Отметим, что сами по себе сроки лишения свободы, какими бы длительными они не были, не в состоянии достигнуть целей наказания, решить вопрос исправления преступника без принятия специальных мер для реинтеграции заключенных в общество. Политика государств-членов Совета Европы в области уголовного права включает такие направления деятельности, в соответствии с которыми длительные сроки лишения свободы применяются лишь в тех случаях, когда это необходимо для защиты интересов общества. Изучение практики назначения и исполнения наказания в виде лишения свободы на длительный срок в государствах – членах ООН позволяет сделать вывод о существовании системы мер поддержки заключенных перед освобождением с целью предоставления возможности жить законопослушной жизнью после освобождения. В качестве таковых мер используются: перевод в тюрьмы общего режима или в тюрьмы-поселения за несколько лет до предполагаемого освобождения; относительная свобода передвижения даже за пределами исправительного учреждения, используя телекоммуникационные технологии; условное освобождение с соблюдением предусмотренных законом требований. Российская Федерация, перенимая передовой зарубежный опыт, вносит позитивные изменения в деятельность уголовно-исполнительной системы России, становясь структурой, опирающейся на ценности прав человека и гуманистическую мораль. В IV квартале 2016 года Россия начнет внедрять опыт предоставления возможности некоторым категориям осужденных перевода в колонию-поселение с разрешением кратковременных выездов к месту предполагаемого жительства². Говоря о необходимости внедрения в отечественную практику зарубежного опыта исполнения наказаний, следует отметить, что исполнение лишения свободы на длительный срок должно осуществляться при соблюдении баланса таких факторов, как: предупреждение побегов, поддержание над-

лежащего порядка и дисциплины в пенитенциарных учреждениях, обеспечение соответствующего режима и социальных возможностей.

На сегодняшний день довольно распространенным в научных кругах стало мнение о «кризисе наказания», имея в виду совокупность недостатков, недочетов, ошибок, с которыми сопряжено исполнение наказания в виде лишения свободы. Я. И. Гилинский даже определяет лишение свободы как вынужденную меру, пока человечество не придет к более совершенным средствам социального контроля над преступностью³. Исследования Н. Кристи показывают, что «во всем мире наблюдается рост преступности, ... уровень рецидива относительно стабилен для каждой конкретной страны и не снижается, что свидетельствует о неэффективности социальной превенции»⁴.

Английская тюремная система остается одной из ведущих, а поэтому выступает образцом для аналогичных систем других стран, в том числе и для России. В ее основе лежит принцип постепенности в исполнении наказаний в виде тюремного заключения и разнообразный набор воспитательных мер. Результатом применения прогрессивной системы наказаний в Англии является значительное снижение рецидива преступлений. Результаты внедрения английского опыта позволяют судить о его эффективности: в состоянии дисциплины и правопорядка выявлены положительные закономерности; уменьшилось число злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания: снизился уровень конфликтности и напряженности среди осужденных. Достаточно успешно в России апробируется система «социальных лифтов», основа которой заложена в пенитенциарной системе Англии, которая представляет собой механизм изменения условий отбывания наказания, изменения вида исправительного учреждения, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания, условно-досрочного освобождения посредством оценки комиссией исправительного учреждения поведения осужденных с помощью определенных критериев. В настоящее время в деятельность территориальных органов внедряется компьютерная программа, которая позволяет обеспечить ведение обширной компьютерной базы данных на каждого осужденного (так называемый электронный дневник), в которой отражаются результаты социального анкетирования осужденного, психологических тестов, его социально-демографическая, уголовно-правовая и индивидуально-психологическая характеристика. Это позволяет обеспечить более подробное изучение личности осужденного, подготовку для него эффективной индивидуальной программы для подготовки к жизни после освобождения.

Великобритания также является первой из европейских стран, начавшей использовать электронные браслеты. Опыт электронного мониторинга Россия переняла в 2010 году, утвердив «Концепцию создания и внедрения системы электронного мониторинга лиц, подконтрольных учреждениям уголовно-исполнительной системы». В рамках системы электронного слежения было создано ФГУП ЦИТОС ФСИН России. Английский опыт свидетельствует о том, что возможности развития системы электронного мониторинга не исчерпываются реализацией меры пресечения в виде домашнего ареста и наказания в виде ограничения свободы: сферы его применения

2 Доклад о результатах и основных направлениях деятельности за 2015 - 2017 годы Федеральной службы исполнения наказаний. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/Doklad/> (дата посещения: 31.07.2016 г.).

3 Гилинский Я. И. Наказание: криминологический подход // Отечественные Записки. 2008. № 2.

4 Кристи Н. Борьба с преступностью – доходная индустрия // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2011. № 5. С. 8-9.

– постпенитенциарный надзор, обеспечение безопасности внутри самих исправительных учреждений⁵. В дальнейшем в Российской Федерации планируется введение мониторинга за поведением осужденных с помощью технологий электронного контроля (видеонаблюдение – IV квартал 2019 года), а также с помощью беспроводных технологий (IV квартал 2016 года). Опыт исполнения лишения свободы в Англии был использован в России в качестве формирования и реального обеспечения принципа раздельного содержания подозреваемых и обвиняемых, осужденных впервые к лишению свободы и судимых неоднократно⁶. В национальных условиях, с учетом необходимости снижения рецидивных проявлений лиц, отбывших длительные сроки заключения, применение системы электронного слежения безусловно необходимо в отношении данной категории лиц.

Над совершенствованием пенитенциарной системы Германии работали не только чиновники, психологи, но даже и сами заключенные, выявляя недостатки и предлагая свои решения возникающих проблем. Интересен немецкий опыт в том смысле, что в Германии активно применяется частно-государственное партнерство по строительству тюрем. Быт осужденных организует частная компания, выигравшая тендер, надзор же за безопасностью осуществляют надзиратели – государственные служащие. По словам директора ФСИН Г. Корниенко, «не секрет, что во многих регионах наши учреждения находятся в центральных районах города. В связи с чем, в последнее время к нам все чаще стали обращаться губернаторы с просьбой перенести учреждения УИС за черту населенного пункта. Мы готовы пойти им навстречу, но средств на реализацию проекта по строительству новых тюрем, которые запланированы в Концепции развития УИС, у нас не хватает. Поэтому зарубежный опыт здесь нам может очень пригодиться»⁷.

В российской пенитенциарной практике может быть применен зарубежный опыт организации системы ресоциализации лиц, отбывших длительные сроки заключения. Так, в Германии действует система переходных домов, позволяющих в значительной степени облегчить процесс социальной реинтеграции осужденных. Частная система исполнения наказаний и социальной реабилитации преступников функционирует в Нидерландах. В Норвегии действует принцип гарантии реинтеграции. В России было бы целесообразно использовать опыт ряда зарубежных стран в части условно-досрочного освобождения лиц, отбывших длительные сроки.

Деятельность ФСИН России в сфере международного сотрудничества направлена на развитие взаимодействия с пенитенциарными системами иностранных государств, что продиктовано необходимостью демонстрации мировому сообществу достижений реформирования уголовно-исполнительной системы. При этом, зарубежными партнерами ФСИН России является большинство стран западной Европы и СНГ.

Среди лиц, отбывших длительные сроки заключения, наблюдается высокий уровень рецидива преступлений. Эта проблема актуальна не только для России, но и для большинства

зарубежных стран. Немалый процент бывших заключенных возвращается в тюрьму в течение первых трех лет после освобождения или начала испытательного срока либо за совершение нового преступления, либо за технические нарушения условий надзора (например, неявка для регулярной регистрации, нарушение условий УДО, положительный тест на наркотики). В последние десятилетия в зарубежных странах теоретические и практические основы знаний о предупреждении преступлений активно прогрессируют. При этом речь идет не о предупреждении преступности как цельного социального явления, а об ограничении преступности, о сдерживающем воздействии на конкретные криминогенные факторы и обстоятельства⁸.

За последние годы ряд зарубежных стран (Япония, Швеция, Дания, Испания и др.) достигли определенных успехов в предупреждении преступности, опыт которых мог бы быть востребован для его применения в условиях российской действительности. В целом, изучение зарубежной практики предупреждения преступности может способствовать: во-первых, сравнению профилактической работы, проводимой зарубежными государствами с деятельностью по предупреждению преступности, осуществляемой в России; во-вторых, уяснению механизма (форм, мер, используемых средств) проведения работы зарубежных государств по предупреждению преступности; в-третьих, определению возможности и целесообразности заимствования зарубежного опыта в рассматриваемой сфере с целью его применения в правовом поле РФ.

За рубежом к признакам, повышающим вероятность повторного совершения преступлений как правило относят: возраст осужденного в момент освобождения (чем старше, тем рецидив вероятнее), уголовная биография. Возможно определить семь динамических факторов риска, повышающих уровень рецидива преступлений, к которым относят: анти-социальный характер личности (бездомные, брошенные родственниками или злоупотребляющие алкоголем и наркотиками), негативное отношение к закону, антисоциальный характер окружения личности, неразумное использование свободного времени, токсикоманию, сложные жизненные обстоятельства и социальные условия (ограниченное образование, безработность).

Интересен пример США, где используются четыре стратегии, направленные на снижение рецидивной преступности. Во-первых, это мониторинг граждан, которые могут совершить новое преступление. В основе данного инструментария лежит анализ криминальной истории человека, его личности и жизненных обстоятельств. Во-вторых, это стратегия внедрения и распространения всевозможных программ, которые могли бы способствовать контролю и сокращению рецидивизма. Так, анализ данных в трех штатах показал, что у осужденных, которые участвовали в образовательных программах в местах лишения свободы, более низкие показатели рецидива в течение трех лет после освобождения. К тому же эта категория лиц имела более высокую заработную плату по сравнению с другими. В-третьих, стратегии усиления практики надзора за освобожденными из исправительных учреждений. В-четвертых, стратегия местной пробации и условно-досрочного освобождения⁹.

5 Наумов Е. В. Предупреждение рецидива преступлений средствами контроля и надзора по законодательству стран дальнего зарубежья // Уголовно-исполнительное право. 2013. № 2. С. 79-80.

6 Южанин В. Е. Режимы наказания, обеспечения его отбывания и безопасности в исправительных учреждениях // Человек: преступление и наказание. 2014. №1. С. 9-12.

7 На расширенном заседании коллегии ФСИН России подвели итоги деятельности УИС в 2012 году. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://фсин.рф/news/index.php?ELEMENT_ID=74710 (дата посещения: 18.07.2016 г.).

8 Соболев Н. Г., Рогач В. Г. Особенности переживаний у осужденных, отбывающих длительные сроки лишения свободы, их психологическая коррекция // Прикладная юридическая психология. 2014. № 2. С. 65-72.

9 Энциклопедия пенитенциарного права / под ред. Р. А. Ромашова. Самар. юрид. ин-т ФСИН России: Самара, 2013. С. 346-347.

Указанные стратегии представляют собой наиболее эффективную практику снижения рецидивов в США. Возможно, самой популярной из этих стратегий являются образовательные услуги для заключенных в расчете на то, что обучение в период отбывания лишения свободы снизит рецидив и повысит конкурентоспособность освобожденного при поиске законных источников дохода.

Деятельность по предупреждению преступлений во многих странах (Бельгия, Дания, Франция, Великобритания, Нидерланды, Норвегия, Швеция и т.д.) координируют специальные органы – созданные для планирования и координации превентивной деятельности на всех уровнях. Эти организации включают не только представителей силовых структур государства, но и представителей различных государственных и общественных организаций, служб и населения. Национальные организации осуществляют превентивные и исследовательские программы в этой области и дают полезные рекомендации государственным органам и должностным лицам, вырабатывающим политику по проблемам борьбы с преступностью.

Рассмотренный зарубежный опыт исполнения наказания в виде лишения свободы на длительный срок может оказаться весьма полезным для российского законодателя в сфере поэтапности отбывания лишения свободы, или прогрессивной системы, особенностей режима содержания – воспитательная, социальная, психологическая работа с заключенными, подготовки заключенного к предстоящему освобождению путем перехода на режим «полусвободы» и отпусков достаточной продолжительности и других.

Пристатейный библиографический список

1. Отчёты о деятельности Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cdep.ru> (дата посещения: 01.08.2016 г.).
2. Гилинский Я. И. Наказание: криминологический подход // Отечественные Записки. 2008. № 2.
3. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности на 2015 - 2017 годы Федеральной службы исполнения наказаний. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/Doklad/> (дата посещения: 31.07.2016 г.).
4. Кристи Н. Борьба с преступностью – доходная индустрия // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2011. № 5. С. 8-9.
5. На расширенном заседании коллегии ФСИН России подвели итоги деятельности УИС в 2012 году. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://фсин.рф/news/index.php?ELEMENT_ID=74710 (дата посещения: 18.07.2016 г.).

6. Наумов Е. В. Предупреждение рецидива преступлений средствами контроля и надзора по законодательству стран дальнего зарубежья // Уголовно-исполнительное право. 2013. № 2. С. 79-80.
7. Соболев Н. Г., Рогач В. Г. Особенности переживаний у осужденных, отбывающих длительные сроки лишения свободы, их психологическая коррекция // Прикладная юридическая психология. 2014. № 2. С. 65-72.
8. Энциклопедия пенитенциарного права / под ред. Р. А. Ромашова. Самар. юрид. ин-т ФСИН России: Самара, 2013. С. 346-347.
9. Южанин В. Е. Режимы наказания, обеспечения его отбывания и безопасности в исправительных учреждениях // Человек: преступление и наказание. 2014. № 1. С. 9-12.

РОМАНОВСКАЯ Ирина Викторовна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации, подполковник полиции

ПРИЧИНЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ПСИХОФИЗИЧЕСКУЮ УСТОЙЧИВОСТЬ СОТРУДНИКОВ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ

В статье рассматриваются некоторые причины, которые приводят к проявлениям профессиональной неустойчивости, а так же приводятся некоторые рекомендации по формированию психофизической устойчивости сотрудников оперативных подразделений.

Ключевые слова: психофизическая устойчивость, сотрудники оперативных подразделений, оперативно-розыскная деятельность, профессиональная деформация, агрессивность.

ROMANOVSKAYA Irina Viktorovna

Ph.D. in Law, senior lecturer of Humanitarian and Social-Economics Disciplines sub-faculty of the Crimean branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, lieutenant colonel of police

Романовская И. В.

FACTORS AFFECTING PHYSICAL STABILITY OF THE EMPLOYEES OF OPERATIONAL UNITS

The article discusses some of the causes that lead to manifestations of professional instability and provides some recommendations on the formation of psychophysical stability of operative units.

Key words: psycho-physical resistance, officers of operational units, operational-investigative activity, professional deformation, aggressiveness.

Выбор профессионального направления в сторону осуществления оперативно-розыскной деятельности, предъявляет к сотрудникам оперативных подразделений высокие требования не только физического, но и психического здоровья как основы надежной психофизической устойчивости. К сожалению мероприятия в системе служебной подготовки зачастую носят эпизодический характер, следовательно не могут решить поставленную задачу. Какова же реакция человека на особо сложные условия, экстремальные ситуации и незнакомую обстановку? Человек либо овладевает ситуацией и начинает действовать осознанно, либо ситуация овладевает человеком и он начинает действовать импульсивно.

Современное состояние преступности требует новых подходов к подготовке специалистов осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, формирование у них в процессе подготовки психофизической устойчивости. Попробуем выявить причины, приводящие к профессиональной неустойчивости и на основании этого предложить некоторые рекомендации для их устранения.

Субъективные причины, влияющие на формирование ненадлежащего отношения к своим служебным обязанностям у сотрудников оперативных подразделений являются результатом серьезных проблем в их психологической подготовке, что в свою очередь серьезно влияет на их психофизическую устойчивость. Выделим несколько самых распространенных убеждений со стороны оперативных сотрудников: возможность отойти от правовых норм, если это поможет в преодолении трудностей, возникающих в процессе проведения оперативно-розыскных мероприятий; разрешение противоречий, возникающих при раскрытии преступлений при помощи нарушения процессуальных требований, по принципу «цель оправдывает средства».

Постоянное наблюдение сотрудниками оперативных подразделений агрессивного поведения людей может изменить их собственный индивидуальный образ реальности. Это значит, что люди, которые часто наблюдают насилие, склонны ожидать его и воспринимать окружающий мир как враждебно настроенный и относительно них. Такое переключение может легко привести к обостренному ощущению угрозы и к склонности реагировать агрессивно. Во многих случаях мощными детерминантами агрессии могут быть стойкие характеристики потенциальных агрессоров – те личностные черты, индивидуальные установки и склонности, которые остаются неизменными вне зависимости от ситуации. Некоторые люди «заводятся мгновенно», они с чрезвычайной злостью и агрессией отвечают даже на самые слабые провокации. Одна из черт – раздражительность, другая – эмоциональная чувствительность. Раздражительность, в отличие от эмоциональной чувствительности, может быть более тесно связана с агрессией, особенно, если ей предшествовала провокация. Большинство людей желает контролировать события, которые происходят с ними, и их последствия. Именно из-за этого желания люди склонны считать неприятными и не оправдавшими надежд те ситуации, в которых они не могут повлиять на результат события. Сказанное, в первую очередь, относится к обеспечению прав участников уголовного процесса, процессуальному порядку сбора, проверки и оценке доказательств. Как правило, оперативники знают о существующих проблемах, что по сути должно влиять на повышение критичности своих действий. Но к сожалению на практика подобная ситуация наоборот усугубляет обвинительный уклон и приводит к серьезным нарушениям закона. Все это ведет к профессиональной деформации сотрудников, которая проявляется в тенденции снятия с себя вины за допущенные нарушения закона.

Подтверждением вышеизложенного являются результаты исследования, проведенного среди заключённых мужчин Исправительной колонии Федеральной службы исполнения наказаний (ИК ФСИН) в 2015 г. Так, Симферопольская ИК ФСИН № 1 – это исправительная колония со средним уровнем безопасности. В исследовании принимали участие около 100 респондентов. В частности, 47 % респондентов ответили, что по отношению к ним допускались нарушения прав со стороны сотрудников правоохранительных органов. Основным нарушителем назван оперуполномоченный уголовного розыска (32 %), а основным видом нарушения – применение физической силы, побои (22 %). Как следует из опроса, сложнее всего общение происходило с оперативными сотрудниками (49 %). Видимо, основной причиной этого факта является повышенная агрессивность именно этих сотрудников, что влияет на результаты раскрытия преступлений и последующее доказывание вины подозреваемых (обвиняемых). Среди пожеланий со стороны заключённых по улучшению работы оперуполномоченных уголовного розыска хотелось бы выделить наиболее многочисленные высказывания: соблюдение законности; не оказывать физического и морального давления; человечность¹.

Одной из наиболее ответственных задач правоохранительных органов является розыск и задержание вооружённых преступников и лиц, которые представляют повышенную общественную опасность. Для ее решения предусмотрено проведение целого ряда мер, объединенных в рамках специальных операций. Особенная значимость данных мер определяется высокой степенью риска для жизни и здоровья граждан и сотрудников правоохранительных органов, а также повышенными требованиями к их подготовке и проведению. Состояние напряжения у оперативных сотрудников начинается с того момента, когда принято решение о проведении конкретной операции. В соответствии с приближением времени участия в той или иной операции у него проявляется повышение эмоционального фона, психического напряжения. Процесс эмоциональной регуляции предусматривает систематизацию и развитие знаний относительно экстремальных ситуаций, структуры возможных действий, способах их выполнения, контроля и оценки. Это требует от сотрудников оперативных подразделений особенной психологической закаленности, умения быстро снять стресс и возобновить работоспособность. В тоже время успешное осуществление профессиональной деятельности предусматривает в данной группе лиц разрушение психологического барьера перед лишением человека жизни, девальвацию ценности, как собственной жизни, так и жизни другого, ослабление страха смерти. Одновременно у них может наблюдаться сформированность профессиональных навыков деструктивного взаимодействия, физического противоборства, доведенных тренировками до уровня динамических стереотипов. Действия этих стереотипов при возникновении реальной или субъективно-созданной ситуации активизируются практически автоматически, часто без предварительного включения критической оценки всех параметров сложившейся действительности. Однако, некоторые оперативники, у которых наблюдается дистармония в структуре личности, проявляющаяся в виде взаимосвязанных между собой апатией, обидчивостью, обостренным самолюбием, проявляют большую потенциальную склонность к проявлению агрессии, как

в обычных так и в остро конфликтных ситуациях. При этом их активность не мотивирована, а вызвана целью, направленной на «уничтожение» противника. В конфликтную ситуацию механически переносятся целые структурные блоки, являющиеся упорядоченной последовательностью агрессивных приемов, сформированных в рамках предыдущего жизненного опыта и специального обучения. Наложение на актуальную конфликтную ситуацию (в нашем случае – это противостояние «полицейский – преступник») стереотипов агрессивного реагирования, часто сопровождается искажением восприятия, осмысления и интерпретации реальной ситуации. Таким образом, у некоторых сотрудников оперативных подразделений могут проявляться нарушения адекватного осмысления происходящих событий, утрата целесообразности, формирование ситуативно-обусловленной цели без этапа планирования и оценки внешних условий, с активизацией профессионально-сформированных стереотипов агрессивных действий. Все это позволяет сделать вывод о том, что мы сталкиваемся с нарушением свободной саморегуляции, ее регрессом на индивидуальном уровне, возможным распадом структуры деятельности. При этом в большинстве случаев наблюдаются противоречия между не характерностью агрессивного способа поведения личности оперативника и его системой ценностных ориентиров. Все это является доказательством того, что оперативники, которые поддались профдеформации через специфику эмоциональных состояний, были лишены способности в полной мере осознавать значение своих действий и руководить ими. На практике это проявляется в наличии существенного влияния эмоционального состояния или личностных особенностей сотрудника на его сознание и деятельность с ограничением его способности к адекватной оценке и волевому контролю своего поведения. Такие сотрудники отличаются невысоким уровнем эмоциональной стабильности, повышенной чувствительностью к негативным действиям и высказываниям со стороны окружающих, обидчивы, склонны к фиксации и накоплению негативных переживаний, зачастую у них обострено самолюбие. Оперативники такого типа болезненно реагируют на ситуации, которые задевают их достоинство и угрожают самоуважению. Описанная категория сотрудников оперативных подразделений отличается повышенной склонностью попадать в конфликтные ситуации, которые в связи с их личностными особенностями переходят в разряд затяжных, приобретают застойный характер, приводят к нарастанию и концентрации напряжения. Потребность в разрешении конфликта начинает играть ведущую роль, которая влечет за собой динамические изменения в мотивационной иерархии, – соответствующий мотив распространяется на все сферы жизнедеятельности. Конфликтные отношения приобретают доминирующее, сверхценное значение, которое позже приводит к нарушению социальной адаптации. При последующей эскалации межличностного противостояния расхождение объективного развития событий и личных ожиданий может привести к резкому нарастанию эмоционального напряжения с последующим агрессивным взрывом².

Сотрудники оперативных подразделений, у которых прослеживается так называемый «синдром выгорания», демонстрируют с одной стороны пониженную эмоциональную стойкость, а с другой, повышенную чувствительность к нега-

1 Позий В. С., Романовская И. В. Проблемы профессиональной компетентности сотрудников оперативных подразделений // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 5 (96). – С. 256-258.

2 Алексеева Л. В. Судебно-психологическая экспертиза эмоциональных состояний: автореф. дисс. на соискание науч. степени канд. психол. наук: спец. 19. 00. 06 «Юридическая психология». – М., 1996. – 20 с.

тивными событиями, раздражительность, обидчивость, низкий порог фрустрации, ослабленную толерантность к стрессу. При разной выраженности и сформированности осознанных сдерживающих механизмов, направленных на осуществление саморегуляции, эти лица характеризуются трудностями волевого самоконтроля, ослабленной способностью к торможению непосредственно возникающих агрессивных импульсов.

Для повышения эффективности деятельности сотрудников оперативных подразделений и выработке у них психофизической устойчивости, необходимо готовить их к профессиональному общению с различными категориями граждан. С этой целью необходимо активизировать работу по социально-психологическому обучению оперативников, чтобы помочь им в освоении ориентированной основы функционально-ролевой структуры их профессиональной деятельности. К сожалению, несмотря на активизацию работы по морально-психологической подготовке сотрудников, ведется она достаточно формально. В рамках уже существующих мероприятий необходимо больше внимания уделять следующим направлениям:

– активизировать работу по социальной адаптации молодых и вновь прибывших сотрудников, на практике эта работа проводится формально либо не проводится вовсе, неопытные оперативники зачастую предоставлены сами себе и пример для подражания у них не самый лучший;

– оценка состояния социально-психологического климата в коллективах (наличие сплетен, слухов, конфликтов и т.п.) проводится, но чаще всего не имеет продолжения в форме изменения ситуации к лучшему;

– к сожалению, некомпетентность некоторых руководителей приводит их на авторитарный путь управления, или же они пытаются решать профессиональные задачи путем провокации конфликтов между подчиненными, в этом случае состязательность переходит в «нездоровую конкуренцию», что влечет за собой усугубление существующих проблем;

– грамотность и конкретизация постановки профессиональных задач и правильное ролевое распределение обязанностей в коллективе так же является серьезным источником успеха;

– своевременное выявление и отстранение профдеформированных сотрудников, в особенности в тех подразделениях где имеются модные начинающие оперативники;

– выявление и поощрение профессиональных династий, а так же закрепление традиций и опыта в профессиональной деятельности;

– формирование микрогрупп для выполнения оперативно-розыскных мероприятий с учетом индивидуальных особенностей и психологической совместимости их участников;

– поощрение сотрудников с творческим нестандартным мышлением;

– воспитание у оперуполномоченных психологического иммунитета против влияния негативных факторов и явлений, воспитания ощущения критики самокритики.

Итак, анализируя поведенческие реакции индивида можно утверждать, что они зависят от его психофизической устойчивости. Поэтому в зоне особого внимания как специалистов-психологов, так и руководителей правоохранительных органов, должны быть прежде всего те сотрудники, которые обнаруживают в поведении признаки агрессии.

Очевидно, что благодаря внутренним (агрессивность, психофизическая усталость, профессиональная деформация, осо-

бенности эмоционально-волевой регуляции и т.д.) и внешним условиям (профессиональный стресс, агрессивная криминальная среда, ненормируемое рабочее время и т.д.) у оперуполномоченных возникает состояние профессионального выгорания, которое проявляется в снижении эмоциональной устойчивости, повышенной чувствительности к негативным агрессивным действиям, раздражительности, обидчивости, низком пороге фрустрации, ослабленной толерантностью к стрессу. Такие сотрудники характеризуются сложностями волевого самоконтроля.

Следует признать что основными задачами профессиональной подготовки оперативников являются не только получение высокого уровня правовых знаний, но и развитие индивидуально-психологических свойств личности, практических умений саморегуляции и самоконтроля. В процессе развития личности у нее обычно формируется способность к преодолению препятствий и стремлению справиться с фрустрационными состояниями разными способами. Сотрудники оперативных подразделений в профессиональной деятельности просто обязаны демонстрировать психофизическую устойчивость, которая помогает реализовать оперативно-розыскные мероприятия, задерживать вооруженного преступника, преодолевать экстремальные ситуации.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеева Л. В. Судебно-психологическая экспертиза эмоциональных состояний: автореф. дисс. на соискание науч. степени канд. психол. наук: спец. 19. 00. 06 «Юридическая психология» – М., 1996. – 20 с.
2. Позий В. С., Романовская И. В. Проблемы профессиональной компетентности сотрудников оперативных подразделений // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 5 (96). – С. 256-258.

ИМАЕВА Юлия Борисовна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминалистики Уфимского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации

ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА, СОВЕРШИВШЕГО ХИЩЕНИЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ БАНКОВСКИХ КАРТ И ИХ РЕКВИЗИТОВ

В статье рассматриваются особенности характеристики личности преступника, совершившего хищение с использованием банковских карт и их реквизитов, ее значение в преодолении противодействия расследованию. Автор предлагает использовать знания о личности преступника в выборе тактики дальнейших следственных действий.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика, личность преступника, банковские карты, хищения.

ИМАЕВА Yuliya Borisovna

Ph.D. in Law, senior lecturer of Criminalistics sub-faculty of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Имаева Ю. Б.

CHARACTERISTICS OF THE INDIVIDUAL OFFENDER, COMMITTED THE THEFT WITH BANK CARDS AND THEIR DETAILS

The article discusses the features of the characteristics of offender who committed the theft of a bank card and their details, its significance in overcoming the counteraction to investigation. The author proposes to use the knowledge about the identity of the offender in the choice of tactics of further investigation.

Keywords: criminalistic characteristic personality of a criminal, bank card theft.

Эффективное расследование преступления с установлением всех обстоятельств совершенного деяния невозможно без установления и изучения личности преступника, т.к. «изучение личности обвиняемого является основной составной частью работы следователя по конкретному уголовному делу»¹. Кроме того, как известно, данные о личности обвиняемого являются обязательным элементом предмета доказывания и криминалистической характеристики преступления. Полное, всестороннее и объективное расследование преступлений, обеспечение соблюдения законности на предварительном следствии зависят от знания следователем типичных личностных особенностей преступников, для чего необходимо их подробное изучение.

Заслуживает внимания позиция И. И. Рубцова: «Такие данные, как характер следов, содержащих информацию о личности преступника, зависимость между особенностями личности и избранным способом совершения и сокрытия преступления, его мотивами, – все это входит в совокупность криминалистических данных о преступлении, необходимых для успешного раскрытия и расследования преступлений»².

В. К. Гавло отмечает: «... личность субъекта преступления как следообразующий объект оставляет не только материальные следы, но и «... следы – признаки преступного поведения, свидетельствующие не только о событии преступления, но и о самом преступнике. В своей совокупности они позволяют представить механизм преступления, неотъемлемым компонентом которого является личность с определенными свой-

ствами и качествами»³, а личность преступника «надо изучать как следообразующий объект – источник информации о совершенном преступлении и как средство его раскрытия»⁴.

Проявлением характеристики личности преступника, по нашему мнению, является взаимосвязь свойств, связей личности, которые имеют значение не только для подготовки, совершения и сокрытия преступления, но и являются его содержанием как элемента криминалистической характеристики, который определяется конкретным набором признаков личности, специфичных для лиц, совершающих конкретный вид преступления.

Вполне аргументированно мнение некоторых авторов о том, что совершение данного вида преступления невозможно без наличия у преступника знаний об обороте пластиковых банковских карт⁵, к которым, на наш взгляд, вполне можно отнести: во-первых, знания о видах банковских карт, механизме их использования, во-вторых, знания о существующей защите карточек, в-третьих, что немаловажно при использовании поддельных банковских карт, знания о способах изготовления карточек.

Анализируя субъектов преступления, следует согласиться с мнением П. Б. Смагоринского о том, что «анализ хищений

1 Коршик М. Г. Степичев С. С. Изучение личности обвиняемого на предварительном следствии/под ред. проф. А. И. Винберга. М., 1961. С. 19.
2 Рубцов И. И. Криминалистическая характеристика преступлений как элемент частных методик расследования: дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001. С. 115.

3 Гавло В. К. О понятии криминалистического механизма преступления и его значении в расследовании криминальных событий // Алгоритмы и организация решений следственных задач: сб. науч. трудов. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1982. С. 77.
4 Гавло В. К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск: Изд-во Томского университета, 1985. С. 197.
5 См., например: Вехов В. Б. Особенности расследования преступлений, совершенных с использованием пластиковых карт и их реквизитов, Волгоград, 2005. С. 86; Баяхчев В. Г., Улейчик В. В. Расследование хищений, совершаемых в кредитно-финансовой сфере с использованием электронных средств // Законодательство. 2000. № 6. С. 53–59.

чужого имущества, совершенных с использованием пластиковых карт показывает, что одному лицу достаточно сложно решить весь комплекс возникающих при этом проблем. Поэтому, нередко, на этапе подготовки к совершению преступления и на этапе его реализации действуют совершенно разные лица»⁶.

Действительно, анализ способов хищений, совершенных с использованием банковских карт и их реквизитов показывает, что в совершение преступлений с банковскими пластиковыми картами вовлекаются сотрудники банков и процессинговых компаний, а также работники обслуживающих сервисных точек, что является серьезным фактором, «т. к. именно эта категория работников наиболее полно осведомлена о механизме функционирования платежной системы, возможностью доступа к данным об эмитированных картах и их владельцах, а иногда и PIN-кодах, а также возможностью осуществлять преступную деятельность, исполняя свои служебные обязанности»⁷.

Рассматривая криминалистическое значение информации о личности преступника при расследовании хищений, совершенных с использованием кредитных и расчетных карт, следователю необходимо акцентировать внимание на значимости сведений о характерных свойствах личности субъекта преступления для эффективного выбора дальнейших тактических приемов и выдвижения следственных версий.

Проведенный нами анализ состояния, динамики и структуры хищений, совершенных с использованием банковских карт и их реквизитов, а также характеристики субъекта преступления позволил нам обнаружить следующие закономерности: наиболее многочисленную группу составляют лица в возрасте от 18-25 лет – 31,6 %, 25-30 лет – 37,73 %, 30-35 лет – 17,92 %, 35-40 лет – 11,32 %, несовершеннолетние составляют 0,47 % и 0,94 % составляют лица в возрасте старше 40 лет. По нашему мнению, то, что число лиц в возрасте от 40 лет, совершивших подобные хищения, невелико, объясняется тем, что данная категория лиц не обладает достаточными знаниями о механизме использования банковских карт.

Изучение данных видов хищений показало, что распределение лиц по полу имеет определенные особенности:

грабежи и разбои на открытой местности совершаются лицами мужского пола, которые применяют насилие для завладения картой и получения PIN-кода к ней от потерпевших;

значительное число мошенничества совершается лицами мужского пола, обладающими определенными знаниями и умениями в области изготовления поддельных карт;

доля лиц женского пола заметно выше в категории мошенников и расхитителей, которые являются банковскими работниками – 65,4 %;

лица, обладающие бытовым знанием в области использования банковских карт, совершают в основном кражи – 55,06 %;

основная масса правонарушителей имеет средне-специальное образование – 50,47 %, неполное среднее образование имеют 4,24 %, среднее – 34,01 %, студенты – 6,13 %, высшее – 6,13 %. При этом образовательный уровень выше у женщин, самый низкий образовательный уровень у лиц, ранее суди-

мых. У последней категории лиц отмечается низкий культурный уровень, характеризующийся примитивными интересами (пьянством, паразитическим образом жизни за счет родственников);

нигде не работают – 58,96 %, имеют постоянный источник дохода – 34,43%;

ранее судимые за совершение корыстных преступлений – 28,77 %; ранее судимые за совершение преступлений против личности – 7,54 %; против общественной нравственности и здоровья населения – 3,3 %; ранее не судимы – 60,37 %;

лица, ранее судимые за совершение хищений с использованием банковских карт, нами не установлены, что можно объяснить тем, что спустя достаточный срок ранее выбранный способ может быть недоступен;

в составе группы лиц совершается 83,57 % мошенничества, 5,45 % краж, 37,14 % грабежей (и разбойных нападений) и 64,23 % присвоений. Наиболее «долговечны» группы при совершении мошенничества с использованием поддельных карт, которые совершают многоэпизодные хищения. Проведенное нами исследование не обнаружило ни одной женской группы.

Считаем необходимым подробнее остановиться на такой категории преступников, которые занимаются оформлением и представлением кредитных заявок о получении кредитных банковских карт и непосредственно участвуют в осуществлении банковских операций. Эти лица имеют высшее образование, в силу служебного положения хорошо разбираются в технологии банковских расчетов, исходя из которых определяют способ дальнейшего хищения и ориентируются на длительное совершение хищений. В дальнейшем, выбрав определенный способ хищения, преступники детально планируют свои действия по подготовке и сокрытию преступления. Отличительной особенностью преступников-сотрудников банков является наличие специальных знаний и практических навыков в области электронного документооборота, а также возможность использования PIN-кодов к специальным банковским счетам.

Например, С-ков Т. Н., являясь ведущим экономистом отдела розничного бизнеса Казанского филиала банка «Зенит», используя свое служебное положение и имея доступ к данным о специальных карточных счетах клиентов банка, по поручению руководства банка занимался уничтожением неотребуемых пластиковых банковских карт. Так, С-ков Т. Н., анализируя снятие денежных средств по специальным карточным счетам клиентов банка, делал выводы о том, используется ли конкретная карта в настоящее время либо по каким-то причинам данная карта владельцем не используется. Занимаясь уничтожением карт, С-ков Т. Н., пользуясь тем, что членами комиссии по уничтожению карт проверялись не все уничтожаемые карты, а только выборочно, указывал в актах об уничтожении также и те карты, которые он в действительности не уничтожил, а оставил у себя вместе с PIN-кодом. В дальнейшем С-ков Т. Н., используя физический доступ к данным картам, переводил имеющиеся на специальных карточных счетах клиентов денежные средства на имеющуюся у него не уничтоженную банковскую карту и впоследствии, используя имеющийся PIN-код, через банкомат, расположенный при входе в банк, снимал переведенные с других специальных карточных счетов денежные средства⁸.

Таким образом, при совершении преступлений с использованием кредитных и расчетных карт способ совершения позволяет существенно охарактеризовать отдельные личностные

6 Смагоринский П. Б. Криминалистическая характеристика хищений чужого имущества, совершенных с использованием пластиковых карт, и ее применение в следственной практике: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000. С. 15.

7 Абдурагимова Т. И. Расследование изготовления, сбыта и использования поддельных пластиковых карт: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 64.

8 Уголовное дело № 1-471/2010. Архив Вахитовского районного суда г. Казани.

данные преступника. Так, хищения путем мошенничества совершают так называемые профессиональные «компьютерные» преступники с выраженными корыстными целями, в качестве соучастников или непосредственно исполнителей выступают сотрудники эмитента, мерчанта, эквайера, т. е. лица, также имеющие определенную профессиональную подготовку и имеющие доступ к оформлению расчетных операций с использованием платежно-расчетных карт. Сотрудники банков, совершающие хищения с использованием кредитных и расчетных карт, имеют доступ к персональным данным лица, обратившегося в банк по какому-либо вопросу. И, напротив, при совершении тайного хищения денежных средств с использованием кредитных и расчетных карт, например, при хищении карты и PIN-кода преступник может не обладать никакими специальными знаниями, кроме как умением пользоваться банкоматом.

Выявленные основные социально-демографические признаки лиц рассматриваемой группы преступлений тесно связаны с их нравственно-психологическими качествами, знание которых необходимо для выбора тактики производства следственных действий, т. к. они определяют поведение преступника на предварительном следствии.

Необходимо отметить, что качественные характеристики того или иного субъекта преступления могут отличаться в зависимости от способа совершения преступления. Предложенная нами характеристика свойств преступника может помочь сотрудникам правоохранительных органов сузить круг лиц, которые могут быть причастны к совершению преступления, определить очередность, а также тактику производства следственных действий, в некоторых случаях выявить и преодолеть оказываемое субъектами преступления противодействие.

Пристатейный библиографический список

1. Абдурагимов Т. И. Расследование изготовления, сбыта и использования поддельных пластиковых карт: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2001.
2. Баялчев В. Г., Улейчик В. В. Расследование хищений, совершаемых в кредитно-финансовой сфере с использованием электронных средств // Законодательство. 2000. № 6. С. 53–59.
3. Бондаренко Г.В. Правовые ценности в системе ценностных ориентаций личности // Евразийский юридический журнал. 2014. № 7. С. 209-210.
4. Вехов В. Б. Особенности расследования преступлений, совершенных с использованием пластиковых карт и их реквизитов, Волгоград, 2005.
5. Гавло В. К. О понятии криминалистического механизма преступления и его значении в расследовании криминальных событий // Алгоритмы и организация решений следственных задач: сб. научн. трудов. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1982.
6. Гавло В. К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск: Изд-во Томского университета, 1985.

7. Коршик М. Г. Степичев С. С. Изучение личности обвиняемого на предварительном следствии/под ред. проф. А. И. Винберга. М., 1961.
8. Рубцов И. И. Криминалистическая характеристика преступлений как элемент частных методик расследования: дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001.
9. Смагоринский П. Б. Криминалистическая характеристика хищений чужого имущества, совершенных с использованием пластиковых карт, и ее применение в следственной практике: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000.

МАЙОРОВ Андрей Владимирович

кандидат юридических наук, доцент, подполковник милиции в отставке, член Российской криминологической ассоциации, заведующий кафедрой прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности Института права Челябинского государственного университета

Майоров А. В.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЗАЩИТЫ ЖЕРТВ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ

В статье рассматриваются вопросы правового обеспечения безопасности жертв преступлений в рамках российского законодательства. Анализируется российское законодательство, правовые акты, а также позиции ведущих ученых в этой области. Высказывается авторская точка зрения по вопросу обеспечения виктимной безопасности в рамках виктимологической политики государства, являющейся правовой основой обеспечения безопасности жертв преступности в России.

Ключевые слова: жертва, преступность, виктимологическое противодействие, виктимологическая безопасность, виктимологическая политика, виктимная безопасность, правовая защищенность.

MAYOROV Andrey Vladimirovich

Ph.D. in Law, associate professor, Colonel retired police, member of Russian criminology Association, Head of Prosecutor's Supervision and Law Enforcement sub-faculty of the Institute of Law of the Chelyabinsk State University

LEGAL FRAMEWORK FOR THE PROTECTION VICTIMS OF CRIME IN RUSSIA

The article deals with the issues of legal security of victims of crime under Russian law. Analyzes the Russian legislation, legal acts, as well as the positions of the leading scientists in this field. It expresses the author's point of view on the issue of ensuring the security of victimization within victimological policy, which is the legal basis for the safety of victims of crime in Russia.

Keywords: victim, crime, Victimological opposition, Victimological security, Victimological policy, victimization security, legal protection.

В современных условиях общество переживает процесс постоянной и стремительной трансформации. Социально-экономические и политические преобразования, продолжающиеся в России в последнее время, породили множество проблем, связанных с осуществлением эффективной уголовной политики государства. При таких условиях в России складывается сложная виктимологическая ситуация, которая требует определенного подхода и изучения. Виктимология (от лат. *viktima* – жертва и греч. *logos* – учение) – это комплексное учение о жертве любого происхождения, как криминального, так и не связанного с преступлениями (техногенных, экологических, стихийных бедствий (катастроф) и т.д.). Говоря о виктимологической ситуации в стране, предлагаем ограничиться жертвами криминального характера – жертвами преступности (потерпевшими от преступления).

Изучение опубликованной статистики МВД РФ¹ позволяет выделить виктимологически значимые показатели, такие как число погибших в результате совершения преступления наряду с числом лиц, здоровью которых причинен тяжкий вред. Анализируя данные за период с 2010 по 2015 гг. можно увидеть, что число погибших в результате совершенных преступлений с каждым годом снижается в среднем на 5%. Однако количество пострадавших получивших тяжкий вред здоровью в 2012, 2013 и 2014 гг. имеет стойкую динамику увеличения в среднем на 3%, но в 2015 году эта цифра снизилась на 7,2% и составила 48,8 тыс. (см.: Табл. 1).

Изучаемые данные статистики отразим в диаграмме, в целях наглядного сравнения этих виктимологически значимых показателей преступности за последние годы (см. Диагр. 1).

При этом следует отметить, что представленные данные статистики не отражают потерпевших, получивших менее тяжкий вред здоровью, пропавших без вести, пострадавших от преступлений получивших иной (менее значимый) вред и т.д. Вместе с тем, полученная диаграмма позволяет наглядно представить виктимологическую картину, которая свидетельствует о том, что уровень виктимности населения от преступлений против жизни и здоровья имеет тенденцию снижения, несмотря на незначительное увеличение в 2013 г. количества потерпевших в результате причинения им вреда здоровью.

Справедливо отмечают многие специалисты, что уголовная политика государства в области противодействия преступности и предупреждения отдельных видов преступлений не может быть эффективной без надежной прогностической информации о возможных направлениях развития общества и отдельных социальных явлений и процессов, к которым относится социальный процесс виктимизации – превращения лица в жертву преступления. Анализируя указанные показатели, с определенной долей условности можно выявить динамику виктимизации от преступлений против жизни здоровья (см. Граф. 1).

Обеспечение безопасности личности от противоправных посягательств, является одной из важнейших обязанностей государства. В то же время решение задач обеспечения безопасности личности, защиты общества, государства от преступных посягательств и сокращения преступности не сводится исключительно к действиям, направленным на преступников и преступность. Их решение невозможно без направленной работы

1 Сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mvd.ru/Deljatelnost/statistics>

Таблица 1.
Количество погибших и получивших тяжкий вред здоровью в результате совершенных преступлений в Российской Федерации.

показатели		2010	2011	2012	2013	2014	2015
погибло	абс. тыс.	42	40,1	38,7	36,7	35,0	32,9
	в %	- 8,9	- 4,5	-3,4	- 5,1	-4,6	-0,4
причинен тяжкий вред здоровью	абс. тыс.	50,8	49,4	50,6	52,8	52,5	48,8
	в %	- 8,3	-2,8	+2,4	+ 4,3	-6,0	-7,2

Диаграмма 1.

Количественные показатели преступности, выраженные в числе погибших и пострадавших, которым причинен тяжкий вред на территории Российской Федерации за 2010-2015 гг.

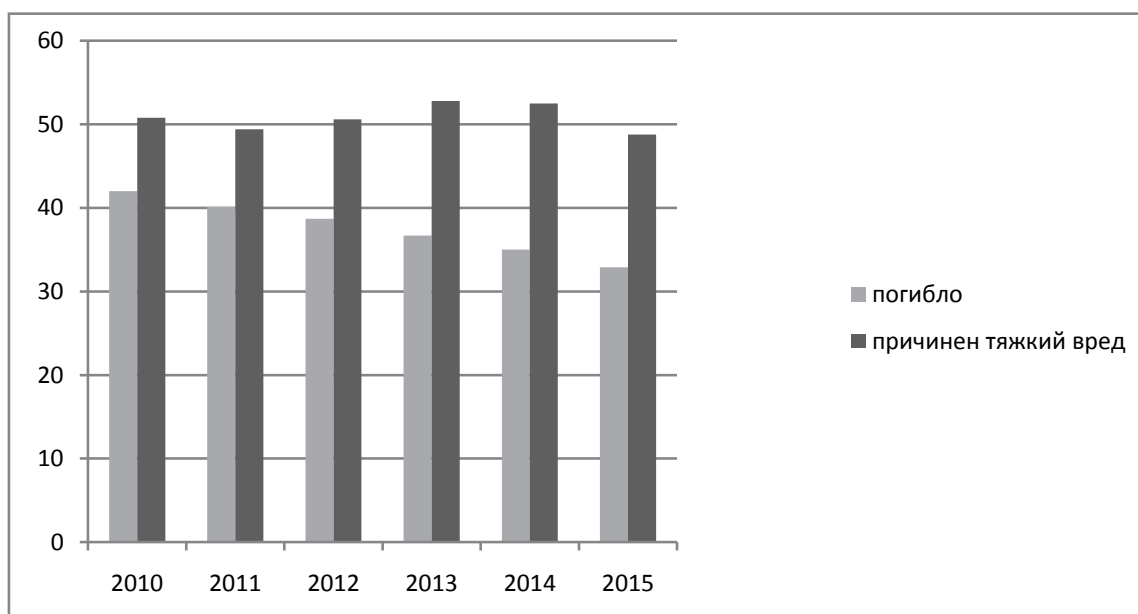

График 1.

Динамика виктимизации от преступлений против жизни и здоровья по России за 2010 – 2015 гг.*

с потерпевшими от преступлений, виктимными категориями лиц, оказания воздействия на различные объективные и субъективные обстоятельства, так или иначе влияющие на возникновение преступлений, без целенаправленной деятельности

* См.: Официальный сайт МВД России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mvd.ru/presscenter/statistics/reports/item/804701/>

государства по предупреждению нарушений и ограничений прав и свобод человека, без разработки системы опережающего противодействия и обеспечения безопасности. Государство является основным субъектом обеспечения безопасности, реализуя готовность и способность институтов власти создавать механизмы регулирования и защиты интересов личности и обеспечивать эффективность их функционирования.

Реализуя свои функции по защите и охране прав и свобод человека и гражданина органы государственной власти, осуществляют деятельность, направленную на повышение уровня защищенности граждан и снижения уязвимости (виктимности) перед преступными посягательствами. Однако в нашей стране сегодня отсутствует единое законодательство, в котором определялись бы основы государственной виктимологической политики. Можно с уверенностью сказать, что разработка и принятие Концепции о защите жертв преступности в России, является не только необходимой правовой предпосылкой формирования единой российской системы виктимологического воздействия на преступность, но и определения и закрепления важнейших направлений виктимологической политики, являющейся правовой основой обеспечения безопасности жертв преступности в России.

Анализируя научные идеи в области развития виктимологической политики нашего государства, можно выделить основные направления и принципы этой деятельности. Во-первых, необходимым условием является признание и поддержание виктимологической идеологии и приоритета в защите прав жертвы преступления; во-вторых создание и совершенствование системы исполнения законодательства, направленного на обеспечение прав жертв преступлений и организацию единой системы материальных компенсаций и реституций жертве преступления, для ее социальной реабилитации; в-третьих, укрепление взаимодействия между гражданами и системой уголовной юстиции, обеспечение процессуальных гарантий соблюдения прав человека; в-четвертых, законодательная и финансовая поддержка использования общественного потенциала, возможностей институтов гражданского общества, религиозных объединений, социальных фондов, органов местного самоуправления для снижения уровня виктимизации населения; в-пятых, обобщение и использование зарубежного опыта, научных разработок и поддержание практических рекомендаций по противодействию преступности с использованием виктимологического потенциала [2, С. 133]².

Изучение действующего законодательства России позволяет выделить ряд законов, нормативно-правовых актов, а также отдельных норм, включающих виктимологический аспект и направленных на обеспечение безопасности личности, как потенциальной жертвы угроз криминального характера.

Рассматривая жертву преступления как часть общественных отношений можно отметить, что существует определенный уровень защищенности пострадавшей стороны. Так, например, в соответствии с Законом «О полиции», – «Полиция защищает права, свободы и законные интересы человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств» (ст. 7), «... устраняет угрозы безопасности...

и обеспечивает безопасность граждан и общественной безопасности...» (ст. 12). Уголовное законодательство (Уголовный кодекс РФ – УК РФ), в свою очередь, предусматривает такие превентивные меры защиты, как обстоятельства, исключающие преступность деяния: «необходимая оборона» (ст. 37 УК РФ), «крайняя необходимость» (ст. 38 УК РФ) и др. В сложившейся виктимологической ситуации многие ученые ставят вопрос об особой актуальности и качественно новом уровне понимания гражданской самозащиты, возможность которой гарантирована Конституцией РФ (ч. 2 ст. 45). Гражданская самозащита представляется как правомерный способ борьбы с преступностью, как мера специальной и социальной профилактики, которая восполняет недостающие в момент посягательства действия государства по защите своих граждан. Более того, как отмечает профессор В.В. Меркурьев, предоставление государством законного права на самозащиту уже следует рассматривать как активное содействие гражданам в обеспечении их безопасности³.

При этом, защита прав лиц, пострадавших от преступлений – конституционная обязанность российского государства. Конституция РФ права и свободы человека и гражданина провозглашает в качестве высшей ценности, а их защиту рассматривает в качестве обязанности государства. Права и свободы человека и гражданина закреплены в главе 2 Конституции РФ⁴ и определяют ряд принципиальных положений, относящихся к сфере уголовного судопроизводства.

В международно-правовых актах отмечается необходимость проведения разъяснительной работы по предупреждению виктимизации, а также по защите, оказанию помощи и выплате компенсаций жертвам преступлений⁵. В Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1985 г., в качестве основания для признания лица жертвой преступления называется причинение вреда в результате деяния, которое нарушает национальные уголовные законы.

Статья 52 Конституции РФ закрепляет: «Права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного вреда»⁶. Реализуя конституционные положения (судебная защита прав и свобод; обеспечение доступа к правосудию) уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации (далее – УПК РФ) закрепляет: во-первых, что уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; во-вторых, возможность признания потерпевшим юридическое лицо; в-третьих, отнесение потерпевшего к стороне обвинения; в-четвертых, в законе предусмотрен достаточно широкий перечень прав, которыми наделяется потерпевший. Кроме этого, в УПК РФ содержится ряд положений, касающихся обеспечения безопасности потерпевших. Эти положения способствуют осуществлению государством своей конституцион-

2 Майоров А. В. Концептуальные основы виктимологического противодействия преступности: монография. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2013. С. 133.

3 Меркурьев В. В. Защита безопасности человека и его жизнедеятельности. – М., 2005.

4 Конституция Российской Федерации // Российская газета. – 1993. – 25 декабря.

5 Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 45/107 от 14 декабря 1990 г. «Международное сотрудничество в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития» // Издание Организации Объединенных наций. – Нью-Йорк, 1992.

6 Конституция Российской Федерации // Российская газета. – 1993. – 25 декабря.

ной обязанности по защите прав и свобод личности, а также эффективному осуществлению уголовного судопроизводства. При наличии достаточных данных о том, что потерпевшему, свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства, а также их близким родственникам, родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями, суд, прокурор, руководитель следственного органа, следователь, орган дознания и дознаватель принимают в пределах своей компетенции в отношении указанных лиц меры безопасности, предусмотренные статьями 166 ч. 9, 186 ч. 2, 193 ч. 8, 241 п. 4 ч. 2 и 278 ч. 5 УПК РФ, а также иные меры безопасности, предусмотренные законодательством Российской Федерации (ч. 3 ст. 11 УПК РФ).

Содержание этих мер раскрывают суть виктимологической направленности норм уголовно-процессуального законодательства. Необходимо отметить, что потерпевший, в рамках действующего УПК РФ, располагает довольно широкими процессуальными возможностями по защите своих прав. В статьях 42, 246, 314, 318, 328 и других УПК РФ указывается совокупность общих и более конкретных процессуальных прав и обязанностей потерпевшего. Например, в ч. 2 ст. 42 УПК РФ говорится о праве потерпевшего участвовать в судебном разбирательстве первой инстанции; в ст. 314 УПК РФ конкретизируется роль потерпевшего, который может возражать против проведения судебного разбирательства в особом порядке; в соответствии со ст. 318 УПК РФ потерпевший вправе путем подачи заявления возбуждать уголовные дела, отнесенные ч. 2 ст. 20 УПК РФ к категории частного обвинения, и выполнять при этом функции частного обвинителя; часть 3 ст. 42 УПК РФ предусматривает возмещение потерпевшему имущественного вреда, причиненного преступлением, а также расходов, понесенных в связи с его участием в ходе предварительного расследования и в суде, включая расходы на представителя. Также в целях обеспечения правильного и единообразного применения судами норм уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве, обеспечения его прав и законных интересов Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъясняет основания и порядок применения судами норм уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве⁷. Федеральный закон от 20 августа 2004 года № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», содержит основы системы государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, устанавливает принципы осуществления и виды государственной защиты, включающие меры безопасности и социальной поддержки, определяет органы, обеспечивающие государственную защиту и порядок применения мер. Кроме того, в целях реализации Закона Правительством РФ приняты: Постановление от 27 октября 2006 г. № 630 «Об утверждении Правил применения отдельных мер безопасности в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»⁸; Постановление от 11 ноября 2006 г. № 664 «Об утверждении правил выплаты единовременных пособий потерпевшим, сви-

детелям и иным участникам уголовного судопроизводства, в отношении которых в установленном порядке принято решение об осуществлении государственной защиты»⁹. Постановлением Правительства Российской Федерации от 3 марта 2007 г. № 134 утверждены «Правила защиты сведений об осуществлении государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». Правила устанавливают порядок защиты сведений об осуществлении государственной защиты защищаемых лиц, включая основания для их защиты и порядок действия органов, осуществляющих меры безопасности¹⁰.

Комплексный анализ проблем и правовой регламентации механизма государственной защиты жертв преступности в Российской Федерации, а также приведенные цифры статистики, указывают на необходимость разработки единого законодательства о виктимологическом воздействии на преступность и защите жертв преступлений, в котором определялись бы и основы государственной виктимологической политики. Указанная проблема связана с тем, что в России отсутствует единая концепция в области виктимологической политики, предусматривающей защиту жертв преступности и обеспечение должного уровня их безопасности. Несмотря на то, что на сегодняшний день существует ряд научных разработок в этом направлении, проблемы, связанные с оказанием психологической, юридической, материальной помощи жертвам (потерпевшим) преступлений продолжают обсуждаться на государственном уровне. В практическом плане научное понимание этого вопроса позволяет определить не только приоритеты виктимологической политики, ее стратегию и тактику, но и реально приблизиться к тому, что называется защитой населения и охраной законных прав и интересов граждан.

Очевидно, что в данном случае автором высказана теоретическая позиция в отношении, как это может показаться, отдельного направления в уголовной политике – виктимологической политики. Однако защита жертв преступности не только не исчерпывается совокупностью реализуемых уголовно-правовых и уголовно-процессуальных мер, но и порождает необходимость применения в комплексе с ними и других правовых, а также не правовых средств воздействия на источники виктимизации.

Пристатейный библиографический список

1. Меркурьев В. В. Защита безопасности человека и его жизнедеятельности. – М., 2005.
2. Майоров А. В. Концептуальные основы виктимологического противодействия преступности: монография. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2013.

7 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве».

8 См.: СЗ РФ. 2006. № 45. Ст. 4708.

9 См.: СЗ РФ. 2006. № 47. Ст. 4895.

10 См.: СЗ РФ. 2007. № 11. Ст. 1325.

ГАЙНЕЛЬЗЯНОВА Венера Равилевна

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры криминалистики Уфимского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации, капитан полиции.

ОСОБЕННОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НАРУШЕНИЕМ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

В статье рассмотрены проблемы, возникающие при назначении и производстве судебных экспертиз в процессе расследования уголовных дел, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

Ключевые слова: судебно-медицинская, автотехническая, трасологическая, биологическая экспертизы.

GAYNELZYANOVA Venera Ravilevna

Ph.D. in Law, lecturer of Criminalistics sub-faculty of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, police captain.

Гайнельзянова В. Р.

FEATURES OF APPOINTMENT SEPARATE KINDS OF FORENSIC EXAMINATIONS IN THE INVESTIGATION OF CRIMES RELATED TO VIOLATION OF TRAFFIC RULES AND OPERATION OF VEHICLES

The article deals with the problems arising from the appointment and the production of legal expertise in the investigation of the criminal case related to the violation of traffic rules and operation of vehicles.

Keywords: forensic-medical, auto-technical, trasological, biological examination.

Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264 УК РФ) занимает незначительное место в общей структуре преступности. При этом, как правило, очевидны серьезные упущения в фиксации следовой картины места происшествия, характеризующей его механизм, а соответственно и действия его участников.

Важное, а порой и определяющее значение в рассмотрении данной проблемы традиционно имеют специальные знания, результаты применения которых порой составляют основу доказательственной базы по уголовным делам этой категории¹. Вместе с тем, чтобы понять и оценить влияние данных факторов, установить причинно-следственную связь между действиями участников ДТП и наступившими последствиями, необходимы специальные экспертные познания.

В процессе расследования дорожно-транспортных преступлений назначаются практически все виды экспертиз: судебно-медицинские, криминалистические, судебно-автотехнические, автотехнические и др. Вместе с тем, главное место среди них занимает судебная автотехническая экспертиза (САТЭ), причем как по частоте встречаемости, так и по значимости их результатов для расследования уголовных дел рассматриваемой категории.

Автотехническая экспертиза проводится, чтобы выяснить техническое состояние ТС или отдельных его механизмов и узлов; определить относительное время появления конкретной неисправности (возникла ли она до ДТП или в результате его); причин и условий ее образования; установить причинную связь между имеющейся неисправностью и наступившими последствиями, приведшими к ДТП. Автотехническая экспер-

тиза решает также ряд вопросов, связанных с анализом механизма этих происшествий, например: определяет по величине тормозного пути скорость движения ТС, момента возникновения опасной ситуации; как должен был действовать в данной ситуации водитель, имел ли он техническую возможность избежать происшествия (наезда, столкновения); соответствовали ли его действия правилам дорожного движения. Однако эксперт не предрешает вопроса о виновности водителя; она будет установлена на основе оценки всех фактов, собранных по делу, в частности, наличия или отсутствия причинной связи между действиями (бездействием) водителя и ДТП.

Так, наряду с автотехнической может быть назначена и транспортно-трасологическая экспертиза. Как отмечает Ю. Н. Багдасарян, она решает два вида задач: идентификационные и диагностические. К первым относится отождествление ТС или установка его групповой принадлежности по следам его ходовой части, по следам выступающих частей, по отделившимся деталям и частям (часто по осколкам фарных рассеивателей). Диагностическая задача заключается в установлении направления движения ТС, точного места кульминационной стадии ДТП, линии и угла столкновения; в разграничении следов первичного и повторного соударения (опрокидывания); в установлении обстоятельства выпадения человека из ТС и т.п. Решение таких вопросов позволяет эксперту получить представление о механизме ДТП, точном его месте и динамике².

При столкновении транспортных средств наблюдается сложный механизм действия сил и их моментов, поэтому для их расследования рекомендуется назначать судебную комплексную трасолого-автотехническую экспертизу.

1 Гайнельзянова В. Р. Использование специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Автореф. дисс ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012. С. 1.

2 Багдасарян Ю. Н. Криминалистический анализ механизма дорожно-транспортного преступления. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1982. С. 147.

Такая экспертиза позволяет:

- установить вид транспортного средства, оставившего следы шин, либо по отпечаткам детали автомобиля на одежде пострадавшего определить марку ТС;
- по осколкам рассеивателя и пружинам крепления стекла фары, обнаруженным на месте происшествия, установить марку (тип) транспортного средства;
- определить модель и марку ТС, совершившей наезд, судя по следам протектора (или отпечатка определенных частей автомобиля, осколкам фарного рассеивателя, пружинки крепления стекла, фары).

Высокий процент ДТП, вызванный плохим состоянием дорог, предъявляет к экспертизам транспортных происшествий и следствию особые требования по выявлению степени влияния некачественного проектирования, строительства и эксплуатации, дорог, на возникновение той или иной аварии. Решению указанных проблем, как отмечает А. Г. Кольчурин, способствует инженерно-транспортные экспертизы³.

Одним из видов инженерно-транспортных экспертиз является диагностическая экспертиза технического состояния автомобильной дороги, дорожных обустройств и внешних условий на участке ДТП, или дорожная (автодорожная) экспертиза. Данная экспертиза призвана установить все причины и условия, способствовавшие дорожно-транспортному происшествию, включая и причины, вызванные геометрией участка автомобильной дороги.

При производстве автодорожной экспертизы, как отмечает В. А. Мызников, решаются вопросы, касающиеся:

- обстановки на месте ДТП: состояние дорожного покрытия проезжей части, обочин, участка за пределами дорожного полотна;
- значения параметров и коэффициентов, характеризующих движение транспортных средств и других объектов на месте ДТП;
- состояния дороги в месте ДТП, наличия уклонов;
- технической возможности предотвращения ДТП с учетом состояния дороги, ее обустройства и других обстоятельств, связанных с особенностями дороги и окружающей среды;
- обстановку перед ДТП, которые способствовали или могли способствовать возникновению ДТП, в том числе благоустроенность дороги, отсутствие должных дорожных знаков, их неправильное расположение и другие отрицательные особенности дорожной обстановки⁴.

Помимо технических экспертиз, при расследовании преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, назначается судебно-медицинская экспертиза, которая решает вопросы о причине и времени смерти, механизме повреждений на теле человека, прижизненности или посмертности этих повреждений, степени тяжести вреда, причиненного здоровью потерпевшего, и др. Если на ТС обнаружены следы крови, волосы или иные объекты биологического происхождения, то назначается судебно-биологическая экспертиза вещественных доказательств.

Судебно-медицинская экспертиза – экспертное исследование, дающее заключение по вопросам медицинского и био-

логического характера, связанным с жизнедеятельностью и функциями человеческого организма.

Для выяснения, какими именно частями транспортного средства было нанесено повреждение, отмечает А. А. Коссович, как правило, назначается комплексная автотехническая и судебно-медицинская экспертиза. В случае, если имело место столкновение автомобиля с потерпевшим, по мнению А. А. Коссовича, комплексная автотехническая и судебно-медицинская экспертиза позволяет установить:

– какие повреждения причинены в результате непосредственного удара частями движущегося автомобиля; какие повреждения возникли при последующем падении (от удара и трения о грунт)?

– с какой стороны (слева, справа, спереди, сзади) и в каком направлении по отношению к потерпевшему был причинен удар выступающей частью автомобиля?

– в каком положении по отношению к движущемуся автомобилю находился потерпевший в момент удара и последующего падения?

какова возможная последовательность повреждений, полученных при столкновении с автомобилем? Одновременно ли или в разное время они получены?

– какой частью движущегося автомобиля (бампером, радиатором, фарой, подножкой, кузовом и т.д.) был причинен удар? Не данной ли частью автомобиля (указать марку последнего) могли быть причинены повреждения?⁵

В случае, если имел место переезд колесом (-ами) автомобиля, также отмечает А. А. Коссович, комплексная автотехническая и судебно-медицинская экспертиза позволяет ответить на следующие вопросы:

– был ли он груженым или не груженым?

– с какой стороны и в каком направлении по отношению к телу потерпевшего был совершен переезд?

– в каком положении находился потерпевший в момент переезда колесом (-ами) автомобиля?

– какими колесами (передними, задними, правыми, левыми) и в какой последовательности был произведен переезд через тело потерпевшего?

В случае, если имела место травма (пассажиров, водителя) в кабине автомобиля при столкновении его с каким-либо препятствием, также отмечает С. Н. Путивка, комплексная автотехническая и судебно-медицинская экспертиза позволяет ответить на следующие вопросы:

– какие повреждения образовались от удара о части кабины и сотрясения тела, и какие – от сдавливания тела вследствие прижатия его сместившимися частями (салона, кузова)?

– на каких местах (на переднем, заднем сиденье) в кабине автомобиля находился тот или иной потерпевший, в частности, кто из них сидел за рулем в момент происшествия?⁶

В случае, если имело место сдавливание тела между автомобилем и какой-либо плотной преградой, отмечает А. Г. Кольчурин, комплексная автотехническая и судебно-медицинская экспертиза позволяет ответить на следующие вопросы:

– каковы были поза потерпевшего, взаиморасположение его тела и движущегося автомобиля в момент придавливания к преграде?

3 Подробнее об этом виде экспертиз при расследовании ДТП см.: Кольчурин А. Г. С. 171.

4 Мызников В. А. Теоретические и практические проблемы расследования дорожно-транспортных происшествий. Дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 1996. С. 173.

5 Коссович А. А. Информационно-криминалистическое обеспечение комплексных судебных экспертиз при расследовании дорожно-транспортных преступлений. Дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. С. 123.

6 Там же. С. 125.

– в каком направлении двигался автомобиль по отношению к потерпевшему в момент придавливания его к преграде?

В случае, если имело место падение потерпевшего из движущегося автомобиля, также замечает А. Г. Кольчурин, комплексная автотехническая и судебно-медицинская экспертиза позволяет установить:

– какие из повреждений могли возникнуть при ударе о полотно дороги (грунт) и скольжении по нему; какие при ударе о части автомобиля?

– каково было положение тела в момент падения на полотно дороги (грунт)?

– могли ли полученные повреждения образоваться при падении на данное дорожное покрытие (асфальт, булыжник и т.д.)?

– могли ли эти повреждения возникнуть при падении с указанной высоты (например, с подножки, из кабины, кузова)?⁷

На биологическую экспертизу (образцов крови или других биологических объектов) направляются копии: заключения биологической экспертизы при назначении повторной экспертизы; протокол изъятия образцов крови (слюны, волос), если таковые изымались.

Судебная трасологическая экспертиза – одна из наиболее распространенных назначаемых при расследовании ДТП криминалистических экспертиз. Для данной экспертизы характерно исследование следов для выявления внешнего строения отразившихся на них объектов. Предметом трасологической экспертизы как вида практической деятельности являются те фактические данные, которые необходимо установить, отвечая на поставленные перед экспертом вопросы, исследовав соответствующие объекты. К трасологической экспертизе прибегают при определении механизма ДТП, а также, когда требуется идентифицировать те или иные следы транспортного средства (например, шин)⁸. Следует иметь в виду, что эксперты в области транспортной трасологии – это криминалисты, они не имеют специальной подготовки по теоретической механике и теории автомобиля, а эксперты-инженеры недостаточно подготовлены в области следоведения.

К специальным видам судебных экспертиз при расследовании дорожно-транспортных преступлений относятся: экспертизы материалов и вещей, исследование лакокрасочных материалов и покрытий транспортных средств, исследование деталей транспортных средств из резины, пластмасс и других полимерных материалов, пожаро-техническая экспертиза⁹. На эту экспертизу направляются объекты со следами смазки или краски; волокна ткани, изъятые с поверхности ТС; частицы краски с места происшествия и т. д. На разрешение экспертизы ставятся вопросы: каким веществом образованы пятна, не совпадает ли это вещество по источнику своего происхождения с аналогичным веществом, изъятим при осмотре ТС; не совпадают ли волокна, обнаруженные на ТС, с волокнами одежды потерпевшего. Подобные экспертизы, оцениваемые совместно с автотехнической и судебно-медицинской, позволяют следователю получить достоверные доказательства по делу о ДТП.

В случаях, когда транспортное средство в результате ДТП стораает, при необходимости назначается пожарно-техниче-

ская экспертиза, которая решает вопросы связанные с возгоранием и непосредственной причиной возгорания.

Пристатейный библиографический список

1. Багдасарян Ю. Н. Криминалистический анализ механизма дорожно-транспортного преступления. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1982.
2. Гайнелзянова В. Р. Использование специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012.
3. Евтюков С. А. Расследование и экспертиза дорожно-транспортных происшествий / Евтюков С. А., Васильев Я. В. СПб., 2004.
4. Ермолович М. В. Экспертиза по делам о дорожно-транспортных происшествиях. Мн., 2001.
5. Кольчурин А. Г. Особенности расследования дорожно-транспортных преступлений, совершенных в сельской местности. Дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004.
6. Коссович А. А. Информационно-криминалистическое обеспечение комплексных судебных экспертиз при расследовании дорожно-транспортных преступлений. Дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003.
7. Мызников В. А. Теоретические и практические проблемы расследования дорожно-транспортных происшествий. Дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 1996.
8. Подробнее об этом виде экспертиз при расследовании ДТП см.: Кольчурин А. Г. С. 171.

7 Кольчурин А. Г. Особенности расследования дорожно-транспортных преступлений, совершенных в сельской местности. Дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. С. 129-133.

8 Евтюков С. А., Васильев Я. В. Расследование и экспертиза дорожно-транспортных происшествий. СПб., 2004. С. 168.

9 Ермолович М. В. Экспертиза по делам о дорожно-транспортных происшествиях. Мн., 2001. С. 67.

ДРАНЦОВА Кристина Владимировна

соискатель кафедры коммерческого права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

СУДЕБНЫЕ РАСХОДЫ ПО ДЕЛУ О БАНКРОТСТВЕ

Требования кредиторов по текущим платежам подлежат удовлетворению во внеочередном порядке (до удовлетворения требований кредиторов, включенных в реестр требований кредиторов должника) в порядке очередности, установленной п. 2 ст. 134 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». К первой очереди требований кредиторов по текущим платежам относятся судебные расходы по делу о банкротстве. Статья посвящена понятию и составу судебных расходов по делу о банкротстве.

Ключевые слова: банкротство (несостоятельность), текущий платеж, очередность удовлетворения требований кредиторов, судебные расходы по делу о банкротстве.

DRANTSOVA Kristina Vladimirovna

competitor of Commercial law sub-faculty of the Law faculty of the Saint-Petersburg State University

Дранцова К. В.

COURT COSTS ON THE CASE OF BANKRUPTCY

The requirements of creditors on current payments are satisfied out of turn (before satisfaction of requirements of the creditors included in the register of requirements of creditors of the debtor) in the order of priority established by paragraph 2 of article 134 of the Federal law of 26.10.2002 No. 127-FZ "About insolvency (bankruptcy)". The first turn of requirements of creditors on the current payments includes court costs on the case of bankruptcy. Article is devoted to the concept and the structure of the court costs of the bankruptcy case.

Keywords: bankruptcy (insolvency), current payment, sequence of satisfaction of requirements of the creditors, court costs on the case of bankruptcy.

Требования кредиторов, возникающие после возбуждения дела о банкротстве, именуемые текущими платежами, подлежат удовлетворению во внеочередном порядке (до удовлетворения требований кредиторов, включенных в реестр требований кредиторов должника) в порядке очередности, установленной п. 2 ст. 134 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹ (далее – Закон). К первой очереди требований кредиторов по текущим платежам Закон относит, в том числе, и судебные расходы по делу о банкротстве. Закон не раскрывает понятие судебных расходов по делу о банкротстве.

Согласно п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.01.2016 № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела»² судебные расходы представляют собой денежные затраты (потери), распределяемые в порядке, предусмотренном процессуальным законодательством. Судебные расходы состоят из государственной пошлины и судебных издержек, связанных с рассмотрением дела.

Дела о банкротстве рассматриваются арбитражным судом по правилам, предусмотренным Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации³ (далее – АПК РФ), с особенностями, установленными Законом (ч. 1 ст. 223 АПК РФ). Закон содержит не только нормы материального права, но и нормы процессуального права, регулирующие правила рассмотрения арбитражным судом дел о банкротстве, а также правила, регулирующие порядок погашения судебных расходов по делу о банкротстве.

Судебные расходы по делу о банкротстве следует рассматривать в узком и широком смысле. В первом случае, к судебным расходам по делу о банкротстве относятся судебные расходы, связанные с рассмотрением споров с участием должника в суде (государственная пошлина и судебные издержки), во втором случае, к ним должны относиться все расходы, связанные с проведением процедур банкротства.

Исходя из анализа п. 2 ст. 20.7 и п. 1 ст. 59 Закона можно сделать вывод, что законодателем к судебным расходам по делу о банкротстве отнесены: почтовые расходы; расходы, связанные с государственной регистрацией прав должника на недвижимое имущество и сделок с ним, а также расходы в связи с выполнением работ (услуг) для должника, необходимых для государственной регистрации прав должника на недвижимое имущество и сделок с ним; расходы на включение сведений, предусмотренных Законом, в Единый федеральный реестр сведений о банкротстве и опубликование таких сведений; судебные расходы, предусмотренные процессуальным законодательством, государственная пошлина.

К судебным расходам, предусмотренным процессуальным законодательством, относятся государственная пошлина и судебные издержки, возникающие при рассмотрении судебных споров в исковом порядке с участием должника и рассмотрении дела о банкротстве (в том числе обособленных споров в деле о банкротстве). Под государственной пошлиной понимается не только государственная пошлина, уплачиваемая при рассмотрении дела в суде, но и государственная пошлина, взимаемая при обращении в органы государственной власти, органы местного самоуправления, иные органы и (или) к должностным лицам за совершение ими юридически значимых действий.

В правоприменительной практике возникает вопрос о порядке распределения судебных расходов при установлении требований кредиторов в деле о банкротстве. Как разъяснено в п. 18 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее – ВАС РФ) от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел

1 Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 28.10.2002. № 43. Ст. 4190.

2 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.01.2016 № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» // Российская газета. № 43. 01.03.2016.

3 Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Российская газета. № 137. 27.07.2002.

о банкротстве» (далее – Постановление № 35)⁴, распределение судебных расходов в деле о банкротстве между лицами, участвующими в деле, производится с учетом целей конкурсного производства и наличия в деле о банкротстве обособленных споров. Судебные расходы лиц (в том числе и должника), в пользу которых был принят судебный акт по соответствующему обособленному спору, подлежат возмещению лицами, не в пользу которых был принят данный судебный акт. При этом судебные расходы кредитора и иных лиц, в пользу которых был принят судебный акт по соответствующему обособленному спору, не являются текущими платежами должника и подлежат удовлетворению применительно к п. 3 ст. 137 Закона, поскольку возмещение таких расходов до удовлетворения основных требований кредиторов нарушает интересы других кредиторов и принцип пропорциональности их удовлетворения.

Таким образом, судебные издержки, понесенные кредиторами при рассмотрении и последующем удовлетворении их заявлений о включении требований в реестр требований кредиторов, подлежат возмещению за счет должника. Судебная практика допускает отнесение расходов кредитора-заявителя на оплату услуг его представителя, понесенных им при рассмотрении обособленного спора, на другого кредитора, активно возражающего против его требований, если судебный акт вынесен в пользу кредитора-заявителя⁵.

Как справедливо отмечается А. В. Егоровым, обоснование п. 18 Постановления № 35 («возмещение таких расходов до удовлетворения основных требований кредиторов нарушает интересы других кредиторов и принцип пропорциональности их удовлетворения») годится для того, чтобы понизить в очередности судебные расходы на установление требований кредитора или на оспаривание решения общего собрания кредиторов, но указанную мотивировку крайне сложно применить к случаям оспаривания сделки или к требованию о субсидиарной ответственности, поскольку при взыскании судебных расходов выигравшей стороны с конкурсной массы в последних двух случаях нарушений интересов других кредиторов и принципа пропорциональности их удовлетворения не наблюдается⁶. То есть применение абз. четвертого п. 18 Постановления № 35, по мнению А. В. Егорова, должно ограничиваться случаями судебных расходов кредиторов по делу о банкротстве⁷.

Соглашаясь с А. В. Егоровым, отметим, что разъяснения абз. четвертого п. 18 Постановления № 35 должны применяться только к требованиям кредиторов должника, чьи требования включены в реестр требований кредиторов должника, связанным с участием такого кредитора в деле о банкротстве должника, и не применяются к судебным расходам иных лиц, участвующих в обособленных спорах в деле о банкротстве должника. Кроме того данное разъяснение касается исключительно расходов, понесенных стороной при рассмотрении обособленного спора в деле о банкротстве.

Судебные расходы, возникающие при рассмотрении судебных споров с участием должника вне рамок дела о банкротстве (в том числе при взыскании кредиторами текущей задолженности с должника), должны распределяться по общим правилам искового производства, а, следовательно, могут относиться к текущим платежам должника.

В судебной практике также возникает вопрос о порядке погашения судебных расходов на оплату представительских услуг, понесенных арбитражным управляющим или кредитором в связи с рассмотрением жалоб на действия (бездействие)

арбитражного управляющего. В постановлении Президиума ВАС РФ от 23.07.2013 № 2688/13⁸ разъяснено, что такие расходы не относятся к расходам по делу о банкротстве, поскольку в силу п. 1 ст. 59 Закона расходы на оплату услуг представителя могут быть отнесены на должника только в том случае, если данные расходы непосредственно связаны с осуществлением мероприятий, предусмотренных процедурами банкротства, и направлены на достижение их целей. А, следовательно, такие расходы подлежат возмещению лицами, не в пользу которых был принят данный судебный акт (арбитражным управляющим или кредитором соответственно).

Расходы по обособленным спорам, в которых не участвует должник и не затрагиваются интересы конкурсной массы, не относятся к судебным расходам, возмещаемым за счет должника, и в соответствии с абз. вторым п. 18 Постановления № 35 распределяются по общим правилам искового производства (ст. 110 АПК РФ), разъяснения, содержащиеся в абз. четвертом п. 18 Постановления № 35, в этом случае не применяются.

Аналогичный подход подлежит применению также при рассмотрении иных споров, когда арбитражный управляющий действует не в интересах конкурсной массы, а в своих личных интересах.

Если же арбитражный управляющий, обращаясь в суд, не преследует и не отстаивает свои личные интересы, а действует как назначенный арбитражным судом управляющий имуществом должника в интересах должника и его кредиторов в пределах предоставленных ему законом полномочий, то судебные расходы другой стороны спора, в пользу которой принят судебный акт, подлежат возмещению за счет конкурсной массы должника.

Таким образом, при рассмотрении заявлений о возмещении судебных расходов в деле о банкротстве следует учитывать предмет и основание спора, а также затрагиваются ли нег этим спором интересы конкурсной массы, и за счет каких средств осуществлены данные расходы.

Буквальное толкование п. 1 ст. 59 Закона приводит к выводу, что перечень судебных расходов, содержащийся в данной статье, не является исчерпывающим.

Судебная практика к судебным расходам по делу о банкротстве также относит расходы: на аренду помещения, в котором проводятся собрания кредиторов; на получение информационных услуг путем предоставления доступа к справочно-правовым системам; на оплату телефонных переговоров; связанные с реализацией имущества; на охрану имущества; транспортные расходы; на копирование документов; связанные с передачей на хранение документов должника, подлежащих обязательному хранению в соответствии с законодательством; связанные с закрытием или открытием счетов должника в кредитных организациях и другие расходы.

Между тем из анализа ст. 59, 134 Закона следует, что расходы на выплату вознаграждения арбитражным управляющим, расходы на оплату деятельности лиц, привлеченных арбитражным управляющим для обеспечения исполнения возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве, Законом необоснованно вынесены из состава судебных расходов по делу о банкротстве. Считаем, что в силу процессуальной природы данных расходов (они отвечают всем признакам судебных издержек, связанных с рассмотрением дела судом), тесной и неразрывной связи их с делом о банкротстве, они должны быть включены в состав судебных расходов по делу о банкротстве.

Считаем, что расходы на оплату услуг представителя работников должника, избираемого собранием работников, бывших работников должника (п. 11 ст. 12.1 Закона), а также средства, затраченные на проведение собрания акционеров и заседания совета директоров (наблюдательного совета) иного органа управления должника, в случае, если планом внешнего управления предусмотрено их возмещение за счет должника (п. 2 ст. 94 Закона), ввиду того что данные расходы непосред-

4 Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» // Вестник ВАС РФ. № 8, август. 2012.

5 См.: Постановление Федерального Арбитражного Суда Северо-Западного округа от 22.07.2014 по делу № А56-26525/2012 // [Электронный ресурс]. СПС «КонсультантПлюс».

6 Егоров А. В. Судебные расходы в деле о банкротстве. Когда есть шансы их получить // Арбитражная практика. 2016. № 1. С. 111-112.

7 Следует отметить, что данный подход не поддерживается судебной практикой. См.: постановление Арбитражного Суда Поволжского округа от 02.03.2016 по делу № А65-6061/2013 // [Электронный ресурс]. СПС «КонсультантПлюс».

8 Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.07.2013 № 2688/13 по делу № А23-545/2010Б-8-17 // Вестник ВАС РФ. № 1. 2014.

ственно связаны с делом о банкротстве, также должны быть отнесены к судебным расходам по делу о банкротстве.

К судебным расходам по делу о банкротстве должны также относиться связанные с осуществлением процедур банкротства, расходы по оплате услуг, оказываемых кредитными организациями (услуг по совершению операций с денежными средствами, находящимися на счете должника, услуг по ведению банковского счета, за предоставление информации об остатках на счете должника и других услуг).

Процессуальная природа судебных расходов по делу о банкротстве определяет и особый порядок их распределения, установленный процессуальными нормами Закона.

Судебные расходы по делу о банкротстве подлежат удовлетворению за счет имущества должника в первоочередном порядке, а кроме того, в соответствии с п. 3 ст. 59 Закона в случае отсутствия у должника средств, достаточных для погашения данных расходов, они подлежат погашению в части, не погашенной за счет имущества должника, за счет средств заявителя по делу о банкротстве. То обстоятельство, что Закон не раскрывает понятие судебных расходов по делу о банкротстве, привносит элемент неопределенности в рассматриваемые отношения. Ввиду привилегированного положения данной группы расходов, особого порядка их распределения и во избежание злоупотреблений со стороны арбитражного управляющего при расходовании конкурсной массы, считаем, что в Законе должно быть раскрыто понятие судебных расходов по делу о банкротстве и их состав. Полагаем, что к судебным расходам по делу о банкротстве должны относиться расходы на проведение процедур, применяемых в деле о банкротстве, в том числе расходы на выплату вознаграждения арбитражным управляющим в деле о банкротстве, расходы на оплату деятельности лиц, привлеченных арбитражным управляющим для обеспечения исполнения возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве, а также расходы на уплату государственной пошлины, расходы на включение сведений, предусмотренных Законом, в Единый федеральный реестр сведений о банкротстве и опубликование таких сведений, расходы, связанные с государственной регистрацией прав должника на недвижимое имущество и сделок с ним, расходы в связи с выполнением работ (услуг) для должника, необходимых для государственной регистрации таких прав, почтовые расходы, транспортные расходы, расходы по оплате услуг кредитных организаций и другие расходы, непосредственно связанные с осуществлением мероприятий, предусмотренных процедурами банкротства, и направленных на достижение их целей. Также считаем необходимым заменить по тексту Закона понятия «судебные расходы», «судебные расходы на проведение процедур, применяемых в деле о банкротстве» на «судебные расходы по делу о банкротстве».

Судебные расходы по делу о банкротстве, как правило, оплачиваются за счет средств должника по мере их возникновения. В случае, если указанные расходы были оплачены арбитражным управляющим за свой счет, они подлежат возмещению последнему в размере фактически понесенных затрат. По общему правилу размер судебных расходов по делу о банкротстве не ограничен законодательством. Между тем необходимо подчеркнуть, что к ним должны относиться только документально подтвержденные расходы, связанные непосредственно с проведением процедур банкротства. В связи с этим следует указать, что расходы управляющего, возникшие хотя уже и после завершения конкурсного производства (прекращения производства по делу), но связанные с делом о банкротстве, также следует относить к судебным расходам по делу о банкротстве. Законом не предусмотрена возможность признания судебных расходов по делу о банкротстве или их размера необоснованными⁹, что находим достаточно опрометчивым. Считаем необходимым законодательно закрепить возможность признания арбитражным судом по заявлению лиц, участвующих в деле о банкротстве, судебных

расходов по делу о банкротстве или размера таких расходов необоснованными. Полагаем, что в случае, если судебные расходы по делу о банкротстве взыскиваются через суд, то они могут быть взысканы только в той части, в которой представлены доказательства необходимости и обоснованности их несения. Данное положение соответствует ч. 2 ст. 110, ч. 3 ст. 111 АПК РФ, согласно которым судебные издержки подлежат взысканию судом в разумных пределах и могут быть уменьшены судом ввиду их чрезмерности.

Также считаем необходимым законодательно установить максимальный размер судебных расходов по делу о банкротстве (без учета вознаграждения арбитражного управляющего) для каждой процедуры банкротства, который должен определяться в порядке аналогичном порядку, установленному Законом в п. 3 и 4 ст. 20.7 (в процентном отношении от балансовой стоимости активов должника)¹⁰. Оплата судебных расходов по делу о банкротстве при превышении установленного Законом максимального их размера, должна осуществляться на основании определения арбитражного суда. Полагаем, что данная мера повлечет более экономное расходование арбитражным управляющим конкурсной массы должника, а других лиц, участвующих в деле о банкротстве, оградит от злоупотреблений со стороны арбитражных управляющих при ее расходовании.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 28.10.2002. № 43. Ст. 4190.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Российская газета. № 137. 27.07.2002.
3. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 03.12.2015 № Ф03-5283/2015 по делу № А73-12674/2010 // [Электронный ресурс]. СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Арбитражного Суда Поволжского округа от 02.03.2016 по делу № А65-6061/2013 // [Электронный ресурс]. СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.01.2016 № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» // Российская газета. № 43. 01.03.2016.
6. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» // Вестник ВАС РФ. № 8, август. 2012.
7. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.07.2013 № 2688/13 по делу № А23-545/2010Б-8-17 // Вестник ВАС РФ. № 1. 2014.
8. Постановление Федерального Арбитражного Суда Северо-Западного округа от 22.07.2014 по делу № А56-26525/2012 // [Электронный ресурс]. СПС «КонсультантПлюс».
9. Егорьев А. В. Судебные расходы в деле о банкротстве. Когда есть шансы их получить // Арбитражная практика. 2016. № 1. С. 104-112.
10. Кузнецов С. А. К вопросу о погашении расходов по делу о банкротстве // Актуальные проблемы правоправления. 2011. № 2 (30). С. 138-146.

9 Между тем судебная практика идет другим путем: допускает признание судебных расходов по делу о банкротстве необоснованными (См.: Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 03.12.2015 № Ф03-5283/2015 по делу № А73-12674/2010 // [Электронный ресурс]. СПС «КонсультантПлюс»).

10 Кузнецов С. А. предлагает установить фиксированный размер судебных расходов по делу о банкротстве по аналогии с фиксированным размером вознаграждения арбитражного управляющего (Кузнецов С. А. К вопросу о погашении расходов по делу о банкротстве // Актуальные проблемы правоправления. 2011. № 2 (30). С. 140). Поскольку объем судебных расходов по делу о банкротстве должника зависит от многих факторов, в том числе от местонахождения должника, размера его активов, количества его кредиторов и т.д., полагаем, что установление одинакового фиксированного размера судебных расходов по делу о банкротстве для всех должников не представляется возможным.

ЗЕЛЕНЦОВ Алексей Александрович

кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации, полковник полиции

КОНФИСКАЦИЯ ИМУЩЕСТВА ВНЕ УГОЛОВНОГО ПРОИЗВОДСТВА КАК МЕРА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ: АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В статье рассматривается такая превентивная мера преступлений коррупционной направленности, как: конфискация доходов, имущества, оборудования и других средств, использовавшихся или предназначенных для использования при совершении коррупционных преступлений, каким образом такая мера используется в мире.

Ключевые слова: коррупция, коррупционные преступления, противодействие коррупции, конфискация доходов, имущества.

ZELENTSOV Alexey Alexandrovich

Ph.D. in Law, Deputy Head of the Criminal Law and Criminology sub-faculty of the Ufa Law Institute of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation, police Colonel

Зеленцов А. А.

CONFISCATION OF PROPERTY OF CRIMINAL PROCEEDINGS OUT AS A MEASURE OF WARNINGS CORRUPTION CRIMES: ANALYSIS OF FOREIGN LAW

The article deals with such crimes preventive measure of corruption, confiscation of proceeds, property, equipment or other instrumentalities used or intended for use in the commission of crimes of corruption, how the measure used in the world.

Keywords: corruption, corruption crime, fighting corruption, confiscation of proceeds, property.

Хочется в рамках данной статьи акцентировать внимание на такой предупредительной мере в отношении коррупционных преступлений, как конфискация имущества. Именно в этом направлении в последние годы развивается зарубежное законодательство. В этих целях заключен целый ряд международных соглашений, которые обязывают страны сотрудничать друг с другом в вопросах конфискации, раздела активов, юридической помощи и компенсации пострадавшим. В частности, Конвенция ООН против коррупции содержит специальные положения о конфискации имущества вне уголовного производства и предусматривает ряд важнейших обязательств в области международного сотрудничества в вопросах уголовного преследования, финансовой и технической взаимопомощи¹. Данная Конвенция ратифицирована Федеральным законом от 08.03.2006 г. № 40-ФЗ с заявлением, согласно которому Российская Федерация: обладает юрисдикцией в отношении деяний, признанных преступными; будет на основе взаимности использовать Конвенцию в качестве правового основания для сотрудничества в вопросах выдачи; будет на основе взаимности применять пункты Конвенции вместо соответствующих положений договора о взаимной правовой помощи; будет рассматривать Конвенцию в качестве основы для взаимного сотрудничества между правоохранительными органами в отношении преступлений, охватываемых Конвенцией. К сожалению, положения Конвенции о конфискации доходов, имущества, оборудования и других средств, использовавшихся или предназначенных для использования при совершении коррупционных преступлений Российской Федерацией не ратифицированы².

Гражданская конфискация активов во многих странах вне зависимости от их правовых традиций считается эффективным инструментом борьбы с коррупцией и любыми доходами, получаемыми от преступлений. Сегодня в США примерно половину всех случаев конфискации составляет гражданская конфискация, хотя часто такие иски идут параллельно с уголовным делом.

В Европе пионером в области гражданской конфискации стала Италия, где еще в 1956 г. была введена практика лишения активов лиц, связанных с мафией, без осуждения их в уголовном порядке. В дальнейшем к подозреваемым мафиози как социально опасным лицам в качестве личных и финансовых превентивных мер стали применять арест и конфискацию активов. В отношении их проводились и проводятся обширные финансовые расследования для установления и оценки источников дохода не только у подозреваемых, но и у третьих лиц, которым такие активы могут быть переданы. Выявленные активы ответчика, прямо или косвенно находящиеся в его (ее) распоряжении, подлежат аресту, если установлено:

1) несоответствие между богатством ответчика и его (ее) доходом;

2) достаточно доказательств того, что активы являются доходами от преступлений, а законность их происхождения не была им продемонстрирована.

Признавая, что гражданская конфискация по-прежнему наиболее распространена в США и существует более 50 лет в Италии, все большее число государств принимает законодательство о гражданской конфискации. К ним с некоторыми отличиями, присущими национальному законодательству, относятся: Австралия, Антигуа и Барбуда и другие карибские юрисдикции, Канадские провинции Онтарио, Альберта, Саскачеван, Британская Колумбия, Манитоба; Фиджи, Колумбия, Ирландия, Малайзия, Нидерланды, Новая Зеландия, Филиппины, Южная Африка, Великобритания³.

1 «Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции» (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // ИПС «КонсультантПлюс». [Электронный (дата обращения: 22.06.2016)].

2 Напр., ст. 31 Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции // ИПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: (дата обращения: 15.05.2016).

3 Уголовно-правовые меры по противодействию коррупции за рубежом: сравнительно-правовое исследование / В. Ю. Артемов, И. С. Власов, Н. А. Голованова и др.; отв. ред. И. С. Власов. // ИПС

Главная особенность этого вида конфискации состоит в том, что она используется только в тех случаях, когда невозможно применить уголовную конфискацию, например, когда:

- преступник скрывается от правосудия;
- преступник скончался до возбуждения дела или умер до вынесения приговора;
- преступник имеет правовой иммунитет, защищающий его от уголовного преследования;
- активы найдены, а преступник неизвестен;
- имущество находится у третьих лиц, которым не предъявлялось обвинение в уголовном преступлении, но они, зная о криминальном происхождении собственности, сознательно игнорируют этот факт.

Гражданскую конфискацию никогда не следует рассматривать в качестве альтернативы или замены возбуждения уголовного дела. Бремя доказывания законности приобретения спорного имущества перемещается на его владельца. В этом состоит главное отличие данного вида конфискации от конфискации в уголовном процессе. При наличии разумных оснований для подозрений, что общий размер состояния лица превышает размер его законных доходов, суд вправе потребовать от этого лица представить доказательства того, что его состояние не было получено в результате нарушения законов. Если таких доказательств не будет представлено, имущество конфискуется. Суд может также обязать ответчика выплатить стоимость той части имущества, законность происхождения которой он не может подтвердить. Этот подход, применяемый к лицам, живущим на средства, законность которых не может быть подтверждена с финансовой точки зрения, позволяет в определенной степени решить проблему необъяснимых доходов и незаконного обогащения за рамками системы уголовного правосудия.

Когда речь идет об имуществе, полученном незаконным путем, к лицам, совершившим корыстные коррупционные преступления, в том числе в зарубежных странах, применяется конфискация. Такая конфискация не ограничивается только изъятием полученной взятки или орудий преступления. В законодательстве ряда государств давно уже действуют нормы о так называемой расширенной конфискации (специальной), при которой осужденный также должен доказать законность приобретенного имущества.

Например, в румынское законодательство расширенная конфискация была введена в 2012 г. Согласно ст. 118.2 УК Румынии расширенная конфискация является мерой безопасности, используемой для конфискации незаконного имущества у лиц, совершивших определенные категории уголовных преступлений, если эти лица не в состоянии объяснить происхождение своих активов.

Нормы о расширенной конфискации существуют во многих государствах Европы – в Хорватии, Швеции, Норвегии и др. Например, в Норвегии конфискации подлежит все имущество преступника, если законность происхождения такого имущества не будет доказана. Подобная практика начала широко применяться в Евросоюзе с принятием Советом Европы рамочного решения о конфискации имущества и орудий преступления. В настоящее время этот документ обязателен для всех стран ЕС, и такие правила существуют в большинстве его стран.

Являясь эффективным инструментом борьбы с организованной преступностью, такая превентивная мера, как расширенная конфискация, успешно прошла проверку в итальянском Конституционном суде и Европейском суде по правам человека, в решениях которых указывалось, что расширенная конфискация не нарушает ни права собственности, ни презумпции невиновности, ни права на справедливое судебное разбирательство. Вместе с тем, как отмечает М. Игнатова, отдельные итальянские юристы продолжают настаивать на не-

справедливости, допущенной законом в отношении лиц, подвергнутых таким превентивным мерам⁴.

В УК Финляндии норма о расширенной конфискации была включена в ходе реформы 2002 г.; в Швеции предписание, позволяющее конфисковать имущество, являющееся, как сказано в Кодексе, по всей вероятности, доходами от преступной деятельности, было включено в 2008г. Данная законодательная новация была направлена в первую очередь на противодействие организованной преступности, легализации и преобразованию доходов, полученных от незаконной деятельности, такой как коррупция, контрабанда наркотиков, торговля людьми и т.п.

В 2008 г. расширенная конфискация была введена в Хорватии – согласно изменениям, внесенным в УК Хорватии, в случае привлечения лица к уголовной ответственности за коррупционное преступление презюмируется, что все его имущество было получено незаконным путем и потому подлежит конфискации, если виновный не может доказать, что это имущество было получено законным путем. Такая радикальная мера, по мнению правительства Хорватии, является действенным инструментом предупреждения коррупционной и организованной преступности.

Считаем, что рассмотрение возможности использования такой меры предупреждения коррупционных преступлений как конфискации имущества полученного незаконным путем, было бы реальным шагом вперед на пути противодействия коррупции. Особенно такие мысли приходят, когда, например, на глаза попадает информация об изъятых имуществе Евгении Васильевой – 19 килограмм ювелирных изделий, 450 000 000 рублей общая сумма арестованного имущества без учета недвижимости⁵. «Возможно ли честно заработать столько на государственной службе?» – такой вопрос возникает у всей страны. Подобные факты не добавляют уверенности у общества в успешности проведения антикоррупционной политики в государстве.

Пристатейный библиографический список

1. «Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции» (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // ИПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: (дата обращения: 22.06.2016).
2. Зеленцов А. А., Коломийченко Е. В. Социальная обусловленность коррупционных преступлений // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2015. № 1. С. 101-104.
3. Свобода Евгении Васильевой: громкое дело в цифрах. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://timeallnews.ru/index.php?newsid=13360> (дата обращения: 15.06.2016).
4. Уголовное право зарубежных стран. Общая и особенная части: Учебник для магистров / Под ред. Н. Е. Крыловой. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2013. С. 519.
5. Уголовно-правовые меры по противодействию коррупции за рубежом: сравнительно-правовое исследование / В. Ю. Артемов, И. С. Власов, Н. А. Голованова и др.; отв. ред. И. С. Власов. // ИПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: (дата обращения: 10.05.2016).

«КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: (дата обращения: 10.05.2016).

4 Уголовное право зарубежных стран. Общая и особенная части: Учебник для магистров / Под ред. Н. Е. Крыловой. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2013. С. 519.
5 Свобода Евгении Васильевой: громкое дело в цифрах. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://timeallnews.ru/index.php?newsid=13360> (дата обращения: 09.11.2015).

ЖУРАВЛЕНКО Николай Иванович

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации, полковник полиции

РОМАНОВСКАЯ Ирина Викторовна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации, подполковник полиции

ПСИХОЛОГО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ТЕРРОРИСТА-СМЕРТНИКА

Современные условия, в которых развивается мировое сообщество, диктуют новые правила борьбы с терроризмом. Для этого необходимо четко представлять предмет и объект борьбы. Статья посвящена изучению характерных особенностей личности современного террориста-смертника.

Ключевые слова: террор, террористическая деятельность, террорист, террорист-смертник.

ZHURAVLENKO Nikolay Ivanovich

Ph.D. in Law, associate professor, Head of Humanitarian and Social-Economics Disciplines sub-faculty of the Crimean branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

ROMANOVSKAYA Irina Viktorovna

Ph.D. in Law, senior lecturer of Criminal Law and Criminology sub-faculty of the Crimean branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

PSYCHOLOGICAL AND PERSONALITY OF MODERN CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF SUICIDE BOMBERS

Current conditions in which develops the international community dictate new rules of the fight against terrorism. To do this, you must clearly understand the subject and the object of the struggle. The paper studies the characteristics of the personality of the modern suicide bomber.

Keywords: terrorism, terrorist activity, a terrorist suicide bomber.

Журавленко Н. И.

Романовская И. В.

Волна террора в настоящее время захлестнула весь мир, при этом наиболее кровавые атаки совершают обычно террористы-смертники (суицидальные террористы, шахиды). В связи с этим анализ личности современного террориста-смертника имеет существенное теоретическое и практическое значение. Ее исследование позволит разобраться в мотивах, психологических особенностях такой личности, а также даст возможность определить примерный социальный круг, из которого наиболее вероятно вербовка будущих террористов-смертников. В настоящее время в криминологической литературе отсутствуют развернутые характеристики личности террориста-смертника. Ретроспективные исследования отдельных личностей террористов (прежде всего, российских террористов-революционеров конца XIX – начала XX веков¹ и отдельных представителей различных террористических групп Европы и Америки 60–70-х годов XX века²), к сожалению, мало применимы к современным реалиям. Сегодня идеология, стратегия и тактика террористов претерпели серьезные изменения. Однако следует признать, что некоторые особенности формирования и организации деятельности террористических групп, действовавших в прошлом и функциониру-

ющих в наше время, весьма схожи. По убеждению участников этих террористических групп революционные цели оправдывали жестокие криминальные средства их достижения. Этот принцип «безоговорочной истинности омытых кровью идей» был сформулирован Некрасовым в виде лозунга: «Умрешь недаром – дело прочно, когда под ним струится кровь!». Так, за период с 1894 по 1917 год жертвами революционных террористов в России стали около 17 000 человек³. В эти годы сформировался образ «революционера нового типа» – некий симбиоз радикала и уголовника, сознание которого освобождено от любых моральных условностей.

Как отмечают многие криминологи, среди террористов-смертников довольно часто встречаются лица с нарцисстическим состоянием психики, страдающие от ущемленного самолюбия, идеализирующие свое гипертрофированное «я». Не умея справиться со своими недостатками, человек с такими особенностями нуждается в объекте для ненависти и обвинения его в собственных слабостях. Такие люди легко находят единомышленников в рядах террористов. Поняв, что осуществление террористической деятельности в группе более эффективно, террористы стали использовать ролевое распределение по видам деятельности, осуществляя террористические акты

1 Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917 / Пер. с англ. Е. Дорман. – М.: КРОН-ПРЕСС. – 1997. – С. 4.

2 Нестерова Д. В., Нестерова А. В. Шумахер О. В. Известные теракты. – М.: Вече, 2003.

3 Журавленко Н. И., Ключев А. В. Детерминанты терроризма и организация его профилактики: Монография. – Уфа: ОН и РИО УЮИ МВД РФ, 2005. – С. 145.

конспиративно, что обеспечивает их безопасность и нанесение максимального ущерба. Такой подход предполагает «специализацию» террористов, то есть четкое распределение ролевых функций в осуществлении поставленной цели. Вот тут и появляются группы террористов-смертников, способных в любых обстоятельствах пожертвовать собой ради «высшей идеи». Например, в одной из памяток для боевиков исламской террористической организации «Хамас» сказано: «Вступая в организацию, человек перестает принадлежать себе, своей семье, своим родителям – он принадлежит только Аллаху и своей организации»⁴. Исследования показывают, что внутри террористической группы к новичку, как правило, относятся как к товарищу. Следовательно, группа особенно притягательна для закомплексованных неуверенных в себе молодых людей со слабым характером, для тех, кто испытывал трудности в общении, кто нуждается в понимании и поддержке. Недостаток уверенности в себе компенсируется чувством «вместе мы – сила». Эти молодые люди полагают, что для них наконец-то появилось увлекательное дело, которое завораживает, поглощает, целиком. Таким образом, очевидно, что групповой характер современной террористической деятельности приносит серьезные изменения в структуру личности.

Представляет несомненный интерес криминологическая характеристика женщин-террористок. Чаще всего представительницы слабого пола принимают участие в политическом терроризме. Это, видимо, связано с тем обстоятельством, что женщина, по природе своей, более, чем мужчина склонна к эмоциональному а не рациональному восприятию действительности. Будучи более впечатлительной, восприимчивой к фанатизму, она испытывает потребность во всепоглощающей идее, нуждается в некоем идеале, за который можно было бы бороться до конца. Женщины-террористки активно использовались чеченскими боевиками. В каждой из проведенных ими террористических атак использовались «женщины-шахидки», причем возраст многих из них не превышал 23 лет.

В террористической деятельности так же участвуют молодые люди, и даже несовершеннолетние. У них слабый внутренний «стержень» и определенное безразличие к окружающей действительности. По статистике каждый четвертый террорист вырос в семье, где родители разошлись, причем в тот момент, когда ребенок был подростком, то есть находился в самом уязвимом с психологической точки зрения возрасте. Мало кому из них удалось создать семью, а тот, кто вступил в брак и обзавелся детьми, как правило, быстро избавился от них. Юные террористы рассматривают свою деятельность как опасную, но увлекательную и захватывающую игру. В какой-то степени боевая группа заменяет молодым террористам семью, так как дает им тепло человеческого общения, чувство безопасности и многое другое, чего подростки были лишены. Группа одновременно является и источником некоего материального благополучия, удовлетворяет потребность личности в идентичности, дает прибежище и защиту. Следует отметить, что именно эта категория в большинстве случаев пополняет ряды террористов-смертников.

Уходя на нелегальное положение, террорист не видит грани между личной жизнью и политической борьбой. Все личные мнения, идеи, мысли и соображения человека, вступившего в террористическую организацию, быстро уходят на второй план. Террористы, отказавшиеся от родных и близких, замыкаются в своем крохотном мирке и полагаются только на

себя. Все отношения между членами группы сводятся к общению по поводу террора, для террора, во имя террора и в связи с террором. Они живут коммуной, общаются на им одним понятном языке, постоянно находятся вместе, имеют дело только со «своими». Таким образом, весь мир, которым эти люди дорожат, сжимается для них до размеров группы: если их группа одобряет какое-то решение, значит оно правильно. В итоге они теряют чувство реальности и уже не способны адекватно оценить ситуацию.

Существенный интерес представляют динамические характеристики личности террористов-смертников, так как в динамике психологическое состояние такого террориста – это непрерывное колебание от демонстрируемой абсолютной веры в свою правоту до ее внутреннего отрицания, или, по крайней мере, достаточно частых сомнений. Обычно жизнь террориста – это постоянное метание между абстрактными глобальными идеями, с одной стороны, и конкретными террористическими акциями – с другой. Вследствие такой неустойчивой самооценки террористу приходится постоянно совершать новые и новые террористические действия с целью самоутверждения. Именно нестабильность самооценки представляет собой наиболее важный фактор экстремального поведения террористов.

Заслуживает внимания мнение С. К. Роцина и С. Н. Еникополова, которые предлагают три психологические модели личности террориста⁵:

1) Психопат-фанатик. На политическом языке – это фанатик, на психологическом языке – психопат. Любой психопат-фанатик может стать террористом.

2) Фрустрированный человек. Эта модель применима для понимания склонности человека к террористическим актам.

3) Человек из ущербной семьи. При определенных условиях люди такого психологического склада могут легко стать инструментом террористической организации, то есть стать террористами-смертниками.

Следует подчеркнуть, что по данным наблюдений и отдельных исследований установлено, что у большинства террористов-смертников достаточно выражена психопатическая симптоматика. Именно психопатия во многих случаях выступает в качестве центрального, стержневого симптома, вокруг которого сгруппировались другие симптомы. На таком фоне часто отмечались сверхактивность, импульсивность поступков, безответственность, лживость, поверхностность в отношениях с людьми, крайне легкое отношение к морали, частая изменчивость этических оценок, что свидетельствует об их неискренности. У таких лиц, как правило, отсутствуют привычные для обычных людей контроль и рассудительность, они часто характеризуются чрезмерным употреблением алкоголя, стремлением к бесконечной праздности и назойливостью по отношению к окружающим⁶.

Как считают некоторые психологи, например, Р. Мертон, террорист-смертник – это вовсе не сумасшедший человек. Но, в то же время, он и не вполне нормальный человек. Такое состояние в психологии называют «аномия». Оно связано с пограничной жизненной ситуацией: уже не норма, но еще и не патология. Это означает, что субъект, в целом знающий о существовании обязывающих его норм, относится к ним не-

4 Ольшанский Д. В. Психология террора. – М.: Академический Проект. – 2002. – С. 158, 167-168.

5 Роцин С. К., Еникополов С. Н. Психологи о терроризме («Круглый стол») // Психологический журнал. – Т. 16. – 1996. – № 4. – С. 44-45.

6 Ольшанский Д. В. Психология террора. – М.: Академический Проект. – 2002. – С. 158, 167-168.

гитивно или равнодушно, или ищет для себя особые нормы поведения среди существующих⁷. Таким образом, можно полагать, что большинство террористов – это аномичные люди, которые считают это свое состояние нормой.

В террористической деятельности, как правило, участвуют физически здоровые и психически вменяемые лица, многие из которых активно занимаются спортом, но имеют определенные нравственно-психологические особенности личности, нередко приобретенные. Прежде всего, они ориентированы на борьбу с чуждой идеологией или религией, характеризуются категорическим неприятием «инакомыслящих». Часто такая позиция обусловлена низким культурно-образовательным и правосознательным уровнем развития, а также отсутствием у них определенных жизненных ориентаций. В основном это безработные, «трудные» подростки, школьники, лица со средним специальным образованием, учащиеся «малопрестижных» вузов. Как правило, данная категория выполняет функции лидеров и вербовщиков. Наряду с подобными личностями так же могут присутствовать лица с психическими отклонениями, употребляющие наркотические средства и психотропные вещества. Именно им обычно и уготована роль исполнителей – террористов-смертников.

Существенное влияние на совершение преступлений террористической направленности имеют нравственно-психологические качества личности террористов-смертников:

1) ярая приверженность какой-либо идеологии (вплоть до фанатизма) и групповой нарциссизм предполагают наличие радикализма в структуре личности;

2) экстремальность деятельности и ее группоцентрический характер предполагают преобладание групповой идентичности над самоидентичностью и слабую выраженность последней;

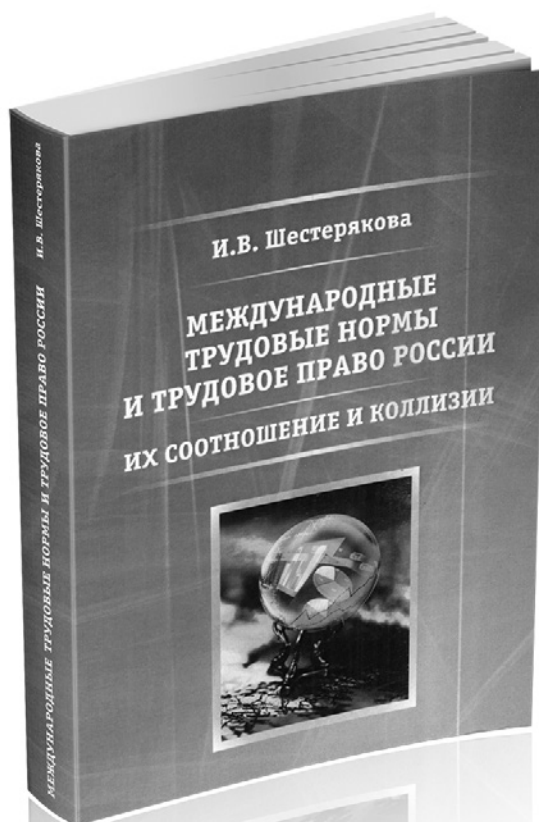
3) ориентация на насилие и устрашение предполагает наличие выраженного параноидного радикала в структуре личности⁸.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что террорист – это лицо, которое, прежде всего, находится в состоянии экстремистско-идеологического конфликта с окружающими людьми, не разделяющими его идеологических взглядов⁹. Полагаем, что существенное влияние на формирование нравственно-психологических черт террористов после их становления на путь террора оказывает идеологическая составляющая экстремистско-террористической деятельности, которая отражается на специфике эмоционально-психических состояний террориста, способе его восприятия действительности и отношении к внешнему миру.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что у современного террориста-смертника формируются специфические нравственно-психологические и духовно-нравственные ценности, а также особенный стиль поведения, характеризующийся крайней нетерпимостью к другим (чужим) взглядам, культивированием насилия и жестокости.

Пристатейный библиографический список

1. Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917 / Пер. с англ. Е. Дорман. – М.: КРОН-ПРЕСС. – 1997.
2. Нестерова Д. В., Нестерова А. В. Шумахер О. В. Известные теракты. – М.: Вече, 2003.
3. Журавленко Н. И., Ключев А. В. Детерминанты терроризма и организация его профилактики: Монография. – Уфа: ОН и РИО УЮИ МВД РФ, 2005.
4. Ольшанский Д. В. Психология террора. – М.: Академический Проект. – 2002.
5. Роцин С. К., Еникополов С. Н. Психологи о терроризме («Круглый стол») // Психологический журнал. – Т. 16. – 1996. – № 4. – С. 44-45.
6. Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности. – М., 1966.
7. Юрасова Е. Н. Психологические особенности лиц, склонных к экстремизму, терроризму и ксенофобии // Юридическая психология. – 2008. – № 4.
8. Российская криминологическая энциклопедия: преступность и борьба с ней в понятиях и коммент. / Рос. криминол. ассоц.; [Алексеев А. И. и др.]. – М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2000. – С. 298-302.

7 Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности. – М., 1966. – С. 303, 309.

8 Юрасова Е. Н. Психологические особенности лиц, склонных к экстремизму, терроризму и ксенофобии // Юридическая психология. – 2008. – № 4. – С. 28.

9 Российская криминологическая энциклопедия: преступность и борьба с ней в понятиях и коммент. / Рос. криминол. ассоц.; [Алексеев А. И. и др.]. – М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2000. – С. 298–302.

САЙДУМОВ Джамбулат Хамидович

доктор юридических наук, эксперт Российской академии наук, доцент, главный научный сотрудник Академии наук Чеченской Республики, старший научный сотрудник Комплексного научно-исследовательского института Российской академии наук им. Х. И. Ибрагимова, профессор кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Чеченского государственного университета

ЧЕЧЕНСКАЯ РЕСПУБЛИКА: УНИКАЛЬНЫЙ ОПЫТ БОРЬБЫ С МЕЖДУНАРОДНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ И ЭКСТРЕМИЗМОМ (от возрождения к развитию в начале XXI в.)

Статья посвящена осмыслению успешного опыта Чеченской Республики в борьбе с международным терроризмом и экстремизмом. Впервые комплексно исследуются вопросы зарождения и разрастания международного терроризма в конце 90-х гг. XX в. в Чеченской Республике, законодательная база возрождения Чеченской Республики в рамках российской государственности. Дается характеристика структуры международного терроризма, проникшего на Северный Кавказ. Раскрывается методика эффективной борьбы с ним, осуществлявшаяся руководством республики и чеченскими подразделениями в 2001–2015 гг. Сформулированы факторы, способствовавшие выходу Чеченской Республики из сложной военной и поствоенной ситуации, позволившие региону стать самым стабильным и безопасным местом Северного Кавказа. В рамках историко-правовой науки проанализирован обширный круг событий – от военной до социально-экономической ситуации, сложившейся в регионе с начала XXI в.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, антитеррор, борьба, чеченский антитерроризм, закон, правосудие, преступление, наказание.

SAYDUMOV Dzhambulat Khamidovich

Ph.D. in Law, expert of the Russian Academy of Sciences, associate professor, chief researcher of the Academy of Sciences of the Chechen Republic, senior researcher of the H. I. Ibragimov Integrated Research Institute of the Russian Academy of Sciences, professor of Civil Law and Procedure Law sub-faculty of the Law Faculty of the Chechen State University

CHECHEN REPUBLIC: A UNIQUE EXPERIENCE IN COMBATING INTERNATIONAL TERRORISM AND EXTREMISM (From the renaissance to the development at the beginning of the twenty-first century.)

The paper considers the successful experience of the Chechen Republic in the fight against international terrorism and extremism. For the first time comprehensively examines issues of initiation and proliferation of international terrorism in the late 90s. twentieth century in the Chechen Republic, the legal framework of revival of the Chechen Republic within the Russian state. The characteristic structure of international terrorism, penetrated to the North Caucasus. Discloses a technique to effectively combat them, administers the republic and Chechen units in 2001-2015. Formulated factors that contributed to the exit of the Chechen Republic of sophisticated military and post-war situation, which allowed the region to become the most stable and safe place of the North Caucasus. an extensive range of events analyzed in the framework of the historical and legal science - from military to social and economic situation in the region since the beginning of the twenty-first century.

Keywords: terrorism, extremism, anti-terror, fighting Chechen anti-terrorism, law, justice, crime, punishment.

Сайдумов Д. Х.

Современный опыт Чеченской Республики в деле эффективной борьбы с терроризмом, успешное и скорое возрождение республики из сложной военной и поствоенной ситуации, активный переход к интенсивному развитию социально-экономической сферы можно с полной уверенностью охарактеризовать как «чеченский феномен». До настоящего времени на научном уровне вопрос изучения опыта Чеченской Республики поднимался лишь в локальном формате, между тем колоссальный опыт региона нуждается в глубинном исследовании и понимании. Тем более что заинтересованность в этом озвучена на самых высоких уровнях. В частности, премьер-министр РФ Д.А. Медведев высказывался о возможности проведения в Чеченской Республике форума по вопросам борьбы с терроризмом. На расширенном совместном заседании высшего совета и генерального совета партии «Единая Россия» он подчеркнул, что у Чеченской Республики есть уникальный опыт борьбы

с терроризмом, когда в быстром темпе была, по сути, возрождена целая республика¹.

Неслучайно, что именно в Грозном с 23 по 25 мая 2016 г. состоялось заседание VII-ой международной встречи высокопоставленных представителей, курирующих вопросы безопасности. Делегаты из 75 стран, в течение нескольких дней обсуждая общемировые вопросы противодействия терроризму и экстремизму, знакомились также с передовым чеченским опытом в борьбе с международным терроризмом. Чрезвычайно важный вывод был сделан в докладе Секретаря Совбеза Российской Федерации Н. Патрушева, который особо подчеркнул, что чеченский народ, будучи неотъемлемой частью многонациональной России, сумел правильно использовать открывшиеся возможности и воспитывать новое поколение

1 См.: Источник. Режим доступа: http://ngrz.ru/politics/medvedev_v_chechne_vozmozhno_provesti_forum_po_borbe_s_terrorizmom/.

граждан на позиции категорического неприятия экстремистской идеологии, чуждой всему здоровому международному сообществу².

Цель исследования – изучить факторы феноменального успеха чеченского народа в борьбе с международным терроризмом и экстремизмом. Настоящая работа – это первая попытка обращения внимания к данной теме. Приоритетными задачами выступают: выявление основных факторов успешного завершения антитеррористической операции в Чеченской Республике (1999–2009 гг.) и окончательного установления мира и безопасности в данном субъекте, исследование практического опыта Чеченской Республики в борьбе с международным терроризмом и экстремизмом как эффективной модели XXI в., с последующей рекомендацией для внедрения данного опыта в конфликтных и постконфликтных регионах.

За последние двадцать лет вышло большое количество работ научного и околонаучного характера, затрагивающих вопросы так называемого «чеченского» терроризма. Во многом их объединяет тенденциозность освещения исследуемого материала, где объектом нападок и гонений выступал чеченский народ. В работе В. В. Жириновского чеченская проблема называлась раковой опухолью на теле российской государственности³. Среди иных работ, бесспорно, заслуживающих внимания, по указанной тематике выделим также работы Б. Н. Кашникова⁴, В. А. Тишкова⁵. Хотелось бы заранее отметить недопустимость трактовать выводы настоящего исследования как апологию всего «чеченского», тем не менее, объективный анализ показывает, что чеченский народ прошел сложный и тернистый путь к современному состоянию интенсивного развития во всех сферах жизнедеятельности. И его бесценный опыт есть апостериорное знание, который иначе можно назвать «*argumentum a posteriori*» – аргумент, опирающийся на данные опыта, практики.

Что такое чеченский опыт в борьбе с международным терроризмом, в чем его сущность и значение? В первую очередь это совокупность накопленных знаний, за последние 15 лет воплотившихся в практику. Настоящее исследование, как нам видится, будет способствовать пониманию опыта чеченского народа, заслужившего уважения и признания в мировом масштабе.

В конце XX в. Российская Федерация столкнулась с различными внутренними и внешними угрозами – экономический кризис, политическая нестабильность и другие негативные факторы, влиявшие на общую ситуацию в стране в целом, которые сформировали непросто тревожную, а чрезвычайно опасную для суверенитета России ситуацию. Реальная ситуация была близка к внутреннему расколу с последующим распадом государства по аналогии с СССР в 1991 г. Наиболее опасной среди всех этих факторов была террористическая угроза, направленная на подрыв территориальной целост-

ности России. Чеченская Республика дважды стала эпицентром военно-политических событий. При попустительстве, близком к молчаливому одобрению со стороны кремлевских элит, поощривших процесс суверенизации – сначала в начале 90-х гг., а затем и в 1994–1995 гг., непрофессиональными действиями военно-политического руководства, выраженными в нежелании использовать политические средства воздействия на ситуацию, вкупе с адресными (персональными) специальными операциями по ликвидации конкретных одиозных лиц, дестабилизировавших ситуацию. Вместо этого в декабре 1994 г. были выбраны неадекватные формы применения силы, способствовавшие потере Чеченской Республики как субъекта в период с 1994 по 1997 г. По замыслу деструктивных сил как в самой стране, так и режиссеров за пределами России, Чеченская Республика стала плацдармом для расширения территории де-факто и де-юре находившейся вне правового пространства государства. До 1995 г. в самопровозглашенной республике имелись политические силы, готовые к здравому диалогу с центром, однако события, последовавшие после 1997 г., привели к победе сил, желавших полностью изолировать республику.

Предыстория событий середины 90-х гг. XX в. О контактах экстремистов, окрепших на территории Чечни, в своем исследовании отмечал А.А. Кадыров: «...установили тесный контакт с Усамой бен Ладеном, который щедро финансировал все проекты по превращению Чечни в наконечник копья, направленного в сердце России»⁶. В сложившейся ситуации заложником выступал чеченский народ, ввергнутый в пучину кровавых событий. Именно на него был обрушен удар международного терроризма и экстремизма. К 1999 г. в Чеченской Республике произошло сосредоточение основного ядра международных экстремистов. Само течение ваххабизм, как отмечает авторитетный исследователь А. А. Манкиев, проникло в Чечню из Дагестана. По мнению первого Президента Чеченской Республики А. А. Кадырова, оно преследовало следующие основные цели: 1) отторжение Северного Кавказа от России; 2) ликвидация Чеченской Республики путем поглощения её «исламским» государством «от моря до моря», которое планировалось создать; 3) «расчленизация» чеченцев, лишение их национально-культурных и религиозных традиций, их «арабизация», как её понимали ваххабиты⁷.

Вторжение ваххабитских формирований из Чечни в Цумадинский и Новолакский (Ауховский) районы Дагестана в начале августа 1999 г. под руководством Ш. Басаева и Хаттаба стало началом второй чеченской войны⁸. О том, что данное течение впервые в Чечне появилось в конце 1980-х гг. указывает так же в своей работе первый Президент Чеченской Республики А. А. Кадыров: «проникновение вахабизма на территорию тогдашней Чечено-Ингушетии произошло на рубеже 70–80-х годов. Именно в то время в отдаленном горном хуторе Хаттуни поселился зубной техник, выходец из Дагестана...

2 Николай Патрушев выразил благодарность руководству республики за организацию форума. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://chechnyatoday.com>.

3 См.: Жириновский В. В. Война как фактор русской истории. М.: Издание Либерально-демократической партии России, 1999. 104 с.

4 Кашников Б. Н. Чеченский терроризм. Взлет и падение. Работа выполнена при поддержке индивидуального исследовательского гранта 2007 г. Научного Фонда ГУ-ВШЭ (№ гранта 07-01-84). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.google.ru/ur?sa=t&rc=j&q=&esrc=s&source>.

5 Tishkov V. Chechnya: Life in a War-Torn Society. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 2004. P. 201. Тишков В. А. Общество в вооруженном конфликте: этнография чеченской войны. М., 2001.

6 Кадыров А. А. Выбор пути. Книга первая. Б/г. С. 9.

7 Манкиев А. А. Кадыров об идеологии и политических целях ваххабитов. От беззакония и хаоса к порядку и закону (об исторической роли Ахмат-Хаджи Кадырова в новейшей истории Чеченской Республики). Материалы региональной научно-практической конференции. Грозный, 10 июня 2010 г. С. 164.

8 Гакаев Х. А. Роль А.-Х. Кадырова в стабилизации военно-политической ситуации в Чечне. От беззакония и хаоса к порядку и закону (об исторической роли Ахмат-Хаджи Кадырова в новейшей истории Чеченской Республики). Материалы региональной научно-практической конференции. Грозный, 10 июня 2010 г. С. 87.

при правлении А. Масхадова Хаттуни стал одним из центров вахабизма... Они напрочь отказались от таких понятий как «чеченская идея», «чеченская свобода и независимость»... Все национальное подменялось всеобщей арабизацией по-удговски⁹. Обучение молодежи республики в странах Ближнего Востока привело её некоторую часть в стан противников суфизма, являвшегося на протяжении столетий ядром ислама в Чеченской Республике. Национальное самосознание, базирующееся на тарикате и принципах чеченского кодекса «Нохчалла», с 1997–1999 гг. стало активно подменяться арабизацией под предлогом возвращения к «религиозному ренессансу», не признающему авторитета старшего, устатов и шейхов. Начало контртеррористической операции и введение соответствующего режима сопровождалось проведением масштабных войсковых операций с применением различных видов вооружений, использованием регулярной армии и флотских подразделений (подразделений морской пехоты).

В целях объективного изложения материала следует отметить, что мирное население в период проведения указанной операции гибло не только в результате так называемых издержек войны («неточечные» артиллерийские обстрелы и авиаудары: трасса М-29 в районе населенного пункта Шаами-Юрт, октябрь 1999 г.), но и отдельных целенаправленных действий оборотней в погонах из числа военных (Ю. Буданов, Э. Ульман, С. Аракчеев, В. Худяков,), милиционеров (В. Лапин, В. Минин, А. Прилепин), призванных наводить конституционный порядок (трагедия в населенном пункте Новые Алды, 2000 г.), так и от действий террористов, избравших своими жертвами всех, кто был сопричастен к мирной жизни – врачей, учителей, глав администраций, государственных служащих, работников правоохранительных органов, религиозных деятелей (убийство заместителя военного коменданта Веденского района Р. Тевзаева, известного богослова Ш. Мадагова, убитого в с. Элистанжи арабскими наемниками Абу аль-Валида, террористический акт, оборвавший жизнь подполковника В. Баталова, арестовавшего преступника Ю. Буданова).

Силы международного терроризма в Чеченской Республике были представлены представителями свыше 50 государств. Представленный в Чечне международный терроризм был направлен в первую очередь против чеченцев, являющихся мусульманами, пронесшими и сохранившими свою религию через столетия. Происходил процесс деформации человеческих ценностей, попытка искоренить национальную основу «чеченскость», которой свойственна совокупность таких качеств, как уважение к старшим, милосердие, благородство, сострадание. Во главе сил международного терроризма стояли представители Ближневосточных государств, Средней Азии, которые воспринимали чеченский народ как «пушечное мясо», а саму республику не иначе как полигон и плацдарм для расширения зоны влияния. Начавшийся активный процесс стирания чеченской национальной идентичности, где личность защищена *адатами*, совокупностью прав и обязанностей чеченца, привел к эффекту пружины, достигнув конечной точки, она вернулась в свое исходное положение. Именно национальная идентичность чеченцев стала решающим контраргументом в борьбе сил добра с силами международного терроризма.

Целью федеральных войск при проведении контртеррористической операции было уничтожение многочисленного

международного террористического контингента, финансируемого из-за пределов страны с хорошо налаженной, разветвленной системой управления на всех уровнях. Конечная цель – установление мира и возвращение Чеченской Республики в политико-правовое пространство страны. Несмотря на масштабность задействованных ресурсов, данная цель к весне 2000 г. не имела существенных результатов по следующим причинам:

- операция, проводившаяся военными, не смогла остановить террористические акты, наблюдалось устойчивое сохранение террористической угрозы не только в регионе проведения контртеррористической операции, но и за пределами региона, контроль над населенными пунктами и городами был только на отдельных квадратах территории, где непосредственно дислоцировалось воинское подразделение. При этом в ночное время суток подразделения вооруженных сил министерства обороны и министерства внутренних дел Российской Федерации систематически подвергались обстрелам со стороны международных террористов; с наступлением утреннего времени инженерная разведка занималась разминированием фугасов и других самодельных взрывных устройств, установленных в ночное время суток террористами на дорогах республики; наблюдалась несогласованность действий между войсковыми и милицейскими подразделениями (гибель 2 марта 2000 г. сотрудников ОМОНа из Сергиева-Посада в окрестностях г. Грозного);

- при проведении специальных операций нередко жертвами становились мирные люди; исчезновения людей, хаотичные артиллерийские обстрелы населенных пунктов приводили к жертвам среди мирного населения. Наряду с этим, военные не могли защитить гражданское население от террористических актов со стороны бандитов, систематических ночных убийств учителей, глав администраций, врачей, богословов. На фоне этого в Чеченскую Республику активно продолжали проникать члены международных террористических организаций, продолжалось их финансирование из стран Ближнего Востока и отдельных европейских государств неправительственными организациями, чья задача была направлена на дестабилизацию общественно-политической ситуации в Российской Федерации;

- организованные в Республике Ингушетия пункты временного размещения покинувших Чеченскую Республику продолжали функционировать, в саму Чеченскую Республику очень медленно возвращались беженцы из-за отсутствия жилья, разрушенного в ходе военных действий и сложной криминальной ситуации;

- в средствах массовой информации продолжал активно культивироваться образ всего чеченского народа как террориста, пособника бандитов; на экранах телевидения в ротацию вошли художественные фильмы, представлявшие Чечню и чеченцев в лживом и негативном свете;

- на международной арене чеченская тема была инструментом постоянного политического упрека и давления на Российскую Федерацию из-за имевших место нарушений прав человека и гражданина;

- сложное военное положение в республике отражалось на социальном положении её граждан, регион, помимо закрепившегося статуса «горячей точки», получил еще и экономическую характеристику «черная дыра». Полностью разрушенная экономика, лежащие в руинах города и села создавали по экспертным оценкам возможность восстановления республи-

9 Кадыров А. А. Выбор пути. Вахабизм как разновидность фашизма. Б/г. С. 57-59.

ки не ранее чем через 50 лет и то при условии полного установления мира.

Ключевым фактором всех этих причин было то, что в самой Чеченской Республике не были сформированы все ветви власти, тем самым на местах наблюдалось исполнение гражданских функций управления военными, что значительно усложняло решение конкретных задач по возвращению к мирной жизни. Аналитические выводы относительно проводимых действий в Чечне свидетельствовали, что в 2000 г. кардинальных позитивных трансформаций в южных и горных районах Чечни не произошло¹⁰. Анализ результатов проведения первого этапа контртеррористической операции в 1999–2000 гг. приводит нас к выводу, что переломных изменений в конечной цели установления мира и слома террористического подполья не наблюдалось. Согласно официальным данным, с 1 октября 1999 г. по 10 октября 2001 г. потери федеральных сил составили 3438 человек погибшими и 11661 ранеными. Убито 2136 военнослужащих Минобороны, 703 военнослужащих внутренних войск, 493 сотрудника органов внутренних дел, 106 сотрудников иных силовых ведомств¹¹. Локальные военные успехи вооруженных сил, при «общей численности группировки 80 тысяч военнослужащих»¹², в боестолкновениях с незаконными вооруженными формированиями сопровождалась установлением большого количества блокпостов, затруднявших передвижение гражданского населения, но при этом не представлявших преград для террористов.

Проведение «зачисток» в населенных пунктах Чеченской Республики приводило к тому, что при проведении розыскных мероприятий бесследно исчезали в основном мирные люди, не имевшие отношения к террористам и экстремистам. В это же время сами террористы чувствовали свою вольготность и безнаказанность, заблаговременно покидая населенные пункты до их блокирования армейскими и милицейскими подразделениями. Практика установления многочисленных блокпостов в Чечне показывала на деле их низкую боевую результативность, неспособность контролировать зоны ответственности. Указанные негативные примеры были выгодны одинаково как для главарей бандитских формирований, так и отдельных военных начальников, желавших продолжения «войны без конца». При видимом конфликте сторон складывающаяся ситуация показывала на практике отсутствие конфликта интересов у бандитов, с одной стороны, и некоторой части из числа «оборотней в погонах» – с другой. Давая оценку такому действию, как «зачистка», исследователь А. А. Манкиев заключает, что «зачистки» были, по существу, разновидностью терроризма. Они держали население в постоянном стрессе и страхе, так как оборачивались для него незабываемыми трагедиями – убийствами и увозом в неизвестность безвинных и беспомощных людей, в том числе и с целью получения выку-

па; пытками и унижением, уничтожением жилья и имущества, мародерством, вымогательством, грабежами¹³. В итоге формировалась ситуация, требовавшая кардинального изменения, в противном случае тяжелая и трагическая ситуация перетекала в устойчивое перманентное состояние.

Официальным началом контртеррористической операции в Чеченской Республике считается 23 сентября 1999 г., когда президентом РФ Б. Ельциным был подписан указ о создании объединенной группировки войск и сил (ОГВ) на Северном Кавказе и подготовке контртеррористической операции на территории республики. 16 апреля 2009 г. контртеррористическая операция официально закончилась. В дневном подсчете она длилась 3493 дня. Количество федеральных сил в начале операции составляло 93 тыс. человек. По статистике Минобороны, с 1999 г. по сентябрь 2008 г. при исполнении служебных обязанностей в республике погибли 3684 военнослужащих. По данным главного управления кадров МВД, потери внутренних войск в августе 1999 – августе 2003 г. составили 1055 человек. Потери МВД Чечни, по данным на 2006 г., оценивались в 835 человек убитыми. Также сообщалось, что в 1999–2002 гг. в Чечне погибли 202 сотрудника ФСБ. Из этого следует, что потери федеральных силовых ведомств, имеющиеся в открытом доступе, оцениваются не менее 6 тыс. человек¹⁴. Очень трудно судить о точном количестве погибших мирных граждан, равно как и общем числе уничтоженных членов НВФ, нередкими были случаи, когда мирные жители для боевых показателей записывались как члены НВФ. Более точная картина по числу уничтоженных террористов наблюдается при выполнении специальных операций чеченскими подразделениями, действовавшими точно и с максимальной безопасностью для мирного населения. Тем не менее, если опираться на открытые источники, то в 1999–2002 гг., по данным штаба ОГВ, уничтожено 15,5 тыс. боевиков. За последующий период, с 2002 по 2009 г., силовики отчитались о ликвидации еще около 2100, основная часть в 2002 (600) и 2003 гг. (700). Жертвы среди мирного населения правозащитниками в 2004 г. оценивались в 10–20 тыс. человек, не считая 5 тыс. пропавших без вести¹⁵.

Контртеррористическая операция по своему пространственному размаху оказалась соизмеримой с общевоинской (корпусной и даже армейской) операцией. Зона активных действий охватывала всю территорию республики – до 100 км по фронту и 150 км в глубину. Эти показатели сопоставимы с общевоинской операцией. Численный состав Объединенной оперативной группировки войск (ОГВ) состоял из соединений, частей и подразделений от всех силовых структур, а также самолетов, вертолетов, бронетехники (танки, БМП и БТРы), артиллерии (включая РСЗО), частей обеспечения – разведывательные, РЭБ, связи, инженерные, технические, тыловые¹⁶. Были задействованы новейшие виды вооружений, к примеру, одни из самых современных на тот период времени боевые вертолеты Ка-50 («Черная акула»), вооруженные новыми огневыми средствами. В составе БУГ (Боевой ударной группы) были легтики-снайперы¹⁷. Вертолеты совершили в Чечне 14

10 См.: Брычев В. Г., Гук А. И. Россия и Северо-Кавказский регион (Чечня): история и современность. М., 2000. С. 25–27. См.: Криминальная ситуация и тенденции её развития в Чеченской республике / Под общей редакцией доктора юридических наук, профессора С. И. Гирько. М., 2009. С. 42.

11 Вернидуб А. Ястржембский размножает боевиков. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gazeta.ru/2001/11/01/astzrembskij.shtml>.

12 См.: Осмаев А. Д., Мукаева Т. Ш., Котиева Л. Р., Сугаипова А. М. Роль А.-Х. Кадырова в становлении российской модели государственности в Чеченской Республике. От беззакония и хаоса к порядку и закону (об исторической роли Ахмат-Хаджи Кадырова в новейшей истории Чеченской Республики). Материалы региональной научно-практической конференции. Грозный, 10 июня 2010 г. С. 236.

13 Манкиев А. А. Борьба А. А. Кадырова против терроризма и экстремизма. Труды КНИИ РАН №5. Грозный: КНИИ РАН. 2012. С. 206.

14 См.: Итоги контртеррористической операции в Чечне. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/1156661>.

15 Там же.

16 См.: Воробьев И., Киселев В. Контртеррористическая операция: анализ, уроки и выводы. Режим доступа: http://observer.materik.ru/observer/No2_00/02_16.HTM.

17 Kamov Ka-50 «Black Shark» in action. Новости 2001 года. Боевые вылеты вертолётов Ка-50 «Чёрная акула» в Чечне. Репор-

боевых вылетов, в ходе которых выполнено более ста заходов на цель, израсходовав 929 80-мм НУРС и 16 30-мм снарядов, а также три ПТУР «Вихрь-1»¹⁸.

Действия отдельных военных в Чеченской Республике выходили далеко за рамки воинского устава и попадали под действия Уголовного Кодекса Российской Федерации. В апреле 2000 г. в селении Дышни-Ведено В.Г. Черномаз, проезжая на автомашине «Урал» в составе военной колонны, из хулиганских побуждений выстрелил в возвращавшегося из школы шестнадцатилетнего Аюба Салтаханова и убил его¹⁹. 16 ноября 2005 г. П. Зинчук на окраине посёлка Старая Сунжа Грозненского района без каких-либо причин выстрелил из ручного пулемета в мирного жителя М. А. Мунаева. Там же при досмотре автомашин боец А. Кривошонко расстрелял трех мирных жителей. Слушание дела проводилось в Грозненском гарнизонном военном суде, контрактник П. Зинчук был приговорен к 7 годам лишения свободы в колонии общего режима. Северо-Кавказский военный суд приговорил А. Кривошонку к 18 годам лишения свободы²⁰. Многих задержанных жестоко избивали, истязали, забивали до смерти и расстреливали. Потом трупы замученных находили в разных уголках республики²¹. Здесь необходимо подчеркнуть, что федеральное правосудие в части охранительной функции медленно, но целенаправленно начало действовать в республике, именно поэтому фамилии и имена этих военнослужащих были установлены и виновные осуждены и приговорены к различным срокам наказания.

Помимо приведенных примеров, был нанесен серьезный урон флоре и фауне, культурному наследию материальной и нематериальной сокровищницы культуры чеченского народа. В горной местности были разграблены или уничтожены древние склепы и городища. А.А. Кадыров писал: «Буковые леса вывозились преступными режимами раньше, вывозятся на армейских вертолетах сейчас»²². Военное командование в республике очень медленно приходило к пониманию того, что только сами чеченцы способны навести порядок у себя в республике и подобные негативные действия должны быть прекращены, а виновные наказываться. Одним из первых правовых факторов реального взаимодействия можно назвать приказ № 80 от 27 марта 2002 г. за подписью командующего группировкой федеральных войск в Чеченской Республике В. Молтенского. Этот документ начал давать положительную отдачу²³. В основе документа лежало требование соблюдать порядок ответственными, тесно взаимодействовать с чеченской милицией. По словам самого В. Молтенского: «Многие решаются на противоборство федеральным силам от безысходности и безработицы. А кто участвовал в одной операции, стал как бы резервистом, непримиримым». Относительно ги-

бели мирного населения по вине отдельных военных командующий открыто заявлял, что «эти факты не скрываются, по ним проводится скрупулезное расследование с самого верха и до самого низа. От общественности ничего не скрывается»²⁴. Приведенные в исследовании фамилии осужденных военных и милиционеров реально подтверждает объективность слов высокопоставленного российского офицера.

Весна-лето 2000 г. медленно, но верно приблизили чеченский народ к времени, когда день за днем началась кропотливая работа по возвращению республики в политико-правовое пространство страны. Особое значение в рамках данного исследования приобретают конкретные действия политического руководства в лице В.В. Путина. Нам хотелось бы выделить его «Заявление в связи с нарушением прав человека в ходе контртеррористической операции в Северо-Кавказском регионе Российской Федерации» от 13 апреля 2000 г. По сути, оно дало новый позитивный импульс возрождения Чеченской Республики. В нем было подчеркнуто, что восстановление на территории республики правопорядка, уважения к правам человека – один из приоритетов российской государственной политики. Избавляя российское общество от скверны терроризма, мы опираемся на общенациональное согласие, выполняем свои обязательства перед международным сообществом как в области защиты прав человека своих граждан, так и многих иностранцев, ставших жертвами произвола бандитов в Чечне... Все факты нарушений прав человека и злоупотреблений в ходе контртеррористической операции в Северо-Кавказском регионе Российской Федерации, кем бы они ни совершались, тщательно расследуются, и в случае подтверждения виновные будут наказаны по всей строгости закона»²⁵.

В Чеченской Республике активизировался процесс нормативно-правового созидания: 12 июня 2000 г. указом Президента РФ В. В. Путина №1100 Ахмат-Хаджи Кадыров был назначен Главой администрации Чеченской Республики [8, с. 14]. Начался очень важный и необходимый процесс нормотворчества: Постановление Правительства Российской Федерации от 13 июля 2000 г. № 520 «О мерах по обеспечению деятельности администрации Чеченской Республики». 19 января 2001 г. Указом Президента Российской Федерации № 52 «О системе органов власти Чеченской Республики» был исключен статус «временного» в административном управлении республикой. 8 июня 2002 г. В. В. Путин подписал Указ №1071 «Об организации временной системы органов исполнительной власти в Чеченской Республике» и одноименное Положение с внесением в Федеральное собрание Государственную Думу одноименного закона.

Доверие В. В. Путиным республике, охваченной пожаром войны, лежащей в руинах, с массой социально-политических проблем, человеку, бывшему длительное время религиозным лидером без управленческого опыта, вызывало неоднозначную реакцию в стране. Однако выбор руководством страны А. А. Кадырова был продиктован сложившимися реалиями, в которых разобраться и решить конфликта мог человек, знающий ситуацию изнутри, желавший не заработать политические и иные дивиденды, а изменить ситуацию кардинально. Только

таж НТВ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=Zy4IKDdbUG4>; также: Работа Ка-50 в Чечне. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=s7at2IMuFDI>.

18 Младенов А. О вертолете Ка-52 «Аллигатор». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://periscope2.ru/2012/05/17/5941/>.

19 См.: Хамидов З. Суд идет. Военного преступника не спасет фамилия жены, за которой он прятался. Проблема похищения людей в Чечне под особым контролем. События. Факты. Мнения. Комментарии. Проблемы. Криминальная хроника. №9 (май, 2006). Грозный-информ. С. 70.

20 См.: Хамидов З. Контрактник Зинчук приговорен к семи годам лишения свободы. События. Факты. Мнения. Комментарии. Проблемы. Криминальная хроника. №9 (май, 2006). Грозный-информ. С. 75.

21 Кадыров. А. А. Выбор пути. Б/г. С. 73.

22 Там же.

23 Там же. С. 26.

24 Вернидуб А. Ястржембский размножает боевиков. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gazeta.ru/2001/11/01/astzembskij.shtml>.

25 Заявление в связи с нарушением прав человека в ходе контртеррористической операции в Северо-Кавказском регионе Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24066>.

под гарантии человека из своей среды, человека, не навязанного, не присланного из федерального центра во временную командировку, мог откликнуться чеченский народ, желавший установления мира и безопасности. Во многом современный успех Чеченской Республики основан на политической воле, умении читать ситуацию и делать правильное прогнозирование. И этот человек В. В. Путин. Правильное толкование исторических событий и современных реалий, складывающихся в многоконфессиональном и многонациональном государстве Российской Федерации способствует развитию идеи национального единения. Эта продуктивная политика была продолжена и в годы президентства Д. А. Медведева.

По административно-государственному делению Чеченская Республика состояла из 15 районов, 2 городов республиканского подчинения и 4 горрайонов, 337 населенных пунктов. Было сформировано 236 администраций, из них: 19 районных, 2 республиканского уровня, 2 районного подчинения, 231 сельских²⁶. До июня 2000 г. всем этим в Чеченской Республике руководили военные и говорить о политическом урегулировании в республике было чрезвычайно сложно или, если быть более категоричным, – неуместно. Тем не менее, с назначением А. А. Кадырова главой республики «партия войны», состоящая из различных военно-политических сил внутри страны и за ее пределами, начала терпеть поражения, приближая окончание «войны без конца». Это политическое назначение было жизненно необходимо для народа, поставленного, в т.ч. и по вине отдельных соплеменников, на грань полного уничтожения.

Специальные действия (СД) в КТО, по мнению исследователей И. Воробьева, В. Киселева, были разделены на следующие виды: противодиверсионные, противоразведывательные, противопартизанские, информационно-психологические, поисково-спасательные, по обеспечению внутренней безопасности граждан России и иностранных государств, защиты их собственности и прав²⁷. При этом исследователи совершенно обоснованно сделали вывод о том, что действия войск в КТО не вписывались «в рамки «классических» военных канонов. Здесь нет четко выраженной линии фронта, а также монолитной группировки НВФ, отсутствует ярко выраженное противостояние сторон. Опыт показал, чтобы умело вести борьбу с «неудовимым» коварным противником, надо личному составу многому научиться»²⁸.

В этой связи хотелось бы в свою очередь обозначить нашу принципиальную позицию, выраженную в осознании политическим руководством страны понимания главного – многотысячная армейская группировка, вооруженная самым современным оружием, оказалась бессильной в этой ситуации без вовлечения в эту борьбу самих чеченцев. Чеченцы устали от засилья сил международного терроризма и экстремизма на их земле, они умели и могли не просто противостоять, но и безоговорочно побеждать в схватке с коварным противником в лице сил международного терроризма и экстремизма. Это и есть главный фактор военной составляющей успеха в завершении контртеррористической операции в Чеченской Республике. Здесь нам хотелось бы провести параллель, используя знания и сведения историко-правовой науки, обратившись к историческому прошлому. Мы обнаруживаем очень много

схожего. Очень ценным в этом плане представляется документ (пояснительная записка, составленная командующим войсками Терской области, генералом. кн. Д.И. Святополк-Мирским от 6 апреля 1862 г. №863: «...военная сила должна служить лишь вспомогательным средством, и то в крайних случаях, для поддержания мер предупредительного, заботливого и энергичного управления. Мы пытались не только владеть краем, но и управлять им и водворить в нем спокойствие и безопасность посредством укреплений, постов и пикетов. Такая система довела нас до того, что присутствие пятидесятитысячного корпуса войск в Терской области, заключающей в себе около пятидесяти тысяч семейств туземного народонаселения, оказалась недостаточным для достижения предназначенной цели... Систему, оказавшуюся безуспешной, нужно переменить, и перемена эта должна состоять, по моему мнению, прежде всего в резком отделении военного вопроса от административного и полицейского»²⁹.

Доверие чеченским подразделениям наиболее опасных участков в борьбе с международным терроризмом и экстремизмом было оправдано качественными операциями, проводившимися ими не только в самой республике, но и в сопредельных регионах, куда международные террористы и экстремисты стали «мигрировать», после того, как у них под ногами запылала чеченская земля. По поручению президента РФ Национальным антитеррористическим комитетом были внесены изменения в организацию антитеррористической деятельности на территории Чеченской Республики. Председателем комитета, директором ФСБ России А. Бортниковым с нуля часов 16 апреля 2009 г. был отменен приказ, объявляющий территорию республики зоной проведения контртеррористических операций. С указанного времени мероприятия по борьбе с терроризмом в данном субъекте РФ начали осуществляться в соответствии с общим порядком, действующим в других регионах страны. Это решение способствовало дальнейшей нормализации обстановки в республике, восстановлению и развитию ее социально-экономической сферы. Оперативному штабу Чечни были даны поручения, направленные на оптимизацию состава сил и средств Объединенной группировки войск (сил) по проведению контртеррористических операций на территории северокавказского региона, совершенствования порядка их применения в современных условиях, констатировал НАК³⁰. В заявлениях Р.А. Кадырова подчеркивалось: лучший итог войны – прочный мир³¹, процветающая, мирная Чеченская Республика станет фактором стабильности в целом на юге страны, ожидания граждан оправдались³².

Необходима была правовая основа не только для стабилизации в Чеченской Республике, но и для дальнейшего эффективного управления ею. Сформировалась ситуация, когда

26 Кадыров. А. А. Выбор пути. Б/г. С. 70.

27 См.: Воробьев И., Киселев В. Контртеррористическая операция: анализ, уроки и выводы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://observer.materik.ru/observer/No2_00/02_16.HTM.

28 Там же.

29 Административная практика Российской империи на Центральном Кавказе с конца XVIII в. до 1870 г. (на материале Осетии): Сборник документов. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. С. 229–230.

30 Режим контртеррористической операции в Чеченской Республике отменен. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://chechnya.gov.ru/page.php?r=126&id=5162>.

31 См.: Обращение Президента Чеченской Республики Р.А. Кадырова к народу в связи с отменой режима контртеррористической операции. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://chechnya.gov.ru/page.php?r=126&id=5173>.

32 См.: Кадыров Р. Отмена режима контртеррористической операции будет содействовать экономическому росту Чеченской Республики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://chechnya.gov.ru/page.php?r=126&id=5163>.

была четко выраженная необходимость в Конституции республики. В этой связи стала необходимой задача по выработке механизма, допускавшего без отступления от существующих конституционных норм создание площадки для проведения выборов и принятия Конституции Чеченской Республики. В целях проведения референдума по одобрению Конституции Чеченской Республики необходим был закон, санкционирующий его проведение, т.е. речь шла о создании правовых столпов дальнейших конституционных процессов. Последовательно это проявилось в следующем: 12 декабря 2002 г. был издан Указ Президента РФ «Об утверждении Положения о проведении референдума Чеченской Республики по проекту Конституции Чеченской Республики, законам Чеченской Республики "О выборах в Парламент Чеченской Республики»». 23 марта 2003 г. чеченский народ проголосовал за Конституцию и предложенные законы. Чеченская Республика была признана равноправным субъектом Российской Федерации.

Важным показателем государственно-правового развития Чеченской Республики являются конкретные статистические цифры, которые отображают общую ситуацию. В референдуме приняли участие 510125 человек, что составляет 88,41 процента от общей численности лиц, имевших право голосовать. В голосовании по проекту Конституции Чеченской Республики приняли участие 509796 участников. За её принятие проголосовало 489257 чел., что составляет 95,97 процента от числа всех участвовавших. В голосовании по проекту закона «О выборах в Парламент Чеченской Республики» приняли 509861 участников референдума. За его принятие проголосовали 489757 участников референдума, что составляет 96,06 процента³³.

5 октября 2003 г. на выборах Президента Чеченской Республики победу одержал Ахмат-Хаджи Кадыров. По официальным данным, за него проголосовали более 80% избирателей, принявших участие в выборах. За ходом выборов наблюдали представители Лиги арабских государств, организации «Исламская конференция», стран СНГ и Хельсинской группы³⁴. После принятия Конституции Чеченской Республики и выборов Президента Чеченской Республики в развитии национальной государственности чеченского народа новейшего времени наступил качественно новый этап. Республика ценой огромных жертв – и человеческих, и материальных – была легитимным путем инкорпорирована в правовое поле Российской Федерации. Были созданы правовые предпосылки для её всестороннего мирного развития. Этот многогранный процесс был прерван чудовищным актом, совершенным врагами чеченского народа 9 мая 2004 г. В результате террористического акта погибли президент Чеченской Республики Ахмат-Хаджи Кадыров и председатель Государственного совета ЧР Хусейн Исаев. Однако мирные процессы в Республике были уже необратимы.

В 2004 г. Чеченская Республика обрела свою государственную символику – герб, флаг, гимн. 22 июня 2004 г. был подписан указ Президента Чеченской Республики «О государственном гербе и флаге Чеченской Республики».

До избрания Парламента Чеченской Республики его отдельные функции (исключая законотворческие) были возложены на Государственный совет, созданный 28 мая 2003 г.

в соответствии с Указом Президента Чеченской Республики «О формировании государственного совета Чеченской Республики» (вместе с «Положением о порядке формирования Государственного совета Чеченской Республики»). Его членами стали 42 человека: по два представителя от каждого из 21 района республики. 21 июня 2003 г. состоялось первое заседание Государственного совета Чеченской Республики. За два года своей деятельности Госсовет подготовил и рассмотрел 52 проекта законов Чеченской Республики (для последующего внесения их в установленном порядке в будущий парламент), в том числе в области социальной политики, судебной практики, бюджетной сферы и экономической политики, строительства и жилищно-коммунального хозяйства, аграрного сектора и природопользования, науки, культуры, образования и СМИ.

27 ноября 2005 г. состоялись выборы двухпалатного Парламента Чеченской Республики: Народного Собрания (40 депутатов – 20 по партспискам и 20 по одномандатным округам) и Совета Республики (21 человек по числу районов республики). По партийным спискам в Народное Собрание прошли представители трёх партий – Единой России, КПРФ и СПС. 27 июня 2008 г. на внеочередном совместном заседании обеих палат Парламента Чеченской Республики было принято решение о его самороспуске. 12 октября 2008 г. состоялись новые выборы уже однопалатного Парламента Чеченской Республики, состоящего из 41 депутата³⁵.

Важным этапом в новейшей истории государственно-правового развития Чеченской Республики являлось возрождение судебной системы Чеченской Республики, начало которому было положено в 2000 г. Чрезвычайно важно отметить, что в рассматриваемый сложный отрезок времени в республике была разработана Концепция государственной национальной политики. Документ представляет собой систему принципов и направлений в деятельности органов государственной власти Чеченской Республики в сфере межнациональных отношений. В Концепции учитываются историко-культурные особенности, современная этнополитическая обстановка в республике, проблемы возрождения и развития основных сфер жизнедеятельности многонационального народа Чеченской Республики. 11 октября 2009 г. в Чеченской Республике состоялись выборы в органы местного самоуправления. С этого момента в республике завершился процесс формирования всех ветвей власти³⁶.

2 сентября 2010 г. Парламент Чеченской Республики принял Конституционный закон Чеченской Республики «О внесении изменения в Конституцию Чеченской Республики», в соответствии с которым слова «Президент Чеченской Республики» заменены словами «Глава Чеченской Республики». 5 марта 2011 г. Рамзан Кадыров был наделен полномочиями Главы Чеченской Республики³⁷.

Несмотря на то, что в новейшей истории Российской Федерации Чеченская Республика, как её субъект, во всяком случае формально, существует с 10 декабря 1992 г., когда «Президентом Российской Федерации подписано постановление Съезда народных депутатов РФ о преобразовании Чечено-Ингушской

33 См.: Электоральный паспорт Чеченской Республики. Грозный. Б/г. С. 31.

34 Гапуров Ш. А. Конституционные процессы и восстановление научного потенциала Чеченской Республики. Материалы республиканской научно-практической конференции «Конституция основной закон Чеченской Республики». Грозный, 2008. С. 99.

35 Парламенту Чеченской Республики – 5 лет. Грозный, 2012. С. 119.

36 Первые местные выборы в Чечне после распада СССР. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inotv.rt.com/2009-10-12/Pervie-mestnie-vibori-v-Chechne>.

37 Абдурахманов Д. Б. 23 марта 2003 г. – принятие Конституции ЧР и начало конституционного процесса на территории Чеченской Республики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mvdchr.ru/rus/chechennews/856.html>.

Республики в Чеченскую и Ингушскую Республику»³⁸, фактическое и юридическое её вхождение в правовое поле РФ было завершено в период с 2000 по 2012 г., с формированием всех ветвей власти на основе Конституции ЧР, принятой в 2003 г.

Особым приоритетом в работе А. А. Кадырова стоит обозначить его принципиальную позицию в вопросе создания республиканского милицейского ведомства. В конце 1999 г. руководством МВД России было принято решение о создании Управления внутренних дел МВД Российской Федерации по Чеченской Республике. Приказом МВД России в декабре 1999 г. было создано Управление внутренних дел МВД Российской Федерации по Чеченской Республике (г. Моздок Республики Северная Осетия – Алания). С апреля 2000 г. Управление внутренних дел с штатной численностью свыше 1000 сотрудников милиции передислоцировалось в г. Гудермес. 10 ноября 2002 г. приказом МВД РФ №1088 Управление внутренних дел МВД РФ по ЧР в целях совершенствования управления деятельностью органов и подразделений внутренних дел, повышения эффективности борьбы с преступностью и обеспечения правопорядка в Чеченской Республике было реорганизовано в Министерство внутренних дел Чеченской Республики. В настоящий момент в его системе 20 городских и районных отделов внутренних дел, ОМОН, Управление по борьбе с организованной преступностью, полк патрульно-постовой службы полиции специального назначения имени А.-Х.Кадырова, полк ППСМ при МВД по Чеченской Республике, полк полиции по охране объектов нефтекомплекса УВО при МВД по ЧР, Управление ГИБДД.

Чеченский ОМОН в 2000 г. был одним из первых строевых подразделений, участвовавших в специальных и боевых операциях. Личный состав насчитывал около 300 бойцов. В целях активизации борьбы с бандитизмом и похищениями людей в августе 2005 г. в структуре республиканского МВД было создано Управление по борьбе с организованной преступностью, на которое в числе других возлагаются функции по противодействию терроризму, борьбе с бандитизмом и похищениями людей³⁹. С 1999 по ноябрь 2002 г. погибло 230 сотрудников УВД МВД РФ по Чеченской Республике.

По официальным данным, за 8 месяцев 2001 г. от рук боевиков погибли 12 руководителей органов местной власти, 24 чеченских милиционера и 3 священнослужителя⁴⁰. В 2001 г. и в первом квартале 2002 г. было убито 9 имамов мечетей и один похищен, совершено 53 преступления в отношении руководителей и сотрудников республиканских и районных администраций и членов их семей⁴¹. На 1 января 2005 г. с начала контртеррористической операции было возбуждено 1793 уго-

ловных дела по фактам похищения 2503 человек⁴². В период с 2003 по 2008 г. включительно общее число преступлений, зарегистрированных на территории Чеченской Республики, сократилось на 36,4% (с 7188 преступлений до 45733), в том числе тяжких и особо тяжких – на 63,3% (с 3689 до 1353) умышленных убийств – на 84,4% (с 705 до 110), разбойных нападений – на 87,5% (с 296 до 37). Количество зарегистрированных преступлений, совершенных с применением огнестрельного оружия, снизилось за указанный период на 82,8% (с 1536 преступлений до 264). В 2003 г. в республике было совершено 327 террористических актов, а в 2008 г. не допущено совершения ни одного теракта⁴³. На территории Чеченской Республики было совершено террористических актов с 2000 по 2008 г., в 2000 г. – 179, в 2001 г. – 401, в 2002 г. – 401, в 2003 г. – 327, в 2004 г. – 162, в 2005 г. – 54, в 2006 г. – 9, в 2007 – 1, в 2008 г. – 0⁴⁴.

В 2008 г. в результате оперативно-розыскных, профилактических и специальных контртеррористических мероприятий из незаконного оборота было изъято 267 ед. огнестрельного оружия, более 42 тысяч различных боеприпасов, более тонны взрывчатых веществ⁴⁵. Органами внутренних дел Чеченской Республики в 2008 г. пресечена деятельность 324 лидеров и активных участников организованных преступных групп и обществ. За январь-декабрь 2008 г. выявлено 506 (-10,1%) преступлений, связанных с организацией преступного сообщества. Было ликвидировано 5 бандгрупп и уничтожен при оказании сопротивления 61 боевик (в том числе 5 главарей бандгрупп), задержано 324 участника бандподполья, склонено к явке с повинной 93 участника и пособника незаконных вооруженных формирований⁴⁶. Только за 3 месяца 2009 г. было задержано 65 участников незаконных вооруженных формирований. При оказании вооруженного сопротивления уничтожено семь членов бандгрупп, среди них один бандглаварь. В 2009 г. общее число преступлений, совершенных с применением огнестрельного оружия, сократилось на 20%⁴⁷.

На территории Чеченской Республики по состоянию на 2009 г. было определено 39 критически важных и 202 потенциально опасных объекта, 52 объекта жизнеобеспечения, 1011 мест с массовым пребыванием граждан⁴⁸. Данные цифры к 2015 г. претерпели значительные изменения в силу увеличения введенных в эксплуатацию объектов, поскольку в республике вводятся новые объекты и количество таких объектов будет ежегодно возрастать.

38 Бахмадов Б. Д. Конституция ЧР – завершение становления института высшего должностного лица Чеченской Республики // Материалы республиканской научно-практической конференции «Конституция основной закон Чеченской Республики». Грозный, 2008. С. 223.

39 Наша история. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://95.mvd.ru/press/Kontakti/history>.

40 Осмаев А. Д., Мукаева Т. Ш., Котиева Л. Р., Сугаипова А. М. Роль А.-Х. Кадырова в становление российской модели государственности в Чеченской Республике. От беззакония и хаоса к порядку и закону (об исторической роли Ахмат-Хаджи Кадырова в новейшей истории Чеченской Республики). Материалы региональной научно-практической конференции. Грозный, 10 июня 2010 г. С. 233.

41 См. Орга, №№17-18. 1.09.2002. Цитирую по Гакаеву Х. А. Роль А.-Х. Кадырова в стабилизации военно-политической ситуации в Чечне. От беззакония и хаоса к порядку и закону (об исторической роли Ахмат-Хаджи Кадырова в новейшей истории Чеченской Республики). Материалы региональной научно-практической конференции. Грозный, 10 июня 2010 г. С. 92.

42 См.: Столица плюс, №49. 22.06.2005. Гакаев Х. А. Роль А.-Х. Кадырова в стабилизации военно-политической ситуации в Чечне. От беззакония и хаоса к порядку и закону (об исторической роли Ахмат-Хаджи Кадырова в новейшей истории Чеченской Республики). Материалы региональной научно-практической конференции. Грозный, 10 июня 2010 г. С. 92.

43 Алханов Р. Ш. Деятельность органов государственной власти Чеченской Республики по предупреждению преступлений. Основные направления совершенствования системы предупреждения преступлений в Северо-Кавказском регионе. М., 2009. С. 9.

44 См.: Совершение террористических актов. Криминальная ситуация и тенденции её развития в Чеченской Республике / Под общей редакцией доктора юридических наук, профессора С. И. Гирько. М., 2009. Рис.7. С. 16.

45 Криминальная ситуация и тенденции её развития в Чеченской Республике / Под общей редакцией доктора юридических наук, профессора С. И. Гирько. М., 2009. С. 17.

46 Там же.

47 Бобырев С. В. Об организации совместной деятельности субъектов системы профилактики правонарушений в Чеченской Республике. Основные направления совершенствования системы предупреждения преступлений в Северо-Кавказском регионе. М., 2009. С. 105.

48 Там же.

Результатами эффективных действий сотрудников МВД по Чеченской Республике стали не только высокие цифры ликвидированных террористических группировок, но и перевод ситуации в стадию, когда террористический спрут утратил способность крупномасштабного и взаимосвязанного, цельно организованного центра противодействия и был переведен в разряд общеуголовной, зачастую разобщенной, структуры. Так, согласно статистическим данным, к 2008 г. «в Чеченской Республике отмечался один из наиболее высоких уровней общей раскрываемости (количество раскрытых преступлений превысило остаток нераскрытых в 4,6 раза). Раскрыто 3822 преступления (-18,9%), общая раскрываемость составила 87,8%»⁴⁹. Министр внутренних дел по Чеченской Республике генерал-лейтенант полиции Р. Ш. Алханов охарактеризовал курс, обозначенный первым Президентом Чеченской Республики, Героем России А. А. Кадыровым и проводимый в Чеченской Республике на основе 6 ключевых принципов: 1) беспощадная борьба с терроризмом и экстремизмом; 2) консолидация общества, опора на национальные и религиозные традиции; 3) духовно-нравственное и патриотическое воспитание молодежи; 4) соблюдение прав граждан и законности в деятельности правоохранительных органов и структур; 5) забота о людях, повышение уровня благосостояния и социального обеспечения граждан; 6) развитие экономики республики на основе инновационных технологий и современного производства⁵⁰.

Всего за 9 месяцев 2012 г. на территории Чеченской Республики было зарегистрировано 3 тысячи 27 уголовно наказуемых деяний, что на 8,8% меньше, чем за аналогичный период прошлого года. Сократилось количество особо тяжких (на 25,7%) и тяжких (на 24%) преступлений, в том числе убийств (на 28,6%) и посягательств на жизнь сотрудников правоохранительных органов (на 55%)... В результате совместных оперативно-розыскных и специальных мероприятий на территории Чеченской Республики задержано 80, склонено к явке с повинной 6, уничтожено при оказании вооруженного сопротивления 35 участников и пособников бандформирований. Выявлено 102 и раскрыто 85 преступлений, связанных с участием в НВФ или их организацией. По 59 преступлениям данной категории уголовные дела были направлены в суд. Обнаружено и ликвидировано 39 тайников (схронов) с оружием и боеприпасами и 6 баз НВФ. Из незаконного оборота изъято 124 единицы огнестрельного оружия, около 11 тысяч единиц различных боеприпасов, 196 снарядов, мин и фугасов, 400 гранат и гранатометных выстрелов, 10 СВУ, 415,5 кг взрывчатых веществ. Выявлено 145 преступлений, связанных с незаконным сбытом, хранением или ношением оружия. Принимаемые меры по борьбе с незаконным оборотом оружия и боеприпасов способствовали сокращению преступлений, совершенных с применением оружия (на 6,7%), в том числе огнестрельного (на 9,3%)⁵¹. В первом квартале 2013 г. не было допущено совершения терактов, экстремистских акций и других массовых нарушений общественного порядка. Приоритетным направлением совместной оперативно-служебной и служебно-боевой

деятельности оставалась борьба с терроризмом и экстремизмом. В их результате на территории Чеченской Республики при оказании вооруженного сопротивления уничтожено 23 участника бандформирования, в том числе 3 бандглаваря (Гакаев Х. В., Хушалаев А. К. и Лорсанов Т. М.). Склонён к явке с повинной 1 член НВФ. Задержано 14 пособников бандподполья. Ликвидированы 2 бандгруппы, действовавшие в Веденском районе. Выявлено 22 и раскрыто 34 преступления, связанных с организацией или участием в незаконных вооруженных формированиях. Обнаружено и ликвидировано 5 схронов с оружием и боеприпасами, а также 2 базы НВФ. Из незаконного оборота изъято 66 единиц огнестрельного оружия, более 4 тысяч различных боеприпасов, 21 снаряд, мин и фугасов, 57 гранат и ВОГ, одно СВУ и 5 кг взрывчатых веществ⁵².

Согласно сведениям, озвученным прокурором Чеченской Республики Владимиром Кузнецовым, за весь период проведения контртеррористической операции в Чеченской Республике было возбуждено 1969 уголовных дел по похищениям людей. Из 2752 похищенных было найдено 507 человек, из них наибольшее количество похищений приходится на 2002–2003 гг. За период 2000–2006 гг. в суд направлено 93 уголовных дела в отношении 137 обвиняемых в похищении людей⁵³.

Созданные в Чеченской Республике подразделения специального назначения из числа чеченцев – ОМОН МВД ПО ЧР, полк милиции Управления вневедомственной охраны при МВД ЧР, полк специального назначения им. Героя России А. А. Кадырова (ППСП), батальоны в системе министерства обороны Российской Федерации – на деле показали свою профессиональную выучку, мобильность, героизм и мужество при выполнении боевых задач. Именно этими подразделениями проведено большинство всех специальных операций в Чеченской Республике по нейтрализации международных террористов. Под командованием В. Усмаева полк специального назначения им. Героя России А. А. Кадырова (ППСП, на тот период ПМСН), сформированный и укомплектованный в 2004 г., за время своего существования провел более 1880 масштабных спецопераций, оперативно-розыскных и засадных мероприятий. В результате данных мероприятий уничтожено свыше 400 участников НВФ, в том числе 42 бандглаваря. С момента образования полка при исполнении служебного долга погибли 144 сотрудника, 327 были ранены. При этом 63 сотрудника награждены орденами Мужества, 31 из них – посмертно. За героизм и мужество сотрудник полка Муслим Исмаилов был удостоен звания Героя Российской Федерации (посмертно). Кроме того, 24 сотрудника награждены высшей наградой республики – орденом Кадырова, в том числе пятеро посмертно⁵⁴. Одной среди многочисленных успешных операций ПМСН им. А. А. Кадырова по уничтожению бандгруппы следует назвать проведенную специальную операцию в горно-лесистой местности Ножай-Юртовского района. В результате боя было уничтожено 13 бандитов, двое взяты в плен.

49 Криминальная ситуация и тенденции её развития в Чеченской Республике / Под общей редакцией доктора юридических наук, профессора С.И. Гирько. М., 2009. С. 8.

50 См.: Алханов Р. Ш. Предисловие. Криминальная ситуация и тенденции её развития в Чеченской республике / Под общей редакцией доктора юридических наук, профессора С. И. Гирько. М., 2009. С. 4.

51 См.: Отчет министра внутренних дел по Чеченской Республике генерал-лейтенанта полиции Р. Ш. Алханова. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://95.mvd.ru/document/1075580>.

52 См.: Доклад начальника штаба МВД по ЧР М-Э. У. Джамалдаева на совместном заседании оперативного совещания ВОГОиП МВД России и коллегии МВД по ЧР за I квартал 2013г. (23/04/2013). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://95.mvd.ru/document/1080077>.

53 См.: Ибаева М. Проблема похищения людей в Чечне под особым контролем. События. Факты. Мнения. Комментарии. Проблемы. Криминальная хроника. №9 (сентябрь, 2006). Грозный-информ. С. 71.

54 Полку ППСИ им. Героя России А. А. Кадырова исполнилось 10 лет. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://95.mvd.ru/news/item/2322607/>.

«Уничтоженная группа находилась в непосредственном подчинении дагестанского главаря боевиков Хайрулы Имурзаева». Все участники незаконного вооруженного формирования, которое проникло на территорию Чеченской Республики, являлись жителями с. Нурадилово Хасавюртовского района Дагестана⁵⁵. За проявленный героизм и профессионализм звание Героя России было присвоено командиру полка милиции специального назначения №2 им. А.-Х. Кадырова МВД по ЧР полковнику Вахиту Усмаеву⁵⁶.

Согласно сведениям официального сайта МВД по Чеченской Республике, по состоянию на 9 ноября 2015 г. 11 сотрудников ведомства удостоены высшей награды страны Герой России, 85 сотрудников МВД по ЧР награждены орденами Мужества, 137 сотрудников МВД по ЧР награждены орденами Мужества посмертно⁵⁷. За этими цифрами стоят спасенные человеческие жизни многих людей. Проведение специальных операций в Чеченской Республике подразделениями, сформированными из числа чеченцев, способствовало следующему:

– изменилась тактика проведения зачисток, в результате которых ранее исчезали мирные жители; теперь они стали адресными, при их проведении участвовали представители правоохранительных органов Чеченской Республики; прекратилось хаотичное движение армейской колесной и гусеничной бронетехники и инциденты с наездами военнослужащих, находящимися в состоянии алкогольного опьянения, на гражданский транспорт;

– знание местности, самого населения при проведении специальных мероприятий способствовало точечным действиям в населенных пунктах при проведении адресных мероприятий, что позволило ликвидировать и нейтрализовать членов террористического бандитского подполья;

– оперативная информация, получаемая от граждан из населенных пунктов, в которых скрывались или бесчинствовали в ночное время суток террористы, имела достоверный характер, что позволяло сотрудникам спецслужб реагировать молниеносно;

– созданные специальные мобильные группы из числа чеченцев в составе милицейских и армейских подразделений эффективно действовали в городской и сельской местности, избегая жертв со стороны гражданского населения;

– эффективное взаимодействие и координация задач между УФСБ по Чеченской Республике, МВД по Чеченской Республике;

– тактика проведения боевых операций заключалась в привлечении к выполнению боевых задач наименьшего количества людей, в основном повзводно, в отдельных случаях поротно и побатальонно. Упор делался на эффект внезапности, знание маршрутов возможного отхода террористов или же возможного прорыва к ним на помощь других членов террористического подполья; высокая снайперская подготовка чеченских подразделений в боестолкновениях позволяла нанести максимальный урон противнику;

– ключевым моментом в военном успехе над международными террористами и экстремистами при боестолкновениях с ними стало прекрасное знание чеченскими подразделениями их тактики и действий (особенно в горно-лесистой местности). Элемент постоянного преследования разрозненных групп террористов в труднодоступных районах не позволял им быстро восстанавливать силы и боеспособность, что к 2007 г. способствовало полному контролю ситуации во всех населенных пунктах как в дневное, так и в ночное время суток; произошел перевод ситуации из прямого огневого контакта в минно-взрывную диверсионную;

– успешным стал разработанный и реализованный на практике в Чеченской Республике механизм осуществления служебных функций сотрудниками полиции посредством распределения их по районам и населенным пунктам, выходами из которых они являются, с целью формирования у них повышенного чувства ответственности на принципах чеченского кодекса чести «Нохчалла» («Чеченскость»), когда перед каждым стоит вопрос (предполагающий действия) «Кто обеспечит порядок и закон, если не я сам?» Здесь мы наблюдаем по сути возможный и необходимый союз традиционного и официального порядка и их взаимодействие;

– была выстроена работа по формированию имиджа сотрудника правоохранительных органов, в Чеченской Республике было запрещено ношение масок (балаклав) при выполнении специальных операций. Сделано это было для того, чтобы обозначить, что сотрудникам правоохранительных органов нет необходимости скрывать свои лица при осуществлении тех или иных действий по защите закона. В условиях чеченского менталитета это был очень ответственный шаг, с большой долей риска, поскольку это означало, что террористы могут мстить сотрудникам, ставшим известными. Тем не менее, это нововведение стало мощным идеологическим фактором, объединившим народ, армию, милицию в деле борьбы с преступностью, кроме того, повысился самоконтроль к себе у самих стражей порядка. Большое внимание было уделено правильному ношению форменной одежды каждым из подразделений того или иного ведомства для идентификации принадлежности к конкретному ведомству. За каждого сотрудника, принятого в правоохранительные органы, ответственность была возложена персонально на командиров подразделений, поручителей из числа духовенства, авторитетных старейшин. На улицах Чеченской Республики сократилось присутствие вооруженных людей в камуфляжной форме без опознавательных знаков. Это обстоятельство лишало террористов смешиваться визуально со всеми, выдавая себя за сотрудников силовых ведомств. Тотальный контроль сотрудниками УСБ МВД по ЧР за сотрудниками правоохранительных органов (их боевых предписаний, оружия и форменного обмундирования) повысил общую дисциплину и вселил в граждан в том числе и психологическую уверенность. Патрулирование Грозного «тройками» из числа бойцов ППСМ МВД по ЧР конкретных участков в ночное и дневное время суток лишало террористов возможности скрытно закладывать минно-взрывные устройства с дистанционными взрывателями, это привело к тому, что им пришлось использовать для этой цели «живые бомбы», т.е. смертников;

– уничтожение террористов и экстремистов сказалось на резком сокращении количества прибывающих дополнительно наемников из различных государств. Многие из них были уничтожены или переданы правосудию. Одним из примеров является суд над алжирским наемником. В Верховном суде

55 Кадыров прокомментировал спецоперацию ПМСН им. А. Кадырова по уничтожению бандгруппы в Ножай-Юртовском районе. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.chechnya.gov.ru/page.php?r=126&id=1219>.

56 Вахит Усмаев – Герой России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://chechnyatoday.com/content/view/9222>.

57 См.: Наши герои. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://95.mvd.ru/gumvd/herois>.

Чеченской Республики в 2006 г. был вынесен обвинительный приговор в отношении алжирского наемника Бурахли Камело, воевавшего в Чечне и задержанного в сентябре 2004 г. на территории Дагестана. Он был признан виновным в незаконном переходе государственной границы, в незаконном обороте оружия, в терроризме, а также в захвате в заложники помощника коменданта Веденского района С.К. Бареева, который впоследствии был убит. Алжирец был осужден на 24 года лишения свободы⁵⁸;

– персональное закрепление за каждым из специальных подразделений МВД по ЧР, ВВ МВД РФ конкретной бандгруппы. Ее поиск, нейтрализация является успешным фактором решения служебно-боевых задач без «размытия» на общие задачи и цели. Успешная борьба с силами международного терроризма и экстремизма, осуществляемая силами чеченских правоохранителей, лишила возможности получения новых рекрутов для террористов, за счет неправомерных действий, имевших ранее место при проведении зачисток со стороны федеральных сил. В Чеченской Республике идея мира и стабильности стала главной целью борьбы с деструктивными силами. Министр внутренних дел Российской Федерации Рашид Нургалиев, характеризуя профессионализм и эффективность чеченских силовиков, сделал вывод о том, что «объективно самыми боеспособными, подготовленными, технически оснащенными и обустроенными являются подразделения МВД по Чеченской Республике»⁵⁹.

Участие в специальных операциях во главе подразделений Антитеррористического центра Рамзана Кадырова, известного среди военных под радиопозывным «Дустум», стало ярким примером того, что политическое руководство региона не отсиживается в кабинетах, а занимается на практике сложной и опасной ежедневной работой по борьбе с международным терроризмом и экстремизмом. Данный личный пример имел мощное идеологическое и воспитательное значение для подрастающего поколения. Работа в органах правопорядка стала престижным стремлением защитить отечество от сил зла.

В мае 2007 г. Р. Кадыров возглавил антитеррористическую комиссию республики. Был подписан указ о мерах противодействия терроризму на территории Чеченской Республики. Согласно данным комиссии, с момента её образования (апрель 2007) спецподразделениями МВД по Чечне и УФСБ по Чеченской Республике были нейтрализованы 12 полевых командиров и 60 боевиков, задержаны 444 участника незаконных вооружённых формирований и их пособники, ликвидировано 283 базы, 452 тайника с оружием и боеприпасами⁶⁰.

Совершенно справедливым и объективным нам видится сделанное в рассматриваемый период заявление председателя Национального антитеррористического комитета директора ФСБ Российской Федерации Н. П. Патрушева от 15.07.2006 г., в котором он подчеркивал «успех антитеррористической борьбы зависит не только от действий силовых структур... Только совместными усилиями государственных органов, обществен-

ных организаций и бизнес-сообщества можно добиться серьезных позитивных перемен по всем этим направлениям»⁶¹. Безусловно, объявленная амнистия – это еще один фактор, способствовавший завершению войны в Чечне. Если в первую чеченскую войну подавляющее большинство её участников были сторонниками идеи построения независимого государства, то наименьшее её число на тот период составляли радикалы с убеждениями «арабизации». Фактически это была гражданская война на территории страны. После окончания первой чеченской кампании (1996 г.) режим, утвердившийся в Чечне, похоронил своими негативными действиями идею независимого государства с демократическими принципами свойственными чеченскому менталитету. Идеи радикального ближневосточного религиозного течения взяли фактически вверх над многовековыми принципами ислама, исповедовавшегося чеченцами, даже в самые трудные годы атеистической пропаганды сохранявших и чтивших религиозные принципы тарикатов, практически были сломлены их национально-этнические принципы «чеченскости», где слово старших имело силу официального закона. Единственным человеком, бросившим вызов этому беспределу, стал А. А. Кадыров.

Терроризм как явление неприемлемо для чеченского менталитета. Об этом фактически указывает и исследователь Б. Н. Кашников. Если абстрагироваться от названия, избранного автором для своего исследования, то в самой работе мы находим как объективные стороны, так и спорные моменты. К начальной группе мы отнесем вывод автора относительно первой чеченской кампании. Он отмечает, что в начале войны чеченцы не осуществляли террор как метод борьбы. Автор пишет о следовании ненарушению норм международного гуманитарного права и правил ведения боевых действий. О принципах дискриминации и пропорциональности (основных принципов цивилизованного ведения войны, принципы «Jus ad Bellum», их отношение к пленным было достаточно гуманным)⁶². Другой вывод автора, выраженный в том, что «террор одних чеченцев по отношению к другим привел к ответному террору и всеобщей вендетте»⁶³ не находит у нас солидарности, ввиду того, что борьба с международным терроризмом, объявленная властью и народом, не может классифицироваться как «терроризм». Что касается вооруженной борьбы народных сил (на примере ополчения), то, здесь мы имеем классический пример защиты своей земли, жизни, нравственных ценностей, близких. Подтверждение этому геройский поступок чеченского подростка М. Ташухаджиева, со своим младшим братом вступившего в бой с превосходящими силами международных террористов, погибшего в результате боя, но сумевшего уничтожить наиболее одиозного главаря террористов, за которым длительное время безуспешно охотились федеральные войска⁶⁴.

58 См.: Наемник из Алжира Бурахли Камело приговорен к двадцати годам лишения свободы. События. Факты. Мнения. Комментарии. Проблемы. Криминальная хроника. № 9 (май, 2006). Грозный-информ. С. 78.

59 С. Емельянова. Рашид Нургалиев: Самыми боеспособными являются подразделения МВД Чечни. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/2011/07/25/reg-kuban/mvd-anons.html>.

60 Источник. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sta-sta.ru/?p=10430>.

61 Обращение Председателя Национального антитеррористического комитета Директора ФСБ Российской Федерации Н. П. Патрушева. Под гарантии государства. Сборник официальных документов. Грозный, 2006. С. 4.

62 См.: Кашников Б. Н. Чеченский терроризм. Взлет и падение. Работа выполнена при поддержке индивидуального исследовательского гранта 2007 г. Научного Фонда ГУ-ВШЭ (№07-01-84). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.google.ru/url?sa=t&rcct=j&q=&esrc=s&source>.

63 Там же.

64 См.: «Мальчика могли спасти, если бы сразу оценили его подвиг...». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.stav.kp.ru/daily/22602/11179/>. Дата обращения: 15.04.2016.

Вторая чеченская кампания понималась в самой Чечне как война с международным терроризмом, в страшное горнило которой попал чеченский народ. Именно поэтому среди воевавших во вторую чеченскую кампанию на противоположной стороне подавляющее большинство было радикально настроенных международных террористов и экстремистов, и лишь небольшое число ложно считавших идею национальной независимости приоритетной. Именно за последнюю категорию предстояла битва добра со злом, чтобы сделать из них оплот будущего мира. Сам народ, не покидавший территорию республики, испытывал на себе все тяготы этой войны. Следовательно, перед народом и его лидером А. А. Кадыровым стояла сложная задача вернуть к миру тех, кто попал в ряды незаконных вооруженных формирований либо по заблуждению, либо по причине проявления жестокости со стороны тех, кто должен был, по сути, наводить конституционный порядок, но вместо этого своими действиями преступил закон и вынуждал преступить других. Именно они должны были стать впоследствии ключевой ударной силой в борьбе с международным терроризмом и экстремизмом.

Мы имеем совершенно уникальную ситуацию, когда осознанное решение политического руководства страны в лице нашего национального лидера В. В. Путина – о доверии чеченскому народу навести порядок в регионе и покончить с международным терроризмом предопределило успех окончания чеченской войны как одной из самых трагических страниц в истории многонациональной России. Нормативный механизм амнистирования выглядел следующим образом. При решении вопроса о привлечении либо об освобождении от уголовной ответственности добровольно явившихся с повинной участников незаконных вооруженных формирований правоохранительные органы руководствовались нормами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК России). Статьей 142 УПК РФ регламентировался порядок принятия заявления о явке с повинной – добровольного сообщения лица о совершенном им преступлении. Заявление о явке с повинной может быть сделано как в письменном, так и в устном виде. Устное заявление принимается и заносится в протокол в порядке, установленном частью третьей статьи 141 УПК России. Вместе с тем, принимая во внимание политическую значимость добровольной явки с повинной лиц, являвшихся участниками незаконных вооруженных формирований, при строгом следовании нормам УПК России правоохранительным органам одновременно надлежало руководствоваться следующим: добровольные заявления лиц о явке с повинной незамедлительно оформлять документально; указанные лица должны были оперативно доставляться в органы внутренних дел, органы федеральной службы безопасности или органы прокуратуры для принятия соответствующих процессуальных решений и применения мер процессуального принуждения или мер пресечения; ...в отношении указанных лиц, привлеченных к уголовной ответственности за совершение других преступлений, в случае их активной помощи следствию изыскивать возможности применения положений УК России, связанных со смягчением наказания⁶⁵.

Однако главным для бывших членов НВФ, их возвращения к мирной жизни, адаптации в социальной среде были гарантии руководства Чеченской Республики в части обеспе-

чения их возвращения к мирной жизни, при главном условии – если они не запятнали себя кровью. Наблюдалась высокая эффективность реализации постановлений Правительства Чеченской Республики №2, 27 и 97 2004 г., на основании которых только за 2008 г. жителями Чеченской Республики добровольно сдано на возмездной основе 66 единиц огнестрельного оружия, 53 гранаты, свыше 6000 снарядов, 3 мины, около 5000 различных боеприпасов, 1 т взрывчатых веществ. За данные предметы вооружения населению выплачено 24,2 млн. рублей. Положительными факторами достижения таких результатов являются: состоявшаяся в 2006–2007 гг. ширококомасштабная амнистия бывших участников НВФ, добровольно отказавшихся от преступной деятельности и явившихся с повинной; запрещение на территории ЧР игрового бизнеса всех видов; ведение ограничений на торговлю спиртными напитками⁶⁶.

В целом нормативно-правовой базой антитеррористической комиссии в Чеченской республике являются: Указ Президента РФ от 15 февраля 2006 г. № 116 «О мерах по противодействию терроризму»; Указ Президента Чеченской Республики от 28 апреля 2007 г. № 170 «О мерах по противодействию терроризму на территории Чеченской Республики»; Указ Президента Чеченской Республики от 29 декабря 2009 г. № 397 «Об утверждении Типового положения о постоянно действующих рабочих группах Антитеррористической комиссии Чеченской Республики, Типового положения, Типового регламента и Типового состава антитеррористической комиссии муниципального образования Чеченской Республики»; Указ Президента Чеченской Республики от 29 декабря 2009 г. № 398 «Об утверждении рабочих групп Антитеррористической комиссии Чеченской Республики»; Федеральный закон Российской Федерации от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»; Положение об Антитеррористической комиссии в субъекте Российской Федерации (утвержденное Национальным антитеррористическим комитетом 7 июля 2006 г.). На территории республики развёрнута деятельность 26 рабочих органов АТК ЧР: 17 антитеррористических комиссий муниципальных образований (городов и районов), 9 постоянно действующих рабочих групп, возглавляемых главами муниципальных образований и отраслевыми министрами Правительства Чеченской Республики. Основной задачей этих комиссий является реализация на местах принятых решений республиканской комиссией, а также отдельных указаний НАК и АТК в области противодействия терроризму⁶⁷.

Социально-экономический фактор. Другим фактором успеха является одновременное решение социально-экономических вопросов, не дожидаясь решения военной составляющей. Хотя именно у последнего варианта было больше противников безосновательно считавших, что Чеченская Республика «съедает деньги налогоплательщиков страны». Однако именно для них в данном исследовании приведем дейктический материал с отдельными цифрами, которые, возможно, объяснят им ошибочность данной позиции.

Если руководствоваться подсчетами специалистов, то в ноябре 2002 г. заместитель председателя комитета Федерального Собрания Государственной Думы России по обороне Алексей Арбатов сообщил, что в период активных боевых

65 Разъяснения участникам незаконных вооруженных формирований, явившихся с повинной. Под гарантии государства. Сборник официальных документов. Грозный, 2006. С. 18-20.

66 См.: Алханов Р. Ш. Деятельность органов государственной власти Чеченской Республики по предупреждению преступлений. Основные направления совершенствования системы предупреждения преступлений в Северо-Кавказском регионе. М., 2009. С. 8-9.

67 См.: Источник. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://sovbezchr.ru/.../Методическое%20пособие%20о%20деятельности%](http://sovbezchr.ru/.../Методическое%20пособие%20о%20деятельности%20)

действий (осень 1999 г. – зима 2000 г.) на контртеррористическую операцию уходило 20–30 млрд. руб. в год, затем расходы снизились до 10–15 млрд. руб. В докладе одного из ведущих экономистов в стране Руслана Хасбулатова и бывшего депутата Ивана Рыбкина «Экономические аспекты войны в Чечне» от апреля 2003 г. сообщалось: на развертывание войск и боевые действия с сентября 1999 г. до конца 2000 г. ушло \$10–12 млрд., в 2001 году – \$11–13 млрд., в 2002 г. – \$10–12 млрд., за три месяца 2003 г. – около \$3 млрд.⁶⁸. Очевидно, что у тех, кто ратовал за то, чтобы Чечне не выделяли деньги, было стремление подменить истинное положение ситуации, по логике недоброжелателей как в самой стране, так и за пределами следует, что лучше тратить деньги на войну, гибель гражданских и военных, чем созидать и укреплять российскую государственность, мир и безопасность её граждан. По их логике чеченцы им не соотечественники. Если давать научную оценку подобных суждений они коротко характеризуются нами антиномическими.

Восстановление экономики и социальной сферы Чеченской Республики происходило посредством принятия и реализации одноименной программы на 2002 и другие годы. Однако ее реализация во многом является успехом триады действий: федерального центра, руководства республики и колоссального труда её граждан. Как отмечает исследователь С. Решиев, в 2007 г. были введены в строй более двухсот объектов из этой программы, в основном социальной сферы республики. Фактическое финансирование ФЦП, по данным федерального казначейства, составило 46933,0325 млн. рублей. Успешная реализация данной программы способствовала к разработке и принятию федеральным центром и Правительством Чеченской Республики ФЦП «Социально-экономическое развитие Чеченской Республики 2008–2012 гг.». Фактическое финансирование ФЦП на 1 июля 2012 г. составило 89348,8251 млн. рублей⁶⁹. Ключевыми факторами успешной реализации данной программы стали: отмеченный выше факт интенсивного взаимодействия, финансирование согласно срокам, установленным в программе по факту выполнения работ и полный контроль за точностью и целевым назначением расходов выделяемых средств Главой Чеченской Республики Р. Кадыровым. Именно последний фактор является ключевым в успехе чеченского социально-экономического возрождения в первом десятилетии XXI в., когда республика, лежавшая в руинах, не только была отстроена, но стала визитной карточкой юга России.

До назначения Р. Кадырова Председателем Правительства Чеченской Республики ситуация с безработицей в регионе была критической, её уровень превышал 70%, фронтальное наступление на решение не только военных и поствоенных проблем, но и социально-экономических вопросов, позволило в несколько раз снизить безработицу в регионе с полностью разрушенной экономикой и инфраструктурой. Если в 2006 г. рост валового регионального продукта в Чеченской Республике составил 11,9%, то в 2007 – 26,4%⁷⁰. Согласно данным министерства экономического, территориального развития и

торговли Чеченской Республики уровень регистрируемой безработицы в 2015 г. сократился до 15,3%. Главой ЧР Рамзаном Кадыровым перед региональными властями обозначена приоритетная задача – свести к 2018 г. безработицу к 5% уровню. По данным Минэкономтерразвития ЧР, в результате реализации комплекса мер только в 2015 г. создано 20535 рабочих мест⁷¹. Создание рабочих мест, высокий уровень занятости населения в совокупности способствуют решению задачи противодействия распространения терроризма и экстремизма, в том числе приводит к исключению вовлечения в террористические организации молодых людей по причине отсутствия возможностей для их социальной реализации.

В июне 2008 г. руководитель администрации Президента России Сергей Нарышкин и его первый заместитель Владислав Сурков, проинспектировав ход реконструкции, отметили, что впечатлены темпами восстановления Чечни под руководством Рамзана Кадырова⁷². Здесь, выходя за рамки академической науки, нам хотелось бы адресовать вопрос тем экспертам, которые регулярно возмущаются, что Чечне выделялось множество денег, а в других субъектах нет столь интенсивного развития как в Чеченской Республике. Судя по вышеприведенным цифрам, которые в сравнении с российскими регионами мало чем отличаются, что мешало и мешает другим субъектам федерации сделать подобный рывок? Если учесть, что положение, в котором находилась Чеченская Республика, было заведомо худшим по всем факторам в 2005–2006 гг., то иначе как экономический прорыв охарактеризовать успехи Чеченской Республики по строительству городов и сел, вводом в эксплуатацию крупных объектов различного назначения не представляется возможным.

Самое большое число дотаций, исходя из расчета на душу населения, приходится на Камчатку, Магаданскую область, Якутию, Туву, Алтай, Еврейскую автономную область, Бурятию, Чукотку. К примеру, на каждого жителя Камчатки приходится почти 100 тыс. рублей, то в Чечне этот показатель – чуть более 13 тыс.⁷³. Способность власти консолидировать вокруг себя чеченскую бизнес-элиту, активно включившуюся в возрождение республики, привлечение руководством Чеченской Республики крупных инвестиций, создание реального инвестиционного интереса к Чеченской Республике позволили реализовать мегапроекты «Грозный-сити», «Гудермес-сити», «Шали-сити», строительство уникальных сооружений «Сердце Чечни», «Сердце матери», комплекса «Грозненское море», спортивно-туристического комплекса «Кезеной-Ам», крупнейшего автодрома на юге страны «Крепость-Грозный», комплекса «Колизей» и целого ряда крупных объектов различного назначения. Все это тоже является элементом эффективной борьбы с международным терроризмом и экстремизмом.

С 2013 г. было привлечено инвестиций в объёме 128 млрд. рублей. Благодаря этой работе безработица снизилась в 2013 г. с 27 до 18%⁷⁴. Ежегодно стала возрастать цифра налогов, собранных в Чеченской Республике. В 2005 г. в Чечне было собрано налогов на сумму 8 млрд. рублей. В 2006 г. было собра-

68 См.: Итоги контртеррористической операции в Чечне. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/1156661>.

69 См.: Решиев С. С. Постконфликтное развитие Чеченской Республики и международный опыт. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 10-летию Дня республики. Грозный, 3–4 сентября 2012 г. С. 441–443.

70 Социально-экономическая политика Рамзана Кадырова. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sta-sta.ru/?p=10430>.

71 См.: В Чеченской Республике уровень регистрируемой безработицы снизился до 15,3 процента. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.chechnya.gov.ru/page.php?r=126&id=16636>.

72 Социально-экономическая политика Рамзана Кадырова. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sta-sta.ru/?p=10430>.

73 См.: Каким регионам достается больше всего из бюджета. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/519741>.

74 См.: Чеченцы России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://che.rus4all.ru/city_msk/20140408/725051468.html.

но 10 млрд. 44 млн. налогов в федеральный бюджет. Впервые удалось перешагнуть барьер в 10 млрд. рублей⁷⁵. Только за семь месяцев 2007 г. в бюджетную систему РФ по Управлению Федеральной налоговой службы России по Чеченской Республике поступило 6736,1 млн. рублей. В сравнении с аналогичным периодом 2006 г. объем поступлений вырос на 639,6 млн. рублей с темпом роста 110,5%. В федеральный бюджет (с учетом единого социального налога, зачисляемого в федеральный бюджет) поступило 3410,7 млн. рублей. Дополнительно в федеральный бюджет поступило налогов и сборов в сумме 36,2 млн. рублей. В консолидированный бюджет Чеченской Республики поступило 2208,3 млн. рублей, из них в местные бюджеты – 940,9 млн. рублей. По сравнению с 2006 г. объем поступлений вырос на 439,8 млн. рублей с темпом роста 124,9%. В государственные внебюджетные фонды поступило 1117,1 млн. рублей. По сравнению с аналогичным периодом 2006 г., объем поступлений вырос на 325,8 млн. рублей с темпом роста 141,2%⁷⁶. В январе-декабре 2008 г. налоговыми органами Чеченской Республики мобилизовано в бюджетную систему Российской Федерации свыше 16,5 млрд. рублей в виде налогов, сборов и иных обязательных платежей⁷⁷. За 4 месяца 2010 г. в бюджет республики налогов поступило на 1 млрд. 736 млн. рублей. За аналогичный период 2009 г. было 1 млрд. 638 млн. рублей⁷⁸. За пять месяцев 2011 г. с территории Чеченской Республики в бюджетную систему страны налогов, сборов и иных обязательных платежей поступило на сумму, превышающую 4,4 млрд. рублей. Соотношение поступлений к аналогичному периоду 2010 г. составило 13,3 процента (519,5 млн. рублей). Произошло пополнение федерального бюджета на 1,8 млрд. рублей, что на 15% (232,4 млн. рублей больше, чем 2010 г.). В консолидированный бюджет Чеченской Республики мобилизовано свыше 2,6 миллиардов рублей. Пополнение казны республики составило 18% (398,6 млн. рублей). Индикативные показатели по федеральной казне, доведенные Федеральной налоговой службой, и консолидированному бюджету Чеченской Республики были исполнены на 110,5 и 110,5% соответственно⁷⁹.

Эффективное управление регионом, форсированный переход от сложных стадий, требовавших длительного временного цикла, достигнуто путем формирования команды с ориентацией на эффективного руководителя. Здесь очень четко проявились управленческие качества руководителя Чеченской Республики, Героя России Р. А. Кадырова. Во главу угла при отождествлении себя с понятием «Команда», ставится профессионализм человека вне зависимости от былых заслуг и регалий. Причем речь идет о профессионализме, формирующемся в условиях повседневных реалий, и здесь опытность

проявляется не по возрастному критерию, а по умению решать возникающие задачи быстро и качественно. Управленец должен быть мобильным, способным решить поставленную задачу. Интересы общества, ответственность перед обществом являются мерилом его компетентности при оценке профессионализма и востребованности. Именно поэтому в Чеченской Республике наблюдается высокая ротация аппарата государственных и муниципальных служащих. Только за период с 2000 по 2015 г. в министерстве Чеченской Республики по национальной политике, печати и информации сменилось 7 министров, такие количественные изменения имеют главную цель повышение эффективности работы. Идет постоянный поиск и внедрение эффективных управленцев на всех уровнях.

Эффективная политика руководства Чеченской Республики в области строительства, безопасности, создания благоприятной инфраструктуры повсеместно положительно влияет и на другие регионы (в первую очередь близлежащие к Чеченской Республике), способствуя внедрению если не чеченского аналога, то нечто схожего с «чеченским» опытом у себя в регионах. Здесь очень важно подчеркнуть очень значимый аспект этой здоровой конкуренции. Чеченская Республика в начале 2000-х гг. находилась в позиции даже несовместимой с аутсайдерской, её инфраструктура была разрушена на 90%. Следовательно, речь шла о возрождении с нулевого цикла, от законодательной базы до инфраструктуры, но не о модернизации, какую переживают сегодня другие регионы, что делает их положение изначально выгодным, чем состояние Чеченской Республики, в начале 2000-х гг. столкнувшейся в первую очередь с процессом «расчистки завалов» на всей своей территории.

Многое из того, что было успешно апробировано в Чеченской Республике, было также принято и в других регионах страны. Была объявлена беспощадная война теневому игорному бизнесу, в 2005 г. в Чечне «однорукие бандиты» были ликвидированы первыми среди других российских регионов. Следуя п. 4 ст. 35 Конституции Чеченской Республики, закрепляющей, что общепризнанные традиции и обычаи народов Чеченской Республики – уважение к старшему, женщине, людям различных религиозных убеждений, гостеприимство, милосердие – священны, охраняются Конституцией Чеченской Республики и законами республики, в регионе было запрещено похищение невест, приводившее к конфликтным ситуациям внутри чеченского общества. Это очень положительный опыт, который нуждается в апробации и в других регионах Северного Кавказа, которым свойственен полиюридизм. При этом, здесь будет уместен вывод, сделанный А. В. Малашенко: человек, который, занимая рутинный пост главы одного из 83 субъектов Федерации, попал в центр российской политики, не может не вызывать зависть⁸⁰.

Завершение войны в Чечне и восстановление её после военных событий решало не одну, а целую группу задач, от внутривластных до внешнеполитических: перестали гибнуть военнослужащие и милиционеры, откомандированные из регионов России, вместо них, защищая интересы своего народа и России, гибли сотни чеченских милиционеров; остановился поток внутренней миграции, когда спасавшиеся от войны граждане тысячами перемещались внутри страны; решение чеченской проблемы лишило страны Запада и Ближнего

75 См.: Безрукова Людмила. 10 млрд. 44 млн. рублей собрано в Чечне в федеральный бюджет. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.trud.ru/article/21-12-2006/197195_10_mlrld_44_mln_rublej_sobrano_v_chechne_v_federaln.html.

76 См.: Налоговые органы Чеченской Республики пополнили государственную казну на 6 млрд. рублей. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.chechnya.gov.ru/page.php?r=126&id=2697>.

77 УФНС России по Чеченской Республике обнародовало предварительные итоги по сборам налогов в 2008 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.grozny-inform.ru/main.mhtml?Part=9&PubID=10672>.

78 См.: Руководитель УФНС по ЧР отчитался Р. Кадырову о налоговых сборах за первый квартал 2010 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.chechnya.gov.ru/page.php?r=126&id=7469>.

79 См.: Чеченские налоговики увеличили сбор налогов на 13,3 процента. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.klerk.ru/inspection/229513/>.

80 Малашенко А. В. Рамзан Кадыров: российский политик кавказской национальности; Моск. Центр Карнеги. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. С. 120.

Востока возможности попрекать Россию и пытаться шантажировать нашу страну нарушением прав человека на международной арене. На практике направление одного крупного милицейского или войскового подразделения из других регионов страны означало, что они должны быть передислоцированы в регион со своей техникой, провиантом и вооружением, авиационным или железнодорожным транспортом. Это приводило к большим финансовым затратам для бюджета страны. С созданием чеченской милиции, помимо основных задач, в том числе решалась указанная обременительная задача. Ключевой боевой составляющей в Чеченской Республике при проведении специальных операций являются подразделения специального назначения. Современный чеченский спецназ – это подразделение специального назначения в системе МВД по ЧР, Министерства обороны Российской Федерации, в которое входят лучшие бойцы из всех подразделений республики. Свое мастерство и профессионализм, отточенные в реальных боевых операциях, они с успехом демонстрируют и в военно-спортивных состязаниях среди аналогичных специальных подразделений как в стране, так и за ее пределами. Выступление сборной команды России на королевском чемпионате мира среди силовых спецподразделений в 2015 г. в Иордании показало, что чеченские бойцы – лучшие в мире. Команда под руководством Д. Мартынова стала четырехкратным золотым призером, двукратным серебряным и трехкратным бронзовым призером чемпионата в различных состязаниях. В чемпионате принимали участие 43 команды из десятков стран мира, включая мировые державы. Соревнования проходили в Королевском Центре подготовки подразделений специального назначения (The King Abdullah II special operations training center)⁸¹. После победы «российского спецназа чеченского происхождения» перенимать опыт первыми в республику приехали коллеги из Казахстана.

В селении Центарой Курчалоевского района Чеченской Республики в июне 2014 г. был открыт многопрофильный учебно-тренировочный Центр СОБР «Терек» ГУ МВД РФ по СКФО. Современный учебный центр располагает казармой, полосой препятствий, спортивным и тренажерным залами, стрелковым тиром и другими объектами, необходимыми для подготовки спецназа. Ведется строительство Международного центра сил специального назначения под Гудермесом. В данном центре будут готовить подразделения специального назначения всех родов и видов войск, а также спецслужб Российской Федерации и других стран. Предполагается, что он будет единственным в России и одним из немногих в мире. В уникальном центре будет вестись подготовка спецназовцев для действий в лесной местности, на воде и воздухе, на земле и в условиях горного ландшафта⁸². Подобные центры в значительной степени способствуют профессиональному росту бойцов специального назначения, которые в учебных условиях смогут оттачивать навыки действий в той или иной местности. Многие бойцы чеченского спецназа являются чемпионами в различных видах единоборств. В условиях создающейся на базе Внутренних войск МВД РФ новой самостоятельной структуры Национальной гвардии данные подразделения должны значительно укрепить боевой потенциал будущей структуры.

В Чеченской Республике, впервые на постсоветском пространстве, по распоряжению Главы ЧР, Героя России Р. А. Кадырова были осуществлены меры, повысившие профессиональный имидж и статус работника ГИБДД (в том числе и внутри самих правоохранительных структур), что несвойственно для постсоветского общества в целом. Все автолюбители, в первую очередь сотрудники силовых ведомств в Чеченской Республике, обязаны неукоснительно соблюдать требования инспекторов ГИБДД МВД по ЧР по соблюдению правил дорожного движения, предъявлять к досмотру транспорт, служебные удостоверения, предписания. Одновременно было произведено оснащение данной службы самой современной автомобильной техникой (УАЗ «Патриот», Форд «Фокус», Тойота «Камри», Мерседес-Бенц Е-211, Е-212), позволяющей слаженно и эффективно выполнять служебно-боевые функции. Автопарк и техническое оснащение ГИБДД МВД ПО ЧР являются лучшими среди субъектов Российской Федерации. Для обеспечения указанных задач был сформирован специальный батальон «Грозный». В Чеченской Республике на всех уровнях формируется выработка соблюдения закона, ни в каждом регионе столь четко соблюдается правило применения ремня безопасности автолюбителями, отсутствие автомобилей с чрезмерно тонированными стеклами.

Религиозный фактор. Россия – многонациональная и многоконфессиональная страна. Правильное понимание этих характеристик позволит власти и обществу обезопасить себя от проникновений на территорию страны деструктивных элементов, не прекращающих попытки заполнить, с одной стороны, имевший место идеологический вакуум, с другой – навязать идеи, чуждые мусульманам страны. Открытием крупнейшей мечети в Грозном 2008 г. «Сердце Чечни», Российского исламского университета имени Кунта-Хаджи в столице Чеченской Республики, школ хафизов (учебных заведений для детей и подростков по изучению Корана) по республике, проведение регулярных международных научно-практических конференций, одна из последних – «Суфизм – безопасность для человека и стабильность в государстве», – есть еще одна важная составляющая в борьбе с лжеучениями и идеологиями в пространстве Российской Федерации. Строительством крупных мечетей в каждом городе и районном центре, восстановлением священных для чеченцев зияртов шейхов и эвлия, передачей на хранение реликвий пророка Мухамада (С.Л.В) был нанесен идеологический урон, который лишил возможности обвинять Чеченскую Республику и её власть в отсутствии должного отношения к религии со стороны экстремистов. Второй, более важный, момент этой работы заключается в получении глубоко образованных молодых специалистов в области теологии из числа представителей национальностей, проживающих в стране (не только чеченцев, но и из других субъектов России), получающих образование не через призму видимого и невидимого давления ближневосточных наставников за пределами своей Родины (большой и малой), а у себя в регионе. Следовательно, получать ответы и искать истину в глубоком просветительском смысле религии добра и мира ислама.

По классификации, введенной в научный оборот исследователем В. Ю. Гадаевым, об отношении к религиозной вере и научным знаниям, современную чеченскую молодежь ученый разделил на 4 типа: наличие веры, но отсутствие глубоких знаний; наличие знаний, но отсутствие глубокой веры; отсутствие глубоких знаний и отсутствие глубокой веры; наличие

81 См.: В чемпионате принимали участие 43 команды из десятков стран мира. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tass.ru/obschestvo/1927226>.

82 См.: В Чечне строят Международный центр сил специального назначения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://regnum.ru/news/polit/1894489.html>.

глубокой веры и наличие глубоких знаний⁸³. Именно с этим контингентом в Чеченской Республике проводилась и продолжает осуществляться колоссальная идеологическая и воспитательная работа. В условиях, когда силы международного терроризма и экстремизма перешли к тактике использования живых бомб, важным компонентом активного противодействия этому явлению является работа, проводимая кадиями районов с молодым поколением. Во главу угла ставится разъяснение того, что ислам запрещает самоубийство. Кроме того, сама природа самоубийц-смертников не является к тому же исламским нововведением. Террористические акты, совершаемые самоубийцами, стали широко известны благодаря движению zelotov, боровшихся против римского владычества (в период иудейской войны 66–73 гг. н.э.). В XI–XIII вв. акты террора совершали исмаилиты Ирана, известные как ассасины, русские народники, камикадзе-японцы, члены националистических движений в Индии, Шри-Ланке и т.д.⁸⁴. Следовательно, здесь важно установить мотивацию и провести контраргументацию, в первую очередь, с помощью самой религии.

Руководство Чеченской Республики с открытым забралом защищало мусульман от циничных нападков как внутри страны, так и извне, реагируя массовой и беспрецедентной акцией на кощунственные карикатуры французского издания «Шарли Эбдо», защищало интересы многомиллионной уммы верующих в стране. Акцентированное внимание к развитию суфизма есть выстраивание жесткого заслона на пути международного терроризма и экстремизма. Вывод, сделанный на одной из научно-практических конференций председателем Совета улемов Чеченской Республики Х.-А.-Х. Кадыровым о том, что «суфизм помог нам выдворить из нашей республики экстремизм, радикализм и опровергнуть обвинение в неправомерности исповедования религии. Суфизм стал знаменем свободы, знаменем победы, знаменем справедливости⁸⁵» – есть идеологическое ядро противодействия ИГ (Иблисскому (дьявольскому) государству – так расшифровывает эту аббревиатуру Р. Кадыров). Вот почему Чеченская Республика с первых дней возрождения (А. А. Кадыров) и перехода к развитию (Р. А. Кадыров) делает перманентный акцент на истинное религиозное обучение и воспитание в Северо-Кавказском регионе.

Столица Чеченской Республики г. Грозный, по аналогии с северной столицей России, городом Санкт-Петербург, стала своеобразной «южной мусульманской столицей» России. И это стратегически правильная реализация национальной политики нашего государства. Представляется, что для этого необходимо в дальнейшем развивать созданный в республике потенциал, а именно, нам видится необходимость строительства крупнейшей исламской библиотеки и академии ислама именно в Грозном, поскольку научно-образовательная составляющая данного вопроса должна находиться в постоянном развитии. Важное значение имеют результаты научно-практических конференций, в результате которых принимаются фетвы о запрете любых противоправных действий, об отсутствии жестокости и нетерпимости в исламе. В регионе уделяется пристальное внимание и другим религиозным верованиям. Фактически заново был построен храм Архангела Михаила в

столице Чеченской Республики, а также храм Рождества Христова в станице Наурской на историческом месте, где в 1937 году стояла деревянная церковь, территории христианских кладбищ ухожены.

Чеченская Республика, сама долгое время являвшаяся своеобразной мишенью на международной арене, «перманентным упреком» России со стороны Запада и Востока, в конце первого десятилетия XXI в. стала не просто главным оплотом и форпостом российской государственности, но и, выступая составной частью многонационального государства, является заметным участником внешнеполитической деятельности. Вряд ли исследователи и рядовые граждане страны в 90-е годы XX столетия могли бы предположить, что в XXI в. именно Чеченская Республика станет центром противодействия экстремизму и терроризму не только на оперативных просторах, узких горных тропах, городских кварталах региона, но и на международной политической арене – освобождая заложников из числа российских граждан в Украине (освобождение 25 мая 2014 г. телеоператора Марата Сайченко и журналиста Олега Сидякина), в Ливии (12 октября 2015 г. освобождение членов экипажа российского танкера «Механик Чеботарев»), проводя чрезвычайно важные для страны мероприятия международного значения. Среди них необходимо выделить следующие.

18 января 2004 г. Президент Чеченской Республики А. А. Кадыров в Эр-Рияде (Саудовская Аравия) встретился с королем Саудовской Аравии Абдаллой. Нелишним будет отметить, что чеченский лидер, наряду с внешней политикой, придавал особое значение восстановлению уз дружбы и добрососедства с близлежащими регионами. В первую очередь были восстановлены братские отношения с Дагестаном, налажено сотрудничество с Татарстаном, Ставрополем.

2 ноября 2008 г. во время визита ливийского лидера Каддафи в Москву он встретился с президентом Чеченской Республики Рамзаном Кадыровым. Это был первый визит с 1985 г. в Россию. «В ходе встречи лидер ливийской революции подчеркнул правильность и значимость курса руководства Чеченской Республики, направленный на мирную и созидательную жизнь в составе Российской Федерации, определенный в свое время еще первым президентом ЧР Ахмадом Кадыровым. В этой связи ливийский руководитель отметил, что быть в составе РФ в интересах, прежде всего, самой Чеченской Республики и это абсолютно верно и правильно понял и определил первый президент ЧР. Каддафи напомнил, что Ахмад Кадыров входил в генсовет Всемирной Исламской Организации «Созыв», и «теперь это место по праву занимает его сын, который продолжил дело отца и делает на этом пути значительные успехи»⁸⁶.

21 декабря 2008 г. г. Грозный посетил с визитом глава Палестинской национальной автономии Махмуд Аббас. Его визит напрямую связан с успехами чеченского народа с международным терроризмом.

23 апреля 2014 г. в г. Грозный под председательством Секретаря Совета Безопасности Российской Федерации Н. П. Патрушева состоялось выездное заседание Комитета секретарей советов безопасности государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности. Результатом стало подписание документов, касающихся вопросов развития системы коллективного реагирования государств-членов Организации

83 См.: Гадаев В. Ю. Молодое поколение Чеченской Республики: проблемы духовного развития. Грозный, 2011. С. 19.

84 См.: Наумкин В. В. Исламский радикализм в зеркале новых концепций и подходов / Восток. 2006. № 1. С. 12.

85 Выступление Хож-Ахмад-Хаджи Кадырова. Суфизм – безопасность для человека и стабильность в государстве. Материалы международной конференции. Грозный, 2014. С. 28.

86 См.: Кадыров встретился в Москве с Каддафи и пригласил его в Чечню. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.newsru.com/russia/02nov2008/ramzan.html>.

Договора о коллективной безопасности на чрезвычайные ситуации, взаимодействия по противодействию преступной деятельности в информационной сфере, совместных мероприятий оперативной и боевой подготовки органов управления и формирований сил и средств системы коллективной безопасности⁸⁷.

19 июня 2014 г. Король Иордании Абдалла II прибыл в Грозный для встречи с Главой Чеченской Республики, Героем России Р. А. Кадыровым. Во время поездки он посетил подразделение специального назначения МВД по Чеченской Республике, имеющие опыт борьбы с международным терроризмом.

5 октября 2015 г. первый вице-президент Афганистана, генерал Абдул Рашид Дустум в Грозном встретился с главой Чеченской Республики Р. А. Кадыровым. Дустум отметил, что у Чеченской Республики есть реальный опыт борьбы с терроризмом⁸⁸.

15 октября 2015 г. в Грозном состоялась встреча между главой Чеченской Республики Рамзаном Кадыровым и премьер-министром Ливии Халифом Аль-Аввелем. Особое внимание было уделено вопросу урегулирования ситуации вокруг экипажа танкера «Механик Чеботарев»⁸⁹.

В научном исследовании А. А. Кадырова⁹⁰ в свое время были сделаны глубокие выводы и предложения по нормализации ситуации в регионе. Анализ данной работы на современном этапе приводит современных исследователей к выводу, что многое из изложенного им в заключении данной работы нашло практическое применение в 2003–2015 гг. Главной задачей в урегулировании конфликта А. А. Кадырову виделся перевод ситуации из внеправовой (незаконной) в правовую (законную). Предполагалось создание реального механизма функционирования Конституции РФ в Чеченской Республике. Вывод о том, что чеченский социум неизбежно обретет свою структуру, когда будет выстроена вертикаль законной власти с её институтами и атрибутикой и начнутся процессы восстановления её экономики на основе новых политических и экономических отношений, является примером точного прогнозирования ситуации⁹¹. На наш взгляд, заслуживает особого внимания глубокий по своему значению и предвидению развития ситуации в мире вывод исследователя А. А. Кадырова, нашедшего свое подтверждение в свете событий на международной политической арене в 2008–2015 гг.: противостояние России и Чечни никогда не возобновится, если будет укреплена Российская государственность, а сама Россия станет политически и экономически независимой страной, вернет себе утраченный статус великой державы⁹².

87 Ситуацию в регионе коллективной безопасности обсудили в Грозном на выездном заседании Комитета секретарей советов безопасности государств-членов ОДКБ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.odkb-csto.org/news/detail.php?ELEMENT_ID=3345&SECTION_ID=91.

88 См.: Р. Кадыров и генерал Дустум в Грозном обсудили вопросы противодействия ИГ. Режим доступа: <http://www.chechnya.gov.ru/page.php?r=126&id=17130>.

89 Российские моряки смогут вернуться домой в ближайшее время. Кадыров достиг договоренности по освобождению моряков в Ливии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/593301>.

90 Кадыров А. А. Российско-чеченский генезис, сущность, пути решения. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2003. С. 138–141.

91 См.: Кадыров А. А. Российско-чеченский генезис, сущность, пути решения. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2003. С. 139.

92 Там же. С. 41.

Чеченская Республика на современном этапе играет важную внутри- и внешнеполитическую роль в развитии современной российской государственности. Без всякого преувеличения можно констатировать, что вклад чеченского народа, равно и других народов России, в этом вопросе весомый. В конце XX столетия у чеченского народа был прекрасный исторический шанс выстроить благоприятные отношения между республикой и центром, которые могли сформироваться ввиду интеграции представителей чеченского народа в высшую политическую элиту страны. В 1990 г. народные депутаты РСФСР первым заместителем Председателя Верховного Совета РСФСР избрали чеченца Р. И. Хасбулатова, а А. А. Аслаханова – членом Президиума российского парламента и председателем одного из его профильных комитетов. В 1991 г. союзное министерство химической и нефтехимической промышленности возглавил чеченец С. Н. Хаджиев – доктор химических наук, профессор⁹³. Однако этот потенциал был в скором времени утрачен в ходе событий 1991–1995 гг. Другой исторический шанс чеченский народ получил, пройдя через трагедию двух военных кампаний, спустя 10 лет, в 2000 г., когда федеральный центр назначил руководителем республики в сложных условиях военного времени А. А. Кадырова. Деятельность на этом посту по заслугам оценил чеченский народ, свободным волеизъявлением избравший его президентом. Именно эти созидательные процессы положили начало интеграции в российскую политику нового поколения чеченских политиков – Р. А. Кадырова, А. С. Делимханова, ныне покойного первого Председателя Парламента Чеченской Республики Д. Б. Абдурахманова. Их роль и значение для Российской Федерации вышли далеко за рамки региональных политиков.

По мнению авторитетного отечественного исследователя А. В. Малашенко: критерием успеха в политике является исключительная дееспособность, возможность решать любые вопросы, помимо закона, используя любые методы управления и даже не пользуясь симпатиями большинства общества⁹⁴. Бесспорно в первой части своего вывода А. В. Малашенко прав, но при этом позволим не согласиться с конечной формулировкой относительно чеченского лидера. Чеченское общество, в котором у Р. А. Кадырова наблюдается непоколебимый авторитет, является так же составной частью всего российско-го социума и здесь обратимся к современной политической действительности. Она показывает, что высокий авторитет Р.А. Кадырова среди российской общественности достигнут в силу его исключительной политической активности, твердости гражданской позиции, практического патриотизма, проявленного в судьбоносные для страны дни: воссоединения Крыма с Россией, решения «сирийского вопроса», отношением к «турецкому удару в спину», готовностью в любой момент встать на защиту России и её граждан.

В федеральной системе исполнительных органов на современном этапе работают чеченцы, прошедшие сложную, но эффективную школу «чеченского возрождения»: Э. А. Исаев – заместитель руководителя Федеральной службы финансово-бюджетного надзора, А. А. Музаев – заместитель руководителя

93 Сайдумов Д. Х. Государственно-правовое развитие Чечни в конце XX – начале XXI вв.: историко-правовой взгляд на вопросы прошлого и настоящего. Национально-государственное строительство в Чечне: история и современность. Материалы региональной научной конференции, посвященной 90-летию автономии Чечни. Грозный, 30 ноября – 1 декабря 2012 г. С. 339.

94 См.: Малашенко А. В. Рамзан Кадыров: российский политик кавказской национальности; Моск. Центр Карнеги. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. С. 53.

Рособрнадзора, И. С. Вазарханов, с 2013 по 2015 г. работавший в должности начальника Административно-контрольного управления Росфиннадзора.

28 апреля 2016 г. во время проведения второй туристической выставки «Визит Чечня» в архитектурно-этнографическом музее «Шира Бена-Юрт» на окраине села Беной Ножай-Юртовского района Чеченской Республике глава Ростуризма О. Сафонов отметил абсолютную безопасность и дружелюбность региона⁹⁵. Данный вывод мы приводим целенаправленно, так как туризм – это та объективная сфера индикации истинного положения ситуации в том или ином регионе земного шара, начиная в первую очередь от вопросов безопасности и заканчивая социальным интересом. Только за 2015 г. количество туристов, которые приехали в Чечню, увеличилось на 50%, достигнув уровня в 70 тысяч человек⁹⁶.

В контексте подготовки странами членами ООН национальных стратегий в области противодействия терроризму министерство иностранных дел Российской Федерации в лице официального лица российского дипломатического ведомства директора департамента по вопросам новых вызовов и угроз Ильи Рогачева в 2016 г. официально озвучило вывод о том, что «дерадикализация Северного Кавказа является единственным в мировой практике примером успешной борьбы с экстремизмом». Другого такого примера в мире нет. Дипломат конкретизировал, что этим примером является Чечня⁹⁷. В заявлении Рогачева очень четко отмечена особенность региона в части использования элементов традиционного воздействия. В России в борьбе с терроризмом, экстремизмом и злоупотреблением наркотиками, а также в предотвращении преступности основную роль играют «традиционные конфессии, традиционные религиозные общины»⁹⁸. Здесь необходимо раскрыть то, что под общей формулировкой «традиционализма» имел в виду официальный представитель министерства иностранных дел Российской Федерации. Так, говоря о «сложности устройства чеченского общества» издано много различных аналитических работ, где, к сожалению, преваляло ошибочное мнение о якобы «тайповой» раздробленности чеченцев, сложной виртовой (религиозной) сегментации. И как вывод предрекался «афганский вариант» развития событий. Но эти мнения были глубоко ошибочными ввиду незнания предмета исследования изнутри.

Чеченцы – единый народ, сама республика к 2000 г., будучи полностью мононациональной (несмотря на то, что в Чеченской Республике имеются районы компактного проживания кумыков в Гудермесском и Грозненско-сельском районе, аварцев в Шаройском районе, казаков в Шелковском и Наурском районе) едина и неделима на вариации «север» и «юг», «горную» или «равнинную». Это первое доминирующее отличие Чечни от многонационального Афганистана. Второе, чеченское общество – сложный традиционный организм, но он един, взаимосвязан, глубоко патриотичен. Своеобразие менталитета, проявляющееся, в том числе, в отдельных бытовых стычках чеченцев с марокканцами, алжирцами, афганцами в

европейских странах говорит о том, что для чеченцев принцип «чеченскости», единения в период опасности берет вверх над всеми иными. Именно поэтому, несмотря на политические и религиозные противоречия, чеченский социум обладает как видимой, так и латентной связью всех членов, являющихся частью одного народа нохчи. Можно на какой-то промежуток времени противопоставить одних другим, можно даже привести их к явной конфронтации, но не стоит забывать о существующем и развитом в Чечне институте маслаат (примирение), который приведет к миру и единению во имя общей идеи. Что и было сделано в Чечне в очень сложный отрезок времени. И инициатором этого единения стал первый Президент Чеченской Республики, Герой России А. А. Кадыров.

По нашему мнению, национальное примирение началось 6 сентября 2002 г., когда был подписан Указ Первого Президента Чеченской Республики, Героя России А. А. Кадырова о Дне гражданского согласия и примирения. Дата выбрана неслучайно – 6 сентября с начала 1990-х гг. в Чеченской Республике праздновался как День независимости и использовался сторонниками Ичкерии как элемент противопоставления себя другим. Значение данного указа для историко-правовой науки чрезвычайно велико, поскольку здесь проявился антипод политики «разделяй и властвуй» главный постулат чеченского общества «мы единый и неделимый народ!».

В основе укрепления согласия нам видится: процесс амнистирования; единение между всеми вирдами (мусульманскими братствами традиционного ислама), отказ от религиозной раздробленности как таковой в любых ее проявлениях, идеологическое объединение в единой борьбе против сил международного терроризма и экстремизма. Выстраивание структурной системы ответственности поселковых, районных, городских кадиев по работе с местным населением, проживающим в конкретной территориальной зоне, персонифицированное закрепление молодого контингента за сельскими кадиями для проведения воспитательных мероприятий посредством убеждения; обычно-правовое воздействие посредством применения симбиоза адатско-шариатских норм, осуществляемое по схеме власть – общество, использование приемов порицания и наказания за негативные деяния родственников виновных; важным элементом является идеологическая работа, проводимая местными мусульманскими алимами по раскрытию коварных помыслов экстремистов, прикрывающихся религиозными лозунгами, не имеющими никакого отношения к религии добра и мира – исламу. Это появление передач на республиканском телевидении, создание ТРК «Путь», издательская деятельность, работа в социальных сетях, готовность к диспутам. По настоящему эффективным в борьбе с международным терроризмом показала себя чеченская традиционная правовая культура, сформированная на адатах, авторитете старшего в роду, коллективной ответственности.

Выстраивание композиции подчинения решению старшего, основанного на его авторитете, приводит к успешным результатам, когда молодые люди, вступившие на преступный путь, находят осуждение и порицание. Это заставляет, во-первых, усиливать контроль родственниками за молодыми людьми, потенциально находящимися в группе риска, от 14 до 35 лет; во-вторых, у самих молодых людей вырабатывается чувство повышенной ответственности за свои действия. С 2006 г. значительно сократилось участие чеченцев в негативных проявлениях за пределами Чеченской Республики. Здесь применяются, помимо адатских мер воздействия, и шариат-

95 См.: Лебедева А. Глава Ростуризма: Чечня – абсолютно безопасное и комфортное для туристов место отдыха. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tass.ru/obschestvo/3248233>.

96 Ростуризм признал Чечню безопасной и пообещал 100 тыс. туристов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru24.su/>.

97 См.: Зеленый О. МИД РФ: Северный Кавказ – единственный пример успешной борьбы с экстремизмом. Режим доступа: <http://tass.ru/politika/3235909>.

98 Там же.

ские, когда на пятничной молитве порицанию подвергаются конкретные виновники и ответственные за них родственники. Данная практика в силу своей эффективности, как нам представляется, должна развиваться и дальше. К примеру, получает человек водительское удостоверение, поступает в высшее учебное заведение или трудоустраивается, он на добровольных началах может быть приведен к клятве (тоьшалла) о соблюдении светского и религиозного закона не нарушать права других людей.

Чеченский опыт урегулирования в настоящее время апробируется в т.ч. и на международной политической арене, в Сирийской Арабской Республике. В качестве примера приведем процедуру подписания соглашений об установлении зон мира и безопасности между населенными пунктами и силами правительственной армии Сирии, с участием духовенства, сил международного контроля, старейшин. Это форма конкретной результативной дипломатии российской модели, ставшая неожиданной для западных партнеров, которая, в отличие от западного варианта урегулирования сирийского конфликта по формуле «плана без плана», дает сегодня реальные результаты.

Чеченский антитерроризм – военно-политическое и социально-экономическое народное движение, возникшее в начале XXI в. в Чеченской Республике, вобравшее в себя множество элементов традиционного уклада чеченского народа, стало ключевым фактором уничтожения сил международного терроризма и экстремизма в регионе, угрожавших уничтожить национальную идентичность чеченского народа с последующим его истреблением как этноса, развалить Российскую Федерацию. Это явление, способствовавшее возрождению Чеченской Республики и её дальнейшему эффективному социально-экономическому развитию и процветанию. Его отличительными чертами выступают вера во Всевышнего Аллаха и надежда на его помощь в борьбе с силами зла, национальный патриотизм, основанный на традиционном институте «Нохчалла» («Чеченскость»), святость и незыблемость национальных устоев и традиций, милосердие к нуждающимся в помощи. Источником и правообладателем данного явления является чеченский народ.

Чеченцы отличались своим воинским мастерством, отвагой и героизмом, проявляемыми ими с древнейших времен при защите своего Даймохка (Земли отцов), интересов государства российского на фронтах Первой мировой войны в составе славной «Дикой дивизии», единой страны Советов на фронтах Великой Отечественной войны. Сама Чечня с её нефтью была одним из 2 основных «доноров» горюче-смазочных материалов для авиационной и другой техники для всей нашей армии. И поэтому, даже не приводя других беспрецедентных примеров, как подвиги Героев Советского Союза пулеметчика Ханпаши Нурадилова, кавалериста Мовлади Висаитова, первым встретившегося на Эльбе с союзниками, десятках и сотнях других личностях, можно констатировать бесспорный вклад чеченского народа в защиту государственности нашей страны. Как показала практика последних 15 лет XXI в. к этим качествам добавились так же и другие, очень важные в современном развивающемся мире созидательные тренды, выраженные в стремлении совершенствоваться в различных отраслях мирного бытия. Этот потенциал нуждается в перманентном развитии. Очень важной видится работа по постоянному формированию национального кадрового состава последующих поколений, которые будут так же эффектив-

но интегрированы в высшие эшелоны многонационального и многоконфессионального российского государства.

Пристатейный библиографический список

1. Абдурахманов Д. Б. 23 марта 2003 года – принятие Конституции ЧР и начало конституционного процесса на территории Чеченской Республики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mvdchr.ru/rus/chechennews/856.html>.
2. Административная практика Российской империи на Центральном Кавказе с конца XVIII в. до 1870 г. (на материале Осетии): Сборник документов. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012.
3. Алханов Р. Ш. Деятельность органов государственной власти Чеченской Республики по предупреждению преступлений. Основные направления совершенствования системы предупреждения преступлений в Северо-Кавказском регионе. М., 2009.
4. Алханов Р. Ш. Предисловие. Криминальная ситуация и тенденции её развития в Чеченской республике / Под общей редакцией доктора юридических наук, профессора С. И. Гирько. М., 2009.
5. Бахмадов Б. Д. Конституция ЧР – завершение становления института высшего должностного лица Чеченской Республики // Материалы республиканской научно-практической конференции «Конституция основной закон Чеченской Республики». Грозный, 2008.
6. Безрукова Людмила. 10 млрд. 44 млн. рублей собрано в Чечне в федеральный бюджет. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.trud.ru/article/21-12-2006/197195_10_mlrld_44_mln_rublej_sobrano_v_chedne_v_federaln.html.
7. Бобырев С. В. Об организации совместной деятельности субъектов системы профилактики правонарушений в Чеченской Республике. Основные направления совершенствования системы предупреждения преступлений в Северо-Кавказском регионе. М., 2009.
8. Брычев В. Г., Гук А. И. Россия и Северо-Кавказский регион (Чечня): история и современность. М., 2000.
9. В чемпионате принимали участие 43 команды из десятков стран мира. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tass.ru/obschestvo/1927226>.
10. В Чеченской Республике уровень регистрируемой безработицы снизился до 15,3 процента. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.chechnya.gov.ru/page.php?r=126&id=16636>.
11. В Чечне строят Международный центр сил специального назначения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://regnum.ru/news/polit/1894489.htm>.
12. Вахит Усмаев – Герой России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://chechnyatoday.com/content/view/9222>.
13. Вернидуб А. Ястржембский размножает боевиков. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gazeta.ru/2001/11/01/astzrembskij.shtml>.
14. Воробьев И., Киселев В. Контртеррористическая операция: анализ, уроки и выводы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://observer.materik.ru/observer/N02_00/02_16.HTM.

15. Выступление Хож-Ахмад-Хаджи Кадырова. Суфизм – безопасность для человека и стабильность в государстве. Материалы международной конференции. Грозный, 2014. С. 28.
16. Гадаев В. Ю. Молодое поколение Чеченской Республики: проблемы духовного развития. Грозный, 2011.
17. Гакаев Х. А. Роль А.-Х. Кадырова в стабилизации военно-политической ситуации в Чечне. От беззакония и хаоса к порядку и закону (об исторической роли Ахмат-Хаджи Кадырова в новейшей истории Чеченской Республики). Материалы региональной научно-практической конференции. Грозный, 10 июня 2010 г.
18. Гапуров Ш. А. Конституционные процессы и восстановление научного потенциала Чеченской Республики. Материалы республиканской научно-практической конференции «Конституция основной закон Чеченской Республики». Грозный, 2008.
19. Доклад начальника штаба МВД по ЧР М-Э. У. Джамалдаева на совместном заседании оперативного совещания ВОГОиПМВД России и коллегии МВД по ЧР за I квартал 2013 г. (23/04/2013). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://95.mvd.ru/document/1080077>.
20. Емельянова С. Рашид Нургадиев: самыми боеспособными являются подразделения МВД Чечни. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/2011/07/25/reg-kuban/mvd-anons.html>.
21. Жириновский В. В. Война как фактор русской истории. М.: Издание Либерально-демократической партии России, 1999. 104 с.
22. Заявление в связи с нарушением прав человека в ходе контртеррористической операции в Северо-Кавказском регионе Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24066>.
23. Зеленин О. МИД РФ: Северный Кавказ – единственный пример успешной борьбы с экстремизмом. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tass.ru/politika/3235909>.
24. Ибаева М. Проблема похищения людей в Чечне под особым контролем. События. Факты. Мнения. Комментарии. Проблемы. Криминальная хроника. № 9 (сентябрь, 2006). Грозный-информ.
25. Источник. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ngrz.ru/politics/medvedev_v_chechne_vozmozhno_provesti_forum_po_borbe_s_terrorizmom/.
26. Источник. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sta-sta.ru/?p=10430>.
27. Источник. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sovbezchr.ru/.../Методическое%20пособие%20о%20деятельности%>.
28. Итоги контртеррористической операции в Чечне. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/1156661>.
29. Кадыров А. А. Выбор пути. Вахабизм как разновидность фашизма. Б/г.
30. Кадыров А. А. Российско-чеченский генезис, сущность, пути решения. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2003.
31. Кадыров встретился в Москве с Каддафи и пригласил его в Чечню. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.newsru.com/russia/02nov2008/ramzan.html>.
32. Кадыров прокомментировал спецоперацию ПМСН им. А. Кадырова по уничтожению бандгруппы в Ножай-Юртовском районе. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.chechnya.gov.ru/page.php?r=126&id=1219>.
33. Кадыров Р. Отмена режима контртеррористической операции будет содействовать экономическому росту Чеченской Республики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://chechnya.gov.ru/page.php?r=126&id=5163>.
34. Каким регионам достается больше всего из бюджета. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/519741>.
35. Kamov Ka-50 “Black Shark” in action. Новости 2001 года. Боевые вылеты вертолетов Ка-50 «Чёрная акула» в Чечне. Репортаж НТВ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=Zy4IKDdbUG4>.
36. Кашников Б. Н. Чеченский терроризм. Взлет и падение. Работа выполнена при поддержке индивидуального исследовательского гранта 2007 г. Научного Фонда ГУ-ВШЭ (№07-01-84). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source>.
37. Криминальная ситуация и тенденции её развития в Чеченской республике / Под общей редакцией доктора юридических наук, профессора С.И. Гирько. М., 2009.
38. Лебедева А. Глава Ростуризма: Чечня – абсолютно безопасное и комфортное для туристов место отдыха. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tass.ru/obschestvo/3248233>.
39. Малашенко А. В. Рамзан Кадыров: российский политик кавказской национальности; Моск. Центр Карнеги. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009.
40. Мальчика могли спасти, если бы сразу оценили его подвиг... [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.stav.kp.ru/daily/22602/11179/>. Дата обращения: 15.04.2016.
41. Манкиев А. А. Борьба А. А. Кадырова против терроризма и экстремизма. Труды КНИИ РАН №5. Грозный: КНИИ РАН, 2012.
42. Манкиев А. А. Кадыров об идеологии и политических целях вахабитов. От беззакония и хаоса к порядку и закону (об исторической роли Ахмат-Хаджи Кадырова в новейшей истории Чеченской Республики). Материалы региональной научно-практической конференции. Грозный, 10 июня 2010 г.
43. Младенов А. О вертолете Ка-52 «Аллигатор». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://periscope2.ru/2012/05/17/5941/>.
44. Наемника из Алжира Бурахли Камело приговорен к двадцати годам лишения свободы. События. Факты. Мнения. Комментарии. Проблемы. Криминальная хроника. №9 (май, 2006). Грозный-информ.
45. Налоговые органы Чеченской Республики пополнили государственную казну на 6 млрд. рублей. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.chechnya.gov.ru/page.php?r=126&id=2697>.
46. Наумкин В. В. Исламский радикализм в зеркале новых концепций и подходов / Восток. 2006. № 1.

47. Наша история. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://95.mvd.ru/press/Kontakti/history>.
48. Наши герои. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://95.mvd.ru/gumvd/heroes>.
49. Обращение Председателя Национального антитеррористического комитета Директора ФСБ Российской Федерации Н. П. Патрушева. Под гарантии государства. Сборник официальных документов. Грозный, 2006.
50. Обращение Президента Чеченской Республики Р. А. Кадырова к народу в связи с отменой режима контртеррористической операции. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://chechnya.gov.ru/page.php?r=126&id=5173>.
51. Осмаев А. Д., Мукаева Т. Ш., Котиева Л. Р., Сугаипова А. М. Роль А.-Х. Кадырова в становление российской модели государственности в Чеченской Республике. От беззакония и хаоса к порядку и закону (Об исторической роли Ахмат-Хаджи Кадырова в новейшей истории Чеченской Республики. Материалы региональной научно-практической конференции. Грозный, 10 июня 2010г.).
52. Отчет министра внутренних дел по Чеченской Республике генерал-лейтенанта полиции Р. Ш. Алханова. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://95.mvd.ru/document/1075580>.
53. Парламенту Чеченской Республики – 5 лет. Грозный, 2012.
54. Патрушев Н. Выразил благодарность руководству республики за организацию форума. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://chechnyatoday.com>.
55. Первые местные выборы в Чечне после распада СССР. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inotvrt.com/2009-10-12/Pervie-mestnie-vibori-v-Chechne>.
56. Полку ППСП им. Героя России А.А. Кадырова исполнилось 10 лет. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://95.mvd.ru/news/item/2322607/>.
57. Р. Кадыров и генерал Дустум в Грозном обсудили вопросы противодействия ИГ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.chechnya.gov.ru/page.php?r=126&id=17130>.
58. Разъяснения участникам незаконных вооруженных формирований, явившихся с повинной. Под гарантии государства. Сборник официальных документов. Грозный, 2006.
59. Режим контртеррористической операции в Чеченской Республике отменен. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://chechnya.gov.ru/page.php?r=126&id=5162>.
60. Решиев С. С. Постконфликтное развитие Чеченской Республики и международный опыт. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 10-летию Дня республики. Грозный, 3–4 сентября 2012 г.
61. Российские моряки смогут вернуться домой в ближайшее время. Кадыров достиг договоренности по освобождению моряков в Ливии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/593301>.
62. Ростуризм признал Чечню безопасной и пообещал 100 тыс. туристов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru24.su/>.
63. Руководитель УФНС по ЧР отчитался Р. Кадырову о налоговых сборах за первый квартал 2010 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.chechnya.gov.ru/page.php?r=126&id=7469>.
64. Сайдумов Д. Х. Государственно-правовое развитие Чечни в конце XX – начале XXI вв.: историко-правовой взгляд на вопросы прошлого и настоящего. Национально-государственное строительство в Чечне: история и современность. Материалы региональной научной конференции, посвященной 90-летию автономии Чечни. Грозный, 30 ноября – 1 декабря 2012 г.
65. Ситуацию в регионе коллективной безопасности обсудили в Грозном на выездном заседании Комитета секретарей советов безопасности государств-членов ОДКБ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.odkb-csto.org/news/detail.php?ELEMENT_ID=3345&SECTION_ID=91.
66. Совершение террористических актов Криминальная ситуация и тенденции её развития в Чеченской Республике / Под общей редакцией доктора юридических наук, профессора С. И. Гирько. М., 2009. Рис. 7.
67. Социально-экономическая политика Рамзана Кадырова. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sta-sta.ru/?p=10430>.
68. Тишков В. А. Общество в вооруженном конфликте: Этнография чеченской войны. М., 2001.
69. УФНС России по Чеченской Республике обнародовало предварительные итоги по сборам налогов в 2008 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.grozny-inform.ru/main.mhtml?Part=9&PubID=10672>.
70. Хамидов З. Контрактник Зинчук приговорен к семи годам лишения свободы. События. Факты. Мнения. Комментарии. Проблемы. Криминальная хроника. №9 (май, 2006). Грозный-информ.
71. Хамидов З. Суд идет. Военного преступника не спасет фамилия жены, за которой он прятался. Проблема похищения людей в Чечне под особым контролем. События. Факты. Мнения. Комментарии. Проблемы. Криминальная хроника. №9 (май, 2006). Грозный-информ.
72. Чеченские налоговики увеличили сбор налогов на 13,3 процента. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.klerk.ru/inspection/229513/>.
73. Чеченцы России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://che.rus4all.ru/city_msk/20140408/725051468.htm.
74. Электоральный паспорт Чеченской Республики. Грозный. Б/г.
75. Tishkov V. Chechnya: Life in a War-Torn Society. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 2004.

ГРИГОРЬЕВА Мария Александровна

старший преподаватель кафедры административного и финансового права Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова

ПРЕПОДАВАНИЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В РАМКАХ СИСТЕМЫ CLIL (CONTENT AND LANGUAGE INTEGRATED LEARNING). НА ПРИМЕРЕ КУРСА «ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ УПРАВЛЕНИЯ»

В статье раскрываются проблемы, связанные с внедрением и применением прогрессивных методических разработок в области преподавания профильных юридических дисциплин на иностранном языке.

Ключевые слова: высшее образование, система CLIL, правовые основы управления, иностранный язык, юридические дисциплины

GRIGORJEVA Mariya Alexandrovna

senior lecturer of Administrative and Financial Law sub-faculty of the G. V. Plekhanov Russian University of Economics.

TEACHING OF LEGAL SUBJECTS USING THE CLIL SYSTEM (CONTENT AND LANGUAGE INTEGRATED LEARNING). ON THE EXAMPLE OF A COURSE "LEGAL BASIS OF MANAGEMENT"

The article reveals the problems associated with the introduction and use of innovative methods in teaching core legal disciplines in a foreign language.

Keywords: higher education, CLIL system, the legal bases of management, foreign languages, legal discipline

Григорьева М. А.

Методическая система CLIL (Content and language integrated learning или в русском варианте – Предметно-языковое интегрированное обучение) первоначально определялась как педагогический подход двойного назначения – предполагалось интегрированное изучение второго (иностранного) языка совместно с изучением какого-либо профильного предмета. Основными целями было: привлечение иностранных студентов и инициирование студенческого обмена на международном уровне, расширение возможностей выпускников при трудоустройстве (их конкурентоспособность), развитие сотрудничества в социально-культурной сфере.

Считается, что CLIL помогает не только улучшить языковые знания и навыки, но и способствует расширению культурного кругозора и когнитивных способностей.

Было много написано о преимуществах методики CLIL в системе среднего образования, но вот использование ее в вузах пока мало распространено.

Не смотря на то, что метод далеко не нов (разработан в 1994 году Дэвидом Маршем)¹, в нашей стране он не получил распространения даже в средней школе, не говоря уже о высших учебных заведениях. Между тем, новые реалии уже давно требуют существенных изменений в подходах к использованию иностранного языка в образовательных технологиях.

В Европе, следуя рекомендациям Европейского Союза о развитии плюрилингвализма, многие университеты всерьез взялись за разработку программ CLIL² и решили допускать к

участию в них студентов, языковой уровень которых не ниже B1 (согласно CEFR)³.

Однако во многих случаях там столкнулись с не очень высоким уровнем знания языка у большинства студентов. Для нас данная проблема также не является чуждой, что свидетельствует о недостатках преподавания иностранного языка на предыдущих образовательных ступенях.

Еще одна проблема, с которой приходится сталкиваться иностранным вузам и тем немногим российским университетам, интегрирующим систему CLIL – это явная нехватка педагогических кадров, квалифицированных лекторов, готовых преподавать профильные дисциплины (экономику, право и т.д.) на английском языке. Общеизвестно, что эти преподаватели должны иметь языковой уровень не ниже С 1, но найти таковых в данный момент совсем непросто.⁴ Однако даже если таковые находятся, проведенные опросы показывают, что они планируют просто переводить на английский все материалы, которые они используют на обычных занятиях (раздаточный материал, презентации и т.д.), не принимая во внимание тот факт, что языковой уровень студентов не всегда соответствует их ожиданиям.

К тому же практически никто из них не собирается как-то менять методику преподавания, не говоря уже об использовании специфических инструментов CLIL.⁵

1 [Электронный ресурс]. – режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/Content_and_language_integrated_learning

2 Jesús Ángel González, Javier Barbero. Building bridges between different levels of education: Methodological proposals for CLIL at university Universidad de Cantabria, Spain. P. 2. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://www.languagevalue.uji.es/index.php/languagevalue/search/search>

3 Common European Framework of Reference for Languages

4 Jesús Ángel González, Javier Barbero. Building bridges between different levels of education: Methodological proposals for CLIL at university Universidad de Cantabria, Spain. P. 5. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://www.languagevalue.uji.es/index.php/languagevalue/search/search>

5 Jesús Ángel González, Javier Barbero. Building bridges between different levels of education: Methodological proposals for CLIL at university Universidad de Cantabria, Spain. P. 9. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://www.languagevalue.uji.es/index.php/languagevalue/search/search>

Между тем, в ряде случаев именно CLIL -методы позволяют сделать изучение профильных дисциплин на иностранном языке по-настоящему эффективным. Для этого необходимо:

- 1) Начиная изучать очередную тему, проверить знание и понимание ключевых слов и терминов,
- 2) Контекстуализировать новые понятия (дополнить визуальным и аудио материалом)
- 3) Мотивировать учащихся к размышлению на тему и привлечению персонального опыта, инициировать обсуждение.

Необходимо отметить, что для преподавателя использование данного метода – это ежедневный вызов. Такие занятия гораздо более динамичны, чем традиционные семинары. Часто приходится сталкиваться с тем, что какой-либо подход, прекрасно работавший с одной аудиторией на одном занятии, в другом случае оказывается неприменим или бесполезен. Иногда очень сложно понять, от каких конкретно условий зависит успех того или иного задания.

Однако можно выделить несколько универсальных моментов. Во-первых, использование информационных технологий здесь абсолютно необходимо. Во-вторых, преподавателю следует принять во внимание, что на занятиях часто приходится жертвовать правильным английским в пользу усвоения материала профильной дисциплины. Не стоит без конца исправлять грамматические ошибки. Главной целью остается умение верно объяснить контент.

На примере преподавания курса «Правовые основы управления» В РЭУ имени Г.В. Плеханова, автор убедился в верности предыдущих утверждений. Действительно в работе приходится сталкиваться с рядом сложностей. Выделим основные:

- 1) Неоднородность групп по языковому уровню.
- 2) Неоднородность групп по национальному составу (часто в группах присутствует несколько иностранных студентов, проходящих обучение по обмену. Их интеграция в работу группы зачастую проходит сложно, но минусы можно превратить в плюсы, попросив этих студентов рассказать об особенностях государственного управления и правового регулирования в их странах, что значительно расширит кругозор остальной аудитории и вызовет несомненный интерес).

3) Практически полное отсутствие учебных пособий на английском языке по предмету (это касается практически всех юридических дисциплин).

4) Сложность восприятия некоторых понятий, полностью отсутствующих в зарубежной правовой культуре, а следовательно, не имеющих англоязычных аналогов.

5) Сложность юридической лексики, зачастую непонятной студентам-не юристам (дисциплина преподается на экономическом факультете и факультете менеджмента). Это означает, что зачастую простой перевод термина на русский язык – не выход из ситуации.

Однако все перечисленные проблемы не являются нерешаемыми. Одним из удачных примеров заданий, которые можно использовать при чтении данной дисциплины, является деловая игра «Дебаты в Палате Общин». Данное задание хорошо укладывается в формат CLIL. Его цель – развитие межкультурной коммуникации, межличностное общение на иностранном языке, осмысление пройденного теоретического материала, критический подход и анализ актуальных проблем (политика, экономика, история, менталитет и т.д.), внедрение элементов сравнительного правоведения.

Итак, для выполнения данного задания в группе распределяются роли – Спикер, Премьер –Министр, Министры, Глава оппозиции, министры «теневых» кабинетов. Чтобы сделать игру более яркой и динамичной, следует предварительно

подробно изучить историю, традиции, символы, устройство британского парламента, можно посмотреть видео материалы весьма своеобразного ведения дебатов в английской Палате Общин.

Далее необходимо выделить и согласовать ряд тем (политических, социальных, культурных), по которым и будет вестись дискуссия и дать достаточно времени на подготовку аргументов и контраргументов. Затем, непосредственно на занятии группа действующего кабинета (консервативная партия) во главе с Премьер Министром отстаивает необходимость принятия того или иного законопроекта, оппозиция выдвигает контраргументы, спикер следит за соблюдением регламента.

Согласно государственной программе «Развитие образования» в Российской Федерации на 2013-2020 годы⁶ целями программы являются: обеспечение соответствия качества российского образования меняющимся запросам населения и перспективным задачам развития российского общества и экономики; повышение эффективности реализации молодежной политики в интересах инновационного социально ориентированного развития страны.

На наш взгляд достижение данных целей прямо и косвенно может быть обусловлено тем, насколько эффективны современные методики высшего образования и в какой степени они способствуют конкурентоспособности наших выпускников при участии в различных международных программах. Естественно грамотная организация языкового обучения имеет в этой связи первостепенное значение.

Пристатейный библиографический список

1. Государственная Программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013-2020 годы. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://xn--80abucjiibhv9a.xn--p1ai/documents/2690/file/1170.pdf> (дата посещения 01.08.2016 г.)
2. Jesús Ángel González, Javier Barbero. Building bridges between different levels of education: Methodological proposals for CLIL at university Universidad de Cantabria, Spain. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://www.languagevalue.uji.es/index.php/languagevalue/search/search> (дата посещения 01.08.2016 г.)
3. Maria Gené Gil. Content and Language Integrated Learning (CLIL) in Compulsory Secondary Education. A Case Study in a State High School in Majorca DEA Dissertation. [Электронный ресурс]. – режим доступа: http://ibdigital.uib.es/greenstone/collect/memoriesUIB/archives/Gene_Gil.dir/Gene_Gil_Maria.pdf (дата посещения 01.08.2016 г.)
4. Marco Mezzadri/ CLIL courses and quality management at university, University of Parma, Italy. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://www.glottodidattica2.unipr.it/wp-content/uploads/2011/04/Clileuniversit.pdf> (дата посещения 01.08.2016 г.)
5. Teresa Naves/ Effective Content and Language Integrated Learning programs. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://www.ub.edu/filoan/naves.html> (дата посещения 01.08.2016 г.)

6 Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013-2020 год. Стр 29. <http://xn--80abucjiibhv9a.xn--p1ai/documents/2690/file/1170.pdf>

ФАТУЛЛАЕВ Джавид Габиб оглы

аспирант кафедры международных финансов Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В КИТАЕ И РОССИИ

Статья посвящена рассмотрению развития высшего образования в Китае в настоящий период и сопоставление тенденций развития образования с Россией. Для оптимизации образования была создана двухуровневая система, предполагающая совместное участие центральных и региональных органов власти, также, образовательные стандарты постепенно переходят на мировые стандарты.

Ключевые слова: тенденции высшего развития образования, международные стандарты, Китай, Россия.

FATULLAEV Dzhavid Gabib ogly

postgraduate student of International Finance sub-faculty of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of foreign Affairs of the Russian Federation

MODERN TENDENCIES OF HIGHER EDUCATION DEVELOPMENT IN CHINA AND RUSSIA

The article is devoted to the development of higher education in China in the current period and a comparison of the trends of development of education of Russia. To optimize education was established a two-tier system involving the joint participation of the Central and regional authorities, also, educational standards gradually moving to the global standards.

Keywords: trends of higher education development, international standards, China, Russia.

Современную историю китайского образования можно исчислять с 1949 г. Начиная с данного периода Министерство образования Китая усиливает контроль за университетами. В то время китайское высшее образование находилось под сильным влиянием Советского Союза и советские специалисты помогали проводить первые реформы образования в стране. В основном готовились специалисты узкого направления.

Однако в 1980-е г. стало очевидно, что университеты не могут готовить необходимых экономике специалистов и не учитывают потребностей рынка труда. К тому же, эта проблема усиливалась переизбытком специалистов, их низкой квалификацией и безработицей.

Начиная с 1990-х гг. для перехода к рыночной экономике подготовка кадров стала одной из основных задач китайского руководства. Управление стало двухуровневым: с одной стороны, государственная администрация, куда входили Государственный Совет и Министерство образования, с другой – региональные органы, которые напрямую управляли вузами. Государственная администрация занималась выработкой общих принципов и правил регулирования высшего образования, разработкой и реализацией проектов, ориентированных на достижение мирового уровня образования. Подготовкой квалифицированной рабочей силы и инновационным развитием занимались региональные органы управления.

В основе реформ лежали четыре принципа: принцип совместного развития, реструктуризации, укрупнения и кооперации.

Основная задача – подготовить выпускников, которые бы соответствовали потребностям регионов. Страна была разделена на три географические зоны, для каждой из которых была поставлена своя задача. Для провинций восточной зоны – это было модернизация образования, для центральной зоны – обеспечение устойчивого развития образовательного процесса, для восточно-континентальной – обновление старых промышленных регионов.

К тому же, создавались научные технопарки и бизнес-инкубаторы, развивались профессиональные учебные центры, которые удовлетворяли потребности предприятий в квалифицированной рабочей силе.

Китайцы создавали университеты мирового класса. Так, было запущено два проекта: один в 1995 году «Проект 211», а другой в 1998 году «Проект 985». Цели: улучшение инфраструктуры, учебных планов, а также создание сети институтов по подготовке специалистов для будущего экономического развития. Приори-

тетными направлениями развития стали инженерные и технологические направления, а также физические и биологические науки. Проекты «211» и «985» позволили вузам-участникам создать инфраструктуру для исследований, структурировать и переориентировать академические дисциплины на международные стандарты, укрепить свои позиции в сотрудничестве с бизнесом и научном обмене с ведущими мировыми университетами, привлечь именитых преподавателей и исследователей, повысить качество подготовки выпускников для инновационной экономики, усилить позиции и возможности университетов для развития всей системы высшего образования в Китае.

Китай постепенно отказывался от советской модели и переходил к международному опыту, в основном западных стран. Количество специальностей было уменьшено с 1400 до 249. Вузы стали разрабатывать свои учебные пособия, выпускать свои учебники, составлять свои программы и учебные планы. Стали использовать дистанционное обучение.

Модернизация коснулась и персонал вузов. На смену модели пожизненного найма пришла контрактная система. Вузы ввели систему оценки деятельности преподавателей на основе академического рейтинга и дальнейшее продвижение по карьерной лестнице основывалась на результатах данной оценки. Назначение на должность стала открытой, по конкурсу и с публичным информированием о новых вакансиях. Качество персонала было в разы увеличено, конкуренцию им составляли иностранные специалисты.

Помимо этого, в 1981 г. была создана Китайская Ассоциация интернациональных обменов, которая сотрудничала с лучшими мировыми университетами. Дипломы китайских университетов получили международное признание¹.

Однако все эти реформы высшего образования в Китае связаны со стремлением догнать Запад. И современные тенденции складываются таким образом, что в практике китайские вузы копируют западные и американские вузы, при этом, не учитывая важных культурных различий. Сегодняшнее стремление к международной конкурентоспособности и развитие высшего образования упускает культурные и институциональные ценности. Западные ценности, такие как «академическая

1 Гусев А. Н., Кашфуллина К. Р., Насонов К. А. Реформы высшего образования в Китае и Республике Корея: использование зарубежного опыта в модернизации системы // Вестник международных организаций. – 2014. – Т. 9. – № 1. – С. 124-149.

свобода и университетская автономия, не всегда понятна китайцам и очень плохо приживается». Для дальнейшего развития вузам необходимо будет совмещать традиционные и западные ценности, выработать собственный баланс между традиционным и западным пониманием университета².

Кроме того, сегодня многие выпускники не могут найти себе хорошую работу, так как полученные ими знания не соответствуют потребностям рынка. Они вынужденно устраиваются на не соответствующие их квалификации работу. Потом наблюдается недостаток специалистов в технической сфере, потому что высшее техническое образование воспринимается как образование второго сорта.

Осознавая это, правительство Китая в ближайшее время будет проводить реформу системы выпускных экзаменов, так называемые «гаокао». Будет два модуля: один – для абитуриентов, нацеленных на техническое направление, другой – склонных к традиционным направлениям. У будущих технических специалистов будет возможность выбрать один из 600 колледжей и университетов. «Есть основания полагать, что большое число выпускников действительно предпочтет технический вариант «гаокао», потому что многие семьи еще до начала реформы заметили изменения, происходящие на рынке труда, которые состоят в том, что специалисты технических специальностей легко находят работу, в то время как выпускники гуманитарных вузов борются за то, чтобы хоть как-то закрепиться на рабочем месте»³. Из этого следует, что возможность трудоустроиться является решающим фактором.

Модернизация и реформа образования проходит и в России. Создание новых мировых университетов стало стратегической задачей. Так, в «майских» указах Президента поставлена задача «вхождения сразу нескольких российских университетов в первую сотню мировых рейтингов вузов за ближайшие годы»⁴.

Однако для достижения поставленных целей и задач, необходимо будет решить некоторые проблемы в системе высшего образования. Одной из них является качество образования. Оно связано с увеличением числа студентов на одного преподавателя, нехваткой библиотечных ресурсов, превращением в пустую формальность семинарских занятий, снижением доли научно-исследовательской работы, введение ЕГЭ. Все это приводит к снижению рейтингов российских университетов.

Другой проблемой является низкая заработная плата российских преподавателей. По сравнению с другими развивающимися странами, которые также поставили цели интернационализации своих университетов (Малайзия, ЮАР, Саудовская Аравия, Индия, Аргентина), зарплаты российских преподавателей в разы меньше. Даже «Эфиопия предлагает своим вузовским преподавателям зарплату в два раза больше, чем в России». Список стран можно продолжать: Нигерия, ЮАР, Латвия, Казахстан, Бразилия, Китай.

Далее, это низкая академическая мобильность преподавателей и «так называемый «инбридинг», когда каждый университет функционирует в условиях замкнутой кадровой системы: принимает в аспирантуру своих выпускников; назначает ассистентами своих аспирантов, а затем через формальные и неальтернативные конкурсы продвигает их по служебной лестнице». Это плохо тем, что слабо развита национальная и международная конкуренция университетов в борьбе за лучшие кадры.

Существует проблема географической удаленности университетов Сибири и Дальнего Востока. Есть дефицит высококвалифицированных преподавателей. Проблему можно решить, повысив материальную заинтересованность преподавателей в работе в этих регионах, престиж университетов, развивая инновационные направления и, наконец, увеличив финансирование.

Другой важной проблемой являются вопросы трудоустройства и соответствие требований работодателей и квалификации выпускников. Не секрет, что работодатели предпочитают выбирать сотрудников, уже имеющих опыт работы и обращают внимание на практические умения и навыки. «Для решения подобных проблем требуется более тесное взаимодействие вузов и бизнес-сообществ, в частности, целевая подготовка специалистов, прохождение практики в компаниях и корпорациях, учреждение совместных малых инновационных предприятий, венчурное финансирование исследовательской деятельности университетов»⁵.

Также ощущается недостаточная языковая подготовка российских выпускников, что делает их менее конкурентоспособными на международном рынке труда.

Таким образом, у России и Китая много общих проблем и задач, однако они не интересуются опытом друг друга. Может быть это связано с тем, что Китай уже однажды перенял советскую модель высшего образования, но впоследствии перешел на западную модель. Китай начал реформировать образование в 1980-х годах, вливая огромные финансовые ресурсы, чем не может похвастаться Россия. Они открыли около ста исследовательских университетов. И Китай, и Россия активно нацелены на вхождение в число университетов мирового класса. Однако реформирование в обеих странах проходит тяжело. Более того, заработная плата преподавателей очень низкая. Это затрудняет привлечение талантливых кадров. И в России, и в Китае снижается качество образования, так как «мало уделяется внимания вопросам обеспечения равного доступа к качественному образованию студентов из социально и экономически неблагополучных семей». Более того, одной из причин является процесс принятия абитуриентов в вузы: отдельно – на бюджетные места, отдельно – на платные. Это способствует тому, что доступ к качественному и бесплатному высшему образованию становится достоянием представителей верхних слоев общества, в то время как студенты из беднейших слоев, имеющие меньше возможностей обучаться в хороших средних школах, по сути, субсидируют элиту за счет налогов и оплаты обучения. «Вузы набирают студентов, которые намного хуже подготовлены, но готовы оплачивать обучение по более высокой ставке, что помогает сбалансировать бюджет, но создает большую разницу в потенциале обучающихся и снижает результативность»⁶.

Пристатейный библиографический список

1. Альтбах Ф. Д. Бассет Р. М. Хватит говорить о «странах БРИК» – по крайней мере в рамках дискуссии о высшем образовании // Международное высшее образование. – 2014. – № 77. – С. 6-9.
2. Гусев А. Н., Кашфуллина К. Р., Насонов К. А. Реформы высшего образования в Китае и Республике Корея: использование зарубежного опыта в модернизации системы // Вестник международных организаций. – 2014. – Т. 9. – № 1. – С. 124-149.
3. Лебедева М. М., Барабанов О. Н. Глобальные тенденции развития университетов и трансформация российской образовательной политики // Вестник МГИМО-Университета. – 2012. – № 6 (27). – С. 265-269.
4. Новикова В. М. Проблемы и перспективы российского высшего образования // Вестник МГИМО-Университета. – 2012. – № 6 (27). – С. 282-286.
5. Постильоне Д. А. Китай: реформа «гаокао» (национальной системы всеобщих выпускных экзаменов) // Международное высшее образование. – 2014. – № 76. – С. 24-26.
6. Ян Жуй. Впереди еще длинный путь: модернизация китайских университетов // Международное высшее образование. – 2014. – № 77. – С. 24-26.

2 Ян Жуй. Впереди еще длинный путь: модернизация китайских университетов // Международное высшее образование. – 2014. – № 77. – С. 24-26.

3 Постильоне Д. А. Китай: реформа «гаокао» (национальной системы всеобщих выпускных экзаменов) // Международное высшее образование. – 2014. – № 76. – С. 24-26.

4 Лебедева М. М., Барабанов О. Н. Глобальные тенденции развития университетов и трансформация российской образовательной политики // Вестник МГИМО-Университета. – 2012 – №6 (27). – С. 265-269.

5 Новикова В. М. Проблемы и перспективы российского высшего образования // Вестник МГИМО-Университета. – 2012. – № 6 (27). – С. 282-286.

6 Альтбах Ф. Д. Бассет Р. М. Хватит говорить о «странах БРИК» – по крайней мере в рамках дискуссии о высшем образовании // Международное высшее образование. – 2014. – № 77. – С. 6-9.

САВЧЕНКО Светлана Антоновна

доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса Тюменского государственного университета

ТОРДИЯ Инна Валентиновна

кандидат юридических наук, заведующая кафедрой гражданского права и процесса Института государства и права Тюменского государственного университета

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ОКАЗАНИЯ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ГРАЖДДАНАМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*

Автор статьи рассмотрел основные современные принципы оказания юридической помощи, как в Российской Федерации, так и за рубежом, с целью раскрытия основных аспектов оказания безвозмездных услуг профессионалами в области права.

Ключевые слова: помощь, юридические клиники, центры оказания правовой помощи населению.

SAVCHENKO Svetlana Antonovna

Ph. D. in Law, professor of Civil Law and Process sub-faculty of the Tyumen State University

TORDIYA Inna Valentinovna

Ph.D. in Law, Head of Civil Law and Process sub-faculty of the Institute of State and Law of the Tyumen State University

PUBLIC-LEGAL ASPECT PROVIDE FREE LEGAL ASSISTANCE TO CITIZENS OF RUSSIAN FEDERATION

The author of the article reviewed the basic contemporary principles of rendering legal aid in the Russian Federation and abroad with the aim of the disclosure of major aspects of the provision of free services professionals in the field of law.

Keywords: assistance, legal clinics, centers providing legal assistance to the population.

Савченко С. А.

Тордия И. В.

В соответствии со ст. 7 Конституции Российской Федерации 1993 г. Российская Федерация провозгласила себя социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Гарантии социальной защиты граждан находятся в сфере приоритетов государственного строительства страны, что находит отражение в законодательстве, развивающем положения Основного Закона.

Следует учесть, что помимо основных социальных гарантий в соответствии со ст. 48 Конституции РФ каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. При этом положения названной статьи Конституции РФ предусматривали отсылочную норму, устанавливающую, что в случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно. Перспективный характер названных конституционных положений нашел свое отражение только в принятом 21 ноября 2011 г. Федеральном законе № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» (Федеральный закон № 324-ФЗ, Закон¹), которым выстраиваются государственная и негосударственная системы оказания бесплатной юридической помощи малоимущим гражданам, а также иным отдельным категориям граждан (вступил в силу с 15 января 2012 года).

В соответствии с п. 1 ст. 15 Федерального закона № 324-ФЗ участниками государственной системы бесплатной юридической помощи являются: федеральные органы исполнительной власти и подведомственные им учреждения; органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и подведомственные им учреждения; органы управления государственных внебюджетных фондов; государственные юридические бюро.

В свою очередь, участниками негосударственной системы бесплатной юридической помощи, согласно ст. 22 Федерального закона № 324-ФЗ, являются юридические клиники (студенческие консультативные бюро, студенческие юридические бюро и др.) и негосударственные центры бесплатной юридической помощи.

Построение системы бесплатной юридической помощи исключительно на государственной основе представляется малоэффективным, поскольку решение проблемы правовой защиты населения возможно в комплексном варианте, с привлечением всех заинтересованных общественных институтов. Поэтому вполне оправданно представление юридической помощи как на государственном, так и негосударственном уровне, в том числе на общественных началах. Подобное видение организации правозащитной деятельности нашло отражение непосредственно в законе, где наряду с государственной системой в рамках решения задач правовой помощи представлена и негосударственная система в виде юридических клиник и негосударственных центров бесплатной юридической помощи.

Несмотря на «молодость» Федерального закона № 324-ФЗ, законодательно закрепившего такое учреждение, как юридическая клиника, практика деятельности юридических клиник

* Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ № 15-03-00626 «Доступ граждан и организаций к реализации внешней политики Российской Федерации по отношению к Северным странам».

1 Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // Российская газета. – 2011. – 23 ноября. – № 263.

имеет весьма давнюю историю, и российские юридические клиники уже имеют достаточный опыт работы, который может быть обобщен и проанализирован.

Для современной российской системы бесплатной юридической помощи характерны высокий уровень децентрализации и многообразие субъектов предоставления бесплатной юридической помощи (адвокаты, некоммерческие организации, политические партии, уполномоченные по правам человека, муниципальные образования, юридические клиники). Но при этом значительное количество российских граждан не имеет возможности получить бесплатную и качественную юридическую помощь.

Необходимость реформирования и развития системы бесплатной юридической помощи является актуальной и признанной российской государственной властью.

Практически во всех развитых странах на настоящий момент существуют системы оказания бесплатной юридической помощи, однако они отличаются по критериям отбора клиентов, а также процедурам и способам организации процесса предоставления юридической помощи. Так, немецкая система оказания бесплатной юридической помощи с точки зрения сравнения ее с другими подобными системами является уникальной, и тому есть несколько причин. Уникальность этой модели заключается в том, что отсутствует какая-либо централизованная структура по управлению системой бесплатной юридической помощи.

При ограничении роли государства в финансировании системы клиенты за услугами бесплатной юридической помощи чаще всего обращаются к частнопрактикующим адвокатам. Оказание бесплатной юридической помощи в Германии движимо исключительно спросом и не связано с определением каких-либо приоритетов или установлением очередности. Оказание юридической помощи, прежде всего, ориентировано на представительство в суде и предполагает сравнительно небольшой спектр услуг за пределами судебного разбирательства.

Расходы на бесплатную юридическую помощь в сравнении с другими странами являются довольно скромными, однако необходимо учитывать, что Германия – крупнейший рынок услуг страхования на случай юридических расходов в мире. Более 40% всего населения охвачены данным видом страхования. Существование хорошо развитой системы страхования снижает потребность в финансируемой государством бесплатной помощи в тех областях права, в которых риск оказаться стороной правового спора покрывается коммерческим страхователем².

Другая модель оказания бесплатной юридической помощи существует в Японии. 10 апреля 2006 г. правительство учредило Японский центр правовой поддержки – государственное учреждение, целью которого является управление системой бесплатной юридической помощи. Центр создал 26 региональных офисов в местностях, где количество адвокатов было до этого недостаточным по отношению к численности населения. Каждый региональный офис укомплектован штатными адвокатами. Деятельность Центра в гражданско-правовой сфере ведется по четырем направлениям: правовое информирование, бесплатная юридическая помощь по гражданским делам, оказание услуг жителям сельской местности, поддержка жертв преступлений. Центру также были переданы некоторые функции, ранее выполнявшиеся информационной службой Ассоциации адвокатов. Оказание бесплатной юридической помощи по гражданским делам – основная задача Центра. Однако существуют некоторые ограничения, связан-

ные с доступом к получению такой помощи. В основном они заключаются в регламентировании верхней планки доходов потенциального клиента. Центр также оказывает поддержку таким социально незащищенным группам населения, как бездомные, дети, пожилые и лица, страдающие психическими заболеваниями³.

В США существуют различные организационные формы оказания бесплатной юридической помощи неимущим и малоимущим гражданам как на федеральном уровне, так и в отдельных штатах, где преобладающей формой являются ведомства так называемых «публичных защитников» – организации, состоящих на государственном бюджете штата и обслуживающих на бесплатной основе обвиняемых по уголовным делам из числа неимущих или малоимущих граждан.

Такое ведомство создается местными органами власти (в разных штатах разными) – городским советом, муниципалитетом, мэрией и т.п., которые и курируют деятельность этого ведомства, не вмешиваясь в его повседневную работу. В некоторых юрисдикциях ведомство публичных защитников входит в структуру местного органа власти, и адвокаты-сотрудники ведомства формально считаются государственными служащими.

Но, несмотря на государственное финансирование, такие ведомства и корпорации от властей независимы. В небольших городах, сельских местностях бесплатная юридическая помощь неимущим оказывается адвокатами, вызвавшимися представлять интересы неимущих помимо своей основной практики. Такие адвокаты после собеседования в квалификационной комиссии включаются в списки адвокатов, ведущих дела неимущих граждан, распространяющиеся по всем судам данной юрисдикции. Аналогичные списки составляются и на федеральном уровне. Услуги адвокатов из списка оплачиваются государством по тарифной сетке (почасовая оплата или оплата за одно дело), утвержденной соответствующим органом власти. Крупные адвокатские фирмы могут добровольно взять на себя обязанность вести часть дел, по которым клиентом выступает неимущее лицо, на безвозмездной основе⁴.

В Российской Федерации с 15 января 2012 г. действует Федеральный закон № 324-ФЗ.

Основываясь на положениях Закона № 324-ФЗ, адвокат является участником государственной системы бесплатной юридической помощи.

Предполагается, что бесплатная юридическая помощь будет оказываться преимущественно на государственных началах. К участникам бесплатной государственной системы юридической помощи в соответствии со ст. 15 вышеуказанного Закона отнесены:

- федеральные органы исполнительной власти и подведомственные им учреждения;
- органы исполнительной власти субъектов РФ и подведомственные им учреждения;
- государственные внебюджетные фонды;
- государственные юридические бюро (юридические лица, созданные в форме казенных учреждений субъектов РФ).

Отдельно указано, что в оказании гражданам бесплатной юридической помощи также могут участвовать адвокаты и нотариусы.

Финансирование расходов на создание и деятельность государственных юридических бюро, а также на оплату труда и компенсацию расходов адвокатов, оказывающих гражданам бесплатную юридическую помощь, возлагается на региональные бюджеты.

2 Остапенко А. С., Артемьев Е. В., Бевзюк Е. А. Комментарий к Федеральному закону от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» (постатейный) // СПС КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – (дата обращения: 01.07.2016).

3 Матулович В. Бесплатная юридическая помощь: возможности нового Закона // Арсенал предпринимателя. – 2014. – № 3. – С. 66 – 72.

4 Оськина И., Лупу А. Помощь беспомощным! // ЭЖ-Юрист. – 2013. – № 47. – С. 6.

Но, как и ранее, первые три категории и так обязаны давать бесплатные правовые консультации в устной или письменной форме по вопросам, входящим в их компетенцию. Причем абсолютно всем обратившимся гражданам без исключения. Такой порядок установлен Федеральным законом от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»⁵. То же самое касается и нотариусов по вопросам их деятельности.

А вот составлять документы и представлять интересы граждан в судах и прочих структурах такие органы должны только в предусмотренных федеральным (региональным) законодательством случаях, в частности, Законом № 324-ФЗ. Необходимо заметить, что в самом Законе отсутствует четкая формулировка понятия «юридическая помощь», однако это компенсируется тем, что оговорены ее виды:

- правовое консультирование в устной и письменной форме;
- составление заявлений, жалоб, ходатайств и других документов правового характера;
- представление интересов гражданина в судах, государственных и муниципальных органах, организациях.

Крайне важно, что в ст. 8 Закона № 324-ФЗ приведены требования к квалификации тех, кто будет непосредственно оказывать бесплатную юридическую помощь. Это смогут делать только лица с высшим юридическим образованием.

Поскольку представление интересов граждан в судах, государственных и муниципальных органах, организациях требует более высокого качества знаний и большего опыта, предусмотрено, что Законом № 324-ФЗ для оказания помощи этого вида могут быть установлены дополнительные квалификационные требования.

Особого внимания заслуживает перечень категорий граждан, которые смогут воспользоваться бесплатной юридической помощью всех видов в рамках государственной системы. К ним относятся:

- малоимущие граждане (среднедушевой доход семьи ниже величины прожиточного минимума, установленного в субъекте РФ, либо одиноко проживающие граждане, доходы которых ниже величины прожиточного минимума) (соответствующую справку выдает орган социальной защиты населения);

- инвалиды I и II группы;
- ветераны Великой Отечественной войны, Герои Российской Федерации, Герои Советского Союза, Герои Социалистического Труда;

- дети-инвалиды, дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей, а также их представители, если обращение связано с обеспечением и защитой прав и законных интересов таких детей;

- граждане, имеющие право на бесплатную юридическую помощь в соответствии с Федеральным законом от 02.08.1995 № 122-ФЗ «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов»⁶;

- несовершеннолетние, содержащиеся в учреждениях системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, несовершеннолетние, отбывающие наказание в местах лишения свободы, а также их представители, если обращение связано с обеспечением и защитой прав и законных интересов таких несовершеннолетних;

- граждане, имеющие право на бесплатную юридическую помощь в соответствии с Законом РФ от 02.07.1992 № 3185-1

«О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»⁷;

- граждане, признанные судом недееспособными, а также их законные представители, если их обращение связано с обеспечением и защитой прав и законных интересов таких граждан;

- граждане, имеющие право получать бесплатную юридическую помощь в соответствии с федеральными законами и законами субъектов РФ.

Как видно, приведенный перечень является исчерпывающим. Поэтому говорить о введении широкомасштабной бесплатной юридической помощи различным слоям населения не приходится. С другой стороны, последний пункт позволяет не только федеральным, но и региональным властям постоянно расширять список, благо ограничений нет.

Простой анализ перечня показывает, что принятие рассматриваемого закона адресовано прежде всего социально незащищенным слоям населения. Поэтому вряд ли он составит конкуренцию частным юридическим и консалтинговым фирмам.

По сути, право на бесплатную юридическую помощь предусмотрено законодательством только для отдельных категорий малоимущих граждан и по ограниченному кругу вопросов (например, изъятые вопросы, связанные с предпринимательской деятельностью). То есть далеко не каждый пенсионер сможет воспользоваться данной возможностью.

В ч. 2 и 3 ст. 20 Закона № 324-ФЗ приведены случаи, когда названные категории граждан смогут воспользоваться бесплатной юридической помощью. Перечень содержит много позиций. Причем в процессе подготовки закона он был значительно расширен (например, сначала подразумевалось представительство в судах только первой инстанции).

Изначально оказание юридической помощи населению к вопросам местного значения не относится. В связи с этим законом субъекта РФ такое полномочие может быть делегировано органам местного самоуправления. Учитывая дотационность местных бюджетов, не понятно, как будут финансироваться местные юридические бюро. К тому же вопрос их статуса принятым законом и другими нормативными актами не урегулирован. По этой же причине местные власти вряд ли ринутся принимать правовые акты, устанавливающие дополнительные гарантии прав граждан на получение бесплатной юридической помощи (ч. 2 ст. 14 Закона № 324-ФЗ).

При всем этом органы местного самоуправления наделены правом (а не обязанностью) оказывать гражданам все виды бесплатной юридической помощи. Но в любом случае финансирование всех указанных мероприятий осуществляется из местных бюджетов (ч. 3 ст. 29 Закона № 324-ФЗ).

Надо отметить, что перспективы удачной реализации Закона № 324-ФЗ специалисты (юристы, нотариусы, адвокаты и пр.) оценивают по-разному.

Прежде всего, много вопросов вызывает реализация одного из основополагающих принципов оказания бесплатной правовой помощи – ее доступность. Дело в том, что процедура признания малоимущим подразумевает представление в орган социальной защиты населения целого пакета документов. Их сбор иногда требует длительного времени, а скорая юридическая помощь нужна гражданину здесь и сейчас.

Также есть мнение, что государственные юридические бюро не смогут эффективно оказывать бесплатную юридическую помощь тем малоимущим гражданам, чьи права и интересы нарушены региональными госчиновниками. Риск остаться без работы из-за личной принципиальности и активности, а также возможная ликвидация неудобного для региональных властей государственного юридического бюро будет сдержи-

5 Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Российская газета. – 2006. – 5 мая. – № 95.

6 Федеральный закон от 02.08.1995 № 122-ФЗ «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов» // Российская газета. – 1995. – 4 августа. – № 150.

7 Закон Российской Федерации 02.07.1992 № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. – № 33.

вать инициативу и стремление его сотрудников добросовестно выполнять свои профессиональные обязанности.

Не исключено, что в правовой модели, которая предусмотрена для негосударственных центров бесплатной юридической помощи (ст. ст. 24 - 26 Закона № 324-ФЗ), заложена коррупционная составляющая. Такой вывод напрашивается, поскольку Закон № 324-ФЗ не исключает меры государственной поддержки подобных организаций (п. 3 ч. 2 ст. 26).

Если рассуждать глобально, Закон № 324-ФЗ – важный шаг на пути построения правового государства и одновременно способ борьбы с правовым нигилизмом. Но главное, чтобы оказываемая помощь в итоге была качественной и результативной и чтобы на практике характеристики «бесплатная» и «плохая» не стали синонимами. Тем более что основное финансовое бремя реализации Закона ляжет на региональные бюджеты. Немаловажным направлением бесплатной юридической помощи, является право на обращение граждан Российской Федерации в государственные органы и органы местного самоуправления. Которое является комплексным и многогранным, одной из сторон которого является гарантия реализации права граждан на бесплатную юридическую помощь. Проанализировав сайты законодательных органов власти и сайты органов местного самоуправления, содержащие статистику рассмотрения обращений, стоит отметить, что самая серьезная аналитика о работе по обращениям размещена на сайте Президента Российской Федерации. По данным информационно-статистического обзора обращений, адресованных Президенту РФ за 2012 год федеральными органами государственной власти в 2012 году даны разъяснения гражданам в 74, 9 % случаев, исполнительными органами власти субъектов российской Федерации – в 80,4 %. Причем некоторые федеральные органы дали разъяснения в 100 % случаев: Минрегион, Минсельхоз, Мнтранс, Минвостокразвития Росстат ФСТ, Главное управление специальных программ Президента РФ ФМБА Успсии, Росархив, Роснедра, Росстандарт, Росмолодежь, Ростуризм⁸.

Ясно, что право граждан на обращение в органы государственной власти и местного самоуправления является очень сложным и многоаспектным, тем не менее, необходимо дать научное объяснение сложившейся практике реализации Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» при которой ¾ ответов на обращения граждан являются бесплатными консультациями. Не остались в стороне и ученые, которые считают определяющим аспектом права на обращение, возникающий канал обратной связи между гражданами и государством. Такой точки зрения придерживаются А. И. Третьяков⁹, С. Ю. Тюрина, Н. И. Борисов, Ю. В. Хрумвалова, М. Михайловский, которые указывают, что для государства, в лице органов власти, обращения граждан являются важнейшим источником информации, необходимой для качественного и своевременного реагирования на нужды и потребности общества, эффективного средства общения с населением, удовлетворения воли и интересов личности¹⁰. Обеспечивается проверка соответствия между характером и содержанием

государственного воздействия на общественные отношения, с одной стороны, и реальной общественной практикой – с другой¹¹. Другие авторы рассматривают право на обращения граждан как форму участия граждан в управлении государством.

Например, И. А. Третьяков считает ключевым моментом права на обращения его характеристику в качестве формы участия граждан в решении государственных и общественных дел, возможность активного влияния гражданина на деятельность государственных органов и органов местного самоуправления. В этом смысле обращение должно носить массовый характер (коллективное обращение, заявление), затрагивать местные проблемы¹².

Интересна точка зрения С. В. Васильевой, которая рассматривает право на обращение в двух аспектах. В конституционно-правом смысле содержание права на обращение наполняется специальной политической составляющей: возможностью населения участвовать в управлении делами государства. В этом смысле граждане вправе направлять в публичные органы власти обращения по особому предмету: проведение политических, социально-экономических реформ в государстве, изменение и дополнение действующего законодательства, отмена или введение конкретных законов. Содержание права на обращение в административном, налоговом, земельном, таможенном и ряде других отраслей права лишено политической составляющей. В данном случае специфика права на обращение проявляется в возможности граждан требовать от государства получения неких публичных услуг, а также обжаловать решения и действия (бездействие) органов публичной власти в административном порядке¹³.

Таким образом, к праву на обращения добавляется еще один аспект – *реализация государственной функции (услуги)*. Н. Г. Савостина также рассматривает реализацию права на обращение как исполнение государственной функции и указывает, что обращения граждан способствуют усилению контроля граждан за деятельностью государственных органов и органов местного самоуправления, борьбе с различными недостатками в их работе¹⁴.

Ряд авторов выделяют основным моментом права на обращение то что оно выступает как *средство защиты и восстановления нарушенных прав*. В таком смысле право на обращение граждан рассматривает С. А. Ширококов, который определяет обращение как волеизъявление индивида, выражающееся в конкретных действиях, имеющих письменную или устную форму, соответствующую правилам, закрепленным в нормативно-правовых актах, направляемое в органы государства или органы местного самоуправления, в видах, необходимых для того, чтобы реализовать, предоставить, защитить или восстановить права и свободы¹⁵.

В качестве главного аспекта права на обращение его способность выступать как средство реализации, защиты прав,

конференции. Москва, 26 октября, 2011 г. – Ч. 1. – М., 2011. – С. 284.

8 Информационно-статистический обзор рассмотренных в 2012 года обращений граждан, организаций и общественных объединений, адресованных Президенту Российской Федерации, а также результатов рассмотрения и принятых мер. // Президент России: сайт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://letters.kremlin.ru/digests/90>. – М., 2012. – С. 156.

9 Третьяков И. А. Место конституционного права на обращения в системе основных прав и свобод человека и гражданина // Юристы-правоведы. – 2010. - № 2. – С. 16.

10 Хрумвалова Ю. В. Право граждан на обращение в органы государственной власти, как форма обратной связи между населением и государственным аппаратом // Гражданское общество в эпоху глобальной информатизации: доклады и материалы III Международной молодежной научной

11 Михайловский М. Обращения граждан и организаций – источник информации для законодательной деятельности. // Проблемы теории и практики управления. – 2011. – № 5. – С. 8.

12 Третьяков И. А. Классификация субъектов права граждан на обращения // Философия права. - № 2. – 2010. – С. 123.

13 Васильева С. В. Право граждан и организаций на обращение. Нормативная модель и практика реализации // Законодательство и экономика. – 2005. - № 5.

14 Савостина Н. Г. О некоторых аспектах правового регулирования права граждан на обращение в органы государственной власти // Государственная власть и местное самоуправление. – 2010. - № 9. – С. 22.

15 Ширококов С. А. Конституционное право человека и гражданина на обращения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 1999. – С. 8.

выделяют: Д. Н. Бахрах, Б. В. Россинский, Ю. Н. Стариков¹⁶. Также на ряду с другими аспектами права на обращение его способность выступать как средство (способ) реализации, защиты и восстановления нарушенных прав выделяют: В. Г. Румянцев, В. В. Им¹⁷, М. В. Карасева¹⁸, И. А. Третьяков¹⁹.

Аналогичной точки зрения придерживается и Н. И. Григичина, называя институт обращения граждан, – важнейшей составной частью правового статуса человека и гражданина²⁰.

Следовательно, подводя итог, можно выделить несколько аспектов права на обращение:

- как форма участия граждан в управлении государством;
- как форма обратной связи между гражданами и государством;
- как публичная услуга (функция);
- как средство (способ) реализации, защиты и восстановления нарушенных прав;
- как форма реализации права на бесплатную юридическую помощь.

Рассмотренные мнения ученых указывают на многоаспектность права на обращение граждан за консультациями.

Полагаем, что оказание публичных услуг можно считать одним из механизмов, реализации права граждан на обращение, так как они согласно ст. 2 Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»²¹ осуществляются по запросам заявителей. Безусловно, нормами Федерального закона от 27.07.2010 № 210-ФЗ определена специфика рассмотрения таких обращений, например, более жестко определена форма обращения, определен ограниченный круг субъектов, деятельность которых, является публичной услугой (федеральные органы исполнительной власти, государственные внебюджетные фонды, исполнительные органы государственной власти субъектов Российской Федерации, а также органы местного самоуправления), а, следовательно, и уполномоченных рассматривать данный вид обращений граждан.

Полагаем, что основным моментом права на обращение является то, что оно выступает как средство (способ) реализации прав граждан. Необходимо отметить, что хотя и рассмотрение права граждан на обращение как обратной связи между гражданами и государством является его важным аспектом, термин «обратная связь» не является юридическим.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 02.08.1995 № 122-ФЗ «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов» // Российская газета. – 1995. – 4 августа. – № 150.
2. Федеральный закон от 02.05.2006 №59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Российская газета. – 2006. – 5 мая. – № 95.
3. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»: по сост. на 02.07.2013 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. - № 31. – Ст. 4179.
4. Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Стариков Ю. Н. Административное право. 3-е изд., пересмотр.и доп. - М.: Норма, 2008. – С. 163.
5. Румянцев В. Г., Им В. В. Институт обращений в органы государственной и местной власти: понятие, сущность и содержание // История государства и права. – 2008. – № 14. – С. 3.
6. Карасева М. В. Конституционное право граждан СССР на обжалование. – Воронеж, 1989. – С. 10.
7. Третьяков И. А. Классификация субъектов права граждан на обращения // Философия права. - № 2 – 2010. – С. 123.
8. Григичина Н. И. Проблемы реализации законодательства об обращениях граждан в органы местного самоуправления // Современное право. – 2012. – № 6.
9. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»: по сост. на 02.07.2013 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. - № 31. – Ст. 4179.
10. Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Стариков Ю. Н. Административное право. 3-е изд., пересмотр.и доп. - М.: Норма, 2008.
11. Васильева С. В. Право граждан и организаций на обращение. Нормативная модель и практика реализации // Законодательство и экономика. – 2005. - № 5.
12. Григичина Н. И. Проблемы реализации законодательства об обращениях граждан в органы местного самоуправления // Современное право. – 2012. – № 6.
13. Карасева М. В. Конституционное право граждан СССР на обжалование. – Воронеж, 1989.
14. Матулевич В. Бесплатная юридическая помощь: возможности нового Закона // Арсенал предпринимателя. – 2014. – № 3. – С. 66-72.
15. Михайловский М. Обращения граждан и организаций – источник информации для законодательной деятельности // Проблемы теории и практики управления. – 2011. – № 5.
16. Остапенко А. С., Артемьев Е. В., Бевзюк Е. А. Комментарий к Федеральному закону от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» (постатейный) // СПС Консультант-Плюс. – [Электронный ресурс]. – (дата обращения: 01.07.2016).
17. Оськина И., Лупу А. Помощь беспомощным! // ЭЖ-Юрист. – 2013. – № 47.
18. Президент России: сайт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://letters.kremlin.ru/digests/90>. – М., 2012.
19. Румянцева В. Г., Им В. В. Институт обращений в органы государственной и местной власти: понятие, сущность и содержание / История государства и права. – 2008. – № 14.
20. Савостина Н. Г. О некоторых аспектах правового регулирования права граждан на обращение в органы государственной власти // Государственная власть и местное самоуправление. – 2010. – № 9.
21. Третьяков И. А. Классификация субъектов права граждан на обращения // Философия права. - № 2 – 2010. – С. 123-127.
22. Третьяков И. А. Место конституционного права на обращения в системе основных прав и свобод человека и гражданина // Юристы-правоведы. – 2010. - № 2. – С. 14-18.
23. Хрумалова Ю. В. Право граждан на обращение в органы государственной власти, как форма обратной связи между населением и государственным аппаратом // Гражданское общество в эпоху глобальной информатизации: доклады и материалы III Международной молодежной научной конференции. Москва, 26 октября, 2011 г. – Ч. 1. – М., 2011.
24. Ширококов С. А. Конституционное право человека и гражданина на обращения: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 1999.

САБИТОВ Марат Ринатович

кандидат политических наук, главный консультант отдела по взаимодействию с политическими партиями управления по общественно-политическому развитию администрации Главы Республики Башкортостан

ГАЛЯУТДИНОВА Светлана Ишбулдиновна

кандидат психологических наук, доцент, декан факультета психологии, заведующая кафедрой общей психологии Башкирского государственного университета

АЛГУШАЕВА Венера Рафкатовна

кандидат педагогических наук, заместитель декана факультета психологии по учебной работе, доцент кафедры общей психологии Башкирского государственного университета

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОЛОДЕЖИ И ПРОТЕСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ*

Статья посвящена вопросу рассмотрения и выявления возможного протестного потенциала молодежи Республики Башкортостан. За основу было взято социологическое исследование, где были опрошены учащиеся и работающая молодежь г. Уфы. Исследование содержит 6 разделов: этническая идентичность, отношение к религии, межнациональные отношения, социальные проблемы, социально-психологические проблемы и социально-демографический блок.

Ключевые слова: молодежь, протестный потенциал, социальные проблемы.

SABITOV Marat Rinatovich

Ph.D. in political sciences, Chief consultant of the Department for cooperation with political parties control political and social development of administration of the Head of the Republic of Bashkortostan

GALYAUDINOVA Svetlana Ishbuldinovna

Ph.D. in psychological sciences, associate professor, Dean of the Faculty of Psychology, Head of General Psychology sub-faculty of the Bashkir State University

ALGUSHAEVA Venera Rafkatovna

Ph.D. in pedagogical sciences, Deputy Dean of the Faculty of Psychology, associate professor of General Psychology sub-faculty of the Bashkir State University

SOCIAL PROBLEMS OF YOUTH AND PROTEST POTENTIAL

The article is devoted to consideration and identify possible protest potential of the youth of the Republic of Bashkortostan. For a basis was taken as a case study, where respondents were students and working youth of Ufa. The survey contains 6 sections: ethnic identity, attitude to religion, ethnic relations, social problems, social psychological problems and socio-demographic block.

Keywords: youth, protest potential, social problems.

Молодежь – достаточно сложная научная категория. Существуют десятки, если не сотни определений этого понятия. Есть общепринятое понятие, что молодежь – это социально-демографическая группа, выделяемая на основе совокупности возрастных характеристик (приблизительно от 16 до 25 лет), особенностей социального положения и определенных социально-психологических качеств.

Изучению протестного потенциала молодежи посвящено большое количество работ, в частности, труды Ентелиса Г. С. и Шипановой Д. Г., Бушуева Д. В., Н. Н. Пушкаревой и т.д.¹

* Статья подготовлена в рамках научного проекта, поддержанного Российским научным фондом (№ 15-18-00142).

1 Ентелис Г. С., Шипанова Д. Г. Протестный потенциал российской молодежи / Науч.-исслед. центр при Ин-те молодежи. – М., 1999; Бушуев Д. В. Специфика протестной активности российской молодежи в современном трансформирующемся обществе: автореф. дисс. ... канд. социол. наук. – Ростов-на-Дону, 2012; Пушкарева Н. Н. Протестный потенциал современной российской молодежи: автореф. дисс. ... канд. социол. наук. – М., 2013.

Сабитов М. Р.

Галютдинова С. И.

Алгушаева В. Р.

Предмет нашего исследования – социальные проблемы молодежи и протестный потенциал. Для исследования мы взяли разные категории молодежи, прежде всего, учащуюся молодежь, поскольку эта категория молодежи занимает наиболее значительное место среди все молодежи. В последующие 5-10 лет, облик современного общества во многом будет определяться жизненными установками, идеалами нынешней учащейся молодежи. Поэтому, изучение данных аспектов является крайне актуальной темой. Особое внимание в данном исследовании уделено изучению проблем социализации молодежи, поскольку данные проблемы могут привести к девиантному поведению, экстремизму и т.д.

Для выявления различных моделей поведения современной учащейся молодежи было проведено социологиче-

Таблица 1. Отношение к национальной идентичности.

Я редко задумываюсь о том, кто я по национальности	42,4
Я никогда не забываю о своей национальности	51,3
Затрудняюсь выбрать	6,3
Всего	100,0

Таблица 2. Отношение к национальной идентичности у башкир, русских и татар, %

	Башкир (-ка)	Русский (-ая)	Татарин (-ка)	Всего
Я редко задумываюсь о том, кто я по национальности	41,9	51,6	33,0	42,2
Я никогда не забываю о своей национальности	53,5	43,8	60,2	51,4
Затрудняюсь выбрать	4,7	4,7	6,8	6,4
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 3. На каком языке (языках) Вы преимущественно говорите дома, в семье? %

	Валидный процент
На башкирском	4,6
На татарском	12,4
На русском	50,9
На русском и башкирском	10,6
На русском и татарском	20,2
На башкирском и татарском	0,9
На другом, других	0,5
Всего	100,0

ское исследование. Исследование охватило ведущие ВУЗы г. Уфы. Выборка составила 600 человек. Социологическая анкета включает в себя 6 разделов: этническая идентичность, отношение к религии, межнациональные отношения, социальные проблемы, социально-психологические проблемы и социально-демографический блок.

Согласно результатам опроса по блоку «этническая идентичность», более половины респондентов «никогда не забывают о своей национальности», а 42,4 % «редко задумываются о своей национальности» (Таблица 1). Также, выявлено отношение к национальной идентичности у студентов трех основных национальностей в Республике Башкортостан (у башкир, русских и татар) (Таблица 2). Более склонны выделять свою национальную принадлежность студенты татары и башкиры по национальности.

Важной составляющей национальной принадлежности является язык, на котором говорит человек. Исследование показало, что наиболее распространенным языком общения дома и в семье является русский язык (50,9 %), далее следуют татарский (12,4 %) и башкирский (4,6). Также, характерно двуязычие – на русском и татарском языке дома говорит 20,2 % студентов, на русском и башкирском – 12,4 % (Таблица 3).

Был задан вопрос о важности принадлежности к национальной группе. Более половины респондентов ответили, что

Таблица 4. Отношение принадлежности к национальной группе, %

Современному человеку не обязательно чувствовать себя частью какой-то национальной группы	51,1
Современному человеку необходимо ощущать себя частью своей национальной группы	35,9
Затрудняюсь выбрать	13,0
Всего	100,0

Таблица 5. Сопоставление отношения к национальной идентичности и принадлежности к национальной группе, %

	Современному человеку не обязательно чувствовать себя частью какой-то национальной группы	Современному человеку необходимо ощущать себя частью своей национальной группы	Затрудняюсь выбрать	Всего
Я редко задумываюсь о том, кто я по национальности	57,9	21,3	35,7	41,9
Я никогда не забываю о своей национальности	37,7	72,5	50,0	51,8
Затрудняюсь выбрать	4,4	6,3	14,3	6,3
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

«Современному человеку не обязательно чувствовать себя частью какой-то национальной группы» (Таблица 4). Студенты, для кого важна национальная идентичность (вариант ответа «я никогда не забываю о своей национальности»), считают необходимым ощущать себя частью национальной группы (72,5 %). (Таблица 5).

«В современном мире культурные идентичности (этнические, национальные, религиозные, цивилизационные) занимают центральное место, а союзы, антагонизмы и государственная политика складываются с учетом культурной близости и культурных различий», – отмечает С. Хантингтон². В опросе студентов выявлено, что объединяющей составляющей является: 1. Принадлежность к национальности (практически все студенты обозначили свою национальность), 2. Общий язык (Язык бытового общения в целом совпадает с национальностью респондента. Более употребим русский язык. У студентов из многонациональных семей языком общения может выступать русский и башкирский (10,4 %) и русский и татарский (20,2 %).

По отношению к национальной идентичности, принадлежности к этносу, выделяются 2 большие группы. Первая группа (около половины респондентов) имеет четкую национальную идентичность, для них важна принадлежность к своей национальной группе. Вторая группа (около 40 %), несмотря на этническую принадлежность, не склонна четко обо-

2 Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и изменение мирового порядка (выдержки из книги) // Pro et Contra. 1997. Т. 2. № 2. С. 142-143.

Таблица 6. Приходилось ли Вам сталкиваться с плохим отношением к себе из-за Вашей национальности? %

Да, приходилось	21,5
Нет, не приходилось	73,1
Затрудняюсь выбрать	5,4
Всего	100,0

Таблица 7. А вы лично проявляли плохое отношение к человеку из-за его национальности? %

Да, бывает такое практически всегда или часто	4,1
Редко, иногда	17,8
Никогда	67,6
Затрудняюсь выбрать	10,5
Всего	100,0

значать свою национальную идентичность. Кроме этнической и национальной принадлежности объединяющим фактором для различных групп могут выступать территориальные (проживание на определенной территории) профессиональные (принадлежность к профессии), культурные факторы. Отметим, что территориальный и культурный факторы в основном коррелируют с национальной и этнической идентичностью.

Межнациональные отношения среди студентов в целом бесконфликтные. Большинство студентов не сталкивалось с плохим отношением к себе из-за национальности (Таблица 6).

Также, только небольшая часть респондентов отметила, что часто плохо относятся к человеку из-за его национальности (4,1 %). Группа, которая «редко, иногда» демонстрирует ксенофобские настроения, существенно больше (17,8 %) (Таблица 7). То же самое можно сказать о проявлении неприязни по национальному признаку (Таблица 8).

Несмотря на небольшой процент подобного девиантного поведения, необходима дополнительная работа по профилактике подобных проявлений, поскольку негативный протестный потенциал (те, кто проявляет плохое отношение или испытывает частую неприязнь к людям другой национальности) и потенциально протестный потенциал (кто в принципе испытывает такие настроения), могут со временем увеличиться. Отметим, что межнациональное согласие возможно только в политически, экономически и культурно благополучном обществе.

Результаты опроса показали, что большинство респондентов не получали из-за своей национальности ни преимуществ, ни ограничений в своих правах.

По отношению к религии, почти половина учащихся (49,3 %) ответили, что «знают, что Бог существует и не испытывают в этом никаких сомнений». Тех, кто не верит в существование Бога (атеисты) меньшинство – 7,7 %. У остальных респондентов ответы распределились согласно Таблице 9.

В Башкортостане традиционно к мусульманской религии относятся башкиры и татары. К православию – русские. Выделяется группа студентов – русских по национальности, кто выбрал в качестве религии ислам (16,1 %). Ответы респондентов распределились следующим образом (Таблица 7).

Большинство респондентов отметили, что религия для них имеет важное значение (69 %); «помогает моральному очищению, делает более нравственными», 68,6 %; «помогает быть более терпимыми к людям, их особенностям, их вере», 70,5 %; «способствует взаимопониманию верующих разных

Таблица 8. А вы лично проявляли плохое отношение к человеку из-за его национальности? %

Испытываю практически всегда	2,8
Испытываю часто	1,8
Испытываю редко, иногда	19,8
Не испытываю	69,6
Затрудняюсь выбрать	6,0
Всего	100,0

Таблица 9. Какое из высказываний точнее всего отражает Ваше представление о существовании Бога? %

Я не верю в существование Бога	7,7
Я не знаю, существует ли Бог, и сомневаюсь, что можно убедиться в его существовании	4,5
Я не верю в Бога, но я верю в некую высшую силу	5,9
Иногда я верю в существование Бога, а иногда не верю	8,6
Я верю в существование Бога, хотя иногда испытываю сомнения	19,5
Я знаю, что Бог существует и не испытываю в этом никаких сомнений	49,3
Затрудняюсь ответить	4,5
Всего	100,0

религий», 61,3 %; «помогает заботиться о бедных, нуждающихся в помощи», 63,9 %; «помогает переносить трудности, способствует успеху в делах», 66,7 %.

Негативную оценку религии (вариант ответа «разъединяет людей, способствует межнациональным конфликтам») дали 34,4 % респондентов.

Говоря об экстремизме среди молодежи необходимо определить его источники и социальную базу. Ю. А. Зубок и В. И. Чупров считают, что наиболее распространенной формой самоорганизации выступают разного рода молодежные объединения, представляющие собой «самостоятельные, преимущественно спонтанные действия неформальных групп молодежи, расширяющие и закрепляющие ресурсы групповой идентичности (субкультурной, социально-протестной, этнокультурной и пр.)»³.

Анкета исследования содержит значительный блок для изучения социально-психологических проблем студентов. Затронуты практически все стороны жизнедеятельности молодежи:

- Проблемы, связанные с обучением (12 вопросов);
- Проблемы, связанные с будущим (10 вопросов);
- Проблемы, связанные с родительским домом (10 вопросов);
- Проблемы, связанные с общением со сверстниками (9 вопросов);
- Проблемы, связанные с самим собой (моим Я) (15 вопросов);
- Проблемы, связанные с проведением досуга (9 вопросов);
- Проблемы, связанные с материальным благополучием (11 вопросов);
- Проблемы, связанные со здоровьем (11 вопросов);

3 См.: Зубок Ю. А., Чупров В. И. Молодежный экстремизм: сущность и особенности проявления // Социологические исследования. – 2008. – № 5. – С. 37-43.

Таблица 10. К какому вероисповеданию себя относите? %

	Башкир (-ка)	Русский (-ая)	Татарин (-ка)	Всего
К мусульманству	83,3	16,1	81,6	56,3
К православию	2,4	72,6	4,6	30,0
Отношу себя к другой религии	0,0	0,0	0,0	0,0
Не могу сказать определенно, к какому вероисповеданию себя отношу	9,5	4,8	9,2	7,5
Затрудняюсь выбрать	4,8	6,4	4,6	5,2
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 11. Проблемы, связанные с будущим, %

Вопрос	Ответы «скорее согласен» и «совершенно согласен»
Боюсь, что не смогу полностью себя реализовать в будущей профессии	23,2
Я боюсь не оправдать ожидания родителей	21,6
Меня беспокоит, что в перспективе я не смогу заниматься тем, что мне интересно	27,6
Меня беспокоит, что профессию, которую я получу, будет неинтересной	20,0
Я опасюсь не достигнуть успеха в жизни	23,5
Меня беспокоит, что я не смогу приобрести собственное жилье	26,0
Я не уверен, что смогу материально обеспечить себя в будущем	20,7

– Проблемы, связанные с развитием общества (11 вопросов).

Ответы в вопросах ранжировались по 5-балльной шкале с вариантами ответов:

- «1» - абсолютно не согласен;
- «2» - скорее, нет;
- «3» - трудно сказать (ни да, ни нет);
- «4» - скорее, согласен;
- «5» - совершенно согласен.

Мы изучим потенциально значимые риски в вопросах, где более 20 % респондентов выразили обеспокоенность.

В блоке «Проблемы, связанные с обучением», в 3 из 12 вопросах студенты высказались по поводу ряда проблем, связанных с качеством преподавания, в частности, хотели бы улучшить качество преподавания 25,7 %, опасаются, что конфликты с преподавателями скажутся на успеваемости 28,9 %, высказали сомнения по поводу нужности ряда предметов 35 %. Также, есть некоторая обеспокоенность, связанная с личностными качествами. Около 20 % студентов испытывают дискомфорт по поводу графика обучения (вопрос «Мне трудно рано вставать, приезжать без опоздания к первой паре») и опасаются публичных выступлений («Я боюсь выступать перед аудиторией») 22,9 %. Сопряженные с уче-

Таблица 12. Проблемы, связанные с материальным благополучием, %

Вопрос	Ответы «скорее согласен» и «совершенно согласен»
Мне постоянно не хватает денег	27,2
Мне приходится подрабатывать	20,4
У меня нет материальной возможности покупать вещи, которые мне нравятся	24,4
Мне не хватает средств, чтобы заниматься тем, чем я хочу	25,4
Меня беспокоит, когда родители в ущерб себе покупают что-либо для меня	34,2
Меня беспокоит, что в обществе принято разделение людей по материальному положению	28,5

бой проблемы касаются в основном недостатка свободного времени. 23,5 % студентов отметили, что «Учеба, работа и домашние обязанности не оставляют мне времени для отдыха» и почти 30 % респондентов беспокоит, что у них остается мало свободного времени. В целом, опасения, связанные с учебой находятся на низком уровне. Основные проблемы связаны с построением процесса обучения.

Из 10 вопросов блока «Проблемы, связанные с будущим», 7 вопросов вызвали определенное беспокойство. Из таблицы 11 видно, что от 20 до 27 % студентов выражают неуверенность по широкому кругу проблем, которые могут возникнуть в будущем. Наибольшее количество ответов набрали варианты «Меня беспокоит, что в перспективе я не смогу заниматься тем, что мне интересно», который отражает сомнение в выборе будущей профессиональной деятельности и достаточно частый ситуативный вопрос о приобретении жилья.

В блоке «отношения с родителями» у студентов практически нет негативных аспектов. Студенты отметили, что в их отношениях с родителями практически всегда есть согласие. Беспокойство вызывает больше отношения между родителями, а не молодых людей и родителей. Так, 39,3 % студентов переживают, когда их родители ссорятся, что подчеркивает теплые отношения между родителями и детьми. Традиционно молодые люди стремятся к большей самостоятельности, поэтому, 25,2 % студентов отметили, что «Родители слишком беспокоятся о моей учебе» и 26,7 % «Хотели бы стать более независимым от семьи».

Блок «Проблемы, связанные с общением со сверстниками» не выявил каких-либо проблем – практически все респонденты высказались, что строят гармоничные отношения со своими сверстниками.

Проблемы, связанные с самим собой (моим Я) в ответах студентов также несущественны – около 20 % студентов отметили, что «Слишком ленивы», «Чересчур вспыльчивы, импульсивны», «Излишне доверчивы», «Зависимы от других».

Выделяются определенные проблемы, связанные с досугом: около 30 % студентов не имеют свободного времени, что связано с учебой, работой или домашними обязанностями, 31,6 % не хватает для отдыха денег. Вместе с тем, проведение своего досуга, как правило, не вызывает особых организационных проблем.

Таблица 13. Проблемы, связанные с развитием общества, %

Вопрос	Ответы «скорее согласен» и «совершенно согласен»
Меня тревожит проблема наркомании и алкоголизма в современном обществе	36,5
Я часто сталкиваюсь с равнодушием и безразличием людей друг к другу	44,9
Меня беспокоит проблема терроризма и насилия в современном мире	52,6
Я боюсь, что может начаться война	46,5
Меня волнует, что современное общество становится все более безнравственным	50,5
Меня беспокоит широкое распространение в обществе болезней, многие из которых неизлечимы	51,9
Я обеспокоен экологической обстановкой, люди утратили бережное отношение к природе	53,7
Меня беспокоит несоблюдение законов и прав человека	49,1
У меня нет чувства защищенности, т.к. я не надеюсь на помощь милиции	36,2
Меня волнует, что материальные ценности ставятся выше, чем духовные и нравственные	50,7
Меня беспокоят проявления национализма	36,6

Материальные проблемы всегда являлись и являются достаточно важной составляющей социального самочувствия. Респонденты данного исследования также высказали определенное беспокойство по поводу своего материального положения. Блок вопросов о материальном положении условно можно разделить на 2 части: личное материальное положение и оценка материальных проблем других. Таблица 12 показывает, что наибольшее количество ответов набрали вопросы, связанные моральной оценкой материальных проблем микросоциума студентов, в частности, семьи (вопрос «Меня беспокоит, когда родители в ущерб себе покупают что-либо для меня») и, также моральными оценками общесоциальных аспектов («Меня беспокоит, что в обществе принято разделение людей по материальному положению»). То есть материальные проблемы рассматриваются больше через призму нравственного отношения.

Вопросы личного здоровья и здоровья близких людей вызывают достаточно сильную обеспокоенность. Проблемы личного здоровья набирают 20-22 % («Мне не нравится, что я слишком часто болею» – 21,9 %, «Меня беспокоит, что у меня лишний вес» – 21 %), в то время как проблемы со здоровьем близких людей переживаются сильнее («В последнее время меня беспокоит состояние здоровья моих близких» – 32,6 %). Еще более сильное беспокойство вызывает риск заразиться тяжелым заболеванием от других людей (СПИДом, гепатитом, туберкулезом) – 39,8 %. Отметим, что последняя проблема достаточно сильно представлена в медийном пространстве, т.е. в данном пункте необходимо учитывать информационную составляющую.

Последний блок «Проблемы, связанные с развитием общества» раздела «Социально-психологические проблемы» вызвал наибольшую обеспокоенность у студентов. Практически каждый вопрос набрал 35-50 % негативных ответов.

Остановимся на последнем блоке анкеты подробнее. Также, как и с вопросом об опасных болезнях из предыдущего блока, в данном блоке все указанные проблемы активно дискутируются в обществе.

Согласно данным опроса, около 50 % респондентов опасаются роста насилия в обществе («Меня беспокоит проблема терроризма и насилия в современном мире» и «Я боюсь, что может начаться война»). Эти данные в целом сопоставимы с данными других исследований. К сожалению, в динамике рост негативных оценок в сфере насилия в обществе, растет. В России было проведено достаточно много исследований, изучающие данные проблемы общества. Согласно исследованию Фонда общественного мнения, в последние годы значительно возросли опасения, связанные с личной без-

опасностью и благополучием (опасения за здоровье близких, страх перед терактами), причем страх перед терактам резко подскочил в период с марта 2015 по апрель 2016 годом. Вместе с тем, экономические проблемы (безденежье) ушли на второй план, несмотря на ухудшение экономической ситуации (Таблица 14).

В плане глобальной общественной безопасности, возросли опасения войны, причем внешней (угроза нападения других государств), угрозы терроризма, вместе с тем, снизились опасения в связи с обычной преступностью (Таблица 15)⁴.

Рост опасений за личную и общественную безопасность связан, прежде всего, с нынешней непростой геополитической обстановкой в мире. О протестном потенциале судя по этим данным говорить трудно, это опасения, связанные с обеспечением безопасности в обществе.

Кризис морали и нравственности, безразличия людей друг к другу также отмечается примерно половиной респондентов. Преодолеть этот тренд возможно с преодолением отчужденности в обществе.

Одно из наибольших опасений у молодежи вызывают проблемы, связанные с ухудшением экологии. Если сравнить результаты нашего опроса с данными ВЦИОМ, то можно увидеть определенный тренд. Так, по данным ВЦИОМ, 46% россиян считают, что экологическая ситуация в их населенном пункте за последний год ухудшилась (данные за 2010 год). Пять лет назад так считали только 33% (данные за 2005 год)⁵.

Таким образом, можно сделать определенные выводы, которые позволяют выявить определенные точки роста протестного потенциала молодежи.

Ксенофобские и националистические настроения у молодежи Башкортостана находятся на низком уровне. Тем не менее, до 4 % молодых людей часто проявляют национальную нетерпимость по отношению к людям другой национальности, а около 17 % - время от времени. Истоки этих явлений разные – воспитание в семье, влияние окружения, негативный опыт, полученный от общения с людьми другой национальности (обида, обман со стороны людей другой национальности), влияние средств массовой информации. Конкретные национальности, которые вызывают неприязнь, респонденты не выявляли, но в открытых вопросах были единичные ответы, что это «таджи-

4 Страхи и тревоги. Что больше всего тревожит россиян в повседневной жизни, в жизни страны и мира? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fom.ru/Nastroeniya/12596>

5 Экология в России: с каждым годом все хуже. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=13708>

Таблица 14. Если говорить о вашей повседневной жизни, то какие страхи, опасения вы испытываете, что вызывает у вас тревогу прежде всего? Выберите не более трех вариантов.

	13 февраля 2000	15 марта 2015	3 апреля 2016
Здоровье близких	28	42	44
Страх за детей (внуков)	40	40	39
Безденежье	55	34	33
Собственное здоровье	24	28	28
Страх перед терактами (взрывы домов, диверсии на транспорте и т.п.)	11	13	20
Неизвестность, неопределенность будущего, безысходность	26	25	25
Угроза потери работы	15	15	14
Беззащитность перед властями	15	9	11

ки», «кавказцы», а также, представители трех основных народов Башкортостана – башкиры, русские и татары. Но говорить о системности в этом вопросе нельзя. Резюмируя можно сказать, что есть небольшая угроза роста ксенофобских настроений, если этому будут способствовать внешние факторы (ухудшение межнациональных отношений, ухудшение экономики, деградация культуры). В отношении религии молодые люди также проявляют толерантность, проблем, общественных связанных с религиозными установками, не выявлено.

Наибольшую обеспокоенность, а, следовательно, возможный протестный потенциал, показал раздел анкеты «Проблемы, связанные с развитием общества», причем, данные проблемы усугубляются год от года, что показали другие опросы общественного мнения.

Если вопросы, связанные с опасением угрозы терактов, войны, кризиса морали, отчуждения в обществе, можно отнести к оценочным вопросам, которые только выявляют общественное мнение, то сфера экологии и проблема соблюдения прав человека может нести в себе протестный потенциал.

Прослеживается тренд негативной оценки экологии, которая увеличивается год от года. В связи экологическими проблемами, широко освещаемые в медийной сфере (ситуация вокруг «Кроношпана», «Соды», общего загрязнения природы), протестные настроения, формирующийся вокруг экологической проблематики, может нести в себе некоторый протестный потенциал, поскольку уже сформировано негативное мнение об экологической ситуации. То же самое можно сказать и о проблеме соблюдения прав человека – около 50 % респондентов обеспокоены этим вопросом. Так же, как и проблема экологии, эта тема широко поднимается в обществе. Сталкиваясь с этой проблемой, люди будут сопоставлять и проецировать свои личные настроения с ситуацией в стране, в сфере охраны прав человека. Если защита прав будет гарантирована, она не будет высоко подниматься в медиасфере, следовательно, в обществе будут более спокойное отношение к этой проблеме и ниже протестный потенциал.

Таблица 15. Если говорить о ситуации в России, то что из перечисленного прежде всего вызывает у вас лично тревогу и опасения? Выберите не более трех вариантов.

	13 февраля 2000	15 марта 2015	3 апреля 2016
Повышение цен, обнищание людей	41	39	44
Угроза нападения других государств	11	32	28
Угроза гражданской войны	24	26	25
Угроза массовой безработицы	26	21	24
Межнациональные конфликты	29	25	24
Рост терроризма (взрывы, поджоги, похищения людей и т.п.)	12	12	19
Экономический кризис, спад производства	20	20	19
Рост преступности	37	15	19
Угроза массового голода	13	7	10
Распространение фашизма и других видов экстремизма	6	14	10

Пристатейный библиографический список

1. Бушуев Д. В. Специфика протестной активности российской молодежи в современном трансформирующемся обществе: автореф. дисс. ... канд. социол. наук. – Ростов-на-Дону, 2012.
2. Ентелис Г. С., Щипанова Д. Г. Протестный потенциал российской молодежи / Науч.-исслед. центр при Инте молодежи. – М., 1999.
3. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Молодежный экстремизм: сущность и особенности проявления // Социологические исследования. – 2008. – № 5. – С. 37-43.
4. Пушкарева Н. Н. Протестный потенциал современной российской молодежи: автореф. дисс. ... канд. социол. наук. – М., 2013.
5. Страхи и тревоги. Что больше всего тревожит россиян в повседневной жизни, в жизни страны и мира? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fom.ru/Nastroeniya/12596>
6. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и изменение мирового порядка (выдержки из книги) // Pro et Contra. – 1997. – Т. 2. – № 2. – С. 142-143.
7. Экология в России: с каждым годом все хуже. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=13708>

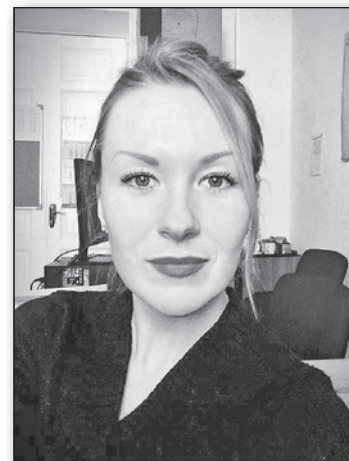
НЕСТЕРОВА Ирина Евгеньевна

кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры мировой политики, Санкт-Петербургский государственный университет

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ВОДНЫМИ РЕСУРСАМИ

В статье затрагиваются основные векторы регионального сотрудничества в вопросах управления водными ресурсами. Автор уделяет особое внимание взаимодействию в рамках региональных организаций, уделяющих пристальное внимание проблемам, возникающим с потреблением питьевой воды и доступом к водным ресурсам. При этом наибольший опыт регионального сотрудничества в водопользовании на территории бывшего СССР накоплен в Центральной (Средней) Азии. На основе анализа деятельности межгосударственного взаимодействия в формате международных структур, автор приходит к выводу, что практика многостороннего управления водными ресурсами Центральной Азии обладает ограниченными возможностями в вопросах регионального водопользования.

Ключевые слова: водные ресурсы, региональное сотрудничество, совместное водопользование, регион Центральной Азии, ирригация, баланс внутривнутриполитических сил.

Нестерова И. Е.

NESTEROVA Irina Evgenievna

Ph.D. in political science, Ph.D. in historical sciences, senior lecturer of World Policy sub-faculty of the Saint-Petersburg State University

THE MAIN ASPECTS OF THE REGIONAL MANAGEMENT OF WATER RESOURCES

The article considers the main vectors of regional cooperation in water resources management. The author pays special attention to cooperation in the framework of regional organizations to pay close attention to the problems arising from the consumption of drinking water and access to water resources. The greatest experience of regional cooperation in water management in the territory of the former USSR has accumulated in Central (Central) Asia. Based on the analysis of the activities of interstate cooperation in the format of international organizations, the author concludes that the practice of multilateral water management in Central Asia has disabilities in regional water management.

Keywords: Water resources, regional cooperation, the joint use of water, the Central Asian region, irrigation, internal political balance of forces.

Вода, особенно в пустынных, полупустынных и засушливых землях, издревле была средством выживания и объектом споров и посягательств извне. Сегодня, когда борьба за ресурсы, в том числе и водные, обостряется, зачастую бывает трудно выявить причинно-следственную связь: определить, что лежит в первооснове конфликта – политика или ресурс как таковой, борьба за который на каком-то этапе обретает форму политических баталий или даже военно-политических действий. Общеизвестно, что многие видные эксперты и дальновидные политики видят в основании будущего мирового противоборства именно борьбу за исчерпаемые ресурсы. К примеру, широко известны предостережения хорошо знакомого с водной проблемой бывшего генсека ООН Бутроса Гали относительно того, что очередная война на Ближнем Востоке может произойти именно из-за воды.

Ресурсная составляющая все чаще становится подоплекой конфликтных ситуаций¹. Российский знаток Центральной Азии бывший посол России в Киргизии Г. Рудов усматривает в корне горячих киргизских событий лета 2010 г. нерешенную водную проблему. «Уверен, – настаивает он, – что XXI век станет веком борьбы не только за углеводороды, но и за воду». И делает такой вывод: «Возможно, что борьба за воду будет

не менее горячей, чем за газ или нефть». Эту тему развивает другой российский исследователь А. Куртов. Он считает, что в Центральной Азии осуществляются попытки в эгоистических интересах тех или иных игроков, не считаясь с требованиями экологии, прокладывать новые каналы, в том числе с целью их использования в качестве транспортных коммуникаций. Конкуренция за водные ресурсы, по его словам, обрела черты межэтнических конфликтов. К тому же проблема борьбы за водные ресурсы касается не только территорий государств Центральной Азии, но и других регионов – Южной Азии, Ближнего и Среднего Востока, Африки и т.д. Неоднократные перекрытия рек из-за строительства гидроэлектростанций и наполнения каналов для орошения сельхозугодий уже не раз обостряли отношения между соседними государствами².

Вместе с тем, проблемы, возникающие с потреблением питьевой воды и доступом к водным ресурсам, находятся в фокусе внимания многих региональных организаций.

В Азиатско-Тихоокеанском регионе большую работу по решению общих водных проблем стран региона ведет Азиатско-Тихоокеанский водный форум, который наметил проведение в январе 2012 года в Таиланде 2-го Азиатско-Тихоокеанского водного саммита (АТВС) (Первый саммит прошел в 2007 году в Японии). Его главной темой станет «Водная без-

1 Фархутдинов И. З. Обеспечение мира и безопасности в Евразии (международно-правовая оценка событий в Сирии). Интервью с доктором юридических наук, главным редактором евразийского юридического журнала Инсуром Фархутдиновым // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 10. – С. 8.

2 Фролов А.В. Водные ресурсы: фактор конфликтности или сотрудничества. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.imemo.ru/files/File/magazines/puty_miru/2014/April/03Frolov_vodnye.pdf (дата посещения: 15.05.2016 г.).

опасность. Руководство и обязательства». Предполагается, что в ходе подготовки к саммиту будет подготовлена вторая версия публикации «Перспективы развития водного хозяйства в Азии». Организаторы рассчитывают на привлечение средств Азиатского банка развития на такие цели как:

1) удовлетворение потребностей хозяйств в воде и обеспечение санитарных условий в обществе в целом;

2) поддержка продуктивной экономики в сельском хозяйстве и промышленности;

3) восстановление здоровых рек и экосистем.

Самостоятельным направлением в деятельности АТВС является информационно-аналитическая работа. С этой целью создан Центр знаний Азиатско-Тихоокеанского водного форума³.

На Ближнем Востоке действует Межисламская сеть по развитию и управлению водными ресурсами (МСРУВР), учрежденная Постоянным комитетом Организации исламская конференция (с 2011 года — Организация Исламского сотрудничества, ОИС) по научно-техническому сотрудничеству (COMSTECH) в 1987 году в Исламабаде. В центре ее внимания наряду с прикладными исследованиями, находится трансграничный диалог стран, целью которого является улаживание пограничных трений (между Израилем, Ливаном и Иорданией), формирование политики и разработка программ управления водными ресурсами. Являясь неполитической и некоммерческой организацией, имеющей международный правовой статус, МСРУВР объединяет 149 организаций-членов⁴.

Наиболее активная работа по совершенствованию регионального сотрудничества в сфере водопользования ведется в рамках Европейской экономической комиссии (ЕЭК) ООН. Россия и другие постсоветские государства на регулярной основе участвуют в переговорах по экологическим конвенциям ЕЭК, ратифицировали многие экологические документы и протоколы. В рамках Конвенции ЕЭК ООН по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер проводятся заседания рабочей группы по управлению водными ресурсами, Целевой группы по борьбе с наводнениями, Рабочей группы по мониторингу и оценке загрязнения.

Водная конвенция, подготовленная под эгидой ЕЭК ООН, была подписана в Хельсинки в 1992 году. Она играет важную роль в развитии сотрудничества по трансграничным водам во многих частях европейского региона. Протокол по воде и здоровью к этой Конвенции направлен на предотвращение, контроль и снижение заболеваемости, связанной с водой.

Со времени подписания Водной конвенции прошло уже немало лет, однако по-прежнему остаются вопросы, которые окончательно не решены и которые нуждаются в дальнейшей проработке. Защита ландшафтов, экосистемный подход, защита от наводнений, водораспределение — вот только некоторые из них.

На третьем совещании Сторон Водной конвенции в ноябре 2003 года было решено расширить сферу ее действия за пределами региона ЕЭК ООН, как это уже происходит с некоторыми протоколами этой организации. Две другие регио-

нальные конвенции (Конвенция ЕЭК ООН о трансграничном воздействии промышленных аварий и Конвенция ЕЭК ООН об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте) и недавно разработанные протоколы к ним также имеют большое значение для сотрудничества по трансграничным водам. Эти региональные Конвенции дополняют друг друга и содержат положения, касающиеся участия общественности, оценки воздействий на окружающую среду, функционирования совместных органов и т.п.

Правовая база продолжает развиваться, и на Конференции министров в Киеве (2003) были открыты для подписания Протокол о гражданской ответственности и компенсации за ущерб, причиненный трансграничным воздействием промышленных аварий на трансграничные воды, к Конвенции 1992 года по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер и к Конвенции 1992 года о трансграничном воздействии промышленных аварий, а также Протокол по стратегической экологической оценке к Конвенции ЕЭК ООН об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте. Протокол о гражданской ответственности был подписан 22 странами, а Протокол по стратегической экологической оценке подписали 36 стран и Европейское Сообщество⁵.

В деле сотрудничества в регионе ЕЭК ООН по вопросам трансграничных вод был сделан большой шаг вперед на 5-й сессии Совещания Сторон Конвенции по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер (Женева, ноябрь 2009 года). На Совещании было принято Руководство по внедрению Конвенции, представляющее собой подробный комментарий к Конвенции. Ожидается, что Руководство станет важным подспорьем, как для Сторон Конвенции, так и для стран, не являющихся ее участниками, а также для партнеров и заинтересованных организаций, в том числе за пределами региона ЕЭК ООН.

Аналитическими органами Конвенции проводятся исследования в целях подготовки научной основы, необходимой для принятия политических решений в процессе переговоров. Будут, в частности, представлены меры, обеспечивающие необходимую гибкость для стран Восточной Европы, Кавказа и Центральной Азии и стран Юго-Восточной Европы, с тем, чтобы содействовать им в ратификации. В 2009 году ряд конкретных проектов по оказанию содействия способствовал развитию потенциала стран с переходной экономикой. Эти проекты получили поддержку стран-доноров в регионе.

Приоритетным направлением международного сотрудничества в сфере водопользования в рамках ЕЭК является интегрированное управление водными ресурсами, создающее основу для обеспечения мира и безопасности на трансграничных водотоках, способствующее региональному сотрудничеству и экономическому развитию в зонах трансграничных водотоков.

Обращаясь к динамике сотрудничества в водной сфере в Африке нельзя не отметить деятельность Африканской сети бассейновых организаций (АСБО), которая входит в состав МСБО. Решение о создании АСБО было принято на конференции Международной сети бассейновых организаций в 2002 году. Заявленной целью АСБО является мониторинг работы бассейновых организаций в Африке и создание единой информационной системы для управления трансграничными бассейнами.

5 Проблема пресной воды. Глобальный контекст политики России. М.: МГИМО — Университет, 2011. — С. 24-25.

3 Таиланд принимает 2-й Азиатско-Тихоокеанский Водный Саммит в январе 2012 года. Пресс-релиз [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.cawater-info.net/int_org/apwf/singapore_05-09-2010.htm (дата посещения: 15.05.2016 г.).

4 Межисламская сеть по развитию и управлению водными ресурсами. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.cawater-info.net/int_org/inwrdam/index.htm (дата посещения: 15.05.2016 г.).

В 2007 году по приглашению Южноафриканского министерства водного и лесного хозяйства в Йоханнесбурге была проведена Генеральная Ассамблея АСБО, в рамках которой был взят курс на активное сближение с Африканским союзом, Африканским министерским советом по вопросам водоснабжения и Организацией по освоению реки Сенегал. Совместно с МСБО Африканская сеть бассейновых организаций занимается реализацией таких проектов «AWIS» (Африканская информационная система по воде).

В свою очередь Африканский министерский совет по вопросам водоснабжения (AMCOW) на глобальном уровне наладил тесное сотрудничество по линии взаимодействия с Механизмом «ООН – водные ресурсы» относительно улучшения доступа к водоснабжению и повышения санитарных норм питьевой воды. С 2011 Африканский министерский совет совместно с экспертами из Механизма «ООН – водные ресурсы» занимается разработкой доклада по глобальной оценке санитарных услуг и питьевой воды с целью разработки институциональных мер и рекомендаций для национальных правительств к югу от Сахары, в контексте реализации Целей развития тысячелетия ООН.

Кроме того AMCOW практически ежегодно с 2007 года проводит конференцию министров водных ресурсов под названием «Африканская неделя воды» в течение которой специалисты из более чем 40 стран обмениваются мнениями и опытом для достижения эффективного управления водными ресурсами в Африке в рамках устойчивого социально-экономического развития экосистем континента. Первая такая «Неделя» была проведена в Тинисе (Тунис, 2008 г.), затем в ЮАР (Йоханнесбург, 2009 г.), Эфиопии (Аддис-Абеба, 2010 г.) и Египте (Каир, 2012 г.). Проведение следующей «Недели воды» планируется в июле 2016 года в Танзании (Дар-эс-Салам)⁶.

Наибольший опыт регионального сотрудничества в водопользовании на территории бывшего СССР накоплен в Центральной (Средней) Азии⁷. Существовавшая здесь ранее система сбалансированного водопользования, предполагавшая компенсацию в виде энергоносителей государствам, находящимся выше по течению основных рек региона со стороны «нижних» соседей и центральных республик Советского Союза в обмен на бесперебойные поставки воды для ирригации объектов сельского хозяйства и электроэнергетики, прекратила свое существование с обретением Центральноазиатскими республиками независимости. Сейчас каждое из государств располагает объектами гидротехнической и гидроэнергетической инфраструктуры, построенными в советское время, однако часть межгосударственных связей, необходимых для взаимовыгодного функционирования экономик стран Центральной Азии, все еще не восстановлены⁸.

Практика сегодняшнего сотрудничества показывает, что существующие соглашения и международные конвенции недостаточно учитывают специфику Центральноазиатского региона. Поэтому вполне возможен вариант создания здесь новой международной структуры, осуществляющей мониторинг ситуации в водной сфере и выработку мер по разреше-

нию спорных вопросов. Создание подобной структуры мотивировано, прежде всего, недостаточной эффективностью уже работающих в регионе организаций, таких как Международный фонд спасения Арала.

Российские ученые, со своей стороны, работают в несколько ином направлении, уделяя большее внимание материально-технической составляющей вопроса. Проведен ряд исследований сохранившихся со времен Советского Союза материалов, направленных на создание системы мер по эффективному восстановлению и поддержанию в надлежащем состоянии объектов гидротехнической и гидроэнергетической инфраструктуры. Это обусловлено тем, что большая часть действующих сейчас водозаборных, очистных, ирригационных и иных сооружений создавалась при непосредственном участии российских НИИ в советское время.

Уже существуют, не требующие дополнительной дорогостоящей разработки, готовые проекты по улучшению ирригации. Они включают комплекс необходимых мероприятий по экологическому восстановлению агроландшафтов в зоне орошаемого земледелия в Центральной Азии: сокращение доли поливных земель, капитальная реконструкция дренажной сети (увеличение густоты и глубины, сокращение фильтрации из магистральных каналов), применение прогрессивных технологий орошения (например, капельного), посадка растительности (пустынных кустарников – галофитов), препятствующее распространению песков и предотвращающее засоление почвенного покрова.

Однако следует подчеркнуть, что опыт многостороннего сотрудничества в вопросах водопользования Центральноазиатских стран носит противоречивый характер. Несмотря на то, что эти государства регулярно подтверждают межгосударственные соглашения, проводят конференции, совещания и саммиты, спектр проблем, нуждающихся в решении, как и список невыполненных инициатив, до последнего времени остаются без кардинальных изменений⁹.

Наметившиеся перспективы расширения профильного сотрудничества Центральноазиатских стран по линии ЕАЭС сложны в плане практической реализации. Чтобы вписать самостоятельные страновые стратегии водопользования в общерегиональный проект поэтапной минимизации потерь и увеличения выгод, потребуется достаточно длительный подготовительный период. В сокращении такого подготовительного периода, даже с учетом международной финансовой поддержки, заинтересованы не все участники.

Существенные ограничения на согласование многосторонней стратегии управления водными ресурсами накладывают внутривластные проблемы стран региона. Соблюдение квот, расценок и сезонных схем регионального водопользования оказывается, таким образом, в зависимости не только от технических противоречий, связанных с переходом к рыночным расчетам за воду и топливо, но и от баланса внутривластных сил в каждой из Центральноазиатских стран, прежде всего в Узбекистане, Киргизии и Таджикистане. В особенно сложном положении может оказаться узбекское руководство. В связи с этим бедственное положение в сфере водообеспечения Ферганской долины, Ошской области Киргизии, Приаралья, как и ряда других «точек» региона, «работает» не только как стимул расширения взаимодействия Цен-

6 Official Web-site “Africa Water Week”. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.africawaterweek.com> (дата посещения: 15.05.2016 г.).

7 Алимов А.А., Ермолина М.А. Перспективы участия России в международном сотрудничестве в сфере охраны окружающей среды в рамках развития евразийской экономической интеграции // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 1 (92). – С. 179.

8 Проблема пресной воды. Глобальный контекст политики России. М.: МГИМО-Университет, 2011. – С. 27.

9 Рыбеков Ю. Х. Трансграничное сотрудничество на международных реках: проблемы, опыт, уроки, прогнозы экспертов. Под ред. В.А. Духовного. – Ташкент: НИЦ МКВК, 2009. – С. 30-31.

тральноазиатских стран, но и как рычаг его искусственного торможения¹⁰.

К трудностям многостороннего регулирования Центральноазиатского водопользования следует отнести и различия в представлениях внешнеполитических партнеров стран Центральной Азии о направлениях инвестиционной поддержки. С подходами ЕАЭС и ШОС в наибольшей степени контрастирует активность США в этом регионе. Создание Водно-энергетического консорциума (ВЭК) стран Центральной Азии до сих пор тормозится. Споры о «долях» в консорциуме, нежелание идти на компромисс, кризис доверия и региональное политическое соперничество мешают реализовать этот проект. Среди причин неудач эксперты называют рекомендательный характер принимаемых документов, разобщенность действий на региональном и национальном уровнях между структурами водного хозяйства и энергетики, противоречия интересов государств, контролирующих истоки водных ресурсов и потребляющих их, отсутствие работоспособных межгосударственных органов с широкими полномочиями и многие другие.

К настоящему времени созданы и накопили практический опыт межгосударственные институты регионального сотрудничества, наиболее представительными из которых являются уже упомянутый Международный фонд спасения Арала (МФСА) и Межгосударственная координационная водохозяйственная комиссия (МКВК).

Ярким примером повседневной работы на сложном, не только в техническом, но и в политическом плане, направлении, является деятельность МКВК, которая осуществляет организационные мероприятия по сотрудничеству в области управления и использования трансграничных водных ресурсов Центральной Азии. Благодаря ей в течение всего постсоветского периода, несмотря на постоянное чередование периодов маловодья и паводков, а также на отрыв от ранее существовавших материальной и правовой баз, удалось избежать значительных конфликтных ситуаций в водообеспечении стран Центральной Азии, сохранить, а на отдельных территориях заново создать основу гарантированного водопользования. В рамках МКВК водные ведомства пяти Центральноазиатских государств совместно занимаются планированием и оперативным управлением деятельности водохозяйственных служб бассейнов рек Амударья и Сырдарья. Результативность их усилий является доказательством того, что совместные водные ресурсы предоставляют возможности для сотрудничества между государствами и преодоления препятствий.

Таким образом, практика многостороннего управления водными ресурсами Центральной Азии обладает ограниченными возможностями в вопросах регионального водопользования. Существующие сегодня многосторонние структуры скорее выполняют функции совершенствования мониторинга водохозяйственной деятельности Центральноазиатских стран и расширения прозрачности ее основных направлений, чем реализации эффективной политики в управлении водными ресурсами. Примечательно, что еще в 80-е годы прошлого века в лаборатории Института пустынь Академии наук Туркменистана были начаты работы по составлению крупно-, средне- и мелкомасштабных карт опустынивания. В 1986-1989 гг. карта опустынивания была составлена на всю территорию аридного климата¹¹ бывшего Советского Союза, Монголии, часть терри-

торий республик Мали и Алжира. А в 1989 году Институтом пустынь был завершён международный научно-технический проект «Поддержка стран Западной Африки в усилении национальной деятельности по борьбе с опустыниванием». При финансовой поддержке Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП) были проведены экспедиционные исследования и составлена серия карт опустынивания западных районов Республики Мали. Результаты этой работы впоследствии были обсуждены на одной из сессий ЮНЕП, где получили положительную оценку¹².

Пристатейный библиографический список

1. Алимов А. А., Ермолина М. А. Перспективы участия России в международном сотрудничестве в сфере охраны окружающей среды в рамках развития евразийской экономической интеграции // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 1 (92). – С. 177-181.
2. Бабаева Т.А. Использование дистанционных методов для картографирования процессов опустынивания // Проблемы освоения пустынь. – №3. – Ашхабад, 2008.
3. Межисламская сеть по развитию и управлению водными ресурсами – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cawater-info.net/int_org/inwrdam/index.htm (дата посещения: 15.05.2016 г.).
4. Проблема пресной воды. Глобальный контекст политики России. – М.: МГИМО-Университет, 2011.
5. Рысбеков Ю. Х. Трансграничное сотрудничество на международных реках: проблемы, опыт, уроки, прогнозы экспертов // под ред. В. А. Духовного. – Ташкент: НИЦ МКВК, 2009.
6. Таиланд принимает 2-й Азиатско-Тихоокеанский Водный Саммит в январе 2012 года. Пресс-релиз. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cawater-info.net/int_org/apwf/singapore_05-09-2010.htm (дата посещения: 15.05.2016 г.).
7. Official Web-site “Africa Water Week”. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.africawater-week.com> (дата посещения: 15.05.2016 г.).
8. Фархутдинов И. З. Обеспечение мира и безопасности в Евразии (международно-правовая оценка событий в Сирии). Интервью с доктором юридических наук, главным редактором евразийского юридического журнала Инсуром Фархутдиновым // Евразийский юридический журнал. 2015. № 10. С. 8.
9. Фролов А. В. Водные ресурсы: фактор конфликтности или сотрудничества. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.imemo.ru/files/File/magazines/puty_miru/2014/April/03Frolov_vodnye.pdf (дата посещения: 15.05.2016 г.).

10 Проблема пресной воды. Глобальный контекст политики России. М.: МГИМО-Университет, 2011. – С. 28.

11 Аридный климат – сухой климат с высокими температурами воздуха и малым количеством атмосферных осадков.

12 Бабаева Т. А. Использование дистанционных методов для картографирования процессов опустынивания // Проблемы освоения пустынь. – № 3. – Ашхабад, 2008. – С. 40-41.

ПАНЧЕНКО Владислав Юрьевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета

МИРОШНИЧЕНКО Карина Владимировна

студентка Юридического института Сибирского федерального университета

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ИНВАЛИДОВ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ*

В статье рассматриваются проблемы формирования и реализации правовой политики в сфере обеспечения прав инвалидов. Авторами высказано мнение о необходимости разработки Концепции правовой политики в сфере обеспечения прав инвалидов, которая позволит создать эффективный механизм реализации прав, свобод и законных интересов лиц с ограниченными возможностями здоровья наравне с другими членами российского общества.

Ключевые слова: реализация права, субъективные права, права инвалидов, правовая политика, правовая политика в сфере обеспечения прав инвалидов, концепция правовой политики, правовой режим.

PANCHENKO Vladislav Yurjevich

Ph.D. in Law, associate professor of Theory and History of State and Law sub-faculty of the Law Institute of the Siberian Federal University

MIROSHNICHENKO Karina Vladimirovna

student of the Law Institute of the Siberian Federal University

LEGAL POLICY IN THE SPHERE OF GUARANTEEING THE RIGHTS OF PERSONS WITH DISABILITIES: A PROBLEM STATEMENT

The article describes issues of formation and implementation of legal policy in the sphere of guaranteeing the rights of persons with disabilities. The authors express an opinion on the necessity to develop the Conception of legal policy in the sphere of guaranteeing the rights of persons with disabilities, which will allow to create for their rights, freedoms and legitimate interests equally effective mechanism of implementation.

Keywords: implementation of law, subjective rights, rights of persons with disabilities, legal policy, legal policy in the sphere of guaranteeing the rights of persons with disabilities, conception of legal policy, legal regime.

Панченко В. Ю.

Мирошниченко К. В.

Инвалиды – «лица с устойчивыми физическими, психическими, интеллектуальными или сенсорными нарушениями, которые при взаимодействии с различными барьерами могут мешать их полному и эффективному участию в жизни общества наравне с другими»¹. Значит, инвалид – человек, который обладает ограниченными возможностями по сравнению с другими людьми, и, следовательно, нуждается в особой поддержке и внимании со стороны государства. Поэтому проведение эффективной правовой политики² в сфере обеспечения прав инвалидов на современном этапе развития – это гарантия для инвалидов на осуществление ими своих прав во всех сферах жизни наравне с другими членами общества.

Проблема инвалидности в Российской Федерации остается в течение долгого периода времени актуальной, масштабной³, но

решенной не в полной мере. Несмотря на ратификацию Российской Федерацией Конвенции ООН о правах инвалидов в 2012 г. и присоединение России к достижению основополагающих международных целей (поощрения, защиты и обеспечения полного и равного осуществления всеми инвалидами прав и свобод; уважения присущего им достоинства; преодоления глубоко неблагоприятного социального положения инвалидов; расширения их участия в гражданской, политической, экономической, социальной и культурной жизни при равных возможностях), претворение в жизнь международных стандартов прав лиц с ограниченными физическими возможностями сталкивается с барьерами экономического, культурного и юридического характера.

Современный этап развития правовой политики в сфере обеспечения прав инвалидов характеризуется высокой степенью противоречивости.

С одной стороны, необходимость совершенствования механизмов обеспечения и защиты прав инвалидов осознается как на уровне правотворчества, так и на уровне правоприменения. В России действуют, обновляются и принимаются нормативно-правовые акты, которые регламентируют социальную и правовую защиту инвалидов, активно действуют общественные организации по защите прав инвалидов, открываются специальные учебные заведения для лиц с ограниченными возможностями, предусматриваются условия труда для инвалидов и т. п.

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 15-33-01354.

1 Конвенция о правах инвалидов. Ст. 1 // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

2 Как указывают А. В. Малько и К. В. Шундилов, «правовая политика – это научно обоснованная, последовательная и системная деятельность государственных органов и институтов гражданского общества по созданию эффективного механизма правового регулирования для наиболее полного обеспечения прав и свобод человека, укрепления дисциплины, законности и правопорядка» (см.: Малько А. В., Шундилов К. В. Правовая политика современной России: цели и средства // Государство и право. 2001. № 7. С. 15).

3 По данным Федеральной службы государственной статистики в I квартале 2016 г. в России проживало 12,7 млн. инвалидов (9 % от

общей численности населения), т. е. практически каждый десятый россиянин – инвалид.

С другой стороны, в рамках теории правовой политики правовая политика в сфере обеспечения прав инвалидов, не смотря на всю значимость в системе правовой деятельности и механизме обеспечения права, не выделяется в самостоятельный вид (разновидность) правовой политики, специальные исследования в этом направлении практически не ведутся, что неизбежно сказывается на качестве нормативного правового регулирования и юридической практике.

Так, проблемой остается трудоустройство инвалидов, хотя на работодателей в связи с установленной квотой для приема на работу инвалидов возлагаются соответствующие обязанности и ответственность. Но на практике работодатели не заинтересованы в приеме на работу инвалидов в связи с тем, что им придется производить лишние затраты и усилия на оборудование специально оформленного рабочего места, которое должно соответствовать особым санитарным правилам, находиться не в цокольном или подвальном этаже, иметь хорошую вентиляцию, быть просторным.

Ограниченная доступность образовательных учреждений, транспортной инфраструктуры, психологические проблемы людей (в особенности работодателей) в восприятии инвалидов в качестве работников и множество иных факторов становятся барьерами в возможности последними осуществить свое право на труд.

Остается нерешенной проблема недоступности или ограниченной доступности объектов социальной инфраструктуры, хотя государство и прилагает усилия для ее решения⁴. Преобладающее большинство домов, дворов, парковок, кафе, магазинов, зданий государственных и муниципальных органов и учреждений не соответствуют требованиям законодательства и не являются доступными для лиц с ограниченными возможностями здоровья. Также очень мало общественных транспортных средств, приспособленных для передвижения инвалидов. Более того, из нереализованного права инвалида на доступную среду, вытекают нереализованные права потребителя, права на удовлетворение своих духовных потребностей, право на обращение в форме личного приема и т. п.

Вышесказанное наглядно демонстрирует, что при существовании в России достаточной нормативной базы, способствующей закреплению права инвалидов на труд, которое гарантируется Конституцией Российской Федерации, правореализационные механизмы недостаточно действенны. Правовой режим обеспечения прав и законных интересов инвалидов, понимаемый не только как система нормативно-регулятивных средств, но и как реальное состояние, вряд ли может быть признан благоприятным⁵.

Таким образом, правовая политика в сфере обеспечения прав инвалидов как динамична и разнонаправлена, так и нестабильна, недостаточно эффективна. Основными причинами этого являются недостаточность концептуального осмысления проблемы инвалидности, отсутствие теоретических работ по данной проблеме, изъятия правоприменительной практики, в том числе и недостаточная профессиональная подготовка специалистов, а также низкий уровень общей и правовой культуры населения. Следовательно, противоречивость реализации правовой политики в сфере обеспечения прав инвалидов не позволяет достигнуть ее основную цель: «обеспечение инвалидам равных с другими гражданами возможностей в реализации гражданских, экономических, политических и других прав и свобод»⁶, а, значит, становится препятствием на пути России к построению правового государства, гражданского общества и к претворению в жизнь международных стандартов обеспечения прав инвалидов. В связи с этим для

преодоления вышеназванных недостатков требуется разработка Концепции правовой политики в области обеспечения прав инвалидов, которая будет способна гарантировать полноту и качество правового оснащения одного из основных направлений правовой политики государства – правовой политики в сфере обеспечения прав инвалидов. Концепция как целостный, системный, научно обоснованный теоретический продукт станет ориентиром при формировании и практической реализации правовой политики в сфере обеспечения прав инвалидов для субъектов правовой политики, участвующих в подготовке, принятии, реализации, толковании норм права, разрешении правовых коллизий и сможет не только обеспечить действительную реализацию прав и свобод инвалидов, но и станет основной гарантией дальнейшего улучшения положения инвалидов в России.

Концепция правовой политики в сфере обеспечения прав инвалидов станет основой модернизации и совершенствования правового регулирования и правоприменительной практики в интересах личности, гражданского общества и правового государства. В частности, она станет отправной точкой для:

- осуществления изменений нормативных актов в соответствии с требованиями юридической техники (исключение оценочных понятий, противоречий, заполнение пробелов);
- качественной переработки действующих нормативных актов об инвалидах в соответствии с современными реалиями (чтобы нормы права эффективно исполнялись, а не только декларировались);
- совершенствования механизмов взаимодействия субъектов правовой политики в сфере обеспечения прав инвалидов;
- создания системы стимулов антикоррупционного поведения, в первую очередь, органов медико-социальной экспертизы;
- совершенствования правоприменительных механизмов контроля и надзора за соблюдением прав и свобод инвалидов, чтобы инициатива проверок за соблюдением законодательства об инвалидах, в первую очередь исходила от соответствующих органов;
- усиления роли правовой науки в разработке концептуальных основ правовой политики в сфере обеспечения прав инвалидов;
- обеспечения финансовой поддержки научных исследований, научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в области обеспечения прав инвалидов и др.

Разработка Концепции правовой политики в сфере обеспечения прав инвалидов позволит обратить внимание органов публичной власти, негосударственных организаций и населения на острую социально-правовую проблему правового неравенства и дискриминации инвалидов из-за невозможности действительной реализации ими своих прав, свобод и законных интересов и повысит эффективность формирования и реализации правовой политики в сфере обеспечения прав инвалидов как на государственном, так и на региональном и местном уровнях.

Пристатейный библиографический список

1. Барбаков Г. О., Устинова О. В., Бондаренко Г. В. Актуальные проблемы современной молодой семьи // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2015. № 3. С. 79-83.
2. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: Федеральный закон от 24 окт. 1995 г. № 181-ФЗ // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Малько А. В., Шундикова К. В. Правовая политика современной России: цели и средства // Государство и право. – 2001. – № 7. – С. 15-22.
4. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>.
5. Панченко В. Ю., Пикулева И. В. Правовой режим реализации права маломобильных групп населения на доступность объектов социальной инфраструктуры // Социальное и пенсионное право. – 2016. – № 1. – С. 52-56.
6. Панченко В. Ю., Пикулева И. В. Реалистическое понимание правовых режимов: к постановке проблемы // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 7. – С. 15-20.

4 Постановлением Правительства Российской Федерации от 1 дек. 2015 г. № 1297 была утверждена государственная программа Российской Федерации «Доступная среда» на 2011-2020 гг.

5 См. об этом: Панченко В. Ю., Пикулева И. В. Реалистическое понимание правовых режимов: к постановке проблемы // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 7. С. 15-20; Их же. Правовой режим реализации права маломобильных групп населения на доступность объектов социальной инфраструктуры // Социальное и пенсионное право. 2016. № 1. С. 52-56.

6 О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: Федеральный закон от 24 окт. 1995 г. № 181-ФЗ // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

ПОГОДИН Сергей Николаевич

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «Международные отношения» Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

Тараканова Тамара Сергеевна

аспирант кафедры «Международные отношения» Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

ПРОБЛЕМЫ СОТРУДНИЧЕСТВА КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ, РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ В РЕГИОНЕ ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

В статье раскрываются положения сотрудничества Китайской Народной Республики, Российской Федерации и США в Центральной Азии, как части Евразийского пространства, рассматриваются позиции стран, дается характеристика сотрудничества, анализируются национальные интересы.

Ключевые слова: Евразия, Китайская Народная Республика, Российская Федерация, США, Центральная Азия, сотрудничество, геополитика, национальные интересы.

POGODIN Sergey Nikolaevich

Ph.D. in History, Professor, Head of International Relations sub-faculty, Institute of the Humanities of Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University.

TARAKANOVA Tamara Sergeevna

postgraduate of the Head of International Relations sub-faculty, Institute of the Humanities of Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University.

THE PROBLEMS OF COOPERATION BETWEEN PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA, RUSSIAN FEDERATION AND UNITED STATES OF AMERICA IN A REGION OF CENTRAL ASIA

The article describes the provisions of the cooperation of the People's Republic of China, the Russian Federation and the United States in Central Asia, as part of the Euro-Asian space, discusses the position of countries, describes the cooperation analyses the national interests.

Keywords: Eurasia, people's Republic of China, Russian Federation, USA, Central Asia, cooperation, geopolitics, national interests.

Погодин С. Н.

Тараканова Т. С.

После распада СССР регион Центральной Азии постепенно стал превращаться в один из центров мировой геополитики, где сошлись интересы ведущих мировых держав – России, Китая и США. При этом важно подчеркнуть, что если Россия и Китай являются внутрирегиональными игроками и имеют непосредственные связи со странами Центральной Азии, обусловленные географическим положением и историей совместного проживания. США – внерегиональный игрок, который стремится реализовать однополярную модель мироустройства, а потому все наиболее ключевые геополитические регионы рассматриваются руководством этой страны как объекты их национальных интересов. З. Бжезинский довольно точно определил позицию Соединенных Штатов по отношению к Центральной Азии: «Америка слишком далеко расположена, чтобы доминировать в этой части Евразии, но слишком сильна, чтобы не быть вовлеченной в события на этом театре»¹.

Несмотря на то, что существуют условия и необходимость для сотрудничества трех государств в регионе, также имеются ряд противоречий, тормозящие его развитие.

На данном этапе основной линией противоречий выступает столкновение интересов США и России и политический конфликт между сторонами вследствие Украинского кризиса 2014 года. Как уже было отмечено, исторически Центральная Азия имела тесные связи с Россией, а до 1991 года составляла с ней единое государство, однако после распада СССР США поддерживали новые независимые государства, а обострение ситуации в Афганистане привело к военному присутствию Вашингтона в Центральной Азии. Безусловно, эти действия вызвали недовольство российской стороны и привели к усилению напряженности между Российской Федерацией и США, так как Россия видит в этом ущемление собственных национальных интересов.

Что касается линии отношений Российской Федерации и Китайской Народной Республики, то на данном этапе в Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС) позиции двух стран солидарны. Китай намерен стать лидером в этом регионе и расширить свое экономическое присутствие, а укрепление отношений с Россией ему «крайне выгодно»². Поэтому

1 Бжезинский З. Выбор. Мировое господство, или глобальное лидерство: [пер. с англ.] / Збигнев Бжезинский. – М.: Междунар. отношения, 2004. (ГУП ИПК Ульян. Дом печати). – С. 178.

2 The Conversation: сближение КНР и России – геополитическая ошибка США. РИА-новости, 25.02.2015. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ria.ru/world/20150225/1049458016.html> (дата посещения: 30.04.2016 г.).

взаимодействие Российской Федерации и Китайской Народной Республики наиболее перспективно, что, в частности, нашло свое отражение не только в формате ШОС, но и в проекте сопряжения Евразийского экономического союза (ЕЭС) и «Экономического пояса Шелкового пути». Однако есть и разногласия между странами в рамках ШОС: Россия лоббирует интересы Индии как нового члена Организации, чему в течение долгого периода препятствовал Китай. В итоге был найден компромисс: наряду с Индией было принято решение о вступлении Пакистана в ШОС.

Другой линией противоречий являются отношения Китая и США. Позиции США в Центральной Азии делают уязвимыми стратегически важные объекты северо-запада КНР, которые связаны производством и испытанием ракетно-ядерного оружия. Более того, в этой части территории Китайской Народной Республики велика вероятность межэтнических конфликтов, а присутствие США в регионе создает условия для вмешательства извне в них. Китай, являясь крупнейшим потребителем ресурсов Центральной Азии, видит в США потенциального конкурента, намеревающегося развернуть транспортировку углеводородов в сторону Запада³.

По мнению китайских экспертов, отношения США, КНР и России «неравносторонним треугольником», в котором наибольшее расстояние сохраняется между Россией и США, при этом первая развивает отношения с КНР, однако связи Китая и США гораздо шире, однако сохраняются значительные противоречия в торговой сфере, в вопросах прав человека, Южно-Китайского моря, Тайваня и др. «Благоприятное развитие китайско-российских отношений не направлено против США, и не оказывает на них никакого влияния. Таким же образом, расширение сотрудничества между Китаем и США не затрагивает Россию и не оказывает влияние на напряженные российско-американские отношения»⁴ – мнение одного из китайских аналитиков, описывающая позицию КНР.

Россия и Китай в своей внешнеполитической стратегии придерживаются многополярного варианта устройства мирового порядка, поэтому они не без основания обеспокоены тем, что США могут использовать свое военное присутствие в Центральной Азии не только для борьбы с международным терроризмом, но и в собственных национальных интересах. Развернувшаяся геополитическая и геоэкономическая борьба за ресурсы стран региона и влияние на региональные процессы становятся ключевым фактором в формировании нового геополитического пространства Большой Евразии. Как отмечает директор Центра внешней политики и анализа Казахстана Б.К.Султанов, «нет никаких гарантий, что США под флагом искоренения международного терроризма не воспользуются сложившейся ситуацией для реализации собственных геополитических интересов в Центральной Азии: закрепление своего военного присутствия; взятие под контроль реальных и потенциальных маршрутов углеводородного сырья»⁵. Кроме того, под флагом борьбы с террористической угрозой в Аф-

ганистане, где во главе с США была развернута группировка войск стран НАТО, в Киргизии и в Узбекистане появились военные базы США. Хотя нельзя отрицать и того факта, что в нулевые годы США и Россия сотрудничали по вопросам борьбы с терроризмом в Афганистане и поэтому Россия предоставила коридор силам НАТО для переброски своих грузов. Однако, в настоящее время, когда позиции США в отношении России ужесточились, приобретя санкционный, агрессивный характер, Россия предприняла определенные шаги по лоббированию своих интересов в Центральной Азии и добилась того, что нынешнее руководство Киргизии ликвидировало договор о военной базе США в Манасе.

Согласно мнению, Б. К. Султанова, своими активными действиями в регионе «США наглядно продемонстрировали политическим элитам центрально-азиатских государств альтернативный вариант обеспечения безопасности в регионе – без участия России и КНР – и готовность раскрыть над ними «американский зонтик»⁶. Именно поэтому руководство Узбекистана сочло для себя более приемлемым сотрудничать с США, а не с Россией, что привело к выходу Узбекистана из ОДКБ и ослаблению их работы в ШОС. С целью повышения ослабленного интереса Узбекистана к работе ШОС, было принято решение о переносе места расположения Исполкома РАТС из Бишкека в Ташкент.

Как уже отмечалось в предыдущих главах, ШОС рассматривается зачастую западным экспертным сообществом как альтернатива НАТО в Центральной Азии. Однако, ШОС никогда не рассматривалась в таком ракурсе государствами-членами, но нельзя не согласиться с экспертом из Узбекистана Ф. Ф. Томеновым, что «не только в России и Китае, но и во многих других государствах, обнаруживших свои интересы в Центральной Азии, есть силы, стремящиеся реанимировать здесь модель баланса сил в региональном масштабе (между Россией и США, США и Китаем, Россией и Китаем)» [6]. Таким образом, подтверждается, что Центральная Азия вышла из периферийного положения в мировых делах. Главная задача второго десятилетия XXI века состоит в том, чтобы конфликтационные взаимодействия, которые были характерны для периода «холодной войны» не стали доминирующими в настоящее время, потому что существует объединяющая всех главных игроков (как региональных, так и внерегиональных) террористическая опасность, заявившая о себе еще 11 сентября 2001 года и продолжающая нарастать в разных регионах мира и, в частности, в Центральной Азии. Как отметил Леонид Гусев, старший научный сотрудник Аналитического института международных исследований при Московском институте международных отношений: «Конечно, там существует определенное соперничество между Россией и Соединенными Штатами, но есть также возможности для сотрудничества, особенно в вопросах безопасности»⁷.

Учитывая разные подходы к формированию нового мирового порядка (многополярного и однополярного), США, Россия и КНР объективно являются соперниками в регионе. Тем не менее, в последнее время начинает налаживаться диалог в области совместной борьбы с терроризмом, экстремизмом, трансграничной преступностью, наркоторговлей даже несмотря на кризис в отношениях России со странами Запада. Так,

3 Чжан Ю. Интересы Китая, России и США в Центральной Азии. Информационно-аналитический портал «Евразия», 2013 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://evrazia.org/article/2321> (дата посещения: 30.04.2016 г.).

4 Фу И. Неравносторонний треугольник отношений Китая, России и США. // Женьмин Жибао. 23.12.2015. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/n/2015/1223/c95181-8994641.html> (дата посещения: 30.04.2016 г.).

5 Султанов Б.К. Казахстан и Шанхайская организация сотрудничества в современных геополитических реалиях // Ситуация в Центральной Азии и Шанхайская организация сотрудничества. Сборник материалов конференции. М., 2010. С.292.

6 Там же. С. 297.

7 Шерф Д. США намерены расширять сотрудничество со странами Центральной Азии. Интернет-ресурс «Голос Америки». 03 ноября 2015. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.golos-ameriki.ru/content/web-central-asia-us-russia/3035496.html> (дата посещения: 30.04.2016 г.).

например, расширение ареала террористической деятельности так называемого «Исламского государства» подтолкнуло Россию и США к совместным действиям по противоборству данному опасному феномену.

Таким образом, существующие противоречия между государствами, связанные с противостоянием США и России на мировой арене, а также столкновением интересов КНР и США в некоторых областях, крайне тяжело преодолеть, так как задача каждого – вытеснить своего оппонента из региона. Одним из механизмов такого «вытеснения» является продвижение своих геоэкономических проектов в регионе: Россия продвигает Евразийский экономический союз, Китай – проект «Один пояс, один путь», а США – «Новый Шелковый путь». Позиции США в Центральной Азии и политический кризис в отношениях России со странами Запада после 2014 года объективно способствуют сближению Китая и России в последние годы⁸.

Развернувшаяся борьба в данном регионе между США, Россией и Китаем обуславливается различными интересами и задачами, которые они перед собой поставили. США рассматривают Центральную Азию как важный регион с точки зрения сохранения за собой мирового лидерства и закрепления однополярного мирового порядка. Россия традиционно имеет в этом регионе политические, экономические и культурные связи и интересы. Для Китая это перспективный рынок сбыта собственной продукции и источник ресурсов. В рамках ШОС, Россия и Китай, ставят целью сотрудничать в области предотвращения сепаратизма, экстремизма и терроризма⁹.

Полномерное сотрудничество между КНР, США и Россией имеет место быть в перспективе, если им удастся преодолеть разногласия. На данный момент Россия и Китай действуют в рамках ШОС для установления региональной безопасности, между ними и республиками Центральной Азии заключены соглашения, в рамках которых проводятся военные учения, консультативные работы, а также предупреждаются очаги терроризма. Что касается США, то они действуют в регионе совместно с НАТО.

Пристатейный библиографический список

1. Бжезинский З. Выбор. Мировое господство, или глобальное лидерство: [пер. с англ.] / Збигнев Бжезинский. – М.: Междунар. отношения, 2004.
2. Гребенщиков Э. Россия – Китай. На перекрестках азиатской дипломатии // Азия и Африка сегодня: ежемесячный научный и общественно-политический журнал. – 2004. – № 9. – С.9-12.
3. Султанов Б.К. Казахстан и Шанхайская организация сотрудничества в современных геополитических реалиях // Ситуация в Центральной Азии и Шанхайская организация сотрудничества. Сборник материалов конференции. М., 2010.
4. Фархутдинов И.З. Экономический суверенитет государств-участников БРИКС: новые вызовы и новые ответы // В сборнике: Россия: тенденции и перспективы развития Ежегодник: материалы XV Международной научной конференции «Модернизация России: ключевые проблемы и решения». Ответственный редактор Пивоваров Ю. С. 2015. – С. 579-585.
5. Фу И. Неравносторонний треугольник отношений Китая, России и США // Женьмин Жибао. 23.12.2015 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/n/2015/1223/c95181-8994641.html> (дата посещения: 30.04.2016 г.).
6. Чжан Ю. Интересы Китая, России и США в Центральной Азии. Информационно - аналитический портал «Евразия», 2013 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://evrazia.org/article/2321> <http://ria.ru/world/20150225/1049458016.html> (дата посещения: 30.04.2016 г.).
7. Шанхайская организация сотрудничества: структурное оформление и перспективы развития. Аналитические записки МГИМО. Выпуск 2 (4). Февраль 2005. С.11 [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://mgimo.ru/files2/y01_2012/218996/az-04.pdf <http://ria.ru/world/20150225/1049458016.html> (дата посещения: 30.04.2016 г.).
8. Шерф Д. США намерены расширять сотрудничество со странами Центральной Азии. Интернет-ресурс «Голос Америки». 03 ноября 2015 – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.golos-ameriki.ru/content/web-central-asia-us-russia/3035496.html> <http://ria.ru/world/20150225/1049458016.html> (дата посещения: 30.04.2016 г.).
9. The Conversation: сближение КНР и России – геополитическая ошибка США. РИА-новости, 25.02.2015. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ria.ru/world/20150225/1049458016.html> (дата посещения: 30.04.2016 г.).

8 Фархутдинов И.З. Экономический суверенитет государств-участников БРИКС: новые вызовы и новые ответы // В сборнике: Россия: тенденции и перспективы развития Ежегодник: материалы XV Международной научной конференции «Модернизация России: ключевые проблемы и решения». Ответственный редактор Пивоваров Ю.С. 2015. С. 579-585.

9 Гребенщиков Э. Россия – Китай. На перекрестках азиатской дипломатии // Азия и Африка сегодня: ежемесячный научный и общественно-политический журнал. 2004. № 9. С.10.

СНЕТКОВ Виталий Николаевич

доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой «Теория и история государства и права» Гуманитарного института Санкт-Петербургского государственного политехнического университета Петра Великого

ДОЛГОПОЛОВА Татьяна Анатольевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры «Теория и история государства и права» Гуманитарного института Санкт-Петербургского государственного политехнического университета Петра Великого

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В статье анализируются основные цели создания ЕврАзЭС и ШОС. Авторы затрагивают такие темы как цели и задачи ШОС и ЕАЕУ в области энергетики и экономики, правовые основы сотрудничества ШОС и ЕАЕУ, развитие нормативной основы в рамках сотрудничества.

Ключевые слова: правовое сотрудничество, ЕАЭС, ШОС, энергетика, развитие, региональное сотрудничество.

SNETKOV Vitaliy Nikolaevich

Ph.D. in political science, Professor, Head of Theory and History of State and Law sub-faculty of the Institute of the Humanities of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

DOLGOPLOVA Tatyana Anatolyevna

Ph.D. in Law, associate professor of Theory and History of State and Law sub-faculty of the Institute of the Humanities of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

THE POLITICAL AND LEGAL COOPERATION OF THE SCO AND THE EAEU IN THE FIELD OF ENERGY AND ECONOMY

The article analyzes the main objectives of the SCO and the EAEU. Authors consider such topics as: the goals and objectives of the SCO and the EAEU in the field of energy and economy, the legal bases of cooperation of the SCO and the EAEU in the field of energy and economy, the development of regional cooperation between the SCO and the EAEU in the field of energy and economy, the development of legislation in the bases of the SCO and the EAEU.

Keywords: Legal cooperation, SCO, energy, EAEU, development, regional cooperation.

Снетков В. Н.

Долгополова Т. А.

Образование новых сообществ предполагает широкое сотрудничество в мировом и региональном масштабах¹. Формы и методы международного сотрудничества на постсоветском пространстве должны быть основаны на добрососедстве и взаимопонимании, учитывая давние отношения между странами, экономические и иные аспекты взаимодействия.

Недавние события в Восточноевропейском регионе 2013–2015 гг. призывают более ответственно подходить к аспектам национальной обособленности и самоизоляции. В целях добрососедства и взаимопомощи, на наш взгляд, создание и развитие Евразийского экономического союза по своим целям и задачам отвечает потребностям развития стран региона.

По своим потенциалам ЕАЭС и ШОС относятся к крупнейшим региональным объединениям государств. Ожидается, что ЕАЭС будет занимать первое место в мире по добыче природного газа и нефти, четвертое – по объему добываемого угля, пятое – по добыче железной руды. Страны ЕАЭС занимают значительную площадь с водными, лесными и иными природными ресурсами, запасами полезных ископаемых².

Территория стран ЕАЭС – крупнейшая на планете. Его население приближается к отметке 200 млн.

ЕАЭС объединил Российскую Федерацию, Казахстан, Белоруссию, Армению и Кыргызстан, Армении для укрепления экономик стран-участниц и более близкого сотрудничества, для модернизации и повышения конкурентоспособности стран-участниц на мировом рынке. Так, ЕАЭС предполагает свободное, без границ перемещение товаров, услуг, капиталов и рабочей силы, реализация согласованной политики в области промышленности, энергетики, транспорта и сельского хозяйства, что благоприятно сказывается на экономике стран-участниц.

Казахстану, Китаю, России, Кыргызстану и Таджикистану удалось цивилизованно решить многие территориальные споры. Назрела необходимость создания принципиально новой межгосударственной организационной структуры, по решению вопросов политического, экономического, гуманитарного характера. На основе сложившегося политического климата, а также по причине возрастающей опасности превращения Центрально-Азиатского района в район перманентной нестабильности из-за резкой активации международного терроризма, Китай, Россия, Казахстан, Таджикистан и Кыргызстан, в 1996 г. подписали «Соглашение об укреплении мер доверия в военной области в районе границ» в Шанхае.

Президенты Белоруссии, Казахстана, России в 1995 г., и далее присоединившихся двух стран – Кыргызстана и Тад-

1 Фархутдинов И. З. ЕВРАЗЭС... да здравствует ЕАЭС! Евразийский экономический союз начинает действовать в 2015 году // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 9 (76). – С. 8-9.

2 Алимов А. А., Ермолина М. А. Перспективы участия России в международном сотрудничестве в сфере охраны окружающей среды в рамках развития евразийской экономической интеграции // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 1 (92). – С. 179.

жикистана впервые подписали документы о зарождении Таможенного союза. Эти договоренности и послужили основой для создания Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС)³, предшественника ЕАЭС.

Евразийское сообщество (ЕврАзЭС) было образовано 10 октября 2000 г. В состав ЕврАзЭС вошли Россия, Белоруссия, Казахстан, Киргизия и Таджикистан. В ЕврАзЭС была сформирована огромная договорно-правовая база многостороннего сотрудничества: 220 соглашений и договоров охватывают самые различные сферы, высоких технологий, торговли, инвестиций, до гуманитарных связей.

Соглашение о создании единой таможенной территории и Комиссии Таможенного союза в качестве единого постоянно действующего руководящего органа Таможенного союза (6 октября 2007 г., в Душанбе)⁴.

Евразийский экономический союз (Таможенный союз) начал работу 1 января 2010 г. Этот союз был закреплен тремя различными договорами. Первый договор был подписан в 1995 г., второй в 1999 о его формировании и третий в 2007г., где было заявлено о формировании таможенного союза и единой таможенной территории. В соответствии с требованиями технических регламентов союза доступ товаров на территорию Таможенного союза был осуществлен только после проверки этих товаров.

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) – международное интеграционное экономическое объединение, договор о создании которого был подписан 29 мая 2014 г. и вступил в силу с 1 января 2015 г. Текст договора включает 28 разделов и 118 статей, а также 32 приложения (всего около 700 страниц). В состав организации изначально вошли Россия, Казахстан и Белоруссия. ЕАЭС создан на базе Таможенного союза Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС). В ближайшие годы Государства-члены ЕАЭС планируют продолжать экономическую интеграцию. Со 2 января 2015г. равноправным участником ЕАЭС стала и Армения⁵. ЕАЭС предполагает свободное, без границ перемещение товаров, услуг, капиталов и рабочей силы и реализовывать согласованную политику в области промышленности, энергетики, транспорта и сельского хозяйства.

Отличие ЕАЭС от ЕврАзЭС состоит в том, что у нового образования появилась правосубъектность⁶. Некоторые эксперты, участвовавшие в ЕврАзЭС, сетовали на то, что очень трудно было вести совместные проекты с другими международными организациями из-за того, что не было юридической компании, от лица которой подписывались бы документы.

Следует отметить важные факторы интеграции:

1. Из-за одинакового уровня развития экономики, происходит «здоровое» соперничество на рынке ЕАЭС.
2. Благодаря снижению затрат на сырьевую перевозку или экспорт готовых товаров, снижаются цены на продукцию.
3. Из-за повышения трудовой производительности и уменьшения расходов, как следствие – повышение заработной платы.

3 Мансуров Т. А. На пути к Евразийскому экономическому союз // Россия и современный мир. – 2012. – № 1. – С. 14-25.

4 Мансуров Т. А. Курс на сотрудничество. ЕврАзЭС в системе современных международных отношений // Проблемы управления. – 2008. – № 1. – С. 35.

5 Армения присоединилась к Евразийскому экономическому союзу. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eaeunion.org/#about-media> (дата обращения: 10.04.2015).

6 Исаков И. Ж. Перспективы углубления евразийской интеграции во втором десятилетии XXI столетия // Евразийская интеграция. – 2012. – № 12. – С. 181.

4. Из-за вхождения новых стран-участниц, наблюдается большая конкуренция среди стран участниц на рынке Таможенного союза.

5. Повышение производительности из-за повышения товарного спроса.

6. Увеличение обеспеченности народов стран ЕАЭС, из-за увеличения занятости народа и уменьшения цен на продукты.

7. Увеличение спроса на новые технологии.

Расширение союза в области энергетики будет одной из главных задач в 2015 – 2016 гг. Более ста соглашений разработано участниками ЕАЭС, с акцентом на развитие рынка газа и нефти.

В 2015 году одобрен проект «Концепции формирования общего электроэнергетического рынка ЕАЭС», в котором обозначены задачи и цели построения рынка, этапы создания, путь взаимодействия между участниками и субъектами рынка, этапы его создания.

Сроком до 1 июля 2016 г. будет проходить программа формирования общего электроэнергетического рынка ЕАЭС, в срок с 2016 по 2018 г. г., должны будут реализовать выполнение мероприятий, которые будут необходимы, чтобы этот рынок функционировал. А к 2019 году запланировано вступление в действие международного договора о создании общего энергетического рынка ЕАЭС. В рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) планируется создание единого электроэнергетического рынка.

Суверенное равенство государств ЕАЭС проявляется в том, что исполнительный секретарь организации (который возглавляет Секретариат – административный орган, расположенный в Пекине) назначается Советом глав государств из числа граждан государств-членов на ротационной основе сроком на три г.).

Следует отметить, что ШОС реализуется в тесном сотрудничестве с другими субъектами международного права. В настоящее время установлено и активно развивается плодотворное сотрудничество с такими международными организациями, как ООН, СНГ, ОДКБ, ЕАЭС, АСЕАН, ЭСКАТО и ОЭС. Кроме того, ШОС пополнилась целым рядом стран-наблюдателей и стран, которые имеют статус партнеров по диалогу. Самыми первыми документами, принятыми ШОС, стали Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества, Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом и Совместное заявление о подключении Узбекистана к механизму «Шанхайской пятерки».

Деятельность ШОС регулируют документы: Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества (15.06.2001); Бишкекская декларация 16 августа 2007 г. Саммит глав государств, г. Бишкек; Положение о Деловом совете государств – членов Шанхайской организации сотрудничества (Утверждено Решением Сессии Делового совета государств-членов ШОС 14 июня 2006 г. в Шанхае); Душанбинская декларация (28.08.2008); План мероприятий по выполнению Программы многостороннего торгово-экономического сотрудничества государств-членов ШОС; Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом (2001 г.). Хартия ШОС⁷ (2002г.) являющаяся базовым уставным документом, она определяет задачи, цели и принципы Шанхайской организации сотрудничества, ее структуру и основные направления деятельности; Соглашение о создании Регио-

7 Шанхайской организации сотрудничества от 07.06.2002: офиц. текст по состоянию от 05.07.2007 // Бюллетень международных договоров. – 2007. – № 1. – С. 8- 17.

нальной антитеррористической структуры (РАТС) ШОС, заключенное в 2002 г.

Главными итоговыми документами Бишкекского саммита (август 2007 г.) стали Договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств-членов ШОС и Бишкекская декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества.

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) – международное интеграционное экономическое объединение (союз), договор ЕАЭС, на базе Таможенного союза и Единого экономического пространства, был подписан 29 мая 2014 г. и вступил в силу с 1 января 2015 г. Текст договора включает 28 разделов и 118 статей, а также 32 приложения (всего около 700 страниц). Также, помимо договора о Евразийском экономическом союзе, договорно-правовую базу ЕАЭС составляют Таможенный кодекс Союза, Международные договоры в рамках Союза⁸.

ЕАЭС был создан для укрепления экономик стран-участниц и «сближения друг с другом», для модернизации и повышения конкурентоспособности стран-участниц на мировом рынке.

Договор Евразийского экономического союза, является обязательной его частью. В ходе работы над Договором были существенно сокращены изъятия и барьеры, мешающие свободному перемещению товаров, услуг, капиталов и рабочей силы. Кодификация международных договоров, составляющих договорно-правовую базу Таможенного союза и Единого экономического пространства, проводится в соответствии с решением Межгосударственного совета ЕвразЭС (Высшего органа Таможенного союза) на уровне глав правительств от 15 марта 2011 г. № 73 «О подходах к кодификации законодательства Таможенного союза и Единого экономического пространства, включая предложения по реализации Декларации о формировании Единого экономического пространства Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации от 9 декабря 2010 г.» и решением Межгосударственного совета ЕвразЭС (Высшего органа Таможенного союза) на уровне глав правительств от 19 мая 2011 г. № 91 «О годовом отчете об исполнении сметы расходов Комиссии Таможенного союза за 2010 год».

Договор о ЕАЭС состоит из двух частей. В первой-институциональной – описаны стратегические цели и задачи евразийской интеграции, определяется правовой статус союза как полноформатной международной организации. Обозначены главные принципы его деятельности-сотрудничество на взаимовыгодной основе. Система органов союза: Высший Евразийский экономический совет (уровень глав государств), Евразийский межправительственный совет (уровень глав правительств), Евразийская экономическая комиссия и Суд ЕАЭС. Оговаривается компетенция, порядок формирования и работы каждого из упомянутых органов.

В функциональной части регулируются механизмы экономического взаимодействия, а также зафиксированы определенные обязательства по отраслевым направлениям интеграции. Обозначены главные принципы и правила конкурентной и антимонопольной политики.

Заключение Договора – событие исторического значения с точки зрения развития интеграционных процессов на евразийском пространстве. Это ознаменует переход России, Беларуси и Казахстана на качественно новый этап взаимодействия,

обеспечит условия для свободного перемещения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы.

В Договоре⁹ о ЕАЭС общим вопросам энергетики посвящен раздел XX «Энергетика» (статьи 79-85 третьей части «Единое экономическое пространство»). Принципы изложены в ст. 79: «В целях эффективного использования потенциала топливно-энергетических комплексов государств-членов, а также обеспечения национальных экономик основными видами энергетических ресурсов (электроэнергия, газ, нефть и нефтепродукты), государства-члены развивают долгосрочное взаимовыгодное сотрудничество в сфере энергетики, проводят скоординированную энергетическую политику, осуществляют поэтапное формирование общих рынков энергетических ресурсов в соответствии с международными договорами, предусмотренными в «статьях 81», «83» и «84» настоящего Договора, с учетом обеспечения энергетической безопасности, исходя из следующих основных принципов:

- 1) обеспечение рыночного ценообразования на энергетические ресурсы;
- 2) обеспечение развития конкуренции на общих рынках энергетических ресурсов;
- 3) отсутствие технических, административных и других препятствий торговле энергетическими ресурсами, соответствующим оборудованием, технологиями и другими связанными с ними услугами;
- 4) обеспечение развития транспортной инфраструктуры общих рынков энергетических ресурсов;
- 5) обеспечение недискриминационных условий для хозяйствующих субъектов государств-членов на общих рынках энергетических ресурсов;
- 6) создание подходящих условий, чтобы привлекать инвестиции в энергетический комплекс государств-членов;
- 7) гармонизация национальных норм и правил деятельности технологической и коммерческой инфраструктуры общих рынков энергетических ресурсов»

Более точные принципы, правила и условия формирования именно общих рынков нефти и нефтепродуктов предусмотрены в Приложении № 23 к Договору о ЕАЭС «Протокол о порядке организации, управления, функционирования и развития общих рынков нефти и нефтепродуктов» (далее – «Протокол»).

При этом положения Протокола № 23 к Договору о ЕАЭС в отношении общих рынков нефти и нефтепродуктов в значительной степени восприняли положения Соглашения о порядке организации, управления, функционирования и развития общих рынков нефти и нефтепродуктов Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации от 09 декабря 2010 г., которое прекратило свое действие в связи с вступлением в силу Договора о ЕАЭС 1 января 2015 г.

В ст. 79 Договора о ЕАЭС закреплены основные общие принципы в сфере энергетики, в том числе, рыночное ценообразование на энергетические ресурсы, недискриминационные условия для хозяйствующих субъектов.

Согласно Договору о ЕАЭС формирование ОЭР (Общий электроэнергетический рынок) ЕАЭС должно быть завершено в 2019 г. В рамках первого этапа ожидается создание и одобрение Высшим советом ЕАЭС концепции (до 1 июля 2015 г.) и Программы формирования ОЭР ЕАЭС (до 1 июля 2016 г.).

8 Бекашев Д. К. Международно-правовые основы создания и функционирования Евразийского экономического союза: Учебное пособие. – М.: Изд-во Проспект, 2015. – С. 67.

9 Договор о Евразийском экономическом союзе: офиц. текст по состоянию на 10.10.2014. Официальный интернет-портал правовой информации – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 30.04.2016 г.).

г.). Второй этап формирования ОЭР ЕАЭС подразумевает осуществление мероприятий, которые предусмотрены программой (до 1 июля 2018 г.). На третьем, конечном этапе будет заключен международный договор в рамках ЕАЭС о формировании ОЭР, вступление в силу его планируется не позднее 1 июля 2019 г.

Международные договоры в рамках Союза по смыслу ст.2 Договора заключаются между государствами-членами по вопросам, связанным с деятельностью и развитием Союза. Другими словами, они не изменяют положений главного договора, а дополняют их, то есть имеют свой собственный предмет регулирования, правда не выходящий за пределы, установленные учредительным договором. Вместе с тем, если государства-члены захотят внести изменения в учредительный договор, то такая возможность им предоставляется ст. 115 данного договора.

ЕАЭС был создан для укрепления экономик стран-участниц и более близкого сотрудничества, для модернизации и повышения конкурентоспособности стран-участниц на мировом рынке. ЕАЭС предполагает свободное, без границ перемещение товаров, услуг, капиталов и рабочей силы, реализация согласованной политики в области промышленности, энергетики, транспорта и сельского хозяйства, что благоприятно сказывается на экономике стран-участниц. В условиях кризисных явлений, наблюдаемых в Европейском союзе с осени 2015 года и в начале 2016 года видится перспектива более устойчивого развития ЕАЭС на евразийском пространстве. В рамках ЕАЭС, также как и в рамках ШОС, ОДКБ развивается российское законодательство и законодательство стран-участниц, образуя новый подход к нормотворчеству в условиях взаимодействия и взаимопроникновения правовых систем на евразийском пространстве.

Пристатейный библиографический список

- Алимов А. А., Ермолина М. А. Перспективы участия России в международном сотрудничестве в сфере охраны окружающей среды в рамках развития евразийской экономической интеграции // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 1 (92). – С. 177-181.
- Бекашев Д. К. Международно-правовые основы создания и функционирования Евразийского экономического союза: Учебное пособие. М.: Изд-во Проспект, 2015. – С. 9-10.
- Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества: офиц. текст по состоянию от 15.06.2001 // Дипломатический вестник. – 2001. – № 7. – С. 27-29.
- Мансуров Т. А. Курс на сотрудничество. ЕвразЭС в системе современных международных отношений // Проблемы управления. – 2008. – № 1. – С. 35-38.
- Мансуров Т. А. На пути к Евразийскому экономическому союзу // Россия и современный мир. – 2012. – № 1. – С. 14-25.
- Об основных ориентирах макроэкономической политики государств – членов Евразийского экономического союза на 2015 – 2016 годы: решение Высшего Евразийского экономического совета от 08.05.2015 № 11: офиц. текст по состоянию от 08.05.2015 // Официальный сайт Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eaunion.org/> (дата посещения: 30.04.2016 г.).
- Об утверждении состава Организационного комитета по подготовке и обеспечению председательства Российской Федерации в Шанхайской организации сотрудничества в 2014 – 2015 г.г. и в объединении БРИКС в 2015 году: распоряжение Президента Российской Федерации от 01.12.2012 № 538-рп: офиц. текст по состоянию на 24.11.2014 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 10.12.2012. – № 50 (ч. 5). – Ст. 7046.
- О перечне общих процессов в рамках Евразийского экономического союза и внесении изменения в Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 19 августа 2014 г. №132: решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 19.08.2014 № 29: офиц. текст по состоянию на 14.04.2015 – Официальный сайт Евразийского экономического союза. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eaunion.org/> (дата посещения: 30.04.2016 г.).
- О роли Российской Федерации в евразийском интеграционном процессе: перспективы развития и углубления экономической интеграции: постановление СФ ФС Российской Федерации от 16.04.2014 № 122-СФ: офиц. текст по состоянию на 16.04.2014 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. № 17. – Ст. 1938.
- Хартия Шанхайской организации сотрудничества от 07.06.2002: офиц. текст по состоянию от 05.07.2007 // Бюллетень международных договоров. – 2007. – № 1. – С. 8-17.
- Фархутдинов И. З. ЕВРАЗЭС... да здравствует ЕАЭС! Евразийский экономический союз начинает действовать в 2015 году // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 9 (76). – С. 8-9.

ЧЕРНОВ Игорь Вячеславович

кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета

ШАМГУНОВ Руслан Габдрашитович

кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений на постсоветском пространстве Санкт-Петербургского государственного университета

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ИНТЕГРАЦИОННЫХ И МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В статье раскрывается роль лингвистического фактора в миграционных и интеграционных процессах на евразийском пространстве. Авторы рассматривают языковой коллектив как первооснову любой социальной и политической организации. Миграционные процессы в значительной степени влияют на развитие современного государства, а продуманная лингвистическая политика становится одним из важнейших гарантов его сохранения.

Ключевые слова: миграция, интеграция, нация, языковое сообщество, языковая политика.

CHERNOV Igor Vjacheslavovich

Ph.D. in historical sciences, associate professor of World Politics sub-faculty of the Saint-Petersburg State University

SHAMGUNOV Ruslan Gabdrashitovich

Ph.D. in historical sciences, associate professor of International Relation in Postsoviet Space sub-faculty of the Saint-Petersburg State University

LINGUISTIC AND JURIDICAL FACTORS OF PROCESS OF MIGRATION AND INTEGRATION AT THE EURASIAN SPACE

In article reveals the role of a linguistic factor in migratory and integration processes on the Euroasian space. The authors consider language collective as a fundamental principle of any social and political organization. Migratory processes substantially influence the development of the modern state, and the thought-over linguistic policy becomes one of the major factor of his preservation.

Keywords: migration, integration, nation, linguistic community, linguistic policy.

Чернов И. В.

Шамгунов Р. Г.

Ещё древнеримский писатель и политический деятель Цицерон (1 в. до н.э.) писал о Риме как о 'civitas ex nationum conventu constituta' («обществе, состоящем из различных собравшихся национальностей»)¹. В его глазах именно это обстоятельство являлось ключевым объяснением воровства, насилия и разгула преступности, которые стали повседневным явлением в тогдашнем Риме. В имперскую эпоху уже Сенека, Тацит и Ювенал выражали свою озабоченность перед наплывом иностранного населения, которое трансформировало город и лишало его «исконной природы». Тем не менее, имперские амбиции и военно-политическая интеграция региона Средиземноморья не могли не сопровождаться миграционными процессами, а озабоченность древних авторов оказалась несколько преувеличенной – Римская империя только входила в эпоху своего расцвета и просуществовала ещё около 500 лет.

Очевидно, что любой интеграционный процесс между государствами приводит не только к усилению экономического и политического сотрудничества, но и, как следствие, к снятию миграционных барьеров внутри интеграционного объединения, к созданию общего рынка труда и капитала. Несмотря на очевидные отличия между такими интеграционными объединениями как Европейский Союз и Евразийский экономический союз (ЕАЭС), многие закономерности и проблемы, с которыми сталкиваются эти организации, имеют много об-

щего. В том числе, это касается проблем, связанных с миграционными потоками. Причём, речь скорее идёт не о развитии сотрудничества между организациями в этой сфере (так, например, проекты Европейского Союза на Украине приживались с большими сложностями, и нередко оказывались неэффективными, способствуя обострению социальной напряженности и росту конфликтного потенциала в стране и регионе в целом²), но о значительном сходстве, происходящих процессов, позволяющем использовать чужой (в том числе и негативный) опыт.

10 октября 2000 года был подписан Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества (ЕвразЭС). В отличие от своих предшественников, ЕвразЭС получил международный статус и стал субъектом международного права³. В рамках ЕвразЭС действуют безвизовый режим передвижения граждан стран-участниц и упрощенный порядок получения ими гражданства в государствах Сообщества, на территории всех этих стран признаны сертификаты, ученые степени и документы о получении образования, выданные в любом государстве ЕвразЭС. С 1 января 2015 г. вместо Евразийского экономического сообщества начал функционировать Евразийский экономический

1 Laurence E. Tасoma. Moving Romans: Migration to Rome. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://books.google.ru/books?id=mZUDDAAQBAJ&pg>

2 Кацы Д. В. Из истории взаимоотношений Европейского Союза с Украиной: реалии партнерства // Университетский научный журнал (филологические и исторические науки, археология и искусствоведение). – №18. – 2016. – С. 88-95.

3 Фархутдинов И.З. ЕВРАЗЭС... да здравствует ЕАЭС! Евразийский экономический союз начинает действовать в 2015 году // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 9 (76). – С. 8.

союз (ЕАЭС). Поскольку на пространстве ЕвразЭС существует разноскоростная интеграция в 2010 г., был создан Таможенный союз (ТС), включивший в себя только три страны: Беларусь, Казахстан и Россию, готовых выполнять взятые на себя обязательства. В 2012 г. с их участием было сформировано Единое экономическое пространство. Подписанные соглашения предусматривают свободу передвижения капитала и труда, общую политику конкуренции, координирования макроэкономической политики, торговли услугами, технических стандартов, а также доступа к газо- и нефтепроводам, электросетям и железнодорожным сетям⁴.

На постсоветском пространстве в лице Беларуси, Казахстана и России сформировалось ядро интеграционных процессов, к которому примкнули Армения и Кыргызстан, а Таджикистан выразил свое желание последовать их примеру. В том, что от присоединения выиграют экономики этих республик, сомнений не возникает. Другое дело, насколько присоединение этих государств способствует развитию реальной интеграции. Кыргызстан с его непрекращающимися политическими и экономическими потрясениями создает больше проблем для его партнеров, чем приносит пользу и кроме геополитических причин трудно привести обоснования его присоединения к Единому экономическому пространству. То же самое можно говорить об Армении и Таджикистане, хотя с политической стабильностью там пока все в порядке. Единственно, что способны реально дать эти республики для интеграции, это трудовые ресурсы.

Если в 90-е годы XX века основным потоком мигрантов, приехавших в Россию, были русскоязычные граждане бывшего Советского Союза, покинувших бывшие союзные республики из-за нахлынувшей волны национализма, то в 2000-е годы основным потоком мигрантов стали граждане новых суверенных государств, покинувшие свои страны в поисках заработка.

Только в Россию ежегодно приезжало на заработки до 7 млн. мигрантов, минимум четверть из них на нелегальной основе, и 60% мигрантов были выходцами из стран Центральной Азии⁵. По данным ФМС, на июль 2014 года в Российской Федерации находилось 11,1 млн. иностранцев, примерно 3,7 млн. - нелегалы⁶. Россия стала второй страной мира по количеству мигрантов на ее территорию, уступая лидерство только США. Появление новых нескольких миллионов рабочих рук, тем не менее, не создавало проблем на рынке занятости, т.к. на рабочие места, занимаемые трудовыми мигрантами, россияне не претендовали из-за неудовлетворительных условий труда или его низкой оплаты. Значительная часть мигрантов, в подавляющем большинстве случаев являющейся низко квалифицированной, занята в торговле и строительстве.

С созданием и началом работы Евразийского экономического союза, одним из ключевых условий функционирования является свобода передвижения рабочей силы, возможностей для трудовой миграции станет больше. Что создает определенные проблемы для всех участников миграционных процессов.

Для России это проблема появления рабочей силы либо плохо владеющих русским языком страны, либо не знающей его вовсе, как не знающих правил поведения, принятых в РФ, что приводит к конфликтным ситуациям. Ситуацию усугубляет отсутствие или непроработанность процедур и механизмов интеграции и натурализации мигрантов.

Не менее серьезной проблемой является перевод заработанных средств за рубеж. В 2006 г. объем трансакций из Российской Федерации в страны СНГ, по данным Центробанка, равнялся 1,29 млрд. долларов, а экономический ущерб, причиненный нелегальным вывозом денег из-за неуплаты налогов, составлял более 8 млрд. долларов в год⁷.

В 2015 году трудовые мигранты перевели на родину 33 млрд. долларов⁸. И это при том, что в России ухудшилась экономическая ситуация, вызванная падением цен на нефть и обрушением российского рубля. Власти ожидали сокращения масштабов трудовой миграции из стран Центральной Азии на 70%. Если приток мигрантов и сократился, российская экономика этого не заметила. Основными получателями денежных средств из России являются Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан и Украина.

Россия не является единственной страной на ЕЭП, принимающих трудовых мигрантов. Привлекателен для мигрантов Казахстан, который по темпам экономического развития, по средней заработной плате обогнал Россию. Казахстан не провел девальвацию национальной валюты. Поэтому нет ничего удивительного, что Казахстан импортирует трудовые ресурсы из России. По данным за 2014 год, в страну приехало 8 тыс. россиян¹⁰, больше, чем из любой другой страны постсоветского пространства. Так же как и в России, иностранцы работают в строительном секторе.

Для стран-доноров отток квалифицированных кадров создает проблемы для экономического развития, обрекая их на экономическое отставание. Даже для экономически развитого Казахстана это является проблемой - за последние годы число эмигрантов из Казахстана с высшим образованием превысило число иммигрантов с высшим образованием на 65%¹¹.

Но это палка о двух концах. В Россию и Казахстан приезжают те, кто не может найти работу дома, что способствует снижению уровня безработицы и несколько снимает напряженность в стране. Плюс поступление огромных денежных средств. Для Кыргызстана денежные переводы из России составляют 20% национального бюджета. Правда, если правительство совсем перестает заботиться о собственном населении, то никакие денежные переводы не спасут. Это на себе испытали президенты Кыргызстана.

Наконец, «согласно современному международному праву государства должны прилагать все усилия к тому, чтобы строить свои международные отношения на основе взаимопонимания, доверия, уважения и сотрудничества во всех областях»¹². Разумеется, это касается и миграционных процессов. В целом нужно согласиться с утверждением специалистов, что миграционные процессы являются важнейшей составляющей международного сотрудничества на пространстве Евразийского экономического союза¹³. Опыт миграцион-

7 Российская газета. – 25 октября 2007.
8 Всемирный банк: за год мигранты перевели из России на родину 33 млрд долларов. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.banki.ru/news/lenta/?id=8532004>
9 Ромодановский: миграция в РФ из-за новых законов снизилась на 70%. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.mk/politics/2015/01/09/romodanovskiy-migraciya-v-rf-izza-novikh-zakonov-snizilas-na-70.html
10 kapital.kz/gosudarstvo/36507/v-rk-ne-ozhidaetsya-naplyva-trudovyh-migrantov-iz-stran-eaes.html
11 kapital, kz/economic/34984/v-severnyh-regionah-deficit-kvalificirovannyh-kadrov.html
12 Фархутдинов И.З. Международное право о принципе неприменения силы или угрозы силой: история и современность // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 11 (90). – С. 34-38.
13 Черненко Е.Ф. Особенности миграционных процессов в евразийском экономическом пространстве. Вестник МГЭИ. – 2015. – №1. – С.56.

4 Евразийское Экономическое Сообщество. Единое экономическое пространство. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.evrazes.com/customunion/eepr>

5 Ионцев В., Ивахнюк И. Модели интеграции мигрантов в современной России. Научно-исследовательский отчет 2013/12 / КАРИМ Восток – Консорциум прикладных исследований по международной миграции; Европейский университетский институт [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/27871/CARIM-East_RR-2013-

6 Рост безработицы среди мигрантов. «Известия». Экономика. 25 декабря 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.mail.ru/economics/20578604>

7 Российская газета. – 25 октября 2007.

8 Всемирный банк: за год мигранты перевели из России на родину 33 млрд долларов. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.banki.ru/news/lenta/?id=8532004>

9 Ромодановский: миграция в РФ из-за новых законов снизилась на 70%. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.mk/politics/2015/01/09/romodanovskiy-migraciya-v-rf-izza-novikh-zakonov-snizilas-na-70.html

10 kapital.kz/gosudarstvo/36507/v-rk-ne-ozhidaetsya-naplyva-trudovyh-migrantov-iz-stran-eaes.html

11 kapital, kz/economic/34984/v-severnyh-regionah-deficit-kvalificirovannyh-kadrov.html

12 Фархутдинов И.З. Международное право о принципе неприменения силы или угрозы силой: история и современность // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 11 (90). – С. 34-38.

13 Черненко Е.Ф. Особенности миграционных процессов в евразийском экономическом пространстве. Вестник МГЭИ. – 2015. – №1. – С.56.

ной политики, накопленный не только странами-членами ТС или ЕЭП, но и другими интеграционными объединениями (например, ЕС), необходимо учитывать в процессе расширения и углубления интеграционных процессов.

Россия в некотором отношении похожа на Францию и потому иногда заимствует её опыт. Видимо, поэтому франко-голландское восприятие нации начинает прокладывать себе путь и в российской науке. Например, В. А. Тишков выступает за необходимость утверждения в стране понятия многоэтнической гражданской нации наряду с «безраздельно господствовавшим понятием культурной нации или этнонации»¹⁴. Тишков пишет, что в России «до сих пор отвергается существование многоэтнической гражданской нации, несмотря на высокий уровень социально-культурной гомогенности населения страны и повседневно демонстрируемую российскость рядовыми гражданами. Вместо этого сохраняется доктрина «многонационального народа России», а не «многонародной нации», что было бы гораздо точнее»¹⁵. С точки зрения В. А. Тишкова, «важнейшим направлением государственно-образовательной политики на ближайшее десятилетие представляется утверждение доктрины России как национального государства с многоэтническим составом населения и гражданской общностью россиян. Это единственно возможная доктрина государственно-образовательной политики, которой следуют все страны мира ... Только Россия представляет собой саморазрушительное исключение. Несостоятельная доктрина сути самого государства как некой не до конца самоопределившейся общности активно используется против России во внешних соперничествах»¹⁶. По-видимому, идеи В. А. Тишкова были услышаны, когда в России конституционно закрепился статус русского языка и было отменено в республиках, входящих в Российскую Федерацию, требования к кандидатам в президенты о знании местного языка, объявленного официальным. Заметно влияние его публикаций и в Послании президента России Д. А. Медведева к Федеральному собранию Российской Федерации. В нём президент неоднократно употребляет такие обобщающие слова о многонациональном населении страны как «народ с тысячелетней историей, освоивший и цивилизовавший огромную территорию», «судьба великого народа» и, наконец (в соответствии с предложениями В. А. Тишкова, «конституция предопределила путь обновления России как государства свободной нации», «единство российской нации – как залога стабильного цивилизованного развития всей страны»¹⁷. Это – новое, мы бы сказали инновационное толкование конституционного положения о многонациональном народе России. Вероятно, в обществе созрели условия или скорее, возникла потребность (в том числе на мировом уровне) в представлении всего населения России как сплочённой социальной общности (нации, но не единого этноса, до этого очень далеко). Мы сознательно не употребляем термина «новая историческая общность», применявшегося к советскому народу, т.к. не хотим проводить какие-то исторические параллели и вызывать соответствующие ассоциации. Отметим, также, что сам «французский образец», как было показано выше переживает серьёзный кризис. Насколько оправдано для России не теоретическое, а практическое следование по пути Франции в области миграционной политики и «нациестроительства»?

Любое современное многонациональное государство, определяя возможные контуры своей языковой и националь-

ной политики, неизбежно сталкивается с лингвистическим парадоксом. Этот парадокс заключается в том, что с одной стороны для долговременного сохранения единства разных этнических элементов внутри одного политического образования необходима языковая унификация (государственный язык), а с другой стороны навязывание государственного языка с неизбежностью ведёт к ущемлению других языков и, следовательно, способствует росту национализма «малых» этносов-языков и распаду государственного единства. «С момента возникновения современные государства всегда стремятся к языковой унификации... Единый язык – это средство национальной консолидации и заметный маркер, отличающий население одного государства от внешнего мира. Но эта идеальная форма в реальности не существует»¹⁸.

Укрепление единства нации возможно через продуманную языковую политику. Перечислим возможные направления лингвистической политики государства:

1) Успешная лингвистическая ассимиляция (когда один язык объявлен государственным и всячески навязывается иноязычным гражданам) это путь, пройденный многими нациями-государствами. Так, из 193 суверенных государств 148 официально имеют один государственный язык, опирающийся на государство и ассимилирующий все остальные. Это оптимальный метод для создания нации в понимании позапрошлого века, но, очевидно, что это средство неприемлемо в современном демократическом государстве, не сумевшем стереть в менее политкорректные времена все другие языки на своей территории (или получившей новые в результате сравнительно недавней массовой иммиграции). Как отмечал в своей книге «Воображаемая Франция: закат мечты об унитарности» П. Бирнбаум, Франция была создана политической волей, а не географическим детерминизмом. Централизация и авторитет государства служили для того, чтобы заставить бретонцев, провансальцев, эльзасцев, жителей Иль-де-Франса и т.д. жить вместе. С другой стороны именно духовная унификация различных этносов делало государство сильным. Потому во Франции было изобретено столько методик гомогенизации, призванных разрушить соперничающие идентичности. Во имя единства нередко отвергались не только плюрализм, но и толерантность. Этот революционный идеал Нации был полностью воспринят де Голлем, но с тех пор эта сконструированная идентичность нации стала предметом идеологического «франко-французского конфликта», и как отмечает Ю. И. Рубинский, «под вопросом оказалась сложившаяся веками модель монокультурного общества, которая компенсировала неоднородность его этнических корней за счёт ассимиляторской политики государства»¹⁹. В современном мире ассимиляционная лингвистическая политика приведёт не только к внутриполитическому напряжению и радикализации не желающих ассимилироваться, но и к серьёзному внешнему давлению на государство-ассимилятора как нарушающего права человека.

2) Полное фактическое равенство языков (официальный мультилингвизм).

Официальный мультилингвизм (или билингвизм), декларирует предоставление двум и более языкам в рамках одного государства одинаковых коммуникативных возможностей («власти») во всех социальных сферах, на всех социальных уровнях. То есть декларируется принцип так называемого «идеального» мультилингвизма (билингвизма), который, на самом деле фактически не достижим. Кроме того, представляется, что официальный мультилингвизм (как государственная политика по предоставлению полного юридического равенства двум или нескольким языкам) также является ис-

14 Тишков В. А. Этнология и политика. Статьи 1989-2004 годов. – М., 2005. – С.8

15 Там же. С. 146.

16 Тишков В. А. Этнология и политика. Статьи 1989-2004 годов. – М., 2005. – С. 146.

17 Президент Российской Федерации Д. А. Медведев. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации (стенограмма). 5 ноября 2008 г. // top.rbc.ru/society/05/11/2008/258446. 30.01.2009.

18 Тишков В. А. Этнология и политика. Статьи 1989-2004 годов. – М., 2005. – С. 223.

19 Рубинский Ю. И. Национальная идея в политической культуре Франции. – М., 2004. – С. 54.

точником конфликтов. Это неизбежный факт, так как объективно происходит неравное распределение социальных ролей между языками, находящимися между собой в конкурентной борьбе. Официальный мультилингвизм не только не является оптимальным методом сохранения стабильности нации, но и часто ведёт к этнолингвистическим конфликтам. Как ни может быть двух (и более) государственных машин в одном государстве, претендующем на стабильность, так не могут сосуществовать два (и более) государственных языка, имеющие не только равные юридические, но и фактические права. В случае наличия двух примерно равных и по статусу и по количеству носителей государственных языков в одном государстве, они неизбежно начинают бороться за доминирование на всей территории, делят её на свои языковые зоны, провоцируют «территориальные» конфликты внутри государства (пример Бельгии). В случае явного численного перевеса носителей одного из государственных языков, доминирующий язык неизбежно вытесняет малые языки в непрестижные сферы (прежде всего в домашнее общение), даже при декларировании юридического равенства. Доминирующее большинство, испытывая «незаконное» чувство лингвистического превосходства, что неизбежно вызывает законное требование уважения своей культурной идентичности у представителей малых этносов, опирающихся на свои конституционные права. Официально признанный государственный мультилингвизм (или билингвизм), как, например, в Индии, Канаде, Бельгии, не является знаком особой толерантности данных государств, но скорее знаком исторической слабости. Эти государства официально стали многоязычными в силу абсолютной необходимости, мультилингвизм стал для них необходимым условием для выживания, для сохранения гражданского мира, но он не может принести долговременную стабильность и создать единую нацию (пример Бельгии, Канады и т.д.). Видимо, единственным успешным примером государственного мультилингвизма остаётся Швейцария. Но и она должна рассматриваться как особый случай, т.к. это государство разделено на кантоны – квазигосударства по языковому принципу (официальное название «Швейцарская Конфедерация»). Итак, реальный мультилингвизм опасен для единства государства, и его применение это вынужденная мера для государств, пытающихся удержать своё единство хотя бы в краткосрочной перспективе.

3) Придание языкам национальных меньшинств особого статуса в отдельных регионах (привязка мультилингвизма к конкретной территории). Миноритарные языки выживают на территории государства, созданного первоначально иным языком-этносом, только в условиях сильной географической концентрации носителей малого языка в той или иной местности. Причём, при придании официального статуса малому языку (вместе с государственным) на определённой территории, внутри этого автономного образования неизбежно повторяется языковой конфликт, свойственный многоязычным государствам, но уже «в миниатюре». Причём, иногда лингвистически «угнетёнными» становятся носители «большого» государственного языка, не желающие мириться с отходом своего языка на вторые роли в «своей» стране. Как отмечал А.Лапонс «язык как символ идентичности является наиболее мощным фактором этнической и социальной принадлежности и в то же время фактором дифференциации и исключения». Самоутверждение того или иного языка идёт вместе с поиском доминирования на определённой территории, что порождает новые конфликты. Часто процесс придания официального статуса тому или иному малому языку в отдельном регионе сопровождается всё большей регионализацией тех или иных официально иноязычных областей государства, т.е. более замедленной и «цивилизованной» формой фрагментации, но не её остановкой.

4) Мультикультурализм без мультилингвизма.

Представляется, тем не менее, что данный парадокс может быть преодолен с помощью продуманной лингвистической и национальной политики, проводимой по трём главным направлениям.

1. Необходимо признание и государственная поддержка некоторых элементов мультикультурализма как политической философии. Это включает не только принципиальный отказ от любых форм национальных преференций, но поощрение проявления различных национальных культур, рассматриваемых как часть общечеловеческой гуманистической культуры, воспитания не только толерантности, но и уважения к ним. Однако, принципиальным моментом здесь является то, что при сохранении и поддержке мультикультурализма реальный мультилингвизм, хотя и не подвергается никаким ограничениям или запретам, но и не поддерживается и не поощряется (как утопическая программа), а вместо него используется символический мультилингвизм.

2. Символический мультилингвизм должен компенсировать *de facto* неравноправный социальный статус языков, используемых национальными меньшинствами (последнее – это объективный факт, который бесполезно отрицать). Другие языки должны быть широко представлены не в реальном социальном общении (где они, в принципе, не нужны), но в некотором символическом наборе. Например, в школьном курсе обществознания, теоретически можно научить детей говорить «здравствуйте» и «спасибо» на всех малых языках государства, можно использовать надписи на всех малых языках на денежных банкнотах и т.д., и т.п. Разумеется, должно быть доступно образование на всех языках, используемых в государстве, но никто не может принуждаться изучать их. То же самое касается и национальных автономий, в которых местный язык должен иметь равный статус с государственным, но не должен искусственно навязываться. Ибо при предоставлении равных условий и отсутствии всяческого юридического неравноправия на языковом рынке реально должен победить сильнейший.

3. Быстрое экономическое развитие является сильнейшим фактором языковой унификации, т.к. для экономических нужд необходима эффективная коммуникация. Экономический прогресс и общий рынок требуют нормализации и стандартизации языка, и, как идеальный итог – одноязычия. Как показывает практика, многоязычие сохраняется в экономически отсталых странах, где основная часть населения рассеяна в провинции и не имеет нужды в интенсивном общении с соседями (Африка и т.д.).

В относительно недавние исторические времена предложенная лингвистическая альтернатива могла бы быть обоснована достаточно просто. Традиционное марксистское восприятие лингвистической (и национальной) политики, в общем-то, укладывается в предложенные нами рамки. В. Ленин в своих трудах, посвящённых национальной политике, неоднократно подчёркивал, что признание права на самоопределение наций, вовсе не означает поддержки всякого требования всякой нации на самоопределение: «Вопрос о праве наций на самоопределение... непозволительно смешивать с вопросом о целесообразности отделения той или иной нации», «борьба против всякого национального гнёта – безусловно да. Борьба за всякое национальное развитие, за «национальную культуру» вообще – безусловно нет»²⁰. И о языке: «Прогрессивное значение русский язык имел для тьмы мелких и отсталых наций – бесспорно. Но неужели Вы не видите, что он имел бы прогрессивное значение еще в большем размере, если бы не было принуждения? Что же, разве «государственный язык» не озна-

20 В. И. Ленин о национальном и национально-колониальном вопросе. – М., 1956. – С.129.

чает палки, отбивающей от русского языка?? Как Вы не хотите понять той психологии, которая особенно важна в национальном вопросе и которая при малейшем принуждении поганит, пакостит, сводит на нет бесспорное прогрессивное значение централизации, больших государств, единого языка?? Но ещё важнее экономика, чем психология: в России уже есть капиталистическая экономика, делающая русский язык необходимым. И Вы не верите в силу экономики и хотите костылями полицейской швали «подкрепить» экономику?», «потребности экономического оборота всегда заставят живущие в одном государстве национальности (пока они захотят жить вместе) изучать язык большинства... Если отпадут всякие привилегии, если прекратится навязывание одного из языков... потребности экономического оборота сами собой определяют тот язык данной страны, знать который большинству выгодно в интересах торговых сношений»²¹. «Остаётся ли что-нибудь реальное в понятии ассимиляторства за вычетом всякого насилия и всякого неравноправия? Безусловно, да. Остаётся та всемирно-историческая тенденция капитализма к ломке национальных различий, к ассимилированию наций, которая с каждым десятилетием проявляется всё могущественнее»²². Авторам кажется, что по данному вопросу тезисы Ленина (в отличие, от печально знаменитых «Апрельских тезисов») могут быть признаны заслуживающими внимания.

Итак, если язык это основа процессов фрагментации в современном мире, то средством «лечения» этнических конфликтов внутри государства должна выступать продуманная языковая политика. Политика «языкового» мультикультурализма может в обозримой перспективе привести к отказу от концепции нации, т.е. к простому сосуществованию этносов в рамках государства, которое станет рассматриваться лишь как юридические рамки. Существование государств без нации логично ведёт к концепции мира без наций, построенному на основе этносов. Затем логично исчезновение государств как таковых в современном понимании (ведь всё равно, в какие юридические рамки заключён этнос без «своего государства»).

На наш взгляд, данный сценарий вряд ли является оптимальным, поэтому эффективной для России (и не только для неё) политикой может стать описанная выше политика «неязыкового» мультикультурализма (без насильственного навязывания государственного языка и без искусственной «реанимации» малых языков), проводимая на желательном фоне экономического роста.

Пристатейный библиографический список

1. Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двумерные идентичности. Логос, М., 2004.
2. Брайан Уолден. Что означает мультикультурализм? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/international/news_id_6191000/6191261.stm (дата посещения: 28.12.2015 г.).
3. Всемирный банк: за год мигранты перевели из России на родину 33 млрд долларов. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.banki.ru/news/lenta/?id=8532004> (дата посещения: 21.02.2016 г.).
4. Евразийское Экономическое Сообщество. Единое экономическое пространство. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.evrazes.com/customunion/eepr> (дата посещения: 08.03.2016 г.).
5. Ионцев В., Ивахнюк И. Модели интеграции мигрантов в современной России. Научно-исследовательский отчет 2013/12 / КАРИМ Восток – Консорциум прикладных исследований по международной миграции; Европейский университетский институт [Элек-

тронный ресурс]. – Режим доступа: http://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/27871/CARIM-East_RR-2013 (дата посещения: 04.04.2016 г.).

6. Кацы Д.В. Из истории взаимоотношений Европейского Союза с Украиной: реалии партнерства // Университетский научный журнал (филологические и исторические науки, археология и искусствоведение). – №18. – 2016. – С. 88-95.
7. Кузнецов А.М. Этническое и национальное в политологическом дискурсе. // Полис. Политические исследования. 2007. №6. С. 9-23
8. В.И. Ленин о национальном и национально-колониальном вопросе. М., 1956.
9. Меркель заявила о провале мультикультурализма [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2010/10/101016_merkel_multiculturalism_failed.shtml (дата посещения: 14.12.2016 г.).
10. Президент Российской Федерации Д. А. Медведев. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации (стенограмма). 5 ноября 2008 г. // top.rbc.ru/society/05/11/2008/258446. 30.01.2009 (дата посещения: 28.12.2016 г.).
11. Рост безработицы среди мигрантов. «Известия». Экономика. 25 декабря 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.mail.ru/economics/20578604> (дата посещения: 12.01.2016 г.).
12. Российская газета. – 25 октября 2007.
13. Ромодановский: миграция в РФ из-за новых законов снизилась на 70% [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.mk/politics/2015/01/09/romodanovskiy-migraciya-v-rf-izza-novikh-zakonov-snizilas-na-70.html (дата посещения: 24.02.2016 г.).
14. Рубинский Ю. И. Национальная идея в политической культуре Франции. М., 2004.
15. Тишков В. А. Этнология и политика. Статьи 1989-2004 годов. М., 2005.
16. Фархутдинов И. З. ЕВРАЗЭС... да здравствует ЕАЭС! Евразийский экономический союз начинает действовать в 2015 году // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 9 (76). – С. 8.
17. Фархутдинов И. З. Международное право о принципе неприменения силы или угрозы силой: история и современность // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 11 (90). – С. 34-38.
18. Черненко Е. Ф. Особенности миграционных процессов в евразийском экономическом пространстве. Вестник МГЭИ. – 2015. – №1. – С.50-56.
19. Birnbaum P. La France aux Français: Histoire des haines nationalistes // *le Monde*. 15.03.2007
20. Du progrès au pacte social, les pistes pour sortir de la crise de civilization // *Le Monde*, 04.05.2012
21. Frémy D., Frémy M. QUID 2007. Edition Robert Laffont, Paris 2007.
22. Laurence E. Tacoma. Moving Romans: Migration to Rome [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://books.google.ru/books?id=mZUDDAAAQBAJ&pg> (дата посещения: 24.02.2016 г.).
23. Le multiculturalisme est “un échec”, affirme Nicolas Sarkozy // *Le Point*, 20.12.2011.
24. Mapping multiculturalism. Eds. Avery F.Gordon and Christopher Newfield. University of Minnesota Press. Minneapolis-London, 1996.

21 Там же. С.116.

22 Там же. С.123.

БЕГЛОВА Елена Ирековна

доктор экономических наук, доцент, заведующая кафедрой менеджмента и маркетинга Башкирского государственного университета

МУСИН Урал Рамазанович

кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и маркетинга Башкирского государственного университета

МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ АСИММЕТРИЯ ТЕРРИТОРИЙ И МИГРАЦИОННАЯ МОБИЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ВЗАИМОСВЯЗИ

В статье проанализированы основные показатели внутрироссийских миграционных процессов и жизненного уровня населения, выявлены причинно-следственные связи, позволяющие сгладить остроту проблемы межрегиональной асимметрии по уровню и качеству жизни территорий и активизировать миграционную мобильность населения. Определены приоритетные направления преодоления дисбаланса на российском рынке труда и стимулирования внутренних миграционных потоков.

Ключевые слова: рынок труда, миграция населения, социально-экономическая дифференциация регионов, Россия.

BEGLOVA Elena Irekovna

Ph.D. in Economics, associate professor, Head of Management and Marketing sub-faculty of the Bashkir State University

MUSIN Ural Ramazanovich

Ph.D. in Economics, associate professor of Management and Marketing sub-faculty of the Bashkir State University

INTERREGIONAL ASYMMETRY OF THE TERRITORIES AND MIGRATION MOBILITY OF POPULATION IN RUSSIA: PROBLEMS AND RELATIONSHIPS

The article analyzes the main indicators of domestic migration and the living standards of the population, it reveals the cause-and-effect relationships, which can help to mitigate the problem of inter-regional asymmetry in the level and quality of life of the territories, and to strengthen migration mobility of the population. In the article foreground directions of overcoming the imbalance in the Russian labor market and stimulation of internal migration flows are determined.

Keywords: labor market, migration, socio-economic differentiation of regions, Russia.

Беглова Е. И.

Мусин У. Р.

В настоящее время в условиях нестабильной социально-экономической ситуации в России государством определены приоритетные направления, позволяющие стране выйти на новый уровень экономического развития. В их числе модернизация экономики, внедрение инноваций, изменения структуры промышленного производства и реализация стратегии импортозамещения. Однако повышение уровня благосостояния страны в ракурсе указанных направлений осложняется проблемой недостатка ресурсов, в первую очередь, высококвалифицированных работников.

Преодолению дефицита трудовых ресурсов в отраслях экономики страны и выравниванию дисбалансов на российском рынке труда, на наш взгляд, способствует активизация миграционной подвижности населения. Заметим, миграционная подвижность населения в России крайне низкая по сравнению с развитыми странами. Основным барьером, снижающим миграционную активность труда, является экономический фактор, а остальные (геополитические, природно-климатические и социальные) оказывают незначительное влияние на миграцию рабочей силы.

Принятая в 2012 г. Концепция государственной миграционной политики РФ до 2025 г. должна была активизировать миграционную мобильность населения. Однако на настоящий

момент времени результативность государственной миграционной программы России ничтожно мала по сравнению с количеством свободного перемещения трудовых мигрантов. Данные Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации за период с 2012 по 2015 годы свидетельствуют о том, что государственной услугой по внутрироссийской миграции труда воспользовались только 34,1 тыс. граждан, в том числе 6278 человек в 2015 г.

Значительная межрегиональная асимметрия по уровню и качеству жизни территорий является мотивацией для миграции населения в субъекты РФ, привлекательные для переселения. Но миграционный поток сдерживает серьезное ограничение: так называемые «ловушки бедности»¹. И влияние данной проблемы усиливается, приводя к снижению внутренних миграционных потоков. Так, по данным официальной статистики, если численность бедных в России 2013 г. составляла лишь 15,5 млн. чел., то в 2015 г. – 19,1 млн. чел. Масштабному росту бедности в стране способствовали негативные процессы, наблюдаемые в отечественной экономике (рецессия,

1 Гурьев С. Мифы экономики: заблуждения и стереотипы, которые распространяют СМИ и политики. 3-е издание, переработанное. - М.: ООО «Юнайтед Пресс», 2010. С. - 242-246.

рост уровня безработицы, высокие темпы инфляции, резкое ослабление национальной валюты). Экономический кризис внес свои коррективы в наметившуюся ранее положительную динамику макроэкономических показателей доходов и уровня жизни населения, прервал тенденцию поступательного роста благосостояния общества. По итогам 2014-2015 гг. произошло снижение реальных располагаемых денежных доходов (на 0,7% в 2014 г. и на 4,3% в 2015 г.), реальной среднемесячной заработной платы работников (на 9% в 2015 г), реального размера назначенной месячной пенсии (на 3,8% в 2015 г.) к уровню предыдущего года.

Заметим, заработная плата является основным источником дохода для большинства населения РФ, на ее долю в структуре денежных доходов населения по источникам поступления в 2014-2015 г. приходилось 65,9%. Кроме того, оплата труда является основным источником существования для большинства незанятых членов домохозяйств (иждивенцев этих работников), от ее величины зависит в определенной степени и уровень пенсионного обеспечения лиц наемного труда после выхода на пенсию. Поэтому на основе размеров заработной платы, ее динамики можно судить о динамике уровня и качества жизни большинства населения РФ.

В настоящее время отчетливо видна «экономия» на оплате труда и со стороны работодателей, и со стороны государства в целом. В результате в стране наблюдается высокий уровень трудовой бедности, растет социальная напряженность. Ловушки бедности в стране приводят к снижению динамики постоянной и временной миграции труда, сокращается миграционная активность по межрегиональным и внутрирегиональным перемещениям населения.

Как показывает действительность, потоки миграции труда несколько изменились. Так, если в пределах страны в 2014 г. миграционный прирост составил 19662 чел., то в 2015 г. прироста миграции населения не произошло. По внутрирегиональной миграции за последние два года изменений не наблюдается, а по межрегиональным миграционным потокам - прирост. Это свидетельствует о росте временной миграции труда, связанной с трудоустройством населения вне своего региона. Межрегиональное перемещение труда направлено в центры притяжения миграции рабочей силы, такие как Москва и Московская область, Санкт-Петербург и районы Крайнего Севера (преобладает вахтовый метод труда). Согласно данным Росстата в течение 2012-2014 гг. за пределами региона своего проживания работали 2,4 млн. человек².

В структуре межрегиональных миграционных потоков в 2014 г. преобладают мужчины, на долю которых приходится 77,3%. Распределение миграции труда между регионами по возрасту характеризуется превалированием молодежи в возрасте от 25 до 34 лет, составляющей 35,4% от численности трудовых мигрантов. Средний возраст трудовых ресурсов в межрегиональных миграционных потоках составляет 37,5 лет, что свидетельствует об активизации трудоспособной молодежи в миграции и поиске лучшей работы. Кроме того, последовательно растет доля молодежи в возрасте 15-24 лет. Данный факт в большинстве случаев связан с миграцией абитуриентов, поступающих в ведущие российские вузы через механизм ЕГЭ и в последующем остающихся в этих же городах на постоянное местожительство с возможностью последующего трудоу-

стройства в престижные компании с привлекательным уровнем оплаты труда. На наш взгляд, миграция абитуриентов для многих регионов через определенный временной лаг может привести к дефициту трудовых ресурсов, к потере ими активной и креативной трудоспособной молодежи, что в конечном итоге скажется негативно на социально-экономических показателях развития территорий страны. В то же время существующая миграция абитуриентов потенциально способна оказать положительное воздействие на возникшие дисбалансы в экономике страны, активизируя миграционные потоки в сторону «центров экономического роста».

Многие работники трудоспособного возраста считают возможным повышение своего благосостояния только в условиях постоянного проживания в городской местности, поэтому с 1994 г. наблюдается миграция сельского населения в города. Повышенный риск бедности для сельчан определяется конъюнктурой рынка труда: в сельской местности крайне низкий уровень заработной платы работников сельскохозяйственных предприятий и сравнительно высокий уровень общей безработицы. Как показал анализ оплаты труда по отраслям, именно в сельском хозяйстве величина среднемесячной номинальной зарплаты самая низкая: 54,5% в 2014 г. и 57,9% в 2015 г. от уровня средней заработной платы по экономике. Такое положение обусловило неравномерную динамику денежных доходов городского и сельского населения, более благоприятное социальное развитие города по сравнению с селом. Это автоматически приводит к изменению постоянного местожительства сельского населения. Тем не менее, в структуре межрегиональных и внутрирегиональных миграционных потоков городское население все-таки преобладает над сельским.

Исследование внутрироссийских миграционных потоков в разрезе регионов показало, что отток рабочей силы наиболее значителен в Республике Адыгея (15,7%), Чувашской Республике (13,9%), Республике Калмыкия (11,4%), Тульской области (10,8%), Ивановской области (10,4%) и Еврейской автономной области (10,4%)³. На миграционный отток в регионах значительное влияние оказывает такой фактор как рост межрегиональной дифференциации, зависящей от специфики и уровня социально-экономического развития регионов, различных стартовых предпосылок. Разрыв в величине среднедушевых доходов среди большинства регионов РФ составляет 3-4 раза, а крайние различия еще больше – 7-9 раз. Наиболее благоприятны для процветания регионы, в которых добываются золото, алмазы, газ, нефть, производится электроэнергия. Низкий уровень доходов характерен трудоизбыточным регионам, в которых проблема безработицы является особенно острой. Так, Северо-Кавказскому федеральному округу характерен самый низкий уровень денежных доходов в расчете на душу населения по РФ (74,5% в 2014 г. к среднему по РФ), а уровень безработицы (11,2%) здесь самый высокий.

За нарастающим межрегиональным неравенством стоят самые разные по скорости и направлению изменения уровня и состава номинальных и реальных доходов. При этом дифференциацию оплаты труда по регионам можно назвать основной причиной неравенства по доходу. Высокий уровень валового регионального продукта дает возможность развитым регионам РФ социально прогрессировать при различных вариациях социальной политики государства. В 2015 г. к регио-

2 О межрегиональной трудовой миграции. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/ (дата обращения: 20.08.2016)

3 О межрегиональной трудовой миграции. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/ (дата обращения: 20.08.2016)

нам с наибольшей величиной среднемесячной номинальной начисленной зарплаты относились Чукотский АО (79531 руб.), Ямало-Ненецкий АО (77272 руб.), Ненецкий АО (71230 руб.), Магаданская область (65996 руб.), г. Москва (64310 руб.). С другой стороны, среди регионов РФ с самой низкой оплатой труда (в 1,5-2 раза ниже общероссийского уровня – 34030 руб. в 2015 г.) можно выделить республики Дагестан (19239 руб.), Карачаево-Черкесская (20511 руб.), Кабардино-Балкарская (20866 руб.), Калмыкия (20109 руб.), Чувашия (21369 руб.), Алтайский край (20090 руб.), а также области Ивановская (21161 руб.), Брянская (21679 руб.), Орловская (21772 руб.), Тамбовская (21725 руб.), Костромская (21796 руб.).

Существующие региональные различия в оплате труда, экономическая бедность, возникающая из-за превалирования низкооплачиваемых рабочих мест, неконкурентоспособности ряда регионов и отраслей, низкой производительности труда, усиливают напряженность единого социально-экономического пространства РФ, способствуя, тем самым, перемещению трудовых мигрантов из вышеуказанных депрессивных регионов в основные центры притяжения (г. Москва, г. Санкт-Петербург) и соседние субъекты РФ, привлекательные по показателям социально-экономического развития⁴. В городах-миллионерах на рынке трудовых ресурсов больше высокооплачиваемых рабочих мест, рынок имеет более диверсифицированный характер, что определяется опережающим развитием рыночных отношений и появлением новых видов занятости.

Расположение сельского поселения или небольшого города в пределах крупных агломераций создает условия для маятниковой миграции населения в крупные центры. Самый высокий уровень маятниковой миграции труда наблюдался в г. Москва и Санкт-Петербург, регулярными поездками в которые в 2014 г. было охвачено 35% жителей Московской области и 73% - Ленинградской области соответственно.

Значимыми центрами притяжения трудовых мигрантов являются Краснодарский край, Республика Татарстан, Свердловская, Самарская, Ростовская и Тюменская области⁵. В тоже время среди относительно развитых или опережающих по доходу регионов есть и «доноры» трудовых мигрантов, например, Республика Башкортостан (кстати, регион с самым большим оттоком трудовых мигрантов)⁶. Так 30% приезжающих на работу в Тюменскую область составляют жители Республики Башкортостан, в том числе для Ханты-Мансийского АО – это 40% всех трудовых мигрантов в округе и 34% в Ямало-Ненецком АО. Помимо большого оттока трудовых мигрантов Башкортостан сталкивается и с проблемой миграция абитуриентов, увеличивающей в недалеком будущем дисбаланс на региональном рынке труда, способствующей дефициту высококвалифицированных работников для отраслей экономики региона. Таким образом, актуальность повышения эффективности государственной миграционной политики в РФ в настоящее время сохраняется.

На наш взгляд, для снижения высокого уровня регионального экономического неравенства, улучшения социально-экономической ситуации в регионах РФ, повышения гибкости реагирования на трансформацию потребностей рынка трудовых ресурсов, а также активизации внутрироссийской мобильности населения в рамках реализации Концепции государственной миграционной политики РФ до 2025 г. необходимо сосредоточиться на следующих направлениях:

- снижение уровня трудовой бедности и повышение уровня благосостояния населения деградирующих регионов на основе роста, в первую очередь, среднемесячной заработной платы;
- увеличение государственного финансирования миграционной активности трудоспособного населения с целью преодолению «ловушек бедности»;
- определение стратегически важных регионов и территорий роста для страны для мотивации притока в них трудовых мигрантов;
- усиление внутрирегиональной миграции абитуриентов путем создания и развития крупных центров высшего образования в регионах;
- развитие возможностей по информационному доступу потенциальных трудовых мигрантов к общероссийскому банку вакансий;
- материализация инициатив государства по развитию системы дешевой аренды государственных квартир, домов, служащей дополнительной мотивацией для миграции рабочей силы.

Пристатейный библиографический список

1. Беглова Е. И. Структура и масштабы бедности в современной России. – М.: Экономика, 2011. – 167 с.
2. Гуриев С. Мифы экономики: заблуждения и стереотипы, которые распространяют СМИ и политики. 3-е издание, переработанное. – М.: ООО «Юнайтед Пресс», 2010. – 296 с.
3. Карачурина Л. Б. Внутрироссийская трудовая миграция: распространенность и география передвижений // Экономическое развитие России. 2013. - № 7. – С. 53-56.
4. О межрегиональной трудовой миграции. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/ (дата обращения: 20.08.2016)
5. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/ (дата обращения: 20.08.2016)
6. Флоринская Ю. Ф., Мкртчян, Н. В., Малева, Т. М., Кириллова М. К. Миграция и рынок труда. Ин-т социального анализа и прогнозирования. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, - 2015. – 108 с.

4 Беглова Е. И. Структура и масштабы бедности в современной России. – М.: Экономика, 2011. – С. 140.

5 Карачурина Л. Б. Внутрироссийская трудовая миграция: распространенность и география передвижений // Экономическое развитие России. 2013. - № 7. - С. 54.

6 Флоринская, Ю.Ф., Мкртчян, Н.В., Малева, Т.М., Кириллова, М.К. Миграция и рынок труда / Ю.Ф. Флоринская, Н.В. Мкртчян, Т.М. Малева, М.К. Кириллова; Ин-т социального анализа и прогнозирования. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, -2015. – С.55.

САЛЬНИКОВА Инна Николаевна

старший преподаватель кафедры прикладных экономических дисциплин Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева

САЛЬНИКОВ Евгений Вячеславович

доктор философских наук, доцент, начальник кафедры социально-философских дисциплин Орловского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.В. Лукьянова

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОГО ФЕНОМЕНА «ЭКОНОМИКА ТЕРРОРА»

В статье анализируются различные подходы к определению содержания понятия «экономика террора». Это определяет различия в границах объема данного понятия и его инновационный потенциал

Ключевые слова: экономика террора, теневая экономика, шоковая экономика.

SALNIKOVA Inna Nikolaevna,

senior lecturer of Applied Economic Disciplines sub-faculty of the Faculty of Economics and Management of the I. S. Turgenev Orel State University

SALNIKOV Evgeniy Vyacheslavovich

Ph.D. in Philosophy, associate professor, Head of Social-philosophical Disciplines sub-faculty in the V. V. Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

PROBLEMS OF FORMATION OF INNOVATION PHENOMENON "ECONOMICS OF TERROR"

The article analyzes different approaches to defining the content of the concept "economy of terror". It determines the differences in the volume limits of the concept and its innovational potential.

Keywords: economy of terror, the shadow economy, shock economy

Сальникова И. Н.

Сальников Е. В.

К числу важнейших характеристик системы социальных отношений сложившейся во второй половине XX – начале XXI века – так называемом обществе постмодерна относится стремительный рост удельного веса феномена терроризма. Террористическая деятельность оказывает значительное влияние на политическую, социальную, культурную, религиозную и прочие сферы общественной жизни. При этом серьезным трансформациям подверглась и экономика, что привело к формированию самостоятельного инновационного феномена «экономика террора».

Ведущим фактором определившим появление данной инновации явилось превращение террористических организации из разрозненных маргинальных образований в полноценного субъекта международных отношений, причем, не только на политической, но и на экономической арене. Современный мировой террор представляет собой настолько сложное образование, что его полноценное существование вне особой экономической системы не представляется возможным. Нет сомнений в том, что современный терроризм давно уже покинул границы частного вида противоправной деятельности и представляет собой многоуровневую полиформатную систему социально-экономических отношений международного масштаба, успешное противодействие которым возможно только на базе широких исследований специфики экономических процессов и отношений, складывающихся в ней.

Формирование единых концептуальных представлений о феномене «экономика террора» осуществляется в рамках двух подходов. Первый подход рассматривает экономику террора с достаточно традиционалистских позиций. В этом случае считается, что «международный терроризм инициировал создание особой экономики террора как части глобальной теневой экономики, в числе основных элементов которой имеются следующие структурные звенья: источники финансирования

террористических организаций, механизмы движения капиталов террора, механизмы криминальной конкуренции, нелегальные формы производства, обращения и потребления, опосредующие их финансовые потоки, специфические субъекты данных экономических отношений, а также процессы бюджетирования и управления финансовой базой терроризма»¹.

В. В. Кафтан в этой связи трактует экономику террора как своеобразную параллельную экономическую реальность, возникающую с приобретением глобальным терроризмом децентрализованной сетевой формы. При этом он отмечает, что «нелегальные финансовые схемы, круговая порука и выбор деловых партнеров по религиозному и этническому признаку создают вторую, невидимую простым взглядом сеть внутри легальных экономических институтов»². Придерживаясь этого подхода, А. Кота указывает, что именно становление экономики террора привело к появлению новых форм насилия и многочисленных преступных групп на локальном, национальном и международном уровнях³, которые «обрели возможность действовать далеко за пределами мест своего базирования»⁴.

- 1 Кузнецова О. С. Развитие институтов противодействия экономическим основам международного терроризма в системе обеспечения экономической безопасности: Автореф. дисс. ... канд. экон. наук. – М., 2006. – С. 10.
- 2 Кафтан В. В. Финансово-экономические основания современного терроризма // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2014. № 1(13). – С. 25.
- 3 Кота А. Эпоха терроризма / Международный терроризм и право. – М. 2004. – С. 57.
- 4 Робинсон Д. Всемирная прачечная: Террор, преступления и грязные деньги в оффшорном мире. – М.: Альбина Бизнес Букс, 2004. – С. 6.

В рамках традиционного подхода объем феномена «экономики террора» очерчивается границами теневой экономики, фиксируемой в сферах производства, потребления и распределения товаров и услуг, а также, как правильно отмечает В. В. Кафтан, системы устойчивых и регулярных экономических отношений, соответствующих институтов и специфичного экономического поведения террористов. Сфера производства представлена преимущественно производством наркотических средств, оружия и взрывчатых веществ, торговлей людьми, оказанием услуг военизированных объединений. Существуют и иные сферы производственной деятельности, контролируемые террористическими организациями и используемые в целях получения необходимых для террористической деятельности товаров и услуг. Равным образом и в сфере потребления сами террористы способны удовлетворить собственные потребности, скажем, в образовании, осуществляемом в специальных лагерях и т.п. Активное использование криптовалют позволяет экономике террора создать свои, независимые от иных экономических факторов, структуры обмена и распределения, там где ранее террористам приходилось задействовать легальные финансовые институты для перемещения ценностей и средств террористическим субъектам. Финансирование терроризма становится теперь полностью независимым от каких бы то ни было форм контроля, а значит и противодействия со стороны государственных и международных структур.

В этом смысле формирование экономики террора протекает по законам теневой экономики, а ее инновационный потенциал задается новаторскими подходами и трансформациями, которые традиционные экономические институты претерпевают в мире террора. Экономика террора здесь оказывается сущностно идентичной по алгоритмам своей деятельности иным формам теневой экономической активности.

В рамках второго подхода формирование феномена «экономика террора» предстает совершенно иным образом. Выразителем данной позиции можно считать Н. Кляйн, считающей, что истоки экономики террора надлежит искать в экономической доктрине М. Фридмана и Чикагской школы. В отличие от кейнсианства, на смену которому пришла концепция Фридмана, ее сторонники настаивают на максимальном устранении государства из экономической жизни. Они негативно оценивают вмешательство государства в экономику. По мысли Фридмана, правительства должны отменить все правила и законы, которые мешают накапливать прибыль. Государственные активы, которые корпорации могут использовать для получения прибыли, подлежат распродаже? Включая активы появившиеся и обретшие свою ценность в результате долгосрочных инвестиций общественных денег и знаний. Приватизации подлежат здравоохранение, почтовая служба, образование, пенсионное обеспечение и т.д. При этом корпорации должны были получить право продавать свою продукцию в любой стране мира, а местные производители не должны были вставать на защиту местных производителей и местной собственности.

Кляйн строит свое понимание экономики террора на том факте, что население государств не способно поддержать подобную программу, как бы ни были прекрасны обещаемые ее адептами результаты экономики в будущем. Политик, даже являющийся в большинстве случаев ставленником корпораций не сможет в обычной ситуации провести в жизнь мероприятия по переходу на данную программу. В таком случае оказывается необходимой так называемая шоковая терапия.

Современный капитализм, по мнению Кляйна, есть капитализм катастроф, безжалостно эксплуатирующий природные и человеческие бедствия. В этом случае терроризм встает в один ряд с любыми другими бедствиями: переворотом, цунами, крушением рынка, войной, ураганом. Его задача ввести все население страны в состояние коллективного шока. Вспышки террора должны потрясти людей настолько, чтобы они на определенном моменте потеряли ориентацию. Энергичные действия над потрясенным шоком обществом приводят к тому, что люди отрекаются от того, что в других условиях они бы страстно защищали. В силу двух важных фактов терро-

ризм в этом плане обладает одним важным преимуществом. Во-первых, человек пока еще не властен над катастрофическими силами природы, а потому они не всегда приходят в нужный момент в нужное время. Во-вторых, если массированные реальные разрушения, привносимые войной или стихией в развивающихся странах можно «вывести за скобки», то при проведении шоковой терапии в развитых странах предпочтительнее все же минимизировать реальные разрушения.

В этом смысле террор выступает универсальным оружием. Реальную активность экстремистских элементов, масштаб террористической угрозы всегда можно гипертрофировать, используя подконтрольные СМИ. Терракты поражают отдельные здания, тогда как эффект от них способен привести в состояние шока все общество. При этом все звенья цепи связаны в единое целое. «Чем сильнее общество охвачено паникой, - пишет Кляйн, - подозревая, что в каждой мечети кроются террористы, тем выше рейтинг выпуска новостей, тем больше спрос на устройства биометрической и идентификации или определения жидких взрывчатых веществ, поставляемых компаниями, входящими в комплекс капитализма катастроф, тем больше строится высокотехнологичных ограждений». Терроризм это мощнейший стимулятор шоковых состояний для экономически развитых стран, а значит и источник новых прибылей для транснациональных корпораций. Следовательно, экономика террора в концепции Н. Кляйна есть «крайне жестокая и тщательно разработанная кульминация полувековой борьбы за тотальное высвобождение корпораций из под власти государства».⁵

В рамках этой позиции объем понятия экономики террора становится совершенно иным. Экономика террора становится идентичной по своему объему всему многообразию экономической жизни транснациональных корпораций. Экономика террора локализована не в теневой сфере, но охватывает собой все пространство системы мировой экономики.

В этом смысле сам феномен экономики террора предстает несомненной инновацией. Это явление, которое в истории мировой экономики еще не наблюдалось аналогов. Экономика террора не использует иным, особым способом отдельные экономические институты, но представляет собой качественно новую систему построения экономических отношений.

Пристатейный библиографический список

1. Кафтан В. В. Финансово-экономические основания современного терроризма. //Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2014. – № 1(13).
2. Кляйн Н. Доктрина шока. – М., 2009.
3. Кота А. Эпоха терроризма. / Международный терроризм и право. – М., 2004.
4. Кузнецова О. С. Развитие институтов противодействия экономической основой международного терроризма в системе обеспечения экономической безопасности: Автореф. дисс. ... канд. экон. наук. – М., 2006.
5. Робинсон Д. Всемирная прачечная: Террор, преступления и грязные деньги в оффшорном мире. – М.: Альбина Бизнес Букс, 2004.
6. Спасская Н. В. Возможности индустриализации экономики России в контексте современной региональной политики// Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. – 2015. – № 2 (25). – С. 89-98.

ХАМИДУЛЛИНА Зулейха Чулпановна

кандидат экономических наук, профессор кафедры бухгалтерского учета и аудита Академии труда и социальных отношений (АТиСО)

О БУХГАЛТЕРСКОМ СТАНДАРТЕ ААОИФИ «МУШАРАКА» В ИСЛАМСКОЙ МОДЕЛИ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА

Данная статья раскрывает особенности учета бухгалтерского стандарта №4 (финансовый инструмент «Мушарака») Организации по бухгалтерскому учету и аудиту для исламских финансовых учреждений (ААОИФИ). В ней изложены история создания стандарта с раскрытием юридических принципов и основных условий, на основе которых построен бухгалтерский стандарт. Поскольку имеются расхождения среди исламских ученых относительно деления прибыли в договоре «Мушарака», автор подробно описывает точку зрения каждой правовой школы. В статье также изложены основные записи бухгалтерского учета и особенности по признанию, оценке и раскрытию операций по «Мушарака».

Ключевые слова: исламская модель бухгалтерского учета, ААОИФИ, Закят, исламские финансовые инструменты, финансовая (бухгалтерская) отчетность.

KHAMIDULLINA Zulejkha Chulpanova

Ph.D. in Economics, professor of Accounting and Auditing sub-faculty of the Academy of Labor and Social Relations (ALaSR)

ACCOUNTING STANDARD OF AAOIFI "MUSHARAKAH" IN ISLAMIC ACCOUNTING

The article discloses the accounting standard #4 (financial instrument «Musharakah») of Accounting and Auditing Organization for Islamic Financial Institutions (AAOIFI). It presents the history of the standard with the disclosure of the legal principles and the basic conditions on which is built the accounting standard. Since there are differences among Islamic scholars regarding the division of profits in the contract "Musharaka", the author describes in detail the point of view of each law school. The article also describes the main accounting records and the peculiarities of recognition, measurement and disclosure of the "Musharaka" operations.

Keywords: Islamic accounting, AAOIFI, Zakah, Islamic financial instruments, financial statements.

Современный мир деловых, партнерских, экономических, финансовых, юридических и других отношений отличается своим многообразием и тем наиболее интересен. Существуют определенные принципиальные подходы в реализации существующих систем мироустройства, вносящие в палитру отношений это многообразие, которое воспринимается через интерпретацию сложившихся национальных систем бухгалтерского учета. Так сложились на сегодняшний момент:

- Британо-американская модель учетной системы;
- Континентальная модель учетной системы;
- Южноамериканская модель учетной системы;
- Исламская модель учетной системы;
- Учет на базе МСФО.

Исламская модель учетной системы присуща исламской экономике и характеризуется тем, что деловая, партнерская этика хозяйственной деятельности основаны на соблюдении принципов Корана, представляющего собой основу законодательства, как религиозного, так гражданского и уголовного.

Организация по бухгалтерскому учету и аудиту для исламских финансовых институтов (далее – ААОИФИ) издает бухгалтерские стандарты для исламских финансовых институтов. Эта организация была создана в Бахрейне в 1989 г. в целях разработки основных принципов бухгалтерской отчетности исламских финансовых институтов. Хотя данные стандарты касаются исламских банков и страховых компаний, на них ориентируется большинство субъектов хозяйствования, основная деятельность которых не связана с финансовым сектором¹. Одним из таких бухгалтерских стандартов, регулирующих

особенности учета исламских финансовых инструментов является «мушарака».

Данный финансовый инструмент представляет собой аналог современного долевого предприятия, когда стороны осуществляют вложения в общее дело и делят между собой полученные прибыли или убытки в соответствии с долей в предприятии. Обычным является та ситуация, когда финансовый институт входит в партнерство с клиентом (клиентами), чтобы проинвестировать свободные финансовые ресурсы в выгодный бизнес-проект. Если бизнес принесет прибыль, то она делится между участниками в заранее оговоренных пропорциях, если потерпит убыток, то он будет распределен в соответствии с долей в капитале. Возможен и такой случай, когда один из участников постепенно может увеличить сумму инвестиций и тем самым получить большую долю в общем капитале. В таком случае, все договоренности относительно распределения прибыли и убытков будут пересмотрены в соответствии с обновленной долей участников в капитале.

Существует разновидность совместной деятельности, такая как «мудароба» представляющая собой совместное долевое предприятие, подобное «мушарака», где одним из инвесторов выступает обязательно исламский банк. Именно он вкладывает в совместное предприятие «мудароба» финансовые средства, другие инвесторы вкладывают только свой труд и знания. Основное отличие «мушарака» от «мудароба» заключается в том, что в «мушарака» все инвесторы вкладывают только финансовые средства.

Бухгалтерский стандарт ААОИФИ № 4 раскрывает особенности бухгалтерского учета по признанию, оценке и раскрытию операций по «мушарака». Также данный стандарт раскрывает юридические принципы, на основе которых построен бухгалтерский стандарт. О подготовке стандарта «мушарака» впервые заговорили на очередном заседании Совета

1 Умаров Х. С. О бухгалтерской отчетности в исламских страховых компаниях: Стандарт СФУ 12 ААОИФИ // Страховое дело. – 2013. – № 6. – Р. 53.

по ААОИФИ 8 ноября, 1992 года. Совет назначил консультантов (из членов Совета) в феврале 1993 года, ответственных за подготовку проекта стандарта. В обсуждении проекта стандарта, где были сделаны комментарии и замечания к проекту, участвовали члены Совета, а также более 10 исламских банков из таких стран, как Бахрейн, Судан, Египет, Катар, Иордания и другие. Совет по ААОИФИ принял стандарт «мушарака» на заседании №10, которое прошло 3-5 февраля, 1996 года и он вступил в силу с 1 января, 1998 года².

Доля исламского финансового института в капитале «мушарака» (в виде наличных денег или натурой) признается в бухгалтерском учете с момента, когда данный капитал оплачен. Данное признание отражается в бухгалтерских книгах под названием финансирование под «мушарака».

Если исламский финансовый институт оплатил свою долю натурой, то стоимость данного предмета оценивается по справедливой стоимости (та стоимость, которая утверждена всеми участниками общего дела). Разница между справедливой и балансовой стоимостью при последующей оценке должна быть раскрыта и отражена в виде прочих прибылей или убытков. Если стороны произвели взносы в капитал «мушарака» в разной валюте, такие виды валют необходимо перевести в валюту договора «мушарака» по текущим обменным курсам с целью установления долей и обязательств каждой стороны.

Возможен и случай, когда одна из сторон может вносить свою долю разными платежами в течение определенного периода. Тем не менее, не допускается использование дебиторской задолженности в качестве взноса в капитал «мушарака»³.

Все расходы по составлению контракта не включаются в капитал по «мушарака», если иное не оговорено всеми сторонами.

Необходимо соблюдать 3 основные условия при договоре «мушарака»⁴:

1) Капитал агентства (аль-вакала)

Стороны по договору должны выступать агентами, поскольку в корне договора «мушарака» лежит принцип агентства, когда каждая сторона совершает действия по поручению и от имени других сторон, и наоборот. Каждая сторона вправе действовать в интересах участников.

2) Фиксация коэффициента участия в прибылях

Такой коэффициент должен быть оговорен заранее. Поэтому что, распределение прибылей является неотъемлемой частью договора. Распределение прибыли должно осуществляться таким образом, чтобы каждый участник получал неделимую долю прибыли, а не денежную сумму или долю капитала. Участники могут взаимно согласовать изменение размера процента участия в прибыли на дату ее распределения. Однако не допускается согласование условий, по которым один или несколько участников будут нести ответственность за все потери или часть потерь, не соответствующих их доле владения в капитале.

3) Коэффициент участия в прибылях не должен быть в виде фиксированной суммы

Поскольку не известен результат бизнес-проекта, не представляется возможным предугадать возможные выгоды и потери. Установление фиксированной суммы прибылей, которая еще не получена, противоречит основным принципам шариата

4) Ликвидация договора «мушарака»

Причинами для ликвидации могут быть следующие:

- а) выход одного из участника по своей воле;
- б) смерть одного из участников;
- в) неработоспособность (невменяемость) одного из участников.

Каждый из партнеров вправе расторгнуть договор «мушарака» путем направления соответствующего уведомления своему/своим партнеру/партнерам и получения своей доли из капитала. Такой выход не влечет за собой прекращения партнерства оставшихся участников. Допускается, чтобы участники предоставляли обязывающее обещание о сохранении партнерства в течение определенного периода.

Если ликвидация происходит в дату истечения срока договора, все существующие активы должны быть реализованы по текущей рыночной стоимости, а выручка должна распределяться следующим образом:

- а) оплата расходов на проведение ликвидации;
- б) оплата финансовых обязательств из чистых активов предприятия;
- в) распределение оставшихся активов среди партнеров в соответствии с их вкладами в капитал. Если активов оказывается недостаточно и партнеры не получают возмещения по внешним средствам, распределение таких активов происходит пропорционально их вкладам в капитал⁵.

Принципиально важным остается отношение (уровень) прибыли каждого партнера, поскольку имеются некоторые расхождения среди исламских ученых относительно деления прибыли пропорционально вкладам в капитал, который инвестируются участниками. С точки зрения имама Малика и имама Шафии, для законности «мушарака» необходимо чтобы каждый партнер получил прибыль точно в пропорции к его инвестициям. Поэтому, если А инвестировал 40% от общего капитала, он должен получить 40% прибыли. Любое соглашение об обратном, которое наделяет его правом получить более или менее чем 40%, делает «мушарака» не действительным по Шариату.

Напротив, точка зрения имама Ахмада заключается в том, что соотношение прибыли может отличаться от соотношения инвестиций, если это согласовано между партнерами с их добровольного согласия. Поэтому допустимо, чтобы партнер с 40% инвестиций получал 60% или 70% прибыли, в то время как другой партнер с 60% инвестиций получает только 40% или 30%.

Третье мнение представлено имамом Абу Ханифой, которое представляет собой средний вариант между двумя упомянутыми выше мнениями. Он говорит, что отношение прибыли может отличаться от отношения инвестиций в нормальных условиях. Однако если партнер поставил специальное условие в соглашении, что он никогда не будет работать в «мушарака», и останется пассивным партнером в течение срока «мушарака»

2 Accounting, Auditing and Governance Standards for Islamic Financial Institutions, AAOIFI, 1432H. (Code of Ethics) - Manama, Bahrain: Copyright AAOIFI № (834/2002) and Public Library registration № (2002/3356), 2010. – P. 155.

3 Шариатский стандарт ААОИФИ 12 «Шарика (мушарака) и современные корпорации» (перевод с английского). – М.: Исламская книга, 2011. – С. 10.

4 Abdul Rahman A. An introduction to Islamic accounting theory and practice. – CERT Publications Sdn. Bhd., Copyright 2010. – P. 109.

5 <http://www.aoifi.com> [Электронный ресурс] – Официальный сайт ААОИФИ. С. 17.

ка», тогда его доля прибыли не может быть больше, чем доля его инвестиций⁶.

Основными записями бухгалтерского учета по договору «мушарака» могут быть:

При заключении договора:

Дебет «мушарака»

Кредит Счет денежных средств

При выходе участника:

Дебет Счет денежных средств

Кредит «мушарака»

При получении прибыли:

Дебет Счет денежных средств

Кредит Счет получения прибылей и убытков

Следует отметить, что капитал «мушарака» должен быть инвестирован только в разрешенные шариатом виды деятельности. Кроме того, предприятие, созданное для управления договором «мушарака» не должно противоречить основным принципам исламской модели бухгалтерского учета, а именно, избегание процентов в сделках, неопределенности и азарта. Кроме того, важным моментом в исламской модели бухгалтерского учета является закят (обязательный годовой налог в пользу бедных, нуждающихся). Турецкий исследователь Сабах ад-дин Заим выделяет 15 различий между закятом и обычным традиционным налогом. Некоторые из них следующие: ставка (около 2% в год), способ выплаты закята в отличие от аналогичных понятий для налога неизменны; плательщик закята не может претендовать на средства от данного очистительного налога. В случае с налогом получение налогоплательщиком средств от уплаченного им налога возможно; закят взимается только с мусульман, а налог – со всех граждан; закят – это религиозная обязанность и акт поклонения, выраженные в финансовых терминах, а налог – это экономическое и финансовое обязательство⁷.

ААОИФИ определяет два метода признания прибыли, метод каждого периода и метод окончания срока действия контракта. По первому методу, прибыль признается постепенно за весь период действия контракта, что соответствует методу начисления. По второму методу, прибыль признается по завершении контракта, что соответствует кассовому методу.

СФУ 4 ААОИФИ завершает учетный процесс «мушарака» и служит средством легитимации данного вида финансирования. Финансовый инструмент «мушарака» отражает концепцию принципа разделения прибылей и убытков. Данный принцип поощряет участников эффективно и должным образом подходить к бизнес-проекту. Несмотря на равную расстановку распределения рисков, большинство исламских финансовых институтов не так часто вступают в такого рода договоры.

Пристатейный библиографический список

1. Accounting, Auditing and Governance Standards for Islamic Financial Institutions, AAOIFI, 1432H. (Code of Ethics) - Manama, Bahrain: Copyright AAOIFI № (834/2002) and Public Library registration № (2002/3356), 2010. – 806 P.
2. Abdul Rahman A. An introduction to Islamic accounting theory and practice. – CERT Publications Sdn. Bhd., Copyright 2010. – 232 p.
3. Умаров Х. С. Конвергенция исламских стандартов бухгалтерского учета и МСФО // Финансовый бизнес. – 2013. – № 3 (164). – С. 68-71.
4. Умаров Х. С. О бухгалтерской отчетности в исламских страховых компаниях: Стандарт СФУ 12 ААОИФИ // Страховое дело. – 2013. – № 6. – С. 52–57.
5. Шариатский стандарт ААОИФИ 12 «Шарика (мушарака) и современные корпорации» (перевод с английского). – М.: Исламская книга, 2011. – 40 с.
6. <http://www.aaofifi.com> [Электронный ресурс] – Официальный сайт ААОИФИ
7. http://darulfikr.ru/story/fiqh/islamic_finance_2 [Электронный ресурс] – Введение в исламские финансы. Мушарака

References

1. Accounting, Auditing and Governance Standards for Islamic Financial Institutions, AAOIFI, 1432H. (Code of Ethics) - Manama, Bahrain: Copyright AAOIFI № (834/2002) and Public Library registration № (2002/3356), 2010. – 806 P.
2. Abdul Rahman, A. An introduction to Islamic accounting theory and practice. – CERT Publications Sdn. Bhd., Copyright 2010. – 232 p.
3. Umarov H. S. Convergence of Islamic accounting standards and IFRS // Financial business. – 2013. – № 3 (164). – P. 68-71.
4. Umarov H. S. Financial statement of Islamic insurance companies: Standard AAOIFI FAS 12 // Insurance business. – 2013. – № 6. – P. 52-57.
5. AAOIFI Shari'ah Standard 12 "Sharika (Musharaka) and Modern Corporation" (translation from English). – M.: Islamic Book, 2011. – 40 p.
6. <http://www.aaofifi.com> [electronic resource] – Official site of AAOIFI
7. http://darulfikr.ru/story/fiqh/islamic_finance_2 [Electronic resource] – Introduction into Islamic finance. Musharaka

6 http://darulfikr.ru/story/fiqh/islamic_finance_2 [Электронный ресурс] – Введение в исламские финансы. Мушарака

7 Умаров Х. С. Конвергенция исламских стандартов бухгалтерского учета и МСФО // Финансовый бизнес. – 2013. – № 3 (164). – С. 70.

АВДОНИН Александр Николаевич

доктор философских наук, профессор кафедры философии Уфимского государственного нефтяного технического университета

КОЭВОЛЮЦИОННО-СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ: РЕАЛЬНОСТЬ, ЗНАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ЧАСТЬ 1

В статье выявлено объективно-аттракторное основание социально-исторического процесса; рассмотрены две мегаформы социального бытия: западная и восточная, – и их структура; обоснована необходимость создания культурного мирового инновационно-коэволюционного сообщества, его структура и особенности развития.

Ключевые слова: культурное мировое инновационно-коэволюционное сообщество, человеко-человечество, коэволюционно-социальная философия.

AVDONIN Aleksandr Nikolaevich

Ph.D. in Philosophy, professor of Philosophy sub-faculty of the Ufa State Oil Technical University

CO-EVOLUTION-THE SOCIAL PHILOSOPHY: REALITY, KNOWLEDGE AND ACTIVITIES. PART 1

The article reveals objective-attractor base of the socio-historical process; the two megaforms social being: Western and Eastern, and their structure; the necessity of creating cultures, a major world innovation-co-evolution of the community, its structure and peculiarities of development.

Key words: cultural global innovation-co-evolution compation, human-humanity co-evolution-the social philosophy.

Авдонин А. Н.

В XX столетии человечество осознало собственную смертность, сначала – от ядерной войны, потом – от всеобщего загрязнения природы, в последней его трети оно вступило в период глобальной бифуркации, в которой существует только два направления дальнейшего движения: летальное с угрозой его самоуничтожения и витальное с сохранением его существования и развития. Сейчас уже ясно, что причиной вступления мирового общества в этот период является развитие на Западе, а вслед за ним и на Востоке, массового материального производства, в считанные десятилетия начавшего разрушать глобальный баланс жизненных условий на планете Земля. Конечно, массовое производство резко подняло уровень материальной обеспеченности основной части населения планеты, но, с другой стороны, вызвало грозящие существованию человечества глобальные изменения климата¹. Возникла проблема, более того, задача коэволюционного приспособления развития общества к материальному, то есть не зависящему от желания, воли и сознания людей, существованию и развитию окружающей природы. Столь фундаментальные изменения в обществе и преобразуемой им природе не могут не привести к расширению объекта социально-философского познания с общества до системы «общество-природа».

В настоящее время существуют две основные социально-философские концепции общества: марксистская формационная и немарксистская цивилизационная. Падение Советского Союза и мировой системы социализма сопровождалось критикой формационной концепции типологии социально-исторической реальности и обнаружением утопического характера коммунизма как «светлого» будущего всего человечества².

Если в ней в центре внимания находились производительные силы и производственные отношения, простыми функциями которых оказывались люди, то в противоположной, цивилизационной концепции, доминирует идея о том, что в основе развития социально-исторической реальности лежит личный, субъективный фактор: творческое меньшинство (А. Тойнби) или пассионарии (Л. Н. Гумилев).

Цивилизационно-культурная концепция типологии общества, связанная с именами Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби и Л. Н. Гумилева, придает важное значение личностному фактору и духовной культуре, но настаивает на жесткой локальности выделяемых ею форм бытия общества, на их изолированности. Преодоление этого недостатка особенно важно в наше время, когда над существованием человечества нависли основные глобальные угрозы: термоядерная и экологическая; когда для эффективного их решения требуется охватывающее всех людей единство человечества. Возникает, следовательно, необходимость в глобальной типологии социально-исторической реальности. Такая типология, как ни странно, была создана автором формационной концепции общества К. Марксом. С одной стороны, им выделяется общество личной зависимости, в котором социальная мощь принадлежит одним лицам, как власть над другими людьми, а производительные силы развиваются лишь в незначительном объеме и в изолированных пунктах. С другой – общество вещной зависимости, в котором социальной мощью обладают вещи (деньги, капитал), но именно поэтому люди индивидуально свободны по отношению друг к другу. Освобожденный от личной зависимости труд людей создает систему всеобщего общественного обмена веществ, универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных потенциалов³. По

1 Черникова И. В. Философия и история науки. – Томск: Изд-во НТЛ, 2011. – С. 291-293; Ядерная зима. Конец света. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: (дата обращения: 24.08.2011).

2 Ильин В. В. Философия истории. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. – С. 20-27; Кемеров В. Е. Социальная философия. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004. – С. 86-90.

3 Маркс К., Энгельс Ф. Экономические рукописи 1857-1859 годов // Соч., 2-е изд. – Т. 46. – Ч. 1. – С. 100-101.

существо, ту же глобальную оппозицию можно выявить в цивилизационно-культурной концепции К. С. Ситарам, Р. Т. Колделла⁴.

Опираясь на идеи К. Маркса и К. С. Ситарам, Р. Т. Колделла, можно выделить в основе западной формы социально-исторического бытия отношения частной собственности на средства производства, обеспечивающей личную свободу, идеи индивидуализма, права, рациональности, прагматичности, научно-технического прогресса и преобразования внешнего мира. В основе же восточной формы социального бытия лежат отношения государственной собственности на средства производства, ограничивающей индивидуальную свободу личности, идеи коллективизма, морали, душевности, духовности, циклического развития и преобразования внутреннего мира человека. Следовательно, и в марксистской, и в цивилизационной концепции выделяются две мегаформы социального бытия: западная и восточная. Значит, дифференциация человеческого социума на западное и восточное общество – это базовый признак, выдержавший интертеоретическую проверку в познавательной социальной деятельности и реальности, а не только указание на географическое их различие. Правда, в обеих приведенных выше концепциях нет запрета на односторонне-полярный вариант глобализации.

Рассмотрим глобальную дифференциацию общества на более глубоком уровне. Согласно современным взглядам, общество образует процесс взаимодействия двух фундаментальных аспектов, подструктур социальной действительности: натуралистического, предметно-социального и культурологического, персонально-социального аспекта общественного бытия и их ценностного знания⁵. Эти аспекты, подструктуры, охватывают всю социальную реальность, в том числе человека. Да, человек есть не только тело и душа, но и созданная им и ставшая его неотъемлемой частью искусственная социальная реальность, мир разнообразных материальных и интеллектуально-духовных культурных ценностей. В процессе исторического развития произошло их обособление друг от друга по доминантному положению предметно-социальной либо персонально-социальной подструктур социального бытия, которое и воплотилось, соответственно, в западное и восточное общество.

Западное общество зиждется на предметно-социальном производстве товаров лично независимыми друг от друга производителями и их обмене. Когда люди полностью включены в товарную деятельность, то существуют только за счет продажи произведенных ими товаров, следовательно, должны быть индивидуально свободными, т.е. социально-равными друг другу людьми. Обмен товарами представляет собой в экономической сфере объективную эквивалентно-общественную связь между товаропроизводителями. Вступая в социальные отношения, эти люди переносят эквивалентность в политическую сферу, сферу власти, как универсальной формы организации персонально-социальных отношений. Политическая борьба носит открытый характер столкновения партий, политических союзов равных людей. Это политическое равенство людей вместе со священным правом индивидуально-частной собственности закрепляется подструктурой отношений юридической зависимости, которая регулирует, как экономиче-

ские, так и политические отношения между людьми, закрепляется в теоретически обоснованной социальной идеологии.

Возникновение западного общества произошло только тогда, когда в результате разложения отношений личной зависимости в феодальном обществе появляется особый товар, рабочая сила, и возникает регулярный источник дополнительного дохода у владельцев средств производства, как стабильное экономическое неравенство. Оно и создает главную подструктуру отношений вещной зависимости в западном обществе, которая распространяется на все общество после проведения буржуазно-демократических революций и ликвидации сословно-политического неравенства, закрепляется подструктурой отношений юридической зависимости политическое, но не экономическое, равенство экономически независимых друг от друга индивидов. В появившемся таким способом западном обществе сила внутренних экономических связей намного больше силы внешних связей. Именно такое существенное соотношение является необходимым условием существования любой отдельной формы реальности, как в природном, так и в социальном мире. Поэтому видеть в феномене экономической эксплуатации только негативное явление, значит, не понимать фундаментальный закон существования любых отдельных форм реальности в мире. Так же некорректно не признавать вклад занятых в непродуцированной сфере людей в общее благо, игнорировать огромный вклад обществ вещной зависимости и их доминантной социальной группы, предпринимателей в интеллектуально-технический прогресс человечества.

Марксистская концепция дифференцировала западную социально-историческую реальность на общественно-экономические формации: рабовладельческую, феодальную и капиталистическую. Как известно, общественно-экономическую формацию образует целостность производительных сил, производственных отношений, социально-классовой структуры, социальных институтов и общественного сознания. В основе формации лежит способ производства, историческое единство производительных сил – людей, средств производства – и производственных отношений между людьми в процессе материального производства, т.е. отношения людей к средствам производства и отношения обмена, распределения и потребления. Производительные силы изменяются непрерывно, производственные отношения – дискретно, производственные отношения зависят от развития производительных сил. Существование и развитие общественно-экономических формаций определяется законом соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил, согласно которому непрерывно происходящее развитие производительных сил происходит в условиях относительно стабильных производственных отношений. Поэтому содействующее развитию производительных сил соответствие производственным отношениям закономерно сменяется замедляющим их развитие несоответствием и, далее, конфликтом, который разрешается сменой общественно-экономической формации. Вместе с производственными отношениями изменяется социальная структура, социальные институты и юридическая подструктура общества вещной зависимости.

Если западное общество опирается на доминантную социально-предметную составляющую общественной реальности, экономическую подструктуру отношений вещной зависимости, то восточное общество основано на господствующей роли персонально-социальной ее составляющей, политической подструктуры отношений личной зависимости. В восточном обществе государство, в отличие от западного общества,

4 Ситарам К. С., Колделл Р. Т. Основы межкультурной коммуникации // Человек. – 1992. – № 2. – С. 51-64; – №3. – С. 60-68; №4. – С. 106-115.

5 Кемеров В. Е. Социальная философия. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004. – С. 27-32, 60-68.

«встроено» в базис, структуру производственных отношений. Персонально-социальные отношения «вклинились» в предметно-социальные отношения, а персонально-социальная составляющая государства, его чиновничий аппарат стал господствующей социальной группой, то есть входит в социальную структуру общества. Иначе говоря, государство представляет собой двойственный феномен: предметно-социальной стороной оно включено одновременно в объективные производственные отношения, ибо организует производство, обмен, распределение и потребление произведенной продукции, а персонально-социальной стороной – в социальную структуру общества. Государство есть иерархическая политическая организация, которая включает в себя отношения личной и юридической зависимости и оказывает властное воздействие на деятельность и поведение людей⁶, а в предметно-социальном аспекте определяет воздействие людей на предметно-материальную составляющую социальной реальности.

Отсюда следует, во-первых, иерархическое строение экономической и политической реальности в восточном обществе, не ограниченное индивидуально-частной собственностью на средства производства и предпринимательской социальной группой; поэтому в классическом восточном обществе всегда существует опасность его «скатывания» в деспотию. Во-вторых, в нем существует чрезмерно малое значение обратной отрицательной связи между уровнями осуществления власти и тенденцией нарастания материально-экономических трудностей, кладущая конец каждой конкретной социальной форме восточного общества. В-третьих, из-за ведущей роли в восточном обществе людей, а не вещей, существенное значение имеет направленная на личность морально-духовная регуляция поведения и социальной деятельности людей, выраженная в создании влиятельной подструктуры отношений морально-нравственной зависимости. Поэтому на Востоке люди ориентируются на группу, на общество, в котором отношения между индивидами всегда определяются в контексте отношений в группе в целом⁷. В-четвертых, консервативная ориентация деятельности направлена на сохранение социальной и природной системы, которая определяет традиционный характер восточного общества.

Внутреннее развитие восточного типа общества может быть представлено при помощи сходного с понятием общественно-экономической формации понятия «общественно-политическая формация». Это понятие воспроизводит часть восточно-социальной реальности, которую тоже образует целостность производительных сил, производственных отношений, социально-классовой структуры, социальных институтов и общественного сознания. В основе общественно-политической формации также лежит способ производства, историческое единство производительных сил (людей, средств производства) и производственных отношений между людьми в процессе материального производства, т.е. отношения людей к средствам производства и отношения обмена, распределения и потребления. Но в отличие от индивидуально-частной собственности на средства производства западного общества, определяющее положение в производственных отношениях занимает государственная собственность на средства производства. Производственные отношения зависят от развития производительных сил и изменяются непрерывно, производ-

ственные отношения – дискретно. Существование и развитие общественно-политических формаций определяется тем же законом соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил, согласно которому непрерывно происходящее развитие производительных сил происходит в условиях относительно стабильных производственных отношений. Развитие производительных сил, находящихся в соответствии с производственными отношениями, закономерно сменяется замедляющим его несоответствием и, далее, конфликтом, который разрешается сменой общественно-политической формации и изменениями в политической ее структуре. Вместе с ними существенно изменяется социальная структура, социальные институты и подструктура отношений морально-нравственной зависимости.

В качестве примеров общественно-политической формаций как стадий развития, можно привести отечественную историю: допетровская Россия; петровская 60-х годов XIX века; пореформенная до 1917 года; Советский Союз до 1992 года; рыночно-государственная Россия по сей день. В развитии Китая до XX века общественно-политической формации связаны со сменой правящих династий⁸, а в XX веке: гоминдановский Китай; маоистский; рыночно-государственный Китай.

Таким образом, выше представлена структура восточного общества, состоящая из доминантной подструктуры отношений личной зависимости и подчиненной ей подструктуры отношений морально-нравственной зависимости; обозначены стадии развития восточного общества.

Рассмотрим отношения между западным и восточным обществом. Прежде всего, каждое из них образует целостность из предметно-социальной и персонально-социальной стороны, только в западном обществе доминантна первая из них, а субдоминантна вторая, в восточном обществе, наоборот. В обществе вещной зависимости все начинается с эквивалентного обмена социальными предметностями, приводя к экономическому, предметно-социальному неравенству, в обществе личной зависимости – с эквивалентного обмена частицами личной свободы для организации совместной жизни, приводя к политическому, персонально-социальному неравенству. В западном обществе главной ценностной ориентацией людей становится страсть к богатству, жадность, в восточном обществе – стремление к власти, властолюбие. Это, действительно, там и там образует классы с противоположными интересами. Если рассматривать классы, как отдельные объекты, то между ними существуют не только отношения взаимоисключения, борьбы, но и отношения взаимодополнения, притяжения друг к другу. В понимании западного общества марксизм делал акцент на классовой борьбе, уничтожении наемными работниками предпринимателей, однако Т. Веблен считает, что наемные работники желают не сбросить своих хозяев, а стать такими же хозяевами⁹. Практика развития западного общества показала истинность того и другого понимания отношения между классами. В понимании восточного общества тоже есть вражда между народом и властной социальной группой, и притяжение: слишком многие люди из народа хотят переместиться во властную группу. Это также образует, сплачивает то и другое общество, как гравитационное притяжение солнца держит в своей орбите планеты, образуя обособленную солнечную систему. Если бы солнце и планеты были равны друг

6 Российский энциклопедический словарь: в 2-х кн. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – Кн. 1. – С. 270, 385.

7 Нейсбит Д. Китайские мегатренды: восемь столпов нового общества. – М.: Астрель, 2012. – С. 304.

8 Елисеиф В., Елисеев Д. Цивилизация классического Китая. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – С. 6-7.

9 Хайлброннер Р. Л. Философы от мира сего. – М.: Изд-во Колибри, 2008. – С. 297.

другу по гравитационной массе, то никакая солнечная система не могла бы существовать.

Следовательно, экономическое неравенство – это не только отталкивающая, но и скрепляющая западное общество сила. Такую же функцию выполняет политическое неравенство в восточном обществе. Доминантное экономическое неравенство замещено доминантным политическим неравенством, но и экономическое неравенство не исчезло, а осталось в форме субдоминантного внеэкономического принуждения к труду. Да и с политическим равенством в обществе вещной зависимости дело обстоит не так гладко, как внушается средствами западной пропаганды. Действительно, о каком равенстве политических прав можно говорить в тех же США и других странах, когда выборные кампании в Конгресс стоят для большинства граждан огромные деньги, а президентские выборные кампании – астрономические деньги?

Конечно, экстремальное неравенство в том и другом типе общества может привести и не раз приводило к социальному взрыву. Но при неэкстремальном, умеренном неравенстве эти общества вполне нормально существовали и развивались, пока не накапливались чрезмерные внутренние противоречия, вызывавшие радикальное изменение конкретной формы общества, как правило, в одном и том же глобальном типе. С другой стороны, и с экстремальным равенством людей дело обстоит не так хорошо, как кажется. В персонально-социальном плане оно ведет к анархии или к попаданию на решающие позиции некомпетентных или корыстных лиц, что губительно для общества, поскольку дезорганизует совместную социальную деятельность людей и быстро приведет конкретное общество к гибели. В предметно-социальном, экономическом плане равенство «подрезает» индивидуальные стимулы роста и медленно, но неотвратимо приводит конкретное общество к такому, же печальному результату. Это же происходит в природе, где полное «равенство», «свобода» друг от друга частей также ведет к распаду и исчезновению отдельного объекта.

Вместе с тем, в каждом из этих обществ, западном и восточном, существует противоположное единство неравенства и равенства людей. Западное общество характеризуется политическим равенством и экономическим неравенством, восточное общество – экономическим равенством (по сравнению с западным обществом) и политическим неравенством. Таким образом, западное общество и восточное общество не только активно отрицают друг друга, но и дополняют, более того, проникают друг в друга. Правда, неравенство в обществе вещной зависимости – источник эволюционного развития человека и общества, а неравенство в обществе личной зависимости – источник экзистенциального роста человека внутри общества. Положительную ценность в обществе вещной зависимости образует инновационное развитие человечества, в обществе личной зависимости – сохраняющее общество экзистенциальное развитие. К отрицательным, разрушительным факторам в западном обществе относятся уклонение от уплаты налогов и мошенничество; в восточном обществе – тенденция к деспотизму и коррупция. И то, и другое общество переживает экстремальные стадии развития. В западном обществе это происходит в период накопления капитала, когда основная часть населения «освобождается» от предметно-социальной стороны своего существования, чтобы образовать социальную группу наемных работников. В восточном обществе это происходит в период деспотического или тоталитарного правления, когда основная часть населения «освобождается» от личной свободы, а значительная его часть, – от жизни.

Но существуют и позитивные периоды устойчивого существования и развития не экстремально-либерального и не экстремально-деспотического, а умеренно либерального западного и авторитарного восточного общества со своими подъемами и понижениями. Следовательно, неэкстремальные состояния, как неравенства, так и равенства есть необходимые условия стабильного существования и развития конкретных форм западного и восточного общества. Теории же, абсолютизирующие экстремальное состояние равенства либо неравенства, во-первых, противоречат не только объективному устройству общества, но и устройству материального мира; во-вторых, при практическом осуществлении приводят к исторически быстрому разрушению конкретного общества.

Пристатейный библиографический список

1. Авдонин А. Н. Структура западного, восточного общества и будущего человечества // Государство будущего: политико-правовой аспект II международная научно-практическая конференция. Уфимский государственный нефтяной технический университет. 2014. С. 54-70.
2. Авдонин А. Н., Кадырова Г.Ф. Модернизационные волны в России и коэволюционно-глобальная модернизация // Евразийский юридический журнал. 2015. № 7. С. 330-332.
3. Авдонин А. Н. Экогуманитарный «поворот» к коэволюционной цивилизации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 3-1. С. 10-16.
4. Елисеев В., Елисеев Д. Цивилизация классического Китая. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 640 с.
5. Ильин В. В. Философия истории. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. – 380 с.
6. Кемеров В. Е. Социальная философия. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004. – 384 с.
7. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – Т. 46. – Ч. 1. – 560 с.
8. Нейсбит Д. Китайские мегатренды: восемь столпов нового общества. – М.: Астрель, 2012. 315 с.
9. Российский энциклопедический словарь: в 2-х кн. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – Кн. 1. – 1023 с.
10. Ситарам К. С., Колделл Р. Т. Основы межкультурной коммуникации // Человек. – 1992. – № 2. – С. 51-64; – №3. – С. 60-68; №4. – С. 106-115.
11. Хайлброннер Р. Л. Философы от мира сего. – М.: Изд-во Колибри, 2008. – 432 с.
12. Черникова И. В. Философия и история науки. – Томск: Изд-во НТЛ, 2011. – 388 с.
13. Ядерная зима. Конец света. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: (дата обращения: 24.08.2011).

КАРАМОВА Эвелина Ильдаровна

аспирант факультета философии и социологии Башкирского государственного университета

ФОМИН Станислав Михайлович

преподаватель кафедры специальной подготовки Уфимского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации

СОВРЕМЕННЫЙ ТЕРРОРИЗМ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМ МИРЕ

В статье с позиции социальной философии рассмотрен феномен терроризма. Раскрывается вопрос терроризма как глобальной расширенной системы. Определены характер, субъект, цели современных террористических организаций. Обозначены социально-значимые вопросы влияния современного терроризма на общество. Отмечается вопрос влияния терроризма в психологическом аспекте. Рассматриваются возможные пути решения проблемы.

Ключевые слова и фразы терроризм, социальная проблема, государство, международное сотрудничество, террофобия.

KARAMOVA Evelina Ildarovna

postgraduate student of the Faculty of Philosophy and Sociology of the Bashkir State University

FOMIN Stanislav Mikhailovich

lecturer of Special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the Ministry Internal Affairs of the Russian Federation

MODERN TERRORISM IN A GLOBALIZED WORLD

This article from the perspective of social philosophy considered the phenomenon of terrorism. It expands the issue of terrorism as a global expansion of the system. Determine the nature, subject, target of modern terrorist organizations. Marked socially important questions of influence of contemporary terrorism on society. There the issue of terrorism in the influence of the psychological aspect. Possible solutions to the problem.

Keywords and phrases terrorism, a social problem, the state, international cooperation, terrophobia.

Современный терроризм порожден целым комплексом факторов в отличие от своих предшественников. Терроризм второй половины XX века имеет разнообразные черты. Можно говорить о том, что это глобальная проблема современности. Глобализация представляет собой переплетение различных процессов, отличных по своим формам и последствиям. Глобализация в соответствии с интересами транснациональных корпораций, с максимальной либерализацией и бескомпромиссной конкуренцией на мировом рынке дестабилизирует внутренние устройства многих стран. Она ведет к свертыванию системы социального обеспечения, к увеличению разрыва в доходах между богатыми и бедными группами населения, усиливает социальные противоречия и соответственно антиглобалистские настроения¹. Можно проследить совокупность общемировых систем в экономике, финансах, технологии, политико-правовой сфере, информационной среде, культуре, искусстве и во всем мире в целом. В последние десятилетия взаимодействие стран в области экономики, политики, культуры выходит на новый уровень, а терроризм перерастает в глобальную проблему и угрозу для всего человечества.

Сейчас нельзя утверждать, что современный терроризм не является порождением одной или нескольких группировок, не существует в границе одной или нескольких стран, не представляет какую-либо идеологию или культуру. Современный терроризм – сложное, многоуровневое явление.

Кроме того, это и социальное явление, потому что в качестве одной из его целей можно отметить манипуляцию сознанием общества путем создания атмосферы социального и личного страха, используя насилие или угрозу применения насилия.

Террор в переводе (с лат. *terror*) – это то, что, несет в себе ужас и страх. Понятие террора с конца XVII века и почти до конца XIX века обозначало открытую форму диктатуры с ярко выраженными насильственными методами управления, а также множественными случаями политических покушений и убийств. Само же понятие «терроризм» часто применялось как синоним слова террор

Карамова Э. И.

Фомин С. М.

и трактовалось как осуществление террора.

С середины XIX века понятие «терроризм» начинает закрепляться в обществе и трактуется как совершение политического убийства, а понятие «террор» отождествляется с действиями крупных террористических групп, порой даже и с действиями государства. На данном этапе можно говорить о том, что терроризм выступает как механизм политического характера и является самобытным.

Современный терроризм – это насилие, осуществляемое группой людей по отношению к государству, как к политическому субъекту и угрозы насилия в отношении мирных граждан². Сейчас терроризм – это глобальное социальное преобразование, которое имеет свою систему отношений, источники дохода, технику, оружие, спецсредства, осуществляет взаимодействие с международной организованной преступностью, имеет возможность фиксировать публичные казни и транслировать их с помощью сети Интернет, а также дает возможность заработать гражданам, которые не смогли реализовать в жизни в том или ином государстве и сделали это, вступив в ряды убийц, ведущих войну с неверными.

Культурные ориентиры Востока и Запада оказались противопоставленными друг другу, что привело к тому, что террористические организации вроде «Исламское государство и Леванты» (запрещенная в Российской Федерации) воспользовались данным феноменом. Сейчас большая часть граждан европейской части земного шара ищет духовность, культуру, умиротворение, веру именно у подножья террористических организаций и охотно вступают в их ряды.

Современный терроризм обладает некоторыми признаками. Он создает общественную опасность путем применения насилия, носит ярко выраженный публичный характер. Главным оружием

1 Салихов Г. Г. Человек эпохи глобализации. – М., 2008. – 28 с.

2 Федотова В. Г. Терроризм от старого к новому // Философия науки. – 2003. – № 2. – С. 5.

современного терроризма является внушение страха на индивидуальном и социальном уровне, можно сказать, в глобальном масштабе, а также применение насилия и причинение смерти одним лицам для психологического воздействия на других, для склонения к каким-либо действиям и создания массовой рефлексии от террористических действий. Современный терроризм – это прямое психологическое воздействие на сознание социума. Цель террористов – создание именно невротического страха, когда человек или впадает апатию, или совершает действия вредные для него самого³.

В психологическом аспекте современный терроризм определяется рефлексией ужаса в массовом сознании общества. Экзистенциальные и антропологические начала терроризма генерируются в расстройстве, страхе, его крайней степени – ужасе. Для определения этого состояния существует термин – террофобия.

Примеры из истории терроризма подтверждают, что в основе террора лежит страх общества в целом. Страх биологически оправдан, в психологической парадигме страх – это эмоция, которая возникает в ситуациях угрозы существованию человека, как биологическому, так и социальному, такая угроза направлена на источник реальной или воображаемой опасности. Страху присуща черта взаимности, что дает возможность террористам рождать именно коллективный страх.

Сегодня особенно заметно, что террористические организации вселили подобный страх на уровне рефлексии. В массовом сознании общества рефлексия терроризма вызывает панический страх при виде женщин в хиджабе и мужчин с бородой. Страх смерти – естественное состояние человека, которое генерирует с инстинктом самосохранения, чем слабее и беззащитнее человек, тем сильнее выражается этот инстинкт.

Сегодня цель террористов – создание невротического страха среди населения планеты, запугивание и деморализация социума. Подобную рефлексию терроризма люди получают из социокультурных институтов, собственного опыта, литературы, СМИ и сети Интернет. Благодаря этим источникам страх приобретает черты рефлексии терроризма, охватывая планетарные масштабы.

Практически большинство террористических организаций имеет собственные сайты, на которых пропагандируются насильственные действия, распространяются практические пособия, рекомендации по сборке взрывных устройств, тактические приемы совершения диверсионно-террористических актов.

Глобализация как процесс формирования и последующего развития единого общемирового социально-экономического пространства на базе новых, преимущественных технологий представляет собой многомерное и многоуровневое явление, которое можно анализировать с самых разных точек зрения⁴.

Присутствие террористических групп в киберпространстве началось совсем недавно. Большею своей частью они смогли локализоваться в 1998 г. на данном этапе присутствие террористов всемирной сети Интернет насчитывается более сотни групп. Мы видим, что преимущество Интернета не осталось без внимания независимо от установок и направленности террористических организаций будь-то Исламисты, националисты, марксисты, и так далее. Мы можем говорить о географическом многообразии подобных вебсайтов.

Основное, что привлекает террористические группы в сети, доступность, и огромный потенциал аудитории. Такие вебсайты террористических организаций очень активны. Они могут появиться из неоткуда тут же исчезнуть, затем сменить свой формат, сменить адрес онлайн, но сохраняет при этом свое содержание и назначение.

Интернет представляет собой самое наилучшее поприще для террористической деятельности. Он имеет легкий доступ, незначительную или полностью отсутствующую законодательную базу, цензуру или другие нормы государственного контроля, потенциально огромную аудиторию во всем мире, анонимности общения, быструю передачу информации, недорогую установку, содержание и техническое обслуживание, мультимедийную среду (способность соединять текстовые и графическое изображение), способность действовать в традиционных средствах массовой информации, которые все больше используют Интернет как источник для историй.⁵

3 Кара-Мурза С. Г. Манипуляции сознанием. – М., 2003. – 17 с.

4 Федеральное казенное учреждение «главный информационно-аналитический центр МВД Российской Федерации». Обзорная Информация. Зарубежный опыт. Выпуск № 1. – М., 2015. Информационное противоборство П. А. Важева.

5 Вайман Г. Как современный терроризм использует Интернет. Институт мира США. Специальный отчет № 116. США. – Март, 2004.

Рассмотрим содержание террористических сайтов, описание истории террористической организации биографии лидеров, основателей, своих героев, символика, лозунги, девизы, социальные и политические взгляды, осуждение и критика политических режимов разных государств, дается четкое разъяснение применения насилия на моральных и правовых основах террористической идеологии. Основным остается способы вербовки лиц, не реализовавших себя в обществе, изучая личности и зная их слабости, вступив в доверие, террористы через сайты начинают менять систему ценностей и убеждения личности. В основном к манипуляции эмоционального состояния и запрограммирование поведения склонны женщины и подростки.

Мы видим, как на сайтах террористических организаций активно практикуются приемы не использования террористами насилия. Очень часто на сайтах, мы можем увидеть террористы заявляют о стремлении к мирным решениям. Часто террористы представляются борцами за свободу, описывая государства противниками движения и врагами. Говоря о малозначительности насилия своих действий, называют действия государственных органов агрессией и сравнивают свои действия с ни чем.

Все свои заявления и действия террористы направляют на оправдание своего насилия. Говоря о том, что нет другого выбора кроме применения насилия. Оно представляется как благо, необходимость и один из инструментов подавления врага. Важно, чтобы у общества на данный момент присутствовал духовно-культурный потенциал. Так как культура и общество неделимы друг от друга, то они являются одним из элементов в профилактике борьбы с терроризмом. Необходимо формировать такие ценностные ориентации, как ценность человеческой жизни, личностной культуры, базовые ценности у социума.

В профилактике терроризма выделяются следующие методы: создание единства и целостности культурного пространства общества, гуманизация общественной жизни, пропаганда социальных идеалов.

Современный терроризм – сложное социальное явление, представляющее глобальную угрозу существованию и развитию человеческой цивилизации. На данном этапе в условиях глобализирующего мира с его положительными и отрицательными последствиями терроризм принял новые формы, расширил масштабы и границы своей противоправной деятельности, утвердил тенденцию изменения целевых установок террористических организаций, а именно совершение террористических актов без выдвижения политических требований, ответственности за совершенные преступления.

Таким образом, можно сделать вывод, что современный терроризм является глобальным явлением. Он несет в себе черты специфического девиантного средства современной коммуникации, который основан на ненависти, страхе. Насилие выступает как механизм культивирования страха, приобретая элементы сильного воздействия на общественное сознание, дестабилизируя общество в целом. Только совместными усилиями с мировым сообществом, соблюдая правила толерантности, представляется возможным предупредить совершение новых террористических актов и минимизировать последствия совершенных.

Пристатейный библиографический список

1. Вайман Г. Как современный терроризм использует Интернет. Институт мира США, Специальный отчет № 116. США. – Март 2004.
2. Кара-Мурза С. Г. Манипуляции сознанием. – М., 2003. – 17 с.
3. Мехдиев Э.Т. Роль многосторонней дипломатии в условиях глобализации на примере ОБСЕ // Вестник Пермского университета. Серия: История и Политология. – 2009. – № 3. – С. 87-95.
4. Салихов Г. Г. Человек эпохи глобализации. – М., 2008 – 28 с.
5. Федотова В.Г. Терроризм от старого к новому // Философия науки. – 2003. – № 2.
6. Федеральное казенное учреждение «главный информационно-аналитический центр МВД Российской Федерации». Обзорная Информация. Зарубежный опыт. Выпуск № 1. – М., 2015. Информационное противоборство П. А. Важева.

МУХАМЕДЬЯРОВА Лэйсян Венировна

старший преподаватель кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института Уфимского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации

ПАТЕРНАЛИЗМ КАК ФАКТОР, ПОРОЖДАЮЩИЙ КОРРУПЦИЮ В ОБЩЕСТВЕ

В статье обозначена актуальность проблемы коррупции на современном этапе развития общества. Рассмотрен феномен патернализма как основы во взаимоотношениях индивидов на уровне общества в целом и как фактор, определяющий различные виды коррупционных действий. Высказанные в данной статье оценочные суждения и рекомендации направлены на раскрытие патерналистских отношений в обществе как детерминант коррупционных явлений. Основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной, педагогической и практической деятельности при рассмотрении и анализе трансформаций различных социальных отношений, происходящих в современности, в том числе с точки зрения коррупционного образа действий.

Ключевые слова: коррупция, коррупционное поведение, патернализм, патерналистские отношения, детерминанты коррупционного поведения, формирование антикоррупционной устойчивости.

MUKHAMEDYAROVA Leysyan Venirovna

senior lecturer of Professional Training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Мухамедьярова Л. В.

PATERNALISM AS A FACTOR THAT FOSTERS CORRUPTION IN THE SOCIETY

The article is designated urgency of the problem of corruption at the present stage of development of society. Considered as the basis for the phenomenon of paternalism in the relations between individuals at the level of society as a whole and as a factor in determining the different types of corruption. The views expressed in this article are the value judgments and recommendations are aimed at disclosure of paternalistic attitudes in society as a determinant of corruption phenomena. The main provisions and conclusions of the article can be used in scientific, educational and practical activities in addressing and analyzing the various transformations of social relations that take place in modern times, including in terms of the corruption of action.

Keywords: corruption, corrupt behavior, paternalism, paternalistic relations, the determinants of corruption behavior, the formation of anti-corruption sustainability.

В современных условиях коррупционные явления стали не только неотъемлемой частью государственно-властных структур, но и распространились в самых различных сферах общественной жизни. Коррупция из деяния трансформируется в системное явление, поражающее все институты общества. Наличие дискреционной власти расширяет возможности получения различного вида благ, следовательно, коррупционные составляющие возможны при наличии любых властных полномочий. Коррупция как действие направлено не только на обогащение, но на получение поддержки от лица, обладающего доступом к общественным благам и возможностями их перераспределения. Процессы формирования и развития коррупционных явлений опосредованы совокупностью самых различных факторов, в том числе и отношениями патернализма, характерные для доиндустриального этапа развития цивилизации. Феномен патернализма, проявляющийся в большей или меньшей степени у самых различных народов и уровнях общественного развития, во многом предстает существенным фактором, определяющим различные виды коррупционных действий.

В научной литературе феномен патернализма анализируется, прежде всего, политологами, социологами и экономистами. В последнее время ученые стали обращать внимание на взаимную обусловленность и зависимость феномена патернализма и коррупции, прежде всего ее экономических аспектов.

В недавнем историческом прошлом России государственный патернализм предполагал, прежде всего, проявление преданности, исполнительности и свободу действия только по указанию сверху в «рамках дозволенного». В традиционной отечественной ментальности преклонение перед властью проявилось в «державности». В соответствии с ней государство воспринимается как абсолют, а его глава – как отец родной стоит над законом и обладает неограниченной властью, позволяющий ему казнить или миловать своих подданных. Такое восприятие сильного государства, и представление верховной власти, способной решить все проблемы индивида, включая повседневные, Н. А. Бердяев называл чертой нашего национального характера¹.

В современной действительности патерналистские отношения способствуют оформлению коррупции в виде nepoтoзизма и фаворитизма, которые характерны и для социальных устройств западноевропейских стран. В интересах национальных госкорпораций проводится откровенная протекционистская политика. Субсидии на производство сельскохозяйственных культур и продовольственной продукции достигают значительных размеров.

Традиционно под патернализмом понимаются отношения, свойственные патриархальной общине, характеризующиеся доминированием коллектива над индивидом, жесткой внутренней иерархией, немонетарными формами отношений. Основу патернализма составляет система строгой субординации, в которой нижестоящие лица надеются на проявление защиты и заботы вышестоящего лица.

Как форма социальных отношений патернализм присутствует во всей совокупности вертикальных и горизонтальных связей. Отношения «патрон–клиент» предстают естественной формой защиты индивида в традиционном обществе. Устойчивые патерналистские отношения культивируют неформальные отношения и усиливают зависимость от благосклонности ресурсообладателя. Личная преданность, подкрепленная подарками, определяла круговую поруку окружающих. Подношение подарков воспринималось признаком проявления хорошего тона. Подчиненный получал поддержку взамен на лояльность. С расширением аппарата управленцев использование служебного положения для личных поборов с населения приобрело общепринятую норму. Ориентированность партнеров коррупционных отношений на долговременность и стабильность взаимоотношений определялись не только статусом и рангом патрона, но и величиной достижения материального вознаграждения. На уровне общественного сознания вымогательство подношений за использование служебных полномочий стало средством решения проблемы.

Патернализму присущи следующие характерные черты:
1) зависимость подчиненного от патрона, опосредованная дифференцированным доступом к власти и ресурсам, в условиях недостаточности ресурсов жизнеобеспечения;

1 Бердяев Н. А. Судьба России. – М., 2008. – С. 223.

2) направленность на обоснование подчинения с подчеркиванием заботливой роли патрона;

3) восприятие в качестве патрона отдельного индивида, а подчиненными – всех зависимых;

4) систематизация и институционализация социальных отношений, предстающих в качестве объектов управления;

5) реализация не только на уровне деятельности индивида, но во всем спектре социальных взаимоотношений и государства в целом.

В реалиях отечественной действительности патернализм предстает важнейшим социальным институтом, свойственный советским и отчасти постсоветским реалиям общественной практики. В недавнем прошлом патерналистские традиции дополнялись системой государственного патернализма, наиболее полно реализованным в социальной сфере (образование, здравоохранение, обеспечение жильем, коммунальное обслуживание и т.д.). Бесплатная медицина, образование и иные льготы воспринимались как обязанность государства, что в значительной степени способствовало формированию у граждан социального иждивенчества населения. В советском обществе социальная защищенность обеспечивалась многими факторами: полной занятостью трудоспособного населения, стабильной и гарантированной выплатой заработной платы, социальным и медицинским обеспечением. Все услуги предоставлялись бесплатно или за символическую плату. Советский патернализм адекватно отвечал ценностным ожиданиям и установкам работников по выполнению предписанных функций.

Реформационные процессы начала 1990-х годов в России способствовали пересмотру значительной частью населения патерналистской установки. За прошедшие десятилетия доля самостоятельных людей, живущих по принципу «все зависит от меня и моих близких», существенно выросла. В то же время в массовом сознании продолжает сохраняться потребность в предоставляемых государством различных рода социальных благ и льгот как само собой разумеющихся ресурсах, гарантированных властью. Социальную базу патернализма образует объективная потребность социальной защиты низкостатусных слоев населения. Не случайно, только третья часть опрошенных россиян высказали убежденность в способности самостоятельно обеспечить себя и свою семью². При сложившейся ситуации отказ от государственного патернализма практически невозможен, т. к. с неизбежностью произойдет снижение доверия к государству и властным институтам. Поэтому государственная социальная политика направлена на оказание помощи неимущим и малоимущим, инвалидам, престарелым, многодетным семьям и иным беспомощным и беззащитным представителям общества. Однако реализация государством многочисленных функций социального обслуживания обуславливает сохранение патерналистских традиций и усиление ресурсной зависимости от обладателя властными полномочиями.

В оптимальной модели управления наряду с мотивом интереса доминирует к существу дела. Главным мерилом ценности управленческой деятельности выступает не только ее творческая продуктивность, но и влияние на человека, общество, окружающую природу. Применительно к органам внутренних дел нравственной ценностью личности сотрудника предстает профессионализм. Важной составляющей различий между оптимальной и бюрократической моделями управления составляет нравственное убеждение как мотива деятельности. Нравственное убеждение, являясь одним из основных компонентов мировоззрения, в то же время фокусирует потребности, интересы и стремления личности, отражает проявления рациональной, эмоциональной и волевой ее сфер.

Помимо рассмотрения патернализма как совокупности социальных отношений властвования и зависимости, глубоко укоренившихся в формах убеждений и ожиданий населения, данный феномен предстает в качестве управленческой линии и достаточно полно отражает поведенческую стратегию руководства. Достаточно жесткая иерархичность системы управления и подчеркнутая дистанцированность между уровнями иерархии предстает условиями проявления патерналистских отношений.

Патернализм как процесс и результат взаимодействия по «вертикали» следует рассматривать в двух аспектах. С одной стороны, это взаимоотношения руководителей и подчиненных, проявля-

ющихся в методах контроля, принятия решений и их восприятия управляемыми. На уровне обладания властными полномочиями это проявление своеобразного патернализма «сверху». С другой стороны, практика управления состоит из отношений нижестоящих работников к вышестоящим лицам, характеризующихся подчинением и восприятием принятым решениям. В свою очередь, восприятие, осознание и ожидания подчиненными тех или иных действий руководства предстает патернализмом «снизу». Проявления патернализма «сверху» и «снизу» взаимосвязаны между собой и обуславливают и воспроизводят друг друга.

Система персонифицированных и неформальных взаимоотношений работников и работодателей в процессе труда продолжает еще сохраняться. Наиболее ярким свидетельством сохранения отношений патернализма предстает зависимость размера оплаты труда и получение различных поощрений от степени установления неформальных взаимоотношений с руководителем. В распределении материальных и финансовых благ определяющим критерием выступает лояльность подчиненного.

На уровне обыденной практики подобные взаимоотношения получили распространение в виде «бытовой коррупции», которая в массовом сознании не рассматривается как опасное явление, а воспринимается как способ разрешения проблемы. В современной России из года в год размеры бытовой взятки неуклоннократно возрастают. В 2009 г. средняя сумма уже составила 27 тыс. руб.³. Опрос, проведенный в сфере здравоохранения 2008–2009 гг. показал, что около 10 % медицинских работников и 35 % пациентов, так или иначе сталкивались с коррупционными фактами. Большая часть опрошенных пациентов (44 %) указали на высокую степень коррупции, 27 % респондентов отметили среднюю степень ее проявления по сравнению с другими отраслями, 14 % – низкий уровень и 15 % затруднились ответить⁴. Не случайно в обществе коррупция все более воспринимается как обыденное явление. В стереотипе общественного сознания факт коррупции предстает как своеобразная этическая форма «восстановления социальной справедливости».

В перспективе рыночные отношения с неизбежностью будут нивелировать государственный патернализм, репродуцирующий коррупцию во властных отношениях. Действенность институтов и механизмов социального контроля, участие общественности в решении жизненно важных проблем, индивидуальная социальная активность позволят существенно ограничить произвол бюрократического аппарата и, соответственно, снизить остроту проявления коррупционных деяний. С утверждением партнерства между лицами наемного труда и руководством патерналистские мировосприятие и мироощущение, воспроизводящие патриархальные отношения, патерналистская ориентация работников утратят свое значение. В общественной практике «бытовая» или низовая формы коррупции, во многом опосредованные отношениями начальник – подчиненный, утратят свои мотивационные составляющие.

Пристатейный библиографический список

1. Аникин В. А. Особенность жизненных ценностей и устремлений россиян // Политические исследования. – 2008. – № 2. – С. 86–88.
2. Бердяев Н. А. Судьба России. – М., 2008. – 336 с.
3. Норкин К. Б. Системные проблемы борьбы с коррупцией в России. Неудача: варим яйца всмятку час, варим два, а они всё крутые. – М., 2010. – 200 с.
4. Нюнькова А. Ю. Коррупция как угроза национальной безопасности России // Следователь. – 2010. – № 8. – С. 52.
5. Сулимин А. Властная традиция в социодинамике современного российского общества // Власть. – 2009. – № 12. – С. 59–62.
6. Червоных Е. В. Коррупция в Российской медицине: масштабы и пути противодействия ей // Следователь. – 2010. – № 4. – С. 55–56.

3 Норкин К. Б. Системные проблемы борьбы с коррупцией в России. Неудача: варим яйца всмятку час, варим два, а они всё крутые. – М., 2010. – С. 62.

4 Червоных Е. В. Коррупция в Российской медицине: масштабы и пути противодействия ей // Следователь. – 2010. – № 4. – С. 56.

2 Аникин В. А. Особенность жизненных ценностей и устремлений россиян // Политические исследования. – 2008. – № 2. – С. 86.

МУХАММАДИ Алишер

руководитель Центра «Краеведение» Национальной библиотеки Республики Таджикистан

НЕКОТОРЫЕ ИСТОКИ И ФАКТОРЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО МОРАЛЬНОГО КРИЗИСА

В статье рассматриваются основные факторы возникновения и распространения современного морального кризиса, такие как масскультура, влияние процессов глобализации и рыночной экономики на мораль, разрушение системы этических ценностей.

Ключевые слова: моральный кризис, духовная отдалённость, моральное опустошение, масскультура, семейные ценности, рыночная экономика, глобализация, урбанизация, цивилизация.

MUHAMMADI Alisher

Head of the Center "Local History" of the National library of the Republic of Tajikistan

SOME OF THE ORIGINS AND FACTORS OF EMERGENCE AND SPREAD OF MODERN MORAL CRISIS

This article discusses the main factors of the emergence and spread of modern moral crisis such as mass culture, materialistic world view the process of globalization, market economy, the destruction of values.

Keywords: moral crisis, alienation, remoteness of the spiritual, moral devastation, massculture, family values, the market economy, globalization, urbanization, civilization.

Проблема современного морального кризиса является одной из актуальных проблем современной науки философии, социологии, она занимает лучшие научные умы современности. Разумеется, моральный кризис не мог возникнуть без соответствующих предпосылок. Кризис имеет свои многочисленные корни и причины возникновения, двигающие силы, которые отмечаются в большинстве работ западных и восточных обществоведов. Исследования, посвященные анализу причин и факторов развития морального кризиса, входящие в тематический концепт аксиологии, показывают, что кардинальное изменение и искажение ценностей в современном обществе особенно наблюдается в области культуры, духовности, этики и общения людей.

Аксиология, как определенное направление западной философии, сформировалась в 20-50-х годах прошлого столетия, и как философская дисциплина изучает теорию ценностей. Вместо термина «аксиология» иногда используются понятия «теория ценностей» и «ценностей теория». Понятие «ценность» упоминается ещё в учениях мыслителей античности и средневековья, и ему в них уделяется существенное внимание. После издания книги Карла Маркса «Капитал» (1867 г.), немецкий экономист Адольф Вагнер попробовал изучить явления общественной жизни с ценностной позиции. Кроме того в западной научной литературе, а именно в философии, истории аксиологии связана с именем Германа Рудольфа Лотце. В дальнейшем аксиологический метод изучения явлений в основном развивали немецкие и американские философы: В. Виндельбанд, В. Дильтей, Т. Парсонс, Г. Риккерт, У. Томас, О. Шпенглер, а также П. Сорокин и др.

Тревожные признаки морального кризиса наблюдались еще в конце XIX и начале XX веков. В тот период некоторые мыслители выявили в общественном сознании отрицательные элементы, способные навредить общественному строю и стать причиной его разрушения. В основном это проявилось в русской и европейской литературе¹. Издание книги О. Шпенглера «Закат Европы», являясь серьезным предостережением для европейцев и всего человечества. П. Бьюкенен в «Смерти Запада»², отмечает, что отрицательные элементы, предсказанные О. Шпенглером, уже твердо укоренились в Западной цивилизации.

Исследователи указывают на множество объективных и субъективных причин, способствующих возникновению современного морального кризиса. К основным факторам этого кризиса относят революционные изменения - научные, культурные, социальные, экономические, связанные с системой рыночной экономики, глобализацию, урбанизацию, а также факторы, связанные с субъективностью человека - сексуальные и пр., которые способствовали коренному изменению шкалы духовных и моральных ценностей. Моральным кризисом считается разрушение баланса между моральными и материальными ценностями, а точнее – приоритет, преобладание, возвышение роли материальных ценностей над моральными.

О соотношении морального и материального задумывались еще в эпоху просвещения. Ряд мыслителей, начиная с эпохи просвещения разрушение духовных ценностей связывают с ростом цивилизации. Ж. Ж. Руссо (1712-1778 гг.) Уже в своей первой работе «Рассуждение о науках и искусствах» Руссо противопоставляет развитие науки и искусства упадку нравов, аморальности и лицемерию. В «Рассуждениях» прямо ставит вопрос: «способствовало ли возрождение науки и искусств улучшению нравов». Руссо считает, что «все прекрасное в человеке выходит из лоно природы и портится в нем, когда он попадает в общество». Размышляя о телесных потребностях он говорит: «Телесные потребности – основа общества, дух же его украшение». Этическую позицию Руссо выдвигает на первый план: «Не науку оскорбляю, а добродетель защищаю перед добродетельными людьми». Он утверждает, что «Наши души развращались по мере того, как совершенствовались наши науки и искусства». В письме к Вольтеру он дает такое определение культуры: «Культура - это меч, который вонзен в живое дерево, если его вынуть, дерево погибнет, но лучше было бы его туда вообще не вонзать». Исследования антициентистов одной из важных причин современного морального кризиса считают научно-технические революции (НТР), отражающие взлеты научного мышления. Они считают, что НТР кардинально влияет на духовные директивы и ценностные ориентиры людей. Под воздействием научных революций появилась биполярная система, и гуманитарные науки потеряли свое осевое значение. Последние придерживаются такого мнения, что хотя наука и улучшила внешний вид жизни, но отрицательно повлияла на духовность людей³. Позднее, в XX веке, учёные предложили считать науку наивысшей человеческой ценностью. Была выдвинута идея перенести обязанности религии, философии, культуры и литературы в круг обязанностей науки.

1 Достоевский Ф. Преступление и наказание... – М.: Худ. лит., 1983, – 400 с.; Толстой Л. Анна Каренина. – Петрозаводск: Госиздат. Карельской АССР, 1960. – 908 с.; Шпенглер О. Закат Европы / В 2-х томах. – М.: «Айрис Пресс», 2004.

2 Бьюкенен П. Смерть Запада. – М: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 444 с.

3 Основы философии науки. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. – 466 с.

Лосский Н. О. пишет о другой предпосылке современного морального кризиса: отрицании абсолютной ценности - Бога, которая стала причиной разрушения системы фундаментальных моральных ценностей. Отдаление от Бога он связывает с производством различных видов зла и нарушением целостности мира⁴.

Некоторые учёные - представители марксизма, экзистенциализма, логического позитивизма, прагматизма и атеизма, под воздействием научных достижений также отрицали внутренний мир человека, и считали его только материальным существом. Такой подход к человеческой сущности в корне изменил многовековое представление о человеке, как о духовном существе. Отрицание Бога и существования души способствовали развитию эгоизма и конформизма, которые являются основными элементами современного морального кризиса⁵.

Бердяев Н. называет также фактор разрушения общественного строя и усиления морального кризиса – умышленное вмешательство мыслительных школ в общественный порядок, и производство отрицательных духовных ценностей, которые объективно замедляют общественный прогресс⁶. Бьюкенен П. утверждает, что некоторые ученые по новому интерпретируют общепризнанные ценности и создавая новые культуры, разрушают существующий порядок жизни. Естественно, что каждая культура проявляет специфическое отношение к ценностям. Но иногда такое отношение для человечества может стать драматическим. Например, масскультура, которая появилась в результате культурной революции 50-60-х годов прошлого столетия, стала причиной разрушения классической культуры Запада и распада большинства древних мировых культур⁷. Являясь одной из предпосылок возникновения современного морального кризиса, масскультура тем самым породила ещё несколько других факторов, усиливающих рост этого кризиса. Одним из таких факторов является сексуальная революция, которая основывалась на экспериментировании такой ценностью как институт семьи⁸.

Э. Фромм обращает внимание на экономические аспекты морального кризиса. Он считает, что фактором, усиливающим всемирный моральный кризис, является рыночная экономика. Когда была разработана рыночная экономика, многие думали, что именно этот сценарий развития будущего может спасти человечество от основных проблем, тогда как внутри этой экономики появились или развились нежелательные элементы, такие как неоднозначное отношение к частной собственности, вещизм, рынок личностей, постоянное ощущение неудовлетворённости и пр.⁹ Рыночная экономика, диктующая предпочтение материальных ценностей, изменила основы потребительского сознания, тем самым разрушив его основу. Э. Фромм отмечает, что человечество, потеряв свои прежние ориентиры, часто ошибалось в восприятии, усвоении и использовании материальных и духовных благ, из-за чего столкнулось не только с экономическим, но и с моральным кризисом. Другая специфика или отрицательное свойство рыночной экономики проявляется в материализации и овеществлении духовных ценностей¹⁰.

В распространении современного морального кризиса основную роль играет процесс глобализации. Ульрих Бек, пытаясь показать неоднозначность дискуссии о глобализации, отмечает, что в последние годы представители разных политических партий, поражённые и восхищённые глобализацией,

«начинают смутно догадываться, что они сами обречены стать своими собственными могильщиками»¹¹.

Список факторов, вызывающих моральный кризис, дополняет демографический фактор, с которым связана урбанизация, сильно влияющая на нравственность людей, их идеалы, интересы, цели, ценностные ориентации. Из-за того, что в основных центрах человеческой цивилизации наблюдается обесценивание нравственных норм и разрушение иерархии моральных ценностей, то этот процесс не может не влиять на духовность человечества в целом.

Среди важных факторов стоит отметить такую предпосылку современного морального кризиса, как цивилизация, о которой рассуждают О. Шпенглер и Н. Бердяев. По мнению О. Шпенглера, для развитых культур неизбежной стадией, ведущей к гибели, является цивилизация. На этой стадии подвергаются опустошению души сначала жителей мировых столиц, а потом обитателей больших городов и в конце – населения провинции, которая попала под влияние этих культур. Это состояние неизбежно приводит культуру к гибели¹². Н. Бердяев, поддерживая концепцию о разрушающей специфике цивилизации, оценивает состояние цивилизованного общества как «падшесть»¹³.

Из последних работ, посвященных проблеме современного морального кризиса и его генезиса можно отметить работу Д. Соммэра «Мораль XXI века», в котором автором представлена концепция научной основы морали. Сциентистский подход к проблеме позволил автору научно доказать выгоду нравственного образа жизни.¹⁴

Методологическое изменение общественного сознания и преобразование её методологических ресурсов в последние десятилетия являются самыми актуальными вопросами аксиологии. Эти проблемы связаны с поиском новых путей и сценариев дальнейшего развития человечества, который предстоит современной мысли. Проблема создания новых моделей развития тесно связана с переосмыслением системы общечеловеческих ценностей и обосновывается тем, что существующие системы ценностей и нормы, а также формулы развития человеческого общества при современном моральном кризисе, уже неэффективны.

Пристатейный библиографический список

1. Анисимов С. Ф. Духовные ценности: производство и потребление. – М.: Мысль, 1988. – 253 с.
 2. Бек У. Что такое глобализация? – М.: «Прогресс-Традиция», 2001. – 304 с.
 3. Бердяев Н. А. О человеке, его свободе и духовности: Избранные труды / Ред. сост. Л. И. Новиков и И. Н. Сиземская. – М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 1999.
 4. Бьюкенен П. Смерть Запада. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004.
 5. Гусейнов А. А. Золотое правило нравственности. – М.: Мол. Гвардия, 1988.
 6. Достоевский Ф. Преступление и наказание. – М.: Худ. лит., 1983.
 7. Лосский Н. О. Условия абсолютного добра. Основы этики. – Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2011.
 8. Основы философии науки. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2007.
 9. Руссо Ж. Ж. «Рассуждения. Способствовало ли возрождение науки и искусств улучшению нравов» // Ж. Руссо. Избранное. – М., 1996.
 10. Соммэр Дарио Салас. Мораль XXI века. – М.: Кодекс, 2014.
 11. Толстой Л. Анна Каренина. – Петрозаводск: Госиздат. Карельской АССР, 1960.
 12. Философский энциклопедический словарь. – М.: Сов. Энциклопедия, 1983.
 13. Фромм Э. Иметь или быть. – Киев: «Ника-Центр», 1988.
 14. Шпенглер О. Закат Европы / В 2-х томах. – М.: «Айрис Пресс», 2004. – Т. 1.
- 11 Бек У. Что такое глобализация? – М.: «Прогресс-Традиция», 2001. – 12 с.
 - 12 Шпенглер О. Закат Европы / В 2-х томах. – М.: «Айрис Пресс», 2004. – Т. 1. – С. 59.
 - 13 Бердяев Н. А. Указ. соч. – С. 168.
 - 14 Соммэр Дарио Салас. Мораль XXI века. М.: Кодекс, 2014.

4 Лосский Н. О. Условия абсолютного добра. Основы этики. – Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2011. – С. 173.

5 Бердяев Н. А. О человеке, его свободе и духовности: Избранные труды. / Ред. сост. Л. И. Новиков и И. Н. Сиземская. – М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 1999. – С. 9; Мутни М. Фалсафаи ахлоқ дар Ислом (Философия морали в Исламе). – Кум: «Муассисаи дорулқитоби исломи», 1386 хиджри. – 408 с. (на фарси).

6 Анисимов С. Ф. Духовные ценности: производство и потребление. – М.: Мысль, 1988. – 52 с.

7 Бьюкенен П. Указ. соч.

8 Гусейнов А. А. Золотое правило нравственности. – М.: Мол. Гвардия, 1988. – С. 26; <Сексуальная революция>. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki>. Дата обращения: 13.06.16.

9 Бек У. Что такое глобализация? – М.: «Прогресс-Традиция», 2001. – С. 13.

10 Фромм Э. Иметь или быть. – Киев: «Ника-Центр», 1988. – С. 104.

ЧУДИНА-ШМИДТ Наталья Витальевна

кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации

Чудина-Шмидт Н. В.

ФАКТОРЫ ЭКСТРЕМАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

В статье рассматриваются факторы, обуславливающие трансформацию внутреннего экстрима в его внешнее проявление – экстремальность. Основной целью является необходимость исследования психофизиологических особенностей человека для установления механизмов, влияющих на указанную трансформацию внутренней составляющей личности во внешнее действие, которое выражается определенными поступками.

Ключевые слова: экстрим, экстремальность, фактор, фрустрация, потребность, мотивация, самоактуализация.

CHUDINA-SHMIDT Natalya Vitaljevna

Ph.D. in Philosophy, associate professor of Humanitarian and Social-Economic Disciplines sub-faculty of the Crimean branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

FACTORS OF THE PERSON'S EXTREME BEHAVIOR

The work deals with the factors causing the transformation of the inner extreme into its external demonstration – Extremality. The main objective of the study is the need for the research of a person's psycho-physiological features in order to establish the mechanisms that affect the transformation of the inner part of the personality into an external action, which is expressed by certain acts.

Keywords: extreme; extremality, factor, frustration, need, motivation, self-actualization.

Человек XXI века заявляет о себе как человек действия, поступка, экстрима. Сегодня можно говорить о его новом типе – Homo extremality¹.

О таком состоянии перехода индивида от Homo sapiens и Homo ludens² в Homo extremality свидетельствуют те действия, которые совершает современный человек. Происходящее в мире заставляет исследователей находить основания, запускающие механизм их возникновения³. При этом не стоит забывать о плюралистичности современного научного знания и как следствие о существовании множества концепций, ставших основанием для исследования всех неординарных поступков личности, число которых постоянно растет⁴.

Анализ имеющихся на данный момент научных работ, тесно переплетающихся с заявленной в названии проблемой, показал, что в настоящее время существует довольно сложная и двойственная ситуация в исследовательском поле рассматриваемой проблемы. С одной стороны, в науке представлено множество теорий и подходов, направленных на ее разработ-

ку, а с другой стороны, отсутствует однозначное, четкое и лаконичное понимание происходящего.

Многие мыслители современности не могут прийти к единому мнению в отношении источника нестандартных, хаотичных, импульсивных действий человека. В результате появляются теории, обосновывающие данный факт с позиций разных наук. Так, в психологии это называется девиацией, аддикцией. В физиологии подобное явление рассматривается как склонность к агрессии. С позиции социологии это маргинализм, современного философского дискурса – склонность к риску, пассионарность и т. д.

В рамках настоящей статьи данная проблема будет рассматриваться с позиции философии «экстрима», который выступает «критической точкой» накопления биоэнергии, способной трансформироваться в экстремальность. Исходя из этого следует, что экстрим свойственен человеку как его энергетическая составляющая. Таким образом, причины нестандартного, хаотичного, эксцентричного, и, следовательно, экстремального поведения индивида необходимо искать в его психофизиологических особенностях.

Объектом исследования является экстремальное поведение человека, предметом выступают факторы, влияющие на трансформацию экстрима в его проявление – экстремальность.

В связи с тем, что факторы трансформации экстрима в экстремальность заложены в психических механизмах индивида, необходимо выделить несколько условий возникновения внутреннего экстрима. К ним относятся следующие: способность накапливать энергию внутри себя, а не растрчивать ее, способность переживать сильный эмоциональный «всплеск» и, наконец, способность достигать максимального уровня - уровня критической точки. Для осуществления данных условий личность должна обладать теми характеристиками, которые способствуют трансформации «критической точки»

1 Чудина Н. В. Homo extremality – человек XXI века // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – Симферополь, 2014. - Т. 27. - № 1-2 (66). - С. 99-104.

2 Хейзинга Й. Homo Ludens. Статьи по истории культуры. - М.: Прогресс - Традиция, 1997. - 416 с.

3 Буткевич С. А. Обеспечение общественной безопасности в Республике Крым: проблемы теории и практики // Проблемы переходного периода: адаптация нормативно-правовых актов Крымского федерального округа к законодательству Российской Федерации. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, приуроченной к годовщине вхождения Республики Крым и города федерального значения Севастополя в состав Российской Федерации. – Симферополь, 2015. - С. 185-191.

4 Коношлева А. А. Детерминанты межкультурных взаимодействий в Республике Крым // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2015. – № 8-3 (58). – С. 118-121.

именно в экстремальную деятельность, а не в пассивное бездействие.

Учитывая изложенное, можно выделить несколько факторов трансформации экстрима в экстремальность: невозможность достижения необходимой потребности; подавление самоактуализации личности; фрустрация и защитные механизмы психики и сбой в их работе.

Потребности человека стали объектом исследования американского психолога А. Маслоу. Его идеи легли в основу теории иерархии потребностей, ключевым моментом которой выступает проблема мотивации. В своих работах исследователь отмечал, что человек мотивирован на поиск личных целей, что делает его жизнь значимой и осмысленной⁵. Индивид предстает как «желающее существо», редко достигающее состояния абсолютного удовлетворения своих потребностей. Следовательно, отсутствие желаний и потребностей у человека является недолговечным. В случае удовлетворения одной потребности возникает следующая, полностью занимающая индивида. После того как она будет удовлетворена, появляется новая, также требующая удовлетворения. Таким образом, жизнь человека характеризуется постоянной необходимостью удовлетворения своих желаний. А. Маслоу отмечает, что все потребности человека организованы в иерархическую систему приоритета или доминирования. Данная система присуща каждому индивиду. И чем выше он поднимается по ней, тем большую степень индивидуальности, психического здоровья и человеческих качеств демонстрирует. При этом ученый допускает, что существуют люди, потребности которых не создают иерархическую систему. К ним относятся те, кто может развивать и выражать свой талант вопреки серьезным трудностям и социальным проблемам. В условиях невозможности удовлетворения потребностей любого уровня у индивида происходит накопление негативных эмоций, что приводит к постепенному возрастанию агрессивности по отношению к тем условиям, которые не позволяют удовлетворить потребности. Если эту проблему не решить, то накопление внутреннего недовольства наряду с возрастающей агрессией приведет к «всплеску» внутренней энергии. В такой ситуации человек склонен совершать несвойственные для него поступки по отношению к окружающим, которые определены в рамках исследования как экстремальные.

Не менее важным фактором трансформации экстрима в экстремальность является подавление самоактуализации, так как большинство людей нуждается в совершенствовании, ищут его. Побуждение к реализации потенциалов является естественным и необходимым. И только некоторые способны их реализовать (по мнению А. Маслоу, менее 1% всего населения)⁶. Такая ситуация складывается отчасти потому, что большинство людей не видит потенциала своего развития. Они не подозревают о его существовании, поэтому не считают, что в их самосовершенствовании есть польза. В результате люди склонны сомневаться и бояться своих способностей, снижая свои шансы в самоактуализации. Данное явление А. Маслоу назвал комплексом Ионы, который характеризуется страхом успеха, что мешает человеку стремиться к самосовершенствованию. К тому же окружение зачастую подавляет

тенденцию к самоактуализации, используя нормы. Примером может служить стереотип настоящей мужественности. Такие человеческие качества, как доброта, мягкость, сочувствие и нежность, по мнению большинства, мешают мужчинам, так как существует традиция рассматривать их как «немужественные». Исходя из сказанного, можно сделать вывод о том, что актуализация потенциалов возможна только при «хороших условиях», точнее в «способствующем» обществе, дающем возможность раскрыть свой потенциал наиболее полно. Последним препятствием для самоактуализации может выступать сильное, негативное влияние, оказываемое потребностями безопасности. Рост требует постоянной готовности рисковать, ошибаться, отказываться от старых привычек. Следовательно, все, что порождает тревогу и страх, увеличивает тенденцию возвращения к безопасности и защите.

Такой акцент на будущем с учетом внимания к ущербу, который наносится личности в настоящем, является крайне важным. В связи с этим следует упомянуть предложенную Э. Фроммом революционную концепцию «гуманистического» сознания как восприятия отклонения от пути развития или самоактуализации⁷. Сопоставимость понятий «угроза» и «торможение развития» влечет за собой возможность создания такой ситуации, при которой на данный момент она не представляет субъективной угрозы, однако в будущем чревата угрозой или торможением развития. В результате складывается ситуация внутриличностного конфликта, когда индивид видит себя в определенной роли, а объективные условия не дают возможности это осуществить. То есть возникает первоначальный конфликт между человеком и условиями, не позволяющими ему достичь своей цели. В такой ситуации индивид получает толчок к экстремальному поведению как реакции на невозможность достижения своей цели.

Третьим фактором трансформации экстрима в экстремальность выступает фрустрация, при рассмотрении которой можно допустить ошибку, уделив внимание только отдельным органам человека или аспектам личности. По сей день сохраняется традиция говорить о фрустрации как об особом состоянии человека. Обычно определение фрустрации включает понятия неполучения желаемого или возникновения помех осуществления желания. Такое определение не в состоянии ограничить депривацию, важную для организма, с депривацией, представляющей угрозу для личности, ее жизненных целей, защитной системы, самоуважения, самоактуализации, то есть для удовлетворения базовых потребностей. Отсюда следует, что феномен фрустрации тесно переплетается с различными ситуациями, угрожающими человеку, а не только с депривацией. Результаты фрустрации чаще всего являются последствиями других видов угроз, таких, как нанесение травмы, поражение мозга, конфликт, физическая угроза, болезнь и т. д.

Последним из выделяемых факторов трансформации экстрима в экстремальность является сбой защитных механизмов психики. В условиях возникновения сложных ситуаций и проблем человек старается их решить. Если это не получается, то он склонен обращаться за помощью к другим. Проблемы, возникающие в жизни человека, бывают внешними и внутренними. Вторые сложнее, так как признаваться в их существовании не хочется даже самому себе, поскольку это неприятно и больно. Люди по-разному реагируют на внутренние трудности. Одни стремятся к подавлению своих склонностей путем

5 Маслоу А. Мотивация и личность. – СПб.: Питер, 2003. – 351 с.; Чудина-Шмидт Н. В. Влияние ценностей на снижение уровня экстремального поведения // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2015. – № 9-2 (59). – С. 197-200.

6 Маслоу А. Указ. соч.

7 Райгородский Д. Я. Психология личности: Хрестоматия. – Т. 2. – Самара: БАХРАХ-М, 2004. – 544 с.

их отрицания. Другие вычеркивают из памяти травмирующее их событие, при этом ведут поиск выхода путем самооправдания и снисхождения к своим «слабостям». Третьи пытаются исказить действительность, занимаясь самообманом. И все это они делают искренне, поскольку таким образом человек старается защитить свою психику от болезненного перенапряжения и помочь ему в этом могут защитные механизмы, выступающие в качестве системы регуляторных механизмов. Они служат для устранения или сведения к минимуму переживаний, травмирующих личность. Такие переживания в основном связаны с конфликтами: внутренними или внешними. Их могут вызывать тревога или дискомфорт. В таком случае механизмы защиты призваны сохранить стабильность самооценки человека, его образ «Я» и образ окружающего мира, что может быть достигнуто двумя путями: устранением из сознания источника конфликтных переживаний или трансформацией конфликтного переживания таким образом, чтобы не допустить возникновения конфликта.

На настоящий момент известно более 20 видов защитных механизмов. Все они делятся на примитивные и вторичные, среди которых можно выделить вытеснение, проекцию, отрицание, рационализацию, сублимацию, регрессию и т. д.

Для разрешения внутреннего конфликта индивид использует комплекс защитных механизмов, которые служат одной цели: сохранить целостность представлений о себе и о мире.

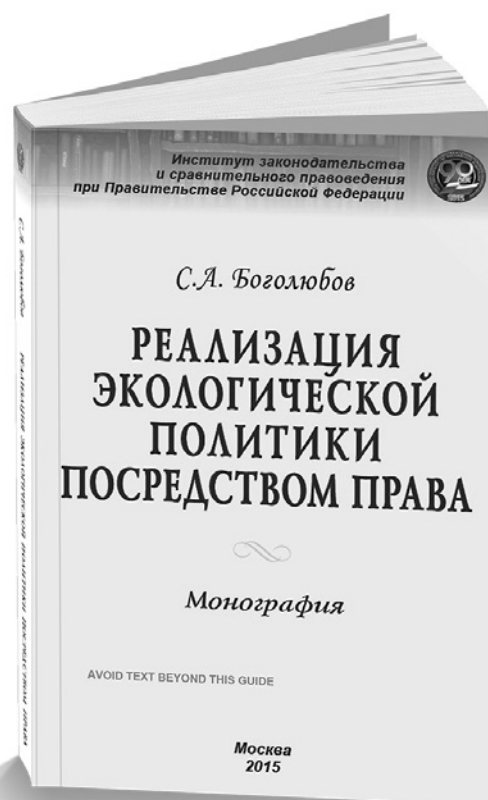
Если человек не может справиться с возникающими трудностями, конфликтом или угрозой при помощи защитных механизмов, тогда возникает вероятность роста внутреннего напряжения, которое может дойти до крайней точки своего накопления, и тогда включается механизм трансформации экстрима в экстремальность.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что при определенных условиях мотивация потребности, подавление самоактуализации, фрустрация и сбой в работе защитных механизмов психики выступают факторами трансформации внутреннего экстрима во внешнее проявление – экстремальность.

Пристатейный библиографический список

1. Бондаренко Г. В. Правовые ценности в системе ценностных ориентаций личности // Евразийский юридический журнал. 2014. № 7. С. 209-210.
2. Буткевич С. А. Обеспечение общественной безопасности в Республике Крым: проблемы теории и практики // Проблемы переходного периода: адаптация нормативно-правовых актов Крымского федерального округа к законодательству Российской Федерации. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, приуроченной к годовщине вхождения Республики Крым и города федерального значения Севастополя в состав Российской Федерации. – Симферополь, 2015. – С. 185-191.
3. Коноплева А. А. Детерминанты межкультурных взаимодействий в Республике Крым // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики / А. А. Коноплева. – Тамбов, 2015. – № 8-3 (58). – С. 118-121.

4. Маслоу А. Мотивация и личность. - СПб.: Питер, 2003. – 351 с.
5. Райгородский Д. Я. Психология личности: Хрестоматия. – Т. 2. – Самара: БАХРАХ-М, 2004. – 544 с.
6. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М.: Республика, 1994. – 447 с.
7. Хёйзинга Й. Homo Ludens. Статьи по истории культуры. – М.: Прогресс - Традиция, 1997. – 416 с.
8. Чудина Н. В. Homo extremality – человек XXI века // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – Симферополь, 2014. – Т. 27. – № 1-2 (66). – С. 99-104.
9. Чудина-Шмидт Н. В. Влияние ценностей на снижение уровня экстремального поведения // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2015. – № 9-2 (59). – С. 197-200.

СМАКАЕВ Азамат Фаритович

аспирант кафедры социальной философии факультета философии и социологии Башкирского государственного университета

КУЛЬТУРА ПОТРЕБНОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА К МИРУ И СОВРЕМЕННАЯ ЭПОХА ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье исследована культура потребностного отношения человека к миру, существенным элементом которой выступает сама стихия народной жизни, которая отличается некоей «недвойственностью». Автор исходит из того тезиса, что подлинный интерес человека к миру связан с пластичностью не только его телесного мира, но и мира духовного. В связи с этим, исследователь делает вывод о том, что человек призван постоянно наращивать свое потребностное отношение к миру и, тем самым, устремляться к той естественности, с которой связан «душевный» и культурный мир человека, развитие его сущностных сил.

Ключевые слова: потребностное отношение, глобализационные отношения, стихия народной жизни, «недвойственность» духовной жизни, пластичность телесного и духовного мира, внутренний мир человека.

Смакаев А. Ф.

SMAKAEV Azamat Faritovich

postgraduate student of Social Philosophy sub-faculty of the Faculty of Philosophy and Sociology of the Bashkir State University

THE CULTURE OF CONSUMERISM RELATIONS OF MAN TO THE WORLD AND THE MODERN ERA OF GLOBALIZATION RELATIONS

The article examines the culture of consumerism relations of man to the world, an essential element of which is the very element of national life, which is some kind of "nonduality". The author proceeds from the thesis that the true interest of man to the world is associated with the plasticity not only of his physical world but the spiritual world. In this regard, the researcher makes the conclusion that man is intended constantly to increase their requirement of relationship to the world, and thereby to aspire to the naturalness, which is associated with the mental and cultural world of man, the development of its intrinsic forces.

Keywords: the attitude of consumerism, the globalization of relations, elements of national life, "nonduality" of the spiritual life, the plasticity of bodily and spiritual world, the inner world of man.

Человек имеет потребности, которые разделяются на разумные потребности, связанные с возвращением народов к своим собственным корням, с заменой способа жизни духовным смыслом, и на потребности неразумные, низводящие самого человека до уровня простой чувственности. Эти последние связаны с лишением человека надежды на будущее.

Люди в эпоху глобализации хотя и стремятся к развитию науки и иных способов освоения мира, тем не менее, сама человеческая мысль отбрасывается в неизведанные дали. Эта неизведанность протестует против своекорыстного использования науки, когда людям легко достаются земля и хлеб. В результате оказывается, что наука выступает для человека не каким-то побочным занятием, а весьма существенной формой деятельности, неким выходом, открытым для избытка творческих сил.

Сама культура потребностного отношения человека к миру не нуждается ни в тени высокомерия, холода «души». Потребностное отношение человека всегда его радует. Но стремление человека к миру означает нечто большее, чем его веселый нрав. Человек, охваченный духом потребностного отношения к миру, обнаруживает себя в «самоумалении». Человек предназначен к тому, что как бы «прозревает» себя благодаря знанию «предела в себе»¹. Человек, объятый культурой потребностей, ищет, в конечном счете, покоя духовного, но он, тем не менее, вмещает в себя мир и кажется весьма странным только тем, кто отворачивается от самой жизненной непосредственности самих ищущих духовного бытия людей.

Современная эпоха глобализационных перемен сторонится самих выразительных средств ритуала. Эпоха глобализации, конечно, основана на нравственно-оправданной рефлексии ее субъектов. Но эпоха глобализационных отношений делает, все же, действие, предписанное традицией, нормой этического и эстетического осмысления человеческой жизни.

Как бы ни стремились отдельные индивиды упорядочивать темп своей духовной, социальной жизни, каким бы образом ни изменяли саму систему образования, общество не сможет вырваться из «тисков» научно-технического прогресса, который развивает бешеную скорость. Но технический прогресс трудно остановить, трудно вообще вернуться к природному состоянию. Сами потребности и интересы людей должны быть эластичными, чтобы сопротивляться технократам. Последние всегда довольствуются тем, что между человеческим и духовным в действительности нет никакого «зазора». Но потребностное отношение человека к миру, как правило, оказывается лишенным вкуса к «созерцанию» весьма статичных социальных форм. Напротив, подлинный интерес человека связан с пластичностью не только его телесного мира, но и мира духовного, который сопряжен с преодолением разрушения форм архаического ритуала, с преодолением самой власти традиции, которая далеко не всегда связана с интересом человека к «созерцанию», силой стремления к «скрытой» сущности вещей, к самому «растворению» человека в объекте своего созерцания.

Культура потребностного подхода основана на стремлении человека осмыслить реальность в двух основных измерениях – трансцендентном и имманентном. Потребность устремлена к новому вопрошанию человека о мире, а также о себе. Но потребность не только приоткрывает нравствен-

1 Малявин В. В. Мудрость «безумных речей». О духовном наследии Чжуан-цзы // Чжуан-цзы: Даосские каноны. – М.: ООО «Издательство АСТ». – 2002. – С. 7.

ное измерение сознания человека, но и его трансцендентную значимость. В данном отношении культура потребности выстраивается на идее этической связи внешнего и внутреннего в человеке и его культурной жизни. Конечно, трудно, в данном отношении, настаивать на публичном характере нравственного действия. Люди, потребляющие многое в этой жизни, часто пребывают в одиночестве. Но они, в целом, направлены на реализацию нравственного идеала, на идеального человека, который, в целом, преодолевает потребностное отношение к миру и основывает свое будущее на подлинном духовном интересе, который детерминирован самой культурой как неким синтезом спонтанных человеческих сил и форм жизни, которые еще должны проявиться в настоящем бытии, а также в отдаленном будущем.

Потребность, а не потребительский дух, делает человека человеком. Ведь потребительство лишает индивида морального усилия и верности традиционным формам. Но сама потребность человека в культурной традиции делает его «хозяйном» самого себя, она мобилизует все нравственные силы и делает человека неким «мостом» к самому себе.

Потребностное отношение человека к обществу не замыкается на чисто потребительском духе. Этот дух не может проявить свою сущность в процессе наполнения субъектом самого себя, а тем самым путем поиска себя, который, разумеется, превосходит в духовном плане все субъективные тенденции.

Именно «потребность», а не «потребительство» раскрывает внутренний мир человека с присущими ему понятиями ответственности, морального раскаяния и нравственного выбора. В данном отношении современная нам эпоха становления глобализационных отношений, где потребность, благодаря усилению прагматического духа, оказывается лишенной жизненной энергии всего социального космоса. А это мешает потребности занять центральное место в мире экономических, культурных и духовных отношений.

Само потребностное отношение человека к миру становится в настоящее время важнейшим элементом духовной, культурной традиции. Если потребность человека превращается в потребительство, то разрушается не только обыденная, но и сама элитарная культура, которая сближает воинов и аристократов узлами преданности.

Культура потребления связана со сферой администрирования и политики. Но в любом обществе есть странствующие интеллектуальные деятели, которые ищут применения своим талантам. Люди стремятся удовлетворить свои амбиции при дворах правителей. Само потребительство стремится внушить государям больше доверия, чем это делают аристократы, которые отстаивают свои наследственные привилегии. «Некоторые из них, найдя приют на чужбине, без колебаний поднимали руку даже на свое родное царство»². Но чиновники-потребители уничтожают свою мудрость, приобщаясь к общему кругу идей. Они заняты лишь тем, чтобы свои потребности водворять в поднебесный порядок.

Само потребностное отношение человека к миру, имеющее политический и моральный авторитет, имеет свои теневые стороны. Подлинная потребность человека, особенно в эпоху глобализационных перемен, требует от «власть имущих» особого внимания. Потребность в своем духовном и социальном измерении требует отказа человека от почестей. Она сторонится корыстолюбия и духа тщеславия. Люди, обремененные потребностным отношением к миру, рождаются и становятся достойными «мужами». Они сторонятся претензий на собственную исключительность. Хотя, в целом, стремятся к публичному признанию. Но, тем не менее, человек, который утверждает свою независимость в отношениях с государем, открыто бросает вызов его государственным полномочиям. Поэтому сама социальная потребность, отличная от потребительского духа, оказывается вовлеченной в игру, которая нуждается в деликатном отношении людей друг к другу.

Нам думается, что само обращение философов к идее разумного потребления, как правило, предполагает «равное» отношение к вещам социума. Сама потребность человека, как некая разумная сила, нуждается в рациональном. Потребительство же всегда требует духа «индивидуализма». А этот дух, как известно, проявляющийся помимо всего прочего, оказывается оппозиционным осознанию человеком своего морального долга. Индивидуалистический дух, на наш взгляд, оказывается несовместимым с верой в мирное разрешение социальных и политических конфликтов.

Потребности человека, как и его интересы, есть нечто весьма хрупкое и несовершенно. Но «потребительство» есть нечто агрессивное, которое скрывается за параноидальным духом людей, которые, сами того не осознавая, стремятся к казенной регламентации, а в сущности, к деспотическому порядку. Необходимо, поэтому, заметить, что внешнее «насилие» есть не более чем продолжение внутреннего, духовного насилия. Кажущаяся немотивированность этого душевного насилия весьма обманчива, поскольку сам источник насилия состоит в стремлении абсолютизировать ценности, определить себя и весь мир.

Потребительский дух возникает в тот момент, когда люди начинают призывать осуществлять добро ради добра. В результате, любой дискурс, несущий на себе пятно данного «первичного» насилия, выступает определенной мерой отчуждения человека от мира и от самого себя. Дискурс оказывается ничем иным, как проявлением духовного бессилия человека.

Потребность человека в светлом и гуманном сообществе людей всегда устремлена к культурным достижениям, так что само общество не может величественные проекты общественного спасения превратить в сферу человеческой беспомощности. Эта беспомощность, конечно, никогда не может явиться свободной жизнью для каждого живого существа. То отрицание искусственных разграничений, которое связано с технической цивилизацией, находит себя в самой апологии ценности жизни, как она существует и является весьма значительным фактором в интеллектуальной жизни самого человека.

Культура потребления человека в современную нам эпоху отличается нежертвенностью из данного человеку природного отношения, которое перестает отличаться духом внешней приобретательности. Потребность человека проявляется в творчестве, которое сопротивляется духу интеллектуальной элиты. Потребительство же, хотя и охотно обращается к образам, почерпнутым из эзотерической практики аскетов, тем не менее, не ищет спасения в безлюдных просторах мысли. Следовательно, культура потребления не состоит в том, чтобы выбрать тот или иной «принцип», а в том, чтобы преодолеть содержательную ограниченность всякого принципа.

Потребительство всегда состыкуется с духом гедонизма и подсчета убытков и выгод в жизни. Но потребность, замешанная на духовном интересе, призвана возвращать саму жизнь. Потребностный подход есть существенная предпосылка преодоления любой формальности, любой попытки «универсализации» частного интереса. Потребностный подход, таким образом, связан с профилактическим интересом преодолеть неумную силу кризиса доверия к человеку. Потребность человека, связанная с творческим стремлением последнего к преодолению застывших жизненных форм, не исчерпывает самой социальной жизни готовыми понятиями. Человек должен постоянно «вращивать», наращивать свое потребностное отношение к миру и, тем самым, устремляться к естественному движению, с которым связан культурный, «душевный» мир самого человека, его сущностные силы.

Пристатейный библиографический список

1. Малявин В. В. Мудрость «безумных речей». О духовном наследии Чжуан-цзы // Чжуан-цзы: Даосские каноны. – М.: ООО «Издательство АСТ». - 2002.
2. Фролов И. Т. О человеке и гуманизме: работы разных лет. – М.: Политиздат, 1989. – 559 с.

Уважаемые авторы! Редакция журнала готова принять к публикации ваши произведения (статьи, информационные сообщения, обзоры научных конференций, круглых столов, интервью, рецензии и т. п.) при соблюдении следующих требований:

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ

(разработаны в соответствии с Информационным сообщением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ от 14.10.2008 г. No 45.1-132)

1. К публикации принимаются только материалы, соответствующие профилю научного периодического издания, т. е. только материалы юридической тематики. Они должны быть актуальными, новыми, иметь научную и практическую значимость.
2. Статьи представляются в электронном виде (по электронной почте на адреса eurasialaw@mail.ru, eurasianoffice@yandex.ru) либо в письменной форме в адрес редакции с приложением электронного варианта работы на дискете или компакт-диске.
3. Объем публикации — до 1 а. л. (40 000 знаков с пробелами). В случае представления материала, большего по объему, чем предусмотрено настоящим Порядком, редакция оставляет за собой право сократить его или вернуть автору для сокращения.
4. Шрифт основного текста работы — 11 pt шрифт Georgia через 1 интервал. Курсив, выделение, подчеркивания в основном тексте не допускаются. Формат документа: MS WORD 1997–2010 (.doc). Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора (например: Иванов В. В.doc). Поля документа: верхнее — 2, нижнее — 2, левое — 2, правое — 1. Переносы проставляются автоматически. Все материалы представляются в одном файле.
5. На первой странице (над названием статьи) в левом верхнем углу указывается фамилия и инициалы автора (11 pt) полужирным шрифтом Georgia через 1 интервал. Название статьи печатается после ФИО автора 10 pt полужирным курсивным шрифтом Georgia через 1 интервал в левом верхнем углу. Страницы не нумеруются. Основной текст, текст сносок, текст аннотаций и ключевые слова выравниваются по ширине страницы.
6. После фамилии автора и названия статьи через один интервал необходимо поместить текст аннотации статьи на русском языке (не более 0,5 страницы текста, набранного через 1 интервал) и ключевые слова (3–10 слов) — шрифт Georgia 11 pt курсив. Затем через один интервал в левом верхнем углу следует указать фамилию и инициалы автора и название работы на английском языке (полужирный шрифт Georgia 11 pt через 1 интервал), далее — резюме и ключевые слова на английском языке (шрифт Georgia 11 pt, курсив).
7. Кавычки в тексте и в сносках проставляются в едином формате в следующем виде: « ».
8. Сноски и примечания помещаются постранично, со сквозной нумерацией и оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008, а в необходимых случаях согласно ГОСТ 7.1–2003 и практике ЕврАзЮж по оформлению сносок в неучтенных ими случаях. Шрифт сносок — 8 pt Georgia через 1 интервал. При оформлении сносок следует указывать фамилию и инициалы автора работы, ее название, год издания, номер страницы, иные сведения. Все библиографические элементы иностранных источников следует указывать на языке оригинала, по возможности избегая аббревиатур. При использовании электронных ресурсов сети Интернет следует указывать заголовок титульной страницы ресурса (<в угловых скобках>), полный адрес местонахождения ресурса и (в круглых скобках) дату последнего посещения веб-страницы.
9. После завершения статьи необходимо привести Пристатейный библиографический список, то есть список работ, цитировавшихся автором в представленном к публикации материале, шрифтом Georgia 10 pt.
10. Диаграммы, таблицы, рисунки должны прилагаться к статье в формате JPG (JPEG).
11. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.
12. В конце следует привести справку об авторе с указанием фамилии, имени, отчества, должности и места работы (учебы), ученой степени и (или) звания, а также контактную информацию, которую автор желает сообщить о себе. Эти сведения публикуются в журнале. В справке отдельно от вышеуказанных сведений также следует указать почтовый индекс, адрес, номер контактного телефона, адрес электронной почты. Эти сведения в журнале не публикуются и необходимы для связи сотрудников редакции с Вами.
13. Представляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует правильность всех сведений о себе, отсутствие плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций.
14. В случае если статья (материал) одновременно направляется в другое издание либо была опубликована ранее, автор должен сообщить об этом в редакцию при представлении материала.
15. Убедительно рекомендуем авторам тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, правильность написания соответствующих юридических терминов и оформления текста работы и ссылок. Редакция настоятельно просит авторов проверять соответствие представленного материала настоящим Правилам, а также электронные файлы — на отсутствие вирусов.
16. Статьи в обязательном порядке рецензируются членами редакционного совета журнала в соответствии с профилем представленной работы и (или) привлеченными редакцией учеными или специалистами в соответствии с порядком рецензирования рукописей.
17. Редакция по электронной почте сообщает автору результаты рецензирования, по его просьбе отправляет текст рецензии, а в случае отрицательной рецензии на представленную работу возвращает ее текст автору. Отрицательная рецензия является основанием для отказа в публикации текста представленной работы.
18. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Публикация аспирантов осуществляется в порядке очереди.
19. Гонорар за публикации не выплачивается (кроме случаев опубликования статьи, подготовленной по заказу редакции и в соответствии с заключенным договором). Автор получает один бесплатный экземпляр журнала при условии указания им своего адреса и просьбы о высылке экземпляра. В этом случае экземпляр будет направлен почтой.
20. Авторы передают редакции исключительное право на использование произведения следующими способами: воспроизведение статьи (право на воспроизведение); распространение экземпляров статьи любым способом (право на распространение); перевод статьи (право на перевод). Представление материала, поступившего в адрес редакции, является конклюдентным действием, направленным на возникновение соответствующих прав и обязанностей. Согласие автора на опубликование материала на указанных условиях, а также на размещение его в электронной версии журнала предполагается. Редакция оставляет за собой право размещать материалы и статьи журнала в электронных правовых системах и иных электронных базах данных. Автор может известить редакцию о своем несогласии с подобным использованием его материалов при представлении материала или не позднее даты подписания соответствующего номера в печать. Редакция оставляет за собой право вносить в текст незначительные изменения без согласования с автором.
21. В случае нарушения предъявляемых к оформлению требований материал может быть возвращен автору на доработку. Рукописи, направленные автором на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок. О внесенных изменениях автор должен сообщить в прилагаемом к рукописи письме. В случае несоблюдения автором предъявляемых требований редакция имеет право отклонить представленный автором материал с мотивированным объяснением причин такого отказа.